

**Святитель Филарет, митрополит
Московский: его жизнь и деятельность на
Московской кафедре по его проповедям, в
связи с событиями и обстоятельствами
того времени (1821–1867 гг.)
профессор Иван Николаевич Корсунский**

Вступление. Московский период (1821–1867 годы) проповеднической деятельности митрополита Филарета (Дроздова)

В 1821 году, когда святитель Филарет был еще архиепископом Ярославским, вследствие кончины митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Михаила (Десницкого), последовавшей 24 марта сего года, естественно возникли слухи о предстоящих переменах в Российской иерархии, причем в числе кандидатов на одну из имевших открыться вакансий называли и Филарета.

Об этих слухах между прочим в частном письме известил Филарета товарищ его по Троицкой лаврской семинарии, а теперь подчиненный ему ректор Ярославской духовной семинарии и настоятель Толгского монастыря архимандрит Гавриил (Розанов). На письмо Гавриила Филарет от 22 апреля означенного года отвечал между прочим следующее: «Не искушайте меня никакими предсказаниями. Долго ли между бурь? Надобно спешить к пристани»¹. В последних словах этого ответа как бы сказалось некоторое предчувствие имевшего скоро последовать перемещения святителя Ярославского на кафедру его родины – Москвы, где и обрел он себе «тихую пристань» после долгих лет скитальчества по местам, чуждым Московской епархии, на которую готовил его в святители духовный отец и первый рукоположитель его, митрополит Московский Платон (Левшин), и в которой вообще было для него так много дорогого.

Несмотря на интриги, с помощью которых завистники Филарета усиливались устроить перевод его в отдаленную от столиц Грузию на место Феофилакта (Русанова)², давний покровитель Филарета, министр духовных дел и народного просвещения, князь А. Н. Голицын, устроил перевод Московского митрополита Серафима (Глаголевского) на место покойного Михаила в Петербург, а Филарета – на место

Серафима в Москву³. В № 64 *Московских Ведомостей* за 1821 год (от 10 августа) читаем: «На поднесенном от Святейшего Правительствующего Синода докладе, в котором представлены были кандидаты на открывшуюся в Московской епархии архиерейскую вакансию, с присутствием, кто из них Высочайше утвержден будет, в тамошней синодальной конторе и с получением положенного по штату оной жалования, собственного Его Императорского Величества рукою в 3-й день июля 1821 года написано тако: быть Московским архиепископом и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандритом преосвященному Филарету Ярославскому. Александр». С тех пор и по день блаженной кончины своей, последовавшей 19 ноября 1867 года, святитель Филарет, до 1826 года в сане архиепископа, а с 1826 года в сане митрополита, твердо держал кормило правления церковного, как бы зная только одну эту пристань, к ней поспешая и в ней находя успокоение от бурь и треволнений жизни.

А это продолжалось таким образом более нежели 46 лет. 46 с лишком лет первосвятительства на одной из старейших кафедр Русской Церкви; 46 с лишком лет управления делами Церкви не только Московской, но и всей Русской⁴; 46 с лишком лет непрерывного, неустанного и разнообразного труда среди всех треволнений и бурь, какие приходилось ему испытывать в столь долгий период времени, и при таком хилом здоровье, каким с детства отличался Филарет! Поистине, только благодатная помощь Божия могла произвести такое небывалое явление в Русской Церкви: *сила бо Моя, сказано, в немощи совершается* (2Кор.12:9). Поистине, только будучи достойным сосудом благодати Св. Духа великий в малом теле, Филарет мог пройти столь длинное поприще не только без ущерба своему достоинству, но и со славою, перешедшею далеко за пределы России, поставившею его имя наряду с именами вселенских учителей Церкви, как то показали знаменательные 1867 и 1882–1883 годы. Как в 1867 году, по случаю исполнившегося 50-летия служения Филарета в епископском сане и по случаю кончины его, так и в 1882–1883 году, по случаю исполнившегося 100-летия со дня рождения, это засвидетельствовали не только

сыны Русской Церкви, но и представители старейших святительских кафедр Церкви вселенской.

Между прочим, одно из близко знавших святителя при жизни его лиц Московского духовенства, по случаю 100-летнего юбилея Филарета, в своей проповеди весьма удачно применило к нему слова его же проповеди, произнесенной еще в 1811 году, о дарах Святого Духа. В проповеди этого лица Филарет изображается как облеченный силою свыше, как святитель, в котором «обитал дух величия, которое, по собственным его словам, не есть ни слепая отважность, ни гордость, покрытая пышностью, ни блеск естественных добродетелей, нечистых в своем источнике, но истинная возвышенность мыслей, занятых Богом, обширность видов, ограничивающихся одною вечностью, благородство чувствований, рожденных и воспитанных словом Божиим; – обитал дух силы, с которым христианин есть добрый воин, облеченный во всеоружие Божие (Еф.6:11), могущий вся о укрепляющем его Иисусе Христе (Флп.4:13), силою восхищающий царствие Божие (Мф.11:12); – обитал дух смирения, которое есть добродетель не блистательная, но высоко ценится пред Богом (1Пет.5:5)⁵. Вития, «для краткости», изобразил только эти черты благодатного присутствия Духа Божия в великом святителе Московском.

Но к последнему одинаково приложимы и все те черты, которыми в слове Божиим (Ис.11:2–3; 1Кор.12:8 и далее) описывается облагодатствованный человек. Ибо и дух *премудрости и разума*, и дух *совета и крепости*, и дух *ведения и благочестия*, и дух *страха Божия* обитал в святителе, в котором, по словам другого лица, также близко знавшего владыку, сказанным с церковной же кафедры под живым впечатлением жизни и блаженной кончины его в 1867 году, «всякую минуту была видна заботливость о том, чтобы быть достойным сосудом благодати и ни словом, ни делом не уронить своего достоинства»⁶. Короче сказать, Филарет сам весь был «дух», по меткому выражению еще одного близкого к нему и также компетентного лица⁷; и по кончине его недаром слышались голоса и читались слова удивления и недоумения по поводу сей кончины от утвердившейся долговременным

опытом привычки видеть неземной образ святителя и слышать духовное слово из уст его. Только кончина святителя показала, что он был также человек, облеченный плотью, хотя и на земле почти одухотворенною высокими иноческими подвигами.

«Митрополита Филарета не стало! – взывал по кончине его недавно почивший великий русский мыслитель-публицист И. С. Аксаков.⁸ – Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу, – сила, созданная не извне, порожденная мощью личного духа, возросшая на церковной народной почве. Обрушилась громада славы, которою красовалась Церковь и утешался народ. Отжита на век та величавая, долгая современность, что обняла собою пространство полвека, что пребыла длинный ряд событий и поколений и как бы уже претворилась в неотъемлемое, историческое достояние Москвы, в ее живую стихию, которой, казалось, ей не избыть и во веки... Угас светильник, столетия светивший на всю Россию, не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением лет и выступая ярче, по мере надвижения сумрака жизни. Смежилось не усыпающее око мысли. Прервалось полу-столетнее назидание всем русским людям – в дивном примере неустанно бодрствующего и до конца бодрствовавшего духа. Смолкло художественно важное слово, полвека и более полвека раздававшееся в России, то глубоко проникавшее в тайны Богопознания, то строгой и мощной красотой одевавшее разум Божественных истин!»⁹

Последние из приведенных слов истинно художественного изображения личности и значения почившего святителя Московского прямо затрагивают то, что составляет главный предмет нашего настоящего исследования. «Угас светильник», – как бы продолжая речь Аксакова, говорил за то же печальное время 1867 года еще один церковный вития, – «от которого свет истинного боговедения и высокой доблести духовной распространялся до отдаленнейших пределов Церкви восточной и даже достиг иноверных, ищущих православия; умолкли уста, из которых каждое исходившее слово было

правилом веры и законом для жизни и деятельного служения Богу и человечеству во всяком его виде. Но что же угасло? Угасло горевшее вещество, а самый свет, который озарил пред миром глубину истин и веры и высоту жизни христианской, – он не может угаснуть, от него остались немерцающие лучи, общее драгоценное достояние всех родов и времен. Сомкнулись уста: а слово, изшедшее из них, облетело весь мир христианский, сделалось символом православия, воплощением духовной мудрости, ключом для разрешения недоумений, печатью истины, неистощимым назиданием для паствы, неизменным руководством для пастырей»¹⁰.

Подлинно так. Пишущий эти строки сам не имел счастья ни видеть лично, ни слышать слово из уст великого святителя Московского Филарета, проживая, во дни жизни его, вне пределов Московской епархии. Но внимая слову его, заключенному в письмени, и прислушиваясь к письменным и устным словам других лиц, более или менее близко знавших и чтивших в Бозе почившего святителя, он также мало-помалу начинает проникаться духом присутствия его, ощущать это присутствие так, как бы и видел лично святителя и слышал слово из уст его. А между тем кто же будет спорить против того, что из всех видов слова, оставленного святителем на память потомству в письмени, слово *проповеди* было одною из важнейших отраслей его долговременного служения Церкви и Отечеству?

Недавно окончено изданием возможно полное собрание его проповедей. Разумею предпринятое и завершенное родственниками святителя Филарета, Московскими протоиереем П. И. Казанским и священником К. И. Богоявленским, – издание 1873–1885 годов. Примечательно, что из пяти томов этого издания, обнимающих время проповедания, начиная с 1803 и кончая 1867 годом, целых четыре тома, и притом бóльших по объему, заключают в себе проповеди именно теперь рассматриваемого нами Московского периода. При этом не скроем и того, что несмотря на достойную глубокой благодарности и всякого уважения тщательность издания 1873–

1885 годов, в нем все-таки же некоторые проповеди Филарета, сколько нам известно, не помещены.¹¹

Такое обстоятельство насколько свидетельствует о изобилии благодатных даров, почивших на великом архипастыре проповеднике нашем, настолько же и делает затруднительным исследование о более нежели полувековой проповеднической деятельности его. Недаром все доселе появлявшиеся исследования в этой области, по сознанию таковой затруднительности исследования со стороны самих исследователей, обнимали собою только отдельные части и лишь известные стороны предмета, подлежащего нашему исследованию, а не рассматривали его во всех частях и со всех сторон.¹² Не бросить ли поэтому и нам перо, не начав исследования о том же предмете?.. Но если Господь помог нам совершить дело исследования о трех первых периодах проповеднической деятельности великого святителя Московского, именно – Троицко-Лаврском (1803–1808)¹³, Петербургском (1809–1819)¹⁴ и Тверском с Ярославским (1819–1821),¹⁵ то уповаем, не оставит нас Своею помощью и на предстоящем нам теперь пути нашего исследования.

К тому же и вышесказанное о последнем издании проповедей великого святителя дает нам возможность успокаивать себя надеждою на то, что мы находимся в далеко лучших условиях для целостного исследования проповеднической деятельности его, нежели те исследователи, которые писали о ней при жизни его или и после кончины, но до завершения упомянутого издания. По-прежнему мы будем вести свое исследование об этой деятельности в связи с историческими условиями ее, то есть в связи с обстоятельствами жизни проповедника и историей его времени, с 1821 по 1867 год.

Обозревая столь длинный период времени, мы видим себя в необходимости заранее определить точку зрения на предмет исследования и начертать план этого исследования. И прежде всего, в этот период учительно-проповедническая деятельность великого святителя, или, если так можно сказать, теоретическая, повсюду идет уже как бы позади практики его

собственного проповедничества: между тем как в Тверской и Ярославский период Филарет, по большей части находясь в отдалении от своих епархий, он поневоле должен был более из Петербурга давать правила проповедничества, нежели сам в своей проповеди давать образцы его подведомым ему пастырям. В период Московский дело идет наоборот. Потому и у нас теперь, по сравнению с рассмотренным периодом Тверским и Ярославским, дело будет идти в обратном порядке: рассмотрение собственного проповедничества Филарета будет упреждать рассмотрение его учительно-проповеднических правил и приемов.

Далее, хотя во весь длинный Московский период проповеднической деятельности святителя Филарета самую заметную гранью в его жизни является 1842 год, в который прекратились навсегда его ежегодные почти поездки в Петербург для участия в заседаниях Святейшего Синода, однако, в нашем историческом обозрении проповеднической деятельности Филарета мы не будем придавать этой грани особенного значения; ибо собственно на проповедническую деятельность его она мало имела влияния. Мы будем следить за этой деятельностью сообразно течению жизни самого святителя и истории его времени хронологически, имея в виду лишь те три царствования, в которые жил и действовал наш проповедник и только однородное из разновременного, группируя для удобства и цельности обозрения. Такое шествие по длинному пути Московского периода, смеем надеяться, не будет утомительно, так как всякий дальнейший шаг на этом пути будет открывать пред нами все новый и новый интерес.

Но великость значения проповедника и его проповеди побуждает нас не ограничиваться одним хронологическим обзором его проповеднической деятельности, а вникнуть и в то, что в ней выше временного, исторического, в сущность предмета проповеди его, хотя и обыкновенно условливаемого требованиями времени. Иначе сказать, мы должны обратить внимание на всю область предметов его проповеди, также рассмотреть направление, тон и характер ее и обратить

внимание на прием ее со стороны слушателей и читателей; а потом уже рассмотреть и собственно учительно-проповедническую деятельность святителя.

Таким образом, все настоящее исследование наше естественно распадается на три части. I-я часть будет обнимать собою более внешнюю, так сказать, историю проповеди Филарета, обозревать проповедническую деятельность последнего в связи с обстоятельствами и событиями его жизни и времени, так или иначе возбуждавшими его к проповеданию слова Божия, вообще условливавшими происхождение и содержание его проповедей. Это часть в собственном смысле историческая. II-я часть будет представлять в себе: а) обозрение предметов проповеди Филарета, хотя также не без связи с обстоятельствами жизни и времени его; б) рассмотрение направления, тона и характера проповеди и проповеднической деятельности его и в) рассмотрение как собственного отношения Филарета к своим проповедям и проповедничеству, так и отношения других к тому же. III-я часть, рассматривающая собственно учительно-проповедническую деятельность Филарета, в частности, будет иметь в виду: А) отношение Филарета к проповедям и проповедничеству других лиц как в своей епархии, так и вне этой епархии, как пастырей, так и архипастырей; Б) теорию проповедничества, устанавливаемую Филаретом. В заключение мы сделаем сравнение Филарета с другими современными ему, более известными проповедниками русскими.

Московский период проповеднической деятельности Филарета обнимает собою три царствования: Александра I, Николая I и Александра II. Исторический обзор ее за все это время, для удобства, может быть подразделен на следующие четыре каждого царствования отдела: 1) личные отношения, жизнь и деятельность самого проповедника; 2) внешние для Империи события (внешняя политика); 3) внутренние события и учреждения в ней (внутренняя политика, внутреннее состояние Империи); 4) история Церкви Русской вообще и Московской епархии в частности. По этим четырем рубрикам мы и будем

рассматривать означенную деятельность за все три
царствования.

I. Царствование Императора Александра I (1821–1825)

1. Личные отношения, жизнь и деятельность московского архипастыря за это царствование

Именным Высочайшим указом 3 июля 1821 года архиепископу Ярославскому Филарету, как отмечено было выше, повелено было быть архиепископом Московской епархии и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священно-архимандритом, с оставлением в звании члена Святейшего Синода и с присутствием в Московской синодальной конторе. Прежде всего естественными представляются вопросы: как сам Филарет принял свое новое назначение? И как отнеслась к этому назначению его новая паства?

Уже в начале нашего настоящего исследования мы выразили мысль, что сам Филарет в душе не мог не радоваться своему новому назначению на епархию, в которой для него было так много родного и дорогого. Здесь, в Коломне, была его родина. Здесь же, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, нашел он себе вторую, духовную, родину под невидимым покровом преподобного Сергия и под видимым отеческим покровительством митрополита Платона. Свои мысли и чувства относительно родины Филарет вполне излил на другой год своего свидетельства в Москве по прибытии в Коломну в конце мая 1822 года. «В 1822 году, 27 мая, – читаем в воспоминаниях современника об этом событии, – прибыл в Коломну, вечером, преосвященный Филарет, архиепископ Московский и Коломенский. По въезде в родной город, он направил путь свой к тамошнему Успенскому собору, в котором почивают некоторые архиереи святой памяти. Приложась в древнем соборе к местным образам, Филарет начал было говорить проповедь с амвона, но, сказав не много слов, прервал ее, по причине народного шума, и произнес уже на другой день, во время им совершенной Литургии, в том же соборе».¹⁶

Здесь разумеется «Слово в неделю всех святых, при посещении города Коломны», говоренное 28 мая 1822 г. и напечатанное во всех собраниях проповедей Филарета.

«Увидев впервые после [многих] лет свою милую родину, – пишет по этому поводу Н. В. Сушков в своих *Записках о жизни и времени Филарета*, – проповедник исполнился мирною радостью, сладостными воспоминаниями о детских днях, о близких его сердцу».¹⁷ Самую проповедь свою, имеющую в основании текст: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф.10:37), он так начинает: «По неисповедимым судьбам Божиим, видя себя вновь посреди сего града, в котором суждено было мне в первый раз увидеть свет и от которого течением происшествий увлечен я был так, что никогда уже видеть его не чаял, – сверх чаяния, вновь находясь посреди братьев и ближних, в сообществе которых получил первые приятные ощущения жизни, – желал бы я совершенно предаться сильному влечению любви к отчизне. – Любви, по которой, как изъясняется некто из иерусалимлян, дети Иерусалима *благоволиша каменение его, и персть его ущедрят* (Пс.101:15), то есть самые камни отечественного града им любезны, мил даже прах путей его. Сердце мое готово теперь воспевать сему граду песнь, которую они воспевали своему Иерусалиму: *Вопросите, яже о мире Иерусалима: и обилие любящим тя! Буди же мир в силе Твоей и обилие в столпостенах твоих. Ради братьев моих и ближних моих, глаголах убо мир о тебе* (Пс.121:6–8). Но что я слышу? – вызывает проповедник, останавливая поток личных чувствований и мыслей. – Сию сладкую песнь пресекает грозный глас заповеди Христовой, которая, как будто по особенному намерению, ныне оглашает меня среди сего храма. *Иже любит отца или мать паче Меня, несть Мене достоин*. Что же буду делать? Восприиму иную песнь песнопевца Израилева: *Не Богу ли повинется душа моя* (Пс.61:2)? Покорю любовь к ближним и братьям, – покорю любви к Богу и Христу; забуду люди моя, и дом отца моего, и потщуся помнить токмо людей Господних и дом Отца небесного. В сем расположении духа и прерванную Иерусалимскую песнь продолжать мне позволено: *Дому ради Бога нашего взысках благая тебе* (Пс.121:9). Боголюбезный граде! Ради святой Церкви, которая есть дом

Божий, ради православных чад ее, которые суть присные Богу, желаю я тебе благ; и поскольку желаю для Бога, то и благ желаю Божественных, *мира Божия, превосходящего всяк ум, веры Божией, которая есть Божий дар любви Божией, изливающейся в сердца наши Духом Святым*¹⁸.

И затем, на основании текста, от которого исходит проповедь, вития поучает жителей родного города, братьев и ближних своих о любви к Богу и Христу.¹⁹ Эта проповедь произвела такое впечатление на слушателей, так плодотворно подействовала на умы и сердца их, что они желали еще и еще слушать и читать ее, для духовного назидания своего, и потому потребовалось напечатать ее в достаточном числе экземпляров, как это видно из писем Филарета к родным его, обитавшим в то время в Коломне.²⁰

Не раз и после того посещал святитель Московский родной город свой, именно в 1828, в 1848 и в 1853 и других годах. Не оставлял его в эти разы и без проповедания слова Божия, причем в 1828 году в своей проповеди на «неделю дванадесятую», произнесенной 5 августа и исходящей от текста *Скажу же вам, братие, благовествование* и пр. (1Кор.15:1–2), он между прочим обращает внимание на благочестие жителей города. «Се, – говорит он, – под руководством Апостольским, вкратце напоминательно, *сказал я вам, братие, благовествование, еже благовестиша* нам богомудрии отцы наши, еже, как то видимо есть, *и прияте, в немже, уповательно, и стоите, имже* – о, если бы и остальное мог я присовокупить с полною уверенностью о всех вас! *Имже и спасается!* Ведут меня к возделенному о вас упованию и чистое исповедание веры, вами содержимое, и святыми ее таинствами в вас запечатлеваемое, и древнее благочестие, плодоношением и добродетелями во святых храмах, и делами человеколюбия, до ныне между вами свидетельствуемое».²¹

Подобное же читаем и в сказанном 7 сентября 1853 года слове «по освящению храма Введения во храм Пресвятой Богородицы в городе Коломне».²² Так относился Филарет к родине своей. Чувствования же свои и мысли относительно Свято-Троицкой Сергиевой Лавры с ее окрестностями и

впечатления юношеской жизни там он выражал не раз и в частных, личных сношениях с более или менее близкими к нему людьми и в проповедях своих. Преосвященный Никодим (Казанцев), бывший епископ енисейский и красноярский, в своей «Памяти о Филарете, митрополите Московском» пишет: «Преосвященный Евгений Ярославский сказал мне Филаретово признание: «Когда я в первый раз вошел в комнаты митрополита в Лавре преп. Сергия, у меня покатались слезы, горькие, сладкие. За 12 лет пред сим я входил сюда с трепетом, как один из малых подчиненных митрополиту Платону. Мог ли я вообразить, что сам буду на его месте?» Филарет с Евгением, яко товарищи, – добавляет Никодим, были во всегдашнем братстве».²³ Здесь речь о первом посещении Филаретом, как архиепископом Московским, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1821 году по случаю праздника преподобного Сергия 25 сентября.²⁴

Не менее Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и окрестности ее: Корбуха, Вифания и другие места, где Филарет нередко бывал в 1800–1808 годах, ознаменованы были для него также многими весьма приятными воспоминаниями. Здесь, на Корбухе, вместе с своими товарищами по семинарии, он проводил рекреационное время в скромных играх и забавах. Здесь, близ Корбухи и Вифании, он «потешался ловлею рыбы: смело с рыбацьею сетью, впереди своих товарищей, на заводи, или, как говорится у рыбаков, на крыле, носился юноша по вифанским глубоким прудам. Как кстати это занятие рыбной ловлей, это содружество с любезной благословенным рыбалям-апостолам стихией в преемнике их, по рукоположению святительства!

Позже, покинув отроческие забавы и устраняя праздность от головы и сердца, даже в краткие часы отдыха от молитв и уроков он употреблял их обыкновенно то в головоломную игру в шахматы, – это для упражнения ума, то на извлечение стройных звуков из дедовских гуслей, – это для занятия души. С детства прислушивался внук к игре на них своего деда и перенял от него искусство бряцать по струнам царя-пророка».²⁵ Любовь «питомца к своему духовному тайно-наставнику» святому

Сергию, к месту своего окончательного воспитания и к освященным окрестностям Лавры, к Вифании и Гефсимании, основанной на месте и отчасти близ прежней Корбухи, к учителю и покровителю своему митрополиту Платону и другим лицам, имена которых связаны с воспоминаниями о тех местах, выражается и в проповедях его.

Мы не будем говорить о составленном им на первых же порах святительства в Москве, по примеру митрополита Платона, *Житии преподобного Сергия*, присоединенном к проповедям его, произнесенным за первый год управления Московскою паствою (издание 1822 года). Равно так же мы только укажем на множество (26) проповедей Филарета, сказанных в честь и память преподобного Сергия, ряд коих начинается 1821 годом и кончается 1858 годом.

Мы приведем отрывки из тех проповедей его, которые прямо касаются воспоминаний его жизни за 1800–1808 годы. Сюда ближе всего относятся следующие слова из произнесенной 27 сентября 1860 года «Беседы по освящении храма святого праведного Филарета Милостивого, в Гефсиманском ските», воздвигнутом, как мы заметили выше, на месте и отчасти близ прежней Корбухи, представляющие собой начало этой *Беседы*: «Место, где мы теперь находимся, в продолжении шестидесяти лет знаю, как очевидец: и сверх того, когда пришел я сюда в первый год текущего столетия, встретил здесь ясные следы и воспоминания прошедшего столетия. Да не покажется то праздным словом, если возобновлю теперь некоторые из сих воспоминаний. Это будет не мимо нынешнего праздника. Здесь был дом изящного зодчества, который устройством своим показывал, что он назначен был не для постоянного жительства, а только для летних увеселительных посещений. Здесь был сад, в котором растительная природа слишком много страдала от искусства, ухищрявшегося дать ей образы, ей не сродные. Для чего это сделала обитель монашествующих? Как взирал на сие преподобный Сергей, любитель простоты и никак не любитель роскоши и чувственных удовольствий? Как допустил он сие в своей области, так близко к нему? – Во-первых, думаю, он снисходительно смотрел на

дело потому, что имел в виду намерение, которым или оправдывалось, или извинялось дело. Урочище сие было украшено для царских посещений. Тогда как высота царская смирялась пред смирением святого; тогда как благоговение меньших сынов преподобного Сергия соединялось с благоговением державных, в молитве о спасении душ их и о благе царства их: верноподданническая любовь желала проявить себя и в том, чтобы представить царским взорам некие черты обычного для них благолепия и великолепия²⁶. Во-вторых, преподобный Сергей без прещения допускал, чтобы в области его являлись некоторые виды мирского великолепия, думаю, потому, что смотрел на них, как на пробегающую тень; и, как таинник провидения Божия, предоставлял себе в последствии времени открыть здесь иные, духу его свойственные виды. – Внешние обстоятельства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры изменяются. Ее древнее достояние вземлется от нее²⁷, и чрез то снимаются с нее многие мирские обязанности и заботы. Прежнее великолепие становится ненужным, так как и не возможным. Здешний царский дом и сад делаются местом скромного отдохновения наставников и учеников духовного училища, которое Лавра основала в своих стенах, на своем иждивении, во дни своего изобилия. По времени увеселительного дома не стало: сад, уступленный искусством природе, обратился в лес. Таким образом, преподобный Сергей достиг того, что упразднилось здесь мирское, допущенное на время; и, как бы желая вознаградить себя за сие допущение, благоизволил, чтобы здесь водворилось духовное. Родилась мысль в уединении сего урочища устроить малый храм, при котором поселились бы несколько братий, особенно расположенных к безмолвию и к более строгому отречению от своих желаний и собственности, и в котором сверх обычных молитвословий и тайнодействий Псалтирь Давидова день и ночь издавала бы свои святые и освящающие звуки, сопровождаемые молитвою о мире и благе Церкви, Царя, Отечества, великой обители и благотворящих ей».²⁸

Затем в 1844 году 1 ноября в «Слове по освящении храма святителя Николая в доме Московской духовной семинарии»

Филарет, обращаясь к воспитанникам последней, между прочим говорил: «Дети! Спросите родителей или отцов их: с такою ли, как ныне, многообразною заботливостью были они призреваемы, когда, полувеком ранее, проходили поприще, вами теперь проходимое? Из неблагоустроенных жилищ нередко целыми поприщами измеряли мы неблагоустроенный путь до дома учения; и случалось, что только *в поучении нашем разгорался огонь* (Пс.38:4), когда в согревающем или освещающем огне нуждалась учебная храмина. Воспомяну сие не для того, – добавляет проповедник, – чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имеет свои добрые и достопочтенные воспоминания, но чтобы отдать справедливость настоящему».²⁹

Изречение: *в поучении моем разгорится огонь*, при указанных в проповеди Филарета обстоятельствах, не раз повторял митрополит Платон при своих посещениях классов в Троицкой лаврской семинарии³⁰, что и припоминает Филарет в своей проповеди. Недаром и митрополит Платон как бы предчувствовал, что Филарет некогда займет его место в Московской епархии, когда жителям Коломны, просившим определить окончившего курс в Троицкой лаврской семинарии Василия Дроздова во священники к одной из Коломенских церквей, сказал: «Дам я вам его; я его берегу на свое место»³¹. В 1821 году и осуществилось это предчувствие старца Платона. И оттого-то проливал Филарет «горькие, сладкие слезы», когда впервые в сем году посетил покои митрополита Платона.

Но вместе с чувством радости о перемещении на родную епархию, у новоназначенного архиепископа не могло не соединяться и чувство невольного страха от представления о великой ответственности, которую он брал на себя, вступая на такую кафедру, которую занимали святые святители: Петр, Алексий, Иона и др. и которую еще так недавно и с такою славою занимал знаменитый митрополит Платон (Левшин). Это чувство Филарет прямо и выразил в своем вступительном слове, более выдающиеся места которого мы приведем в свое время; выражал и во многих других проповедях, сказанных в разное время во дни памяти означенных святых святителей,

особенно же во дни памяти св. Алексия митрополита, которого Филарет особенно часто читил словом с церковной кафедры. Во всех этих случаях Филарет ясно выражал мысли о своем недостойнстве к занятию этой кафедры.³² «Сохрани меня Бог, – писал Филарет вскоре по назначении своем на кафедру Московскую, именно от 11 июля 1821 года к графу С. П. Потемкину, – чтобы я, как говорите, *отвергал вас*, то есть Москву. Я отвергал сам себя. Но и отречение мое не помогло. Жребий, который мне выходил и который я хотел опять положить в урну, вынут рукою, от которой нельзя уже не принять его. Теперь не отвергните меня вы».³³

В то же время Филарет, как само собою понятно, весьма интересовался сведениями о том, что думают о его новом назначении в самой Москве и как относятся к этому назначению. Вот что писал он к тому же графу Потемкину от 19 июля того же 1821 года: «Искреннейше благодарю ваше сиятельство за участие в новом явлении судьбы моей. Никто из Московских не упредил вас, и я писал пред сим к вам первому туда, сделавшись тамошним. Особенно благодарю, что не кроете от меня разных по сему случаю мнений. Я хотел предварительно уклониться от сих многих над одним судов, но теперь должно предать себя им, когда так Богу угодно. Может быть, и самые строгие право судят; всем сердцем утешаюсь, что есть открытая душа, которая не таит от меня обличения моего, надобно слушать и исправляться! Не напрасно в предыдущем письме изъявил я желание обличения».³⁴

Как же в действительности отнеслась паства московская к назначению нового для нее архипастыря? Из приведенного выше ответного письма самого Филарета на письмо графа Потемкина видно, что не одна радость сопровождала собою весть об этом назначении. Без сомнения, многим, ввиду того что Филарету в то время не было еще и 40 лет от роду, казалось, что он слишком молод для одной из старейших кафедр, для кафедры в первопрестольном граде. Не удивительно, что некоторые считали его поэтому за выскочку³⁵, движимого лишь покровительством сильных – вроде князя А. Н. Голицына.

Но, с другой стороны, и то несомненно, что слава Филарета гремела уже давно и повсюду, далеко упредив собою его назначение на кафедру Московскую. «Прежде, нежели поступил Филарет на Московскую кафедру, – пишет о нем в своих воспоминаниях раньше упомянутый епископ Никодим (Казанцев), – я, будучи еще отроком³⁶, слышал от моего дедушки, священника в г. Рузе, о Филарете следующую речь: «Говорят, будто этот Филарет насквозь видит человека».³⁷

А вот отзыв светского лица: «Еще в детстве я много слышал от отца моего о Филарете как о знаменитом проповеднике. Две отдельно напечатанные его проповеди – одна надгробная по князе Кутузове, а другая – при вступлении на Московскую паству – лежали постоянно на письменном столе у моего отца; он по несколько раз читал их и меня заставлял читать, так что я десяти лет от роду рассказывал наизусть по целым страницам, особенно из надгробного слова. В 1822 году я в первый раз видел преосвященного Филарета, уже архиепископа Московского. Федор Александрович Голубинский взял меня на публичный экзамен Московской духовной академии, при окончании третьего учебного курса. Тут, кроме местного владыки, было еще два архиерея: Симеон Ярославский и Парфений Владимирский. Несколько часов просидел я, слушая внимательно и весьма мало понимая, а после экзамена, в кельях ректора Кирилла, когда я принимал благословение преосвященного Филарета, он спросил Федора Александровича: «Что за мальчик? – и после прибавил: – Слушал внимательно, но понял ли что?». Я сначала сконфузился, потом сказал, что понял рассказ о Моисее и странствиях израильтян в пустыне. Владыка с улыбкою заметил: «Довольно и того для его возраста». Мне было десять лет, но я был мал ростом и казался моложе. Возвратясь в деревню³⁸, я все это рассказал моему отцу, он был в восхищении и сказал мне: «Ты счастливее меня: видел Филарета, а я не видал и, может быть, не увижу его». Так действительно и случилось».³⁹

Вот как был известен Филарет еще до назначения своего архиепископом Московским. Понятно, что в общем и встречено было это назначение соответственно уже приобретенной им

славе, то есть восторженно. Наилучшим и полнейшим выражением этого может служить следующее «Письмо членов Московской духовной консистории», с Андрониевским архимандритом Гермогеном (Сперанским) во главе, к преосвященному архиепископу Филарету от 14 июля 1821 года: «Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Отец и Архипастырь! Восхищаясь вожделенным событием, увенчавшим желания паствы, верховным Промыслом вверенной управлению Вашему, – в лице оной осмеливаемся открыть пред Вами сыновние чувства. Имея предметом распространение живых истин, почерпнутых Вами из источника жизни, Вы всегда были украшением Церкви истинно верующих. Просвещение, распространяемое Вами, как примером назидательной жизни, так и образованными произведениями озаренного свыше ума Вашего; кротость, свойственная Вашему духу, и мудрые распоряжения, принимаемые Вами к утверждению порядка, одушевляют и нас надеждою ответствовать благим начинаниям Вашим. Сладостно хотя несколько содействовать намерениям такого архипастыря, который поставляет существенною для себя обязанностью назидать и действовать по правилам любви христианской. Простите, милостивейший архипастырь, выражениям, вытекающим из сердец, всегда с удивлением почитающих украшающие Вас совершенства. Удостоите принять простое сие приветствие, сопровождаемое усердным молением к Пастыреначальнику, чтобы Он сохранил жизнь Вашу под кровом Своей благодати, ко благу Церкви и всей паствы вашей⁴⁰.

Филарет от 19 же июля из Петербурга послал в Москву на имя архимандрита Гермогена следующий ответ: «Преподобный отец Архимандрит! Возлюбленный в Господе брат! В лице Вашем да будет мне позволено ответствовать Вам вместе с сотрудниками Вашими по консистории на общее письмо Ваше. Письмо сие принял я как начаток общения Московской Церкви с моим недостойнством. Господь да благословит сей начаток и да совершит нас всех в общение истинное, чистое и полное! Доброе мнение и надежды, коими Вы, без заслуги моей, меня предваряете, признаю я со стороны Вашей за действие благого ока, которое ищет доброго и не примечает недостатков, а в

отношении ко мне и наставление и побуждение к тому, к чему я стремиться должен. Споспешествуйте мне, отцы и братия, молитвами Вашими, да будет служение мое неосужденно пред Богом и угодно великой Церкви Московской». При этом Филарет добавляет: «Каждый день помышляю о пути к вам; но, кроме других препятствий, к сему пути мне нужно прежде благословение достопочитаемого предшественника»⁴¹.

Какие же это препятствия, которые, помимо неприбытия из Москвы в Петербург предшественника Филарета, митрополита Серафима⁴², задерживали Филарета в Петербурге и замедляли его вступление в ближайшее общение с новою паствою? – Препятствия заключались ближе всего, конечно, в делах синодальных; а из этих дел за то время самое главное было уже известное нам по исследованиям нашим о предшествующих двух периодах проповеднической деятельности Филарета, совершавшееся под ближайшим наблюдением последнего дело перевода Библии на русский язык. Именно в июле 1821 года Филарет доканчивал просмотр русского перевода Псалтири⁴³ и составлял проект предисловия к нему, которое и подписано им было 2 августа, а затем, по одобрении Государем как перевода, так и предисловия 2 августа, вошло и в печатное издание русского перевода Псалтири⁴⁴.

Однако уже и в Петербурге, среди забот и хлопот по делу перевода Библии и по другим делам синодальным, Филарет не мог не заботиться и о новой своей пастве. Так уже в письме от 11 июля к графу Потемкину, хлопотавшему об устройстве у себя домово́й церкви, Филарет выражает свое участие к этому делу и, говоря, что уже докучал им, кому следует, добавляет: «Завтра представляю еще, что на устройство домово́й церкви в Москве и местный архиерей согласен»⁴⁵. Равно также к ответу на вышеприведенное приветственное письмо членов консистории Филарет в виде *post-scriptum* приписывает следующие слова: «Если время и у вас так дождливо, как здесь, то, думаю, совершаются моления».⁴⁶

Но само собою разумеется, что вся масса дел епархиальных и личных по этим делам сношений обрушилась

на Филарета по прибытии его в Москву⁴⁷, куда он выпросился на год и прибыл в конце первой половины августа 1821 года.⁴⁸ «На другой же день» по прибытии своем, именно 14 августа, Филарет «в Успенском соборе после совершенной им Литургии сказал вступительное слово о *Благодати и мире как предметах желания*»⁴⁹. Это слово поставлено во главе II тома вышеозначенного нами последнего издания сочинений Филарета (Москва, 1873–1885) и помещено во всех собраниях проповедей святителя, вышедших в свет за время архиерейского служения его на кафедре Московской, именно в собраниях 1821, 1822, 1835, 1844 и 1848 годов. В этом слове своем великий святитель сразу заявил себя тем, чем отличался во всю свою жизнь: благодатным величием, как оно определяемо было выше, согласно его же собственному учению, и в то же время глубоким смирением. Он исходит от текста: *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Рим.1:7)* и начинается следующими словами: «Так некогда святой апостол Павел приветствовал Церковь державного Рима, вступая с нею в общение посредством послания. Так при сем первом общении лицом к лицу приветствовать Церковь, сего престольного града, и я дерзаю. Но кто я, дерзнувший возглашать столь великое слово среди столь великой Церкви? Среди Церкви, которая, кроме славы, заимствуемой от древнего царского престола, еще прежде имела славу некоторым образом приготовить у себя место для сего престола и донныне сохранила благодать преподавать венценосцам священный венец и помазание на царство; – среди Церкви, которая обыкла слышать живые и сильные гласы Божественного слова, в которой сияли столь многие светильники православной веры, не угасшие и во гробах, но оттоле еще сияющие светом будущего века, в которой предстояли в молитвах, дознанные после, небесные споспешники наших земных молитв; – здесь, где древняя святыня еще недавно вновь ознаменовала себя и очистительным посещением, и чудесным избавлением, и праведным отмщением;⁵⁰ – как дерзнул я предстоять толикому сонму Божию в священнодействии таинства веры и как паки

дерзаю начать священнодействие слова истины? Немощным гласом недостойных уст как дерзаю колебать самый сей воздух, исполненный благоуханием святыни?».⁵¹

В этих кратких, но сильных словах обрисованы все главнейшие моменты церковной и политической жизни Москвы, этого «города чудного, города древнего», по выражению одного русского поэта. Ввиду столь великого значения Москвы и столь малого, как казалось смиренному проповеднику, значения его самого для такой кафедры, он и уничивает себя до забвения действительного своего достоинства. Поэтому же далее он и говорит в своем слове, как поистине, он сам относился к назначению своему на эту кафедру. «О Владыко Господи! – взывает он вслед за вышеприведенными словами. – Ты видишь глубину сердец; Ты слышишь движение помышлений; Ты зрел сие смятенное сердце, когда только еще даваемы были жребии сего служения; Ты слышал трепетное воспоминание одного древнего гласа: *избери могуща иного, его же послещи* (Исх.4:13). Но когда, по неисследимым судьбам Твоим, чрез священную и державную Власть, жребий сей пришел и не возвратился, аз же кто есть, могый возбранити Бога (Деян.11:17)? И ныне, Господи, да будет воля Твоя, ибо уже и бысть воля Твоя⁵². *Укрепи, Боже, сие, еже соделал еси в нас* (Пс.67:29). Ради народа Твоего многого даруй благодать служению сему; ради славы Твоей, сугубо дивной в ничтожных орудиях, *соверши силу Твою в немощи сей. Дадь гласу Твоему глас силы* (2Кор.12:9; Пс.67:34) и в недостойных устах, да приемлющие слово слышания Твоего от нас, приемлют не аки слово человеческо, но яко-же есть воистинну, слово Божие, и да действуется оно в сих верующих (1Сол.2:13)»⁵³.

Исповедав таким образом пред своею новою паствою сокровенные мысли и чувствования, руководившие его и испытанные им при вести о назначении и вступлении на кафедру святителей Петра, Алексия, Ионы и других, Филарет затем обстоятельно излагает самое содержание своей проповеди о желаниях благодати и мира пастве и заключает эту проповедь следующими, не менее приведенных замечательными словами: «Будучи призван принести ныне

Господу начаток общения с сею Церковью, по воле Его, молю всех, Богоугодно стоящих теперь в сем общении, соединить взаимно все сердца в крепком желании *благодати и мира от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Единодушная молитва сопастырей и всех верных да привлечет свыше благодать и мир новому пастырю, дабы он силою и действием мог возвещать пастве благодать и мир. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с духом вашим, братие (Гал.6:18); и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе (Флп.4:7)*. Сам Господь мира да даст вам мир всегда во всяком образе (2Сол.3:16), как во внутреннем, так, по действию внутреннего, и во внешнем. *Мир пасущим стадо Божие*, – в христианском послушании пасомых; мир пасомым, – в отеческом и братском попечении пасущих. Мир начальствующим, – в верности подчиненных; мир подчиненным, – в мудрости и кротости начальствующих. Мир судящим, – в непритворной искренности судимых; мир судимым, – в прозорливости и беспристрастии судящих. Мир продающим и купующим, – во взаимном отвращении от лукавства и обмана. Мир делающим и трудящимся, – в благословенном успехе полезного делания и в обильном плоде труда праведного. *Мир всем! Аминь».*⁵⁴

Такова была исповедь, таковы благожелания, такова программа действий и требований нового архипастыря Московского по отношению к новой пастве. И святитель Филарет, как истинный раб Божий, всего себя посвятил делу нового служения своего; несмотря на слабость здоровья, которою он и тогда отличался,⁵⁵ как во всю жизнь свою не мог похвалиться им, он не тяготился множеством дел епархиальных и разнообразнейших личных сношений, участием в общественных церковно-гражданских церемониях и т.д. Так, например, вот что пишет сам он деду своему от 6 октября того же 1821 года: «Не ответственвал я вам долго за суетами по новости. Много дел, много праздников, много людей, отнимающих время. Надобно было и в Лавру ехать на праздник, что и сподобил Бог исполнить».⁵⁶ Нужно было частью поддерживать старые добрые отношения, частью вступать в

новые такие или иные отношения с разными лицами как по долгу службы, так и по долгу старого знакомства. В видах сокращения объема нашего исследования мы не будем раскрывать подробно этих отношений, которые, впрочем, отчасти выяснятся и из последующего. Мы только скажем, что со своей стороны Филарет старался о том, чтобы эти отношения были сколько возможно более добрые, несмотря на разность чувств и расположений, которые питали к нему те или другие лица.

Само собою разумеется, что из дел нового служения проповедничество архипастырь считал наряду с важнейшими. Кроме вступительной проповеди, о которой мы знаем, он произнес и еще несколько проповедей в том же 1821 году. Таковы: а) Слово в день торжественного венчания и священного помазания на царство государя императора Александра Павловича, говоренное 15 сентября в Успенском соборе; б) Слово о нетлении святых мощей, на память преподобного Сергия, говоренное в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 25 сентября; в) Слово в день собора св. архистратига Михаила, говоренное в Архангельском соборе 8 ноября; г) Слово к восприимлющим обет сердобольных вдов, сказанное в Мариинской церкви Императорского вдовьего дома 12 декабря; и, наконец, д) Слово на Рождество Христово и на воспоминание освобождения Церкви и державы Российской от нашествия Галлов, говоренное в кафедральном Чудове монастыре 25 декабря.⁵⁷ Итого, вместе со вступительною, шесть проповедей в менее нежели полугодичный остаток одного 1821 года; и притом среди массы разнообразнейших других дел и личных сношений, и отношений, среди посещавших Филарета время от времени недугов!

Так, например, о проповеди на 8 ноября Филарет сам от того же числа пишет больному графу Потемкину следующее: «Вы без сна; а я много спал, как здоровый, а встал хуже прежнего, почти кривой дописывал утром, что сегодня для праздника сказать надлежало, в службу от стрельбы часто закрывал рукою глаз. Слава Богу, что дело как-нибудь закончено. Но завтра необходимо нужно мне остаться дома.

Решился и не читать, и не писать, кроме самой необходимости. Завтра увижу, надобно ли кланяться и лекарю».⁵⁸

А между тем, проповеди его, особенно после митрополита Серафима, далеко не часто проповедовавшего, да и не славившегося проповедничеством, слушались с жадностью, еще в рукописном виде читались с величайшим вниманием и по настойчивым побуждениям с разных сторон отдаваемы были в печать, что также сопряжено было с немалыми хлопотами между прочим и для самого святителя. Так, например, вот что пишет сам он по поводу проповеди своей на 25 сентября, говоренной в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, к наместнику последней Афанасию от 8 октября 1821 года: «Проповедь некогда было написать порядочно; а после уже и рук не приложишь; теперь же и рукописи нет у меня в руках. Когда возвратится, может быть, напечатаю как есть»⁵⁹.

И действительно, только уже «13 октября от высокопреосвященнейшего Филарета архиепископа Московского и кавалера прислано было к члену духовно-цензурного комитета Успенскому протопресвитеру Иакову это слово о нетлении мощей», «для рассмотрения цензурного и препровождения оно к напечатанию в Московской духовной синодальной типографии на кошт его высокопреосвященства, сколько ему экземпляров иметь угодно будет»; а означенным протопресвитером того же числа и препровождено в «Московскую духовную цензуру».⁶⁰ Того же 13 октября препроводительная бумага о. протопресвитера была заслушана в Московской духовной цензуре и составлен о том протокол; а 14 октября слово сие, «яко ничего противного данным духовной цензуре предписаниям в себе не заключающее, на основании указа Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода от 5 июня 1805 года за № 1464 последовавшего», препровождено из цензуры, при отношении за № 24, в Московскую синодальную типографскую контору для напечатания.⁶¹ На основании того же указа 1805 года, 5 июня за № 1464 цензура от 24 октября того же 1821 года за № 26 послала о сем в Св. Синод репорт.⁶² Подобная же процедура

была и с другими проповедями Филарета, которые все были печатаемы⁶³.

Кроме того, и в то же время осени 1821 года Филарет приготавливал к изданию в свет 2-е собрание всех прежних своих проповедей, со включением и двух московских, именно: «Слова при вступлении в управление Московскою паствою» и «Слово о нетлении святых мощей». Это собрание вышло в свет под следующим полным заглавием: *Поучительные слова, говоренные в разные времена синодальным членом Филаретом архиепископом Ярославским, что ныне Московский и Коломенский. Издание второе. В Санкт-Петербурге, при Святейшем Синоде, 1821 года.*

Слава Филарета, как знаменитого проповедника, как глубоко ученого богослова, как мудрого правителя дел церковных и т.д. к этому времени настолько упрочилась, что, несмотря на его 39 лет, почитатели его начали подумывать и о биографии архипастыря. Так, историк русской литературы и известный составитель русской грамматики Н. И. Греч, приготавливая к изданию свою *Историю русской литературы*, просил самого Филарета сообщить ему сведения о своей жизни, для помещения его имени в число имен писателей духовных. И вот ответ, данный Гречу Филаретом от 29 января 1822 года по этому случаю: «Милостивый Государь, Николай Иванович! Угодно было вашему высокоблагородию требовать от меня материалов для составления моей биографии. Простите меня, что я умедлил ответом на сие. Не употреблю обыкновенного извинения делами. Справедливее сказать, меня отталкивала от сего дела мысль, к чему годится моя биография! Наконец я вас послушал и поручил о. ректору здешней академии⁶⁴ написать, что он знает. Оказался послужной список, с прибавлением некоторых выражений, которые по всей справедливости надлежало вычеркнуть. Как времени прошло много – то, не отлагая еще, я препровождаю к вам, милостивый государь, сию черненную и потом не переписанную записку, для употребления или истребления, как вам рассудится. Написал был я строку, хотел сказать, что я сподоблен был сделать первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на русское наречие: но сей опыт

был потом в столь многих руках, что было бы хищение, если бы кто по сему захотел приписать мне сей перевод напечатанный, и потому лучше и справедливее молчать о сем. Настоящую биографию трудно написать рано; а еще труднее написать свою беспристрастно. Если вам угодно иметь мою краткую биографию от меня, то вот она. Худо был учен; хуже учился; еще хуже пользуюсь тем, чему был учен и учился; многая милость Господня и снисхождение людей. – При сем, по обычаю моему, препровождаю вашему высокоблагородию несколько напечатанных проповедей моих, говоренных в Московской епархии».⁶⁵ При этом разумеются, конечно, раньше исчисленные проповеди 1821 года. Так кончился 1821 год.

Наступил 1822 год. В самом начале его, именно 13 января, во время служения в Успенском соборе, по случаю дня рождения Императрицы Елисаветы Алексеевны, Филарет простудился и проболел несколько времени. Но ему и болеть было некогда. «Суетам меры и конца нет», – писал он от 19 января наместнику Лавры Афанасию, несколько пооблегчившись от болезни⁶⁶. И эти «суеты», т.е. те же, что и прежде, дела, личные сношения и проч. не оставляли святителя Московского в покое и во все остальное время пребывания его на епархии в 1822 году, продолжавшегося до половины июля сего года.

Помимо разнообразнейших других дел, святитель нашел время посетить некоторые места в епархии, более или менее отдаленные от Москвы. Так, именно 4 мая он совершал освящение храма и открытие основанного княгиней Евдокией Николаевною Мещерскою (в монашестве Евгениею) и в этом году Высочайше утвержденного Борисоглебского женского общежития в Аносине Звенигородского уезда, при чем говорил и слово⁶⁷. 9 мая, в праздник святителя Николая, совершал священнослужение и говорил проповедь в Николаевском Перервинском монастыре⁶⁸. В конце мая, как мы знаем, посетил он родину свою, Коломну, где также говорил проповедь 28 числа, а на другой день после этого был в коломенском духовном училище в классное время и произвел испытание в знании учениками предметов училищного курса и в письменных

упражнениях.⁶⁹ На обратном пути из Коломны Филарет посетил Серпухов, где в Высоцком монастыре говорил проповедь 2 июня.⁷⁰ Наконец, 5 июля он снова посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру⁷¹ и также говорил там проповедь.⁷² Это была последняя проповедь его за 1822 год.

Кроме того, в самой Москве за первую половину 1822 года произнесено было им семь проповедей, начиная с 12 февраля и кончая 20 мая – днями памяти святителя Алексия. Все эти проповеди, вместе с проповедями 1821 года и житием преподобного Сергия, изданы были Филаретом по прибытии его в Петербург особым собранием под следующим заглавием: *Слова к московской пастве, в первый год управления ею говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца, из достоверных источников почерпнутое*,⁷³ Синодальным членом Филаретом архиепископом московским. В Санкт-Петербурге, при Святейшем Правительствующем Синоде 1822 года». Изданием их Филарет занимался в октябре и ноябре, о чем и писал к своей родительнице из Петербурга от 3 ноября: «Между делом, занимаюсь печатанием прошлогодних проповедей по благословению и на иждивении Святейшего Синода: таким образом будете иметь и ту, которая говорена в Коломне».⁷⁴ А в декабре того же 1822 года это издание и вышло из печати.⁷⁵ Этим, собственно, закончился первый год управления Филарета московскою паствою, – год, который можно назвать образцовым для всей дальнейшей деятельности его как архипастырской вообще, так и проповеднической в частности, который, в свою очередь, служил примером выполнения программы, намеченной во вступительной проповеди Филарета.

Между тем, если мы припомним из обозрения Тверского и Ярославского периода проповеднической деятельности Филарета, уже в 1820 году в Синоде поднят был вопрос о лучшей постановке дела катехизических поучений. В руководство для составления их тогда же рекомендованы были, между прочим, катехизисы *Петра Могилы*, *Димитрия Ростовского*, а из древних – *Кирилла Иерусалимского*⁷⁶. Но не только эти катехизисы, а гораздо позднее их составленный и до

последнего времени употреблявшийся катехизис митрополита Платона во многом не соответствовали потребностям времени, как в отношении учебном, так и в отношении к составлению поучений по руководству их. Давно сознанная потребность составления нового катехизиса назрела к рассматриваемому времени, – и вот, по предложению Святейшего Синода, святитель Филарет решился удовлетворить этой потребности.

Нелегкое дело составления катехизиса Филарет совершил в ту же свою бытность в Петербурге в 1822–1823 году. История составления и судьба катехизиса Филаретова, как пространственного, так и краткого, подробно рассмотрена нами в другом нашем исследовании.⁷⁷ Мы теперь отметим лишь ту особенность того и другого, что тексты Священного Писания в них, согласно обстоятельствам того времени, приведены в русском переводе.

Между тем Филарет, по составлении катехизисов и по одобрении их высшею церковною и высочайшею Властью, а также по завершении других дел синодальных, имея в виду духовные нужды своей епархии, испросил себе разрешение отправиться в свою епархию «на два года» и, по получении этого разрешения, отправился в Москву в августе 1823 года.⁷⁸ Это отбытие Филарета из Петербурга, продолжившееся потом, помимо его воли, и еще на два года, имело роковое для него значение. Уже с 1821 года начавшаяся глухая борьба против Библейского общества и против главнейшего дела его, которое было делом и Филарета, – перевода Библии на русский язык, теперь усилилась еще более. Страсти, сдерживаемые в присутствии сильного умом, словом и делом защитника мысли о переводе Библии – Филарета в Петербурге, не имели для себя никакой задержки в его отсутствие, хотя до времени все дело, по-видимому, шло в прежнем порядке. Перевод продолжался не только в 1823, но и в 1824 году; равно так же продолжаемы были и отчеты, и известия Библейского общества как в центральном управлении последнего в Петербурге, так и в провинциальных отделениях его, между прочим, и в Москве, где вице-президентом был, по принятому порядку, на место митрополита Серафима, Филарет. Не чувствуя за собою лично

никакой вины и глубоко убежденный в важности и великости дела перевода Библии на русский язык, как наилучшего и ближайшего способа к уразумению ее, Филарет с спокойной совестью деятельно споспешествовал ходу дела сего и дел Библейского общества вообще.

Так, уже вскоре, по вступлении своем в управление московскую паству, именно 17 сентября 1821 года, он, в качестве вице-президента, составил заседание по делам означенного общества.⁷⁹ Затем в начале 1822 года, на годичном заседании московского комитета того же общества, Филарет произнес речь, в которой, сопоставляя сокровища вещественные (деньги и вещественные приношения) с сокровищем духовным – словом Божиим, естественно указывает на малозначительность первых по сравнению с последним и призывает к исканию сего последнего. Затем тут же говорит, что «цель Библейского общества доставить душеспасительные книги Священного Писания каждому желающему на том языке и наречии, на котором он удобнее разумеет может».⁸⁰ В начале 1823 года, когда Филарет был в Петербурге, на годичном заседании московского комитета речь произносил, по поручению Филарета, викарий его Афанасий (Телятев).⁸¹ Но в 1824 году Филарет опять сам произносил таковую речь.⁸² Между тем, конечно, не даром уже в 1822 году Филарет, в речи своей на годичном заседании московского комитета Библейского общества, говорил:

«Есть люди, которые на Библейское общество, для них незнакомое, смотрят с недоумением и заботливостью потому самому, что Библия для них драгоценна, христианство любезно, и потому они опасаются, чтобы сие сокровище не было расточено неправильным употреблением, чтобы святыня сия не была нарушена недостойными руками. Таким образом, они заботятся о христианстве. Но не о том же ли заботится и Библейское общество? И так в основании разномыслия открывается единомыслие. Кого же здесь осуждать?

Но как единомыслие, совершенное лучше, нежели смешанное с разномыслием, и уверенность лучше, нежели сомнение: то должно стараться, чтобы не подавать никакого

случая к разномыслию, и не должно коснеть в сомнении, но употреблять пристойные средства, чтобы достигнуть уверенности. Сказать ближе к настоящему делу: Библейское общество во всяком случае должно и хранить, и являть чистоту своего намерения и действия; а недоумеющие о нем, дабы сомнение их не обратилось в несправедливое обсуждение невинного и доброго дела, пусть примут труд внимательно рассмотреть и исследовать то, о чем сомневаются, к чему дверь им всегда отверста. Мы сие и делаем, говорят они; пусть же скажут нам, для чего сие новое заведение в деле, столь древнем, и не подлежащем изменению, как христианство и Библия?

Сим вопросом начаться может отчет,⁸³ который не скоро может кончиться. Не думаю, чтобы совместно было войти в него в сие время в присутствии многих, которым он не нужен., однако, несколько слово для некоторых, может быть, не излишни будут.

Для чего сие новое заведение? – спрашиваете вы. Но что здесь новое? Догматы? Правила жизни? Но Библейское общество не проповедует никаких, а дает в руки желающим книгу, из которой всегда истинною Церковью были почерпаемы и ныне почерпаются и православные догматы, и чистые правила жизни.

Новое общество? Но сие не вносит никакой новости в христианство, не производит ни малейшего изменения в Церкви. Какая в том разница, типография ли, как было прежде, своим иждивением и трудом, печатает и приводит в употребление священные книги под наблюдением церковного начальства или то же самое делает общество, под тем же наблюдением церковного начальства? Разница только та, что общество, при обилии средств, может сие делать успешнее прежнего. Неужели новый успех в обыкновенном деле есть новость, достойная осуждения?

Но для чего сие заведение иностранного происхождения? – говорят еще. – В ответ на сей вопрос можно бы указать любезным соотечественникам на многие вещи, с таким же вопросом: для чего они у нас не только иностранного

происхождения, но и совершенно иностранные? Но, чтобы не удаляться от настоящего предмета, – самое искусство печатать книги не иностранного ли происхождения? Отвергли ли за то сие полезное искусство благочестивые предки наши? И теперь, что нужды, если иностранцам прежде нас пришла мысль усилить печатание священных книг и облегчить приобретение их? Да и прежде ли нас? Не была ли сия мысль в действии у нас в России еще прежде, нежели в Англии родилось от нее Библейское общество? Например, в 1803 году, когда экземпляр отпечатанной в то время Библии синодальной типографии стоил самой типографии 9 руб. 50 к., Высочайшим указом на доклад Святейшего Синода повелено продавать по 7 руб. 30 коп. за экземпляр. *Но дабы, – присовокуплено в сем указе, – сею дороговизною не затруднить способов приобретать священную сию книгу и самого бедного состояния людям, то всемерно стараться, кроме сего издания, о другом, которое бы дешевизною своею позволило пользоваться оным и сему состоянию.* Кто не видит из сего примера, что дух, которым теперь одушевляется Российское Библейское общество, совсем не есть чуждый, но тот же самый, которым еще прежде всех Библейских обществ одушевлялось и действовало благочестивое правительство Российское». Затем оратор указывает на пользу, которую уже успело принести общество распространением Библии и заключает свою речь следующими словами: «Бог Слово да ниспошлет мощное благословение Свое на всякое благонамеренное усилие к распространению между человеками слова спасения и разума, яже по благочестью».⁸⁴

Так уже в начале 1822 года приходилось вести борьбу с противниками Библейского Общества, притом не только кабинетную, а и публичную. В последующие же годы восстание против Библейского Общества стало еще более сильным и открытым. Главными вождями его явились: адмирал А. С. Шишков и Юрьевский архимандрит Фотий, коих помощью воспользовался граф Аракчеев для свержения ненавистного ему и могущественного за то время при Дворе покровителя Филаретова князя А. Н. Голицына. Пришлось много вытерпеть,

конечно, и Филарету, как одному из видных деятелей Библейского Общества. Так, несмотря на то, что в 1823 году Филарет, пред возвращением своим из Петербурга во вверенную ему епархию, от 2 июня награжден был орденом св. Александра Невского «за деятельное служение Церкви и духовному просвещению, как в прохождении пастырского поприща в разных епархиях, так равно и по званию члена Святейшего Синода и Комиссии духовных училищ, за назидательные труды в поучение пастве и начертание по духу Православной восточной Церкви и в разуме евангельской истины катехизиса, одобренного Святейшим Синодом»,⁸⁵ а затем, по особенному к нему Высочайшему доверию, посвящен был в государственную тайну о престолонаследии после бездетного императора Александра Павловича, – несмотря, говорим, на все это, уже в это же самое время слышались голоса, указывавшие на шаткость и его положения. Например, близко знакомый с тогдашними делами и лицами, бывший участником дела перевода Библии на русский язык и притом человек искренно расположенный к Филарету, заместитель его на кафедрах Тверской и Ярославской архиепископ Симеон Крылов от 4 июня 1823 года писал к епископу Владимирскому Парфению Черткову: «Жаль, что о Московском неприятно говорят: эти слухи, конечно, доходят и до него».⁸⁶ И от 26 июня тому же лицу: «Московский едет на два года, а мне сказывал князь Голицын, бывший здешний⁸⁷ губернатор, недавно возвратившийся из Санкт-Петербурга, что и долее пробудет. Мода с него спала, как говорят».⁸⁸

Неблагоприятные для Филарета слухи из Петербурга доносились и в Москву; неблагоприятно для него действовали и на духовенство, ему подведомое, и на паству, ему вверенную. Отголосок такого настроения жителей московских относительно Филарета слышится между прочим в следующих словах письма архиепископа Евгения Казанцева, – в то время Псковского, к родственнику его московскому священнику И. А. Благовещенскому от 29 мая 1823 же года: «Замечание московского духовенства, что по вступлении нового архипастыря много померло из духовных, меня изумило. Это

неблагоприятный знак. Ибо толковать приключения природы на счет лица есть знак неблагоприятного расположения. Да сохранит вас Господь от такового разделения сердец между начальником и подчиненными».⁸⁹

От острого взора святителя московского, хотя и спокойного в своей совести по незнанию за собой никакой вины, конечно, также не могло укрыться такое настроение. Этим объясняется характер его проповеди, сказанной 15 августа 1823 года в московском Успенском соборе «по возвращении к своей пастве из Санкт-Петербурга». В этой проповеди он радостно, как отец своих любимых чад, встречает своих пасомых такими словами:

«Что мне сказать? Откуда начать или куда обратить слово, которому и предшествующее время, и настоящий день, и побуждение сердца, и обязанность служения вдруг представляют многие предметы и указывают различные пути.

Первое всего – *благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя Имя Святое (Пс.102:1)*! Благословен сохраняющий полноту Церкви Своея, Небесный Пастырь и Посетитель душ, и в отсутствии земных пастырей пасущий стадо Свое; и пастырей, яко агнцев, водящий жезлом невидимым, призывающий и посылающий, удаляющий и возвращающий, разлучающий и паки соединяющий!

– Величает душа моя и Тебя, Благословенная Матерь Божественного Агнца и Пастыря, дивно некогда Успением Твоим собравшая полный собор апостолов и ныне к сему торжественному воспоминанию Твоего Успения сподобившаяся меньшего из служителей Церкви сей прийти в полноту сего священного собора⁹⁰.

Обращаюсь к вам, Боголюбезные братия и чада Церкви сей, не умолчу ныне о том, о чем умолчал здесь за год пред сим⁹¹, – о скорби разлучения с вами, которую тогда понес отсюда в стесненном сердце; не хотел я прикосновением раздражать рану, которой не мог вылечить. поскольку не в моей было власти отвратить самое разлучение: то не стал уже я расточать слова бесполезного сетования о том; и в безмолвной покорности вручил недавно воспрियाтое стадо благодари Пастыреначальника и молитвам пастырей: Петра, Алексия,

Ионы и Филиппа, которых помощь также благодарно исповедую и паки призываю к соблюдению стада, с вящим преспеянием, даже до дня Иисус Христов.

Что касается до продолжительности отсутствия моего, скажу со Апостолом: *не хочу не ведети вам, братие, яко множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых доселе* (Рим. 1:13). Чем возбранен был? Возбранен тою же священной властью, тем же законом послушания, которые и в начале меня сюда привели, и вскоре отсюда воззвали, *возбранен бых* тем же самым делом служения, которым возбуждалось и желание *прийти к вам*. Неволя святая! Беззаконно было бы рваться из нее в свою волю с нетерпеливостью или упорством. – Наконец пользуюсь, – добавляет вития, – дарованною свободою *прийти к вам, и притом не на краткое время*».

Но в то же время святитель не скрывает и своей заботливости о положении своем среди паствы, не таит своих опасений относительно настроения по крайней мере части пасомых и подчиненных в отношении к нему. «Скажу ли, – говорит он вслед за приведенными сейчас словами, – что пользуюсь оною (т.е. свободой) с радостью? Не скажу: потому что не знаю, послужит ли сие к истинной радости вашей, а без сего радость моя была бы неосновательна и суетна: ибо как нас учили нашу радость и самую жизнь нашу полагать в вашей радости о Господе и в вашей жизни по вере: *ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1Сол.3:8). Таким образом, после минувшей скорби разлучения, после окончившихся трудностей отсутственного попечения о Церкви, у меня остается одна беспокойная забота, забота неизвестности: будет ли продолжение служения моего благоугодно Богу, полезно Церкви, спасительно душам вашим. Итак, скажу паки со апостолом: *исполните мою радость* (Флп.2:2). Облегчайте до всех вас касающуюся заботу, во-первых, общими молитвами, во-вторых, облегчайте сию необъятную заботу – малыми⁹² заботами, каждый о своей душе, не теряя данного для спасения ее времени, которого каждому из нас остается не более, как несколько десятилетий, а иному только несколько лет или даже,

может быть, несколько дней и которое, быв однажды потеряно, ниже ценою вечности выкуплено быть не может».⁹³

Так проповедник незаметно, но весьма искусно дает понять своим слушателям, чем следует им заниматься вместо нередко в среде их занятий пересудами, да еще над архипастырем своим. И за тем «кстати», как он далее выражается сам, – и подлинно во всех отношениях весьма «кстати», – вспоминает «о смерти» и предлагает поучение о ней, о необходимости непрестанного помышления о ней и приготовления к ней. Это как нельзя лучше согласовалось как с мыслью о празднике Успения Божией Матери, так и с собственным душевным настроением проповедника в настоящие минуты жизни его, кроме утешительных представлявшим много и неутешительных сторон.⁹⁴

Но худшее для Филарета ожидалось еще впереди. Остальная половина 1823 года прошла без всяких более или менее чувствительных для него неприятностей. Напротив, поощренный милостивым вниманием монарха, оказанным ему пред отъездом в Москву, Филарет с надеждою на лучшее взирал в даль будущего. Для передачи вышеозначенной тайны государственной на хранение в московский Успенский собор, государь, вскоре по возвращении Филарета на свою епархию, именно в ночь с 24 на 25 августа⁹⁵ сам прибыл в Москву. «На другой день, – читаем в «Московских ведомостях» за 1823 год – изволил слушать обедню в Успенском соборе, где высокопреосвященнейший Филарет встретил Его Величество приветственной речью»⁹⁶ следующего содержания:

«Пред Богом сретаем Тебя, благочестивейший Государь! И благодарим Его, что утешает нас Тобою; и молим Его, да утешит и Тебя нами. – Воззри еще на сей царелюбивый народ и утешься его любовью, которая и скрываемому в глубокой ночи пришествию Твоему не допустила утаиться, но восприяла Тебя гласом восторга. – Воззри еще на сей многовековой царственный град, который дано Тебе, в краткое время, из развалин и пепла возродить; и утешься сим, как знаменiem того, что Бог, посетивший неправды наши, еще сохранил здесь благословение праведных: ибо в *благословении правых*

*возвысится град, говорит слово правды (Притч.2:11). – Бог благословений да споспешествует Тебе выну и в важнейшем царственном зиждительстве Твоем, – в зиждительстве и возвышении нравственного и духовного порядка, в утверждении веры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы. – Господи! спаси царя, и благослови, и сохрани вхождение Его и исхождение Его, ко спасению царства».*⁹⁷

«По окончании Божественной литургии, – замечается как бы с особым намерением в современном событию листке, – государь Император изволил ходить в прочие соборы»⁹⁸. Шесть дней пробыл Государь в своей древней столице и «в день тезоименитства своего 30 августа изволил в Успенском соборе слушать Божественную литургию, которую совершал высокопреосвященнейший Филарет с знатнейшим духовенством».⁹⁹ На Государе в это время была надета «лента Александра Невского».¹⁰⁰ Филарет при этом встретил его следующей речью: «Благочестивейший Государь! Тогда как вся Россия приносит Богу радость о благоденствии Твоем и молитву о продолжении оногo, мы, обитатели сей столицы, имеем еще то дополнение радости, что видим Тебя самого участвующего в нашей молитве и что Ты можешь видеть нашу радость. – Тот, Который обещал исполнить молитву двух или трех человек, приносимую в вере и единомудии, да совершит молитву, которую ныне единомудно приносят о Тебе многие миллионы Твоих верноподданных, а нам да дарует чаще наслаждаться сей полнотой радости в твоём лицезрении».¹⁰¹

К сожалению, этому последнему желанию не суждено было осуществиться. Государь пробыл весь день 30 августа в Москве, вечером удостоил своим присутствием бал в Благородном собрании; а на другой день 3 августа в 7 часов утра отбыл из Москвы,¹⁰² – и с тех пор до самой кончины своей уже не посещал более своей древней столицы.¹⁰³ С тем вместе и Филарета как бы покинул на время ангел-хранитель спокойствия его на земле.

В отсутствие митрополита Филарета из Петербурга направленная против него буря все крепчала и крепчала, волны вздымались все выше и выше, пока не разразились в 1824 году

крушением дела, которое он защищал, и оскорблением его незапятнанной ничем дотоле чести. Фотий все более и более приобретал влияния на дела и лица, стоявшие во главе управления и все более и более настойчиво ратовал против Библейского Общества и лиц, стоявших на стороне его. Так, архиепископ ярославский Симеон к епископу Парфению от 20 ноября 1823 года писал: «Дивлюсь отзывам старца о Фотии.¹⁰⁴ Кажется, он не стоит их».¹⁰⁵ И подлинно Фотий был только орудием в руках более сильных и искусных. Его настраивал граф Аракчеев, привлечший к содействию себе еще, как замечено было выше, адмирала А. С. Шишкова, человека честного, но до фанатизма неумеренного ревнителя старины и противника новизны, между прочим, и Библейского Общества. Помогали еще и некоторые иные по разным, большею частью своекорыстным целям.

Общими усилиями прежде всего удалось им склонить на свою сторону митрополита Серафима, а затем, в мае 1824 года,¹⁰⁶ свергнуть князя А. Н. Голицына. Последний вынужден был оставить должности министра духовных дел и народного просвещения, а равно и президента Библейского Общества, оставшись лишь при управлении почтовою частью. Должность министра духовных дел была уничтожена, а значительнейшая доля прав и обязанностей по этой должности перешла к обер-прокурору Святейшего Синода, которым остался князь П. С. Мещерский. Должность министра народного просвещения поручена была Шишкову, – а должность президента Библейского Общества, которое Государь не хотел уничтожить, вопреки желаниям противников его, – митрополиту Серафиму. Аракчеев же удовольствовался тем, что ему было желательнее и нужнее всего, – исключительною близостью к Императору и влиянием на все отрасли управления, каковое влияние и значение при дворе доселе разделял с ним князь Голицын.

Несмотря на противление государя закрытию Библейского Общества, лица, ставшие теперь во главе управления и желавшие этого закрытия, особливо же Шишков,¹⁰⁷ не только не стали тормозить ход дел этого Общества, но и всякими мерами способствовать уничтожению всего, чего оно доселе достигало

великими жертвами и усилиями, стали, так сказать, способствовать своего рода самоумерщвлению этого Общества. А при этом, как само собою понятно, нельзя было не потревожить и лица, так или иначе прикосновенные к Обществу и по неведению ли о переменах в управлении делами или по убеждению в правоте своего дела, способствовавшие процветанию его.

Весьма много пришлось пострадать и Филарету. С верою в правоту дела, на стороне которого он стоял в отношении к Библейскому Обществу, с верою в справедливость людей, стоявших до и после майской перемены во главе управления, которым он, кроме добра и уважения, никогда ничего не оказывал и из которых, по крайней мере князя Голицына и митрополита Серафима,¹⁰⁸ он считал даже искренне расположенными к себе, святитель московский с неуклонной правильностью совершал дела пастырского служения своего, право правил слово истины и вообще вполне честно исполнял все так или иначе возложенные на него обязанности.

Конечно, по-прежнему одним из главнейших видов деятельности святителя было ревностное проповедание слова Божия, не только в самой Москве, но и по епархии. В проповедях его за вторую половину 1823, и за весь почти 1824 год, конечно, главное содержание составляет изложение истин слова Божия и применение их к тем или другим слушателям. Но при этом невольно иногда прорываются у проповедника (которому, как само собою понятно, не могли быть неизвестны и те петербургские события, кои, не касаясь пока его самого лично, касались, однако, же Библейского Общества и его ближайших деятелей) выражения, хотя и весьма осторожные, характеризующие то или другое настроение его по поводу событий, которыми сопровождалось постепенное, так сказать, умирание Библейского Общества.

Таковы, например, слова: «В день собора святого Архистратига Михаила», говоренное в Архангельском соборе 8 ноября 1823 года, о препирательстве Михаила с диаволом о *Моисеове телеси* (Иуд.1:9); «В день обретения мощей св. Алексия митрополита», говоренное в Чудовом монастыре 20

мая 1824 года на текст «Блаженни плачуции ныне, яко воссмеется» (Лк.6:21); «В Неделю по Воздвижении», произнесенное в 1824 году (но, по показаниям Евреиновского сборника, произнесенное не осенью, а весною, именно в Неделю Крестопоклонную 9 марта)¹⁰⁹ и приглашающее слушателей к тому, чтобы «внимательно размыслить, что значит *«постыдиться Сына человеческого и словес Его»* (Мк.8:38) и как можно впасть в сие преступление¹¹⁰ и т.д.

Так, в первом из этих слов мы читаем: «Если представим одного из первых друзей царевых и одного из последних рабов, обличенного в преступлении и осужденного, разность между ними очень еще мала в сравнении с разностью между Михаилом Архангелом и диаволом. Много ли позволит пред собой вельможа осужденному преступнику? Но Михаил Архангел позволяет диаволу препираться с собою. Когда повествователь о сей распре замечает, что Михаил *не навел хульного суда*, сие дает разуметь, что *диавол* произносил же хульный суд. Архангел Михаил! Он не смел отвечать безумному по его безумию.

Посмотрели бы на сию Ангельскую распрю люди, принимающие себе высокие звания, которые, однако, же не выше земного, и вспомнили бы при сем, как иногда обращаются они с людьми, которых почитают ниже себя. Как часто даже не за вину и не в распре унижают подобных себе укоризненными и хульными названиями.¹¹¹ И далее как бы кто ни рассуждал о предмете сего спора, никто не усомнится в том, что на стороне Михаила была совершенная правда, а на стороне противника его несправедливость совершенная. Несмотря на то диавол препирается, а Михаил Архангел не смеет. Мы, за которых так же, и, без сомнения, многократно, Ангелы Хранители наши препираются и сражаются с диаволом, дабы сохранить нас, не по нашему достоинству, но по их небесному человеколюбию, подражаем ли в наших земных спорах терпению и кротости небесных защитников наших? Терпим ли и тогда, когда совершенно уверены в несправедливости препирающихся с нами? Сохраняем ли кротость и против явной наглости? Не часто ли, напротив того, с упорством и ожесточением

препираемся за то, в справедливости чего сами не уверены»¹¹² и т.д.

Или из слова на 9 марта 1824 года: «Войдем в какое-нибудь из обыкновенных собраний в доме или *на преддвории*; поищем христиан между сынами века сего; вслушаемся в разговоры. Тотчас услышим ласкательство, злоречие, голос тщеславия, корысти, смех легкомыслия, вопли нетерпеливости, суждения о всем, что знают и чего не понимают».¹¹³

А вот еще выдержка из проповеди, сказанной 20 мая того же 1824 года, то есть тогда, когда уже состоялось падение князя Голицына, следовательно, когда такие лица, как известный основатель и деспотический распорядитель военных поселений, известный своею близостью ко двору вельможа граф Аракчеев и его сподвижники, не уступавшие друг другу в упорстве при защите своих мнений, хотя бы и неосновательных, архимандрит Фотий и адмирал Шишков, уже торжествовали свою победу. Разумеем проповедь, сказанную на текст: *Блаженни плачущи ныне, яко воссмеется*, и приглашающую слушателей подумать «о смехе мира – без смеха, и о плаче Евангельском – без уныния».¹¹⁴

В этой проповеди наше внимание обращают на себя в настоящую минуту особенно следующие слова: «Подумайте, *смеющиеся ныне*, живущие только настоящим удовольствием, какое странное и неуместное явление вы представляете из себя ныне, хотя бы ничем не угрожало вам будущее! Не напрасно мудрец входит в распрю против смеха и веселия: «*Смеху рекох: погрешение, и веселю: что сие твориши*» (Еккл.2:2) («Я сказал смеху: ты безумствуешь; я сказал веселию: что ты делаешь?»). Испытав приятное во всех на земле видах, он узнал, что в любезном смехе мира кроется ныне и что из него после откроется. «Даже среди смеха, – говорит он, болит сердце, – последние же радости в плач переходят» (Притч.14:13),¹¹⁵ то есть чувственное удовольствие и само в себе всегда не чисто, но смешано с неприятностью, и утомительно, и в своих последствиях бедственно; ибо не только исчезает, но и превращается, наконец, в противное».¹¹⁶

В этом отрывке из проповеди, которая, с другой стороны, ввиду текста, лежащего в ее основании, направлена к утешению скорбящих, кроме предостережения людям, предававшимся смеху и веселию, быть может, насчет скорби, плача других; примечательно то, что проповедник предлагает русский перевод славянского текста Священного Писания и сверх того принимает во внимание еврейский текст. Для людей, знающих, из-за чего и в какой степени упорно ратовали такие лица, как Фотий и Шишков, против Библейского Общества и одного из главнейших дел, последнего перевода Библии на русский язык, понятно будет наше настоящее замечание.

Но поспешим к изображению того, что, собственно, Филарет испытал за тот же тяжкий 1824 год. В марте 1824 года он созвал членов Московского отделения одного на генеральное собрание для выслушания отчета за истекший 1823 год. При этом он, по «принятому обычаю», произнес также и речь, в которой, упоминая о различного рода отчетах (*работный, хозяйственный и нравственный*), которых собрание вправе требовать от комитета, останавливается более всего на отчете *нравственном*, то есть на отчете «в том, какую нравственную прибыль принесло Библейское Общество христианскому человеческому обществу».¹¹⁷

Как же оратор нам отвечает на этот вопрос? «На требование» такого отчета, говорит он, «ответствовать можно, во-первых, что так как существенный плод, который принести может и приносит Библейское Общество чрез распространение книг Священного Писания, а чрез них истинного христианского учения, рождается в сердцах», то «един Сердцеведец может верно исчислить и оценить плод духовный, какой в сердцах рождается». Впрочем, «самое желание читать священные книги, во многих возбуждавшееся по случаю столь гласного их распространения, есть уже залог нравственного их улучшения, подобно как в телесных болезнях возбуждающееся желание пищи и правильный вкус полагается между признаками выздоровления.

Во-вторых, на требование нравственного отчета в продолжающемся ныне распространении чтения священных

книг, можно сказать, что сей отчет получают в свое время потомки. Кто весной посеял семя травное, у того следующей осенью можно спросить, сколько он собрал: но кто посеял семя плодового дерева, у того и после нескольких лет иногда еще рано спрашивать, с избытком ли заплачено ему плодами за иждивение и труды сеяния и возвращения. Сеющий семя слова Божия сеет для вечности: не поздно будет, если сильный всход посеянного более окажется во втором, нежели в первом роде, от семени, которое падет на мягкую землю юных сердец при улучшенном воспитании.

В-третьих, если бы кто захотел настоятельно требовать, чтобы ему показали, какое приметное действие произведено усилиями здешнего Библейского Общества в тех наипаче людях, которые более близки, и по некоторому предварительному образованию более кажутся способными к принятию от оногo желаемых впечатлений: да будет нам позволено сей настоятельности противополoжить некоторую смелость, и просить вопрошающих, чтобы они размыслили, кто кому более обязан в сем случае отчетом: Общество ли людям, для которых и между которыми оно действует, или напротив они Обществу? Если бы в стране, страждущей скудостью хлеба, состоялось общество пропитания, собрало пособия, открыло по местам продажу хлеба по умеренной цене, а для неимущих – безденежную раздачу оногo, чего более можно требовать от сего благотворительного общества для сей страны? Обязано ли оно еще ответственoвать, если кто захочет лучше питаться кореньями, или чем-нибудь подобным, нежели покупать чистый хлеб, или если в каком присоединившаяся к голоду болезнь совсем угасила желание пищи? Так, когда Библейское Общество, с своей стороны, повсюду предлагает священные книги для напoитания страждущих голодом слышания слова Божия: должно ли оно еще ответственoвать, довольно или не довольно пользуются сею здоровою и спасительною пищей? Не более ли напротив оно в праве, после десяти своих отчетов¹¹⁸, хотя однажды предложит тем, для которых оно трудится, чтобы и они подумали, не обязаны ли отчетом, если не Обществу, по

крайней мере себе самим, в том, как пользовались доброжелательными для них усилиями Общества?»

И далее, в пример требования подобного отчета, оратор приводит слова св. Иоанна Златоуста из 2 и 5 бесед на Евангелия от Матфея о потребности чтения Священного Писания и поучения в нем и для мирских людей, а не для одних монахов, причем добавляет, что неисполнение этого требования во дни Златоуста могло еще иметь извинение для себя в том, что тогда не было книгопечатания и, следовательно, не было столь удобного способа к умножению и распространению экземпляров книг Священного Писания, как в настоящее время.

«Наконец» оратор считает нужным «упомянуть о последнем отчете, от которого уже никому не можно будет уклониться, когда он будет потребован. Его потребует само Слово Божие, по непреложному изречению Иисуса Христа: *не приемляй глагол Моих имать судящаго ему: слово еже глаголах то судит ему в последний день* (Ин.12:48). Какой дадим мы Ему отчет, если оно некогда скажет нам: по правосудию, вы достойны были того, чтобы *странствовать от моря до моря, и от севера до востока, и обтекать, ищуще словесе Господня, и не обрести* (Ам.8:12); но по милосердию к вам, Я странствовало по вашим городам и весям, ища вас; почто вы Меня или не принимали, или не довольно искренно принимали? Почто не учились от Меня мыслить, чувствовать, действовать, жить, умирать и восставать в воскресение жизни?». И заключает свою речь таким знаменательным обращением к самому Слову: «Божественное Слово, живое и действенное и судительное помышлением и мыслям сердечным! Приемлет Тебя сердце наше, и руки наши, по возможности, передают Тебя братьям нашим. Наставляй всех нас, живи и действуй во всех нас, суди и исправляй наши помышления и расположения сердечные, и, по благодати Отца Слова, не осуди нас в последний день»¹¹⁹

Кроме генерального собрания членов московского отделения Библейского Общества Филарет и после майской перемены министерства и главного управления делами Общества, именно 12 августа того же 1824 года, пригласил членов на заседание для обсуждения текущих дел. Выписка из

журнала этого заседания напечатана была потом в № 69 *Московских Ведомостей* за тот же год под 27 августа. И вот это обстоятельство, не особенно важное и в существе своем вполне законное, – так как Российское Библейское Общество юридически еще существовало во всей своей организации и со всеми своими прежними отправлениями, – подало повод новому министру просвещения, адмиралу Шишкову, разразиться бурным потоком негодования на архиепископа московского, в письме на имя графа Аракчеева от 13 сентября того же года. Аракчеев сообщил содержание этого письма митрополиту Серафиму, как президенту Библейского Общества. Митрополит Серафим, в свою очередь, от 16 сентября писал письмо Филарету на латинском языке, убеждая его «не посылать ничего в газеты, для напечатания, о делах библейских, как то сделано было им в предшествовавшие дни, а в случае надобности присылать в Петербург для напечатания в известиях Библейского Общества»¹²⁰.

В том же смысле и около того же времени писал Филарету и бывший ученик его и неизменный друг, в то время викарий Серафима, Григорий Постников, с добавлением известия, что «Шишков, слыша о том, что происходило в Москве по библейскому делу, послал в университетскую типографию приказ, чтобы там не печатали, ежели что будет прислано из Библейского Общества»¹²¹ А вот как около того же времени Юрьевский архимандрит Фотий писал к Симоновскому в Москве архимандриту Герасиму: «Православие торжествует. Порадуйся, старче преподобный! Нечестие пресеклось; армия богохульная диавола паде, ересей и расколов язык онемел, общества все богопротивные, якоже ад, сокрушились. Министр наш один Господь Иисус Христос во славу Бога Отца, аминь. P. S. Молися о А. А. Аракчееве; он явился раб Божий за св. Церковь и веру, яко Георгий Победоносец. Спаси его Господи»¹²²

Но и это еще не все. С 1 ноября начинается со стороны того же адмирала Шишкова ярое нападение на катехизисы Филарета (главным образом за то, что в них тексты Священного Писания приведены в русском переводе) кончившееся запрещением продажи их.¹²³ В своем неумеренном, фантастическом

противоборстве делу, мало понятому, Шишков с своею партией вздумал коснуться и проповедей Филарета, благо сам проповедник был вдали от Петербурга. «Несбыточная молва о катехизисе, – со скорбью писал Филарет митрополиту Серафиму от 14 декабря того же 1824 года, – которая, однако, сбылась, делает сбыточною молву, которая теперь идет о проповеди моей в день Благовещения, что она будет запрещена. Не имея дерзости доверять исправности собственного дела, озаботился бы я, может быть, сим случаем; но не без промысла, думаю, Божия так устроилось, что спокойствие совести моей в сем случае подкрепляется и утверждается двояким свидетельством вашего высокопреосвященства. Во-первых, сохранилась у меня рукопись сей проповеди, на которой ваше высокопреосвященство собственною рукою исправили одно выражение, и не более, печатание произведено согласно с сею рукописью и с вашим исправлением. Во-вторых, сохранилось у меня собственноручное ваше письмо, в котором сделанный вами о сей проповеди отзыв столь благосклонен, что я в другом случае не отважился бы обнаружить оный, опасаясь тщеславия, но теперь принуждаюсь¹²⁴ выписать. Вы пишете: «проповедь Вашу на Благовещение я читал: она, по моему мнению, есть самая лучшая из всех проповедей ваших». После сего не мое маловажное дело, но важное свидетельство вашего высокопреосвященства защищать должно, если только нужно защищать в деле сего рода суждение первенствующего члена Синода против возражения одного светского человека, который, по своему произволу, произвел себя не только в богослова; но и в судию веры и Церкви. Не называю его,¹²⁵ потому что говорю за истину дела,¹²⁶ а не против человека, каков бы он ни был против моего дела и против меня, но он вашему высокопреосвященству известен и наименован в одном из писем ваших ко мне, с справедливым замечанием о источнике его ревности.

А если и было бы нужно защищать такое суждение против такого возражения, и сие не трудно. Возражение состоит в том, что в проповеди моей Иосифу, до явления ангела,

приписывается *неведение о тайне Богоневесты*. Но если меня осудить должно за то, что я не от себя, но по изъяснению слов евангельских приписываю Иосифу *неведение* в сем случае, то гораздо более осудить должно святого Златоуста, который в сем же случае, в приведенных мною словах его, приписывает Иосифу не только *неведение*, но и *зазрение*. Гораздо также более, нежели мою проповедь, осудить должно богородичный акафист, в котором приписывается Иосифу не только *неведение*, но и *сомнение*, которое притом выражено в кондаке четвертом следующими резкими чертами: *бурю внутрь имея помышлений сумнительных, целомудренный Иосиф смятется, к тебе зря небрачней, и бракообрадованную помышляя, непорочная и прочее*. Если Златоуст прав, если акафист священ, то и согласная с ним проповедь, вашим высокопреосвященством одобренная, одобрена в совершенную сообразность с учением православной Церкви. Повторяю, что писал уже к вашему высокопреосвященству, по случаю катехизиса.¹²⁷ Если сквозь дело хотят уязвить¹²⁸ лице, пускай; но должно ли попускать, чтобы подкапывали твердость и доверенность церковного правительства, чтобы возмущали мир Церкви? – Дело правде, а себя милости вашего высокопреосвященства предавая, с глубоким почтением и преданностью долгом поставляю пребыть вашего высокопреосвященства, милостивого архипастыря и благодетеля, всепокорнейшим слугою, Филарет, архиепископ московский»¹²⁹ Из нескольких проповедей Филарета на Благовещение за рассматриваемый период, в настоящем случае разумеется проповедь, сказанная в 1824 году в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Не даром митрополит Серафим с такою высокою похвалою отзывался об этой проповеди. Это – перл истинного церковного витийства. Она сказана не текст: *и рече Мариам: величит душа моя Господа, и возрадовася дух мой о Боже Спасе моем: яко призре на смирение рабы своея: се бо отныне ублажат мя вси ради* (Лк.1:46–48). Тема же ее выражена в словах проповедника: «Вслушаемся в молчание Мариино, и поучимся от нее бережливо употреблять сокровище слова»¹³⁰. К сожалению, в

настоящее время, в виду значительности объема ее, мы не можем сделать из нее выдержку больше, нежели сколько потребно собственно для уяснения спорного в ней места.¹³¹ Вот это место, в сущности бесспорное, но в 1824 году подвергшееся спору благодаря людям любоспорливым. Говоря с похвалою о молчании Мариином, проповедник не забывает и молчания Иосифова: «Иосиф видит, – читаем у него, – в Мариами, чего не ожидал, и чего понять не может: но молчит, и не вопрошает ее... Где Ангел Хранитель Иосифа? Почто он так долго не является и не предохраняет праведника, когда чистая душа его столь удобно может омрачиться мыслью неправедного, и даже богохульного подозрения? И – если не дерзновенно вопрошать о сем – почто так долго безмолствует и Сам Посылающий Ангелов? Почто медлить просвещать своего праведника, и спасти Ту, в которой спасение мира? – *Зри*, восклицает святой Златоуст, указуя на Иосифа в сих обстоятельствах, *зри мужа кротость: не токмо, яко не мучи, но яко ниже изрече кому, ниже самой зазираемой, но в себе помышляше, и от самыя Девы тщася укрыти вину. Ниже бо рече, яко отринуту ю хотяше, но отпустить. Толико бе кроток и тих муж. И еще: егда бо держати ю в дому, законопреступно быти видяшеся; обличите же и на судище вести, смерти предати нужда бяше: он же ничто же от сих творит, но выше закона уже себе устрояет. Подобаше бо, благодати пришедшей, многим быти уже высокого жительства знаменам* (Беседы на Матфея, 4). Подлинно, видно, сердце праведника уже предчувствовало Христовы заповеди, чтоб иметь *око простое* (Мф.6:22) *и не судить, дабы не быть судимым* (Мф.7:1). Потому, он видит признаки матери, и, однако, не хочет предаться помыслам подозрения о Деве; имеет закон, уполномочивающий супруга, и, однако, не хочет судить обрученную.¹³² *Не хотя Ее обличити восхоте тай пустити ю.* Видите, какие возвышенные добродетели заключает в себе молчание Иосифа. Но еще выше, – продолжает вития, – молчание Мариами. Тот молчанием облегчает затруднение чужое, и в то же время находит средство прекратить свое затруднение: а сия в молчании носит свою опасность, и с

каждым днем молчания увеличивает свое затруднение». Получив Божественную тайну о рождении от Нее – Девы Сына Божия, Она, по словам проповедника, хранит ее даже от столь близкого к себе человека, как обрученный ей Иосиф, таится «от него» с явною для себя опасностью не только *обличения*, но, как изъясняет святой Златоуст, с опасностью суда и смерти... В сем молчании совершается непрестанная, чистая, великая жертва Богу Слову. Не удивительно, что и Божественное откровение на время безмолствовало, чтобы дать созреть, и в наставление наше открыться, столь великим добродетелям. Безмолвная жертва Мариам совершилась; мысль Иосифа решительно утвердилась в бесстрастии; тогда слово небесное пришло увенчать подвиг молчания, прекращением затруднения Мариам, и открытием Иосифу велией тайны благочестия. *Сия же ему помыслившу, се Ангел Господень во сне явился к нему, глаголя: не убойся прияти Мариам жены твоея: рождшееся в Ней от Духа есть свято (Мф.1:20).*¹³³ И так это то место из проповеди Филарета, вполне согласное с Священным Писанием и Церковным Преданием, и послужило целью для метания стрел со стороны врагов Филарета. Так как проповедь по началу вращалась лишь в кругу московских читателей богословов и не богословов по наряду, а в Петербурге была известна только цензору ее – митрополиту Серафиму, то застрельщиков, если позволено будет продолжение сравнения, нужно искать в самой же Москве. Из вышесказанного мы уже знаем, что в числе лиц московского даже духовенства, не говоря о светских лицах, были такие, которые рады были унижению своего архипастыря и готовы стать в ряды клеветников Фотия и Шишкова и врагов Филарета. Для сего припомним хотя письмо Фотия к Герасиму. А у жизнеописателя Филарета Н. В. Сушкова находим даже прямое указание на лица, которые нам нужны в настоящее время. «Во время нападения на его катехизисы, говорит Сушков, одним из неугомонных клеветников Шишкова был некто Смирнов (Степан); на него-то указано во втором письме владыки к митрополиту Серафиму.¹³⁴ Смирнов, послужив под начальством князя Голицына, вышел в отставку, переселился в Москву и стал

смелее производить свои набеги и на перевод Библейским Обществом нового завета и на проповедь, о которой упоминается в том же втором письме московского архиепископа, и на катехизисы его. Один священник, при храме Положения ризы Иисуса Христа, за Москвой рекой, сдружился со Смирновым и также стал намекать в своих проповедях на мнимые ошибки и небывалые заблуждения своего архипастыря!.. но архипастырь не препятствовал ему толковать о себе, что и как угодно; он хранил молчание, чтоб два друга ни взводили на него.¹³⁵ И только тогда уже святитель московский обратился к своему старейшему собрату по архиерейству с словом в защиту себя, когда увидел, что дело грозит выйти из пределов московской епархии и из Петербурга возвратиться в нее в сопровождении такого же указа, какой произвел запрещение катехизисов. Чем же увенчан был «подвиг молчания» самого Филарета? – Увы! до полного увенчания было еще далеко, и терпению его еще не приспел конец. По крайней мере, что отвечал Филарету на письмо его митрополит Серафим, которому он доверил защиту себя от непризванных судей? «Два письма ваши, – писал он ему во второй половине декабря того же 1824 года, – одно от 8-го, а другое от 13-го¹³⁶ сего месяца, получил я в один день. Ответствую на первое, яко важнейшее». И далее разъясняет историю запрещения катехизисов. А о проповеди в день Благовещения – ни слова. Впрочем, в заключение письма утешает святителя московского следующими искренними словами участия к нему: «будьте уверены, что принимаю в вас дружеское участие, искренно желаю вам всякого добра. По сим чувствам дружбы и любви моей к вам, как прежде сего поступал я, так и теперь следую им неизменно. Я чувствую, что положение ваше тяжело и скорблю о сем от всего сердца, что не имею возможности облегчить вас от бремени. И так потерпи, пастырь добрый, – терпение не посрамит; оно доставит вам опытность, которая впоследствии времени крайне полезна вам будет, что я имел случай и сам над собою дознать»¹³⁷ Терпение, подлинно великое терпение потребно было безвинно страдавшему святителю московскому; и невольно навязывался вопрос: когда же конец этому

терпению? Еще в мае 1824 года, при вести о падении князя Голицына, Филарет мог, по крайней мере, несколько развлечь себя поездкой по епархии, каковую поездку он и совершил в первой половине июня, как о том свидетельствуют проповеди его, говоренные 6 июня при посещении города Вереи, – 8 июня при посещении г. Можайска и 12 июня при посещении города Волоколамска.¹³⁸ А теперь была зима, когда, при своем хилом здоровье, Филарет остерегался выезжать куда-либо из Москвы. Душно было среди той атмосферы, которая окружала его в Москве, полной слухов и толков, неблагоприятно касавшихся его личности и бывших один другого неприятнее.¹³⁹ Душно было и в кельи при безотвязных мыслях о том, что ожидает впереди, и тем более, что враждебное министерство только еще недавно вступило во власть; а по всему заметно было, что и на самого государя оно, хотя бы и чрез Аракчеева, производило сильное давление в том же неблагоприятном для деятелей Библейского Общества смысле.¹⁴⁰ И без сомнения, оно влияло на то, что государь не только в 1825, но и в 1824 году по лету и осени, проезжая мимо Москвы, не заезжал в нее.¹⁴¹ Оно же влияло на то, что и в состав членов Святейшего Синода, вместо расположенных к Библейскому Обществу Амвросия (Протасова), архиепископа Казанского и Ионы (Павинского), архиепископа Тверского, к началу 1825 года вызван был неблагоприятно расположенный к Библейскому Обществу и неблагоприятно к Филарету митрополит Киевский Евгений Болховитинов.¹⁴² Таким образом, отовсюду неслись слухи и вести к святителю московскому, внушавшие ему доселе одно лишь терпение и терпение..., однако, нужно было ему что-нибудь и делать среди этих слухов и вестей, и именно в тех видах, чтобы поддержать свое архипастырское достоинство хотя бы пред своею паствою, смущаемою таковыми слухами и вестями. Публично наносимые, хотя и несправедливые оскорбления, и укоризны, требовали публичного же и действия к их устранению. И вот Филарет прежде всего и ближе всего в проповеди на Рождество Христово, сказанной в конце того же 1824 года, разъясняет дело о том, что послужило поводом к обвинению его в проповеди на Благовещение того же года.

Проповедь говорена была в Успенском соборе, следовательно, при большом стечении народа на такой великий праздник, как Рождество Христово. Она исходит от текста: *сие-же все бысть, да сбудется реченное от Господа пророком глаголющим: се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил: еже есть сказуемо, с нами Бог (Мф.1:22–23)*. Таким образом уже самый текст для проповеди выбран был такой, что мог служить и для разъяснения вышеупомянутого дела, хотя темою проповеди поставлено собственно рассуждение «о точном исполнении пророческих слов, относящихся к Рождеству Господа нашего Иисуса Христа»¹⁴³ Как же проповедник приступает к нужному для иной цели рассуждению и разъяснению? Первее всего в самом начале проповеди он говорит в виду текста следующее: «Неоднократно замечает святой евангелист Матфей, что все обстоятельства и происшествия, которыми ознаменовалось рождение на земли воплощенного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, были не просто стекшиеся обстоятельства и происшествия, но точные события пророческих предсказаний. Замечание, – (добавляет проповедник, как бы указывая на недавно совершившиеся события своей жизни), – важное не для одних иудеев, которые и на то, что можно рассмотреть простыми глазами, не иначе хотели смотреть, как сквозь зрительное стекло пророков, но и для всякого, кто желает в перепутанных случайностями путях человеческих¹⁴⁴ открывать следы Провидения, и в происшествиях мира усматривать дела Божии»¹⁴⁵ Затем, продолжая вступление, вития касается и спорного предмета проповеди на Благовещение в следующих словах: «Смотрите, – говорит он, – как подлинно *Господь Сам* отвечает за верность слова пророческого. *Дух святой* найде на Марию, и сила *Вышняго* осени ее (Лк.1:35), и она прияла во чреве, пребывая девою, и соделавшись матерью Сына, тем не менее осталась девою. Чтобы незнающие тайны сего зачатия не могли оскорбить¹⁴⁶ зачавшую, она обручена мужу прежде сего зачатия: а дабы всякому здравомыслящему явно было сие знамение Господне, что дева зачала без мужа, зачатие последовало за обручением, *прежде даже не снитися има (Мф.1:18)*, прежде

нежели Иосиф *приял жену свою* (Мф.1:24) в дом свой. Иосифу, чтобы он не остался в недоумении,¹⁴⁷ открыть сию тайну, и указать сие знамение, послан был Ангел: а для прочих, которые не могли видеть и слышать Ангелов, не менее Ангела верным свидетелем знамения и вестником тайны был самый Иосиф, всем известный, *как праведный* (Мф.1:19), который потому не мог обманывать людей, и тем еще более не мог клеветать на Бога и на Святого Духа»¹⁴⁸ Таким образом, здесь дано было проповедником и успокоение для умов, напрасно смущавшихся проповедью на Благовещение, и разъяснение, а равно и подтверждение учения, предложенного в этой последней проповеди. Далее, «по сему же случаю в день святителя Алексия, – говорит современник печальных для Филарета событий 1824 года, – сказано было им слово в Чудовом монастыре на текст: *не мнози учителя бывайте, много бо согрешаем вси*»¹⁴⁹ Разумеется слово, сказанное 12 февраля 1825 года и подлинно являющееся хорошим уроком для лиц, подобных Шишкову и Смирнову. «По наставлению Апостола, – скромно и осторожно говорит слушателям своим наш проповедник, – предлагаю вам один из способов чтить достоинство Евангельского учителя. Если ты священным считаешь царское достоинство, то не дерзнешь возложить царский венец на себя, или подобного тебе подданного. Если уважаешь власть, то не отважишься, не призванный, вмешиваться в дела ее; напротив того, со всякою готовностью исполнять будешь обязанности подчиненного. Подобно сему, если ты чтешь достоинство учителя, установленное в Церкви Христовой: то не должен ты своевольно вторгаться на место учительское, или легкомысленно бегать за учителями, которых никто не поставил, и за пророками, которых Бог не посылал, но должен в кротости и послушании проходить звание ученика Евангельского, под руководством поставленных от Бога и Церкви учителей, страшась быть учителем и сам для себя, а тем более, без высшего призвания, руководствовать других, или переучивать учителей, от Бога и Церкви поставленных. *Не мнози учителя бывайте, братия моя*»¹⁵⁰ И далее: «люди, которые предприимлют учить, не быв призваны к тому,

обыкновенно думают оправдаться тем, что, хотя дерзновенно их предприятие, но дело их спасительно. Апостол разрушает сию мечту, вводя их в познание самих себя, и представляя им последствия их неуместной деятельности. *Ведяще, говорит, яко большее осуждение приимем: много бо согрешаем вси»*¹⁵¹ Затем, приведши в пример *первенстволюбца Диотрефа* (ЗИн.1:9), проповедник говорит: «смотрите какие нелепые и Богопротивные дела, какие разрушительные беспорядки производит в Церкви желание быть первым по собственному счету, и похищенная независимость от поставленных учителей, мнящаяся быть довольною для себя и других; смотрите, и будьте осторожны. *Не мнози учителя бывайте, братия моя»*¹⁵² Наконец еще яснее указывает проповедник на цель своего поучения, когда говорит: «На кого сие слово? думают, вероятно некоторые из слушающих; – мы не учителя и не ищем сего звания. На вас, если угодно; и точно на вас сие слово, когда вы так думаете. Ученику свойственно принимать для себя всякое слово учения, как земля принимает всякую каплю дождя, или всякое зерно сеющего, а не стараться отводить от себя обличительные слова, как громовые удары, и не осматриваться вокруг себя, на кого падут оные. Если в слове учащего, какое бы оно ни было, менее искали вы для себя, а более для других: то вы слушали оное менее, как ученик, а более, как учителя других, или как судии учащего. В таком случае именно на вас сие слово: *не мнози учителя бывайте, братия моя*. Слушайте учение, как ученики, для вашего сердечного назидания, а не как учителя, для мысленного разбирательства, как учение предлагается, или до кого кроме вас относится»¹⁵³ В тоже время святитель московский в своих проповедях взывал о любви ко врагам, как необходимой принадлежности истинного христианина,¹⁵⁴ о смирении, без которого мудрость есть тоже, что сад без земли¹⁵⁵ и т.д.¹⁵⁶ С другой стороны, Филарет стал осторожнее как во всех своих словах и действиях, так и в проповедях, справедливо почитая делом Провидения посланное на него испытание и извлекая отсюда полезные для себя уроки, согласно тому как писал к нему митрополит Серафим в декабре 1824 года, что «терпение доставит» ему

«опытность, которая в последствии времени крайне полезна» ему «будет». Он стал реже прежнего пускать свои проповеди в обращение среди публики, по произнесении их, для прочтения. В виду этого именно архиепископ Евгений Казанцев и писал от 19 июня 1825 года своему родственнику, московскому протоиерею И. А. Благовещенскому: «о поучениях вашего архипастыря не печальтесь, что не дает читать. Они будут тем чистейшее золото, что льются теперь через огонь. А придет час – и будут на свете»¹⁵⁷

При всем том положение святителя московского и в 1825 году до времени не изменялось к лучшему. «Стрелы», по выражению неизменного друга Филаретова Евгения Казанцева, «сыпались» на него и в сем году.¹⁵⁸ Враги все жаждали еще большего и большего унижения его. «От вас, – пишет тот же Евгений к тому же своему московскому родственнику в письме от 4 июля 1825 года, – наносят все невеселые новости, будто, будто, будто. Пора бы им утихнуть. Видно враги не уснут, пока не насытятся кровью. Да сохранит вас Господь. Цену почувствуете, когда лишитесь. Но да сохранит Господь от столь не соразмерной кары»¹⁵⁹ И это продолжалось во весь почти 1825 год, до самого начала нового царствования. Только вера в Бога и надежда на Его правосудие в более или менее отдаленном будущем подкрепляла невинного страдальца и оживляла его настроение душевное, его энергию в неустанной, как и всегда, деятельности. «С нами Бог чрез Иисуса, – говорил он в этом смысле, проповедуя на день Рождества Христова в 1824 году, – если только желает того, во всех состояниях и приключениях жизни нашей; так что даже страждем ли, можем с Ним страдать, да и с ним прославимся (Рим.8:17); умираем ли, можем умирать Господеву (Рим.14:8)»¹⁶⁰ – «Человек, постигнутый бедствием, страданием, печалью! – говорит он так же в проповеди на 25 сентября 1825 года. – Тебя не нужно испытывать, находишься ли ты, и полагаешь ли себя в числе *труждающих и обремененных*.¹⁶¹ Опасаться должно не того, что ты не доволен сие знаешь, но того, не чрезмерно ли сие чувствуешь; и избытком сего чувствования не затрудняешь ли сам для себя познание средств успокоения. Единственное

верное средство само себя тебе открывает; собери остатки расточенных сил; приближся узнать и принять оныя; *прииди труждающийся и обремененный*. – *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии*, и Аз – глаголет Иисус Христос – упокою вы. Прибежище верное! Пристанище безопасное! Помощь всесильная! Защита всепобеждающая! Облегчение небесное! Покой Божественный! Только приидите. Только не отрекитесь... Иисус Христос облегчает и упокоивает бедствующих, страждущих, печальных: ибо не только, яко избавитель, всегда может Он отвратить или пресечь бедствие, прекратить страдание, уничтожить причину печали; но, яко совершенный победитель зла, в самой области зла устрояющий собственное царство блага, Он может среди самого бедствия открыть в человеке чувство благополучия, самое страдание растворить удовольствием, самой печали дать вкус радости. Его сие дело, что Иов, после безвинной потери имения и детей, благословляет Бога, и в несносной болезни, на гноище, не соглашается роптать; – что Петр, в темнице и в оковах, как будто в праздник, поет всенощную песнь; – что Павел радуется в страданиях; – что Киприан, на смертный о себе приговор, отвечает: слава Богу!»¹⁶² – Так мог говорить только на себе испытавший все это.

2. Внешняя политика России

Печально было положение святителя московского за последние годы царствования Александра I. Не много радостного было и в общем состоянии России за время с 1821 по 1825 год, притом, как в отношении к внешней политике, так и в отношении к внутреннему состоянию ее. Обратим внимание, ближе всего, на внешнюю политику, и посмотрим, как относился к ней в своей проповеди святитель московский. Внешняя политика России за все рассматриваемое время характеризуется, как политика мира: охранение всеобщего спокойствия народов и политического равновесия держав было главною целью политики императора Александра I. Но для него и этого было мало. По его инициативе 14 сентября 1815 года в Париже тремя могущественнейшими государями континентальной Европы: им самим, императором австрийским и королем прусским, подписан был начертанный Александром I акт так называемого *священного союза*. Монархи согласились: «как в управлении собственными подданными, так и в политических отношениях к другим правительствам руководствоваться заповедями св. Евангелия, которые, не ограничиваясь приложением своим к одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и водить их деяниями, как единственное средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенства. Вследствие сего положили: соединиться узами неразрывного братства и оказывать друг другу во всяком случае, во всяком месте, взаимную помощь и доброжелательство; подданных же своих считать, как бы членами одного семейства и управлять ими в том же духе братства, для охранения веры, правды и мира». Акт священного союза был обнародован Александром, по возвращении из Франции в отечество, в день Рождества Христова, его читали в церквях.¹⁶³ Все остальные государи Европы один за другим также приступили к этому союзу, кроме короля английского, который, признавая святость правил,

провозглашенных российским государем, в силу конституции не мог, однако, же дать формального обязательства для вступления в союз. Цель священного союза с большею точностью определена Ахенским конгрессом 27 сентября 1818 года. Декларация, написанная рукою Александра и обнародованная от имени пяти держав: России, Австрии, Англии, Франции и Пруссии, возвестила Европе, что священный союз не клонится ни к новым политическим соображениям, ни к перемене отношений, определенных существующими трактатами, что единственным предметом действий его всегда будет соблюдение тишины и утверждение постановлений, которые служат основанием и залогом спокойствия народов, что союзные монархи признают неременную обязанностью своею следовать неуклонно указаниям народного права и что они почтут себя счастливыми, если попечением их умножится внутреннее благосостояние государств, процветут мирные искусства гражданские и утвердятся в сердцах народов спасительные чувства веры и нравственности, коих благодетельное действие столь видимо ослабело в наши злополучные времена, (по словам декларации)¹⁶⁴ Вот сущность так называемого священного союза. И со стороны, по крайней мере, императора Александра, этот союз не был какою-либо игрою фантазии, «порождением фантастической мечтательной головы единичного человека, порождением, не имевшим ни малейшего значения и практического смысла», как думали некоторые даже умеренные историки и публицисты,¹⁶⁵ а вытекавшим из его искреннейшего убеждения и глубоко-жизненных основ. У Александра I слово не противоречило делу. Чтобы не увеличивать объема нашего настоящего исследования сторонними подтверждениями этой истины,¹⁶⁶ мы будем брать доказательства из проповедей Филарета. В 1823 году император, как нам уже известно из предшествующего, в конце лета посетил Москву, приехал сюда ночью и пробыв 6 дней, оставил ее 3 августа. 15 же сентября сего года был день венчания на царство и миропомазания императора Александра Павловича. Филарет в этот день служил в Успенском соборе и говорил проповедь на текст: *молю убо прежде всех творити*

молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте (1Тим.2:1–2). Во вступлении к этой проповеди он говорит между прочим: «совершая молитвы, моления, прошения, благодарения за всех человеков, особенно мы приносим оные за помазанного ныне Богом Царя нашего, который не только скипетром и мечем ограждает нашу жизнь и безопасность, но духом и всею жизнью своею подвизается, *дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте.*¹⁶⁷ Не благодарно было бы пред Богом и пред ним не вспомнить теперь, какой недавно пример подал он нам в деле молитвы, когда, не смотря ни на утомление от пути, ни на многоразличные занятия кратковременного пребывания в обширном городе, в шесть дней четырекратно посетил здешние храмы в часы возношения бескровной жертвы. Как приятно должно быть подданным молиться за царя, который так прилежно молится за подданных!¹⁶⁸ И который властью и примером утверждает и распространяет благочестие!»¹⁶⁹ Или вот еще изображение черт личного характера Александра и притом теперь уже прямо в связи с идеей священного союза, которое мы находим в проповеди Филарета на день тезоименитства Государя Императора 30 августа 1824 года, сказанной в Успенском соборе. Проповедь сказана на текст: *воссияет во днех его правда и множество мира дбндеже отыметя луна (Пс.71:7).* Объяснив в начале проповеди это изречение Давида о Соломоне, служившем прообразом Христа в этом отношении, проповедник затем говорит: «Не сему ли подобным счастьем счастливы мы, Россияне, когда, предстоя в молитве о царе нашем, в тоже время можем соединить с нею не предчувствование, ожидание, надежду Богом благословенного и христо-подобного царствования, *сияющего правдою и множеством мира,* но чувствование наслаждения сим благом, радость и благодарность за оное к Богу, дающему суд *Свой Цареву, и правду Свою сыну цареву!* (Пс.71:1). Победил царь наш врагов своего царства, и вместе врагов правды и мира. Победил не столько силою, которая была у врагов наших

несравненно более нашей, сколько правдою, которая на страну правого дела нашего привлекла всемогущую правду Божию, и потом вложила в самых врагов наших доверенность к нам и миролюбивое расположение. Победив врагов на брани, он победил еще самую брань: ибо множество мира, наполняющее душу его, воссияв от нее, образовало светлый, то есть искренний, на правоте и любви основанный, не омрачаемый своекорыстием, незатмеваемый притворством союз, который со дня на день заграждает разные устья бездны, из которой брань выходила на землю христианскую. Если он окружает себя воинами, то для того, чтобы они были стражами его правды, телохранителями его мира. – Будем, Россияне, достойны счастья, или точнее сказать, благословения Божия, которое имеем в благочестивейшем самодержце нашем. Достойны же сего будем, если каждый, по своей возможности, будет соблюдать правду, которая сияет от престола царя нашего и распространяет мир»¹⁷⁰. И далее в той же проповеди: «Итак, повторяю, будем, Россияне, достойны благословения, дарованного нам от Бога в царе, которого престол сияет правдою, дабы грады и веси, дома и хижины его державы наполнить множеством мира, подобно как он наполнил множеством мира царства и народы»¹⁷¹. Наконец вот и еще слова проповеди Филарета, сказанной в день тезоименитства Государя Императора в Успенском соборе 30 августа 1825 года, последнего года жизни императора, в истинном смысле благочестивейшего: «В радости проводим мы настоящий день: потому что на нем написано возлюбленное имя Александра, верховного для нас на земли виновника победных и мирных радостей общественных, охранителя и распространителя непорочных радостей семейственных и личных, собственную радость и покой приносящего в жертву, да мы под его державою *тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1Тим.2:2).¹⁷² Желаем ли сию возвышенную на земле радость еще возвысить некоторым образом в достоинство небесной радости? Мы имеем и для сего твердое основание: ибо нет сомнения, что радостотворное для нас имя Александра, благословенное в делах благословенных, *написано на небесех*

(Лк.10:20), откуда благословляется благое, откуда не видимо управляются правительства сего видимого мира, откуда исходят судьбы людей и народов.¹⁷³ Или в проповеди года неизвестного, тем не менее из настоящего же периода: «если о некоторых особенных жертвах должно упомянуть особенно, как величественна та умилоостивительная жертва, когда в годину искушения, пришедшую на все царства Европы, решительно и совершенно Ты (*обращение к императору*) пожертвовал безопасностью – правде, расчетами человеческого мудрования – безусловной надежде на Бога, собственными выгодами – спасению царей и народов! Или та благодарственная жертва, когда во дни побед и славы, всю славу побед приносил Ты Единому Господу сил, или та, подлинно мирная жертва, приносимая за внешний и внутренний мир столь многих царств, для которой неизвестным до Тебя искусством, создал Ты жертвенник на хартии священного союза и которая до сего дня столь очевидна благоугодна Христу, Царю и Богу!¹⁷⁴

Таковы были намерения Александра Благословенного и такова идея установленного им священного союза. Но, к сожалению, далеко не все даже из союзников одинаково с ним мыслили, не говоря с одной стороны о народах, революционные вспышки которых обратились в своего рода хроническую болезнь, а с другой о народах, над которыми тяготело даже и не христианское, а мусульманское иго и к которым не применим был этот союз в его основной идее. Революционные вспышки первых и страдания последних отравляли спокойствие миролюбивой души Александра до конца его жизни, доводили ее до изнеможения в изыскании мирных средств к улучшению положения дел и согласованию его с требованиями идеи священного союза. Дух революции, как тлетворная язва, заразил многие умы не только во Франции, главнейшем гнездилище ее, но и в Италии, Испании, Португалии, даже Германии. Ниспровержение прав законной верховной власти и предоставление власти демагогам, под видом возвышения власти собственно народной – вот обыкновенные явления революции. Так было в Испании в правление короля Фердинанда VII, в королевстве Неаполитанском в правление

Фердинанда IV и в других государствах. Конгрессы в Троппау (в ноябре 1820 г.), в Лайбахе (в 1821 г.) и в Вероне (1822 г.), на которых главнейшая роль опять принадлежала Александру, имели целью подавление революций в означенных странах, восстановление нарушенного спокойствия и прав верховной власти в них. Между тем, пока совершались подобные явления на западе Европы, Греки, измученные непрерывными угнетениями со стороны турок, постепенно готовили восстание для свержения с себя турецкого ига. К 1821 году это восстание созрело для своего осуществления, и вождем восстания явился сын молдавского господаря, самым вероломным и зверским образом умерщвленного по воле султана турецкого, Александр Ипсиланти, по смерти отца вступивший в русскую военную службу. «Александр тогда находился в Лайбахе. Озабоченный мятежами в Испании, Португалии, Неаполе и Пиемонте, он с огорчением услышал о восстании греков, которое, казалось, было следствием революционных покушений, колебавших западную Европу, и торжественно изъявил свое неудовольствие. Князь Ипсиланти был исключен из русской службы, а Порте дано было знать чрез российского посла барона Строганова, что Государь не только не одобряет мятежа, столь несогласного с его правилами, но и предлагает свое содействие к восстановлению тишины в пределах Оттоманских, в полной уверенности, что турецкое правительство, наказав виновников бунта, окажет пощаду людям невинным.¹⁷⁵ Но скоро Александр увидел истинное положение дел; – увидел, что к Турции и ее подданным неприменимы основные положения трактатов, опиравшихся на хартии Священного союза, что для обуздания деспотизма Турецкого и для избавления от этого деспотизма страдавших под его игом народов нужны далеко не мирные, основанные на законе христианской любви, средства. Исполнение закона правды в этом случае должно было добываться посредством оружия и ценою крови, так как султан не слушал никаких, ни единичных, ни коллективных убеждений со стороны государей Европы и их представителей при блистательной Порте. И миролюбивейший, великодушнейший из императоров уже

возвестил Европе о своем намерении добиться удовлетворения правде силою оружия, как смерть его в Таганроге остановила исполнение сего намерения. Зоркий ум нашего проповедника не мог не видеть тех язв, которые разъедали организмы иностранных государств и которые могли так легко перейти и на тело русского государства; не мог, говорим, не видеть тех революционных затей, которые колебали престолы государств западных и о подавлении которых так заботился император русский. Но касаться этих язв в проповедях, предназначенных для круга слушателей разнообразнейшего состава, настроения, степени образования и т.д., нужно было с величайшею осторожностью. Нужно было не столько раскрывать сущность революционных затей, развивать планы разрушения существовавших порядков или описывать успехи действий революционеров, сколько, указывая на это лишь в общих чертах, раскрывать положительные основы истинного учения о государственной, верховной власти и государстве, в противовес революционным учениям. Так и поступает Филарет. Уже вскоре по вступлении своем на московскую кафедру, он делает это в своей проповеди на «день торжественного венчания и священного помазания на царство благочестивейшего государя императора Александра Павловича», сказанной в Успенском соборе 15 сентября 1821 года. Проповедь исходить от текста: *не прикасайтесь помазанным Моим (Пс.104:15)*. Объяснив в начале ее самое понятие о помазанных Божиих, вития говорит: «не удивительно, что громовым гласом нужно было возвещать сию заповедь народам языческим, глухим для кроткого слова Божия. Кто бы подумал, что для христианских народов нужно будет вновь написать ее кровию христианских народов? Но она написана кровью и огнем на жесткой скрижали Европы; и в просвещенном веке есть мудрецы, которые доныне еще не умеют прочесть сих грозных и вместе спасительных писем! — Благочестивые Россияне! кто, как вы ныне, *творит молитвы, моления, прошения, благодарения за Помазанного Царя и за всех иже во власти суть (1Тим.2:1–2)*: тот, если делает сие искренно и усердно, являет делом, что на сердце его написан закон благоговения и любви к помазанным Божиим. По сему

можно быть уверену, что здесь нет никого, для кого бы нужно было заповедь о неприкосновенности помазанных Божиих проповедовать, как новую заповедь. Но как во время заразы, желающие предохранить себя, умножают очистительный огонь и курение, так во времена, когда зараженный дух века распространяет мнения тлетворные, не бесполезно и нам размышлением воздвигать хранящуюся у нас искру истины, дабы чистыми и неповрежденными сохранить чувствования сердечные». И тотчас же предлагает положительное учение о неприкосновенности помазанников Божиих, говоря: «Если бы слово Божие не провозглашало неприкосновенности помазанных Божиих: тем не менее надлежало бы обществу человеческому законом постановить и освятить неприкосновенность власти государственной. Правительство, не огражденное свято почитаемою от всего народа неприкосновенностью, не может действовать ни всю полнотою силы, ни всю свободю ревности, потребной для устройства и охранения общественного блага и безопасности. Как может оно развить всю свою силу в самом благодетельном, ее направлении, когда его сила непрестанно находится в ненадежной борьбе с другими силами, пресекающими ее действие в столь многообразных направлениях, сколько есть мнений, предубеждений и страстей, более или менее господствующих в обществе? Как может оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно делить свое внимание между попечением о благосостоянии общества, и между заботою о собственной своей безопасности? Но если так не твердо правительство, не твердо также и государство. Такое государство подобно городу, построенному на огнедышущей горе: что значат его твердыни, когда под ним кроется сила, которая может каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признают священной неприкосновенности владычествующих, надеждою своеволия побуждаются, домогаться своеволия; власть, которая не уверена в своей неприкосновенности, заботою о своей безопасности побуждается домогаться преобладания: в таком положении государство колеблется между крайностями

своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения, и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной». Затем, изложив учение слова Божия о неприкосновенности власти помазанников Божиих, вития продолжает: «опять удивляюсь и сетую, вспоминая, как некоторые, вопреки столь ясному учению первых, истинных, Богодухновенных учителей христианских, что *власть от Бога (Рим.13:1)*, среди христианства вздумали учить, что власть от народа. Спросил бы я сих людей, которые сами себя провозглашали мудрецами за то, что по обдуманному плану были совершенными невеждами в христианстве, и учили сему невежеству других; – спросил бы я их: где же видели вы народ, который бы сперва не имел над собою власти и потом сотворил ее для себя? В каких местах? В какие времена? Не думаю, чтобы вы решились указать на скопища беглецов или разбойников, как на первоначальный и совершеннейший образец общества человеческого. Можете ли вы хотя в другом роде вещей показать нам образ того, как, по вашему понятию, происходит власть в обществе? Если, например, уподобим общество зданию, а власть сравним с основанием, которым все поддерживается, или со сводом, который все покрывает: здание ли полагает свои основания или возносит над собою свод? Не художник ли устрояет все сие? Или, если представим себе общество в виде членовного тела; и власть, как орудие управления и охранения, как возбуждательную силу общественной жизни и деятельности, назовем главою или сердцем: глава и сердце рукам ли и ногам обязаны своим происхождением и достоинством? Не основательнее ли признать общее и высшее начало образования для всего состава членов? – Но поспешим опять, по совету апостола, *уклониться от прекословий лжеименного разума (1Тим.6:20) и внимать учению (1Тим.4:16)*. Изыскателю беспристрастному не трудно уразуметь, каким образом власть, по учению христианскому, происходит от Бога. Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют *народом*? Очевидно, что сие множество *народилось* от некоего меньшего племени, а сие произошло от семейства. Итак, в

семействе, собственно так называемом, лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством. Следственно там должно искать начатков и первого образа власти и подчинения, видимых ныне в обществе. Отец, который естественно имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сын, который ни способностей своих образовать, ни самой жизни сохранить не может без повиновения родителям и воспитателям есть природно-подвластный. Но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека: то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой, а следственно и всякой последующей между людьми власти есть в Боге. *Из Него, во-первых, как изъясняется апостол, всяко отечество на небесех и на земли именуется (Еф.3:15);* потом, когда сыны сынов разрождаются в народ, и из семейства возрастает государство, необъятное для естественной власти отеческой, Бог дает сей власти новый искусственный образ и новое имя, и таким образом Его премудростью *царие царствуют (Притч.8:15);* и далее сколько бы ни продолжались народы, как бы ни изменялись государства, всегда посредством вседействующего Промысла *владеет Вышний царством человеческим (Дан.4:22).* поскольку во времена неведения, как люди забыли Творца своего, так и общества человеческие не познавали верховного своего Владыки: то Бог, вместе с другими тайнами Своими, и тайну происхождения придерживающих властей, даже чувственным образом представил пред очи мира в избранном для сего народа еврейском. В Аврааме чудесно вновь сотворил Он качество отца и постепенно произвел от него племя, народ и царство; Сам руководствовал патриархов сего племени; Сам воздвигал вождей и судей сему народу; Сам *царствовал (1Цар.8:7)* над сим царством; Сам воцарил над ним царей и долго являл над ними чудесные знамения Своей верховной власти. Если таким образом всякая придерживающая власть открыто, или сокровенно, исходит от Бога, и Ему принадлежит: то как дерзнуть прикасаться к ней? Если мы требуем, чтобы

наше произведение неприкосновенно было для других, и наша собственность ненарушима: кто может ненаказанно нарушить устройство и собственность Вседержителя? Другое основание неприкосновенности предержащих властей вития находит в том именно, что они суть *помазанные* от Бога, как то сказано даже о языческом царе Кире (Ис.45:1) и потому добавляет: «если таков может быть даже неведущий Бога: не много ли паче священо величие тех помазанников, которые познали Помазавшего их, и дар помазания не только прияли для других, но и для себя объяли верою и благочестием, как Давид, Иосия, Константин Великий, помазанные для того, чтобы с собою воцарять благочестие, и – не усомнимся присовокупить – как Александр Благословенный, помазанный разрушить мятежное могущество нечестия в сие последние времена»¹⁷⁶ Затем так как восточные дела, – разумею вышеупомянутое восстание греков, – при Александре I не вызвали еще деятельного вмешательства России, которое последовало лишь в царствование Николая Павловича, то и Филарет в своих проповедях считал пока неблагоприятным касаться их. Поэтому и мы оставим до своего места и времени подробное рассмотрение этих дел со стороны отношения к ним Филарета в его проповедях. Обратимся к внутреннему состоянию империи.

3. Внутренняя политика, внутреннее состояние России

В отношении к внутреннему состоянию России за время 1821–1825 годов в ней частью продолжалось и развивалось прежнее, о чем нами уже говорено было при обозрении петербургского периода проповеднической деятельности Филарета,¹⁷⁷ частью же совершилось нечто новое. Само собою разумеется, что в настоящем нашем исследовании мы обстоятельнее будем излагать лишь это последнее, а в отношении к первому ограничимся лишь теми указаниями, какие заключаются в самых проповедях святителя московского за рассматриваемое теперь время. Мы помним, что составленную на Ахенском конгрессе 1818 года декларацией, служившею точнейшим определением акта Священного союза, государи Европы заявляли, что они «почтут себя счастливыми, если попечением их умножится внутреннее благосостояние государств, процветут мирные искусства гражданские и утвердятся в сердцах народов спасительные чувства веры и нравственности, коих благодетельное действие столь видимо ослабело в наши злополучные времена». Само собою разумеется, что писавший эту декларацию император Александр I более всего имел в «попечении» прописанное в ней в отношении ко всем сословиям своей империи, ко всем отраслям деятельности гражданской, военной и т.д.¹⁷⁸ Кроме улучшений по части народного просвещения, промышленности, торговли, искусств и т.д., по части судебной, военной и т.д., кроме умножения учреждений по всем этим частям, особенно умножилось число благотворительных учреждений. Этому последнему обстоятельству содействовали как благие намерения самого императора, выразившиеся между прочим и в вышеприведенных словах акта Священного союза и декларации Ахенской, так и чувства, намерения его доброй супруги и особенно главной покровительницы всех благотворительных учреждений – вдовствующей императрицы матери его Марии Феодоровны. Между такими учреждениями в

Москве были: Воспитательный дом, Вдовый дом и основанный позже, а открытый лишь в 1824 году Дом трудолюбия. Упоминаем только эти учреждения единственно потому, что их только касаются проповеди Филарета за рассматриваемый период, как мест произнесения самых проповедей. Таковы например две проповеди, произнесенные в Мариинской церкви Императорского вдовьего дома – 12 декабря 1821 года¹⁷⁹ и 12 же декабря 1824 года¹⁸⁰ и речь произнесенная при открытии Дома трудолюбия 10 августа 1824 года.¹⁸¹ Но мы прежде всего обратим внимание на одну проповедь святителя московского, в которой он, соответствуя благим намерениям Благословенного Монарха, выставляет на вид своим слушателям общее требование внутреннего, религиозно-нравственного улучшения со стороны всех граждан Государства, Государем которого состоит такой Монарх, каким был Александр I. Это именно проповедь в день тезоименитства Государя Императора 30 августа 1824 года, из которой выше мы уже делали извлечение в видах изображения характера внешней политики императора, т.е. проповедь на текст: *воссияет во днех его правда и множество мира*. Приглашая Россиян быть достойными «счастья, или точнее сказать, благословения Божия, которое имеем в Благочестивейшем Самодержце нашем», проповедник указывает к тому средство: «достойны же сего будем, если каждый, по своей возможности, будет соблюдать правду, которая сияет от престола Царя нашего и распространяет мир». И далее развивает эту мысль сперва в общих чертах, а потом и в применении к частным состояниям в обществе. «Обыкновенная о правде мысль в обществе, – говорит он, – та, что правду соблюдать должны правящие, а подчиненные и все общество имеют право требовать и ожидать ее от правящих. Мысль справедливая: но в ней только половина той правды, которою благоустроится общество, и потому от нее не может произойти полного мира: как можно примечать на самом опыте, что люди требующие от правящих правды, как от подданных дани, без всяких других рассуждений, при малейшем виде, или даже только подозрении неправды, поднимают ропот, начинают судить судей, и хотят писать новые законы правителям.

Приложим другую половину, чтобы составила́сь целая правда общественная, которая бы могла осиять общество до самых дальних его пределов, до самых нижних его состояний и, как богатую жатву, произвести *множество мира*. Правду соблюдать должны все и каждый, по своей возможности, в своем круге; и с большею строгостью должны требовать правды от самих себя, нежели от других». За тем, указав подробнее благие последствия и вытекающую из самого понятия правды необходимость ее для правящих, судящих и всего народа вообще. Проповедник показывает в частности, каким образом должны «соблюдать правду» в государстве те или другие люди, составляющие из себя граждан его. «Покажем сие, – говорит он, – для примера в некоторых особенных званиях и состояниях. Начну с себя, дабы кто не ускорил обличать меня чрез Апостола в сей, по моему званию, неправде: *научая инаго, себе ли не учиши (Рим.2:21)? – Священницы твои, Господи, облекутся правдою (Пс.131:9)*. Так, братия сослужители, правда для нас должна быть облачением или одеждою, которая бы облекала все члены существа нашего, все орудия нашего действия, дабы ничто в нас не являлось в наготе неправды к соблазну народа. Великое требование правды: от самих правящих в круге гражданском едва ли столько требуется. Или представим, если угодно, закон правды для нашего звания в виде более ограниченном: *служащий алтарю*, говорит слово правды, с *алтарем делятся (1Кор.9:13)*. Вот наша правда! Вот свое каждому! От нас служение пред алтарем, умилоостивляющее Бога о наших гресех и о людских неведениях. Нам от алтаря питание, потребное для жизни. Если мы, по выражению пророка, млеко ядим и вóлною одеваемся, а овец Господних не пасем; если питаемся хлебом алтаря, а приходящих к нему не питаем словом жизни, ненапаяем духом молитвы; если других учим, а сами поступаем вопреки учению нашему: какая здесь правда? И может ли в сем случае служение наше быть служением мира для народа? В царствах земных были уже опыты, что в таких случаях он (народ) начинал пренебрежением служащих алтарю, а оканчивал отпадением от веры и разрушением алтаря. Должно нам служить алтарю всеми

нашими силами и способностями, всем нашим временем, всею нашею жизнью: такова правда, которою должны быть облечены священники Господни! Воинствует кто? Правду сего звания Иоанн Креститель изображал в следующих словах: *никого же обидите, ни оклеветавайте: и довольни будите оброки вашими* (Лк.3:14). Или иначе сказать: от воина обществу безопасность и охранение, от общества воину честь и довольство. Но, если тот, который должен охранять мирного гражданина от обид внешних врагов во время брани, будет во время мира обижать его, или вынуждать из него для себя то, на что даются ему оброки от правительства; или если оружие, вверенное воину на защиту отечества, соделается в его руках орудием частного гнева и мщения в домашних несогласиях, и слепой меч, или огнестрельное орудие поставится судиею и решителем распрей: какая и здесь правда! Если так: то на что закон и порядок общественный, начто царственное правосудие? Предоставим все силе, гневу и мщению каждого; но тогда, говорит апостол, *еще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблени будете* (Гал.5:15). – Гражданин ли кто, живущий торговлею или художеством? Правда его звания есть доставлять произведения, или приобретения своей деятельности имеющим в оных нужду, за справедливую цену; а от них, – то, что называют прибылью, получить, как воздаяние за свой труд, или лучше, как средство своего пропитания. Если продающий захочет брать столько прибыли, сколько позволит неведение или невнимательность покупающего, если, умножив свою прибыль, он не удовольствуется пристойным содержанием себя и своего семейства, но захочет вельможам подражать в великолепии: какая и здесь правда? И могут ли от сего произойти плоды мира для общества? Торговля, получившая качество уполномоченного обмана, сделает торгующего презрительным в глазах других членов общества; те, с которыми он хочет спорить в великолепии, но которые, по роду и званию своему, почитают себя обязанными превзойти его в оном, сделают для сего чрезмерные усилия, и расстроят тем свое состояние; долги сделаются обыкновеннее богатства;

взаимная доверенность оскудевает; кратко сказать, неправда будет рождать неправду, потом неправда будет сражаться с неправдою, и все неправды различных званий и состояний будут иметь одно согласное направление, чтобы разрушать мир, или благоденствие общества»¹⁸² Мы помним также заключение вступительной проповеди Филарета о благодати и мире, как предметах желания его новой пастве, где проповедник, преподавая мир всем званиям и состояниям в своей новой пастве, в тоже время искусно выражает и требования, соединенные с каждым из этих званий и состояний,¹⁸³ в совершенном согласии с началами, положенными в основу Священного союза относительно внутреннего благосостояния государств. Что же касается проповедей, относящихся до вышеупомянутых благотворительных учреждений, служивших выражением таких же начал внутренней политики царствования Александра I, то для настоящей нашей цели вполне достаточно будет сделать небольшую выдержку из начальной части «Слова к восприимлющим обет сердобольных вдов», говоренного в Мариинской церкви Императорского вдовьего дома декабря 12 дня 1821 года и исходящего от текста: *вдовицы чти сущия истинныя вдовицы (1Тим.5:3)*. «Дабы правильно разуметь, говорить наш проповедник, «изречение апостола, надлежит знать, что в первые времена христианства, кроме известного, никогда неизменяемого чина священно-начальственного и священно-служебного, учрежден был в Церкви некоторый особенный разряд служебных лиц из женского пола, которые назывались *вдовицами* потому, что избираемы были действительно из вдовиц, а иначе *диакониссами*, то есть *служительницами* потому, что должность их была, служить Церкви по некоторым ее поручениям. Им поручаемо было между прочим попечение о бедных, хождение за больными, и особенно во времена гонения на Церковь, посещение исповедников веры в темницах. Сим *вдовицам*, и ради сих полезных служений, оказывать уважение завещал апостол, когда писал к Тимофею: *вдовицы чти*. – Прошли времена гонений. Христианское человеколюбие могло действовать свободнее прежнего. Казалось, менее нужными сделались и

особенные *служительницы* христианского человеколюбия. Между тем соблазны между самыми христианами умножались. Казалось, нужнее сделалось удаление от обращения в смешанном обществе христиан, большею частью слабых и ложных. Апостольское учреждение *вдовиц* скрылось в уединенных обителях и пустынях. – Теперь смотрите, как дух истинного христианства, проходя сквозь изменения времен, сквозь разнообразие народов, остается, однако, всегда одинаков и сам себе подобен; как еще и ныне возобновляет он первые свои благотворные действия в подобном прежнему виде и в подобной силе. Монархиня, Матерь Благословенного из монархов, следственно Благословенная из матерей, с сей высоты земного благополучия, глубоко нисходит к страждущему человечеству, и является Материю сирот, вдовиц, оставленных, беспомощных, болящих.¹⁸⁴ Будучи не только человеколюбива, но изобретательна в человеколюбии, Она из призренных человеколюбием устрояет себе новые орудия человеколюбивого призрения. Так между призренными ею вдовицами Она взыскивает *истинных вдовиц*, способных и расположенных верно проходить служение человеколюбия; по чувствованиям собственного сердца нарекает их *сердобольными*,¹⁸⁵ и торжественно посвящая их в служение болящим, ради пользы, трудности и святости сего служения, *читит* их особенную честью, утвержденною Державным соизволением Благочестивейшего Монарха». ¹⁸⁶ Но вот в то самое время, когда из Петербурга уже сыпались стрелы на неповинную главу святителя московского со стороны Шишкова и его партии, самый Петербург посетило величайшее бедствие, потребовалось усиление благотворительности и дел человеколюбия. Разумею наводнение 7 ноября 1824 года, «небывалое в Петербурге с 1777 года»¹⁸⁷ Не находя возможным описывать здесь все ужасающие подробности страшной картины разрушения, произведенного этим наводнением, а равно и отношение человеколюбивейшего из монархов ко всему этому, мы удовольствуемся лишь следующими немногими строками бессмертного поэта, писанными уже в царствование Николая Павловича:

*.... В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен вышел он
И молвил: «С Божией стихией
Царям не совладать!» он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами
И в них, широкими реками,
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным...¹⁸⁸*

Нет надобности говорить о том, с какою сострадательною нежностью человеколюбия отозвалось сердце Императора к пострадавшим от наводнения. Послушаем, как изображает это нам вития в своем «Слове в день рождения Благочестивейшего Императора Александра Павловича», говоренном в Мариинской же церкви императорского Вдовьего дома вскоре после Петербургского наводнения, именно 12 декабря того же 1824 года. Исходя в этом слове от текста: *пощадит нища и убога, и души убогих спасет* (Пс.71:13) и изложив сначала те величественные черты, которыми в начальных (Пс.71:1, 4, 7–11) стихах псалма, из коего взят этот текст, изображается царь, а потом указав и на заключающуюся в приведенном тексте черту, как дополнительную, вития продолжает: «Примечайте, Россияне, как тот же вседействующий Дух Божий, Который в песни Давида тростью и письменами начертал образ благословенного царя, – в том же виде, тот же образ начертывает событиями и делами в жизни Благословенного Александра. Приемля от него данный ему от Бога суд и правду, видею его далекие наследственные пределы своей державы относящего еще далее, врагов его, поверженных пред ним в персть, преклоняющихся пред его доблестями царей и народов,¹⁸⁹ – мы уже могли думать, что не оставалось еще добродетели, которая могла бы просиять в жизни его новым, необыкновенным дотоле светом; но пришел невидимый художник, и наложил новую, глубокую черту, которая из мрака

отражает усугубленный свет. Внезапное посещение Божие на новую столицу простирает священную тень сострадательной скорби по челу Государя Отца: из мрака и волн общего бедствия в новом живейшем сиянии восходит озаряющее, согревающее и оживляющее солнце его человеколюбия. Он сыплет сокровища, спасая души многих бедствующих; собственными стопами измеряет все следы общего бедствия; смешивает свои слезы со слезами последнего из своих подданных; всенародно пред Богом оплакивает жертвы смертоносного дня, которые, и при благоприятнейших обстоятельствах смерти, многих бы имели оплакивающих; меняясь взаимно с августейшею материею своею наследованными от нее чувствованиями человеколюбивого сердоболия, вместе с нею *щадит* с нежностью семейственной любви, жалеет *нища и убога, и души убогих спасает*, учреждая и облегчая самые подробности их пропитания, одеяния и водворения»¹⁹⁰ Последними словами проповеди намекается на учрежденный по Высочайшему повелению тотчас же по окончании наводнения, под председательством князя А. Б. Куракина, комитет о пособии разоренным наводнением Санкт-Петербурга, в каковой комитет Филарет и с своей стороны еще 20 ноября 1824 года препроводил три тысячи рублей «на предназначенное благотворительное употребление»¹⁹¹

В свое время мы говорили, что во времена Александра I «пробуждению в обществе филантропической инициативы» и потому усилению благотворительной деятельности, умножению благотворительных учреждений особенно содействовало мистическое направление.¹⁹² Сам император был одним из влиятельнейших представителей этого направления и сильнейшим двигателем всего лучшего на пути, которым шло это направление. В существе дела и в глубине души своей он остался верен этому направлению и до конца своей жизни, хотя обстоятельства, вызвавшие майскую (1824 год) перемену министерства и следовавшие за этою переменою заставляли его, нередко прямо против убеждения, иногда подписывать бумаги, ниспровергавшие то, что прежде утверждаемо было на основании начал этого направления, каравшие лица, преданные

этому направлению. Но некоторых бумаг, как например, о закрытии Библейских обществ, и при всей своей уступчивости противникам мистического направления, каковыми были: Аракчеев, Шишков, Фотий и другие из их партии, он так и не подписал, не смотря на настойчивость сейчас названных лиц в проведении этих бумаг в дело¹⁹³.

Такое положение вещей, такой разлад внутренний не мог не влиять дурно на благородную натуру великодушного монарха и несомненно много способствовал тому печальному настроению в каком он находился в последние годы своей жизни. В свое же время мы говорили, что Филарет также был сторонником мистического движения в его лучшем направлении, отнюдь не противоречившем духу православной Церкви.¹⁹⁴ Поэтому-то противники мистического направления были вместе и противниками Филарета, как то можно видеть и из названных сейчас имен их. Но эти противники не понимали того, что Филарет и сам как был, так и остался противником того же направления в его крайностях: в пренебрежении к внешним, историческим формам религии, при стремлении искать ее только во *внутреннем* взаимоотношении с Богом, в забвении церковного предания и т.д. Так еще в 1822 году, при освящении храма Живоначальной Троицы в Аносинском Борисоглебском общежитии, говоря в своей проповеди о святости храма Божия, наш вития прямо восстает против этих крайностей. «Напрасно люди, говорит он, которые думают мудрствовать выше, нежели учит премудрость Божия, говорят, что им не нужно искать присутствия Божия во храме, потому что они познали вездесущие Божие. Что вы говорите? Разве Бог не знает Своего вездесущия? Не сказал ли Он чрез пророка: *небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: кий дом созиждете Ми, и кое место покоища Моего (Ис.66:1)*? Неужели Он забыл о сем вездесущии Своем, когда Сам сказал Соломону о храме: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни (3Цар.9:3)*. Конечно никакое особенное место не нужно для вездесущия Божия: но для ограниченности человеческой нужно, по крайней мере до некоторой степени усовершенания, иметь известный предел, где бы совершалось прикосновение к беспредельному. Знаем и мы,

что будет некогда *святый град*, в котором не видно будет храма: *Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть* (Откр.21:22). Но град сей должен *сниту от Бога с небеси* (Откр.21:10): не созиждет его надменное мудрование человеческое, которое мнимым познанием вездесущия Божия хочет разрушить храм Божий; ничего не созиждет оно, кроме Вавилона»¹⁹⁵ И наоборот, он обстоятельно, глубокомысленно и в тоже время увлекательно раскрывает учение об истинном озарении души светом Божественным, вопреки также крайностям мистицизма, в своем «Слове в день святой Пасхи», говоренном 29 марта 1825 года в Успенском соборе на текст: *тогда отверзе им ум* (Лк.24:45). Так как это слово напечатано и в Христианском Чтении за 1842 год и в собраниях слов и речей Филарета, изданий 1844 и 1848, как и 1874¹⁹⁶ годов, то мы не будем приводить здесь выдержек из него, отсылая желающих познакомиться с ним к поименованным изданиям, тем более, что выдержку пришлось бы сделать большую, а исследование наше и без того обещает быть великим. Мы теперь еще, преследуя ту же цель, скажем, что в противовес крайностям мистицизма, Филарет и за 1821–1825 годы, как прежде, в своих проповедях делает нередко более или менее пространные выдержки из церковного предания: церковно-богослужебных книг и творений святоотеческих.

Так например, в относящейся к 1821 году проповеди на память преподобного Сергия 25 сентября о нетлении св. мощей святитель московский ссылается на предание церковное о буквенном изображении имени Иисуса Христа, найденном в сердце св. Игнатия Богоносца после мученической кончины его;¹⁹⁷ в относящейся к 1825 году речи к новопосвященному викарию своему Кириллу Богословскому-Платонову ссылается на то же предание в рассуждении о приемстве епископского рукоположения от апостолов;¹⁹⁸ в относящемся к 1825 году слове на Успение Богоматери ссылается на то же предание в доказательство истинности такого, а не иного празднования Церковью праздника Успения¹⁹⁹ и т.д. Более или менее пространные выдержки из творений св. Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и

т.д. находим во многих проповедях Филарета, притом относящихся не только ко временам министерства Шишкова, но и ко временам предшественника его князя Голицына, известного представителя и проводника, а также и покровителя мистицизма, даже иногда крайнего. Для примера мы укажем хотя бы на раньше поименованную, доставившую Филарету столько хлопот, проповедь на день Благовещения 1824 года, где он приводит слова Златоуста.²⁰⁰ Так здраво в чисто православном духе относился святитель московский к мистическому движению, охватившему, особливо со времени войны 1812 года, почти всю так называемую интеллигентную Россию, не исключая и правительства, и далеко несвободному от крайностей.

Но не даром, конечно, и такие люди, как Шишков и Фотий, с своей стороны, жестоко ратовали против мистицизма во всех его видах; не даром они видели в нем рассадник крамолы, карбонариев и под. Вина их неразумной ревности заключалась только в том, что они, как говорится, рубили с плеча и во что ни попало, без всякого разбора, почему попали к ним в немилость и князь Голицын и даже Филарет. Но хотя мистическое движение явилось главным образом и в противовес неверию XVIII века, породившему революцию с ее карбонариями и в лучшем своем направлении действительно служило в сильный противовес ему, однако, частью под личиною сего движения, а частью и в некоторых разновидностях самого этого движения скрывалось иногда нечто подлинно злокачественное даже и в политическом отношении, не говоря об отношении к православию. С особенною яркостью раскрылось это в декабрьских смутах 1825 года. Начальные проявления этих смут относятся уже к рассматриваемому нами периоду. И если майская перемена министерства 1824 года, тесно связанная с вопросом о судьбах мистического движения в его лучшем направлении, сильно огорчила великодушного императора, то еще более должно было огорчить его открытие подобных проявлений, которые, правда, будучи плодом фантазии лишь немногих более горячих голов, однако, с одной стороны разрушали наилучшие его стремления и идеалы государственного благоустройства, а с

другой давали пищу противникам мистического движения в лучшем направлении последнего. «Последние дни жизни императора Александра, – читаем в истории того времени, – были ознаменованы тяжким сердцу его открытием. Известно ему было уже за несколько лет, что горесть бессмысленных людей думала в своем дерзком безумстве преобразовать правление государства, в подражание извергам Франции в конце XVIII столетия; но сердце государя, предпочитавшее всегда милость строгости, взирало на сие гибельное начало глазами великодушия и полагало, что время излечит людей, из коих многие, по образованию и способностям ума, могли еще быть полезными государству. Государь терпел и хранил известное ему и весьма немногим доверенным в глубочайшей тайне, но бдительно следил за происходящим».²⁰¹ Не только организация тайного общества с целью преобразования государственного строя в России, но и мысль о цареубийстве в этом обществе и первая попытка к ее исполнению восходят уже к концу второго десятилетия царствования императора Александра I, как оказалось из следствия над декабристами.²⁰² Наконец, открылось ему, что великодушию его настало время положить конец и извещенный о замышленном цареубийстве и более, и более распространяющейся наглости заговорщиков, государь повелел захватить главные тогда известные лица. Сие повеление было последнее, данное им, и ему обязана Россия предупреждением гибельных замыслов, которых одни только частные попытки ознаменовали последние числа 1825 года.²⁰³ Как ни хранилось в тайне то, что замышлялось и делалось крамолою, однако, так или иначе, в той или другой степени это не могло быть неизвестно и обществу; не сокрыто было и от святителя московского. И вот не даром этот святитель, едва лишь вступил на кафедру московскую, как произнес уже известную нам проповедь «в день торжественного венчания и священного помазания на царство благочестивейшего государя императора Александра Павловича» о *неприкосновенности помазанных*, именно в Успенском соборе 15 сентября 1821 года. Припомним слова его из этой проповеди: «можно быть уверену, что здесь нет никого, для кого бы нужно было заповедь о

неприкосновенности помазанных Божиих проповедовать, как новую заповедь. Но как во время заразы желающие предохранить себя умножают очистительный огонь и курение, так во времена, когда зараженный дух века распространяет мнения тлетворные, не бесполезно и нам размышлением вздуть хранящуюся у нас искру истины, дабы чистыми и неповрежденными сохранить чувствования сердечные»²⁰⁴ Далее в проповеди на день Благовещения 1825 года, сказанной в Чудов монастыре, поучая, в виду примера Приснодевы Богоматери, «смиренной мудрости и мудрому смирению»,²⁰⁵ наш вития между прочим говорит: «что произвело столько разнообразных мнений о истине, которая есть одна, столько споров за мнения, столько заблуждений? Что произвело в философии секты, в Церкви ереси, в гражданских обществах возмутительных умствователей о преобразованиях, в царстве Божиим безбожников, между ангелами дьявола? Что? Мнимая мудрость, мнимая, а не истинная, именно потому, что сей не доставало смирения. Мнимые мудрецы земные вместо земли насаждали вертоград свой в воздух, а дьявол насадил его в огне, то есть легкомыслие и гордость вздумали сделать грунтом мудрости». И за тем, так как непризванные преобразователи кичились тем, что служили выразителями последнего слова науки, то вития делает такое тонкое внушение: «Если, христианская душа, ты услышишь голос приветствующий тебя каким либо успехом в делах духа, и каким либо совершенством, хотя бы то было даже благодатью: не спеши предаваться радости; желаю тебе лучше *смушение* Марьи, то есть Ее смирение, чтобы дух лести не похитил тебя на высоту, под которою нет ничего, кроме бездны»²⁰⁶ В эту бездну, как известно, многие из преобразователей и упали во время бунта декабристов. Но так как при жизни Александра I еще не пришло время такого падения, то и проповедник наш не раскрывает своих мыслей о крамоле более подробно за то же время.

Не попустив крамоле достигнуть осуществления мысли о цареубийстве, Господь, однако, же благоизволил взять у России ее благословенного монарха раньше, нежели кто бы то ни было мог ожидать, в виду его телесного сложения и возраста. Супруга

его Елисавета Алексеевна, по совету врачей, должна была провести осень и зиму 1825–1826 годов на юге России и именно в Таганроге. Государь сам нарочито отправился туда 1 сентября, чтобы все приготовить к ее приезду как на всем пути от Петербурга до Таганрога, так и в самом Таганроге. Чрез неделю после него отправилась и императрица, прибывшая в Таганрог 21 сентября. Здесь они вели жизнь тихую, уединенную, свободную от всякого стеснительного этикета, посвящая все заботы здоровью императрицы. Только в конце сентября и в начале октября и затем опять в конце октября и в начале ноября государь уезжал на несколько дней из Таганрога, сперва в Новочеркасск, Аксайскую станицу и т.д. места, а потом – в Крым. Эта последняя поездка имела для него роковые последствия. К застарелой внутренней болезни присоединилась полученная им в Крыму лихорадка, – и 19 ноября 1825 года не стало императора. Ни усилия медиков, врачебных пособий коих, впрочем, больной император, надеясь на свое крепкое дотоле здоровье, долго не принимал, ни нежная заботливость его супруги, несмотря на свою болезнь, служившей для него наилучшею сиделкой, не спасли его для супруги и России. Кончина его была истинно христианская и глубоко-назидательная. С глубоким религиозным чувством исповедавшись и причастившись Святых Таин, он умер с словами молитв и псалмов на устах. «Последние взоры его были столь умирительны, говорит один из свидетелей его кончины, и выражали столь спокойное и небесное упование, что все мы, присутствовавшие, при безутешном рыдании проникнуты были невыразимым благоговением. В выражении лица его не заметно было ничего земного, а райское наслаждение и ни единой черты страдания. Дыхание становилось все реже и тише. Наконец в десять часов и сорок семь минут утра незабвенный и великий монарх мирно и покойно испустил последний вздох... Государыня императрица, неотлучно сидевшая при августейшем умирающем ровно 12 часов, встала с своего места в этот торжественно ужасный момент, помолилась на коленях Св. Распятию, висевшему на стене пред усопшим; потом перекрестила императора,

поцеловала его нежно, еще перекрестила его, закрыла веки глаз его; сложив свой платок, подвязала ему подбородок; наконец опять на коленях помолилась Св. Распятию, низко поклонившись усопшему и отерев свои слезы, вышла из кабинета в свои комнаты»²⁰⁷. Затем она присутствовала и на панихидах по императоре, а между тем тотчас же после кончины его написала по-французски следующее, сделавшееся достоянием истории, письмо к вдовствующей императрице Марии Феодоровне: «наш ангел на небесах, а я еще прозябаю на земле. Мог ли кто подумать, чтоб я, слабая, больная, могла его пережить? Матушка, не оставляйте меня; я совершенно одна на этом скорбном свете. Лик нашего дорогого усопшего опять приняли свое приветливое выражение; его улыбка доказывает мне, что он видит нечто прекраснее видимого здесь на земле. Мое единственное утешение при этой невознаградивой утрате – в том, что я не переживу моего возлюбленного супруга. Во мне есть надежда, что я скоро соединюсь с ним».²⁰⁸ И действительно, оставшись, по слабости здоровья в Таганроге, когда 22 декабря похоронная процессия с телом покойного императора выступила из Таганрога для следования в Петербург, императрица прожила там до весны, а весною выехала в Калугу, но не доезжая Калуги, в Белеве скончалась 3 мая 1826 года.²⁰⁹ Тело ее, также, как и тело августейшего супруга ее, было перевезено в Петербурге; но на пути сюда как то, так и другое не миновало, конечно, Москвы и московской епархии где святитель московский встречал и провожал то и другое не только священно-служением, но и словом проповеди. И здесь-то выразилось все благоговение Филарета к покойным августейшим супругам, все его глубокое понимание тайников души обоих, особенно же первого. Но будем по порядку вести речь об этих важнейших моментах в истории и внутренней жизни Росси и проповеднической деятельности Филарета за рассматриваемое время. Когда тело покойного императора приближалось к пределам московской епархии, то «слухи в Москве ходили очень неблагоприятные», по словам одного из современников события. «Говорили, что с прибытием тела его будет бунт в Москве; слухи эти так напугали

жителей, что многие семейства собирались выезжать из Москвы». По этому поводу владыка Филарет от 28 января 1826 года разослал предписание ко всему московскому духовенству следующего содержания: «Братиям и сослужителям о Господе радоваться. Приближается время перенесения тела в Бозе почившего государя императора Александра Павловича чрез сей град. Чуждые народы сопровождают память его молитвою и оплакиванием; кольми паче отечество наше, кольми паче сей первопрестольный град. Устройте сердца ваши провести сие время во благоговении, в смирении пред судьбами Божиими, которые великими лишениями и скорбями посещают нас по грехам нашим, и в прилежных молитвах, да упокоит Всеблагий Бог душу представльшегося царя и да не престанет сохранять царство и град от сынов отступления, запечатленных печатью отчаяния, и от всякого зла. Внушайте и прочим православным людям, чтобы приготовляемых для царского величия почестей не делали для себя предметом одного праздного любопытства, но чтобы взирали на оные с умилением и благоговейным помышлением, как приходит земное величие, и как от великого царя до малейшего из подданных для всех одна не преходящая надежда есть Царствие Божие».²¹⁰ А между тем еще 25 января владыка отправил своего викария Кирилла (Богословского-Платонова) в пограничный с Тульской епархией город Серпухов для встречи тела императора и для сопровождения его до Москвы,²¹¹ где имел и сам встретит это тело. 3 февраля тело прибыло в Москву и у Серпуховской заставы встречено было им и сопровождено до самого Кремля, где поставлено в Архангельском соборе, «под богато устроенным балдахином на возвышенном полу. Несмотря на распространившиеся слухи об имеющем быть возмущении в Москве» при этом, все было «очень спокойно».²¹² На другой день по привезении тела императора, т.е. 4 февраля, архиепископом московским «совершена была в Архангельском соборе заупокойная литургия и сказано им весьма красноречивое слово»²¹³ на текст: *Подобен ему не бысть пред ним царь, иже обратися к Господеву всем сердцем своим и всею душою своею и всею силою своею. – Обаче не отвратися Господь от ярости гнева*

Своего великого (4Цар.23:25–26). Хотя это слово напечатано во всех собраниях слов и речей святителя московского, начиная с издания 1835 года, как напечатано была в свое время и отдельным оттиском, однако, в виду важности его для характеристики как личности и деятельности «императора Александра I, так и событий внешней и внутренней политики и жизни России за его время, а равно и в пополнение сообщенного нами по сему предмету выше, мы не можем не сделать выдержки из этого поистине, прекрасного и по мысли, и по изложению слова. «О Боже! Так ли неумолим гнев Твой?»».

Так начинает его наш вития. – «Царь не только благочестивый, но и беспримерный в благочестии, царь, который *сотвори правое пред очима Господними* (4Цар.22:2), царь, который старался не только подвластную ему Иудею, но и всю землю Израилеву очистить от идолослужения, и просветить Богослужением истинным, который, как скоро узнал книгу Закона Божия, немедленно принес пред нею покаяние в беззакониях своего народа, и с тех пор не переставал быть ее учеником, исполнителем, защитником, проповедником, такой царь, с таким сердцем и душою, не мог отвратить Господа от ярости гнева Его великого; но гнев сей открылся раннею и внезапною смертью сего самого царя, – Иосии. О Боже! Так ли неумолим гнев Твой?»». И затем делает приложение этого библейского события к современному: «Не таков ли гнев Божий над нами, Россияне? Ибо что значит сия, не угрожавшая нам, но уже действительная, кончина сего, поистине, благочестивейшего царя, – кончина, которой ни лета его не призывали, ни силы, по видимому, не допускали, ни самая болезнь, в начале своем, не предвещала? Не то ли сие значит, что Бог нами прогневан, и *не отвратися Господь от ярости гнева Своего великого?*» Далее опять берется черта из той же библейской истории, и от нее опять делается приложение к современному событию: «Не познал Иудейский народ цены сокровища, которое имел в царе своем Иосии, не познал, когда имел, и не воспользовался сим сокровищем. *Весь Иуда и Иерусалим плакала о Иосии. И Иеремия возрыда по Иосии. И глаголаша вси князи и княгини плачь по Иосии* (2Пар.35:24–25). Ах! Поздно большая часть из

них плакали по Иосии, вместо того, чтобы прежде усерднее плакать вместе с Иосиею, когда сердце его сокрушалось покаянием, и смиралось пред грозным судом Божиим, когда он плакал пред Богом, и был услышан. Иеремия, без сомнения, лучше всех знал, почему *рыдал*, когда другие только *плакали*: он рыдал удвоенным плачем, плачем о лишении царя, и плачем о позднем плаче народа. «Народы», – обращается теперь уже исключительно к своим современникам, и современному событию наш вития, – которым Бог в день благословения Своего даровал Благословенного Александра! (ибо народам был он от Бога дарован, а не одному народу Российскому) Народы! Познали ли вы всю цену сего Сокровища? Упрочили ли для себя всю пользу, которою оно могло вас обогатить? Какое пророческое слово может ответствовать на сие? Время будет на сие ответствовать событиями. Вечный, владычествующий временами, да речет мир на Преемника могущества и добродетелей Александра, дабы возобновился и не умолкал *глас радости и спасения в селениях праведных*. – Но нам теперь говорить ли о великом сокровище? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли от избытка сердца печального? Или молчать от недостатка слова достойного? Дайте мне слово, или научите меня молчанию. Не умею говорить, и безмолвствовать не умею. Отрекаюсь от необъятного подвига хвалить Александра, уже Благословенного: но нельзя удержаться от печального пред церковью размышления и слова о царе, который, подобно как Иосия, достоин, чтобы по нем рыдали пророки. – Представьте себе человека, который стоит над потоком, и видит, как его сокровище низвергается в глубину. Касаясь вод, оно производит звук, и рождает круги, один другого пространнейшие: но в то же мгновение скрывается в глубине, и только трепетание вод остается приметным зрителю. Подобно сему, кто может созерцать, пусть станет теперь над потоком времен, над водами народов, как изъясняется язык пророческий. Смотри, как драгоценная жизнь явилась; подвигла своею силою народы; наполнила своею деятельностью многочисленнейшие круги, один другого пространнейшие; произвела громкие звуки славы: но вдруг она погрузилась в

вечность, и одно трепетное движение грозной нечаянности простерлось по всем известным народам. – Александр, еще в колыбели, радость и надежда отечества, – Александр, в Порфирородном семействе, утеха и любовь, – Александр, в начале века на престоле, как солнце на востоке, – Александр, в России, отец народа, спаситель Империи, – Александр в Европе, восстановитель царей, примиритель царств, душа царственных советов Европы, – Александр в царстве Божием, избранное орудие царя Христа, чтобы торжественно утешить и возвеличить христианство там, где оно торжественно было целым народом отвержено и поругано, плотоносный Архистратиг небесных на земле сил, побеждающий небесным оружием, кровью Агнца, кротостью и смирением; – какие светлые виды! Какие величественные образы! Но как внезапно все они закрываются одною мрачною чертою: Александр во гробе!». От этих общих черт изображения личности и деяний Александра вития переходит теперь к более частным, идя обычным ему путем восхождения от отдаленного к более близкому, от менее веского к более вескому и значительному. «Если в области природы, говорит он, есть предзнаменования и предчувствия необыкновенного и великого, подобно как в высшей области духа прообраования и пророчества: жизнь Александра многократно была оными ознаменована. Что значит, что его рождение было в день,²¹⁴ когда удаленное от нас солнце обращается к нам со своим светом; а вступление на престол империи, в то время²¹⁵, когда солнце, увеличив свет до равновесия со тьмою, начинает для наших стран весну, время развития и оживления земной природы? Так случилось? Покойный ответ для людей, которые труд рассуждать почитают излишним, и боятся, чтобы не узнать, чего необыкновенного, или чтобы не встретиться с Провидением! Не так ничтожны знамения времен для мудрого, который знает, что *в руце Господни власть земли, и потребнаго на время воздвигнет на ней* (Сир.10:4). Святой Амвросий Медиоланский, даже говоря о Рождестве Спасителя, столь обильном знамениями чудесными, не оставляет без замечания и сего естественного знамения времени, что с *Рождеством Христовым день возрастает*

(слово на Рождество Христово). Что значила необыкновенно живая радость, о которой еще можешь спросить старцев твоих Россия, и рекут, – необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рождении Александра, когда родившийся младенец был только еще наследник наследника? Что и сие значило, когда внуки, как новосаждения масличные, окружали великую Екатерину, все прекрасны душою, все возлюбленны, Александр преимущественно был ее восхищением? Что значил восторг России, когда она увидела Александра на престоле? – Опыт дает право сказать, что то были великие предчувствия великой императрицы и империи. Сообразно с знаменами времен, одним из первых подвигов царствования Александрова было старание умножить свет в Севере, ему подвластном. Учреждения для просвещения народа умножены, ограждены постановлениями, расположены в правильных кругах, приведены к общему средоточию, находящемуся близ самого престола, украшены новыми предметами знаний, обогащены способами, возвышены в правах как для сообщающих, так и для приемлющих просвещение. Как распространился от сего свет, и сколько был он благотворен, пусть усматривают и определяют просвещенные. Царское дело создать обители просвещения прочно и благолепно, и покрыть своим высоким покровительством, а не преподавать учение, или руководствовать юношей»²¹⁶ – «Но особенное время» – переходит теперь вития от внутренних к внешним событиям, «выдвинувшим имя Александра I из ряда обыкновенных царей, – на которое *имеющий в руке своей власть земли*, как необходимо *потребного, воздвиг* Александра, было не тихое утро России, но бурный вечер Европы. Буря мятежа разрушила и престол царя и алтари Христовы у народа, который дотол, по-видимому, дышал только легким ветром; и ужасные развалины омывал продолжительный дождь кровавый. Из порывов безначалия родился, как сильный вихрь, похититель власти, который то уносил престолы с мест, где они были, то поставлял их на местах, где их не было; и который, наконец, подняв большую часть Европы, нес обрушить ее на Россию. – Что, если бы на сие время, когда так укрепился и возвысился

сей *излишний* на земле, – что, если бы не воздвиг Господь *потребного* на ней? Что было бы с народами, которые, со дня на день умножая собою число поработанных, чрез сие самое умножали число орудий поработания, и увеличивали силу поработителя, и которым он не хотел оставить другой безопасности, как войти в поработание, ни другой чести, как быть орудиями поработания? Что было бы с священным царским достоинством, которое не порфирородный царь оскорблял сугубо, и унижением порфирородных, и возвышением не порфирородных? Что было бы с народным духом, что было бы с просвещением и разумом образованнейшей части света, когда неограниченное самолюбие никаких границ не уважавшего властителя непременно требовало, чтобы все умело только раболепствовать пред ним, чтобы добродетель подвизалась только исполнять его волю, истина – ему ласкательствовать, знания – изобретать только средства для его целей, искусства – производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и христианскому богослужению от мнимого в своей земле восстановителя оногo, который дал ему вид восстановления только для того, чтобы чрез то получить себе вид освящения, который одною рукою восстанавливал алтарь Христов, а другою гораздо с большим усилием созидал синагогу христубийственного народа? Что было бы с землею, столь много бедствующею, и еще более угрожаемою? – Какая бездна зол открывается при сем размышлении! Потому, какое беспредельное благодеяние *Имеющего в руке Своей власть земли*, что воздвиг на ней Александра, дабы заключить сию бездну? Чем бедственнее и ужаснее то, что было, и было бы без него: тем величественнее и благотворнее то, что чрез него последовало. – Бог, Который воздвиг Александра на время необычайных браней и подвигов, научил его противопоставлять оружием воинства плотским не одни плотские, но наипаче духовные, даже, без несправедливой кому-либо укоризны, можно сказать, адским оружием небесные, хитрости правду, дерзости твердость и терпение, надменности кротость и смирение, надежде на искусство и силы человеческие – упование на помощь и провидение Божие. И что

же последовало? Идол Франции сокрушился о грудь России. Невольным поклонникам его дана свобода выйти из заблуждения. Союзом названные оковы многих царств распались. Александр с победою в столице врагов, разрушивших тебя, возрожденная потом столица Александра, и *наказует* их наказанием *праведника*, – *милостью* (Пс.140:5). Ни к чему не прикасается; ничего не требует; не показывает и не принимает славы победителя; дарит им пленных; воздает христианскую честь их царю-мученику;²¹⁷ дает им безопасность провозгласить изгнанного царя, и восстановить законный, но давно разрушенный престол. Какая необыкновенная победа, над врагами! И поскольку столь высокая победа ни на минуту не подвигла духа Александра с глубокого основания смирения: то какая еще более необыкновенная победа над самою победою! И что еще! Слава побед, по правде, пред тем почти забытой, принесена Господу сил. Неукротимый дотоле дух браней связан. Союзам царей и царств, для которых не находили дотоле более приличного закона, как закон своекорыстия и взаимной зависти, Александр, сильным примером своим, положил в основание закон бескорыстия и благоволения, словом, закон христианский. Несогласия народов или прекращены, или обессилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены в отчаяние. Дела, которые решал меч, уже разрешаются советами. Многочисленное воинство Александра стоит в тишине, как величественная стража мира, не только России, но и Европы. Оградясь от врагов внешних, Александр, по собственному его изречение, обращается против врагов внутренних, против неправосудия, не благочиния, не благочестия; как солнце, правильными шествиями, обходит землю, ему подвластную, повсюду являя всех одушевляющий взор благоволения, пример благоговения к Богу, действия правды и милости. Мы наслаждались безопасностью и покоем; ожидали и требовали блаженства – увы! Может быть слишком нетерпеливо и с ропотом ожидали, не рассуждая о трудностях, какие встречают созидающие благо народов; – может быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданию оною недостатком чистой и

послушливой ревности к общему благу, истощая общее изобилие нашею роскошью, затрудняя законы и действие их приумножением беззаконий; – и видел Господь; и прогневался; *и не отвратися Господь от ярости гнева Своего великого!* Где сей новый Иосия, *иже обратися к Господеву всем сердцем своим, и всею душою своею, и всею силою своею?* Что принесло нам величественное шествие?²¹⁸ Что нашло наше ревностное сретение? Одно мертвенное, оставшееся от бессмертного. *Да плачет* вновь весь Иуда и Иерусалим – весь народ и град престольный! *Да глаголют вси князи и княгини плачь! Да рыдают* служители слова и таинств рыданием Иеремииным, или плачем Давидовым!». – Затем, в видах перехода от изложения к заключению проповеди, наш вития делает следующий замечательный ораторский оборот: «Слышу плач певца Израилева: *горы Гелвуйския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* За что сие проклятие на невинную природу? – *Яко тамо повержен бысть щит сильных* (2Цар.1:21), жалуется певец Израилев. Но сильные повергли щит, уступив сильнейшим в брани: за что же негодовать на место, которое приняло их в падении? Прииди певец скорби, я укажу тебе место, более достойное негодования. Прииди, помоги мне сетовать на горы Таврийские. *Горы Таврийския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* Не оружием врагов поражены тамо сильные, горный ветер пронзил главу священную.²¹⁹ Не малый щит, не многих сильных повержен тамо: великий щит благоденствия великой империи, крепкий щит мира Европы, проникнут стрелою невидимою. Не Саул оставленный ищет тамо смерти, которая окружает его: но возлюбленный Давид ищет жизни для возлюбленной болящей супруги; а никем не подозреваемая смерть его самого ищет. *Горы Таврийския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* Но тщетно и сие негодование, и может быть дерзостно. *Смиримся под крепкую руку Божию* (1Пет.5:6). И для нас, и для оплакиваемого нами лучше молиться, нежели жаловаться». И таким образом вития заключает свою проповедь возвышеннейшею молитвою: «Царю царей! Ты воздвиг его на время: Ты воззвал его к вечности. Приими то, что Ты даровал; не остави тех, которых лишаешь.

Ты взял сего царя, как *праведного от лица неправды* (Ис.57:1), когда она готовилась вновь разродиться отступлением от царей; (ибо разрушителя крамол всемирных, надлежало устранить от тяжкой скорби, видеть их отрасль, проникшую даже в отечество;²²⁰ умилосердися, Господи, возьми сию неправду от лица оставшихся праведных! Христе, животе наш! В Тебе Едином искал он врачевства и жизни во дни болезни своя; сподоби его *истее Тебе причащаться в невечернем дне царствия Твоего*, в соборе царей, вечно с Тобою царствующим! Аминь»²²¹

Эта замечательная проповедь должна была произвести сильное и глубокое впечатление на слушателей. А что она и действительно произвела такое впечатление, об этом вот современное свидетельство. Как мы заметили выше, она была вскоре же по своем произнесении напечатана и отдельно.²²² А между тем ее еще в рукописном списке послал к Тобольскому архиепископу Евгению Казанцеву московский родственник его, не раз упомянутый нами протоиерей И. А. Благовещенский при письме, в котором и описывал это впечатление. И вот что отвечал ему на это письмо и посылку Евгений в своем письме от 5 марта того же 1826 года: «особенно благодарю за проповедь преосвященного. Но вы едва ли выиграли, что послали письменную, если имели печатную. Печатное принимается на тяжелой почте по той же цене с фунта, что за письменное на легкой с лота. Впрочем, для меня нужна проповедь, не печать. Вы тем меня много одолжили. Весьма обрадовали и тем, что церковь вся плакала в проповедь. Мне сказали здесь, не помню кто, будто во всю печальную церемонию никто слезки. Это мне было больно – не плакать при гробе Отца»²²³ Не менее замечательно, в отношении к достоинствам церковного витийства, и «слово при гробе блаженной памяти государыни императрицы Елисаветы Алексеевны», говоренное Филаретом в Можайском Николаевском соборе, в присутствии государыни императрицы Марии Феодоровны, мая 26 дня. Еще 30 апреля Мария Феодоровна прибыла в Москву для следования в Калугу на встречу своей августейшей невестки; но, как мы сказали выше,

эта последняя, едва достигнув Белева, скончалась. «Тело ее из Белева препровождено было в Петербург чрез Можайск, куда и императрица Мария Феодоровна отправилась; сюда же прибыл и архиепископ московский и служил в присутствии ее величества заупокойную литургию, после которой сказывал надгробное слово»²²⁴ на текст: *Услыши молитву мою, Господи, и моление мое внуши, слез моих не премолчи: яко пресельник аз есмь у тебе и пришлец, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почию прежде даже не отыду, и ктому не буду (Пс.38:13–14)*. Хотя это слово, составленное и говоренное проповедником «с больными глазами»,²²⁵ по его же собственным словам «не большое»,²²⁶ однако, в виду нашей ближайшей задачи, и при всем том нам нет надобности делать из него столь обширного извлечения, какое мы делали из слова при гробе Александра. Мы извлечем из него лишь более важные для характеристики покойной императрицы, последних лет и дней жизни и кончины ее и ее отношений к супругу, а равно и взаимоотношений с русским императорским домом места. Оно начинается так: «Когда кто из высоких на земле, по судьбе, для земнородных общей, отходит в землю: при сем обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышим оные и теперь; но величественнее самой славы слышится здесь – молчание. Дерзая говорить, колеблюсь опасением, чтобы не возмутить безмолвного сетования царицы-матери, – чтобы не нарушить последнего безмолвия царицы-дщери, которая и среди славы знаменитейшего из домов царских, во дни особенно громкие славою, любила погружаться в безмолвие. – Но слово молитвы, – продолжает за тем вития, – надеюсь не будет противно безмолвию, которое одушевляется молитвою».²²⁷ И далее погружается в «размышление» по предмету избранного для проповеди и составляющего собою молитву текста. А потом говорит: «После сего размышления не так тяжело мне коснуться предмета, который так болезненно сердце касается. – Государыня, которой душевные свойства и расположения были так же возвышенны, как сан ее; – которой ум светился и сквозь ее любимое молчание; – которой сердце, кроткое и человеколюбивое, как ни закрывалось скромностью, в

самых ее взорах являлось, узнаваемо было наипаче страждущими и сострадательными, отверзалось к сострадательным для участия и покровительства в делах сострадания, к страждущим для благотворений, большею частью тайных; – которая в труднейших приключениях не только не изнемогала духом, но и одушевлялась неожиданною силою к труднейшим подвигам, как то, во времена болезней своего супруга, преодолевая и свою немощь, и свою печаль, так сказать, поселялась и жила при одре болящего; – такая душа не была ли достойна всего возможного на земле счастья? И не столько ли же она была окружена средствами счастья, сколько была оно достойна? Ах! если августейший супруг, преодолевая все трудности, перенесся с нею на край государства, чтобы доставить ей или здоровье, или хотя облегчение и услаждение в тяжелой болезни; – если августейшая мать, преодолевая все трудности, отторгая себя от другого, также матернего попечения, далеко текла ей на встречу, чтобы пролить отраду любви в ее многострадальное сердце; и оставленное возлюбленною душою тело другой раз далеко преследует, бесплодными уже, но еще вожделенными для матерней любви любезностями: то, чего не готовы были сделать Александр и Мария, чтобы Елисавета была счастлива долго, непрерывно, совершенно? При всем том судьба вела ее путем жизни не к великому, подобно ее добродетелям, счастью, но к величественному несчастью. Может быть природа, может быть воспитание, наконец, может быть, бесчадие, особенно несоответствующее желаньям на престоле, посеяло в сердце ее тайное, болезнетворное семя уныния.²²⁸ Бедственным потоком столицы²²⁹ напоено сие семя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь сострадания прозябла и развилась в телесную болезнь сердца. В сердце супруга обрелось действительнейшее врачевство для ее сердца; но жизнь, которая любовью питала и поддерживала угасающую жизнь ее, внезапно сама угасла; и оставила ее в стороне пришельствия, как угасающий в тучах вечер оставляет истощившего силы странника в мрачной пустыне. – Благословенно могущество веры! Только ее небесный огонь мог

воспрепятствовать смертному хладу вскоре объять сердце, которое болезнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсем полагала во гроб Александра. – Благость Брата и Преемника его подвиглась, чтобы беречь и утешать его вдовицу, и для сего, если можно, возвратить ее в недра семейства. Из отдаленного града пресельничества своего предприняла она возвратное странствование. На сем пути, как путеводительная звезда, по захождении солнца, как новая искра жизни блеснула ей надежда утешения от сердца матери Александра. Странствующая поспешает к сему вожделенному свету, напрягает останки сил; простирает объятия; августейшая Мать взаимно их простирает. Достигай сих животворных объятий; почий хотя мало, в них, утомленная телесными и душевными страданиями Елисавета! – Увы! Упадают праздные объятия; Елисавета почиет не тем покоем, которого ждала в объятиях Матери, но тем, который ожидает седмерицею в скорбях очищенную душу ее в лоне Отца чистых сердцем.²³⁰ Не окончив странствования, Она перешла в отечество, из которого уже не странствуют: *отъиде и ктому не будет*». И затем вития обращается с молитвою к Отцу Небесному об увенчании покойной на небе «усугубленною славою, да безмолвная в земном страдании отверзет наконец уста свои в небесном веселии, чтобы благодарственно исповедать пред Ним «блаженную тайну сего страдания: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою*» (Пс.93:18) Но еще возвышеннее, еще обширнее по предмету продолжение этой молитвы и вместе заключение всей проповеди: «Еще же не одна царственная душа страждущая, целый Дом Царев, целое Царство Российское взывает к Тебе, Царю царей: *ослаби ми, да почию!* Еще не почило сердце наше от прежней печали, как постигла нас новая. Вся земля наша от края до края, от столицы до столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлеет, Господи! Да почиет гнев Твой; да почиет сердце наше пред Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; послѣ торжества жизни и радости мужественному преемнику Александра, и августейшему Дому его, и России. Аминь».²³¹ Последние слова проповеди

сказаны в виду приближавшихся дней торжества крещения великой княжны Елизаветы Михайловны²³² и затем коронации нового императора. Об ораторских достоинствах как той, так и другой надгробной проповеди Филарета по венценосным супругам могут дать понятие следующие слова современника событий, известного в истории русской словесности Сергея Н. Глинки, заключающиеся в посвящении митрополиту Филарету составленного им, Глинкой, сочинения: «Красоты духовного красноречия» (Москва, 1828): «посвящая вам (обращение Глинки к Филарету) красоты превосходнейших проповедников, я посвящаю оные тому духовному нашему витии, который у священного праха Александра и Елисаветы оживил красноречие Боссюэта и утвердил сими надгробными словами на поприще словесности Российской новую отрасль красноречия». – Чрез князя С. М. Голицына Филарет как ту, так и другую проповеди свои представил и ко Двору.²³³

4. Состояние церкви Русской и Московской епархии

В 1865 году, в виду прискорбного положения вещей во многих отраслях государственной и церковной жизни за то время, приближавшийся к могиле старец, великий святитель московский Филарет, писал А. Н. Муравьеву между прочим следующее: «когда великая война возбудила религиозный и патриотический дух; когда император Александр Благословенный, по окончании ее, возвратился в отечество исполненный религиозного чувства и веры во всеуправляющее Провидение Божие, я сказал владыке Амвросию,²³⁴ кажется, настает время благоприятное для Церкви, также как и для отечества. Он отвечал мне: ты еще не опытен; подожди и посмотри, что далее будет. Увы! Владыка был опытен, и прозревал в неслетлую даль»²³⁵ Немного радостного, а больше печального нашли мы в личной жизни и отношениях святителя московского; немного больше первого, нежели последнего, нашли мы также во внешних делах и во внутренней жизни России за рассматриваемое время. Едва ли более радостного найдем и в жизни Церкви русской и московской епархии собственно за то же время. Не задолго до вступления Филарета на кафедру московскую скончавшийся первенствующий член Святейшего Синода всероссийской Церкви, знаменитый иерарх и проповедник митрополит Михаил пред смертью своею недаром жаловался государю императору на стеснение правильного хода дел и жизни Церкви русской, зависевшее от «слепотствующего», но всесильного за то время «министра духовных дел и народного просвещения» князя А. Н. Голицына, о чем мы отчасти знаем уже из предшествующего.²³⁶ Отсюда же мы знаем, однако, и то, что этот министр, несмотря на протест столь уважаемого и влиятельного лица, как митрополит Михаил, оставался во власти и в полной силе до половины мая 1824 года. А затем настали времена для Церкви, с другой стороны, как мы видели, представлявшие еще менее утешительного. Само собою разумеется, мы не будем представлять здесь полного изображения состояния Церкви русской за

рассматриваемое время.²³⁷ Мы коснемся только важнейших моментов ее истории и особенно того, чего касается Филарет в своей проповеди. И это как относительно истории Церкви русской вообще, так и московской епархии в частности.

Можно смело сказать, что все печальное в истории русской Церкви за рассматриваемое время зависело от крайностей увлечения мистицизмом до половины мая 1824 года и от крайностей же противодействия ему после майской перемены 1824 года, равно как и наоборот все доброе в ней за то же время совершалось благодаря усилиям благонамеренных представителей Церкви быть в стороне от этих крайностей: так широко и неотразимо было влияние мистицизма за то время. Учрежденное в 1817 году и существовавшее до самой половины мая 1824 года министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого поставлен был завзятый мистик кн. А. Н. Голицын, вполне едино мысленный с императором, также погружавшимся всем существом своим в глубины мистицизма, и потому, понятно, покровительствуемый им и поддерживаемый во всех своих действиях, было такою великою правительственною силою, пред которою должны были умолкнуть все попытки к ослаблению этого влияния. Под влиянием начал мистицизма, к сожалению, самим министром, не обладавшим твердостью рассудка и устойчивостью понятий, не всегда и не во всем верно понимаемого и правильно применяемого, совершалось едва ли не все, что касалось Церкви. Вызов в состав членов Святейшего Синода, перемены в иерархии, церковное законодательство того времени относительно тех или других сторон жизни и деятельности духовенства и общества, церковные учреждения, постановления касательно ересей, раскола и различных сект и т.д. – все это окрашивалось в той или другой степени оттенком влияния мистицизма до майской перемены 1824 года и наоборот – оттенком до крайности усиленного противодействия ему после означенной перемены. Для примера мы укажем, с одной стороны, на заседавших долго в Синоде ревностных сторонников мистицизма: Иону Павинского архиепископа Тверского и Димитрия Сулиму, архиепископа Кишиневского, а с

другой стороны – на вызванного, вместо их, с началом 1825 года, митрополита Киевского Евгения Болховитинова, всегдашнего противника мистицизма. Затем, не даром, конечно, питомцы прежнего «Дружеского Общества» Михаил Десницкий и Серафим Глаголевский последовательно назначаемы были в первенствующие члены Синода (Михаил с 1818 по 1821 г., а Серафим с 1821 года) и наоборот, предшественник Михаила епископ Амвросий Подобедов едва только стал было более или менее настойчиво высказываться против мистицизма, как был удален на покой; а с другой стороны митрополит Серафим, после майской перемены министерства, должен был, даже и при значительно изменившемся не в пользу мистицизма образе мыслей своих, выдержать весьма упорный натиск двух генералов –адмирала Шишкова и генерала от артиллерии Аракчеева прежде, нежели окончательно не сдался им на капитуляцию. Не забыли мы, конечно, и судьбы Филарета при прежнем и новом министерстве. Из учреждений церковного характера нам известно уже Библейское Общество с его судьбой до и после 1824 года. Духовная литература, церковная проповедь того времени и т.д. также стояли под сказанным влиянием. Не только *Сионский Вестник* Лабзина, возобновившийся в 1818 году, но и *Христианское Чтение* за первые два-три (1821–1823) года своего издания также держалось мистического направления и наоборот, с майской перемены 1824 года во всей духовной литературе последовал заметный, а иногда и прямо крутой поворот в противоположную мистицизму сторону. То же и в проповеди. Не говоря о мистических (хотя и православно-мистических) проповедях митрополита Михаила, скончавшегося в 1821 году, даже и после него известный мистик, священник Малов, славившийся как проповедник, имел возможность издать свои проповеди в 1822–1824 годах, тогда как, напротив, после 1824 года проповедь мистиков умолкает совсем. Обратим ли внимание на самое состояние религии, – и здесь видим то же.

Под влиянием мистицизма и его сильную властью сторонников религия стала даже официально объявляться, как нечто универсальное, свободное от вероисповедных разностей,

а стало быть не ограничивающееся и рамками строгого православия, исчезавшего таким образом во мраке этой космополитической религии. Так заявлялось во всеуслышание до мая 1824 года. И только изредка слышались отрезвляющие голоса со стороны тех или других, более мужественных представителей русской церковной иерархии. Но вот с 1824 года ревностный, но не всегда и во всем благоразумный защитник православия Шишков, нападая на все прежнее, не разбирает того, что заявлялось до него и доброго в отношении к религии, все прежние религиозные воззрения топчет в грязь, мало понимая в богословии, касается и этого последнего, смешивает предметы и понятия в церковно-богословской области и клеймит укоризною в не православии такие вещи, как катехизисы Филарета, его проповедь на Благовещение и т.п., православие которых утверждено на незыблемом основании.

Однако долго было бы перечислять все случаи, которые могут служить доказательством высказанной нами выше мысли о центральном, так сказать, положении мистицизма в состоянии русской Церкви за рассматриваемое время.²³⁸ Обратимся к тому собственно в этом отношении, чего касается Филарет в своих проповедях. Мы выше говорили, насколько православным, так сказать, мистиком является он в своих проповедях и за рассматриваемый, как и в Петербургский период. Войдем теперь несколько глубже в эту сторону дела, рассматривая мистицизм уже не как политическое явление, а как один из моментов религиозного сознания русского народа того времени. С самого начала своего в XVIII веке мистицизм явился у нас, как противовес, с одной стороны, непомерно широкому развитию порожденного Западом вольнодумства, основанного на сухом, хотя и нередко саркастическом, но все же чисто рассудочном отрицании всего сверхчувственного и всякой религии, а с другой – слишком узкому, чувственно-обрядовому, формальному направлению религиозности, господствовавшему в большинстве современного ему общества. Соответственно этому он поставил своею основною задачею, с одной стороны устранить, в деле религии, всякие мудрования человеческого разума, направленные не только

против, но и в пользу ее и основать ее на одном откровении и вере, а с другой – показать истинную, возвышеннейшую сущность религии, именно как религии *внутреннего* откровения и веры сердечной и указать также *внутренний* путь к ней, как и путь развития ее в человеке. С этой целью мистицизм на все лады доказывал неудовлетворительность разума в деле религии, созданную еще со времен Сократа, и необходимость откровения, но не внешнего, а внутреннего, постигаемого «разумом духовным», непосредственно обращенным к миру духовному, непосредственно созерцающим незаходимый свет внутренний и прямо от сего света получающим свое озарение. Этот разум заключается не в холодном рассудке, а в сердце человека, которое есть престол души и единственное вместилище самооткрывающегося человеку Божества, внутреннего слова, храм Божий, жилище Духа Божия. Путь такой религии, и притом единственный, есть путь внутреннего возрождения, средство – умная, внутренняя молитва, а цель ее – внутреннее же соединение с Божеством. Христос Сам совершает это возрождение Своею благодатью, как живущий в нас, и Сам совершает в нас добрые дела. Все *внешнее* само по себе ни к чему не ведет. В этом состоит вся сущность истинного христианства, по понятиям мистиков, а не в том, в чем находит ее православная Церковь. В *Победной повести* Юнга Штиллинга, которою зачитывались русские мастики, прямо говорится, что «светильник самой греческой Церкви уже сдвинут с места за ее крайнее повреждение» и что свет истины мерцает лишь у христиан из меннонитов, пиетистов, методистов, квакеров и гернгутеров. Те же мысли проводил и *Сионский Вестник* Лабзина.

Само собою разумеется, что Филарет не мог не видеть и добрых и худых сторон в этом учении современной ему мистики. Склонный в ее пользу по самому складу своей природы и своего настроения, а отчасти и под влиянием тех условий, в которые он поставлен был в самые же первые годы своего пресельничества в Петербурге, он однако же скоро острым умом своим прозрел ее крайности, ее слабые стороны даже в таких искусных защитниках ее и представителях, как Лабзин. Но

последний на замечания Филарета по этому поводу обыкновенно отвечал: «Всякая птица своим голосом Бога хвалит»²³⁹. Однако, то было в Петербурге, где Филарет был лицом подчиненным и неответственным в иерархическом отношении. А в Москве, где также было много лиц, так или иначе относившихся к мистике и мистикам, ему, как архипастырю московскому, нужно было действовать в этом отношении тверже и определеннее, при том как вообще, так в частности и в проповеди. И Филарет, как истинно-православный архипастырь-мистик, подлинно так действует: не искореняя доброго в мистике, он крепко восстает против крайностей ее. В этом смысле он например не только не унижает, не преследует, а и напротив, удостоивает своего полного одобрения и внешних почестей известного сторонника Дружеского Общества, глубокого православного мистика, московского священника С. И. Соколова.²⁴⁰ В этом же смысле он проповедует и с церковной кафедры. Так еще говоря при гробе преподобного Сергия о нетлении мощей (25 сент. 1821 г.), он, между прочим, проповедует: *«Иисус Христос вчера и днесь, Той-же и во веки (Евр.13:8). Он яко Бог действует вся во всех (1Кор.12:6), действует и ныне, подобно как действовал от начала, и действовать будет до конца; действует в малом, равно как в великом, действует как во всей Церкви, которая есть тело Его, так и во всех верующих, которые суть члены Его. Он воображается в них (Гал.4:19), живет в них (Гал.2:20), и как в Нем Самом живет всяко исполнение Божества телесне (Кол.2:9), так, по некоему образу сего Божественного таинства, и Он благоволит жить в избранных своих даже телесне, поколику обретает их способными ко внутреннему с Ним общению. Обретает ли Он ум, постоянно к Нему обращаемый благоговением и молитвою? Он воображается в уме, и исполняет его светом Своим, истиною Своею, безвестная и тайная премудрости своя являет ему (Пс.50:8). Обретает ли сердце, отверстое пред Ним покаянием, верою и любовью к Нему? Он вселяется в сердце (Еф.3:17), и с Собою вносит в него новую жизнь, вместо плотской духовную,²⁴¹ вместо земной небесную, преображает любовь человеческую в Божественную,*

и свойства человеческие в Ангельские»²⁴² Эти слова охотно поместил бы и Лабзин в своем журнале: *Сионский Вестник*, посвященном, согласно обозначению самого издателя, «Господу Иисусу Христу, вечному возродителю и обновителю всяческих»²⁴³ Но он, без сомнения, сразу преткнулся бы о слова, непосредственно за теми следующие: «обретает ли наконец и тело, в сообразность с душою, непрестанно очищаемое воздержанием и подвигами, и потому способное принимать и сохранять в себе как бы некие отпечатки и следы внутренних движений благодатных? И оно, некоторым образом, и даже в земной еще жизни, начинает быть Богоносным». Не даром проповедник далее и раскрывает заключающуюся в этих словах мысль с таким приступом: «сколь бы ни странно казалась для некоторых мысль о Богоносном теле земного человека: я не раскаиваюсь, что произнес ее; ибо не догадкой и соображением²⁴⁴ составляю сей образ, но обретаю его на самом опыте, который представили еще Апостольские времена, и о котором предание времена святых благоговейно сохранили». При этом он и сообщает уже известное нам предание о буквенном изображении имени Иисуса Христа в сердце св. Игнатия Богоносца.²⁴⁵ Потом в проповеди на день архистратига Михаила 8 ноября того же 1821 года святитель московский обстоятельно доказывает, вопреки вольнодумцам, бытие Ангелов, находя «удивительным, что забвение о небесных силах в некоторых из христиан простирается до того, что сомневаются даже о существовании невидимого мира»²⁴⁶ А в проповеди на Рождество Христово того же года, говоря «о славе Божией чрез воплощение Сына Божия», между прочим учит: «слава есть откровение, явление, отражение, облачение внутреннего совершенства. Бог от вечности открыт Самому Себе в вечном рождении единосущного Сына Своего, и в вечном исхождении единосущного Духа Своего; и таким образом единство Его во Святой Троице сияет существенно непреходящею и неизменяемою славою. Бог Отец есть *Отец славы* (Еф.1:17); Сын Божий есть *сияние славы Его* (Евр.1:3) и Сам имеет у *Отца Своего славу, прежде мир не бысть* (Ин.17:5); равным образом Дух Божий есть *Дух славы* (1Пет.4:14). В сей

собственной, внутренней славе живет блаженный Бог превыше всякой славы, так что не требует в оной никаких свидетелей, и не может иметь никаких участников. Но как, по бесконечной благодати и любви Своей, Он желает сообщить блаженство Свое, иметь благодатных причастников славы Своей: то подвизает Он Свои бесконечные совершенства, и они открываются в Его творениях; Его слава является небесным силам, отражается в человеке, облекается в благолепие²⁴⁷ видимого мира; она даруется от Него, приемлется причастниками, возвращается к Нему, и в сем, так сказать, кругообращении славы Божией, состоит блаженная жизнь и благобытие тварей»²⁴⁸. В слове на день Благовещения 1822 года наш проповедник, вопреки надмевавшимся разумом вольнодумцам и в согласии с мистиками, говорит: «конец самодетельных изысканий, по признанию беспристрастнейшего из древних мудрецов, есть открытие того, что человек сам собою ничего не знает».²⁴⁹

Равно также в проповеди на день св. Николая 9 мая того же 1822 года говорит: «если ум твой *прилагается в научения странна и различна* (Евр.13:9), и не хочет отдать себя в свободный план и блаженное послушание вере: то не нужна ли тебе против тебя самого ревность святых отцов, которые силою веры *низлагали взимавшиеся на разум Божий возношения* (2Кор.10:5) гордого разума ересеначальников?»²⁵⁰. Или в слове на день преподобного Сергия 25 сентября 1823 года: «Восставать против небесного учения сомнениями и прекословиями, значит метать стрелы на небо: небо не страшится от них ран, и не имеет нужды отражать оных; они опасны для тех самых, которые пускают их над главами своими. Не испытанием и состязанием, но верою и послушанием достигаются успехи в небесном учении: *веруеши, – узриши*, таков порядок Божественного просвещения!»²⁵¹ Затем даже и в проповедях 1825 года, например, при рассуждении о том, от ограниченности ли происходят заблуждения: «Ум твой ограничен: по сей причине удаленные от мысленных взоров его предметы для него неизвестны, или непонятны, и более ничего. Но если в уме твоём оказываются понятия, которые противны естественному, всеми здравомыслящими согласно

примечаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверх дном, но вместо того низвергаешь сам себя в нелепости: можно ли сие изъяснить ограниченностью, которая не есть начало действующее, и которая есть недостаток, общий всем человекам? Не должно ли, напротив, по необходимости производить сие от упоения нечистым и бродящим вином, или одуряющим зелием такой мудрости, которая хотя по области явления ее называется земною и человеческою, но которой источник хуже, нежели что-нибудь просто земное, которой корень ниже человечества?»²⁵² Подобно тому и о возможности чудес, находим в проповеди на день Знамения Пресвятой Богородицы за тот же год.²⁵³ Но уже в 1822 году наш проповедник разъяснял, какова должна быть вера истинного христианина, именно, что она должна быть деятельная,²⁵⁴ а не такая, какою изображали ее мистики крайнего направления, т.е. доходящая почти до квиетизма. Рассуждая о тесно связанной с верою преданности Богу в одной из проповедей того же года, Филарет замечает: «говорят, что это значит сложить навсегда руки, сесть, и ожидать своего спасения. Совсем нет! Если кто в самом деле такое составил себе понятие о преданности Богу, и поступает по сему понятию: тот в заблуждении; он предается не Богу, но лени.²⁵⁵ И чтобы уничтожить всякое такое понятие, повторяем, квиетистическое, он в относящейся к 1825 году «беседе о упокоении труждающихся и обремененных» прямо говорит в заключение: *«Приидем отныне ко Христу ревностным и неуклонным последованием Его учению и житию; внидем в покой Его веровавшии верою сердечною, живою и деятельною, предшествуемые сущими от века подвижниками веры и добродетели, истинными последователями Иисуса Христа, от всякого ига и бремени земного обретшими у Него покой небесный, к которому и нас примером своим приглашают, да купно с ними славим Единого Упокоителя и Спасителя всех человеков, паче же верных. Амин»*²⁵⁶ Равно также и о внутреннем откровении, озарении ума наш проповедник обстоятельно и вполне православно рассуждает в своей проповеди на день Пасхи 1825 года, произнесенной в

Успенском соборе и сказанной на текст: *тогда отверзе им ум* (Лк.23:45), о каковой проповеди мы уже упоминали в своем месте.²⁵⁷ Теперь мы обратим внимание еще на ту черту в учении мистицизма, которая касается понятия о так называемом «внутреннем Слове», вместилищем которого, по учению мистиков, служит сердце человека. Сличая многие места учения мистиков рассматриваемого времени, мы приходим к заключению, что они в этом отношении давали весьма широкий объем указанному понятию. Внутреннее Слово у мистиков вообще постоянно отождествлялось с Словом Божиим ипостасным, то есть Сыном Божиим, Иисусом Христом. Ему приписывалось поэтому троякое рождение: предвечное – от Бога Отца, временное единократное – от Девы Марии и временное же, но постоянное – в каждой христианской душе. Процесс последнего рождения тождествен с процессом первого и составляет высшую форму, в какой Бог является, открывается в отдельной душе. История рождения и пребывания внутреннего Слова в душе у мистиков изображалась в полной параллели с историей Евангельской.²⁵⁸ Посмотрим теперь, как учит об этом наш мистик-вития в своих проповедях. Мы помним, конечно, заключительные выражения речей Филарета в генеральных собраниях московского комитета Библейского Общества за 1822 и 1824 годы. А вот выдержки и из самых проповедей его. В 1822 году, в проповеди на день св. Алексия 12 февраля, говоря об отношениях между пастырем и пасомыми и именно об отношении последних к пастырской проповеди слова Божия, вития обращается к слушателям с такими словами: «подумайте, не для того ли только собираетесь слушать исходящая из уст Господних, чтобы слышать и судить, как мы говорим, не заботясь о исполнении того, что мы предлагаем? – Увы нам, Слове Божий! То, чем Ты Себя именуешь, что Ты еси, чем сотворил Ты вселенную, чем возвеличил человека, чем является мудрость, чем подается жизнь, – слово, священное, Божественное слово, мы сделали зрелищным игралищем!»²⁵⁹ Или вот выдержка из слова на день Благовещения 25 марта 1824 года: «ни в каком случае не расточай безрассудно слова, словесная тварь Слова Творческого! Если Словом Бог сотворил

все; а человек сотворен по образу Божию: то какие величественные действия надлежало бы производить слову человека! В самом деле, оно исцеляло болящих, воскрешало мертвых, низводило с неба огонь, останавливало солнце и луну и, что всего важнее, соделавшись орудием Воплощенного Слова Божия, оно претворяло и претворяет растленных грехом людей в новую тварь, чистую и святую. Так действует слово человеческое, когда крепко быв заключено в горниле благоговейного молчания, и разжигается тайною внутреннею молитвою, получает свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать, становится причастным силы Слова Божия и Духа Святого»²⁶⁰ Отсюда ясно, что Филарет, говоря языком мистиков, однако, же не допускает их крайностей в смешении понятий о Слове ипостасном и слове Божиим в человеке и для человека. Вместе с тем он великое значение придает и слову Божию, заключающемуся в Св. Писании, каковое значение у мистиков падало до низшей степени, почти до ненужности последнего²⁶¹. В тех же выдержках из проповедей Филарета, которые мы сейчас сделали, заключаются уже указания и на иные, дальнейшие черты учения мистиков, именно о возрождении и умной, внутренней молитве. Вот более обстоятельное изложение тех же сторон учения православной мистики в проповедях Филарета. В известной уже нам проповеди на день Благовещения 25 марта 1822 года, рассуждая о преданности Богу, он между прочим говорит: «Начав предаваться Богу, человек встречает другие опыты, совсем противоположные тем, которые имел он, управляя сам собою. Прежде собственные усилия познать истину едва производили в нем слабый, кратковременный свет, оставляющий по себе сугубую тьму: теперь из самой тьмы, в которой он повергается пред Отцом светов, рождается для него внезапный свет: а если остается²⁶² он иногда и во тьме, то и в ней познает непостижимую близость Того, Который есть Свет превыше света. Прежде усилия делать добро или совсем подавляемы были в нем злыми склонностями, или производили несовершенное действие: теперь, когда он положил сердце свое в силу Божию, в самой немощи его начинает совершаться

сила Божия, разрушающая зло и созидаящая благо. Прежде наилучше обдуманное предначертание его к устроению своего благополучия или не исполнялись, или в самом исполнении оказывались неудовлетворительными: теперь он не делает никаких собственных предначертаний, но со дня на день более усматривает великий чертеж Провидения, по которому, несмотря ни на какие препятствия, – кроме одного препятствия, которое полагало прежде его упорство и неверие, – постепенно устрояется его спасение. Прежде успехи надмевали его, неудачи повергали в уныние, прошедшее терзало раскаянием, настоящее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благоприятные события приемлет он с чистою радостью, потому что видит в них милость и дар Божий, и неблагоприятные с надеждою, потому что усматривает в них обличение своего недостойнства, наставление к смирению, очищение и приготовление к лучшему; раскаяние не есть уже огонь, пожирающий душу его, но тихий дождь, ее орошающий, потому что он погрузил грехи свои в кровь и воду, истекшую из ребра Спасителя; нет для такого человека слишком тяжелой заботы, потому что он всю печаль свою возверг на Господа; нет страха, потому что он живет под кровом Всемогущего; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее верно, – в руках Вечного. Прежде в самых делах благоугождения Богу он суетился, подобно изображенной в Евангелии Марфе, и производил много молвы, не приобретая тем совершенного благоволения Божия: теперь, подобно Марии, безмолвен и недвижим, пребывает он у ног своего Спасителя, и с минуты на минуту наполняясь жизнью слова Его, во глубине души своей обретает свидетельство, что он *избрал благую часть, которая не будет отнята у него (Лк.10:42)*. Таким образом преданность Богу, зачатая от убеждения ума, перерождается в живое чувство сердца; вынужденная, так сказать, уступка того, чего не умели сберечь, превращается в свободное даяние того, что сим единственно способом надеются сохранить; человек повергает себя невозвратно, как убогую лепту, в сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ею сокровище Божие, но веруя и уповая, что там она не будет

потеряна, и, сколь ни малоценна, употреблена будет, вместе с бесчисленными талантами на созидание живого храма живому Богу»²⁶³ Подобное же читаем и в других, позднейших проповедях нашего вития.²⁶⁴ Кажется, что может быть ближе этого изображения состояния возрождаемого и возрожденного человека к учению записных мистиков, в роде Лабзина, Лопухина и других? И, однако, тотчас же за приведенными в настоящий раз словами такого изображения и стоят у Филарета те отрезвляющие крайних мистиков слова, которые мы привели раньше и которые возбуждают к тому, чтобы, не успокаиваясь на одном ожидании своего спасения, деятельно пользоваться этим состоянием возрождения, так как иначе человек обнаружит, что «он предается не Богу, а лени»²⁶⁵ Подобным же образом Филарет учит и относительно молитвы. «Что есть начало к небесному рождению?» – спрашивает он в одной из проповедей 1825 года. И отвечает: – «Слово и дух, и сила воскресшего Христа, Который есть и наше воскресение, и жизнь. Принимай сие Божественное семя вечной жизни верою; полагай оное в сердце любовью; углубляй смирением; согревай молитвою и Богомыслием; питай или напой слезами умиления; укрепляй подвигами добродетели»²⁶⁶ Таким образом уже прямо не одна молитва полагается в числе средств усвоения состояния возрождения, как учили крайние мистики, а много и других, смотря по степени этого усвоения. Затем уже и здесь можно видеть, что наш вития не одну лишь «умную, внутреннюю молитву» предлагает, как таковое средство, а и наружную, ибо не даром различает ее от «Богомыслия». Но всего обстоятельнее он говорит о том в своей проповеди на день коронации 15 сентября 1823 года, сказанной на текст: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, за царя и т.д.* Не забудем того, что эта проповедь произнесена, с одной стороны, под живым впечатлением недавнего пребывания в Москве монарха, которого в той же проповеди вития и ставит слушателям в «пример в деле молитвы»,²⁶⁷ и мистическое настроение которого неизвестно, а с другой – также под неостывшим еще впечатлением составленного в том же году Филаретом

православного катехизиса, в котором учение о молитве занимает далеко не последнее место. И что же читаем мы в этой проповеди по интересующему нас предмету? «Много дел благих, – читаем мы у проповедника, – которых требует от христианина христианство, и которые оно в нем совершает: но дело молитвы должно быть прежде всех; потому что без него не может совершиться никакое другое дело благое. Найти и самым делом пройти путь Господень, уразуметь истину, и увидеть жизнь, или иначе сказать, покаянием распять плоть со страстями и похотями, чтобы очистить себя от всякие скверны плоти и духа, посредством веры воскреснуть и просветиться в сердце светом Христовым, наконец Божественною любовью быть вознесены к соединению с Божеством и к обожению посредством сего соединения: вот в немногих словах сокращение великих дел, которые должны совершиться в христианине; и как можно им совершиться, когда низшее из оных не может быть совершено без высших; а высшее, обыкновенно, недостижимо для того, кто не мог еще вступить на низшую степень? Как может найти путь тот, кто не видит истины? Или, как может идти путем тот, в ком нет жизни? А истинною и жизнью не прежде может для нас соделаться Иисус Христос, разве, когда соделается путем: ибо в сем точно порядке обещал Он нам открыться, когда сказал: *Аз есмь путь, и истина и живот* (Ин.14:6). Как же разрешить сей многоплетенный узел, которого все концы скрываются внутри его? Как отверзть сию заключенную сокровищницу, которая с первого взгляда не представляет ни ключа, ни отверстия, где бы оный влагался? Главная нить, которою разрешается весь узел духовных таин. и ключ, которым отверзаются все сокровища благодати, есть молитва. Молись с Давидом: *скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Пс.142:8): – и откроется тебе истинный путь Господень. *Аще кто от вас лишен есть премудрости, или, что тоже, познания спасительной истины: да простит от дающего Бога всем нелицеприемне и не поношающего, и дастся ему* (Иак.1:5). Если кто и живота просил есть у тебе, Господи, молитвою крепкою и чистою: *дал еси ему* (Пс.20:5), и даруешь всегда,

исполняя во благих желания, любящих Тебя (Пс.102:5). И что есть самая молитва в сущности своей, как не дыхание Божественной жизни в человеке, по реченному: сам Дух *воздыхает в нас воздыхании неизглаголанными* (Рим.8:26)? Где есть хотя слабые начатки дыхания, там есть признаки жизни: а где нет дыхания, там нет и жизни. Так, в ком есть хотя начатки молитвы, в том есть признаки жизни духовной: состояние человека без духа молитвы есть состояние бездыханного по внутреннему человеку. Посему, как для жизни естественной прежде всего нужно возбудить дыхание: так для жизни духовной прежде всего нужно возбуждать дух молитвы»²⁶⁸ Все это, повторяем прежнюю свою мысль, любой мистик того времени записал бы в свой катехизис. Но и этого мало. Дальше в той же проповеди мы читаем следующие немногие, но весьма знаменательные для истории мистического движения в русской Церкви слова: «молитва в собственном²⁶⁹ и высшем ее знаменовании забывает некоторым образом и зло и собственное благо, и устремляется к созерцанию верховного и всеобщего блага в Боге, так что в ней душа человека, по выражению таинственного Песнопевца, *восходит к Богу, аки стебло дыма кадильного* (Песн.3:6)»²⁷⁰ Или, еще не много далее: «Молитва вообще есть душа всех особенных молений, прошений и благодарений»²⁷¹. Однако, уже и здесь указывается не одна лишь «умная молитва», а также и моления, прошения и благодарения, практическое значение которых обстоятельно и разъясняется здесь же, согласно тому, как оно раскрывается и в известном для всех катехизисе Филарета. Затем в проповеди раскрывается и предмет молитвы, согласно словам основного текста и в опровержение ложной мысли некоторых, выражаемой так: «где уже нам за других молиться, когда мы за себя умалить не можем?»²⁷² Это еще более должно было отрезвлять крайних мистиков. Но окончательно вития отсекает крайности в учении мистиков о молитве, когда в той же проповеди говорит как о «священном», о «деле молитвы общественной и частной, церковной и домашней», – говорит о посещении «храма», как особенного места для молитвы, о частных случаях жизни, в коих нужно прибегать к молитве и т.д.²⁷³ Подобное же находим и в

других проповедях нашего вития.²⁷⁴ А все это уже вовсе не похоже на отрицание всего внешнего в молитве, какое допускали крайние мистики. Наконец, как архипастырь православной Церкви, а не какой-либо проповедник общины меннонитов, квакеров и т.п., наш вития находит нужным в своих проповедях коснуться и учения о Церкви, показать истинность именно православной Церкви, а не туманного какого-то универсального христианства. Он приглашает слушателей быть «чадами послушания Церкви»²⁷⁵, ниспосылает «благословение святых апостолов и святой Церкви апостольской на празднующих праздник апостолов» Петра и Павла,²⁷⁶ а по освящении храма святителя Алексия в селе Черкизове 6 сентября 1825 года даже целую проповедь, сказанную на текст: *Ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф.16:18)*, посвящает учению о Церкви, при чем прямо утверждает истинность именно восточной Церкви,²⁷⁷ православной,²⁷⁸ истинность всего внешнего строя ее, предлагает утверждать «всякое мнение и дело наше, на основании учения апостольского, пророческого и отеческого, укреплять и ограждать себя силою благодати чрез общение Божественных таинств и ходить выну, яко чада послушания пред Богом и Его Церковью»²⁷⁹ Так даже в такую эпоху повального увлечения мистицизмом, как рассматриваемая, наш святитель – вития верно соблюл апостольское правило: *вся искушающе, добрая держите*. А чтобы видеть, что не один он из православных архипастырей был представителем умеренной, православной мистики, для этого достаточно припомнить, кроме вышесказанного, еще то, что уже в 1793 году, по распоряжению первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Гавриила, издана была составленная из разных сочинений отцов и учителей Церкви греческой книга созерцательного направления, известная под заглавием: *Добротолюбие*, которое представляет собою прекрасный образец чистой, православно-церковной мистики. От Синода тогда же пущены были в широкое употребление и другие творения св. отцов и учителей Церкви мистического направления, каковы творения: Макария Египетского, Исаака

Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова, Нила Сорского и других. И из современных борцов с ложным мистицизмом были не только такие, как Шишков и Фотий, но и такие как уважаемый всеми и в частности Филаретом Иннокентий Смирнов, скончавшийся в 1819 году епископом пензенскими. Иначе сказать, при всесильном покровительстве мистицизму со стороны правительственной власти, начиная с самого государя, была все-таки запутанность понятий о нем. Вот как высказывается об этом сам Филарет гораздо позже, именно в письме к ректору московской духовной академии Алексию Ржаницыну от 24 ноября 1852 года по поводу составленного в академии жизнеописания преосвященного Кирилла архиепископа подольского, скончавшегося в 1841 году: «удивительно, что сочинитель ставит рядом встречу с учением Фесслера²⁸⁰ и с другим ложным учением, мистицизмом. Как это рядом с Фесслером: то неужели сочинитель думает, что в академии учили ложному учению мистицизма? Или это он находит в тогдашнем духовенстве вне академии? И понимает ли он дело? Были недоразумения, но их трудно было разобрать и видящему вблизи, а тем более издали. Например, случилось, что когда один предлагал напечатать Добротолубие и книгу Исаака Сирина, другой возразил: не скажут ли, что это мистическое направление? Но Добротолубие до сих пор печатается, писания Исаака Сирина печатаны были в «Христианском Чтении» по частям, а теперь хотят напечатать оные вполне. Не скажет ли сочинитель, что это все мистицизм? Не обвинит ли он в мистицизме и издателей нового перевода писаний С. Макария? Ибо историки мистической богословии причисляют Макария к мистическим богословам»²⁸¹ Но дело в том, что наши доморощенные мистики не довольствовались, для развития своих мистических воззрений, православно-мистическими писаниями, а по обычаю всех наших преобразователей и так называемых передовых людей обратились за помощью на сторону, за границу, на Запад, откуда шло и вольнодумство в Россию. От того-то, конечно, и впали в учения странные и чуждые православию. И за это-то по преимуществу громили

мистицизм такие люди, как Шишков и Фотий, хотя, как мы прежде замечали, часто и без разбора. И поэтому же насколько к Шишкову с его клеветами, настолько же и к мистикам крайнего направления относится раньше рассмотренная нами проповедь Филарета на текст: *не мнози учителя бывайте*. Особенно поучительным для них мог быть следующий отрывок из этой проповеди: «как вам не найти многих учителей между собою, или лучше в самих себе? Когда, например, Церковь учит вас посту по преданию отцов, по примеру апостолов и Самого Спасителя нашего; но некоторые из вас говорят, или делом показывают свое мнение, что заповедь поста не очень важна и почти может быть оставлена без исполнения; другие вместо четырехдесятницы по произволу назначают себе некоторое краткое время поста; иные учреждают себе пост роскошнее мясоястия, – что сие значит? Не то ли, что единое истинное и чистое учение Церкви оставлено в небрежении, а всяк сам себя поставил учителем и составил собственное учение воздержания, как можно менее противоречащее привычке невоздержания? И здесь место совету апостола, если хощещи принять оный: *не мнози учителя бываете, братие моя*; не пренебрегайте древних, общих, освященных постановлений, не учитесь и не учите друг друга вместо того новым разнообразным, от мирского и плотского мудрования происходящим обычаям, последуйте матернему руководству Церкви с детским послушанием и простотою»²⁸²

Из всего предшествующего весьма ясно, что Филарет как до 1824 года или, точнее, до майской перемены министерства этого года, так и после этой перемены до конца рассматриваемого периода, отсекая и осуждая крайности мистических воззрений, не только не осуждал самое мистическое движение, но и являлся одним из лучших сторонников его. В этом же лучшем направлении мистического движения Филарет споспешествовал и некоторым из его предприятий, особенно же грандиознейшему, – распространению Библии и переводу ее на русский язык, притом опять не только до майской перемены министерства, но и после этой перемены, не только делом, но и словом

проповеди. Мы уже отчасти видели это, когда говорили о личных отношениях, жизни и деятельности святителя московского. Нам остается теперь добавить к тому лишь немного, на основании самых проповедей Филарета. И прежде всего о важности распространения и чтения Библии Филарет с полным в ней убеждением говорит не только в речах, произнесенных в генеральных собраниях Библейского Общества, но и с церковной кафедры, не только до 1824 года, но и в 1825 году. Так, например, вот что говорит он в своем слове на день Благовещения 25 марта 1825 года: «если скажут тебе, что стремление к совершенству есть мечтательство, что любовь к мудрости есть дерзкое мудрование, что размышление о вере, поучение в законе Божиим, чтение слова Божия, или не нужно, или опасно: вслушайся внимательно, походит ли сие на глас ангельский, на учение духовное, на проповедь небесную? Сличите с сим истинный и чистый глас пророческий: *блажен муж, его-же воля в законе Господне, и в законе Его поучится день и ночь (Пс.1:2)*. Сличите с сим учение Божественного Учителя: *испытайте писания (Ин.5:39)*. Сличите с сим проповедь апостола: *слово Христово да вселяется в вас богато, во всякой премудрости, учаще и вразумляюще себе самех (Кол.3:16)*. Сличите с сим пример Марии: никто не запретил юной Деве Израилевой читать книгу Исаии Пророка и над нею размышлять о Еммануиле»²⁸³. Затем опыты русского перевода библейских текстов мы отчасти уже отмечали раньше в проповедях Филарета. Такие же опыты можно находить и в других проповедях его, относящихся как к 1821, так и к дальнейшим годам, кончая 1824 годом.²⁸⁴ Известно, что катехизисы Филарета – пространный и краткий первой группы изданий (1823–1824 годов), также содержат в себе все тексты Священного Писания в русском переводе.²⁸⁵

Но если умеренный мистицизм или, как мы сказали выше, мистическое движение в лучшем его направлении не заслуживало порицания, то в его крайностях оно заслуживало прямо обличения, как секта. Мы разумеем такие крайние выражения мистицизма, как «Духовный союз» Татариновой, секты хлыстов, скопцов, духовборцев и молокан, хотя в них

собственно мистического было уже очень мало, кроме разве духовного союза Татариновой.²⁸⁶ Но все же и нечто мистическое в них, а за тем и общее начало веротерпимости, господствовавшее в высшем управлении России за время царствования Александра I и управления князя Голицына министерством духовных дел и народного просвещения, не только было причиной послабления этим сектам, но и прямо поощряло их существование и развитие. Союз Татариновой пользовался сочувствием и покровительством самого Государя и царской фамилии, не говоря о князе А. Н. Голицыне, особенно сочувствовавшем этому союзу, и об аристократии, и свободно продолжал свои радения в Петербурге до самого 1825 года и в окрестностях Петербурга с 1825 по 1837 год. Хлысты и даже скопцы также пользовались покровительством людей сильных и влиятельных и в Петербурге открыто совершали свои радения, находясь в близких отношениях с членами Татариновского союза. Главный их руководитель Селиванов пользовался вниманием и самого государя. Но скопцы еще по самому делу оскотления представляли нечто корябющее, если не прямо отвратительное и опасное в глазах даже сильных защитников его из лиц правительственных, и потому прямого покровительства им оказывать было неудобно. Другое дело – духоборцы. Эти пользовались прямым покровительством высшей власти. Так, когда в 1816 году херсонский губернатор Ланжерон послал в Петербург два представления о мелитопольских духоборцах, обвиняя их в развратной жизни и вредных для общества правилах поведения, а духоборцы, в свою очередь, послали на высочайшее имя жалобу на губернатора за притеснение их: то государь принял их сторону и сделал Ланжерону весьма сильное внушение по этому поводу. «Просвещенному ли правительству, – писал он в указе 9 декабря, – приличествует заблуждших возвращать в недра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаниями, ссылками и т.п.? Учение Спасителя мира, пришедшего на землю взыскати и спасти погибшего, не может внушаемо быть насильствием и казнями, не может служит к гибели спасаемого, коего ищут обратить на путь истины. Истинная вера

порождается благодатию Господнею чрез убеждение, поучением, кротостью, а более всего добрыми примерами. Жестокость же не убеждает никогда, но паче ожесточает»²⁸⁷ Точно таким же покровительством со стороны правительства пользовались и молокане. Но что всего удивительнее, так это то, что даже раскольники пользовались не только терпимостью со стороны сперва либерального, а потом мистически настроенного правительства, но и также своего рода покровительством. Даже указ 1822 года, запрещающий тайные общества, повелевает раскольниковских беглых попов оставлять без всякого внимания и существовавшие дотоле раскольниковские церкви не трогать, а только вновь не строить этих церквей. Особенно искусно было обставлено право существования и дальнейшего преуспеяния московского Преображенского кладбища и так называемого «богаделенного дома». Сильные материальными средствами и умением привлечь на свою сторону сочувствие правительственных лиц, радетели или «попечители» этого гнездилища федосеевщины сумели обеспечить его существование и преуспеяние под видом благотворительного учреждения. И государь император Александр I постоянно давал понять гражданскому начальству Москвы, чтобы оно не преследовало раскольников за их мнения и обряды, совершаемые без публичного оказательства. В таком же духе в 1823 году составлены были и новые правила о надзоре за Преображенским кладбищем. Другие средоточия беспоповщины в Москве, поморская Покровская и Филипповская часовни, хотя менее Преображенского кладбища обращали на себя внимание правительства, однако, с не меньшим успехом пользовались духом веротерпимости последнего и также процветали за рассматриваемое время. – Рогожским кладбищем заведовали попечители из поповщинского толка, а потому, согласно высказанному выше, оно еще более Преображенского и других пользовалось покровительством со стороны высших властей. Беглые попы из конторы этой своего рода митрополии раскола беспрепятственно и бесконтрольно рассылаемы были даже по отдаленным провинциальным гнездилищам поповщины. Да и

вообще Москва была центром всех движений в расколе, прибежищем для всех преследуемых раскольников, золотой как-бы бездонной чашей, из которой свободно черпал потребное всякий нуждающийся раскольник и убежищем для всех не имевших законного вида существования, лишь бы они оказывали склонность умножать собою число раскольников. Единоверцы московские за рассматриваемое время составляли только каплю в море среди завзятых раскольников разных толков по Москве и московской епархии. При этом что же оставалось делать епархиальной власти? Правительство постоянно внушало духовному ведомству, даже требовало от него, чтобы оно, в своей борьбе с расколом, как и другими сектами, отнюдь не пользовалось внешними мерами, а старалось развивать преимущественно духовные средства, – вразумление и просвещение народа. Так и вынуждалось действовать духовенство. Так действовал и Филарет. Какие же именно делал он вразумления раскольникам и другим сектантам по Москве и епархии? Выберем относящиеся сюда места из его проповедей в хронологическом порядке последних. При этом мы не можем не отметить того обстоятельства, что до 1824 года Филарет в своих проповедях даже почти и не касается сект и расколов, или затрагивает их лишь в самых общих, как бы даже безобидных выражениях в роде следующих наставлений слушателю: «если ум твой *прилагается в научения странна и различна* (Евр.13:9), и не хочет отдать себя в свободный плен и блаженное послушание вере: то не нужна ли тебе против тебя самого ревность святых отцов, которые силою веры *низлагали взимавшиеся на разум Божий возношения* (2Кор.10:5) гордого разума ересеначальников?»²⁸⁸ или: «не примечаете ли, как враг толикократно вносивший адскую брань в небесную область Церкви с оружием ересей и расколов, лжеучений и соблазнов, суеверий и невежества, толикократно отраженный ангелами Церквей и сонмом право и твердо верующих, – не мог поколебать *твердого основания Божия*, которое доныне *стоит* непоколебимо, имущее печать сию: *позна Господь сущия Своя, и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне* (2Тим.1:19)»²⁸⁹ И только с 1824

года, когда и само правительство стало усматривать вред своего прежнего потворства сектам и расколу, когда увидело, что под прикрытием религиозных обществ процветают и тайные политические общества, стремящиеся к ниспровержению правительства, Филарет также более возвысил свой голос против сект и раскола. Такому направлению дела способствовала и не раз упомянутая майская перемена министерства. Поэтому уже в проповеди на день Вознесения Господня, сказанной в Архангельском соборе 15 мая 1824 года, святитель московский, изъясняя слова Деян.1:10 и далее, говорит: *«Грядет час, или время искушения (может быть и ныне есть), когда скажут: се zde Христос, или онде! Се в пустыни есть! Се в сокровищах (Мф.25:23:26)! Вот Он у нас, говорят отщепенцы,²⁹⁰ которые, оставя град Божий, духовный Иерусалим, апостольскую Церковь, убегают не в истинную пустыню мира и тишины, но в запустение духовное и чувственное, где нет ни здравого учения, ни святости таинств, ни добрых правил жизни частной и общественной. Вот Он у нас, говорят скрытно еретичествующие, указуя на свои тайные сборища,²⁹¹ как будто солнцу должно светить только под землю; как будто не Он сказал и повелел: еже глаголю вам во тьме, рцыте во свете: и еже во уши слышите, проповедите на кровлех (Мф.10:27). Слыша таковые вопли или шептания, вспомните, христиане, ангельский глас и проповедь о Вознесшемся Госпoде: такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо, так же явно, так же торжественно. И потому, аще кто речет вам: се zde Христос, или онде: не имите веры. Ни грубые вопли, ни хитрые шептания, не походят на провозвешение архангела и на трубу Божию. Не исходите в след зовущих вас из града Господня; оставайтесь на месте своем, и берегите веру вашу для истинного пришествия Христова, славного и торжественного».*²⁹² Затем в слове на день памяти преподобного Сергия 25 сентября того же 1824 года, сказанном в Сергиевой Лавре на текст: *блажени алчущий ныне: яко насытитесь (Лк.6:21)*, наш проповедник, уже имея в виду помянутую выше связь заблуждших овец Церкви с тайными политическими обществами, говорит о своем времени:

«Воздержание ума еще менее почитается обязанностью, нежели воздержание воли. Жажда познания без дальнего рассмотрения приемлется не только за естественное и невинное, но даже за благородное чувствование. И как роскошь чувственная оказывает какое-то уважение ум помрачающему вину, в сравнении с очищающею оный водою: так нередко роскошь ума с пренебрежением проходит мимо чистых источников Израилевых, и с жадностью принимает из рук злободетей Вавилонской, ложной мудрости мира, чашу, из которой сия *от вина ярости злободетия своего напоевает вся языки* (Откр.14:8). Наше время видело, и не к блаженству своему, кажется, еще видит жаждущих так называемого просвещения, которые из чаши сей пьют *вино* сперва духовного *злободетия*, приемлют учение, которое приводит в забвение священные отношения человека к Богу, и вводит противное чистому закону не растленного ума смешение истины с ложью, зла с добром, нравственности со страстями, духовного с чувственным; потом пьют *вино злободетия* даже чувственного, поскольку от нечистых понятий естественно происходят нечистые чувствования и растленное учение сопровождается развратною жизнью; и в которых, наконец, сие *вино злободетия*, в высшей степени упоения, превращается в вино ярости, поскольку обуявшие от ложного просвещения, подобно пьяным, не любят быть в покое, но с мечтательною мыслью преобразования все хотят ниспровергнуть и разрушить. и не здравую жажду просвещения, от неестественного питания превратившуюся у них в другую, еще более неистовую жажду – быть просветителями, не умеют угасить иначе, как слезами и кровью людей и народов».²⁹³ Увы! декабрь 1825 года показал, как верны были предчувствия святителя московского и относительно русских подражателей Запада. В 1825 году Филарет начинает делать уже более ясные указания на раскольников именно. Так в известной уже нам проповеди, сказанной 12 февраля сего года на текст: *не мнози учителя бывайте*, он в конце её говорит: «Что сказать о тех, к болезнованию Церкви, многих учителях, которые, оставя любовь от чиста сердца, и совести благие и веры не лицемерные уклоняются, как обличает их апостол, в

*суетствия, хотяще быти законоучители, не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают (1Тим.1:6–7), которые из всякого слова Писания хотят составить особый толк, из всякого обряда церковного особую веру? Да даст им Господь разум, чтобы они сами себе вспомянули дела Диотрефа, размыслили о них беспристрастно и благовременно избежали его участи».*²⁹⁴

Но все это очевидно слишком мягко сказано, в согласии с тоном общих правительственных распоряжений. Сильнее и тверже говорит святитель о раскольниках в проповеди, сказанной по освящении храма святителя Алексия в селе Черкизове 6 сентября того же 1825 года. Именно в ней. Говоря о непоколебимости Церкви, наш вития заводит такую речь: «При сем размышлении о твердом и неразрушимом создании Церкви Христовой, нельзя не вспомнить о современных и ближних нам, не знаю, как лучше назвать их – врагами ли, как они мыслят, или братьями, как мы желали бы. – о тех, которые, уклонясь от единой святой, соборной и апостольской Церкви, вздумали созидать себе какую-то иную, которой основанием и подпорами служат им беглецы священства, и само-поставленные наставники, никем никогда не посвященные. Подумайте, что вы созидаете? Христос созидает *Церковь Свою*, а вы чью созидаете? Не признаетесь ли вы сами, что не Христову Церковь созидаете, когда сами себя почетным образом называете *Онуфриевым согласием*, *Феодосиевым согласием* и подобными названиями? Когда истинная Церковь Христова называлась человеческими именами? Истинная Церковь создается так, что всем верующим глава и основание есть *Христос*, на Нем утверждаются, и преемством от Его *апостолов* священного рукоположения, и общением прочих таинств неразрывно соединяются всех времен и мест православные *пастыри и учителя*, а с ними и прочие верующие. На ком или на чем основаны *Феодосий*, или *Онуфрий* и подобные им? Кто рукоположил их? Кто благословил их учить? И в ком из них искать твердости и единства, с Церковью неразлучного, когда они друг на друга восстают, и друг друга разрушают? *Врата адовы не одолеют* истинной

Церкви. Но если, как вы говорите, нет епископства, или совсем нет священства и таинств, то скажите также, что Церковь лишилась своего утверждения; скажите, что *врата адовы* *одолели* её; скажите, что слово Христово не сбылось; если же сего сказать не смее, то признавайтесь или нет устами, – совесть ваша, рано ли, поздно ли должна признаться, что мы имеем твердую, подкрепляемую священством и таинствами, а потому *не одоленную вратами адовыми* Церковь Христову, и следственно ваши самовольные и самодельные построения, воздвигнутые во вражде против Церкви, суть не иное что, как вновь построенные и отворенные врага адовы, на прельщение неведущих малым неким подобием Церкви притворно прикрашенные. Кто видит и разумеет, да бежит и ищет своего спасения в безопасном граде единые святые, соборные и апостольские Церкви, а кто по упрямству, или по корыстолюбию и любоначалию, еще не хочет видеть и разумеет, тому да умягчит Господь сердце, и да отверзет очи прежде, нежели врата адовы совсем поглотят его».²⁹⁵ Но само собою разумеется, что даже такие слова едва ли много пользы принесли в отношении к обращению раскольников к Церкви, при указанных выше, и еще в общем продолжавшихся за 1825 год мерах светского правительства. Действительнее были меры правительства, а потому смелее и действительнее в этом отношении было и слово проповеди Филарета в следующее царствование.

Заговорив о расколе, мы тем естественно и даже как бы невольно от общей церковной жизни России перешли уже к жизни собственно московской епархии, где были главные гнездилища раскола. Войдем теперь несколько подробнее в ход этой жизни за рассматриваемое время, останавливаясь главным образом на тех моментах её, по-прежнему, на которых останавливается проповедь Филарета. И как обозрение общей церковной жизни мы начали, по обыкновению историков, с характера и лиц церковного управления, так и теперь будем поступать, с тем лишь ограничением, что о личности самого первоиерарха московской епархии, уже достаточно известной нам из раньше сказанного, мы не будем теперь говорить

особенно. Ближайшим помощником первосвященника московского был его викарий, епископ Дмитровский. За рассматриваемое время у Филарета было два викария, преемствовавших один другому: Афанасий Телятев, посвященный в год поступления Филарета на московскую епархию, во еще до прибытия последнего в Москву, и прослуживший почти четыре года викарием, а потом выбывший на самостоятельную кафедру Тамбовскую и Кирилл Богословский – Платонов, из ректоров московской духовной Академии в октябре 1824 года рукоположенный во епископа Дмитровского на место Афанасия. Служение Афанасия прошло тихо и малозаметно, особенно при энергическом действовании самого нового архипастыря Москвы. Более заметным для нас является служение преемника его, который к тому же был первый викарий, рукоположенный самим Филаретом и прослужил с последним в самое неприятное для него время 1824 и 1825 годов, но за то потом видел и оправдание действий невинного священника московского в 1826 и 1827 годах. Он пользовался за свой кроткий нрав и другие добрые качества искренним расположением со стороны московского владыки, о чем свидетельствуют письма к нему последнего, к сожалению, доселе еще не изданные. В письме от 20 октября 1824 года Филарет писал Кириллу, еще архимандриту и ректору: «Богу угодно было дать мне вас, возлюбленный брат, для ближайшей помощи. Приемлю волю Его с благодарением: примите и вы с послушанием. Надеюсь единодушия: при нем будем носить немощи друг друга. Назначение вас в викария последовало 28 сентября, в день, когда мы молились вместе». Затем в письме следуют распоряжения и соображения относительно рукоположения Кирилла.²⁹⁶ Это рукоположение состоялось 26 октября того же 1824 года. при сем Филарет произнес речь к ново рукоположенному, в которой говорит: «Многое и великое совершилось ныне над тобою: и от тебя востребовалось многое и великое. Ты принял великий дар: и дал великие обеты. В преподанном тебе даре заключается для тебя залог многих благ: а данные тобою обеты призывают тебя ко многим подвигам. Приветствую тебя, щедренного великим даром

Божиим: страшусь вместе с тобою, испытав бремя общих нам обетов». И далее с живостью выражает свои чувства в тогдашнее, уже начинавшее быть тяжким для него по делу о Библейском обществе и катехизисах время,²⁹⁷ следующими, все к тому же рукоположенному епископу обращаемыми словами: «С какими же помышлениями и чувствами отпущу тебя отсюда, после совершившегося над тобою тайнодействия? С помышлениями страха? Но Церковь, призвавшая тебя в служение мира для неё, не имела намерения взять от тебя твой собственный мир; и притом возмущение духа страхом трудностей и опасностей не уменьшает трудностей, не отвращает опасностей. Если не приближает и не увеличивает оных. С чувствами радости? Боюсь на земли радости, которая думает, что ей нечего бояться. Умерь страх верою во благодать, тебя посетившую и надеждою на Того, Который избрал и принял тебя, умерь радость, недоверием к самому себе, и ненадеянием на собственные силы, и между страхом и радостью, как между двумя оградями от уныния и дерзости, узким, но безопасным путем, иди в мире!» И далее, указав на богоучрежденность епископского служения в Церкви Христовой, рукоположитель продолжает наставления свои ново рукоположенному, поставляя ему в пример Самого Христа, представляющего Собою первоначальный образ восприемлемого Им служения и заключает свою речь к нему следующими словами: «Таковыми размышлениями укрепляясь, благодумствуй, возлюбленный о Господе брат, вступая на поприще, тебе открытое; и помощью твоею облегчай мне часть бремени, столько же и мне, как тебе, страшного, но вместе, ради Возложившего и ради тех, которых тяготы носить нам должно, возлюбленного бремени. Се вручаю тебе и жезл, как знамение силы, посылаемой тебе от Господа, частью как знамение пастырского попечения о словесном стаде, от тебя ожидаемого. Возмогай о Господе, и не стесненным сердцем возноси к горнему Престолу Его молитвы о святой Церкви Его, и о благочестивейшем помазаннике Его, о послуживших настоящему твоему освящению».²⁹⁸

Надобно заметить, что Филарет, как на своих рукоположителей (митрополитов Амвросия, Серафима и других) смотрел, как на отцов и руководителей своих, так и на рукоположенных им самим смотрел, как на духовных сыновей своих, которых он был не только в праве, но и обязан руководить в архипастырской деятельности их. Яснее всего выразил он мысль об этом именно Кириллу, в одном из писем к нему, говоря по поводу и в оправдание своих наставлений ему: *«аще иным несмы апостол, обаче вам есмь»*.²⁹⁹ И подобным отеческим руководством полны письма Филарета к рукоположенным от него во епископы.

О других лицах епархиального управления Москвы за рассматриваемое время мы не будем говорить, чтобы не расширять еще более и без того широких пределов нашего исследования. Переходим к другим моментам истории московской епархии за то же время, и ближе всего коснемся посещения Филаретом епархии. Не говоря о поездках в Троице-Сергиеву Лавру, коей Филарет был настоятелем, а равно и на Перерву, Филарет совершал и более далекие и продолжительные путешествия по епархии. Таково, например, путешествие в Коломну и Серпухов, которое совершил он в первый же год своего управления московскою епархией летом 1822 года, причем, говорил известные уже нам проповеди: «Слово в неделю всех святых, при посещении города Коломны, о преимущественной христианской обязанности любить Бога и Христа», мая 28³⁰⁰ и «Слово, при посещении города Серпухова, о главных предметах деятельного учения спасительной благодати», 2 июня.³⁰¹ Затем большую часть лета 1823 года пробыв в Петербурге по делам синодальным, летом следующего 1824 года святитель московский опять совершил поездку по своей епархии, и на этот раз посетил другую, не незначительную часть её, при чем также произнес не одну проповедь. Именно 6 июня, при посещении города Вереи, он произнес проповедь, в которой, в качестве продолжателя апостольского служения, возвещал своим слушателям *свидетельство Божие* (1Кор.2:1), т.е. учение христианской веры;³⁰² 8 июня, при посещении города Можайска, говорил

слово в неделю вторую по Пятидесятнице, в котором, по примеру Самого Божественного Архиепископа – Господа Иисуса Христа, предложил учение «о проповеданном от Него *Евангелия Царствия*»;³⁰³ и 12 июня, при посещении города Волоколамска, в день святого апостола Варнавы, говорил слово о терпении.³⁰⁴ В 1825 году, в начале лета Филарет прожил в Сергиевой Лавре и Вифании частью в видах непосредственного наблюдения за производившимися там постройками,³⁰⁵ частью же в тех видах, чтобы там с большим удобством выдержать курс лечения,³⁰⁶ а кстати и произвести ближайшее наблюдение за учебными занятиями в академии и семинарии, в последней же половине лета он пробыл в Москве: ожидая (хотя, как оказалось потом, и напрасно) проезда государя чрез Москву,³⁰⁷ и потому не ездил по епархии.

О своем пребывании в Лавре летом сего 1825 года, где Филарет также не оставлял проповеди слова Божия, вот что писал он сам от 29 июня к викарию своему, вышеупомянутому Кириллу: «Здесь хорошо. Я сегодня служил и говорил.³⁰⁸ Не знаю, что Бог дарует далее. А ректор,³⁰⁹ которому бы, по видимому, в случае нужды, меня переменить, просит, чтобы я обязался говорить в Сергиев день,³¹⁰ и его бы не утруждал приготовлением. Или, по увольнении от писания уроков, и от проповедей ученые уволятся? Если случится, что вы в середине сей недели крещение³¹¹ отпразднуете, то к празднику можете приехать к нам; только экзамена конечно уже не застанете».³¹² И подлинно Филарет же говорил в Лавре проповедь и на праздник преподобного Сергия 5 июля. А между тем еще ранее того, именно 9 мая, того же 1825 года, в день святителя Николая, Филарет был и говорил беседу в Николаевском Перервинском монастыре близ Москвы «о прикосновении веры ко Христу».³¹³ Относительно всех проповедей Филарета, сказанных при посещении им епархии, за исключением сказанных в Лавре и на Перерве, как имевших особого рода слушателей для себя, нельзя не отметить той особенности их, что они, в отличие от сказанных в самой Москве, весьма просты по изложению, чрез что вполне опровергается ходячая мысль, будто Филарет не говорил простых, удобопонятных и для

необразованного человека проповедей, и наоборот вполне доказывается мысль, что, когда нужно было, он умел говорить проповеди и весьма просто. Так, например, вот прекрасное начало вышеупомянутой проповеди его, сказанной 6 июня 1824 года при посещении города Вереи и, к сожалению, до 1874 года не напечатанной: «пришед к вам, братие, незнаемый в лице, к малознаемым по образу мыслей и жизни, недоумеваю, что сказать вам, и как говорить с вами. Да разрешит сие недоумение, и да будет ныне моим и вашим наставником Божественный апостол Павел. Он, приводя на память коринфянам и вместе повествуя для нас, каким образом в первый раз приходил он к ним с проповедью Евангельскою, говорит к ним: *аз пришед к вам, братие, приидох не по превосходному словеси или премудрости, возвещая вам свидетельство Божие: не судих бо ведению, что в вас, точию Иисуса Христа и сего распята (1Кор.2:1)*. Слышите ли, что говорит сим гражданам сей пришелец, пришедший от Бога? *Возвещал им свидетельство Божие*. Примечаете ли, как говорил он с ними? *Не по превосходному словеси или премудрости*, то есть, не употреблял он для привлечения их к себе искусственного красноречия, не рассыпал пред ними сокровища знания, но, сколько можно, простым словом предложил им главное и необходимое учение. – Посему, и *аз пришед к вам, братие, ныне, по тому же долгу служения Евангельского, которое Господь наш первоначально вверил апостолам, а от них чрез непрерывное преемство священного рукоположения простер и до нашего недостойнства, – прихожду не по превосходному словеси или премудрости, возвещая вам свидетельство Божие*. Не забочусь о искусстве слова человеческого, ни о богатстве знания человеческого, слово Божие не имеет нужды в сих ничтожных пособиях, и Премудрость Божия даже утаивает свои тайны от премудрых и разумных, и открывает младенцам. Желаю, по колику Бог дарует, в простоте слова и в чистоте истины, возвестить вам *свидетельство Божие*, или точнее сказать, не возвестить как новое, но как известное в мыслях и чувствованиях ваших, возобновить к общему назиданию».³¹⁴ И за тем действительно

весьма просто излагает «в немногих словах многознаменательное свидетельство Христианские веры о Боге и спасительных делах Его».³¹⁵ Так же просты и проповеди Филарета, сказанные в Можайске, в Волоколамске и других местах московской епархии.

Частью при посещении епархии, частью же и в самой Москве за рассматриваемое время Филарет освятил много храмов, при чем по большей части не хотел лишать присутствовавших и проповеди слова Божия. Созидание храмов Божиих, обновление и благоуукрашение их было особенно приятным для нашего архипастыря делом, составляло предмет настолько же заботливости, насколько и любви его. Наполняя душу его и сердце приятными чувствованиями, оно и в уме его порождало целый ряд плодотворнейших для назидания паствы мыслей, которые он и изливал, и излагал в своих проповедях по освящении или обновлении храмов. Само собою разумеется, что еще обильнее были мысли и еще плодотворнее назидание у нашего проповедника, когда с созиданием храмов Божиих соединялось еще и созидание обителей столь дорогого ему равно-ангельского жития. Так, например, случилось в конце первого же года управления Филарета московскою паствою. В 1820 году княгиня Евдокия Николаевна Мещерская, урожденная Тютчева, в имении своем Аносине, Звенигородского уезда московской епархии, устроила при церкви, также ею построенной, богадельню на 12 женщин, а в следующем 1821 году, вместо этой богадельни, задумала учредить женское общежитие, опять на свои собственные средства. По имени храма, устроенного в честь святых Бориса и Глеба, общежитие получило название Борисоглебского Аносинского общежития. К 4 мая 1822 года готов был в этом общежитии ново-устроенный храм во имя Живоначальной Троицы. 4 мая, в день именин покойной матери основательницы общежития, архиепископ московский освятил этот храм и открыл общежитие, причем говорил и проповедь, помещенную во всех собраниях его слов и речей, начиная с 1822 года. В этой проповеди он выразил все главное, что всегда одушевляло его при подобных обстоятельствах Она сказано на текст: *аще кто Божий храм*

растлит, растлит сего Бог, храм бо Божий свят есть, иже есте вы (1Кор.3:17), и начинается так: «Слава Богу дивному во святилище Своем! Еще место соделалось святым и Божиим; еще отверзлось небо на земли; еще дано прибежище молитвам; еще явился престол благодати. Некогда во всей вселенной был один только храм истинного Бога: и был некто, который восхищался от одной мысли, что он может идти в дом Господень: возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем (Пс.121:1). Как не радоваться теперь, когда, так сказать, дом Божий приходит к нам из невидимого вездесущие Божия, чтобы нам ближе было приступать к Богу? Давид, возжелав создать храм Богу, клялся не иметь покоя, доколе не найдет места угодного Богу: клятся Господеву, обещаю Богу Иаковлю: аще дам очима моима сон, и веждамо моима дремание, и покой скраниама моима, дбндеже обрящу место Господеву (Пс.31:2, 4–5); а до самого создания храма и дожить ему не суждено было. Как приятно сердцу, которому не только желание создать храм Богу, но и совершение сего желания даровано, – как приятно пред Богом сердцу успокоиться в любви и благодарности!» И за тем, указывая, кроме создания храма Живоначальной Троицы в Аносине, и на открытие общежития здесь, вития говорит, все еще продолжая вступление, в своей проповеди: «Есть ныне здесь и еще радость. Вместе с обновлением сего дома Божия, обновляется близ его дом Богоугодного жительства; так что радость благочестия получает новое пространство, соединяясь с радостно человеколюбия, и радость человеколюбия приемлет освящение от радости благочестия. Знамение во благо сотворил Бог, устроив сие таким образом: благо убогим, когда они видят себя у Бога. Соединим каждый свою радость в общее славословие.... Впрочем, сколь ни чист источник вашей радости пред Богом, нам заповедано и радоваться Господу с трепетом (Пс.2:11). И естественная осторожность побуждает, с радостью о желанном приобретении соединять заботу о том, как беречь и как употреблять приобретенное. И от апостола слышим грозное слово на того, кто не сохранит столь драгоценного

приобретения, как храм Божий: *аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог*». ³¹⁶

Так искусно возвратившись к тексту, от которого исшел в своей проповеди, вития далее и развивает, раскрывает тему её: «о ненарушимом сохранении святости храма Божия», ³¹⁷ причем от мысли о храме Божиим рукотворенном переходит, конечно, и к мысли о храме Божиим нерукотворенном, о котором апостол говорит: *храм Божий свят есть, иже есте вы*. Но скромное, с благотворительным характером, Аносинское Борисоглебское общежитие вскоре же после сего обратилось и в общежительный монастырь в обитель равно-ангельского жития. Основательница общежития, княгиня Е. Н. Мещерская, которую Филарет утвердил попечительницею общежития, будучи уже давно вдовою и довольно давно устроив судьбу единственной дочери своей, столь же давно имела мысль удалиться от мира и предаться заботам о спасении души своей в какой-либо уединенной женской обители, и самое общежитие она устроила с некоторыми особенностями монашеской жизни. Открыв общежитие, Филарет всем сестрам его разрешил носить черную одежду и камилавки без покрывал, а 4 июня того же 1822 года, строитель Покровского монастыря, иеромонах Иона, с разрешения владыки, постриг в рясофор смотрительницу общежития Матрону Ивановну и четырех из сестер. ³¹⁸ Сама княгиня – основательница и попечительница общежития в том же 1822 году, с совета и благословения нескольких духовных лиц, в том числе и архиепископа московского, приняла окончательное решение достричься в монахини и, по настояниям этих лиц, именно для жизни не в каком-либо другом уединении, а прямо в Аносинском общежитии, которое при сем переименовалось в женский общежительный монастырь, игуменьей которого Филарет и назначил княгиню, в монашестве принявшую имя Евгении, не смотря на то, что она желала быть только в послушании у вышеупомянутой Матроны Ивановны. Все это совершилось в 1823 году. Новая игуменья желала ввести в свой монастырь строгий образ жизни иноческой, чем не довольны были многие сестры, а казначея и прямо ушла из монастыря. Это обстоятельство, которое не могло не

обеспокоивать игуменьи, желавшей доброго, относится к самым же первым годам существования обители (1823–1825).³¹⁹ Само собою разумеется, что такое недовольство и некоторого рода возмущение покоя иноческой жизни обители, окончившееся лишь в 1825 году с выходом казначеи в московский Вознесенский монастырь, не изменило намерений игуменьи, всецело посвятившей себя Богу и поставившей своею задачею воскресить в основанном ею монастыре дух древнего иноческого подвижничества. Она ревностно продолжала благоустроить свою обитель изнутри и извне. Между прочим, в 1824 году она построила небольшую церковь во имя св. Димитрия Ростовского, для отправления треб прихожан по левую руку от святых врат.³²⁰ Эту церковь освящал 12 сентября 1824 года также сам Филарет, желавший своим особенным вниманием к игуменье несколько ее саму ободрить в её скорбях при добром действовании в ново устроенной обители, настолько же и вверенным её духовному руководству показать необходимость послушания ей и неуклонного шествования по избранному пути подвижничества. Все это весьма тонко и вместе красноречиво изобразил он в своей проповеди, сказанной по освящении означенного храма и имеющей значительное сходство с знаменитой проповедью, сказанною в 1842 году в Сергиевой Лавре по освящении храма Явления Божией Матери преподобному Сергию, устроенного над мощами преподобного Михея. Знаменательно самое начало проповеди, сказанной в Аносине в 1824 году и, к сожалению, только в 1874 году появившейся в печати. «Какого слова ожидают теперь от пришедших из города, – так начинает ее наш вития, желая указать на не утихшие еще волнения и смятения в новоустроенной обители, – живущие в пустыне сей? Не желают ли, может быть, по обыкновению, слышать, что происходит в городе? Жаль, если те, которые в уединении могут вкушать сладость безмолвия, и в невозмущенном воздухе зреть чистый свет Божий, добровольно попускают своим желаниям и помышлениям бродить в многолюдстве, где сквозь шум и пыль слышат и видят суету! Кто чувствует жажду любопытства, или, вернее сказать, кто страждет болезнью пристрастия (ибо как не

бывает излишней жажды без жара, так не бывает любопытства без пристрастия), тому, как врачевство, предлагаем городское известие, которое, хотя, слишком за две тысячи лет написано, и пришло не из наших городов, однако еще и теперь, и у нас, представляет, к сожалению, довольно сходное изображение города: *видех беззаконие и пререkanie во граде. Днем и ноцию обыдет и по стенам его, беззаконие и труд посреде его, и неправда, и не оскуде от стогн его лихва и лесть* (Пс.54:10–12). Не требуйте, чтобы к сему свидетельству очевидца присовокупили мы, что и мы видели во граде. Мы пришли сюда от беспокойств города искать приятностей пустыни, и хотим лучше говорить что-нибудь о пустыне между живущими в пустыне. Новым обитателям сей пустыни полезно, думаю, было бы услышать и увидеть какого-нибудь древнего любителя пустыни, который бы своим примером утвердил их в любви к пустыне и наставил в образе пустынножительства. Пусть же слышат они такового и видят, как он сам себя изображает: *и рех, кто даст ми криле яко голубине? и полещу и ноцию. Се удалихся бегая и водворихся в пустыни. Чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури»* (Пс.54:7–9)³²¹

И далее, в назидание тяготившимся строгостью пустынножительства, вития красноречиво изображает черты доброго пустынножителя, в каковом изображении и состоит содержание проповеди. А в заключение успокаивает тяготившихся, по новости, подвигом пустынножительства, говоря: «живущие в сей пустыне, если встречают еще особенные трудности по новости своего жительства, то по благодати Божией имеют и особенные очевидные побуждения к упованию на Бога Спасителя. Который в краткое время при малых, по-видимому, средствах и способах человеческих, место сие устроил, и утвердил, и освятил, и распространяет, и украшает». Но тотчас же дает и последнее им назидание в словах: «Внимайте себе и званию вашему, сестры о Господе, и ходите достойно сего благого на вас призрения Отца небесного. Возлюбите пустыню, которую Он благословляет, забывайте мир, от которого Он со дня на день вас ограждает и обеспечивает, возбуждайте себя к неослабным подвигам для спасения душ

ваших надеждою на Бога Спасителя».³²² А потом, как бы воспаряя духом к безмолвию пустыни, как цели и своего иноческого призвания, и как бы предвидя имевшую вскоре над ним самим разразиться бурю мирского волнения (дело было, не забудем, около половины сентября 1824 года), вития следующими словами, заканчивает свою проповедь: «А нам, которые, после кратковременной беседы в пустыне о пустыне, должны возвратиться в молву города, кто и когда даст криле, яко голубине, да полетим и почием? Когда облегчимся от чужих бремени, чтобы обратить все попечение к облегчению собственного бремени греховного? О Дающий одним криле голубине, чтобы лететь в пустыню, а другим клокочущий глас кокоши, чтобы в городе и пустыне собирать птенцов Твоих под криле Твои! Собирай Сам и храни всех нас под крилами благодати Твоей, и стогнами ли града, тропинками ли пустыни, приведи наконец всех в вечно безопасный град, из которого не нужно будет бежать ни в какую пустыню. Аминь».³²³

Кроме освящения храма в Аносине, Филарет в 1824 и 1825 годах освятил еще несколько храмов в самой Москве, при чем также говорил и проповеди, которые, подобно последней Аносинской, не напечатаны были при жизни проповедника.

Таковы именно:

а) Слово при освящении храма во имя святителя Николая, созданного тщанием князя Сергея Александровича Голицына в Москве, на месте называемом Котельники, сказанное 24 августа 1824 года на текст: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Пс.131:1);³²⁴

б) Слово по освящении храма Успения Пресвятой Богородицы, что в Казачей, за Москвою-рекою, говоренное 15 июля 1825 года на текст из 1 книги Ездры (1Ездр.3:12), где говорится о воссоздании храма иерусалимского, каковое обстоятельство проповедник применяет и к храму Успения в Казачей, разрушенному французами в 1812 году и теперь вновь восстановленному;³²⁵

в) Слово по освящении храма святителя Алексия в селе Черкизове, говоренное 6 сентября того же 1825 года на текст: *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата*

адова не одолеют её (Мф.16:18) и рассуждающее о твердом созидании Церкви Христовы;³²⁶

г) Слово в день обновления храма иерусалимского, и по случаю обновления храма великомученика Никиты, в Басманской, говоренное 13 сентября 1825 года на текст: *писано есть, дом Мой, дом молитвы есть (Лк.19:46)* и имеющее целью «вразумить» слушателей «о высоком достоинстве» храма, как «священного места, и о расположениях, с какими должно входить в него, и пребывать в нем».³²⁷

И все эти проповеди превосходны, повсюду служат выражением того, о чем нами говорено было выше по поводу речи о созидании, обновлении и благоуукрашении храмов, но относительно первой из них вот что читаем мы в письме архиепископа Евгения (Казанцева) к его родственнику московскому протоиерею И. А. Благовещенскому от 12 сентября 1824 года: «Проповедь преосвященного, при освящении говоренную, весьма любопытствую иметь. Ежели будет напечатано, как и не сомневаюсь, не поленитесь прислать, не покуситесь подарить. Мню, написана с чувством, когда говорена со слезами».³²⁸ Что же в указанной проповеди есть такого, о чем проповедник говорил даже со слезами, по свидетельству современника? Исходя от выше приведенного текста, вития полагает *кротость* Давида или подвиг смирения его в том, что он *клялся Господеву, обещая Богу Иаковлю: аще вниду в селение дому моего, или взыду на одре постели моя, аще дам сон очима моима, и веждама моима дремание, и покой скраниама моима, дбндеже обращу место Господеву, селение Богу Иаковлю (Пс.131:2–5)*, то есть, – в усердии его «создать храм, потому что как царь, и особенно как царь не наследованного, но им вновь воздвигаемого престола, он мог бы помышлять о царском великолепии для себя самого; но, забыв себя, он видит только Царя царей, и о Его только доме и престоле помышляет».³²⁹ За тем, и всегда, по возможности, не забывая храмоздателей, теперь вития еще менее считал удобным опустить из виду сановного храмоздателя, благочестивого князя С. М. Голицына,³³⁰ а потому следующим, искусным образом применяет к нему указанную черту характера

Давида: «Поелику сей самый псалом Богомудрые чиноположители церковные повелели нам употребить и в нынешнем освящении храма: то, последуя их внушению, не могу я преминуть теперь, чтобы не сказать, и чтобы не пригласить собравшуюся здесь Церковь верующих сказать со мною: *помяни Господи раба Твоего, который, сам ли клялся Господами, принял ли на себя обет, которым его предки обещались Богу Иаковлю, не обленился, не воздремал, не потерял из виду дела Божия во многочисленных заботах³³¹ или в суетном рассеянии дел человеческих, доколе наконец ныне, чрез благодатное тайнодействие, обрел с нами здесь место Господеви, селение Богу Иаковлю*». ³³²

Но твердо памятуя, что кафедра церковная назначена не для похвалы лицам, а «для учения и наставления», ³³³ он тотчас же спешит к этому последнему и останавливается на мысли об усердии к храму Божию, пример коего представил в себе Давид. И при этой мысли, конечно, многое представлялось уму и взору вашего проповедника – любителя храмов Божиих, что могло вызывать не только просто скорбь, но и прямо слезы у него. Не будет излишне, если мы приведем всю эту, сравнительно, впрочем, небольшую часть рассматриваемой проповеди, которая и у внимательного читателя её, а не только что у слушателя способна вызвать горячие слезы, тем более, что, вопреки ожиданию архиепископа Евгения, эта проповедь, в числе других, как мы заметили, не была напечатана при жизни проповедника. «Благодарение Богу – думают, может быть, некоторые, – так начинается эта часть проповеди, – храм наш полон усердно притекшими в него. Скажу охотно и я: благодарение Богу за тех, которые с усердием и благоговением наполняют его. Да помянет Господь их благочестие! Но, вспоминая пример Давида, который представляет нам священная песнь, не могу не спросить: так ли в нас, как в нем, постоянно, так ли совершенно усердие ко храму Божию? Забываем ли мы из усердия к нему все собственное и житейское, как Давид забывал для одного сон и отдохновение? Когда металл, благочестивым искусством посвященный в церковные провозвестники, возвещает одно из торжественных

славословий Божеству, и призывает нас к оному, не многие ли слышат сии священные звуки также без мысли и без чувства, как медь издает их; и, не обращая на оные внимания, идут иной на село свое, иной на купли своя, иные на суетные зрелища, иные остаются продолжать свою работу, или свое увеселение, а иные не хотят оставить сладкого сна? Тяжкое ли, говорят, преступление – пропустить одно или несколько Богослужений? Если угодно, не скажу, что тяжкое; не желаю обременять чужих совестей; но рассуждай каждый сам для себя и советуйся с своею совестью. Когда законное и не состоящее в твоей воле препятствие не допускает тебя в храм на славословие Божие, ты легко можешь оставаться спокойным; но и в сем случае, если ты любишь Бога, и славу Его, и общение с Ним, то. думаю, воздохнет дух твой, и сердце твое скажет: *когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс.31:3).

А если, слыша призывание во храм, не принужденно и добровольно идешь ты на дела собственной корысти, или на безделие собственного удовольствия, в сем случае, очевидно, ты предпочитаешь то, что избираешь, тому, что оставляешь, т.е., предпочитаешь собственную корысть обязанности твоей к Богу, предпочитаешь чувственную забаву радости духовной, предпочитаешь зрелищных лицемеров Богу и Его служителям. Скажут, может быть, еще, что можно и не в храме призывать Бога. Не спорим и против сего; и желаем, чтобы все, которые говорят сие, самым делом сие исполняли. Одно только скажем таковым: не видано и не слыхано, и само в себе несообразно и несовместимо, чтобы тот, кто умеет любить, призывать и благословлять душою своего Господа на всяком месте владычества Его, не захотел призывать и благословлять Его во храме Его, в соборе верующих и святых Его, когда сие возможно и удобно. Давид, который *предзрел Господа пред собою выну* (Пс.15:8), без сомнения, умел, также выну, предстоять Ему в молитве и славословии, но Давид потому не бегал от храма Его, а напротив, когда только мог, бежал в оный с восхищением: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Пс.121:1).³³⁴

Мы наполняем храм: но как наполняем его? Телом ли наполняем видимое пространство храма, или также и духом наполняем невидимые чиностояния между ангелами, сослужащими нам, и сами наполняем благодатью Святого Духа, и здесь ныне, как некогда в Сионской горнице, хотя, не ощутительным дыханием бурным, но столь же истинно и действенно дышущего в слове и таинствах? Сие истинное исполнение Церкви видят Бог и ангелы Его и те из человеков, которые стоят на высших степенях духовного созерцания: но недостаток сей полноты можно и обыкновенному, только внимательному, зрителю примечать по видимым знамениям. Не видим ли, например, как слугитель сей царской трапезы является в сих царских вратах, показывает Божественное брашно и взывает: *со страхом Божиим и верою приступите*, но ни один из предстоящих не приступает? Что сие значит? Если не во всех, – ибо у иных преобладающий обычай отъемлет дерзновение, – то во многих не если сие знамением того, что так близко теснящиеся к алтарю, даже до препятствования священнослужителям в их служении, совсем не так близки к оному духом, как телом; что они не имеют довольно усердия и ревности приближаться к Спасителю своему тогда, как Он Сам к ним приближается? Не примечаем ли также иногда, что после тайнодействия и молитвословия, и при начале поучения, когда к новому духовному упражнению надлежало бы приступить с новым вниманием, некоторые напротив теряют внимание, отступают от поучающего и удаляются из храма? И сие не если знамением того, что и ум, и сердце таковых, следственно весь внутренний человек их не принадлежит к исполнению Церкви Божией? Так, может быть, некоторые из стоящих в доме Божием стоят в нем только, как праздные сосуды и наполняют его видимое пространство своею внутреннею пустотою. Так, может быть, взирая на движение наших желаний и помышлений, устремленных не к Богу, но к миру, и нам не слышимо глаголет Господь Вседержитель: *храм Мой есть пуст, вы же течете кийждо в дом свой*; и потому так часто *призываете на многа, и бывают мала* (Агг.1:9), не благословляя Бога во храме, не обретаєте благословения Его в домах ваших». И в заключение

вития говорит: «Христиане! Взыщем дома Божия усердием постоянным и всегдашним, усердием полным и совершенным: да взыщет нас Бог благодатью Своею. Молитва, таинства, учение да будут для нас равно вожделенны во храме; все прочее, входя в него, будем оставлять за порогом, и забывать: тогда и наше смирение помянет Господь в царствии Своем. Аминь».³³⁵ По этой выдержке можно судить в общем о характере и других проповедей Филарета, относящихся к рассматриваемому разряду.

Но заботясь о храмах Божиих и их благоустройстве, Филарет имел нежное, отеческое попечение и о служителях храмов Божиих. Он был одним из деятельнейших членов Синода по вопросу об обеспечении духовенства, об устройстве положения вдов и сирот духовенства. Ему принадлежит составленный им, по поручению Святейшего Синода, «проект положения о призрении, за старостью и болезнями увольняемых священно и церковнослужителей, их вдов и сирот», на основании коего учреждены были по всем епархиям в 1823 году попечительства о бедных духовного звания, устав которых, написанный Филаретом, удостоился высочайшего утверждения.³³⁶ При этом значительнейшую долю денежных средств на обеспечение бедных духовного звания приняло на себя духовное ведомство, с некоторою долею воспособления из государственного казначейства, определенного еще в 1801 году, а затем попечительства должны были рассчитывать уже на добротные подаяния. Филарет вскоре же по прибытии своем из Петербурга в 1823 году принялся за осуществление получившего надлежащее утверждение проекта и к концу ноября сего года уже организовал в Москве местное *попечительство о бедных духовного звания*. 2 декабря последовало и открытие действий этого *попечительства*. По этому случаю святитель московский сам совершил Богослужение в кафедральном Чудовом монастыре и по литургии говорил известное, напечатанное и отдельно и во всех собраниях слов и речей его, начиная с издания 1835 года. «Слово при открытии попечительства о бедных духовного звания». Для характеристики и положения дела и самого

«слова» мы возьмем из него лишь важнейшие отрывки. Оно сказано на текст: *Да узрят нищие, и возвеселятся: взыщете Бога, и жива будет душа ваша. Яко услыша убогия Господь, и окованные своя не уничижи* (Пс.58:33–34). Поэтому, начав с свидетельства Христа о Себе, что Он послан *благовествовать нищим* (Лк.4:18), каковая обязанность от него перешла и к апостолам и их преемникам – пастырям Церкви, вития говорит во вступлении: «На сей раз дух человеколюбия Христова посылает меня благовествовать нищим, именно, вашим, братия, служители алтаря. Сей дух в благочестивейшем помазаннике Господнем и в святейшем соборе правительства церковного подвигся на помощь беспомощным вашим, изнуренным старостью, окованным болезнью, сиротствующим, вдовствующим; ныне полагается основание постоянного призрения их чрез составляемое для того из вас же попечительное сословие: средства для сего частью дало само правительство, по мере его возможности,³³⁷ частью же оно уполномочило нас прибегнуть для сего к человеколюбию верных и послушных детей Церкви. *Да узрят нищие, и возвеселятся! Яко услыша убогия Господь, и окованные своя не уничижи*». Но «прежде нежели, делает вития переход к теме проповеди, сие веселие нищих принесем мы пред Бога в благодарственном молении, как-то заповедал нам Святейший Синод, бросим, хотя, легкий наблюдательный взор на многообразную скорбь нищих, ожидающую себе утешения».³³⁸

И затем, обстоятельно исследуя сущность нищеты, между прочим, говорит: «Кто пожелает рассматривать нищету в разных общественных званиях, тот еще откроет разные черты страдания, и новые побуждения к состраданию, и в сем рассмотрении нищета нашего звания, думаю, представится внимательным наблюдателям особенно достойною сострадательного участия. В других званиях нищета не редко происходит от лени, от предприимчивой жадности к приобретению, от расточительности, и потому есть не бедствие, но наказание, в звании служителей алтаря, почти всеобщий жребий его составляющая бедность превращается в нищету обыкновенно болезнью, старостью, или смертью начальника

семейства, доставлявшего себе и ему пропитание. В ином звании сирота и вдовица беспрепятственно, по крайней мере, укрываются под осиротевшим кровом отца и супруга, в нашем звании сиротство и вдовство, даже болезнь и старость, загораждая источник пропитания, по большей части отъемлют у нищего и жилище, которое, по установлениям, должно всегда принадлежать действительно служащему Церкви. Наконец – *сей нищий воззва, и Господь услыша и (Пс.33:7) Да узрят нищие, и возвеселятся!* Правда, – делает ограничение проповедник, – и теперь нищие наши могут видеть у нас только еще приготовление к облегчению их участи; могут веселиться только еще надеждою. Ибо средства призрения их меньшею только частью подает нам человеколюбивая рука правительства, большею же частью они скрыты еще в руках частного человеколюбия. Совершится ли и с сей стороны надежда убогих, и будет ли радость их действительно исполнена? Узрят ли они в участниках одного звания один дух братолюбия, и столь же искреннюю попечительность о бедности звания, как о бедности собственного семейства? Узрят ли в чадах Церкви возвещаемую апостолом *веру чистую и не скверную пред Богом и Отцом, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их (Иак.1:27)*, и, во-первых, сирых и вдовиц, оставленных служителями сея чистые веры? При ходатайстве за сих вдовиц и сирых, вспомните ли вы, чада веры, что те, от которых они остались, провели и окончили жизнь в молитвах за вас и в служении спасенью душ ваших?

И подумаете ли вы, что сии вдовицы и сироты пастырей ваших потому не получили наследства, и самые сии пастыри потому не собрали запаса на старость или болезнь, что, *посещали стадо Божие не нуждою, но волею, и по Бозе, ниже не праведными прибытки, но усердно (1Пет.5:2)*? Пожелаете ли на ваше изобилие, на ваше великолепие, на ваши увеселения, которые по истине часто делает нечистыми неумеренность? Пожелаете ли положить на оные добровольную очистительную дань человеколюбию и нищелюбию?» И наконец заключает проповедь следующими словами: «Будем надеяться, что Начавший дело благо в нас, и совершит оное благодатью

Своею, чрез благоугодные Ему орудия. Возблагодарим Его за начало: воззовем к Нему о совершении. *Взыщите Бога, и жива будет душа ваша. Услыша, и еще услышит, убогия Господь, и окованные Своя не уничижит.* Аминь». ³³⁹

О других сторонах попечительности Филарета в отношении к духовенству его епархии, – разумею заботливость его касательно умственного образования духовенства, ему подведомого, касательно преуспевания его в деле проповеди слова Божия и т.д., – равно как и других сторонах его архипастырской деятельности в своей епархии за 1821–1825 годы, мы будем говорить, по некоторым соображениям, в свое время и в своем месте. А теперь бросим общий заключительный взгляд на весь рассмотренный период (1821–1825 годы) проповеднической деятельности нашего святителя в историческом отношении.

Не раз мы высказывали мысль, что во всех, подлежащих нашему рассмотрению отношениях, которых касалась проповедническая деятельность Филарета за 1821–1825 годы, то есть и в отношении к его личной жизни и деятельности, и в отношении к внешней и внутренней политике России и в отношении к истории Церкви русской и даже московской епархии в частности печального было не меньше. Если не больше, нежели радостного. В отношении к истории московской епархии собственно, по-видимому, не оказывалось что-либо печального, судя по изложенному выше. Но не говоря уже о сектантстве и расколе, составлявших больные места этой истории, не говоря об окрашивавшихся оттенком влияния мистицизма тех или других явлениях церковной жизни, распоряжениях и действиях самого предстоятеля московской Церкви, разве не печально одно уже то, в каком положении находился сам первоиерарх сей епархии, – Филарет? Не колебалось ли здание Церкви московской от стрел, которые сыпались с разных сторон на первостоятеля её? Не полагался ли нежеланный разлад между архипастырем, подчиненными ему пастырями и паствою благодаря тому уничижению, какому он, хотя бы, и несправедливо, подвергался со стороны не призванных судей? А такое прискорбное положение московского

архипастыря было только отголоском общего положения дел в России. Благороднейший, великодушнейший монарх, поставивший своею задачею внести «правду и мир» не только в Россию, но и в Европу, одушевленный идеей, начертанною им на хартии священного союза, при всем своем желании, при всем своем могуществе и при всех усилиях осуществить эту идею, в конце концов не осуществил её вполне. И во внешней политике своей и внутри самой России он постоянно должен был бороться с препятствиями, часто непреодолимыми, на пути к такому осуществлению. Мало того, благодаря его политике, основанной на идее священного союза, по-видимому, частью усилилось и получило большую свободу прежде бывшее зло, а частью посеяны были и новые семена зла как в Европе, так и в России, притом не только в гражданской, но и в церковной жизни (секты).

И Александр должен был пред самую смерть свою услышать об адских замыслах покушения даже на его собственную жизнь, которая вся направлена была к добру, ко благу своих подданных. Конечно, не столько он был виною всего зла, выше указанного, сколько люди, находившие выгоды в том, чтобы делать зло или невольно увлекавшиеся в дурную сторону, а отчасти и исполнители его предначертаний. В этом-то смысле и писал, вскоре после кончины императора глубже других понимавший его Филарет к Е. В. Новосильцевой (от 24 декабря 1825 года): «что касается до покойного государя, для меня понятно, что во многом виноваты мы, в чем винят его, и потому наш здешний суд не осудит его на небесах».³⁴⁰ Тем не менее и сам государь пред концом своей жизни сознавал, что в результате его добрых стремлений и попыток оказалось много, весьма много нежелательного,³⁴¹ и все благонамеренные россияне должны были только от нового царствования ожидать лучшего.

II. Царствование императора Николая Павловича (1825–1855)

1. Личные отношения, жизнь и деятельность святителя Филарета за это царствование

Что касается личных отношений, жизни и деятельности святителя московского Филарета, то прежде всего царствование Александра I оставляло новому царствованию, как мы припомним, долг восстановления чести Филарета, оправдания его в глазах общества от несправедливых обвинений и нападок со стороны лиц, восстававших на него в 1824 году, восстановления его авторитета среди паствы. Таковое восстановление и оправдание действительно и совершилось постепенно, начиная с первых же дней царствования Николая Павловича. В письме к родительнице своей от 6 декабря 1825 года Филарет, извещая ее о кончине государя императора Александра Павловича, между прочим, говорил: «Я имею особенные причины быть тронут сим происшествием, имев известные опыты благоволения покойного Государя, и неизвестные другим. Но воля Божия во всем есть, и да будет!»³⁴² Здесь ближе всего разумеется то особенное доверие покойного государя к Филарету, благодаря которому последний, в числе не многих, самых приближенных к государю лиц (князь А. Н. Голицын и граф А. А. Аракчеев), удостоился быть хранителем великой государственной тайны о престолонаследии, врученной ему, как мы знаем из раньше сказанного, в 1823 году в августе. Эта тайна заключалась в том, что за бездетностью императора Александра I и цесаревича Константина Павловича, престол Российской Империи, согласно воле их обоих, должен был перейти к великому князю Николаю Павловичу. Подтверждающими все сие актами были: а) собственноручное письмо цесаревича Константина Павловича к Государю императору Александру Павловичу от 14 января 1822 года о добровольном отречении его от престола, на который по рождению своему он мог когда-либо иметь право, с просьбою утвердить таковое намерение его императорским словом и согласиём государыни – матери Марии Феодоровны; и б) собственноручный же ответ императора Александра на это

письмо, от 2 февраля того же года, с изъявлением согласия как с его стороны, так и со стороны императрицы – матери на это отречение.

Акты эти летом 1823 года, пред отправлением Филарета на свою епархию, чрез князя А. Н. Голицына, секретно сообщены были ему вместе с высочайшим повелением о составлении, на основании их проекта манифеста о назначении наследником Всероссийского престола великого князя Николая Павловича, а также и с указанием того, чтобы все эти акты оставались в тайне до времени и хранились в московском Успенском соборе. «Мысль о тайне тотчас представилась архиепископу, – писал о том впоследствии по воспоминанию сам этот архиепископ т.е. Филарет, – ведущую к затруднению. Как восшествию на престол естественно быть в Петербурге, то как оно может быть соображено с манифестом, втайне хранящимся в Москве? Архиепископ не скрыл сего недоумения; представил, чтобы списки с составляемого акта хранились также в Петербурге, в Государственном Совете, в Синоде и в Сенате; и, получив на сие также высочайшую волю, внес сие в самый проект манифеста».³⁴³ Проект манифеста был утвержден и привезен государем в Москву в конце августа того же 1823 года, со включением в него и остальных актов, в запечатанном конверте с собственноручною надписью государя на этом конверте: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору, в Успенском соборе, прежде всякого другого действия».³⁴⁴ Подобная же надпись сделана была и на остальных трёх списках.³⁴⁵ Внесение конверта в Успенский собор последовало 29 августа 1823 года, когда государь все еще продолжал быть в Москве, и, согласно изъявленной им Филарету чрез графа Аракчеева воле, совершено было в величайшей тайне, архиепископ вложил конверт в ковчег в алтаре только при трех свидетелях – протопресвитере Успенского собора, сакелларие и прокуроре синодальной конторы, при чем объявил им и волю государя о хранении дела в тайне. «Хранители тайны были верны. Следующею осенью и

зимою приходили из Петербурга скромные слухи, что в Государственный Совет и в Святейший Синод поступили от государя императора запечатанные конверты, а не случилось же подобного в Москве, даже и не спрашивали».³⁴⁶ Между тем в Петербурге, тотчас же по получении известия о кончине императора Александра I, великий князь Николай Павлович (цесаревич Константин был в Варшаве) сам первый присягнул на подданство своему брату Константину и распорядился о приведении всех к присяге ему же. Так и сделано было, не смотря на то, что хранившиеся в Петербурге конверты были вскрыты. Тоже сделано было и в Москве, по приказанию из Петербурга, не смотря на представления архиепископа московского, основанные на хранившихся в Успенском соборе актах. Положение его было до тяжелой болезненности мучительно. «Дни, протекшие между 30 ноября и 15 декабря 1825 года, – писал он сам, – конечно, ни для кого в Москве не были так тяжки, как для архиепископа, которому выпал странный жребий быть хранителем светильника под спудом».³⁴⁷

«Молитесь, отец наместник, – писал он же от 29 ноября 1825 года, следовательно, прямо по получении известия о кончине императора, к наместнику лавры Афанасию, – да не внидете в напасть. Теперь особенно надобно молиться».³⁴⁸ И ему же от 9 декабря, когда присяга Константину Павловичу уже была дана: «Когда придете ко гробу преподобного Сергия, положите поклон, думая обо мне недостойном».³⁴⁹ Таково было положение святителя московского, когда он был, как говорится, между двумя огнями. Самая присяга Константину только отчасти успокаивала его. «Неизвестность о новом государе, – писал он своей матери от 6 декабря того же года, – по отдаленности его пребывания,³⁵⁰ и по распутице в сие время в тех местах, производит нетерпеливое ожидание. Слава Богу, что присяга, уже данная, уменьшает тягость сей неизвестности».³⁵¹ Но «за то наконец ему же (Филарету) прежде других показался открывающийся свет».³⁵² Известие о кончине Александра пришло в Варшаву двумя днями раньше, нежели в Петербург. Бывший там цесаревич Константин, получив это известие, остался непреклонным в своем решении об отречении от

престола и о предоставлении его брату Николаю Павловичу, о чем и написал ему письмо от 26 ноября, прося его принять от него первого верноподданническую присягу. С своей стороны великодушный Николай не хотел восхищать законных прав старшего брата своего. Начинается препирательство двух августейших братьев в великодушной уступчивости друг другу.³⁵³ Но престол обширнейшей империи не мог долго быть не занятым без большего или меньшего ущерба достоинству царскому и благосостоянию империи, что и подготовлялось уже людьми в роде Пестеля. Муравьевых и под. Цесаревич Константин оставался непреклонным в своем прежнем намерении и форменно подтвердил тоже самое, о чем писал своему брату от 26 ноября, и рапорт министра юстиции к нему, как императору, оставил не распечатанным. Тогда Николай Павлович, убеждаемый и царицею – матерью, склонился на представления брата, и 12 декабря 1825 года издал манифест о восшествии своем на престол. Известие о сем, не смотря на последовавшие за тем и только личною энергией нового императора подавленные смуты в самом Петербурге, в Москву достигло лишь в ночь с 16 на 17 декабря и впервые сообщено было Филарету священником Троицкой, близ Сухаревой башни, церкви, пришедшим к нему вскоре после полуночи за разрешением привести к присяге на подданство Николаю находящуюся на Сухаревой башне ведомства морского министерства команду. По случайной задержке официальное лицо, несшее форменное извещение начальству г. Москвы о том, прибыло в Москву позже, нежели вестник морского ведомства.³⁵⁴ Наконец 17 декабря к вечеру все разъяснилось, и генерал-адъютант граф Комаровский, привезший самый о том манифест, объявил высочайшую волю о своем прибытии в Москву для присутствия при открытии хранившихся в Успенском соборе актов, касающихся престолонаследия. «Дабы после бывшей погрешительной присяги, – пишет обо всем далее происходившем сам Филарет, – народ лучше понял настоящее дело, архиепископ просил генерал-губернатора, в продолжении ночи, напечатать и доставить потребное число экземпляров высочайшего манифеста и приложений к нему, чтобы они 18 дня

могли быть прочитаны пред присягою во всех церквах столицы. Сие исполнено в точности». 18 дня пред полуднем по собрании в Большом Успенском соборе правительствующего сената, военных и гражданских чинов, архиепископ московский, в полном облачении, в предшестве прочего духовенства, вышел из алтаря, неся над головою серебряный ковчег, в котором хранятся государственные акты, остановился пред приготовленным на предалтарном амвоне облаченным столом и, имея пред собою ковчег, говорил: «Внимайте, россияне! Третий год, как в сем святом и освящающем царей храме, в сем ковчеге, который вы видите, хранится великая воля Благословенного Александра, назначенная быть последнею его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровом тайны, и хранители не смели прежде времени коснуться сего покрова. Прошла последняя минута Александра, настало время искать его последней воли: но мы долго не знали, что настало сие время. Внезапно узнаем, что Николай. с наследственною от Александра кротостью и смирением, возводит старейшего брата, и в тоже время повелевает положить новый покров тайны на хартию Александра, что нам было делать? Можно было предугадывать, какую тайну заключает в себе хартия, присоединенная к прежним хартиям о наследовании престола. Но нельзя было не усмотреть и того, что открыть сию тайну в то время значило бы разодрать на двое сердце каждого россиянина, что же нам было делать? Ты видишь, благословенная душа, что мы не были не верны Тебе, но верности нашей не оставалось иного дела, как стеречь сокровище, которое не время было вынести на свет, – как оберегать молчанием то, что не позволено было провозгласить. Надлежало в сем ковчеге, как бы во гробе, оставить царственную тайну погребенную, и небесам предоставить минуту воскресения. Царь царствующих послал сию минуту. Теперь ничто не препятствует нам сокрушить сию печать, раскрыть сей, государственную жизнь скрывающий, гроб. Великая воля Александра воскреснет. россияне! Двадцать пять лет мы находили свое счастье в исполнении державной воли Александра Благословенного. Еще раз вы ее услышите,

исполните и найдете в ней свое счастье».³⁵⁵ После сего ковчег, по снятии печати, был раскрыт, вынут из него конверт; печать на нем и собственноручная надпись в Бозе почившего государя императора Александра Павловича освидетельствованы близ стоявшими, московским военным генерал-губернатором³⁵⁶ и генерал-адъютантом графом Комаровским; и прочитан архиепископом высочайший манифест в Бозе почившего императора Александра Павловича с приложенным при нем в подлиннике отречением цесаревича великого князя Константина Павловича от права на наследование престола. За сим, по прочтении также высочайшего манифеста государя императора Николая Павловича, приступлено к принесенью его императорскому величеству присяги на верность подданства. По требованию обстоятельств, архиепископ нашел нужным чтение формы присяги предначать следующим образом: «По уничтожении силы и действия прежней присяги непреклонным отречением того, кому она дана³⁵⁷ (за сим следовало осенение народа крестным знамением), Аз ниже именованный и прочее».³⁵⁸ Это предисловие к присяге послужило поводом к возникновению разнообразных и даже взаимно противоречивых суждений о нем, одни подлинно успокаивались благодаря сему, а другие, напротив, говорили, что Филарет взял на себя не принадлежащую ему власть разрешать от присяги, причем переиначивали даже и самую формулу предисловия.³⁵⁹ Так в записках одного из присутствовавших при сем, именно графа Е. Ф. Комаровского, напечатанных в Русском Архиве за 1867 год, № 10, сказано: «прежде нежели приступить к присяге, Филарет, осеняя всех, громогласно сказал: *разрешаю и благословляю*».

Но, конечно, лучше всего знать это было самому же Филарету, который и понимал дело глубже всех присутствовавших и продумал то, что имел сказать и сказал, конечно, более их. А он и в 1849 году, когда вызван был на воспоминание об этом событии и отчасти в виду тогда уже существовавших противоречивых о предисловии к присяге суждений, свидетельствовал только то, что действительно было и что он действительно говорил,³⁶⁰ и в конце 1867 года, следовательно, пред самую кончину свою, когда появились в

свет означенные записки графа Комаровского, по поводу переименованных слов предисловия к присяге, от 8 ноября сего года писал: *«разрешаю и благословляю... Могли ли быть сказаны сии слова, в которых нет определенного понятия и смысла? Архиепископ не принимал на себя разрешить от присяги; да и не было в сем нужды: нужно было только объявить, что присяга уничтожилась сама собою»*. И далее приводит точные слова предисловия выше приведенные, руководясь в сем, как и в других случаях, высоким правилом: *«Правда выше всего»*.³⁶¹ Уже самые эти противоречивые суждения и пререкания о формуле предисловия показывали, что оставшиеся от конца прошлого царствования в наследие новому недоразумения и несправедливые мнения и суждения касательно личности и достоинства архипастыря московского в известной части общества все еще не улеглись и не прекратились. А между тем архипастырь, не взирая ни на что, делал свое дело, исполнял верою и правдою высокий долг своего служения. *«За присягою, по его собственному свидетельству, – следовало молебное пение о благословении Божиим на начинающееся царствование. При возглашении многолетия благочестивейшему государю императору Николаю Павловичу, по начатии звона на Ивановской колокольне. по предварительному распоряжению, в тоже время произведен звон при всех церквах столицы»*.³⁶²

Так официально кончилось разрешение вопроса о престолонаследии в Москве. Но здесь в это время еще не было известно о том, что совершилось в Петербурге при восшествии на престол нового императора, т.е. о событиях 14 декабря (бунт декабристов), а когда вскоре принесены были в Москву о том вести, то они также не могли не отягощать царелюбивой души святителя московского, тем более, что еще и форменного указа Святейшего Синода о восшествии на престол, по некоторым причинам, не было долго получено в Москве.³⁶³ Опасались бунта и в Москве во время прибытия сюда тела покойного государя.³⁶⁴ Но, к счастью, его не было. При всем том Филарет, исполнив долг свой относительно вверенной ему тайны, счел нужным подробно отписать о том новому императору и, в

утешение свое, в радостный день праздника Рождества Христова имел счастье получить бриллиантовый крест на клобук, при следующем весьма лестном высочайшем рескрипте: «Преосвященный Архиепископ Московский Филарет! Мне приятно было получить письмо ваше от 18 числа сего месяца, и видеть в нем изъявление чувств преданности вашей и усердия по случаю восшествия Моего на Прародительский Престол и Архипастырские молитвы ваши ко Всевышнему Царю царствующих о благословении на начинающееся царствование Мое.

Примите благодарность Мую за сие, равно как и за доставленное Мне притом описание открытия, хранившегося в Успенском соборе акта в Бозе почившего императора любезнейшего брата Моего. Достоинства ваши были Мне известны; по при сем случае явили вы новые доводы ревности и приверженности вашей к Отечеству и ко Мне. В воздаяние за оные, всемилостивейше жалую вам бриллиантовый крест, у сего препровождаемый, для ношения на клобуке. Пребываю вам всегда доброжелательный Николай. Санкт-Петербург 25 декабря 1825».³⁶⁵ Получив этот в высшей степени благовременный и вожделенный, в виду переиспытанного раньше и за последнее время, знак монаршей милости, святитель Филарет от 30 декабря того же года писал наместнику лавры Афанасию следующее: «препровождаемый при сем список с высочайшего рескрипта отдайте в собор»³⁶⁶ для сведения. Вы вспомните, что я писал вам, чтобы вы за меня помолились пред гробом преподобного Сергия. То было во время известия о кончине в Бозе почившего государя, когда мне представлялись затруднения касательно вверенного мне завещательного акта, которые действительно и последовали. Молитвами преподобного кончились оные благополучно, почему прошу вас по получении сего совершить за меня у гроба преподобного молебное пение с акафистом. Я уверен, что вы сие исполните с усердием, и потому сие будет преподобному угодно и мне полезно».³⁶⁷ Так ожил духом много и неповинно пострадавший в конце предшествующего царствования и оказавшийся в величайшем затруднении в самом начале нового

царствования святитель московский. И не к одному лишь последнему затруднению относятся его слова, сказанные по получении бриллиантового креста на клобук: «я, конечно, рад высочайшему награждению меня драгоценным крестом, но не менее и тому, что с меня, наконец, снят тяжкий крест!»³⁶⁸

Мы не забыли, разумеется, что время вручения завещательного акта Филарету совпало с временем начала нападений на него со стороны противников Библейского Общества. Памятно было все это время Филарету, памятен был благодарной душе его и день восшествия на престол императора Николая, снявший с него тяжесть креста того времени. И даже чрез 12 лет после того он, произнося в Москве 20 ноября 1837 года «слово» свое в этот день, когда и сам государь с своею семьей был в Москве, говорил в ней между прочим: «какое слово может обнять все, что нынешний день говорит уму и сердцу россиянина? Он говорит, во-первых, о том за четырнадцать лет бывшем дне, в который Бог в сердце приснопамятного Александра, и в его заветную хартию положил мысль о царствовании Николая, как преимущественно желанном и благонадежном для России; потом о другом дне, от которого начинаются двенадцатилетние, до ныне, опыты, удостоверяющие, что в завете Александра заключалось предусмотрительное и благотворное для России определение Божиих судеб».³⁶⁹

Оживление духа проникает теперь и всю дальнейшую жизнь и деятельность святителя Филарета, начиная с конца 1825 года, не смотря на бывшие вскоре после сего и печальные события, каковы уже рассмотренные нами – бывшее в феврале 1826 года перенесение чрез Москву и встреча здесь тела в Бозе почившего императора Александра и состоявшееся весною того же года сопровождение тела в Бозе почившей императрицы Елисаветы Алексеевны, а равно и большее и большее раскрытие следов заговора, имевшего плодом своим бунт 14 декабря 1825 года,³⁷⁰ о чем Филарет, как истинный патриот, писал наместнику лавры Афанасию от 16 июня 1826 года следующее: «более и более открывается, от каких ужасов и мерзостей избавил нас Бог, укрепив государя в 14 день декабря.

Молитесь, чтобы зло сие правдою и мудростью совсем уничтожено было. Но есть люди, которые после бывшего посещения Божия, о котором предварительно говорили, теперь еще говорят *о таящемся на нас гнев Божием*». ³⁷¹

Ожидавшаяся в августе коронация должна была уничтожить остатки скорбного чувства в Филарете как от бывшего посещения Божия, так и от таящегося гнева Божия. Ибо, кроме того, что Филарет вполне восстановлен был и даже возвышен в своем архипастырском достоинстве и чести, самая крамола совершенно подавлена была к тому времени. В самый день коронации 22 августа 1826 года Филарет, не будучи еще и 44 лет и лишь недавно получив награду, возведен был в сан митрополита, при следующем высочайшем рескрипте на его имя: «Преосвященный Митрополит Московский и Коломенский Филарет. Заслуги вами оказанные Церкви и отличное служение ваше дают вам право на изъявление вам совершенного Моего благоволения пожалованием вам белого клобука с крестом из драгоценных камней, который при сем препровождая, повелеваю вам возложить на себя и носить по установлению. Поручая себя молитвам вашим, пребываю вам благосклонный». ³⁷² Так Филарет не только оправдан был в глазах общества от несправедливых обвинений и нападок со стороны лиц, восстававших на него в 1824 году, ³⁷³ но и возвеличен был в своей чести, а чрез то восстановлен был вполне и авторитет его среди паствы московской.

Такое возвеличение самого Филарета лично счастливо совпало и с возвеличением нового царствования, между прочим, чрез совершенное подавление крамолы. И потому неудивительно, если Филарет, проповедуя «слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего государя императора Николая Павловича, по первом лете царствования его», т.е. 20 ноября 1826 года, говорил между прочим: «Бог сотворил величие и роду наших царей, россияне! и недавно вновь воссотворил оное благословенно царствующему над нами Николаю, что сделалось – было пред начатием года, которого благополучное совершение ныне торжествуем, что сделаюсь – было с сим koliko досточтимым, тоliko

достолюбезным величием? Царя не стало, преемник скрывался, крамола подкапывалась во мраке под основание престола. Но Бог и не ожидавшего и даже уклонявшегося *вознес избранного от людей своих* (Пс.88:20); сотворил ему и величие наследия, по закону отеческому, и вместе величие избрания от двух старейших братьев, и величие духа, с которым он первым явлением пришествия своего уничтожил сопротивных, и величие деяний мудрых и благотворных, которые возвышают и, без сомнения, продолжают возвышать его. Не в его скромных помышлениях, не в наименованиях и словах, но в умах и сердцах верноподданных; наконец, после скорбей многих, милосердый Бог *умножил* на Нем и на нас *величие* своих благодеяний мирным и всерадостным его венчанием и священным миропомазанием».

Поставляя себя таким образом в числе истинных россиян, глубоко чувствующих, что «после скорбей многих, милосердый Бог» и на них, как на царе их, «умножил величие Своих благодеяний мирным и всерадостным Его венчанием и священным миропомазанием», святитель в заключение, соответственно сему, как бы начертывает и дальнейшую программу своей жизни и деятельности в даваемом отсюда направлении. «Реки ныне, благословенная Россия, говорит он, *сотвори мне величие Сильный!* Но не забуди проглотить и сие слово Преблагословенное: *свято имя Его!* Святи, и не преставай святить имя Бога твоего, благодарением за величие благодеяний Его, молитвою за царя и всяким благочестием. Святи имя возвеличившего тебя Бога, не только устами благочестивыми, но и сердцем смиренным, и соблюдением святых Его заповедей, во всякое время, и во всяком деле жития, да и еще сохранит и умножит тебе величие – Сильный. Аминь».³⁷⁴

И сам Филарет, как мы увидим из дальнейшего, был наилучшим образцом в исполнении этой программы. А за это Сильный Господь не только сохранил, но и умножит ему величие, не смотря на то, что в тридцатилетнее царствование Николая Павловича и после 1826 года на его долю выпадали скорби отнюдь не меньшие, если еще не большие, нежели

скорби 1824 года. Будем излагать историю его личных отношений, жизни и деятельности в порядке времени.

Одним из долгов конца прошлого царствования в отношении к восстановлению чести Филарета, оставленных новому царствованию, было восстановление достоинства катехизисов его, забракованных, если можно так выразиться, Шишковым, который и в новое царствование продолжал быть (до 1828 года) министром просвещения,³⁷⁵ и действовать искренно в прежнем тоне и направлении. Не смотря на то, что по настояниям Шишкова и самого президента Библейского Общества митрополита Серафима это Общество в начале нового царствования (12 апреля 1826 года) было официально закрыто, Филарет, пользуясь и возвращением к нему монаршего благоволения и собранием членов Святейшего Синода в Москве по случаю коронации, когда однажды, в силу высочайшего повеления от 14 августа того же 1826 года зашла речь о катехизисе, подал было первенствующему члену Синода, митрополиту Серафиму мысль о восстановлении своего катехизиса в прежнем виде. Но Серафим и слышать о том не хотел, особенно имея при сем в виду русский перевод текстов Священного Писания.

Защита Филаретом своего катехизиса лишь еще более раздражило Серафима против него. Неудовольствие Серафима еще усилил другой член Синода, бывший при этом, митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), коснувшийся, хотя, и неудачно, даже догматической стороны содержания катехизиса Филарета. Рассуждали, не нужно ли будет вновь написать катехизис, однако решили только поправить прежде написанный и поручили это самому же Филарету.³⁷⁶ И Филарет горячо принялся за это дело; однако за множеством епархиальных и других дел не мог окончить его до отбытия своего в Петербург, куда он, после четырехлетнего почти перерыва, вновь вызван был для участия в заседаниях Святейшего Синода в мае 1827 года, и только там на досуге летом сего года dokonчил его, сделав, как одну из необходимых уступок современным требованиям, ту, что «все изречения священные и церковные, употребленные в сей книге, вместо российского наречия,

предложены на славенском».³⁷⁷ По окончании труда и по представлении его в печатном виде чрез обер-прокурора Святейшего Синода Государю императору, государь на представлении изволил собственноручно начертать: *Весьма благодарен. Разослать по всем военным заведениям.*³⁷⁸ Кроме недоразумений относительно катехизиса, иногда крайне мелких,³⁷⁹ Филарет стал теперь год от году, в бытность свою в Петербурге, встречать много недоразумений и по другим вопросам среди своих сочленов в Синоде, притом недоразумений не только имевших хотя какие-либо основания, а часто и даже вовсе безосновательных, что все крайне огорчало искренно желавшего быть мирным святителя московского.

Так, например, не смотря на то, что на поданном по поводу одного синодского дела мнению Филарета о необходимости русского перевода Священного Писания в известных случаях, государь император написал: *Справедливо*, первенствующий член Синода митрополит Серафим изъявлял упорное на то несогласие во всех случаях. когда только заходила речь о сем. «Признаюсь, – писал по этому Филарет в 1828 году из Петербурга, – уныние наводит на меня мысль, что в таком предмете, как сей, нет у нас единомыслия. Желал бы я быть изгнан не только из Петербурга, но и из Москвы, чтобы оставить место людям, которые бы умели видеть и показывать другим истину так, чтобы все шло к спасительному соединению веры, а не к пагубному разделению мнений. Но в сие самое время, добавляет к тому святитель московский, – когда пишу сию жалобу, опять приходит мысль за иное благодарить Бога. Например, по делу о праздниках мы действуем оба. как одна душа».³⁸⁰ И потому когда, в виду вышеприведенной резолюции государя на мнение Филарета, известный нам князь А. Н. Голицын сказал последнему: «что же вы не настояли на свое мнение о переводе Священного Писания?», то Филарет смиренно отвечал: «я не хочу производить раскола в Церкви».³⁸¹

Так и в других случаях он старался по возможности уступать Серафиму, как старейшему члену Синода и притом как

своему рукоположителю. В его отношениях и деятельности его ободряло, кроме полного доверия самого государя к его необыкновенному уму и опытности,³⁸² также еще то, что тогдашний обер-прокурор Святейшего Синода князь П. С. Мещерский, человек весьма благочестивый и исполненный высокого уважения к такому учреждению, как Святейший Синод, не относился так самовластно к течению дел Синодального управления, как иногда относился тот, который заслужил название «слепотствующего министра» (духовных дел и народного просвещения), т.е. добрый по душе и по намерениям, но не всегда разумно действовавший князь А. Н. Голицын.³⁸³ Но обстоятельства изменились с 1833 года, когда на место князя Мещерского обер-прокурором Святейшего Синода был назначен С. Д. Нечаев, который решил забрать всю власть и все влияние в Синоде себе, оставив членам Синода лишь номинальное значение. При этом не раз жестоко оскорбляем был и святитель Филарет. Члены Синода постарались скорее сбыть такого обер-прокурора. Нечаев получил другое почетное назначение, а на его место назначен был гусарский полковник, граф Н. А. Протасов, не без указания самих членов Синода. Это было в начале 1836 года, когда Филарета московского не было в Петербурге.

Но члены Синода жестоко ошиблись в своих расчетах. Граф Протасов, обладая далеко не заурядными способностями ума и твердым характером, а главное – сильными связями при дворе, еще решительнее стал действовать в том направлении, в каком начал действовать его предшественник. Он считал и ставил себя министром духовного ведомства и в таком качестве еще резче и настойчивее стал проводить в дело ограничение власти членов Святейшего Синода. Конечно, ему в особенности при этом не нравились такие сильные умом, характером и опытностью члены, как митрополит московский. А между тем не посвященный глубоко в дела религии и духовной администрации, да к тому же воспитанный под руководством иезуита, он окружил себя советниками, из коих ближайшие к нему были униаты, почти всегда тяготеющие больше к латинству, нежели к православию, и вследствие того нередко

старался проводить в дело такие предположения, которых осуществление противоречило коренным основам убеждения таких строго православных архипастырей, как Филарет.

Само собою разумеется, что все это порождало целый ряд более или менее важных недоразумений и противоречий, а при известной стойкости Филарета в своих убеждениях, вызывало неудовольствие со стороны властолюбивого обер-прокурора и желание не только унижить его в глазах государя и Синода, но и совсем удалить из Петербурга и тем совершенно уничтожить его влияние на ход дел синодального управления, тем более, что с старевшим и слабеющим телесно и духовно год от году первенствующим чином Синода Серафимом он надеялся легко сладить, ибо без членов Синода нельзя же было вести дел синодских, а Филарета митрополита Киевского, с 1837 года заступившего место Евгения, решился также отдалить от этих дел, как едино-мысленного с московским и также твердого характером. Из многих случаев подобного рода отношений графа Протасова к Филарету достаточно указать лишь на два на три. Вместо прежней комиссии духовных училищ состоявшей при Святейшем Синоде и находившейся в прямой и непосредственной связи с последним, граф учредил духовно-учебное управление, которое, в качестве особого департамента, было бы в прямой зависимости не от Синода, а от него, как министра. Здесь однако Филарет отстоял, хотя, некоторую долю зависимости этого департамента от Синода, доказав как дважды два всю несообразность его независимости от последнего, благодаря которой он являлся бы подлинно как «status in statu»,³⁸⁴ по выражению Иннокентия архиепископа Херсонского.³⁸⁵ Отстоял он и некоторые другие права и преимущества членов Святейшего Синода и вообще духовенства в делах церковного управления.

Но не так посчастливилось ему в некоторых иных случаях. Между прочим, частью под влиянием своего иезуитского воспитания, частью же побуждаемый своими советниками, граф с самого же начала своего обер-прокурорства стал выдвигать на первый план значение церковного *предания* в ущерб значению *Священного Писания*. В этих видах граф отыскал в Синоде так

называемые *Патриаршие грамоты* и поручил московскому же митрополиту перевести их на русский язык. «В них я нашел, говорит сам святитель московский, влияние латинского учения». Так что при переводе он должен быть в них кое-что опускать, как например, речь о том, чтобы не всякому и не все дозволять читать в Священном Писании.³⁸⁶ Тем не менее Филарет должен был исполнить поручение графа, – и грамоты были изданы. За тем и в тех же видах граф ввел в употребление в духовно-учебных заведениях катехизис Петра Моги́лы, в коем некоторые части были составлены опять «из подражания латинским книгам», по замечанию Филарета;³⁸⁷ а в то же время потребовал от Филарета, чтоб и в его катехизис внесены были соответствующие добавления.

И Филарет должен был это сделать. «Наибольшие пополнения сделаны в учении об откровении, священном писании и предании, и в учении о Церкви, – пишет о том сам же Филарет, – учение о блаженстве написано вновь, по местам положены предохранения от плевел, рассеваемых не православными».³⁸⁸ Это было в начале 1839 года. Так действовал святитель московский в своих отношениях к требовательному обер-прокурору, уступая ему где можно, но и твердо держась основных своих убеждений и ни на шаг не поступаясь ими, за что наконец и тяжело пострадал в 1842 году. Поводом к последнему обстоятельству послужило появление литографированных переводов Священного Писания, составленных в свое время профессором Санкт-Петербургской духовной академии протоиереем Г. П. Павским, о которых в конце 1841 года трем митрополитам: Санкт-Петербургскому, Московскому и Киевскому сделан был безымянный донос,³⁸⁹ как о нечестивых и не православных. Так как митрополит Серафим уже давно был предубежден против перевода Библии на русский язык, а граф Протасов, в виду вышесказанных начал своего воспитания и действия, был в этом вполне согласен с ним,³⁹⁰ то не удивительно, что такое оглашение дела литографированных переводов произвело большое движение в духовно-правительственных сферах, особенно же благодаря тому, что граф Протасов, которому не безызвестно было

сочувствие Филарета московского мысли о переводе Библии на русский язык, в этом обстоятельстве надеялся найти новый повод к обвинению и унижению святителя московского, как потом и оказалось.

Между тем святители московский и киевский, сами встревоженные появлением означенных переводов и видя вред, могущий произойти от них, сделав надлежащие распоряжения по своим епархиям об отобрании экземпляров этих переводов у лиц, у которых они имелись, как истинные архипастыри русской Церкви, не ограничились одним этим, так сказать, форменным отношением к нему, а вошли в совместное (предварительное) обсуждение мер и способов к уврачеванию зла, уже сделанного сим появлением, и к предотвращению его на будущее время, а равно к удовлетворению очевидно сознаваемой нужде в понимании славянского текста Библии, с течением времени становившегося все более и более непонятным. При таком совместном обсуждении дела они пришли к такому заключению, что если уже нельзя по сему случаю начать дело об издании русского перевода Библии от лица и под ведением Святейшего Синода, то по крайней мере при издании Библии славянской можно было бы где присовокупить истолкование, где заменить непонятное слово и неправильное выражение иным словом и выражением, где пояснить смысл в кратком перечневом содержании, в оглавлении той или другой книги, песни, послания и т.д. Обсуждение было домашнее. Между тем граф Протасов, который относительно не любимых им митрополитов искал, по выражению Филарета московского, «вины и там, где её не было», узнав об этом, сделал обоим митрополитам род вопроса по сему делу и затем потребовал письменного изложения высказанных ими мыслей, поручив это сделать митрополиту московскому. Не видя за собою никакой вины и не предполагая в требовании графа никакого умысла, святитель московский не отказался исполнить это требование и 28 февраля 1842 года, представил ему записку с изложением упомянутых предположений.³⁹¹

Подучив записку и проверив рассказ одного митрополита рассказом другого по содержанию её, граф в своих целях, но под видом правильности дела, счел нужным сообщить её содержание и первоприсутствующему, Серафиму, за старческими немощами не всегда присутствовавшему в заседаниях Святейшего Синода. Зная образ мыслей Серафима и не желая тревожить его самого, 85-летнего старца, граф велел в своей канцелярии заготовить от его, однако, имени опровержение на записку митрополита Филарета, составленное в форме отношения митрополита Серафима к обер-прокурору Святейшего Синода и помеченное 4 марта. И терявший ум старец собственноручно подписал это опровержение также, как и другое отношение от 1 марта, составленное в противовес той же записке Филарета в виду одного и того же повода. – литографированного перевода. Филарет московский не знал ни о существовании, ни о содержании того и другого отношений митрополита Серафима, как вдруг обер-прокурор в одном из заседаний Синода докладывает о содержании всех трех бумаг.

При этом рассуждений никаких не было, и святитель московский с свойственным ему смирением уступил, сказав, что за несогласием первоприсутствующего на предположение двоих из членов Синода, эти предположения сами собою теряют силу и дальнейшее движение. Но властолюбивому и себялюбивому обер-прокурору этого было мало. Он доложил о том же Государю императору, как о разногласии, происшедшем между членами Синода по одному из важнейших церковных вопросов, при чем конечно не преминул выставить в дурном свете митрополита московского, как свободомыслящего и действующего наперекор установившимся началам правительственного действия, в противоположность митрополиту Серафиму, как придерживающемуся строго-охранительных начал в этом отношении. 10 марта он неожиданно объявил Святейшему Синоду, что все означенные бумаги он представлял на высочайшее Его императорского Величества благоусмотрение, и что Его Величество соизволил утвердить мнение митрополита Серафима, не одоблив мнения двоих других митрополитов; – что, сверх того, повелев со всею

строгостью произвести дознание и следствие по делу литографированных переводов, государь император изъявил свою волю, «чтобы Святейший Синод, согласно с мнением митрополита Серафима, и по прямому долгу своему, усилил меры к охранению книг Священного Писания в настоящем их виде неприкосновенно и к утверждению всего воспитания духовного юношества на истинных началах нашего древнего православия, посредством скорейшего преподания правильных к тому руководств».³⁹²

Этим достигалась главная цель графа – унижение Филарета митрополита московского, бывшего как в отношении к вопросу о Священном Писании иных мыслей, так и в отношении к действовавшему тогда уставу духовно-учебных заведений в качестве одного из творцов его, далеко не во всем согласных, с началами (конечно не «истинными началами нашего древнего православия»), которые преследовал и в своих докладах подносил государю на утверждение граф Протасов. Чтобы видеть, какою болью отзывались в правдивой душе святителя московского эти тяжко несправедливые, чтобы не сказать больше, действия и отношения к нему, к делам и лицам вообще, со стороны тогдашнего обер-прокурора, мы прочтем некоторые строки из исповеди его по сим обстоятельствам пред духовным отцом его, наместником Сергиевой лавры архимандритом Антонием. «9 и 10 марта. – писал он последнему от 3 апреля злосчастливого 1842 года, – получить утешение не был я достоин, но верую, что Господь облегчил мне искушение. Записку о пособиях к разумению Священного Писания, которую вы от меня имеете,³⁹³ усиленно выманили у меня под тем предлогом, чтобы лучше понять мысль, поданную в начале не мною;³⁹⁴ это было приватно: я думал, что если найдут это возможным, то будут рассуждать о сем в Святейшем Синоде; вместо того записка, еще не утвердительная, представлена в виде моего личного мнения, без объявления мне, что есть противное мнение; написано опровержение в преувеличенных выражениях, которыми всякое толкование Священного Писания признано излишним и опасным, сие подписано владыкою новгородским и его мнение высочайше утверждено.

Сие совершилось 7 марта, а 9 был я в Святейшем Синоде, не зная сего, и в сей день не объявлено; 10 приехал я в Святейший Синод, также не зная, что мне готовится; но в половине заседания, почувствовав себя нездоровым, отправился домой, и приготовленное мне внезапное объявление, которое в состоянии нездоровья особенно было бы трудно выслушать, последовало без меня, не без удивления других, что я так внезапно удалился пред самым объявлением.³⁹⁵ Помолитесь, чтобы Господь вразумил меня, что я должен делать и скажите мне благое слово совета. Забота не о том, что случилось со мною лично, а о том, могу ли я сколько-нибудь быть полезен службе. Не указывается ли мне время устранившись, чтобы оплакивать мои грехи, и вне мятежа дел молиться о благосостоянии святыя Церкви? Если что захотите сказать мне, – хорошо бы мне услышать скоро, потому что приближается время, когда я обыкновенно прошусь в Москву. Здоровье мое просит избавления от путешествий в Петербург... Поверзите меня к стопам Преподобного Отца нашего Сергия».³⁹⁶

Таким образом «люди, – говоря словами покойного профессора московской духовной академии П. С. Казанского, – вмешавшиеся не в свое дело, которых не жаль было метлою смести с занимаемого ими места, мужа, заменить которого может быть не найдутся способные не в одно столетие, едва не принудили отказаться от должности».³⁹⁷ Но Господу угодно было служение великого святителя московского и особенно в то трудное время «запутанностей», по его собственному выражению. Святителю в то время не было еще и 66 лет. Его глубокий ум и многосторонняя опытность, особенно при выживавшем из ума первенствующем члене Синода и при мало опытности других членов Синода из архиереев, не исключая и митрополита киевского, совершенно необходимы были в тогдашнем положении русской Церкви. В этом именно смысле написал ему в Петербург успокоительное письмо отец Антоний, и на это письмо святитель от 23 апреля отвечал следующее: «Много благодарю за писанное 11 дня сего месяца. Дело не о том, чтобы уклониться от неприятностей, а о том, что в

запутанных и темных обстоятельствах полезнее и безопаснее от нарушения долга. Подписанное полумертвою рукою³⁹⁸ представлено, как написанное живою и сильною, и высочайше утверждено. В таком случае молчать, значит некоторым образом не давать свидетельства истине, а говорить значило бы дать ищущим вины – вину к тяжкому обвинению, которое поставило бы еще более крепкие преграды против свидетельствования о истине. В таком положении дела, я рад, что мои мысли, хотя, похищенные у меня, вошли в акты с моим именем, и следственно, что по мере моего разумения представилось истинным, о том и свидетельствовано. Другие сказали, или умолчали свое мнение, или не имели благовременности сказать. Не мне их судить.³⁹⁹ Господь, Сам сый Истина, да изведет Сам истину Свою, яко свет».⁴⁰⁰

Именно для свидетельствования о истине в столь трудные времена, как тогдашние, и благопотребно было служение святителя московского Церкви Русской. Тем не менее то, предчувствие чего сказывалось уже в первом из приведенных сейчас писем Филарета (в письме от 3 апреля), т.е. «избавление от путешествий в Петербург «только не совсем добровольное и не так обставленное признаками чести, какой бы заслуживал святитель, совершилось. Оба соименные митрополиты – московский и киевский удалены были на свои епархии без возврата в Петербург. 3 мая 1842 года выехал из Петербурга навсегда киевский, а 15 мая и московский. 29 апреля сего года святитель московский написал к обер-прокурору графу Протасову письмо – отношение следующего содержания: «По шестимесячном отсутствии моем от высочайше вверенной управлению моему епархии, в предстоящее время потребность личного на месте пополнения лежащих на мне епархиальных обязанностей в отношении к Богослужению, обозрению подведомых мест и надзору над подчиненным духовенством и производящимися делами, побуждает меня возыметь дерзновение всеподданнейше просить от благочестивейшего государя императора всемилостивейшего разрешения на возвращение мое в московскую епархию. К должностной обязанности присоединяется собственная нужда моя, чтобы,

при некотором уменьшении занятий, в благоприятное время в климате более мне пригодном и благоприятном, употребить врачебные пособия к поддержанию, если будет угодно Богу, здоровья моего, давно слабого, посильными трудами истощаемого. Таковую всеподданнейшую просьбу мою покорнейше прошу повергнуть к стопам Его императорского Величества и просить на оную, высочайшее повеление». Обер-прокурор доложил, и на его докладе государь, вопреки обычным в этих случаях резолюциям своим прежним,⁴⁰¹ написал коротко, но ясно: «может ехать. 2 мая 1842 года»,⁴⁰² о чем и уведомил граф митрополита московского своим к нему отношением от 6 мая того же года за № 2896.⁴⁰³

Так печально закончилось это исполненное бурных приключений, пребывание митрополита московского в Петербурге. Прощаясь с обер-прокурором пред своим отъездом, он счел однако же долгом вежливо, но твердо заметить ему, намекая особенно на поступок его с бумагами митрополитов в марте месяце, что «так вести дело нельзя и опасно», что правильнее было бы вести дело обыкновенным путем чрез Синод. «Что ж, вы разве не вернетесь в Синод? – возразил граф, – Прикажет государь, смиренно отвечал святитель, не могу послушаться. А сам по себе не вернулся бы».⁴⁰⁴ При всем том случившиеся за это последнее пребывание святителя в Петербурге события и столь печальное завершение их, при сознании полной неповинности его самого в них, глубоко огорчили его. «Митрополит московский, – говорит бывший в то время в Петербурге и присутствовавший при отъезде святителя многолетний друг его А. И. Муравьев, – давно желавший водвориться в Москве, без столь затруднительных для его немощи поездок в северную столицу, не мог, однако, не скорбеть духом, что после многолетних трудов по Синоду, его отпускали как бы по неудовольствию, и на него падала тень подозрения от несправедливых нареканий. Я присутствовал при его отъезде 15 мая и видел, как он плакал, прощаясь с братией в церкви подворья, что невольно меня поразило, при его твердом характере».⁴⁰⁵

Еще в 1829 году, по поводу ярых нападений известных лиц, бывших во власти, на всякую мысль не только о переводе Библии на русский язык, но и о пользе чтения её для всех, святитель московский писал из Петербурга викарию своему Иннокентию (Сельно-Кринову): «Прискорбна душа моя, преосвященнейший! Мне кажется, что суд, начинающийся от дома Божия, более и более открывается... Как густо идет дым из *студенца бездны* (Откр.9:2) и как высоко поднимается! Дым ест глаза; а они говорят: так едок солнечный свет! Задыхаются от дыма, и с трудом выговаривают: как вредна вода из источника жизни! Блажен, кто может не только возводить очи свои в горы, но и вовсе бежать туда на чистый воздух, к живой воде! Но прекратим речи, за которые и меня, может быть, лишили бы Библии, если бы на то власть была».⁴⁰⁶ Если тогда, когда Филарет пользовался полным доверием со стороны государя императора, получал от него одну за другою следовавшие высокие награды за свои неустанные труды и подвиги на пользу Церкви и отечества и в общем мирно относился к стоявшим во власти, хотя, и далеко не во всем согласным с ним лицам, он, таким образом, по временам невольно питал в себе мысль об удалении в пустыню, в горы, от «мятежа дел», то что же теперь? Мы видели, что он уже и высказывал эту мысль в письме к наместнику лавры Антонию от 3 апреля злосчастного 1842 года, под живым впечатлением совершившихся с ним в Петербурге печальных событий.

Теперь эта мысль в еще более отрадном и вожделенном свете представлялась душе святителя – страдальца неповинного, и без того от юности его приверженной к жизни истинно аскетической, в полном смысле иноческой. И она, т.е. мысль эта, вместе с вызванным ею и ей соответствующим чувством, в полной ясности и в высоко-поэтической форме высказалась в образцово-красноречивой проповеди святителя, сказанной 27 сентября означенного (1842) года «по освящении храма явления Божией Матери Преподобному Сергию, устроенного над мощами преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре», – в самом приличном для того месте, близ мощей великих пустынно жителей – угодников Божиих. «Если

памятнику, говорит в начале своей проповеди наш вития, указуя на освященный храм, свойственно возвращать мысль ко временам и предметам, которые ознаменованы памятником, то прости мне, великая Лавра Сергиева, мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обиталища святых, свидетелей праотеческого и современного благочестия; люблю чин твоих богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, то есть, Божией благодатью, которая обитала в Преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в нем и в его мощах, и в его Лавре, но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной кельи, чтобы я мог вздохнуть её воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророческих, чудодейственных. Дайте мне облобызать прах её сеней, который истерт ногами святых, и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесные. Укажите мне еще другие сени другой кельи, которые в один день своими руками построил Преподобный Сергий, и в награду за труд дня, и за глад нескольких дней, получил укрух согнивающего хлеба. Посмотрел бы я, как позже других насажденный в сей пустыне преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева, которое без сомнения поучительнее моего слова. Взглянул бы на

благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у Преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь, только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег; покажите сокровище; оно непохитимо и неистошимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования. Или это вам кажется только мечтанием воображения? О, если бы мы достойны были более очищенным оком ума созерцать сие в более существенных явлениях света духовного, а не в представлениях только собственного воображения! Но, мне кажется, лучше, хотя, мечтать таким образом, нежели любомудрствовать противным сему образом. Братия сей обители! вы пришли сюда, когда, пустыня уже облечена некоторым образом в подобие града обительного, но не града же искать пришли вы сюда; следственно пришли вы искать пустыни. Если она несколько закрыта: тем внимательнее надлежит ее искать. Если шум житейской молвы не вдалеке слышен, тем нужнее заграждать от него слух. Если образы суетного мира движутся пред лицом пустыни, тем ревностнее должно вам преднаписывать себе пред очами образ чистого пустынножительства, и постоянно на него взирать, и с ним сообразовать житие наше. И для сего хочу я показать вам теперь, не человеческим художеством, но словом Божественным начертанный образ духовного любителя пустыни. Смотрите, как он сам себя изображает: *и рех, кто даст ми криле, яко голубине? и полещу, и почию. Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни. Чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури* (Пс.54:7–9)».

Указав таким образом тему своей проповеди, наш вития в избранном для неё тексте находит и частные «черты доброго пустынножителя», из коих первая заключается, очевидно, в «желании пустыни» в «усердии к благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто даст ми криле, яко голубине? и полещу, и почию!*» «Другая черта доброго пустынножителя или отшельника, по словам нашего

витии, есть решительное и совершенное удаление от мира. *Се удалихся бегая*». Ибо «что делать, если благословенное приглашение, всюду и всегда благословлять Господа, – как бы в особенности к себе в настоящих обстоятельствах прилагает вития, – не успешно повторяю я в душе моей от того, что мир в то же время, не переставая, оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, страстей, похотей, и она не находит довольно силы противоборствовать сему, или утомленная противоборством, жаждет приближаться к Богу без препятствий со стороны тварей, служить Ему без развлечения? В сем случае не остается иного, как расторгнуть всякие узы, привязывающие нас к миру, бежать из него, как израильтяне из Египта, как Лот из Содомы, и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольного изгнанничества, в котором бы все внушало нам, что *не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем*»⁴⁰⁷ (Евр. 13:4). И далее изображает недостатки, не совместимые с понятием истинного отшельничества или пустынножительства, как истинного и совершенного отречения и удаления от мира.

Наконец указывает третью черту благонадежного пустынножителя, – в «уповании на Бога. *Чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури*». Упование необходимо для того, чтобы преодолеть все трудности и совершить все подвиги пустынножительства. И *упование не посрамит*, как оно не посрамило и основателя Лавры – Преподобного Сергия, так возвеличив оную. В заключение же дав братии лаврской, на основании вышеизложенного. общее наставление относительно того же пустынножительства, вития опять обращает речь на себя лично, как носящего и в сане святителя иноческую же, пустынно-жительскую одежду, говоря: «Мне же, который недолго беседую с пустынею и о пустыне, и потом долго пребываю в молве и попечениях града и дел человеческих, – *кто даст ми криле, яко голубине? и полещу, и почию!* Могу ли сказать себе, – или, когда наконец возмогу сказать, *се удалихся бегая, и водворихся в пустыни?* Когда облегчуся от бремени чужих, чтобы обратить все попечение к облегчению

собственного, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду (1Кор.9:27)? О, дающий, иному криле, яко голубине, дабы лететь и безвозвратно почить в пустыне, а иному глас кокоши, чтобы созывать Твоих птенцов под Твои криле, собирай сам, и храни всех нас под крилами Твоея благодати и, стогами ли селений, тропинками ли пустыни, приведи наконец всех в тот вечно безопасный град, из которого не нужно будет убегать ни в какую пустыню. Аминь».⁴⁰⁸

Это слово нашего проповедника произвело, как и следовало ожидать, весьма сильное впечатление на слушателей при его произнесении. Многие положительно плакали от избытка чувств, вызванных им, особенно же те, которые, хотя, сколько-нибудь знали тогдашние обстоятельства жизни святителя-страдальца.⁴⁰⁹ Сам проповедник был также сильно взволнован от наплыва душивших его чувств. По произнесении это слово, подобно многим другим проповедям Филарета, было напечатано отдельными оттисками в количестве 1200 экземпляров; но людей, или и слышавших проповедь, или же только слышавших о ней по впечатлению ею произведенном, однако, желавших еще и еще послушать или прочитать ее было так много, что все это количество экземпляров было вскоре разобрано нарасхват.⁴¹⁰

Замечательно, что подобное же по содержанию и даже по многим отдельным чертам изложения слово святитель Филарет произнес и в 1824 году, с которым, как мы замечали, столь сходен в его жизни 1842 год. Мы разумеем «Слово по освящении храма во имя Святителя Димитрия Ростовского чудотворца в Борисоглебском общежительном монастыре», говоренное 12 сентября, означенного 1824 года, когда, как нам известно, в силу противодействия известных лиц Библейскому Обществу, не только уже пал президент этого общества и покровитель Филарета князь А. И. Голицын, но и начались сильные нападения Шишкова с его партией на самого Филарета. Только начало слова и приложение или применение к слушательницам его различны, а черты пустынножительства изображаются почти одними и теми же словами, и заключение выражено почти совершенно так же, как в слове 1842 года,

только с переменю единственного числа на множественное, т.е. вместо: «Мне же, который не долго беседую с пустынею и о пустыне» и прочее, читается: «А нам, которые, после кратковременной беседы в пустыне о пустыне»⁴¹¹ и т.д.

Но проповедник пустынножительства, искавший удалиться в пустыню и водвориться в ней, бегая от «мятежа дел» и отношений, был не только инок, а и святитель, следовательно, от Самого Бога поставленный быть учителем и стражем Церкви. И потому, как в 1824–1825 годах, смиренно терпя гонения как личность, Филарет вместе с тем считал долгом своим давать, хотя бы, то косвенные вразумления и наставления своим гонителям, так еще более теперь, потому что теперь дело его личного оскорбления еще ближе касалось благосостояния Церкви, нежели тогда. В этом отношении мы видим замечательную постепенность в проповедническом действии Филарета. Доколе граф Протасов, проводя свои особые начала в управление церковными делами, еще не затрагивал основных начал и живейших интересов Церкви Русской и, по крайней мере, казался даже содействующим последним, дотоле Филарет в своей проповеди не только не касался вопроса о том, насколько он при этом вмешивается не в свое дело, но даже как бы и поддерживал его.

Так, например, кроме вышеупомянутой уступки в деле изменения катехизиса, ставшего с тех пор символическою книгою нашей Церкви, Филарет и в своей проповеди со времени обер-прокурорства графа Протасова начинает как бы нарочито выдвигать на вид учение о церковном предании, которого прежде или вовсе не касался или касался, но весьма мало. Уже во второй год этого обер-прокурорства, произнося «слово в день обновления храма Воскресения Христова, что в Барашах»,⁴¹² именно 13 сентября 1837 года, святитель московский заявлял, что «всякое учреждение церковное должно быть утверждено на святом основании; должно иметь целью благо духовное» и далее подробно и основательно раскрывает историческое значение церковного обычая праздновать обновление храма.⁴¹³ За тем в слове на день Успения Пресвятой Богородицы, говоренном в Успенском соборе в 1838

году, святитель, изъясняя взятые в основание этого слова изречения Священного Писания: *се бо отныне ублажат мя вси роди* (Лк.1:48), говорит: «усмотрим и высокую важность предания, по которому Вселенская Церковь во всяком Богослужении постоянно и ревностно ублажает Пресвятую Матерь Господню. Это не простое человеческое предание, не обычай только, введенный произвольным усердием, не подражание примерам частного верования, по мысль Духа Святого, переданная человекам, последование мановению перста Божия, исполнение обязанности столько же священной, сколько справедливой и благотворной для Христианства». И далее с такою же обстоятельностью и основательностью доказывает, что «слава Пресвятой Богородицы в Церкви есть дело Божие» и что «наша обязанность ублажать Ее есть определение Божие»; а отсюда делает выводы и о том, как мы можем и должны исполнять эту обязанность.⁴¹⁴

Наконец «слово по освящении храма живоначальные Троицы в Московском Даниловом монастыре», говоренное 13 сентября того же 1838 года, святитель говорил прямо и на текст: *хвалю же вы, братие, яко вся моя помните, и якоже предал вам, предания держите* (1Кор.11:2) и на тему об истинных преданиях Церкви, каковую тему он подробно, основательно, всесторонне и раскрывает в своем этом слове.⁴¹⁵ Но, само собою разумеется, уже и в такой поддержке графа обер-прокурора Филарет отнюдь не подлаживался под его собственные, навеянные на него духом латинско-иезуитского воспитания, воззрения, а излагал истинное, древле-церковное учение о предметах, которые выдвигал на первый план граф Протасов, также как и в своем катехизисе святитель изложил, конечно, свое и притом истинно-православное учение, – отчего катехизис его служил, доселе служит и, уповаем, будет служить вполне достойно нашей отечественной Церкви символическою книгою её, а не учение графа или воспитателей и советников его. А как скоро святитель увидел, что граф твердо решил идти и пошел гораздо дальше пределов своей компетентности и действительных прав в делах церковных, то не мало не убоился выступить и против него с его сообщниками, как в 1824–1825

годы против Шишкова с его партией, с словом тонкого обличения. Не убоившись сказать правду графу лично перед отъездом своим из Петербурга в выше приведенных словах, святитель московский тем менее мог бояться, даже более того, – считал долгом своим делать разнообразные внушения подобным деятелям с церковной кафедры той епархии, которой был предстоятелем.

Так именно вскоре же по прибытии своем из Петербурга в 1842 году, произнося «слово в день рождения государя императора Николая Павловича» 25 июня в Успенском соборе, в присутствия множества сановников⁴¹⁶ и других лиц из своей паствы, и избрав главным предметом своего слова изречение Слова Божия: *вся вам любовью да бывають* (1Кор.16:14), наставления между прочим, говорит: «если начальствующий или обладающий все думает делать одною силою власти, не пользуясь силою любви, то по необходимости он должен будет чрезмерно напрягать одну силу в замен другой, и таким образом отягчит бремя подчиненности, которое мог бы облегчать, и будет расстраивать союз, который желает скреплять: ибо союз совершенства, совершеннейшая связь между людьми, есть любовь (Кол.3:14). Если и подвластный с необходимою покорностью не соединяет свободной любви, то сам для себя ожесточает иго, которое любовь умягчала бы. Не стараясь быть в сердце сыном обладающего, приметно или не приметно, препятствует он обладающему быть отцом для него.

Итак, аще кто обладает, с любовью да обладает, аще обладаем есть, с любовью да повинуется. Должно ли и запрещать, как выразился св. Златоуст, то есть, бранить и наказывать с любовью? Непременно с любовью, если запрещение должно быть христианское и спасительное. Для чего бранят? Для чего наказывают? Неужели для того, чтобы неистовствовать во гневе, мстить и карать? Какой разум одобрит сие? Какое сердце, в минуты бесстрастия, не отвратится от сего? Для чего же можно, или должно бранить? – Для того, чтоб изъяснить виновному его вину и тягость её. Для чего наказывать? – Для того, чтобы пресечь или предупредить зло, и побудить согрешившего к исправлению. Не трудно

приметить, что сию цель наказания и назначает не иной кто, как любовь. И кто лучше её может исполнить сие назначение? Она также может предохранить, чтобы обличение не перешло в гнев, чтобы неудержанный гнев не ожесточил виновного вместо исправления, чтобы строгость не простерлась до жестокости; она приливает животворный бальзам на рану, которую наносит наказание. Итак, еще кто запрещает и наказывает, и сие с любовью да творит».⁴¹⁷ В этих словах проповеди, напечатанной и отдельно и в собраниях 1844 и 1848 годов, мог прочесть себе хороший урок граф Протасов, который, кроме того, что был властолюбив, был и крайне не сдержан в выражениях своего гнева, любил гневно и резко выражаться и кричать не только на подчиненных и в присутствии равных и низших себя, но иногда позволял себе тоже самое и в присутствии и даже в гостиных таких лиц, как святитель Филарет московский.

По крайней мере, вот один случай, записанный очевидцем-современником и человеком во всех отношениях заслуживающим доверия. Дело было в 1840 г. «Однажды, пишет этот свидетель, Протасов пришел к Филарету и начал с ним говорить о чем-то весьма громко, почти криком как это в моде у военных и у начальников. Владыка сказал: “если и по тише будете говорить, Ваше Сиятельство, я услышу.” С тех пор перестал кричать Протасов, по крайней мере у митрополита Филарета».⁴¹⁸ Затем в том же 1842 году, проповедуя опять в царский день, именно произнося «слово в день священного венчания и помазания на царство благочестивейшего государя императора Николая Павловича всея России». 22 августа означенного года, и на основании текста: *да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел, не оставляют собрания своею, якоже есть неким обычай, но друг друга подвизающе* (Евр.10:24–25) говоря о том, чем можем мы, подданные одного царя, споспешествовать облегчению царского бремени, святитель-проповедник, как на один из способов сего, указывает на то, «чтоб и сами наставляемые часто друг друга вразумляли, остерегали, поощряли к добру». Но «здесь можно, – говорит далее проповедник, встретиться с новым

прекословием. Разве надобно, скажут, всем быть учителями других? – Отнюдь нет.

Против сей крайности мы имеем ясное запрещение апостольское: *не мнози учителя бывайте* (Иак.3:1). Бог Церкви Своей дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же Благовестники, овы же пастыри и учителя (Еф.4:11), а не отдал каждому на произвол поставлять себя в духовные наставники. О сем именно сказано, что *никто же сам себе приемлет честь, но званный от Бога* (Евр.5:4), или непосредственно, как вначале апостолы, или преемственно, чрез званных от Бога прежде. О множестве же не призванных учителей Дух Святой предвещает нас, как о принадлежности несчастных времен: *будет бо время, егда здравого учения не послушают, но по своим похотям изберут себе учителя чешими слухом, и от истины мух отвратят, и к баснем уклонятся* (2Тим.4:3–4). Против сего самодельного, и потому обманчивого и опасного учительства поставляет преграду Богопоставленный наставник, когда, увещавая всех нас поощрять друг друга к добру, тотчас присовокупляет: *не оставляюще Своего собрания, якоже есть неким обычай. Свое для истинных христиан собрание есть Соборная Православная Церковь. Её должно держаться. в её послушании пребывать, чтобы ревность побуждать других к добру не перешла в самочиние, и не повела к разделениям и заблуждениям. Когда дело идет о догматах, о таинствах, о священноначалии, берегись, чтобы не явиться делателем, которого не посылал Господь в виноград Свой. Если Тот, Кем все тело Церкви, составы и союзы подаемо и снемлемо, растит возвращение Божие* (Кол.2:19), не устроил тебя оком или устами сего тела, не присвоив себе особенных обязанностей сих членов. Не может рука или другой член сказать оку или устам: я исполню вашу должность» и т.д.⁴¹⁹

Таким образом, и в виде возражения, как бы вскользь поставленного, святитель в своей проповеди (напечатанной, опять добавим, тогда же и в «Московских Губернских Ведомостях» и отдельно и в собраниях 1844 и 1848 годах) дает также хороший урок человеку, который не только учебно-

воспитательную часть в духовно-учебных заведениях хотел поставить по-своему и решать второстепенные вопросы церковного учительства намеревался и пытался самопроизвольно. Но и когда дело шло «о догматах, о таинствах, о священноначалии», не берегся, «чтобы не явиться делателем, которого не посылал Господь в виноград Свой», как-то мы и видели отчасти выше; причем еще выставлял себя как бы охранителем православия, в своей борьбе с Филаретами – Московским и Киевским. Но само собою разумеется, не трудно решить, кто из двух, – граф Протасов или Филарет московский, и в сем последнем отношении вернее следовал правилу, выраженному Филаретом в одной из проповедей последней половины того же 1842 году такими словами: «Предлежит ли кому подвиг охранения святыне Веры от не православия? Да ищет таковой себе образца и руководства в жизни и слове таких наставников, как великие Афанасий и Василий, Григорий Богослов и Златоуст».⁴²⁰

Наконец в начале 1845 года,⁴²¹ также как после Шишковской истории (конца 1824 года) в начале 1825 года, и опять также в день святителя Алексия 12 февраля святитель московский Филарет и прямо сказал подобную проповеди 1825 года – проповедь на текст: *не мнози учителя бывайте, братие моя (Иак.3:1–2)*. В виду сходства этого слова по содержанию и даже во многих выражениях с словом 1825 года, из коего мы уже делали в свое время потребные выдержки, мы не будем теперь делать больших выдержек из слова 1845 года, которое, как и слово 1825 года, имеет предметом своим указание одного из способов чтить достоинство евангельского учителя тем именно, что выражено в приведенном тексте.

Но не можем удержаться от того, чтобы не привести из него одно место, особенно характерное для отношений сороковых годов. Разумею место, касающееся первенстволюбца Диотрефа. «Для краткости, говорит проповедник, приведу один пример, который много скажет внимательному. В послании святого апостола и Евангелиста Иоанна читаем следующее: *писал Церкви, но первенстволюбец их Диотреф не приемлет нас. Сего ради аще прииду, вспомяну его дела, яже творит,*

словесы лукавыми укоряя нас, и не доволен бывая о сих, ни сам приемлет братию, и хотящим возбраняет, и от Церкви изгонит (ЗИн.1:9–10). Слышите ли? Диотреф не приемлет Иоанна, Диотреф, о котором неизвестно, была ли в нем какая искра здравого понятия о вере и Церкви, и которого имя дошло до нас только по милости человека, им пренебреженного, – Диотреф не приемлет Иоанна, избранного между апостолами, Богослова по превосходству, тайновидца и главу пророков Нового Завета, не уважает его послания, порицает его, не приемлет приемлемых апостолом, запрещает другим принимать их, и из Церкви изгоняет их! Кто бы сему поверил, если бы не сам апостол повествовал о сем? Видите, какие богопротивные дела, какие разрушительные беспорядки производит в Церкви желание быть первым по собственному счету, и похищаемая независимость от поставленных учителей, мнящаяся быть довольною для себя и других!

Судите посему, как нужно и как важно предостережение апостольское: *не мнози учителя бывайте.* Но здесь нет никакого Диотрефа, думают, вероятно, некоторые из слушающих, и мы не ищем быть учителями других. К кому же относится обличение и предостережение? Ко многим, братия, и к вам самим, которые так думаете»⁴²² и т.д. Если в начале 1825 года подобное «обличение и предостережение» могло быть хорошим уроком для Шишкова. Смирнова и подобных, то тем более в начале 1845 года; ибо тогда слово Филарета в Чудовом монастыре на день святителя Алексия не было напечатанным, а теперь оно не только прямо по произнесении (на тот же день и в том же монастыре) напечатано было в Творениях Святых Отцов с Прибавлениями, издающихся при московской духовной академии, но и внесено в собрание слов и речей Филарета издания 1848 года. А между тем несомненно известно, что и теперь (т.е. в 1845 году) как был своего рода Шишков в Петербурге, так и были своего рода Смирновы в Москве, как то отчасти и увидим далее.

Но, к глубокому сожалению, на таких людей, как первенстволюбец Диотреф, уроки, внушения, предостережения и обличения не только мало действуют ко благу, но и вызывают

в них чувства далеко не согласные с идеей блага. Насколько о Филарете московском справедливо было замечено, что он «мстит обидевшим благотворением»,⁴²³ настолько же граф Протасов в печальные годы, нами описываемые, обнаружил противоположные чувства и действия в отношении к святителю московскому, и без того униженному им в 1842 году. Тяжело и говорить о тех путях и способах, которые он и его сподвижники употребляли для сего из многого в этом отношении мы упомянем лишь не многое. И прежде всего, дабы окончательно предотвратить для Филарета всякую возможность, хотя, когда-либо еще быть вновь вызванным в Петербург для участия в заседаниях Святейшего Синода, граф Протасов вскоре же после отъезда Филарета из Петербурга начал усиленно стараться о том, чтобы всюду (конечно и при дворе) дать понять дальнейшую ненадобность в услугах Филарета для высшего церковного управления, тем более, что в прежние годы бывало не раз, что Филарет на два года с ряду не вызываем был в Петербург, а потом вновь вызывался (например, в 1830–1831 и 1834–1835 годах).

Из некоторых данных мы можем заключать, что не только многие другие, близко знавшие и высоко ценившие мудрость и административную опытность Филарета, но изредка и сам Филарет, допускали возможность подобного вызова. Так по крайней мере было осенью 1842 и 1843 годов.⁴²⁴ Эта возможность еще более усилилась во мнении тех же лиц вследствие смерти первенствующего члена Синода, митрополита Серафима, последовавшей 17 января 1843 года,⁴²⁵ благодаря чему, в виду примера самого же Серафима, казалось весьма естественным, что место последнего займет как старейший (в сане митрополита) и достойнейший Филарет московский. Но петербургскому первенстволюбцу Диотрефу, желавшему быть министром духовного ведомства с не ограничиваемой ничем властью,⁴²⁶ еще слишком не хотелось иметь ближайшим соучастником своего управления Филарета, – и он, отклонив его кандидатуру, избрал в преемники Серафиму столько же бесцветную и безгласную, сколько был Серафим в последнее время своей жизни, личность, – архиепископа

варшавского Антония (Рафальского), в течении всего времени бытности своей митрополитом новгородским и первенствующим членом Синода (1843–1848) бывшего таким, к прискорбью, первосвятителем, по кончине которого не даром святитель московский Филарет

выражал искреннее желание, чтобы на место его «Господь даровал Церкви петербургской пастыря крепкого духом и телом».⁴²⁷

В виду всего этого и сам Филарет, лишь изредка допускавший мысль о вышеупомянутой возможности, стал свываться с мыслью о противоположном сему, и в этом именно смысле от 10 октября 1843 года писал наместнику лавры отцу Антонию следующее: «что вздумалось вашим помыслам подвинуться, и двигать меня в путь? И странно, что сии помыслы сказываются мне почти в одно время с двух пределов епархии. В серпуховском Владычнем монастыре одна давняя там юродствующая обошлась со мною приветливо, несколько раз брала благословение, и, когда протоиерей несколько прекословил ей, сказала, между прочим, в оправдание: вот уедешь в Петербург и, может быть, долго не приедешь. Однако, я думаю, что сии помыслы только от прошедшего, а не для будущего. В Петербург не хочет, если не ошибаюсь, не оскорбленное самолюбие, но немощь и уверенность бóльшая, нежели когда-либо, что для путешествия в Петербург с пользою надобны достоинства и добродетели, которых у меня не достаёт и для здешней службы, а тем паче для тамошней. Мысль, что там не имеют во мне нужды, сколько убедительна для меня, столько же и успокоительна».⁴²⁸

Но кроме того, что в графе Протасове «желание быть первым по собственному счету, и похищаемая независимость от поставленных учителей, мнящаяся быть довольною для себя и других» производили усиленное стремление дать всюду понять, что в Филарете нет нужды в Петербурге, что можно там его не принимать и не уважать его мнений и посланий, граф даже несправедливо порицает его, не приемлет приемлемых» им и т.д., ищет вины там, где её нет и подавно, с целью еще более унижить и без того униженного страдальца-святителя. Так прямо

после отбытия Филарета из Петербурга в Москву, при пересылке оттуда сюда его домашних вещей и книг, сундук с книгами прислали Филарету, по его же собственным словам, «с поврежденным замком, то есть с признаком того, что на подворье после» него, «при помощи» желавшего, вероятно, выслужиться пред графом эконома подворья «Вениамина было тайное изыскание не заперты ли в сундуке ереси».⁴²⁹

Далее, по невинному совершенно делу офицера Шелашникова, благодаря графу, стали распускать слухи не только в Петербурге, но и в Москве, где так же, как и в 1824 году были, повторяем, свои Смирновы, будто Филарет посылал в Грузию монахов с тем, чтобы подействовать на упавший якобы дух войска».⁴³⁰ Равным образом, когда в 1844 году привезено было в Москву тело скончавшегося за границу тестя графа Протасова, бывшего долгое время генерал-губернатором Москвы, князя Д. В. Голицына и когда Филарет, частью по немощи, а частью и по сознанию того, что при сем было «удобнее молчание, нежели слово», не говорил проповеди при гробе князя, то сильно опасался святитель за то, что его «осудят»⁴³¹ за такое, по-видимому, не внимание к покойному, в общем весьма достойному всякой чести и как сановнику и как человеку. Вообще в Петербурге сильно «жаждали клеветы» на святителя московского,⁴³² — очевидно потому, что в действительности его не за что было упрекнуть. Но и на «приемлемых» святителем, на друзей его там смотрели косо, как, например, известно относительно Григория (Постникова), в то время архиепископа тверского,⁴³³ Филарета киевского и других.

Косо смотрели и на тех, которые из участия к невинному страдальцу-святителю или по любви и расположению к нему посещали его в Москве после событий 1842 года.⁴³⁴ Так, например, известно, сколько хлопот и неприятностей доставило Филарету посещение его известным мистиком и в свое время сослуживцем князя А. Н. Голицына А. И. Тургеневым.⁴³⁵ Даже сам государь император, прежде так милостиво относившийся к Филарету, под влиянием наветов близкого ко двору графа Протасова, теперь как бы несколько охладел в своем к нему

расположении, и при том на довольно долгое время, что, конечно, особенно огорчало царелюбивую душу святителя московского, всегда неизменно и всеми силами старавшегося быть не только вполне достойным своего положения иерархом русской Церкви, но и верноподданным царю и вообще по возможности наилучшим сыном Отечества. С 1839 года, когда Филарет получил монаршую награду – орден св. Владимира 1-й степени до 1849 года он не был награждаем от государя ничем.

Но само собою разумеется, что долго не могло длиться такое неестественное положение вещей, которое вызвано было и поддерживалось графом Протасовым. Истина рано или поздно должна была восторжествовать; потому что с своей стороны святитель московский верно исполнял ту программу служения Церкви, Царю и Отечеству, которую для всех истинных сынов Церкви и Отечества начертал в проповеди на день восшествия государя императора Николая Павловича на престол в 1826 году, т.е. «по первом лете царствования Его».

В согласии с этою программой, святитель московский, поздравляя своего бывшего викария, епископа вятского Кирилла (Богословского-Платонова) с новым (1828) годом, писал ему: «утешаюсь, слыша, что мир с вами есть и там, где сомневались вы найти его. Видите, что путь Господень, скорбный по первому взгляду, в самом деле есть путь мира, и что идущий с послушанием, куда Господь ведет, не лишается руководства, покрова и утешения».⁴³⁶ Этим путем шел и сам святитель московский как в 1824 и дальнейших годах, так и теперь, при не мирных со стороны графа Протасова отношениях, и Господь не лишил святителя Своего руководства, покрова и утешения. В Петербурге скоро «почувствовали недостаток его присутствия в Синоде», по словам служившего чиновником при Синоде и вообще хорошо знавшего положение дел А. Н. Муравьева.⁴³⁷ Сам граф Протасов, к которому, не смотря на все его неправильные, чтобы не сказать больше, отношения, Филарет неизменно продолжал относиться со всеми знаками подобающего его положению уважения,⁴³⁸ чрез года три-четыре уклонения от Филарета не мог не созвать, сколь многого лишается в нем, и он

сам, и Синод. «Сыны века сего, – говорил в одной из своих проповедей 1843 года святитель московский Филарет, как бы указуя на одного из них в графе, – желают все больше и больше простора собственной воле. К чему сие ведет? – Не к тому-ли, что некогда предсказывал пророк: *будут людие, аки жрец,⁴³⁹ и раб, аки господин, и раба, аки госпожа; будет купуяй, яко продаяй, и взаим емляй, аки заимодавец (Ис.24:2)*? Но что будет во время сего неограниченного простора собственной воли? – Пророк скажет: *се Господь рассыплет вселенную, и опустошит ю*. То есть, Он попустит своеволию наказать самому себя теми беспорядками, которые оно производит».⁴⁴⁰

Ибо граф должен был понять наконец, что «повеления власти, – по словам другой проповеди Филарета того же 1843 года, – во многообразии своем очевидно не всегда могут быть сопутствуемы примером повелевающего, который один не может употребить себя во все дела и должности, распределенные по разным степеням и разрядам подчиненности».⁴⁴¹

И вот с 1846 года мало-по-малу начинается сближение между графом Протасовым и Филаретом московским. Почин в этом повороте отношений принадлежал, как и следовало ожидать, самому графу. В мае 1846 года он был в Москве на погребении одной своей сановной родственницы, которое совершал сам Филарет. При этом граф прожил в Москве довольно долго; был и в Сергиевой лавре.⁴⁴² В это время он несколько раз и подолгу бывал и у Филарета; и к этому-то времени относится окончательное их взаимосближение. Граф понял, сколь многого он лишился в Филарете для дел высшего церковного управления, к каковому избранный графом – первенствующий член Синода был далеко неспособен. И так как полное возвращение к прежнему порядку вещей, т.е. к ежегодному вызову Филарета в Петербург, теперь уже не представлялось возможным и удобным, после пятилетнего отсутствия Филарета из Петербурга. то отныне между графом и Филаретом установился следующий, что называется, *modus vivendi* или комиромисс, от графа из Петербурга постоянно почти присылаемы были к Филарету по почте или чрез чиновников

графа весьма многие и различные по предметам и характеру дела синодальные с требованием от него мнения или отзыва по этим делам. Недавно оконченное печатанием многотомное собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам (т. I–V и дополнительный), изданное под редакцией преосвященнейшего Саввы, архиепископа тверского и кашинского (СПб и Москва, 1885–1888), ясно показывает всю великость работы, совершенной Филаретом и с 1842 года для блага Церкви и Отечества в указанном отношении. Вместе с тем и в связи с тем начинается мало-по-малу и возвращение Филарету прежних знаков монаршего внимания и благоволения, выразившихся в 1849 году в награждении его алмазными знаками ордена св. Андрея Первозванного; затем, не далее как чрез два года после сего (в 1851 году) – в награждении его осыпанною алмазами панагией; а в предпоследний год жизни государя императора Николая Павловича (и вместе с тем в таковой же год жизни графа Протасова), т.е. в 1854 в объявлении ему высочайшей благодарности. Благодаря такому повороту личных отношений Филарета он естественно в значительной степени поднялся и своим самочувствием, а отсюда и говорил слово свое с большею против прежнего властью, особенно с церковной кафедры.

От личных отношений обращаемся теперь к жизни и деятельности святителя московского за рассматриваемое время. Его жизнь была постоянною и неустанною деятельностью и потому говорить о первой значит говорить о второй, особенно, повторяем, за рассматриваемое время. В письме к Кириллу, епископу вятскому, от 1 января 1828 года Филарет, описывая свою жизнь и деятельность в Петербурге за это время, между прочим, говорит: «примерная, или справедливее сказать, беспримерная деятельность государя поощряет нас к деятельности».⁴⁴³ Но собственно Филарета, кажется, не было бы надобности и поощрять к деятельности: так полна была деятельности вся его жизнь, не смотря на всегдашнюю слабость телесных сил его; потому что «он был

весь – дух», по выражению одного близко знавшего его и компетентного в деле суждения о нем отца.⁴⁴⁴ Не было бы возможности, да и нет нужды нам в настоящем исследовании описывать подробно всю жизнь и деятельность Филарета в тридцатилетний период царствования Николая. То, что прежде Филарет называл «суетами», не имевшими конца, продолжалось и теперь по епархиальной, учебной и другим частям общего церковного и местного московского епархиального управления. Поэтому мы, представив в кратких чертах общую характеристику деятельности Филарета, из видов последней рассмотрим только касающуюся проповедничества его.

Для того, чтобы видеть, что была за деятельность Филарета в Петербурге до 1842 года и какое она имела значение для самого Синода, достаточно будет привести следующее свидетельство современника очевидца, относящееся к 1840 году и принадлежащее бывшему тогда на чреде служения в Петербурге ректору и архимандриту Никодиму (Казанцеву), дружески принятому тогда присутствовавшим в Синоде архиепископом Каменец Подольским Кириллом (Богословским-Платоновым). «Преосвященный Кирилл, говорит Никодим, с августа начал ездить в Синод. Филарет приехал в конце октября. В ноябре призывает меня к себе преосвященный Кирилл, и говорит: ну, брат, я сегодня был в Синоде, и Синода не узнал. Бывало мы с митрополитом Ионою (Грузинским),⁴⁴⁵ сидим в присутствии час и более даром. Дел никто никаких не подает; светские то войдут в присутствие, то выйдут; прогуливаются как на бульваре, и изредка заводят с нами речи, и почти всегда о пустяках. Сегодня, когда впервые пожаловал в Синод митрополит московский, все приняло строгий чин и порядок. Прокурор с своими чинами на месте: обер-секретарь с кипю докладов. Начинаются доклады один за другим, выслушиваются решения Синода, без перерыва. И после двухчасовой работы, встаем, молимся, раскланиваемся, разъезжаемся по своим местам. Так много значил Филарет в Синоде».⁴⁴⁶

Еще свидетельство того же лица: «Мнения и предположения членов Святейшего Синода не всегда принимались, их иногда отклоняли. Даже сам митрополит Серафим терпел неудачи, напротив, предложения митрополита московского всегда оставались делом и законом. Серафим, по слабости здоровья, попросил митрополита московского читать и подписывать журналы и протоколы Синода первым: Вы помоложе меня, сказал он, потрудитесь вычитывать, и подписывайте, что признаете справедливым. А я уже за Вами буду подписывать, доверяя Вам, не читая. Филарет принял предложение. Канцелярия и все светское поникли. Своеволия прекратились»⁴⁴⁷ и т.д.

А вот отзыв о деятельности Филарета, по разным частям высшего церковного управления, данный после 1842 года и при том данный лицом правительственным, стоявшим к нему за известное время в неблагоприятных отношениях: «случаются иногда, – говорило это лице, – дела почти не разрешимые, возникают обстоятельства сомнительные, поднимаются вопросы трудные. Прочие думают долго и ничего не придумают, тогда дела посылаются к святителю московскому. Он один все обсудит и разрешит и притом скоро. Он направит на прямой путь, не допустит до ошибки, обойдет препятствия, устраним недоразумения».⁴⁴⁸ Ведь вот почему и до 1842 года так дорожили Филаретом в Синоде и после 1842 года все, не исключая и пожелавшего быть министром графа Протасова, скоро почувствовали тот недостаток его присутствия. А как много дел высшего церковного управления присылалось и после 1842 года в Москву к Филарету, о том достаточно будет привести следующие слова письма самого Филарета к наместнику лавры Антонию от 28 февраля 1849 года: «Больше дают дела, нежели хочет и может сделать моя леность. Один архиерей затрудняется, носить ли двоеженцу стихарь, мне присылают указ, чтобы я отвечал ему на сие затруднение. Один губернатор заметил, что в метель замерзают люди, не находя пути в село, – я должен сказать, не звонить ли в колокол. В обеих столицах хотят отдать откупщику погребение, мне приходится разбирать дело, и объяснять, что будет ропот на

откупщика и на начальство. Один архиерей написал историю Русской Церкви, – меня спрашивают, не надобно ли ее исправить, и, дабы я не ленился отвечать, прибавляют, что о сем знает государь император. А я все не умею спешить».⁴⁴⁹

Не забудем, что все это Филарет делал на ряду со множеством дел, подлежавших его обсуждению, решению и исполнению, как архиерея епархиального и притом столичного, где, например, больше бывает соприкосновения дел гражданских с церковными, нежели в провинциальных епархиях. А между тем в числе дел, подлежавших Филарету, как архиерею, было, конечно, и проповедание Слова Божия. И нельзя не согласиться с верностью уже высказанного печатно замечания, что по всем сторонам деятельности, «никто собственноручно не написал столько, сколько написал Филарет».⁴⁵⁰

Поэтому не одним лишь знаком вежливости, а точным выражением истины были слова высочайшего рескрипта, при котором в 1849 году Филарет награжден был алмазными знаками ордена св. апостола Андрея Первозванного: «Преосвященный митрополит Филарет! Неусыпные попечения ваши о вверенной вам епархии, при многолетней опытности и назидательном проповеди слова истины, являют в вас просвещено-ревностного пастыря стада Христова. Уважая сии отличные достоинства и неумоимо совершаемые в пользу православной Церкви и Отечества подвиги, Я признал за благо изъявить Мое особенное к вашим заслугам внимание Всемиловитейшим пожалованием вам препровождаемых при сем алмазных знаков ордена св. апостола Андрея Первозванного. Поручая себя молитвам вашим, пребываю всегда к вам благосклонный Николай. Москва, 3 апреля 1849 года».⁴⁵¹

В этом высочайшем рескрипте между различными видами одобряемой в нем неумоимой деятельности московского архипастыря упоминается и «назидательное проповедание слова истины». Как нам известно из прежних наших исследований о проповеднической деятельности Филарета, собственно за эту деятельность, или отдельно или на ряду с

другими видами его деятельности, он награжден был только в 1811 году (наперстным крестом с драгоценными камнями), в 1813 году (орденом св. Владимира 2 степени) и в 1823 году (орденом св. Александра Невского), в сем последнем году, очевидно, уже на московской епархии. Но не говоря о том, что в сем 1823 году Филарет награжден был главным образом за особые заслуги,⁴⁵² в отношении же к проповеднической собственно деятельности, плодом коей пред тем вышло первое собрание поучительных слов его, он получил награду только, как выражено в рескрипте, «за назидательные труды в поучение пастве», хотя, как известно, в том собрании напечатаны были его слова, относившиеся и не к его пастве, если не считать особого собрания слов, говоренных к пастве московской за первый год управления ею. В рескрипте же 1849 года указывается вообще на «назидательное проповедание слова истины».

Этим самым, как нам думается, имелось в виду указать на более обширное значение этого рода деятельности святителя, не ограничивая ее лишь паствою московскою. И подлинно так. В Николаевское царствование проповеднический талант Филарета достиг высшей степени своего развития и раскрытия, проповедническая деятельность Филарета завершилась в своем универсальном направлении и утвердилась в своем строго определенном характере, проповеди Филарета окончательно вылились в те формы, которые сделались образцовыми для последующих времен. Этот же период времени есть и самый обильный плодами проповеднической деятельности Филарета, доказательством чего из пяти томов последнего издания слов и речей его (1873–1885 годы) служат два полных (3-й и 4-й) и весьма значительная доля двух других (2-го и особенно 5-го) томов этого издания, при чем мы знаем, наверное, что некоторые проповеди рассматриваемого периода еще и не вошли в это издание, оставаясь доселе в рукописном виде.⁴⁵³

Обозреть все поле проповеднической деятельности этого периода в настоящий раз нам даже невозможно. И делая такое обозрение далее по частям, мы все же значительную часть этого поля должны будем оставить рассмотрению в

последующих частях нашего настоящего исследования. Теперь мы только скажем, что будучи универсальной, как мы заметили, в своем направлении, проповедническая деятельность святителя московского в рассматриваемый период касалась всевозможных предметов догматического, нравственного, исторического и т.д. характера, затрагивала по возможности и нужде все события того времени как со стороны внешней политики, так и со стороны внутреннего состояния империи, Церкви и московской епархии, самонаименьшие явления жизни общественной и частной, церковной и гражданской, высшей духовной и низменной обыденной и т.д.; так что нужно было удивляться, как на все это хватало слабого телом Филарета, при множестве других видов и сторон его разнообразной деятельности. Не даром в рассматриваемый именно период утвердилось за Филаретом московским название «Филарета мудрого», также как за Филаретом киевским название «Филарета благочестивого». Много, подлинно много нужно было мудрости, чтобы совершать все роды и виды этой деятельности так, как совершал их Филарет московский, т.е. образцово.

Но не менее нужно было мудрости, чтобы и проповедовать так, как он проповедовал. По истине он вполне заслужил имя учителя Церкви не только московской, но и русской, не только русской, но и вселенской. В самом деле, возьмем, хотя, один пример из всего 30-летнего периода. До 1842 года Филарету редко приходилось говорить проповеди в день Благовещения, так как в это время он по большей части бывал в Петербурге. Но оставшись, по случаю болезни и с разрешения государя императора, на зиму 1834–1835 года в Москве, он оказался в возможности говорить проповедь и в этот день. Побуждаемый между прочим, к проповеданию и со стороны частного человека А. Н. Муравьева, он и сказал проповедь.⁴⁵⁴ Но что же это была за проповедь? Эта проповедь, сказанная в Чудове монастыре на текст: *и исповедуемо велия есть благочестия тайна, Бог явися во плоти, оправдася в Дусе, показася ангелом, веровася в мире, вознесся во славе (1Тим.3:16)* и трактующая «о потребности воплощения Сына Божия нас ради человек, и нашего ради спасения», во всех отношениях вполне достойна

учителя вселенской, а не только что русской или московской Церкви.⁴⁵⁵

Не даром одна эта проповедь послужила основанием и предметом обширной рецензии для одного знатока дела в журнале *Министерства народного просвещения* (за 1835 год, т. 7). Вот что говорит о ней рецензент: «приступая к отдельному рассмотрению замечательных книг, вышедших в России в нынешнем году, начнем с произведения пера знаменитого нашего проповедника. Глубокий в созерцании предмета, ясный в его изложении, он отличается еще особенным даром в немногих словах изображать многие мысли и находить выражения для всех их оттенков. В небольшой книжечке, которая лежит пред нами,⁴⁵⁶ заключается, так сказать, целое рассуждение о необходимости воплощения Спасителя; в ней разрешены все главнейшие вопросы сомневающихся и доказана непреложная основательность верующих. Советуем каждому любителю истины прочесть это Слово со вниманием, но как не все из наших читателей могут его иметь, то считаем полезным представить им оное в извлечении».⁴⁵⁷

И далее делает такое извлечение; а в конце рецензии или лучше, – извлечения, говорит: «мы сделали много выписок, стараясь соблюсти всю между ими связь; знаем однако ж, что они не заменят чтения целого слова, которое есть плод глубоких ума соображений. У нас еще не было трактатов о сем важном предмете, написанных столь удовлетворительно для самого взыскательного мыслителя».⁴⁵⁸ Такова одна из проповедей рассматриваемого периода, написанная, по-видимому, случайно и по стороннему побуждению. Правда, она же и несколько длиннее других, и «говорить» ее проповеднику, по его собственным словам, «случилось довольно долго»,⁴⁵⁹ однако, все же это опять лишь одна из нескольких сот других!»⁴⁶⁰ А между тем и все эти другие, каждая в своем роде и в известной степени, заслуживали бы и такой же похвалы и столь же обширного рассмотрения, как проповедь на Благовещение 1835 года. Поэтому в настоящее время, соответственно ближайшей цели настоящей части нашего исследования (исторической), мы обратимся к истории собрания

проповедей Филарета, оставляя историю отдельных проповедей до дальнейших отделов этого исследования.

Уже к 1834 году проповедей Филарета собралось так много, что потребовалось новое совокупное их издание. Таковое издание, при живом участии высокопреосвященнейшего Исидора, ныне митрополита новгородского и Санкт-Петербургского. а в то время викария Филарета, в редактировании одного совершенное, с дозволения Святейшего Правительствующего Синода, и вышло из печати в московской синодальной типографии в 1835 году под заглавием: *Слова и речи, ввремя управления московскою паствою говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца из достоверных источников почерпнутое, Синодальным членом Филаретом митрополитом московским.* Но это издание, занимавшее 519 страниц в печати отдельною книгою, как очевидно из самого заглавия его, обнимало только проповеди московского периода проповеднической деятельности нашего святителя, который год от году более и более возвышался по степеням учительства для Церкви, как мы говорили, не только московской, но и российской, не только российской, но и вселенской, по мере приближения к старости все более и более становился учителем не только для пастырей, но и для архипастырей – архиереев. Поэтому, и в видах самого усмотрения степеней развития и форм раскрытия его проповеднического таланта требовалось такое издание его проповедей, которое, обнимая собою слова и речи всех периодов его проповеднической деятельности, в тоже время представляло бы собою собрание подлинно образцов проповедничества, поучительных для всякого, т.е. как для пасомых всякого состояния, так и для самих пастырей Церкви всех степеней до архиерейской включительно. И такое издание вышло из печати в 1844–1845 годах в трех томах, будучи совершенно участием многих лиц под непосредственным наблюдением самого первосвятителя-проповедника.

Мысль о таком издании возникла еще раньше известных событий 1842 года. Еще от 19 января 1842 года Филарет Гумилевский, бывший в то время на чреде священно-служения

в Петербурге, писал профессору московской духовной академии А. В. Горскому следующее: «Владыка готовит к печати все московские⁴⁶¹ проповеди. И на мою долю досталось читать дела великана. Просил измерять шаги великана? Смешное дело! С моими ли шагами спешить по следам его? Да, друг мой! Как у него скоро ходят ноги! Все проповеди писаны за один раз, в несколько часов. Это видно по подлинникам. Погодин вызвался ему напечатать их. И с сего-то получил он мысль печатать. Но успеет ли выполнить? У него такие кучи дел, такие громады бумаг! Боже упаси!»⁴⁶² И подлинно дела и бумаги, всю свою массу, задавили, если можно так выразиться, эту благую мысль; а затем вскоре последовали вышеописанные печальные события того же 1842 года, при коих было уже не до занятия тою же мыслью. Таким образом дело издания отложилось до более благоприятного времени. Этим то объясняется то, что тот же Филарет Гумилевский, уже в бытность свою епископом Рижским, от 12 ноября 1842 года писал тому же А. В. Горскому: «слышно ли, что Владыка наш решился издать свои проповеди, или опять он отложил до времени свое благое намерение?»⁴⁶³

Действительно, только уже в 1843 году, когда проповеди другого знаменитого в своем роде проповедника того времени Иннокентия (Борисова) архиепископа Харьковского (в то время) уже издавались в Москве, и владыка московский решился окончательно издать свои проповеди, дав сперва словесное приказание члену московского духовно-цензурного комитета, известному профессору московской духовной академии, протоиерею П. С. Делицыну привести их в хронологический и предметный порядок.⁴⁶⁴ Одним из побудителей Филарета к такому решению был А. Н. Муравьев.⁴⁶⁵ Издержки издания добровольно, по любви и глубокому почтению к святителю московскому, принял на себя московский купец А. И. Лобков.⁴⁶⁶ В начале 1844 года и приступлено было к изданию, столь всеми желанному.⁴⁶⁷ Дело издания началось таким образом частным путем, а не чрез Святейший Синод, как сделалось прежде.

Между тем тогда-то лишь спохватилась и контора московской синодальной типографии, послав в Синод бумагу о своем предположении издать вновь проповеди святителя

московского в 1200 экземплярах. Святейший Синод, указом от 9 декабря 1843 года, уведомил святителя о таком предположении конторы и требовал, как его согласия на это предположение, так и указания условий, на каких он был бы согласен на него. На этом указе святитель Филарет уже 15 июля 1844 года дал такую резолюцию: «донести Святейшему Синоду, что прежде не было мною предлагаемо Святейшему Синоду никаких условий при издании, а по благоволению Святейшего Синода назначаемо было мне от издания по некоторому числу экземпляров. Так поступил бы я и ныне; но не властен сделать сие потому, что до получения сего указа некоторые из слушателей моих слов неоднократно настояниями убедили меня предоставить им сделать издание оных на их счет, и сего издания значительная часть уже напечатана. Справедливость требует оставить сие издание вне состязания с другим современным, дабы благорасположенные издатели не имели затруднения в возвращении своих издержек».⁴⁶⁸ При наблюдении за изданием Филарет относился к своим проповедям с беспощадною строгостью «У меня, – писал он от 30 марта 1844 года другу своему архиепископу тверскому Григорию (Постникову) – выпросили мои проповеди напечатать в совокупности. Хотелось браковать их сильнее, а не все печатать, но здешние сотрудники мои были ко мне очень снисходительны. Некоторые уничтожил я против их снисходительного мнения, но всех просмотреть хорошо не удалось. Не знаю, что будет. Из первой книги, напечатанной, когда я был еще на вашей кафедре, откинул я около половины».⁴⁶⁹ И затем цель такой строгости сам же он в письме к тому же лицу от 23 апреля 1845 года, когда издание вышло из печати все уже, указывает в следующих словах: «Не раскаиваюсь, что согласился на издание, по крайней мере потому, что теперь сие сделано с некоторым разбором, вместо того, что после меня могло случиться издание без разбора».⁴⁷⁰

Но не доверяя одному себе, Филарет поручал рассмотрение своих рукописных я уже напечатанных раньше проповедей другим, в том или ином отношении, по его крайнему мнению и убеждению, компетентным в своих суждениях лицам, убедительно прося их быть также как можно более строгими в

деле рассмотрения оных. Он руководился при этом, между прочим, тем соображением, какое высказал гораздо позже в письме к Евгению (Казанцеву), архиепископу Ярославскому от 3 января 1851 года по поводу издания слов сего последнего: «видел я рукопись ваших слов, одобренную цензурою, и её предложение переменить некоторые выражения, и пожалел, что за словами остановили вы дело. Удивительно ли, что мы, пиша проповеди обыкновенно наскоро, при развлечении другими делами, употребим иногда выражение не точное, подающее случай к иной мысли, мимо той, которую мы имели в виду? Я в таких случаях охотно переменяю выражения, сомнительные для цензоров, и следственно, вероятно, и для других читателей, и ставлю другие более точные, или более ясные, не допускающие уклонения в иную мысль».⁴⁷¹

Сотрудниками Филарета в издании его проповедей были: тогдашний ректор московской духовной академии, архимандрит Евсевий (Орлинский),⁴⁷² профессора протоиереи П. С. Делицын и Ф. А. Голубинский и некоторые другие. Цензоровал же издание ректор вифанской семинарии. архимандрит Филофей.⁴⁷³ В видах честнейшей характеристики дела сотрудничества их в этом важном предприятии мы укажем некоторые подробности его. Вот, например, слова письма Филарета к Евсевию от 10 апреля 1844 года: «благодарю, отец ректор, за рассмотрение проповеди. Ту, в которой оказались сомнительные выражения, не отдаю в Москве по вашему указанию, а посылаю к вам, чтобы цензоры видели, удовлетворительны ли исправления. Когда дело шло о замене неточного выражения точным, вы хорошо бы сделали, если бы, вместе с замечанием, предложили проект выражения, какое находите лучшим. Я лучше понял бы силу замечания, и дело кончилось бы скорее, когда бы я принял ваш проект. Теперь мой проект надобно посылать к вам, потому что я не хочу, чтобы подписью цензоров покрыто было слово, после сомнения им неизвестное. Говорю сие для могущих встретиться подобных случаев».⁴⁷⁴ Затем о Ф. А. Голубинском по преданию сообщается, что «читая проповеди Филарета как цензор, он делал нередко поправки, и тот всегда уступал. Известна,

например, Филаретова проповедь на великий пяток, которая в свое время произвела столько шума и приводится как образец духовного красноречия в учебных хрестоматиях и до ныне: «Чего теперь ожидаете вы от служителей слова? Нет более слова. Слово, собезначальное Отцу и Духу, начало всякого слова живого и действенного, умолкло, скончалось, погребено и запечатано». Голубинский настаивал, чтобы эта проповедь совсем была исключена из собрания его слов и речей, как недостойная истины, так как в ней игре риторического тождесловия приносится в жертву смешение высоких христианских понятий. Митрополит, говорят, уступал и этому требованию и если не уступил окончательно, то потому только, что опасался смущения умов, так как проповедь получила громкую известность и пользовалась широким общественным вниманием».⁴⁷⁵

Но кроме людей богословски-ученых, просматривал проповеди Филарета, по особому доверию последнего, и проверял их именно со стороны духовной наместник лавры архимандрит Антоний. Так, например, посылая к нему, при письме от 31 марта 1844 года, две из проповедей своих, святитель Филарет пишет ему о них: «прочитайте вы, и все, и скажите мне, надобно ли ту и другую отдать в состав предполагаемого и начинающегося на сих днях издания, или лучше не отдавать».⁴⁷⁶ Все издание, совершенное с таким разбором и осторожностью, вышло из печати в трех частях в начале следующего 1845 года,⁴⁷⁷ под заглавием: *Слова и речи синодального члена Филарета митрополита московского. Части I и II. Москва, 1844; часть III, Москва, 1845 год.*

Еще в течении времени печатания этого капитального в своем роде издания Филарету, чрез отца наместника лавры, подана была мысль о составлении указателя к этому изданию. Филарет по этому поводу в письме к наместнику от 23 ноября 1844 года говорил следующее: «за сообщение мне мысли о указателе на проповеди, как и за все, что говорите мне откровенно, благодарю. Чтобы находить в них чего захотят искать, поможет частью данное им разделение, частью оглавление, в котором содержание многих означено».⁴⁷⁸ Может

быть не излишне было бы указание некоторых особых предметов или изъяснений некоторых изречений Священного Писания, но указатель сего рода делать теперь некогда и не кому, и нельзя знать, заслужит ли книга такое употребление, чтобы стоило труда составлять указатель».⁴⁷⁹

Хотя, конечно, издание вполне стоило того, чтобы приложен был этот труд, однако, смиренный святитель даже по выходе его из печати, от 23 марта 1845 года, ректору академии Евсевию писал: «не знаю, что сказать вам, отец ректор, на предложение ваше о составлении указателя для моих слов. Будет ли употребление их таково, чтобы труд сей не был бесполезен? И если бы случилось, что он не будет излишен, то не желал бы я, однако, отягощать кого-нибудь поручением произвести оный. Иное дело, если бы кто на досуге занялся сим по своему произволу. Если не будет сего, не будет то большая потеря».⁴⁸⁰

И конечно, не смотря на столь смиренный, скромный взгляд святителя на цену своих проповедей, указатель был составлен при Московской духовной академии бакалавром (после ректором, протоиереем) С. К. Смирновым и вышел из печати в Москве в 1847 году под заглавием: *Указатель мест Священного Писания и предметов, объясняемых в словах и речах высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского. Составлена при Московской духовной академии, по изданию в трех томах. Москва. 1844–1840 года. Москва, 1847.*⁴⁸¹ За тем, не смотря на тот же скромный взгляд святителя-проповедника на свои проповеди, издание сих последних и пред выходом из печати ожидалось с нетерпением и по выходе принято было восторженно многими. Так еще от 17 октября 1844 года Филарет Гумилевский, епископ Рижский, писал А. В. Горскому: «Правда ли, что Владыка решился издать слова свои? Москвитянин возбудил ожидания, и меня спрашивают даже немцы. Они глубоко уважают его. А русские? Бросают в него грязью. Будет время, когда сильно будут каяться, но – без пользы для Церкви».⁴⁸²

Под русскими – Филарет Рижский здесь разумел, конечно, ближе всего партию графа Протасова, в то время все еще продолжавшего свое безосновательное неудовольствие на

Филарета московского. Но истинные русские смотрели на последнего далеко не так; а потому и издание его проповедей приняли с восторгом и благоговением, о чем свидетельствуют многие лестные о нем отзывы лиц разных взглядов и положений в свете не только духовных, но и светских, относящиеся к 1845 и 1846 годам. Из них отзыв профессора московского университета Шевырева,⁴⁸³ мы еще приведем в своем месте. А теперь приведем лишь два отзыва – один со стороны духовного, а другой со стороны светского лица. Преосвященный Евгений (Казанцев), архиепископ Ярославский, получив от самого митрополита Филарета в дар только что изданное собрание слов и речей его, писал родственнику своему, – московскому священнику следующее: «я положил читать по слову каждый день и сосчитал, что прочту в полгода. Автор, при присылке, пишет об этом издании с таким глубоким смирением, что ивообразить не можно. О, как высоко он совершенствуется в духовной жизни! Правда, что это издание важный подарок не московской только, по всероссийской Церкви, и не только современной, но и грядущей. Это пища, а не цветки, жизнь, а не музыка... Вечная благодарность тому, кто издал их. Они будут несомненно бессмертны, как творения св. Григория Богослова, к которому он весьма приблизился. Как досадно, что никто не переводит их на другие языки!⁴⁸⁴ Европа увидела бы, что Россия имеет богословов. О Иннокентии⁴⁸⁵ я всегда был тех мыслей, что он не выдержит славы Филарета. Конечно и он даровит, но этот гений».⁴⁸⁶

А вот что писал от 17 апреля 1845 года из Москвы князь М. А. Оболенский к В. А. Поленову: «вот приятная новость к празднику для всех москвичей, это новое издание назидательных слов и речей нашего архипастыря, преосвященнейшего митрополита Филарета, разбросанных по разным изданиям и большею частью выходявших отдельными книжками. Кто из нас не слышал его проповеди, и кто не увлекался его назидательными беседами! Нет сомнения, что и самая словесность сделало в них значительное приобретение».⁴⁸⁷ Не скрываемы были, конечно, и некоторые несовершенства издания, и более всего сознавал их опять сам

Филарет, который потому смиренно писал от 9 мая 1846 года к рязанскому архиепископу Гавриилу (Городкову) следующее: «что в моих словах и речах находят несовершенства, против того не имею ни малейшего спора. И если в них внутренний недостаток окружен типографской каймою, то внутренний недостаток принадлежит мне, но кайма отнюдь не мне, а издателям, которым после настоятельной просьбы отдал я рукопись без всяких условий, и хоть потом, увидев образец издания, говорил, что роскошное издание не обогатить содержания книги, но они поставили на своем».⁴⁸⁸ По смирению же Филарет называл свои проповеди «празднословием».⁴⁸⁹

По выходе издания в свет святитель московский счел своим долгом раздать и разослать даровые экземпляры его как трудившимся в издании, так и друзьям и почитателям, знакомым своим и т.д.⁴⁹⁰ Послал он экземпляр издания и в академию наук, членом которой состоял, при письме на имя президента её графа С. С. Уварова.⁴⁹¹ Но некоторое время не решался он и медлил посылать это издание высочайшим особам, так как в это время еще продолжалось, хотя, уже и сглаживалось мало-по-малу, охлаждение между ним и близким ко двору графом Протасовым. «Когда напечатаны были мои слова и речи, писал от 14 и 15 июня 1845 года сам святитель Филарет одной придворной особе, я колебался между нежеланием занимать внимание государя императора и Государыни Императрицы моим ничтожным делом, и между противоположным движением верноподданнической признательности».⁴⁹²

Однако, потом решился и 17 апреля 1845 года послал экземпляр государю императору чрез графа Протасова при письме на имя последнего и другой экземпляр государыне императрице чрез известного московского вельможу князя С. М. Голицына. Но с этою посылкой случилось несчастье. Дорогой с почтою, везшей книги Филарета, случился пожар, истребивший и эти книги, а почт-директор только уже чрез два почти месяца признался в этом князю С. М. Голицыну и тогда уже посланы были новые экземпляры как государю императору с государыней императрицею, так и другим высочайшим особам,

вследствие изъявленного ими желания иметь слова и речи Филарета.⁴⁹³

При этом особенного внимания заслуживает письмо Филарета на имя графа Протасова, при коем препровождалось издание слов и речей для государя императора. «Сиятельнейший граф, милостивый государь! – писал Филарет от 17 апреля, 17 июня 1845 года,⁴⁹⁴ некоторые любители церковного слова, настоятельными убеждениями истребовав мое согласие, издали значительное число из говоренных мною в разные времена слов и речей, в трех томах. Глубоко сознаю себя обязанным Высоко-монаршей милости и снисхождению тем, что слабые мои в сем роде усилия не совсем остались без действия, и что мне даровано иногда и о высоких царских деяниях благочестивейшего государя императора пред Церковью беседовать, и к священному лицу Помазанника Божия возносить смиренный глас, для выражения общих верноподданнических чувствований. Все сие влагает в меня дерзновение желать, чтобы, во свидетельство глубочайшего верноподданнического моего благоговения, экземпляр означенной книги принесен был к подножию престола и удостоен был взора Его императорского Величества. В уповании на снисхождение всемилостивейшего государя, решаюсь покорнейше просить ваше сиятельство донести о сем Его Величеству и, с моими скудными словами, но с полным верноподданническими чувствованиями, сердцем, к стопам Его Величества меня повергнуть». На всеподданнейшем докладе, при коем были представлены слова и речи Филарета, государь император, в 30-й день июня того же года собственноручно написать изволил: «благодарить».⁴⁹⁵ Кроме того, как государь император и государыня императрица, так и другие особы царской фамилии, которым Филарет посылал свои слова и речи, благоволили, в знак своего признательного к нему внимания, прислать ему свои портреты.⁴⁹⁶

Между тем не прошло и двух лет со времени появления в свет рассмотренного издания слов и речей Филарета, как уже потребовалось новое их издание. Это издание опять принял на свое иждивение А. И. Лобков. «Предложите, отец ректор, писал

святитель московский от 29 апреля 1847 года ректору московской духовной академии архимандриту Алексию, – цензурному комитету, препровождаемый при сем первый том моих слов и речей, для второго издания, с дополнением. Здесь все уже цензурированное, следственно затруднения не предвидится. Издатель желает поскорее иметь разрешение, чтобы приступить к делу. Впрочем, прошу, требующее исправления исправить, или указать для исправления. Не надобно ли иное слово совсем исключить? Если представится сия мысль, скажите мне. Лучше не многим занять читателя, нежели многим наскучить ему. Следующие тома доставятся в след за сим, и для них менее нужна будет поспешность».⁴⁹⁷ Издание ведено было с прежнею тщательностью. «Мне кажется, отец ректор, – писал, например, Филарет к тому же лицу от 12 сентября 1847 года по поводу одного из случаев выражения сомнения со стороны цензоров, – в словах: *сие есть Тело Мое, за вы ломимое, страждущее, умирающее, сия есть Кровь Моя, за вы изливаемая, сказанных на все времена, дбндеже приидет Господь*, заключается мысль о всегдашнем продолжении и возобновлении одной и той же жертвы, так как и Тело Христово есть только одно. Но уважаю сомнение цензоров, и благодарю их за осторожное действовање, чтобы не было пропущено сомнительное. Предлагаю изменения выражений. Если будут не по мысли цензоров, пусть они предложат свои».⁴⁹⁸ Только один случай, несколько преувеличенно переданный Филарету ректором, встревожил первого в этом отношении. «Вы удивляете меня, отец ректор, – писал в виду сего к нему от 7 февраля 1848 года Филарет, – сказывая, что в издании слов и речей есть вредные ошибки, и что дан билет на выпуск книги, без требования перепечатывания листов. В таком случае мне надобно будет судиться с цензорами. Если я просил поспешить делом, то неужели с тем, чтобы для поспешности пропущено было вредное? Прошу сказать отцам цензорам, что их долг охранять издания от вредного, и ответствовать за неисполнение сего. Мне нет времени быть ни издателем, ни цензором, ни корректором; они, думаю, нашли бы время, по знакомству, попещись о моих книгах, когда имеют много времени для

нелепостей Пальмова, которыми без пользы затрудняют себя и начальство. Посмотреть вредные места издания теперь совершенно не имею времени, и отвечаю на то, что вижу в вашем письме. Прошу не гневаться на меня».⁴⁹⁹

Однако, потом святитель нашел-таки время просмотреть казавшиеся вредными места издания, и после того от 20 февраля писал уже в более успокоительном тоне следующее: «если вы, отец ректор, и отцы цензоры гневаетесь на меня, то прошу прощения. Услышав от вас о погрешностях *не безвредных*, я полагал, что чрез опечатки произошли ложные и вредные мысли, которыми читающий возмутится. А всякий ли всегда догадается заглянуть на конец книги в лист опечаток? В таком случае надобно было бы не выдавать билета, не потребовав перепечатывания листа, или осьмушки. Посмотрев опечатки, нашел я, что в одном месте сделанный пропуск дает речи очень бестолковое значение, прочие неисправности не ведут к худым толкам».⁵⁰⁰ В видах устранения этих опечаток в немаловажном издании, и действительно «оказалась нужда перепечатать две осьмушки»,⁵⁰¹ после чего издание и вышло из печати в 1848 году в двух томах, как второе, дополненное издание слов и речей святителя московского.⁵⁰² В академии хотели было и к этому изданию составить указатель; но владыка писал ректору академии: «О указателе не надобно заботиться, и затруднять издателя неудобно мне, потому что он ни чем не обязан делу»;⁵⁰³ и, таким образом, мысль об указателе была оставлена. Между тем это издание, кроме того, что имело ближайшим своим последствием упомянутое раньше награждение Филарета высшим орденом от всемилостивейшего монарха в 1849 году, как бы совершенно изгладив таким образом неприятные впечатления 1842 года, в 1852 году официально сделано было обязательным к приобретению в библиотеки духовно-учебных заведений Российской империи, при том без всякого воздействия на то со стороны самого Филарета.⁵⁰⁴ Так собрание проповедей Филарета сделалось учебною книгою проповедничества на Руси.

Но и не одна Русь должна была узнать своего витию знаменитого; его должна была узнать и Европа, хвалившаяся

своими Массильонами, Боссюэтами и т.д. То, о чем беспокоился и чего желал в 1845 году архиепископ ярославский Евгений (Казанцев), совершилось как бы естественно и само собою. Разумеется перевод проповедей Филарета на иностранные языки. Еще в 1816 году, как нам известно, А. С. Стурдза перевел несколько проповедей Филарета на французский язык. За тем и помимо сего было уже несколько переводов отдельных проповедей Филарета на тот же язык, как наиболее распространенный в образованном мире. Так нам известно из дел архива московского духовно-цензурного комитета несколько случаев забот по сему делу, предпринятых одним из почитателей Филарета и отчасти сотрудником его по тюремному комитету, хотя, и римским католиком по вероисповеданию, Ф. П. Гаазом.⁵⁰⁵ Переводчицею отдельных проповедей Филарета была между прочим, одна из почитательниц его вдова генерала А. Б. Нейгардт и другие.⁵⁰⁶ Но все это не могло производить особого, цельного впечатления на иностранцев по самой отдельности переведенного. Когда же в 1844–1845 годах вышло из печати известное лам собрание слов и речей святителя московского, тогда еще более стала ощущаться необходимость восполнить пробел, существовавший доселе.

Упомянутый сейчас Стурдза в 1846 году перевел на французский язык и издал в Париже «Первую седмицу» великого поста – ряд проповедей известного русского витии – Иннокентия (Борисова), архиепископа Харьковского. Отзывы иностранной печати об этих проповедях были блестящи. Тогда Иннокентий сам посоветовал «Стурдзе, – как сам же и пишет от 30 октября 1846 года в письме к архиепископу Рязанскому Гавриилу (Городкову) – сделать подобный перевод с проповедей преосвященного Филарета, и он дал обещание».⁵⁰⁷ Обещание было исполнено, и в следующем (1847 году) появился сделанный Стурдзою французский перевод «избранных слов и речей» Филарета.⁵⁰⁸ Перевод этот повторен был изданием в 1849 году в Париже. Были переводы отдельных проповедей Филарета и на немецкий язык, сделанные по большей части в Петербурге и появившиеся в 1850 году под номерами 3, 5 и 6 сборника под заглавием: «Beitrage zur

näheren Kenntniss der Glaubenslehre der Orthodox-katholischen Kirche in Uebersetzungen und Auszügen vorzüglich aus russischen und slawischen Schriften».⁵⁰⁹ Появлялись и более или менее лестные отзывы иностранной печати о проповедях святителя московского.⁵¹⁰

Так «упование не посрамило» того, который и в сане святителя и среди «мятежа дел» жительствовавал как истинный пустынножитель, как истинный раб Божий, всегда и всюду шедший «с послушанием куда Господь вел». За таковое послушание не лишаемый Божественного «руководства» в общем ходе своей жизнедеятельности, не лишаемый «покрова» в скорбных обстоятельствах своей жизни; он не лишен был и «утешения» видеть благие плоды и общее одобрение своей деятельности во всех её проявлениях. В последние годы царствования Николая Павловича святитель Филарет пользовался полным, гораздо большим в сравнении с прежним, доверием и одобрением со стороны как самого Государя, так и представителей высшей власти в государстве, пользовался высоким и год от году все большим и большим уважением и любовью среди всех не только в пастве московской, но и в России знавших его или только слышавших о нем или же имевших те или другие к нему отношения. Имя его гремело не только во всей России, но и далеко за пределами её.

2. Внешняя политика России

Обильна была разнообразными, и скорбными, и радостными событиями личная жизнь святителя московского Филарета в тридцатилетие царствования императора Николая Павловича. Еще более обильна была ими жизнь России как во внешних отношениях последней, в так называемой внешней политике, так и во внутреннем состоянии её, при чем все исходило от глубоко проницательного ума и сильной, твердой воли «беспримерно деятельного» государя императора и все сводилось к нему, как своему средоточию. В чем же, спрашиваем прежде всего, состояли внешние отношения, внешняя политика России и как относился к проявлениям этой политики своею проповедью Филарет московский?

Общее направление политики своей император Николай выразил словами манифеста, изданного прямо по воцарении, от 12 декабря 1825 года, коими давал обет «жить единственно для любезного Отечества», царствовать как царствовал Александр Благословенный, чтобы совершить все, чего желал он для блага России II, следуя примеру его, «стяжать благословение Божие и любовь народов».⁵¹¹ Положив в основание политики своей начала строгой справедливости, умеренности, бескорыстного великодушия, строгого порядка и уважения к монархическому образу правления, как единственно надежному и спасительному, император Николай во все тридцатилетие своего царствования неуклонно следовал этим началам. Он с честью и достоинством поддерживал политическое значение России, благовременно принимал меры к устранению и разрешению политических недоразумений, являясь деятельным участником всех важнейших событий своего времени, совершавшихся в Европе и в международных отношениях, и своим могущественным влиянием, своим грозным положением, нередко даже не обнажая меча, одним, так сказать, взглядом своим уничтожал все замыслы поколебать мир Европы и нарушить установленный международными договорами порядок и строй политической жизни, искренно ненавидел и всеми

возможными мерами старался подавлять революционные вспышки, в какой бы форме они ни проявлялись; но не вмешивался, как и подобало великодушному повелителю обширнейшей в свете Империи, в мелкие неурядицы Запада, так беспокоившие его добросердечного предшественника, и презрительным молчанием отвечал, когда то было возможно и нужно, на неистовые вопли демагогов, бессильные возмутить общую тишину и потому не достойные его внимания, но в свою очередь не допускал и не терпел ни малейшего с чьей бы то ни было стороны вмешательства в дела своей Империи, в её отношения к соседям, под каким бы видом, под каким бы предлогом и названием ни представлялось это вмешательство. Его собственного ума и воли было достаточно для управления как внутренними делами Империи, так и внешними её отношениями к соседям, это должны были все знать, – и горе тому, кто дерзнул бы оскорбить достоинство России в этом отношении или нарушить её спокойствие несправедливо!

Так действовал государь вообще, так действовал он и во всех частных случаях – и его имя с невольным уважением произносилось во всей Европе. Когда в политических кругах Европы произносимо было одно название император, то всякий знал, что этим названием обозначался никто другой, как только император Всероссийский Николай, потому что как бы он только один из всех современных ему правителей достоин был носить имя и титул императора в собственном и строгом смысле слова. Конечно, обаянию имени Николая и полновесности его политического значения много способствовало тогдашнее положение Европы, где более или менее сильное слово и дело могло исходить разве только из Австрии, до 1848 года далеко еще не находившейся в таком положении, в каком она стала находиться после революции 1848 года, между тем как другие государства, особенно после великих событий войны 1812–1813 годов, покрывшей славою русское оружие и на полях освобожденной им Европы, или и сами по себе, или же благодаря испытанным от поработителя Европы – Наполеона бедствиям были сравнительно слабы. Пруссия, с её тогдашним 15-миллионным населением и в значении королевства, вовсе не

пользовалась таким весом в международной политике, каким пользуется она теперь, стоя во главе Германской Империи. Франция, раздробленная и ослабленная после вышеупомянутой войны, и тому же еще более ослабляемая почти непрерывными переворотами, совершавшимися внутри её в течение 1825–1855 годов, также не представляла в себе ни достаточно опасной силы, ни прочной гарантии для поддержания основ, все еще существовавшего при Николае, хотя, более только на бумаге, чем на деле, Священного Союза. Другие государства, не исключая и Англии, при её островном положении, еще менее могли рассчитывать на выдающееся значение в международной политике.

И только к концу царствования императора Николая, при неизменности начал и положения его собственной политики, политическое положение остальной Европы в значительной мере изменилось. Зоркое наблюдение императора Николая за внешнею политикою побуждало и его подданных, так или иначе заинтересованных в ней, внимательно следить за нею. Не мог быть равнодушен к ней и духовный вождь значительной части подданных Николая, притом населяющих одну из столиц Российской Империи, живущих в сердце России Москве, – святитель Филарет. Не мог он так или иначе не касаться её и в своей проповеди, тем более, что его слову с церковной кафедры и в этом отношении многие придавали веса и значения больше, нежели слову политика, и обыкновенно с нетерпением ждали, что скажет о том или другом событии Филарет.

Еще от царствования императора Александра I в наследие новому царствованию остался нерешенный тогда спор России с Турцией из-за единоверных нам племен и народов. подвластных Турции. В самом конце царствования Александра и в самом начале царствования Николая этот спор едва не кончился полным дипломатическим разрывом, и только твердое, сильное слово нового императора России заставило турецкого султана подписать Аккерманскую конвенцию 25 сентября 1826 года, которою улучшалась и обеспечивалась участь этих племен и народов. Но пока еще шли переговоры с

Турцией, приведшие к этой конвенции, персидские войска, без всякого повода со стороны России, вторглись в наши закавказские области и заставили нашего государя взяться за оружие. Продолжавшаяся почти два года (с 15 июля 1826 года и до 10 февраля 1828 года) война Персидская, веденная со стороны России под главным начальством знаменитого И. Ф. Паскевича, получившего за нее графское Российской Империи достоинство и наименование Эриванского, покрыла новую славою русское оружие. Трофеи побед над персами, по повелению императора, объявленному им и святителю московскому, переданы были в Москву, в кафедральную церковь Чудова монастыря.⁵¹² Первое известие о победе Паскевича над неприятелем, вдесятеро сильнейшим, одержанной 13 сентября 1826 года, в 7 верстах от Елисаветполя, получено было еще в бытность императорской Фамилии в Москве по случаю коронации. Конечно, тотчас же был отслужен по этому случаю благодарственный молебен. Молебен состоялся в Чудове монастыре 28 сентября того же года. При этом Филарет обратился к Государю императору с следующею речью: «Благочестивейший государь император! Богу, надеющихся на Него всегда победителями творящему, благоугодно было торжественное время священного коронования Твоего непосредственно заключить и запечатлеть торжеством победы. Новое для нас радостное знамение, что Бог, благодатно преклоняясь к молитвам Твоим и Церкви, действительно благословил Тебя, как мирною властью над народом Твоим, так и победоносною силою на врагов. Сим паче и паче утверждаются надежды наши и восприимлют новое дерзновение молитвы наши, да благопоспешит Тебе Бог всегда и во всем».⁵¹³ Эта речь тогда же и напечатана была в «Московских Ведомостях». Но самые трофеи победы над персами, одержанной графом Паскевичем близ Еласаветполя, прибыли в Москву по назначению гораздо позже известия о победе, именно в 1827 году. Извещая викария своего Иннокентия (Сельно-Кринова) о своем прибытии в Петербург в письме от 4 августа сего 1827 года.

Филарет далее сообщает о своей аудиенции у государя императора: «принимая от меня икону, государь изволил напомнить, что в прошедшем году, после коронации, быв в лавре преподобного Сергия, в след за тем получил он известие о победе над персами, и что при отбытии своем из Москвы, принимая от меня икону, в церкви святителя Алексия, изволил объявить мне, что дарует сей церкви в память завоеванные знамена. Сие напомнив, государь присовокупил, что и теперь изволит сделать подобный подарок, по случаю победы над персами и взятия крепости Абаз-Абад. Таким образом, первое, что я имел счастье услышать от государя императора, было изъявление продолжаемого благоволения его к древней столице и любви к её древней святыне. Завтра благодарственное за победу молебствие в церкви Таврического дворца. За тем, думаю, трофеи будут посланы к московскому военному генерал-губернатору. День внесения изберет князь Димитрий Владимирович,⁵¹⁴ по согласию с вами, вы созовете в кафедральную церковь святителя Алексия старшее духовенство, и, по литургии, пред благодарственным молебствием, возвестите народу о благословении Божиим к Царю, и о благоволении Царя к древней столице, знаменуемом вверением ей памятника победы».⁵¹⁵

Таким образом, внесение трофеев в Чудов монастырь состоялось в отсутствие Филарета. Равным образом, пока он еще был в Петербурге, заключен был и мир с персами, славный для России и унижительный для виновницы войны – самой Персии. По мирному трактату, заключенному в деревне Туркманчае 10 февраля 1828 года, шах персидский Фет-Али-Шах обязался уступить России ханства Эриванское и Нахичеванское, заплатить 20 миллионов рублей серебром контрибуции⁵¹⁶ и даровать значительные преимущества русским подданным, приезжающим в Персию по делам торговым. В виду этого важного в истории России события Филарет от 15 марта 1828 года писал к викарию Иннокентию из Петербурга: «сегодня у нас молебен благодарный о мире, но, кажется, только еще в придворной церкви. Когда будет общее торжество, проповеди быть можно будет и на преждеосвященной, а и по

Благовещенской главе службу совершить, по моему мнению, не грех будет».⁵¹⁷ Но едва лишь вернулся из Петербурга в Москву Филарет, как тотчас же решил сам почтить воспоминанием с церковной кафедры о победоносной войне персидской, о трофеях победы над персами и о мире, заключенном с ними. Кстати же и прибытие свое в Москву он старался было приурочить прямо ко дню памяти святителя Алексия 20 мая, но, к сожалению, нездоровье и некоторые особенные обстоятельства задержали Филарета в Петербурге долее предположенного срока, и только уже 28 мая 1828 года он мог, при мощах святителя Алексия, в Чудовом монастыре, с церковной кафедры сказать то, что предполагать сказать. В этом случае мы разумеем его «Слово по случаю возложения на раку мощей иже во святых отца нашего Алексия, митрополита Московского, от благочестивейшего государя императора Николая Павловича принесенного покровы и медали за Персидскую войну», сказанное на текст: *Пожри Богу жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс.49:14–15). Вот основные черты слова, касающиеся предмета, о котором у нас теперь речь. «Прежде всех к тебе ныне слово, святителю Алексие, и слово не мое, но царевое, – так начинает свое слово святитель Филарет. – Предстою тебе, как посланник благочестивейшего императора Николая Павловича, принесший тебе дар Его, как свидетель благоговения Его пред тобою. Приими, глаголет Он тебе, сей покров благолепия и славы, не потому, чтобы ты требовал покровы вещественного и благолепия земного, будучи облечен светом небесным, покрыт Божественною славою, но потому, что царь признает над Собою и над Своими деяниями покров твоих молитв и твоего благословения. Приими сие серебро памяти и чести, сей. Не только потом, но и кровью выработанный динарий за день брани персидской, ибо раздаятель оного верует, что и ты не праздным был зрителем брани сей. Но, хотя, не видимо, тем не менее действительно подвизаться пред Богом за верных сынов России против вероломных последователей лживого пророка, подобно как некогда, еще живя на земли, очевидно подвизался

ты за охранение церкви и отечества от иноплеменных, то чудодейственную молитвою, то покоряющим словом убеждения. Но поскольку и без сего слышимого слова, во свете Божиим видишь ты сердце царевое, и разумеешь, о чем наипаче оно беседует к тебе – то, не стужая тебе более, поспешаю обратить слово к тем, которые требуют проповедующего, чтобы услышать, и вразумляющего, чтобы уразуметь». И далее, уже обращаясь к слушателям, святитель-проповедник обстоятельно раскрывает сущность предмета. Начиная с самого начала исторических обстоятельств, вызвавших его на проповедь, и искусно воспользовавшись для сего одним из изречений вышеприведенного текста. «Дело царевое, – так начинает свою речь о предмете наш проповедник, – которое пред очами вашими, благочестивые обитатели древней столицы, запечатлено ныне торжественными знамениями, в существе своем есть царское исполнение повеления, которое царям так же, как и рабам, изрек Царь царствующих устами пророка Своего: *призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя*. Был день скорби, которого единое воспоминание, даже и по возвращении дней мира и веселия, еще наводят некий сумрак на душу россиянина, – день, который угрожал затмить веки России, если бы сквозь облако грозной судьбы не просиял тем яснее возвышенный дух Николая Первого. Не стало Александра Благословенного, и мыслящие зло возомнили, что и благословения над Россией не осталось. Сосед, которого не опасались, в том самом, что его не опасались, вздумал найти средство сделаться опасным. На встречу мирному посольству нашему, он ввел в наши пределы войско, и начал опустошительную войну. Чувством сынов Отечества измерьте, если можно, сию новую скорбь нового царя, отвне приразившуюся в такое время, когда усилиями победить и уврачевать многоразличную скорбь домашнюю могла истощиться самая обильная мера силы душевной. Война не только нанесена России, но и внесена в Россию, без причины, в самое время дружественных со стороны России сношений, без обычного объявления, следственно с вопиющим нарушением права народного, с оскорблением достоинства

Империи, война от врага, который находит удовольствие в подвигах против безоружных, война в таком краю, куда не легко доставить защитников, куда и военачальника оказалось нужным послать с другого края государства; трудно частному человеку пересказывать о сем равнодушно; каково было Государю сие испытывать! И что-же? Сперва он не хотел верить происходящему; потому что душа чистая не легко верит возможности дел неправедных, потом с решительностью и быстротой подвигнул силы против сил; а сам обратился спокойно к источнику сил Богу, чтобы призвать Его благословение на новое царствование, и Его помощь против всех трудностей. Теперь примечайте в самых событиях, как *верен Господь во всех словесех Своих, и как близок всем призывающим Его во истине*. Как скоро благочестивейший государь, по священнодействию Его царского венчания, воздал Вышнему первую особенную молитву в сане помазанника, подкрепив оную подвигом благочестивого путешествия в священную пустыню, и общением веры с крепким молитвенником, преподобным Сергием, тотчас Вышний явил Ему спасение Свое, приведя Ему непосредственно за сим первого вестника первой в Его царствование победы. Здесь преклонил Он свою превознесенную главу и колена пред Царем царствующих, и прославил *Изымающего* от скорбей, имея и здесь сего друга Сергиева⁵¹⁸ совозводителем благодарений своих, подобно как там имел Сергия представителем своих прошений. Видно *усладилась Господеви сия беседа* царя, видно, и сердце царя усладилось сею беседою с Богом, и новою силою надежды утвердилось во Господе, ибо с того времени Бог подавал ему победу за победою, а он знамения сих побед препосылал в сей самый храм, где прославил Бога за первую из оных. И се, когда твердое верностью и правотой дела воинство его многочисленными подвигами решительно преодолело и победило и врагов, и противоборствующую природу, и быстроту рек, и твердыни камней, и кавказский хлад, и закавказский зной, и высоту непроходимых гор, и глубину непроходимых дебрей; когда *врагу оскудеша оружия в конец*, и таким образом не только восстановлен нарушенный мир, но и

огражден безопасностью расширенных пределов наших – воздавая почести доблестям своих воинов, еще раз благочестивейший государь восприимлет случай вознести жертву хвалы Господу сил, еще раз воспоминает сей храм, в котором благословилась Его молитва о победе и мире, и сему избранному предводителю молитв, как деятельному сподвижнику в добропобедной брани,⁵¹⁹ восписует победительная».

Описав таким образом в свете слова Божия всю, так сказать, историю войны с внутренней и внешней её стороны, святитель-проповедник за тем делает такое обращение к слушателям: «Сыновья России! *Не радуется ли вы о царе своем, особенно тогда, когда царь веселится о Бозе?* Знаю, что радуетесь; и радуюсь с вами о Нем, как один от вас, и паки радуюсь о самой радости вашей, потому что во свете радости о царе видна любовь к царю». И далее естественно делает нравственное приложение этого случая к жизни слушателей и дает наставление последним на основании того же текста, и в виду благочестивого примера благочестивейшего государя императора. В заключение же слова наш вития делает весьма искусный переход от представления об оконченной Персидской войне к представлению о начинавшейся уже тогда войне турецкой. «Берегись, просвещенный верою христианин, возвращения к языческому неверию и заблуждению, – так заканчивает вития свое нравственное приложение для перехода сейчас упомянутого, – не медли призывать Бога в день скорби твоея, или паче, не оставляй каждый день прилежно взывать к Нему, тем более, что на сей осужденной за грехопадение человека земле, доколе не снидут на нее вновь дние неба, каждый день есть день скорби для того или другого, здесь, или там, скорби, если не от самого бедствия, то от чувствительного лишения, или от близкой к сердцу заботы. И теперь, например, здесь мы веселимся, видя знамения побед, вкушая сладость мира и безопасности, а там – победоносное воинство вновь на поле брани; царь за пределами Отечества, царица странствует, влекомая любовью в близость к супругу, царица мать одиночествовала бы между царскими младенцами, если бы

верная дочь,⁵²⁰ предвидя сие одиночество, не приспела издалеча на священную стражу любви при наилучшей из матерей, не довольно ли уже самых нежных забот для сердец россиян? А что еще далее? Сын рабыни Агари неистовствует, как бы поспешая запечатлеть свое предопределение: *руки ею на всех, и руки всех на него* (Быт.16:12). Народ, от которого святая Русь наследовала святую веру, едва не исчезает в бедах от врагов веры. Священники распинаются или сожигаются. Христиане, мужи и жены, старцы и дети влекутся в рабство, или истаивают голодом, или, что всего ужаснее, принуждаются отречься от имени Христова. Церковь Российская! Призывай Бога Избавителя в сии дня скорби матери твоей – Церкви Греческой. Россия! День и ночь призывай Бога в помощь благочестивейшему императору и его воинству, защитникам христианства и человечества. *Господи! Спаси царя; и услыши ны, в оньже аще день призовем Тя* (Пс.19:10). *Да обрящется рука Твоя всем врагом Твоим, десница Твоя да обрящет вся ненавидящие Тебе. Вознесися, Господи, силою Твоею, воспоем и поем силы Твоя* (Пс.20:9:14) Аминь». ⁵²¹

Подлинно настояла сильная потребность в молитве, и настолько сильнее, насколько важнее была и самая начавшаяся весною 1828 года война с потомками Агари – турками по сравнению с оконченною войной с персами. Дело в том, что Аккерманскою конвенцией 1826 года вопрос о греках, подвластных туркам, остался нерешенным, и турки со всею силою дикого ожесточения неистовствовали над греками, потерявшими всякое терпение в своем подчинении притеснителям своим и желавшими освободиться от ненавистного им ига. Сколько ни старались европейские кабинеты расположить турецкую Порту к возможно большей уступчивости в пользу греков, их усилия, даже совокупные, не приводили ни к чему, и сын египетского паши Магмета-Али-Ибрагим, в качестве главнокомандующего турецкими войсками, продолжал свои неистовства над европейскими греками. Знаменитый морской бой при Наварине 8 октября 1827 года, в котором от соединенных морских сил трех держав, Англии, Франции и России, погиб почти весь флот турецкий, только еще

более ожесточил турецкого султана Махмуда, и повел к окончательному разрыву Турции с Россией, так как султан считал Россию главной виновницей всех мнимых зол, чинимых Турции, считал ее самым злейшим врагом мусульманства и Турецкой империи, падения которой она будто бы жаждет. А потому он объявил по своей империи поголовное ополчение за веру и отечество, иначе сказать, объявил священную войну против России. Это было в конце 1827 года.

Великодушный и миролюбивый император Всероссийский медлил, не смотря на это объявление, выступать в поход против Турции, надеясь, что султан еще одумается, а между тем счел нужным объявить во всеобщее сведение, что его намерения вовсе не клонятся к разрушению Турецкой империи или к уничтожению мусульманства, а лишь к восстановлению законных прав существования единоверных России и единоплеменных с нею турецких подданных. Но ничто не действовало на султана. Тогда, с наступлением весны 1828 года русские войска должны были снова взяться за знакомое им оружие, в силу объявленного повсеместно высочайшего манифеста о войне. Филарет в это время был еще в Петербурге и при этом же случилось некоторое особенное обстоятельство, сообщаемое в письме Филарета к его викарию Иннокентию от 16 апреля означенного года в таком описании: «Посылается, – пишет Филарет, – вашему преосвященству другой экземпляр указа к манифесту о войне. Вот как это сделалось. Вчера приехал я по случаю чтения манифеста в Казанский собор. Во время литургии владыка⁵²² прислал сказать, что он быть не может. Меня заставили служить; и я, помня ясно, как было в 1812 году, отправил молебен против супостат, который начинается псалмом: *С нами Бог*. Оказалось, что в прочих церквях пели молебен в нашествии супостат. Сего дня рассуждали о сем в Святейшем Синоде, и положили, чтобы везде править первый, и потому переменить посланные не многие указы. Письмо сие пошлю я особо, чтобы указ не опоздал, и чтобы вы пели непременно: *с нами Бог, разумейте языцы, и покарайтесь*». ⁵²³

Между тем выступившие в поход против турок русские войска одновременно с двух сторон, со стороны Азии и со стороны Европы, вступили в пределы Турции. В Азии русскими войсками командовал уже знакомый с местностью и азиатскими порядками войны и нравами племен граф Паскевич-Эриванский, а в европейской Турции сначала фельдмаршал граф Витгенштейн, а потом граф Дибич, получивший, за славное ведение этой войны, прозвание Забалканского. В той и другой части Турции русские войска опять покрыли себя неувядаемою славою. Граф Паскевич с 12-тысячным корпусом, должен быть бороться с турецкими военными силами, вчетверо сильнейшими. Но благодаря быстроте и смелости движений русских войск, предводимых отличнейшим вождем, турки были разбиты на всех пунктах, в короткое сравнительно время лета 1828 года такие первоклассные крепости, как Карс и Ахалцых, не говоря о других крепостях, менее важных, сдались после жестокого боя штурмом, а в 1829 году, кроме того, что граф Паскевич смелою и решительною, но в тоже время и весьма искусною политикою сумел уничтожить попытки султана турецкого привлечь к своему союзу шаха персидского, после того как в январе этого года чернь персидская в Тегеране умертвила русскую миссию с посланником, известным поэтом Грибоедовым во главе последней, тот же граф Паскевич своими быстрыми и решительными военными действиями, с корпусом войск лишь немного большим прошлогоднего, овладел даже столицей Анатолии, Арзерумом (или Эрзерумом), разбив на голову самого сераскира Арзерумского с его 50-тысячною армией. В европейской Турции русские войска в числе 115 тысяч в исходе апреля 1828 года перешли Прут и вступили в Молдавию и Валахию, жители коих встречали русских, как своих избавителей, за тем с большими трудностями переправились чрез Дунай, на противоположной стороне которого турецкие войска мешали наведению моста. Сам государь император руководил переправою и одушевлял войска своим присутствием. За Дунаем турки, не решаясь вступать в сражение с русскими войсками в открытом поле, заперлись в крепостях, из коих некоторые также были почти неприступны,

каковы: Шумла, с 40-тысячами воинов-защитников, Варна, с 20 тысячами таковых же, и другие. Но мало-по-малу не только второстепенные, а и первоклассные крепости не устояли против дружного натиска храбрых русских войск. Особенно же в 1829 году, когда весною, на место больного Витгенштейна, назначен был главнокомандующим энергичный и искусный Дибич, русские войска совершили чудеса храбрости и славы. Искусными маневрами выманив визиря из Шумлы в открытое поле, Дибич разбил его на голову, а потом перешел за Балканы и вскоре занял Адрианополь, – вторую столицу Турецкой Империи. В тоже время наши морские силы на Черном и Средиземном морях (в последнем с Архипелага), соображая свои действия с действиями сухопутных войск, взяли весьма важные приморские крепости и вошли в связь с войсками сухопутными.

Тогда-то султан турецкий, видя себя окруженным почти со всех сторон русскими войсками и боясь за судьбу самого Константинополя, – главной столицы Империи и своей резиденции, а в тоже время видя почти полное уничтожение своей армии, нашелся наконец вынужденным просить пощады у русского императора. Он прислать своих уполномоченных в Адрианополь, и они здесь, после непродолжительных прений подписали предложенные им условия мира, 2 сентября 1829 года. После столь славных побед и в Азии и Европе, император Николай мог бы предложить какие угодно условия мира, и султан принужден был бы согласиться на них. Но император русский, согласно ранее сделанному им заявлению, не хотел быть своекорыстен. Великодушие и честность были основными качествами его рыцарской души. Чуждаясь духа приобретений, он желал только восстановить силу прежних трактатов, обеспечить торговые выгоды русских подданных в Черном и Средиземном морях, обезопасить пределы своих владений в Азии и утвердить благосостояние покровительствуемых Россией единоверных и единоплеменных с нею обитателей Европейской Турции. Поэтому из всех завоеваний своих он удержал за собою только Анапу, Поты, Ахалкалаки и Ахалцых, крепости, необходимые для обеспечения ваших владений в Закавказском крае. А за тем, кроме обеспечения свободы русской торговли на

морях Черном и Средиземном, главное внимание великодушного победителя было сосредоточено на улучшении участи христианских подданных в Турции. В этом отношении Адрианопольским миром и вообще победами России над Турцией достигнуто было то, что Молдавия, Валахия и Сербия получили все права, раньше обещанные им разными гаттишерифами, Бухарестским трактатом 1812 года и Аккерманскою конвенцией 1826 года с тем дополнением, что Турция обещалась теперь не вмешиваться в дела внутреннего управления этих княжеств, а главное, – русскою кровью наконец добыто было освобождение Греции из-под многовекового владычества Турции и положено было начато теперешнему королевству Греческому.

Вскоре после заключения Адрианопольского мира, именно 22 января 1830 года, полномочные представители России, Англии и Франции в Лондоне подписали протокол, коим положено было: признать Грецию независимым государством, в пределах, постановленных протоколом 10 марта 1829 года (после Наваринского боя), т.е. причисляя к ней Морею, Ливадию, некоторые части территории, лежащей к северу от Морей, за исключением Аккарнании и части Этолии и некоторые из островов Архипелага; правлению в Греции быть монархическому, наследственному, с титулом короля для правителя и возвести в сей сан кого-либо из европейских принцев, по избранию союзных дворов. Выбор пал на юного принца Баварского, который и вступил на престол королевства Греческого в мае месяце 1832 года с именем Оттона I.

Все эти события, живо интересовавшие всех истинных сынов России, не могли, конечно, не интересовать и Филарета, как то видно и из некоторых его писем от того времени.⁵²⁴ Не мог он их обойти своим вниманием и в проповеди. Все эти события сгруппировал он в одном слове, произнесенном уже в 1830 году 25 июня, в день рождения государя императора, так как еще до получения официального сведения о заключении мира в Адрианополе осенью 1829 года он должен был ехать в Петербург для участия в заседаниях Святейшего Синода,⁵²⁵ а вернулся из Санкт-Петербурга в Москву, по обычаю, уже в мае

следующего 1830 года.⁵²⁶ Это слово в собраниях проповедей Филарета так и называется «Словом на заключение мира с Оттоманскою Портой в 1830 году». Оно сказано на текст пророчества Исаии: *и будут дела правды мир, и одержит правда покой*, а уповающе будут до века (Ис.52:17).

Вот начало проповеди, в котором содержится указание на интересующие нас события: «И так, слава в вышних Богу! Мир на земле Российской, и чрез миротворчество России, мир на землях многих! Мир, достойный быть изображен сими пророческими словами: *будут дела правды – мир, и одержит правда покой*; а посему достойный также сей пророческой надежды, *и уповающе будут до века*! Если бы могущественный самодержец жаждал только бранных побед, то став одною ногою в Адрианополе, а другою в Эрзеруме, он не утерпел бы, чтобы не сделать еще шага, дабы до земли унижить высокую Порту. Но великодушный монарх, как решился в начале брани, так и среди успехов оружия остался при первоначальной решимости действовать не столько правом силы военной, сколько мирною силою правды.

Среди отверстых, так сказать, врат к новым победам, от торжественных кликов славы, он обратил все внимание к тихому гласу человеколюбия. Сие не земное величие духа явил в себе благочестивейший государь, и плод оного есть мир, ознаменованный многочисленными делами правды и человеколюбия. Правда договоров восстановлена и ограждена; неправды против россиян и против России заглажены вознаграждениями⁵²⁷ христианским народам, под нехристианским правительством оказано верное покровительство, и если хотим быть внимательны, можем усмотреть, что с делами правды царевой, тайным неким, но действительным союзом связаны дела правды Божией, ибо тот самый властитель,⁵²⁸ который за девять лет пред сим, в день Пасхи, первого священно-начальника христианской Греции предал мученической смерти,⁵²⁹ в нынешнем году, в день же Пасхи, должен был утвердить независимость христианской Греции, независимость, которой Европа, соединенными силами Наваринской битвы, соединенным искусством продолжительных

переговоров, не могла достигнуть, и которой достиг император Российский без приметных усилий, миром». «Вот, христиане, – обращается теперь к слушателям наш вития, дабы сделать для них ясными нравственные выводы из описанных событий, – очевидный для целого мира пример верности и непреложности Божественных изречений, что будут дела правды мир, то есть, дела справедливости, благодати, непорочности, или естественно, или сокровенным действием Провидения, превращаются в мир, в благоуспешность, в благополучие, что *одержит правда покой*, то есть добродетель истинная, наитием *Духа от Вышнего* (Ис.32:15), возбуждаемая и управляемая, одерживает победу над всеми препятствиями и достигает покоя, в делах общественных – общественного, в делах духовных – духовного, что люди сего рода *уповающе будут до века*, то есть только на добродетели, на благодати, на непорочности основанное благополучие благонадежно и прочно». Далее следует приложение этих истин к жизни слушателей посредством изображения и этой жизни как воинствования духовного на земле и посредством указания их нравственных обязанностей в виду сего.⁵³⁰

В таких выражениях начало приведенной проповеди Филаретом обработано было гораздо позже её произнесения, именно для напечатания в Христианском Чтении за 1840 год и в Собраниях его слов и речей изданий 1844–1845 и 1848 годов. В первоначальном же своем виде она имела значительную с тем разницу. И во-первых, так как она произнесена была, как мы знаем из вышесказанного, в день рождения государя императора, то в начале своем имела следующие слова: «Если молясь за царя ежедневно с благодарением за ежедневные блага, подаваемые нам чрез его управление, с особенным вниманием останавливаемся мы на сем граничном дне, которым он оканчивает и начинает год своей жизни, то прилично нам с особенным вниманием воззреть от сего предела на минувший год, и за благое, что в нем совершилось, воздать славу Богу». После сего и следуют слова: «И так, слава в вышних Богу!» и т.д. А за тем, во-вторых, весьма знаменательные выражения были употреблены Филаретом и в

самом начале описания отношения императора Николая к Порте. Именно в первоначальном виде проповеди, список которой сохранился лишь в рукописи, напечатанной в указателе сочинений Филарета при журнале: Чтения в обществе любителей духовного просвещения за 1869 год, это начало читается так: «Если бы могущественный Николай, судьбой, также как и именем своим, обреченный к победам над народами,⁵³¹ жаждал только бранных побед, то, став одною ногою в Адрианополе, а другою в Эрзеруме, наступив, так сказать, на руки Турецкой Империи, он не утерпел бы, чтобы не сделать еще шага, дабы попать главу её, дабы уничижением Стамбула может быть поднять Константинополь». Далее встречаются лишь незначительные изменения в том же описании.⁵³² Таким образом Филарет, зорко следивший за современною ему политикою правительства, уже тогда проникал умом своим в коренные задачи так называемого восточного вопроса для России, доселе еще окончательно не разрешенного.

В последствиях войны Турецкой обнаружилось, как мы указывали, редкостное великодушие российского монарха-победителя в отношении к побежденной султану турецкому. Еще ярче обнаружилось это великодушие Русского Царя в последовавших за этою войною событиях. Дело в том, что паша египетский Мегмед-Али, усилившись, благодаря продолжительному (с 1805 года) искусному управлению Египтом, до того, что имел более 30 военных кораблей и до 130 тысяч регулярного войска, и видя Турцию ослабляемою и внутренними мятежами и внешними несчастными войнами, задумал отложиться от неё и завоевать себе независимость. Под разными предлогами он перестал платить дань султану и отказался помочь ему в его последней войне с Россией. А по окончании этой войны он восстал явно. Сильное войско египетское, под предводительством сына его Ибрагима, в 1831 году вступило в Сирию, под предлогом наказания паши сирийского Абдалы, а между тем на деле двигалось все далее и далее к северу и занимало все большую и большую область владений султана. Последний сначала предлагал было

грозному вассалу своему рассудить его с сирийским пашой; но тот не внимал голосу своего повелителя. Тогда Махмуд объявил его мятежником и врагом своего государя и пророка Магомета. Однако, и это средство, прежде столь сильное, теперь было бессильно. Мегмед-Али не убоился этой угрозы, и сын его Ибрагим шел все далее и далее. Султан вынужден был поднять против него оружие и послал сильное войско против Ибрагима в Сирию. Но это войско было разбито на голову Ибрагимом. Та же участь постигла и другую еще сильнейшую армию султана. После того войск у султана больше не оставалось, и дорога к Константинополю для Ибрагима была открыта, и он уже появился близ Бруссы, недалеко от Константинополя.

Султан был в отчаянном положении. Еще в начале войны с своим вассалом он, как бы предчувствуя опасность, обращался за помощью к европейским державам и особенно к тем из них, которые на словах постоянно ратовали за целостность Оттоманской империи, в войнах последней с Россией. Более всего надеялся он на помощь со стороны Англии и Франции. Но эти державы помощь ему оказывали только на словах, а не на деле. Иное увидел он от государя и Империи, которых считал враждебными себе. При первом известии о восстании в Египте, император Николай, не помня зла, а имея в виду лишь восстановление строгой законности и порядка, повелел Российскому консулу в Египте немедленно выехать из Александрии. Уже это одно обстоятельство показало султану великодушие и благородство действий государя императора Всероссийского и внушило ему мысль обратиться к последнему за помощью. И он получил ее. Император Николай отдал два повеления, генералу Муравьеву в Александрии выразить порицание мятежному вассалу султана за его образ действий и угрозу войною в случае неисполнения требования о приостановке военных действий против султана, а послу Бутеиеву в Константинополе – по первому требованию султана вызвать к нему на помощь русскую черноморскую эскадру.

Мегмед-Али, убоявшись угрозы, отдал было приказ Ибрагиму остановить неприязненные действия против султана, но потом, когда у него явилась надежда на устранение

опасности со стороны России, а между тем с другой стороны подстрекаем был и честолюбием, и европейскими державами к войне, снова начал сам и сыну приказал продолжать военные действия против Турции. Тогда русский флот из 20 кораблей, под главным начальством генерал-адъютанта графа Орлова, приблизился к Константинополю; а 10 тысяч человек пехоты расположились лагерем на Азиатском берегу Турции, под начальством генерала Муравьева, в ожидании сражения с Ибрагимом. Как турки, так и в особенности европейские державы были сильно смущены этим появлением русских войск близ Константинополя, перетолковывая его в смысле желания России занять Константинополь. Но сам султан Махмуд вполне доверился бескорыстью и великодушию русского императора, который возвестил Европе, что «флот и войска его останутся в занятой ими позиции, доколе египетская армия не перейдет обратно за Таврийские горы». И султан не обманулся в своей надежде на великодушного императора. Когда русский офицер проводил Ибрагима за пределы Сирии и вызванные Мегмедом-Али египетские войска перешли за горы Таврийские, тогда и флот, и войска русские удалились от Константинополя. Это было в 1833 году. Благодарный русскому императору султан заключит с ним оборонительный союзный договор, по которому обязался между прочим, не пропускать чрез Босфор и Дарданеллы военные суда всех держав иностранных.

Имея все это в виду, святитель московский Филарет еще от 22 апреля 1833 года писал к наместнику лавры Антонию: «Помолимся о соединении веры, да и о мире мира, и о успехе миротворчества, которым занимается государь наш, и которого не понимают лукавые духи Европы».⁵³³ Затем и в слове на день коронации 22 августа того же 1833 года, сказанном на текст: *побеждай благим злое (Рим.12:21)*, ваш святитель-вития между прочим, говорил: «поставьте себя на пределах двух империй, двух частей света и двух религий, и посмотрите на оконченное недавно⁵³⁴ дело умирения на Востоке. Сделаться благодетелем, охранителем, спасителем царства, недавно враждебного, и только победами доведенного до примирения, не есть ли сие такое дело царской доблести, которое приносит новое светлое

украшение венцу благочестивейшего императора нашего, новую славу Его царствованию? Славу сего дела особенно провозглашать должно здесь, в церкви, поскольку оно есть великолепное исполнение благородного правила христианского – *побеждай благими злое*. Дело сие не только славно для царя и народа, но и полезно для христианства, ибо весь не познавший Христа Восток видит теперь в сем славном деле, к какой чистой, бескорыстной, возвышенной верности и благотворительности располагает вера христианская сердца царя и народа». ⁵³⁵

После умиротворения Востока. Россия, целых 15 лет не тревожимая никакими внешними событиями, все внимание свое обратила на внутренние дела свои. На преуспевание внутреннего благосостояния страны и её обитателей, и только в 1848–1849 годах снова вынуждена была взяться за оружие в виду течения дел внешней политики. Революционные движения, главным гнездилищем которых и теперь, как в царствование Александра I, была Франция, к этому времени разрослись до ужасающих размеров. Одна Франция, вследствие революции, в течение времени царствования Николая три раза меняла свое правительство: в 1830, в 1848 и в 1851 годах. Июльская революция 1830 года в Париже покончила с царствовавшим доселе домом Бурбонов в лице Карла X, представителя сего дома и вместе представителя законной монархии. Карл X был и извержен и на его место вступил представитель младшей, Орлеанской линии Людовик-Филипп. Но уже не как неограниченный монарх, а как король, власть которого была ограничена конституцией. Вместе с тем и в связи с революцией, главнейшим двигателем которой было среднее сословие народа, начаты быть вводимы в дело и жизнь самые разрушительные начала конституционализма и революции. Уничтожение прав состояния и наследства, общность должностей и капиталов, неограниченная законами свобода слова и действий и т.д., были естественными последствиями приложения этих начал к жизни и в свою очередь вели к разрушению существующего порядка.

Не смотря на свою уступчивость, Людовик-Филипп, само собою разумеется, далеко не во всем мог угодить заправителям конституции, и после 18-летнего правления, вследствие февральской революции 1848 года, должен был оставить престол и удалиться в Англию, а Франция объявила себя республикою. Но не более как чрез 4 года после того, именно 2 декабря 1851 года, избранный в президенты республики всеобщую подачею голосов принц Людовик-Наполеон, племянник Наполеона I Бонапарте, путем государственного переворота, овладел неограниченною властью, а год спустя восстановил основанную дядей его французскую империю и принял титул императора, с именем Наполеона III. Но уже июльская революция 1830 года не осталась без вредного влияния на умы в Европе и, между прочим, воздействовала на возникновение и у нас в России Польского мятежа, о котором мы еще будем говорить в свое время. Еще пагубнее подействовала на умы февральская революция 1848 года. В 1830 году оставалась, хотя, тень единоличной власти в лице конституционного короля, а в 1848 году прямо установилась республика, со всеми вредными проявлениями и действиями многоначалия и в тоже время безвластия, и продолжалась почти четыре года. Благодаря февральской революции 1848 года, революционные вспышки быстро распространились и по всей Западной Европе. Так уже в марте того же года революционного характера беспокойства проявились в Гамбурге, Берлине, Стокгольме, Парме и т.д. и потребовали вооруженного вмешательства со стороны местных правительств. Затем, вследствие волнений такого же характера в Мюнхене, король Баварский отказался от короны в пользу сына своего Максимилиана II. Шлезвиг-Гольштейн отложился от Дании и учредил у себя временное правительство. В Палермо торжественно открыт был парламент, и т.д.

Но особенно потерпела в этом отношении Австрия, составленная из разно-племенных народов. Ломбардо-Венецианские города возмутились против Австрии. В Кракове также произошел мятеж, едва прекращенный после жестокого боя между мятежниками и австрийскими войсками. Кровавый

бунт в Праге усмирён был также только после сильного бомбардирования города. Но более широкие размеры приняло и более опасные последствия имело восстание в Венгрии. Но по поводу местных и племенных споров и притязаний возникли неприятности между венграми и хорватами. Интересы первых защищал главный венгерский министр граф Баттиани, а права вторых бан Иелашич, на стороне которого были и императорские австрийские войска. Австрийское правительство утвердило основанные на законах справедливости предложения хорватов. Это-то обстоятельство и послужило поводом к восстанию венгров против австрийцев. Мелкие стычки между войсками венгерскими, бывшими в числе 40 тысяч, и австрийскими, усиленные хорватскими войсками бана Иелашича, вскоре перешли в настоящую войну. В конце сентября 1848 года вспыхнул мятеж в самой Вене. И между тем как бан Иелашич занял Пешт и Пресбург, венгры двинулись к самой столице Австрии – Вене, где императорских войск было всего только 15 тысяч. Положение было критическое, и только по прибытии Иелашича с его войсками столица была освобождена от мятежников, и последние были оттеснены на правый берег Дуная.

Тем не менее, в виду этого печального положения дел император Фердинанд V отказался от престола в пользу племянника своего Франца-Иосифа, который нашёлся вынужденным обещать расширение прав венгерской нации в различных отношениях. Но отступив от столицы австрийской империи, венгры вовсе не отступили от своих планов, более широких, чем то обещано им было новым императором, и усилившись новыми подкреплениями, имея таким образом всего войска свыше 50 тысяч человек с 150 орудиями, они представляли собою такую силу, с которою вскоре не оказались в возможности бороться успешно и сами правительственные войска, общая численность которых едва лишь немногим превышала ту же цифру, если бы весною 1849 года не прибыли на помощь к ним, по просьбе императора австрийского, русские войска. Император Николай, основные политические убеждения которого нам известны, само собою разумеется, никогда не мог

сочувствовать революционным движениям, где бы и в каком бы виде они не проявлялись. Только монархический неограниченный образ правления считал он вполне законным и правильным. А потому не только республиканский, но и конституционный образ правления не был ему по душе. «В глазах императора Николая король *волею народа* не был равноправным членом семьи государей *Божией милостью*». ⁵³⁶ И этим-то объясняется его постоянное нерасположение к Франции с тех пор как в 1830 году в ней покончился восстановленный было после войны 1813 года монархический образ правления. ⁵³⁷

Само собою разумеется, тем меньшее расположение его могли заслужить революционные движения, произведенные Францией. И так как представлялось возможным, что такие движения проникнут и в Россию, то государь император, в самом начале революционных движений западноевропейских, именно 14 марта 1848 года издал манифест, в котором между прочим, говорил, имея в виду как широкое распространение мятежа по западной Европе, так и в особенности слухи о смутах, угрожавших будто бы и России: «да не будет так! По заветному примеру православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою нашею Русью, защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших. Мы удостоверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш ответит радостно на призыв своего Государя, что древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество, и ныне пред укажет нам путь к победе, и тогда в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на Него упования, мы все вместе воскликнем: *С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, Яко с нами Бог!*» ⁵³⁸

Вследствие такого твердого решения императора – не допускать с запада в Россию стихий, могущих служить заразою революционную, войска наши были поставлены на военную ногу, учреждены особые резервы и в весьма значительном количестве двинуты к западным пределам России. И эта мера

оказалась весьма благоразумною и благовременною. В начале марта 1819 года австрийское правительство, истощенное в борьбе с восставшими венгерцами, обратилось к Государю императору Всероссийскому с просьбою о военной помощи. Государь император обещал помощь, но лишь на следующих условиях: 1) чтобы способ и мера этой помощи были определены Его Величеством; и 2) чтобы русские войска действовали отдельно от австрийских. Правительство австрийское приняло эти условия и снова повторило свою просьбу о помощи в апреле. Тогда началась так называемая венгерская кампания. Центром русской армии, общая численность которой доходила, до 190 тысяч человек при 500 орудий, назначена была Галиция и главнокомандующим назначен фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский. Против Трансильвании должен был действовать генерал Лидерс, а генерал Панютин должен был отправиться к Пресбургу⁵³⁹ для соединения с австрийскою армией, наконец задача генерала Засса состояла в том, чтобы отвлекать венгров от преследования австрийских войск. 5 мая государь император прибыл в Варшаву для свидания с императором австрийским, а потом сам повел войска до границ Венгрии и затем передал их своему сыну, Великому Князю Константину Николаевичу, которого оставил вместо себя при армии для ободрения последней в её действиях против мятежников. Не смотря на то, что число войск у мятежных венгров теперь доходило до 200 тысяч человек и 350 орудий, не смотря на то, что они предводимы были такими славными полководцами, как Гергей, Бем и другими, наконец, не смотря на ожесточенную борьбу мятежников с правительственными и русскими войсками, благодаря последним, в восемь недель венгерский мятеж был усмирён. После многих поражений, понесенных мятежниками от русских (и частью австрийских) войск, они положили оружие или рассеялись. 1 августа Гергей или Георги, сдаваясь безусловно русским войскам, писал графу Ридигеру: «дальнейшее кровопролитие я признаю бесполезным и для Венгрии пагубным. Я безусловно слагаю оружие пред войсками Его Величества императора Всероссийского, торжественно

объявляя, что скорее подвергну весь мой корпус истреблению в отчаянной битве против сильнейшего противника, чем решусь безусловно сложить оружие пред австрийскими войсками».⁵⁴⁰ Таким же образом и другие полководцы мятежных венгерских войск и крепости мало-по-малу сдавались войскам русским, полагаясь на великодушие последних. Положило оружие более 80 тысяч мятежников. сдано до 150 знамен и до 400 орудий (войсковых и крепостных). Русские войска исполнили свой долг и покрыли себя новою славой. «Честь и слава вам, – возвещал свою милость государь император в высочайшем приказе армиям от 22 августа 1849 года, – честь и слава вашему победоносному вождю. Вы себя, как и всегда, показали достойными прозвания Всероссийского победоносного воинства. Благодарю вас всех и каждого, я вами доволен, вами горжусь».⁵⁴¹

Эти слова возлюбленного монарха были наилучшей наградой войскам за их победоносный подвиг в венгерскую кампанию. Те же слова и остальным сынам России должны были показать, какие чувства одушевляют повелителя России, какие заботы и мысли наполняют Его преданную благу отечества душу. Могли ли в свою очередь и они относиться равнодушно к событиям времени, к которым он относился так неравнодушно? Мог ли в частности Филарет, как истинный сын России и духовный воевода сынов России, опускать своим вниманием и для их внимания эти события? Еще прямо по возникновении февральской революции 1848 года он писал наместнику Лавры архимандриту Антонию от 4 марта сего (1848) года: «что делается во Франции, теперь уже читаете в ведомостях. С одной стороны оправдания Господня явишася Филипп,⁵⁴² корону, поверенную Карлом для хранения, взял себе, и принужден отдать. Оттолкнул наследника, и его наследника оттолкнули. Мятежники 1830 года, приятели Гизо, напали на министерский дом Полиньяка. Мятежники 1848 года напали на министерский дом Гизо, тот же самый. Но затем горе Франции, и, вероятно, горе Европе! Господь да помилует Россию».⁵⁴³

И подлинно Господь помиловал Россию от революции, но зато Европа, как мы уже знаем, много пострадала от революции, начавшейся в гнездилище её – Франции. «Во Франции, – потому писал от 14 июня того же 1848 года Филарет в отеческое предостережение одному из сынов России (А. Н. Муравьеву), собиравшемуся путешествовать по Европе, видны две партии: худая и злая. Теперь на седищах власти держится более худая, а злая старается ее столкнуть. Если это не удастся, может продолжиться в Европе время, не беспокойнее нынешнего, а если удастся, то нынешний дым и смрад может обратиться в пожар, и на вашу путническую милость в Константинополе, в Афоне, в Греции могут упасть головы».⁵⁴⁴

Этот своеобразный несколько, но меткий и верный взгляд на французскую революцию 1848 года и на её отношение к России и Европе отражается и в проповедях нашего святителя. С особенною силою и обстоятельностью высказал и развил Филарет в своем слове на день «восшествия на Всероссийский Престол благочестивейшего государя императора Николая Павловича», говоренном в Чудове монастыре 26 ноября 1848 года и сказанном на текст *Боже песнь нову воспою Тебе, во псалтыри десятиструннем пою Тебе, дающему спасение царем* (Пс.143:9–10). В этом слове проповедник, указав значение приведенного сейчас текста в истории ветхозаветного народа Божия и, обратив особенное внимание на изъяснение слов *песнь нову*, обращается к своим слушателям с следующими словами: «и мы ныне, благодарственно воспоминая день, в который Бог *вознес избранного от людей своих*, даровал нам благочестивейшего самодержца нашего, не новую, а всегдашнюю приносим за него молитву, но при мысли о новых событиях, сердце исполняется новыми благодарными чувствованиями к *дающему спасение царю* – третье десятилетие вращая скипетр огромного царства твердою рукою, много имел он царственных опытов, много совершил подвигов, много, хранимый и покровительствуемый Богом, преодолел трудностей, но еще нового рода испытание царского духа и мудрости представил совершившийся ныне год.

В царствах более или менее союзных с Россией, и частью соседних, у народов многочисленных, образованных, в минуты дремания правительств, из вертепов тайных скопищ, безнравственных и безбожных, внезапно исторгся вихрь мятежа и безначалия, который, колебля и разрушая порядок одного царства по другому, угрожал миру и безопасности всех народов Европы, а против державы Российской особенно дышал яростью с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира. Здесь можно сказать с Девворою: *велия испытания сердца* (Суд.5:16)! И терпение хранить было трудно, и дать свободу ревности неудобно. Оставаться в бездействии было не безопасно, и могла чрез сие увеличиться дерзость врагов мира, но и действовать было не благовременно, и сие могло доставить предлог ищущим случая воспламенить войну. *Велия испытания сердца*. Но сердце царево утвердилось во Господе, и не поколебалось от трудностей. Благодетельнейший государь, с обычною Ему откровенностью, сказал свое царское слово своему народу о тревожных движениях за пределами России, могущих приразиться и к её пределам, и изъявил свою волю, равно непоколебимую, как в том, чтобы хранить мир, так и в том, чтобы отражать врагов мира.⁵⁴⁵ Внутренним движением военных сил к угрожаемым пределам, не выходя из мирного положения, он стал в положение грозное, и, таким образом, нравственно подкреплял верных союзников и друзей порядка и мира, и поражал издавеча дерзость мятежа и безначалия. Если некоторые соседние государи, которым безначалие, даже не покрываясь личиною, противостояло во всем своем безобразии, с самыми разрушительными усилиями, благонадежно и с успехом противопоставили ему законную власть и силу – сему, без сомнения, не мало споспешествовало то, что за ними стоит крепкий защитительный оплот единоначалия и всякой законной власти – Россия. Итак, не новое ли это, что самодержец России мановением скипетра действует так сильно, как оружием, не прерывая мира, побеждает одну из самых враждебных сил, словом угашает возгоравшуюся войну, величественным молчанием заграждает огнедышащие уста? И год тревог и

ужасов для многих народов у нас остался годом мира и спокойствия, Боже, *песнь нову* воспеваем Тебе, *дающему спасение царю!*»⁵⁴⁶

Но знаменитый вития наш не ограничился одним внешним, так сказать изображением революции, а проник зорким умом своим и в её глубочайшие причины и внутреннюю сущность, приглашая и слушателей своих к рассмотрению сего последнего. Так в той же самой проповеди, из которой мы сейчас сделали выдержку, он, задавая вопрос о том, «какие обстоятельства возбудили» псалмопевца «к новой песни о спасении царей», и по обыкновению весьма искусно подходя к главному предмету, говорит: путь к разрешению сего вопроса мне видится в самом псалме. Псалмопевец молит Бога: *избави мя от вод многих, из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды* (Пс.113:7–8). И в след за сим восклицает: Боже, *песнь нову* воспою Тебе, – *дающему спасение царем*. Чтобы понять сей внезапный переход от скорбной молитвы к торжественному восклицанию, необходимо предположить, что в людях, которых уста глаголют суету, которых десница есть десница неправды, он видит великую опасность не только для частных людей, но и для царства; и потому избавление от таких людей признает великим благодеянием Божиим, достойным торжественной благодарности. Что умножение людей, которых десница есть десница неправды, вредно и опасно не только для людей в частности, но и для общества, о том сомнения не предвидится. Но неужели так же вредны и опасны и те, *ихже уста глаголют суету*? Многие ли уста так строги, что бы никогда не глаголати суеты?

Чтобы рассуждать о сем основательно, требуется не поверхностный взгляд на суету. Соломон написал целую книгу для изъяснения суеты, но для сего довольно взять только начало и конец его книги. В начале её сказано: *всяческая суета* (Еккл.1:2); а в конце: *Бога бойся, и заповеди Его храни*, яко сие всяк человек (Еккл.12:13). Соединив сии мысли, находим, что, по учению Соломона, все, возвышающее человека над суетою, заключается в страхе Божиим и в хранении заповедей Божиих; и

что, напротив того, вне страха Божия и хранения заповедей Божиих, все в человеке есть суета. Итак, уста, глаголющие суету, которых псалмопевец боится, как потопа, означают усиленное обнаружение образа мыслей, в основании которого нет благоговения к Богу и Его заповедям. *Избави мя*, говорит, *от вод многих, из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету*. Мужа боговдохновенного, конечно, нельзя подозревать в напрасном страхе, или в малодушии. Если же указуемая им опасность от суеты действительно изведена, то хорошо ли мы поступаем, если видим, слышим и, может быть, себе позволяем суету без опасения и осторожности? И в наше время, и близ нас не умножаются ли уста, глаголющие суету, в забвении Бога и Его заповедей? Не глаголют ли они часто свободно, обаятельно, в беседах, на зрелищах, в книгах? Дело суеты начинается тем, что уменьшается внимание к Божественному и вкус к духовному, и усиливается склонность к чувственному, пленяются изящным, ищут приятного, с охлаждением к истинному и доброму; более занимаются игрою страстей, нежели слушают рассудка и нравственного чувства. Но как Божественное, духовное, истинное, доброе, бессмертно, и потому сродно бессмертной душе человеческой, и доставляет ей постоянное услаждение, а чувственное – тление, и потому для бессмертной души неудовлетворительно. Приятное, не упроченное истинным и добрым, есть мгновенно, и перестает быть приятным при повторении и пресыщении, от чего рождается неприятная жажда нового, страсти, при ослаблении вожжей рассудка и нравственного чувства, легко превращаются в бешеных коней, то дело суеты, получив силу, не может остановиться на одних забавах, но, смотря по обстоятельствам, больше или меньше, скорее или медленнее, подается вперед. Куда? Это, к сожалению, слишком очевидно в наше время у *сынов чуждых*. Многочисленные у них уста, *глаголющие суету*, сперва говорили суету приятную, потом нескромную, потом соблазнительную, потом явно порочную, наконец возмутительную и разрушительную, взволновали умы; вызвали, поощрили, даже вновь образовали людей, *ихже десница – десница неправды*, и, таким образом, произошли, по выражению

псалмопевца, *воды многи* – потоп зла, который подмывает основания всякого благоустройства и благосостояния общественного и частного... Благодарение Богу и покровительствуемому Им благочестивейшему государю, что мы охранены *от вод многих, и от сынов чуждых, ихже уста глаголют суету, и десница их десница неправды!*»

Но к сему вития добавляет заключительное наставление: «да сохраняем себя со своей стороны достойными вышнего охранения! Средство для сего, простое и верное, то, которое предложил Соломон, и которое, как лучшее из наследств, передали нам наши предки:⁵⁴⁷ *Бога бойся, и заповеди Его храни; яко сие всяк человек;* в сем достоинство, благо и блаженство, человека и человечества. Аминь». ⁵⁴⁸

Затем весьма меткую и верную характеристику начал революции Филарет представил в своем слове «на день тезоименитства государя императора Николая Павловича», говоренном в Чудове же монастыре 6 декабря того же 1848 года на текст: *яже свыше премудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна (Иак.3:17)*. Развивая и раскрывая понятие «о свойствах истинной премудрости» в сем слове, святитель вития, между прочим, говорит: «В наше время у некоторых народов возникла новая мудрость, которая вековыми трудами государственной мудрости обработанные и усовершенствованные государственные установления находит не только требующими исправления, но совсем негодными и хочет все переломать и перестроить. По огромности предприятия можно подумать, что это должна быть огромная мудрость, и вот случай прельщения. И так, может быть, не излишне испытать сию новую мудрость на оселке апостольском. *Чиста* ли она? Нет. Она совсем не говорит о благоговении к Богу, которое есть единственный источник чистоты, и потому не имеет мысли о том, что христианство называет чистотой. *Мирна* ли она? Нет. Она живет и дышит распрями не только её последователей с не последователями, но и последователей между собою. *Кротка* ли? Нет. Надменна, и дерзновенна. *Благопокорлива* ли? Нет. Мятежна. *Исполнена ли милости и*

плодов благих? Нет, жестока и кровожадна. Несумненна ли? Напротив, она ничего не произвела, кроме сомнений, подозрений, нареканий и недоверия. *Не лицемерна ли?* Она переменяет личину за личиною, смотря потому, какою, когда лучше прельстить можно. По сему какая это мудрость? Очевидно не та, которая свыше. Какая же? Не беру на себя дать ей имя. Вашему проницанию и беспристрастью предоставляю выбор из имен, предложенных апостолом: *земна, душевна, бесовска*». ⁵⁴⁹

Кроме того, когда пламя февральской революции распространилось по Европе, когда оно стало угрожать пожаром и России, когда, как для предупреждения сего пожара, так и на случай утушения пламени, император Всероссийский решил издать вышеупомянутый манифест и двинуть свои войска к пределам Империи, смежным с областью революционных вспышек, тогда святитель-вития счел особенно нужным выдвинуть в своей проповеди вопрос о богоучрежденности наследственной царской власти и о благопотребности её для народа, вопреки мнениям революционеров. Это он и делает в своей замечательной проповеди на день рождения государя императора 25 июня 1848 года, сказанной на текст: *клятсся Господь Давиду истинною, и не отвержется её, от плода чрева твоею посажду на престоле твоем (Пс.131:11)*.

Здесь вития, установив, на основания сего текста, вышеупомянутые «коренные положения царского и государственного права», говорит: «не россиянин, может быть, спросил бы меня теперь: почему на постановленное Богом для одного народа, и на обещанное одному царю, я смотрю, как да общий закон для царей и народов? И я не затруднился бы ответить: потому что закон, истекший от благодати и премудрости Божией, без сомнения, есть закон совершенный; почему не предлагать для всех? Или ты думаешь изобрести закон, который был бы совершеннее, нежели закон, истекший от Божией благодати и премудрости? От россиянина могу ожидать иного вопроса: к чему труд удостоверения о Божественном учреждении и благотворности наследственной царской власти? Сие учение уже написано на сердцах россиян. Знаю,

возлюбленные, и радуюсь. Но если и не нужно удостоверять о том, что есть в сердце, тем не меньше естественно беседовать о том. Таков закон слова, который признала сама Премудрость: *от избытка сердца уста глаголют* (Мф.12:34). Кроме сего, время теперь повторять себе и подтверждать самые известные истины, потому что дух времени не оставил ни одной истины, которую бы не покушался колебать, или словом, или на деле. Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет: потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис.60:2) *Шаташася языцы, и людие поучишася тщетным* (Пс.2:1)

Перестав утверждать государственные постановления на слове и власти Того, Кем *цари царствуют*, они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престолы стали там не тверды, народы обьюродели. Не то, чтобы уже совсем не стало разумевающих, но дерзновенное безумие взяло верх, и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростью Божией. Из мысли о народе выработали идол, и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола неостанет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж. Не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнующееся море народов, которое частью поглощает уже, частью грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность. Но благословен *Запрещающий морю* (Мф.8:26)! Для нас еще слышен, в событиях, Его глас: *до сего дойдешь, и не преjdeши* (Иов.38:11). Крепкая благочестием и самодержавием Россия стоит твердо и спокойно, подобно каменной горе, у подножия которой *сокрушаются волны моря*. Она спокойна, потому что державная рука Помазанника Божия держит её мир, и сугубо спокойна, потому что это мир не дремлющий, но бодрствующий с оружием против ненавидящих мира. *С нами Бог!* Да призывает каждый из нас за единого с благочестивейшим самодержцем нашим.⁵⁵⁰ С нами Бог благодатью православные веры. С нами

Бог благодатным даром благословенного наследственного самодержавия. Да пребываем же и мы с Богом, чистою верою и достойною веры жизнью, непоколебимою верностью к богодарованному царю и соответственным единоначалию единоплеменникам! *С нами Бог*, верные Богу и царю, россияне! В Боге наша крепость. В нем надежда, от Него мир, и, если нужно будет, от Него победа. Аминь».⁵⁵¹

Когда же в марте 1848 года государь император Всероссийский, уже склонившись на просьбу императора Австрийского о помощи против восставших венгров и решившись выступить с своими войсками за пределы России, предварительно прибыл в Москву, чтобы, следуя обычаю своих предков, принять благословение от Московских святых святителей на предстоящее важное дело и поклониться Московской святыне, тогда Филарет, встречая его в Успенском соборе 27 марта и не имея еще в виду решительного повеления императора о начале венгерской кампании, мог его приветствовать между прочим, лишь следующими словами: «во дни, не обильные миром, твой народ в мире; потому что над ним бодрствует Твой самодержавный дух».⁵⁵²

Но вот 9 апреля назначен был молебен с водоосвящением в Георгиевской зале только что возобновленного пред тем императорского кремлевского дворца, в высочайшем присутствии. Назначение молебна именно в Георгиевской зале имело особый смысл вообще и в частности по отношению к предстоявшей венгерской кампании. При сем Филарету сам государь повелел сказать приличествующую случаю речь в наставление собранным в зале воинам и в ободрение их к предстоящему подвигу. И Филарет за молебном сказал такую речь, взяв в основание её объяснение названия залы дворца и окончив её следующим благожеланием и затем молитвою: «Да поможет Бог державной мудрости держать Российское воинство в таком, как ныне положении, чтобы один грозный вид его достаточен был отражать войну, и чтобы не было нужды поражать врагов. Но когда дерзость врагов и царственное правосудие вызовут вас к брани, вы вспомните тогда особенно сей чертог, и каждый полк, и каждый воин скажут единым

сердцем: станем подвизаться так, чтобы царь в своем Георгиевском чертоге веселым оком воззрел на имена полков наших! Боже воинств небесных и земных, праведно подвизающихся для царствия земного и небесного! Твоею помощью победивший врагов пророк, не без Твоего мановения поставил памятник победы, и нарек его *камнем помощи* (1Цар.7:12). Благослови и здесь устрояемый царственный памятник, – памятник не только мужества и побед христолюбивых русских воинов, но Твоей помощи, которою они победоносны и непобедимы. И благочестивейшему царю вашему даруй утешение видеть написуемые здесь имена всегда светлыми честью и добродетелью. Аминь».⁵⁵³

Об обстоятельствах произнесения этой речи сам Филарет от того же числа апреля писал наместнику Лавры Антонию следующее: «Сегодня был молебен в Георгиевской зале для основания памятника воинству, и, по повелению государя императора, я должен был говорить. Случай был необыкновенен, и не понятен, однако, государь милостиво слушал меня, и после сказал мне милостивое слово».⁵⁵⁴ При всем том лишь в мае стало окончательно и официально известно решение относительно венгерской кампании, и дан был приказ войскам о выступлении в поход. «Я думал, – писал Филарет тому же Антонию от 9 мая, – что дано нам ближе увидеть государя императора и его семейство, чтобы с большим утешением молиться о них, а оказывается, что и с большею печалью. Государь уже путешествует, и государь-наследник, и великий князь Константин Николаевич, вероятно, и Михаил Павлович выступят со своими командами. Всем разлука и забота. Господи, спаси Царя и Дом его, и Россию».⁵⁵⁵ Издан был манифест о начатии военных действий против мятежных венгров, призывавший сынов России к молитве об успехах русского оружия.⁵⁵⁶

Согласно тому, Филарет слово свое в день рождения государя императора 25 июня того же 1849 года, говоренное в Успенском соборе, так прямо и начинает: «Тогда как мы во внутреннем мире отечества, под мирным кровом дома Божия, соединенные мыслью о царе своем, благословляем день, в

который нам дарована Его жизнь, для блага нашего предназначения, – в таком же ли мире Он, зиждитель и охранитель нашего мира, предмет наших всеобщих молитв? И чем теперь занят дух Его? Не устремляет ли он орлиных, дальновидных взоров, за пределы отечества, чтобы наблюдать движения союзных и враждебных сил, и, в пользу одних и против других, направлять нравственную и военную силу России? Не обращает ли в тоже время также неусыпных, также пронизательных взоров на свою Россию, которой внутренние дела требуют Его мановений и во время Его занятия делами внешними? Не в борении ли Он с влечением сердца к своему августейшему семейству, после того, как отвлечен от него попечением о безопасности своего всероссийского семейства, и о восстановлении также и у других, более или менее союзных народов, общественного устройства. Если только не в конец оно там расстроено разрушителями всякого законного общества, которые, конечно в горькую шутку, называются *общественниками?*»⁵⁵⁷

Если при сих помышлениях, к радости о царе присоединяется забота, то тем паче должны мы благоговеть и молиться. Сего требовал от нас и сам благочестивейший государь недавним царским словом, изреченным в слух всех сынов России. Молитесь, сказал Он, потому что скоро могут начаться действия брани. Если предвозвещение брани поразительно для любви к человечеству, которая не желала бы пролития и вражеской крови: то, вместе с сим, в призвании, по случаю брани, к молитве находит утешение и торжество вера. Молитва веры должна приобрести царю союзника и поборника – в Царе Небесном. Но вот что не должно при сем остаться незалеченным особенно и мы. Не призванные в воинский стан и безоружные, не совсем чужды участия в войне, участия не только мысленного, но и действительного. Мы не участвуем в деле войны, однако, более или менее участвуем в достижении более или менее совершенного в ней успеха. Как это? Вникните, и увидите. Если для времени войны, по сему собственно случаю и предмету требуется молитва, то конечно предполагается, что молитва для войны может быть полезна.

Но известно, что не всякая молитва равно действительна. Итак, если наша молитва о подвизающихся на брани братьях наших единоплеменна, усердна, крепка, чиста, достойна, то она способна более или менее споспешествовать им в приобретении вернейшего залога побед. Божия благословения и помощи. Так, подвизаясь в молитве, мы становимся действительными духовными сподвижниками подвижников брани. Но если наша о них молитва не единоплеменна, не усердна, не крепка, не чиста, не достойна, то, по мере сих недостатков, она будет лишена действия, и мы лишим подвизающихся за нас братьев наших некоторой доли споспешествования, которую могли и должны были доставить им. Если же и совсем уклоняемся от молитвы за них, то уподобляемся малодушным воинам, бегущим с поля битвы, которые и мужественных смущают и затрудняют. Говоря сие, ни мало не уменьшаем значения и самостоятельности естественных сил и способностей, ни важности воинских дарований, искусства, ревности. Отдадим справедливость верности, благородству, искусству, мужеству наших вождей и воинов, но если молитва, Божие благословение и Божия помощь также не суть слова без значения, то Церковь и народ, молящиеся за воинство, суть не маловажный для воинства подкрепительный, а может быть, пред очами духа, – и предваряющий к победе отряд, по силе и достоинству молитвы».

И затем из слова Божия и примеров священной истории показав истинность своих мыслей о силе молитвы и веры в Бога для победы над врагами и о противоположном сему, прилагает это и к своему времени, говоря: «и в наше время не присутствуем ли мы при суде Божиим над некоторыми народами? Не можем ли примечать и то, как они привлекли сами на себя суд?» И потому, говорит, «да подвизаемся в молитвах о державе благочестивейшего царя нашего и о победе воинства Его, и да не лишим нашу молитву силы нерадением, или маловерием, или не достоинством жизни».

А в заключение, имея в виду слова взятого в основание проповеди текста: *аще Быша людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходил, ни о чесом же убо враги его*

смирил бых (Пс.80:14–15), вития как бы пророчески говорит: «Словеса Господни не мимо идут никогда, и потому тоже слово, которое было ветхому Израилю обличением прошедшего. Гласит новому Израилю, как наставление для настоящего и обетование для будущего: аще, людие Божии, слушаете Бога, аще, Новый Израиль, в пути его ходить будешь, *ни о чесом же враги твоя смирит*, и соделает тебя не только их победителем, но, как уже и было, даже избавителем их от домашнего их зла. Аминь»⁵⁵⁸

Действительно, в течение июля и первых чисел августа завершено было усмирение венгерского мятежа, как мы припомним из раньше сказанного. И Филарет, зорко следивший за событиями венгерской кампании,⁵⁵⁹ в царский день 22 августа (день коронации) нашел возможным сказать проповедь на тот же текст, что и 25 июня, и по сему начать ее так: «Сии слова Божией судьбы недавно, в подобный нынешнему день, полагали мы в основание размышления, призывая вас к молитве о помощи Божией во брани. К тем же словам имеем причину возвратиться ныне. Бог *смирил* врагов наших. Сказать ли: *смирил ни о чесом же?* – не решаюсь. Наше воинство понесло труд долгих и трудных путей. Боролось не только с врагами, но и с природою. Проникло сквозь ущелья гор, которые сколь легко было врагам преградить, как уже почти загражденные природою, столь трудно было нам сделать проходимыми. Дало несколько битв против врагов, которые не имели недостатка ни в воинах, ни в предводителях, ни в оружии, ни в предприимчивости, словом, ни в чем, – кроме справедливости и законности. Города, селения, пути, – все надлежало воинству нашему оспаривать у оружия врагов, а где они не полагались на свое оружие, там обращали убийственную руку на свою землю и свою собственность, чтобы опустошение и лишение обратить в оружие против нас. Так, по их расчетам, самая победа, которая вела бы нас внутрь их земли, должна была вести к неисходной пропасти. Но *солга не правда себе*, а правда не обманута. Бог дал свое покровительство законности и справедливости, и русское воинство превозмогло все трудности: его верность, мужество, непоколебимость над всем

восторжествовали. Наконец, да не мимо идет слово Божиих судеб, враги наши представляют и то, конечно, неожиданное для врагов, явление, что они смиренны ни о чем же, принуждены без сражения отдаться победителям. Не знаем, начали ли они понимать законность и справедливость, но видим, что из опытов настоящей войны они поняли, во-первых, ненадежность своего противоборства, во-вторых, достоинство русского царя и его воинства.

Одна мысль о своей ненадежности могла бы повести их не к покорности, но к действиям более дерзким и отчаянным, но мысль о достоинстве русского царя и его воинства вела и привела их к заключению, что не мало чести заключается и в том, чтобы признать себя побежденными русским, а не иным воинством, чтобы безусловно предать себя великодушию русского царя. И, таким образом, главный между ними властитель и вождь,⁵⁶⁰ хотя, имел еще сто сорок огнедышащих уст,⁵⁶¹ готовых поддерживать его жажду брани и надежду военной славы, предпочел, однако, надежду мира, который безусловною покорностью мог получить для себя и для своего народа от Самодержца Всероссийского. Приветствуем тебя, Богом венчанный и помазанный государь! Бог благословит Твою ревность о защите законности. Дал доброе свидетельство твоей правоте, хранящей союзные договоры не в письме, но на деле. Твои всегдашние попечения о твоём воинстве вновь оправданы. Без царные пруги, опустошающие землю, удалены от твоих пределов. Мечта самодельного народо-державия, взволновавшая многие народы, многих царей, приведшая в недоумение, некоторых поколебавшая, некоторых даже низринувшая, обличена державною властью, сущою от Бога, и возвращается из неудачной действительности в область мечтаний. Остается нам желать и молить Бога, чтобы достойный конец увенчал достойное конца дело, чтобы победа законности распространилась всюду, где против неё была воздвигнута брань, чтобы благодарность за бескорыстную помощь утвердила союзников царя нашего в союзнической верности, в которой он тверд по правоте и великодушию, чтобы успокаиваемые подвигами его соседи представили ему единственное, какое

могут, вознаграждение, успокоение от подвигов, отвне мир, в котором беспрепятственно может сеяться, возрастать и созреть плод внутреннего благоустройства и благосостояния».⁵⁶²

Далее вития делает применение сказанного к слушателям и предлагает нравственное им назидание.⁵⁶³ Эта проповедь или слово, которое, без сомнения, не даром от современников прозвано было «сильным и красноречивым»,⁵⁶⁴ вместе с проповедью на 25 июня, тесно с ней связанною и нами уже приведенною, в виду важного политического значения их обеих, была вытребована, чрез Московского генерал-губернатора графа А. А. Закревского, в Петербург ко Двору,⁵⁶⁵ и там, конечно, прочитана с вниманием и интересом, равно как и с полным одобрением направления как той, так и другой, что ясно из последующего.

Ободренный вниманием Двора к его проповедям от 25 июня и 22 августа, святитель Московский, после заключения мира, как желанного следствия войны по усмирению венгерского мятежа, нашел нужным коснуться венгерской кампании и в царские дни 20 ноября и 6 декабря того же 1849 года, в которые он говорил проповеди. Именно в проповеди на первый из этих дней святитель живо характеризует самые побуждения к венгерскому мятежу и свойства соображений, руководивших мятежниками. Излагая в ней, на основании текста: *Господне есть царствие, и Той обладает языки* (Пс.21:29), учение о теократии, как основе государственной жизни и государственного устройства и права, святитель-вития, между прочим, говорит: «В наше время многие народы мало знают отношение государства к Царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские, – мало знают не потому, чтобы не могли знать, по тому, что не хотят знать, и глаголющиеся быти мудры между ними с пренебрежением отвергают дознанное и признанное древнею мудростью. Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия; они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе, на песке народных мнений, и

поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся, однако, новые столпотворители вавилонские, не смотря на смешение мыслей, худшее древнего смешения языков, кажется не думают еще отстать от своего столпотворения. В такие времена, как особенно нужно, так и особенно должно быть приятно нам, братия, часто напоминать себе и крепко содержать оправданное судьбой отечества нашего, преданное нам от предков, или, лучше сказать, от пророков, учение, что *владеет Вышний царством человеческим; что Господне есть царствие, и Той обладаете языки.*⁵⁶⁶

А в проповеди на второй из упомянутых царских дней, сказанной по освящении храма св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го Московского Кадетского корпуса, на текст: *сия есть победа, победившая мир, вера наша* (1Ин.5:4), вития, избрав темой её, согласно тексту сему, учение о вере, побеждающей мир, по связи мыслей касается последствий победоносной венгерской кампании. Он прямо и начинает проповедь, в виду текста, словами: «Россия обильна победами и умеющими стяжать победы. Это говорят дела. Это знает Вселенная, Но вот еще рассадник побед. Еще учреждение для образования благородных воинов. Еще новый военный стан, только не подвижной, а неподвижный, не в шатрах, а в доме, некогда царском;⁵⁶⁷ и среди нового военного стана новый храм Бога мира. (Евр.13:20) О, Боже мира! Где же обещанное Тобою чрез пророка время, когда *раскуют мечи на орала, и копия на серпы, и не возьмет язык на язык меча* (Ис.2:4), следственно и учиться военному искусству не нужно будет? Без сомнения, есть такое звено в многосложной цепи времен, ибо глагол, от Тебя исшедший, не возвратится к Тебе тощ. Но мы не довольно разумеваем времена и лета, которые Ты положил в своей власти. *Грядет час, и ныне есть, егда речеши мир и на люди Твоя, на царства, на грады, на веси, на души, на мир Твой и у Тебя Самого следует тому же закону, который Ты предписал ему для Твоих посланников: *аще будут ту сыны мира, почует на них мир Твой, аще ли же ни, к Тебе возвращается* (Лк.10:6), в*

ожидании сынов мира. Слава Богу, мир обитает в отечестве нашем! Благочестивейший Самодержец блюдет его, и если недавно поднимал оружие, то на защиту мира; и, завоевав мир союзному царству, а по связи происшествий, конечно и многим другим, не умедлил возвратиться в свой внутренний мир. Но при всем том похвалится ли наше время обилием сынов мира? У многих народов, на которых наречено имя Бога мира, не утрачен ли мир внутренний? И мир взаимный не в непрерывной ли почти опасности? Не видели ли мы, как пламя раздоров, мятежей, междоусобий обнимало города, переходило из города в город, из царства в царство; и если потушено, то не мелькают ли еще из-под пепла искры? Для таких времен, самая любовь к миру должна быть вооружена, чтобы охранять мир, самые сыны мира имеют нужду в искусстве брани и во всякой готовности к отражению врагов мира. Итак, благодарение прозорливой попечительности самодержца, не престающей усиливать средства общественной защиты и безопасности. Да приидут мудрые наставники, да приидут благородные юноши, одни – преподавать, другие – изучать науку воинов, науку побеждать врагов Царя и Отечества, науку защищать Царя и Отечество». ⁵⁶⁸

А за тем делает искусный переход к главной мысли проповеди – о вере, как первейшем условии настоящей победы, именно чрез сопоставление себя, как учителя науки о духовной брани, с преподавателями военных наук в кадетском корпусе. В конце же проповеди обращается с воззванием к Архистратигу Михаилу о молитве за упокой души не за долго пред тем почившего великого князя Михаила Павловича, заведовавшего всеми военно-учебными заведениями, не внесенным в позднейшие издания этой проповеди. ⁵⁶⁹ В виду важности достигнутых венгерскою кампаниею результатов, а равно и в виду таившихся еще под пеплом искр революции, произведшей венгерский мятеж, Филарет и в следующем 1850 году, не переставал касаться этого предмета. Так именно в беседе на вторую неделю по Пятидесятнице и в день рождения государя императора 25 июня, случившийся в том году в сию неделю, наш проповедник, рассуждая, на основании Мф.4:19, о

духовных ловцах чело веков, и приводя примеры сего в апостолах и в равноапостольном князе Владимире, далее говорит: «да благословится и благочестивая ревность и благотворная власть ныне Божией милостью царствующего самодержца нашего Николая Павловича, который не только в своем царствии распространению и утверждению царствия Христова споспешествует, и благоуправленными ловцами новые ловитвы Христу приносит. Но и за пределами отечества, там, где мятущиеся народы, расторгнув мрежу Христову, расторгли узы повиновения и человеческой законной власти, к восстановлению богоучрежденного порядка Богом призванный, действует рукою крепкою и мышцею высокою». ⁵⁷⁰

И наконец 9 сентября того же года, встречая государя императора в Успенском соборе в Москве, Филарет в речи своей к нему говорил между прочим: «великодушно и мужественно поддержав потрясенный престол твоего союзника, чрез сие самое ты поддержал многие престолы, законность, порядок, уважение к вере и правде, словом, все, чем тверды царства, чем благоденствуют народы, ибо против всего того восставали враги тобою низложенные. Чем явственнее здесь знамения, что Провидение избрало тебя охранительным и благотворным орудием не только для России, но и для других стран образованного мира, угрожаемого в своей образованности, тем с большим дерзновением и надеждою мы молим Бога, да продлит и умножит свои благословения на тебе, и на твоём Державном Доме, и на твоей России». ⁵⁷¹

Так много, в разное время, сказано было Филаретом с церковной кафедры относительно одного в сущности предмета – венгерской кампании, вызванной угрожающими миру народов революционными движениями. Но кто же, прочитав вышеприведенные выдержки из проповедей Филарета по этому предмету, не согласится с высказанным в начале 1883 года, по поводу столетнего юбилея со дня рождения великого святителя, мнением о той неподражаемой особенности витийства его, в силу которой он умел при повторительной встрече с вопросом, уже прежде у него рассмотренным, найти новые стороны в предмете, изложить предмет в совершенно иной форме с

одинаковою глубиной и силою мысли? Мы уже не говорим о том, какой живой интерес все высказанное святителем Филаретом в этих проповедях имеет и для нашего⁵⁷² времени, в которое также еще не прекратились революционные движения, там и сям, в том или ином виде, с такою или иною силою проявляющиеся. Совершенно другое, со стороны разнообразия предметов, представляла собою для проповеднической деятельности Филарета вскоре за венгерскою кампанией следовавшая Крымская война, к обозрению которой мы теперь переходим.

Когда султан турецкий начинал войну с Россией в 1828 году, то заранее сказал в своем знаменитом гатти-шерифе, что с христианами можно только заключать перемирия, дабы выиграть время, но что естественным образом каждый мусульманин должен быть вечным врагом христиан, с которыми мир таким образом не возможен, и это на основании учения корана, обязательного для всякого мусульманина. А посему и Адрианопольский мир 1829 года для турок был только перемирием, с помощью которого им можно было бы собраться с силами и улучшить удобное время для начатия новой войны с Россией, которую уже в то время султан объявил злейшим врагом Турции. По сему же и условия этого мира Турция считала для себя необязательными и, памятуя удары, нанесенные ей Россией в предшествовавшие войны, старалась возместить свои потери, бывшие следствием сих войн, на материальном благосостоянии покровительствуемых Россией своих подданных православного вероисповедания и на этих последних вымостить свое унижение, которому подверглась со стороны России. Угнетение подданных своих из христиан, и особенно, как мы сейчас сказали, православного вероисповедания, Турция совершала всячески, вмешиваясь в их внутреннюю, церковную жизнь, нарушая, где того требовала её выгода, уставы их и трактаты, раньше изданные и установленные, не гнушаясь и насилием и т.п., вообще продолжая прежние свои зверства над ними. Считая православных восточных христиан, по естественному их тяготению к православной же России, за особенно опасный

будто бы элемент в государстве, она старалась стеснять их и уменьшать их права даже по сравнению с христианами других исповеданий, не смотря на то, что последних было несравненно меньше, чем первых. На жалобы православных не обращалось в турецком правительстве ни малейшего внимания, мало внимания обращалось там и на представления русских посланников при дворе султана, особенно при противоположном давлении со стороны представителей других европейских держав, издавна с завистью и недоброжелательством взиравших на постепенно возрастающее могущество России и на более и более утверждавшееся положение её на Востоке. Однако, и терпению бывает конец. Выносили православные восточные христиане от Турции нарушения частных прав частных лиц; кое-как, скрепя сердце, мирилась с этим и русская дипломатия, не желая вызывать войны, всегда столь прискорбной. Но когда Турция, в угоду Франции, нарушила права христиан православных и их главного представителя-патриарха в Иерусалиме в пользу римских католиков, составлявших меньшинство, тогда терпеть более уже было нельзя. Дело касалось вековой привилегии православных христиан владеть ключами от дверей Храма Гроба Господня, самой дорогой для них святыни. Искренно преданный миру и отнюдь не желавший войны, честный в исполнении договорных условий с своей стороны, да к тому же во время оно спасший Турцию от гибели в время Египетского восстания. Император Русский послал султану дружеское, но твердым тоном звучавшее письмо, которым просил его о возвращении православным христианам их прав в Иерусалиме Султан согласился на это и изданным в январе 1852 года фирманом восстановил все их прежние права.

Но до исполнения фирмана, как то часто бывало и в прежние времена, дело не дошло, и права христиан православных оставались нарушенными. Турецкий комиссар в Иерусалиме, на требование русского консула об исполнении фирмана, дерзко отвечал, что он ничего о нем не знает, а потом, хотя, и прочтен был там фирман, но уже в столь искаженном виде, что по сему виду его обладание ключами Вифлеемского

Храма опять оставлено было за римско-католическим патриархом, что прямо противоположно было содержанию ответного письма султана русскому императору. Тогда государь император послал особого уполномоченного (князя Меншикова) в Константинополь в феврале 1853 года, с тем, чтобы он: 1) вел переговоры о замене уничтоженного фирмана новым условием, согласным с видами и требованиями русского правительства; и 2) составил из нового соглашения формальный акт, который служил бы как удовлетворением за прошедшее, так и ручательством за будущее.

Порта, подстрекаемая Францией и Англией, после продолжительных совещаний, согласилась на первую часть поручения, данного князю Меншикову, но наотрез отказалась исполнить вторую часть этого поручения, без которой первая, само собою разумеется и в виду прежних примеров, теряла всякое практическое значение. Русскому уполномоченному после того оставалось только выехать из Константинополя со всем русским посольством. Дипломатические сношения России с Турцией таким образом были прерваны, и русские войска, в числе 60 тысяч, вступили в Молдавию и Валахию, дабы этою демонстрацией образумить Турцию. Но она сама, поощряемая вышеозначенными европейскими державами, объявила войну России и начала военные действия. В тоже время французское и английское правительства дали приказание своим флотам, находившимся в Средиземном море, приблизиться к Безикской бухте, при входе в Дарданельский пролив. Это было летом 1853 года.

Так началась война, кровопролитнейшая из всех, ей предшествовавших. Ничего не было и не могло быть умереннее и справедливее требований, выставленных Россией, и эти требования дерзко были отвергнуты Турцией, которая к тому же на более серьезное выражение этих требований отвечала сама вызовом к войне, сама, так сказать, шла к повторению того, что было в 1828–1829 годах, между тем как Россия и теперь, как тогда, выступала за святое дело. И если тогда у истинных сынов России мелькала мысль, что государь император мог бы, если б только захотел, от Адрианополя сделать еще шаг, «дабы

уничижением Стамбула, может быть, поднять Константинополь», по словам раньше, приведенной проповеди Филарета, то что же удивительного, если подобная мысль еще яснее теперь предносилась умам русских людей? И подлинно в Москве, этом сердце России, такая мысль особенно лелеялась в начале Крымской войны. Известная писательница графиня Растопчина выразила эту мысль в следующих стихах:

Притча пора... зажглася над Востоком

Давно желанная заря!

Уж близок, близок час, обещанный пророком,

В псалмах еврейского царя!

Долой мечеть с двурогою луною!

Сияй, наш православный Крест,

Над маковкой Софии золотою⁵⁷³ и т.д.

И по началу казалось, что этой мысли наконец суждено было осуществиться. Турция, сделавшая было нападение на русские войска и в Валахии, и в Закавказье потерпела сильное поражение от русских войск и там и здесь. Мало того, в Черном море при Синопе турецкая эскадра была совершенно истреблена вице-адмиралом Нахимовым 18 ноября 1853 года. Но Турция не унывала, ободряемая иностранными европейскими державами. Не даром она отвергла не только требования России, но и ноту о прекращении несогласий на Востоке, составленную в Вене полномочными министрами Австрии, Пруссии, Англии и Франции после разрыва дипломатических сношений между Россией и Турцией и принятую было Россией. Она знала, что делала. Еще прежде, чем последовало истребление турецкой эскадры при Синопе. английский и французский флоты уже вступили в Дарданеллы и явились пред Константинополем. А в 1854 году тайно поддерживавшие дотоле Турцию христианские державы Англия и Франция не устыдились и прямо объявить себя за Турцию против России. В великую субботу сего года англо-французский флот открыл бомбардирование по Одессе на Черном море, а за тем и на других морях, омывающих берега России, начались неприязненные действия тех же европейских христианских держав.

Таким образом, Россия очутилась в войне не с одною лишь Турцией, как бывало, но с коалицией держав, при том столь недавно еще торжественно (в Вене) заявлявших о справедливости требований России от Порты, а теперь утверждавших, что будто бы идут войною за просвещение против варварства. Это было в высшей степени прискорбно сердцу прямодушного, честного искренно желавшего одной правды и мира Николая; ибо если бы сей последний желал войны и побед, а не мира, то двинул бы в Молдавию и Валахию не 60 тысяч, а 260 тысяч войска и не стал бы тратить времени в бесплодных, явно рассчитанных на один лишь выигрыш времени, переговорах с Турцией.

Но что делать! Скрепя сердце, он должен был принять и этот новый вызов, объявив всенародно в своем манифесте от 11 апреля 1854 года следующее: «С самого начала несогласий наших с турецким правительством, мы торжественно возвестили любезным нашим верноподданным, что единое чувство справедливости побуждает нас восстановить нарушенные права православных христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния, сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России. Тогда же встретили мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство французского и английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая цель обессилить Россию, отторгнуть у неё часть областей и низвести отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею. Православной ли России опасаться этих угроз? Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной? Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды, она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами. Да познает же все христианство, что, как

мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья-верный Богу и Единородному Сыну Его. Искупителю нашему Иисусу Христу, православный русский народ. За веру и христианство подвигаемся! С нами Бог, и никто же на ны!»⁵⁷⁴

И Россия естественно должна была значительно увеличить свои военные, силы в местах, куда направлены были неприязненные действия выступивших против неё войною держав. Но она, одушевляемая и мыслью о священной цели войны и о правоте своего дела, и примером, подаваемым ей с высоты Престола, откуда едва не все члены Августейшей Фамилии мужеского пола отправлялись на театр военных действий, и горячею, беззаветною любовью к Царю и Отечеству, не боялась трех, доселе выступивших против неё держав. Еще всем памятен был 1812 год и последующие за ним годы военной славы России. И теперь не только на суше, но и на морях Балтийском. Белом и на Восточном океане русскими храбро отбиты были почти все приступы англо-французского флота. Но обстоятельства изменились, когда к трем доселе воевавшим против России державам присоединилась и Австрия, так еще недавно (в 1849 году.) спасенная силою русского оружия от гибели в войне с восставшими венграми.

Начала она предложением своего посредничества между Россией и западными державами. Император Николай охотно согласится на это посредничество. Благородное сердце его не хотело знать прежней истории Австрии, исполненной интриг иезуитского характера, не хотело знать того, что отогретая змея кусается. Ибо еще князь Шварценберг, управлявший Венским кабинетом, основным началом своей политики полагал то, чтобы никогда не быть связанным никакими узами нравственности и с ужасающим цинизмом заявил, что «Австрия удивит мир своею неблагодарностью».⁵⁷⁵

Состоялось свидание в Ольмюце, осенью 1853 года, между императором Русским Николаем и молодым (доселе здравствующим) Австрийским императором Францем-Иосифом. И здесь, когда после слов русского царя, сказанных по одному частному случаю «между вами и детьми моими я не делаю никакого различия», Франц-Иосиф бросился в его объятия с

словами: «между нами союз на жизнь и смерть!» благородный русский царь вполне доверил императору австрийскому. Но не даром сопровождавший царя наследник-цесаревич (после император) Александр Николаевич тогда же не вполне доверял этим внешним знакам любви императора австрийского.⁵⁷⁶ Прямодушный Николай был жестоко обманут в своей доверчивости. «Подлая до низости в минуты опасности. Австрия, как выражается Фон-Визин, готова открыть себе часть равную в разделе, чужом ей».⁵⁷⁷ Едва она увидела, что с присоединением Англии и Франции к Турции, при недостаточной еще сплоченности русских военных сил, перевес счастья начал склоняться на сторону соединенных держав, как не усомнилась удивить мир своею неблагодарностью к России, – и присоединилась к коалиции держав против последней, объявив, что она займет своею армией Дунайские княжества – Молдавию и Валахию и потребовав, чтобы русские войска очистили эти княжества.

Можно себе представить, какую новою скорбью отозвалось это в честной и никогда не поменявшей долгу чести душе императора Николая. Видя столь сильное и упорное противодействие своим первоначальным целям со стороны всех главнейших тогда держав Европы, видя их усиленное стремление унижить Россию и лишить ее значения, какого достигла она в предшествовавшее время напором всех сухопутных и морских сил своих на нее, Николай повелел своим войскам очистить придунайские княжества и обратить все силы на защиту владений и пределов Отечества. Но при тогдашних путях сообщения сделать дело далеко не было так легко, как повелеть о деле. Пока стягивались к главному операционному базису – Крымскому полуострову русские войска, англо-французский флот 1 сентября 1854 года явился у Евпатории и высадил многочисленное войско. 30-тысячный корпус князя Меншикова, находившийся в Крыму, не мог противостоять превосходнейшим силам неприятеля и после кровопролитного сражения при Альме отступил далее, к северу. Неприятель занял Балаклаву и затем двинулся к Севастополю.

Началась беспрецедентная в истории войн осада. Открытый город (Севастополь) обратился скоро в первоклассную крепость, долговременная осада которой, производившаяся неприятелем многочисленнейшим и притом все более и более увеличивавшимся в своем числе, с суши и моря, обесмертила защитников Севастополя. Однако, в виду все более и более увеличивавшегося числа неприятелей, для России, наоборот, все более и более терявшей своих воинов при обороне Севастополя и в других местах военных действий, настала потребность в чрезвычайном усилении своей армии. И вот в декабре 1854 года и в январе следующего 1855 года изданы были манифесты о необходимости увеличения оборонительных сил страны и народном ополчении, подобном тому, какое было в 1812 году, но только в меньших размерах, тогда брали 100 человек с 1000, а теперь только 43 с 1000. Сверх того, в Петербурге сформирован был прекраснейший стрелковый полк из охотников, принадлежавших к лучшим дворянским фамилиям.

Между тем война так называемая Крымская принимала все более и более широкие размеры. К Турции, Англии, Франции и Австрии присоединилась сперва Сардиния, потом Испания и Швеция. Германия свободно позволяла Англии вербовать войска в своих областях для той же войны. Даже родственная России Пруссия,⁵⁷⁸ с вековой дружбой своею России, объявив себя нейтральною в начале войны, наконец изменила, трактатом 2 декабря 1854 года нравственно присоединившись к Австрии и тем заставив Россию держать значительные военные силы у западных границ своих. Все это более огорчало императора Николая, с ужасом взиравшего на столь широкие размеры войны и уповавшего только на Бога и на всецело преданный ему народ, но отнюдь не хотевшего уступить несправедливым притязаниям целой Европы, которая кичилась именем христианства и просвещением, а поступала по-язычески и варварски. К тому же присоединились некоторые неудачи, испытанные русскими войсками в борьбе с превосходнейшим боевыми силами и средствами неприятелем. Все эти и другие огорчения надломили крепкое от природы здоровье государя

императора, и нужен был только какой-либо случай со стороны физической, чтобы совершенно подкосить телесные силы его.

Таким случаем и была простуда, схваченная им в конце января 1855 года, усиленная потом его собственной неосторожностью при исполнении долга его высокого служения и сведшая его в могилу 18 февраля того же года. Легко себе представить, какую болью отзывались все эти события, одно другого печальнее, в сердце святителя Московского. С живым, истинно патриотическим участием следил он за каждым, можно сказать, шагом Крымской войны, с самого возникновения её, за каждым движением государственной и народной жизни России и Европы за все это время, сам принимал деятельное участие в жизни России тем или иным способом, соответственно обстоятельствам времени и высоким обязанностям своего служения и т.д. Уже в 1852 году, когда только что возникли горячие пререкания между русским и турецким правительствами по делу об Иерусалимской святыне, святитель Филарет торжественно выразил свое глубокое сочувствие святому делу, за которое стоял император русский. Патриарх Иерусалимский просил Филарета освятить храм на Иерусалимском подворье в Москве.⁵⁷⁹ Филарет, конечно, не отказался. 20 сентября сего 1852 года он освятил этот храм во имя св. апостола Филиппа и по освящении произнес беседу, в которой, говоря о совершившемся освящении храма, находящегося в ведении отдаленной от России православной иерархии, ведет речь о единстве и единении церквей православных, как основании, на котором опирается традиционная защита русскими прав восточных христиан православных. Указав на признаки сего единения в истории самого иерусалимского подворья в Москве, в искании пособий от России со стороны других бедствующих под мусульманским игом патриархий восточных, и в оказании этих пособий Россией, святитель-вития ставит на твердую историческую почву, так называемый, восточный вопрос: «Почудимся, – говорит он, – непостижимым, но понятно благопромыслительным о вселенской Церкви судьбам Божиим.

Между тем как на народы древних великих Церквей Востока постепенно налегало иго неверных, и вследствие сего и самые

Церкви подвергались затруднениям в управлении, лишались вещественных пособий, уменьшались в числе верующих, то бедствиями, то отторжениями не твердых в вере; а запад омрачался дымом от студенца бездны, отверстого звездою, падшею с небес на землю (Откр.9:1–3), Бог насадил, возрастил, укрепил, расширил Церковь Российскую и, посредством христоролюбивой ревности царей наших, соделал ее защитницею православные веры в странах неверных, и в христианском усердии нашего народа отверз для бедствующих Церквей источник утешения и помощи». А в заключение своей беседы дает наставление слушателям из русских о нужде пользоваться милостями к нам Бога, так как мы свободно можем исповедовать свою веру в Бога, «Который *соблюдающими дела Его до конца* дает власть на языцех» (Откр.2:26), а восточные христиане «подвизаются в скорбях, в теснотах, в лишениях».⁵⁸⁰

Затем в 1853 году, когда, после продолжительных и бесплодных переговоров с Турцией, истощивших миролюбие и терпение императора Всероссийского, уже последовал дипломатический разрыв с Турцией и Россия готовилась стать в грозное положение против уклонявшейся от исполнения её справедливых требований Турции, Филарет, произнося слово в день рождения государя императора 25 июня на текст: *и будут царие кормители твои* (Ис.49:23), в историческом изъяснении смысла этого текста доходит и до современного себе православного Царя русского, при чем говорит: «слышим от благочестивейшего самодержца нашего во всенародный слух исшедшее слово, которым Он, соединяя миролюбие с твердостью в правде, ограждает права и спокойствие православного христианства на Востоке, и особенно в святых местах святой земли. Неутешительно ли видеть Его здесь на том пути, который пророчество предначертало Царям благочестивым, – на пути царя-охранителя и защитника Сиона Божия? – *Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона* (Пс.50:20) и видимого, и умозримого. *Да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидящий Сиона* (Пс.128:5). Державному же защитнику Сиона, Боже, суд Твой царице даждь (Пс.71:1) и судом правды и мира победу над всякою враждой и

ухищрением. Да будет судьбой Его выну святое слово: *яко царь уповает на Господа, и милостью Вышнего не подвижится* (Пс.20:8). Аминь».⁵⁸¹

Таковы были, как и должны были быть, по началу дела молитвы и благожелания святителя в качестве истинного сына России. Но в том же качестве он не мог не видеть и всей тяготы предстоявшего дела, особенно потому, что вражда и ухищрение уже тогда явно замечались не в одних только турках, но и в христианских народах, поддерживавших турок-мусульман. По этому-то слово свое на высокаторжественный день коронации того же 1853 года он начинает так: «С благоговейною радостью мы смотрим ныне на венец, который недосыгаемо превознесен над нами, но который осеняет всех нас, и которым все мы хватиться можем пред народами. Это венец, который двадцать семь лет почивает на главе благочестивейшего императора нашего Николая Павловича. Радостен сей венец для нас, поскольку он для всех нас есть покров, защита, украшение, слава; но тяжел для Венценосца, потому что это венец избрания и освящения на великие подвиги, а не венец награды и покоя после подвигов. Тяготы огромной России носит благочестивейший самодержец, исполняя закон Христов (Гал.6:2) и закон царский. Какая потребна сила, чтобы поднять и носить, и направлять в движении силы всея России! Праведно по сему, чтобы все силы россиян соединялись, дабы, по возможности, облегчать бремя, носимое самодержцем, чтобы все сердца россиян соединились, дабы искренними молитвами призывать Ему силу от Того, Которым *цари царствуют* (Притч.8:15): *Господи, силою Твоею да возвеселится Царь, и о спасении Твоем да возрадуется зело*» (Пс.20:2).⁵⁸²

Далее, когда государь наследник-цесаревич, отправляясь на юг для обозрения войск, назначенных к действию против Турции, заехал по святому обычаю в Москву для поклонения её святыне, то святитель Филарет 24 августа в Успенском соборе счел возможным встретить его лишь следующими словами: «Благоверный государь! Если позволительно нам угадывать значение Твоего путешествия и Твоего здесь ныне присутствия, – думаем, что это по подобию Твоего державного родителя Ты

устремляешься орлим полетом, чтобы собственным оком назирать и лично благоустроить то, что он вверил твоему попечению. Итак, видеть тебя и в твоём лице и действиях видеть его образ есть для нас сугубая радость. Молим Бога, да будут твои подвиги тебе не тягостны, благоугодны твоему родителю, благотворны России».⁵⁸³

Когда же вскоре после наследник отправился из Петербурга сперва также для обозрения военных лагерей, а за тем в Ольмюц на свидание с императором Австрийским и королем Прусским и сам государь император Николай Павлович, а между тем стала уже известною нота полномочных министров европейских держав, составленная в Вене, и когда государь император также предварительно заехал в Москву на поклонение святыне, то Филарет, пред вступлением его в Успенский собор 2 сентября, встретил его «знаменательными», по признанию современников,⁵⁸⁴ словами: *«Время всякой вещи под небесем, говорит премудрый. Православная Церковь всегда имеет тебя своим защитником, но в настоящее время особенно видит тебя в сем подвиге. За её на Востоке святыню, за безопасность и спокойствие единоверных ты восстал с оружием сильного правдою царского слова, и боязливая забота, которую оно распространило в иноплеменных царствах, дает нам знамение, что твое слово будет победоносно над противоборными силами, подобно, как и твое оружие – проникнутые сочувствием твоей мысли, души наши из глубины взывают о тебе к Дающему спасение царем: Господи, силою Твоею да возвеселится царь»*.⁵⁸⁵ Упоминаемая в начале речи «вещь эта – Турция», объясняют слова святителя Московского его современники,⁵⁸⁶ из чего нельзя не видеть, что и Филарету, как многим москвичам того времени, не чужда была мысль о том, что с началом Крымской войны настали последние времена владычества Турции в Константинополе. И подкрепление такой мысли святитель Московский мог находить в тогдашнем настроении духа государя императора, о котором он от 4 сентября того же 1853 года писал к наместнику лавры Антонию: «Государь император в добром здравии и приятном

расположения духа. Неприметно, чтобы политические обстоятельства беспокоили его».⁵⁸⁷

Когда война была уже объявлена, то Филарет распорядился о совершении молебствий по сему случаю во всей подведомой ему епархии и о том писал от 30 октября к Антонию же следующее: «Молебствие о помощи Господней во брани будет. Указ о сем должен быть к вам послан ныне. Подлинно это может быть брань библейская, брань народа Божия с язычниками, только, если бы менее заразились языческими обычаями запада! Господи, прости нас, и защити славу Твоего имени пред языками!»⁵⁸⁸ Уже и в последних словах письма святителя звучит нота, не совсем успокоительная. Дальнейшие события скоро дали понять, что до осуществления мечты о занятии русскими Константинополя далеко. «Есть известие, – писал святитель тому же Антонию от 2 ноября, – кажется достойное доверия, что турки в Азии напали на наших, и разбили на голову. Да поможет Господь православному Царю нашему, простив грехи наши и услышав стенания единоверных наших, страждущих от магометан».⁵⁸⁹

Впрочем, от 5 ноября он поспешил известить его, что «весть о победе в Азии оказалась не так хороша, как явилась в начале, если весть была не о другом деле; ибо дело приписывали Барятинскому. Теперь кажется вернее весть, что на Дунае наш отряд разбил турок втрое многочисленнейших».⁵⁹⁰ А от 10 ноября ему же опять писал: «Правда, что неприятна первая весть войны. Говорят, генерал Ермолов давно представлял, что этой крепостце, которую теперь разрушили турки, не следовало существовать. Жаль, что я такое великое имя положено на вещь, теперь попираемую неверными. Не нравится мне и то, что в первом донесении о начатии войны князь Воронцов сравнивает ее с войною 1812 года».⁵⁹¹

Правда, в то время еще рано было проводить такое сравнение, однако, горизонт событий становился все более и более мрачным и война все более и более стала подходить под это сравнение. Уже от 13 ноября все того же 1853 года Филарет писал князю С. М. Голицыну: «время подлинно сурово смотрит.

Длится неизвестность в такое время, которое чревато событиями. Мелькающие приятные сведения оказываются по времени менее приятными, нежели в начале. Болезнь князя Воронцова, начальника важного края, теперь очень не ко времени. Сегодня видел я письмо Стурдзы⁵⁹² из Одессы; он пишет, что единоверцы наши за границую претерпевают неслыханные жестокости. Потребна прилежная молитва и покаяние, да не по грехом нашим воздаст нам Господь». ⁵⁹³

Ибо теперь все более и более становилось явным враждебное по отношению к России настроение Англия и Франции, увлекшее вскоре и другие державы, и англо-французский флот уже стоял в виду Константинополя. Согласно тому, святитель Московский беседу свою в день восшествия на престол государя императора, произнесенную 20 ноября того же 1853 года в Чудове монастыре, начал следующими не менее прежнего знаменательными словами: «Ныне миллионы народа и народов простирают мысленные взоры к престольному граду святого Петра, и возводят оные на небо, и гласом верности, любви и надежды взывают: *да живет царь!* И, кажется, время бы уже, после многолетних и многотрудных подвигов царя нашего, для блага России, для облегчения жребия единоверных народов, для поддержания законных союзных правительств, для утишения бурь Европы, в награду сих подвигов, время бы уже, да живет царь наш, и царство его в ненарушимом мире, на сохранение или восстановление которого он всегда и подвизался, и желание которого и в настоящее лето положил на весы с причинами к брани.

Но бескорыстному миротворцу других не уступают мира. Народ нехристианский, который всегда был бичом для христиан, и вместе бичом для самого себя, по своему невежеству, соединенному с неустойчивостью управления, которого владычество над христианским наследием некогда вся христианская Европа хотела разрушить, но не могла,⁵⁹⁴ а, теперь может, но не хочет, народ, который был уже побежден царем нашим, потом принял от него мир,⁵⁹⁵ и спасен им от губительного междоусобия, угрожавшего столице и престолу,⁵⁹⁶ — от которого и теперь царь наш не требует ничего более, как

только совершенного исполнения прежних союзных договоров, этот народ, не вняв даже примирительному слову других держав,⁵⁹⁷ упорно вызывает Россию на новые подвиги брани; а между тем испытывает свою силу над безоружными христианами своих собственных областей. *Защитниче наш, виждь Боже, и призри на лице помазанника Твоего (Пс.83:10). Се врази Твои возшумеша, и ненавидящии Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавоваша волею, и совещаща на святые Твоя (Пс.82:3–4). Да обрящется рука Твоя всем врагом Твоим, десница Твоя да обрящет вся ненавидящие Тебе (Пс.20:9). Помози нам, Боже Спасе наш, славы ради имени Твоего (Пс.78:9).* Вы слышите, что я говорю о настоящем положении дел словами древнего народа Божия. Счастливо это для нас, что самые обстоятельства поставляют нас в положение народа Божия против врагов Божиих. Враги наши суть враги креста Христова. Следственно, мы можем просить от Бога защиты и победы не только для себя, но и для славы имени Христова. *Помози нам, Боже Спасе наше, славы ради имени Твоего.* Надобно только, чтобы мы, приступая с сею молитвою к Богу, представлялись Ему в чертах истинного народа Божия, которые суть: чистая вера в Бога, крепкая надежда на Бога; нелицемерная любовь к Богу и ближнему; верность заповедям Божиим; преданность власти, сущей от Бога; любовь к православному отечеству, возведенная до степени, указанной Христовым словом: *больши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15:13).*

И далее, подобно как в одном из недавно приведенных писем к Антонию, обстоятельнее раскрыв эти черты народа Божия новозаветного в сравнении с ветхозаветным, делает наставление о соблюдении этих черт и, в случае отступления от них, о покаянии, дабы, подобно ветхозаветному Израилю, сделаться достойными победы над врагами креста Христова.⁵⁹⁸ С этими мыслями святитель Московский и далее как следил за ходом войны, так и говорил с церковной кафедры по требованию времени и обстоятельств. Так, после радостных известий о победах русских на суше и море, он от 9 декабря писал Антонию: «жаль, конечно, что военачальники в

самонадеянии думают найти силу, а не в надежде на Бога. Думают, что дерзость слова принадлежит храбрости. Не так думают добрые воины. Замечено, что Веллингтон⁵⁹⁹ в донесениях о победах никогда не говорил о славе, но о исполнении долга. Мне сказывали, что Нахимов, выходя искать турецкого флота, как скоро выступил в открытое море, поднял молитвенный флаг, и на всех кораблях было молебствие, потом он отдал пароль всему флоту: Бог и слава, хотя, и славу не забыл; но слава Богу, что вспомянул Бога; и вот ему дано истребить турецкий флот. Примечательно, что когда от взрываемых турецких судов горящий материал падал на город, и зажигал его, и, следственно, уже не искусство производило пожар, горел все турецкий город, а христианская часть осталась цела».⁶⁰⁰

И к нему же от 14 декабря: «один русский, приехавший из Парижа, рассказывал мне о живущем там одном престарелом греке, который прежде был консулом русским в турецких владениях, но во времена несогласий сильно действуя на христианское народонаселение в пользу русских, принужден был после оставить службу и живет пенсией, назначенною от императора Александра. Этот человек в первые месяцы нынешнего года сказал нашему священнику в Париже, что настает время судьбы для Константинополя; что туда послан будет русский вельможа, и выедет оттуда с русским посольством. Когда князь Меншиков выехал из Константинополя, этот предсказатель опять пришел к священнику и сказал: видите, сбылось, что я вам сказал; теперь все будут говорить о мире; но будет жесточайшая война, что видим и слышим доныне, то не противоречит сему предсказанию.⁶⁰¹ Господу помолимся о Государе нашем и о России».⁶⁰²

От 2 января следующего 1854 года: «говорят, есть ноты Англии и Франции, объявляющие намерение ввести их флоты в Черное море для защиты турецких портов. Теперь время пожертвованиям. *Господи, спаси Царя, и услыши ны, в онъже аще день призовем Тя*».⁶⁰³ В том же письме святитель Московский просил Антония поскорее прислать в Москву к нему

икону преподобного Сергия, предварительно освятив ее на мощах преподобного. Эта икона нужна была святителю для благословения ею выступавшей в поход 16 пехотной дивизии стоявшего в Москве корпуса. Пред выступлением её в поход на театр войны, имевшим быть между 15 и 18 января, начальник корпуса просил Филарета, кроме благословения иконою, еще совершить литургию и молебствие напутственное.

Но святитель Московский, совершив то и другое 16 января, по окончании напутственного молебствия в экзерциргаузе,⁶⁰⁴ произнес еще и речь к воинам, следующего содержания: «Дети Царя и Отца и Матери Россия, братья воины! На подвиг призывают вас Царь, Отечество и Христианство и сопровождает вас молитва Церкви и Отечества. Враг побежденный при Екатерине Второй, побежденный при Александре Первом, побежденный при Николае Первом, вновь вызывает Россию на брань, и ваши собратия уже возобновили над ним привычку побеждать на суше и море. Если по судьбам Божиим и вам должно будет стать против лица врага, вы будете помышлять, что сражаетесь за благочестивейшего царя, за любезное Отечество, за святую Церковь против нехристиан, против гонителей христианства против утесняющих народы нам единоверные и частью соплеменные, против оскорбителей святыни поклоняемых мест Рождества, Страдания и Воскресения Христова. Если, когда, то наипаче при сих условиях, – благословение и слава побеждающим, благословение и блаженство приносящим в жертву жизнь свою с верою в Бога, с любовью к Царю и Отечеству! Сказано в Писании о древних подвижниках за Отечество: *верю победиша царствия* (Евр.11:33). Верю победоносны будете и вы. Для сего и напутствуем вас молитвою и знамениями веры. Древний крепкий молитвенник за Россию, преподобный Отец наш Сергий благословил некогда победоносную брань против утеснителей России. Его образ ходил при полках наших при царе Алексее, при Петре Первом и наконец при Александре Первом во время великой брани против дванадесяти народов. Образ преподобного Сергия да сопутствует и вам как знамение споспешествующих, охраняющих, сильных пред Богом молитв

его за вас. Возьмите также и имейте с собою военное и победоносное слово Царя и пророка Давида: *о Бозе спасение и слава*» (Пс.61:8)⁶⁰⁵

Эта речь духовного вождя весьма воодушевила воинов и сильно подняла их религиозно-нравственное настроение. «Иконою, – писал Филарет Антонию от 22 января, – воины, кажется, довольны. Когда я обходил ряды, кропя святою водою, и икону несли передо мною: офицеры выбегали из ряда, целовали икону, и приближали голову к воде. Начальник благодарил, что древняя. О замене её для вас прилагаю при сем предписание Собору».⁶⁰⁶

В то же время святитель Московский не словом только или молитвою выражал свое сочувствие делу отечественному, но и жертвованиями на нужды военные. Однако, эти жертвования пока были отклонены Государем, как не нужные еще, о чем и сообщил Филарету граф Протасов, спрошенный о том от Филарета конфиденциально.⁶⁰⁷ Равно также и иными способами содействовал святитель тому же делу, каковы: посылка врача-монаха от Лавры, распоряжение о вещественных пособиях (корпия от Лавры для раненых, распоряжение к пособиям на устройство артиллерийских повозок и т.д.)⁶⁰⁸

А между тем ход дела на самом театре войны становился все затруднительнее и затруднительнее для русских и все более и более преграждались пути к миру, которого как всегда, так и теперь стол искренно желал наш государь император. «Мир все не дается нам, – писал Филарет к Антонию от 28 января, – а война все злее смотрит. Одна Голландия⁶⁰⁹ сказала, что она остается в прежнем союзе со всеми. Прочие почти все государства пересылаются тайными посольствами, как будто заговор составляют. О входе⁶¹⁰ в Черное моря сказали нам на словах, как будто о ничтожном деле, и английские журналы гневаются, зачем русский царь требует о сем объяснения. В одном собрании в Лондоне положили поднести похвальный адрес султану. Между прочим, оратор сказал: война всякая бывает с несправедливостями, но пред мирным обществом мы правы тем, что долго старались о мире. Это почти признание, что Англия входит в войну несправедливо. И будто

несправедливая война перестает быть несправедливою от того, что долго толковали о мире». ⁶¹¹

В согласии с тем и в заключение проповеди своей на день святителя Алексия, сказанной в Чудове монастыре 12 февраля того же 1854 года, святитель Филарет, говоря в ней о подражании таким наставникам, как святитель Алексий, не преминул напомнить своим слушателям: «если, братия, вы расположены в сии минуты внять некоему особенному наставлению: будьте внимательны не к тому, что придумали бы мы для вас, но к тому, что говорит нам настоящее время. На дальнем небе собралась туча, и уже слышан был гром. Слава Господу сил! Гром победы неоднократно порастил врагов наших. Но для приобретения победы пролита и родная нам кровь. Братия наши стоят с оружием против врага, в ежечасном ожидании возобновления брани. Отец отечества бодрствует в сугубом подвиге, попечения о сохранении мира, и попечения о предусмотрительном приготовлении к брани. Благовременно ли теперь, если только благовременно когда-нибудь, детям отечества, чадам Церкви, детски, неудержимо предаваться суете, чувственным удовольствиям, обаянию зрелищ, оскорбительных то для благочестивого, то для нравственного чувства? Не время ли мыслить основательнее, поступать степеннее? Не надобно ли теперь особенно отвращать очи наши от суеты, возводить очи наши к Живущему на небесах, и искать животворящих взоров Его благоволения и милости? Попросите на сие ответа у вашего рассудка, у вашей совести, у вашего благочестивого чувства и последуйте, уже не совету постороннего наставника, но совету вашего рассудка, вашей совести, вашего благочестивого чувства. Аминь». ⁶¹²

Затем по-прежнему и в прежнем духе следя за событиями войны или брани, святитель Филарет от 19 февраля пишет наместнику Антонию: «В Петербурге говорят, и в Москве пересказывают, что Государю во сне или в видении представился старец в иноческой, но белой одежде и спросил: для чего война? и по ответе: на защиту христиан, благословил его крестом». И потом прибавляет: «лицо брани становится все суровее. Господи сил с нами буди!» ⁶¹³ И за тем от 22 марта:

«есть весть, что мы перешли через Дунай, не без труда взяли крепость, потом от нас бегут. Но к чему сие ведет? Господу помолимся».⁶¹⁴

А между тем от 5 апреля, с театра военных действий, именно из Одессы другой святитель русский знаменитый вития Иннокентий Херсонский писал к архиепископу Рязанскому Гавриилу (Городкову) следующее: «не оставьте, Владыко святой, и нас вашими святыми молитвами, кои и всегда благопотребны для нас, но особенно теперь, когда враги России, обышедше обыдоша град наш, яко пчелы сот, и нам предложит противляться им именем Господним. Чуден этот Восточный вопрос, в коем Запад, к стыду своему, принял также несчастное участие. Какая-то невидимая рука видимо путала его с самого начала и довела, вопреки усилий и надежд человеческих, до нынешнего кровавого положения. Между тем это положение, в существе дела, есть наилучшее: ибо из него только выйдет свобода христиан восточных и прочный мир, как уже и видимо выходит первая, хотя, еще не от нас. Море наше по временам покрывается крейсерами враждебными; вероятно, явится скоро и целая фаланга неприятельских судов, но опасности большой, кроме бомбардировки набережных улиц, не предвидится. Войска у нас, слава Богу, не мало, и оно все воодушевлено чрезвычайно. Великие слова: «за гроб Господень, за веру православную!» Каждый готов на смерть, в ожидании венца мученического. Переход за Дунай совершился очень хорошо, турки пришли в страх, и начали бросать даже крепости. С прибытием героя Варшавского⁶¹⁵ ожидают новых движений и побед. Это нужно до прибытия западных головорезов».⁶¹⁶

Очевидно, святитель Херсонский, обладавший более живым воображением и соответственным сему характером, смотрел на события того времени более светлым, полным надежд взором, нежели святитель Московский, холодным рассудком проверявший и взвешивавший мечты воображения и потому глубже презиравший в даль будущего, подлинно далеко не светлую, хотя, и также возлагал надежду на милость Божию в будущем. В этом-то смысле, имея в виду упоминаемую в приведенном письме святителя Иннокентия бомбардировку

Одессы и другие события войны, святитель Филарет и при встрече великих княгинь: Цесаревны Марии Александровны, Александры Иосифовны и Марии Николаевны в Сергиевой Лавре, 13 мая того же 1854 года, говорит к ним речь, касавшуюся больного места Отечества. Вот эта речь: «Благоверные Государыни! При утешении Вашего лицезрения, чрез которое чувствуем себя ближе и к Царю-Отцу, особенным образом утешает нас то, что мысль, которая привела Вас в сию область древней святыни, есть мысль молитвенная. Так одна мысль одушевляет и Царя, и Дом Его, и Царство Его. Призываемые на защиту Отечества молитвою укрепляют свое оружие и свой подвиг; и те, которым суждено быть безоружными, молитвою вооружаются и присоединяются к общему подвигу. А враги наши, покушаясь разрушить мирный город, с тем вместе покушались разрушить и молитву в её священнейшее время.⁶¹⁷ Но яростные звуки вражеских оружий не сильны были против кротких гласов молитвы. Благоверные молитвенницы! По предстательству преподобного и богоносного Отца нашего Сергия, да благословит Господь вход Ваш, и Ваш молитвенный подвиг да сотворит благоплодным. Возносящий смиренных, *да вознесет во спасение* Высоких, пред Ним смиряющихся и на Него уповающих».⁶¹⁸

Настал день рождения государя императора 25 июня (1854 года). Филарет, по его собственным словам, издавна имевший обыкновение в более важные царские дни не только служить литургию, но и говорить проповедь, хотя, в один из императорских дней,⁶¹⁹ естественно избрал этот день нарочито для собрания во едино своих дум по поводу современных событий на политическом горизонте. Он начал свою беседу в этот день (говоренную в Успенском соборе и, конечно, в присутствии избраннейшего Московского Общества) теми словами, которыми в сентябре прошлого 1853 года встретил государя императора: *время всякой вещи под небесем*, и теперь дает им обстоятельное разъяснение. «По наблюдению и учению царственного Мудреца, – так начинается его беседа, – *время всякой вещи под небесем* (Еккл.3:1). В подобные нынешнему дни, при обозрении совершившегося года царской жизни

благочестивейшего самодержца нашего, нам представлялись по временам разные виды царских подвигов и деяний – то победы, приобретающие мир, то мир, приобретенный победами, то царские попечения о возвышении благоустройства званий и состояний и правосудия в государстве, то подвиги царской ревности о благе православной Церкви, то дела царского человеколюбия во дни общественных бедствий, то спокойная твердость России во время смут и тревог Европы, то, наконец, сильная и бескорыстная помощь, поданная соседу и союзнику, для поддержания потрясенного престола его.

Дай Бог, чтобы он так христиански был благодарен за сие благодеяние, как христиански оно ему оказано.⁶²⁰ Чему время ныне? И ныне время благодарить Бога за победы на суше и на море, но сии победы еще не завоевывают нам мира, и даже некоторые из них бесстыдными лжеумствованиями обращены в предлог к умножению нам врагов. По сему, ныне время особенно взирать на твердость царя нашего в правде пред возрастающим числом врагов. Изъявив решимость оградить спокойствие православия на востоке, по возможности без нарушения мира, он никому не объявил войны, хотя, и вызывали к тому поступки не только открывающихся врагов, но и мнимых миротворцев. Но когда враги Христианства объявили России войну, наш царь принял ее с упованием на Бога. И когда две христианские державы, которых ничем не обидела Россия, и которые в посторонней для них распре признавали Россию правою, сверх ожидания, объявили ей войну, наш царь не колебался принять и сию войну с упованием на Бога. Мысль о подвиге за правду он поставил выше мысли о возрастающем числе врагов. Братия христиане! – призывает теперь вития к слушателям. – Братия россияне! При единодушии народа с царем, которое так очевидно во всех званиях и состояниях, от средоточия до пределов России, ныне особенно время всем нам укрепляться в духе, молитвою к Богу, благоугождением Богу, упованием на Бога, как советует и учит многоборимый некогда, и многопобедный Царь Израилев, *мужайтесь, и да крепится сердце ваше, вси уповающие на Господа (Пс.30:25)*. Или некоторые думают, что мужество есть такая из

добродетелей, которую надлежит отдать на долю военачальников и воинов? Не то думает пророк. Он не говорит: мужайтесь все военачальники и воины; но говорит: *мужайтесь вси уповающие на Господа*. Упование на Господа есть обязанность в добродетель и воинствующих и не воинствующих, следственно, и мужество есть обязанность и добродетель не только воинствующих, но и не воинствующих. Мужество воинствующего – идти бестрепетно против врага, не терять присутствия духа при виде опасности, не колебаться в исполнении повелений вождя и тогда, когда они кажутся очень трудными к исполнению, идти, когда нужно, и в малом числе против многих, с мыслью Маккавея, что *несть разнствия пред Богом небесным спасти во многих или в малых* (1Мак.3:18), взирать на смерть за веру, царя и отечество, как на венец жизни. Мужество воинствующего и не воинствующего христианина – стоять твердо, по апостолу, во всеоружии Божиим, в препоясании истины, в броне правды, со щитом веры, под шлемом упования спасения, с мечем духовным, иже есть глагол Божий, в обучении готовности действовать к миру и спасенью и других, не позволять себе ослабевать в отражении стрел диавола, козней и прелестей мира, возмущений плоти против духа, не колебаться при встрече с страданием и смертью на пути веры и правды, как не колебались мученики, не малодушествовать при опасении лишения временного благосостояния, и при самом лишении сохранить благодушия, чтобы благословить Бога, как Иов; во времена, трудные для целого общества, забывать собственные личные трудности, чтобы ободрять и подкреплять друг друга, и тем увеличивать общую силу к перенесенью и облегчению общественных трудностей. Если сверх общего наставления пророка: мужайтесь вси, желаем иметь наставление о мужестве, ближе относящееся к обстоятельствам настоящего времени, мы найдем о сем в Евангелии наставление выше пророческого. Христос Спаситель, между прочими предречениями о судьбе ветхого Иерусалима и новой Своей Церкви, указывает Своим последователям на будущие брани, и заповедует им быть

мужественными. *Услышати имате брани и слышания бранем, зрите, не ужасайтесь* (Мф.24:6).

Господь дает и причину, почему при виде угрожающих событий мы не должны быть боязливы, а должны быть мужественны. *Зрите, говорит, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти....* Если бы события происходили случайно: то как рассудком нельзя поставить предел угрожающему случаю, так нельзя было бы поставить предел страху. Но когда знаем, что события происходят, не как случится, что жребий человеков и человеческих обществ не предан неограниченно произволу и страстям человеческим, когда помышляем, что все явления на зрелище мира, не только благоприятные, но и могущие потревожить и устранить, каковы – брани и слышания бранем, бывают, как *подобаете быти*, по предусмотрению Божию, под невидимым управлением Промысла Божия, в направлении к благим целям Божественного мироправления, – тогда, хотя бы, все народы мира восстали, чтобы устрашить нас, этот страх, если уповаем на Бога, может быть так мал, как малы пред Богом все народы, а они, по слову пророка, *аки капля от кади, и яко претяжение веса вменишася* (Ис40:15).

Как бы ни велика была сила неправды, она не может разрушить истинного блага верующих и уповающих на Бога, блага внутреннего и вечного, и благосостояние внешнее и временное может поколебать не более, как сколько попустит Бог, а Он попускает, растворяя Свой суд милосердием, защищая правых, и побуждая к исправлению согрешивших, дабы потом исчерпанную ими меру скорбей и лишений наполнить утешением и воздаянием. Итак, храни веру, правду, упование на Бога, и не будь боязлив, вверяя себя Божью Провидению. Так должно понимать и исполнять слово Христово: *зрите, не ужасайтесь: подобает бо всем сим быти»*.

Далее вития решает возражение каким образом подобаете быти и таким событиям, как брани, слышания браней, бедствия, страдания даже лучших людей? Решает он это возражение путем исторических примеров из Ветхого Завета и из истории христианского мученичества; а за тем в заключение своей беседы естественно призывает к доверчивости Промыслу и

упованию на Бога, но под условием молитвы, удаления от грехов и хождения по заповедям Божиим.⁶²¹ Эта глубоко-обдуманная беседа святителя Московского должна была произвести сильное и глубокое впечатление не только в Москве, но и за пределами московской епархии.

И так как от предупредительности Филарета с своими жертвованиями на дело отечественное еще оставалась некоторая тень неудовольствия на него у государя императора, то для святителя Московского вдвойне было приятно, вскоре после произнесения означенной беседы, получить исходатайствованное ему известным вельможей того времени, другом и покровителем Филарета, князем С. М. Голицыным «милостивое слово благочестивейшего государя императора»,⁶²² у которого в Петербурге побывал князь в конце июня и в начале июля вернулся в Москву. После такого облегчения души святитель с большою осторожностью, но в то же время, как истинный сын отечества, и с большою ревностью стал относиться к событиям отечественной войны, «забывая собственные личные трудности в эти времена, трудные для целого общества, дабы ободрять и подкреплять других и тем увеличивать общую силу к перенесению и облегчению общественных трудностей».

Так, следя за ходом военных событий. он между прочим, писал следующее наместнику Лавры Антонию от 29 июля того же 1854 года: «вы, вероятно, слышали об опасности, которой подвергался великий князь Константин Николаевич на море, испытывая новое небольшое судно в ветер. Сперва сказали, что он получил даже болезнь, но потом сказывали мне, что он, не потеряв присутствия духа в опасности, был принят из воды на судно, занялся сам греблею, и тем восстановил естественную теплоту тела и силу, и предохранил себя от болезни. Я поздравил его с избежанием от опасности».⁶²³ На это поздравление потом в августе получен был от великого князя святителем и ответ.⁶²⁴ Затем от 21 августа святитель пишет тому же Антонию: «генерал Михайло Иванович Чеодаев вновь благодарит⁶²⁵ преподобного Сергия за воинов, которые получили от него кресты. В сражении под начальством князя

Бебутова сей отряд дважды был отбит многочисленнейшим неприятелем, но не потерял духа, напал вновь, и разбил врагов, и отнял пушки, потеряв только 50 человек убитыми, но не мало имел раненых». ⁶²⁶

С конца августа началась высадка неприятельских войск у Евпатории, а 1 сентября, как мы говорили выше, началась и осада Севастополя. В виду этого нового обстоятельства Филарет писал Антонию же от 15 сентября: «Помолитесь о бранях воинствующих в Крыме». ⁶²⁷ В виду того же обстоятельства к действующей в Крыме армии в последней половине сентября отправились великие князья Николай и Михаил Николаевичи. 29 сентября в Москве в Чудове монастыре они встречены были следующей речью святителя Московского: «Благоверные Государи! Слышим, что любовь к отечеству влечет Вас туда, где может предстоять сильный подвиг на защиту отечества, и, что августейший родитель благословил сие желание Ваше. Так все сынове Царя нашего, каждый на своем поприще. по своей мере дают сынам России пример деятельной любви к отечеству и ревности к подвигам. И Россия благословит Вашу ревность. *Господь сил с Вами. Ангелом своим да заповедает Он сохранить Вас во всех путях Ваших. Да ополчится ангел Господень окрест боящихся Его* на спасение, победу и славу!». ⁶²⁸

Ужасающее число жертв кровопролитной войны Крымской требовало усиленного попечения о раненых. Сама Государыня Императрица и великие княгини взялись за высшее руководство этим делом милосердия и одна из великих княгинь уже в конце октября выразила желание послать в Крым для сей цели на свое иждивение сорок сиделок, и чрез это таким образом выражая свое участие к войне, в которой участвовали все другие члены августейшей фамилии. При этом святителю Филарету предлагаемо было оказать свое содействие распоряжением о вызове желающих посвятить себя такому делу из женских монастырей его епархии. Святитель, конечно, с готовностью сделал нужное к тому распоряжение. Но в тоже время некоторые высказывали ему и мысли о том, «будет ли сие благонадежно, и не будет ли искушений, когда они не

приготовлены религиозными и нравственными внушениями, и едва ли будут ограждены нравственным надзором и руководством».⁶²⁹ По долгом размышлении, святитель сам решил «приготовить» означенных сиделок «религиозными и нравственными внушениями» и для сего воспользовался случаем отправления на служение раненым и больным воинам действующей армии партии сердобольных вдов из императорского вдовьего дома. В этом смысле от 16 ноября он писал наместнику Антонию: «Празднуйте, отец наместник с братиею, радостно духовно.⁶³⁰ А мне, если будет угодно Богу, надобно завтра беседовать с сердобольными, идущими пещись о раненых».⁶³¹

И действительно, 17 ноября в Мариинской церкви вдовьего дома, святитель обратился к сердобольным вдовам с следующею беседою, которая, конечно, во всех отношениях полезна была и сиделкам не вдовам: «к вам слово Церкви, сестры христианского сердоболия о болящих, которые царским человеколюбием призываетесь ныне к особенному подвигу христианского попечения о болящих от ран, полученных на брани за веру, царя и отечество. Подвиг, сколь необыкновенный для вас и трудный, столь же благословенный и способный возбудить неослабевающее усердие. Война – страшное дело для тех, которые предпринимают ее без нужды, без правды, с жаждою корысти или преобладания, превратившеюся в жажду крови. На них лежит тяжкая ответственность за кров и бедствия своих и чужих. Но война – священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, в защиту правды, веры, отечества. Подвизающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертью за сие исповедание; и, приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет в след мучеников к нетленному венцу. Кто начал нынешнюю войну? Народ неверный, который не знает правды, который живет угнетением христиан и христианства. Кто еще против нас? Два народа, которые признали нас правыми в споре, и потом присоединились к нашим врагам, – два народа христианские, которые соединились с врагами

христианства, и приняли участие в угнетении православных христиан. Против таких врагов идет наш воин, по мановению благочестивейшего царя, сильным, но миролюбивым словом защищавшего единоверных востока, не начавшего, но в уповании на Бога, принявшего нанесенную несправедливо войну. Итак, рассуждайте, к кому относиться будет служение, в которое вы призываетесь. Не почли ли бы вы особенным для себя благословением провидения Божия, если бы вам дано было послужить мученику к облегчению его страданий? Подобное благословение ожидает вас в верном исполнении служения, вам предлежащего. Рана верного воина, которую вы облегчаете обязательством и врачевством, светит доблестью теперь, и будет сиять в вечности. Если при попечении вашем он возвратится с пути смерти, вы заслужите благодарность не только его, но и отечества, которому возвращаете драгоценного сына. Если же суждено ему окончить земной путь, и перейти в отечество небесное, вы будете иметь на небесах благодарного вам, и призывающего на вас благословение Отца небесного. Так размышляя, вы можете с благоговением смотреть на предмет вашего подвига, и тем умерять скорбь и страх, естественно производимые зрелищем страданий».

Как этот страх, так и страх от близости войны и звука оружия вития внушает побеждать мыслью о таких достойных примерах мужества и в женщинах, какие представляет история в Девворе, Юдифи и Анастасии Узозрешительнице. Но вместе с тем он внушает также наблюдать и в продолжении подвига постоянно благочестивую мысль, доброе намерение, не лицемерную верность в подвиге, чистоту деятельности, молитву и нелицеприятность попечения о больных и раненых.⁶³²

Так напутствовав сердобольных вдов по приобщении их святых Таин, святитель благословил их, сказав: «Идите в мире, Господь с вами».⁶³³ И они, отправившись на театр военных действий, где жестокая война продолжалась с переменным счастьем. Гибло много русских от подавляющего перевеса численности неприятелей, но еще более того гибло неприятелей как от русских ядер, пуль и штыков, так и от холеры.

Севастополь пока стоял непоколебимо, а Одессу неприятели оставили. «Английский парламент, – писал из Одессы от 21 декабря 1854 года Иннокентий Херсонский, – кричит, почему не разорена Одесса? Но кричать легко, а сделать не очень-то удобно. Для этого надобно потерять им теперь полфлота, и то уже избитого и бурею и ядрами».⁶³⁴ Тем не менее и русским было весьма плохо от неприятелей. «Да сбудется слово ваше, писал от 29 ноября того же года А. Н. Муравьеву по-прежнему зорко следивший за событиями войны и прежним взглядом смотревший на них святитель Московский, что бы только православие могло восторжествовать близ купели святого Владимира».⁶³⁵ Но долго продолжается крещение кровью. Слышим, что подвижающиеся взывают к Господу сил, за сие слава Богу, но слышится и то, что должныствующие подавать в сем пример другим не всегда подают его. Господь да вразумит их, что верна надежда на Него, а не на себя».⁶³⁶

В последних словах письма святитель имеет в виду то обстоятельство, о котором он сам же еще 10 ноября писал наместнику Антонию: «слово о Боге послали в Севастополь государь император и Государыня Императрица. Он сказал воинам, что Господь воздаст им за подвиги. Она послала икону. Последнее сделано едва ли не в следствие того, что преосвященный Иннокентий ехал, говорят, в Севастополь с чудотворною иконою, но князь Меншиков отклонил его прибытие в Севастополь. Мы живем в удивительном смешении мыслей и дел. Мне пересказали сказанное одною значительною особою, что князь Меншиков не расположен к преосвященному Иннокентию, считая его вольномыслящим, тогда как менее невероятно было бы, если бы такое мнение имел преосвященный о князе. Простите меня. Господу помолимся».⁶³⁷

В этом же смысле сказаны были Филаретом и некоторые части беседы его в день святителя Николая Чудотворца и тезоименитства государя императора 6 декабря того же 1854 года в Чудове монастыре. Святитель начинает эту беседу такими словами: «Какие полные собрания в церквах собирает ныне святитель и чудотворец Николай! В особенности это

потому, что за соименного ему благочестивейшего Царя нашего стремятся принести молитву верноподданные, но и вообще наш православный народ являет много усердия к святителю Николаю, и любит чтить его память». И затем указав на некоторые черты из жизни святителя Николая, особенно досточтимые и привлекающие христиан вообще и преимущественно россиян к тому, чтобы давать имена Николая новорожденным, примером чего служит между прочим, и имя императора, конечно с тем, чтобы иметь в святителе невидимого предстателя за носящего его имя, вития, в заключение своей беседы, обращается к святителю Николаю с такую молитвою: «Предстательствуй, купно и с другими святыми, пред Царем царствующих за тезоименитого тебя Царя и за чтущее тебя царство. Враги, от неверия, нестроения и жестокости которых в развалинах лежит твой мирликийский гроб и град, и только ли? – от которых страждут и святые места Христовы, – восстали против нас, и, что не меньше удивительно, как прискорбно, нашли себе неестественное подкрепление в сынах запада, которые воздвигли бурю разрушительных страстей, покушаясь ослабить мирный свет православного востока. Господь сил не оставит нас. Он защитил от сильных нападений врагов и неукрепленный град, и почти безоружную обитель. Он вооружил против врагов наших болезни и бури. Он дает нашему воинству непоколебимую твердость и силу против сильнейших. И ныне, Отче, якоже некогда Моисей от горы, или и паче Моисея, от небесе к Живущему превыше небес, воздвигни твои молитвенные неизнемогающие руце, да преодолен будет Амалик, несправедливо нападший на не враждующего Израиля, и да возвратится Израиль победоносно в мир и тишину, из которых и не желал исходить».

А наконец все же делает следующее обращение к слушателям: «Братия! По человеколюбию небесному, сильнейшему земного, призываемый нами в помощь святитель не презрит нас. Но мнится мне, что он, подобно как некогда избавленным им от опасности мореплавателям, глаголет и нам:

*О чада! сердца, ваша и помышления на благоугождение Богу исправите. Аминь».*⁶³⁸

Не смотря на верность и меткость высказанных здесь мыслей и взглядов, святитель Московский, не доверяя себе и боясь перетолкования его слов, пишет духовнику своему, наместнику лавры Антонию, от 7 декабря следующее: «мне хотелось послать вам, что говорил я вчера в церкви, чтобы услышать, не представлятся ли возражения. Ибо я иногда как-то невольно попадаю на вопросы, на которые некоторый ответ кажется нужным по времени, но на которые требуется ответ осмотрительный; а я обыкновенно по необходимости пишу и говорю на скоро. Но рукописи потребовали, и я отдал ее. Если напечатается, и прочитаете, и что заметите, прошу сказать мне».⁶³⁹ Действительно беседа Филарета была напечатана в первом же ближайшем номере Московских Ведомостей (именно в № 147 от 9 декабря), а затем и в 1-й книжке Творений святых отцов за 1855 год и как не представившая сомнения ни для отца Антония, ни для кого другого из обыкновенных цензоров проповедей Филарета, была потом напечатана и в 3-й части собрания слов и речей Филарета издания 1861 года.

Надобно заметить, что после отъезда великих князей к действующей армии, состоявшегося, как мы помним, в конце сентября, сильно заболела Государыня Императрица, и привязанные к Августейшей Матери горячею сыновнею любовью, великие князья решились вернуться в Петербург из Севастополя, при чем проезжали чрез Москву в половине декабря. Филарет, однако, совершенно не щадивший своего хилого здоровья для службы церкви и отечеству, по случаю приключившейся ему сильной болезни, не мог встречать их лично, а поручил встречу викарию своему.⁶⁴⁰ Впрочем, услышав от них чрез других лиц некоторые вести о положении дел на юге, поспешил сообщить эти вести Антонию в таком виде: «слышал я, что и они, как другие, находят укрепления неприятелей также трудными ко взятию, как Севастопольские, и что сила неприятелей едва ли уже не больше нашей. Един Бог наша надежда. Воины наши одушевлены добрым духом». И затем в том же письме (от 18 декабря) и к тому же лицу, по

поводу только что изданного тогда (от 14 декабря) нового манифеста о войне, последствием которого и было народное ополчение 1855 года, Филарет пишет: «Слава Богу, что в новом манифесте есть воззвание к Богу. А может быть лучше было бы, если бы мы яснее исповедали, что не раз найдены были мало готовыми для отражения врагов, и только заступление Господне спасло нас. Говорят, что в сражении при Альме силы наши были так не уравнительны с неприятельскими, что, если бы они сие знали, могли бы тотчас броситься на Севастополь с большею надеждою. Господь сокрыл от них сие». ⁶⁴¹

Так закончился 1854 год. Еще более скорбей принес с собою новый 1855 год. Резня под Севастополем продолжалась с прежнею жестокостью, и великие князья Николай и Михаил Николаевичи, после того как здоровье их Августейшей Матери поправилось, снова отправились к действующей армии и снова, проезжая чрез Москву, встречены были (3 января) от святителя Московского, не смотря на болезненное состояние последнего, в Чудовом монастыре речью, следующего содержания: «Благоверные Государи! В первом путешествии вашем на подвиг за отечество, мы сопровождали вас общею молитвою, да ополчится ангел Господень окрест вас на спасение, победу и славу. Ныне с молитвою соединяем благодарение о вас Богу. Вы разделили с неутомимыми защитниками отечества трудности и опасности; явили опыты неустрашимого мужества, заслужили почести избранных подвижников брани, а стрелы врагов пролетели мимо вас. Когда забота о здравии Августейшей Родительницы внезапно позвала вас к ней, и отторгла от подвига за отечество, мы готовы были сказать: довольно и сего подвига, да не умножаются еще бесчисленные заботы Августейшего Родителя Вашего новою заботою о вас. Но видим, что ревность к подвигам за отечество движет души ваши не менее сильно, как и любовь к родителям. И паки благословит отечество сию ревность. Еще поощрится мужество защитников отечества вашим с ними сподвижничеством. Еще молится, и будет молиться Церковь, да падет пред вами тысяча и тма сопротивных, и да сокрушится нога неправды, дерзнувшая наступить на предел России». ⁶⁴²

К глубокому сожалению, до полного сокрушения ноги неправды было еще очень, очень далеко. Наоборот, эта нога все более и более дерзновенно и твердо наступала на предел России, пользуясь всеми способами, чтобы как можно более раздавить русских. «Некоторые благословно говорят, – читаем в письме святителя Филарета к наместнику Антонию от 23 января 1855 года, – что человек мало делает одним собою, но более или вышнею помощью, или вмешательством преисподним. Изобретать орудия, усиливающие убийство и гибель, или без нужды угождающие нетерпеливости и ненасытной корысти человеческой, – конечно, не ангелы помогали. Думают ли это нынешние ежедневные изобретатели зол?»⁶⁴³

Убитых и раненых было так много, что тех и других нередко в один, а то и два дня не успевали унести или увезти с поля сражения. Подлинно «как труден подвиг воинов – страдать от раны и не один день ждать помощи! – взывал святитель Московский в письме от 31 января и присовокуплял к сему, – Господи! даруй им мученическую крепость духа, и мученические венцы». ⁶⁴⁴

В виду большой потребности в значительной численности войск, за убылью наличного числа их и в виду усиления численности войск неприятельских. Государь император возымел мысль призвать государственное ополчение, как мы сказали. Манифест о сем последовал 29 января 1855 года. ⁶⁴⁵

В следствие этого манифеста и для разъяснения смысла его Филарет счел нужным, с своей стороны, сделать «наставление настоятелям монастырей, благочинным монастырей и церквей, протоиереям и священникам соборов и церквей градских и сельских», состоящее из 14 пунктов, следующего содержания:

1) приносить Господу Богу молитвы за Царя и отечество, предшествовать народу примером благочестия и непорочной жизни, поучением в церкви и вне церкви, назидательною беседою в пределах возложенного служения, по мере возможности, руководствовать ближних к верному исполнению обязанностей православного христианина, верноподданного и сына отечества – это всегдашний долг служителя алтаря.

Особенные обстоятельства могут потребовать особенного применения сего долга, и в сем случае каждый обязан с особенным вниманием усматривать, чти» в сих обстоятельствах может сделать полезного и то исполнять с неослабным усердием.

2) *Брани и слышания бранем* и соединенные с ними трудности для обществ, семейств и лиц бывают не без Провидения Божия, и это суть конечно не дары – награды, но посещения Божии к испытанию и исправлению нашему. Посему в таких обстоятельствах должны мы с особенным вниманием испытывать пред очами Божиими свою жизнь и дела, признавать свои недостатки и грехи, приносить смиренное покаяние, деятельно побуждать себя к исправлению, чрез что должна сделаться твердою надежда на помощь Божию.

3) *Бысть, егда воздвизаше Моисей руце одолеваше Израиль, егда же опускаше руце, одолеваше Амалик.* Из сего должны мы научиться, как нужна для приобретения Божией помощи в брани и как может быть благодотна неослабная молитва церкви и служителей её. Да будут же и обыкновенное служение, и особенные молитвословия о помощи Божией в брани совершаемы не только без опущения по необходимости, но и с обилием по усердию. При сем воспоминанием *и знакомого вам возбуждать ваш чистый смысла мне убо не леностно, вам же твердо.* Тщатися подобает всегда, чтобы богослужение совершаемо было, по упомянутому чину, с благоговейным вниманием, без произвольных сокращений, чтобы в чтении и пении ясно и раздельно слышимо было слово для разумения предстоящих и для возбуждения в них духа молитвы, чтобы благоговение к святыне служителями церкви соблюдаемо было с строгостью и народу внушаемо было с любовью и кротостью, чтобы сельские священники не только праздничных дней не оставляли без священного служения, но и в непраздничные совершали оное по возможности часто, не оправдывая своей не деятельности тем, что прихожане мало посещают храм, потому что священник обязан молиться и за отсутствующих прихожан, и не они его, а он их должен привлекать к церкви.

4) В отношении собственно к настоящим обстоятельствам отечества нашего, священнослужители должны изъяснять пастве, особенно же людям податных сословий, что настоящая война, с самого начала своего, есть для нас, русских, война за святую веру, за Церковь Христову, Самим Спасителем насажденную на востоке, за православных восточных Христиан, страждущих под турецким игом, что Англия и Франция в союзе с неверными Турками, врагами имени Христова, решились за оказываемое Россией покровительство нашим единоверцам восстать на оную, дабы чрез то лишить восточных Христиан единственной их опоры и унижить православие; что Промысл Божий в истекшем году показал свою всемогущую помощь правому делу отечества нашего отражением врагов и гибелью их, и что они, раздраженные неудачами, вновь собирают полчища свои, готовясь к новой борьбе, к новым враждебным покушениям, и потому безопасность отечества нашего требует усиления средств защиты его людьми, готовыми ополчиться по первому призыву царскому; что благочестивейший Великий государь наш, всецело возложив упование на Бога, твердо надеется и на православный русский, искони приверженный к вере святой, искони преданный престолу народ, всегда готовый отстоять родину непоколебимою русскою грудью и не дать врагу глумиться над верой отцов наших, разорять храмы Божии и святые обители; что служба государственного ополчения есть временная, после которой всякий возвратится в свое состояние, в свой дом, к прежним своим занятиям; что служба сия есть священная, и кто на ней положит живот свой, кто постоит до конца за дом Божий и за Помазанника Господня, тот омоет грехи свои пред Богом, и Церковь будет непрестанно о нем молиться, как о верном сыне своем; кто же с поля брани возвратится с честью, тот сохранит на всю жизнь в сердце своем сладостное чувство исполнения священного долга пред Богом, царем и отечеством. Священники, при изъяснении всего вышеписанного, должны постоянно иметь в виду высочайшие манифесты, которые обнародованы с начала сей войны и от святейшего синода по всем церквам разосланы, и при удобных случаях

возобновлялись в памяти народа все заключающиеся в сих манифестах высокие изречения Августейшего монарха.

5) В местах, где происходить будет и произойдет составление государственного ополчения, священникам вменяется в обязанность иметь особенное духовное попечение о людях, на коих падет жребий поступить в ополчение, равно и о тех, кои по ближайшему с ними родству требуют так же духовного назидания. Поступающих в ратники они должны наставлять не только быть исполненными чувств живой веры, мужества и строгого искреннего повиновения начальству, но и вести себя трезво, воздержно и вообще не укориженно, помня, что чистое поведение низводит на людей благословение Божие и дарует успех делу.

6) Обязанность такового духовного попечения о ратниках должна быть исполняема не только теми священниками, к приходам коих принадлежат ратники, но и теми, чрез приходы коих они будут проходить. Те и другие должны напутствовать их советами, благословениями от имени святой православной Церкви и молитвословиями с окроплением святою водою.

7) Настоятелям монастырей и пустынь поставляется в обязанность, чтобы, при посещении ратниками обителей их или при проходе их чрез места, где обители находятся, оказывали им во всех случаях содействие наставлениями и совершением молебствий пред местною святыней, чудотворными иконами и святыми мощами Угодников Божиих.

8) Где назначено будет место какой-либо дружины ополчения, там местный благочинный или, по местной удобности, приходский священник, входит в сношение с начальником дружины и с дружиною, дабы, сколь можно часто, совершать для неё священно-служение и подкреплять усердие ратников назиданиями и в то же время доносить о том мне, на случай надобности особого распоряжения.

9) Так же должно поступать и в тех местах, чрез которые дружины будут проходить по маршруту.

10) Все упомянутые молебствия и прочие священнодействия должны быть совершаемы безмездно, единственно по чувству пастырского долга, – по вниманию к

высокому призванию ратников быть защитниками Церкви и Отечества.

11) Вменяется в обязанность благочинным посещать вверенные им церкви, сколь возможно чаще, неослабно наблюдая, чтобы священники исполняли возложенный на них священный долг с благоразумием, усердием и упованием на милость Божию, не оставляющую наше Отечество и видимо сохраняющую его. О тех священниках, если которые окажутся неисправными и неблагонадежными, доносить мне без малейшего промедления.

12) Если встретятся особенные обстоятельства, которые должны быть известны начальству, или которые потребуют особенного наставления, или разрешения, в таком случае не только каждый благочинный, но и каждый священник обязан немедленно лично, или чрез почту, или чрез нарочно посланного диакона или причетника донести мне для получения наставления или разрешения.

13) Так же должны поступать и благочинные монастырей и настоятели монастырей.

14) В деле общей нужды не всегда оправдателен отзыв – это не мое дело. Общепольнее и следственно справедливее правило, вспомоществовать другому, как скоро усматривается нужда, *да будете брат от брата помогаем, яко град тверд*. Посему настоятели монастырей, если узнают, что в тех местах священник какой-либо церкви не удовлетворительно исполняет требуемое настоящим наставлением, или сие не может быть исполнено по болезни или отсутствию священника, то отправляют для исполнения сего благонадежного иеромонаха, донося мне в то же время о сделанном распоряжении и о причине оного».⁶⁴⁶

Написал Филарет это «Наставление» к 16 февраля. Из предшествующего мы могли видеть, что сам святитель и действовал, и с церковной кафедры учил и в письмах высказывал свои мысли по делу военных событий того времени совершенно согласно с духом и тоном этого «Наставления», которое, за исключением административных распоряжений, в существенных чертах и в сокращении излагает то, что по частям

и подробнее мы видели уже в приведенных местах его проповедей. Из этих последних осталась не рассмотренною теперь лишь одна, – беседа в день памяти святителя Алексия, говоренная 12 февраля 1855 года в Чудовом монастыре, на текст, *хвалю же вы, братие, яко вся моя помните, и яко же предал вам, предания держите* (1Кор.11:2).

В этой беседе наш вития, говоря о заслуживающих сохранения благочестивых и добрых обычаях наших предков, по противоположности сему в заключение говорит: «Пророк сказал в обличение древних израильтян, *смесишася во языцах, и навывоша делом их; и поработаша истуканым их, и бысть им в соблазн* (Пс.105:35–36). Не надобно ли нам, благочестивые россияне, взять из сего некоторое наставление для нашей осторожности? Или наше иное дело, когда мы заимствуем некоторые чуждые мысли, некоторые чуждые обычаи, кажется, не языческие, не от языческих народов? На сей вопрос отвечать можно другим вопросом, что в древних народах языческих так опасно было для народа Божия, как подражателя, тому подлинно ли нет ничего подобного в нынешних народах, именующихся христианскими; между тем как мы знаем, что у одного из них⁶⁴⁷ противо-христианское неверие и безбожие с дерзостью явилось в некоторых умах и в книгах, и перешло к другому,⁶⁴⁸ а у сего другого не очень давно воцарено было государственным законом, и ныне видим, что сии же народы воздвигли яростную войну против христиан в защиту врагов христианства? Но удержимся от произнесения суда на других. Осудим наши погрешности и грехи. Принесем покаяние Вземлющему грехи мира. Утвердим себя в вере отцов наших. *Смиримся под крепкую руку Божию, да нас вознесет во время* (1Пет.5:6). Аминь».⁶⁴⁹

И опять, не доверяя себе, святитель-вития посылает эту беседу в рукописи к наместнику Лавры Антонию при письме от 16 февраля, в коем пишет: «Прочитайте, отец наместник, прилагаемую при сем рукопись. Годится ли сделать ее известною? Надобно ли указать нам наши погрешности, если не для исправления, по крайней мере для признания, к смирению нашему, или не надобно и говорить о том, чего не захотят

исправить, чтобы не давать пищи бесполезным пересудам? Какие по сим вопросам, и кроме их, придут вам на мысль замечания, сообщите мне их, с возвращением рукописи. Не жестоко ли слово о англичанах и французах, что у первых родилось безбожие, а у других царствовало? Лучше ли было сказать о сем, или умолчать?»⁶⁵⁰ Уже из того, что приведенная беседа, без всяких изменений, напечатана была и в академическом издании – Творения святых отцов за 1855 год и в собрании слов и речей Филарета издания 1861 года, ясно видно, что Филаретово недоверие к себе было совершенно излишне. Беседа вполне выражала в приведенных словах её то самое, что в разных случаях и в разных формах уже отчасти выражал и сам святитель Филарет и что следовало выразить в настоящем случае. А настоящий случай, т.е. настоящее положение дел Отечества было именно таково, что иначе его и охарактеризовать было невозможно. Ибо, вероятно по грехам нашим, враги и не христиане, а еще более того христиане в то время делали войну против России все более и более яростною и нам еще далеко было до того, когда Бог нас вознесет во время. И это то, как мы говорили раньше, свело в могилу великодушнейшего, благороднейшего, правдивейшего из императоров, ратовавшего за правду против неправды врагов – нехристиан и христиан.⁶⁵¹ В то время, когда и писалась и произносилась Филаретом приведенная сейчас проповедь и писалось раньше того приведенное «Наставление» по случаю ополчения, император Николай уже был болен тяжело, а 18 февраля и предал праведную душу свою в руце Божии, о чем мы подробнее будем говорить в следующем отделе, к изложению которого теперь и приступаем.

3. Внутренняя политика

Те мысли и чувства, которые одушевляли внешнюю политику императора Николая, и те начала, и правила, которые руководили ею с самого начала его царствования, характеризовали собою и внутреннюю политику его царствования, лежали в её основании и были двигателями судеб и явлений внутренней жизни России за все тридцатилетие этого царствования, с тем только различием, что здесь еще более живо всеми и во всем чувствовалось осуществление обета, данного Николаем при вступлении на престол, – обета – «жить единственно для любезного отечества, и еще более видна была «беспримерная деятельность» богато одаренного от Бога силами духовными и телесными монарха. Все органы управления государственным чувствовали в Нем по истине главу государства, исполненную глубокого, всеобъемлющего и проницательного ума. способного сразу верно понять дело и быстро усмотреть те или другие, даже малейшие недостатки в исполнении его. Этим объясняется невольное смущение всякого. На кого, хотя бы, издали направлял свой взор император Николай. Не даром говорил о нем один из его современников:

*Котла меж нас являлся он,
Как ратник, вечно на походе,
Всегда как будто удручен,
Заботой о своем народе.
Когда свой взор он к нам склоняет,
Насквозь им душу проникая,
И в сердце каждого читал.
Или коря, иль одобряя:
Смущался каждый перед Ним!*⁶⁵²

Но как во внешней политике, что мы уже и видели из вышеизложенного, – далеко не все зависело от намерений и воли нашего монарха, так и во внутренней политике, во внутреннем состоянии Империи не всегда можно было предвидеть, «что родит находящий день», по выражению святителя Филарета.⁶⁵³ При всем том даже и в этих

непредвиденных случаях для такого императора, каким был Николай, оставался строго неизменным в своем осуществлении вышеупомянутый обет – «жить единственно для любезного отечества». А между тем этими непредвиденными случаями внутренняя жизнь России за 1825–1855 годы была богата почти не менее, как и внешняя политика её за тоже время. Ими, можно сказать, и началось царствование Николая Павловича, при чем мы имеем в виду ближе всего бунт декабристов, о котором уже упоминаемо было нами выше по другому обстоятельству и с иной стороны.

Теперь нам предлежит войти, хотя, несколько в самую сущность дела декабрьского возмущения и именно в такой мере, в какой это нужно для уяснения как дальнейших событий внутренней жизни России, так и проповеднической деятельности Филарета со стороны этой жизни.

Из обозрения проповеднической деятельности Филарета за время царствования императора Александра I мы знаем уже о зачатках и целях тайного заговора, послужившего основанием к бунту декабристов. К счастью для России, Александр I, знавший об этом заговоре и о замышляемом цареубийстве, в последние дни своей жизни повелел схватить главных заговорщиков и, таким образом, обессилил партию, стремившуюся к ниспровержению правительства и существующих порядков, так что поэтому означенный бунт не имел тех широких последствий, какие замышляемы были заговорщиками, хотя, случай к тому и был самый благоприятный. Разумею обстоятельства, следовавшие за кончиною императора Александра I, и из сказанного нами выше более известные нам по тому, что происходило при этом в Москве, а не в Петербурге, где сосредоточивался этот бунт.

Император Николай Павлович до самого открытия тайны престолонаследия не знал о тайном семейном договоре, которым, в случае смерти бездетного Александра, не Константин, а он и Николай призываем был на престол величайшей в свете Империи и потому не готовился к занятию этого высокого положения чрез предварительное ознакомление с административным механизмом государственной и

подробностями народной жизни, для сего в известной степени потребное, тем более, что и лета и здоровье императора Александра не подавали и мысли о том, чтобы последовала скорая перемена царствования. Но Господу угодно было воззвать к Себе Александра раньше, чем все ожидали. 19 ноября 1825 года он скончался в Таганроге, а в Петербург весть о том пришла 27 ноября. В столице северной из главных особ Царствующего Дома в то время находились только вдовствующая Императрица-Мать, Мария Феодоровна, и великий князь Николай Павлович, из коих только Императрице-Матери была отчасти известна тайна вышеозначенного договора. Но ее, конечно, так сильно поразила громовая весть о неожиданной кончине нежно любимого сына-императора, что ей в те минуты было уже не до благовременного открытия этой тайны.

Главным лицом в Петербурге тогда был генерал-губернатор граф М. А. Милорадович, известный герой войны 1812 года, облеченный от покойного императора высоким доверием и обширными полномочиями по управлению Петербургом. Явившись одним из первых в Зимний дворец, граф начал принимать меры к тому, чтобы всеми принесена была узаконенная присяга цесаревичу Константину Павловичу, об отречении которого он также не знал. Собрался и Государственный Совет. Председатель его князь Лопухин и член князь А. Н. Голицын поспешили объявить, что еще при жизни усопшего монарха переданы были в Совет пакеты, имевшие собственноручную надпись Его Величества – *вскрыть их тотчас же, после моей кончины, прежде, нежели приступить к каким-либо распоряжениям.*

Но Милорадович возразил, что прежде всего надобно исполнить долг верноподданных и принести присягу, а потом уже прочесть волю в Воле почившего монарха. Тогда великий князь Николай Павлович первый произнес присягу, и все последовали его примеру. Тотчас же разосланы были указы о присяге Константину I, и с той минуты все административные меры приводимы были в исполнение именем нового императора. А между тем тотчас же после присяги распечатаны

были и роковые пакеты, хранившие в себе уже известные нам акты о престолонаследии. По прочтении этих актов, решено было выждать окончательного изъявления воли нового императора. Но сей последний еще в ноябре, как только получил в Варшаве скорбную весть о кончине брата, пришедшую туда, как мы говорили в свое время, ранее, нежели в Петербург, тотчас же послал сюда, чрез августейшего брата своего, великого князя Михаила Павловича, на имя императрицы-матери и брата Николая письма, в которых выражал твердую решимость не уклоняться от принятого однажды намерения.

Письма эти все же пришли в Петербург позже 27 ноября, когда ему принесена была присяга, однако, и после того, при возникшем между благородными духом августейшими братьями великодушном споре об уступке престола одним другому, Константин настоял на своем прежнем решении и оставлял не распечатанными пакеты, которые присылались на его имя, как на имя императора. Тогда великому князю Николаю оставалось одно – уступить в великодушном споре с братом и принять бразды правления, Богом ему назначенные. 12 декабря обнародован был Высочайший манифест о восшествии императора Николая I на престол, с приложением всех бумаг отречения Константина от престола, при чем на будущие годы самый день восшествия на престол положено было праздновать 20 ноября.⁶⁵⁴ Разосланы были вновь указы о присяге 14 декабря по утру должны были присягать полки лейб-гвардии.

И вот это-то время захотели избрать благоприятным случаем к осуществлению своих преступных замыслов заговорщики, очевидно все подготавливавшие к тому с первого же момента известия о кончине Александра и о замешательствах в вопросе о престолонаследии, за нею следовавших. Раздалась в городе ужасная и вместе постыдная весть, что часть означенных полков взбунтовалась и не хотела присягать, что солдаты с распущенными знаменами явились на сенатскую площадь и кричали: *ура, Царь Константин!* но что при этом некоторые из лиц, одетых в партикулярное платье,⁶⁵⁵ и также прибывших на площадь, кричали: *Конституцию!* Ясно было,

какие мысли и желания питали в себе заговорщики, руководившие делом этого бунта и увлекшие часть простодушных воинов мнимой справедливой мыслью о законности царской власти, перешедшей к Николаю Павловичу.

Нужна была сильная решимость и быстрота действий, чтобы потушить в самом начале загоравшееся пламя бунта. Граф Милорадович тотчас же явился среди бунтовщиков – солдат, которые, не смотря на полупьяное состояние, в котором находились, узнали героя отечественной войны 1812 года и совсем было начали успокаиваться его разъяснениями, как вдруг из толпы заговорщиков выскочил один человек в партикулярном платье (после оказалось, что это был Каховский) и выстрелил из пистолета в Милорадовича, и не получивший ни одной раны в двухстах сражений герой в следующую же ночь умер вследствие раны, полученной от руки убийцы. После поражения Милорадовича замешательство еще более усилилось. Увещания не только сановных лиц военного и светского ведомства, но и таких, как первенствующий член Святейшего Синода митрополит Серафим,⁶⁵⁶ не действовали на обезумевшую и все более и более увеличивавшуюся толпу, хотя, и с глубоким прискорбием, но приходилось употребить в дело военную же силу для прекращения бунта. Первый шаг нового монарха был крайне тягостен. Ему приходилось теперь выступать не столько с милосердием своего покойного брата, сколько с строгостью Высшего Блюстителя порядка. И он сразу обнаружил те высокие качества своего духа, которые отличали его и во всю остальную жизнь, производя неотразимое обаяние на всех его подданных, имевших случай испытать на себе близость его присутствия. С геройской неустрашимостью он сам поехал в толпу бунтовщиков и обратился к рядам мятежных войск с словами кротости и убеждения возвратиться на оставленный ими путь долга и чести. Когда же убеждения монарха Отца не подействовали на безумцев, тогда Он явился во всем своём грозном величии и велел верным полкам гвардии стрелять в бунтовщиков картечью, и горсть мятежников была рассеяна. а главные зачинщики были схвачены и преданы суду.

Учреждена была следственная комиссия, которая вскоре раскрыла существование давнишнего и обширного заговора, бывшего плодом тайных обществ, составившихся в России после кампаний 1813–1815 года по примеру подобных же обществ, существовавших в Германии и Франции, и имевшего целью ниспровержение существующего порядка или путем постепенного преобразования общества и государства, как думали одни из заговорщиков, или же путем насильственного переворота, как думали некоторые из них,⁶⁵⁷ при чем более горячие и безумные головы, как мы замечали выше, не чуждались мысли о цареубийстве и даже об истреблении всей императорской фамилии. По желанию императора Николая, любившего всегда действовать честно и открыто, не только сущность, но и многие подробности раскрытого следственной комиссией были преданы гласности чрез напечатание в столичных ведомостях.⁶⁵⁸ Не смотря на сложность и важность дела, следственная комиссия, побуждаемая примером энергической деятельности императора, скоро рассмотрела дело, и на основании её расследований, манифестом 1 июня 1826 года был назначен верховный суд, который также не умедлил представить императору свой приговор над преступниками (декабристами, в числе коих главных было 121 человек.

Император смягчил этот приговор,⁶⁵⁹ и вскоре вся Россия забыла печальный и постыдный эпизод своей истории – 14 декабря 1825 года, особенно в виду тех радостных, высокаторжественных событий, которые вскоре за тем последовали. Разумею ближе всего коронацию 22 августа 1826 года, в виду которой следственная комиссия и спешила окончить означенное дело, как мы замечали раньше. И так как в проповедях самого Филарета печальные события декабрьского возмущения рассматриваются, между прочим, по противоположению их радостным событиям нового царствования, и ближе всего – коронационным торжеством, то мы кстати поведем теперь речь и об этих последних торжествах. Начало коронационных торжеств для Москвы, где и имела быть самая коронация, положено было еще весною 1826 года,

именно прибытием сюда Императрицы-Матери в конце апреля сего года, ехавшей чрез Москву на встречу возвращавшейся из Таганрога вдовствующей Императрице Елисавете Алексеевне. В Москве императрицу-матерь, пред вступлением её в Успенский собор, 30 апреля Филарет встретил следующей речью: «Благочестивейшая Государыня! Некто видел и вопрошал внезапное видение, *кто сия проницающая аки утро?* (Песн.2:6:9) Мы видим, и не как внезапно явившуюся вопрошаем, но как всегда вожделенную Тебя призываем: прииди, *проницающая аки утро*, сквозь остающийся еще сумрак после глубокой предшествовавшей ночи, восходящая, как тихая заря, предвестница нового солнца, из тебя России воссиявшего, нами с нетерпением ожидаемого. Прииди мать царей! Отец светов да благословит вход твой, и да совершит приносимую нам тобою надежду, вскоре увидеть в полноте священной славы, уже сияющего царскими доблестями Николая, – твое и наше утешение».⁶⁶⁰

Эта блестящая речь Филарета, по напечатании её, была представлена, чрез князя С. М. Голицына, её Величеству императрице-матери и благосклонно ею принята,⁶⁶¹ как нам уже известно, желание императрицы-матери соединиться объятиями любви с Императрицею-Невесткой её не осуществилось. Последняя тихо скончалась на пути из Таганрога в Белеве 4 мая, и императрица-матерь, доехав на встречу ей лишь до Калуги, отсюда снова вернулась в Москву и таким образом встретила холодные объятия в Бозе почившей императрицы Елисаветы Алексеевны. особенно горячо помолившись о последней при перенесении тела её чрез Московскую губернию, в городе Можайске.

Но взамен скорби об утраченном любимом существе для царской семьи готовилась радость о рождении нового члена в этой семье 14 мая супруга великого князя Михаила Павловича. Великая княгиня Елена Павловна благополучно разрешилась от бремени в Москве дочерью, которую, в память о почившей Императрице, и наименовали Елисаветою же. И в этом-то смысле, по совершении благодарственного молебствия о рождении сей великой княжны Филарет 16 мая того же года в

кафедральной Алексеевской церкви говорил императрице Марии Феодоровне, пребывавшей еще в Москве и оставшейся здесь до коронации, следующую речь: «Благочестивейшая Государыня! Если бы мы колебались предаться силе радости, которая возбуждается ныне в сердцах наших, то поощрило бы нас к тому слово самого Иисуса Христа. Жена, говорит Он, едва *родит, не помните скорби за радость, яко родися человека в мир (Ин.16:21)*. Если дитя, рождающееся какой-либо матери, заставляет ее забыть скорбь матернюю, то дитя, которое Бог даровал и высокой чете, и вместе августейшему дому, и всему многочисленному семейству Российского народа, не должно ли всех привести в *радость, не помнящую никакой скорби?* Вниди наипаче Ты, великая мать, в сию радость твоих детей, и усугуби радость жаждущей радостного взора твоего столицы. Возлюбленная тебе и нам чета произвела младенца, которого возлюбит Россия. Ты во младенце сем воскресила имя, которое любила Россия. Да дарует Бог тебе и родителям Елисаветы видеть ее цветущею возрастом, и настоящую радость созревающею неувядаемо».⁶⁶²

Так искусно наш вития сумел сочетать здесь упоминание и о бывших скорбях всероссийских и в настоящей о предстоящих радостях России. И так как императрица Мария Феодоровна не только воздействовала на то, чтобы новорожденная внука её была названа именем покойной императрицы Елисаветы Алексеевны, но и благоволила быть её восприемницей от купели, то сия новорожденная, таким образом, еще более восполняла для неё потерю императрицы Елисаветы, как крестная дочь её, что и выразил Филарет в другой речи своей к царице-матери, сказанной в той же Алексеевской церкви 13 июня «по восприятии её императорским Величеством от святого крещения благоверные государыни великие княжны Елисаветы Михайловны».⁶⁶³

Речь эту также, по напечатании её, Филарет преподнес, чрез того же князя С. М. Голицына, императрице-матери и родителям великой княжны.⁶⁶⁴ В имении князя С. М. Голицына, в селе Влахернском, или Кузьминках, в 7 верстах от Москвы, императрица и жила на даче (с 5 июля) в ожидании

коронации.⁶⁶⁵ Но вот приближаться стало и время коронации. Торжеству коронации, кроме сейчас описанных дней, предшествовал еще один высокаторжественный день, это – день рождения нового государя императора 25 июня, впервые тогда (в 1826 году) праздновавшийся с особо торжественностью. Так как к этому времени уже известны были результаты действий следственной комиссии относительно декабристов, то Филарет в своей проповеди на этот день не мог не коснуться событий декабрьского возмущения, указать их настоящее значение и дать соответственное наставление своим слушателям. Эту проповедь говорил он в Чудовом монастыре на текст, *правда возвышает язык, умаляют же племена грехи* (Притч.14:34), и начал так. «Священная обязанность собрала нас ныне во святой храм, дабы Виновнику всех благ Богу торжественно принести благодарение и молитву, благодарение за дар, ниспосланный отечеству нашему в рождении государя, праведно ныне царствующего над нами; молитву – о продолжении сего благодеяния Божия, то есть, о благополучном продолжении настоящего царствования. Сынам отечества, которые не младенчают умом, не трудно уразуметь, справедливо ли называю даром Божиим рождение Государя, законно и праведно царствующего, и благодеянием Божиим в особенности такое царствование, коего первый день соделался днем спасения царственного благоустройства, от разрушительного вихря злобы, который внезапно исторгся было из пропастей безумия. поскольку дар для всех и каждого, то да будет и благодарение за оный от всех и каждого. Чем спасительнее благодеяние, тем пламеннее да будет молитва о продолжении оногo. Но, делает переход к главной мысли наставления проповедник, как и добрая по своему видимому предмету молитва не всегда равно бывает благоприятна Богу, Который даёт просящим *по сердцу их* (Пс.19:5), и *воздает каждому по делам его* (Рим.2:6), то надлежит знать, что тогда только может иметь верный доступ к престолу Благодати молитва о царе и царстве земном, когда ей предшествует или сопутствует деятельная любовь к Царю и царствию небесному».

И далее, на основании слова Божия показав условие, на котором утверждается судьба как царя и царского племени, так и царств и народов и которое в сущности сводится к тому, что выражается в принятом за основание проповеди тексте, наш вития искусно раскрывает и на основании понятия о свойствах Божиих и на основании исторических примеров, что действительно *«правда, или добродетель, возвышала язык, то есть доставляла благоденствие народу, а умаляли, то есть, в низкое и бедственное состояние приводили племена грехи»*, что и требовалось доказать слушателям в виду современного состояния общества. Ибо «если, – по словам нашего витии, – невнимательность и холодность к вере уменьшает благоговение к священной клятве, и таким образом ослабляет союз верности, соединяющий подданных с царем и царством; а хитрость, еще к большему ослаблению сего союза, не страшится употреблять клятву, чтобы связать ею в общем составе государства особенные узлы своевольных соумышлений и незаконных скопищ, великая утрата общественной силы, которая состоит в соединении!» – Ясный намек на злоупотребление присягою в декабрьские смуты. Или «если различные состояния общества, от неправильного движения страстей, подобно вывихнутию членов тела, выходят из свойственных им мест и пределов, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втесняются в дела, со всем до них не принадлежащие, например, воин хочет законодательствовать; не признанный Церковью поставляет себя учителем веры; поселянин прилагает ухо к молве о вольности, которой не понимает, и которою не умеет пользоваться, гражданин мечтает о благородстве имени, не принадлежащем его званию, не поставляя в справедливую цену благородства духа, в приобретении которого никто ему не препятствует, – что может от сего последовать, как не то, что и весь состав тела государственного производить будет нейтральные и не здоровые движения?» и т.д. И к сему святитель-вития не даром прибавляет внушительные слова *«имеяй уши слышати, да слышит»*.

Современникам его весьма понятно было то, что слышали уши их. И только в виду приближавшегося светлого торжества

коронации вития не употребил более мрачных красок для изображения того, что было делом декабристов и последствием – выясненного комиссией. А потому он заключил свою проповедь такими сдержанными словами: «Благословен Бог, Который до ныне правдою возвышал язык наш! Сила благодати Его да умалит в нас умаляющие племена грехи. Аминь».⁶⁶⁶

Да и на деле незначительная горсть людей, пытавшихся связать своего рода клятвою или присягою «в общем составе государства особенные узлы своевольных соумышлений и незаконных скопищ» и увлечь простодушных воинов с тем, чтобы они стали законодателями, не должна была и не могла многомиллионному народу русскому мешать принять участие в исконном торжестве коронации, таинственно связующем законного царя народа с народом и долженствовавшем предать забвению декабрьский «разрушительный вихрь злобы, который внезапно исторгся было из пропастей безумия».⁶⁶⁷

На коронацию сановные особы всех ведомств начали съезжаться в Москву еще в июле. 2 июля прибыл в Москву, и сам государь император с августейшею супругою Александрою Феодоровной и другими особами высочайшей фамилии и по обычаю остановился в Петровском дворце, где был встречен придворным духовенством в облачении с крестом и святой водою. 25 июля происходил торжественный въезд в Москву из Петровского дворца, а 22 августа самая коронация. По церемониалу, заранее утвержденному, в священнодействии коронации первенствующим по старшинству был новгородский митрополит Серафим, вторым по нем киевский митрополит Евгений, а Филарет Московский только в сей день возведенный на степень митрополита,⁶⁶⁸ – третьим; но зато Филарет, по особому назначению самого Государя, удостоился чести говорить ему речь, и он сказал ее на славу. Речь Филарета произнесена была им пред вступлением Его Величества в Успенский собор для священного коронования и миропомазания. Вот эта замечательная речь, также весьма искусно соединившая и воспоминание о печальных обстоятельствах восшествия на престол и мысль о настоящем светло-радостном торжестве: «Благочестивейший государь!

Наконец ожидание России совершается. Уже ты пред вратами святилища, в котором от веков хранится для тебя твое наследственное освящение. Нетерпеливость верноподданных желаний дерзнула бы вопрошать: почто ты умедлил,⁶⁶⁹ если бы не знали мы, что как настоящее торжественное пришествие твое нам радость, так и предшествовавшее умедление твое было нам благодаяние.

Не спешил ты явить нам твою славу, потому что спешил утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконец, яко царь не только наследованного тобою, но и тобою сохраненного царства. Не возмущают ли при сем духа твоего прискорбные напоминания? Да не будет! И кроткий Давид имел Иоава и Семея (3Цар.2:5–8), не дивно, что имел их и Александр Благословенный. В царствование Давида прозябли сии плевелы: а преемнику его досталось очищать от них землю Израилеву, что ж, если и преемнику Александра пал сей жребий Соломона? Трудное начало царствования тем скорее показывает народу, что даровал ему Бог в Соломоне. Ничто, ничто да не препятствует священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господе. Сынове Сиона возрадуются о царе своем. Да начнет все множество хвалити Бога: Благословен грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеня сердца, да устроит из них одно кадило пред Богом, чтобы совознести фимиам твоего сердца, да снидет благодатное осенение Царя царствующих на тебя и твое царство Вниди, Богоизбранный и Богом унаследованный государь император! Знаменами Величества облеку свойства истинного Величества. Помазание *от Святаго* да запечатлеет все сие освящением внутренним и очевидным, долгоденственным и вечным».⁶⁷⁰ Надобно заметить, что и двум старейшим митрополитам назначено было также говорить речи при торжестве коронации, конечно, в разное время, и при сем многие находили особенно хорошою речь Киевского митрополита Евгения. Но вот что пишет о том по получении описания коронации с текстом всех трех речей, тобольский архиепископ Евгений (Казанцев) своему родственнику, Московскому священнику И. А. Благовещенскому, от 23

сентября 1826 года, «речь Евгениева подлинно хороша. Но решить трудно, чья лучше. Это зависит от вкусов. По мне все лучше, т.е. всякая в своем роде». ⁶⁷¹

Для нас же в настоящее время более всего важно то, что мы сказали о сочетании напоминания о времени восшествия на престол и мысли о настоящем торжестве и его значении. Торжество это в рассматриваемом отношении и в его значении для народа русского особенно возвышало присутствие на нем столь великодушно отрекшегося от престола величайшей в свете Империи цесаревича великого князя Константина Павловича, прибывшего из Варшавы в Москву пред самым днем коронации. Торжество единения народа с царем, и царя с народом было полное. «По рассказам очевидцев, император Николай возбудил особенный восторг народа следующим своим, в сущности обыкновенным поступком. Император, после своего коронования, проследовал под великолепным балдахином и облеченный во все императорские регалии, из Успенского собора в Благовещенский, а отсюда к красному крыльцу. Взошедши на верхнюю ступень крыльца, государь обратился лицом к необозримой массе народа, наполнявшей весь Кремль, и троекратным наклоном головы приветствовал своих верноподданных. Восторг народа в эту минуту положительно не знал границ; громкие неумолкаемые крики огласили воздух, бесчисленные шапки полетели вверх; толпы шумно волновались; незнакомые между собою люди обнимались и многие плакали от избытка радости». ⁶⁷²

Коронационные торжества продолжались и в следующие, за самую коронацией, дни в тех или других видах. Для простого народа устроено было угощение на Девичьем поле; при дворе и у многих более или менее знатных особ были балы и вечера. Как на Девичьем поле среди простого народа, праздновавшего царский праздник, так и на многих из балов присутствовал сам государь-император с императрицами и другими членами августейшей фамилии, и тем, конечно, еще более оживлял празднества и одушевлял сердца всех любовью к себе. По случаю коронации от престола нового императора излиты были многие и обыкновенные и чрезвычайные милости на все

сословия.⁶⁷³ Ряд коронационных торжеств завершился путешествием императора и царской фамилии в обитель преподобного Сергия. При этом Филарет, как настоятель обители, встретил в ней государя 25 сентября в день памяти преподобного Сергия, новою речью, следующего содержания. «Боговенчанный государь и Помазанник Божий! С сих священных высот, которые пред очами твоими пять нескудных достопамятностями веков приветствуют⁶⁷⁴ сию минуту, которая умножает достопамятности сего места. Здесь, где Димитрий Донской искал совета в победе, Петр Великий – безопасности, многие твои предки и предшественники подкрепления и ободрения духа, для великих подвигов великого звания, – здесь являешься и ты, чтобы положить царственные советы души твоей пред алтарем Триипостасного Бога, при гробе избранного раба Божия. Новый, к прежним, подвиг царского благочестия! Новая посему надежда небесных благословений на Царя и царство. Если бы кто в особенности спросил, что значит сие путешествие к пустынному алтарю, вскоре после царственных молитв и царственного освящения Твоего в Твоем первопрестольном граде, в изъяснение сего можно указать еще древнейший пример, как новый, но уже помазанный и укрепившийся на царстве своем царь народа Божия от кивота Господня, бывшего в престольном граде Иерусалиме, восходил с молитвою в Гаваон, к скинии свидения Божия, юже сотвори Моисей раб Божий в пустыни; там особенно приближался к Богу, просил от Него царской мудрости и, за сие превосходное прошение, преизбыточно награжден и мудростью, и богатством и славою (2Пар.1:1–12). Таковыми воспоминаниями вразумляемые о духе настоящего события, мы вновь спешим, благочестивейший государь, и здесь в пустыне, подобно как прежде в столице, к твоей царской молитве присоединиться общими молениями: *да даст ти Господь по сердцу твоему, и весь совет твой исполнит*, да пребудет венец твой присно сияющий мудростью, держава твоя непобедимо сильна правдою и благостью, скипетр твой благодвижен посредством закона и порядка; да соделается царство твое образцом царств

благоуправляемых, да сохранится августейшее семейство твое, как образец семейств благословенных».⁶⁷⁵

Вскоре после посещения Лавры Сергиевой царская фамилия возвратилась в Петербург; но то, что сказано было святителем Московским Государю императору в Лавре, как заключительное молитвенное благожелание, было как бы пророчеством, осуществившимся в жизни и деятельности славного монарха, начавшего царствование свое с подавления крамолы, – как бы программу этого царствования.

Не смотря на то, что новый император-помазанник Божий с самого же начала своего царствования вынужден был вести борьбу не только с внутреннею крамолою, но и с внешними врагами – с персами и турками, как мы о том знаем из предшествующего, не смотря на то, что он вступил на престол без предварительной нарочитой к тому подготовки, он сразу же явил и потом во все царствование свое являл в себе тот, образец мудрого, правдивого и благостного царя, строгого блюстителя закона и порядка, который начертал святитель Филарет в своей «Лаврской речи»⁶⁷⁶ к императору и который в свою очередь самое царство его сделал «образцом царств благоуправляемых».

По рассказам современников обозреваемого нами царствования, император Николай будто бы сказал в одно время Дибичу: «что я сделал для истории?» давая этим понять, что он не был виновником какого-либо всемирно-исторического события в роде того, какого виновником был его предшественник. благодаря войнам 1812–1815 годов и как бы намекая тем на занимавшую его мысль о таком, например, событии, как восстановление Константинополя на месте Стамбула.⁶⁷⁷

Но если и была когда-либо подобная мысль у императора Николая, при том не только при жизни Дибича (умершего в 1831 году), но и пред Крымскою войною 1853–1856 года, то по истечении всего времени царствования этого императора можно было прямо и смело сказать, что он «сделал для истории» отнюдь не меньше, если не больше, нежели его благословенный брат и притом не столько во внешней, сколько во внутренней

политике, хотя, нет сомнения, что совершенное им возрождение греческой и других народностей Востока к политически-самобытной жизни также стоит не меньше, чем совершенное братом его освобождение Европы от Наполеона, если строго всмотреться в это дело, однако, и это дело еще не так важно, как дело мудрого законодательства, которым обессмертил себя Николай, совершивший с этой стороны то, чего желали, но не могли совершить все предшественники его, начиная с самого Петра Великого.

Это дело, которое было делом всего его царствования, оставило за ним вполне заслуженную и не увядающую для истории славу *государя-законодателя*. Законность и порядок лежат в основании природы и человечества, и от того-то люди, даже на самых первых ступенях развития просвещения своего, стремятся устроить жизнь свою по известным, определенным законам. Едва лишь получила свое начало государственная жизнь в России, как мы видим уже стремление русских Государей к составлению законов для всего государства, с течением времени все более и более умножавшихся, развивавшихся и расширявшихся. «Русская Правда» Ярослава Мудрого, «Судебник» Иоанна Грозного и «Уложение» Царя Алексея Михайловича служат наилучшими выразителями и памятниками этого стремления.

И, хотя, Уложение привело в единство все прежние разнообразные законы, однако, составленное, по требованиям обстоятельств времени, весьма спешно, оно заключало в себе лишь общие, главные начала законодательства и уже для своего времени оказывалось неудовлетворительным для многих частных случаев судебной практики. Дополнения были неизбежны, и они вскоре же появились во множестве, под именем новоуказных статей, часто не согласных ни между собою, ни с главным уставом Уложения, так что не более как чрез полвека после выхода в свет этого Уложения оказалась надобность в Своде узаконений, для составления коего Петр I и учредил в 1700 году особую комиссию. Но дело оказалось далеко не легким и, не смотря на понуждения императора, прошло много лет, а комиссия могла составить лишь немного

глав нового сводного Уложения. Тогда Петр решился было сочинить совершенно новое Уложение, главным образом на основании шведских законов. Но и это ему не удалось, и Петр Великий умер с мечтою об этом деле, которое он почитал венцом своих деяний.

Девять царствований сменились после Петра, при чем не раз изменялись и начала, и правила как внешней, так и внутренней политики; но мысль о необходимости свода законов отечественных была постоянным, неизменным стремлением царствовавших в это время государей и государынь. Много было с их стороны попыток в этом роде. Много уже и сделано в этом направлении. особенно же при Екатерине II и Александре I. При всех государях и государынях существовали комиссии с тою же целью; при чем одни из них (при Петре II и Павле I) заботились о своде отечественных законов; другие (при Анне Иоанновне и Петре III) об Уложении, которое бы составлено было из русских законов, при пособии иностранных источников; третьи (при Елисавете, Екатерине II и Александре I), об Уложении, которое, будучи извлечено из теории права, было бы в тоже время сообразно требованиям века и духу отечественных законов.

Но не смотря на огромные издержки правительства на это дело (на содержание одних комиссий и притом лишь с 1754 года, например, затрачено более нежели полтора миллиона рублей), плодом всех усилий, трудов и издержек правительства по этой части было лишь несколько проектов. Несколько глав, не получивших силы закона. Между тем со времени Уложения Царя Алексея Михайловича число одних актов, гласивших о собственности, чести и жизни каждого русского, возросло до 30 тысяч, и это число как подобных, так и других актов, с каждым годом все увеличивалось, а при изменении потребностей времени все более и более перепутывались старые, отжившие законы с новыми и чрез то все более и более затруднялась практика судебная. Конечно существовало общее, само-понятное правило, по которому предыдущий закон отменяется последующим, изданным в тех же обстоятельствах и по тому же предмету, но случалось нередко и так, что главное положение

старого закона отменялось, а проистекавшие из него подробности имели свою силу, в явном противоречии с новым.

Притом даже и сами блюстителя правосудия часто не звали и не могли знать, какие из старых законов заменены новыми, так как не было не только свода, но и сколько-нибудь удовлетворительного собрания законов в хронологическом их порядке. Законы хранились в архивах присутственных мест и смотря по намерениям и желаниям не всегда честных блюстителей правосудия или являлись на свет неожиданно для ищущих правосудия, или же скрывались под спудом. Но и при добросовестности судей в нашем отечестве было более места их произволу, нежели в других государствах, ибо здесь мог иметь силу и часто имел, при недостаточности отечественных законов, кодекс Юстиниана или другие памятники Римского права, послужившего основанием для европейского законодательства, а у нас и этого не было.

Всеми это чувствовалось, и в то же время, при бесплодности вековых усилий, чувствовалось и полное бессилие улучшить положение дела. Ябеда, корыстолюбие и криводушия находили себе полный простор и обильную жатву среди массы перепутанных между собою законов, а невинность часто страдала, не находя себе защиты, тогда как, наоборот, самое наглое преступление торжествовало.

Но вот наконец взялся за это дело энергично-деятельный, решительный император Николай, и, не смотря на то, что и его слова о том встречены были многими с недоверием к удаче предприятия, дело в короткое сравнительно время было выполнено блестящим образом. Чрез полтора месяца по восшествии своем на престол, именно 31 января 1826 года, император дал на имя председателя Государственного Совета князя П. В. Лопухина рескрипт, в котором между прочим, говорилось: «При первоначальном обозрении разных частей государственного управления обратив особенное внимание на Уложение отечественных наших законов, усмотрел я, что труды, с давних лет по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселе не достигли своей цели. Желая сколь можно более удостоверить успешное их совершение, я

признал нужным принять их в непосредственное мое ведение. Для сего приказал я учредить в собственной моей канцелярии особое для них Отделение».⁶⁷⁸

Это знаменитое II-е (законодательное) отделение собственной Его императорского Величества канцелярии, которое с тех пор и доселе ведет дело, служащее продолжением начатого императором Николаем великого дела. В главные руководители дела государь избрал уже известного нам и опытного в законодательных работах государственного мужа первой половины царствования Александра I, М. М. Сперанского, с целым штатом помощников ему назначенных, и в свою очередь неутомимо деятельный Сперанский вполне оправдал доверие государя и не даром, не смотря на свое происхождение из духовного сословия (он был сыном священника), возведен был в графское Российской Империи достоинство по окончании законодательных работ.

Прежде всего император Николай, принявший великое дело законодательства в свое непосредственное ведение, по запросу Сперанского о том, какого держаться плана и пути в предпринятых законодательных работах, повелел следовать первоначальному плану комиссии, учрежденной Петром I, т.е. составить свод действующих законов, без всяких изменений последних. Но для сего нужно было собрать материалы, т.е. разбросанные там и сям и хранившиеся в архивах законы собрать и расположить в хронологическом порядке. Четыре года неутомимой деятельности II отделения собственной Его Величества канцелярии, поощряемой и непосредственным вниманием и образцом, «беспримерной деятельности» самого императора, не смотря на бывшие в то время внешние войны, принимавшего живейшее участие в этом деле и входившего во все подробности его, имели первым и важнейшим плодом своим 45 томов *Полного Собрания законов Российской Империи*, куда вошли, в хронологическом порядке расположенные, все законы начиная Уложением царя Алексея Михайловича и кончая законами, изданными до дня вступления на престол императора Николая Павловича. Это было в 1830 году.

За этим первым Собранием последовало *второе такое же Собрание*, содержащее в себе законы, начавшие свое существование со времени царствования Николая. После того уже не так трудно было составить и давно желанный *Свод законов Российской Империи*. И ровно чрез 7 лет после начала всего дела, т.е. 31 января 1833 года явился этот Свод, к общему величайшему удивлению и удовольствию всех жаждавших и алкавших правды. В изданном по сему случаю высочайшем манифесте от 31 января 1833 года было сказано между прочим, об этом Своде: «все законы начиная от Уложения 1649 года по 1 января 1832 года, в течении 183 лет изданные и при разнообразных изменениях времени сохранившие поныне силу их и действие, быв разобраны по родам их и отделены от всего, что силою последующих узаконений отменено, все, исключая постановлений военных и морских и некоторых других, сведены в единообразный состав, соединены в одно целое, распределены в книги по главным предметам дел правительственных и судебных. Все, что после 1 января 1832 года состоялось, или что по общему движению законодательства впредь состоится, будет по порядку тех же книг и с указанием на их статьи распределяемо, в ежегодном Свода *Продолжении*, и таким образом состав законов, единожды устроенный, сохранится всегда в полноте его и единстве.⁶⁷⁹

Сперанский тогда же получил орден св. Андрея Первозванного, собственноручно императором на него возложенный. Не так уже трудно было потом и усовершенствование законодательства, предпринятое после издания свода законов и опять под ближайшим заведыванием графа Сперанского, и скончавшегося (в 1839 году) за этою работой, продолженною после него графом Д. Н. Блудовым. Так вышло в 1845 году высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, а затем и другие законоположения в новом, усовершенствованном виде. Все великое значение, и теоретическое (для науки права) и практическое, – законодательство Николаевского царствования и обнять, и выразить невозможно. Словом сказать, теперешнее

законодательство русское и в науке, и в приложении к жизни было бы совершенно немыслимо без того, что сделано в царствование, нами обозреваемое.

Мог ли же, поэтому, спрашивается теперь, не обратить внимание на законодательную деятельность императора Николая тот святитель, который в самом начале его царствования приветствовал его молитвенным благожеланием, чтобы «скипетр» его был «благодвижен посредством закона и порядка», чтобы «венец» его был «присносияющим мудростью?»

Мог ли он не коснуться этой стороны деятельности его и в своей проповеди? Как бы нарочито для противоположения того, что было до 31 января 1826 года и что стало после сего, мы имеем две проповеди Филарета, относящиеся специально к интересующему нас предмету и произнесенные – одна в самом конце 1825 года, а другая в 1833 году. Первая из этих проповедей произнесена в Чудове монастыре декабря 26 дня 1825 года и обращена «к новоизбранным судиям пред произнесением присяги» со стороны их. Она сказана на текст: *боящиися Господа обрящут суд, и оправдания, яко свет, возжгут* (Сир.32:18). Надобно заметить, что незадолго пред тем состоялось избрание этих судей и «пред присягою для избрания» их 16 декабря в Казанском соборе Филарет также произносил слово, приличное случаю.⁶⁸⁰ Поэтому настоящую проповедь свою, то есть, проповедь 26 декабря он и начинает такими словами: «Избрание искало судей, и обрело их, теперь избранным судиям надлежит искать суда, и – о, если бы они обрели суд, и оправдания, яко свет, возжгли! О, если бы нашли они для себя, и употребили для общества, такое искусство судить, чтобы оправдание невинного, и обвинение виновного ясно было, как свет; чтобы верное познание истины возжигало в них самих живую ревность к порядку я благу общественному, и распространяло сей священный огонь во всем круге их действия!».

Затем делает переход к характеристике тогдашнего судопроизводства на основании законов, еще не приведенных «в единообразный состав», говоря: «Народ ищет суда у

поставленных судей. Где же поставленным судиям искать суда, так чтобы он был у них готов для всякого человека, для всякого дела, для всякого случая? Не в законах ли? Без сомнения, всего ближе искать оно там. Ибо для чего и написаны законы, если не для того, чтобы судии обретали в них готовый суд, который бы оставалось им только прилагать к известным лицам, делам и случаям?» И предлагает меткую и верную характеристику положения судей при судопроизводстве при тогдашнем хаотическом состоянии законов: «Но мне кажется, что искание суда в близком, по-видимому, хранилище, каковы суть книги законов, не без затруднения для судии ново поставленного. Чтобы обретать суд в законах, надлежит изучить их, но вероятно, что не каждый новоизбранный судия изучил законы предварительно, так как не каждый предназначал себя к званию судии,⁶⁸¹ как же скоро кто избран в сие звание, он должен тотчас вступить не в училище судей, а в самое судилище; а судилище не позволяет судить сперва, как случится, доколе научатся судить, как должно. Кроме сего, разнообразное множество законов нередко затрудняет и сведущих, и опытных в законоискусстве; а ежедневно раздающиеся новые законы, в изъяснение и дополнение прежних, показывают, что разнообразие дел и случаев, простираясь гораздо далее разнообразия законов, ежедневно представляет и будет представлять новые дела и случаи, на которые готового суда в законах не находится. Где же, – спрашивает после того наш вития, – поставленным судиям искать более готового суда? Не в здравом ли разуме? Подлинно, разум судил людей, когда ни одного закона не было еще написано; потом разум же написал законы для суда, и наконец в тех, которые обязаны судить по законам писанным, живет еще тот же человеческий разум, который произвел все человеческие законы. Но, говорит вития, мне кажется, и в разуме, хотя, каждый носит с собою сию сокровищницу истины, – и в собственном разуме найти готовый суд не без затруднения. В самом деле, если бы удобно было каждому судии обретать суд в собственном разуме, то не для чего было бы писать законы. поскольку же найдено нужным написать

законы, то сие показывает, что найдено неудобным почерпать суд из одного собственного разума; так как сей источник у иных не открыт, у иных безводен, у иных наполнен брением, или засыпан прахом, то есть, иным не достает образования, иным способности, у иных предрассудки или страсти заглушают здравый смысл и естественное чувство справедливости. Закон есть опытом утвержденный разум не одного человека, но правительства, целого народа, многих поколений, как может сравниться с ним личный разум одного какого-либо человека? Закон тем чище видит умственно, тем вернее показывает отрешенную истину суда, что он не развлекается видом чувственной личности подсудимых и прикосновенных к суду, для него нет ни лица сильного, ни врага, ни друга, ни даров, напротив того, личный разум судии тем удобнее ослепляется духовно, чем более видит чувственно; при виде сильного возмущается страхом; для друга смягчается, и, думая снисходить, впадает в слабость; на врага раздражается, и строгость простирает до жестокости; дарами прельщается; и, преследуя воздаяние, неприметно теряет из вида правосудие. Где же, вопрошает теперь вития, и легко, и верно найдут судии суд законный, при обыкновенных неудобствах со стороны законов, благоразумный при обыкновенных несовершенствах человеческого разума? Кто постигнет сию тайну суда? Кто, подобно высочайшему и совершеннейшему Судии, – Богу, *изведет, яко свет правду*, которую затмевать между людьми соединяются искусство и неведение, сила и немощь, живущая в судии страсть и мертвый разум законов? Да не оскорбятся законоведцы и мудрецы, – отвечает на предложенный вопрос наш проповедник, – но паче да вразумятся; не их собственно званию поверяет Верховный Судия великую тайну суда; есть другое, более действительное звание, тайных Его советников, звание боящихся Господа. *Боящийся Господа обрящет суд, и оправдания, яко свет, возжгут»*. И таким образом наконец на этих, взятых в самое основание проповеди, словах Писания, утверждает главную мысль её и самую силу наставления». ⁶⁸²

Но вот в начале 1833 года издан был свод законов, – и Филарет в проповеди своей, произнесенной на день коронации государя 22 августа того же года, счел нужным говорить о состоянии законов совершенно иначе, нежели как говорил о том в конце 1825 года. «Если бы в сей день, так начал он эту свою проповедь, освещаемый сиянием царского венца, величественного и благолепного, не столько по числу и достоинству камней честных, сколько по достоинству законной наследственности, по преимуществу освящения свыше, по превосходству царских доблестей, которые он покрывает, – возжелали мы, россияне, увидеть венец сей в новом блеске, то мы тотчас можем иметь сие приятное видение, обратив наблюдательный взор на новые царственные деяния благочестивейшего императора. Посмотрите, например, на новый состав Российских законов, столь ожидаемый правосудием, и наконец извлеченный из разночастных, разнообразных, иногда недружных стихий разновременного законодательства. Не если это новый, светлый, из отечественных копей извлеченный, камень в венце Николая Первого, – камень которого так долго искали Его предшественники и который Он своею неутомимостью предвосхитил у своих преемников».

И затем, так как эту проповедь свою наш вития произносил на текст: *Побеждай благим злое (Рим.12:21)* и в доказательство мысли, заключающейся в этом тексте, приводил многие примеры и соображения (между прочим, и пример, нами указанный в своем месте и касающийся подавления восстания в Египте); то, по связи мыслей и в разрешение одного из возможных возражений, он касается и некоторых частных вопросов законодательства и права. «Спросят, может быть, говорит он, как же наказывают убийцу смертью? Как же ведут войну? Ответствую: иное право частного человека, иное суда, и еще иное власти верховной. Власть верховная, поскольку не имеет над собою судии на земли, по необходимости сама должна судить обиды, наносимые государству, и употреблять войну исполнителем государственного правосудия; но и сия, верховная власть, одушевленная достойными своей высоты

чувствованиями, делает не для того, чтобы поразить злым злое, но, чтобы защитить и охранить благое, то есть, безопасность и благо собственного её государства. Если власть судебная внутри государства сражается злом наказания против зла преступления, и сие так разнится от частного мщения, как рассудок от страсти, как созидание от разрушения. Суд сражается против зла не за себя, но за невинно страждущего, следственно, водится не злом мщения, но благом сострадания, человеколюбия, справедливости, притом в благоустроенном государстве суд только открывает виновного, а наказывает его закон; но и закон гражданский. Если он изречен духом христианского правосудия, не имеет намерения мстить за зло, а пресекать и предупреждать зло; не имеет намерения убивать убийцу, но смертью, или другим образом, лишать его возможности убийства, и охранять от него живущих. В сем именно духе кроткий закон благочестивейших самодержцев наших присуждает и убийце не смерть, а жизнь, хотя, отлученную от жизни честных граждан, однако же, – жизнь и надежду умереть не смертью преступника, а смертью христианина». ⁶⁸³ И во многих других проповедях своих Филарет касается различных частных вопросов законодательства и права; ⁶⁸⁴ а по истечении 25-летия со дня вступления императора Николая на престол святитель, исчисляя деяния его за это 25-летие, нарочито упомянул опять и о законодательной деятельности его, ⁶⁸⁵ чего не говорил ни об императоре Александре I, ни об императоре Александре II. Такой важности было дело законодательства императора Николая.

Между тем как во внешней политике император Николай Павлович занимался делом умиротворения Востока и устройством судьбы восточных христиан, а во внутренней – законодательными работами, неожиданно посетило Россию великое народное бедствие – холера, до 1829–1830 года совершенно неизвестная России, а с сего времени не раз посещавшая её в царствование императора Николая. В настоящем нашем исследовании нам нет возможности, да и надобности, вдаваться в подробности истории этого бича народного. Мы ограничимся только проявлениями холеры в

Москве и Московской губернии, да и то лишь на столько, на сколько это касается уяснения проповедей Филарета, относящихся к холерным временам,⁶⁸⁶ и имеющих самым предметом своим «губительную болезнь» – холеру. До начала сентября 1830 года Москва была вполне спокойна и о холере в ней не было даже речи, хотя, холера еще с июня этого года свирепствовала на юго-востоке России, быв занесена туда еще в 1829 году из Персии. Но уже с началом сентября начали поговаривать об отдельных случаях заболевания этою болезнью и в Москве, куда она занесена была с нижегородской ярмарки. Население Москвы встревожилось. У страха глаза велики. Случаи обыкновенной рвоты и поноса принимаемы были часто за холерные припадки. Однако, и действительные холерные припадки стали появляться чаще и чаще, и не смотря на то, что Московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, собрав докторов и потребовав донесений полиции, дознал, что эпидемии нет еще не только в Москве, но и в окружающих ее губерниях и объявлением о том успокоил столицу, многие из жителей Москвы, памятуя чуму 1771 года и воображая холеру подобною ей, стали выбираться из домов и уезжать в деревни или в отдаленные северные города (в Смоленск, Петербург и другие); а некоторые, наоборот, запирались в домах своих, запасшись наперед съестными припасами и предохранительными медицинскими средствами: дегтярною водой, хлористою известью и т.д. Власти не могли не обратить на это внимания. Образовав был при генерал-губернаторе временный медицинский совет. Опубликованы были предохранительные меры, изданные медицинским департаментом министерства внутренних дел еще в августе. Приняты были меры и для успокоения населения Москвы опубликованием ведомостей о ходе болезни здесь.

С своей стороны святитель Филарет, конечно, также не мог оставаться равнодушным к тревожному настроению столицы и как истинный пастырь, готовый, если бы оказалась надобность (как то было в 1771 году с архиепископом Московским Амвросием Зертис-Каменским), душу свою положить за овцы, считал священной для себя обязанностью употребить все

возможные усилия и средства к достижению высоких целей своего долга и призвания в такое важное время. И первое всего, в прежнее время он обыкновенно к осени уезжал в Петербург для участия в заседаниях Святейшего Синода, и в сентябре сего 1830 года, согласно резолюции государя императора, он должен был бы туда ехать. Но он решил отложить свою поездку и потому от 20 сентября писал наместнику Лавры архимандриту Афанасию: «Я отложил путь в Петербург, чтобы умирать с своими»,⁶⁸⁷ или, как писал от 23 сентября своей родительнице: «в Петербург ехать я отложил, почитая долгом в сомнительное время быть у своего места».⁶⁸⁸

Затем и в тех же видах не поехал он и в самую Лавру на праздник преподобного Сергия 25 сентября. Оставшись таким образом в Москве, Филарет, как «духовный воевода» последней, начал принимать и духовные меры сперва к предохранению паствы от опасности грозящей, а потом к надлежащему принятию гостыи, хотя, и нежеланной и наконец к уврачеванию зла, болезнью причиняемого. И это не только в предписаниях по Москве и епархии, но и в проповедях. Так именно с ясною целью увещания о надлежащем (конечно, духовном) приуготовлении к грозящей опасности сказана была Филаретом, по освящении храма в Екатерининском институте 14 сентября 1830 года, проповедь на текст: *уготовися призывати Бога твоего, Израилю (Ам.4:12)*, хотя, о холере собственно в ней нет упоминания, однако, читают между прочими и такие слова: «когда мысль о будущем и страх суда Божия, как громовой удар, пробуждает нас от дремоты беспечности, когда совесть, как молния, внезапным грозным светом озаряет мрак души, и обличает все, даже до сокровенных нечистот, помыслов и желаний, даже до забытых давно грехов юности, что это как не *шествие Бога* правосудного и вместе милосердного, *глас Господа*, преследующего грех и в тоже время ищущего благодатно приблизиться к грешнику? Не скрывайся же бесполезно, как Адам; не заточай упорно сам себя далее и далее от Бога, подобно Каину: *уготовися во сретение Богу твоему*, сердечным сокрушением, слезами, покаянием, исправлением жития».⁶⁸⁹

Эти слова были уже очень понятным для слушателей проповеди намеком на грозный суд Божий, совершавшийся на юге и востоке от Москвы и приближавшийся к самой Москве в образе дотоле неизвестной смертоносной болезни холеры. Затем с 18 сентября святитель Филарет учредил в Москве особые моления по случаю этой болезни и по освящении в тот день (18 сентября) храма Св. Василия Кесарийского сказал слово, которое так и озаглавляется: «Слово по освящении храма и по принесении Господу Богу молитв о предохранении от губительных болезней». В этом слове святитель, исходя от воспоминания о губительной язве, бывшей во дни Давида, который, отчасти сам будучи виною сей язвы, видел в видении грозного ангела-губителя, между прочим, говорит: «Братия! не видится ли нам нечто подобное грозному видению Давида? Не видим ли и мы ангела Господня стояща между землею и небом, и меч его извлечен в руку ею, простерт на Иерусалим (1Пар.21:16)? Не смотрите большими глазами страха, которые обыкновенно видят то, чего нет, и не видят того, что есть; взирайте острым и мужественным оком проницания и благоразумной предосторожности. Губительная болезнь, несколько лет опустошавшая нехристианские страны Азии, простерлась и на христианские страны Европы. В прошедшем году показалась она в пределах отечества нашего: уступила предохранительным средствам попечительного правительства, но в нынешнее лето явилась вновь. Мы, до сего дня пощаженные, благословим долготерпеливого к нам Бога! Но ангел погубляющий виден, меч его извлечен; он угрожает».

Так теперь уже ясно, хотя, и с осторожностью, указывает святитель-проповедник на губительную болезнь – холеру. Но для чего же указывает? Не для того, конечно, чтобы устрашить своих слушателей извещением о приближении её к Москве, а чтобы сильнее побудить их к достойной встрече болезни. «Что же нам делать? – спрашивает он вслед за приведенными сейчас словами. – Я думаю, – сам же и отвечает на этот вопрос, – то же, что сделали жители Иерусалима при виде ангела погубляющего. *Падё Давид и старейшины израилены, облеченнии во вретище, на лице свое.* То же должно делать

нам, чем ниневитяне отвратили не по догадкам и опасениям ожидаемую беду, но определительно предсказанную гибель. *Вероваше мужие ниневийстии Богу, и заповедаша пост. И возопиша прилежно к Богу, и возвратися кийждо от пути своею лукавого, и от неправды сущие в руках их (Ион.3:5–8).* Повергнем, братия, сердца наши пред Богом во смирении, в покорности неисповедимым судьбам Его. Признаем не только правосудие Бога, готового карать грехи наши, обличающего наше житие, недостойное имени христианского, но и Его милосердие и долготерпение, которое не вдруг, не прежде других поражает нас, а показывает поразившее других, нам же только грозящее наказание, и, как бы предохраняя, говорит: *аще не покаетесь, вси такожде погибнете (Лк.13:5).* Покаемся, братия, и принесем плод достойный покаяния, то есть исправление жития. Отложим гордость, тщеславие и самонадеяние. Возбудим веру нашу. Утвердимся в надежде на Бога и на имя Иисуса Христа, ходатая Бога и человеков, Спасителя грешных и погибающих. Исторгнем из сердец наших корень зол – сребролюбие. Возраstim милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь. Откажем чувственным желаниям, требующим ненужного. Возлюбим воздержание и пост. Облечемся если не *во вретище*, то в простоту. Отвергнем украшения изысканные, ознаменованные легкомыслием и непостоянством. Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра. Умножим моления, тайные на всяком месте, и во всякое время, общественные, по руководству Святой Церкви. Употребим внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецелебное врачевство, мирную, бескровную жертву, приобщением Пресвятого Тела и Крови Христовы».

В этом сильном, красноречивом, дышащем духом древне-церковной проповеди и богослужебных песнопений наставлении, видится все существенное, что и сам святитель как всегда, так в особенности теперь наблюдать в своей жизни, и желать видеть в своей пастве, исполняемым равно также как всегда, так в особенности теперь. А в заключение проповеди Филарет обращается к Богу с такою первосвященнической

молитвою за народ: «Господи! *послушай земли, смиренно призывающей Твое пренебесное Имя, и отыми язву от России. Сохрани град сей и верою живущих в нем. Благослови плодоносящих и добродееющих во святых храмах Твоих!*⁶⁹⁰ *Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя! Аминь*». ⁶⁹¹ Но гроза только еще начиналась в Москве в то время, когда произносилась эта проповедь. В дальнейшее время она разразилась над Москвой со всею губительною силою своею. И это время не заставило себя долго ждать. Уже 22–23 сентября светская администрация города Москвы, доселе как бы скрывавшая от взоров общества все значение грозившей опасности от холеры и действовавшая мерами предохранительными, нашлась вынужденною приступить к более решительным мерам, направленным столько же, по-прежнему, к успокоению встревоженного населения, сколько и к уврачеванию зла, все более и более причиняемого холерою.

По приглашению генерал-губернатора составлен был при нем соединенный совет из сановных и вообще более или менее значительных по общественному положению лиц и лиц врачебного персонала с помощниками им и с штатом служебного персонала для надзора, попечения и заведывания временными больницами, устроенными в различных частях города: установлены военные кордоны в окрестностях Москвы; учреждено 14-дневное карантинное очищение, окуривание писем, посылок и т.д.⁶⁹²

В соответствие тому и Филарет в своей области, кроме предохранительных распоряжений по учебным заведениям духовного ведомства, по монастырям и приходским церквям о надлежащем устройении духовной жизни в виду холеры, об усилении молитв, об учреждении крестных ходов и т.п., для содействия членам соединенного совета, состоящего при генерал-губернаторе, 23 же сентября назначил духовных лиц (монашествующего и белого духовенства) соответственно числу частей, на которые в санитарном отношении разделен был город. Обязанности этих духовных лиц, по предписанию святителя, состояли в следующем:

1) вообще оказывать начальствующим в частях города всякое содействие к отвращению зла, по обстоятельствам и по званию возможное и с исполнением неперменных обязанностей духовной службы совместное;

2) в особенности наблюдать, чтобы болящим подаваемы были местным духовенством пособия религии, какие по обстоятельствам и по правилам Церкви нужны и полезны;

3) в случае открытия болезни в монастыре или в доме духовного ведомства, по требованию начальствующего в части, исполнять то, что его помощнику назначено в 3 пункте протокола соединенного совета;

4) как самим непосредственно, так и чрез прочее местное духовенство внушать обывателям, чтобы не предавались унынию и малодушию, которые сколь несообразны с духом истинного Христианства, столько же вредны для предающихся сим чувствованиям, по с упованием на Бога и с преданностью во святую волю Его тщательно и верно употреблять опытами указанные предохранительные средства и пособия по руководству попечительного правительства;

5) о всем, что нужно к сведению духовного начальства и на что нужно разрешение или распоряжение, представлять для удобства чаще письменно, нежели лично, по форме простой и сократительной».⁶⁹³

Кроме того, святитель назначил на 25 сентября нарочитое и усиленное молебствие с крестным ходом по всем церквам столицы и предложением настоятелям церквей прочитать в этот день на литургии проповедь, сказанную Филаретом 18 сентября, напечатанную к тому времени отдельными брошюрами.⁶⁹⁴ Чрез консисторию распоряжение о молебствиях и крестных хождениях святитель распространил и на всю епархию, при чем святитель сам составил и особый чин молебствия по случаю губительные болезни, о чем в свое время донес и Святейшему Синоду, равно как и вообще о сделанных им по Москве и епархии распоряжениях за это и предшествующее время.⁶⁹⁵ Величественное и в тоже время поистине трогательное зрелище представляло собою это всенародное, так сказать, молебствие с коленопреклонением и крестными ходами, совершенное в

Москве 25 сентября самым первосвятителем при участии многочисленного духовенства, а за тем повторенное одним духовенством в следующие дни по всем Московским церквам. Между прочим, вот как описывает это зрелище слепец-поэт Н. М. Шатров:

*Растворились Божьи храмы,
Сшелся тысячами народ,
Воскурялись фимиамы,
Вышел клир и крестный ход.
Впереди хоругви веют,
Все идут, благоговеют,
Как смиренные рабы,
За святыми образами,
Заливаются слезами,
С чувством внутренней мольбы.
Всякой пастырь паству водит,
Крестнося перед собой;
Всякой свой приход обходит,
И кропит святой водой.
Там встречаются иконы,
Там лобзание, там поклоны,
Там пылает фимиам,
Там гремит святое пенье –
И Москва на то мгновенье
Превратилась в Божий храм.
Царь небесный! – все взывают:
Защити нас в злые дни;
Ветры смертность навевают;
Царь небесный, сохрани!
Удержи десницу мщенья,
Просят грешники прощенья,
Пощади свою в нас кровь.
Пощади свое создание,
Мы все – грех, но Ты – любовь!
О событие святое,
Небывалое в веках,
Для истории златое,*

*Отразись на облаках;
Пронесись в грядущи роды;
Пусть читают все народы,
Все страны, все времена,
Что под гневным неба сводом
С верой в Бога, крестным ходом
В час Москва обойдена.⁶⁹⁶*

Как Филарет о принятых им мерах счел нужным донести Святейшему Синоду, так и Московский генерал-губернатор князь Голицын счел долгом своим, как о появлении в Москве холеры, так и о принятых ям по этому случаю мерах довести до сведения государя императора. Любвеобильный монарх горячо принял к сердцу интересы своей первопрестольной столицы, которым холерою грозила великая опасность. От 24 же сентября он писал князю в ответ на его донесение: «С сердечным соболезнованием получил я ваше печальное известие. Уведомляйте меня с эстафетами о ходе болезни. От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все ваши меры. Поблагодарите от меня всех, кои помогают вам своими трудами. Я надеюсь всего более на их усердие».

Это высочайшее письмо (рескрипт) опубликовано было тогда же в Московских Ведомостях, при чем тут же было замечено: «Европа удивлялась Екатерине II, которая привила себе оспу, в ободрительный пример для наших отцов. Что скажет она теперь, когда услышит о готовности Николая делить такие труды и опасности наравне со всеми своими подданными?»⁶⁹⁷ И действительно, чрез несколько дней после того, не смотря на большее и большее усиление холеры в Москве. Государь, как истинный рыцарь без страха и упрека, явился в своей первопрестольной столице «Родительское сердце не утерпело».⁶⁹⁸ Приезд государя в Москву состоялся 29 сентября в 11 часов утра.

Прибывши в Москву в 1830 году Государь отправился в Успенский собор. Пред входом в собор монарх был встречен следующею небольшою, но в высшей степени замечательною

по глубине мысли и силе чувства, речью первосвященника Московского: «Благочестивейший государь! Цари обыкновенно любят являться царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как Царь подвигов, чтобы опасности с народом твоим разделять, чтобы трудности препобеждать». ⁶⁹⁹ Такое царское дело выше славы человеческой, поскольку основано на добродетели христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца твоего, и милосердо хранит тебя, и долготерпеливо щадит нас. С крестом среем тебя, государь, да идет с тобою воскресение и жизнь». ⁷⁰⁰

И подлинно, прибытие любимого монарха воскресило, оживило упавших духом москвичей. «Нельзя описать восторга, – читаем в современной газете, с которым встретил Его народ, – тех чувствований, которые изобразились на всех лицах: радость, благодарность, удивление, доверенность, преданность... Все со слезами на глазах благословляли имя царя добродетельного и великодушного, который в такую важную минуту так утешил своих верных подданных. Помазанник Божий привез нам Божией милости, говорили они друг другу, и в сих словах должна заключаться святая истина». ⁷⁰¹ Тем не менее Божия милость была еще далеко впереди. Во все же время пребывания государя в Москве, продолжавшееся до 7 октября, число больных и умерших холерою все более и более увеличивалось. И, не смотря, однако, на это, государь, с любвеобильною заботливостью, оставлявшею без внимания личную безопасность, всюду являлся сам, с своим ободряющим словом и деятельною помощью. Это были минуты, достойные вдохновения поэта. И мы знаем, как отзывались не только заурядные стихотворцы, но и истинные поэты на это проявление самоотвержения и любви государя к своим подданным. Для примера мы приведем несколько стихов Пушкина, искренность которых не подлежит сомнению уже потому одному, что они напечатаны были позднее без имени поэта, и государь мог узнать о них лишь по кончине последнего.

И хладно руку жмет чуме,

*И в погибающем уме,
Рождает бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнь свою
Играл прель сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет Небу другом.⁷⁰²*

Государь император сразу повлиял на весь характер деятельности московской администрации в отношении к мерам против холеры. Известия о ходе холеры в Москве стали правдивее. Прежние предохранительные меры были усилены или дополнены новыми. Усилена также и благотворительная деятельность по случаю холерного времени, и сам государь пожертвовал на дело благотворительности крупную сумму. Влиял приезд государя и на характер деятельности Филарета. Не будем скрывать того, что далеко не все не только из обыкновенных московских граждан, но и лиц, власть имевших, настоящим образом понимали и вполне одобряли меры, предпринятые Филаретом по случаю холеры. Так, например, указывали на опасность собрания народа в церквях и в крестных ходах на том основании, что скученность народной толпы с одной стороны, и возможность простудных состояний во время коленопреклонения на сырой земле и стояния с открытою головою под открытым небом в осеннее время, с другой стороны были будто бы наудобнейшим случаем к заболеванию холерой. Опасения эти для людей, их высказывавших, представлялись столь основательными, что о них доведено было даже до сведения самого государя императора по прибытии Его в Москву.

И Филарет даже относительно святого дела молитвы должен был оправдываться пред Государем как виновный. «Когда по совершении крестных ходов в середине города и около всех церквей, – писал от 6 июля 1861 года сам Филарет к викарию своему Леониду, – на другой день прибыл государь император,⁷⁰³ и, следуя, конечно, суждениям врачей, спросил меня, не опасно ли, что я собираю массы народа и становлю на колено-преклоненную молитву на сырой земле, Провидение дало мне возможность тотчас отвечать: «Ваше Величество!

Господь оправдал церковное действие по крайней мере против сего сомнения, число заболевающих после крестных ходов не больше, а несколько меньше, нежели во дни прежде крестных ходов. Так еще более подтвердилась свобода церковных молитв».⁷⁰⁴

Подобным же образом и в 1866 году по случаю холеры, Филарет писал в письме к другому викарию, Игнатию: «Напрасно более бояться молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде нынешней, я видел довольно опытов, что где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась».⁷⁰⁵ И сам официальный орган тогдашнего гражданского управления Москвы Ведомость о состоянии этого юрода, подробно описав крестный ход и молебствие 25 сентября, добавляет: «Жители московские в сердечном умилении обращались к святому Угоднику, который, в течении веков бодрствуя над своею землею отчизною, хранят ее ото всяких напастей, он внял, кажется, их теплым молитвам, в этот день умерло в Москве гораздо менее, чем в самое благополучное время. *Много бо может молитва праведника споспешествуема*».⁷⁰⁶

Так само дело оправдывало Филарета с этой стороны пред Государем. Но не так легко было ему оправдываться пред монархом в другом, хотя, также не основательном, но все же сильном обвинении, имевшем даже, к глубокому прискорбью, вид доноса. Мы помним проповедь Филарета на 18 сентября. В ней упоминается, как мы знаем, о Давиде, как виновнике (между прочим) бывшей в его время на Израиле язвы. Государю донесено было одним из недоброжелателей Филарета, будто последний в своей проповеди упоминанием о Давиде «намекает как будто на то, что грехи царей навлекают гнев небесный на подвластные им народы».⁷⁰⁷ Вот место проповеди 18 сентября, послужившее несправедливым поводом к такому доносу: «Царь Давид впал в искушение тщеславия, хотел показать силу своего царства, и повелел исчислить всех способных носить оружие, тогда как такое исчисление совсем не было в употреблении у евреев. И праведник не безопасен от падения, если вознерадит. Еще не кончилось исчисление

народа, как царь почувствовал в совести своей обличение греха и страх наказания от Бога. В самом деле явился пророк и, по повелению Божию, предложил Давиду на выбор одно из трех наказаний: войну, голод, мор. Примечайте из сего примера, что война, голод, мор, и подобные бедствия, хотя, кажутся приключениями случайными, хотя, происходят частью от известных причин естественных, тем не менее, однако, суть орудия правосудия Божия, употребляемые для наказания согрешивших человеков. Давид смирился пред Богом, безропотно покорился суду Его, и совершенно предался в волю Его. *Да впаду убо в руце Господни*, сказал он. *И даде Господь смерть во Израили от утра до часа обеднего*. Здесь приметьте скорый плод смиренной покорности судьбам Божиим. Не три месяца несчастной войны послал Бог, не три года голода, и мор не на три дни, как угрожал пророк сначала, но уже только *от утра до часа обеднего*. Открылось наказание греха, и совершилось покаяние Давида. *И рече Давид ко Господу, егда виде ангела бияща люди, и рече: се азм есмь согрешивый*. Давид совершенно покался во зле греха, и тотчас раскаялся Господь о зле наказания. *И рече ангелу погубляющему люди, довольно ныне, отыми руку твою*. Примечайте спасительные действия покаяния. Чтобы совершить действие помилования, избавления и спасения, пророк, по наставлению ангела, побудил Давида поставить Господеви алтарь на гумне Орны Иевусеанина, там, где в последствии времени создан и храм Соломонов. *И созда тамо Давид алтарь Господеви, и вознесе всесожжение и мирная. И послуша Господь земли, и отъят язву от Израиля*. Примечайте необходимость молитвы во время общественных бедствий, и в особенности пользу молитвы, приносимой торжественно пред алтарем, по наставлению духовному и небесному, по установлению Божественному.⁷⁰⁸ Не ясно ли, что здесь Давид представляется не как царь в противоположении своему подвластному народу, но как поучительный пример покаяния согрешившего человека для всех времен и для всех человеков? Поэтому-то, далее у Филарета в проповеди и следует то применение этого примера к слушателям своим (не царям, конечно), которое мы уже

приводили в свое время, т.е. слова: «Братия! не видится ли нам нечто подобное грозному видению Давида?» и т.д.

Тем не менее донос был сделан, и государь император, которому, особенно в Москве за то время, некогда было входить в подробности доноса и внимательно прочитывать всю проповедь Филарета, послужившую поводом к доносу, прислал к Филарету графа П. А. Толстого с поручением «передать владыке, что ежели он желает говорить проповеди, то не говорил бы подобных последней, им сказанной». Владыка, сам говоривший об этом обстоятельстве вскоре после сего М. М. Евреинову (пользовавшемуся всегдашним и особенным его расположением), спросил последнего: «что вы находите в ней?» Евреинов отвечал: «сколько могу понимать, она мне кажется прекрасною»; и к тому сам добавляет в своих «Воспоминаниях о Филарете», что «при сем не приметно было в нем (Филарете) никакого смущения, и он казался спокойным».⁷⁰⁹

При всем том, могла ли быть вполне и в действительности спокойна царелюбивая душа святителя Московского от такого несправедливого на него нареkania? И вот он счел нужным представить Государю опять своего рода оправдание как бы публичное, в Его личном присутствии и пред теми же почти слушателями, которые были слушателями его проповеди и 18 сентября. Именно 5 октября в Успенском соборе, в присутствии государя императора, Филарет сказал свое слово «в день святых трех святителей Московских, при продолжении молитв о избавлении от губительной болезни». В этом слове он нарочито опять касается воспоминания об ангеле погубляющем, о необходимости покаяния, как средства к умилоствлению Бога в тяжкое для города и России время, и о покаявшемся Давиде, как примере для подражания, но при этом считает нужным высказать и следующие слова: «Много должно утешать и ободрять нас, братия, и то, что творит среди нас Помазанник Божий, благочестивейший государь наш. Он не причиною нашего бедствия, как некогда был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля – Давид (хотя, конечно, по грехам и всего народа), однако, с Давидовым самопожертвованием приемлет Он участие в нашем бедствии. Видит нашу опасность,

и не думает о своей безопасности; устремляется к вам в ту самую минуту, как примечает опасность. Государь! Тебе нет нужды подвергать себя нашей опасности; наши грехи привлекли на нас бедствие; облегчай оное, по колику можешь, но не приближайся к местам, кои посещает гнев Божий. Нет, говорит Он, да впаду в руце Господни; иду туда, где вознесена грозная рука Господня, чтобы как можно более разделять скорбь, как можно деятельнее облегчать бедствие возлюбленного мне народа. Государь! Мы знаем, как близка к сердцу твоему твоя древняя столица, но Россия на раменах твоих; Европа предлежит заботливым очам твоим, Европа, зараженная гораздо более смертоносным поветрием безверного и буйного мудрования, против сей язвы нужно тебе укрепить преграду; для сего потребно бдительное наблюдение происшествий, многие советы, дополнение рядов твоего воинства. Так, говорит он, мой долг предупредить и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и сострадания влечет меня к сердцу России, болезненно трепещущему. *Защитниче наше, виждь, Боже, и призри на лице Христа Твоего (Пс.83:10);* прими жертву Его человеколюбия, и умиласердися над народом его!»⁷¹⁰

Так искусно, не унижая своего достоинства, как учителя-проповедника, и в то же время, не противореча сказанному в проповеди 18 сентября и в речи 29 сентября, а, напротив, поставляя свое настоящее слово в тесную связь с тою, и другою дополнением их новыми мыслями и разъяснением сказанного в них, без всякой лести, искренно и правдиво выражая свои глубоко-патриотические чувства, исполнил святитель Филарет долг оправдания своего пред государем. Тем не менее, имея в виду и эту свою проповедь, как прежние проповеди и речи, отдать в печать для всеобщего назидания, он счел нужным предварительно испросить на то согласия государя императора, а кстати и обратить его особенное внимание на заключающееся в ней оправдание свое, чтобы вполне успокоить свою душу.

С этою целью он послал рукопись этой проповеди к государю чрез того же графа П. А. Толстого с следующим

письмом на имя последнего от 6 октября того же 1830 года: «Сиятельный граф! Милостивый государь! Хотя, по возможности, вслушиваюсь и я в народный голос, чтобы не правильные мнения поправлять, а правильные поддерживать; и, хотя, не встречалось мне замечания, подобного тому, которое ваше сиятельство сообщили мне по высочайшей воле, но сие замечание, как ваше сиятельство удобно рассудить изволите, поставило меня в великую заботливость о том, что я говорю. По сему, по некоторым причинам вскоре могущего последовать отбытия Его императорского Величества, решился я осмелиться, просить особенного разрешения государя императора на напечатание говоренного мною вчера слова. Его Величеству благоугодно было назначить мне время явиться к Его Величеству. В ожидании сего, препровождаю к вашему сиятельству упомянутое слово на тот конец, не найдете ли возможным представить оное, особенно замеченную часть оного, на всемилостивейшее усмотрение государя императора, дабы я без сомнения мог приступить к напечатанию оного».⁷¹¹

Разрешение было, конечно, дано, и проповедь не только напечатана, но и подобно проповеди 18 сентября, по резолюции Филарета от 10 октября, разослана была по церквям, «с предоставлением священникам, если рассудят, прочитать оную в следующее воскресенье»,⁷¹² т.е. 12 октября. Печатана была она, как и проповедь 18 сентября, и во всех собраниях слов и речей Филарета без перемены. «Доноситель на мое поучение во время холеры 1830 года, – писал сам Филарет уже в 1852 году в письме к архиепископу Рязанскому Смарагду (Крыжановскому), – пусть хвалится, если находит в сем для себя славу. Это поучение без перемены напечатано тогда, и печатается до ныне. А что донос был, добавляет святитель, – это правда, *Господь мне помощник, не убоюсь, что сотворит мне человек.* Я недостойн сказать сие, но милосерд Господь исполнять сие».⁷¹³

Между тем и по отбытию государя императора из Москвы, последовавшему 7 октября, холера здесь все более и более усиливалась, и распространялась. Рука ангела погубляющего все еще не была отъята. К 14 октября число умиравших от холеры достигло 118 человек в сутки, а число больных ею – до

1162 человек, как значится по официальным сведениям;⁷¹⁴ между тем как по частным известиям, идущим от современников, близко знавших дело, число одних умиравших от холеры доходило до 1000–1200 человек в сутки.⁷¹⁵ Без пощады подкашивала она и старые, и молодые силы, и знатных и незнатных, и богатых и бедных, и лишь некоторую пощаду оказывала местам и лицам, освященным особою благодатью Божией. Монастыри и духовенство как монашествующее, так и белое менее всего пострадали от холеры. «Толкалась она слегка, по словам самого Филарета, и в его дом, и он иногда чувствовал себя в преддверии болезни»;⁷¹⁶ но Господь щадил его за его святую жизнь и ради пользы Церкви. А остальные все были под страхом смерти; карантинные же меры, усиленную строгостью своею, делали общее положение еще более тяжелым.

К тому же, в низших слоях населения Москвы, как и вообще в простом народе, подобно тому, как и в 1771 году во время чумы, ходила и все более и более распространялась молва, что болезнь происходит от отравы и что вместо лечения врачи занимаются отравлением людей, а потому многие уклонялись от помещения больных холерою в больницы, временно и нарочито для того учрежденные, чрез что, конечно, болезнь весьма туго поддавалась врачеванию и уничтожению.

Под такими-то условиями, под удручающим впечатлением такого-то безотрадного положения вещей, были составлены последующие проповеди Филарета за холерное время, и особенно проповедь на 12 октября все того же печального 1830 года. Уже проповедь на 5 октября, праздник трех святителей московских, святитель Филарет начал такими словами: «И в праздник теперь не время торжествовать: потому что исполняется над нами слово Господне: *превращу праздники ваши в жалость* (Ам.8:10). И в день Господень,⁷¹⁷ в доме Божиим не свободно богословствовать, потому что свет созерцания закрывается туманом скорби, и заботливые помыслы прерывают нить размышления и слова. Должно нести то, что рождает находящий день, надобно, без попечения о чине слова, говорить то, что внушает и чего требует настоящее

время. И гнев, и милость, и наказание, и пощада, и грозное прещение против грехов наших, и долготерпеливое ожидание нашего покаяния ежедневно и ежечасно пред очами нашими»⁷¹⁸ и т.д.

Тем более должен был говорить проповедь под давлением тумана скорби святитель 12 октября, при усиливавшейся еще болезни, с её губительными последствиями. В этот день (воскресенье) Москва праздновать должна была воспоминание об избавлении её от нашествия французов в 1812 году, и это празднование обыкновенно знаменуется ежегодным крестным ходом. Но в 1830 году крестный ход на 12 октября, в виду холеры, по особой резолюции Филарета,⁷¹⁹ принял уже значение, соответственное требованиям того времени и уподоблялся крестному ходу 25 сентября того же года. Сообразно тому и проповедь свою на 12 октября, «в неделю двадесатую по Пятидесятнице, при воспоминании освобождения Москвы от нашествия галлов, и при продолжении молитв о избавлении от губительной болезни», святитель Филарет начинает следующими словами: «Еще праздник, и еще слышится мне грозное слово Господне, *превращу праздники ваши в жалость, и вся песни ваша в плач* (Ам.8:10). Мы воспоминаем ныне, и хотели бы праздновать освобождение сего града от четыре-десятидневного одержания жестокими врагами. Хотим торжественными песнями славословить Бога избавителя. *Востани, слава моя, исповемся Тебе в людех, Господи* (Пс.107:3–4). Но что град? Что там люди? Не новое ли трудное поприще времени проходят? Несколько сот болящих страждут; многие здоровые состраждут болящим, некоторые оплакивают умерших; малодушные связаны страхом; благоразумные не столько, как обыкновенно, свободны, по причине осторожности; человеколюбивые носят в сердце чувство общего бедствия; благоговейные поникли пред грозящим перстом Вышнего, что же превозможет? Праздника, или жалость? Песни торжественные, или плач? Ибо трудно согласить и соединить сии противоположности. Почему премудрый Соломон и распределяет оные на разные времена. *Время, говорит, рыдати, и время ликовати* (Еккл.3:4). Видно, не славу

пробуждать, и не торжественные песни воспевать нам ныне. И сие не потому, чтобы позволительно было во время прещения Божия прекратить благодарение Богу за Его прежние благодеяния. Нет! Должно и во дни гнева Божия с благодарением вспоминать прежние по гневу милости Божии, как потому, что сего требует справедливость, так и потому, что сие должно подавать нам надежду возобновления милости к нам Божией и по настоящему гневу Его. И не только за прежние благодеяния Божии, по и за настоящее скорбное посещение Божие должно благословлять Бога, по примеру Иова, *яко Господеву изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во веки (Иов.1:21)*. Но, как и праведный Иов, при столь благодатном чувствовании сердца, уступил немощи естества человеческого, и с самым посещением Божиим, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался, тем, что *востав растерза ризы своя, и остриже власы главы своея, и посыпа перстью главу свою (Иов.1:20)*, в знамение печали, то и нам приличнее ныне образ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смирению пред грозным посещением Божиим, и наипаче по греховности нашей. Ибо как посещает ныне нас Бог, без сомнения, по грехам нашим, то всего паче потребно для нас покаяние... Покоримся судьбе Божией во всем, последуем всякому мановению Провидения. Примем, как часть наказания Божия, и то, что во славу Божию совершаемое нами служение не может ныне совершиться с подобною прежней радостью, торжественностью и пространством общения.⁷²⁰ Перейдем приличное настоящему времени слово и глас от болевшего до смерти, но потом чудесно исцелившегося Езекии: *яко ластовица, тако возопию, и яко голуб, тако поучуся, исчезосте бо очи мои, еже взирати на высоту небесную ко Господу (Ис.38:14)*. Не для того извлекаю из священных книг сии давние жалобные звуки, чтобы сделать более горькою нашу настоящую печаль, но чтобы показать образ печали спасительной. Тяжкая болезнь и преждевременная близость смерти опечалила Езекию, однако, печалился он без ропота на Бога, без нетерпеливости, не теряя надежды. Он вопиял к Богу со страхом Божиим: в сем разуме

уподобляет он себя робкой ластовице. Он молился с кротостью и смирением: сие изображает он подобием голубя, тихо стенающего. И когда первые молитвенные зывания его казались не услышанными, он не предался отчаянию, но продолжал возносить прилежную и непрестанную молитву, и даже тогда, как молитвенный глас оскудевал в устах его, не престаивал исчезающими, но еще умоляющими очами взирати на высоту небесную ко Господу. И что же наконец? Милосердый Господь не презрел печали благочестивой, не отверг молитвы усердной и постоянной. *Избави мя, скажет Езекия, и отъязи болезнь души моя, и Той сотвори путеводство во вся лета моя*». Само собою разумеется, к подобной же молитве вития-святитель призывает и слушателей своей проповеди, как и самую проповедь оканчивает молитвою к Богу о избавлении от губительной болезни. «Не отвергни, – молится он к Богу, – наших молений не совершенных и недостойных: не умножи гнева Твоего за наше маловерие и не чувство или не терпение; приими исповедание нашего маловерия, как веру, и печаль нашу – как молитву, и когда очи наши, к Тебе взирающие, исчезают от немощи, да ходатайствует пред Тобою за нас само Твое беспредельное милосердие. Виждь вдовиц, угрожаемых бесчадием; виждь младенцев, *иже не познати десницы своя, ниже шуйцы своя*, не понимающих также ни вины, ни бедствия сиротства, им предстоящего. Виждь, и милосердуй, и невидимо посли в нас слово Твое утешающее, исцеляющее, животворящее, и *глагол Твой да не возвратится к Тебе тощ. Аминь*». ⁷²¹

Так все еще приходилось Филарету в своих проповедях зывать к покаянию, к молитве, к пробуждению веры и любви и т.д., дабы смягчить все еще продолжавшийся гнев Божий. И невольно припоминаются поэтому случаю опять стихи упомянутого выше слепца-поэта Н. М. Шатрова о Филарете за рассматриваемое время:

*Слышу звук громов словесных:
Вдохновенный Филарет,
От источников небесных
Черпая ученья свет,*

Как духовный воевода,
Духи целого народа,
Успокоим, говорить,
Как Отец, нас Бог карает;
И тому, кто умирает
Он из зла добро творит.
Предадимся Провиденью,
Страх надеждой победим,
И слепому заблужденье,
Веры нашей не дадим.
Смертному, хотя, и трудно
Суд небесный постигать,
Но не будем безрассудно
Божью мудрость отвергать.
Сердце знает, что над нами,
Казни временной крылами,
Гнев отеческий шумит,
И не грех сказать, что ныне
В целой нашей Палестине
Время гнева настоит.
Не суди событий ложно,
Ум земной, по своему,
Общий суд изречь возможно
Богу только одному,
Не случайно мы родились,
Не случайно засветились
Солнце, звезды и луна;
И гроза, которой громы
Сыплются на наши дома,
К нам от Бога послана.
Без Него и ветер не дышет,
Не колыхнет и вода,
Огонь из сердца гор не пышет,
Не тягчит земли беда.
Все, что смертных ужасает,
Бунт ли царство сотрясает,
Голод ли людей томит,

*Туча ль блещет громовая,
Язва ль стонет моровая,
Божий гнев во всем гремит.
Обратимся к покаянью,
Сотворим любви дела,
И стихийному влиянью
Не подвергнутся тела;
Отречемся ложной славы,
Потрудимся – злые нравы
На благие пременит;
К вере подвиги приложим
И Царю-Отцу поможем
Нас от смерти охранить.⁷²²*

И призыв Филарета не остался напрасным, бесплодным. «Никогда, ни прежде (насколько старики могли упомнить), ни после, – пишет по воспоминаниям современник события, граф М. В. Толстой, – не бывало такого благочестивого настроения между московскими жителями, храмы были полны ежедневно, как в святой день Пасхи, почти все говели, исповедались и причащались Святых Таин, как бы готовясь к неизбежной смерти».⁷²³ Увеселения все прекратились сами собою, как не согласные с духом общей печали, а не только что потому, как тогда говорили, что

*Строгий наш Митрополит
Веселиться не велит.⁷²⁴*

Увеличение смертности увеличило и сиротство, беспомощность и бедность; а все это как взывало к благотворительности, так и вызывало усиление её. И Москва, благотворительная и в обыкновенное время, в рассматриваемое скорбное время явила в этом отношении достойный пример для всех времен и городов. Пример благотворительности, как мы видели, подал сам государь император в бытность свою в Москве. Филарет также пожертвовал значительную сумму денег (1000 рублей) на устройство благотворительного учреждения при Троицкой церкви, в приходе коей состоит его Троицкое подворье.⁷²⁵ Следуя этим примерам, и все более или менее состоятельные

люди всех сословий дружно приносили жертвы деньгами, вещами, даже домами на дело благотворения. Голицыны, Шереметевы, Самарины, Пашковы и многие другие из дворян: Лепешкины, Аксеновы, Рыбниковы и многие иные из купцов, мещан и прочих оставили незабвенными свои имена в делах благотворительности за это скорбное время. Современный поэт так описывал участие их и иных лиц в благотворительности того времени:

*Те о страждущих вздыхают,
И заботятся о них;
Те отшедших поминают,
Ублажают память их;
Те сирот и вдов покоят;
Кров для них надежный строят,
Те охотно подают
Старикам осиротевшим,
В нуждах, в горе поседевшим,
Хлеб насущный и приют,
Все подвиглось на услугу,
И сенатор, и купец,
Все содействуют друг другу
По сочувствию сердец.
Все к святой стремятся цели,
Там возами шлют постели,
Там везут с бельем ларцы,
Там несутся связки платья;
Действуют купцы как братья,
А дворяне как отцы.
Разомкнулись кладовые,
Бьют ключи богатств земных,
Как потоки дождевые,
Для сирот и для больных;
Сыплет золото дворянство,
Духовенство и гражданство,
Сыплет щедрою рукой;
Все, что должно для болящих,
Все, что нужно для скорбящих,*

Льется полною рекой.⁷²⁶

И не даром также современный певец, описав все печальные стороны состояния Москвы в холеру 1830 года, в заключение взывает:

*Но хвала тебе, народ,
За призрение сирот,
Они сыты и одеты,
Вымыты в обогреты,
Ты все сделал, что лишь мог,
Наградит тебя сам Бог.⁷²⁷*

Подлинно, обилием любви, выразившейся в усилении благотворительности, и смирением пред карающею десницею Божией, а равно и другими знаками благочестия жители Москвы как бы смягчили наконец гнев Божий и мало-помалу пременили его на милость. Смертность от холеры стала мало-по-малу уменьшаться, так что в № 37 *Ведомости о состоянии города Москвы*, мы уже читаем: «Благодарение Богу!

Болезнь в продолжение последних двух недель ослабевала очевидно: занемогать и умирать стало почти втрое менее, число выздоравливающих увеличилось без всякого сравнения. Господь долготерпелив и многомилостив. Не до конца прогневается, ниже во век враждует! Больных холерою 27 октября состояло 1352; занемогло 100; выздоровело 54; умерло 56; затем состоит 1342».⁷²⁸ И то и другое ясно выразил Филарет в своей проповеди на 26 октября, произнесенной «в Троицкой церкви странноприимного графа Шереметева дома, по случаю возобновления оной, при продолжении молитв о избавлении от губительные болезни», к чему самым благоприятным случаем послужило то, что в неделю 22 по Пятидесятнице, в которую совершено было возобновление означенной церкви, читано было Евангелие о богатом и Лазаре. К тому же поводом была и благотворительная цель учреждения дома, в церкви коего была произнесена Филаретом проповедь. В этой проповеди святитель-вития, уподобив «терпением спасавшемуся» Лазарю «человеколюбием спасавшегося раба Божия болярина графа Николая» (Шереметева), учредителя странноприимного дома, и указав характеристические признаки отличия богатого от

Лазаря, а отсюда выведши соответствующее наставление, в заключение своей проповеди взывает: «Братия! Как много в сии дни Лазарей! Одни больны; другие бедны; некоторые и то и другое. Благодарение человеколюбию благочестивейшего государя и им одушевляемого и движимого правительства! Благодарение и человеколюбию народа! Никто не остается не только пред вратами, на улице, но не оставляется и в жилище, неудобном или небезопасном: врачующие и пекущиеся охотно приближаются к больным такою болезнью, о которой одна мысль в иных возбуждает отвращение или страх; крупичи *от трапез богатых* довольно часто падают в уста бедных; даже бедные своими лептами делятся с другими бедными, или отдают в милостыню свой труд и себя в служение болящим; служители чистоты и святости всюду текут очищать, умягчать и заживлять душевные раны страждущих, и еще не страждущих телесно. Кажется, — добавляет к сей картине благотворительности в разных видах последней вития, — и сам врач душ и телес преклоняется к молитвам веры и к подвигам человеколюбия, и простирает милующую руку. Смерть уже не распространяет власти, ей попущенной; и болезнь начинает уступать здравью. Однако, — спешит внушением вития, — дерзнем ли мы подумать, что у нас происходит нечто лучшее, нежели что видим в Евангелии? Там один больной и бедный: один богатый, осужденный, и у сего пять братьев, подобных ему в том, что жили только для себя, а не для Бога и ближнего. Бог да помилует нас, братия, чтобы не нашлось и у нас, против одного требующего, шесть немилостивых! Разделим, по возможности, каждый с которым-нибудь, а все со всяким злостраждущим Лазарем, *благая наша, восприемлемая в животе нашем* временном, дабы принятые прежде нас на лоно Авраамле не отреклись разделить с нами благая Божия в жизни вечной. Аминь».⁷²⁹

По важности этой проповеди для рассматриваемого времени, святитель, по напечатании её отдельною брошюрою, от 3 октября дал такую резолюцию: «Слово в неделю о богатом и Лазаре, при сем прилагаемое, раздать в Москве в монастыри и церкви, с тем, что если кто рассудит прочесть оное в

следующее воскресенье в церкви, то надобно предварить слушателей, когда оно первоначально говорено, и выпустить в начале оного тираду, относящуюся собственно к церкви Шереметьевского странноприимного дома».⁷³⁰

Так было в конце октября. В ноябре число больных и умиравших холерою стало идти еще значительнее к уменьшению. Однако, и в это время продолжались прежние строгие карантинные меры, при том даже и в отношении к жизненным припасам и другим потребностям. И только некоторое ограничение строгости сделано было с 14 ноября относительно товаров. Конечно, уже и это было великим утешением для москвичей, при тогдашнем значительном числе населения Москвы (300 тысяч жителей), ведших обширную торговлю. Ослаблению холеры способствовала и установившаяся с ноября зима.

*Ослабли крылья у холеры,
Смирение и вопли веры
И мразом веющий борей
У смерти отняли пол силы
И затворилось пол могилы
Могуществом Царя царей.*⁷³¹

Утешительно это было особенно в виду приближавшихся царских дней: 20 ноября – дня восшествия государя императора на престол и 6 декабря – дня тезоименитства Его Величества. Под живым впечатлением этого, более утешительного положения вещей, говорена была святителем Филаретом в Чудове монастыре и проповедь на первый из этих царских дней – на 20 ноября. Сказанная на текст: *Вси пути Господни милость и истина взыскающим завета Его и свидения Его* (Пс.24:10), она⁷³² прямо и начинается такими словами: «Настоящий день Господь сотворил нам, сынове России, да возрадуемся о царе, нам дарованном; и благодарение Богу, что сему радостному дню довольно почтительно уступают дни скорби, внезапно нашедшие на град сей. Град царев выздоравливает, чтобы не проводить дня царева в неблагоприятном унынии. Предоставляю, – продолжает вития, – испытателям природы, по должности, или по охоте,

потрудиться над изысканием причин сей благоприятной перемены. Они найдут, вероятно, более одной и будут иметь случай состязаться о том, которая из них истинная, или которая сильнее другой, что касается до меня, без труда нахожу одну причину, которая удовлетворительнее и приятнее многих изысканных, изъясняет происходящее. Сия благотворная причина есть милость Божия к Царю и царству. Видя в этом ясные пути Господни, проповедник далее разрешает сомнения и опровергает возражения относительно указанной им причины, говоря между прочим, в опровержение ранее упомянутых нами предрассудков простого народа относительно холеры и её лечения: «Говорят, если бы болезнь была наказанием Божиим, то не позволительно было бы избавляться от неё врачеванием; ибо когда государь определяет преступнику наказание, тогда покушение избавиться от сего наказания почитается новым преступлением. Неверное уподобление, и от того ложное заключение! В том самом случае, когда болезнь действительно есть наказание Божие, врачевания от болезни отнюдь не должно сравнивать с побегом от наказания. Можно виновному избежать от рук правосудия человеческого; и тем сделать новое преступление, тем более тяжкое, что им пролагается путь к другим преступлениям; побег от правосудия всевидящего и всемогущего Бога невозможен; сим правосудием можно только быть прощenu и отпущenu; а о сем стараться не есть преступление. Убегающий от определенного ему наказания человеческого есть мятежник, совсем не то врачующийся от болезни, он делает сие по дару и власти того же Господа, который наказует его; ибо *Господь созда от земли врачевания* (Сир.38:4): *от Вышнего есть исцеление* (Сир.38:2).⁷³³

Наконец, возвращаясь к одной из высказанных в начале проповеди мыслей, вития говорит: «мудрствующий по стихиям мира скажет, воздух был заражен; – воздух освобождается от заразы. Первое горько, да и во втором не много вкуса. Но когда говорят, что Отец небесный умилился над нами, и когда слушают сие с верою, человек получает такие чувствования, по которым он становится в одно время и счастливее, и нравственно лучше прежнего. *Благо есть исповедаться*

*Господеви, и пети имени Твоему, Вышний, возвещать за утро милость Твою, и истину Твою на всяку ночь (Пс.91:2–3). Да неизменяем никогда сей, сколько священной, столько же блаженной обязанности. Исповедаем истину Божию, наказующую бедствиями грешников, и освящающую оными праведников; исповедаем милость Божию, являемую нам ныне; призовем благоподательную милость и истину Господню на дни грядущие, благочестивейшему Государю нашему и августейшему дому его, царствующему граду сему, России, и наконец всякой душе, по вере и взысканию завета Божия способной к причастью милости Божией. Аминь.*⁷³⁴

За тем, ко второму царскому дню – 6 декабря, благодаря еще большему ослаблению холеры в Москве, последовало высочайшее повеление: «наружное оцепление города снять, с соблюдением, впрочем, всех предосторожностей для воспрепятствования болезни вновь усилиться, или перенестись в те места, с коими восстанавливается сообщение».⁷³⁵ Это радостное известие, оповещенное в *Ведомости о состоянии города Москвы* от 6 декабря, в тот же день и святитель Московский поведал жителям московским с церковной кафедры. Разумею говоренное в кафедральной церкви Чудова монастыря 6 декабря его «Слово в день тезоименитства благочестивейшего государя императора Николая Павловича, по получении высочайшего повеления о восстановлении сообщений Москвы, прерванных по предосторожности против губительной болезни».

Замечательно самое начало этого слова. «Утомились мы, – начинает его вития, – и так долго и часто, говоря и слыша, все о болезни, все о смерти. Но кто может прекословить воле Владееущего жизнью, который сии уже малые, только что приметные остатки сени смертной не спешит совсем удалить от глаз наших, может быть для того, чтобы, обеспечась скорым помилованием, не поспешили мы забыть праведного наказания? Благословен Он и за то, что наказал, и за то, что милует, и за то, что милует постепенно, дабы тем более упрочить нам Свою милость». Затем, как бы напоминая свое знаменательное благожелание, высказанное по поводу

прибытия государя императора в Москву 29 сентября в словах: «с крестом среем Тебя. Государь, да идет с тобою воскресение и жизнь», святитель-проповедник продолжает. – Мне представляется, что, как Лазарь из гроба, восстает в сие время сей град, правда не многими своими членами действительно умерший, однако, весь всецело воскресший от страха смерти. Но чего еще недостает сему воскресшему, чтобы пользоваться обновленною жизнью? Да! Еще нужно для него то же владычественное повеление, которое дано было для воскресшего Лазаря, *разрешите ею, и оставите идти* (Ин.11:44). Внемли же, воскресший град! Се и для тебя исходит от Престола царева разрешающий глас, *разрешите его, и оставите идти*, разрешите его от обязанностей, которыми любящая рука принуждена была связать его предохранительно, чтобы область смерти не распространилась; оставьте его беспрепятственно. Не заключенными вратами, не прегражденными путями, идти в села и окрестные грады, и принимать приходящих, чтобы жизнь естественная не затруднялась в своих потребностях, чтобы жизнь общественная не стеснялась в своих движениях. Благословенна благость царева, и за намерение связать смерть, и за поспешность разрешить жизнь. Поздравляю тебя, от страха смертного воскресший, от болезни смертной исцелевший, от трудностей жизни разрешенный град!»

Но в виду второй половины высочайшего повеления о снятии оцепления Москвы, заключающий в себе внушение предосторожности от возможного возвращения силы болезни, святитель-вита продолжает свое обращение к городу такими словами: «Но послушай, что еще, при сих благоприятных для тебя событиях, тебе сказать внушает истина, что советовать тебе побуждает желание твоего блага. *Взысках благая тебе* (Пс.121:9). Если ты воскрес, то умеи беречь безопасность жизни, тебе возвращенную. Если ты исцелел, то вспомни слово Исцелителя, сказанное в Церкви: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин.5:14). Если ты разрешен, то умеренно и осторожно приводи в движение члены твои, дабы чадолюбивая мать не увидела необходимости вновь

спеленать дитя, во вред себе употребляющее разрешенные члены». И указав на возможность повторения испытанного в холерное время, при несоблюдении этих предосторожностей, вития заключает свое слово следующим образом «Град возлюбленный! Горько тебе было, но много услаждена чаша твоя, благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее, берегись грехов и погрешностей, *да не горше ти что будет*. Утвердим себе, братия, и не престанем исполнять благие обеты, которые вдохнуло нам спасительное время скорби. Не с ропотом воспомянем трудности, нас постигшие, но с утешением трудности перенесенные. Благодушно перенесем некоторые неудобства, которые еще перенести остается.⁷³⁶ Употребим дарованные облегчения и вспоможения в пользу, а не в удовлетворение страстей и прихотей Со вниманием и чистосердечною верностью да ходим в послушании заповедям Божиим и повелениям власти, от Бога постановленной. Так будем благодарны Богу, вас милующему. Так будем достойны царя, о нас пекущегося. *Господи Спаси Царя!* (Пс.19:10) *Господи! На людех Твоих благословение Твое* (Пс.3:9). Аминь».⁷³⁷

И в согласии с тем только уже 24 декабря владыка дал такое предписание по Москве: «По облегчении благодатью Божией Москвы от болезни и по случаю наступающего праздника, разрешается предписанные молебны по литургии отложить, исключая те места, где особенные обстоятельства и желание прихожан того потребуют, а прошения на ектеньях и молитву на литургии продолжать впредь до предписания».⁷³⁸ Ибо ослабление болезни, хотя, и было несомненно, однако, шло довольно медленно, что не скрывали и официальные сообщения. И сам святитель Филарет даже от 29 декабря в одном частном письме сообщал: «Болезнь у нас еще не прекращается, и особенно оказывается в тех местах, где не была, или слабее была прежде. Число занемогавших не велико,⁷³⁹ но у некоторых болезнь крута».⁷⁴⁰ Продолжалась болезнь и в новом 1831 году, хотя, уже далеко не с прежнею силою, так что с 6 января прекратились и ежедневные *ведомости о состоянии* города Москвы, и с тех пор сообщения

об остатках болезни в Москве делались в обычном и постоянном столичном Органе повременной печати, – *Московских Ведомостях*. И святитель Московский от 12 января писал к Мелетию Леонтовичу, епископу Пермскому: «холера в Москве умирает, потеряв прежде славу страшной болезни».⁷⁴¹ Однако, долго еще она гнездилась в ней и причиняла смерть, почему и некоторые карантинные меры все еще продолжались, почему и в виду возможности вызова в Петербург, Филарет от 23 января писал к своей родительнице, «занемогающие холерою еще здесь бывают. Всех больных остается около 30. Продолжение карантин на Петербургской дороге,⁷⁴² еще дает мне право оставаться в Москве. Долго ли сие продолжится, угадывать трудно».⁷⁴³ Это продлилось довольно долго, почти два месяца. В течение этого времени, правда, и прежние начальствующие в частях города с их помощниками и врачами мало-по-малу возвращались к обычному (до холерному) течению жизни, и временные больницы упразднялись, и прежней суетни по делу холеры не видно было в Москве, начавшей оживать. В конце января и святитель Московский закрыл как временный комитет, учрежденный им при архиерейской кафедре по случаю холеры, так и временную же «нищепитательницу» (столовую для бедных), учрежденную при Троицкой церкви близ Троицкого подворья.

Однако, только уже 17 марта 1831 года Москва официально, так сказать, признала себя освободившеюся окончательно от холеры и принесла Богу торжественное о сем благодарение. Когда о том генерал-губернатор довел до сведения государя императора, то государь, в рескрипте своем на имя генерал-губернатора от 19 марта, выразив «живейшее удовольствие» по случаю донесения князя Голицына «о совершенном прекращении холеры в Москве и поспешив вследствие того разрешить немедленное упразднение карантина, на реке Шоше учрежденного, и снятие оцепления на границе Тверской губернии с Москвой», изъявил ему свою «искреннейшую благодарность» за его «пламенное усердие и неутомимую деятельность», обнаруженные во все «тяжкое для Москвы время» существования в ней холеры, а вместе с тем

поручил ему выразить Высочайшую «признательность» и всем лицам, содействовавшим ему во всех его мероприятиях по случаю холеры, как личными трудами, так и благотворениями. Этот рескрипт был опубликован в Московских Ведомостях. Святитель Московский, так много потрудившийся в тоже «тяжкое для Москвы время», также не оставлен был милостивым вниманием Его Величества. 19 апреля 1831 года, в день Пасхи, он сопричислен был к ордену св. апостола Андрея Первозванного, «за ревностное и много деятельное служение в архипастырском сане, достойно носимом, а притом за многие похвальные подвиги и труды, на пользу церкви и государства постоянно оказываемые при всяком случае».⁷⁴⁴

Откликом на этот знак милостивого внимания государя императора к истинным заслугам и подвигам святителя в столь важное время, как холерное, 1830 года, служит, со стороны Филарета, его слово в день коронования его императорского Величества государя императора Николая Павловича. Говоренное в Успенском соборе 22 августа 1831 года и до 1877 года не появлявшееся в печати. Это слово вместе с тем служит и как бы публичным отчетом Филарета за холерный 1830–1831 год, тем более, что летом 1831 года холера, оставив в покое Москву, сильно свирепствовала в Петербурге, где не обошлось дело даже без возмущения черни, укрощенное только уже личным появлением среди бунтующих и энергичным действием самого государя императора, на что также можно находить указание в этом слове.

Оно сказано на текст *царь уповает на Господа, и милостью Вышнего не подвижится* (Пс.20:8) и весьма живыми чертами изображает духовный облик государя императора, при чем он, по-прежнему, опять сопоставляется с Давидом, но только с другой, чем в 1830 году, стороны. «Как некогда сподвижники Давида, – говорит вития, – увидели его в крайней опасности от надлежащего иноплеменника: то *кляшася мужи, Давидовы, глаголюще не изыдеши ктому с нами на брань, да не угасиши светильника Израилева* (2Цар.21:17). Подлинно видеть возлюбленного царя, подвергающегося опасности для безопасности своих подданных, есть зрелище, сколь

возвышенное, столь же поразительное для верного народа. Чем очевиднее попечение царя о нас, простертое до самопожертвования, тем более Он возлюблен для нас. Чем более возлюблен, тем более трепещем за него во время опасности. Чем более страшимся за него, тем более дивимся его великодушному бесстрашию. Чем более дивимся ему, тем более чтим его, тем более любим, тем более видим и чувствуем в опасности его нашу собственную опасность. Так волны сильных душевных движений одна другую рождают, одна другую поглощают, и опять рождают одна другую до тех пор, как, наконец, усматривают, что гроза опасности миновала превознесенную главу, и светильник Израилев сияет яснее прежнего. Вы понимаете меня, россияне, потому что я говорю теперь по нашему общему опыту. Господи, *в руце Которого власть земли*, и который *потребного воздвигавши во время на ней* (Сир.10:4). На какое трудное время обрел Ты потребным избранного и воздвигнутого Тобою Николая! В то самое время, когда Он вступал на родительский и прародительский престол, ему надлежало перешагнуть чрез опасность, или лучше сказать, чрез бездну, грозившую поглотить и престол, и царство. Он не поколебался, заградил бездну, мы успокоились, вдруг видим Его вновь среди опасностей брани. Две трудные брани окончены со славою. Мы торжествовали; вновь открывается опасность, тем более грозная, чем менее знакомая, – опасность губительной болезни, и где сия опасность очевиднее угрожает народу, там именно является царь наш, с своею отеческою попечительностью о своих подданных, с своим, светильника Израилева достойным, светом, чтобы разогнать сумрак страха истинного и ложного, чтобы уменьшить причины опасности, чтобы уничтожить призраки мнимой, чтобы спасительно проникнуть сквозь сугубый мрак легковверного и упорного невежества, увы – не менее иногда опасного и пагубного, как злоумышление. Конец ли трудностям хотя ныне, и, хотя, шести годах необыкновенными подвигами ознаменованного царствования, будет ли приближающееся седьмое лето – летом совершенного покоя и мира, – Ты веси, Господи, *в руце Которого власть земли*».

И за тем, призывая слушателей, россиян, к облегчению «столь часто для нас возобновляющейся заботы верноподданнической любви» о царе, к упрочению и обеспечению нашей радости о нем, указывает как на лучший к тому способ – на уподобление царю в уповании на Господа: *царь уповае на Господа, и милостью Вышнего не подвижится*. А рассматривая со всех сторон этот способ, иначе сказать, исследуя вопрос о надежде и излагая учение о ней, наш вития, доказывая слабость надежды на что-либо временное, в противоположность единственно прочной надежде на Бога, между прочим, говорит: «Бедные человеки, у которых не только кратковременная буря бедствий разрушает долго на слабом основании утверждаемые надежды, по которых и легкий ветер пустой молвы колеблет страхом, как листья древесные», и к сему сам же в рукописи проповеди делает такое подстрочное примечание: «Сие говорено, когда молва о рассеянных будто бы повсюду отравителях распространила в народе опасение».⁷⁴⁵

Таким образом, чем начал, тем и кончил великий святитель Московский свою широкую и неутомимую деятельность в холерное время 1830–1831 годов: горячим призывом людей на то, чтобы обращаться к Богу, в котором одном – надежда и спасение, как временное, так и вечное.

В своем слове на день коронации, произнесенном 22 августа 1831 года, святитель Московский, исчисляя опасности и подвиги шести лет царствования императора Николая Павловича, сказал: «будет ли приближающееся седьмое лето летом совершенного покоя и мира. Ты веси, Господи, в руце Которого власть земли». Подлинно седьмой год царствования Николая далеко не был еще годом покоя и мира. Кроме усмирения Египта, о котором мы уже знаем из предшествующего, в самый разгар московской холеры 1830 года возгорелось еще пламя восстания в Польше, окончательно потушенное лишь в конце 1831 года. По порядку времени нам и следовало бы говорить теперь о сем последнем событии внутри империи. Но в виду связи с предшествующим, мы предварительно скажем о той же холере, возвращавшейся в

царствование Николая еще двукратно: в 1847 и 1853 годах, а затем уже приступим к описанию того события, на сколько его касается Филарет в своей проповеднической деятельности. Связь между холерой 1830 и последующих годов устанавливает и сам святитель Московский, как в проповедях своих, так и независимо от проповедей.

Между прочим, в 1847 году от 29 октября он писал А. Н. Муравьеву: «Странно, что и ныне, как в 1830 году, в народе есть толки об отравках и поджигательствах. Просто ли это, или, кроме заразы из Индии, есть зараза из больной Европы? Да дарует Господь властям проныцание к успокоению от ложного страха, или соблюдению не излишней осторожности».⁷⁴⁶

Так устанавливается означенная связь между холерой 1847–1848 и между холерой 1830–1831 годов с одной стороны, но с другой стороны тем же самым устанавливается связь и между революционными движениями Запада, произведшими и уже известное нам Венгерское восстание 1848 года и Польское восстание 1830–1831 года, как то мы могли видеть и в той проповеди Филарета от 5 октября 1830 года, которую он произносил в присутствии государя, и именно в обращении к нему, сделанном в этой проповеди: «Европа предлежит заботливым очам твоим, Европа, зараженная, гораздо более смертоносным, поветрием безверного и буйного мудрования» и т.д. Посему и в этом отношении не будет большим скачком переход от холеры последующих времен к нравственному поветрию, проявившемуся на западной окраине нашего отечества.

Холера 1847–1848 годов вошла в Россию прежним путем с юго-востока, из Персии еще в 1846 году в Закавказский край, а в 1847 году и далее. Уже от 6 января 1847 года Филарет писал к А. Н. Муравьеву, путешествовавшему в то время по Грузии с целью собирания материалов для истории святых Грузинской церкви: «Господь да благословит и сохранит вас, и да возвратит из Грузии, не преследуемого не доброю путешественницею с востока, приближающуюся, как говорят, к пределам Грузии».⁷⁴⁷

С ужасающе быстротой, как и в 1830 году, распространилась холера, в течение весны и лета 1847 года, по

всей Российской Империи, и в августе того же года достигла Москвы; а в сентябре весьма усилилась здесь. В этом смысле, хотя, и по обычаю осторожно, особенно в виду того, что и гражданская администрация Москвы (генерал-губернатор князь А. Г. Щербатов) находила нужным скрывать появление её в столице, Филарет писал от 26 августа к наместнику Лавры архимандриту Антонию следующее: «О, наместник! Постигшая некоторые места отечества нашего и, может быть, угрожающая и нам губительная болезнь, по справедливости, дает особенное побуждение к принесенью Господу Богу молитв о помиловании. Хорошо приступить к сим молитвам свободно, по чистому человеколюбию, о бедствующих братиях, прежде близкой опасности собственной, а не по неволе, при близкой опасности, стесняющей сердце. Знаю, что иные боятся сего предварения, по рассуждению не духовному, но думаю, что есть и справедливая причина расположиться осторожно. Если бы можно было надеяться, что все услышавшие о рано предпринятых молитвах войдут в чувство смирения и дух молитвы; благо было бы сие. Но если многие сим образом укрепить себя не подвигнутся, а возвещаемою чрез молитвы опасностью преждевременно возмутятся; то это будет не желаемый плод дела. Посему я полагал бы приступить к молитве более частно, нежели торжественно». И далее предлагает способ не торжественного моления о избавлении от губительные болезни.⁷⁴⁸

Между тем 3 сентября в Москву прибыл государь император с великою княгиней Мариею Николаевною и великим князем Михаилом Павловичем. В виду того, что это прибытие не имело того значения, какое имело оно в 1830 году, святитель Филарет и встретил государя 4 сентября в Успенском соборе речью, в которой ни словом не намекает на холеру, выражая лишь радость о посещении им древней столицы своей и благожелания ему и его роду.⁷⁴⁹ Даже и в своем предписании по Москве и московской епархии от 12 сентября он еще продолжает наблюдать прежнюю осторожность, так как, по его словам в этом предписании, «сей град и область его, по благости Божией, до ныне от сего бедствия охранены» и потому

предписание, учреждает моления о избавлении «братий наших в иных градах» и «нас от нашествия бедствия».

При сем в предписании духовенству внушает разъяснять такое значение молений и прихожанам и кроме того, говорится: «в поучениях надлежит касаться сего предмета таким образом, чтобы не приводить опасностью в упадок духа народа, но побуждать, дабы молитвою и очищением совести каждый утверждал себя в уповании на Бога, и при употреблении естественных средств к охранению здоровья по наставлению начальства, без робости взирал на возможность бедствия. Если окажется возможным препроводить при сем поучение сего содержания, то оное прочесть на литургии пред первым молебным пением, 14 сего сентября».⁷⁵⁰

Это именно поучение составил сам святитель и оно, быв напечатано наскоро без цензуры, лишь с согласия генерал-губернатора, как о том пишет сам же святитель Филарет,⁷⁵¹ действительно читано было по церквам московским 14 сентября 1847 года. В сем поучении или «Слове об охранении от губительной болезни», имеющем в своем основании текст: *и виде Бог дела их, яко обратишася от путей своих лукавых: и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им, и не сотвори (Ион.3:10)*, святитель-вития, указав на утешительный пример избавления ниневитян, вследствие их раскаяния, от угрожавшего им бедствия и извлеки отсюда утешительные и вместе поучительные истины для нас самих, говорит: «предложенные теперь истины всегда могут быть полезны к руководству нашей жизни. Да сохранит нас Бог от того, чтобы грехи наши умножились до ниневийского вопля на Небо. Но, как говорит пророк, *грехопадения кто разумеет? (Пс.18:13)* Мы часто успокаиваем себя мыслью, что грехи наши не очень тяжки, а может быть только прельщаем себя. Может быть, не так видит их все чистое око Божие, и суд Божий тихими, неприметными стопами к нам приближается. Но в настоящее время есть не скрытое посещение Божие, на некоторые страны отечества нашего нашедшее, к которому мы не должны быть невнимательны. Губительная болезнь, в которой за семнадцать лет пред сим испытали мы частью суд, частью помилование

Божие. вошла в пределы отечества нашего, изшед из той же, как прежде, чужой страны. Нет пророка, который бы предварил нас, дойдет ли она до нас, и который бы, хотя, не без страха, нас избавил от неё. Но есть уже милосердие Божие в том, что сама она издали нам о себе возвещает, и возбуждает нас к осторожности, что же должны мы делать? Без сомнения, благоразумно и благонадежно будет употребить в предосторожность от бедствия, более или менее угрожающего, те испытанные средства, которые для ниневитян достаточны были для отвращения совершенной гибели. И так, если угрожает нам скорбное посещение Божие признаем в оном правосудие Божие, частью наказующее грехи, частью побуждающее к исправлению, и побудим себя к улучшению нашей жизни, в отношении к благочестию, благонравию, воздержанию, человеколюбию. Да не медлим прибегать к Богу с молитвою, частью о избавлении братий наших, чад единые Церкви и единого Отечества, которых уже постигло скорбное посещение, частью о себе самих, да не приблизится к нам ангел смерти, или да не отягчит руку свою; ангелы же хранители наши да не преминут нас своим охранением, подкреплением и вразумлением, да повинемся всегда Отцу духов, и да творим волю Его, и да обретаем у Него милость и благодать. Не леностны будем и в употреблении естественных средств и предосторожностей к сохранению здоровья, и к недопущению вредоносных влияний. Как можем требовать, чтобы хранил нас Бог, если сами не бережем себя, и предаем действию разрушительных сил, малодушиям и недостатком надежды на Бога, неумеренностью и не воздержанием и другими небрежностями? Внимательно храни себя малым возможным для тебя хранением, и Бог будет хранить тебя великим, всеблагим и всеобщим хранением. Аминь».⁷⁵²

Так святитель Московский, с своей стороны и по своей области, сделал все, что мог, к предостережению от болезни, уже свирепствовавшей в пределах России, начинавшей свое действие и в Москве. Но светское начальство не принимало столь деятельных мер, как в 1830 году, скрывало действительное число заболевавших холерой и умиравших от

неё,⁷⁵³ а в начале февраля следующего 1848 года и официально признало столицу избавившуюся от холеры, почему и Филарет, не желавший, конечно, входить в противоречие с светскою администрацией, доселе (с самого сентября 1847 года) и не заводил речи о холере и только теперь, именно 8 февраля, сказал: «Слово благодарственным молебствием за прекращение губительной болезни». Это слово, произнесенное в Чудове монастыре, весьма замечательно в отношении к течению холеры в Москве, официально признанной, как мы сказали, освободившуюся от неё.⁷⁵⁴ Не даром оно прямо и сказано на текст, который в сокращения Филарет приводил уже и в 1830 году, именно: *обрете его Иисус в церкви, и рече ему: Се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет (Ин.5:14)*. «Обретаемся и мы ныне в церкви, так начинает свое слово наш вития, и обретаемся для того, чтобы с благодарением исповедать пред Богом, яко здрави есмы, – некоторые от бывшей болезни, а все от опасения болезни, довольно не кратковременного, не для всех легкого, для некоторых же и очень не легкого, когда обязанность звания, или человеколюбие, призывали их к подвигу врачевания болящих, или попечения о болящих. Обретет ли и нас в церкви Господь Иисус? Изречет ли и нам Спаситель слово спасения? Без сомнения, обретает Он нас не только всепроницающим взором Своего всеведения, по и все оживляющим взором Своего милосердия. И слово, изреченное некогда в обстоятельствах, несколько подобных нашим. изрекает Он и теперь нам посредством Евангелия: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет*».

И за тем, по уяснении Евангельского повествования о исцелении расслабленного при овчей купели с особенным вниманием к установлению связи между болезнью и смертью с одной и грехом с другой стороны, пришед к тому же самому поучительному выводу и относительно современников, какой в Евангелии сделан относительно расслабленного и сейчас приведен нами из проповеди Филарета, последний продолжает: «с утешением вспомнить можем некоторые обнаружения расположении, с какими православные чада церкви московские

приняли скорбное посещение Божие. Не только, по мановению Матери Церкви, приняли они участие в общих умиловительных молитвах, но, восчувствовав собственную потребность умиловать Бога, и подкреплять себя пособиями веры свободным напряжением благочестивого усердия подвигли благоговейно издревле чтимую святыню для принятия, при её посредстве, благодатной охранительной и целебной силы, и взыскали умножения особенных умиловительных молений. Более ста таковых молебствий с крестными хождениями совершилось в окрестностях разных храмов и на открытых местах, среди благоговейного многолюдства, не опасавшегося и суровости ноябрьского и декабрьского воздуха в болезненное время. К духовной радости священноначалия, оно не имело нужды возбуждать кого-либо к сим особенным подвигам благочестия, довольно было только соглашаться на изъявляемые благочестивые желания.⁷⁵⁵ И почему не думать, что в сих многократных, многочисленных соборах молящихся обрелись, хотя, в невеликом числе, хотя, может быть, в числе десяти только, по слову Божию, достаточном для сохранения целого града, единому Богу ведомые, праведные души, которых молитва достигла до пренебесного жертвенника, и приобрела нам то, что рука Божия⁷⁵⁶ не вельми отяготела над нами? Слава о сем Божию милосердию, не побеждаемому грехами нашими! Но скроем ли, добавляет, однако, к сему вития-прозорливец, что приходят на мысль и неутешительные воспоминания? При виде болезни, которая особенно, как бич, поражает невоздержание, уменьшилось ли между нами невоздержание? В печальное, время, когда одни из ближних наших страдали болезнью, другие сострадали болящим, одни умирали, другие оплакивали умирающих, когда следственно сострадательная любовь к ближним и смирение под крепкую руку Божию должныствовали бы сделать постылыми и прекратить увеселения и забавы, уменьшались ли они по крайней мере?⁷⁵⁷ При сем невольно задумаешься, и еще пожелаешь сказать возлюбленному богоспасаемому граду: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше та что будет. Аминь*». ⁷⁵⁸

По истине вещим голосом прозвучали эти последние слова святителя-проповедника. Весною того же 1848 года холера, крившаяся в Москве и зимой, снова подняла свою голову и с большею против прежнего яростью начала уязвлять подвергавшихся её действию. Так от 22 мая святитель Филарет писать А. Н. Муравьеву пока еще в таком роде: «у нас есть немного того, о чем прежний генерал-губернатор не хотел было сказывать – холеры. В подмосковном селе Черкизове недавно она была сильна. Теперь показалась по Троицкой дороге, и в слободе близ Хотькова».⁷⁵⁹ Упомянутый в этом письме генерал-губернатор князь А. Г. Щербатов не задолго пред тем заменен был графом А. А. Закревским,⁷⁶⁰ известным борцом против холеры еще в 1830–1831 годах, когда он был министром внутренних дел. В июне же холера еще более усилилась в Москве, и святитель Филарет, говоря свое «слово в день обретения мощей преподобного Сергия» 5 июля «о скорбях святых на пути освящения и даже в состоянии совершенства и святыни», не мог не высказаться и по этому поводу. «Обращаясь к себе самим, – говорил он в конце этого слова, – не признаем ли, братия, что ныне особенно ко времени углубляться в Евангельское учение о скорбях? Видно, мы не довольно внимали оному, когда суждено свыше послать нам, и не однажды послать, чрезвычайных и строгих проповедников: болезнь и смерть. Они проповедуют не словами, но сильнее слов, событиями. Что проповедуют? Думаю, нечто подобное проповеди ангела откровения: *убойтесь Бога, и дадите Ему славу* (Откр.14:7). Если в благоденствии вас не довольно привлекали к Богу благодарность и любовь, да приведет вас к Нему, по крайней мере, страх бедствия. Если вы не пользовались свободно тихими скорбями покаяния и умерщвления плоти, для очищения души, воспользуйтесь для сего, по крайней мере, невольно находящею, но в покаянии приемлемою скорбью бедствия, постигающего или угрожающего, или с бедствующими ближними разделяемого. Дайте славу правосудию Божию, и, со смирением и самоосуждением приемля временное наказание, спасайте себя от вечного. Господи, – в заключение слова обращается с

молитвою к Богу наш проповедник, да не яростью Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажешь нас (Пс.37:2). Наказуя накажи нас временно, смерти же безвременной и вечной не предаждь нас (Пс.117:18). Ключом скорби отверзи нам врата правды и благодати, да вшедше в ня исповемся (Пс.117:19) Тебе, взыскателю погибших. Спасителю грешных, Облаженствователю злостраждущих. Аминь».⁷⁶¹

Наказание на этот раз было, хотя, и «временное», конечно, но нельзя сказать, чтобы оно было кратковременное. Если в 1830–1831 годах холера была в Москве со всеми своими остатками несколько лишь месяцев, то теперь она в сущности длилась здесь целых полтора года, ибо только в декабре 1848 года Москва освободилась от неё. Затем, хотя, конечно, в 1830–1831 годах она, как явление для врачебной науки совершенно новое и вообще доселе не бывалое на Руси, свирепствовала сильнее и уносила больше жертв за раз, а теперь встречена была уже как знакомая гостья с испытанными против неё средствами, особенно же при генерал-губернаторе графе Закревском в 1848 году, однако, уже и в октябре 1847 года вот что писал Филарет к А. Н. Муравьеву. «Мы хвалимся, что болезнь легка, но она иногда не шутит Три московских священника и три диакона умерли. Это едва ли не больше, нежели в 1830 году. Один священник оставил девять малолетних детей. Человек был честнейший и воздержнейший».⁷⁶²

Сам святитель Московский, всегда правда готовившийся к смерти и уже в 1833 году, по переходе за полувековой предел своей жизни, составивший духовное завещание на случай своей кончины, теперь и именно опять в октябре 1847 года, по случаю холеры, с одной стороны, дал разрешение священнодействия четверем, бывшим доселе, согласно прежним резолюциям его, неразрешенными священникам, а с другой – на случай кончины своей дал завещательное предписание консистории – разрешить священно-служение всем священнослужителям, которые оказались бы до дня кончины его не разрешенными (что и исполнено было в 1867 году по кончине его).⁷⁶³ Да и в отношении к борьбе с холерою нельзя было сказать, чтобы

врачебная наука даже в это время, т.е. в 1847–1848 годах, узнала её сущность и причины возникновения настолько, насколько то нужно для успешного врачевания её, о чем также писал святитель Филарет известному своим знанием врачебного искусства наместнику Лавры, архимандриту Антонию.⁷⁶⁴

В виду всего этого, а равно и в виду как обозрения (как бы, по-прежнему, отчетного) всего движения холерного времени 1847–1848 годов в Москве, так и прежде еще отмеченного совпадения движения холеры с революционными движениями Запада, с приличным наставлением слушателям, сказал Филарет 19 декабря 1848 года в Чудове монастыре свое «Слово пред благодарственным молебным пением, по прекращении губительной болезни». Без особого текста святитель-вения начинает это слово так: «За несколько месяцев пред сим совершали мы здесь подобное нынешнему соборное моление, с радостью, и не без опасения, – с радостью о том, что болезнь, внезапно поражавшая некоторых, и всем угрожавшая, по-видимому, прекратилась; но и не без опасения, потому что мы не смели разрешить в свою пользу недоумения, достойны ли мы совершенного избавления от бедствия. Посему и воззвали мы тогда к возлюбленному богоспасаемому граду словом Господним; *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет*» (Ин.5:14) И затем продолжает описание самого хода возвратившейся и усилившейся более прежнего болезни: «к прискорбью, опасение оказалось не напрасным. Бедствие возвратилось, и явилось *горшим* прежнего. Меч ангела истребителя, хотя, не слишком умножил свои поражения, по шире прежнего блистал, и долее нам не позволял насладиться чувством безопасности. Наконец вновь нам думается, что ангелу, погубляющему люди, уже сказано, как некогда в Иерусалиме – *довольно ныне, отыми руку твою* (2Цар.24:16). Но точно ли сказано? Решительное ли это повеление? Кто нас в сем уверит тверже прежнего? И что же мы будем делать? Неужели и ныне примешивать к радости страх? Думаю, что так и должно. Потому что духовная мудрость предписывает сие не только для какой-нибудь сомнительной радости, но и для самой основательной, и потому можно сказать, для всякой радости.

Работайте, говорит, Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом (Пс.2:11) Радуйтесь пред Богом, Который хранят, щедрит, милует, но радуйтесь с трепетом, потому что и в день милости Он не престаёт быть неумытно праведным Судиею; и – *аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит?* Но, – делает теперь самое наставление слушателям проповедник, – чтобы нам иметь более близкое указание свыше, что должны мы делать в настоящем положении нашем, слышите, что *Бог богов Господь глагола: призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя» (Пс.49:1:15).*

И далее по частям изъясняет это поучительное изречение слова Божия в приложении к различным фазисам развития хода болезни: «Первой части сего повеления надлежало уже быть исполненной до ныне; и мы можем, как и прежде, с утешением свидетельствовать, что она не осталась не исполненною как во граде сем, так и в области его. Церковь во дни скорби призывала Бога умоляющим гласом; и послушные ей чада последовали ей благоговейным вниманием, воздыханиями, слезами, коленопреклонениями, крестными хождениями. Одни благоговейно притекали в места, прославленные святынею; другие, ознаменовав себя спасительными действиями святыню, привлекали в места своего жительства, к подкреплению своей веры, к ограждению себя благодатью. В разных местах, некоторые святые иконы, в продолжение многих дней, много поприщными путями, странствовали по селениям на руках молитвенников, среди неоскудевающего сонма других молитвенников. Алтарь радовался о множестве приходящих с покаянием и взыскующих Божественного брашна, во оставление грехов и в жизнь вечную. Что сказать о второй части приведенного нами Господня изречения, содержащей в себе обетование: *изму тя?* Сожаления были бы достойны те из нас, которые подумали бы, что глагол, нашедший из уст Господних, который, по удостоверению пророческому, *не возвратится тощ (Ис.55:11),* остается для нас уже праздным и бездейственным. Таковых, не нарушенную безопасность, и мы можем изъяснить не столько словом Избавителя, сколько молчанием Судии, Который не спешит пресечь время

долготерпения, потому что имеет впереди вечность правосудия. А о тех, которые по вере призывали Бога Избавителя, и невинно прошли сквозь годину опасности, что иное можем мы думать, как не то, что на них исполнилось Божие обетование избавления, хотя бы, им и не явилась небесная рука, их покрывающая, и невидимая благодать, их осеняющая и ограждающая? От многих же имели мы утешение слышать смиренное исповедание явственно на них ознаменовавшегося избавления. Инде целое селение, между другими постигнутыми губительною болезнью, являлось огражденным от неё; и нельзя было применить никакой ограды, кроме усердной общественной молитвы. Инде, уже водворившаяся в селении болезнь и смерть отступали от оною, как скоро посещала оною некая святыня, верою призванная. Иному в болезни, вообще столь упорной против усилий врачей, решительным врачевством был от святыни взятый елей, а иному – один от сердца произнесенный молитвенный обет. После сего нашему благоговейному вниманию и ревностному исполнению предлежит остальная часть Божия повеления: *прославиши Мя*. Не будем невнимательны. Не будем тяжкосерды. Не будем неблагодарны. Прославим Господа, *не до конца прогневавшегося, не давшего искушиться паче, еже мощи, но сотворившего со искушением и избытие, поразившего и исцелившего*, наказавшего и милующего, простершего над нами сень смерти, и разрешившего ее светом жизни. Если в день скорби, пред угрожающею ночью смерти, ты воззвал к Богу из глубины души, и мог потом приметить некое мановение невидимой руки, изымающей тебя от опасности – прославь Бога, дающего молитву молящемуся, близкого к призывающим Его, являющегося в милостях и щедротах. Если ты не видал особенного знамения спасения, но тем не менее спасен от беды, ходившей окрест тебя, прославь Бога сокровенного. Но тем не менее везде присутствующего и вседействующего, призирающего на тебя, когда ты о том не знаешь, и спасающего тебя, когда ты о том не думаешь. Если ты столь тяжкосерд, и так занят суетою, что и близкое бедствие не устремило тебя к Богу одумайся, хотя, теперь, прославь Бога долготерпеливого, и

перестань искушать Его долготерпение невниманием к Его судьбам, и к вечной судьбе твоей собственной души».

В связи с тем святитель-вита считал нужным воздать долг чести и попечительному правительству, ревностно действовавшему в холерное время, особенно 1848 года к облегчению бедствия. «Не преминем прославить, – говорит он, – имеющего в руке своей сердце царю Бога и за те облегчения общественного бедствия, которые даровал он нам действием человеколюбивого сердца благочестивейшего самодержца нашего, чрез верные орудия благотворной воли Его, и чрез возбуждение частной благотворности. Угрожаемым губительною болезнью благовременно, всенародно предложены были советы и вразумления, предохранительные как от самой болезни, так и от сопутствующих ей ложных страхов и недоразумений, вредных не только для здоровья, но и для общественного спокойствия. Постигнутым болезнью приготовлены были врачебницы, врачи, врачевства. На оставшихся беспомощными после умерших простерто благотворительное призрение».⁷⁶⁵ Но потом святитель-проповедник делает искусное сопоставление и между холерою и западною революцией, все на том же основании нашего долга – прославлять Бога. «Не обинуй сказать еще, – добавляет он к сказанному доселе, – прославим Бога и за самое бедствие, и за род бедствия, которым мы посещены. Признаемся, что без сего бедствия мы меньше молились бы, меньше каялись, меньше смирялись. Итак, слава Богу, хотя, и неприятным средством, умножившему в нас молитву, покаяние, смирение. А если сравним бедствие устрашавшей нас болезни телесной, с бедствием умственной и нравственной болезни, какою в наше время заражены некоторые люди, и чрез них невольно поражены некоторые народы и государства до такой степени замешательства и превратности, что у них больные хотят лечить здоровых, обуявшие в своеволии составляют законы для царственной мудрости, забывшие Бога мечтают созидать новый мир, не укрощаемый дух беспокойства и тревоги одних приводит в воспламенение ярости, других в оцепенение недоумения; и стогны городов устилаются мертвыми от язвы междоусобия, –

от сих тяжких зрелищ обращаясь к себе, конечно, с глубоким убеждением присоединиться можем к образу мыслей Давида, и сказать: слава Богу, что мы *впали в руце Господни, яко мнози суть щедроты Его зело; в руце же человеци не впали*» (2Цар.24:14).

И наконец заключает свою проповедь вития словами: «не словом же только прославим Бога, но наша жизнь, которую Он нам сохранил и сохраняет, да представит в нас ревностных читателей Его славы, а вследствие сего и деятельных исполнителей Его воли. Твердость в вере, послушание Церкви, верность к Царю, усердие ко благу общему, не прельщение суетою и блистательною ложью духа времени, любовь к истине и правде, готовность к возможному благотворению, кратко сказать, наши добрые мысли, добрые чувствования, добрые дела, да прославят Отца нашего. Иже есть на небесех! Аминь».⁷⁶⁶ Так окончилось холерное время 1847–1848 годов в Москве.⁷⁶⁷

Не прошло и пяти лет с 1848 года, как холера снова появилась в Москве и с силою не меньшею прежнего, а времени захватила она даже и больше прежнего, ибо, начавшись с началом 1853 года, продлилась, с небольшими перерывами, до конца царствования императора Николая Павловича, переплетаясь с другим народным бедствием, кровопролитною войною Крымскою и тем еще более тяжким делая бедствие, собственно от неё происходившее. Уже от 23 ноября 1852 года Филарет писал наместнику Лавры Антонию: «велят брать осторожность от холеры. Она в одном или двух лицах приехала было по железной дороге из Петербурга в Москву, но более сего, кажется, нет ничего».⁷⁶⁸ В начале 1853 года, однако же, губительная болезнь стала чаще и чаще появляться в Москве, а в марте настолько усилилась, что святитель Филарет, 20 марта сего года потерявший мать свою и сам чувствовавший себя не вполне здоровым, к этим скорбям должен был присовокупить еще скорбь о бедствии вверенной ему паствы от губительной болезни. От 6 апреля он писал А. Н. Муравьеву: «у нас болезнь берет силу. И моя болезнь упрямится, и не оставляет меня. Недостает силы для дел».⁷⁶⁹

Болезнь самого святителя для него была тем тягостнее, что и викарий его, Филофей,⁷⁷⁰ из усердия к нему принявший участие в погребении его матери, на похоронах простудился и тоже имел холерный припадок; был болен также и проживавший в Москве преосвященный Агапит, бывший епископ Томский.

А между тем около того же времени ожидалось в Москву прибытие Высочайших Особ, которых нужно было встречать, конечно, архиерею, почему о них Филарет еще от 27 марта писал к князю С. М. Голицыну: «удивительно подлинно, что предпринимают путешествие в Москву в такое время, когда здесь эпидемия берет силу. У меня скончались один священник, один диакон; и один иеромонах, довольно крепкий, в несколько часов умер».⁷⁷¹

Тем не менее, ставя долг своего служения выше всех личных соображений, святитель по-прежнему распорядился учреждением молебствий по Москве и епархии по случаю губительной болезни,⁷⁷² которая между тем в весну и лето здесь все усиливалась и усиливалась и только к концу лета несколько поослабела; а летом 1854 года возобновилась с еще большею против прежнего силою, так что в день заболело до 380 человек, чего, по словам Филарета, не бывало во все прежние случаи холеры,⁷⁷³ и только осенью этого года как будто прекратилась. Соответственно всему этому и в проповедях своих Филарет в 1853 году, когда болезнь была еще не так сильна, как в 1854 году, лишь стороною намекал на нее.

Так, например, в проповеди на день обретения мощей святителя Алексия 20 мая он только приглашал слушателей приближаться к Спасителю, исцеляющему страждущих болезнями, чрез прикосновение к Нему в таинстве Евхаристии и чрез молитву.⁷⁷⁴ Подобное же читаем и в проповеди, произнесенной в Коломне.⁷⁷⁵ Но полный, так сказать отчет о холере 1853–1854 годов святитель-проповедник естественно дает по прекращении её, именно в своей «Беседе пред благодарственным Господу Богу молебствием по прекращении губительной болезни», произнесенной 24 октября 1854 года в Чудове монастыре. Как в 1848 году, так и теперь, проповедник начинает ее без особого текста следующим образом: «Матерь

Церковь пригласила своих чад, и вы приняли её приглашение, чтобы принести выше соборную благодарственную молитву Господу Богу, наказующему и милующему. *Даяй молитву молящемуся, да отверзет сердца всех нас, да исправится молитва наша яко кадило пред Ним, и фимиам благоговейных помышлений, разрешившись в огне любви, да низведет и распространит благоухание небесной благодати».*

Затем вития, обращаясь к вопросу о причинах холеры, говорит: «со многим трудом, не с желаемым успехом, естествоиспытатели образованного мира искали сокровенных в природе причин губительной болезни, которая более двадцати лет ходит по образованному миру, и сколь сильно дает чувствовать свое присутствие, столь же мало позволяет себя понимать. Но сие самое, – пользуется этим обстоятельством проповедник для перехода к поучительной мысли беседы, что она приходит сокровенным путем, не допускает заградить себе вход, падает как внезапный неотразимый удар судьбы, сие самое облегчает труд чадам веры, своим путем открыть её происхождение в природе и далее природы, – в природе, в произвольном зле природы нравственной, поражающем произвольное зло подчиненной природе вещественной, в зле греха, привлекающем зло наказания, далее природы, в Промысле и суде Творца природы, попускающего зло вещественное, чтобы зло нравственное наказывать, пресекать, врачевать. Так понимать, необъяснимые для обыкновенного разума, карательные происшествия учит нас воплощенная Премудрость Божия».

И в доказательство того приводит известный случай убиения 18 человек падением Силоамской башни (Лк.13:4–5), причем предполагает возможность такого возражения, что «следуя направлению мыслей, данному словом Христовым, не мог ли бы кто-нибудь сказать нам ныне: оные несколько тысяч, пораженных в три месяца губительною болезнью,⁷⁷⁶ *мните ли, яко должнейши бяху всех живущих в Москве? Ни глаголю вам, но аще не покается, не можете почитать себя безопасными от новых, подобных, или иных, прещений правосудия Божия. Уже в третий раз, в немногое число лет, посещены мы губительною*

болезнью: с заботою надобно помыслить, не заключается ли в сем обличения того, что первым и вторым посещением не довольно тщательно, или не довольно постоянно воспользовались мы к покаянию и исправлению нашей жизни. Впрочем, – продолжает проповедник, давая отчет о ходе болезни и об отношении московского населения к ней, – если мы еще наказаны, то еще и помилованы. Болезнь не слишком нас отягчила своим продолжением, а как будто хотела только нас вразумить, взяв такое число дней для своего возрастания, и такое число для умаления, которое в Священных Писаниях и в Церкви представляется, как число покаянного и очистительного подвига. Около сорока дней она возростала от своего начатия до высшей степени своей силы; около сорока дней умалялась до прекращения. Кажется, ангел смерти обращал внимание на некоторые времена особенного благоговения церковного, и приостанавливал свою жатву. В обильный, молитвою и благоговением день Успения Богородицы, умерших было в половину менее, нежели в предшествовавший, и втрое менее, нежели в следующий. Подобное преимущество дано было дню Сретения чудотворные иконы Божией Матери Владимирской, ознаменованному крестным хождением. Первый день, в который не оказалось ни одного заболевшего, ни умершего от губительной болезни, был день Преподобного Сергия. Не можно ли в сих особенностях видеть некоторого знамения того, что, если бы все мы постоянно и совершенно исполнены и объаты были духом молитвы, благоговения, освящения, то тлетворный дух земной природы, постоянно отражаемый животворным духом небесной благодати, ни к кому никогда не смел бы прикоснуться? Не удержим слова истины, чтобы дать свидетельство добру. Мы имели утешительные виды возбужденного духа молитвы. Сверх участия в ежедневных при церковном богослужении молитвах о избавлении от губительной болезни, братия то одной, то другой церкви, то нескольких соседних между собою церквей, по собственному побуждению, учреждали особенные моления, в присутствии особенно чтимой святыни, и площадь, и улица превращались в церковь для многочисленного молитвенного собора. Многие усердствовали

подобными молениями освящать свои дома, без сомнения, с верою в приходящее чрез оные охранение. При сих утешительных видах, мне слышится слышанное древле с Неба, одобрительное и поощрительное к добру, слово: *кто даст еже быти тако сердцу их в них, яко боятися Мене и хранити заповеди Моя во вся дни, да благо будет им, и сыном их во веки* (Втор.5:29). Но вместе с сим, к прискорбью, приходит на мысль и горькое слово Пророка о том, как далеко не соответствовали сему небесному благоволению люди, онного удостоенные: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху к Богу; и помянута, яко Бог помощник им есть; а потом – сердце их не бе право с Ним, коль краты преогорчиша Его!* (Пс.77:34–35, 37:40) Люди Господни! Да внимаем себе, и да бодрствуем над собою, чтобы сердце, возбужденное и обращенное к Богу во дни грозного посещения Его, не преставало к Нему обращаться, устремляться, прилепляться и во дни помилования. Да испытуем путь нашего сердца, и да управляем его духовным разумом, а не плотскими слепыми желаниями, дабы не уклониться на стропотный и ведущий к пропасти путь ветхого не благодарного пред Богом Израиля, который на время обращался к Богу карающему, и вскоре забывал Бога милующего и благодееющего». И затем, сделав предостережение от произвольной болезни – нравственного небрежения и показав, на основании слова Божия (Мф.22:5), как оно вредно, заключает свою беседу благожеланием и приглашением слушателей: *«да будем, по учению апостола, тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе»* (Рим.12:11)⁷⁷⁷

Так закончил, по крайней мере на время царствования императора Николая Павловича, свою многолетнюю деятельность в борьбе с холерой святитель Московский. Как очевидно из всего выше сказанного, борьба эта не выходила за пределы борьбы духовной, каковой и следовало ожидать от «духовного воеводы» Московского, каким был Филарет, в противоположность сменявшимся генерал-губернаторам московским – воеводам светским; и нельзя не сознаться в том, что насколько был изменчив характер деятельности этих

последних в отношении к губительной болезни, настолько же, с самого начала холеры 1830 года и до конца холеры 1854 года, был строго-неизменным в своем направлении характер деятельности нашего духовного воеводы».

Но при этом мы не можем, с другой стороны, не отметить и той особенности этой деятельности, и в настоящем случае главным образом проповеднической, что не смотря на кажущееся однообразие предмета её и явлений его, противо-холерная проповедническая деятельность Филарета ни в какой момент холерного времени 1830–1831; 1847–1848 и 1853–1854 годов не была повторением раз уже сказанного с церковной кафедры, а если святителю и приходилось иногда повторять своим слушателям, по нравственной потребности последних, прежде сказанные, по существу своему, вечные истины, то он умел всегда облечь их в такую форму и так сопоставить с другими истинами, им высказываемыми, что они даже и для нас, прочитывающих их в совокупности, представляются как бы новыми, а тем более таковыми должны были представляться для слушателей, которые, в течение 20 слишком лет холерного времени, и менялись пред одним и тем же Филаретом, и были изменчивы по большей части в своих мыслях и убеждениях, и часто забывчивы и т.д.

Для примера мы укажем на один случай, которым и закончим свое рассмотрение проповеднической деятельности Филарета в течение всего холерного времени. Еще в самом начале холеры 1830 года, в проповеди 18 сентября сего года, Филарет, в виду холеры, взывал к своим слушателям между прочим: «Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра»; откуда и вышло то, что сказано о нем за то время;

*Строгий наш Митрополит
Веселиться не велит.*

Но Филарет и всегда был против суетных увеселений и забав, особенно же находил их неуместными в такие времена, каковыми были холерные. И москвичи в холеру 1830 года действительно оставили все увеселения, так что за это время говорилось:

*Для отчаянных голов
Нет театров ни балов.
Поотвыкли уж от сцены
Театральные сирены,⁷⁷⁸ и т.д.*

А между тем наступил холерный 1847 год. Филарет своею проповедью 14 сентября сего года духовно подготовил москвичей к принятию этого нового посещения Божия прежнюю губительную болезнью. Но, тогда как многие вняли голосу своего духовного воеводы, многие, наоборот, не смотря на холеру, не хотели отказаться от суетных увеселений и забав, поощряемые к тому и светским начальством столицы, скрывавшим опасность действий холеры. При том многие, и даже из лиц высшего круга московского общества прикрывали свою и иных страсть к забавам и увеселениям благотворительною целью сих последних и потому считали возможным устроить их даже в посты – во дни сетования, а не веселия.

Так, между прочим, было в Рождественский пост холерного 1847 года. Тогда Филарет, не желая идти в своих действиях в разрез с действиями светского начальства, однако, счел своим долгом в высоко-торжественный день 6 декабря сего года, в присутствии многочисленных слушателей, сказать «беседу о милосердии к бедным» на текст: *и Аз вам глаголю, сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, приимут вы в вечные кровы (Лк.16:9)* и в этой беседе между прочим, высказал следующее: «При сем приходит на мысль спросить: очень ли хорошо поступают, когда говорят, дай деньги на зрелище, или на другое суетное увеселение; половина их издержится для твоего удовольствия, а другая обратится в милостыню, что тут будет? Милостыня ли очистит суету? Или суета лишит чистоты милостыню? Найдется ли на сие ответ, который был бы приятнее вопроса? Но, конечно, не подлежит сомнению то, что, если бы назначаемые на благотворительное увеселение деньги, с устранением увеселения и на него издержек, сполна были отданы на милостыню, то милостыня была бы вдвое больше и несравненно чище. Апостол учит нас *плакати с плачущими (Рим.12:15)*, а не ликовать с мыслью о

несчастливых, и не переполнять чашу веселия, чтобы дрожде досталось плачущим. Надеюсь, впрочем, поспешил добавить проповедник, – что никто не оскорбится нашею заботою, чтобы изобретательное искусство благотворительности, доброе в намерении, сколь можно более имело достоинства в средствах и способах действованиа». ⁷⁷⁹ Что могло быть умереннее этого внушения? И, однако, вот что пишет сам Филарет о впечатлении этой части беседы наместнику Лавры Антонию от 10 декабря того же 1847 года: «предложить о прекращении в настоящее время общественных увеселений я не решился, по уверенности, что не послушают, а при случаях говаривал, что не благовременно теперь веселие. Те, которые так думали и без меня, подтверждают сие, а другие делают свое. В день святителя Николая в проповеди я позволил себе усомниться о достоинстве увеселений, учреждаемых с благотворительною целью. Говорят, одно из значащих лиц показало при сем неприятный вид, и произошли о сем разговоры. Не смотря на то, мне представляется вопрос, не напечатать ли сию проповедь, чтобы то было свидетельство, хотя, вероятно, безуспешное, против возобновления в следующий великий пост подобного прошлогоднему зрелища, в котором люди высшего круга превращались в лицедеев. Если пришлю вам тетрадь, то вы мне скажете ваше мнение о сем вопросе». ⁷⁸⁰

Мнение, конечно, было утвердительное, и проповедь тогда же была напечатана и после печаталась в назидание православным людям. Равно также, если мы припомним, и в конце своего «слова пред благодарственным молебствием за прекращение (мнимое) губительной болезни» 8 февраля следующего 1848 года святитель не скрыл того, что «увеселения и забавы не прекратились и даже не уменьшились» в холерное время 1847 года, и при том добавил: «при сем невольно задумаешься, и еще пожелаешь сказать возлюбленному богоспасаемому граду: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет*». И мы помним, что последовало в 1848 году, в конце коего Филарету опять приходилось напомнить это же изречение слова Божия.

От холеры физической переходим к одному из проявлений холеры нравственной – польскому мятежу 1830–1831 годов. По решению Венского конгресса образованное Наполеоном I из отнятых у Пруссии и Австрии польских областей герцогство Варшавское почти все вошло в состав Российской Империи, с предоставлением Российскому императору права дать новоприсоединённой области такое политическое устройство, какое он пожелает.

Великодушный Александр I, желая подвигнуть поляков к благодарности и ускорить развитие торговли, просвещения и т.п. в Польше, даровал им многие вольности в устройстве их внутренней государственной жизни, и Польша воскресла после французского погрома 1812 года и расцвела своею жизнью в общем составе государства. Но полякам этого было мало. Они замыслили и домогаться стали не только возвращения всех вольностей прежней Речи Посполитой, но и совершенной политической независимости, желали иметь своего короля и прочие атрибуты власти. Уже и во время декабрьских смут 1825 года, они пытались принять участие с целью добиться этого. Но большей зрелости замысел их достиг в 1830 году, к концу которого, пользуясь заботою правительства о прекращении холеры, они открыто возмутились, образовали войско и стали действовать прямо враждебно в отношении к правительству. Посланный для усмирения их граф Дибич Забалканский, после ряда побед над поляками-инсургентами, не dokonчив дела усмирения мятежа, умер 1831 года от холеры. Почти в то же время и от той же холеры скончался в Витебске и наместник царства Польского, цесаревич Константин Павлович. Тогда государь, на место Дибича, послал героя войны Персидско-Турецкой, графа Паскевича-Эриванского, который блистательно завершил дело усмирения, начатое Дибичом, после чего к началу 1832 года, Польше дано было новое, более прочное политическое устройство, с ограничением многих прежних вольностей в видах более тесного соединения Польши с внутренними областями Империи, под управлением императорского Наместника, каковым и назначен был, на место скончавшегося великого князя-цесаревича, победитель поляков

граф Паскевич. с возведением его в достоинство князя и проименованием Варшавского, за последние победы в Польше.

Не смотря на щекотливость вопроса о Польше, Филарет не умолчал о нем не только в частных сообщениях, но и в слове с церковной кафедры. Так, уже в проповеди на день коронации 1831 года, отчасти известной вам по сделанной раньше из неё выдержки, наш вития, исчисляя подвиги и опасности, которые должен был совершить и преодолеть государь за немногие протекшие годы своего царствования, выражал сомнение о том, конец ли трудностям отныне, и будет ли, хотя бы теперь «совершенный покой и мир».⁷⁸¹ В то время еще не вполне усмирено было восстание в Польше. В 1832 году, когда не только усмирение, но и благоустройство политической жизни восставших было покончено, вития ясно провозвещает о совершившихся событиях в Польше. Это делает он в своем слове на день тезоименитства наследника цесаревича Александра Николаевича 30 августа, говоренном в Успенском соборе, на текст: *Бога бойтесь, царя чтите* (1Пет.2:17). Говоря здесь о страхе Божиим и почтении к царю на основании этого текста, вития между прочим, в числе противников мысли, заключающейся в тексте, упоминает раскольников, которые говорят, что боятся Бога, а за царя не молятся, а потом говорит: «негде есть и иного рода политические раскольники; они хотят, к соблазну народов, иметь царя, не освященного Царем царствующих, закон человеческий без закона Божия, власть земную без власти небесной, присягу без имени Божия. Знаете ли, что делают сии неугомонные мудрователи? Они хотят выколоть у правды правое око. Можно ли основать закон и власть только на зыбком песке мнений людских? Как может стоять земля без неба? Что значит слово: клятва, без Всевидящего и Всемогущего, Который один дает сему слову дух и силу, непоколебимо поддерживающую верного и неизбежно карающую изменника»?⁷⁸²

И наконец еще яснее говорит в проповеди 1850 года, по случаю 25-летия царствования императора Николая Павловича, в которой исчисляя деяния этого царствования, как исполнение изречения Слова Божия: *егда царь на престол сядет, не*

противится пред очима Его ничтоже лукаво (Притч.20:8), вития говорит между прочим: «так было и тогда, когда народ, не совсем иноплеменный, утраченное им достоинство царства получивший только по милости Русского Царя, и доведенный до беспримерного в прежней истории его благоустройства и благосостояния, воздал за благодеяния – неблагодарностью, и за благоуправление – мятежом. Грозен и неотвратим был громовый удар царской правды, поразивший крамолу и своеволие, но вслед за тем, подобно как громовое облако благотворным дождем, разрешилась царская правда царскою милостью, простираемую на всю страну, и в особенности на несчастных, и даже на виновных, по колику можно было миловать безвредно».⁷⁸³

После усмирения Польши и сродного ему по существу дела усмирения Египта Россия, как нам уже известно, на долго, на целые почти семнадцать лет сложила свое оружие, обратившись всеми силами своими к внутреннему своему благоустройству и развитию. Кроме законодательных работ, уже известных нам, благодаря беспримерной деятельности энергичного монарха, закипели работы по другим частям внутреннего управления Империей.

Войны первых лет царствования Николая и восстание поляков, подстрекаемых сумасбродными деятелями революций западно-европейских, обратили главное внимание императора на усовершенствование оборонительных сил страны, а знакомство с западно-европейскими образцами обороны, обнаружившими в некоторых отношениях свое превосходство над русскими как в войнах с Турцией и Польшей, так и в мирных сношениях с дворами европейскими, особенно с родственным нашему прусским, побудили нашего царя не пренебрегать в этом отношении и усовершенствованиями Запада. И с этой стороны, помимо крепостей пограничных и флота, особенное внимание императора Николая обращено было на армию. Слава побед русского воинства, гремевшая уже почти целое столетие, должна была быть не только упрочена, но и обеспечена на будущее время. С этою целью, в связи с общим пересмотром законов Империи, тщательно рассмотрены,

приведены к единству, исправлены и дополнены действующие военные постановления во всех их подробностях от важнейшего до самомалейшего по значению, положение солдат на военной службе и по окончании последней весьма улучшено и вполне обеспечено, состав офицеров упрочен, возвышен в своем достоинстве и увеличен в своем числе чрез усиление военного образования, увеличение числа и внутреннее усовершенствование кадетских корпусов, инженерного и артиллерийского училищ и других военно-учебных заведений, чему весьма много способствовало живое участие, какое в этом важном деле принимал брат императора, великий князь Михаил Павлович в качестве главноначальствующего всеми военно-учебными заведениями Империи, к глубокому сожалению как августейшего своего брата, так и всея России не в старых летах скончавшийся в 1849 году, усилено и улучшено также во многих отношениях морское дело, и т.д.

Особенно же армия составляла предмет самых сердечных забот и попечений императора Николая, который часто и сам навещал военно-учебные заведения, казармы и т.п. Мог ли же не обращать на это внимания святитель Московский, светлым, проницательным умственным взором своим, близко видевший все то, что более или менее занимало императора в его отеческом попечении о государстве? И не смотря на свою, если угодно, некомпетентность в военном деле, мог ли он, хотя, несколько не содействовать ему веским своим словом, и особенно с церковной кафедры? И святитель содействовал царю в этом деле не только как мог, но и более того, чем сколько можно было ожидать от строгого подвижника на поприще духовной, а не мирской брани. Мы помним, что уже вскоре после коронации своей император выразил желание, чтобы от Святейшего Синода издан был катехизис с приспособлением его к преподаванию в военно-учебных заведениях, и из всех членов Синода именно Филарету Московскому поручено было составить такой катехизис. Филарет и составил его, на основании прежде составленного им и дополнил прибавлением «для готовящихся или принадлежащих к военному званию» и «краткими

христианскими наставлениями для употребления нижних воинских чинов».⁷⁸⁴ В таком составе катехизис Филарета, заслуживший Высочайшую благодарность последнему за его составление, был в употреблении в военно-учебных заведениях не одно десятилетие, служа для «готовящихся или принадлежащих к военному званию» своего рода также проповедью, и учением. Но Филарет не раз и прямо с церковной кафедры касался вопроса о деле военном и подготовке к сему делу, при том не только по случаю тех или других войн, происходивших за рассматриваемое время, а и независимо от того. Мы помним ту часть слова Филарета в день коронации государя 22 августа 1833 года, в которой он излагает учение о праве войны.⁷⁸⁵ Касался различных сторон вопроса о ней но частям святитель и в других своих проповедях. А в 1837 году, когда государь, по возвращении из закавказского путешествия,⁷⁸⁶ прибыл в Москву, Филарет 27 октября встретил его в Успенском соборе следующею, замечательною и по глубине мысли, и по широте взгляда на административную по обороне государства деятельность императора и наконец по силе слова и по высоте ораторского искусства, речью. «Благочестивейший государь! Слава Богу, ты возвращаешься, ты перешел горы, и горы отнял от наших сердец, озабоченных трудностями твоих исполинских путей по землям и морям твоей исполинской державы. Но вот и конец заботливым помыслам. Осталось с удивлением радоваться. Продолжая и усовершеншая начатое Преобразователем России, – давно ли, подобно ему, ты стоял на бреге Невы, и, под собственными глазами твоими созданный корабль, собственным мановением устремлял в воды западных морей? И уже ты приходишь к нам из того восточного края, где дальновидный Петр едва успел поставить стопу ноги, и где ты твердо и обширно владычествуешь. А между тем – там твердыни, которыми ты ограждаешь нашу безопасность, становились еще тверже под твоими коленопреклонениями пред древнею святынею. Там – поля Вознесенские содрогались, там – волны черноморские трепетали от твоих громов, мирных, но сильных, как бранные, мирных, но тем не менее победоносных; ибо твоим

предусмотрительно благоустроенным воинством и среди мира ты непрестанно побеждаешь и низлагаешь, если не врагов, то самый дух вражды и тревоги, который привык было колебать Европу. Благочестивейший государь! Подвиги не утомляют тебя. Но если, но слову Премудрого, *время всякой вещи*, а следственно должно быть некоторое время и покою, то прииди, много ради нас подвизающемуся духу твоему дай опочить – на наших сердцах. Благословение же Господне, которое одно дает и утверждает истинный мир и покой, да почивает выну на тебе, и на твоём августейшем семействе, и на твоей России». ⁷⁸⁷

Так вообще выражается проповедник об административной деятельности государя внутри империи по обороне страны и упрочению в ней мира. В частности и в подробностях характеризует эту деятельность святитель Московский, споспешествуя ей своим поучительным словом, в проповедях, произнесенных по различным особенным случаям, каковы слова и речи к воинам, поучения, сказанные в храмах военно-учебных заведений и т.д. В этом отношении особенно замечательна «речь при благодарственном к Господу Богу молебном пении, в высочайшем присутствии Его императорского Величества, к собранным из бессрочного отпуска воинам», сказанная 2 октября 1843 года. Для нас в настоящем случае она еще тем более важна, что служит как бы приложением к делу проповедничества тех уроков катехизиса Филаретова, которые являются в нем в качестве приложения, ранее упомянутого и сделанного по желанию самого императора в 1826 году, также как и самая эта речь произнесена «по воле Государя», как пишет сам Филарет. ⁷⁸⁸

«Пред лицом Бога мира, видя собор сынов брани, что помыслит, что скажет Церковь, служительница Бога мира? – так начинает свою речь святитель-вития. – Не будет ли тем сильнее вопиять к Богу о мире, чем явственнее напоминает о брани сие множество испытанных в искусстве брани и среди мира и отдыха к брани готовых? Когда, наконец, по пророчеству, *раскуют мечи свои на орала, а копия на серпы, и не возьмет язык на язык меча, а не навьикнут к тому ратоватися (Ис.2:4)*? И кому не приятен, кому не желателен мир, не

исключая и сынов брани? Однако, – Господь, нарицаемый *Богом мира*, не нарицает ли Себя также *Господом воинств*? Не Бог ли *научает руки* верных Своих на *ополчение, персты на брань*? (Пс.143:1) Авраам, образец кроткой веры, не воевал ли за своих родных и за союзных царей? Не войной ли, по повелению Божию, народ Божий приобрел землю обетованную? Не ангел ли Божий сделал гумно Гедеона военно-учебным поприщем, и сильным небесным словом образовал его для победы над мадианитянами? Дух Божий, Который носился над Давидом от дня помазания его, не управлял ли рукою его, не только тогда, когда он извлекал из десятиструнной псалтири пророчесственные звуки, но и тогда, когда он победоносно стрелял в Голиафа, хотя, не из лука стрелою, а камнем из пращи? Равноапостольный царь Константин для чего первее всего употребил крест Христов, только что им познанный? Для брани и победы. Итак, Бог любит добродушный мир; и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как есть на земли немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частью надобно завоевывать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию. Итак, православные воины, словом Давидовым говорит вам святая Церковь, приглашая в то же время и вас говорить с нею: *благословен Господь Бог наш, научаяй руки ваши на ополчение, персты ваши на брань!* Любит мир самодержец России, но по сему самому крепко стережет его стражею сильного, верного, искусного воинства. Любит он мир царства и мир своих воинов, и потому-то ускорил он вам переход от военных подвигов к мирным занятиям, хотя, впрочем, еще находит нужным сохранить в вас искусство брани, потому что в мире надобно сеять, на случай нужды, семена побед. Мирные сыны брани! – обращается теперь к воинам с наставлением святитель-вития. – Уразумейте, возчувствуйте, оправдайте царское о вас попечение. Некогда в Иерусалиме одни и те же люди, в одно и то же время, должны были строить городские стены, и ежеминутно быть в готовности отразить врагов: *единою рукою своею творяху дело, а другою держаху меч* (Неем.4:17).

И сей сугубо тяжкий подвиг перенесла и совершила любовь к отечественному граду. Вы можете обеими руками, безопасно, беспрепятственно делать предоставленное вам дело поселянина или гражданина; делайте мирное дело ваше спокойно, трудолюбиво, честно для довольства и блага вашей собственной жизни, но не забывайте и вашего меча, который может еще понадобится отечеству. Дух порядка, совершенного повиновения, точности в исполнении должного, который составляет одно из отличительных достоинств военного звания. Сохраняйте и в гражданском положении вашем, и легким способом доброго примера простирайте его на других. Не забывайте, что добрый воин, лев против врагов, должен быть агнцем между своими. Живите кротко и любовно, а гнев и грозу берегите для врагов Отечества. Наипаче не забывайте, что добрый воин царя благочестивейшего должен быть равномерно *добр воин Иисус Христов*. Надобно ли в подтверждение сего вновь напоминать вам о древних победоносцах и уверять вас апостольским словом, что они *верою победиша царствия?* (Евр.11:33). Вы это ближе и проще знаете из деяний наших предков, наших царей, наших избранных вождей. Тот воин истинно непобедим, которому венец мученичества за веру, царя и Отечество, так же любезен, как и венец победы. Тот лучший слуга царев, и надежнейший защитник Отечества, кто в верном Богу сердце, в чистой совести носит верную надежду Отечества небесного. Воины Христиане! Се царь предводит вас не к подвигам бранным, но к самому источнику побед и мира, представляя вас, и сам предстоя с вами Господу сил, в молитве и благодарении. Какая для вас награда! Какое утешение для Церкви! Какая душа не возвысится в след за сим высоким призванием? Горе сердца! Да исправится молитва, яко кадило! Да пройдет небеса! Да примут ее Архистратиги небесных сил, и принесут к престолу Царя царствующих! *Господи, спаси царя! Господи сил с нами буди! Господи, на людех Твоих благословение Твое. Аминь».*⁷⁸⁹

Мы помним также «слово по освящении храма св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го Московского кадетского корпуса» 6 декабря 1849 года, выдержку из коего мы

делали при обозрении случаев отношения Филарета, к Венгерской компании. В настоящий раз мы приведем из него лишь заключительное обращение к Архистратигу Михаилу. «Святой Михаиле, которого покровительству вручен храм сей, – молится святитель-проповедник. – Вождь небесных воинств, не отрицающийся споспешествовать и земным и как очевидно руководствовал Ты вождя Иисуса Навина, и научил разрушить крепкий Иерихон не оружием, но верою; ибо *верою стены Иерихонские падоша!*, приими в твое покровительство и сию обитель уготовляемых на защиту Отечества простирай благодатное крыло над умами и сердцами детей и их руководителей, охраняй сей новый вертоград, яко рай Божии, да обильно сеются и растут в нем семена истины, добра и чести, а врага, покушающегося сеять плевелы, да не допустит вера, победоносная над видимым и невидимым. Предстоя близко престолу Царя царствующих, предстательствуй подобно как некогда о древнем народе Божиим, предстательствуй о благоденствии и долгоденствии благочестивейшего самодержца нашего, и благоверного наследника его, и о всем царском доме его, и о верном его народе, да пребывает истинная, святая вера всегда сердечно и действенно нашею, а с нею всегда будет нашею и победа».

Затем к сему в первоначальных печатных изданиях слова добавлены были следующие слова, исключенные потом в издании 1861 года: «Михаиле! Княже небесный! Тезоименитому Тебе Великому Князю недавно прешедшему из нашего видимого мира в ваш невидимый, возвести, если сие позволено, что любезным ему военно-учебным учреждениям его попечительность и любовь отеческая возвращены вполне в его высоком преемнике; что любовь к нему живет и ныне в сердце державного брата его; что благодарную о нем память хранят и хранить будут все приближавшиеся к нему и все, до которых и в дали достигала его доброта. Аминь!»⁷⁹⁰

Равно также не забыли мы и речи Филарета, произнесенной 9 апреля 1849 года «в высочайшем присутствии при молебном пении в Георгиевской зале императорского Кремлевского

Дворца», пред началом Венгерской компании. Здесь находятся многие наставления, касающиеся военного звания.⁷⁹¹

Такого же рода известные нам речи к частям войск, отправлявшихся на Крымскую компанию в 1854 году.⁷⁹² Еще глубже рассматривает святитель тот же в сущности предмет в своем замечательном «слове по освящении храма св. мученицы царицы Александры во вновь открытом Александринском сиротском кадетском корпусе», которое говорено было 6 декабря 1851 года, на текст: *да ополчаются сынове Израилевы пред Господом окрест скинии свидения, да ополчаются сынове Израилевы (Чис.2:2)*. В нем святитель-вита раскрывает значение храма Божия «в доме, который можно назвать воинским станом (хотя это не цепь шатров, а громада знаний)», на основании «Священных Писаний и священных древностей», которые показывают, что присутствие святыни среди воинского стана споспешествовало победам. И отсюда делает такое заключение: «не приятно ли будет воинствующему россиянину из сего усмотреть, что он ходит в непреложных пределах отцов, что держит от глубокой и священной древности по праву наследованное предание, когда имеет, чтит и усердно посещает храм Божий среди своих полков и военных учреждений, когда ходит на брань под освященным Церковью знаменем, под осенением животворящего креста Христова, когда предмет и цель своего звания определяет обязанностью подвизаться за веру, царя и Отечество; когда в основание своего мужества, побед и непобедимости полагает веру и упование на Бога. И для не воинствующих сынов отечества, не утешительно ли знать, что звание, назначенное стоять на страже государственной безопасности, обеспечивая сию безопасность изведанным мужеством и верностью, и под непосредственным руководством,⁷⁹³ самодержца совершающимся,⁷⁹⁴ воинским образованием, – имеет глубочайшее основание твердости и безопасности для себя и для нас, по обладеживающему образу древнего народа Божия, в вере и уповании на Бога, и соответственно вере и упованию, во всемогущем покровительстве Провидения Божия».⁷⁹⁵

Не одно военное дело и военное образование было предметом забот и попечений государя императора Николая Павловича. Он много и отечески заботился также и о возвышении уровня общего образования, покровительствовал и содействовал развитию наук и искусств в России и т.д. И эти заботы, это покровительство также восходят к самому началу царствования императора Николая Павловича, а потому и много добрых плодов принесли в тридцатилетие этого царствования, особенно же в виду того доброго начала, которое лежало в основании всех этих забот и попечений. Мы разумеем возвращение от всего прежнего иностранного ко всему русскому, подъем народного образования по возможности на основании собственных богатых сил народных, без помощи влияний иностранных, по большей части столь губительных для России.

В этом именно духе составлены были по министерству народного просвещения уставы высших, средних и низших учебных заведений и изданы в 1828 году. В этом смысле изданы Высочайшие повеления 1831 и 1833 годов, по коим, с одной стороны, русское юношество воспитывается предпочтительно в отечественных учебных заведениях, а с другой – поставлено сильное ограничение наплыву иностранцев-учителей чрез установление для них строгого экзамена при Российских университетах на получение права учительства не только в учебных заведениях, но и в отношении к званию домашнего учителя или домашней учительницы, тогда как, наоборот, возвышены права и постоянное поощрение деятельности учителей и воспитателей из русских и т.д. Но так как для осуществления столь высокой патриотической мысли государя императора требовалось высокое развитие наличных сил страны, то в связи с тем отечественные учебные заведения как общие, так и специальные, энергией беспримерно деятельного императора, его частыми личными и при том иногда внезапными посещениями этих заведений, сильно подвинуты были в своем дальнейшем преуспевании и качественно и количественно.

А с целью образования учебно-воспитательного состава из русских, были учреждены два главных института –

Профессорский и Главный Педагогический, и много второстепенных мужских и женских. Под влиянием этих благотворных мер умножились и расцвели учебно-воспитательные заведения всех степеней, родов и видов на Руси, так что к концу царствования Николая было 6 университетов, 1 педагогический институт, 2 лицея, 79 гимназий, 440 уездных училищ, 1125 приходских 633 частных пансиона, 70 еврейских казенных училищ, не считая военно-учебных и женских учебно-воспитательных заведений. В университетах и во всех этих других заведениях прежде мертвенное дело обучения и воспитания сразу ожило под живым отеческим наблюдением и попечением истинно-русского душою императора, поощрявшего деятельных и усердных, отечески-строого наказывавшего ленивых и нерадивых, обращающего внимание на все до мелочей и т.п. Царское внимание к народному просвещению, щедрое поощрение талантов и деятельности простиралось и на частные проявления последних, независимо от учебно-воспитательных заведений Империи. Кому неизвестны с этой стороны отношения государя императора к историку Карамзину с семейством последнего, к поэту Пушкину⁷⁹⁶ и другим? Пулковская обсерватория, Археографическая комиссия и другие учреждения, возникшие и благоустроенные в тридцатилетнее царствование императора Николая, также ясно свидетельствуют о том, сколь разнородные отрасли знания и талантов находили в нем себе поощрение и покровительство.

То же должно сказать и об искусствах и художественной деятельности, о торговле, промыслах, ремеслах и т.д. Как для первых в России уже существовали в то время разные учреждения, развивавшие и поощрявшие таланты, так и для последних учреждены были также разные профессиональные школы, как, например, коммерческая академия, коммерческое училище и др.

Спрашивается, мог ли оставлять без внимания все это учитель Церкви Русской, святитель Московский, Филарет, когда сам верховный покровитель сей Церкви обращал на то свое заботливое отеческое внимание? Духовное развитие и

просвещение России должно было быть еще ближе сердцу святителя, чем многое другое, в ней совершавшееся. И подлинно, не говоря о множестве мыслей и рассуждений, высказанных и изложенных им письменно по этому предмету независимо от церковной кафедры, даже с последней он часто касался этого предмета и более или менее широко, смотря по надобности, раскрывал его в своих проповедях, но само собою разумеется, главным образом с церковной точки зрения, как учитель Церкви. Сюда относятся по преимуществу те многочисленные проповеди Филарета, которые произнесены были им в разное время в различных светских учебных заведениях московских. Но касался он того же предмета и в других своих словах и речах.

При этом Филарет затрагивал вопросы и об общем направлении и духе просвещения и воспитания, об училищах и т. д. и о частных предметах знания, обучения и воспитания, о частных учебных и учебно-воспитательных заведениях, их ближайших задачах, предметах учения в них и т. и. Он знал хорошо и в своих проповедях ясно выражал, что «Благочестивейший самодержец прозорливо обращает особенное внимание на воспитание нравственное и, как на основание сего, на воспитание благочестивое»,⁷⁹⁷ и потому, в качестве учителя Церкви, следовательно, учителя благочестия, твердо и неуклонно проводил в своих проповедях вышеозначенную точку зрения. Так, о просвещении и образованности вообще святитель еще в одной из проповедей 1832 года говорит, то, что на языке мира называется просвещением и образованностью, не есть удел многих; и притом это есть только блеск поверхностный и безжизненный. Свет истинно-благотворный и жизненный должен быть не чуждый, не поверхностный. Но воплощенный в жизнь и деятельность человека, Божий по дару, твой по усвоению внутреннему». ⁷⁹⁸ А в 1837 году, по освящении храма во имя св. мученицы Татианы при московском университете, пользуясь сим удобным случаем совмещения в одном и том же здании и высшего училища светского, мирского просвещения и храма Божия – училища духовного просвещения, святитель делает и

прямой призыв к сему истинному, духовному просвещению, подробно раскрывая как необходимость и благотворность его, так и сущность такого просвещения.

Высказано это было им в слове, произнесенном по означенному случаю в университете 12 сентября 1837 года, для чего избран был такой и текст, *взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя. Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся (Пс.33:5–6)*. Он так начинает свое слово: «Итак, вот дом молитвы под одним кровом с домом любомудрия. Святилище тайн приглашено в жилище знаний, и вступило сюда, и здесь основалось и утвердилось своими тайноводственными способами. Видно, что Религия и Наука хотят жить вместе, и совокупно действовать к облагорожению человечества. Снисходительно, со стороны религии, возблагодарим её снисхождению. Благоразумно, со стороны науки, похвалим её благоразумие». И за тем, раскрыв высокое значение училища духовного – храма по сравнению с тем, что даст высшее училище светское, в котором он открыт, святитель-вития призывает слушателей к духовному просвещению, получаемому в первом, подробно объясняя, соответственно сему, смысл взятого в основание проповеди текста. При этом между прочим, говорит он следующее: «если мы не так прельщены сами собою, не так чужды истины, чтобы не признавать в себе греха, и следственно подвержены печали греха то спрашиваю всех имеющих, или когда-либо имевших притязание на просвещение и мудрость: где та мудрость, которая бы научила меня утешиться в печали греха? Где то просвещение, которое осветило бы мне путь избавления от скорбей жизни, и наипаче от скорбей совести? Где та наука, которая бы удовлетворительно разрешала ни для кого из нас не посторонний вопрос о возможном облаженствовании человека,⁷⁹⁹ и особенно человека согрешившего и повинного пред Богом: ибо, хотя, издревле не мало любомудрствовали о блаженстве человеческом по разуму, но мало имели успеха, частью потому, что не понимали главной трудности вопроса, происходящей от мысли о грехе и о виновности пред Богом, частью потому, что суетились, как бы облаженствовать

временную жизнь человека бессмертного, т.е. хотели подсластить каплю, не заботясь, сладко или горько будет море, которое после неё пить надобно? Где человек, который бы просветил меня так, чтоб *лице мое не постыдилось* пред Богом и пред собственным сердцем, зазирающим согрешающему? Изыскатели сил, движущих небо и держащих оное в порядке и равновесии! Не найдете ли вы мне силы, которая бы исправляла мое уклонение от истинного пути неба, которая бы достаточно противодействовала моему вольному и невольному тяготению к аду? Ведцы прав Божеских и человеческих, естественных и общественных! вы не можете не признать, что нет естественнее и безызъятнее права, как то, которое имеет Бог требовать, чтобы никакая тварь Его не нарушала Его воли и закона никаким действием, никаким словом, которое также есть своего рода действие, никакою мыслью и желанием, которые в области духа и всеведения суть то же, что слова и действия в области чувств; что поступивший в противность правам самодержца теряет чрез сие собственные права, которыми пользовался по Его милости, и которыми по коренным началам царственного благоустройства не мог пользоваться иначе, как с обязанностью верного послушания; что по тем же началам он подвергает себя укротительным или карательным действиям правосудия. Таким образом, и ваша наука, также, как и совесть, постыждает лице грешника, но найдет ли она средство изгладить его стыд?» и т.д.

А потом взывает: «Кто же разрешит мои недоумения? Кто просветит тьму мою? Кто утешит меня верным и не посрамляющим упованием на милосердие Божие? *Кто избавит мя от всех скорбей моих?* Тебе единому возможно сие, от Бога пришедший Учителю, Свете мира, Посетителю душ, Господи Боже, Спасителю Иисусе!» и т.д. Так, подобно великому апостолу языков, заканчивает эту свою замечательную проповедь о просвещении наш вития.⁸⁰⁰ Сюда же можно отнести и другие, прекрасные, каждая в своем роде, проповеди его, сказанные в Татьянин день (12 января) в том же университете, например, в 1850,⁸⁰¹ и в 1851⁸⁰² годах.

Что касается до вопроса о воспитании, то его начал затрагивать наш вития в своих проповедях еще ранее, и в разное время глубоко и всесторонне исследовал его, как в его сущности, так и в подробностях. Так, уже в 1828 году, когда, как мы знаем, изданы были новые уставы учебных заведений светского ведомства, Филарет в своем слове на день рождения государя императора 25 июня беседует «о благословенном рождении детей», или иначе, разрешает вопрос, «как достаются дети добрые, благословенные», при чем естественно затрагивает самый важный и живой из вопросов физического воспитания детей – вопрос о наследственности свойств, содействующих или препятствующих правильному физическому воспитанию детей.⁸⁰³

Затем еще шире рассматривает наш вития вопрос о воспитании в своем замечательном слове в день рождения государя наследника-цесаревича Александра Николаевича, сказанном в 1835 году на текст: *блюдите, да не презрите единого от малых сих; глаголю бо вам, яко ангелы их на небесех выну видят лице Отца Моего небесного* (Мф.18:10). Судя по дню, в который произнесено это слово, уже можно заключить о связи его с упомянутым сейчас словом 1828 года в отношении к интересующему нас вопросу. И эту связь можно усматривать из самого начала слова 1835 года, когда наследнику только что минуло 16 лет, т.е. когда он только что переступил первый предел совершеннолетия. Именно оно начинается так: «Слава и благодарение Царю царствующих! День рождения благоверного государя цесаревича, наследника престола, возвращается к нам, сыны России, не только с обыною радостью, но, можно сказать, с радостью возрастающего⁸⁰⁴ торжества. Его жизнь является нам не только как благословенная отрасль благословенного корени, не только как цвет прекрасный, блистающий изящными качествами наследственными, но уже и как цвет, оплодотворенный достойным высокого рождения и назначения воспитанием. Первенец и наследник царя по сему самому, очевидно, выше всего в царстве: но не видели ли вы, как он являлся сперва в рядах простых воинов, потом пред их рядами в низших

степенях военного начальствования; как знаки сих степеней, один по другом, приобретал он успехами в преподаваемом Ему воспитании; как самое имя цесаревича получил он не только как свое достояние по праву наследника престола, но и как награду по времени, по заслуге?⁸⁰⁵ Так руководствовал и руководствует его благопопечительный родитель, чтобы в наследнике престола – образовать наследника отеческих доблестей, и собственную, так сказать, рукою возводя его к сему совершенству, сим же самым подает высокое, но всем понятное, и для всех убедительное, наставление родителям и детям. И сие-то, делает отсюда переход к теме проповеди вития, подает теперь и мне мысль предложить, для обыкновенного круга жизни, несколько размышлений об особенном внимании, какого требуют дети и их воспитание».

И затем предлагает обстоятельное учение о правильном воспитании детей. При этом сначала раскрывает мысль о естественности и необходимости попечения родителей о детях, настолько же требующих большего попечения о них со стороны родителей, насколько природа их – телесная и духовная выше природы бессловесных, не требующих продолжительного для себя воспитания по своему рождению. Затем, на основании избранного для проповеди текста, показывает, как осмотрительно и бережно должно относиться к важному делу воспитания. «Небрегут о детях, говорит вития, если они по опыту принадлежат кормилице, няне, надзирателю, надзирательнице более, нежели отцу и матери, и более, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творец природы, одной и той же особе матери дает и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что разделять сии служения не редко, больше или меньше, заставляют, то немощь матери, то её другие обязанности; но если сие делается только по склонности к беззаботной жизни, по необдуманному подражанию примерам подобной беспечности то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдруг у двух младенцев, – и у младенца кормилицы, и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы, может быть, тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того, чтобы он

пил любовь из груди своей матери. Мать, которая кормит и носит на руках своего младенца, отец, который в минуты отдыха от своих дел также берет его на руки и учит его первым наименованиям того, что священо и любезно, – блюдите, *да не призрите*, – они делают и прекрасное и важное дело, они наслаждаются сими занятиями, дитя также наслаждается; и в то же время любовь и доброта родительская непрестанно сеет в сердце дитяти семена детской любви и доброты, и ранним и обильным сеянием приготовляет многоплодную жатву. Небрегут о детях, если хотят только забавлять их, и забавляться ими, и особенно тогда, когда настает время более учить их, нежели забавлять. Такое неосмотрительное обращение с детьми обличает, и совет против оного подает древний мудрец в следующих изречениях: *ласкай чадо, и устрасит тя; играй с ним, и опечалит тя. Не смейся с ним, да не поболиши о нем. Накажи сына твоею, и делай им, да не в безстудии его поткнешся* (Сир.30:9,10:13). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стесняя саму себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешения им, чтобы сберечь сие в поощрение и в награду их послушанию, или успехам в полезном учении. Небрегут о детях, если и учат их, но более приятному, нежели полезному. Искусства и познания приятные доставляют жизни человеческой, так сказать, приправы и лакомства, а не хлеб и пищу; не странно ли было бы заботливо собирать к столу как можно более приправы и лакомств, и не заботиться о том, будет ли хлеб и пища? Небрегут о детях, если старательнее учат их полезному для жизни временной, нежели спасительному для души бессмертной; если тщательнее меблируют их голову набором слов и понятий, нежели возделывают вертоград их сердца, исторгая из него дикие травы неправильных склонностей и привычек, насаждая в нем благие чувствования и добродетели, ограждая его от ветров легкомыслия и от бурь страстей; если при воспитании не довольно помнят и не довольно употребляют в дело сколь важное само в себе, столь же благодетельное для всех отраслей познания начало учения: *начало премудрости страх Господень; разум же благ всем творящим его* (то есть:

хорошие познания хороши для тех, которые употребляют их на хорошие дела); *благочестие же в Бога начало чувства* (Притч.1:7). Вы обрабатываете в детях будущих граждан, воинов, словесников, письмоводцев, художников, промышленников – хорошо; но блюдите, да не презрите – не пренебрегите того, что еще лучше, того самого, в обрабатывании чего хотят помочь вам ангелы *их*, которые *на небесех выну видят лице Отца вашего небесного*, – не пренебрегите образования в них сынов Церкви, приготовления будущих граждан неба. Предоставляю, заключает свое слововития, слушающим продолжить сии размышления, ибо имею причины думать, что внимание к предмету сих размышлений, то есть к воспитанию детей, довольно распространяется. Пример царя, благословенного отца и благопопечительного воспитателя, и пример первенца царева, расширяющего юные крыла во след велико-орлему полету родителя, величественно и усладительно светит и родителям, и детям, и воспитателям и воспитываемым; и благодетельная попечительность о воспитании детей простирается от высших до средних и даже до низших сословий народа. В сей самый день гражданство сей столицы открывает памятник незабвенного дня совершеннолетия государя цесаревича, наследника престола;⁸⁰⁶ и сей памятник будет не бездушный мрамор или медь, но осмидесятерица отроческих душ, у которых бедность отнимала надежду доброго воспитания, и которые получают сие благодеение от добрых душ россиян, благодарных Богу за своего царя, славу России, и за наследника его, надежду России. Воистину, благодарение Царю царствующих, благостынно хранящему и возвращающему доблести престола, и оттоле распространяющему всякое добро в царстве и народе. ангелы его, хранители царей и царств, да ополчаются выну окрест благочестивейшего государя нашего императора, благочестивейшей государыни, супруги его, благоверного наследника его, и окрест всего августейшего дома, и охраняя их, сим самым да охраняют благо и спасение всея России. Аминь».⁸⁰⁷

О воспитании же учит святитель Московский и в «слове по освящении храма святой равноапостольной Марии Магдалины

при Коммерческом училище», сказанном 21 марта 1854 года, на текст: *Отцы не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни* (Еф.6:4). Здесь он также говорит, что «в наше время важность воспитания для всей последующей жизни понята и признана более, нежели в иные времена. Число, как орудий воспитания, и число учащихся, при покровительстве просвещенного правительства, при соревновании частных людей, со дня на день возрастает. Для соединенного множества воспитываемых соединяются многие наставники, а нередко и к одному воспитываемому призываются многие наставники и т.д. Но в то же время опять настаивает, чтобы воспитание не было только воспитанием «ученым, деловым, изящным», а и благочестивым, как того желает и самодержец России. Одного воспитания ученого недостаточно, так как в человеке не одна только голова и ум, но и сердце требуют развития, также, как и только при помощи воспитания благочестивого и нравственного – воспитание деловое может образовать земледельца, ремесленника, промышленника, торговца трудолюбивых, честных, способных устроить свое благосостояние, и быть исправными членами общества». Наконец «что сказать о изящном воспитании? По счастью, говорит вития, могу теперь нечто сказать в пользу сей отрасли воспитания по близкому опыту. Здесь мы слышали воспитываемых детей, участвующих в церковном пении. Вот приложение приятного искусства к воспитанию, достойное похвалы и поощрения. Упражнение в пении церковном, и близких к оному – песнопениях, духовного и нравственного содержания, путем удовольствия ведет к пользе; оно умягчает сердце, но не изнеживает, как иные роды пения, возбуждает и питает возвышенные чувствования, а не страсти; занимая невинную душу, не только не уменьшает её невинности, но и освящает оную. Не скроем желания, не останавливаясь на том, сбыточно ли оно, чтобы сие чистое увеселение из воспитания чрез привычку перешло в жизнь, и чтобы христиане, как и бывало некогда, не только в церкви, но и в доме, по наставлению апостола, *глаголали к себе во псалмах и пениях и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах Господеви* (Еф.5:19). Не того хочет обычай века, добавляет

проповедник, он употребляет приятные искусства в воспитании так, что они, изъяснимся, как можно, скромно, – являются цветами, которые не приносят плодов, и с которыми соединено терние, приятно уязвляющее. По сему предмету чувство благочестивое, чистое нравственное чувство и опытное благоразумие тщательно должны быть призываемы на совет о том, в каком виде и в какой мере допустить приятное, чтобы под прикрытием его не прокралось вредное, – изнеженность, рассеянность, пристрастие к чувственным удовольствиям. Мир представляет себе забавы почти такую же потребностью, как труд, пища и покой, он думает жить, играя. Нет, братия, жизнь не игра, но дело важное. Земная жизнь дана человеку для того, чтобы из неё, рукою свободной воли, силою Божией благодати, выработать вечное блаженство. Кто понял сие дело, и занялся им как должно, тот едва ли найдет много времени для игр и забав. И посему прозорливо и благопопечительно заповедует апостол учить и учиться сему делу, как можно ранее, с юности, от детства. *Воспитывайте в наказании и учении Господни*». ⁸⁰⁸

Не раз в проповедях своих святитель Московский решает и некоторые частные вопросы воспитания, как например, о значении подражания в деле воспитания, ⁸⁰⁹ о наказаниях ⁸¹⁰ и т.п. Далее, в различных светских учебных заведениях, проповедуя слово Божие с церковной кафедры, наш проповедник раскрывает мысли то о различных сторонах христианского воспитания и обучения, соответственно задачам, преследуемым тем или другим учебным заведением в частности, то о предметах преподавания в них, то о значении того или другого учебного заведения для общего строя государства и народной жизни и т.п. Таковы проповеди: по освящении храма св. великомученицы Екатерины при Екатерининском институте, сказанная 1830 года 14 сентября, на текст: *уготовися призывати Бога твоего Израилю (Ам.4:12)*; ⁸¹¹ упомянутое выше слово по освящении храма св. мученицы Татианы при московском университете и другие слова, сказанные в том же храме после; ⁸¹² слово по освящении храма св. князя Александра Невского в учрежденном от Московского градского общества доме воспитания бедных детей и призрения

престарелых и немощных, произнесенное 28 сентября 1839 года и имеющее в основании своем текст: *вера бо чиста и нескверна пред Богом и Отцом сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их, и нескверна себе блюсти от мира* (Иак.1:27);⁸¹³ слово по освящении храма во имя св. апостолов Петра и Павла, в 1-м Московском кадетском корпусе, говоренное 7 октября 1846 года на текст *Благ Господь надеющимся нань; души ищущей Его благо есть, и надеющейся с молчанием спасения Божия. Благо есть мужу, егда возьмет ярем в юности своей* (Плач.3:25–27);⁸¹⁴ и: Беседа по освящении храма св. князя Александра Невского, при доме Коммерческой Академии, говоренная 4 ноября 1851 года на текст: *дверцы же отверсты ему в горнице его против Иерусалима; в три же времена дне бяхше преклоняя колена своя, моляся и исповедаяся пред Богом своим* (Дан.6:10);⁸¹⁵ Беседа в день совершившегося пятидесятилетия от учреждения Екатерининского училища благородных девиц, говоренная 10 февраля 1853 года на текст, *жену доблю кто обрящет? Дражайша есть камня многоценного таковая* (Притч.31:10);⁸¹⁶ Беседа по освящении храма святителя Стефана епископа Пермского в доме московской 1-й гимназии, говоренная 3 октября 1854 года на текст: *видевше же архиереи и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зовуща в церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша* (Мф.21:15),⁸¹⁷ и другие.

Но венцом всего того, что Филарет сказал с церковной кафедры в царствование Николая Павловича относительно интересующего нас теперь предмета по истине служит произнесенное в конце этого царствования «Слово в день совершившегося столетия императорского московского университета». Это слово, говоренное в университетской церкви 12 января 1855 года, следовательно, за месяц с небольшим до кончины императора Николая, не имеет в основании своем текста, а рассуждает об истине и об отношении к сей последней разных отраслей знания. Вития так начинается его. «Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения, и притом с особенною торжественностью; потому что это сотый день её рождения. Воспоминания своей столетней жизни, конечно

достопамятные, она возвестит собственными устами, в которых не имеет недостатка Мне должно пред нею быть в том положении, в которое меня поставили преемники учеников Учителя рыбарей и скинотворцев, *избравшего буия мира, да премудрые посрамят»* (1Кор.1:27).

И с этой точки зрения раскрывает избранную для проповеди тему, при чем прежде всего доказывает самое бытие истины и её необходимость для ума человеческого, а за тем – единство её во всех сторонах умственной деятельности человека. «Исторгни истину Божию и Христову из человечества, говорит в заключение ряда этих доказательств вития, с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца. Но я по призванию любомудр и естествоиспытатель, – начинает теперь ряд возможных возражений против сего со стороны представителей той или другой науки в университете, в видах показания их действительного и надлежащего отношения к вечно единой истине, – какое же должно быть мое отношение к истине Откровения? – Не мечтай, что ты можешь создать мудрость, помышляй лучше, что мудрость может прийти, и пересоздать тебя; и когда, с Соломоном, найдешь, что во множестве самодельной, неудовлетворяющей мудрости *множество досады и только крушение духа* (Еккл.1:17–18), тогда не стыдись и не медли исповедать, и твоему естественному любомудрию призвать на помощь Того, в *Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол.2:3). *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение, и избавление* (1Кор.1:30). – Я изыскатель истины бытописаний человеческих, чем должен я истине Божией? – Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей, или слепую судьбу; изощри твое око, и примечай следы провидения Божия, премудрого, благого и праведного. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво следуя тем, которые в глубине древности мира указывают так названные ими *доисторические времена*. У язычников басня поглотила истину древних событий, мы имеем истинную книгу бытия, в которой нить бытия человеческого начинается от Бога и первого

человека, и не прерывается доколе наконец входит в широкую ткань разно народных преданий и бытописаний. – Я исследователь звезд, планет и их законов, чего требует от меня истина Божия? – Ты очень искусно возвысил проницательность своего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку; потщись возвысить также искусно проницательность твоего духа, чтобы ты мог ясно слышать, и возвестить другим, как *небеса поведают славу Божию*. Указую тебе для примера на одного из подвижников твоего поприща. Когда он усмотрел, что одна, долго наблюдаемая звезда, в продолжение наблюдений, переменила свой сребровидный свет в вид раскаленного угля, и потом исчезла, он заключил, что с нею совершилось подобное тому, что предречено о нашей земле, – *земля и яже на ней дела, сгорят* (2Пет.3:10); и потому сказал: слава Богу! Пред нашими глазами новое свидетельство того, что миру предстоит конец, что следственно он имел начало, что есть Бог Творец мира и Владыка судеб его. – Я любитель и возделыватель изящного слова: должен ли и я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истины? – Рассуди, велико ли будет достоинство твоего дела, если красивые цветы твоего слова окажутся бесплодным пустоцветом? Не лучше ли, чтобы в них сокрыто было плодотворное семя назидательной истины, и чтобы они издавали благоухание нравственной чистоты?»

И за тем, как бы увидев, что слово его уже стало очень велико, спешит сделать общий вывод из сказанного для перехода к общему заключению проповеди: «Все мы, христиане, говорит он, и любомудрствующие, и в простоте смиренно мудрствующие, да не забываем никогда, что Христос есть не только *истина*, но и *жизнь*. В своем слове и в своем примере Он соделался для нас *путем*, чтобы привести нас к истине, и чрез истину к истинной *жизни*. Кто думает обеспечить себя достижением некоторого познания истины Христовой, и не довольно старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову тот самую истинную обманывает себя; и подвергает себя опасности умереть на пути, и никогда не достигнуть истинной, вечной, блаженной жизни со Христом в Боге. *Так тецыте, да постигните*. Путем истины стремитесь к

истинной жизни. Так теки царским путем, царская обитель знаний, от твоего первого века в твой второй век. Озревшись на достигнутые успехи, благодари Бога и поревнуй достигать больших. Не прикрывай лестью неразлучных с делами человеческими несовершенств, но в беспристрастном их признании найди наставление и побуждение к усовершенсиям. Распространяй не поверхностное образование, но просвещение, проникающее от ума до сердца; и да будет плодом знания добродетель и истинное благо, частное и общее. Подвизайся образовать подвижников истины и правды, веры и верности к Богу, Царю и Отечеству, которые бы жили истиною и правдою, и готовы были за них пожертвовать жизнью. Ибо истина, когда за нее умирают, бывает особенно животворна, Аминь».⁸¹⁸ Не даром это замечательное слово сочтено было нужным, не в пример прочим проповедям, даже Филарета, напечатать и в Журнале Министерства народного просвещения за 1855 г. «Конец – всему делу венец», говорит народная мудрость, независимая от так называемого народного просвещения. И мы хотели бы приведенную сейчас выдержку из слова Филарета сделать венцем рассматриваемого теперь отдела исследования внутреннего состояния Российской Империи в царствование Николая. Но как в водах украшения этого же венца, так и в видах удобнейшего перехода к следующему отделу, мы считаем не излишним коснуться отношения Филарета к так называемому теперь женскому вопросу вообще и в частности к вопросу о женском образовании.

Говоря о взгляде митрополита Филарета на женское образование, мы должны прямо сказать, что святитель наш не благоволил к мысли о женском образовании не только в таких широких размерах последнего, до которых оно доведено ныне, но и в далеко менее широких, особенно вне семьи. Он предпочитал семейное образование, и не столько образование ума, сколько ума и сердца, для женского пола, уготовляемого к ближайшему руководству семейною жизнью, которая, по его учению,⁸¹⁹ есть основа жизни государственной. Иначе сказать, святитель Филарет в отношении к женскому полу, не отрицая необходимости образования для сего последнего, желал для

него скорее воспитания, на образец семейного, нежели образования. Не приводя подробностей развития его мыслей о том,⁸²⁰ дабы не увеличивать объема нашего исследования, и без того ставшего большим, мы, согласно ближайшей цели нашей, приведем лишь слова из беседы его «в день совершившегося пятидесятилетия от учреждения Екатерининского Училища благородных девиц», раньше нами только упомянутого. Мы приводили уже текст, лежащий в основании этой беседы, относящейся, как мы стали тогда же, к 1853 году. В виду сего текста, святитель-вития начинает свою беседу так: «Опытный Соломон, видно, почитал не очень обыкновенным явлением доблестную жену, когда сказал: *жену доблю кто обрящет?* Слова сив дают разуметь, что ее надобно искать, и как желательно найти ее, так сомнительно, чтобы она была найдена удобно. Если такой отзыв неприятным покажется дочерям Евы, то да поревнуют девы и жены христианские, чтобы в них не была редкостью доблесть, которая редкостью была в глазах Соломона; потому что он имел пред глазами жен иудейских и языческих; и потому что не ясно видел в дали времен благодатную Деву Матерь, и *приводимых Царю небесному дев и жен в след её* (Пс.44:15). Но если Соломон в одной черте своего изображения соединяет и свет, и тень, зато как чисто светла у него другая черта! Если он не щедро уделяет женскому полу доблесть, зато как высоко ценит доблестную жену! *Дражайша есть камения многоценного таковая*». И далее вития раскрывает причину такого внимания Соломона к женской доблести и превозношения её. Причина в том, что Соломон «видит ее в немошной части человечества. Когда видите высокую доблесть в лице мужа вы не столько удивлены, сколько удовлетворены. Найдя вполне то, чего можно было требовать от сей природы. Но когда такую же доблесть встречаете в неможном естестве жены, ваше ожидание превышено, и вы не только довольны, но и удивлены». Пример в Иакове, добровольно, ради брата, осудившем себя на изгнание из родительского дома с одной, и в Руфи, оставившей отечество ради Ноемини, с другой стороны. Затем вития раскрывает историю воспитательно-благотворительного

учреждения, 50-тилетие которого почтил он своею беседою, воспользовавшись искусно сказанным доселе. «Довольно пока, говорить он, сих воззрений на Соломоново изображение доблестной жены. Оно мне представилось, как зеркало, отражающее в себе образ высоко доблестной жены, который, не кистью на полотне, не письменами на хартии, но живыми воспоминаниями начертанный, светит ныне в наших мыслях и сердцах. *Жену доблю кто обрящет?* Не редким ли подлинно и неудобно обретаемым явлением была Та, Которая, происшед от светлого рода вне православной Церкви и России, правым рассуждением и рассудительною любовью переродила Себя в приискреннюю дочь православной Церкви и нового своего отечества, которая, привившись посредством супружества к оскудевавшему отраслями древу царского в России рода, оставила оное по себе обильные, цветущие и плодоносные ветви, простирающиеся далее пределов России, которая венценосною главою и *дражайшим камения многоценного* доблестями сердца сияла в трех последовательных царствованиях, явилась великою матерью двух великих царей? И кто же обрел для сей высокой судьбы высоко доблестную Марию? Прозорливый ум Екатерины? Чистый взор Павла? Это верно. Но это не все. Ее обрело и даровало России особенное, благодеещее России, провидение Божие. Но я должен удержать порывы слова, не могущего следовать за многообразными доблестями приснопамятной императрицы, и стеснить оное в пределы, сказуемые местом, временем и предметом настоящего торжества. Когда Павел Первый восприим самодержавие России; тогда, зная, чего для блага её может ожидать от своей супруги, он отделил в её управление и попечение особую область человеколюбия. Не обширна была сия область, когда приняла ее в свою власть Мария, но Мария постепенно расширила ее, создала в ней новые учреждения, благоустроила их и упрочила. Одним из первых созданий её была сия обитель воспитания благородных дев, которые не имели бы средств получить достаточное образование в семействах, и которые, получив оное здесь, были бы способны внести оное в семейства, устроить свое благосостояние и

вспомоществовать своим родителям. При сем её человеколюбивое чувство объяло весь державный дом, и все его члены оказали ей содействие в сем благотворном учреждении. Двадцать пять лет возделывала и возвращала она сей насажденный ею вертоград и вот, двадцать пять уже лет после неё, он продолжает являться цветущим и приносящим нравственный плод, в ознаменование того, что его насадила искусная и благословенная рука, и что дух человеколюбивой попечительности, одушевлявшей благочестивейшую Марию, почил и на преемнице её, благочестивейшей Александре.⁸²¹

Итак, праведно, теперь делает переход к главной, поучительной части беседы вития, чтобы мы с благоговейным вниманием остановились на пределе совершившегося ныне полувекового бытия сего учреждения, и, взирая на его прошедшее и настоящее оком радости, на его будущее оком надежды, наипаче *возвели очи наши* и благодарные сердца к *Живущему на небесах, к Отцу, из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф.3:14–15), к Царю, из Него же всякое царство на небесех и на земли именуется. Благословен еси, дающий в царе отца народу своему, и в царице – мать сынам и дочерям людей своих! *Боже сил, обратися убо, и призри с небесе, и виждь, и посети виноград сей* (Пс.79:15) и не престани посещать Твоим благословением и благодатью! Да всегда *радуются сынове России о царе своем!* (Пс.149:2) Да всегда пребывают царь и царица России – отцом и матерью о чадах веселящимися!⁸²² Да подвизаются же и дочери России с своей стороны, чтобы оправдывать царские о них попечения и благие чаяния! И для сего возвратимся на краткое время, начинает самое наставление вития, к Соломонову изображению доблестной жены, и укажем некоторые черты, доступные общему подражанию. *Вкуси, яко добро есть делати.* (Притч.31:18) То есть: не жаждет она забав.

В труде и полезном занятии находит более вкуса, нежели другие в увеселениях и забавах. *Не угасает светильник её всю ночь.* (Притч.31:18) Не предаётся она мрачному и долгому сну, и не освещает ночи тысячью светильников, которые не светят никакому полезному делу. У неё *не угасает светильник,*

который светит её ночной работе, или её ночной молитве; наипаче же в душе её *не угасает светильник* веры, в ожидании грядущего в полунощи небесного Жениха. *Сугуба одеяния сотвори мужу своему, от виссона же и порфиры себе одеяния.* (Притч.31:22). Не хочет она быть данницей иноплеменникам за мечтательное изящество и прихотливые новости в одежде, для неё та одежда лучше, в которой менее чужого труда. *Уста своя отверзе внимательно и законно, и чин заповеда зыку своему* (Притч.31:25). Не полагает она достоинства в дерзости суждения, ни удовольствия в многоречии; не оскверняет языка её насмешка и злоречие, и не расстраивает её духа и вида необузданный смех, здравый ум и доброе сердце отверзают уста её для слова чистого и непорочного, и вскоре скромность запечатлевает их. Так живописуя, учит древний опытный царственный мудрец, заключает свою беседу наш вития. Не увеличим и не затрудним урока. Обратим только к нынешней жене и к нынешней деве сказанное в другом случае при виде доброго образца: *иди и ты твори такожде.* (Лк.10:37) Аминь»⁸²³ То же внушение вполне приличествует сделать и женам, и девам нынешнего времени, когда так называемый женский вопрос получил более широкое развитие, нежели какое имел в 1853 году.

Уже в последней рассмотренной беседе святителя Московского учебно-воспитательные учреждения поставляются в связь с благотворительными, по крайней мере по ведомству императрицы Марии. И подлинно, благодаря человеколюбивой императрице-матери Марии Феодоровне, к глубокому прискорбью скончавшейся в 1828 году, её «човеколюбивое чувство объяло весь державный дом», и благотворительные учреждения все более и более разрастались, разнообразились в своих видах и увеличивались в своем числе, как по всей России, так и в особенности в Москве, где, кроме правительственных благотворительных учреждений, было много таковых же учреждений, основанных и устроенных обществами и частными лицами. По-прежнему мы в настоящем случае будем касаться только тех из сих учреждений, которых касается

Филарет в своих проповедях, и при том главным образом с исторической стороны.

Из правительственных благотворительных учреждений в настоящем случае на первом месте должен быть поставлен по всей справедливости Императорский Вдовый дом – одно из давних учреждений Императрицы Марии, уже известный нам из обозрения проповеднической деятельности Филарета в царствование Александра I. И в царствование Николая Павловича в Мариинской Церкви Императорского Вдовьего дома чаще, нежели в каком бы то ни было другом благотворительном учреждении, служил и проповедовал Филарет. Именно, девять раз святитель в разные годы этого царствования с священно-служением в этой церкви соединял и проповедь слова Божия. И первую проповедь здесь сказал он в первый же год царствования Николая. Мы разумеем «Слово в день тезоименитства» государя императора, говоренное в означенной церкви, «пред торжественным обетом сердобольных вдов», 6 декабря 1826 года, следовательно, когда еще здравствовала сама основательница Вдовьего дома, императрица Мария Феодоровна. В этом слове нас особенно интересует начало его, имеющее историческое значение. Оно переносит нас как бы в тайники души императрицы-матери, лишившейся сына-императора Александра и получившей в другом сыне возмещение этой потери. Вот это начало: *«Кто мя устроит по месяцам прежних дней, в нихже мя Бог храняше? (Иов.29:2) – воскликнул некогда Иов. Без сомнения, помышлял он о детях умерших, и о домашнем благосостоянии разрушенном. Но есть еще предмет его печали, который особенно достоин внимания и даже удивления. Он тоскует о возможности благотворить, которую имел, и которой лишился. Спасох бо, говорит, убогого от руки сильного, и сироте, ему же не бе помощника помогах. Уста же вдовича благословиша мя. Око бех слепым; нога же хромым, аз бых отец немощным (Иов.29:12–15). Не тоскуй, благодетельная душа! Бог, верховный благодетель и покровитель всякого благотворения не дает в нареkanie Своей добродетели в лице твоём, Он устроит тебя по месяцам прежних дней, в которые Он хранил тебя. И подлинно,*

говорит наконец книга жития его, даде Господь сугубая, елика бяху прежде Иову во усугубление, Господь благослови последняя Иовля, неже прежняя (Иов.42:10:12). И у Тебя. – обращается теперь вития к Императрице Марии Феодоровне. – Мать благословенных сынов по естеству, а по благотворению мать немощных и сирых, светодательница слепых, благословляемая вдовицами, и у тебя, за год пред сим, не было ли таких минут, в которые все чувство бытия и жизни заключалось в одном воздыхании о утрате неизреченно великой? Кто мя устроит по месяцам прежних дней, в нихже мя Бог храняше? Но великий Отец сирых и Судия вдовиц, внял молитвам благословляющих тебя сирот и вдовиц, также, как и молитвам осиротевшего было народа и царства, и устроил тебя точно по месяцам прежних дней, в которые Он хранил тебя. Се и ныне, в том же месяце, в котором прежде священным торжеством одного из разнообразных твоих благотворений ознаменовывали мы день твоего Богом благословенного сына, и ныне, день твоего другого Богом избранного сына, тем же торжеством благословляется». ⁸²⁴

И далее отсюда выводит «опытное наставление для всякого, кому нужно наставление, в сей истине, что благотворительность к человекам верою наследует могущественное и действительное благословение Божие, часто дивными и нечаянными судьбами». ⁸²⁵

В отношении к императрице Марии собственно это благословение Божие святитель-вития видит именно в декабрьском совпадении дней рождения императора Александра Благословенного и – тезоименитства императора Николая Первого, нарочито праздновать которое она сама же установила в Мариинской Церкви Вдовьего дома, о чем Филарет говорит, проповедуя в сей же церкви царский день 6 декабря 1850 года: «Мне кажется, – говорит он здесь, что молитву о царе приносит вместе с нами и в Бозе почившая мать царева, которая за двадцать пять лет пред сим завещала праздновать нынешний день особенно здесь, посреди облагодетворенных и орудий благотворения, дабы к молитвам нашим тем удобнее преклонился Милующий милостивых». ⁸²⁶

О том же, равно как и о благотворительной деятельности самой Императрицы Марии Феодоровны святитель подробнее говорит в своем юбилейном слове по случаю 50-летия Вдовьего дома, нужную выдержку из коего мы еще сделаем в своем месте. А теперь продолжим речь пока об устройстве и назначения рассматриваемого учреждения, по проповедям Филарета. В своем слове на 6 декабря 1844 года, сказанном в той же церкви Вдовьего дома святитель говорит: «Царское милосердие воздвигло и наполнило сей пространный дом, и поддерживает его в благоустройстве. Царское милосердие, вместе с благочестием, создало сей храм, и постоянно дает ему средства сохранять свой чин и благолепие, подобающее святыне. Царское милосердие взыскало сих вдовиц, призрело, успокоило, и, не довольствуясь непрерывными делами милосердия над ними, производит, так сказать, второе поколение дел милосердия чрез них, образу избираемых из среды их, и употребляя для человеколюбивого и благочестивого попечения о болящих».⁸²⁷ При этом разумеется особенный разряд призреваемых в доме сем вдов, так называемых «сердобольных», которых из всех 130 вдов дома избираемо было 60 и которые, особенно в каких-либо более важных бедственных случаях в отечестве, назначаемы были в нарочитое служение больным или раненым, при чем на них возлагаемы были кресты с изображением Богоматери всех скорбящих радости и вручались им свидетельства на звание «сердобольных». Так, например, в 1834 году, по случаю бывшей в тот год повальной болезни, пришедшей, подобно холере, с востока,⁸²⁸ сердобольные вдовы Вдовьего дома были призваны к служению болящим, и пред тем давали обычный торжественный обет или присягу, что опять приурочено было к 6 декабря, почему Филарет в слове своем на этот день, сказанном в церкви Вдовьего дома, «пред торжественным обетом сердобольных вдов», и говорил: «Ко дню, именем благочестивейшего императора украшенному, самое близкое слово было бы о нашем благополучии под охранительною сенью могущественного имени Народно-победителя, которое так счастливо всю полнотой своего знаменования встретилось с

духом именуемого, покоряющим себе народы троякою силою: мудрости, могущества и любви. Но мановение самого самодержца указывает иное направление моим мыслям, назначает моему слову иной предмет – бедствие и сострадание. Ибо тогда, как мы совершаем праздник верноподданнической любви, благочестивейший государь хочет, чтобы ныне же, именно здесь, был праздник царского человеколюбия. Тогда, как мы приносим к сему алтарю молитвы о его бесценном для нас здравии, он вносит сюда свою сострадательную заботу о болящих, и поручает нам освятить живые орудия его собственного сердоболия».

И за тем святитель-вития подробно раскрывает важность и значение этого особенного рода человеколюбия служения сердобольных вдов болящим.⁸²⁹ Равным образом во время войн сердобольные вдовы призывались к попечению о больных и раненых воинах, как это было в декабре 1826 года, когда Филарет произносил свою вышеприведенную проповедь. Так же было это и в Крымскую войну в 1854 году, когда 17 ноября Филарет также говорил беседу «к сердобольным вдовам, избранным для попечения о раненых и больных воинах действующей армии», почему и начал эту беседу таким образом: «К вам слово Церкви, сестры христианского сердоболия о болящих, которые царским человеколюбием призываетесь ныне к особенному подвигу христианского попечения о болящих от ран, полученных на брани за веру, царя и отечество. Подвиг, сколь необыкновенный для вас и трудный, столь же благословенный и способный возбудить неослабевающее усердие».⁸³⁰

Сообразно такому назначению этого благотворительного учреждения, темою проповедей Филарета в церкви его было главным образом милосердие, человеколюбие. «Мысль о милосердии, говорил сам Филарет в слове на 6 декабря 1844 года в знакомой нам церкви Вдовьего дома, – естественно представляется душе там, где она осуществлена в деле, и является даже и взору».⁸³¹ Или: «Собранным в одной из обителей обширной области царского милосердия, говорил он там же и в тот же день в беседе 1852 года, о чем ближе нам и

помышлять и говорить как не о милосердии? Здесь можно порадоваться о действиях милосердия, можно и поучиться изобретательному искусству милосердия».⁸³² Или еще в слове 1846 года: «благоговейно творя церковную память святителя Николая, которого необыкновенно великая в Церкви слава просияла особенно из дел милосердия, и с тем вместе совершая отечественный праздник тезоименитого ему царя нашего, и это в одной из многих обителей царского милосердия, сколь неизбежно встречаемся с мыслью о милосердии, столь же охотно берем оное в предмет слова».⁸³³

В 1853 году, в одном году с другим воспитательно-благотворительным учреждением, Екатерининским училищем благородных девиц, торжественно праздновалось и 50-летие Вдовьего дома. Празднование приурочено было опять ко дню тезоименитства государя императора, к 6 декабря. И это обстоятельство дало повод святителю Филарету в слове своем на этот день, сказанном в той же Мариинской церкви, вспомнить многое, касающееся истории этого учреждения. Слово свое сказал он в этот раз на текст: *затвори милостыню в клетех твоих (Сир.29:15)*, и начал его таким неожиданным обращением к слушателям: «Полагаете ли вы возможным, чтобы вам где-либо, когда-либо случилось быть свидетелями спора достойнейшего из сынов с достойнейшею из матерей, и притом такого спора, для которого не нужно примирение, потому что обе стороны правы? А мне кажется, что вы можете стать свидетелями сего здесь, ныне. За двадцать семь лет пред сим царица-матерь сказала однажды на всегда, следственно сказала и на нынешний день: в сей день, в сем храме и доме, да будет особенный праздник в честь моего державного сына, в благодарность Богу, Который даровал ему святое христианское имя. благословил дни его, и хранит его благоденствие. Но недавно державный сын её изрек слово также на нынешний день, в сей день, в сем храме и доме, да будет особенный праздник в честь и память моей венценосной матери, в благодарность Богу за то, что сие благотворительное учреждение, чадо её милосердия, благоденственно достигло полувекового возраста, с надеждою достигнуть и векового».⁸³⁴

Не прекрасный ли это спор сыновнего благоговения с материнскою любовью? Не правда ли, что он не требует примирения? Мы имеем два повеления, но они не разделяют сердец наших, а соединяют и воспламеняют их к исполнению того и другого. Благословен во веки благословенный доньше день богохранимого самодержца нашего, и да благословятся, обильнее прошедших, его грядущие лета! Благословенна память в Бозе почивающей матери его, по естеству и дару Провидения благословенной матери венценосных чад, по милосердию матери сырых, вдовиц и разнообразно бедствующих. Древний благочестивый мудрец учил: *затвори милостыню в клетех твоих*. Приснопамятная Мария затворила милостыню более, нежели в клетех, или в хранилищах обыкновенных. Царица поселила милостыню, можно сказать, во дворцах милосердия; преподала ей средства продолжать вековую жизнь и деятельность, давать непрерывно сырым воспитание, престарелым покой, вдовицам призрение, болящим врачевание и утешение, слепым, глухим, немым, хотя, не даровать зрение, слух, язык, но, что в своем роде также довольно чудно, при недостатке внешних орудий образования, открыть внутреннее око души, показать ей свет истины, возбудить и очистить нравственное чувство, некоторым образом получеловека сделать человеком. Сие царство человеколюбия, вместе с царством Всероссийским наследовав, благочестивейший самодержец наш не только хранит оное, часто назирая собственным оком разные части оною, но и возвышает, и распространяет, имея сотрудничающими, во первых, совенчанную супругу свою а потом и благоверных чад своих». ⁸³⁵

Так от благочестивейшей матери-царицы дух милосердия и человеколюбия перешел к чадам её и распространился на августейших детей самих этих чад, расширился в объеме дел милосердия, оразнообразился в учреждениях благотворительности и т.д. Живую картину этой царской благотворительности изображает святитель Московский в своем слове, сказанном в тот же день 6 декабря и в той же церкви Вдовьего дома в 1850 году на текст: *сеяй скудость*,

скудостью и пожнете; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет (2Кор.9:6). «Как обильно сеет благотворения, говорит он здесь, благочестивейший государь император наш, приемля, где можно, в содействие столь же благотворную руку благочестивейшей супруги своей! Беспомощному младенчеству – питание, отрочеству и юношеству – воспитание и образование способностей к полезной и благополучной жизни в обществе, истощившей силы заслуге – почетное довольство, убогой старости и дряхлости – призрение и покой, вдовицам – тихое и обеспеченное убежище, болящим – врачевание и сердобольное служение, – вот разнообразное сеяние, которое никогда у него не прерывается. Кроме сего каждое радостное событие в его семействе вновь отверзает его сердце, чтобы благотворением даровать радость сердцам, стесненным лишениями и скорбями. Если в каком бы то ни было крае обширного царства случилось бедствие, от которого многие пострадали, при первой о сем вести тотчас простирается рука царя, чтобы на месте бедствия посеять вновь семена благосостояния. К правилу *да не увести шуйца, что творит десница*, он присовокупляет другое, чтобы десница не была останавливаема тем, что творит шуйца, милующая и благотворящая десница его не редко, видимо или сокровенно, простирается и к тем, которых его правосудие поставляет ошуюю, – на месте суда и осуждения». И потому что удивительного, если царелюбивая душа святителя Московского, в виду столь великой и обширной царской благотворительности, воспаряла к Небу с такою горячею молитвою о царе: «О, *Даяй семя сеющему* (2Кор.9:10), и возвращай плод, и умножай жатву! Даруй, и не престани подавать державному сеятелю благодеяний обильную жатву Твоих благословений, – долгоденствие и благоденствие, радость благотворящего сердца, признательность облагодетельствованных, любовь народов, преуспевание благих начинаний, победоносный мир и миротворную победу».⁸³⁶

Кроме Вдовьего дома, Воспитательного дома с его многочисленными и обширными учреждениями и отделениями, на который указание можно было видеть в выдержке из

последней приведенной проповеди святителя Филарета, к числу правительственных благотворительных учреждений в Москве, упоминаемых в других проповедях его, относятся: Екатерининская больница, университетские клиники и некоторые другие. В Екатерининской больнице 20 августа 1833 года освящен был Филаретом храм во имя св. великомученицы Екатерины и по освящении говорено было слово, на текст: *есть же во Иерусалимех овчая купель, яже глаголется еврейски Вифезда, пять притвор имущи. В тех слежаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды* (Ин.5:2–3).

В этом слове святитель говорит между прочим: «С радостью, с чувством внутреннего убеждения мы можем воздать долг хвалы и благодарности благочестивейшим самодержцам нашим, которые как во всякой добродетели, и во всяком благотворении, так и в попечении о болящих величественно предшествуют народу своим примером. По ним с благодарностью можем вспомнить и некоторых из подданных, которые в подвигах человеколюбия довольно близко последовали царскому примеру. Можно насчитать в сем граде более пяти, не *притворов*, а великолепных домов, которые представляют добродетель милосердия в делах тем лучше, что не выставляют её в названиях. Отче милосердия! призирай выну на дела сии оком благодати; и да будут помилована милующие; да будут, по непреложному обещанию, *блажени милостивые*».⁸³⁷

28 сентября 1846 года открыта была больница (клиники) при Московском университете. Филарет приглашен был на это открытие и при сем сказал речь, в начале которой говорил следующее: «Быв собраны освятить общественною молитвою дело науки и человеколюбия, которое должно здесь не одновременно совершиться, но продолжаться и жить, не излишнее мы сделаем, если введем в молитву размышление, которое бы ее возбудило и направило. Общая Матерь Церковь, удовлетворяя вдруг разнообразным потребностям чад своих, предлагает наиболее общие образцы молитвы, и дух благословения и благодати приближает к нам посредством

священных знамений, но привлечь и принять сей дух должно наше верою жаждущее сердце, а сию жажду возбуждает ясное представление той особенной нужды, с которою прибегаем к молитве. Представляется здесь уготованная царским человеколюбием и щедротами обитель, правда, обитель не беспечальная, потому что ее населяет и населять будет страждущее человечество, и будет в ней распределяемо не по правам и преимуществам, а по болезням, однако же, обитель и утешительная, потому что страждущие приемлются сюда для облегчения, болящие для врачевания. И как счастливо с человеколюбием дружится здесь мудрость! Наука приходит облегчать многообразные страдания, наблюдение над многообразными страданиями облегчает науку в её трудных изысканиях. Врач помогает больному в получении здоровья, и больной помогает начинающему врачу в приобретении врачебной опытности. Сии воззрения возбуждают нас к молитве радости и благодарения за державного человеколюбца и покровителя знаний, и за деятельность слугителей его мудрости и человеколюбия, к молитве утешения и надежды за страждущее человечество».⁸³⁸

Между тем уже в проповеди 1833 года, как мы видели, святитель-вития указывал на существовавшие в Москве, кроме правительственных, и общинные или частные благотворительные учреждения. «Где власть и подчиненность, – говорил он в одной из проповедей своих, сказанных в Мариинской Церкви Вдовьего дома, именно 6 декабря 1843 года, – могут идти одним путем, как, например, в истине веры, в добре нравственном, в делах человеколюбия и милосердия, там предшествующий пример власти, как сильно и вместе как приятно увлекает за собою подчиненность! Как вода с высших мест сходит на низшие, не всегда удерживаясь даже преградами, так нравственный дух высших состояний в обществе чрез подражание переходят в низшие, не смотря на некоторые преграды, поставляемые различием званий. Благочестие и человеколюбие владеющих и начальствующих, как солнце, без усилия сильно распространяет свет свой в круге подвластных. Счастливы подвластные и подчиненные, которым

для того, чтобы одушевляться любовью к истине и добру, к правде и милосердию, ревностью к своим обязанностям, неутомимостью в подвигах, – надобно взирать на поставленную над ними власть, и изучать её действия! Не сомневаюсь, что теперь моему слову вторят мысли предстоящих: счастливы мы, которым здесь – не притча только, но и живые дела царского человеколюбия светят и говорят: *иди, и ты твори такожде* (Лк.10:37). Потому-то, благодарение Богу, и часты у вас дела в учреждения человеколюбия». ⁸³⁹

И подлинно вот картина дел и учреждений человеколюбия богоспасенного града Москвы, начертанная рукою самого же Филарета, в проповеди сказанной в той же Мариинской Церкви Вдовьего дома и в тот же день 6 декабря, но только 1846 года: «как благословенно изобилует он, говорить святитель-вития о сем граде, не только повременными делами человеколюбия, но и постоянными учреждениями деятельного милосердия царского, милосердия вельможеского, милосердия градского, милосердия особенных, добровольно для сего соединившихся обществ, наконец ежедневным сеянием домашней и личной милостыни! Видим здания царские, созданные не для царя и его присных, но для чужих, дальних, смиренных, которых ищет и усвоит себе высокое милосердие. Видим палаты, воздвигнутые вельможами, в которых, по воле основателей, за счет их богатства, не вельможи роскошествуют, но алчущие питаются, жаждущие напоятся, наготующие одеваются, странные вводятся, больные врачуются, сырые, престарелые, беспомощные находят призрение, успокоение, удовлетворение потребностям Видим дома, частью также обширные, частью смиренные, но за то многочисленные, в которых гражданское милосердие посильно следует за милосердием вельможеским, подобно как вельможеское за царским. Видим идущих из великолепного дома посетить убожество в каком-нибудь темном углу неблагообразного или не здорового жилища, чтоб узнать и доставить потребное, или пригласить в обитель призрения. Видим приходящих в темницу так охотно, как в гости, пекущихся о заключенных, как о своих домашних. Видим, особенно во дни освященные, множество рук, стираемых в темницу, чтобы

подать заключенным угощение, хотя, впрочем, известно, что они не алчут под кровом попечительного правительства. Без сомнения, есть еще подвиги милосердия, которых не видим, но тем не менее, даже, может быть, тем более светлые, что их не видим, по колику их скрывает смирение. Прекрасно! Слава Богу! Если непреложен тайный закон Провидения, некогда открытый ангелом, что *милостыня от смерти избавляет* (Тов.12:9), то, вероятно, ей не мало ты обязан своим спасением, богоспасаемый град; может быть, особенно на сей-то черте твоего характера (впрочем, неразлучной с твоим правоверием и любовью к царям), покоилось провидящее око небесного милосердия, когда небесное правосудие посещало жезлом – *беззакония и ранами – неправды*. И таким образом, *милость Господня не разорена от Тебе* (Пс.88:33–34); смертоносные раны, не раз, на твоём долгом веку, нанесенные тебе то яростью врагов, то другими бедствиями, не могли причинить тебе смерти, и ты. Не изнемогая, достигаешь семисотлетней старости. Продолжи твою милость земную, да продолжится к тебе милость небесная. Продолжи исполнять завещание, которое, как ты ни стар, еще за долго до рождения твоего написано: *буди любомилостив и праведен, да тебе благо будет* (Тов.14:9).⁸⁴⁰ В частности, благотворительные учреждения Москвы, которых касаются проповеди Филарета, по времени произнесения последних, суть следующие:

а) Странноприимный дом известного вельможи графа Шереметева близ Сухаревой башни. Он основан в 1803 году действительным тайным советником обер-камергером графом Николаем Петровичем Шереметевым, с высочайшего разрешения, пожертвовавшим для сего кроме обширного дома, и более полумиллиона рублей на содержание как дома со служащими при нем, так и благотворительствуемых: 100 человек бедных, 50 человек больных, на выдачу приданного 25 девицам и т.д. В самой середине лицевого главного корпуса устроена Церковь во имя Живоначальной Троицы, с приделами во имя Николая Чудотворца и Димитрия Ростовского. После того как граф-основатель представил на высочайшее воззрение такой крупный дар, государь император, с благодарностью приемля

оний, наградил его орденом св. Владимира 1-й степени большого креста. В этой-то Троицкой церкви Шереметьевского дома призрения, по случаю возобновления её, Филарет служил и говорил известную вам проповедь во время первой холеры 1830 года – 26 октября. В это время графа-основателя уже не было в живых, и попечителем дома призрения был сын его, граф Димитрий Николаевич Шереметев.⁸⁴¹ И этим-то объясняется воззвание святителя-витии в означенной проповеди «*Отче Аврааму, отче верующих и человеколюбивых! обыми, если можно, и за нас в блаженных недрах твоих, вместе с душою, терпением спасавшегося Лазаря, душу человеколюбием спасавшегося раба Божия боярина графа Николая, и да почиет она в светлых обителях вечно благословенного и благословляющего твоего семени, Господа нашего Иисуса Христа. Которому ты берег души древние, и Который, для душ древних и новых, един есть воскрешение и жизнь и покой!*»⁸⁴²

б) Градская больница на 450 кроватей, построенная на суммы Московской Городской Думы на месте бывшего дома графа Орлова, для людей всякого состояния, и содержащая на городские же средства. В 1833 году в этой больнице состоялось освящение устроенного в ней храма во имя св. Марии Магдалины. Освящение совершал Филарет и в своей проповеди по освящении между прочим, говорил: «Прозорливость и человеколюбие подвиглись, и побудили власть устроить дом врачевания для больных, которые не могли бы пользоваться сим пособием в своих жилищах – дело, которое само говорит о своем достоинстве. Но я слышу, что еще говорила при сем власть благочестивая. Сего не довольно, сказала она. Больница, потребности жизни, лекарства, врачи, это еще не все, что нужно для больных. Для них нужен еще дом молитвы, для них должны быть в близкой готовности пособия веры. Чем же на сие будет ответствовать служитель веры? Без сомнения, радостью и благодарною к Богу молитвою за венценосного благодетеля страждущего человечества, и его же духом одушевляемых исполнителей воли его».⁸⁴³

в) Учрежденный Московским городским обществом дом воспитания бедных детей и призрения престарелых и немощных, начало устройства которого положено в 1834 году, а довершение устройства созданием храма состоялось в 1839 году. Историю этого благотворительного учреждения передает сам святитель Филарет в своем слове по освящении этого храма, устроенного во имя св. благоверного князя Александра Невского, произнесенном 28 сентября 1839 года. «Много приятных мыслей, говорит в начале этого слова святитель вития, рождается при виде сего храма, ныне освященного, и сего дома, для которого храм сей служит венцем доброты. Приятно видеть создание сего храма, как свободное дело благочестия. Приятно видеть учреждение сего дома, как щедрое дело человеколюбия. Приятно видеть здесь сочетание благочестия и человеколюбия, в одном деле, для одной цели, так что сии добродетели, в соединении, одна другую подкрепляют, одна другую возвышают. Приятно мыслить, что сие дело благочестия и человеколюбия есть плод благих расположений не одного человека, или немногих, но целого сословия граждан великого града. Приятно вспомнить, какой случай привел в движение благие расположения, и произвел благотворное дело. Первородный сын царев, надежда России, достиг совершеннолетия, и торжественно вступал в права оного. Радовались венценосные родители, сорадовалась Россия. Москва чувствовала сию радость, как свойственно сердцу России. Все, под руководством Церкви, возносили сию радость к небу и молили о её упрочении, все, кто как мог, желали ознаменовать ее и в земном быту. Тогда возвысился сей общественный голос: «Царь заботился о своем первенце, царь радуется о своем первенце, не только по родительской любви к сыну, но и по царской любви к Отечеству, по предусмотрительной заботливости о будущем благе России; чем же бы нам ознаменовать то, что мы сие чувствуем, что желаем сему соответствовать, по колику нам возможно? Есть дети, о которых некому заботиться, о которых не кому радоваться: да будет их матерью – ваша любовь к царю и сыну его, ею призренные, обеспеченные, образованные, да будут они её

живыми памятниками, её от нас наследниками, её проповедниками потомству». «Итак, учредители, вы полагали, что, дабы ознаменовать радость, надобно сделать доброе дело; что, дабы доказать любовь к царю, надобно сделать дело человеколюбия; что, дабы сделать приятное царю, надобно сделать дело благотворения! Прекрасно, возлюбленные! Такой образ мыслей достоин сынов веры. Такая мысль о царе достойна истинного величия. Такое предприятие достойно верных подданных царя благочестивейшего. При виде таких расположений, остается только желать, чтобы они сохранялись и не преставали приносить плод, их достойный; чтобы чувствования, так светло блеснувшие в минуты восторга, были постоянным и всеобъемлющим светом дел и жизни в людях, ими одушевленных. *Кто даст, скажем словом Господним, даст еже быти тако сердцу их в них во вся дни, да благо будет им. и сыном их во веки? (Втор.5:29)* И кто же дал бы нам сие без Тебя, Отче Светов, от Которого *свыше исходит всякое даяние благо и всяк дар совершен? Ты призри на рабы Твоя, и на дети Твоя, и настави сыны их, и буди светлость Господа Бога нашего на нас, и дело рук наших исправи (Пс.89:16–17).* Благословение Твое да исходит выну от храма сего на дом сей, и на обитающих в нем, и на создателей и блюстителей того и другого». ⁸⁴⁴

г) Глазная больница, учрежденная и открытая в 1826 году частью на пожертвования частных лиц, частью же на городские средства, при живом содействии генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. ⁸⁴⁵ 28 октября 1845 года происходило освящение устроенного при ней храма во имя Христа Спасителя, отверзающего очи слепому. Филарет сам совершал освящение и говорил проповедь, которую начал следующими словами: «Слава Господу Человеколюбцу! Слава Господу Светодавцу! Призрел Он оком Божественного человеколюбия на бедствующих братьев наших, лишенных, или угрожаемых лишением света очей, и подвигнул человеколюбие человеческое, устроить для оных – сие прибежище, и доставить им надежные средства врачевания. Но сего не довольно было для человеколюбия христианского. Еще позаботилось оно,

чтобы здесь не повторился обоюдный суд, на который Господь указал во днех плотя своея, *да не видящий видят* – телесно, и *видящий слепи будут* – духовно (Ин.9:39), чтобы ищущие здесь облегчения во общении со светом солнечным не встречали затруднения в общении с светом Христовым. И вот, среди врачебницы телесной явилась врачебница душевная, открытая сокровищница благодатного света. Слава Господу Светодавцу! Слава Господу Человеколюбцу! Благословенны да будут орудия Его человеколюбия. Да изливается обильно животворящий свет Его на них и чрез них. Да действует здесь всегда суд милости, *да не видящий видят*. Да сохранит нас Светодавец от суда отвержения: *да видящий слепи будут*». ⁸⁴⁶

д) Богадельня Общества ремесленников, устроенная сперва в небольшом деревянном, а с 1836 в большом двухэтажном каменном доме в 1844 году вдвое расширенном, и помещающаяся на Самотеке. Уже в 1844 году, при общем расширении здания, положено было основание и церкви при ней во имя Рождества Пресвятой Богородицы, каковая церковь в 1847 году и была окончена постройкой 5 октября 1847 года. По освящения этой церкви, совершенном самим Филаретом. святитель говорил слово, в начале которого следующим образом касается истории учреждения: «Во граде, довольно уже богатом учреждениями человеколюбия и благотворительности, вот еще дом милосердия, не ныне основанный. Но недавно распространенный, и наконец увенчанный домом молитвы и святилищем таинств, что прежде он был устроен в меньшем размере, сие, думаю, соответствовало ограниченности способов того сословия, которое устроило его. Что по времени он распространен, сие может служить признаком, что дух человеколюбия и благотворительности не так был ограничен, как способы действия, и что он, преодолевая затруднения, расширял свою деятельность. А что человеколюбие не удовлетворилось доставлением нуждающимся покойного жилища и других потребностей жизни телесной, по позаботилось и душам их приготовить близкое прибежище, с духовною пищей и духовными врачевствами, сим ознаменовал себя дух человеколюбия христианского».

И затем, для обычного перехода от истории к наставлению, говорит: «Что скажу начинателям и совершителям, покровителям и споспешествователям сего дела человеколюбия и благочестия? Пусть приветствует их не просто человеческое слово, которое может подлежать подозрению в ласкательстве, или сомнению в безошибочности, но достоверное слово пророческое, *блажен разумевай на нища и убога, в день гнѣвъ избавит его Господь; Господь да сохранит его, и живит его, и да ублажит его на земли (Пс.40:2–3)*, что скажу тем, для которых совершено сие дело человеколюбия и благочестия? Пусть и им укажет, что им делать, власть имеющее Пророческое слово: *да узрят нищии, и возвеселятся; възвѣстите Бога, и жива будет душа ваша, яко услыша убогия Господь (Пс.68:33–34)*»⁸⁴⁷

Мы помним, что в одной из проповедей своих, произнесенных в Мариинской Церкви Вдовьего дома, святитель Филарет о благотворительности царя говорил, между прочим, то, что «милующая и благотворящая десница Его нередко, видимо или сокровенно, простирается и к тем, которых Его правосудие поставляет ошуюю, на месте суда и осуждения». При этом, конечно, разумеются различные места заключения преступников, которые, будучи уже сами по себе местами мрака, как таковые, освещались по временам светом милости царской, а отсюда и общественной с частною благотворительности. Все таковое побуждает нас теперь же рассмотреть проповеди Филарета, произнесенные в разное время и в подобных местах.

Первою из них по времени является проповедь, произнесенная 23 декабря 1843 года «по освящении храма Пресвятой Богородицы, Взыскания Погибших, устроенного при замке пересыльных арестантов». Проповедь эта сказана на текст: *Всади их во внутреннюю темницу, и ноги их заби в кладе. В полунощи же Павел и Сила молящеся пояху Бога, послушаху же их юзницы (Деян.16:24–25)* и начинается так: «Вот и мы молящеся поем Бога, если не в самой темнице, то близ самой темницы, и ради темницы и *слушают нас юзницы*. Помышляя о том, что, здесь ныне совершилось, хочу

радоваться, радостью человеколюбия, но несколько и страшусь, страхом Божиим. Если бы кому пришло на мысль во дворе темничном построить царский дом, кто не сказал бы, это не сообразно с достоинством дома царского? Как же дерзнули мы во дворе темничном устроить дом, более нежели царский, – дом Божий?»

И далее ясно и красноречиво мало-по-малу раскрывает и на основании слова Божия доказывает право и даже потребность устройства дома Божия в месте уз и темницы, с приличествующим наставлением узникам и с такими словами обращения к подвижникам человеколюбия христианского, посетителям темниц, попечителям их обитателей и пресельников, а в особенности соработникам дела благочестия, запечатленного благодатью: «не многое потребно слово там, где уже довольно дела благонамеренно совершилось или совершается. *Не обидлив Бог забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его* (Евр.6:10). Любовь Божия да не престаёт одушевлять и улаживать ваш труд. Имя Господа Иисуса да исполняет силою слова и действия вашего человеколюбия. В благоуспешном утешении бедствующих, в обращении заблуждающих, в радостном о сем свидетельстве совести вашей, да является вам и в темнице Тот, Который отъял от неё поношение, и украсил её Своим уверением, что Он в ней был: *в темнице бых*. Аминь».⁸⁴⁸

В отдельном же издании проповеди за нею прямо и непосредственно следует составленная самим святителем Филаретом прекрасная во всех отношениях *Молитва заключенною в темнице*.⁸⁴⁹ Чрез 10 слишком лет после произнесения этой проповеди, именно 2 сентября 1854 года святитель Филарет говорил «беседу по освящении храма Пресвятой Богородицы, взыскательницы погибших, в тюремном замке пересыльных арестантов», на текст: *Прииде бо Сын человеческий взыскати и спасти погибшего* (Мф.18:11). При этом в начале беседы вития раскрывает значение названия Божией Матери именем *взыскания погибших* и утверждает, что Она в сем подражает Своему Сыну и Богу, а потом говорит: «Милосердие создало сей храм. От милосердия родилась и та

мысль, чтобы ознаменовать сей храм именем Божией Матери, Взыскательницы погибших. В намерении было сделать, и сделано то, что храм сей именем своей Покровительницы, и своим наименованием, непрестанно говорил входящим в него и окружающим его, как бы вы ни находили себя несчастными, не предавайтесь унынию, хотя бы, даже погибшими почитали вы себя, не предавайтесь отчаянию; есть и для *погибших взыскание и спасение*». И далее изъясняет, по обычаю, красноречиво и основательно смысл этого изречения,⁸⁵⁰ пополняя таким образом, как бы то, чего не доставало в подобной проповеди 1843 года. Между тем за два года пред сим, именно 18 сентября 1852 года происходило освящение храма Покрова Пресвятой Богородицы в Московском тюремном замке, и Филарет, совершавший это освящение, говорил по освящении опять «Слово», на текст: *стояше Иисус, и зваше глаголя: аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет (Ин.7:37)*. На основании этого текста раскрыв мысль о том, как и какого рода жажду утоляет Иисус, святитель-вития в конце своего слова обращается и к самым заключенным в тюремном замке. «Не поискать ли нам особого утоляющего слова для особого рода жаждущих, обитающих окрест сего храма? Вероятно, все вы страдаете одною жаждою, – жаждою освобождения отсюда, что же скажу вам? Нельзя вдруг удовлетворить вашей жажде тем образом, каким бы вы желали. Но подумайте, что бывали в темницах люди, которые не страдали, или очень легко страдали жаждою освобождения. Иосиф в темнице Египетской был, как хозяин: *вся бо бяша в руках Иосифовых (Быт.39:23)*; апостол Петр в темнице Иерусалимской, в навечерии суда смертного, почивал спокойно, как бы у себя в доме; апостолы Павел и Сила в Филиппийской темнице благодушно *пояху Богу*, как бы в церкви. Почему так? Потому что они были невинны; потому что Христос был с ними, как именно написано о Иосифе: *бяхе Господь с Иосифом, возлия на нею милость*. Если и сюда некоторых из вас невинных привела испытующая судьба Божия, смотрите на сии примеры; прибегайте ко Христу, и уповайте, что будет *Господь с вами* и, ранее или позже, *возлиет на вас милость*. А если у вас

лежит на совести тяжесть вины, то рассудите, было ли бы для вас благом скорое и легкое освобождение отсюда. Тяготеющая на совести вашей неправда, и более или менее томящая жажда правды, или тоска по утраченной честности и добродетели, пошла бы отсюда с вами; и кто знает, не стали ли бы вы утолять сию жажду огнем вместо воды, то есть, новыми неправдами вместо покаяния, и таким образом, не обратилась ли бы наконец утолимая жажда ваша в ту огненную и неугасимую, в которой человек, не искавший пить от воды благодати во время земной жизни, за гробом искал для своего языка перста, омоченного в воде, но искал тщетно. Заботьтесь лучше утолить не жажду внешнего освобождения, но жажду внутреннего разрешения от уз грехов и преступлений. Не допустите разгореться в вас палящей жажде отчаяния, но, угашая ее слезами покаяния, притекайте ко Христу, Который хочет от вас не нерадения во глубине зол и отчаяния, но покаяния и надежды. *Прииде бо Сын человеческий взыскати и спасти погибшего. Аминь».*⁸⁵¹

Лучшего заключения к проповедям такого рода не могло быть; лучшего заключения и нашего рассмотрения их мы не могли придумать.

Как приложение к последнему рассмотренному разряду проповедей святителя Московского может быть рассматриваема его «Беседа по обновлении храма Воскресения Христова, при доме заключения должников», сказанная 22 декабря 1853 года. Она сказана на текст: *яко скры мя в селении своем в день зол моих* (Пс.26:5). В ней проповедник, указав на особенную любовь Давида ко храму Божию, и в объяснение взятого в основание беседы текста сказав о Давиде: «потому, говорит, желал бы я все дни моей жизни проводить в доме Божием, что в самый бедственный день моей жизни Господь скрыл меня в селении Своем от угрожавших мне бед, во храме Своем даровал мне безопасность», далее ведет следующую речь: «да слышат сие люди, которых конечно не день благополучия, но *день зол* заключил в стенах сего дома. Пророк собственным опытом удовлетворяет, что от дня зол можно скрыться, найти безопасное убежище в храме Божием. И такое убежище

благочестивым и человеколюбивым попечением о бедствующим, видите, как близко для них уготовано, и как благоукрашено. Видно, что не только думали приготовить и открыть святое прибежище для страждущих, но и старались видимою *красотою Господнею* привлекать сердца их к невидимой благодати Господней. Перенимайте же у достойного Давида его любовь ко храму Божию. Преследуемые днями зол, прибегайте сюда искать дней утешения, благодати и мира. Чем усерднее будете прибегать сюда, тем вернее найдете утешение, благодать и мир». ⁸⁵²Что лучше, что отраднее было выслушать заключенным должникам, как не это истинно отеческое слово утешения в их скорби, приключившейся в *день зол*?

Так наконец вполне замыкается ряд проповедей святителя Филарета, произнесенных в 30-летний период царствования Николая Павловича и с подобающе широтою раскрывающих благотворительную деятельность этого благословенного царствования, начиная от прямо благотворительных учреждений и кончая учреждениями, в которых благотворящая *десница* простирается и к тем, которые правосудием поставляются *ошуюю* и назначаются в разнообразные места заключения. Так исчерпывается вся обильная содержанием деятельность правительства по внутреннему благоустройству Империи, поскольку этой деятельности касается Филарет в своих проповедях. Остается у нас недоконченным с этой стороны только одно, это – отношения святителя к тем или иным особам Августейшей фамилии и их личной деятельности на благо Отечества, опять насколько эти отношения выразились в проповедях Филарета, ибо не достало бы и времени повествовать о том на основании множества других оставшихся от него письменных данных

При том даже и в проповедях святителя, для краткости обзора, мы будем иметь в виду лишь более крупные случаи этих отношений, так как уже и из рассмотренного доселе мы могли видеть, как часто при всяком удобном случае царелюбивая душа святителя обращалась с любовью к царскому Дому в своих проповедях. Едва не каждый, особенно из главнейших, царский день в году, каждое учреждение царской

мудрости или человеколюбия, служили Филарету таким случаем. Для большего удобства и в видах разнообразия, мы будем следить за означенными случаями опять в хронологическом порядке. Это же, смеем надеяться, кстати будет служить и дополнением доселе рассмотренного в разных отношениях.

Прежде всего в настоящем случае мы должны были бы рассматривать отношения святителя к самой венчанной главе царствующего дома, императору Николаю. Но так как эти отношения и без того продолжаются на все время его царствования, а между тем другие особы этого дома скончались раньше или позже, в течение этого царствования, то мы лучше начнем с родительницы императора, царицы-матери Марии Феодоровны, тем более, что, во-первых, она и скончалась чрез три года по восшествии его на престол, да и в хронологическом порядке отношение Филарета к царствующему дому занимает первое место, так как, если мы не забыли, Филарету в наступившее царствование прежде всего с нею представлялся случай лично видеться в 1826 году, пред коронацией нового императора. Мы помним речи, которые Филарет произносил пред нею не раз в бытность её в Москве в сем году. Не забыли мы также и слова проповеди Филарета по отбытии её из Москвы в том же году, которыми он почтил ее в учрежденном ею Вдовьем доме 6 декабря, равно как и других проповедей Филарета, в коих он, особенно касался благотворительных учреждений, достойно чтит имя её и при жизни, и по кончине её. Время кончины царицы-матери, к сожалению, совпало с временем всегда неприятного и болезненного для Филарета переезда последнего из Москвы в Петербург на заседания Святейшего Синода. Самую первую весть о кончине её он получил дорогою и потому, конечно, не мог почтить усопшую словом с церковной кафедры. «В Медном, где я ночую, писал святитель Филарет к своему викарию Иннокентию Сельно-Кринову от 27 октября 1828 года, смотритель станция рассказывает печальную весть, о которой в Твери не сказывал мне преосвященный.⁸⁵³ Видно и то надобно было, чтобы я не мог размыслить о ней несколькими часами ранее. Теперь

поздно возвращаться в Москву,⁸⁵⁴ хотя, продолжение путешествия моего также не нравится мне, как и начало. Сегодня утром дорога была хуже, а я лучше; под вечер дорога лучше, а я хуже. Бог терпения и утешения да будет с вами. Молитесь, да не оставит и мое недостоинство».⁸⁵⁵

По приезде в Петербург, Филарет, не смотря на продолжавшуюся болезненность свою от пути, имел некоторое утешение, и притом единственное, в молитве об усопшей как на панихидах, так и при погребении, состоявшемся 13 ноября со всею печальною торжественностью. В день погребения Филарет чувствовал себя в здоровья так дурно, что едва-едва кончил свое участие в церемонии дня и пиша о том викарию, как о великой милости и долготерпении к себе Бога, добавлял даже: «однако же сомнительно, хорошо ли продолжать службу с таким здоровьем. Надобно ли дожидаться того, чтобы упасть в церкви или на дороге?»⁸⁵⁶

Само описание церемонии погребения императрицы-матери мы не будем делать; но мыслей Филарета по поводу кончины её мы не можем опустить; ибо они стоят проповеди, которой Филарету не удалось произнести. «Печально! пишет он в письме к тому же викарию от 4 ноября 1828 года. Когда возьмется добрая душа, мне всегда приходит на мысль, что заграждается один из притоков благословений на оставшееся на земле. Кончина государыни показывает, что с нею было благословение. Много страдав в продолжении лет заботою любви о сыне и отечестве,⁸⁵⁷ утешена возвращением сына; благовременно занялась приготовлением к смерти, пред исповедью оставалась не малое время в уединении, без сомнения, чтобы собраться предварительною молитвою, размышлением и обзрением жизни; исповедовалась и приобщилась святых тайн с великим вниманием; не позволила поспешности в чтении молитв, потом благословила детей, одних лично, других заочно; со всеми простилась; скончалась тихо, имея государя подле себя на коленях стоящего. Государь и государыня оплакивают ее, как наилучшие дети наилучшей матери, да и все оплакивают как мать. Мир душе её! Надобно молиться, чтобы Бог послал государю совершенное утешение?»⁸⁵⁸

И Бог подлинно послал Государю такое утешение, в благословенной семье, которая, произрасти как бы от корня, от императрицы усопшей, в нем и чрез него в древо многоветвистое и благосеннолиственное, воплотила в себе и все добродетели усопшей, особенно благодаря тому, что и августейшая супруга его, императрица Александра Феодоровна, была подлинно образцом и семейных и других добродетелей, а чрез то оживотворялось все семейное счастье августейшей фамилии и оплодотворялись все благие предприятия сей последней. Николай был в точном смысле отец немалочисленного и благословенного семейства у себя дома, и таковым же был в многочисленной семье сынов России; так чувствовалось всегда его положение среди той и другой семьи. Такой именно смысл имеет следующая превосходная во всех отношениях речь Филарета, которую встретил он государя императора 20 сентября 1832 г. пред вступлением Его Величества в Успенский собор: «Благочестивейший государь! Каждый год является весна, каждый день восходит солнце, но явление их всегда ново, всегда радостно для земли, которая в них чувствует свою собственную жизнь. Так радость лицезрения твоего, венчанный свет наш, по благодати твоей к нам уже не редкая, и теперь, как бы в первый раз, нова для нас, и полна, потому что сердца наши чувствуют в тебе душу народной жизни. Да будет же наша о тебе радость радостна и тебе, ибо кроме сего нет для тебя за нас достойной на земли награды. Царь царствующих да продолжит сохранять тебя, так же во всем твоём царстве, как и в твоём благословенном семействе, отцом о чадах веселящимся».⁸⁵⁹

И вот в этом благословенном семействе, время от времени, совершались события, которых Филарет не мог обойти вниманием и с церковной кафедры. Так в 1834 году, как мы отчасти уже знаем из вышесказанного, исполнилось совершеннолетие наследника престола цесаревича Александра Николаевича, которому 17 апреля сего года минуло 16 лет. День этот особенно торжественно праздновался, конечно, в Петербурге, где в это время был и Филарет, которому Бог судил быть и свидетелем этого радостно-торжественного события. В

качестве свидетеля-очевидца он живо описывает это событие в одной из своих проповедей, произнесенных по возвращении из Петербурга в Москву Мы разумеем его слово в день рождения государя императора, говоренное 25 июня 1834 года, на текст: *вем бо, яко заповестъ сыном своим, и дому своему по себе, и сохраняют пути Господни, творити правду и суд* (Быт.18:19).

Вот слова этой проповеди, касающиеся рассматриваемого события: «Поелику год царя, начинает свое слово святитель-проповедник, принадлежа ему, как год жизни, принадлежит вместе и царству, как год царствования, то не удивительно, что в настоящий день, граничный между окончившимся и начинающим годом благочестивейшего самодержца нашего, встает вся Россия, и устремляет изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, с благодарением, с надеждою, с молитвою. Одна из особенностей совершившегося года царева,⁸⁶⁰ состоит в том, что рядом с сим годом, как юная луна при солнце на ясном небе, явился начальный год совершеннолетия наследника престола. Как теперь еще вижу я сей прекрасный вечер, по истине достойный дня Христова. Среди величественного храма, среди песнопений и молитв пред открытым алтарем Воскресшего,⁸⁶¹ на минуту прерванных, к открытому Слову жизни, к спасительному Кресту Христову, царь настоящий ведет юного царя будущего, между тем как венец и скипетр и держава, как знамения будущего царствования, покоятся о страну. Сколько важных мыслей можно прочесть в сем зрелище, когда оно еще безмолвствует! Итак, вступление порфирородного на путь к престолу должно быть на пути к алтарю. Итак, заповедь, обет, молитва, суть предобручение венца, скипетра, державы. Итак, крест есть предварительный венец венца, и силу будущей власти царской надлежит извлечь из лобзаемого Евангелия. Итак, чтобы благонадежно завещать царство, для сего, видно, надлежит прежде крепко завещать благочестие. Слышу священный обет сына царева, и вдруг открывается, что совершеннолетие, которое сам вступающий в оное с толикою скромностью назвал *ранним*, есть, напротив того, вполне зрелое, потому что он возвышенно понял высокие помыслы своего родителя, и глубоко

почувствовал важность настоящего мгновения. Он стоит пред Богом, как живая жертва, приносимая царем-отцом за будущее благосостояние царства и, согласно с волею родителя, и сам представляет себя в жертву, и облак слез, восходящий в очах его, дает приметить, что фимиам непорочного сердца его восходит горе. Мне кажется, что и вы были при сем царственном жертвоприношении, поскольку в то же время приносили ту же молитву, так хотел благочестивейший государь, Который любит, по колику возможно, быть с вами во всем едино. Но я был при оном ближе, и могу вам свидетельствовать, что сколь поразительно некогда чудна была жертва,⁸⁶² орошенная удвоенным и утроенным возлиянием воды, чтобы потом пришел на нее небесный огонь, столь сладостно чудною явилась наша бесценная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришел на нее животворный огонь благословения свыше. Ты призрел на сие мгновение, Царю небес и вечности, пред Которым и ни одно земное мгновение вестъ забвено. Тебе принесены сии слезы, столь искренние, столь единомысленные, столь чистые, какие только может проливать отец Отечества вместе с сынами царства. Когда жребий наш придет пред лице Твое; когда судьбы Твои спросят у Тебя, открыть ли на нас сокровища гнева по грехам нашим, или сокровища щедрот, по вере в Тебя, – тогда, Господи, помяни вновь сие мгновение, призри еще на сии слезы, и еще изреки на нас суд милосердия; еще изнеси нам державный жребий спасения и мира, благочестивейшему же царю нашему, который царствует не только для современников, но и для потомства. Который так же печется о царствовании будущем, как о настоящем, и попечения свои о будущем пред Тобою, вечный Царю, полагает, и Тобою обеспечивает – умножи и лета его царствования, и благословения Твои на них, тем обильнее, чем благоизвольнее вверяет он себя, и своего наследника, и свое царство державе Твоего Провидения».⁸⁶³ Мы не забыли, конечно, что в Москве памятником совершеннолетия наследника престола было воспитательно-благотворительное учреждение с храмом во имя

св. благоверного князя Александра Невского, небесного покровителя наследника престола.

Известно, что тогдашний наследник, впоследствии благочестивейший государь император Александр Николаевич родился (в 1818 году) в Москве. На это обстоятельство, в связи с совершеннолетием его, Филарет указывает в речи своей к императору при вступлении последнего с наследником в Успенский собор 19 октября того же 1834 года. Вот эта речь: «Благочестивейший государь! Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью твоего первенца, естественно, с живейшею радостью видит в год совершеннолетия того, которого приняла она в день рождения от самого недра благочадной матери. Радость сия возвышается и еще восхитительною мыслью, что твоя любовь дарит нам ныне сию нечаянную радость. Такая радость не нашла бы для себя довольно слов. Но за нее может говорить простая сердечная молитва: да хранит Господь выну тебя, наш мир и нашу радость, и твоего возлюбленного наследника, нашу надежду, и да продолжит умножать Твои семейственные радости, которыми так отечески делиться с твоим же обширным семейством – твоих верноподданных».⁸⁶⁴

В конце следующего 1835 года исполнилось десять лет со дня воцарения императора Николая Павловича. В эти не многие годы сделано было, однако же, так много и внутри, и вне России, что не помянуть протекшего десятилетия добрым словом с церковной кафедры было для Филарета невозможно. Проведши зиму 1835–1836 года в Петербурге, Филарет мог исполнить этот нравственный долг свой только уже во второй половине 1836 года, по приезде из Петербурга в Москву. И он его исполняет в двух случаях: во-первых, в речи своей, говоренной государю императору пред вступлением его в Успенский собор 11 августа этого года, и, во-вторых, в слове на день коронации Государя, сказанном в той же церкви 22 августа того же года. В речи своей к Государю Филарет говорит: «Сретая Тебя в сем царском месяце,⁸⁶⁵ пред сим храмом Твоего царского венчания, не можем не вспомнить и не усмотреть ныне, что над главою Твоею совершился не рукотворенный

венец, венец десятилетия царских подвигов, венец, – чем более трудную работою твоего духа выработанный, – тем более драгоценный для нас и для потомства. И оградив нашу безопасность и спокойствие, ты не покоишься, но тем не менее подвизаешься, дабы упрочить и возвысить наше благоденствие. Не для сего ли и теперь обходишь нас, почивающих под сенью твоего престола, чтобы собственным оком видеть людей и дела, и непосредственными манованиями все направлять к правде, к пользе, к порядку, ко благу, к совершенству? Все сие видя и сознавая, что иное может чувствовать, как радоваться, благодарить и непрестанно желать, чтобы Венчающий тебя милостью и щедротами непрестанно украшал тебя новыми венцами благословенных лет, деяний, славы, которыми верный народ твой красуется, как своим собственным украшением».⁸⁶⁶

В слове же своем на день коронации, сказанном на текст: *повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от него посланным, во отмщение убо злодеем, в похвалу же благодетелем* (1Пет.2:13–14), святитель-проповедник и подробно описывает «драгоценности сего венца». Вот существенные черты этого описания деяний десятилетнего круга царствования. в большей своей части уже известных нам и потому не требующих пояснения. «Враги внешние, говорит проповедник, побеждены и укрощены. Враги домашние – уничтожены. Союзы, особенно благоприятные миру царей и народов, укреплены особенно. Редким царским искусством враги переработаны в друзей. Силе бедствий, которые предупредить и отвратить не во власти человеческой было, не раз могущественно и благодетельно противопоставлено личное присутствие духа благочестивейшего императора. Военные силы бдительным попечением непрерывно содержаны и содержатся в развитии, соответственном достоинству и безопасности государства, в особенности же морские, не только увеличены, но не знаю, не сказать ли, воскрешены пристальным животворным царским взором. Просвещение, искусства, промышленность разнообразно поощрены. Законодательство и правосудие получило свой особенный венец в систематическом

составе законов. Человеколюбивые заведения для воспитания, врачевания, призрения, возвращены в число, и цветут под незаходящим солнцем непосредственного царского призрения. Всякая нужда, бедность, несчастье, общественное, частное, непрерывно находили и находят отверстою благодеющую руку царскую», и т.д.⁸⁶⁷

В отеческом попечении о благе России, не только настоящем, но и будущем, государь император послал возлюбленного сына своего – первенца в путешествие по обширным владениям Российской Империи не только европейским, но и азиатским, для личного ознакомления с народами подвластными, их нуждами и потребностями, движением жизни народной, гражданской, государственной, с местными органами управления и т.д. По возвращении из этого путешествия, государь наследник посетил Москву и её святыню. Пред вступлением его в Успенский собор 24 июля 1837 года, Филарет встретил его следующей замечательной речью: «Благоверный государь! Всегда светло для нас твое пришествие, как заря от солнца России, но на сей раз новые виды, новые чувствования и думы. С особенною радостью среем тебя после твоего путешествия даже в другую часть света, хотя, все в одном и том же Отечестве; ибо сердце наше трепетно следовало за твоим ранним, дальним и быстрым полетом. Но что значит сие путешествие? Не то ли, что сказал древний мудрец: *обходя страны умножите мудрость*? Тебе должно наследовать мудрость, объемлющую огромное из царств земных: и дальновидная попечительность августейшего родителя твоего сверх домашнего руководства к сей мудрости, назначила для тебя учебною храминою – Россию. И что же? *Обходя страны* России, уже ты простерся далее, нежели кто-либо из её царей. Собственное око твое собирает или поверяет и умножает сведения о её силах, средствах и потребностях. Каких вожделенных плодов должна надеяться от сего Россия! Се и на древле престольный град простираешь наблюдательные взоры. Глубокая мысль ведет тебя почтить здесь святыню, освящающую царей и хранящую приснопамятный покой освященных ею твоих родоначальников.

Здесь наипаче прикасаешься ты сердцу России, и его жизненную силу, которая есть наследственная любовь к наследственным государям, отразившую в прежних и нынешнем веках столько враждебных сил, видишь в её свободной игре, в сих волнах стремящегося к тебе народа, в сих восторженных взорах, в сих торжественных восклицаниях. Любовь россиян да соделает тебе легким труд, внушенный любовью к России. Когда же возвратишься к возлюбленному тебе и нам твоему родителю: возвести ему, что Россия чувствует его дальновидную о ней попечительность; что мы благословляем его как за себя самих, так и за потомство; что мы молимся, чтобы род и род потомства возрастал и созревал пред очами его и твоими, дабы за себя и за нас благословлять его и тебя».⁸⁶⁸

2 августа наследник цесаревич посетил и Лавру преподобного Сергия по древнему благочестивому обычаю своих державных предков. Филарет и там, предупредив его туда прибытие, встретил Его Высочество речью, в которой, опять указав на его путешествие и между прочим, на прибытие в обитель пустытника, заметил, что и эта обитель, как с одной стороны «рассади́к учения и жизни духовной», а с другой, как «твердыня, на которую иногда могла опереться столица и Россия», не лишена также государственного значения в видах путешествия наследника.⁸⁶⁹

Мысль о значении путешествия наследника святитель не преминул выразить и в своей речи к августейшей матери его, императрице Александре Феодоровне, пред вступлением Её Величества в Успенский собор 4 августа того же 1837 года. «Возвращаясь, читаем в этой речи о наследнике, он приносит тебе радость, которою возрадовались о нем миллионы россиян. Тобою рождена вся сия радость. Так благословил тебя Господь, купно с твоим августейшим супругом».⁸⁷⁰ А так как милосердный государь наследник, в бытность свою в Сибири, обратил милостивые взоры свои между прочим, и на политических преступников, из коих некоторые, быв замешаны в декабрьских смутах 1825 года и живя на поселении в Сибири, раскаялись в своих заблуждениях, и так как по возвращении

своим в столицу Империи испросил им облегчение их участи у августейшего родителя своего, то и на эту светлую черту путешествия государя наследника не преминул указать святитель Московский. Именно в его проповеди на день коронации государя императора 22 августа того же 1837 года мы читаем: «можно ли не вспомнить теперь, что и первородный сын благочестивейшего государя нашего, вступая с возрастом в неотсрочное наследие родительских добродетелей, одно из ранних движений наследственной благодати явил в сострадательном внимании к судьбе должников правосудия, и в ходатайстве пред августейшим родителем о её облегчении, какое-только возможно милосердию без оскорбления правосудия: и что милосердие царя с радостью отозвалось милосердию сына царева?»⁸⁷¹

Между тем вскоре после того и сам государь император, совершив путешествие по России и побывав даже в Закавказском крае, прибыл в Москву, к упредившему его прибытие сюда августейшему семейству, причем 27 октября Филарет его встретил известною нам речью пред вступлением в Успенский собор, «по возвращении Его императорского Величества из Закавказского путешествия».⁸⁷² В этой речи, если мы не забыли её, Филарет между прочим, говорил: «Благочестивейший государь! Подвиги не утомляют Тебя. Но если, по слову Премудрого, *время всякой вещи*, а следственно должно быть некоторое время и покою, то прииди, много ради нас подвизающемуся духу Твоему дай опочить – на наших сердцах».⁸⁷³

Действительно, государь этой осенью более месяца спокойно прожил в Москве окруженный своим благословенным семейством и любовью москвичей, в исполнении обычных дел мирного государственного управления, человеколюбия и благочестия, что подало повод Филарету сказать в день восшествия на престол государя императора 20 ноября свое знаменитое по глубине заключающегося в нем государственного учения слово об отношении между государством и семейством, и о важности семейства в составе государства. «Зрелище царского благословенного семейства, говорит в этом слове

Филарет, которым в сие время наслаждается сия столица, представляет нам, россияне, среди высоких доблестей царских, в столь же возвышенном свете доблести семейственные. Доблести царские суть достояние собственно царево: доблести семейственные могут и должны быть общим достоянием Царя и народа». ⁸⁷⁴

И в виду этого за тем раскрывает упомянутое учение, излагать которое мы будем в свое время. Лишь в начале декабря государь император с августейшею фамилией оставили Москву и отправились в Петербург. Филарет напутствовал августейших гостей своим описанием их пребывания в Москве, помещенным в № 101 Московских Ведомостей за 1837 год, с молитвою в заключении этого описания: *Господи, спаси Царя и услыши ны, в онъ же еще день призовем Тя*, ⁸⁷⁵ и вскоре по отбытии их сам отправился также в Петербург для обычного участия в заседаниях Святейшего Синода. Это было 12 декабря. 17 декабря он прибыл в Петербург к вечеру, но ему «вместо того, чтобы в первую ночь отдохнуть» от пути и полученной в дороге болезненности простудной, «надлежало, как он сам о себе пишет, видеть зарево пожара Зимнего Дворца и проводить время в печальных и заботливых размышлениях», конечно, об августейшем семействе. ⁸⁷⁶

Пожар Зимнего Дворца, этого величественнейшего в Европе здания, построенного еще дочерью Петра Великого императрицею Елисаветою, вмещавшего в себе несметные сокровища вещественные, а что дороже всех сокровищ, всю августейшую фамилию, начиная с самого царя, конечно был весьма прискорбным не только в жизни августейшего семейства, но и всей России событием. Однако, благодаря мудрой распорядительности государя императора и его августейшего брата, великого князя Михаила Павловича, как августейшие малолетние дети были отвезены в Аничков Дворец заблаговременно, так и почти все сокровища Дворца, равно как и примыкавшее к последнему здание Эрмитажа, были спасены от пожара, истребившего Дворец. В 1838 году, по воле императора, начались энергичные работы по возобновлению Зимнего Дворца. Государь сказал, что в будущем 1839 году он

будет праздновать Пасху в новом Зимнем Дворце, и воля его должна была быть исполнена.

Между тем как сам государь император значительную часть лета 1838 года, а государь наследник даже и все лето, и осень 1838, и зиму 1838–1839 годов, провели за границею и, между тем, как в конце 1838 года обряд обручения великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским происходил во временной походной церкви, устроенной в Эрмитаже, в Петербурге, тысячи человек трудились над восстановлением Зимнего Дворца, и воля императора была своевременно исполнена. В начале 1839 года дворец, как феникс, возник из пепла в прежнем и даже в большем по сравнению с прежним величии. «Государь император исполнил царское слово, писал из Петербурга от 29 марта 1839 года своему викарию (Виталию Щепетеву) Филарет, изреченное вскоре после бедственного приключения с дворцом. Он возобновлен лучше прежнего, и Пасха празднована в большом придворном соборе, подлежавшем общей с дворцом участи».⁸⁷⁷

И в виду всего, происшедшего в 1837–1839 годах относительно царского семейства, когда император в конце лета 1839 года был в Москве на маневрах, имевших особенное, своего рода историческое, значение в виду воспоминаний о 1812 годе, связанных с бывшими тогда церковно-государственными празднествами на полях Бородинских и в виду заложения храма Христа Спасителя на новом месте, Филарет встретил государя в Успенском соборе 4 сентября следующей речью: «Благочестивейший государь! С благоговением слышал твой древлепрестольный град, как ты, воздавая честь подвигам рода минувшего, в то же время поучал подвигам род настоящий и грядущий, как освящать славу благочестием, как чуждую неги жизнь воинского стана услаждал для воинов твоим примером. Наконец и видит тебя твой древлепрестольный град, и радостными взорами особенно ищет теперь увидеть во взорах твоих ответ радости, озарившей недавно твой благословенный дом. Твой первенец возвратился в твои объятия, пленив сердца и чуждых народов доблестями,

которые наследовал от тебя рождением, и которые ты образовал в нем воспитанием. Любовь к Отечеству твоей первой дщери, при твоём родительском попечении, навсегда упрочила её для России, соделав и супруга её сыном России. Вниди в сие царственное святилище соединить твою благодарную молитву с нашею; и новые благодеяния Неба да орошают выну твоё благодарное пред Богом сердце».⁸⁷⁸

К радости об упомянутых сейчас событиях вскоре присоединилась в августейшем семействе новая радость. Государь наследник цесаревич, во время своего заграничного путешествия в 1838–1839 годах, в бытность свою при одном из иностранных дворов (Гессен-Дармштадском) обрел себе будущую спутницу жизни, принцессу Марию Гессенскую, по принятии православия наименованную Марией Александровною. Раннею весною 1841 года состоялось и бракосочетание Их Высочеств. В мае 13-го числа того же года Высоко-новобрачные, вместе с государем императором, по древнему благочестивому обычаю, прибыли и в Москву, где 14 мая в Успенском соборе Филарет встретил их следующею, обращенною к государю императору, речью: «Благочестивейший государь! Уже сердце России трепетало радостью при вести твоего родительского сердца и двух сердец, соединенных на радость России. Твой первородный, исполнив собою высокие надежды Отечества, исполняет его приятными надеждами, избрав и соединив с собою священными узами достойную сонаследницу благословений, которыми щедрено свыше твоё августейшее семейство. Но ныне, по любви твоей, к подданным отеческой, ты благоволил и наградить, и еще возвысить верноподданническую радость твоей древней столицы, даруя ей счастье лицезрения твоего и виновников твоей и нашей радости. Святая же Церковь свойственную ей духовною радостью радуется, когда ты, благочестивейший государь, среди веселия твоего дома, вспомняв святыню сего древнего Дома Божия, притекаешь в сие святилище царей, чтобы твою и чад твоих радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему. Царь царей да исполняет во благих желания твои, и благословением благостынным, обильным,

потомственным, да благословит благоверных Александра и Марию, якоже благословил благочестивейших Николая и Александру».⁸⁷⁹

Высоко-новобрачные 23 мая посетили и Лавру Сергиеву, где пред вступлением в нее были встречены заблаговременно приехавшим сюда святителем Московским, как настоятелем Лавры и выслушали его новую приветственную к ним речь, потом слушали молебен Преподобному Сергию, трапезовали в Лавре и к вечеру того же дня возвратились в Москву. В следующем 1842 году Господь даровал государю наследнику цесаревичу от супруги Его первую дочь, а государю императору – первую внучку, великую княжну Александру Александровну. Поэтому-то, когда 3 сентября этого года государь император, по прибытии в Москву, по обычаю, вступал в Успенский собор, Филарет и встретил его речью такого содержания: «Благочестивейший государь! *Венец старых чада чад*, сказал премудрый! Соломон (Притч.17:6). Тебе ранее старости прилагается сей приятный венец к величественнейшим венцам Царя Победителя, Миротворца, Законодателя, Распространителя православия.⁸⁸⁰ С недавнею о сем радостью соединяя ныне радость твоего лицезрения преданными тебе сердцами молим Венчающего тебя милостью и щедротами, да и еще умножает и благоукрашает выну венцы твои, подобно как ты непрестанно продолжаешь, возобновляешь, умножаешь твои царственные подвиги».⁸⁸¹ По случаю рождения первой дочери, государь наследник и супруга его, кроме благотворений, еще устроили крест и отправили его в Москву для освящения и внесения в храм св. мучеников Флора и Лавра, в день памяти которых (18 августа) было самое рождение великой княжны Это освящение и внесение состоялось 20 декабря того же 1842 года. Филарет сам совершил то и другое, и при этом произнес беседу, в которой, рассуждая «о вере в общение со святыми», в заключение её говорит: «но вот и дело веры в общение святых, небесных, дело, давшее предмет настоящему слову, и паче слова утешительное и назидательное, не только для братий святого храма сего, но и для всех сынов Церкви и России. Когда Бог, благословив супружеский союз благоверного государя

цесаревича великого князя Александра Николаевича и благоверной государыни-цесаревны великие княгини Марии Александровны, даровал им первородную дочь, радость их, равно как и августейших родителей их, явилась радостью христианскою. Сердце царево, вместе с благодарением к Богу, подвиглось человеколюбием к неимущим, сирым и болящим, отверзло для них щедрую руку. сердце сына и наследника царева вознеслось к Отцу небесному, и взыскало принести Ему жертву, при посредстве святых Его. Воспомянув, что день рождения благоверной государыни великой княжны Александры Александровны посвящен Церковью памяти святых мучеников Флора и Лавру, и что здесь есть храм их имени, государь цесаревич и государыня цесаревна благоизволили почтить и украсить сей алтарь сим изображением Распятого Спасителя нашего, ознаменовывая сим священным памятником свою благодарность к Богу за свою первородную дочь, и купно поручая ее молитвам святых мучеников. Братия и чада веры! Соутешимся верою благоверного первенца и наследника царева. Благо дому цареву, когда вера в нем обитает. Благо и нам, когда вера обитает в доме царевом. Радостными и молитвенными движениями сердец приступим ныне, и не престанем приступать к Церкви первородных на небесех написанных, и к самому Ходатаю Нового Завета Господу Иисусу, да сохранит завет благоволения Своего благочестивейшему государю нашему императору Николаю Павловичу, да прибавит и умножит ему и наследнику его благоверному государю цесаревичу Александру Николаевичу всякое благословение и всякий дар совершенный, наипаче же дар благословенного потомства, утверждающий на веки судьбу престола и царства, молитвами святых, в славу благодати и премудрости вечные, еюже царие царствуют. Аминь».⁸⁸²

Это молитвенное благожелание святителя Московского исполнилось, хотя, первородная дочь государя наследника скончалась вскоре (именно в 1849 году, на седьмом году возраста), но за то следовавшие за нею августейшие дети его почти все доселе, по милости Божией, служат непоколебимым «утверждением судьбы престола и царства, украшаясь

доблестями своих августейших родителей и прародителей». И вот как, например, приветствовал святитель Московский рождение наследника наследнику престола в 1843 году в своем слове, произнесенном 11 сентября сего года в Успенском соборе. Взяв в основание слова известное библейское повествование о том, как пророк Нафан возвестил Давиду о рождении от него сына (2Цар.7:12–15), святитель-вития, соответственно содержанию сего повествования, говорит о предмете его: «Какое это светлое зеркало настоящего царственного торжества! Какой прекрасный образ прекрасного события в царском Всероссийском Доме! Если мудрый, крепкий духом и благочестивый царь есть крепкое основание народного благоденствия в роде, в котором он царствует; если достойный наследник престола обеспечивает сие благоденствие для следующего рода, то благословенное рождение наследника наследнику престола простирает радостные надежды царя и царства до третьего и четвертого рода. И кто же дал сей вожделенный дар царю нашему, россияне? Кто, как не Тот, Которому *отверзшу руку всяческая исполняются благости*, и особенно, Которым *царие царствуют*? Хотя, никакой Нафан не явился сказать царю нашему: *узриши сына твоего*, тем не менее сие есть Божие дело, Божий дар. Какая мать могла когда-либо сказать, буду иметь плод? Какой отец мог сказать, буду иметь сына? Посему-то слово Божие признает детей не столько достоянием родителей, сколько собственностью Божией, *се достояние Господне сынове, мзда плода чревнаго* (Пс.126:3). Итак, хотя, не слышимо, но тем не менее действительно Господь рек благоверному цесаревичу: *будет тебе сын*. Господь рек благочестивейшему царю: *узриши сына сына твоего*. И видит он; и радуется с ним Россия.⁸⁸³ Общю с царством радостью радуется и Церковь; потому что надежды благочестивого дома царева суть надежды и Церкви. И в особенности радуется она о том, что царская радость, подобно как радость Давидова, прежде всего идет во храм, является пред Богом, приносит молитвенную жертву. И поскольку благочестивейший государь высокими обязанностями своими увлечен на сие время от своей столицы к одному из пределов

обширного царства,⁸⁸⁴ то единодушная с ним как во всем, так и в благочестии царица непосредственным своим словом призвала к благодарной молитве верноподданных, и по особенному благоволению, особенно в сем призвании воспомянула вас, Церкви и чада первопрестольной столицы.⁸⁸⁵ Не имею нужды, добавляет к тому в заключение вития, более возбуждать радость. Она полна и совершенна, без сомнения, во всех нас. Одно напомнить я должен, будем внимательны, да будем достойны радости, которою нас ущедряет Божие Провидение. Делами и жизнью веры в Бога и верности царю тщательно да охраняем с нашей стороны благоденствие, которое благодать Божия упрочивает для нас благословениями Своими над царским домом. Аминь».

Краткую характеристику благоговения и усердия самой венчанной главы августейшего дома к храму Божию и молитве святитель-вития, кроме указанного раньше, предлагает в своем слове на день восшествия на престол 20 ноября 1846 года. «С утешением воспоминаю, говорит он здесь, пример, которым в благоговении к дому Божию предшествует нам благочестивейший государь император. Как любит Он созидать дома Божии! Вы сами по временам бываете свидетелями, как благоговейно предстоит Он Господу во храме! Как неуклонно зрит к алтарю! Как внимательно следует молитвам о том, что Ему любезно, и сопровождает их крестным знамением! Как смиренно преклоняется пред святынею!». ⁸⁸⁶

В 1848 году, ровно чрез 10 лет после начала возобновления сгоревшего Зимнего Дворца в Петербурге, совершено и в 1849 году ко дню Пасхи закончено было обновление царских палат и дворцовых церквей и в Московском Кремле. 2 мая 1848 года Филарет совершал освящение одной из этих церквей, именно св. Иоанна Предтечи и говорил, по освящении, слово, глубоко входящее в археологию христианских храмов вообще и кремлевских Московских в особенности, при чем обращает внимание на то, что храм св. Иоанна Предтечи, построенный великим князем Василием Темным, не сохранился в такой целостности после нашествия французов в 1812 году, как другие кремлевские храмы, и говорит: «будем утешены и благодарны

благочестивейшему государю императору, который из расседающихся камней выносит древнюю святыню храма, и сохраняет в другом вместилище; тогда как здешний царский дом его уже преизобилует храмами, более или менее древними, прижавшими от него или обновление, или совсем новое, по долгом запустении, существование, что произошло именно с храмом святого Лазаря»; а в заключение слова делает наставление слушателям о том, чтобы «прилепляться любовью и благоговением не просто к вещественной древности храмов, по паче к духовной в них благодати и святыне» и т.д.⁸⁸⁷

И так как около того же времени, кроме прибавлений в юном поколении августейшего семейства государя наследника, совершилось еще новое радостное событие в царской семье – бракосочетание великого князя Константина Николаевича с великою княгиней Александрой Иосифовною, дочерью герцога Иосифа Саксен-Альтенбургского (бракосочетание было 30 августа 1848 года), то, в виду всех этих обстоятельств, святитель Московский, встречая государя императора в Успенском соборе 27 марта 1849 года, говорил ему в своей приветственной речи между прочим, следующее: «Твой род цветет, и прививает к себе новые цветущие отрасли»; и за тем: «з праха древности ты воскресил здесь твой царский чертог, в величии, достойном твоего царства, и великому дню воскресения, Царю дней, предоставляешь освятить твой праздник обновления. При предстательстве святых, к которым во храме сем приводит тебя благочестие, молим Бога, да пребудет Его благословение над домом твоим, да пребывает всегда с тобою державно благочестие, и твоим благочестием и самодержавием всегда крепка и счастлива твоя Россия».⁸⁸⁸

В самый день Пасхи⁸⁸⁹ совершенно было с подобающею торжественностью, в присутствии императорской фамилии освящение дворца.⁸⁹⁰ Мы помним также речь Филарета в высочайшем присутствии, сказанную 9 апреля того же 1849 года при молебном пении в Георгиевской зале этого императорского Кремлевского дворца. Кроме приведенных из неё в свое время и по иному случаю слов, мы теперь должны обратить внимание на самое начало речи: «Призывая теперь предстательство

святого Георгия, и вознося моления к Господу сил, так начинает ее святитель-вития, мы исполняем благочестивую мысль благочестивейшего самодержца нашего. Какая это мысль? Это ветвь многообъемлющей мысли, по которой державная рука создала, и в самый сей час еще зиждет свои чертоги. Подобно людям обыкновенным, и цари созидают себе дома, чтобы иметь жилище покойное, приятное, соответственное сану и потребностям жизни общественной. Но сего не довольно было для нашего царя. Любя жить не отдельною личною, но единою общею с своим народом и царством жизнью, он благоволил, чтобы его дом был царский и царственный, чтобы в нем ознаменовались и царь, и царство, чтобы это была скрижаль, или каменная книга, в которой можно читать и величие настоящего, и чтимую память прошедшего, и назидание для будущего». ⁸⁹¹

За этими общими соображениями и следует раскрытие значения в частности чертога Георгия Победоносца, которое мы приводили раньше. Но как в жизни человеческой вообще, так в частности и в жизни августейшего семейства не могло обойтись без смены радостей печалью, часть которых мы видели уже и раньше. Особенно же прискорбна была государю императору преждевременная кончина его любимого брата и деятельного споспешника, великого князя Михаила Павловича, скончавшегося в том же 1849 году, в Варшаве 28 августа. ⁸⁹² Мы не забыли, конечно, нескольких теплых слов одной из проповедей Филарета в память почившего великого князя, сказанных в одном из военно-учебных заведений, подлежащих общему заведыванию покойного. Но вскоре радость снова озарила царскую семью и сменила собою печаль. 2 января 1850 года у наследника престола цесаревича Александра Николаевича родился четвертый сын, великий князь Алексей Александрович.

И радость о умножении числа сынов наследника до числа сынов его августейшего родителя, государя императора, и самое имя Высоко-новорожденного, вызывавшее собою ряд дорогих для царелюбивой души святителя Московского воспоминаний, побудили последнего сказать по этому

радостному случаю краткую беседу в Чудове монастыре 7 января того же года. Вот важнейшие, касающиеся события, места этой замечательной в своем роде беседы. Указав в самом начале её знамение благословения Божия на человеке в благочадии последнего, с ветхозаветной точки зрения, выраженной в словах Псалмопевца: *сынове твои, яко новосаждения масличная окрест трапезы твоя* (Пс.127:4–5), святитель-вития продолжает: «видели мы, россияне, как *окрест трапезы* царя нашего являлись, умножаясь от дней до дней, *сынове, яко новосаждения масличная*, и возрастали до того, чтобы приносить вожделенный плод царскому семейству и отечеству. Теперь видим, как и окрест трапезы первородного сына царева возникают один по другом сынове, и уже достигли того числа, какое окружает трапезу державного родителя его.⁸⁹³ Радостно видеть благочадие державного рода, как плод цветущей природы, но еще радостнее вразумиться, что это есть благословение, сходящее свыше, *яко роса аермонская, сходящая на горы Сионские* (Пс.132:3). Благословение царю и его наследнику есть благословение и царству. Предмет нынешнего торжества ознаменован особенными чертами, приятно и назидательно вразумляющими. Вам известно, что государь наследник всероссийского престола родился в сем древле престольном граде, под сенью молитв и благословения святителя Алексия; здесь в храме сего святителя приял святое крещение, и, по крещении, положен был в раку почивающего святителя, как бы на руки ему, как бы в объятия его. Нужно ли изъяснять мысль и чувство, заключенные в сем знаменательном действии? Памятование о сем вера благочестивейших родителей передала вере благоверного сына, между тем как время в нем оправдало веру великих к святому. То же чувство сообщилось и его благоверной супруге. Во дни прошедшей весны, которые они провели под сенью святителя Алексия,⁸⁹⁴ и в которые неоднократно притекали к святым мощам его, видно, благодать его с их верою, особенным образом встретила в их сердце; и вот они, к общей радости, встречаются в открытом событии. Новое благословение свыше явилось им в благополучном рождении сына, и в то же время их

вера и благодарность к святителю Алексею, и надежда на его молитвы, явились в том, что, как знамение и залог благословения его, они взяли его имя для своего высоко-новорожденного».

И далее делает поучение о значения наречения имен детям в христианской Церкви, а в заключение беседы приглашает к молитве о высоко-новорожденном, его августейших родителях и о всем царствующем доме.⁸⁹⁵ Чрез год после того сама августейшая родительница сего высоко-новорожденного, государыня цесаревна великая княгиня Мария Александровна, с двумя старшими сыновьями своими великими князьями Николаем Александровичем и ныне благополучно царствующим государем Александром Александровичем,⁸⁹⁶ изволила посетить Москву и Сергиеву Лавру. В сей последней Филарет встретил Её Высочество 2 сентября следующей речью: «Ваше императорское Высочество посещаете ныне обитель, уже Вам не незнакомую. Посему особенно разумею, что не отечественная достопамятность её призывает Ваше внимание (впрочем, достойная внимания), но преимущественно дух благодати, вселившийся здесь, с избранным подвижником веры, привлекает Ваше сердце, внимая слову Христову: *оставите детей приходите ко Мне*, и юных чад Ваших поспешаете приближать ко храму и святыне его. Веруем, что Он благословляет Вас и их, при предстательстве угодника своего, который пять уже веков действительно призывает благословение Господне на державный в России род и на Россию».⁸⁹⁷

Между тем августейший супруг высокой посетительницы наследник цесаревич и младшие братья его великие князья Николай и Михаил Николаевичи, по царственным соображениям августейшего родителя своего государя императора. Еще в 1850 году летом совершили продолжительное путешествие по России с теми же целями, с какими совершал такое путешествие государь наследник в 1837 году. Поэтому-то, и когда великие князья 17 августа посетили Сергиеву Лавру, то их святитель Московский встретил там речью, в которой говорил им между прочим, о том, что «мудрость» их августейшего родителя «руководит» их «теперь к ближайшему ознакомлению с Россией,

дабы тем более для неё была благотворна жизнь их,⁸⁹⁸ и когда государь наследник 10 ноября того же года, прибыв в Москву, вступал в Успенский собор, то Филарет встретил его такою замечательною речью: «Благоверный государь! Из уст царя пророка слышим молитву: *Боже, суд Твой царице дождь и правду Твою Сыну царице, да восприимут горы мир людям и холмы правду* (Пс.71:1:3). И нам кажется, что это молитва о царе русском и о его первенце, и что исполнение сей молитвы – пред нами. Твой августейший родитель употребил твое око, чтобы царскими взорами объять отдаленные пределы необъятного царства: и ты прошел край Кавказский, и достиг Арарата, да *восприимут горы мир людям; и холмы правду*, – чтобы твое обозрение принесло областям радость, и споспешествовало их благу. Приветствуем тебя с совершением сего подвига и молим Бога, да будут как сей, так и все твои подвиги благоугодны царю-отцу, благотворны странам и людям царства».⁸⁹⁹

В том же смысле и когда в следующем 1851 году государыня императрица Александра Феодоровна благоволила посетить Сергиеву Лавру, владыка Филарет 4 сентября встретил ее там следующею речью: «Благочестивейшая Государыня! Россия, видя в сие время царя своего и наследника его, путешествующих для исполнения царственных обязанностей, видит в то же время царицу свою, путешествующую. по влечению сердца, к Богу и святыне Его. И то и другое радостно и спасительно для России. Царскими подвигами живет и возвышается царство. Царская усердная молитва привлекает благодать Царя царствующих не только царскому дому, но и царству. Преподобный отец наш Сергей, толико крат благоприятно соединявший молитву Свою с молитвою державных, будет предстательствовать и ныне, да *даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит*».⁹⁰⁰

Посещения высочайшими особами Лавры Преподобного Сергия и Московской святыни не прекращались и в последние годы царствования императора Николая Павловича, вызываемые то различными политическими событиями, какова, например, была крымская война, а то просто благочестивым их усердием к святыне. Так, в мае 1852 года посещала Лавру

великая княгиня Мария Николаевна; в июле 1853 года государь наследник цесаревич с августейшею супругою своею, при чем они принесли в дар преподобному Сергию – Евангелие и Животворящий Крест; в том же году посетила Лавру и Московские святые места королева Нидерландская Анна Павловна, и т.д. Во всех этих случаях святитель Филарет благословлял их благочестивое усердие и приветствовал его речами, в которых, по свойственной ему находчивости, всегда открывал возможность сказать что-либо новое, особенно поучительное и метко-характеристичное.⁹⁰¹

Если в 1835 году, когда истекло первое десятилетие царствования Николая, Филарет находил достойным и нужным сказать об этом несколько слов с церковной кафедры, то тем более достойным и нужным считал он почтить таковым словом исполнившееся в 1850 году 25-летие этого славного царствования. Но, с другой стороны, если в 1835 году Филарет, за отбытием своим на осень и зиму 1835–1836 года из Москвы в Петербург мог исполнить этот священный долг свой не в день восшествия государя на престол 1835 года, как бы следовало, но лишь по возвращении своем из Петербурга в 1836 году: то теперь, т.е. в 1850 году, поскольку святитель с 1842 года безвыездно пребывал в Москве, уже ничто не мешало ему своевременно исполнить сей долг. И он исполнил его, заблаговременно приготовив и в день восшествия на престол государя императора 22 ноября сказав в Чудове монастыре «слово», в котором орлиным, так сказать, взором осматривает все протекшее 25-летие царствования императора, останавливаясь с особенным вниманием на важнейших моментах и событиях этого царствования. «Нынешний день, так начинает свое слово святитель-проповедник, прежде проповедующего, сам говорит слово, которое отдается глубоко в сердце русском, и возбуждает думы, двадцать пять лет совершилось, как царствует над нами благочестивейший государь император Николай Павлович».

И за тем, прежде нежели приступить к самому обозрению 25-летия его царствования, проповедник раскрывает смысл и значение самого 25-летнего юбилейного торжества: «Времена,

говорит он, нельзя было бы и счислять, если бы их не разделяли на круги, ограниченные известными пределами. Посему Бог создал светила, с тою между прочим, целью, да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета (Быт.1:14). Не довольствуясь естественным разделением времен, Он дал им разные сочетания, приспособленные к высшим, преимущественно нравственным и духовным целям. Так образовал Он седмицу дней, а в законе Моисеевом и седмицу лет, и седмицу седмилетий, и поставил в особенное внимание седмый день, седмый год и, по семи семилетиях, пятидесятый год, дабы человек, прошед определенное поприще времени, особенно не краткое, остановился как бы на рубеже, осмотрелся, рассмотрел над своими путями пути Провидения, воздал славу Небесному Водителю и Охранителю, из опытов прошедшего извлек для себя наставление в отношении к будущему. Пятидесятилетний круг времени, который у евреев был законным, церковным и государственным, у христиан вместе с прочими ветхозаветными обрядовыми учреждениями, потерял силу закона, однако, не совсем уничтожился, а перешел в область обычаев; и когда, быв приспособлен к человеку лично, представился слишком долгим для недолгой по естеству человеческой жизни, тогда понадобилось разделить пятидесятилетний круг на два, и образовать двадцатипятилетний круг. Ибо и двадцати-пятилетие пребывания, деятельности, подвигов, в известном состоянии жизни представляет такое поприще, которое пройти значит одержать не малую победу над все изменяющею силою времени, что же скажем, обращается теперь к ближайшему торжеству 25-летия вития, о благополучном совершении двадцатипятилетнего поприща столь высокой деятельности, столь многотрудных подвигов. как царствование над обширным царством, во времена особенно трудные для царей и царств? Не по применению к обычаю только, но по размышлению о истинном основании для обычая, говорим, что день, запечатлевающий двадцати-пятилетие благополучно продолжаемого царствования, – день нынешний, есть особенно

достойный благоговейного внимания, достопамятный, благознаменательный».

И далее делает общую характеристику 25-летия царствования Николая: «При рассматривании ознаменовавших сие двадцати-пятилетие царских деяний, можно близкими опытами поверять то, что древняя мудрость и царская опытность внушили Царю-мудрецу написать: *егда Царь праведен на престоле сядет, не противится пред очима ея ничтоже лукаво* (Притч.20:8). Приметьте, что есть лукавое в царстве и праведного царя; потому что в небесном только царствии нет зла. Ни порока, ни беды, но лукавое не имеет силы противиться царю праведному».

А после того и представляет частную характеристику случаев и событий из 25-летнего периода царствования Николая, в доказательство того, что *лукавое* не имело силы *противиться* царю русскому. Именно, на первом месте ставит он декабрьскую смуту 1825 года. Затем ссылается на войны Персидскую и Турецкую 1826–1830 годов. Потом – на Польский мятеж 1830 года, на законодательную деятельность, преодолевшую вековые препятствия к установлению законов правды и т.д. Окончив частную характеристику указанных случаев, вития снова обращается к общей характеристике царствования.⁹⁰² Следя не только за русскими, но и за иностранными газетными сообщениями своего времени, он еще 1 ноября 1850 года писал к наместнику Лавры Антонию: «приятно было прочесть, что англичане отдают справедливость политике нашего Государя, прямодушной и умеренной, и признают, что она дает ему более веса в Европе, нежели какому другому правительству политика того или другого правительства».⁹⁰³

И в виду этого в слове своем на 22 ноября означенную общую характеристику начинает после частной так: «Приятно для верных сынов России слышать, что и в царствах, в которых на Россию привыкли смотреть только со страхом её силы, и с опасением её усиления, и сквозь туман собственных мечтаний не могли ясно видеть истинно высокого духа самодержца её, наконец в настоящее время раздаются громкие признания

правоты, твердости, умеренности правил самодержца Всероссийского в отношении к другим державам, и благотворной силы слова Его к прекращению опасных несогласий между некоторыми из них.⁹⁰⁴ Прославим, россияне. Господа, *в руце Которого власть земли, и Который потребного воздвигает во время на ней* (Сир.10:4). Воистину, благопотребного воздвигнул Он благочестивейшего самодержца нашего Николая Павловича, – благопотребного для России, чтобы твердою рукою держать бразды правления обширнейшего царства, чтобы любовью ко всему отечественному охранять чистоту русского духа от чуждых влияний. Благопотребного для Православной Церкви, чтобы ревностью к Православию споспешествовать распространению пределов её, чтобы неослабно попечительностью возвышать благоустройство в чине служащих Церкви, чтобы благочестием сообщать жизненную силу умственному и нравственному образованию народа, благопотребного для многих царств и народов, чтобы силою правды и правдою силы и за пределами своей державы поддерживать законную власть, порядок, взаимную правду и мир между царствами и народами, тогда *как род строптив и преогорчеваяй, род, иже не исправи сердца своего, и не увери с Богом духа своего* (Пс.77:8) волнует народы, когда царства, *раздельшиися на ся*, колеблются, когда неправда домогается восхитить силу, а сила не довольно чтит правду, когда мечтают на мятеже основать законность, во всенародных распрях найти источник общественного согласия, иметь свободное управление посредством поработанного правительства, когда безначалие хочет быть началом, очевидно не созидательным, а разрушительным». Но по обозрении 25-летия царствования Николая, общем и частном, святитель-проповедник не оставил слушателей и без необходимого в слове проповеди наставления. Соответственно случаю, подавшему повод к проповеди, и на основании главного текста её (Притч.20:8), он делает наставление именно о необходимости для всех правды, и тем заканчивает свою эту замечательную и богатую содержанием проповедь.⁹⁰⁵ И такую проповедь святитель-вития, как он сам о себе скромно пишет, «не думал печатать»;

но в виду высоких достоинств её, и внутренних и внешних, — его, по его же словам, «вынудили отдать ее» для напечатания сперва в Московских Ведомостях, а потом и в Творениях святых отцов, издаваемых при Московской духовной академии.⁹⁰⁶

Между тем по некоторым обстоятельствам можно думать, что она обратила на себя благосклонное внимание и самого августейшего юбиляра. По крайней мере вот что случилось далее. Торжественное празднование царского юбилея в Москве решено было совершить в следующем 1851 году в день коронации 22 августа. К этому времени должна была быть окончена постройкой Николаевская железная дорога, соединяющая Петербург с Москвой, дабы царская фамилия первая прибыла оттуда сюда по железной дороге (для публики последняя открыта была лишь с 1 ноября 1851 года). Дело было и для России вообще новое (до того времени открыта была лишь Царско-сельская железная дорога), а для москвичей и подавно. Понятно, поэтому, с каким заботливым чувством царелюбивая душа святителя Московского, особенно туго относившегося ко всякого рода нововведениям, ожидала прибытия в Москву императорского поезда в августе 1851 года.

Это заботливое ожидание разрешилось лишь около полуночи 19 августа, когда поезд с императорскою фамилиею благополучно прибыл в Москву, после некоторой задержки на пути.⁹⁰⁷ «Не могу не сказать вам, писал святитель Московский наместнику Лавры Антонию от 23 августа, что после того, как 19 дня, по нездоровью, отказался я от праздника в Донском, и только у себя совершил священно-служение, думая о путешествующих; и после того, как в следующую ночь провел несколько тяжких часов, долго после предсказанного срока не слыша с железной дороги звука, возвещающего прибытие. Наконец получил извещение, что Государь император и Его Семейство прибыли благополучно, пред полуночью, и прямо с пути притекли на поклонение к Божией Матери в Иверской часовне, а потом к святителю Алексию в Чудове. С тех пор до ныне время милостью Божией благословенное».⁹⁰⁸

20 августа государь император, по обычаю посетил и Успенский собор, при чем встречен был от Филарета

следующею краткою речью или «кратким приветствием»: «Благочестивейший государь! Сретая тебя, притекающего к святыне сего храма, ныне особенно, проникнутые мыслью, что в нем приял ты царский прародительский венец и священное помазание, мы можем только благоговеть, а не изъяснять воспоминания и чувствования, которыми теперь воспламеняются верные тебе сердца. Веруем, что немощь нашу восполняют сильные Богом, древние священные начальники сего храма: Петр, Алексей, Иова и Филипп и слышимо твоему духу духовно приветствуют тебя словом благодати: *благословен грядый во имя Господне*». ⁹⁰⁹

Краткость речи объясняется предварительным о том изъяснении высочайшей воли, как о том пишет Филарет обер-прокурору графу Протасову от 23 августа того же 1851 года: «забыл было сказать, что высочайшая воля относительно короткого приветствия исполнена была мною, как только мог я уразуметь оную, и могу думать, что государь нашел оную исполненною. Потому в донесении, которое о таковых случаях подает в Синодальную контору сакелларий, я уничтожил слово: *речь*; и когда попечитель университета прислал просить у меня моей речи, я отвечал, что не говорил речи, а краткое приветствие, которое не располагаюсь отдать для напечатания; и именно просил не говорить в ведомостях, что я говорил *речь*. Не знаю, почему на другой день слово: *речь* в ведомостях явилось». ⁹¹⁰

По произнесении Филаретом этого приветствия в Успенском соборе, при отбытии из последнего государь император милостиво объявил святителю, что 22 августа «будет слушать молебное пение в сем же соборе». Между тем Филарет ко дню торжественного празднования 25-летия царствования Николая Павловича приготовил Государю что называется сюрприз: золотую дарохранильницу в виде голубя (символ Святаго Духа) с императорскою поверх его короною и скипетром, а внизу с хартией, с вырезанными на ней молитвенными словами, и решил поднести ее государю от лица Московского духовенства в Успенском соборе. «Мысль о дарохранильнице, писал Филарет к тому же графу Протасову, пришла мне. Я сообщил ее

старшему духовенству и благочинным и спросил, желают ли, чтобы она исполнена была от общего нашего имени, от имени Московского духовенства. Они обрадовались и изъявили жаркое желание. Я отвечал, что сего для меня довольно, мне только и нужно было узнать общее желание, о средствах исполнить оное, моя забота, пусть узнают о сем прочие и присоединятся к сему желанию, в чем и не сомневаюсь. Так поступил я, и не открыл подписки для приношений и не принял никаких приношений (хотя совершенно уверен был в готовности на сие духовенства мне вверенного) по той причине, что сомневался, имею ли право открыть подписку и принять приношения без высочайшего разрешения, а разрешения испрашивать не было уже времени. Мысль мне пришла не рано, и едва оставалось довольно времени для работы, и я получил дарохранильницу от мастера⁹¹¹ уже 20-го дня, почему ранее 21-го и всеподданнейшего письма не мог представить». ⁹¹²

Вот, содержание этого письма: «Благочестивейший государь! Верноподданное духовенство Московской церкви, признавая со всеми верноподданными благодеяния Провидения Божия, ниспосланные чрез Ваше императорское Величество в совершившееся двадцати-пятилетие Вашего Царствования, принося пред величество Божие благодарность свою в молитвах, возымело притом желание ознаменовать оную приношением в храм царского венчания и священного помазания, и при том так, чтобы приношение сие было и памятником верноподданнических чувствований для потомства. В сих мыслях Московское духовенство приносит в соборный храм Пресвятой Богородицы, честного её Успения, златую дарохранильницу, устроенную в образе голубя (каковая была и прежде, но утрачена в бедственные дни), дабы она видима была в алтаре над престолом, как знамение присутствия Святого и Освящающего Духа. Качество же памятника сообщает сей утвари императорский вверху венец и скипетр, и на хартии молитва: *Господи, благословивый двадцати-пятилетие Помазанника Твоего Николая Первого, благослови и грядущая лета Его, к миру Церкви Твоея, ко спасению людей Твоих.* В уверенности, что изъятие верноподданнических

чувствований есть невозбранно, приготовление сделано. Впрочем, верноподданное Московское духовенство на внесение сей утвари во храм все смиренно и всеподданнейше дерзает испрашивать Всемиловитейшего Вашего императорского Величества соизволения, Благочестивейший государь! Вашего императорского Величества всеподданнейший Филарет, митрополит Московский, со вверенным духовенством. Августа 21 дня, 1851 года».⁹¹³

Представление этого всеподданнейшего письма Государю императору состоялось днем 21 августа. Но так как в тот же год исполнилось ровно 30 лет служения Филарета на Московской кафедре и 25 лет служения его в сане митрополита, то и всемиловитейший монарх удостоил святителя Филарета неожиданною для последнего (тем более, что он только в 1849 году получил последнюю высокую награду) наградой, заранее приготовленною, а объявленною ему на всенощном богослужении того же 21 августа 1851 года, при высочайшем рескрипте, в коем сказано, что святитель «за долговременное служение церкви и отечеству, при отличных дарованиях, украшаемое непрерывными подвигами благочестивой ревности об утверждении в сердцах святые православные веры, и по случаю исполнившегося тридцатилетия архипастырской деятельности и двадцати-пятилетия в сане митрополита», Всемиловитейше пожалован осыпанною алмазами панагией.

А за принесение дарохранительницы на имя Филарета последовал новый, не менее лестный, высочайший рескрипт от 22 августа, который вручен был митрополиту во время литургии в сей самый день (день коронации), когда он, во время чтения апостола восседал на горнем месте. В тот же день святитель Филарет получил поздравление по случаю своего юбилея и от графа Протасова, бывшего в то время в Петербурге. Частью отдавая графу как бы отчет в том, что самим им совершено и что вообще в Москве совершилось по случаю юбилея царского, а частью выражая благодарность за это поздравление, святитель с обычною скромностью писал ему между прочим: «Не думал я, чтобы удостоилось воспоминания мое неможное двадцатипятилетие, от которого не знаю, если какой плод

церкви Московской. Но когда не думанное сделалось, искренно благодарю ваше сиятельство за милостивое ко мне расположение». ⁹¹⁴

Но без сомнения, не только государь император, всегда ценивший высокие достоинства святителя, а и граф Протасов довольно долго не ценивший их, знали хорошо, что значило это двадцатипятилетие не только для церкви Московской, но и Российской, не только для церкви, но и для отечества. С своей стороны Филарет, как бы не довольствуясь тем, что сказано было им с церковной кафедры и сделано по случаю царского юбилея, касается этого юбилея еще в своем слове на день рождения государя императора 25 июня 1852 года. В этом слове своим наш святитель-вита, исходя от текста: *приблизь ко Господу дела твоя и утвердятся помышления твоя* (Притч.16:3) и говоря о пользе благочестия, о необходимости относить к Богу, а не к себе, успех всех наших дел, продолжает: «сие последнее значение и применение притчи Соломоновой ныне особенно, к утешению и назиданию мы можем видеть в живом, величественном действии. От начинающегося ныне нового лета жизни благочестивейшего самодержца нашего обращаясь к лету прошедшему, там видим мы день, на который с ожиданием смотрели дни предшествовавшие, на который с благоговением смотрят и смотреть будут дни последующие. Это день, в который совершилось Его двадцатипятилетие в качестве Богом венчанного и помазанного царя. Сколько воспоминаний приносил ему сей день о подвигах и достопамятных делах, которые он совершил, ко благу Церкви и царства, в войне и мире, в законодательстве и управлении, в возвышении благоустройства званий и состояний, в излиянии милостей и щедрот, в призрении страждущего и беспомощного человечества, в облегчении неотразимых человеческою силою частных и общественных бедствий, в укрощении бурь и волнения моря народов, иногда единственно своею личною непоколебимостью и силою духа! Как же торжествовал он сей день? Чем ознаменовал сии воспоминания? Дух его вознесся превыше всякой торжественности земной: он *приблизил ко Господу дела свои*. С совенчанною супругою и собором второго

и третьего рода своего семейства, на крилах огня,⁹¹⁵ он перенесся из своей новой в свою древнюю столицу единственно для того, чтобы принести Богу фимиам благоговейного и благодарного сердца в том самом храме, в котором приял от Него священное венчание и помазание. Торжество бесспорно, самое высокое, потому что восходит непосредственно к Богу. Торжество в высшей степени радостное, потому что радость в нем небесная. Праведно, Россия, заключает свое слово вития, ты нарицаешь царя своего благочестивейшим. Радуйся о сем, и храни для себя свою радость, непрестанно подвизаясь и сама быть достойною наименования, которым Его украшаешь. Подвизайся быть и пребыть деятельно благочестивою, приближая ко Господу дела твои живою верою и неуклонным последованием заповедям Его, да возможешь с твердою надеждою взывать к Нему пророческим гласом: *тогда не постыжуся, не поколеблуся. утвердуся в силе и славе, внемлет ми на вся заповеди Твоя* (Пс.118:6). Аминь». ⁹¹⁶

Так кончился юбилей царствования Николая Павловича, счастливо совпавший с юбилеем служения самого святителя-проповедника в высшей иерархической степени, и нельзя не согласиться с тем, что последнее сказанное по случаю царского юбилея слово нашего святителя, насколько живо изображает необходимые дополнительные черты этого юбилея, настолько же яркими, заключительными, так сказать, чертами живописует отношения святителя-проповедника к особам императорской фамилии; оно же наконец, в некоторых своих чертах, характерно и для заключительного изображения внутренней политики, внутреннего состояния, внутренних событий Всероссийской Империи вообще в рассматриваемое царствование, славное во всех отношениях и без всякого сомнения. Но и всякая слава земная не вечна, и земной славе царя земного бывает конец, хотя бы, то при конце его жизни. Слава эта тогда переходит уже в историю прошедшего. Мы помним, как не долго спустя после произнесения сейчас приведенной проповеди Филарета началась несчастная Крымская война, в самый разгар которой много огорченный

широкими размерами и бедственными последствиями её столько же, сколько и несправедливостью многочисленных врагов государь император Николай Павлович, далеко не внушавший доселе опасений за свою жизнь, скончался. Истинно христианская, как и вся жизнь, кончина его последовала 18 февраля 1855 года в двадцать минут первого часа по полудню;⁹¹⁷ а 19 февраля было восшествие на престол нового государя императора, бывшего наследника цесаревича Александра Николаевича. Не имея на настоящий раз такого же случая в проповеднической деятельности Филарета, какой по особым обстоятельствам кончины императора Александра Благословенного оказался в конце царствования последнего, разумею перенесение тела в Бозе почившего императора Александра I чрез Москву и проповедь Филарета при сем, мы не считаем себя в праве входить в такое же подробное описание кончины императора Николая, какое сделали в отношении к кончине императора Александра I.

Скажем о сем лишь то, что сказал о том же святитель Филарет в некоторых частных письмах своих, и тем заключим настоящий отдел нашего исследования. «Не много дней не писал я к вам, читаю в письме святителя Филарета к наместнику Антонию от 4 марта 1855 года, – и как будто век прешел в сие время. Вот уже другое царствование. Гласом силы возгреме Господь над Россией. Но мы, как сопутники Павла к Дамаску, поражены слышанием гласа, и не разумею, что он глаголет. Не соединит ли Господь с поражением и некоторое исцеление? Много раздражали Европу, взводя вину раздоров лично на покойного государя,⁹¹⁸ нынешний приходит невинною душою, и против него нечего сказать. Не опомнятся ли народы, и не подумают ли, что напрасно разоряют сами себя? Но сомнительно. Давно видны приметы, что готовится общий заговор Европы против России; он успевает медленно, но не останавливается. Новая примета в том, что Англия и Франция не хотят ясно сказать, как разумеют предварительные пункты мира. Не признак ли это, что готовятся дать им, как можно, злое толкование? Обращи ны, Господи, и обратимся, и помолимся, и спасемся. Утешительны последние часы (жизни)

покойного Государя. Напечатанное о сем верно.⁹¹⁹ Мне случилось слышать от бывших в сие время во дворце. Не помню, напечатано ли, что, когда Государю подали письмо от великих князей, он не взял и сказал: *отдайте матери; я уже не принадлежу к сему миру; слава Богу, что они живы*. Трудно было мне в сие время по моему здоровью и по затруднительности распоряжений. Вы видели в соборе частицу сих затруднений. Указ о панихиде был получен, а указа о манифесте я о восшествии на престол не получено. И я на указе о панихиде должен был сделать распоряжение о присяге. И в Петербурге, и в Москве говорят, зачем я не просился в Петербург к погребению, и, вероятно, обвинят меня в сем. Но и владыка Платон не поступал так.⁹²⁰ А что вернее, и что меня успокаивает, я не чувствую себя в силах доехать до Петербурга.⁹²¹ До государынь императриц дошло мое письмо писанное не к ним, и они изволили сказать, что ждут от меня писем. Посему я написал, не приняв сего на себя прежде. Чудно, как хранил господь здоровье вдовствующей императрицы, за которое так часто боялись. Господи, спаси царя и дом его».⁹²²

А вот упоминаемые в приведенном сейчас письме письма Филарета к обеим императрицам. Письмо к вдовствующей императрице Александре Феодоровне было писано от 25 февраля рокового для России 1855 года и содержит в себе следующие мысли и чувства: «Благочестивейшая Государыня! Не знаю, извинительно ли дерзновение, которое приемлю, и потому медленно решаюсь; однако, наконец, решаюсь предстать пред Вашим Величеством смиренным словом. Но что скажу о великом лишении, которым неисповедимый в судьбах своих Бог так внезапно посетил Россию? Всеми и каждым оно чувствуется, но удобнее и свойственное выражается не словами, а воздыханиями, слезами и глубоким безмолвием пронзенных печалью и, с тем вместе, покорных судьбам Божиим сердец. Твою душу पहले всех *пройде сие оружие*. Разумею, что великости твоей печали ничто не может быть равно, как только великость любви, соединявшей твою душу с душою твоего державного супруга. И с молитвою печали о царе, в Бозе

почившем, с молитвою утешения и надежды о царе, от Бога нам дарованном, и о Супруге Его, и о наследнике Его, соединяем особенную молитву о тебе, благочестивейшая Государыня, да *услышит Тя Господь в день печали*, и, осенив твою душу своим благодатным миром, дарует Тебе возможность речи к Нему: *по множеству болезней моих в сердце моем утешения твоя возвеселиша душу мою*. По истине, мать благословенно воцарившегося царя, прамать наследника царева! В сих наименованиях не заключается ли для тебя утешение, так же праведное и сильное, как твоя печаль? Да утешает тебя воспоминание, что твой державный супруг, во все продолжение царствования, среди неустанных трудов и в часы скорбей или огорчений, всегда своим любящим сердцем находил верное успокоение близ твоего любящего сердца. Храня его спокойствие, ты хранила сокровище России. Да утешает тебя воспоминание, как знаменательно Господь благословил его жизнь в его последних днях и часах, в которые светлые черты царя и отца семейства, христианина, не смотря на изнеможение внешнего человека, сияли так сильно, так назидательно и благотворно. Твоя молитва соединилась с его последнею молитвою. Над сим союзом не имеет власти смерть, он простирается от времени в вечность. Молитва приближает к Богу; и близ сего средоточия существ и миров не разлучено то, что является разлученным в мире перемен. Молитвою веры и упования *возверзи на Господа печаль твою*. С утешением помышляем, что и твоя любовь к твоему державному Сыну побуждает тебя умерять твою печаль, чтобы ею не увеличивалась тягота души Его, тогда как Он взял на своя рамена великое бремя – Россию. Если позволительно мне сказать нечто и о себе: лишаюсь последнего утешения в близости принести последний долг в Бозе почившему государю, который малое мое служение удостоивал внимания, и милостями своими далеко выше моего достоинства ущедрял меня, и на мои недостатки снисходительно взирал. Но я должен покориться двоякой необходимости: мой служебный долг привязывает меня к месту, а моя ветхость лишает меня надежды перенести дальний путь».⁹²³

Это письмо святитель Филарет препроводил по назначению чрез князя С. М. Голицына, отправлявшегося в Петербург на погребение в Бозе почившего государя, при чем, прося князя о передаче сего письма, святитель между прочим, писал ему: «К Государю императору⁹²⁴ вознести слово не дерзаю. Возьмите меня с собою мысленно, и повергните к стопам в Бозе почившего государя императора, который толико выше моего достоинства милостями своими меня ущедрял, и на недостатки мои снисходительно взирал».⁹²⁵ Так писал князю святитель от 26 февраля. А от 28 числа того же месяца и года он же писал и государыне императрице Мария Александровне письмо следующего содержания: «Благочестивейшая Государыня! Как внезапный удар грома, разразилась над сынами отечества весть о великом лишении, понесенном Россией». Но с тем вместе христианскому оку открылись светлые черты царя-христианина, благоговейно готовящегося прейти к Богу, и в неизменном величия духа благословляющего своего преемника и наследника его. Вслед за тем также величественно явился свет восходящего на престол царя. Собранный синклит в первых взорах и словах его усмотрел и ощутил, что родительское на нем благословение утверждено свыше, и что Дух Владычный почил на нем.⁹²⁶ В сих обстоятельствах пред сильными и разнообразными чувствованиями изнемогает слово. И не дерзнул бы я и теперь предстать вниманию Вашего императорского Величества, если бы вашему снисхождению не благоугодно было отверсть дверь моему смиренному слову. В сердцах верноподданных печаль о царе, в Бозе почившем, утешительно растворяется надеждою на царя, Богом дарованного. Но есть для нас еще глубокая печаль при мысли о глубокой печали августейшего семейства. Как рано и в какое время воззвал от нас Господь незабвенного государя императора Николая Павловича! что речем на сие? *Кто разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть?* (Рим.11:34) Но мы знаем, что совет Господень всегда премудр и благ. Преклонимся смиренно пред Его непостижимостью, и принесем жертву-послушания святой воле Его. *В руке Господни власть земли, и потребного воздвигнет во время на ней*, говорит

Премудрый (Сир.10:4). Не очевидно ли было как благопотребного в свое время воздвиг Господь благочестивейшего государя императора Николая I, который в первый день своего царствования спас Россию от опасности внутренней? И ныне, при внешних враждебных покушениях против России, да веруем и уповаем, что благопотребного во время воздвиг Господь благочестивейшего государя императора Александра II. Наипаче же сам Господь обращенные к Нему сердца державного супруга вашего и ваше да осенит и исполнит своим благодатным миром и, по царскому же слову, да *предварит вас благословением благостынным и положит на главе вашей венец от камень честна* (Пс.20:4). О сем мы смиренные служители Церкви, под её руководством, миром Господу молимся, уповающе молимся».⁹²⁷

Таковы частные письма святителя Московского Филарета по занимающему нас теперь предмету. Прочитав их, всякий согласится, что они вполне стоят любой проповеди или речи, и потому приводя их, мы надеемся, не далеко отступили от ближайшей задачи нашего исследования. В проповеди же собственно лишь один не вполне ясный намек на кончину императора Николая Павловича можно находить уже за время царствования Александра II, при обозрении которого мы и приведем эту проповедь «Обе Государыни Императрицы, писал Филарет Антонию от 17 марта того же 1855 года, удостоили меня милостивого ответа на мои письма».⁹²⁸ Вот слова одного из этих Высочайших рескриптов в ответ на его письма, именно слова рескрипта императрицы Александры Феодоровны, имеющего ближайшее для нашей цели значение. «Письмо Вашего Преосвященства от 25 февраля дошло до меня на сих днях. Спешу благодарить вас от всего сердца, проникнутого горестью невыразимую, но глубоко тронутого вашими словами утешения. Так может утешать, так может говорить одна религия чрез своих проповедников. Она одна, показывая нам свет во тьме бедствий, коих цель для нас непостижима, уверяя нас в необходимости и спасительности самых болезненных испытаний, имеет власть повелевать нам и давать силу жить для исполнения долга. Но то же завещал мне и супруг мною

оплакиваемый. На одре смертном, почти в час кончины, равно ознаменованной умиленными чувствами христианина и спокойною твердостью царя, он еще просил меня беречь мою жизнь для семейства, – для тех, которых он конечно не перестает любить и ныне. Семейством своим он называл всю Россию; и, при последнем прощании с наследником престола своего, сказал, что идет молиться за нее и за нас. Смеем думать, что сей обет его уже совершается, что Бог правды и милости принял в Отеческие Свои объятия исполненную благих и чистых намерений душу его. Оканчиваю ответ мой Вашему Высокопреосвященству изъявлением сердечного желания нашего видеть и просить Вашего Архипастырского благословения, а с тем вместе и сожаления, что сему препятствуют обстоятельства и состояние вашего здоровья. Пребываю всегда благосклонная к вам Александра».⁹²⁹ Этот рескрипт, служа наилучшим ответом на письмо проповедь Филарета, в то же время служит наилучшим и наивернейшим источником дополнительных к вышеприведенным сведений о последних часах жизни в Бозе почившего императора Николая Павловича.

4. История Церкви в 1825–1855 годах

В рассмотренных доселе проповедях Филарета мы не раз могли видеть ясное указание на союз и соотношение между государством и Церковью, между состоянием первого и последней, между благосостоянием того и другой, указание на весьма важное для Церкви значение главы государства и т.п. Приводить повторные выписки из этих проповедей нет нужды. Мы только скажем, что приступая теперь к рассмотрению проповедей Филарета за Николаевское время, поскольку они касаются жизни Церкви вообще, Церкви русской в особенности, и епархии Московской в частности, мы должны сделать предупреждение, что задача наша по этому отделу, имея необходимую связь с задачей того же отдела за время царствования Александра I, в виду самого расширения области проповеднической деятельности Филарета за время царствования Николая I, значительно расширяется по сравнению с тем, что имел своею задачею тот же отдел за время предшествовавшего царствования. Но само собою разумеется, что как тогда, так теперь мы в этом отделе будем касаться означенных сейчас предметов только в историческом отношении, именно за время царствования Николая I.

И прежде всего, что касается Церкви вообще, то на первом плане с рассматриваемой стороны должно быть поставлено отношение святителя Московского к церквам восточным православным, какового предмета мы уже касались отчасти, когда говорили о внешней политике императора Николая Павловича. Последнее обстоятельство дает нам возможность опустить рассмотрением те проповеди его, которые мы приводили тогда. Мы возьмем потому для сего только две проповеди, одну совершенно еще нерассмотренную, а другую рассмотренную лишь отчасти, по представляющую в нерассмотренной своей части интерес первостепенной важности. Мы разумеем, во-первых, не говоренную по немощи, по предназначенную к произнесенью 31 май 1850 года, «Беседу в день отдания Пасхи и принесения камня Гроба Господня», и

во-вторых, «Беседу на освящение храма святого апостола Филиппа, на Иерусалимском, в Москве, подворье», говоренную 20 сентября 1852 года. В 1850 году давний друг Филарета, епитроп восточных Церквей А. Н. Муравьев, путешествовавший в предшествующие годы по востоку, между прочими священными предметами принес с востока в Москву часть камня от Гроба Господня в Иерусалиме. Эту драгоценную святыню он хотел, как сам говорит, сохранить исключительно для себя. «Но когда митрополит (*Филарет Московский*) посетил меня в Москве, продолжает Муравьев, и осматривая священные предметы, привезенные мною, развернул тот воздѹх, в котором был завернут этот драгоценный камень, он долго смотрел на него, и с такими благоговейными слезами прижал его к устам, что я уже не имел духа взять обратно сию святыню, и тут же пожертвовал ее Лавре Троицкой. Митрополит был чрезвычайно утешен этим даром, и в день отдания Пасхи, за малой вечерней, при пении пасхальных стихир, сам перенес на дискосе, над главою своею, священное сокровище, с престола Троицкого собора, в палатку (*Серапионовскую*) преподобного Сергия, где для него устроено было особенное место, близ иконы явления Богоматери; там и доселе он хранится обложенный бриллиантами».⁹³⁰

При этом в тот же день «на литургии, как пишет сам святитель Филарет в письме к архиепископу Казанскому Григорию (Постникову), я хотел говорить, и упомянуть о сей священной достопамятности, и о том, как она пришла в Лавру. Немошь моя была причиною, что я с трудом совершил литургию, и говорить не мог, но что хотел говорить, то прочитавшие просят напечатать. Позволительно ли и прилично ли? Скажите мне вашу мысль. Послал бы и беседу, но она не переписана, а писана по причине поспешности едва читаемо. Если бы вы не умедлили ответом на сие, то и мнение ваше и скорость были бы для меня приобретением».⁹³¹

Так писал святитель от 9 июня 1850 года, стало быть вскоре после положения камня в Серапионовской часовне Сергиевой Лавры. По тому же делу и с просьбою такого же совета святитель Филарет писал и к митрополиту Новгородскому

Никанору (Клементьевскому). Как Никанор, так и Григорий отсоветывали печатать беседу. В виду этого, от 27 июня того же года. Филарет писал Григорию: «благодарю за не оставление меня в неведении, о чем знать нужно, и за совет. Приемлю рассуждение владыки Новгородского и ваше, и отлагаю печатание беседы. Между тем Андрей Николаевич⁹³² не перестает твердить мне о напечатании её; и потому представляется вопрос, печатать ли ее когда-нибудь после? Одно обстоятельство мне не совсем по мысли, что камень от стены гроба Господня отделен и отдан архитектором, действовавшим слишком полномочно, без благословения патриаршего наместника.⁹³³ Приимите труд прочитать беседу, при сем прилагаемую, и докончите наставление мне».⁹³⁴

С тем же опять посылал Филарет свою беседу в рукописи и к митрополиту Новгородскому. Но и опять как тот, так и другой отсоветывали ее печатать или предлагали печатать лишь с значительными и немаловажными сокращениями. «Из Петербурга, пишет Филарет к наместнику Лавры Антонию от 18 июля, получил я вести довольно странные. Владыка Новгородский прочитал мою беседу на отдание Пасхи, похвалил, но советовал при печатании пропустить сведение о принесенном камне гроба Господня. Это значит сделать беседу нелепою. Ибо описание пещеры гроба Господня во время погребения и воскресения Господня, будет в беседе ни к чему, если не будет приготовлением к уразумению священной достопамятности принесенного камня от гроба Господня. И к концу беседы увещания, с какими чувствованиями должно приближаться ко гробу Господню, также будут ни к чему, если не будут относиться к целованию принесенного камня гроба Господня».⁹³⁵ И Филарет уже решил было совсем не печатать беседу, оставив ее «между бумагами»,⁹³⁶ хотя, святители Новгородский и Казанский уже и склонялись к одобрению напечатать ее даже в том виде, как предполагал святитель московский. «Что я посылал беседу в Петербург, писал Филарет к Антонию от 26 июля, в том не раскаиваюсь. Лучше давать судить себя другим, нежели довольствоваться своим суждением. И была тому особенная причина в обстоятельствах

дела. Преосвященный Григорий говорит, что митрополит не совсем против того, чтобы беседа была и вся напечатана в следующей книжке Академического издания.⁹³⁷ Но нужды в сем нет. Разве, может быть, не напечатать ли после для употребления в Лавре».⁹³⁸

Однако, настойчивость А. Н. Муравьева, наконец, побудила Филарета, по затребовании от него некоторых документальных исторических справок по делу о получении частицы камня,⁹³⁹ напечатать беседу с некоторыми переменами и ограничениями прежних мыслей её. «Андрей Николаевич, писал святитель Филарет Григорию от 2 октября того же 1850 года, как дождь по кровле, столько стучал по моей голове одними и теми же словами, что я наконец решился отдать напечатать известную вам беседу на отдание Пасхи, сделав в ней такую перемену, что теперь уже не говорится в ней о принесшем камень гроба Господня, а только об архиепископе Фаддее, от которого он перешел в Россию с письменным его свидетельством».⁹⁴⁰ Действительно, при письме от октября на имя ректора московской духовной академии архимандрита Алексия, святитель московский переслал беседу в её измененном виде в академию для напечатания в академическом издании,⁹⁴¹ в котором она и была напечатана за тот же 1850 год (в последней 4 книжке). А в ноябре были готовы и отдельные оттиски её.⁹⁴² После она вошла и в собрание 1861 года, с согласия самого святителя Филарета, конечно.

Интересно теперь рассмотреть самую беседу, из-за которой было столько хлопот. В ней сначала, в виду отдания Пасхи, воспоминается воскресение Христова и празднование последнего в церкви христианской, указывается на великое значение внешних даже знамений этого воскресения, с более подробным, как и нужно было в виду дальнейшего, описанием пещеры и гроба воскресшего Господа, не только для современников воскресения Христова, но и для христиан времен позднейших, до нашего времени, благодаря чему, многие из этих христиан жаждут посетить святыя места, узреть и осязать вещественные предметы, освященные так или иначе прикосновением к ним тела Спасителя, с верою облобызать,

например, камень, «на котором, близ которого, под сенью которого (ибо это все один камень) лежало погребенное тело Христово, который был озарен и проникнут светом воскресшего тела Христова»; а потом, неожиданно для слушателей, говорится от лица проповедника: «Но что, если скажу, что мы можем благоговейно узреть и облобызать сей камень, и не предпринимая путешествия в Иерусалим? Это кажется мечтою, но, по устройению Божию, это есть истина».

И затем, святитель-вития передает возбуждавшую сомнение и прещение историю самого принесения им сокращенную и несколько измененную. «В лето камня, Господне 1808, по неисповедимым судьбам Божиим, храм гроба и воскресения Христова в Иерусалиме, говорит вития, посещен был пожаром. Все, что к первобытному, нерукозданному, но естественному каменному гробу Господню присоединено было искусством для украшения, более или менее от огня пострадало, и требовалось возобновление. По сему случаю, зодчий, имевший полномочие в сем возобновлении, из уважения к благоговейному иерею храма Фаддею, который еще живет в сане архиепископа Севастийского, дерзнул над самым ложем Господним отделить от стены часть священного камня и вручить иерею. Богу было угодно расположить сердце Архиепископа Фаддея к тому, чтобы сия священная достопамятность, с его письменным о ней свидетельством, перешла в Россию,⁹⁴³ и соделалась здешним церковным достоянием, в благословение и утешение сынам веры, которые, хотя, и знают, что *блажени не видевшии и веровавшие* (Ин.20:29), однако, по любви вожделевают, хотя, следы Господа, в Которого веруют, осязать и облобызать. Таким образом, имею возможность пригласить вас, без путешествия в Иерусалим, ныне здесь приблизиться к части Иерусалимского живоприемного гроба Господня, и почтить оную благоговейным лобзанием».

Затем, проповедник опять возвращается к празднику отдания Пасхи, из сказанного о камне гроба Господня выводя назидание для слушателей (или, точнее, читателей) беседы с целью расположить их к приближению духом к духу Воскресшего Господа.⁹⁴⁴

История беседы 20 сентября 1852 года, произнесенной по освящении храма святого апостола Филиппа на Иерусалимском, в Москве, подворье, уже известна нам в необходимых для нашей цели чертах своих. Обратимся теперь к рассмотрению самой беседы и сделаем из неё извлечение тех мест, которые в своем месте мы опустили по ненадобности их и которые теперь нам нужны. Беседа начинается такими словами общехристианского верования «Кому близко к сердцу отце преданное имя *единой святой соборной и апостольской Церкви*, тому должно быть по сердцу совершившееся здесь ныне торжество освящения храма, как такое, в котором можно усматривать приятные черты соединения святых *Божиих Церквей*, ежедневно испрашиваемого нами в молитвах». И затем, по связи речи, рассказывает историю Иерусалимского, в Москве, подворья и храма: «За несколько десятилетий пред сим, Церковь Иерусалимская пожелала иметь здесь свой храм, и Церковь Российская, с соизволения благочестивейшего самодержца, предложила ей здесь храм и место для жительства священнослужителей.⁹⁴⁵ Усердие православных чад Церкви Российские споспешествовало благоустроению прежде бывшего здесь храма, и устройению при нем жилищ для Иерусалимских священнослужителей, и ныне присовокупило к древнему новый храм. А блаженнейший патриарх Иерусалимский, на общение благотворительное ответствуя общением собственно церковным и священнодейственным, своим к нашей мерности посланием изъявил желание, чтобы храм сей получил освящение от священноначалия Церкви Российские, что благодатью Божией ныне и совершилось».

Потом и шире рассматривает историю и дело этого общения и единения церквей восточных с русскою. «Не неблаговременно, говорит он, при сем вспомнить, что в сем Богоспасаемом граде издавна есть обитель,⁹⁴⁶ подведомая патриархии Константинопольской: что в недавнее время и Антиохийской патриархии предоставлен храм;⁹⁴⁷ что посланник патриарха Антиохийского уже несколько лет пребывает здесь, пользуясь благотворениями чад Церкви Российские для своей бедствующей Церкви, и что теперь на пути сюда находится и

посланник патриарха Александрийского, также с надеждою на благотворительность россиян для бедствующей Церкви Александрийской».

И далее раскрывает учение о единстве и общении церквей на основании слова Божия и истории церкви апостольской, делает поучительные отсюда выводы для слушателей и наставляет последних в том, как они должны пользоваться внешними преимуществами Церкви Российской пред бедствующими церквами восточными для своего внутреннего преуспевания и для выражения своего сочувствия бедствующим церквам востока.⁹⁴⁸

Нам теперь нужно было в беседе только то, что касалось отношения Филарета к церквам восточным за время царствования Николая I. Более широко развились эти отношения, с привнесением сюда и отношений к церквам славянским, уже в царствование преемника императора Николая, а потом и более подробное рассмотрение проповеднической деятельности Филарета в этом отношении мы оставляем до того времени. А теперь продолжим речь об его отношениях к церкви западной, в её соотношении с церквами восточными и затем с Церковью Русскою.

Уже в последней приведенной проповеди своей Филарет противопоставляет православному востоку запад, который, по его словам, *«омрачался дымом от студенца бездны, отверстого звездою, падшею с небесе на землю»* (Откр.9:1–3).⁹⁴⁹ Начиная со времени отделения западной церкви от восточной в X–XI веках и далее.

Еще более, глубже, основательнее и обстоятельнее касается он церкви западной (особенно римско-католической) в её соотношении с православною восточною в своей замечательной проповеди, произнесенной 3 декабря 1844 года «по освящении храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Кафедральном Чудове монастырь», на текст: *и Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют её* (Мф.16:18) и рассуждающей о непоколебимости православной церкви восточной вопреки лжеучению о ней римских католиков.⁹⁵⁰ Но и

эту и некоторые другие близкие к ней по предмету проповеди святителя,⁹⁵¹ как не столько историю, сколько вероисповедные разности римского католицизма и протестантизма, имеющие в виду, более целесообразно для нас будет рассмотреть во второй части нашего исследования о проповеднической деятельности Филарета. В настоящее же время мы коснемся той стороны отношения святителя-вители к церкви западной, в которой затрагиваются основы так называемой унии, прекращенной в царствование Николая Павловича.

В конце XVI столетия в Литовском княжестве, издавна населенном жителями православного вероисповедания. Но в то время ставшем в политическое подчинение римско-католической Польше с её ревностным католиком-королем, митрополит и несколько епископов, побуждаемые сим последним и руководясь мирскими, своекорыстными расчетами, вопреки общему желанию народа, без ведома последнего, предали римскому папе, отрекшись от восточных вселенских патриархов, с признанием верховного главенства папы над собою, но с удержанием как догматов, так и обрядов православной восточной церкви. Так произошла уния в западнорусской церкви. Но эта уния здесь, как это и в других местах греко-римского мира бывало со времени отделения западной церкви от восточной, для папизма и иезуитства была только переходною ступенью к соращению православных в латинство. Не смотря на всеобщий ропот русского православного народа, встретивший объявление унии на западе России, и не смотря на то, что, благодаря этому, она слабо прививалась в этой окраине России по началу, польское правительство, тогда весьма сильное, и иезуиты приняли искусные и энергичные меры к её распространению там и чрез нее – к пропаганде латинства. Иезуиты, по обычаю, действовали на совесть и умы русских православных, преимущественно помещиков, вторгаясь к ним в качестве духовников и учредителей школ, а польское правительство – силою политическою и силою оружия. Так мало-по-малу распространялась уния, а чрез нее римско-католические богослужебные книги, мнения, обряды и т.д.

Само собою разумеется, что при таких условиях существования, трудно было сохранить чистоту православной веры среди униатов, в течение двухвекового почти, действия латинства в показанном направлении. Императрица Екатерина II, возвратив России отторгнутый у неё раньше западный край, обратила внимание и на такое ненормальное явление духовное, как уния. Она строго воспретила новые обращения в унию и в то же время дозволила униатам безбоязненно обращаться в лоно православной церкви. Благодаря этому многие уже и тогда возвратились к древнему православию, особенно же на Волыни и в Подолии. Но Литва и Белая Русь все еще оставались в прежнем положении, да и в других местах, благодаря латино-польским интригам и влиянию образованных классов народа, последнему ставились почти неодолимые препятствия к возвращению в недра православия.

И только в царствование императора Николая последовал решительный поворот к лучшему. Император Николай обратил внимание на ненормальность положения церковных дел на западе России и в самом почти начале своего царствования принял меры к устранению этой ненормальности, высочайшим указом 22 апреля 1828 года он повелел для греко-униатских церквей в России учредить особую греко-униатскую коллегию, под председательством тогдашнего греко-униатского митрополита Иосафата Булгака, с целью охранения вероисповедания и обрядов от вторжения чуждых греческой Церкви мнений и обычаев, на точном основании грамот 1595 года, положивших начало унии. В тоже время он озаботился и улучшением внешнего положения греко-униатских церквей Империи, чрез что естественно приобрел полное сочувствие греко-униатов и тем много способствовал возвращению последних в лоно православия, совершившемуся чрез 10 лет после учреждения помянутой коллегии.

Главным деятелем по воссоединению униатов был известный иерарх, митрополит Литовский Иосиф Семашко, бывший сначала заседателем, а по смерти Иосафата Булгака (в 1837 году) председателем греко-униатской коллегии.⁹⁵² Живое участие в том же благом деле принял и святитель Московский

Филарет, своею мудрою осторожностью умерявший горячие порывы Иосифа Семашко, и тем много способствовавший полной успешности дела и постановке его на правильный путь. Сам Иосиф, как видно из недавно изданных его «Записок», весьма ценил это участие святителя Московского и очень дорожил его мудрыми советами и указаниями, тем более важными, что латинство и иезуитизм в то время также не дремали и ставили многие, прямые и косвенные преграды к осуществлению дела воссоединения. Так Иосиф с самого же начала царствования Николая весьма сильно содействовал переводу на польский язык известного сочинения Филарета Московского (написанного еще в 1815 году), под заглавием: «Разговоры между испытующим и уверенным о православии греко-российские восточные церкви». Он сам в своих «Записках» говорит об этом сочинении: «Я как собственным опытом, так и на других уже испытал силу сего сочинения, в отношении к внутреннему убеждению, без коего все другие способы привлекут в недра греко-российские Церкви разве нескольких низких переметчиков, более стыда, нежели чести нанести оной могущих. Основательность оно, и особенно редкая в подобных предметах умеренность должны охладить фанатизм самого ревностного римского католика и принудить к почитанию той Церкви, которая, имея толико твердые основания своего вероисповедания, с толиким, однако, снисхождением смотрит на другие церкви, с нею несогласные».⁹⁵³

Но когда этот же горячий поборник дела воссоединения униатов, в видах ускорения сего дела, стал ходатайствовать пред русским правительством о прямом подчинении греко-униатской коллегии всероссийскому Святейшему Синоду, святитель Филарет выразил мнение, что лучше было бы на первых порах составить при Святейшем Синоде особый комитет по униатским делам, с целью выяснения отношений между греко-российскою и униатскою церквами и обсуждения мер к большей успешности самого дела воссоединения. Мнение Филарета было принято, и в 1835 году открыт был «Секретный комитет по униатским делам». Плодом деятельности этого

комитета, равно как и совокупных добрых усилий западно-русских греко-униатских и православных иерархов того времени, каковы, кроме Иосифа (Семашко) Литовского, Антоний Зубко, Василий Лужинский, Смарагд Крыжановский и другие из почивших, а из здравствующих доселе нынешний первенствующий член Святейшего Синода, высокопреосвященнейший Исидор (Никольский) и другие, было сперва в малых размерах и по частям в разных местах совершавшееся, а в 1839 году и в числе около двух миллионов состоявшееся воссоединение униатов с православною Церковью.

В неделю православия 12 февраля 1839 года собор епископов греко-униатских, собравшийся в Полоцке, единодушно постановил просить государя императора о таком полном воссоединении подведомых им паств. Само собою разумеется, что государь император, «принимавший к сердцу униатское дело и оным занимавшийся»,⁹⁵⁴ с истинною радостью православного государя отозвался на это постановление и тотчас же передал это дело в Святейший Синод для проведения его надлежащим порядком. Святейший Синод определил, конечно, принять епископов, священников и всю паству греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святой православно-кафолической восточной Церкви и в нераздельный состав Церкви Всероссийской, о чем и поднесен был государю императору всеподданнейший доклад. В 25-й день марта того же 1839 года, на кануне праздника праздников, Светлого Христова Воскресения государь император утвердил этот доклад, надписав на нем знаменательные слова: «Благодарю Бога и принимаю».⁹⁵⁵

По выслушании выраженного сими словами соизволения государя на воссоединение униатов в полном собрании Святейшего Синода 30 марта, обер-прокурор Синода граф Протасов ввел епископа Литовского Иосифа (Семашко) в залу заседаний синодальных. Первенствующий член Синода, митрополит Серафим объявил о совершившемся воссоединении и приветствовал Иосифа, как представителя воссоединенного духовенства, от имени Всероссийской Церкви

со столь вожделенным событием, член Синода, митрополит Киевский Филарет прочитал Синодальную грамоту к воссоединенному духовенству, а митрополит Московский Филарет прочитал высочайше утвержденное положение Святейшего Синода о переименовании греко-униатской коллегии в Белорусско-Литовскую и о назначении председателем её Литовского епископа Иосифа, в тоже время возведенного в сан архиепископа. Иосиф торжественно выразил Святейшему Синоду благодарность от лица всех воссоединенных и по взаимном целовании все бывшие в заседании Святейшего Синода отправились в синодальную церковь для совершения благодарственного Богу молебствия по случаю столь радостного в истории Российской Церкви события. В память этого события выбита была особая золотая медаль, с означением 1839 года и с надписью: «Отторгнутые насиліем воссоединены любовью».

После того следовало благоустроение воссоединенных, как политическое, так и церковное, при чем в разных местах последовали и другие случаи такого же воссоединения и на тех же основаниях, при участии прежних деятелей воссоединения (например, в Витебске, Минске, Вильне и других).⁹⁵⁶ Всем этим, т.е. и разновременностью, и постепенностью и неодинаковостью в то или другое время хода дела воссоединения униатов, объясняется тон и характер упоминаний и сообщений о том в проповедях Филарета. Впервые о том упоминает наш проповедник еще в 1836 году, произнося свое «слово в день коронования благочестивейшего государя императора Николая Павловича» 22 августа в Успенском соборе. Здесь святитель-вита, в кратких, но сильных и, по обычаю, точных словах, изображая истекшее десятилетие царствования императора Николая Павловича и исчисляя деяния сего царствования, между прочим, говорит: «В областях, где в прежние несчастные времена Восточное благочестие стеснено было насиліями Запада, собственное око благочестивейшего государя усмотрело не благообразие православных храмов, и особенная его воля облекла их приличным благолепием. Его любовью к православной церкви одушевлена ревность её служителей, и

многие тысячи её чад, частью отторгнутых от неё в своих предках во дни неустройств и гонений, частью заблудившихся в лета неведения, возвращены в её матерния объятия».⁹⁵⁷

Так говорил и считал возможным говорить с церковной кафедры во всеуслышание святитель Филарет до 1839 года. Но не даром в том же слове 1836 года и вслед за приведенными сейчас словами святитель говорил: «вот некоторые части высокой работы в венце царского десятилетия! Величественно и сладостно сияет он око сердца русского; и не только в настоящее время, но и на будущее отражает свет благих надежд».⁹⁵⁸ Надежды на полное воссоединение униатов исполнились меньше чем чрез три года после того, как сказаны были эти слова, то есть в 1839 году, как мы говорили раньше. Но в этом году в Москве совершились другие события, которые требовали особенного внимания святителя Филарета и, будучи совершенно различными от сего события, как бы заслонили собою последнее и не дали святителю возможности упомянуть о нем с церковной кафедры.

А затем, частью прискорбные недоразумения по делу воссоединения униатов, бывшие последствием латинско-польских и иезуитских происков, колебавших настроение обер-прокурора Святейшего Синода в отношении к сему делу, частью не менее прискорбные события 1841–1842 годов, бывшие лично со святителем московским вследствие неправильных отношений того же обер-прокурора к нему, частью же другие обстоятельства были причиною того, что Филарет до самого 1849 года не упоминал об этом деле. И уже только в своем слове на день восшествия на престол государя императора 20 ноября 1849 года святитель-вития, сравнивая государя императора с царем Константином, возвысившим достоинство христианского царя своим содействием истинной вере и православной Церкви, восклицает: «Слава Богу! Благочестивейший государь наш деятельно и успешно исполняет сию обязанность, и не один миллион душ приобрел православие от не православия».⁹⁵⁹

Но более обстоятельно говорит вития о воссоединении униатов при воспоминании 25-летия царствования Николая

Павловича, в своем слове на день восшествия на престол государя императора 22 ноября 1850 года. Исчисляя деяния, совершенные в течение этого 25-летия, святитель-вита между прочим возвещает: «говорящему в церкви было бы не свойственно не коснуться сколько-нибудь и дел церковных в соотношении с делами государства. Единство веры есть важное подкрепление единству народности, в оба сии единства вместе имеют важное отношение к силе государства. Около двух миллионов русского народа, прежде единоверных, в три прошедшие века, чуждою хитростью и насилием отторжены были от Православной Церкви, и употреблены продолжительные всевозможные усилия прикрепить их к Церкви Западной. Правительство же русское поступало с ними по правилам веротерпимости. Посему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надеяться их воссоединения с Православною Церковью. Но они вдруг, собственным движением, под предводительством всех своих высших пастырей, и почти всех священнослужителей, тихо и свободно пришли в Православную Церковь, подобно как овцы возвращаются во двор овчий, из которого недавно вышли. Как это сделалось? Если смотреть на средства человеческие, действие оказывается сильнее средств. Так и должно быть в деле Божиим. Это дар Провидения благочестивой правде царевой, ко благу царства».⁹⁶⁰

Рассмотренное дело воссоединения униатов с православною Всероссийскою Церковью, естественно, переводить нас от исследования об отношениях Филарета к Церкви вообще (восточной и западной) к исследованию об отношении его к Церкви Русской. И в этом отношении для нас ближе всего имеет значение вопрос о том, в каком состоянии Церковь Русская находилась в царствование Николая Павловича по сравнению с состоянием её в предшествовавшее царствование. Мы помним, сколь велико было значение мистицизма в царствование Александра Павловича и сколь великое влияние имел он на все течение дел церковных в то время. Но уже с половины 1824 года наступил в этом отношении значительный и довольно резкий поворот в сторону

совершенно противоположную, благодаря партии Шишкова. А так как мистическое движение, в худшем его направлении, не было безучастно к декабрьским смутам 1825 года, то само собою разумеется, что ему не было благоприятной почвы и в новое царствование, тем более, что как сам новый император, при всем своем благоговении к покойному своему брату императору, совершенно иначе, нежели последний, смотрел на это движение, так и Шишков оставался у кормила правления некоторое время в новое царствование, а преемники его смотрели на дело, конечно, очами императора Николая, а не бывшего министра духовных дел и просвещения князя А. Н. Голицына, уже более прозябавшего, нежели деятельно жившего в царствование Николая.

Такому направлению духа нового царствования, естественно, должно было соответствовать и направление течения церковной жизни и высшего церковного управления, не смотря на то, что во главе этого управления значительное время стояли те же лица, которые были, по крайней мере, в последнее время царствования Александра I и которые уже известны нам из первого отдела нашего настоящего исследования. Со времени обер-прокурорства графа Протасова выступило на первый план даже направление прямо противоположное прежнему мистическому: предание и обрядность имели первенствующее значение. А это обер-прокурорство продолжалось с 1836 года и до конца царствования императора Николая Павловича, и мы знаем, как немного имели значения в это время обер-прокурорство духовные лица Синодального управления. Но мы, из прежнего же, отчасти знаем, как ставил себя и вообще и в частности на церковной кафедре в отношении к этому новому направлению святитель московский Филарет, переживший все фазы движения и направления церковной жизни за время царствования Александра I и Николая I. Не иначе он ставил себя и теперь, притом опять как вообще, так и в отношении собственно к мистицизму. Не смотря ни на какие перемены в движении и направлении церковно-государственной жизни, он оставался строго верным раз принятому в усвоенном направлении своей

деятельности в качестве архипастыря вообще и в частности по-прежнему оставался истинным и в то же время здоровым мистиком.

В доказательство этого мы возьмем, хотя, несколько проповедей из рассматриваемого периода, чтобы не обременять нашего исследования множеством других данных. Так, например, в одной из проповедей 1826 года святитель-вита, изъясняя слова апостола о преимуществах невидимого пред видимым: *видимая бо временна, невидимая же вечна* (2Кор.4:18), между прочим, говорит; «если когда, в исключение из сего правила, позволительно и должно со вниманием смотреть на видимое, то наипаче в тех случаях, когда видимое, как образ, как таинственное орудие и приятелище невидимого, святого, Божественного, самим Богом, или богомудрыми учредителями поставлено в предмет благочестивого внимания для человеков. Таковы суть видимые образы, вещества, знамения, обряды церковных таинств и богослужения. Но и в сем случае сколь ни достойно благоговения видимое, не на нем одном останавливаться должно. Сквозь святые образы и знамения видимые, благоговейный, только не любопытный, взор веры должен быть устремляем к невидимой силе и существенному действию благодати Божией. Страшно подумать, что и Симон волхв видимо крещен был по чину христианскому,⁹⁶¹ подумаем же, как нужно и там, где святыня, исходя из невидимого, наполняет и объемлет видимое, – как нужно и там восходить от видимого к невидимому, чтобы не оскорбить и невидимой и видимой святыни».

И далее приводит многие случаи того, как «святая Церковь многообразно подвизается приближать нас от видимого к невидимому».⁹⁶² Затем, в одной из проповедей 1827 года наш святитель-вита доказывает, что «начало внутреннего света и духовной радости, заключенное в воскресении Христовом, и на нас, не видевших Господа, может действовать всею полною силы своей, как действовало на самовидцев и слуг бывших Словесе», и что «не есть излишняя взыскательность желать и требовать, чтобы радость сия и в нас не только не оскудевала, но еще всегда возрастала, как свет утра, даже до полного дня

внутреннего просвещения от Духа святого, даже до не вечерного дня царствия Христова». ⁹⁶³

В 1829 году Филарет говорит довольно пространную и глубоко назидательную целую беседу «о молитве духом и умом», где, ясно указывая на необходимость. «не только для малосведущих и водимых чувственными впечатлениями, но и для людей возвышенно мыслящих», внешних видов молитвы: «молитвы словесной и молитвы песенной», раскрывает истинное понятие о молитве духом и умом. Первая, то есть, молитва духом, по учению нашего проповедника, «есть такое молитвенное состояние, в котором человек, воскрыляемый верою и любовью, самую так сказать вершиною существа своего, своею высшею способностью и силою», ⁹⁶⁴ которою он как бы сопределев с Божественным, стремятся и восторгается к Духу Божию, приемлет наитие Духа Божия, предается сему наитию, так что уже тогда не столько сам человек молится, сколько *дышет* в нем Дух Святой, дышущий *идеже хочет*, – Сам Дух Святой *ходатайствует о нем в воздыхании не изглаголаннми* (Рим.8:26), или глаголами, нередко превышающими разумение человека чувственного». В отличие от сего «молитва умом есть такой образ молитвы, когда ум молящегося, хотя, возвышается к Богу с благоговейными мыслями, с благочестивыми желаниями, со святыми чувствами умиления или радости, но не предается влечению духовного восторга неограниченно, а управляет своими мыслями, желаниями, чувствами так, что в сем случае духовные силы действуют в обыкновенном, им свойственном порядке, а потому молитвенные прошения и славословия изрекаются обще вразумительно, почему и слышащих могут возбуждать к участию в молитве». Но, что всего замечательнее, наш истинный и здравый мистик-вита, в духе апостола говоря далее о благопотребности и пользе духовной – «молиться духом для себя и для Бога, – молиться умом для Бога, и для себя, и для назидания ближних», а равно высказывая удивление тому, что апостол как бы находит нужным даже несколько ограничивать благодатную молитву духом для христиан своего времени, продолжает: «если от сего духовного зрелища первенствующей

Церкви обратимся к настоящему её состоянию и к самим себе, то не должно ли нам прийти в удивление другого рода, или, может быть, в страх и ужас, от печальной разности настоящего с прошедшим? Многие ли между нами погружены в молитву духа так, чтобы нужно было их из моря духа извлекать на берег ума? Многие ли, хотя, сколько-нибудь, испытали молитву духа? Многие ли довольно понимают ее, когда о ней говорится? Поистине, братия, глубоко ниспали мы от благочестивой ревности, от духовного преуспеяния первенствующих христиан, когда не только чудесная молитва духа оскудела, но часто и молитва ума невнимательна, молитва сердца хладна, молитва уст не одушевлена молитвою ума и сердца».⁹⁶⁵

И в дополнение к тому должно сказать, что как и в таком духе и тоне святитель Филарет проповеди вал и учил не только в начале царствования Николая Павловича, но и во все остальные годы этого царствования.⁹⁶⁶ Не даром и указанные сейчас проповеди он допустил к напечатанию во всех собраниях своих слов и речей, вышедших в свет во время этого царствования. Но с другой стороны, хотя, и в том же духе, вития наш, произнося слово в день коронации 1838 года и рассуждая в нем о священной важности царского помазания и вообще о важности священно-таинственных учреждений, говорит между прочим: «в наши времена разум человеческий, наслышавшись от истории, что прежде люди много погрешали чувственным образом мышления о духовных предметах и суеверием, и что такое состояние называют детством человечества и разума, думает тем вернее показать себя вышедшим из детства, чем менее уважает чувственные виды религии. Люди, которым не нравится подчиненность учреждениям религии, но которые не находят силы отвергнуть самую мысль о религии, в понятии о духовности её ищут повода к освобождению себя от власти её учреждений. Так родятся два сомнения, одно хуже другого, имеют ли священные учреждения внутреннюю важность и силу? даже, нужны ли для духовного человека чувственные виды и обрядовые установления религия?».⁹⁶⁷ Равно также мы не забыли, конечно, знаменитой проповеди того же 1838 года,

излагающей пространное и основательное «учение о преданиях», в положительном смысле.⁹⁶⁸

Вместе с рассмотренными недавно, все эти и подобные проповеди святителя Московского служат наилучшим подтверждением высказанной нами выше мысли о том, что он был мистик, истинный и в то же время здравый учитель истинной мистики, о которой он говорил сам в приведенном уже нами письме к ректору Московской духовной академии, архимандриту Алексию (Ржаницыну) от 24 ноября 1852 года. И так как в разное время мы уже достаточно раскрывали те исторические явления мистики русской, которые могли лежать и действительно лежали в основании этих проповедей Филарета, то мы теперь скажем только то, что даже и в приведенных небольших отрывках из них за время царствования Николая I, и жившие еще за это время в значительном числе представители русской мистики разных направлений, и находившиеся в той или другой степени близости к этим представителям сектанты других наименований, со включением в их число и доселе существующих (например, штундистов, духоборцев и т.д.), и, наконец, многие из считавших себя в числе православных за то же время, но неправильно стоявших в отношении к истинной мистике, могли и могут находить для себя глубокое назидание и мудрый урок по части истинной православной мистики.

Что касается до иных (кроме проповедей) данных касательно мистического движения и других сродных с ним направлений духа времен рассматриваемого царствования; то мы на короткое время остановимся лишь на имевшем большое значение и возбудившем живой интерес вопросе о так называемом стологадании. Вопросы этого Филарет касается во многих своих письмах к разным лицам и в других бумагах, но в одном из первых он настолько глубоко затрагивает его и настолько назидательно его решает, что письмо это, может вполне заменить собою специально для того предназначенную проповедь, хотя, впрочем, и в одной из проповедей Филарета можно находить намек на стологадание. Дело, кратко сказать,⁹⁶⁹ состояло в том, что в начале 1850-х годов, ближе всего в обеих столицах Российской Империи, стал распространяться

теперешний спиритизм, называвшийся тогда, по одному из способов действия спиритов, просто стологаданием. Митрополит Филарет, вообще внимательно относившийся ко всем более или менее важным явлениям современной жизни, особенно же духовной, очень скоро получил довольно подробные сведения о стологадании и занимавшихся стологаданием.

Видя, что этот новый духовный недуг подобно эпидемии распространяется среди людей, по началу высших классов, он поспешил, по вызову одного из своих Петербургских знакомых, служившего при Дворе, именно, В. Д. Олсуфьева,⁹⁷⁰ дать духовное врачевство от этого недуга, изложив свои мысли в форме письма на его имя от 29 октября 1853 года. «О стологадании, читаем в этом письме, печально слышать, что многие, как будто дети какою-нибудь новою игрою, с жаром занялись оным, не подумав, чем играют, и чем кончиться может игра. Разделяю ваше мнение, что занятие сие непозволительно. Представим себе, что сын в доме отца, имея свободу пользоваться всем, что ему нужно, и многим, что приятно, не довольствуется сим и, встретив хранилище, от которого ему не дано ключа, подделывает ключ, и отпирает оное, положим, не для того, чтобы украсть, а только, чтобы посмотреть, что там скрыто. Не если это неблагородно? Не должно ли быть совестно сыну? Не должно ли быть неприятно отцу? Вот суд о всяком гадании или ворожбе, в том числе и о стологадании, по самому простому взгляду на сие дело. Но если внимательнее посмотрим на опыты, суд должен сделаться строже. Я не любопытствую, но общее любопытство, а в некоторых желание знать истину, и остеречься от лжи и вреда, приведены в такое движение, что до меня сами собою доходят многие сведения о стологадательных опытах, и притом такими путями, что нельзя сомневаться в истине сих сведений. Одному гадателю стол дал предсказание о некотором происшествии, которое должно было возбудить ожидание, и могло расположить к некоторым приготовлениям; и назначил время, в которое сему происшествию надлежало последовать. Назначенное время прошло, и предсказанного не случилось. Что, если бы, при вере

в стологадание, сделаны были некоторые приготовления, соответственные предсказанному происшествию? Это необходимо кончилось бы стыдом, а могло кончиться и вредом. Пред одним страстным стологадателем стол оклеветал близкую к нему особу.⁹⁷¹ Теперь, говорят, борющийся с подозрением стологадатель, и оскорбленная особа проводят бессонные ночи. Сих немногих опытов довольно, чтобы понять, как немало виновны и как ведут себя к неблагоприятным последствиям не покоряющиеся премудрому и благому Богу, запершему от нас сокровенное и будущее и покушающиеся отпереть оное поддельными ключами.

Но это еще не все. Стологадатели поняли, что дерево не может понимать вопросов, и давать сообразные с вопросами ответы. Посему они спрашивали, кто им отвечает; и многие из них получили в ответ имена разных умерших. Теперь спрашивается: действительно ли стологадателям отвечают души умерших, которых имена им объявляются, или имена сии употребляются ложно, и под ними скрываются некие неизвестные? В сем последнем случае, сии неизвестные суть лжецы, приписывающие себе чужие имена, но ложь не принадлежит чистым существам; отец лжи есть диавол. Итак, стологадатели осторожно должны размыслить, с кем имеют дело, и от кого хотят узнать сокровенное. Здесь можно вспомнить наставление преподобного Антония великого, относительно демонов: *если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним*. Но если отвечающие стологадателям суть действительно умершие, то суд о сем давно произнесен самим Богом, чрез пророка Моисея, в осьмнадцатой главе книги Второзакония. *Да не навывкнеши творити по мерзостем языков тех: да не обрящется в тебе очищая сына своего и дочь свою огнем, волхвувя волхвованием, и чаруяй, и птицеволшебствуяй; чародей обавая обаванием, утробоволхвувяй; и знаменосмотритель, и вопрошаяй мертвых: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всяк творяй сия, сих бо ради мерзостей потребит я Господь Бог твой от лица твоего* (Втор.18:9–12).

Знают ли сей суд столоволхвователи, вопрошающие мертвых? Помышляют ли, какому строгому осуждению подлежит дело их? Оно причисляется к мерзостям, за которые хананейские народы Бог осудил на истребление. Если бы кто из стологадателей сказал, что он не домогается беседы с мертвыми, а просто от стола получает знаки в разрешение вопросов любопытства или надобности; справедливость требует сказать и ему: не прав и ты. Ты не знаешь, кто тебе отвечает, но знаешь, что дерево отвечать не может, следовательно, ты должен заключить, что неизвестный, тебе отвечающий, есть один из тех, которые наименовали себя другим при подобных опытах. В четвертой главе пророчества Осии читается следующее изречение: *в знамениях вопрошаху, и в жезлах своих поведлаху тем (Ос.4:12)*. Яснее с еврейского: *народ Мой древо вопрошает, и жезл его отвечает ему*. Пророк показывает два вида гадания: *древом и жезлом*. Под именем *древа*, без сомнения, разумеются деревянные идолы, от которых, неизвестными нам приемами, получаемы были ответы (Суд.18:5–6). Очевидно, это дело богопротивное, как соединенное с идолопоклонством. Под именем *жезла отвечающего* разумеется гадание посредством жезлов, по приметам, на которую сторону они падают, быв поставлены, или ложатся ли замеченною стороною вверх или вниз, и прочее, что называлось *жезлогаданием* или *жезловолхвованием*, хотя, в сем втором виде гадания не видно отношения к идолопоклонству, однако, и он вместе с первым осужден пророком, как измена истинному Богу: *духом блужения прельстишася, и соблудиша от Бога своего (Ос.4:12)*. От сего обвинения не может увернуться стологадание, как бы ни старалось оно изъяснить себя легким и благовидным образом.

Для тех, которые смотрят на стологадание, как на новое открытие неизвестной донныне силы в природе, и на сем, может быть, думают основать для себя законное право продолжать над ним исследования, бесполезно заметить, что их делу не принадлежит честь не только разумного, но и случайного нового открытия в природе, они только каким-то образом пробрались в область старого языческого суеверия. Тертуллиан в 23 главе

своей апологии Христианства, обличая мечты языческой магии (*magiae phantasmata*) и приписывая их действию демонов, говорит: *per quos et caprae et mensae divinare consueverunt, – чрез них и козы и столы обыкновенно производят гадания*. Он только не объясняет, какие приемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданиям. Скажет ли кто, что его стол говорит нечто достойное принятия. Не должно и сим прельщаться. Дух пытливый в отроковице города Филиппов говорил о Павле и Силе, по-видимому, достойное приятия: *сии человецы рабы Бога вышнего суть, иже возвещают нам путь спасения* (Деян.16:17). Но апостол не только не был сим доволен, но и не мог перенести сего с терпением; он изгнал духа. Простите. заключает свое письмо святитель Московский, что я разговорился. Для вас сие не нужно; но, может быть, сим возбудится ваше внимание, чтобы ближнему, могущему принять. подать совет Премудрого: *вышших себе не ищи, и креплших себе не испытай; яже ти повеленна, сия разумевай, нет бо ти потреба тайных, во избытцех дел твоих не любопытствуй; вящшая бо разума человеческого показана ти суть; многи бо прелсти мнение их, и мнение лукавно погуби мысль их»* (Сир. 3:21–24)⁹⁷²

Это письмо по справедливости обратило на себя такое внимание, что многие даже высокопоставленные люди просили святителя Филарета предать его гласности чрез напечатание. Поэтому сам святитель уже от 2 ноября того же 1853 года писал наместнику лавры Антонию: «выписку из письма о стологадании думаю напечатать и раздать священникам. Напечатать ли потом в ведомостях, пусть рассуждают владыки ведомостей.⁹⁷³ Посему посылаемую при сем рукопись отдайте отцу ректору академии, чтобы ее проценировали, и прислали ко мне не замедлительно». ⁹⁷⁴ И эта рукопись в том же году напечатана была в академическом издании: Творения святых отцов и отсюда отдельными оттисками в количестве 1200 экземпляров, которые весьма скоро все разошлись». ⁹⁷⁵

Но этого мало. «Выписке из письма о стологадании, пишет сам святитель Филарет от 26 ноября того же 1853 года к А. Н. Муравьеву, посчастливилось. Членам Святейшего Синода

угодно отпечатать ее в Христианском Чтении». ⁹⁷⁶ И она здесь подлинно была напечатана. А между тем сам же святитель Филарет еще от 10 ноября писал к Антонию: «мне пишут, что выписку из письма о стологадании слушали государыня цесаревна, ⁹⁷⁷ и изъявила удовольствие, и велела благодарить меня, и представить ей два списка, один для неё, а другой, чтобы послать Государыне Императрице в Гатчину. Слава Богу, что её Высочество христиански видит вещи. Помолитесь, чтобы в Гатчине благим оком посмотрели на дело, и не прогневались на меня. При печатании выписки я переменял некоторые выражения, чтобы они не так прямо указывали на гадателей, из которых одного недавно мне назвали. Печатные экземпляры вам доставятся». ⁹⁷⁸

В тоже время, не смотря на начавшуюся уже тогда Крымскую войну, отвлекшую внимание всех почти от всего другого, святитель не преминул, хотя, косвенно, указать на стологадание и в одной из проповедей своих. Мы разумеем его беседу в день восшествия на престол государя императора, говоренную в Чудове монастыре 20 ноября того же 1853 года, в которой он, говоря о начале Крымской войны, как на самое лучшее средство для привлечения победы на сторону отечества в этой войне, указывает на деятельную веру во Христа и предлагая потребные для сего наставления слушателям, ⁹⁷⁹ взывает к ним между прочим: «Остерегайся, чтобы не расслаблять и не порабощать своего духа прелестями суеты, роскоши, не управляемых рассудком чувственных наслаждений, обаятельных зрелищ бесполезных и заразительных чтений, наконец, и прелестью мнимой любознательности, *мудрствующей паче, еже подобаете мудрствовати* (Рим.12:3), легко превращающейся в предосудительное любопытство и опасную пытливость. Ибо такие занятия и забавы не только ниже достоинства христианского, но частью действительно истекают из мутного источника языческих преданий, и проникнуты языческим духом». ⁹⁸⁰ Прочитавшему вышеприведенное письмо святителя к В. Д. Олсуфьеву понятен заключающийся в этих словах проповеди намек.

О других ненормальных проявлениях духовной жизни Русского общества, выражавшихся в сектантстве, мы не будем говорить, чтобы не расширить и без того широкого объема нашего исследования, тем более, что на них лишь слабые указания и намеки можно находить собственно в проповедях Филарета, хотя, помимо проповедей он многих из сект более или менее подробно касался.⁹⁸¹ И без того нам много придется говорить о важнейшем из этих проявлений, своего рода хронической болезни в русской Церкви, о расколе, к которому святитель Филарет, в царствование Николая, имел многократные и многообразные отношения.

Двести слишком лет уже существующий на Руси раскол старообрядства и во все это время, в своих двух главных разветвлениях – беспоповщине и поповщине с бесчисленными толками того и другого разветвления, не перестающий жить в более или менее резком самовольном отпадении от Церкви и от основных начал жизни государства, не один миллион, насчитывающий в числе своих последователей, в разное время своего двухсотлетнего существования, встречал весьма различное к нему отношение со стороны правительства. Строгие к нему отношения последнего по началу (особенно при Петре I) были потом, в силу разных соображений, значительно ослабляемы, а при Императрице Екатерине II, вообще руководившейся началами гуманности в своей политике, раскольники получили многие права и привилегии, о которых при Петре не могли бы и думать. В то же время духовенству православной Церкви внушаемо было действовать на раскольников не столько прещениями, сколько убеждениями и увещаниями. В общем те же меры применяемы были и при императорах Павле и Александре I; а снисходительность последнего, как нам известно, доходила даже до некоторого послабления раскольникам. Отчасти в согласии с такими мерами и было в 1801 году положено в Москве начало единоверию, на основаниях, изложенных Московским митрополитом Платоном (Левшиным) и узаконенных правительством. Но в общем и по большей части подобные меры служили только во вред православной Церкви и

государству в России; ибо раскольники, в самой основе учения которых лежит признание той и другого со времени патриарха Никона царством антихристовым и, следовательно, непримиримая вражда против коренных интересов их (Церкви и государства), этими мерами пользовались для своих же выгод и для большего укрепления своего положения в государстве, составляя таким образом, своего рода «государство в государстве (status in statu).

Между прочим, в этом отношении большое значение в истории раскола имел (п до сих пор имеет) вопрос о священстве, учрежденном самим Иисусом Христом. В начале существования раскола, этот вопрос не имел большого значения, естественно потому, что тогда еще было много священников дониконовского посвящения. Но вскоре этот вопрос потребовал настоятельно того или иного решения. Последствием сего решения и было разделение раскольников на беспоповцев и поповцев, из коих первые утверждали, что раскольники могут существовать и без священства, а вторые, напротив, признавая священство необходимым и для их общества, именуемого у них Церковью, признавали возможным, на известных условиях, заимствовать священство от Церкви великороссийской. Нельзя не признать, что в этом отношении беспоповцы были последовательнее поповцев; они выдержали и сохранили во всей строгости основное раскольническое учение об антихристе, во времена которого де не может быть истинного священства на земле.⁹⁸² Довольствуясь только двумя таинствами – крещения в покаяния, они считали возможным предоставлять совершение их мирянам, так называемым у них «старикам», или «отцам».

Переходящих к ним, из так называемой ими, «никонианской ереси» или из других христианских исповеданий, они перекрещивали. Под таким же условием некоторые из поповцев по началу принимали и священников великороссийской Церкви, по потом, увидев нелепость такого чиноприятия, стали принимать их «по второму чину», т.е. чрез миропомазание, а наконец и «по третьему чину», т.е. чрез одно лишь проклятие ересей. По определению так называемого «Рогожского» или

«Перемазанского» собора (т.е. бывшего на Московском Рогожском кладбище) 1779 года второй чин получил господственное, но все же не исключительное значение. Беглых попов всегда было много у раскольников-поповцев, так как дорожа ими, последние не обращали внимание на их личные достоинства и хорошо платили им за требы. Но все же многих из поповцев не оставляла тревожная мысль о будущности их священства, и еще к прошлому веку относятся их попытки добыть и упрочить у себя свое собственное рукоположение, – попытки искания своего архиерея.

Однако, эти попытки, после нескольких неудач, не имели практического значения; а указ 26 марта 1822 года, коим предписывалось не преследовать попов, ушедших от православной Церкви к раскольникам, если только за ними не было уголовных преступлений, еще более ослабил напряжение этих попыток, как не нужных при легкости получения священников в силу сего указа.

Но совсем иное последовало со времени вступления императора Николая на престол. Проницательный ум его скоро увидел весь вред не только для Церкви, но и для государства от послабления расколу; а известная решительность его воли тотчас же выразилась в соответствующих цели законоположениях. И прежде всего он издал строгие законоположения против чрезвычайно распространившегося ко времени его царствования беглопоповства. За тем принял и не переставал далее принимать и другие, не менее решительные меры против раскола, за которые православная Церковь не только в его царствование, но и после того могла только радоваться и благодарить его благопопечительность о ней.

К сожалению, далеко не везде и всегда находились верные исполнители мудрых предначертаний и распоряжений государя императора Николая Павловича. Обладая огромными богатствами, благодаря которым можно было весьма легко привлекать на свою сторону продажное чиновничество, раскольники часто умели парализовать силу распоряжений правительства, касавшихся их; при том подобными средствами заставляли нередко действовать в свою пользу не только более

или менее значительных чиновников, но и лиц, облеченных высшею властью, как например, нельзя не сказать того об известном московском генерал-губернаторе, графе А. А. Закревском. При всем том не всегда же, конечно, можно было обходить и закон, и прямые распоряжения правительства.

По этому-то раскольники, после нескольких неудачных попыток склонить правительство императора Николая к восстановлению, вышеупомянутого указа 1822 года, возвратились к прежней своей мысли об изыскании способов завести собственных архиереев. Так как по строгим законам Николаевского времени завести архиерея и учредить архиерейскую кафедру в самой России было не мыслимо, то раскольники (поповцы) обратили свои взоры на заграничные земли, и остановились на Буковине (Австрийской провинции), где жили из старообрядцев липо, ане и где, для осуществления своей мысли, они надеялись на содействие Австрии, всегда готовой исполнять то, что могло бы служить во вред России. Изобретателем и исполнителем плана – учредить в Буковине старообрядческую иерархию, был старообрядческий инок Павел Васильев (в мире Петр Великодворский), действовавший в сотрудничестве с двумя другими единомысленными монахами – Геронтием и Алимпием. А средства на осуществление этого плана доставили богатые купцы – петербургский Громов и московский Рахманов. Местопребывание для будущего архиерея они нашли в раскольниковом монастыре, существовавшем в липованском селении, под названием Белая Криница, в той же Буковине. Движение делу дано было 14 февраля 1840 года. Благодаря предупредительности австрийских властей и агентов правительственных, а равно и покровительству самого австрийского императора Фердинанда, в Константинополе найден был один из бывших, вследствие капризного своеволия турецкого правительства, не у дел архиереев греческих, именно бывший Босно-сараевский митрополит Амвросий, который разными прельщениями раскольников, и увлечен был к занятию старообрядческой архиерейской кафедры в Белой Кринице. 12 октября 1846 года

он сюда и приехал, а 6 января 1847 года поставил раскольникам и первого епископа Кирилла в наместники себе.

Так положено было начало пресловутой Белокриницкой раскольнической иерархии, подробную и основательно обработанную историю которой можно читать в известном сочинении почтенного профессора Московской духовной академии Н. И. Субботина.⁹⁸³ Австрийские и иные друзья раскольников, вместе с искателями архиерея для последних, так искусно вели дело, что, не смотря на долговременные и разнообразные усилия их привести это дело к желанному концу, наши дипломатические представители, в Вене и Константинополе, даже и не заметили, как наконец найден был этот архиерей; и правительство русское вступилось в это дело тогда, когда поправить его в пользу православной Церкви и России уже было поздно. Тем не менее решительный император Николай, едва только узнал о совершившемся событии учреждения раскольнической иерархии, как тотчас же повелел своему посланнику в Вене обратиться за объяснениями по этому делу к австрийскому правительству и настоятельно требовать от последнего, чтобы раскольническая архиерейская кафедра была закрыта. В другое время австрийское правительство, по обыкновению, не обратило бы внимания на это требование, но тогда, в тяжкие годы Венгерского восстания. Россия нужна была Австрии, и последняя поспешила удовлетворить требования русского правительства. Амвросий был предан суду и сослан в Штирию на заточение, а самый Белокриницкий монастырь закрыт.

Однако, главное дело уже сделано было раскольниками; да к самая архиерейская кафедра их в Белой Кринице, по окончании Венгерской кампании, снова была открыта услужливым в отношении к расколу, но не благодарным в отношении к России правительством австрийским. И наместник Амвросия, Кирилл, утвержденный австрийским правительством в достоинстве митрополита, по указаниям вождей раскола, начал ставить не только низшее духовенство, но и архиереев, не только для живших в Австрии раскольников, но и для раскольников всех мест за пределами Австрии, что прямо

противоречило даже декрету императора Фердинанда от 6 сентября 1844 года, коим учреждалась, на известных условиях, раскольническая архиерейская кафедра в Белой Кринице. В декабре 1848 года, вскоре по вторичном открытии этой кафедры, Кирилл постриг в монахи с именем Софрония, а в первых числах января 1849 года и поставил в епископы, с наименованием Симбирского, некоего раскольника Степана Жирова, с предоставлением ему права ставить попов на всю Россию. 3 февраля 1853 года, им же (Кириллом) был поставлен во епископа Владимирского – Антоний (в мире Андрей Иларионов Шутов),⁹⁸⁴ который немедленно после своего поставления во епископа отправился в Россию и в Москве основал свое главное местопребывание. Так наконец и Москва, благодаря потворству высших светских властей её, и укрывательству раскольников, стала иметь своего раскольничьего архиерея.

Естественно теперь спросить, как относился ко всем этим явлениям в расколе истинный, православный Московский первосвятитель Филарет. Как истинный и весьма мудрый архипастырь, он, конечно, хорошо понимал, что если, когда, то именно теперь, в царствование Николая, настала пора действовать в пользу. Церкви против раскола не только одними кроткими и мягкими мерами увещания и наставления, во и более сильными мерами права, закона и обличения, не выступая, разумеется, и в последних случаях из пределов архипастырского благоразумия и даже подобающей тому же архипастырю кротости. Таким именно духом и дышат все мероприятия и действия святителя Филарета в отношении к расколу за все время этого царствования, при том не только в пределах московской епархии, но и далеко за пределами последней, ибо Филарет, зорко следя за всеми более ими менее важными движениями в расколе, хотя, имевшем свои главные гиездилища, по-прежнему, на Рогожском и Преображенском кладбищах в Москве, однако простиравшем разветвления свои едва не на всю Россию, и по званию и долгу члена Святейшего Синода, и по чувству отеческого расположения ко многим православным архипастырям, действовавшим в разных

местностях России, особенно же сильно зараженных расколом, имел в виду в сем отношении, если можно так выразиться, всю площадь, все протяжение России. Было бы слишком долго исчислять все его мероприятия и действия в этом отношении, сохранившиеся для потомства в недавно изданном *Собрании мнений и отзывов Филарета* (СПб и Москва, 1885–1888), в изданных в разное время письмах его к разным лицам и в других письменных памятниках его мудрости и деятельности. Это само по себе могло бы составить обширное и весьма любопытное исследование.

Мы ограничимся лишь указанием на важнейшее и, главным образом, конечно, остановимся на проповедях святителя, по-прежнему, в хронологическом порядке. В 1834 году положено было святителем Филаретом начало его знаменитых *Бесед к глаголемому старообрядцу* о разных спорных между православием и расколом предметах, которые настолько же важны для истории и обличения раскола, насколько и для истории проповеднической деятельности святителя. Как во всем, так и в этих Беседах святитель в полном свете обнаружил и свой гениальный, изобретательный ум, и свое глубокое знание истории раскола с его лжеучением, и свой весьма выдержанный такт и величайшую умеренность свою и другие высокие качества, благодаря чему и в этом, как в других отношениях, явил в себе по истине образ, да последует стопам его.

А между тем, если мы обратим внимание на историю этих *Бесед*, то мы опять не можем не удивляться тому, что начало им положено по не значительному, по видимости, и совершенно частному случаю, при том, даже не в Москве, главном гнездилище раскола и в то же время епархиальном городе самого Филарета, а в Петербурге. «Может любопытно будет знать, пишет известный уже нам А. И. Муравьев, в то время еще только начавший свое знакомство и свою переписку с Филаретом, что первая беседа к глаголемому старообрядцу написана была владыкою по случаю сомнений, которые я изъяснил ему о так называемой челобитной Соловецкой, что может быть она заключает в себе истину. На другой день, когда

я пришел к владыке, он мне сказал: я побоялся чтобы вы не сделали раскольников и написал возражение».⁹⁸⁵

При этом, разумеется первая «Беседа к глаголемому старообрядцу о поклоняемом имени Иисуса и о истинной церковной древности», помеченная 25 марта 1834 года в Петербурге и напечатанная тогда же в 1-й части *Христианского Чтения* за тот же 1834 и год. Вскоре после этой беседы, именно 29 апреля, того же года в Санкт-Петербурге явилась и вторая беседа «о символе веры», напечатанная во 2-й части *Христианского Чтения* за тот же год; а почти вслед за нею, именно 4 мая, и третья – «о четвероконечном кресте», напечатанная в той же части *Христианского Чтения* за 1834 год. За тем, по возвращении из Петербурга в Москву, епархиальные, учебные и другие дела отвлекли Филарета от занятия беседами, и только уже в начале следующего 1835 года он написал еще «дополнительную беседу о поклоняемом имени Иисус», потом «беседу о стоглавом соборе и о истинном согласии с православною Церковью», помеченные первыми числами февраля и напечатанные во 2-й части *Христианского Чтения* за 1835 год. Около того же времени святитель заготовил также беседу «о благодати архиерейства и священства» и «дополнение к дополнительной беседе о имени Иисус», напечатанной потом уже в 3 части *Христианского Чтения* за тот же 1835 год.

В согласии с тем и в более подробное изъяснение причин и побуждений к делу составления беседы, святитель Филарет, оставшись на зиму 1834–1835 года в Москве, писал отсюда в Петербург к митрополиту Серафиму от 24 февраля 1835 года следующее письмо: «Высокопреосвященнейший владыко, милостивый архипастырь и благодетель! Заметив, что раскольники изданных для вразумления их от Святейшего Синода книг не читают, а некоторые из них пишут сочинения против Церкви, и тайно распространяют, заключил я из сего, что нужно вновь писать для вразумления раскольников, и при том так, чтобы сочинение по изложению предметов могло быть не затруднительно для всякого читателя, и чтобы оно привлекало внимание любителей старины, указаниями на уважаемую ими

самими старину, либо забытыми, либо не замеченными. Посему, весною прошедшего года, написаны мною три беседы к старообрядцу, которые, по благословению вашего высокопреосвященства, напечатаны были в Христианском Чтении, и в немногих экземплярах особо. Другие занятия надолго отвлекли меня от сего дела. Между тем, ваше высокопреосвященство, дали мне способ открыть в библиотеке Новгородского Софийского собора свидетельства против раскольников, довольно важные и до сих пор ясно не указанные.⁹⁸⁶ Напечатанные же беседы к старообрядцу, приметно, возбудили внимание некоторых раскольников; некоторые преосвященные архиереи изъявили мне желание, чтобы сии беседы были продолжаемы, и напечатаны были особою книжкою славянскими буквами; некоторые из жителей московских, ревнующие о православии, искали бесед к старообрядцу. Таким образом, я побужден был обратиться к сему делу и, по мере того, как позволяли другие занятия, исправил некоторые места в трех прежних беседах: к одной из них написал дополнение, и написал две новые беседы, и одно дополнение. В сем виде представляя вашему высокопреосвященству беседы к глаголемому старообрядцу, покорнейше прошу и новые, подобно прежним, удостоить рассмотрения на тот конец, не признаете ли за благо предложить Святейшему Синоду о напечатании всех вместе в московской синодальной типографии, где я удобнее мог бы наблюдать за точностью печатания выписок из старинных рукописей». ⁹⁸⁷

В ответ на это письмо—отношение, первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Серафим, от 8 марта того же 1835 года писал Филарету: «высокопреосвященнейший владыко, милостивый архипастырь и благодетель! Достопочтеннейшее отношение ваше и при нем дополнения к беседам к глаголемому старообрядцу получил я 4 марта и в сей же самый день предложил Святейшему Синоду. Синод приняв оные с превеликим удовольствием, как самый драгоценный дар ваш для Церкви Божией, предположил немедленно исполнить волю вашу, в отношении том прописанную. Многие пастыри

вооружались против раскола, хотя, и с большою ревностью, но с успехом малым. Причиною сего было то, что не тем сражались оружием, каким нужно было. Вас и, скажу без всякой лести – вас одних вразумил Господь сражаться с раскольниками и поражать их тем самым оружием, коим они мечтали не токмо защитить себя против православных, но и восторжествовать над ними. Теперь имеем мы основательную надежду, что обезоруженный вами раскол не может уже так сильно, как прежде сего, распространиться, и что останутся в нем одни токмо ожесточенные, противящиеся всякой истине, не потворствующей страстям их. Подвизайтесь, владыко святой, в сем святом подвиге более и более, в коем да укрепит вас Пастыреначальник Святой Церкви Христос Господь благодатью Своею, о чем я со всеми православными моля благодать Его, есмь и пребуду с совершенным моим почтением и искреннейшею преданностью».⁹⁸⁸

Замечательное свидетельство о значении *Бесед к глаголемому старообрядцу*. В том же смысле и в ответ на Филаретово поздравление с праздником Пасхи, того же 1835 года. Серафим писал ему от 11 апреля, между прочим, следующее «Приимите, владыко святой, и мое усерднейшее с сим же праздником поздравление, соединенное с искреннейшим к виновнику оного молением: да для блага святыя церкви своя, которую вы, яко сильный словом, защищаете от ересей, а яко сильный делом, назидаете и украшаете благочестием своим, сохранит Он жизнь вашу в вожденнейшем здравии, спокойствии и благоденствии и продолжит ее далее самых желаний ваших».⁹⁸⁹ В виду столь высокого значения *Бесед к глаголемому старообрядцу*, для Церкви русской, Святейший Синод, определением от 4 марта – 5 апреля 1835 года, разрешил напечатать их в московской синодальной типографии, одною книгою, в восьмую долю листа, церковным шрифтом, на первый раз в количестве 5 тысяч экземпляров, которые, при циркулярных указах 8 августа того же года, разосланы епархиальным преосвященным.

А между тем и в связи с тем, святитель Филарет, от начала царствования Николая Павловича и доселе не касавшийся

раскола в своих проповедях с церковной кафедры, произнесенных собственно в Москве, в 1834 году, коснулся его и с церковной кафедры в своем стольном граде. Именно, говоря свое, во многих отношениях замечательное слово, по освящении храма Святителя Николая, что в Толмачах, 25 ноября 1834 года, и в нем предлагая учение «о всегдашнем присутствии в Церкви благодати, особенно тайно-действенной, наш вития в конце своей проповеди обращается к слушателям с такими словами: «не внимайте же клеветующим на Церковь, будто благодать в ней истощилась, будто священноначалие в ней или совсем, или в половину рушилось. Скажите чуждающимся архиереев: если корень иссох, то как могут быть свежие ветви? Если, как они думают, или, точнее сказать, не размыслив, укоряют, благодать архиерейства истощилась, то как может продолжаться благодать священства, которое без архиерейства есть то же, что ветвь без корня? Но поскольку они признают благодать священства, то как могут отвергать благодать архиерейства, которое есть корень священства? А если не отвергают благодати архиерейства, то почему чуждаются оно?»

Эти слова направлены, очевидно, против раскольников-поповцев, еще успокаивавшихся в то время на мысли о том, чтобы довольствоваться одними беглыми попами. Но вслед за тем святитель-вития направляет свое слово и против другой половины раскольников, против беспоповцев, говоря: «Скажите отвергающим всякое священство: если, по их зломудрию, совсем рушилось священство, то должно сказать, рушилась и Церковь, что *врата адова одолели её*. Но если оные скажут и сие, то явно восстанут не против нас, смиренных служителей Церкви, но против самого её Основателя, Который сказал, что *врата адова не одолеют её*. Если нет таинства тела и крови Христовы, то апостол сказал неправду, что оно будет совершаться, *дондеже приидет* Господь на суд. Но если слово апостольское ложным быть не может; если словеса Христовы не мимо идут, хотя бы, прешли небо и земля, то есть и ныне, и до скончания века будет святое таинство тела и крови Христовы, есть и будет благодатное священство и священноначалие; и

противники сего учения суть противники слова апостольского и Христова».⁹⁹⁰

В связи с теми же работами по истории и обличению раскола в беседах к глаголемому старообрядцу и с церковной кафедры, святитель Московский деятельно споспешествовал церкви и государству также по части законодательства относительно раскольников, особенно в виду только что вышедшего пред тем в свет Свода законов и в виду совершавшихся работ над продолжениями последнего. Именно к 1835 году относится замечательный по основательности и обстоятельности труд святителя Филарета, под заглавием: «Мысли и предположения о средствах к уменьшению расколов».⁹⁹¹ Оправдание и такого мероприятия (наряду с беседами и поучениями) мы находим в самом начале этого труда. «Вразумление в истинном учении веры со стороны православного духовенства, говорит здесь святитель, без сомнения, есть самое свойственное орудие, для обращения заблуждающих всякого рода. Но сему общему средству обращения противостоит почти столь же общее препятствие, именно правило раскольников особенно убеждать сношения с православным духовенством».⁹⁹²

И далее предлагаются церковно-государственные меры относительно раскола, значительная часть которых по всей справедливости не даром занесена на страницы законодательных памятников Российской Империи.⁹⁹³ Сюда же относятся и многие другие подобные же труды святителя Московского, по разным случаям составленные в дальнейшие годы царствования Николая и также полностью или в больших или меньших частях своих, вошедшие в правительственные законодательные акты, вышедшие и отдельно в *Собрание постановлений по части раскола, изданном от министерства внутренних дел*.⁹⁹⁴ Но в тоже время и согласно желанию, весьма многих ревнителей православия святитель Филарет продолжал и свои *Беседы к глаголемому старообрядцу*. Сверх вышепоименованных, еще в 1835 году были написаны им в Петербурге беседы о древних рукописях, и в особенности об *Изборнике Святославовом*, и о сложении перстов для крестного

знамения и для благословения», напечатанные – первая в третьей, а вторая в четвёртой части Христианского Чтения за 1835 год.

Затем в следующем 1836 году были написаны в Петербурге же святителем Филаретом «Ответы на вопросы глаголемого старообрядца, по случаю беседы о стоглавом соборе»; «Беседа о втором сборнике Святославовом»; «Дополнение к беседе о сложении перстов для крестного знамения и благословения» и «Беседа о пятипросфории и седмипросфории». Из них «Ответы» и последняя «Беседа» были напечатаны, по-прежнему, в Христианском Чтении за 1836 год, а остальные вошли в состав второго издания полного собрания всех бесед к глаголемому старообрядцу, вышедшего в свет в 1840 году. Это собрание было вторым, по отношению к помянутому раньше собранию издания 1835 года; а как полное (т.е. дополненное вышедшими с конца 1835 года беседами) оно было первым. *Беседы к глаголемому старообрядцу* имели такие разнообразные и высокие достоинства внутренние и так соответствовали потребностям того времени, что, не смотря на весьма значительное число экземпляров собраний и 1835 и 1840 года, напечатанных по указу Святейшего Синода, в следующем же 1841 году потребовалось второе, в 1844 году – третье, а в 1850 году и четвертое издание полного собрания их.⁹⁹⁵ Все эти издания, по-прежнему, напечатаны четким церковным шрифтом, столь чтимым раскольниками.

Спрашивается теперь: имели ль и *Беседы к глаголемому старообрядцу* и другие мероприятия святителя Филарета, за рассматриваемое время, желанные последствия и успех? Смело отвечаем: несомненно имели. Они не только «возбудили внимание некоторых раскольников», как с обычную скромностью выражается о том сам святитель Московский, во имели с течением времени и те благие последствия, на которые возлагал «основательную надежду» митрополит Серафим, в приведенном выше письме своем на имя Филарета от 8 марта 1835 года.

И прежде всего, благодаря возбуждению и усилению внимания раскольников, произведенному появлением *Бесед к*

глаголемому старообрядцу, а также и в согласии с духом правительственных мероприятий против раскола, святитель Филарет, время от времени, и с церковной кафедры вел более прежнего смелую борьбу с расколом по различным спорным пунктам учения, тем более, что теми же *Беседами*, равным образом, весьма сильно возбуждено и напряжено было внимание и православных. Так, кроме упомянутого выше места, в проповеди по освящении храма святого Николая в Толмачах, мы находим значительное число и других мест в произнесенных позже той, проповедях нашего святителя касательно раскола.

Сюда относится, например, замечательное место в начале проповеди Филарета, говоренной в Чудове монастыре 20 мая 1837 года, в день обретения мощей святителя Алексия. Вот это место: «Мы воспоминаем ныне Богомудрого наставника нашего, святителя Алексия, который как во все время святительства своего с благодатною силою глаголал слово Божие в назидание словесного стада Христова, так особенно потрудился в чистом изглаголании слова Божия, когда словенское предложение святого Евангелия с греческим подлинником поверил, и от несовершенств старого наречия, и от описок невнимательных переписчиков очистил и исправил. Сей подвиг, говорит теперь святитель Филарет, важен, между прочим, потому, что чрез него Святитель, Богом просвещаемый предварительно обличил неправое мнение людей, явившихся после него, которые даже доныне утверждают, будто в священных и церковных книгах, и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода заменить понятным, не позволительно и противно Православию. Они говорят: по старым не исправленным книгам спасались и спастись известные святые, такие книги поправлять, значит, портить. Если бы так рассуждал святой Алексей, то, конечно, не стал бы он ни поверять перевод, ни поправлять рукопись Евангелия, а должен был взять книгу Евангелия, какая в его время находилась в Успенском соборе, и сказать: по сей книге спасался и спастся святитель Петр, нечего здесь поверять и исправлять. Но он поверял и исправлял, и потому, очевидно, не так рассуждал, как новые ревнители не очень старой старины, а точно также, как и древле, и ныне

рассуждает православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и в неисправленных и исправленных священных и церковных книгах одна; но что, для сохранения и распространения сей самой истины, исправная книга лучше неисправной. Как предначинание и оправдание церковного исследования и исправления книг в последовавшие времена, Провидение Божие сохранило нам исследованную и исправленную святителем Алексием книгу святого Евангелия, и она являлась очам вашим в самое сие священно-служение, быв несена диаконом во святой алтарь». Не даром за тем вития наш, в видах перехода от вступления к самому изложению проповеди, говорит, что «от сего воспоминания» о святителе Алексии мы «тотчас получили полезное для всей Церкви наставление».⁹⁹⁶

Приведенное место могло служить хорошим уроком не только для всех раскольников всех толков, у которых, ври самом возникновении раскола, и весь сыр-бор, то, если можно так выразиться, загорелся, как известно, от исправления богослужебных книг при патриархе Никоне, и это было причиною отпадения их от Церкви, но и состоявших или считавшихся членами последней, в числе коих были и те люди, которых Филарет Черниговский не даром называл «раскольниками в штанах»,⁹⁹⁷ разумею противников заветной мысли святителя Московского Филарета о переводе Библии на русский язык или, по крайней мере, о исправлении её славянского текста и приближении его к современной, обще понятной речи. И, конечно, хорошо и мудро сделал святитель Московский, что эту проповедь 1837 гола, во свидетельство истины, поместил не только на страницах Петербургского духовного журнала: Христианское Чтение за 1838 год, но и в собрания своих проповедей 1844 и 1848 годов.

Далее, в 1840 году святитель Филарет, совершая небольшую поездку по епархии,⁹⁹⁸ 22 сентября освящал храм Воскресения Христова в известном селе Гуслицах, изобилующем раскольниками. По освящении храма он счел нужным сказать слово, и в этом слове, нарочито говоря с особенною обстоятельностью о важном значении храма Божия и

посещения последнего для участия в молитвах и богослужении церковном, для причащения святых Таин и т.д., поучает между прочим: «Должно посещать Церковь Божию с верностью, ей неизменною. *Вопрошал некогда пророк Илия Израильтян, доколе вы хромлете на обе плесне ваши (3Цар.18:21)?* Сею притчею он укорял их за то, что они, хотя, совсем от истинного Бога отрещись не дерзали, однако, и Ваалу, по примеру язычников, жертвы приносили. И между вами, Новый Израиль нет ли колеблющихся и непостоянных, у которых тогда, как истина и правая совесть ведут их путем Церкви, неправые внушения и примеры, виды корыстные и нечистые, преломляют твердость, и изменяют направление; которые хотят, по-видимому, быть учениками Евангелия, и между тем *прилагаются в научения странна и различна (Евр.13:9);* то держатся освященного Собора церковного, то уклоняются к собраниям неосвященным и самочинным, или ищут, сами не зная, чего, в скопищах тайных, где, как обличает апостольская прозорливость, *тайна деется беззакония (2Сол.2:7)?* И на сих не падает ли упрек Илиин: *доколе вы хромлете на обе плесне ваши?* Не благопоспешен в пути хромлющий на обе плесне. *Муж двоедушен не устроен во всех путех своих (Иак.1:8).* Не такими стопами праведные идут к Богу. Если желаете чрез святой храм достигнуть освящения не отъемлемого, и благодатною на земли Церковью, как лествицею, взыти в славную Церковь небесную, то прилепитесь к Церкви искренно, постоянно, неизменно, неколеблющеюся мыслью, нераздвоенным сердцем. *Держите, как учит апостол, исповедание упования неуклонное, не оставляющие своего собрания, то есть, Церкви апостольской» (Евр.10:23:25)*

И далее, в особенности внушая слушателям возможно чаще приобщаться святыни тела и крови Христовы, святитель-вения говорит еще: «не внимайте тем, которые говорят, будто может христианин обойтись и без сей святыни, или заменить ее другим способом освещения. *Небо и земля прейдет, словеса же Моя не прейдут (Мк.13:31),* глаголет Господь. Кто дерзнет изменить непреходящее слово Божие? Можно ли заменить

установление и дело Божие примышлением и делом человеческим?».⁹⁹⁹

Также и эту проповедь, как в назидание православным, нередко по простодушию или во каким-либо корыстным и другим видам, оставлявшим Церковь и склонявшимся на сторону раскола, так и в вразумление раскольникам и в предостережение тем из них, которые совращают православных в раскол или о том стараются, святитель Филарет допустил напечатать не только в отдельных экземплярах, но и в собраниях проповедей издания 1844 и 1848 годов. За тем, в 1845 году, когда, как нам известно, раскольники не только в России, но и за границей, употребляли особенные усилия к укреплению своего положения и будущности раскола в его отдельности от Церкви всероссийской, когда, не смотря на строгие меры правительства, они, благодаря подкупам и другим неблагоприятным средствам, с большею против прежнего ревностью продолжали свое самочиние и, при оскудении даже беглого поповства, употребляли еще более неблагоприятные способы в совершении молитв, богослужения и таинств, святитель Филарет в день святителя Алексия, 12 февраля, произносил известное нам слово на текст: *не мнози учителя бывайте*.

В этом слове, подобно как в слове на тот же текст, произнесенном в 1825 году, упомянув о Диотрефе церкви времен апостольских, святитель между прочим, говорит: «здесь нет Диотрефа: но, к прискорбью Церкви и священноначалия, вы можете не далеко отсюда встретить более, нежели одного Диотрефа, и при том имеющего последователей, не смотря на то, что он давно обличен словом апостольским. *От нас изыдоше, но не беша от нас*, обличает апостол Иоанн, отступивших от единства верования и от послушания Церкви. Не видим ли и ныне людей сего рода? От нас получили они начало веры и таинств, – *от нас изыдоша*, но уже не хотят быть нашими. Без призвания, без благословения, как кому вздумалось, поставляют себя учителями и, чтобы прикрыть не благообразие самочиния, отвергают Церковь, от которой получили все, что имеют, или мнятся иметь. *Первенстволюбец*

*Диотреф не приемлет нас. – Дух явственно глаголет, и предрекает чрез апостола Павла, о внемлющих духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью, между прочими ложными учениями и заповедями, возбраняющих жениться (1Тим.4:1–3). И, не смотря на сие предварительное обличение, духи лестчие являются, лжесловесники не стыдятся проповедовать, будто в нынешнее время совсем уже нет благословенного брака, будто теперь уже не Бог печется о продолжении рода человеческого; восстают против брака усильнее, нежели против того, что осуждается законом брака, а иные против истинных законов и брака, и девства вооружаются не только лжеучением, но и железом. Сколь ни ясны здесь черты духов лестчих и учений бесовских, однако, находятся внемлющие им. Многие само поставленные учителя умножают толки лжеучений; а нерассудительные последователи умножают лжеучителей. Встречаясь с теми и другими, припоминайте, братия, для себя и для них, предостережение апостольское, столь бедственно ими пренебреженное: не мнози учителя бывайте, ведяще, яко большее осуждение приимем. Помните, что положи Бог в Церкви पहले апостолов, второе пророков, третье учителей. И никто же сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон (Евр.5:4), по Богопреданному чину. Только званные Богом учителя верно приводят к Богу. Аминь».*¹⁰⁰⁰

К историческому разъяснению, особенно некоторых выражений этой выдержки из проповеди святителя Филарета, может служить следующее его донесение Святейшему Синоду от 28 апреля 1844 г. «При кроткой и снисходительной терпимости, читаем мы в этом донесении, которую законы его императорского величества оказывают заблуждающим от истинной веры, раскольники, особенно начальствующие на московском Преображенском кладбище, вместо того, чтобы с благодарностью пользоваться спокойствием, которое им предоставляется, действуют не только к нарушению спокойствия православной Церкви, но и к нарушению законов и порядка гражданского и к разрушению нравственности.

Сведения о сем открываются по случаям, частью при обращении некоторых от раскола к православию. Но большею частью не могут быть приведены в официальный вид, потому что и обращающиеся к православию не отваживаются открыто поставить себя свидетелями против раскольников, опасаясь мщения, к которому раскольники, при обширных денежных средствах, находят много способов. До сведения моего дошел список с так называемых *Отеческих завещаний*, которые в подлиннике подписаны старшими попечителями Преображенского богаделенного дома, Алексеем Никифоровым и другими. В начале сказано: *из книги пандекта*; но это только подлог, чтобы доставить уважение завещаниям. Содержание же завещаний состоит в том, чтобы браков никаких не признавать; чтобы раскольников, находящихся в брачном союзе с лицами, не принадлежащими к расколу, разлучать от брачного союза; чтобы в браках христианских родства телесного не признавать; что с 1666 года установленная Богом царская власть упразднися; что теперь христиане брачующиеся суть змиино гнездище сатанино, и бесов его прескверное дворище, что теперь о умножении рода человеческого промышляет сатана, и к зачатию младенца душа дается от диаволом. Не трудно усмотреть, что сии правила ведут и к мятежу, и к разврату, и к детоубийству».

И далее, в подтверждение того же святитель ссылается еще на две книжки, присланные святителю при отношении московского гражданского губернатора И. Г. Сенявина. В конце одной из них святитель встретил такую приписку. «*Сие отца Сергия предание предлоги и возражения на новоженские браки написаны в Москве, в Преображенском богоделенном доме, при главном настоятеле Семене Кузмиче и попечителе Алексии Никифоровиче, казначее Андрее Ларионовиче,¹⁰⁰¹ в лето 7350 (1842) месяца июня в 3 день мною грешным настоятелем Е. Г.*» (Егором Гавриловым). Из сего, заключает святитель Филарет, несомнительным образом открывается, что раскольники Преображенского кладбища не просто следуют старым погрешительным мнениям, но и вновь составляют зловердные правила, и распространяют их, даже с видом

формальности, за подписанием своих начальников. С вероятностью полагать можно, что на распространение вредных мнений особенно влияние имеет Семен Кузмин. В одной записке, писанной лицом, принадлежащим к Преображенскому кладбищу, но начинающим сознавать тамошние нелепости, сказано: «в Преображенском богаделенном доме явились разные неизвестные пришельцы, называющиеся старейшинами и настоятелями, и рассекающие вредные новизны, как главный настоятель Семен Кузмин, от той мятежнической прежде бывших здоров (sic) толпы оставший член, рассевающий вредные толки учения, как то, неповиновение властям и закону».¹⁰⁰² Наконец, в начале февраля 1846 года святитель Филарет приглашен был Бронницкими гражданами на освящение храма Пресвятой Богородицы, в честь иконы её Иерусалимские, в город Бронницы, также изобиловавший раскольниками, и уже дал согласие на поездку туда, приготовив и проповедь по предстоящему случаю. Освящение храма назначено было на 3 февраля. Но вместо Бронниц, Филарет в этот день из Москвы писал к наместнику лавры Антонию следующее: «Я сегодня не в Бронницах, а дома. поскольку в четверг надлежало решиться ехать, или не ехать, то в среду я испытал выехать из дома в Москве, и в следующую ночь получил зубную боль. Так недоумение кончилось. Отказаться было необходимо. Послал только вместо себя слово, которое обещался прочитать архимандрит».¹⁰⁰³

По этому и в начале этого слова болящий святитель-вита говорит: «хочу сделать, что могу, побеседовать с вами, если нельзя самолично, то, хотя, чрез другие уста».¹⁰⁰⁴ В слове своем, поучительность которого, конечно, не уменьшилась от того, что оно не было произнесено самим Филаретом, последний, избрав темою его рассуждение о том, «какое благо приобрели мы, когда приобрели освященный Храм Божий», и с обычною основательностью и обстоятельностью доказывая эту мысль, подобно тому, как и в Гуслицах в 1840 году, обращает опять отечески заботливые взоры свои на бывших и в Бронницах с его окрестностями глаголемых старообрядцев в их отношении к православию и к православным, говоря: «Нельзя

при сем не вспомнить с сожалением о тех, которые или долго уклоняются от святого храма, по нерадению, или совсем удаляются от одного, потому что, вследствие погрешительных мнений, хотят молиться не в святом храме, но на месте, которого Бог не избрал, и которого никто не освятил. Каких благ лишают они сами себя! И какому ответу подвергают себя пред Богом! – Удаляющиеся от святыни¹⁰⁰⁵ Церкви говорят, что сие делают они по старой вере. Удивительно, как люди могут извращать истину, если того пристрастно захотят. Где нашли они старую веру без священноначалия и без освященных храмов? Эта вера очень новая; двух сот лет не прошло еще, как она возникла. Истинно старая вера от начала христианства имела и имеет непрерывное священноначалие и освященные храмы», при чем далее святитель-вита представляет в пример такого удаления от храмов и священноначалия древних самарян, которым, в лице жены-самарянки, Спаситель Господь сказал: *вы кланяетесь, Его же не veste, мы кланяемся, Его же ве мы* (Ин.4:22), а в заключение предлагает надлежащее и прекрасное предостережение от увлечения сим примером.¹⁰⁰⁶ Посылая эту проповедь, при письме от 11 февраля, к ректору Московской духовной академии архимандриту Евсевию (Орловскому), святитель Филарет писал последнему: «если хотите дать ей место в вашем издании, то напечатайте несколько экземпляров особо, для бронницких граждан. Если не хотите, то примите труд велеть снять список, и процenzоровать, и доставить мне, также для бронницких граждан».¹⁰⁰⁷ Конечно, проповедь напечатана была и в академическом издании (Творения святых отцов) и отдельными оттисками, как занесена потом и в собрание издания 1848 года. Благим последствием всех этих и подобных¹⁰⁰⁸ поучений с церковной кафедры касательно спорных пунктов учения между православными и раскольниками были нередкие случаи обращения последних в православие, случаи, о которых, как мы видели выше, упоминал и сам святитель-проповедник в своем донесении Святейшему Синоду от 28 апреля 1844 года.¹⁰⁰⁹ Но более всего мы в этом отношении имеем в виду расширение пределов единоверия в

Москве, о котором, поэтому, мы теперь и скажем, по-прежнему, полагая в основание проповеди Филарета.

В 1840 году на Московском единоверческом кладбище совершилось событие весьма утешительное для Православной Церкви, матерински пекущейся о возвращении в свое лоно отпадших чад её – раскольников. Существовавшее еще со времен митрополита Платона небольшое число присоединенных из раскола к православной Церкви на условиях и по правилам единоверия, в святительство Филарета, хотя, по не многу, однако, все увеличивалось, благодаря чему в Рогожской части имелось уже два единоверческих храма,¹⁰¹⁰ а в означенном 1840 году был заложен даже особый храм на кладбище, во имя Всех Святых.

Святителю Филарету давно уже хотелось своим личным присутствием и словом ободрить единоверцев, которых раскольники ненавидели не менее, как и православных, и укрепить их союз с общею материю-Церковью, дабы они могли быть более ревностными и успешными деятелями и по обращению других раскольников к единоверию. Заложение храма представило для сего наилучший случай. И святитель Филарет, пред заложением этого храма 8 сентября означенного 1840 года, посетив Троицкую единоверческую Церковь, произнес в ней пред окончанием литургии, им же соборне совершенной, замечательное слово, в котором раскрывает и свои личные архипастырские отношения к единоверию, и глубокое учение о единстве и общения в вере.

Начав свою проповедь с текста слов святого апостола Павла из его послания к римлянам: *желаю видети вас, да некое подам вам дарование духовное ко утверждению вашему, сие же есть, соутешитися в вас верою общею, вашею же и моею* (Рим.1:11–12), наш святитель-вития прилагает их к себе и говорит: и я «уже давно желаю видети вас, братия, в вашей собственно Церкви, и теперь исполняется мое давнее желание». И затем, указав на немощь свою, как на главнейшую причину того, почему он доселе не мог исполнить своего желания, спрашивает: «для чего я желал, или лучше, для чего должен был желать увидеться с вами здесь, и для чего вам

прилично было желать сего? ибо я нахожусь ныне здесь, как по моему давнему желанию, так и по вашему неоднократному приглашению». В ответ на этот вопрос он опять приводит в пример апостола Павла, который своими последующими словами приведенного текста выражает желание найти у римлян «общую веру и общение в вере, ближайшим образом дознать и открыть, что» они «точно единоверцы ему, и он единове́рец римлянам. И в сем дознании он уповает обрести *соутешение*, то есть, взаимное утешение; римлянам от него, и ему от римлян, и не просто утешение человеческое, но *дарование духовное*, дар Святаго Духа Утешителя». Само собою разумеется, что опять то же проповедник прилагает и к себе с Московскими единоверцами, и затем, в виде перехода к указанию темы своей проповеди, продолжает речь таким образом: «Не домогаюсь покорить вас моему слову, покоряюсь слову Евангельскому и апостольскому, и в покорении ему желаю быть вместе с вами. Послушайте еще, как оно проповедует и заповедует не только веру каждому порознь, но и всем в совокупности общение и соединение веры». И далее, попятно, на основании слова Евангельского и апостольского, подробно и убедительно излагает помянутое учение о единстве и общении в вере и о необходимости единения в сем. А потом, прилагая опять это учение к слушателям, говорит сим последним: «Знаю, братия святого храма сего, что единоверие ваше не для всех кажется ясным, во-первых, потому, что видят у вас некоторые богослужебные обряды и обычаи, по внешнему образу отличные от употребляемых в великой Церкви, хотя, впрочем, не противоречащие духу и значению оных, как дознано испытанием не кратковременным; во-вторых, потому, что держащиеся сих обрядов некогда подвержены были осуждению церковному, когда держались оных с преслушанием Церкви и с отторжением от единства её. Но не разрешаю ли уже я сих недоумений, когда только произношу их? Где есть единый дух веры и единение духа в любви и в послушании, так как слово апостольское повелевает христианам быть *чадами послушания* (1Пет.1:14); там некоторое случайное разнообразие в обрядах не есть разделение; и от суда, произнесенного на непокоривых, по

справедливости освобождаются послушные. Так рассуждать не мы начали ныне, и не наши предшественники недавно,¹⁰¹¹ так рассуждала и поступала святая Церковь и в первые свои времена по требованию обстоятельств».

В пример и подтверждение сего святитель-вения и приводит возникший во II столетии по РХ между восточными и западными христианами спор о времени празднования Пасхи, легко прекратившийся и не препятствовавший их единению в вере. «Кто размыслит, продолжает затем проповедник, о сказанном теперь, внимательно и беспристрастно, тот, надеюсь, ясно увидит, как и ныне святая Церковь согласна сама с собою, когда к искренно желающим быть чадами послушания снисходительно простирает свои матерния объятия и, твердо держа свои общие древние обряды и благочестивые обычаи, не поставляет, однако же, в преграду единоверию некоторых частных старого времени обрядов, при уверенности в единстве догматов, таинств и священноначалия. Итак, братия, заключает свою речь к единоверцам наш вения, нет нам препятствия *соутешитися верою общеою*, как истинным *дарованием духовным*, если только искренно сего желаем и усердно взыскуем».

Но так как проповедь сказана была пред заложением храма, на построение коего, кроме хлопот и издержек особенно одного из единоверцев, употреблены были хлопоты и собраны пожертвования и от других лиц, то в конце её святитель не преминул указать и на это обстоятельство. «Благословение Господне, говорил он здесь по преподании благословения всем вообще присутствовавшим в Церкви единоверцам, да приидет и на благое начинание, к которому теперь мы приближаемся, чтобы с самым началом дела, в последствии святого, соединить начало освящения. Да примет Господь добровольную жертву рабов Своих, которых сердца Он подвигнул на дело благочестия и человеколюбивого странноприимства; и да возниспослет им Свою Божественную благодать в щедроты. Да оснует храм Свой, да созиждет, да освятит, да утвердит. И прежде почившие в надежде воскресения братия святого храма сего да примут новое утешение в том, что место упокоения их приосенит святой храм, с присною за них молитвою и с бескровною жертвою. И

душа новопреставленного раба Божия Петра, который не дат себе покоя, *дондеже обрете место Господеви, селение Богу Иаковлю*, а обретши тотчас упокоен судьбой Божией в самом начале и основании дела своего, да водворится у Господа в месте светле, в селении праведных, в вечно блаженном единстве *Церкви первородных на небесех написанных. Аминь*». ¹⁰¹²

Единоверцы, чрезвычайно утешенные всем совершившимся 8 сентября, пожелали, чтобы эта прекрасная проповедь была напечатана отдельными брошюрами для постоянного назидания их. И Филарет дал полное согласие на исполнение их желания. Проповедь была напечатана отдельно; ¹⁰¹³ а потом вошла и в собрания 1844–1845 и 1847–1848 годов. Посылая экземпляр отдельного оттиска её известному борцу с расколом, архиепископу Пермскому Аркадию (Феодорову), святитель Филарет писал ему от 1 января следующего 1841 года: ¹⁰¹⁴ «За московских единоверцев я благодарю Бога. Только они не многочисленны. Посылаю проповедь, у них говоренную и ими напечатанную». ¹⁰¹⁵

Как ни были, однако, не многочисленны московские единоверцы, но недаром святитель Московский благодарит за них Бога и соутешался их верою. В них не было того духа, который побуждал, например, некоторых из Пермских «новых единоверцев и благословения от архиерея не принимать». ¹⁰¹⁶ Они были поистине *чадами послушания*. Но и этого мало. Недаром сказали мы выше, что святителю Филарету хотелось лично посетить единоверческую церковь и побеседовать с единоверцами, дабы не только укрепить их собственный союз с Церковью, но и чрез них привлечь к тому же союзу и самих раскольников. И в своей вышеприведенной проповеди он прямо выражает это желание. В виду приведенных в ней слов св. апостола Павла: *не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите* (Флп.2:4), святитель-вития увещевает единоверцев: «Ищите блага, утешения и спасения не себе токмо, но и ближним; да упрочится надежда спасения вашего, да умножится радость спасения общего. Обретайте спасительное утешение в единении с единою святою Церковью, и приносите матернему

сердцу её утешение вашим искренним ей послушанием. Не довольствуйтесь быть только как-нибудь ей не чуждыми, подвизайтесь, *да будете*, по слову Господню, *совершены во едино* (Ин.17:23). Духом чистого единения и любви и примером благозаконного жития споспешествуйте, да придут в безопасную ограду единства церковного и *ины овцы, яже не суть от двора сего*». ¹⁰¹⁷

И это отеческое по истине слово святителя Филарета имело благой плод в слышащих. После этого число единоверцев и обращавшихся от раскола к православию все более и более увеличивалось в Москве, не смотря на вскоре же затем последовавшее нововведение у раскольников, – Белокриницкую иерархию. В Москву собственно и именно до слуха святителя Филарета известие о сем нововведении дошло лишь в начале 1848 года. ¹⁰¹⁸ «Хвалящиеся любовью старины, писал святитель к архиепископу Аркадию, с которым вообще делился своими мыслями и наблюдениями по части раскола более чем с другими архиереями, возлюбили новости. Была новость – беглые священники; но как она довольно устарела, то изобрели еще новую – беглого архиерея». ¹⁰¹⁹

Но не смотря, говорим, на это нововведение, имевшее целью, по-видимому, то, чего искали и единоверцы в православной Церкви, число последних умножалось значительно. Этому способствовали, кроме деятельности самих же единоверцев (и православных, конечно) по обращению своих бывших собратий, глаголемых старообрядцев к единоверию, как усиленные, вследствие означенного нововведения, меры правительства к ограничению области распространения и действий раскола при ограничении и самых прав раскольников по сравнению с православными и единоверцами, так отчасти и гибельные последствия того же нововведения в среде самих раскольников, разделившихся, благодаря тому, еще на большее прежнего количество партий, старавшихся унижить и даже уничтожить одна другую.

Уже самый первый Белокриницкий архиерей Амвросий (бывший Боснийский) не понравился многим раскольникам-поповцам во многих отношениях. «Он служит, писал от 10 марта

1848 года Филарет к Аркадию, по тем греческим книгам, по которым исправлены наши славянские. Для не одобряющих исправленного перевода, неодобрителен и подлинник, по которому сделано исправление. Из Чернигова пишут,¹⁰²⁰ что Буковинский архиерей навлек на себя сомнение и другим новшеством, более очевидным: «нюхает и курить табак, что обыкновенно делают греки».¹⁰²¹ Все это и подобное, в своей совокупности, повторяем, умножало число единоверцев московских, так что в 1848–1849 годах Москва могла поделиться единоверческими священнослужителями даже и с одною из южных епархий.¹⁰²²

Но особенно с 1853 года началось весьма значительное усиление единоверия в Москве, благодаря чему потребовалось увеличение числа единоверческих приходов здесь. И что более всего было утешительно, так это то, что усиленное движение из раскола к единоверию стало совершаться тогда в главных гнездилищах раскола, сперва на Преображенском, а потом и на Рогожском раскольнических кладбищах, и при том как раз совпало с прибытием в Москву и первыми действиями в ней первого раскольнического архиерея Антония (Шутова). Это было подлинно великою победою православия над расколом, и недаром поздравлял Филарета с этою победою знаменитый архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов), давно уже с живым участием относившийся к успехам единоверия в Москве,¹⁰²³ и с таким же интересом следивший за означенными гнездилищами-центрами не только Московского, но и всероссийского раскола. Отвечая на это поздравление, Филарет от 6 января 1854 года писал Иннокентию: «Некоторая духовная победа над кладбищами совершилась Провидением Божиим и тем, что зло их облачилось сильнее прежнего. Была бы она полнее, добавляет, однако же, святитель, если бы некоторые, имеющие значение, мысль о терпимости не обращали в покровительство».¹⁰²⁴ Помолитесь о возвращении еще блуждающих во двор Христов истинный».¹⁰²⁵

В марте того же 1854 г. святитель Филарет и официально повел дело о совершившемся присоединении раскольников к единоверию и о просьбе присоединенных обратить одну из

часовень Преображенского кладбища в единоверческую церковь. Именно 19 марта сего года Филарет писал к графу Протасову следующее: обращенное правительством внимание на прекращение беспорядков на так называемом, в Москве, Преображенском кладбище (которое, под видом богаделенного дома, заключало в себе людей, чуждых православной Церкви, содержащих и распространяющих учения, сколь противные Церкви, столько же предосудительные в отношении к правительству и общественной жизни), для рассудительных последователей Преображенских наставников сделалось случаем к такому движению умов, по которому они начали сознавать неправильность своего положения в отношении к вере, и получили расположение к соединению с святою Церковью. Сего марта 11 дня, Троицкой единоверческой церкви священник Иоанн Березин донес мне о совершившемся присоединении таковых, в числе 10 душ. 17 дня благочинный, священник единоверческой церкви Василий Михайлов¹⁰²⁶ представил донесение о совершившемся присоединении таковых же к единоверческой церкви 53 душ. А 18 дня новоприсоединенные единоверцы вошли ко мне с прошением, за подписанием 16 человек, большею частью начальников семейств, чтобы одну из находящихся на Преображенском кладбище часовен, ими избранную, обратить в единоверческую церковь, дабы чрез определенного епархиальным начальством священника с причтом отправлялось богослужение и все духовные требы, по древним уставам. Представившие сие прошение объяснили, что они считают доныне около ста душ, имеющих принадлежать к ново учреждаемой единоверческой церкви, и если еще не более, то потому, что они, обдумывая сие предприятие, не спешили сделать оное гласным. Когда же церковь действительно откроется, можно надеяться, что число присоединяющихся к ней сильно возрастет будет. Надежду сию можно почесть основательною, между прочим, потому, что в числе подписавшихся под прошением о церкви находятся значительнейшие лица из принадлежавших, по верованию, к Преображенскому кладбищу,¹⁰²⁷ и от примера их можно ожидать полезного действия на других. Просители изъявляют желание,

чтобы просимая церковь открылась, по возможности, без умедления. И поскольку для устройства главного престола в избранной ими каменной часовне нужно пристроить к ней алтарь, чего в скорости сделать не можно, то они желают на первый раз устроить внутри её придел во имя святителя и чудотворца Николая. Расположение здания благоприятствует сему. Надобно только поставить иконостас, престол и жертвенник. Иконы для сего иконостаса уже есть в виду из упраздненной прежде часовни. Просители обозревали их. План иконостаса готовится. Просители обнадеживают, что содержание причта будет обеспечено их усердием. Все вышеизложенное дает основание к следующим заключениям:

1) испросить высочайшее Его императорского Величества соизволение на устройство, согласно с прошением, единоверческой церкви, в здании часовни.

2) Для совершения в ней богослужения, на первый раз, назначить благочинного, священника существующей единоверческой церкви, Василия Михайлова¹⁰²⁸ (чего и желают новоприсоединенные) и причетника от той же церкви.

3) В последствий времени иметь суждение о том, утвердить ли сего священника при новой церкви окончательно, или избрать другого, а его возвратить на прежнее место служения.

Соответствуя усердию просителей, поспешаю обратиться к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою доложить, о сем Государю императору и испросить высочайшее Его Величества повеление». ¹⁰²⁹

По всеподданнейшем докладе этого письма, государь император, в 22 день того же марта. высочайше начертать изволил: *«Слава Богу. Душевно радуюсь, в надежде, что чистосердечно»*.¹⁰³⁰ Согласно сей высочайшей воле Филарету, указами Святейшего Синода от 27 марта за № 184 и от 29 марта же за № 186, предписано было привести в исполнение определение Святейшего Синода об обращении одной из часовень Преображенского кладбища в единоверческую церковь и о распоряжениях по сему делу донести Святейшему Синоду. 3 апреля сам святитель Филарет совершил освящение этой церкви во имя святителя Николая, а от 5 апреля и донес о том

Святейшему Синоду, при чем сообщал, между прочим, что при освящении сего храма употреблен древний антиминос, освященный при святейшем патриархе Филарете;¹⁰³¹ что священно-служение освящения им совершено во всем по древнему чину, при сослужении священников существующих в Москве единоверческих церквей; что кроме единоверцев, при сем священно-служении присутствовали приглашенные особы высших званий,¹⁰³² граждане православные и частью принадлежащие к поповщинскому толку; что народ наполнял храм и окружал его отвне,¹⁰³³ во время троекратного обхождения его по чину освящения; и что число вступающих в новый к сей церкви единоверческий приход, ко дню освящения храма, возросло выше 150.¹⁰³⁴ На докладе об этом донесении Государю императору благоугодно было также написать: Слава Богу.¹⁰³⁵ 12 августа того же 1854 года к этой церкви переведены были священник, диакон и причетник от единоверческой, в Михайловской слободе, церкви, и святитель же Филарет исходатайствовал сему причту от Святейшего Синода приличное жалованье.¹⁰³⁶

Между тем еще в 1853 году, вслед за раскольниками Преображенского и некоторые раскольники Рогожского кладбища изъявляли желание принять единоверие и также обратить одну из часовень Рогожского кладбища в единоверческую церковь. Но тогда они ставили для сего между прочими такие условия, которых принять было нельзя. В 1854 году, когда дело о Никольской единоверческой на Преображенском кладбище церкви увенчалось желанным успехом. Рогожские раскольники, искавшие единоверия, возобновили свое прошение об обращении часовни в церковь, но теперь «уже без настояния на особенные исключительные правила». Главным двигателем этого дела был известный купец Владимир Андреевич Сапелкин, при сочувствии и содействия купцов М. Н. Кабанова. Д. П. Фомина и других. 17 сентября ими и другими предполагаемыми прихожанами будущей единоверческой Церкви подано было митрополиту Филарету о том прошение, согласно которому бывшая раскольническая часовня 23 сентября, подобно Преображенской Никольской,

освящена в единоверческую церковь также во имя святителя Николая. Освящение на этот раз совершал (за невозможностью того, в виду близости праздника преподобного Сергия, для самого Филарета) опытный в священно-служении по древнему чину священник Московской Всесвятской единоверческой церкви Симеон Николаев Морозов, в сослужении с двумя единоверческими же иеромонахом и священником, при чем, узнав содержание выданной митрополитом Филаретом грамоты на обращение часовни в церковь,¹⁰³⁷ многие и другие раскольники, бывшие при священнодействии освящения, изъявили желание принять единоверие. Обо всем этом, равно как и об остальном, относившемся к тому же делу. Филарет донес Святейшему Синоду от 25 сентября 1854 года.

Донесение это также было доложено Государю императору, и государь опять начертал на докладе: «Слава Богу, хорошее начало», о каковой резолюции Его Величества Святейший Синод известил Филарета, с присовокуплением и своей ему признательности и благодарности за его труды и распорядительность по означенному благу делу, а список с данной им по сему случаю грамоты разослал епархиальным преосвященным, для надлежащего сведения.¹⁰³⁸

Объясняя некоторую поспешность, с какою дано было согласие на обращение часовни Рогожского кладбища в единоверческую церковь, хотя, еще и не велико тогда было число будущих прихожан сей церкви. Филарет в упомянутом сейчас донесении своем Святейшему Синоду представлял для того следующие весьма важные причины:

«1) Подписавшие и представившие прошение оказали в сем такую решимость и усердие, которые побуждали соответствовать им подобною решимостью и готовностью исполнить их желание.

2) Они уверяли меня, что знают не малое число людей, расположенных присоединиться к единоверию, когда откроется церковь,¹⁰³⁹ но по разным обстоятельствам не решающихся открыть себя ранее.

3) Они своею решимостью совершили подвиг, в котором надлежало их неукоснительно поддерживать; потому что, хотя,

между ними есть весьма значительные лица по рассудительности, благонамеренности и положению в обществе, но Рогожский раскол имеет еще неукротенных поборников, сильных богатством и привычным на других влиянием, и возбуждаемых корыстными видами, и сии люди расположенных к миру с церковью стараются расстраивать, то лжеумствованиями, то укори́знами, то покушением вредить им в делах.

4) Тяготеющая над раскольниковым многолюдством сила богатых и ожесточенных расколоводителей действительно такова, что многие, особенно маломощные, не смеют обнаружить своего расположения к церкви, хотя, и имеют оное. Даже один почетный гражданин, лично мне изъявивший желание присоединиться к единоверию и быть прихожанином ново-учреждаемой церкви, когда надобно было объявить сие письменно, не решался обнаружить себя рано подписью под прошением, которая неизбежно многим известна, а прислал ко мне о сем отдельное письмо. В сих обстоятельствах нужно было явным делом показать, что раскол не есть непобедим и пленникам раскола в самом месте их плена открыть свободный вход в Церковь.

5) Уже несколько лет известно, что деньгами и происками Рогожских раскольников устроена заграницею лжемитрополия Белокриницкая; что там поставлены для русских раскольников два лжеепископа; что они, под гражданскими именами и званием, тайно бывают в Москве и в других городах, и ставят для раскольников лжесвященников. Недавно из Рязани получено мною сведение,¹⁰⁴⁰ что там открыто письмо раскольникового лжеепископа к мирянину, как видно, расколоводителю, в котором лжеепископ извещает о поставлении Белокриницкою лжемитрополией нового лжеепископа, с наименованием архиепископа Владимирского, и изъявляет недоумение, признать ли его, потому что он поставлен без согласия двух прежних русских лжеепископов.

Не нужно объяснять, как опасно для словесного стада, когда волки уже не отвне видимо нападают, но среди овец в овчей одежде, не усмотримые стражами, ходят. Долг верности к

святой Церкви и к благочестивейшему императору не позволяет мне скрыть и той мысли, что допущение и даже покровительство иноверным иностранным правительством¹⁰⁴¹ нелепой Белокриницкой лжемитрополии едва ли может быть изъяснено иначе, как недобрым намерением простираť чрез нее недоброе влияние на Россию в религиозном и государственном отношении.

Итак, по всем сим соображениям надобно было неукоснительно воспользоваться законно представившимся случаем – посеять доброе семя на земле Рогожского кладбища, на которой выросло и с которой разнесено столько злых плевел». ¹⁰⁴² И доброе семя принесло скоро же еще добрый плод. 19 декабря того же 1854 года совершилось освящение другого единоверческого храма на Преображенском кладбище, именно храма в честь Воздвижения Креста Господня. Не смотря на болезненное состояние свое, святитель Филарет склонился на убедительную просьбу единоверцев о том, чтобы он сам освятил этот храм. «Помолитесь, писал поэтому святитель к наместнику Лавры Антонию накануне дня освящения, чтобы Господь не лишил меня пощады и помощи завтра. Служение продолжительное, и по старым книгам имеющее трудный чин». ¹⁰⁴³

Однако, Господь помог святителю не только совершить освящение храма, но и произнести проповедь по освящении. «Видно, вы помолились за меня в воскресенье, писал Филарет тому же Антонию от 22 декабря, указывая на воскресенье 19 декабря, четыре часа двадцать минут служения в единоверческой церкви, и около двух часов пути туда и обратно не оказались превышающими возможность моей немощи». ¹⁰⁴⁴ По истине *сила Божия в немощи совершается*. Эта же *сила Божия*, т.е. благодать Духа Святого умудрила святителя сказать и прекрасную проповедь в единоверческой церкви. Мы разумеем его «Беседу по освящении храма Воздвижения Креста Господня в Преображенском Богаделенном доме», вскоре же по произнесении её напечатанную и в тогдашних Московских светских газетах, и в периодическом издании Московской духовной академии, и в собраниях проповедей Филарета,

позднее вышедших в свет. Начинает свою беседу святитель сопоставлением только что освященного храма с храмом Соломоновым ветхозаветным и указывает именно на радость участников торжества освящения, подобную радости торжества освящения храма Соломонова, описываемой в 3 книге Царств (3Цар.8:66).

Но затем вскоре же от общих о сем рассуждений переходит к частным мыслям, касающимся прямо раскола и единоверия. «Радость наша, говорит он, получит особенный вид, если помыслим о судьбе сего места, и сравним нерадостное прошедшее с радостным настоящим. За восемьдесят три года пред сим, здесь было пустое место; а потом устроилась больница для страждущих губительною болезнью и место погребения умерших от губительной болезни.¹⁰⁴⁵ Печальное начало! Желаю осветить сие несветлое воспоминание мыслью о человеколюбии основателей сего учреждения, о смелости действия их в опасное время, о постоянстве и щедрости, употребленных для того, чтобы сие временное учреждение не прекратилось, но поддерживалось, возрастало и возвышалось в своем значении. Но все сие пред оком духовным покрывает печальная тень. Под кровом человеколюбия мнило здесь поставить седалище веры, но в таком обществе людей, которое, вследствие давно возникших распрей и усиленно изысканных сомнений о вселенской православной Церкви, само себя поставило в отчуждении от вселенской православной Церкви. Молю всех, слушающих меня теперь, слушать мирно и благодушно, и не огорчаться, если в слове моем покажется нечто для некоторых неприятным. Желаю быть со всеми в мире и духом и словом, но судьбой Божией возложенное на меня служение обязывает меня в духе мира возвещать истину, иногда и неприятную, на спасение душам: *нужда бо ми на лежит, горе же мне есть, аще не благовествую* (1Кор.9:16). Внемлю слову Господню: *не судите, да не судами будете* (Мф.7:1), и слову апостола: *прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь, иже во свете приведет тайная тмы, и объявит советы сердечные* (1Кор.4:5) и не желаю судить никого даже из тех, которые слишком жестокие суды произносят на святую

Церковь; а желаю и молю Спаса всех Бога, да покроет всякий грех неведения Своим беспредельным милосердием, да рассеет Своим Божественным светом туман сомнений, покрывающий некие души; да приведет овцы, яже не суть от двора сего, в единый двор единого Пастыря Иисуса Христа. Но я был бы виновен и пред правоходящими, если бы молчал, и не остерегал их от пути не правого рассуждения, и пред неправоходящими, если бы молчал, и не указывал им пути правого рассуждения. Была на сем месте и в прошедшие восемьдесят лет исповедуема вера во единого Бога Отца, Вседержителя, и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия. Единородного, прежде век рожденного, единосущного Отцу, Бога истинного, от Бога истинного, нашего ради спасения воплотившегося, страдавшего, погребенного, воскресшего, восшедшего на небеса, сидящего одесную Отца, паки грядущего со славою судити живых и мертвых, и Духа Святого, такожде истинного Господа, от Отца исходящего, купно со Отцом и Сыном покланяемого. Сия вера апостольская. Сия вера Отческая. Сие есть твердое основание веры для всей Церкви вселенской. Но что на сем основании строили здесь? Злато-ли? Серебро-ли? Честное ли камение? Положите в горнило слова Божия главнейшие учения, здесь господствовавшие, и посмотрите, что окажется».

И далее на сем основании слова Божия, наш святитель-вения обличает и опровергает главнейшие, господствовавшие на Преображенском кладбище раскольнические учения, именно: отрицание необходимости священства (беспоповщину), отвержение таинства Причащения тела и крови Христовой и новое лжеучение о браке и девстве.

А в заключение говорить: «Благословен Бог, иже всем человеком хочет спастися. Благословенна благодать Господня, просвещающая всех, не смежающих очей от света её. Благословенны души, беспристрастным умом и искренним сердцем ищущие истины, благодати и спасения. Се, в едино лето второй уже храм освящается здесь, и просвещает место сие. *Призри с небесе Боже, и виждь, и посети, и утверди, и*

*возрасти, и распротрани виноград сей, его же насади десница Твоя! Аминь».*¹⁰⁴⁶

Молитва святителя была услышана Богом. Распространение единоверия на Преображенском раскольническом кладбище шло, хотя, и не без препятствий со стороны закоренелых раскольников, все далее и далее,¹⁰⁴⁷ и, быть может, даже все «*овцы, яже не суть от двора сего*», чрез двери единоверия приведены были бы в единый двор овчий – Церковь Христову, если бы вскоре после описанного события освящения единоверческого храма не последовала преждевременная кончина императора Николая, действовавшего в отношении к раскольникам по правилам истинно-православного прозорливого и неуклонно последовательного государя, и не повлекла за собою значительного ослабления правительственных мер против раскола, до того времени весьма много содействовавших православию в борьбе его с последним.

Уже и чрез единоверие мы имели утешение от темных сторон, «печальных теней» истории Русской Церкви перейти к светлым чертам её. Еще светлее черты эти представляются в одном событии, ознаменовавшем собою царствование Николая и озарившем светом небесным все это царствование. Разумею открытие святых мощей святителя Воронежского Митрофана, наглядно показавшее раскольникам, сколь ошибочны мнения их о том, что со времени Никона в церкви русской и государстве российском царствует антихрист; ибо святитель Митрофан (или Митрофаний) блаженно почил уже при Петре Великом. Это открытие совершилось в 1832 году. Еще от 17 марта сего года святитель Филарет из Петербурга писал к наместнику Лавры Антонию: «Скажу вам новость лучше тех, о каких пишут в публичных листах. Дело об открытии мощей святителя Митрофана, первого епископа Воронежского,¹⁰⁴⁸ получило благоприятное начало; знамения истины и благодати есть; можно надеяться, что сие совершится к славе Божией и утешению Церкви. Господу помолимся».¹⁰⁴⁹

Святителю Филарету «даровано было, по его же собственным словам, первому подать голос о признании и

прославлении сущей в нем благодати Божией».¹⁰⁵⁰ Затем в июле месяце того же года состоялось и самое торжество открытия мощей, а митрополиту Филарету Святейшим Синодом поручено было составить сказание о сем открытии, каковое поручение он и исполнил ко времени празднования памяти святителя Митрофана 23 ноября того же 1832 года.¹⁰⁵¹ Служба и житие новоявленного святителя и чудотворца составлены были гораздо позже.¹⁰⁵² Как события весьма важного в истории Русской церкви того времени, святитель Филарет не мог не коснуться его и в своих проповедях.

И, во-первых, вскоре же после открытия мощей св. Митрофана, произнося слово в день тезоименитства государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича 30 августа того же 1832 года и в нем призывая слушателей к страху Божию и почитанию царя, на основании слов апостола: *Бога бойтесь, царя чтите* (1Пет.2:17), Филарет между прочим, говорит: «Если непосредственно подле великой заповеди: *Бога бойтесь*, могла стоять заповедь: *царя чтите*, тогда, как царь не чтит истинного Бога и преследовал Его чтителей,¹⁰⁵³ то как и священна, и легка, и сладостна должна быть для нас сия последняя заповедь, когда царь, над нами царствующий, не только знает и исповедует единого с нами истинного Бога, но и освящен помазанием Божиим, покровительствует истинное благочестие своею властью, уполномочивает своим примером, ограждает своими законами и правосудием, чтить святых Божиих, как и недавно почтил он с Церковью новопрославленного Святителя Митрофана».¹⁰⁵⁴

Затем, в следующем 1833 году, по освящении храма, устроенного в честь святителя Митрофана над южными воротами при богаделенном доме в женском Хотькове монастыре, 29 июня святитель Московский, говоря проповедь по сему случаю, в самом начале этой проповеди, обращаясь к самому новоявленному чудотворцу Митрофану, говорит: «Сей храм, по всей вероятности, есть первый, который украшается ново прославленным именем твоим, святителю и чудотворче Митрофане. Приими сей начаток, сию добровольную жертву веры; представи оную великому Архиерею, прошедшему

небеса. Господу нашему Иисусу Христу; сотвори ее благоприятну Богу; дополни и дополняй твоими благоприятными молитвами недостаток наших молитв, ныне принесенных о храме сем, и отныне во храме сем приносимых, не попусти праздну быти благодатному имени твоему, нареченному на храме сем, но посещай оный, яко тебе верую нашею усвоенный; благослови и упаси душу, сей дар усердия тебе принесшую,¹⁰⁵⁵ и всем храму сему служащим и в него притекающим споспешествуй, да и сами, по апостольскому слову, *яко камение живо, зиждутся во храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богу, Иисус Христом*. Веруйте, обращается теперь вития к слушателям, и не сомневайтесь, чада веры, что прошения наши, теперь изреченные, и слышит, и приемлет и не отречется исполнять избранный нами Предстатель пред Богом. Ибо для чего иначе и прославил его Бог на земли, довольного славою небесною, и не имеющего нужды в славе земной, – для чего иначе, если не для того, чтобы чрез сию славу открыть и указать его нашей вере, в чтобы, по сей вере, принимать его за нас предстательство, и исполнять наши во благих желания?». И далее предлагается наставление слушателям о том, какие и с нашей стороны требуются условия к исполнению Богом, по ходатайству святых, наших прошений и желаний, и к тому, чтобы мы созидались в храм духовный.¹⁰⁵⁶

После того, конечно, устроено было много и еще храмов и приделов при храмах, в честь святителя Митрофана, как в самой Москве, так и в Московской епархии. Между прочим, по желанию прихожан, устроен был придел в честь святителя Митрофана в Московской церкви Троицы на Капельках, при коей старостою состоял давний знакомец и искренний почитатель митрополита Филарета, пользовавшийся, в свою очередь, и полным уважением последнего, М. М. Евреинов. По устройстве придела, когда староста явился к Филарету для того, чтобы испросить у него разрешение освятить придел, Филарет, как пишет сам Евреинов в своих Воспоминаниях о Филарете, спросил старосту: «а кто же будет у вас освящать? Я отвечал (пишет Евреинов): тот, кто от вас назначен будет. А разве вам

не угодно будет, чтобы я освящал? – Напротив, отвечал я, очень бы желал сего, но не смел вас беспокоить. Он сказал, что это его нисколько не может беспокоить и что он с удовольствием исполнит мое желание, и прибавил, что в следующее воскресенье, которое приходилось 9 декабря, он готов будет для сего». Действительно, 9 декабря 1834 года¹⁰⁵⁷ состоялось освящение придела, и Филарет почтил торжество освящения не только своим в нем священнодейственным участием, но и произнесением проповеди, а после литургии и участием в трапезе, предложенной гостеприимным старостою.¹⁰⁵⁸ Так как 9 декабря в означенном году приходилось в 26-ю неделю по Пятидесятнице, то Филарет, лишь в начале своей проповеди коснувшись торжества освящения, потом прямо и исключительно предлагает в ней поучение на текст из Евангелия той недели: *так собирай себе, а не в Бога богатея* (Лк.12:21), так что по этому в полном своем виде эта проповедь сохранилась лишь в рукописном Евреиновском сборнике, из которого и напечатана в издании сочинений Филарета 1873–1885 годов, а в собрания 1844 и 1848 годов вошла без того начала, которое нисколько не мешало целости и назидательности её и без сего начала, которое, однако, в настоящую пору более всего и интересует нас.

Вот это начало: «Тайно-действующею благодатью Божией освящен ныне сей храм, благочестивым усердием воздвигнутый и украшенный, и поручен покровительству святителя Митрофана, в котором, к утешению веры, Господь в наши дни явил нового чудодейственного служителя благодати». А далее, указав на одно из произнесенных при освящении храма изречений, именно: *созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют её* и раскрыв смысл его применительно к совершившемуся торжеству освящения, вития говорит: «заметив сие к утверждению веры и упования входящих в храм, я обращаюсь к обыкновенному Евангельскому чтению настоящей недели, чтобы и оно не осталось без принадлежащего ему внимания» и с тем вместе переходит к означенной главной поучительной части проповеди.¹⁰⁵⁹ Не забудем, что эта проповедь говорена была в то время, когда

Филарет уже составлял свои *Беседы к глаголемому старообрядцу*, ложно учившему, что и вообще благодать и в частности благодать священства почти 200 лет как престала в Русской Церкви и что следовательно, врата ада как бы одолели последней. В этом случае особенное имели значение мысли, заключающиеся в начале указанной сейчас проповеди, и особенно верно могли служить «к утешению веры».

Так и исследованиями о расколе и единоверии по проповедям Филарета и сообщением об открытии мощей святителя Митрофана мы естественно приводимся от исследования об отношениях Филарета, в его проповеднической деятельности за время царствования Николая, к истории Русской Церкви вообще, к исследованию об отношениях его к Церкви Московской в частности, т.е. к церковной жизни Москвы и Московской епархии. Но приступая к сему последнему исследованию, мы считаем нужным предупредить, что в свою очередь и в этой частной стороне проповеднической деятельности своей, ограниченной кругом более узким, нежели Россия и Русская Церковь, святитель Филарет, в означенное царствование, в виду самого расширения области и увеличения значения этой деятельности, нередко с частной, по-видимому, точки зрения бросал обратный взор на всю Россию и Русскую Церковь и из истории той и другой извлекал новые уроки для слушателей по тому или иному частному случаю. Так широка и всеобъемлюща была эта деятельность за то время и так назидательна была она, как и в высшей степени плодотворна. С такими мыслями мы должны будем и будем рассматривать ее в последующем теперь отделе нашего исследования.

И, между тем, как при рассмотрении предшествующего царствования мы считали нужным начать тот же, как и теперь, отдел с характеристики лиц, более или менее резко выделявшихся по участию с Филаретом в церковной жизни Москвы и Московской епархии и имевших то или другое значение в проповеднической его деятельности, сюда относящейся, теперь мы поставим это начало несколько иначе. В виду связи между Церковью и Государством, которую мы

усматривали раньше в проповеднической деятельности Филарета за настоящее царствование, мы предварительно укажем на те случаи в той же деятельности святителя, которые касаются связи между государственною, гражданскою и церковною жизнью Москвы и Московской губернии и епархии. Опуская множество случаев такого рода, не затрагиваемых в проповедях Филарета, а упоминаемых лишь в иных разного рода письменных памятниках его деятельности (в письмах, резолюциях, донесениях Святейшему Синоду и т.п.), мы и из случаев, так или иначе, в такой или иной мере затрагиваемых в проповедях святителя, для сокращения объема нашего исследования, обратим внимание лишь на важнейшие, такие, которые давали повод святителю уделить им больше других внимания в слове проповеди его. Такого рода случаев за все царствование Николая мы находим только три. Из них один относится к 1834 году, другой к 1847 и третий к 1854 году.

Едва лишь Россия отпраздновала торжество совершеннолетия Наследника Престола в 1834 году, как в том же году радостное по сему случаю настроение первопрестольной столицы государства Российского, сердца России, Москвы было омрачено весьма значительным бедствием. В Москве летом этого года было как-то особенно много пожаров, при том весьма больших. Более же всего силен и страшен был пожар в Рогожской части, 13 августа. В этот день было обычное заседание Московской Синодальной конторы, рассуждавшее между прочим, об отпуске обычной же (ежегодно отпускаемой) суммы в 500 рублей для устройства обеда в предстоявший праздник Успения Богоматери, 15 августа «При сем Синодальный член, высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский и кавалер, словесно предложил, что он, по претерпеваемым ныне в сей столице бедствиям от пожарных случаев и по случаю происходящего в самое время суждения о сем предмете сильного пожара в Рогожской слободе, находит полезнейшим в приличнейшем употребляемые доселе на стол 500 рублей пожертвовать в пользу потерпевших бедствие от пожаров». Контора, конечно, согласилась с предложением святителя Филарета.¹⁰⁶⁰

Пожары в Москве продолжались и в сентябре, беспощадно истребляя как частные, так и общественные здания, и имущества, не давая пощады и церковным зданиям, и имуществу. По почину святителя Филарета учреждены были даже моления об избавлении от бедствия. Наместник Лавры Антоний подавал было мысль об учреждении и всенародного поста по сему случаю. Но Филарет писал ему в ответ на эту мысль от 4 сентября того же 1834 года следующее: «За мысль вашу о всенародном посте и молитве по настоящим обстоятельствам благодарю. Не бесполезна была она, хотя, я и не дошел до полного исполнения оной. Когда я советовался о сем с сослужителями, некоторые полагали, что дело сие может найти себе путь в среднем классе народа, а некоторые из старших полагали, что оно не по времени. Не видя, чтобы ближайшие брались за сие довольно твердо, я заключал, что можно ожидать не более, как посредственного возбуждения в не многих, а во многих, кои услышат, не внимания и преслушания; следственно благая цель едва ли была бы достигнута. При том, когда прошел благополучно 22-й день августа, забота, казалась, уменьшилась. Потому 26 августа, быв в крестном ходу, я сделал только то, что прибавил духовенства, был у Пресвятой Богородицы Иверской, и дошел до Сретенского,¹⁰⁶¹ с коленопреклонением читал молитву, о которой вы писали, с некоторыми к обстоятельствам времени применениями. Может быть, мое маловерие причиною, что я не довольно положился на веру других. Молитесь о мне, и о том, да пошлет Господь искусных делателей на поле Свое, на котором враг человека творите свое, спящим человеком.¹⁰⁶² Бог, молитвами Преподобного, да сохраняет обитель, и вас, и братию, в невредимости и в мире. Было дня три без пожара; но вчера был; и теперь вижу дым, кажется, на Лубянской площади».¹⁰⁶³ 16 декабря Филарет освящал храм во имя святителя Николая, более известный под именем храма преподобного Сергия, что в Рогожской слободе, известной изобилием в ней как бедных жителей, так и раскольников. Пользуясь этим случаем, святитель не преминул напомнить в своем слове, сказанном в означенном храме по освящении его, и о бывшем в истекшее

дето посещении Божиим, с обычным искусством приступив к сему предмету в своей проповеди и с столь же обычным мастерством изобразив пожар и бедствие от него в Рогожской слободе, 13 августа бывшее. Проповедь сказана на текст: *Послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли. Буди слова Господня во веки (Пс.103:30–31)*. Указав, по сему, в начале своей проповеди на ту замечательную черту Пророка Псалмопевца, что он «удивительно как любит славить Бога», при том не только за благодеяния, но и за бедствия, от Бога посылаемые, наш вития продолжает: «В сем священном образце заключается для нас, братия, учение; должно славить Бога, не только тогда, когда Он является в дарах, в благодеяниях, в милостях, но и тогда, когда, по-видимому, отвращается и удаляется, в самом же деле, сокроуенно приходит и приближается, в посещениях тройных или скорбных, в лишениях, в бедствиях. Учение истинное, полезное всегда, а здесь, и ныне, еще и благовременное. Памятен и для меня третий на десять день августа, когда внезапно для нас, но не внезапно для Бога, не без ведома, не без поущения Его, сия часть града посещена была огнем истребляющим, когда дымная дорога от места истребления пролежала по небу почти над моею головою, и как будто предназначала дальнейший путь истреблению на земле; когда носимые ветром пожарные угли, пролетев не одно поприще, упали на моем дворе, и как будто говорили мне: далеко ли, думаешь, пойдет сие посещение? Лето и бездождие, сила и направление ветра, – все благоприятствовало умножению бед, и распространению оных с неизбежною быстротой, почти подобною той, какую видим в сказании вестника Иовлева: *огнь спаде с небесе, и пожже овцы, и пастыри пояде подобне, спасохся же аз един (Иов.1:16)*.

Тот, который утром имел жилище и прочее потребное для жизни, или даже избыток и богатство, к вечеру оставался беспокровным и беспомощным, и если не был одинок, то сие не служило к облегчению, потому что нищета семейная тягостнее нищеты одинокой. Бедствие, взявшее многочисленную дань от домов сего града, и от имуществ обитателей, потребовало себе некоторой дани и от храмов, и невидимый, непонятный для нас

жребий пал на сей храм. Что же, скажут, вероятно, некоторые при сих горестных воспоминаниях, неужели должно, неужели можно славить Бога и в сем случае? Признаем, если угодно, что сие не так легко для человеческой немощи, для человеческой неадаптивности, в то время, когда бедствие устремляет на человека свою силу и действие.

Между тем можно спросить обратно, может ли быть время, когда бы не должно было славить вечного Бога? Может ли Он когда быть не достоин славы? А если всегда славить Его должно, то не трудно заключить, что и можно Его славить всегда, ибо Он довольно праведен и всемогущ, чтобы должного не оставить невозможным». И далее в пример сего представляет Иова и мучеников христианских. А потом, в виду таких достойных примеров, дает следующие, прекрасные для всех подобных случаев, наставления: «ты не имеешь довольно присутствия духа, чтобы славить Господа среди самого бедствия; жаль, однако, пусть так. По крайней мере, удержишься от бессмысленных воплей нетерпеливости, от бесполезных жалоб, от дерзновенных слов ропота, обрати твои скорбные чувствования в смиренную молитву, таким образом, Бог не будет прогневан, а ты будешь менее беспокоен. Ты не позаботился благовременно так расположить дух твой, чтобы облако временного бедствия не могло закрыть от очей его вечной славы Божией, в минуты силы бедствия; мы пропустили прекрасный случай испытать непобедимую силу христианской добродетели; жаль, много пропущено; только еще не все.

По крайней мере, по уменьшения силы бедствия, утиши твои скорбные чувствования; собери силы твоего ума; помысли, что Бог твое бедствие предусмотрел, мог отвратить, не благоизволил отвратить; что Он, всеблагий, не желал тебе, так как и не может желать, зла; что следственно попустил бедствие для какого-нибудь твоего блага, или для отвращения от тебя какого-нибудь большего зла; помысли, что и после бедствия у тебя что-нибудь еще осталось, если не жилище, то какая-нибудь собственность, или, хотя, одежда и, что всего важнее, жизнь и душа; что Бог, Который попекся сохранить твою жизнь, сим самым изъявляет другое благотворнейшее попечение о

спасении твоей души, для чего и сберегает тебе время жизни; – если даже ты не довольно обеспечен и жилищем и пропитанием, помысли, что птица и тогда поет славу Сотворившему ее, когда у неё нет ни гнезда, ни приготовленной пищи, и, промыслом Того же Творца, находит, чем питаться и где провести ночь – таковыми и подобными размышлениями ободри дух твой; вознеси сердце твое к Богу, скажи, хотя, после бедствия, что не умел сказать во время бедствия, *буди имя Господне благословенно! Буди слава Господня во веки!* Ты принесешь чрез сие Богу приятную жертву; и в собственном сердце посеешь доброе семя. Иным кажется во время бедствия, что они способнее были бы славить Бога во время благополучия, и что потому не на пользу послано им бедствие. Мечта! Нам часто кажется, что, по пословице, там хорошо, где нас нет; но самая сия пословица смеется над сею мечтою. Ты думаешь, что славил бы Бога, если бы не был несчастлив, а напротив был бы осыпан Его благодеяниями, вероятно, потому что нетрудно. И бессловесное оказывает ласку тому, кто дает ему корм. Не к великой же добродетели ты себя располагаешь! Не много же, видно, дорожишь добродетелью более возвышенною, хотя, более трудною! Но если ты ленив и низок для добродетели трудной и возвышенной; то не ручайся за себя, что и для добродетели низшей и легчайшей ты не был бы также ленив и низок. Перестань мечтать, и посмотри на опыты».

И далее в пример сего указывает на ветхозаветного Израиля, который *утолсте, расшире и остави Бога сотворшего его, и отступи это Бога Спаса своего* (Втор.32:14–15) и, напротив в бедствиях более, чем в благополучии, познавал и славил Бога. «Но возвратим слово, говорит в заключение своей проповеди вития, и более приблизим к себе, и к нашим происшествиям, и к настоящему случаю. Прославим, братия, Бога, Который, хотя, и *путесотворил здесь огненную стезю гневу своему* (Пс.77:50), однако, и преградил оную милосердием и благодатью. Как некогда в стане Израильтян, когда *изыде гнев от лица Господня, и нача губити люди, Аарон с кадильницею ста между мертвыми и живыми, и преста пагуба* (Чис.16:46–48),

так и здесь святитель Алексей и преподобный Сергей, дружественные между собою в земном житии своем, и по преставлении своем являвшиеся иногда вместе, как известно из преданий Сергиевой обители, а здесь соседствующие в соименитых им храмах, стали невидимо с фимиамом своих молитв среди потока огня, и преградили оный, и один из своих храмов дивно сохранили невредимым в сделали убежищем для святыни другого; а от сего другого сохранили, по крайней мере, внутреннюю святыню, и то, что наиболее нужно было к неукоснительному восстановлению здесь Богослужения. Прославим Бога, Который, посетив одних бедствием, сохранил других для прибежища бедствующим; Который *послал* дух человеколюбия в помощь, да созиждутся истребленные жилища, или, по крайней мере, да не в конец беспомощною нищетой разрушится жизнь бедствующих; Который *послал* дух благочестивого усердия, да воссозиждутся святилища, и – вот уже второму здесь алтарю благоволил обновиться, не только благолепием видимым, но и не видимою благодатью. Прославим Бога, не только словом, но и сердцем. Ему преданным. и житием Ему благоугодным, да не паки прогневается Господь на люди своя, но паче возвеселится о делах своих. И в освященном храме православно-христианском, и в освящаемых выну душах православно-христианских буди слова Господня во веки. Аминь».¹⁰⁶⁴

В 1847 году Москва, праздновала семисотлетие своего существования на Руси, так как впервые в наших летописях она упоминается под 1147 годом, под именем *Москов-а*.¹⁰⁶⁵ В виду этого обстоятельства ученые историки и археологи заблаговременно валялись исследованиями о начале и семисотлетнем историческом существовании Москвы. Но так как они не пришли к полному соглашению относительно точного определения времени начала этого существования, то государь император Николай Павлович повелел праздновать семисотлетие Москвы 1 января 1847 года. Об этом повелении, конечно, в свое время осведомлены были как гражданское, так и епархиальное начальства Москвы. «В Успенском соборе, писал по этому случаю из Москвы от 30 декабря 1846 года

известный археолог князь М. А. Оболенский к В. А. Поленову, – будет совершена Божественная литургия; вероятно при этом случае наш маститый архипастырь скажет назидательное слово. Это такой факт, над которым задумается и глубокомысленный политик, и проницательный дипломат, и внимательный археолог, и любознательный историк. Семь столетий существования города, основанного в безлюдной стране, в суровом климате, опустошаемого не один десяток раз, то варварами, то родичами, беспрестанно воевавшими между собою за уделы, за родовую месть и за все, за что ни пришлось, возникновение такого города, как Москва, и процветание его после таких несчастий, каков, на нашей почти памяти, был 1812 год, дело не случая и не усилий человеческих, а прямо силы Божией, постоянно охранявшей нашу столицу, а вместе с нею и всю Россию. История Москвы как города, с её заветною святынею. Есть история России церковная и гражданская».¹⁰⁶⁶

Сам святитель московский некоторым образом подал основание к такой надежде на то, что «скажет назидательное слово». Мы не забыли, конечно, того места в его проповеди, произнесенной 6 декабря 1846 года в Мариинской церкви Вдовьего дома, в котором святитель-вития, указывая на широту благотворительности в Москве, говорит об этой благотворительности, как причине милосердия Божия к сему городу во все время существования последнего и обращаясь к самому городу, добавляет: «смертоносные раны, не раз, на твоём долгом веку, нанесенные тебе то яростью врагов, то другими бедствиями, не могли причинить тебе смерти, и ты. Не изнемогая, достигаешь семисотлетней старости».¹⁰⁶⁷ При всем том святитель не говорил проповеди в новый 1847 год,¹⁰⁶⁸ а произнес только по совершении литургии на молебствии особую, составленную им на этот случай молитву, и в объяснение сего от 16 января 1847 года писал к наместнику Лавры Антонию следующее: «Вы знаете, что был праздник семисотлетия Москвы. Я не решился говорить на сей случай поучения, частью потому, что праздник не казался происшедшим из свойственного источника, частью потому, что, дабы говорить на сей случай несколько удовлетворительно,

надобно было иметь несколько свободного времени, которого я не имел, чтобы осмотреть семьсот лет, и открыть, что не всегда открывается первым взглядом, и сказать малыми многая. Но когда празднику необходимо стало быть, то моя была обязанность сколько-нибудь выговорить молитву Москвы».¹⁰⁶⁹

Эта «Молитва пред окончанием молебного пения, в новый 1847 год, и в воспоминание семисотлетия царствующего града Москвы» не даром вошла в собрание слов и речей Филарета изданий 1847–1848 и 1873–1885 годов. Не даром ожидали от Филарета проповеди в столь знаменательный праздник. От мудрого святителя всегда, бывало, с нетерпением ожидали услышать первое слово по тому или другому более или менее важному случаю, по поводу того или другого, более или менее важного события, в тот или другой более или менее важный праздник, к его слову внимательно прислушивались, его словом проверяли не только свои личные мысли и впечатления, но и газетные, следовательно, более или менее обдуманые и авторитетные, сообщения, все это именно потому, что его слово было словом мудрого. И заменившая собою, по изъясненным выше причинам, проповедь молитва подлинно достойна занять место в ряду исторических проповедей Филарета.

В этой молитве святитель, указав сначала на значение седмичного числа в Ветхом завете, а за тем на значение нового года в христианской церкви, продолжает моление к Господу Вседержителю следующими словами: *«Царствующий же град сей не месяца токмо и лета начало пред собою ныне зрит, и не седмицы дней токмо и лет исчисляет, но, семь протекших над ним веков помянув, судьбам Твоим чудится, и в помышлении о судьбах осьмого своего века, пред лицом Твоим, Царю веков, благоговеет. Исповедуем милости Твоя древние, и о настоящих благодарим, и о будущих молим. Славим Твое благодатное избрание, и богатый о нас Промысл, яко малую некогда весь во град велий возрастил еси; и, прежде сбытия, еже славну быти граду сему во всех градах Российских, и взыти рукам его на плещи враг его, и прославится Тебе в нем, угодником Твоим святителем Петром предвозвестил еси,¹⁰⁷⁰ таже и преносимый престол Православия zde*

утвердил еси,¹⁰⁷¹ и корень Единодержавия Всероссийского zde насадил еси,¹⁰⁷² и престол Царства возвысил еси, и угасшему светильнику царского рода отселе с вящшею светлостью воссияти даровал еси;¹⁰⁷³ и святым Твоим zde пожити и во благоухании святыни почити благоволил еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стеною, от напастей ограждал еси град сей. Овогда же и бедствующий вскоре избавлял еси, и во дни наши, мневшийся погибнути, от пепела и разрушения еси восстановил, и новым благолепием украсил, и обилием исполнил.¹⁰⁷⁴ Отче щедрот и Господи милости! Призри благосердием на сие благодарственное исповедание наше, и не остави милости Твоя от нас. Благослови венец нового лета благодатью Твоею; и венец седми веков, иже на верее царствующего сего града, и во осмем да не увядает».

И за тем следуют молитвенные благожелания Государю императору с Его фамилией, Церкви и людям. А в заключение призывается предстательство Богородицы и святителей Московских в молитве и воссылается славословие Троиединому Богу.¹⁰⁷⁵ Подлинно и в этой молитве, которая уже потому, что она есть молитва, а не проповедь, должна была быть гораздо короче проповеди, сказано «малыми многое». И потому не удивительно, если многие желали видеть ее напечатанною во всеобщее сведение, утешение и назидание. «Просили и просят напечатать ее, пишет сам Филарет в том же письме своем к Антонию, но это не очень обыкновенно. и трудно найти ей место на печатных листах, где она не была бы не у места. Подают мне мысль напечатать ее в прибавлениях к изданию Святых Отец. Прочитайте ее, и скажите мне, покажется ли она вам проходящею на дело, понятною и могущею подать читающему полезные мысли».¹⁰⁷⁶

Конечно, молитва найдена вполне таковою и была напечатана в помянутом академическом издании. Как бы подробнейшим раскрытием и разъяснением некоторых наиболее существенных исторических указаний, заключающихся в молитве, служит проповедь святителя Филарета на память святителя Алексия 12 февраля того же 1847 года. В свое время мы подробнее рассмотрим эту проповедь; а теперь только

скажем, что в ней святитель Филарет между прочим, излагает ясные и обстоятельные мысли о связи между Церковью и Государством в России, в течение целых столетий не прерывавшейся и приносившей громадную обоюдную пользу.¹⁰⁷⁷

А между тем в том же 1847 году, в начале сентября сего года, и сам государь благоволил посетить свою первопрестольную столицу. Пред вступлением Его Величества в Успенский собор, святитель Московский встретил Его следующую речь: «Благочестивейший государь! И сей год будет светел в летописи Твоей древней столицы, светом Твоего в ней присутствия. Петр Великий, направляя жизнь России ко внешним сношениям, дал ей другую столицу; Ты, благочестивейший государь, возвышая внутреннюю жизнь России, кажется, из двух столиц делаешь одну, одинаково полным вниманием Твоим к обеим, частым благотворным присутствием Твоим в древней, и сближением их, чрез улучшение и усиление сообщений. Радостными и благодарными сердцами взываем к Царю царей о продолжении и умножении благословений Его над Тобою и над всеми ветвями и отраслями Твоего державного рода».¹⁰⁷⁸

Между тем как упомянутое слово в день святителя Алексия 12 февраля служило разъяснением к историческому прошлому, Москвы, кратко очерченному в «молитве», в период собственно, так называемый, Московский, приведенная сейчас речь, исходя от того момента в историческом прошлом той же Москвы, с которого она должна была уступить и все более и более уступать часть своих прав и своей славы, как столица основанной Петром северной столице, – Петербургу, служит наилучшим истолкованием и дополнением того в «молитве», что в ней касается до остальных полутора столетий из семисотлетнего исторического существования Москвы. При этом нельзя не отметить, как глубоко патристических черт, которыми она запечатлена сама и которые указывает она в императоре Николае, так и некоторых новых намеков на современные события, исполнение коих окончательное состоялось уже ко дню 25-летнего юбилея царствования Николая. Разумею начало

устроения Николаевской железной дороги, соединяющей Петербург с Москвой, и некоторые другие, с тем связанные преобразования путей сообщения.

В ноябре 1854 года скончалась родная сестра уже известного нам из предшествующего периода (1821–1825) нашего настоящего исследования родовитого князя и вельможи Сергея Михайловича Голицына, княжна Анастасия Михайловна Голицына, в глубокой старости, в доме своего брата. Филарет знал ее (как и всю семью Голицыных) издавна за добродетельную и благочестивую старицу, не раз оказывавшую и ему самому и его родным многие и разнообразные услуги из истинно христианской любви и глубокого к нему уважения.¹⁰⁷⁹ В свою очередь и Филарет питал к ней искреннее расположение и уважение, не редко посещал их дом (на Волхонке, против Храма Христа Спасителя) и любил беседовать с нею о духовных предметах. Еще чаще ездила к нему княжна, обыкновенно с братом или другими родными и близкими знакомыми, также для духовных беседований или по каким-либо делам, по большей части тесно связанным с её благодеяниями кому-либо. Так, например, однажды она приехала к нему в одной карете с другою благочестивою старицею, также пользовавшеюся расположением святителя, известною Спассобородинскою игуменьей Мариєю (Тучковой) и, сидя уже в гостиной у митрополита Филарета, простодушно сказала ему: «у нас с игуменьей был дорогой спор, кого из нас вы больше любите?» Архипастырь с свойственным ему остроумием и находчивостью отвечал: «и ту и другую больше».¹⁰⁸⁰ Таковы были отношения святителя Филарета к этой, по его же словам, «ветви древнего величественного древа».¹⁰⁸¹

И вот, когда 90-летняя старица скончалась,¹⁰⁸² Филарет, давно уже отвыкший говорить надгробные слова, частью по просьбе её родных, конечно, а главным образом по влечению собственного к усопшей расположения сердечного, решил почтить ее таковым словом. «Проводили мы, писал он от 29 ноября 1854 года к А. Н. Муравьеву, добрую старицу княжну Анастасию Михайловну; и я напутствовал ее несколькими

словами, чего не делал около тридцати лет».¹⁰⁸³ В самом деле, со времени произнесения надгробных слов по в Бозе почившем императоре Александре Павловиче и императрице Елисавете Алексеевне в 1826 году святитель Филарет не говорил ни одной подобной проповеди доселе, хотя, многих, более или менее почтенных особ сам отпевал, а теперь решился побеседовать с отшедшей от мира сего княжною Анастасиею Михайловною, как еще и при жизни её он, по его же словам, «желал нередко беседовать с нею».¹⁰⁸⁴

Эта его «Беседа при гробе новопреставленной княжны Анастасии Михайловны Голицыной», произнесенная 13 ноября 1854 года, при отпевании её, в церкви Божией Матери, иконы её Ржевской, вместе с тем служит и наилучшим дополнением к сообщенным сейчас нами кратким сведениям о самой усопшей. Вот эта «Беседа», в основных её чертах, важных для настоящей цели нашего исследования.

«Редко, и только покоряясь необходимости, говорит наш святитель-вития, беседовал я при гробах усопших.¹⁰⁸⁵ Не нужна для них повесть о их жизни и похвала, исчезающая в воздухе, а благопотребна и полезна молитва о их вечном покое. А для окружающих гроб зрелище смертных останков человечества, думаю, вразумительнее и поучительнее всякого слова говорит о ничтожности всего земного, о неизбежной для каждого смерти, о невидимом мире, о сокровенной вечности, в которую ведет нас одна узкая дверь смерти, но которая безмерно пространнее видимого временного мира, и в которой есть многие обители горние и преисподние, невечерний день и бесконечная ночь, вечный свет и неугасимый огонь, вечный покой и вечное мучение, вечная жизнь и вечная неумирающая смерть. Но ты, провождаемая ныне в вечность, благоверная княжна Анастасия, прежде отшествия твоего, неоднократно о пути и приготовлении к вечности, о благоустроении души, об очищении и возделании земли сердца, о благовременном насаждении в нем семян вечного покоя, так занимательно беседовала со мною, что мне трудно вдруг пресечь собеседование с тобою, и удержаться от малого, по крайней мере, последнего слова, пред последним молчанием. При том же, теперь могу дать себе свободу сказать

о тебе нечто и такое, чего прежде не мог сказать тебе, чтобы не возмутить твоего смирения».

После такого искусного и красноречивого вступления, святитель-вития начинает самую беседу свою с усопшей, характеристикой последней. «Отрасль рода, издревле возвышенного, говорит он, доблестями своих членов оправдавшего пред отечеством достоинство своего звания, ветвь семейства, которому если бы я не приписал наследственного благочестия, то меня обличил бы наследственно пребывающий в его доме храм, исполненный частых молитв, – княжна Анастасия в тихом кругу семейства, как крин в юдоли, долго цвела в благолепии девства и целомудрия, в благоухании благочестия и доброты сердечной, и тогда, как с умножением дней увядал цвет её жизни, не уменьшалось, а возрастало благоухание благочестия и доброты. Неизвестна мне первая большая половина её жизни, но в продолжение более тридцати последних лет знал я ее всегда удаленною от суеты и увеселений мира, преданною Церкви, молитве и духовному поучению, мирною в семействе, любящею благотворить, и особенно так, чтобы не ведала шуйца, что творит десница. При постепенном уменьшении крепости телесной, труд ночной молитвы простирала она иногда до того, что в изнеможении упала пред святынею, пред которою коленопреклоненно молилась, и не призываемый ею сон приходил обновить её силы. При попечении присных и ближних о её спокойствии, она имела, однако, иногда скорбь, о чем, думаете? – о том, что по немощи не могла, или не довольно часто могла, быть в церкви при священнодейственном богослужении, хотя, некоторые части богослужения нередко совершались в её собственной храмине, исполненной отце-преданною святынею. С некоторого времени, рассудив, что может быть призвана от сей жизни внезапно, и желая отойти со Христом, она чаще прежнего приобщалась Божественного Тела и Крови Христовы, но Бог даровал ей и сие знамение христианской непостыдной кончины, что и пред самым преставлением своим она прияла напутствие священных Таинств».

Далее вития делает от характеристики почившей такой переход к наставлению или поучительной части беседы: «Утешительно видеть добрую жизнь, благословенную долголетием, потому что одно из благословений Божиих есть – *долголетен будеши на земли* (Исх.20:22). Но вот и благословенное долголетием поприще жизни нашло свой предел; странствование христианской души, взыскующей града грядущего, кончилось, отворилась темная дверь вечности и душа скрылась в ней, оставив здесь, как в преддверии дома, дорожную одежду, брненное тело, дабы над тем, что в нем есть от ветхого Адама, исполнился древний суд: *земля еси, и в землю отыдеши*» (Быт.3:19) И затем, в решение вопроса, что же за гробом? Вития дает ответ словами гласа с небесе, который слышан был тайновидцем Иоанном Богословом: *блажени мертвии умирающий о Господе отныне; ей, глаголет Дух, да почуют от трудов своих, дела бо их ходят в след с ними* (Откр.14:13).

Потом естественно всю силу поучительности этого изречения сосредоточив на словах его: *умирающий* именно о Господе, вития заключает свою беседу с почившею такими словами обращения к ней: «Имеем основание верить, что сей вожделенный глас коснулся тебя, благоверная душа княжны Анастасии. Иди с миром к горнему Иерусалиму, сопровождаемая молитвами любви, и молись взаимно, да не угасает твой достойно чтимый род, и да продолжает в нем жить и действовать древнее благочестие. Аминь».¹⁰⁸⁶

Похвалю благочестью в Бозе почившей княжны А. М. Голицыной и её рода святитель-вития как бы засвидетельствовал о том идеале, осуществление которого он всегда желать видеть в своих пасомых и к осуществлению же которого он всегда направлял поучительное слово своей проповеди. К этому, как мы припомним, вел он между прочим, свое слово по случаю пожаров 1834 года; об этом молился в Молитве по случаю воспоминания семисотлетия Москвы; этот идеал или образец выставлял он в личности святителя Алексия в своей проповеди 12 февраля юбилейного для Москвы 1847 года; при чем, в противоположность св. Алексею, не даром

говорил: «хорошо было бы, если бы на него умели, как должно, посмотреть и некоторые дети бояр,¹⁰⁸⁷ по крайней мере, для того, чтобы не почитать себя очень любомудрыми и очень возвышенно мыслящими, когда они, поспешно вышед из училища, не столько стремятся к подвигам и пользам отечества, сколько преследуют призраки почестей, или кружатся в вихре суеты и роскоши,¹⁰⁸⁸ и т.д. Ибо он крепко верил и глубоко сознавал, что только под этим условием, т.е. под условием истинного благочестия, его пасомые могут быть как достойными чадами общей матери Церкви, так и добрыми гражданами, истинными сынами Отечества, приносящими последнему настоящую пользу и искренно радеющими о ней. В этом состоит одно из существенных выражений союза между Церковью и государством. Но та же похвала и характеристика личности в Бозе почившей княжны Голицыной, принадлежавшей к светскому, гражданскому кругу лиц, относившихся к Московской епархии, представляет для нас и удобный случай к переходу от предшествующего в нашем настоящем исследовании к последующему, именно, к характеристике лиц церковного управления Московской епархии за время царствования Николая Павловича, по проповедям Филарета. При этом, по-прежнему, мы начнем с викариев первосвященителя Московского.

В 30-летний период царствования Николая Павловича у святителя Филарета перебыло (вступно и невступно) восемь викариев, из коих первый, уже известный нам Кирилл Богословский – Платонов, прослужил с ним в это царствование лишь немногим менее, нежели полтора года, а последний – Алексей Ржаницын – ровно полтора года; остальное же время служения того и другого принадлежало, первого – предшествующему, а второго – последующему царствованиям. Из них целых четверо, а с Кириллом (о котором уже была речь за предшествующее царствование) и пятеро получили и рукоположение во епископа от святителя Филарета и именно в его епархиальном граде Москве, при чем не оставлены были и поучением от своего рукоположителя в обычных по сему случаю речах его; остальные же трое рукоположены были не Филаретом или, хотя, и им, но при рукоположении которых он не говорил

речей. В порядке времени служения это были следующие викарии: Кирилл (вышеупомнутый), прослуживший до 26 марта 1827 года; Иннокентий Сельпо-Кринов с 23 мая 1827 до 31 марта 1831 года; Николай Соколов с 8 июня 1831 (когда Филарет, хотя, и в Москве был, но был болен и лечился, с трудом совершив рукоположение его, до 2 октября 1834 года; Исидор Никольский (доселе здравствующий в сане митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского и в звании первенствующего члена Святейшего Синода) от 11 ноября 1834 и до 5 июня 1837 года; Виталий Щепетев с 27 июня 1837 до 14 ноября 1842 года; Иосиф Богословский с 27 декабря 1842 до 20 ноября 1849 года; Филофей Успенский (в последствии митрополит Киевский) с 18 декабря 1849 года до 19 августа 1853 года и Алексей Ржаницын с 20 сентября 1853 года и до конца царствования Николая I.

Несмотря на то, что некоторые из этих викариев Филарета не были из числа его питомцев или по воспитанию в подведомых ему духовно-учебных заведениях или же по служению в его епархии, он ко всем им относился истинно отечески и братски.¹⁰⁸⁹ Но с некоторыми имел особенно сердечные отношения и удостоивал их особенного доверия. И замечательное дело! Эта особенная сердечность отношении, особенное доверие падало на тех викариев, которых святитель Московский не только сам рукополагал, но и по рукоположении наставлял поучительною речью. Об этих-то главным образом викариях мы и будем здесь, как само собою разумеется, говорить. Первым из таковых в царствование Николая Павловича является высокопреосвященнейший Исидор, нынешний митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Не смотря на то, что он довершал свое образование в Санкт-Петербургской духовной академии тогда, когда Филарет уже не состоял её ректором (именно в 1821–1825 годах) и за тем поступил на службу в Московский духовно-учебный округ (сперва в Орловскую, а потом в Московскую духовную семинарию ректором) лишь с 1829 года, Филарет скоро понял и оценил высокие достоинства молодого инок и уже в 1834 году, на 35 году жизни последнего, представил его к посвящению во

епископы-викария. 9 ноября состоялось, согласно этому представлению, наречение, а 11 числа того же месяца и самое рукоположение в сан епископа Дмитровского, викария Московской митрополии. Рукоположение совершали, с митрополитом Филаретом во главе, преосвященные: экзарх Грузии, архиепископ Евгений (Баженов), Иерофей, архиепископ Фаворский, бывший викарий Московский. Калужский епископ Николай (Соколов) и уволенные от управления епархиями епископы Дионисий и Аарон.¹⁰⁹⁰

После рукоположения, совершенного таким многочисленным собором архипастырей, первостоятель сего собора, святитель Филарет обратился к ново рукоположенному с следующей речью: «После того, как соединенною молитвою сопастырей призвана тебе Божественная благодать *проручествующая*, то есть, чрез рукоположение нисходящая и возводящая; после того, как сия благодать, чрез открытый ею самую проток молитвы и рукоположение, без сомнения, действительно излилась на душу твою; после того, как нашими смиренными руками, она же облекла тебя в полноту священных одежд – священных, потому, что они суть не просто украшения, но знамения даров и добродетелей, которыми Пастыреначальник Господь Иисус облачает души Богу посвящаемые;¹⁰⁹¹ наконец, после того как сия же благодать обновила в тебе свой дар тайнодействованием и чрез тебя с нами – чин святой Церкви повелевает мне начатое словом молитвы заключить словом напоминания и совета».

И за тем преподал новому епископу глубоко назидательное и в тоже время истинно отеческое наставление. На основании слов св. апостола Павла к Тимофею: *вспоминаю тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку моею (2Тим.1:6)*. Ибо, с обычною скромностью замечает наш вития, не хочу сказать тебе моего слова, немощного и безжизненного. Чтобы запечатлеть живое дело Святого Духа, ищу живого слова, тем же Духом вдохновенного». А чтобы наперед утвердить ново рукоположенного в мысли, что приведенные слова прямо могут к нему относиться, святитель-вития говорит предварительно наставления: «Для особенного

твоего настоящего положения, может быть, не излишне, будет заметить и то, что Тимофей является у апостола не самостоятельным епископом града Ефеса, но как бы место блюстителем, или, по нынешнему иноязычному названию, *викарием* святого Павла, в доказательство чего приводит слова того же святого апостола Павла о Тимофее из 1Тим.3:14–15. И далее делает самое наставление, выясняя обстоятельно каждое выражение принятого в основание поучения текста и как на средства к возгреванию дара Божия (в чем и заключается вся сила наставления), указывая на «молитву, слово Божие, ревность и верность в порученном действовании, терпение в трудностях, любовь Креста Христова, неуклонное зрение на образ Христов, который должен быть, говорит вития, нашим отличием, не столько на персях и на сердце, сколько в персях и в сердце».¹⁰⁹²

Кому из интересующихся церковною жизнью в нашем отечестве не известно, на сколько верно рукоположенный тогда во епископа преосвященнейший Исидор, в дальнейшем своем служении Церкви,¹⁰⁹³ исполнял и исполняет это наставление своего рукоположителя, и в свою очередь как высоко ценил его за это сам Филарет. Не только частно выражая полное одобрение его служению и поощряя его, но и рекомендуя его людям, имевшим власть и влияние на перемены в иерархии?

В 1842 году, как нам известно, совершились в Петербурге события, имевшие своим последствием безвозвратное удаление митрополитов Московского и Киевского на свои епархии. Имели эти события, конечно, и свою неприятную сторону, но не даром мы веруем, что если что устроит с нами Господь, то все к лучшему. В прежние годы Филарет обыкновенно на величайшие праздники Рождества Христова и Пасхи оставлял паству свою без своего личного среди её присутствия. А с 1842 года этого уже не могло быть. Праздник же Рождества Христова, именно, 1842 года озарился для москвичей еще и новою к тому радостью, – рукоположением в Москве викария на место выбывшего в сем году в епископы Костромские преемника преосвященному Исидору – Виталия (Щепетева). Описывая все эти предметы ожидаемой радости

москвичей, один из последних, выше упомянутый князь М. А. Оболенский, в своем письме к Поленову от 24 декабря 1842 года, упомянув о некоторых сладких плодах ученой деятельности Москвы, говорит: «Не менее наслаждений и чисто-духовных готовит нам предстоящий праздник. Давно, очень давно, первопрестольная не видела в это время в стенах своих архипастыря.¹⁰⁹⁴ Но теперь она вместе с высокопреосвященным митрополитом Филаретом будет воссылать свои теплые молитвы и внимать его глубоко назидательным поучениям и беседам. Даже более, она увидит, как этот маститый первосвяtitель рукоположит своего помощника в делах наставления и управления своей любимой паствы. И этот помощник избран из нашей же Москвы¹⁰⁹⁵ Заиконоспасского монастыря архимандрит, духовной семинарии ректор и богословских наук наставник Иосиф».¹⁰⁹⁶

Иосиф, не смотря на то, что не обладал высокими умственными дарованиями и обширною ученостью,¹⁰⁹⁷ в противоположность большинству викариев Филарета, обладал зато во всех других отношениях высокими достоинствами, дававшими ему полное право на высокое к нему со стороны всех уважение. Как ректор, он был «высокий труженик, подвижник долга, монах примерной жизни, нелицеприятный начальник», по отзыву одного из его бывших учеников.¹⁰⁹⁸ Чистота его понятий, святость жизни, любвеобилие хорошо известны всем, кто знал его по Москве, в довольно долгий период его в ней пребывания.¹⁰⁹⁹ Когда в конце 1841 года стала вакантною должность ректора в Московской духовной академии, то Филарет не обинуясь писал к графу Протасову: «для управления академией мог бы быть удовлетворителен ректор Московской семинарии Иосиф, но он не имеет степени магистра».¹¹⁰⁰

Для занятия же должности викария в следующем 1842 году Филарет нисколько не усумнился призвать Иосифа. Рукоположение последнего состоялось 27 декабря того же 1842 года в кафедральной церкви святителя Алексия (в Чудове монастыре). По рукоположении преосвященного Иосифа – Филарет и ему, как преосвященному Исидору, преподал

наставление, но, не смотря на одинаковость случая, совершенно различное от того наставления. «Священным призванием и совершившимся ныне освящением приобщенный к собору сосвященно-начальствующих и наставляющих в церкви, так начал святитель Филарет свое наставление ново рукоположенному епископу Иосифу, по её же уставу, ты стоишь на краткое время здесь еще, как священно-начальствуемый и церковно-наставляемый. Без сомнения, и ты не желал бы утратить сии минуты, и я призван споспешествовать, чтобы они для тебя не были утрачены. И без меня разумеешь, что совершилось ныне над тобою, но, по апостольскому слову и примеру, и известное напомнить, *мне убо неленостно, тебе же твердо*» (Флп.3:1).

И далее следует самое наставление, которое состоит в столь же обстоятельном, как и в 1834 году при рукоположении преосвященного Исидора, разъяснении, но только не текста священного писания, как тогда, а обрядовых действий рукоположения во епископа или чина рукоположения, весьма любопытном в церковно-археологическом отношении. В заключение же наставления первосвятитель Московский, как первостоятель собора архипастырей, участников рукоположения, обращаясь к тому же ново рукоположенному, говорит с особенно сильным выражением: «Наипаче молим, боголюбезный брат, творити молитвы о благочестивейшем самодержце нашем Николае Павловиче, благотворном защитнике святой Церкви и покровителе служащих ей, и о всем августейшем доме его, о мире и благосостоянии святых Божиих Церквей и благоденствии православной России, наконец и о тех, которые по воле Божией послужили твоему избранию и освящению».¹¹⁰¹

И как к прежним викариям, так и к ново рукоположенному Иосифу с тех пор святитель Филарет стал в искренние отношения отца, старшего брата и друга, являясь мудрым советником и руководителем в делах управления не только Московскою же епархией, но и теми епархиями, какими Бог судил Иосифу управлять по оставлении должности викария Московского,¹¹⁰² как о том свидетельствуют многие письма

Филарета к Иосифу, напечатанные в Чтениях в обществе любителей духовного просвещения за 1871 год, и к другим лицам. Так, между прочим, преосвященного Иосифа, в бытность его архиепископом Воронежским. Господь сподобил быть ближайшим свидетелем открытия св. мощей святителя Тихона в 1861 году, при чем лично участвовал в сем открытии также и высокопреосвященный Исидор, а заочно живейшее в том же участие принимал и святитель Московский Филарет.¹¹⁰³ Не более, как чрез три года после сего Иосиф, по причине слабости зрения, должен был удалиться на покой, после того как врачи нашли невозможным восстановить его зрение. Уволен он был на покой 14 ноября 1864 года. А в начале сего года он ездил в Москву, чтобы посоветоваться о своем зрении с врачами, а вместе и с своим рукоположителем, о продолжении своей службы.¹¹⁰⁴

И что же? «Вчера вечером, пишет святитель Филарет наместнику Лавры Антонию от 7 января 1864 года, был у меня преосвященный Воронежский, и я также водил его по комнате, как преосвященного Евгения.¹¹⁰⁵ Врачи отказали ему в восстановлении зрения. Он переносит сие кротко». ¹¹⁰⁶ А затем от 13 октября того же 1864 года пишет и самому преосвященному Воронежскому Иосифу следующее: «Праведно решение ваше взять покой от епархиальной службы. При скудости зрения нести служение крайне неудобно. Надобно много доверять, и трудно поверять, разумно ли и верно ли употребляется доверие. Святейший Синод, без сомнения, окажет уважение к вашим заслугам, и благоустроит ваш покой.¹¹⁰⁷ Не спору, что не легко ваше положение. Недостаток зрения уменьшает независимость. Привыкшему к деятельности не легко отказываться от неё. Но посланное судьбой Божией не должно ли принять с мирным послушанием? А такое расположение духа не должно ли быть облегчением тягости положения? Привычка к деятельности легко порождает пристрастие к деятельности, посему не должно ли покориться судьбе Божией, отдаляющей человека от попечения о делах земных для свободнейшего попечения о небесном? Время ныне таково, что иной из братии вашей, и не оскудевший еще

зрением, благословлял бы Бога, если бы мог, не подвергаясь вине лени и самочиния, быть устранен от внешней деятельности, чтобы в тишине оплакивать свои грехи и время настоящее и угрожающее.¹¹⁰⁸ Итак, мир душе вашей». ¹¹⁰⁹ Так от начала до конца епископского служения Иосифа считал для себя *неленостным* наставлять его рукоположитель его Филарет, который и в письмах обыкновенно является столько же поучительным проповедником слова Божия, сколько в проповедях собственно.

События 1842 года, прискорбные для Филарета, коснулись между прочим, также лица, чистота нравственного облика которого оставалась безукоризненною до самой кончины его. Разумею высокопреосвященнейшего Филофея (Успенского), скончавшегося в 1882 году в сане митрополита Киевского. В 1862 году Филарет, митрополит Московский по одному случаю писал к наместнику Антонию: «Преосвященный А.¹¹¹⁰ точно не мастер дела, за которое взялся. Видно, у него остается страсть к доносам непрямым путем. Безымянный донос о литографированном переводе пророческих книг, о котором он рассказывает. Есть его дело; и он – начало смут, которые от сего произошли. Если бы он донес только своему начальству, дело обработалось бы иначе. По его милости и преосвященный Филофей, бывший тогда инспектором Петербургской академии, пострадал безвинно».¹¹¹¹

Дело в том, что, окончив курс первым магистром в Московской духовной академии в 1832 году и прослужив при той же академии до 1838 года, в августе сего года Филофей переведен был в Петербургскую духовную академию инспектором, а после событий 1842 года назначен был ректором в Харьковскую семинарию, да еще с некоторою тенью подозрения и со «строгим выговором за небрежность по надзору, в бытность его инспектором Санкт-Петербургской академии».¹¹¹² Этот выговор объявлен был Филофеем по окончании дела о нем, производившегося в Петербурге при Святейшем Синоде, уже в 1844 году.¹¹¹³ А между тем святитель Филарет, зная безвинность своего питомца, еще в том же 1842 году, начал ходатайство о переводе его из Харькова в

Вифанскую семинарию и потом в Московскую; но тогда как перевод в Вифанскую семинарию состоялся согласно этому ходатайству, ходатайство о переводе в ректоры Московской семинарии не было удовлетворено со стороны графа Протасова именно вследствие прикосновенности отца Филофея к делу о литографированных переводах.¹¹¹⁴ И только уже в 1847 году, после и по силе одобрительных о нем отзывов святителя Филарета, он переведен был на эту должность. Ибо «вся здешняя служба его, как писал о Филофее к обер-прокурору графу Протасову в начале сего 1847 года Филарет, так совершенно удостоверяет в его православии, что убеждает случившееся с ним недосмотрение и недонесение приписывать только запутанности обстоятельств, а не недостатку благонамеренности».¹¹¹⁵

В это время, как мы помним, уже совершался поворот к лучшему в отношениях графа Протасова к Филарету, и потому ходатайство последнего было уважено. В виду тех же обстоятельств было уважено и представление Филарета о возведении Филофея на высшую степень священноначалия – во епископы. В 1849 году Филофеем был рукоположен во епископа-викария Московского на место вышеупомянутого Иосифа. Рукоположение состоялось 18 декабря сего года. По рукоположении Филарет сказал краткую, но превосходную, живо относившуюся к чертам личного характера и предшествующим судьбам жизни ново рукоположенного, речь к нему следующего содержания: «В откровении святого Иоанна видим семь ангелов семи церквей. Можно подумать, что это небесные ангелы, хранители Церквей. Но когда слышим, что некоторых из них Дух Христов обличает, и угрожает им; ангелы же небесные не грешат и не подвергаются прещениям, то приходим к той мысли, что под именем ангелов церквей разумеются земные блюстители Церквей, то есть, епископы. Итак, епископ есть ангел Церкви, как много в сей мысли поучительного для нас, и даже страшного! Чтобы соответствовать наименованию ангела, ум епископа должен быть светел, сердце чисто, мысли и желания духовны, жизнь удалена от нечистот плоти и мира. Как *посылаемый за желающих наследовати спасение*, он паче

других должен наблюдать за собою, чтобы не искать своих си, но яже Божия и яже ближнего. ангелом должен быть епископ, что ж. Если мы еще не достигли не только ангельской чистоты, но и человеческого доброго устройства духа и жизни? Что, если нам угрожает сказанное ангелу Сардийские Церкви, *не обретох дел твоих окончанных пред Богом?* Страшно служение наше, возлюбленный брат, однако, страх дан от Бога не для того, чтобы мы отчаивались, или унывали, но для того, чтобы страхом спасали себя и других. Призовем страх Божий в помощь нашему служению, но призовем также, и наипаче призовем, любовь. Возлюбим служение Возлюбившему нас даже до смерти, смерти же крестные. Возлюбим служение спасенью тех, за спасение которых сама Божественная Любовь пострадать и умереть благоволила. Принесем ей желание подвига, и она не отречется даровать нам силу для подвига. Жезл силы да пошлет тебе Господь от Сиона. Знамением сего да будет жезл, теперь тебе вручаемый». ¹¹¹⁶

Кто знал характер, жизнь и служение в Бозе почившего святителя Филофея, самое имя которого (Φιλόθεος) значит: *боголюбец*, тот не может не согласиться, что вся жизнь его, поистине, равноангельная и в то же время исполненная сыновней преданности к рукоположителю, была чистым отражением образа, начертанного рукою святителя Московского в этой речи, и самая болезнь, предшествовавшая его блаженной кончине, произошла, если так можно выразиться. от избытка истинно-христианской и глубоко-патриотической любви, наполнявшей сердце его. ¹¹¹⁷

Извещая А. Н. Муравьева о назначении Филофея в викарии к себе, святитель Филарет от 16 декабря 1849 года писал к первому: «побыв несколько дней без викария, получаю его, и, благодарение Богу, и державной и священной власти, согласно с моим желанием. Это ректор семинарии Московской Филофей. Сегодня было наречение, после завтра должно быть посвящение. У меня это осьмой викарий. С миром проводил я семь на дальнейшие поприща службы, подобает молить Бога, чтобы с миром сей проводил меня». ¹¹¹⁸

Но Господь творил свое. Богу угодно было, чтобы проводил святителя Филарета в жизнь загробную далеко не сей викарий. Сей викарий, при жизни святителя Московского и к утешению последнего, не только с честью послужил на двух самостоятельных епископских кафедрах,¹¹¹⁹ но и пожалован был в 1861 году саном архиепископа. В 1853 году он уступил свое место викария другому питомцу Филарета, ректору Московской духовной академии, архимандриту Алексею (Ржаницыну). Предшествовавшая судьба, да и личный характер Алексея весьма различны были от судьбы и характера Филофея. С самого начала своего монашества Алексей находился, как говорится, под счастливою звездою. Осенью 1837 года, как нам уже известно из раньше сказанного, царская фамилия довольно долгое время пробыла в Москве. В числе особ этой фамилии была и царская дочь, великая княжна Мария Николаевна. Интересуясь разными предметами из области церковной, она между прочим, поинтересовалась обрядом пострижения в монашество и пожелала видеть самый этот обряд на деле.¹¹²⁰ В это-то время и было подано студентом Московской духовной академии старшего курса Руфом или Руфином Ржаницыным прошение о пострижении его в монашество. 12 ноября 1837 года в Чудове монастыре и состоялось его пострижение с именем Алексея, в честь святителя Алексея митрополита, в присутствии Высочайших Особ. На молодого инок тогда же обращено было благовольтельное внимание Высочайших Особ, продлившееся и на последующее время его жизни и служения. С своей стороны святитель Филарет также обратил на него большее, чем на других, внимание и всеми мерами содействовал тому, чтобы молодой инок был достоин высочайшего одобрения. Видя его рассудительность, деятельность и другие, необходимые для успешнейшего отправления административных должностей, качества, он довольно рано выдвинул его на служебном поприще вперед других и облакал большим доверием по службе, всюду не переставая руководить им то словесно, а то письменно.¹¹²¹

Так уже прямо по окончании курса в академии в 1838 году Алексей был назначен инспектором Московской семинарии, а в начале 1843 года, после неудавшейся попытки определить ректором той же семинарии Филофея, святитель Филарет ходатайствовал о назначении Алексея на эту важную должность. «По оказавшемся препятствию к перемещению архимандрита Филофея, писал он к графу Протасову от 30 января 1843 года, покорнейше прошу ваше сиятельство обратить внимание на инспектора Московской семинарии соборного иеромонаха Алексея. Находясь в монашестве шестой год, инспектором и профессором пятый год, он постоянно себя оказывает в преподавании учения основательным, в надзоре бдительным, в суждении по делам разборчивым, в поведении твердо управляемым правилами благочестия. Если представится вопрос, довольно ли имеет он старшинства для ректорства, соединенного с настоятельством Заиконоспасского монастыря; для сего можно представить пример одного из предшественников, который (нынешний преосвященный Виталий) с меньшим старшинством, по трехлетней инспекторской службе, заступил сие место. Познание местных обстоятельств дает иеромонаху Алексею преимущество, которого не имел бы ново пришедший, хотя, и с большим старшинством лет. Кто не стар определяется, тот доле может быть удержан на месте; а в сем есть польза службы».¹¹²²

Это ходатайство было уважено, – и Алексей определен был ректором, а с тем вместе и возведен был в сан архимандрита. Но не очень долго пробыл он в должности ректора семинарии. В 1847 году открылась вакансия ректора высшего духовно-учебного заведения Московской епархии, академии, и Филарет не усумнился поставить Алексея первым кандидатом на эту должность, при чем, характеризуя его правоспособность к занятию этой должности, в письме к тому же графу Протасову от 27 января 1847 года говорил: «Архимандрит Алексей отличается способностями более живыми скоростью и многообъемлемостью соображений в делах, и довольно разнообразною опытностью».¹¹²³ И Алексей определен был ректором академии, хотя, ожидали определения на эту

должность другого, достойнейшего по учению, товарища Алексия по академии, архимандрита Евгения.¹¹²⁴ А в 1853 году Филарет представил Алексия и на место Филофея в викарии, епископы Дмитровские. 7 сентября сего года состоялся указ о назначении Алексия викарием; а 20 числа того же месяца и года в Успенском соборе совершена была и хиротония его. По-прежнему главным рукоположителем был сам Филарет. После рукоположения и литургии, при вручении архипастырского жезла новопосвященному епископу, святитель Филарет произнес следующую речь к нему: «Преосвященный епископ Алексей! Почти шестнадцать лет тому, как, вводя тебя в чин монашествующих, при мощах святителя Алексия, мы поручили тебя его покровительству, заимствовав от него тебе имя. Не сомневаюсь, что, вместе со мною, ты признаешь действительность его над тобою покровительства. Мирным путем служения, под благоволительными взорами державной и священной власти, ты доведен до того, что приемлешь ныне участие в попечении о его пастве, которой он в течение веков не престаёт покровительствовать. Прибегнем и ныне к близкому для нас покровительству святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, и, моля их, будем надеяться, что их молитвы и невидимое благодатное вразумление и содействие будут споспешествовать, чтобы начатки твоего нового служения были благонадежны для Церкви и благопомощны для останков моего настоящего служения. Уже девятый являешься ты на помощь моему здесь служению. Храня добрую память о твоих предшественниках, и утешаясь светлыми знаменами дальнейшего их служения,¹¹²⁵ надеюсь и в тебе найти то, за что благодарен к ним». Вслед за этою историческою, если можно так выразиться, частью своей речи, воспоминающею прошлое новопосвященного и вообще викариатства Московского в отношении этого прошлого и к самому оратору, сей последний продолжает уже исключительно наставлением, которое, как и всегда, искусно применяется к личным особенностям и духовным потребностям наставляемого. «Говорим о надежде, так продолжает святитель-вития, не для того, чтобы почивать на ней, как на возглавии. Но, чтобы не упадать духом пред мыслью

о нашем недостойнстве, чтобы не колебаться маловерием. Не усыплять должна благая надежда, но к благим подвигам возбуждать нас, часто напоминающих себе апостольское увещание: *образ буди верными словом, житием, любовью, духом, верою, чистотой* (1Тим.4:12). Приемля и употребляя сей жезл, право помышляй о его истинном начале и значении. Он не для того изобретен, чтобы только показывать знамение начальства, но сделался священным от того, что святые предшественники наши употребляли его, как необходимую подпору для изнуренного подвигами внешнего их человека, когда в них обновлялся внутренний, по колику тлел внешний. Теперь взыди, заключает свою речь первосвяtitель Московский, и от новые благодати подаждь благословение людем Господним!»¹¹²⁶

И Алексей оправдал надежды, которые возлагались на него при рукоположении во епископа. Он был одним из деятельнейших помощников Филарета по управлению Московскою епархией во все время своей бытности в ней викарием, ровно как столь же деятельным администратором в качестве самостоятельного епархиального архиерея. В свою очередь и Филарет во все последующее время своей жизни не оставлял Алексея своею поддержкою, своим вниманием и руководством, истинно отеческим, при том не только в счастливые, но и в трудные времена его служения, дожив и до возвращения счастливых для Алексея времен.¹¹²⁷

Викарии-епископы Дмитровские были ближайшими помощниками святителя Московского по управлению епархией, при чем на их долю выделялась значительная часть более или менее важных, но во всяком случае второстепенных обязанностей и прав самого первосвяtitеля.¹¹²⁸ Но кроме викариев в Москве обыкновенно постоянно или временно пребывало еще несколько епископов, также принимавших некоторую долю участия в сотрудничестве Филарету, отчасти по управлению Синодальною конторою, а главным образом по замене его в многочисленных священно-служениях, для которых Филарета, при всей его любви к священно-служениям, конечно, не доставало. Бывали случаи посвящения епископов в

Москве и для других епархий, при чем главным рукоположителем был также святитель Филарет. Не смотря на то, что посвящаемые во епископы предназначались не для его округа, он считал священным долгом своим и их напутствовать на дальнейшее высшее служение Церкви словом поучения.

Из всех, того и другого рода епископов, мы коснемся по-прежнему только тех, которых касается Филарет в своей проповеди.

По порядку времени первым в числе таковых является ректор Костромской духовной семинарии и архимандрит Костромского Богоявленского монастыря Евгений Баженов, которому выпал жребий получить рукоположение во епископа Тамбовского в Московском Успенском соборе от святителя Московского Филарета 9 июня 1829 года. Филарет мало знал жизнь и характер ново рукополагаемого. Он, без сомнения, помнил его, как сотоварища по Коломенской семинарии; но отсюда они оба еще почти отроками разошлись в разные отдаленные одна от другой стороны вплоть до самого 1828 года, в котором Евгений жил на чреде служения в Петербурге, а Филарет известное время этого года был там же для присутствия в заседаниях Святейшего Синода. Прямой, открытый характер Евгения и его живая, деятельная натура не могли не быть известными Филарету и по отзывам других и при возобновлении давнего знакомства; но само собою разумеется, что Филарет не мог его знать так, как знал, например, викариев своих. Поэтому при вручении жезла ново-рукоположенному епископу, Евгению, Филарет сказал речь такую, в которой, указав на совершившееся тайнодействие рукоположения, именно, как на благодатное тайнодействие, низводящее на ново рукоположенного *дарование*, поучает его, согласно слову апостола, о том, чтобы он *не нерадил* о сем даровании вообще и в частных, возможных в предстоящем служении, случаях.

Филарет в отношении к рукоположению Евгения, по-видимому, лишь исполнил поручение Святейшего Синода всероссийской церкви, данное ему еще в бытность его в Петербурге весною того же 1829 года,¹¹²⁹ а в отношении к наставлению ново рукоположенного – поручение Церкви

вселенской. Но не даром эта его речь им же самим избрана была для изданий его слов и речей 1844–1845 и 1847–1848 годов.

Высокая и глубокая назидательность её для кого бы то ни было из рукополагаемых во епископы выше всякого сомнения. Но в виду ближайшей нашей цели мы оставим пока эту сторону дела, а обратим внимание лишь на те черты речи, которые, благодаря мудрой прозорливости оратора, имели историческое значение в жизни рукоположенного. В речах и проповедях исторического характера у Филарета чаще всего один намек скрывает за собою целую историю. Это есть его особенное искусство, «сказать малыми многая», как он сам выражается. То же и в речи к Евгению. Евгений, до своего вступления в монашество в 1818 году, славился как профессор словесности в Туле; а по вступлении в монашество и затем в ректорскую должность в семинариях Тобольской и Костромской (в 1819–1828 годы) не менее славился и как профессор богословских наук, вполне таким образом, поддержав славу давшей ему окончательное образование Московской славяно-греко-латинской академии. Естественно поэтому было ожидать, при его живом, впечатлительном и деятельном личном характере, что на церковной кафедре в качестве самостоятельного епархиального архиерея он будет одним из выдающихся проповедников, ораторов.

Быть может, мысль о будущей славе церковного оратора и проповедника не чужда была и самому рукоположенному. И вот рукоположите ль его, сам знаменитый проповедник и оратор поучает своего бывшего товарища по семинарии: «Видишь ли себя знающим Божественные догматы, не помышляй, что знаешь довольно, и не *переставай внимать учению* для самого себя: *не неради*. Поучаешь ли народ: не вознеради, сравнивая себя с другими, реже, в сем упражняющимися; но поревнуй Павлу, который день и ночь со слезами учил своих, и от того истина слов его была, как животворное солнце, а слезы его, как благотворный дождь для духовной нивы. Встретишь ли в пастве твоей невежествующих и заблуждающих, не обеспечивай себя мыслью, что они сделались такими при твоих

предшественниках: *не неради*. Безуспешность предшественников не оправдывает безуспешности преемника. Усмотришь ли христиан не христиански живущих; не раздражайся, но и не смотри равнодушно: *не неради*. Обличи злое дело кротким словом, и еще более обличи добрым примером». ¹¹³⁰

Что же теперь далее? Как животворное солнце, как благотворный дождь, подействовали эти святые слова на рукоположенного Евгения. Будучи последовательно, епископом Тамбовским (1829–1832), Минским (1832–1834), экзархом Грузии архиепископом Карталинским (1834–1844), архиепископом Астраханским (1844–1856) и, наконец, архиепископом Псковским (1856–1862), всюду сопровождаемый добрым словом, советом и содействием Филарета. Евгений везде говорил с церковной кафедры не очень часто, но за то, когда говорил, то говорил «сильно, убедительно и в высшей степени приятно, особенно выразительностью речи», ¹¹³¹ и слово его было вполне действенно по отношению к слушателям.

Не даром же, когда Евгений, благодаря все тому же графу Протасову, должен был в 1844 году покинуть высокий пост экзарха Грузии, в прощальной речи к нему одним Тифлисским церковным оратором (архимандритом Флавианом) было сказано: «о десятилетия твоём воспоминать со слезами будут все люди, тебе преданные и любящие видеть в тебе образ Христа Пастыреначальника, и сынове сынов поведят о тебе грядущему роду, вспоминая о тех чудесах милости и правды, кои рукою твоею в земли сей сотворил Господь». ¹¹³² Недаром также, с другой стороны, он избран был от академии наук в члены-корреспонденты её по отделению русского языка и словесности, а от конференций Киевской и Казанской академий духовных – в почетные члены этих академий. Укажем для примера еще на один случай. «Особенно *не неради*, внушал Евгению рукоположитель его, употреблять дарование разума духовного на беспристрастное испытание и осмотнительное руководство тех, которым будешь давать участие во благодати священства, и святую ревность на очищение дома Божия от соблазнов, сеемых недостойными служителями алтаря. Для

сего со страхом воспоминай нерадение первосвященника Илии, которое кончилось погибелью его и его детей, и уничтожением самой святыни кивота Божия». ¹¹³³

Вскоре же по вступлении своем на епископскую кафедру в Тамбов, Евгений имел случай применить к делу это наставление своего рукоположите ля. В одном селе Кирсановского уезда Тамбовской губернии почти весь причт, по крайней мере два священника, диакон, и дьячок, состояли между собою в близком родстве и кроме того, один из этих священников во многих отношениях открыто заявил себя недостойным служителем алтаря. Преосвященный Евгений распорядился перемещением его в другой приход. Но прихожане, конечно, под влиянием остальной родни перемещенного, принесли на такое распоряжение жалобу в Святейший Синод, выставляя перемещенного, как достойного и любимого ими пастыря. Святейший Синод предписал преемнику Евгения Арсению ¹¹³⁴ расследовать дело и если не окажется других к состоявшемуся перемещению священника Архипова, кроме его родства с другими членами причта, то удовлетворить желание прихожан возвращением его на прежний приход.

Преосвященный Арсений, расследовал дело и нашедши за Архиповым много недостойных служителя алтаря деяний, доносил о том Святейшему Синоду, спрашивая, возможно ли при таких условиях удовлетворение желания прихожан означенного села Верхней Оржевки. Дело, начатое еще в 1831 году, таким образом, доведено было до начала 1833 года. Филарет Московский был в это время в Петербурге, и по вопросу преосвященного Арсения, в защиту рукоположенного им и наставленного по рукоположению Евгения, дал следующее мнение по этому делу: «Духовного Регламента о пресвитерах, в правиле 27, соединение родственников в одном причте признается злом, которое епископы весьма пресекать должны, и дозволяется быть в одном причте не более, как двум родственникам. А как в селе Верхней Оржевке два священника и все причетники при одной церкви допущены родственники, в явную противность сего узаконения, предшественниками епископа Евгения. Напротив же того епископом Евгением

священник Архипов, по причине родства, выведен из того села, согласно с означенным узаконением, то оставить сего священника на прежнем месте, значило бы уничтожить распоряжение законное, а восстановить прежнее, противозаконное. Снисходительным определением святейшего Синода 22 июня прошедшего года¹¹³⁵ велено оставить Архипова на прежнем месте в том только случае, буде он отведен от церкви единственно по родству, без других побудительных причин. Но как из донесения епархиального начальства открылось, что отведен он не единственно по родству, но, сверх того, и по другой важной причине, что судился по делу о ночном буйстве и стрельбании из ружей, по которому не оправдан, а прощен по всемилостивейшему манифесту, и которого исследование затруднено было родством причта, то, и по вышеозначенному снисходительному определению святейшего Синода, Архипов не имеет права остаться на прежнем месте. Епископ Евгений в 1831 году исправил оплошные и противозаконные действия своих предшественников,¹¹³⁶ которые допустили обоим Оржевским причтам переродниться, и не отвели Архипова в 1826 году,¹¹³⁷ при решении о нем дела. Если столь благонамеренные и согласные с законом решения епархиальных начальников высшее начальство будет переменять, то весьма надлежит опасаться, чтобы чрез то не уменьшилось послушание подчиненных местным начальствам, и чтобы не умножить без пользы обременительные для святейшего Синода просьбы об отмене епархиальных решений, под маловажными предлогами. Посему полагаю мнением: 1) решение епископа Евгения об отведении священника Архипова в другое село, по причине родства и сомнения о нем по бывшему делу, признать правильным. 2) В удовлетворение прихожан определить на его место другого достойного, который бы не был в родстве с прочими священно и церковно-служителями села Верхней Оржевки. 3) Поставить во внимание епархиального начальства остающееся многочисленное их родство, для уменьшения оногo, при благоприятных случаях, в согласность с Духовным Регламентом».

Святейший Синод вполне согласился с мнением святителя Филарета.¹¹³⁸ Так, рукоположенный святителем Филаретом исполнял наставления последнего, а этот последний не переставал поддерживать рукоположенного в духе своих наставлений и при исполнении сих наставлений в дальнейшее время.

Не прошло еще одного года со времени рукоположения Евгения во епископа Тамбовского, как на Филарета подобным же образом возложено было новое поручение Святейшего Синода – рукоположить ректора Владимирской духовной семинарии и архимандрита Переяславского Данилова монастыря Павла во епископа Костромского. Это рукоположение состоялось в день Святого Духа 26 мая 1830 года в Московском большом Успенском соборе. День был избран для рукоположения самый лучший во многих отношениях. Прежде всего этот день для самого рукополагаемого имел весьма важное значение. Он был родом из Переяславского уезда Владимирской губернии и особенное всегда питал уважение к находившимся близ его родины и устроенным в честь Святой Троицы монастырям: Переяславскому Данилову, Троицкому и Троице-Сергиевой Лавре. 7 лет от роду он привезен был в последнюю и помещен в находившуюся здесь духовную семинарию.

Это было в 1797 году, а в 1800 году, как известно, сюда же переведен был из Коломенской семинарии 18-летний Василий Дроздов, что в последствии митрополит Московский Филарет. С 1803 года Петр Подлипский (так звали в мире преосвященного Павла) стал уже под руководство Дроздова, как учителя, и находился под этим руководством до самого 1808 года, когда и он сам, будучи уже учеником богословия, отправлен был в ново открывшуюся Петербургскую академию, и Дроздов, уже в сане иеродиакона, был вызван туда же. В Петербурге опять Павел все время своего пребывания, т.е. до 1814 года, провел то под наставническим, а за тем под начальственным руководством Филарета. И только уже с 1814 года, по окончании курса в академии Павел на долго разошелся с Филаретом, быв определен учителем Владимирской семинарии. В 1817 году он

был пострижен в монашество, а в 1820 году был определен ректором этой семинарии и вместе с тем получил в управление Троицкий Данилов монастырь в Переяславле.

Управлял он этим монастырем до самого времени рукоположения в сан епископа, а долго спустя после того, прослужив Церкви в сане епископа Костромского (1830–1836) и архиепископа Черниговского (1836–1859), испросил себе увольнение на покой, при чем поместился опять в своем любимом монастыре Троицком Данилове, с управлением сим монастырем, в котором чрез три года и скончался (в 1861 году).

В виду такого значения Троицына дня для рукополагаемого, святитель Филарет, которому суждено было стать для Павла и отцом и руководителем по рукоположению во епископа, в своей речи к нему по рукоположении и при вручении жезла говорит ему: «Общее торжество Церкви во славу Святого Духа, се соделалось для тебя в особенности торжеством Святого Духа». И далее раскрывает подробности значения этого священно и церковно-исторического события в приложении к рукоположению и ново рукоположенному. «Но, продолжает наш оратор, празднуя для себя праздник Духа, не умедли обратить мысль твою на последующие за оным дни духовного делания. Против немощей и недостатков природы, ободряя себя надеждою на силу и избыток благодати, умеряй дерзновение сея надежды благоговейным страхом не легких обязанностей возложенного ныне на тебя служения. То и другое принадлежит к законам и требованиям Духа», в доказательство чего приводит Иез.3:14, 16–18, и на основании этого текста делает дальнейшее наставление, а в заключение вручает жезл и оканчивает наставление уже применением к сему значения жезла, как *жезла правости и жезла царствия*, а также и жезла утешения пасомых.¹¹³⁹

И Павел, по рукоположении своем, как святыню, хранил эту речь святителя отца к нему, стараясь на деле выполнять заключающиеся в ней наставления.¹¹⁴⁰ В свою очередь и святитель московский во все последующее время отечески относился к рукоположенному им во епископы Павлу,

доказательством чего служат многие письма святителя Филарета.¹¹⁴¹

По-видимому, Филарет так уже много говорил речей по рукоположении во епископа, что у него должен был бы истощиться и запас предметов для таких речей. Уже за одно царствование Николая мы видели целых шесть таких речей. И, однако, мы должны еще рассмотреть одну – седьмую. Разумею речь, говоренную в московском Успенском соборе в 12 день августа 1834 года по рукоположении ректора Черниговской духовной семинарии и настоятеля Черниговского Елецкого монастыря, архимандрита Агапита в епископа Томского и Енисейского. Эта превосходная речь, напечатанная и в Христианском Чтении за 1834 год и в собраниях слов и речей Филарета изданий 1835, 1844, 1848 годов, имеет весьма любопытную для себя историю. Как известно. Филарет говорил проповеди и речи свои обыкновенно с помощью тетрадки. Между тем многие, зная великость его проповеднического таланта, удивлялись этой привычке его. «Отчего, спрашивал Филарета, между прочим, наместник Сергиевой Лавры архимандрит Антоний, не беседуете вы с народом в храме без приготовления, как делал это часто митрополит Платон? И в обыкновенном вашем разговоре каждое ваше слово хоть в книгу пиши... Смелости недостает, отвечал владыка. Были, впрочем, случаи, когда я отваживался говорить без тетрадки и почти не готовясь. Так, при рукоположении Агапита во епископа Томского в Успенском соборе, надумался говорить к нему уже во время чтения апостола. И что сказал тогда, забыл по окончании речи. Дня три уже спустя, когда ехал я куда-то, вспомнил, что говорил, и дорогой, в карете, записал».¹¹⁴²

Любопытно теперь обратить внимание на самую речь, сказанную при таких необычайных условиях и, однако же, пользующуюся такой известностью. «Преосвященный епископ Агапит! – обращался он к ново рукоположенному в своей речи, Бога-Отца прозрением и предоставлением, царственным вкупе и священно-начальственным мановением Господа нашего Иисуса Христа, благодатью и действием Святого Духа, при молитвенном и рукоположительном служении со епископов,

приял ты ныне часть епископского дарования, предназначенного, по изъяснению апостола, к *совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (Еф.4:12). *Часть епископского дарования*, сказал я, не уменьшая твое настоящее приобретение, но из указания на целое, к которому принадлежит сия часть, желая извлечь полезные и утешительные для тебя мысли. Какое же это целое, которого часть досталась тебе в нынешнем даровании? Не меньше, как епископство Христово. Ибо самого Иисуса Христа апостол Петр называет, по славянскому переводу послания, *посетителем*, по греческому подлиннику, – *епископом душ* (1Пет.2:25). Он, разделяя свое собственное епископство душ, применительно к потребностям Церкви, коей Он есть *Глава* (Кол.1:18), *дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя* (Еф.4:11). Видишь, какого чудного достояния часть приял ты ныне, часть того дарования, которым благовестники предали и неповрежденным сохранили Евангелие Христово; которых пророки освещали мрак сокровенного и будущего; которым апостолы преобразили мир языческий в христианский; которым Иоанн возгремел о Боге Слове; которым Петр поколебал синагогу; которым Павел *от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнил благовествование Христово* (Рим.15:19); которым Афанасий, Василий, Григорий утвердили православие и низложили ереси; от которого Иоанн златыми струями учения усладил и напоил Церковь. Помышляй о сем, и воскрыляй твой дух, и возбуждай твою ревность, и утверждай твое упование на помощь свыше».

Надобно полагать, что назначение в епископы отдаленных от центра России стран Сибирских смущало и несколько страшило Агапита, что требовалось такое усиленное ободрение его со стороны рукоположителя его во епископы. То же ободрение, деланное доселе в общих чертах, в отношении к высоте сана, которым облечен был ново рукоположенный, продолжается затем и в более частных чертах, по применению собственно к личным потребностям характера и к месту, предстоящего служения ново рукоположенного. «Немощь ли

устрашает тебя? говорит оратор, вспомни, что и апостолу сказал Господь: *сила Моя в немощи совершается* (2Кор.12:9). Озабочивает ли тебя то, что не на готовый идешь престол, но должен будешь сам постановить и утвердить твое седалище,¹¹⁴³ и при том на такой земле, где не много засеянную ниву Христову окружают и плевелы и терние?¹¹⁴⁴ Воззри на Павла, который не только не приходил в смущение от подобных затруднений, но еще любил *благовестити не идеже именовася Христос, и не на чужом основании созидать* (Рим.15:20). Затрудняет ли тебя отдаленность паствы, тебе вверяемой?¹¹⁴⁵ Опять воззри на Павла, который, не довольствуясь тем, что своим служением наполнил пространство от Иерусалима до Иллирика, еще побуждаем был апостольскою ревностью распространить свои подвиги до Рима и до Испании; или, если трудно смотреть так далеко, воззри на собственном твоем пути на святого Стефана Пермского,¹¹⁴⁶ на святого Иннокентия Иркутского.¹¹⁴⁷ Не добрые ли предшественники? Не благ ли путь, который лежит по следам их? Прими же благодушно и благонадежно сей, частью, если угодно, и путничный, наипаче же пастырский жезл; и гряди в крепости Господней, и совершай спасение людей Божиих. По образу древнего патриарха, с жезлом *сим преиди предел Европы, и да даст Господь, да будеши более, нежели в два полка* (Быт.32:10) спасаемых.¹¹⁴⁸

Подлинно не большая, но прекрасная речь, достойная быть образцовым руководством для всякого епископа тем более, что у всякого епископа есть свои трудности, требующие такого же ободрения, которое преподано было в 1834 году Агапиту. В тоже время речь эта, нельзя не согласиться, имеет так много различного от рассмотренных доселе речей подобного рода, что представляется как бы совершенно новым, независимым от них, плодом проповеднической деятельности святителя московского; а в виду сказанного выше об условиях её происхождения, невольно заставляет удивляться силе и обширности проповеднического таланта Филарета.

Не более семи лет, однако, потрудился преосвященный Агапит на своей новой «не много засеянной ниве». 10 июня 1841 года он получил увольнение от управления Томскою

епархией и назначен был членом Московской Синодальной Конторы и, таким образом, поступил в число епископосотрудников своему рукоположителю по служению Московской епархии, быв в таком положении до 1 января 1854 года, когда скончался. В течение этого свыше 13-летнего периода служения своего в Московской епархии, он состоял, сверх того, известное время настоятелем Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, ставропигиального монастыря, управлял и Донским ставропигиальным монастырем, и был благочинным монастырей.

Благодаря некоторым странностям своего характера и действий он в это время иногда и доставлял много беспокойств и огорчений святителю Филарету, однако, в общем добрые отношения их между собою никогда не прекращались, главным образом, конечно, потому, что сам Филарет не переставал быть ему истинным отцом, щадившим его немощи, как о том свидетельствуют многочисленные случаи из обширной переписки Филарета с разными лицами. Филарет с нежностью любящего отца и старшего брата посещал его во время его болезненных состояний, и если не мог быть на погребении его, то единственно потому, что сам сильно занемог. В свою очередь и Агапит ценил это расположение и добрые отношения к нему Филарета.¹¹⁴⁹ Так всегда крепки для Филарета были узы, которыми связывались епископы по рукоположению. Мы не забыли, конечно, как, например, сам он относился к своему рукоположителю Серафиму, митрополиту Новгородскому, не смотря на огорчения, которые иногда от него испытывал. Так он относился и к своим сынам по рукоположению. И от того-то для самих рукоположенных им так плодотворно было это его к ним отношение.

Помощь, которую оказывали Филарету его викарии и другие, пребывавшие в Москве и Московской епархии, епископы, была многообразна и в общих чертах своих была точно определена особыми частью синодальными, частью местными консисторскими указами и постановлениями. Но в лестнице лиц церковного управления Московской епархии далеко не последнее место занимали и другие лица

духовенства Московского, как-то: архимандриты, протоиереи, священники и т.д. В настоящем нашем исследовании нам нет надобности входить подробно в эту сторону жизни Московской епархии. Мы только скажем, что если святитель Филарет самих епископов не оставлял без своего отеческого наставления с церковной кафедры и без дальнейшего руководства, то тем более этого нужно было ожидать в отношении к низшим чинам церковной иерархии в подведомой ему епархии. Говорить ли о том, как много было назидательного в этих архипастырских беседах мудрого святителя с вверенным ему духовенством, в этих его наставлениях последнему, раздававшихся не только с церковной кафедры, но и в частных, личных его сношениях с теми или другими духовными лицами. Многим и весьма многим из здравствующих еще доселе лиц духовенства Московского, в Москве ли или в других местах, совершающих теперь свое служение, глубоко памяты эти беседы и наставления почившего святителя. Особенно же учительная сторона деятельности духовенства обращала на себя внимание святителя, который сам был великим учителем Церкви. Кому из лиц бывшего в его время Московского духовенства не памяты те случаи, когда Филарет просматривал их проповеди и с ними беседовал по поводу тех или других достоинств или недостатков сих проповедей? В свое время и в своем месте мы подробнее рассмотрим эту сторону дела.

А теперь мы обратим внимание лишь на один случай подобного рода, бывший в царствование Николая Павловича и имеющий не маловажное значение. «В праздник святителя Алексия, 12 февраля 1854 года, читаем рассказ современника об этом случае, высокопреосвященный Филарет служил в кафедральном Чудовом монастыре с двумя архимандритами, двумя протоиереями (Адриановским и Троице-Арбатским) и двумя иеромонахами. Небывалое прежде назначение к служению в монастыре приходских протоиереев, не их одних удивило. Что бы это значило? Некоторые полагали, что митрополит наградит их палицей (а это было возможно тогда без представления в Синод), но этого не случилось. В конце литургии он сказал им: “я буду говорить слово, а вы на солею (к

амвону) выйдете”. Проповедь его была на этот день особенно замечательна применимостью к пастырям духовным». ¹¹⁵⁰

Эта проповедь сказана была на текст: *Повинуйтесь наставником вашим и покоряйтесь, тии бо бдят о душах ваших* (Евр.13:17). Не раз уже и раньше святитель-вита избирал этот текст для своих проповедей на день святителя Алексия. Но как в других подобных случаях, так и здесь, он сумел найти новую сторону в содержании текста и на ней утвердить главную мысль проповеди. Главное внимание слушателей обращает он в настоящий раз на последние слова приведенного текста, раскрывает важность бодрствования наставников о душах, наставляемых или вверенных руководству их, ровно, как и важность и необходимость таковых наставников, а затем говорить: «слышащие сие, может быть, думают, и готовы сказать: дайте нам таких наставников, как святой Павел, как святой Алексий, мы желали бы повиноваться и покоряться таким наставникам».

И далее, обращая слово ближе всего на себя и на стоявших здесь же представителей духовенства, продолжает: «Приемлю обличение и обращаюсь к себе и другим, на которых, по судьбам Божиим, пал жребий бодрствовать о душах. По истине, братия и сослужители, со страхом и крайнею заботою должны мы помышлять, таковы ли мы, каких требует наше служение. Не говорю, облечены ли вы особенными знаменами благодати, как святой Павел, как святой Алексий. Особенности, чрезвычайные дары благодати Дух Святой раздает, якоже хочет, и они не были никогда предметом общего требования. Но довольно ли мы стараемся снискать духовное просвещение для себя, чтобы основательно и удостоверительно наставлять других? Так ли благоустроаем нашу жизнь, чтобы она могла поучать без слова, паче слова? Бодрствуем ли о душах? Как будем наставлять других, если не ревнуем о наставлении самих себя? Как будем руководить к духовной жизни других, если наша жизнь опутана мирскою суетою? Как возбудим других к прилежной и непрестанной молитве, если у нас в совершении церковной молитвы могут они примечать не довольно благоговейного внимания и точности в исполнении отце преданного чина?

Словесные овцы, не как бессловесные, могут сами различить безопасную пажить от опасной дебри, и потому сами будут виновны, если сделаются добычею волка, но не будет ли виновен пастырь, который дремлет тогда, как рассыпающихся овец надлежало бы останавливать и собирать? Да внимаем себе и служению нашему, дабы грозное слово Господне, изреченное на пастырей Израилевых, не возгремело и на нас: *пасоша пастырие самих себе, а овец Моих не пасоша. Се Аз на пастыри»*¹¹⁵¹ (Иез.34:8:10).)

Итак, вот для чего, для слушания проповеди вызваны были и к служению в Чудов монастырь и на солею представители белого духовенства. В согласии с такою целью проповеди, Филарет, посылая последнюю в рукописи к наместнику Лавры Антонию, в письме от 16 февраля писал ему: «Для посылаемой при сем тетради желаю, во-первых, вашей, отец наместник, цензуры. Думаете ли, что сказанное годится и читать, особенно духовенству? Если ваша цензура рассудит остановить всю тетрадь, или сделает замечания, возвратите оную ко мне. А если пропустит ваша цензура, то предложите цензуре академической, и пусть она изречет свой суд».¹¹⁵² Конечно, и та и другая цензура нашла проповедь святителя-вителии вполне заслуживающею напечатания для общего назидания, особенно же для наставления духовенства. И проповедь была в том же году напечатана в академическом издании: Творения святых отцов и затем в собрании слов и речей Филарета издания 1861 года.

Хотя и много было лиц, так или иначе споспешествовавших Филарету в его управлении московскою епархией и паствою, однако, сам первосвятитель и первостоятель Церкви Московской, т.е. сам Филарет, всюду шел впереди всех их, давая им в себе и своей собственной деятельности поучительный пример истинного Архипастыря, неусыпно бодрствующего о душах пасомых. Так, между прочим, викарии Филарета и другие пребывавшие в Москве и московской епархии епископы помогали ему посещениями епархии, освящениями храмов приходских и монастырских, священнослужениями в праздничные дни и т.п. Но и сам Филарет, не

смотря на обременение множеством разнообразнейших дел, не смотря на общую слабость здоровья и частые недуги, особенно же при постепенном умножении лет исполненной неустанного труда, беспокойств и неприятностей жизни, нес неленостно то же бремя, когда то было нужно и когда его о том просили. В течение 30 лет царствования Николая Павловича он посетил значительное число мест, более или менее отдаленных от Москвы, и некоторые из них даже не раз, открыл несколько новых обителей иноческого жития, освятил множество храмов и т.д. И прежде всего в отношении к посещениям епархии, мы отметим то, что до 1842 года Филарет, кроме ежегодных почти выездов из пределов епархии в Петербург на заседания Святейшего Синода, однажды посетил соседственную с Московской – Ярославскую епархию, как мы о том упомянули в свое время.

Это было в 1836 году, летом, когда Филарет посетил Ростов и 14 июня освятил здесь храм святителя Иакова в первоклассном ставропигиальном Иаковлевском монастыре,¹¹⁵³ после чего там же проповедь сказал, начинающуюся словами: «Говорить ли мне здесь? Тратить ли для соседней нивы семя слова, которого запас в моей малой кошнице слишком скуден да насеяния участка земли, собственно мне указанного небесным Земледельцем?» и т.д.¹¹⁵⁴

Равно также и свои поездки в Петербург и возвращения оттуда в Москву Филарет далеко не всегда оставлял без особенного указания на то в своих проповедях. По крайней мере мы не можем опустить из внимания следующих двух случаев. В 1827 году, когда Филарет, после четырехлетнего почти перерыва, снова вызван был в Петербург по особому высочайшему повелению, пред отправлением своим из Москвы он сказал замечательное во многих отношениях и глубоко трогательное слово в день святителя Алексея 20 мая в Чудове монастыре на текст: *и ныне се аз связан духом, гряду в Иерусалим* (Деян.20:22). На извещение из Москвы в Тобольск об этой проповеди тогдашний преосвященный Тобольский Евгений (Казанцев) писал извещавшему родственнику своему, московскому священнику И. А. Благовещенскому, от 21 июня

того же 1827 года следующее: «желал бы, если имеете, прочесть прощальное слово вашего Владыки. Текст выбран прекраснейший. Должно быть и приложение важное».¹¹⁵⁵

Евгений знал недавние отношения известных лиц в Петербурге к Филарету и потому естественно предполагал, что Филарет в рассматриваемой проповеди прилагает не к кому-либо другому, как к себе, эти знаменательные изречения св. апостола Павла, сказанные им в присутствии пресвитеров Ефесских пред отправлением своим в Иерусалим на грядущие и не безызвестные опасности, его там ожидавшие.

Но Филарет имел слишком много тонкости ума и знания меры, чтобы допустить прямо к себе такое приложение. В проповеди он говорит вообще, без выделения себя из среды других христиан, о служении Богу, как своего рода свободном подчинении, если угодно даже рабстве поставленным от Бога законам, как духовных узах (*связан духом*). Но при этом и как бы в одушевление себя на предстоящую поездку, он между прочим взывает: «О, блаженный плен! О, сладкие узы! Неограниченно свободная неволя! Высоко-владычественное рабство! Ибо что есть плен духа, как не все побеждающее убеждение истины? Что суть узы духа, разве крепко всеобъемлющая любовь? Добровольная неволя самоотвержения есть совершенная воля Божия, и глубочайшее порабощение закону духа есть высокое право гражданства в Царствии Божиим, которого последняя цель есть не та, чтобы поработить свободных. Но чтобы рабов соделать свободными, и даже царями и иереями Богу нашему. Посему пленник и узник духа не захочет расторгнуть свои узы, или выступить из своего плена, ни для какой свободы плоти, ни для какого владычества в мире, ни по какому побуждению человеческому, как бы оно ни казалось благовидным».

И далее, перечисляя случаи, в коих побуждения человеческие могли бы препятствовать исполнению воли Божией, служению последней, говорит между прочим: «Евангелие посылает нас искать примирения со врагом, желательно, говорим мы; но по нынешнему образу мыслей сие унизило бы нас в глазах других, и было бы принято или за

действие слабости духа, или за признание нашей вины, которой мы за собою не знаем», и т.д.¹¹⁵⁶ Во всем этом и подобном нельзя не видеть косвенного указания на личные обстоятельства и отношения проповедника в виду его предстоящей поездки в Петербург. Не даром же эту проповедь он до конца своей жизни не допускал к напечатанию, и ее сохранил только в рукописи один из почитателей Филарета. Но глубокая преданность в волю Божию не осталась бесплодной для святителя. В Петербурге он был принят, особенно в царской семье, так хорошо, как нельзя лучше; а поскольку такое отношение к нему августейшего семейства естественно и даже по необходимости вызывало подобные же (если не во всех по существу, то во всех по наружности) отношения и в других лицах, так или иначе соприкасавшихся с ним, то опасности путешествия в Петербург после событий 1824 года можно было считать вполне устраненными.

И это Филарет ясно выражает уже в своей проповеди на 28 мая следующего же 1828 года, произнесенной в Москве по возвращении из Петербурга.¹¹⁵⁷ Но тогда главное внимание проповедника обращено было на дар царя в память персидской войны и на царское поручение принести этот дар к мощам святителя Алексия в Чудове монастыре. В 1829 году другие обстоятельства (предстоявшее, прямо по возвращении из Петербурга, рукоположение Евгения во епископа Тамбовского, посещение города Клина и т.д.) воспрепятствовали Филарету яснее выразить свои радостные чувствования и мысли по поводу впечатлений, вынесенных из Петербурга. И только наконец в 1830 году, в тот же знаменательный для него день 20 мая, т.е. в день святителя Алексия, он нашел возможным сказать «слово в день обретения мощей» святителя Алексия и «по случаю возвращения к Московской пастве». Это слово сказано было в Чудове же монастыре на текст: *целуют вы святии вси, паче же иже от кесарева дому. Благодать Господа нашу Иисуса Христа со всеми вами (Флп.4:22–23).*

«Возвратясь в сей Богоспасаемый град, так начинает свое слово святитель-вития, к которому неисповедимые судьбы Божии привязали меня сколько благими, столько же страшными,

потому что священными, узами, многое имею говорить ныне от избытка сердца, и всего первее, благодарно прославить Бога, всех благ виновника. Который благоволил уже четвертому, от здешних пределов отдаленному и продолжительному пришельствию моему безбедно кончиться.¹¹⁵⁸ Если только можно сие назвать окончанием пришельствия для тех, которые *не имамы zde пребывающего града, земного, но грядущего взыскуем, небесного* (Евр.13:14); потом, благоговейно приветствовать тебя, не только высокого благодатью священнодействия, но и открытою благодатью чудодействия. Преосвященная Главо¹¹⁵⁹ и твоих содругов, вас, которые боголепно населяете сии древние твердыни нетленными телесами вашими, наипаче же духом Богоугодных молитв ваших, да укрепите ими немощь мою, исправите недостойнство мое, и благословите меня вновь явиться на поприще по вас наследственного служения; с любовью приветствовать и всех здесь предстоящих и здесь обитающих общников единомысленной во Христе веры, сподвижников едино-законного по Богу жития, в каком бы звании ни был кто призван чтить истинного Бога, служить обществу, благотворить ближнему, созидать свое спасение, только бы достойно ходил вышнего звания христианского; в особенности с утешением приветствовать общников и сподвижников священного служения, и в отсутствии предстоятеля, так же как в присутствии, не смятенно и не постыдно сохраняющих свой чин и утверждение и, таким образом, являющих в себе знамение церкви, во веки непоколебимой. Но, вдруг прерывает изливание своих чувств и изображение своих впечатлений вития, как воду берегом, удерживаю слово заповедью отцов, повелевающею, для всего что делаем и говорим, иметь свидетельство Божественного писания».

И соответственно тому, равно как и в согласии с положенным в основание проповеди текстом, далее излагает обстоятельное учение о благодати Божией. А пред концом проповеди опять говорит: «возвращаясь к приветственному слову апостола, которое послужило руководством настоящему слову, примечаю, что он не оставил последовать и тому обычаю

приветствующих, чтобы приветствовать не только от своего лица, но, при благоприятном случае, и от лица других знакомых и любимых. *Целуют вы, говорит, святии вси*, т.е. вообще христиане столичного города Рима, откуда он писал сие, *паче же иже от кесарева дому*. Почему *паче иже от кесарева дому*? Вероятно, потому особенное внимание обращает на них святой Павел, чтобы подать филиппийцам утешительную мысль, что и между царедворцами кесаря есть уже верующие во Христа, и что вера постепенно приближается к predetermined ей победе над царями и царствами. Вероятно, и сами христиане, *иже от кесарева дому*, просили апостола приветствовать от них прочих христиан, живущих вне столицы, дабы не оставить сомнения себе и другим, что христианская любовь их не стесняется связями и приличиями светскими, что же? Могу ли некоторые подобные вести из новой столицы возвестить обитателям древней столицы? Почему не сказать, что тамошние общники веры нашей пребывают в нераздельной с вами христианской любви, так как и тамошние пастыри в нераздельном единомыслии веры? Скажу ли и то, что целуют вы, *иже от кесарева дому*? О! могу, могу сказать несравненно более. Целует вас сам кесарь возлюбленный. Так! Сам благочестивейший император посылает чрез мою мерность слово Его высокого благоволения, привет, любви *доброй Москве*. Доброй Москве! Вы тотчас догадаетесь, что это не я ласкаю вас в глаза, но что сердце царя, который не имеет нужды ласкать: любящее сердце царя отверзается к верной столице. Вслушайтесь еще раз добрые верою и верностью сердца: ваш царь, соступя любовью с высоты величия, в превышающей самое величие простоте любви, вас приветствует. Примите сию добрую весть, понесите ее из дома в дом, со стогны на стогну; пусть она выйдет и за врата обширного града; пусть пройдет по селам и градам, ближним и дальним; услышав ее, они не позавидуют нам, но порадуются с нами, зная, что добрый царь всех добрых россиян любит единою любовью; пусть бы, если можно, пронеслась весть сия и за пределы отечества вашего, чтобы и там знали нашу радость и наше благополучие; пусть бы достигла она до тех народов, у

которых в наши времена о государственном устройстве и об отношениях между предержащею властью и подданными столько споров и распрей, что от них все общественные связи трещат, все столпы политических зданий колеблются, пусть бы они прочитали у нас явственнее на сердцах, нежели на хартиях, написанное, краткое, но всеобъемлющее постановление государственное, которое заключается в следующих словах: *святость власти и союз любви между государем и народом*. Впрочем, заключает вития свое слово, как они хотят. Мы, благочестивые россияне, да сохраняем тщательно живую скрижаль спасительного царству закона, любовь царственную. Бога же, Который даровал нам государя, сею любовью, как солнце, на нас сияющего, не престанем умолять, да продолжит сохранять, укреплять и руководствовать его Своею вседействующею благодатью, которая более, нежели примечает недальновидная природа, участвует как в спасении душ, так и в спасении царств и народов. Аминь». ¹¹⁶⁰

Таковы впечатления и мысли, вынесенные Филаретом из Петербурга, выношенные им в его сознании и выраженные в слове проповеди к сожалению, также до самой кончины проповедника остававшейся не напечатанною. Но не даром душа его всегда так сильно рвалась из Петербурга в Москву, добрую и родную ему Москву. Как в гостях ни хорошо, а дома все лучше, говорит народная мудрость. С большею охотою, при тех же телесных немощах, святитель московский и совершал путешествия по московской епархии даже в отдаленнейшие от Москвы города и села, нежели путешествия в Петербург. Мы уже не говорим о ежегодных его путешествиях в Сергиеву Лавру, отстоящую от Москвы на 60 слишком верст. Много и других путешествий по епархии совершал он; причем во многих местах совершал Богослужение, освящал храмы, говорил поучения, и т.д.

Само собою разумеется, что мы будем указывать лишь на те места его путешествий, в коих он говорит проповеди. Первым из таких мест, по времени произнесения в них проповедей, должно назвать родину Филарета, город Коломну. Как мы уже знаем из раньше сказанного, ¹¹⁶¹ Коломну Филарет, в

царствование Николая Павловича, посетил, с произнесением там проповеди, два раза: в 1828 и в 1853 годах.¹¹⁶² В 1828 году он там был в августе, причем, конечно, навестил и родных своих, в числе коих тогда еще живы были пребывавшие в Коломне родительница его и родной брат Никита Михайлович, состоявший священником при Богоявленской города Коломны церкви. Не оставил своей родины Филарет и словом проповеди. Именно 4 августа, по сообщению М. М. Евреинова, Филарет освящал здесь храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы и по освящения сказал слово, очень сходное с словом, которое значится произнесенным в 1841 году по освящении храма св. Николая, в Перервинском монастыре.¹¹⁶³

Слово сказано на текст: *и исполню храм сей славы* (Агг.2:8–10), и потому начинается так: «сие сказал от имени Божия пророк Аггей, когда храм Иерусалимский, разрушенный вавилонянами, вновь созидаем был иудеями, после пленения вавилонского. Пророк предвещал им славу храма, как поощрение и награду их подвига в созидании одного. И здесь видим храм, давно некогда созданный, а ныне воссозданный и освящаемый, только не после разрушения от враждебной руки, но после обветшания по времени», и т.д.¹¹⁶⁴ В соответствии тому в проповеди предлагается учение о славе храма христианского и наставление о том, чтобы как создатели, так и посетители храма были достойны исполнения на нем изречения пророка Аггея же: *велия будете слава храма сего, последняя паче первая* (Агг.2:10).¹¹⁶⁵

Затем 5 августа святитель вития говорил в Коломне же другую проповедь «в неделю дванадесатую», на текст: *скажу же вам, братие, благовествование, еже благовестих вам* и т.д. (1Кор.15:1–2), причем излагает учение о сущности предмета сего благовествования – о спасении и, кроме раньше указанной нами,¹¹⁶⁶ похвалы благочестью жителей Коломны, дает им и предостережение от людей, приносящих к ним нечто противоположное сему благовествованию, – от лжесловесников, особенно же от раскольников, которых и в Коломне и около Коломны было много.¹¹⁶⁷ А в заключение проповеди потому говорит: «Верные и познавшие истину

братия! В глазах наших один из признаков последних времен: тем паче *бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь*, вооружаясь, впрочем, против разномыслящих и не враждою, но молитвою и любовью: *вся вам любовью да бывають* (1Кор.16:13–14) Аминь». ¹¹⁶⁸

С любовью и Филарета как встретили, так и проводили жители Коломны, особенно же удостоившиеся его посещения сродники его по плоти. ¹¹⁶⁹ В другой раз говорит проповедь в Коломне святитель 7 сентября 1853 года, по освящении храма Введения во храм Пресвятой Богородицы. Эта проповедь сказана была на текст: *уже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю, Соломон же созда Ему храм* (Деян.7:46–47) и рассуждает о важности благодати храма Господня для всех и для каждого; а в заключение её говорится: «Да благословятся от Господа христоролюбиво споспешествование созданию и воссозданию, обновлению и украшению храма сего; и прежние уже отшедшие ко Господу, да благословятся у Него благословением вечным, и нынешние, пребывающие с нами, благословением временным и вечным. Благословенны да будут и все, входящие во храм сей со благоговением; да щедренными и благодарными душами славится Пресвятое имя Отца и Сына и Святого Духа, во веки. Аминь». ¹¹⁷⁰

В 1829 году Филарет впервые утешил словом проповеди своей и жителей города Клина, чрез который он каждый раз проезжал на пути как в Петербург, так и из Петербурга. Но в 1829 году, возвращаясь из Петербурга, он наконец решился сказать в Клинском соборе «слово во вторник недели о слепом» 21 мая. Это слово сказал он на текст: *Мне подобает делати дела Пославшего Мя, дóндеже день есть, приидет ночь, егда никтоже может делати* (Ин.9:4), и в виду сейчас сказанного, начал его так: «Мимоходом обретаюсь я в сем богоспасаемом граде, и, хотя, желанием спешаю к пределу путешествия, ¹¹⁷¹ но удержало меня здесь воспоминание, что в течение восьми лет седьмой уже раз нахожусь между вами, а еще очень мало пользовался общением вашим. Привлекает меня к христоролюбивым обитателям сего града и другое воспоминание,

что в сии годы новою деятельностью ознаменовалось усердие ваше к церкви, в пробудившейся заботливости о храме, долго создаваемом; наипаче же возбуждает меня слово Христа Спасителя, Который и Сам Себе дал правило, и нам, аще и недостойным рабам Его. преподал наставление: *делать дела посольства Его дондеже день есть*, не пропускать благовременности сделать что-нибудь по воле Его, во славу имени Его. Сего ради после общения с вами, по возможности в молитве и тайнодействии, приступаю ныне к общению в слове и учении общего нашего спасения». И далее предлагает поучение, на основании поставленного в начале проповеди текста, о нужде делать дела Божии *дондеже день есть*.¹¹⁷² Храм, о котором, как «долго создаваемом», упоминается в этой проповеди, есть именно самый соборный храм в честь Пресвятыя Троицы, который наконец и отстроен был в 1836 году и в том же году 24 мая был освящен святителем Филаретом, также на возвратном пути последнего из Петербурга. По освящении соборного храма Филарет опять сказал проповедь, на текст: *и бяху выну в церкви, хваляще и благословяще Бога (Лк.24:53)*.

Он так начинает ее: «Восхвалим и мы Бога, в Троице покланяемого, Начальника и Совершителя всякого создания, во веки благословенного в церкви святых. Ныне особенно да восхвалят Бога братия святого храма сего. Труд многих лет наконец окончен. Заботы прекратились. Долгое ожидание исполнилось. Храм, усердием вашим воздвигнутый, благодатью Божией совершен и освящен. Не без заботы был и я свидетелем трудностей в его созидании. Здание предпринято было почти не по силам вашего малого града. Надлежало не только созидать, но частью и пересозидать не благолепно созданное. Надлежало по временам останавливать дело, потому что истощались средства продолжать оное. Видно, ревность ваша не изнемогла, потому что помощь Божия вас не оставила. Радуюсь ныне с вами, не столько вашему облегчению от труда и заботы (хотя и сему радуюсь), сколько тому, что вы понесли труд Богоугодный, заботу душеполезную; и что Бог принял от вас дар усердия, потому что возниспослал на оный дар освящения.

Возблагодарим Бога, тако благоволившего, возблагодарим не только словом, но наипаче сердцем и делом. Имев усердие к созиданию храма, имейте усердие ко храму созданному. Утешаясь им, как делом вашего усердия, почтите в нем дело благодати Божией. Пользуйтесь освященным храмом для собственного вашего освящения: ибо иначе для чего было бы и созидать, и освящать оный? «И далее естественно поучает слушателей о том, коли ко храм Божий нам нужен и спасителен».¹¹⁷³

Эту проповедь, которая, после сказанного выше; не требует разъяснения, как сама себя уясняющая в историческом отношении, в назидание Клинских граждан, Филарет отдал в цензурный комитет, для разрешения напечатать ее отдельными оттисками.¹¹⁷⁴ А потом она вошла и в собрания слов и речей Филарета изданий 1844–1845 и 1847–1848 годов.

Подобно Клину и город Бронницы несколько раз имел счастье видеть владыку Филарета среди своих жителей. Но только в 1846 году Филарет впервые имел случай утешить и этот город своим поучительным словом. Таким случаем было «освящение храма Пресвятой Богородицы, в честь иконы её Иерусалимской, в городе Бронницах, совершившееся февраля в 3 день 1846 года».

Это то самое слово, которое, однако, же, при всем желании своим сказать его лично, Филарет, за болезнью, не мог сказать сам, а поручил прочитать архимандриту, и которое уже известно нам по отделу об отношении Филарета к расколу. Теперь мы приведем из него лишь начало. «Множкратно, братия, читаем в самом начале проповеди, посещал я град ваш, и каждый раз чувствовал себя не удовлетворенным; потому что в краткой только молитве участвовал с вами, в вашем древнем храме, будучи скоро увлекаем другими требованиями моего служения. Посему ваше желание встретилось с моим собственным желанием, чтобы нам иметь более обильное с вами общение в соборной молитве, при благодатном тайнодействии освящения храма, вами созданного. Что же, если и теперь желаемое исполниться не может, и я должен сказать с апостолом: *восхотех приити к вам, и возбранен бых (Рим.1:13)?* Не будем

смущены или огорчены не исполнением наших смиренных желаний, если и апостольские желания, по судьбам Божиим, не всегда исполняются! Скажем с псалмопевцем: *не Богу ли повинется душа моя?* (Пс.61:2) Дело освящения есть дело Божие. Благодать одинаково совершает оное тем или другим орудием, по установленному ею чину. Я же хочу сделать, что могу, побеседовать с вами, если нельзя самолично, то, хотя, чрез другие уста».

И затем, с обычным утешением взирая как на усердие Бронницких граждан в создании храма, так и на плоды этого усердия, очевидные в самом создании и освящении храма, святитель-вития предлагает вниманию своих слушателей учение «о том, какое благо приобрели мы, когда приобрели освященный храм Божий».¹¹⁷⁵ Но если в 1846 году немощь воспрепятствовала святителю Филарету лично побывать в Бронницах и лично побеседовать с жителями сего города, то в следующем 1847 году ему удалось исполнить это беспрепятственно. В этом году в Бронницах был окончен постройкой и приготовлен к освящению другой храм, во имя святителя и чудотворца Николая. Филарет был приглашен на освящение, и не отказался. Освящение состоялось 8 июля. По освящении храма Филарет сказал поучительное слово на текст: *братие святая, звания небесного прличастницы, разумеите Посланника и Святителя Исповедания нашего – Иисуса Христа* (Евр.3:1).

В этом изречении апостола святитель-вития находит и приветствие и поучение; но прежде нежели занимать внимание слушателей этим приветствием и поучением, вития находит нужным вознести славославие Богу за Его щедроты по приведению к окончанию устройства и освящения храма, а затем говорит: «вспоминая и о щедротах братий, споспешествовавших созданию и благоустроению сего храма, благодарю плодоносящих и добродетельных во святом и всечестном храме сем, и благодарю за них Бога, и призываю им, во первых, *всякое благословение духовное в небесных о Христе* (Еф.1:3), а за тем и земные благословения на потребу жизни временной. Но вместе с сим, продолжает вития,

приглашаю как их, так и всех, и над собственною вашею Богоугодною щедростью признавать Божии щедрости».

И далее, доказав эту последнюю мысль, обращается к изъяснению вышеприведенного апостольского приветствия и поучения, с поучительною для слушателей целью, при чем в заключение так же, как и в 1846 году, не преминул предостеречь последних от «мнимых ревнителей исповедования, которых никто не послал, никто не посвятил, у которых нет ни святителя, ни святыни» и т.д., впрочем, и не сущих от двора Господня с любовью призывая в спасательную ограду Христову и молясь о них.¹¹⁷⁶ Как прошлогодняя, так и эта проповедь, по желанию Бронницких граждан, напечатана и отдельно и за тем вошла в собрание 1847–1848 годов. «Путь мой в Бронницы, пишет святитель Филарет к наместнику Антонию по возвращении в Москву, от 10 июля, благодарение Богу, совершился благополучно. Путь от Москвы до Бронниц продолжался без отдыха девять часов, потому что на дороге слушал я литургию, и посетил несколько церквей».¹¹⁷⁷

Но едва лишь приехал из Бронниц неутомимо деятельный святитель, едва лишь немного отдохнул от этого пути, как в июле же месяце снова отправился в путешествие по епархии. «Семь дней, пишет он к А. Н. Муравьеву от 28 июля того же 1847 года, я путешествовал, можно сказать, без отдыха, был на перенесении мощей преподобного Саввы, совершил в будни праздничную службу в Волоколамском соборе, освятил две церкви в Иосифове монастыре, в последний из семи дней слушал литургию в Иосифове монастыре, был по дороге в нескольких церквях, не мало походил по Новому Иерусалиму и, пришед домой в одиннадцать часов вечера, нашел Ваше письмо. Это было 22 дня. При большой усталости от путешествия, и дома до сих пор не нашел отдыха, которым только теперь, по возвращении из Новодевичьего монастыря от праздника, начинаю пользоваться, полагая в отдых и то, что к Вам пишу».¹¹⁷⁸ Эти слова самого святителя мы нарочито привели для того, чтобы видеть образчик его путешествий по епархии, во время коих между прочим, совершались и указанные нами случаи произнесения им проповедей, как

частичка дел, которые совершать он во время этих путешествий. И как в предшествующее, так и в Николаевское царствование все эти проповеди, как произнесенные пред иным кругом слушателей, нежели какой предстоял Филарету в Москве, отличаются величайшею простотой изложения и доступностью понимания для всякого даже и необразованного, не говоря о получивших, хотя, какое-либо образование.

Мы видели, что большая часть проповедей Филарета, произнесенных во время путешествий его по епархии, имела для себя случаев освящение храмов. Видели мы также и то, с каким утешением святитель взирал на созидание, обновление и благоуукрашение храмов Божиих, с какою радостью спешил он на освящение сих последних и с какою готовностью отзывался на это доброе дело словом проповеди. С этою целью он посещал также и монастыри, более или менее отдаленные от Москвы и уединенные от шума городской жизни, даже и некоторые селения, лежавшие в большем или меньшем отдалении от Москвы, не говоря уже о храмах в самой Москве, им же самым освященных. Нам нет возможности, да и нет нужды рассматривать с большею или меньшею подробностью все эти случаи освящения храмов Филаретом в Москве и Московской епархии. Одно исчисление тех случаев, в которых Филарет по освящении храмов говорил и проповеди, покажет нам, как много было этих случаев за время царствования Николая, и одно это исчисление, в хронологическом порядке и с указанием необходимых обстоятельств дела займет у нас довольно много места.

Первый за рассматриваемое царствование такой случай, если не считать выше упомянутых, был в Песношском монастыре, где 29 июня 1829 года Филарет освятил храм во имя святителя Димитрия Ростовского чудотворца и по освящении сказал слово на текст: *се удалился бегая, и водворился в пустыни. Чаях Бога спасающего мя от малодушия и бури* (Пс.54:8–9). Слово, имеющее в основании своем такой текст, как нельзя более соответствовало духовным потребностям иноков, населявших обитель, действительно удаленную «от градов и селений»,¹¹⁷⁹ или паче от соблазнов, умножающихся в

многолюдстве их, как говорит сам вития во вступлении в него, и нельзя не пожалеть, что оно до самой кончины святителя-витии не было напечатано.¹¹⁸⁰

2) Далее следует освящение храма Воскресения Христова на Московском Ваганьковском кладбище 13 сентября 1831 года. По освящении этого храма святитель Филарет сказал слово на текст: *скры мя в селении своем в день зол моих, покры мя в тайне селения своего, на камень вознесе мя (Пс.36:5)*; и рассуждает в нем «о благочестивом обыкновении созидать храмы Божии на местах погребения усопших, и погребать усопших при храмах Божиих».¹¹⁸¹

3) Слово по освящении храма Святого Духа на Московском Даниловском кладбище, говоренное сентября 25 дня 1832 года, на текст: *благодать даяния пред всяким живым (да будет), и над мертвецем не возбрани благодати (Сир.7:36)*. В начале этого слова святитель-вития с особенною радостью и благодарностью воспоминает о щедром жертвователе на этот и два другие храма, пожелавшем оставить в неизвестности свое имя, и затем в самом слове рассуждает обстоятельно о молитве за усопших и её необходимости.¹¹⁸²

4) Слово по освящении храма, какого именно, неизвестно, относящееся к 1832 году, сказанное на текст: *ты же сыне человек, покажи дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих (Иез.43:10)* и имеющее поучительною целью своею увещание слушателям, да престанут от грехов своих, с помощью храма, как средства освящения.¹¹⁸³

5) Слово по освящении храма св. великомученика Димитрия в доме призрения для ведомства духовного попечительства, устроенном гвардии капитаном Дмитрием Петровичем Горихвостовым, говоренное 2 октября 1832 года, которое еще будет предметом особого нашего рассмотрения.

6) Слово по освящении храма святителя Митрофана в Хотьковском монастыре, в 1833 году, уже рассмотренное нами.¹¹⁸⁴

7) и 8) Также рассмотренные нами слова – по освящении храма св. Марии Магдалины; в Градской и св. великомученицы

Екатерины в Екатерининской больницах, произнесенные в том же 1833 году.

9) Слово на освящение храма в честь иконы Божией Матеря Казанской, что в Казенной, в Москве, говоренное 18 июня 1833 года, на текст: *Он же глаголаше о церкви тела Своего (Ин.2:21)* и рассуждающее о высокой важности храма Божия, уподобляющегося телу Христову.

10) Слово по освящении храма святителя Николая, что в Толмачах, говоренное 25 ноября 1834 года, на текст: *коль добры дома твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю! яко дубравы осеняющие и яко сажие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах (Чис.24:5–6)* и рассуждающее «о пребывании благодати Божией в Церкви Христовой неотступно до скончания века».

11), 12) и 13) Уже известные нам слова, по освящении придельного храма святителя Николая, более известного по другому алтарю во имя преподобного Сергия, в Рогожской слободе, 1834 года, по освящении Клинского соборного храма Пресвятые Троицы, 1836 года и по освящении храма святителя Иакова в первоклассном Ставропигиальном Иаковлевском Ростовском монастыре Ярославской епархии, того же 1836 года.

14) Слово по освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке в Москве, говоренное 20 сентября 1836 году, на текст: *что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми? Чашу спасения приему, и имя Господне призову (Пс.115:3–4)* и рассуждающее о необходимости возможно более частого приобщения святых Таин.

15) Слово по освящении храма св. мученицы Татианы, при Московском университете, говоренное 12 сентября 1837 года, на текст: *взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя. Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся (Пс.33:5–6)* и выше рассмотренное нами.

16) Отчасти известное нам слово в день обновления храма Воскресения Христова, что в Барашах, говоренное 13 сентября того же года, на текст: *Быша же тогда обновления во Иерусалимех (Ин.10:22)* и имеющее предметом поучения обычай торжественно совершать обновление храма и даже

торжественно воспоминать совершение одного, как обычай, имеющий свое основание в примерах глубокой и священной древности.

17) Уже известное нам слово по освящении храма Живоначальной Троицы в Московском Данилове монастыре, говоренное 13 сентября 1838 года и излагающее учение о преданиях.

18) Слово (а по рукописи автора – Беседа) по освящении храма св. праведного Филарета в Спасобородинском монастыре, и при обновлении сей ново учрежденной обители, говоренное 23 июля 1839 года, на текст: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин.14:23) и поучающее о том, чтобы мы уготовляли себя в жилище Божие духом.

19) Слово по освящении храма св. князя Александра Невского в учрежденном от Московского Градского Общества доме воспитания бедных детей и призрения престарелых и немощных, говоренное 28 сентября того же года и уже известное нам.

20) Также известное нам слово на освящение храма Воскресения Христова. в селе Гуслицах Богородского уезда, говоренное 22 сентября 1840 года.

21) Слово по освящении храма святителя Николая, в Перервинском монастыре, относящееся к 1841 году и имеющее большое сходство с рассмотренным недавно словом по освящении Покровской церкви в городе Коломне.

22) Слово в день сошествия Святого Духа, по освящении храма Благовещения Пресвятой Богородицы, более известного по придельному алтарю святых бессребренников Космы и Дамиана, что в Шубине, в Москве, говоренное 8 июня 1842 года и рассуждающее о том, что христианский храм есть не что иное, как «повторенная, возобновленная, размноженная апостольская горница сошествия Святого Духа».

23) Уже известное нам слово по освящении храма явления Божией Матери преподобному Сергию, устроенного над мощами преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, говоренное 27 сентября того же 1842 года.

24) Слово по освящении храма св. Иоанна Богослова, что в Бровной, в Москве, говоренное 14 октября того же года, на текст: *или о Церкви Божией не радите?* (1Кор.11:22) и предостерегающее от нерадения о Церкви Божией, от невнимательности в неуважения к храму Божию.¹¹⁸⁵

25) Слово по освящении Богородице-Рождественского храма, что в Столешниках, говоренное 29 ноября того же года, на текст: *И воста Иаков от сна своего, и рече, яко есть Господь на месте своем, аз же не ведех. И убояся, и рече: яко страшно место сие, несть сие, но доли Божий, и сия врата небесная* (Быт.28:16–17) и обстоятельно рассуждающее о везде присутствии Божиим и особенном Его присутствии в храмах Божиих и в сердцах верующих.¹¹⁸⁶

26) Уже известное нам слово по освящении храма Пресвятой Богородицы. Взыскательницы погибших, устроенного при замке пересыльных арестантов, говоренное 23 декабря 1843 года.

27) Слово на обновление древнего храма Успения Пресвятой Богородицы, говоренное 28 сентября 1844 года в устроившемся тогда Гефсиманском скиту близь Сергиевой Лавры, о котором мы еще скажем в своем месте.

28) Слово по освящении храма святителя Николая в доме Московской духовной семинарии, говоренное 1 ноября того же 1844 года, на текст: *Самуил спяше в Церкви Господни, идеже кивот Божий. И воззва Господь: Самуиле, Самуиле. И рече: се аз* (1Цар.3:3–4)

29) Слово по освящении храма Благовещения Пресвятой Богородицы в кафедральном Чудове монастыре, сказанное 3 декабря того же года, на текст: *И Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем намели созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют её* (Мф.16:18) и учащее, вопреки западным христианам, о непоколебимости Церкви, основанной не на Петре, а на Христе.

30) Слово по освящении храма Господа вашего Иисуса Христа, в честь и память Гефсиманского моления Его, говоренное 8 июня 1845 года в упомянутом выше Гефсиманском скиту.

31,32,33 и 34) Уже рассмотренные нами слова, по освящении храма в Московской глазной больнице, по случаю освящения двух храмов в городе Бронницах и по освящении храма св. апостолов Петра и Павла в Московском кадетском корпусе, говоренные в 1845–1847 годах.

35) Слово по освящении храма Святого Духа, в Московском Рождественском монастыре, говоренное 18 сентября 1847 года, на текст: *не весте ли, яко Храм Божий есте, и Дух Божий живете в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог (1Кор.3:16–17)* и сообразное тому предлагающее поучение.

36 и 37) Известные нам отчасти слова, по освящении храма Рождества Пресвятой Богородицы при богадельне общества ремесленников и по освящении храма Знамения Божией Матери, при доме графа Д. Н. Шереметева, говоренные в том же 1847 году, из них последнее, на текст: *И возвестиша царю Давиду, глаголюше: благослови Господь дом Аведдаров, и вся, яже его, кивота ради Божия (2Цар.6:12)*, с приложением мысли этого текста к дому и домово́й Церкви графа Шереметева, освященной 21 сентября помянутого года.

38) Слово по освящении храма святого Предтечи Господня Иоанна, в Московском Кремле, говоренное 2 мая 1848 года и уже известное нам по его углублению в историю этого Кремлевского храма, построенного еще великим князем Василием Темным.

39) Слово по освящения храма святителя Николая, в селе Парфеньеве, говоренное 26 августа 1848 года, на текст: *возратистася во Иерусалим, взыскающе Его. И бысть по триех днех, обретоста Его в церкви (Лк.2:45–46)* и имеющее предметом своим учение о храме, как месте присутствия Христа, Которого мы должны искать, для нашего же спасения, именно во храме, и Которого не могут найти ищущие Его вне храма, «в тайных обществах, или в известных обществах, которые мнят достигнуть собственной святости без святыни, дарованной от Бога, без церкви, без святительства, без священства.

40) Беседа на обновление храма св. Архистратига Михаила в кафедральном Чудове монастыре, говоренная 6 сентября

1849 года, на текст: *уже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Бону Иаковлю, Соломон же созда Ему храм* (Деян.7:46–47), обильная многими драгоценными указаниями по русской церковной истории и поучающая слушателей о созидании себя в духовный храм.

41) Известное нам слово по освящении храма св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го кадетского корпуса в Москве, говоренное 6 декабря того же 1849 года.

42) Слово по обновления храма Знамения Пресвятой Богородицы в селе Дубровицах, бывшем некогда имении князей Голицыных, говоренное 27 августа 1850 года и рассуждающее о том, как пользоваться храмом.

43 и 44) Известная нам беседа по освящении храма св. кн. Александра Невского в Коммерческой Академии, произнесенная 4 ноября 1851 года и слово по освящении храма св. мученицы царицы Александры во вновь открытом Александровском сиротском кадетском корпусе, говоренное 6 декабря того же года.

45, 46 и 47) Также известные нам и произнесенные в следующем 1852 году, слово по освящении храма Покрова Пресвятой Богородицы в московском тюремном замке, беседа на освящение храма св. апостола Филиппа на Иерусалимском, в Москве, подворье и беседа на обновление вышеупомянутого храма св. апостола Петра и Павла при 1-м Московском кадетском корпусе.

48) Беседа в неделю седьмую по Пасхе, по освящении храма Воскресения Христова, в Покровском женском Хотькове монастыре, говоренная 31 мая 1853 года, излагающая, на основании Деян.1:21–22 свидетельства об истине воскресения Христова, служащего утверждением веры нашей, и поучающего надежде будущего воскресения из мертвых.

49) Уже известное нам слово по освящении храма Введения во храм Пресвятой Богородицы в городе Коломне.

50) также известная нам беседа по обновлении храма Воскресения Христова, при доме заключения должников, произнесенные в том же 1853 году.

51, 52 и 53) С той или другой стороны также рассмотренные нами раньше, беседа по освящению храма святителя Стефана Пермского, в доме московской 1-й гимназии, беседа по освящении храма Воздвижения креста Господня в Преображенском богадельном доме и беседа же по освящении храма Пресвятой Богородицы, Взыскательницы погибших, в тюремном замке пересыльных арестантов, произнесенные в 1854 году.

Итак, вот один почти сухой перечень всех только тех случаев, в которых, за время царствования Николая, Филарет с освящением храмов по Москве и московской епархии соединял и слово проповеди. Сколько же было еще таких случаев, какой изобразили мы выше по письму самого святителя к А. Н. Муравьеву за один 1847 год?¹¹⁸⁷ Если же к тому прибавить еще случаи посещения московских и ближайших к Москве монастырей, соединенного ли или не соединенного с проповеданием в них слова Божия,¹¹⁸⁸ то число таких случаев за тридцатилетие означенного царствования еще более увеличится и еще более увеличит невозможность подробного их рассмотрения в настоящем месте нашего исследования. Но мы успокаиваем себя на счет этого мыслью, что в таком подробном рассмотрении нет и надобности.

Достаточно будет ограничиться некоторыми общими соображениями о всех этих случаях и более подробным указанием лишь на выдающиеся из них в том или другом отношении. Как в царствование Александра I, так и в рассматриваемое царствование, во всех этих случаях нельзя не отмечать неутомимости немощего телом, но бодрого духом святителя Московского в деятельности по управлению вверенною ему паствою и в попечении о благе и спасении её, его замечательного искусства в проповедях своих применяться к степени восприимчивости, к духовным потребностям и способностям слушателей, равно как и к местным нуждам того или другого края его епархии, удивительного обилия, богатства и обширности его проповеднического таланта, благодаря которому он во множестве однородных случаев всегда умел найти что-либо новое для своей проповеди, развить целый ряд

плодотворнейших мыслей из незначительной на первый взгляд темы, его уметь и утешить храмоздателей добрым словом своей проповеди и в то же время дать поучение как им. так и слушателям вообще и т.д., хотя, доказательство всего этого, особенно же последнего, мы могли видеть отчасти уже на рассмотренных недавно проповедях Филарета, произнесенных им во время путешествий его по епархии, однако, сколько для полноты, столько же и для большей убедительности наших мыслей о том приведем из упомянутого в нашем перечне кратко некоторые более выдающиеся, как мы сказали, случаи в подтверждение этих мыслей.

21 сентября 1847 года, как мы упоминали. Филарет освящал храм Знамения Божией Матери, при доме графа Д. Н. Шереметева,¹¹⁸⁹ уже известного нам по странноприимному его фамилии дому, знаменитого своею родовитостью и огромным богатством настолько же. Насколько и благочестием, и благотворительностью, за что особенно уважал его и семью его святитель Филарет.¹¹⁹⁰ Поэтому же он не отказал не только от освящения домово́й церкви его, но и от проповеди в последней. Проповедь эта, сказанная на приведенный уже нами текст из 2Цар.6:12. Начинается словами: «Иметь храм Божий близ себя, в своем доме, приятная и вожделенная мысль, когда подумать о благодати храма Божия, но и устрашающая мысль, когда подумать о святости Живущего в нем». И далее, приведши в пример сего Давида, святитель-вития говорит в ней: «этот пример, одобрителный для тех, которые и ныне желают иметь храм Божий близ себя. Они идут по добрым следам».

Но вслед за таким ободрением храмоздателей, вития тотчас же приводит пример Озы, пораженного смертью от прикосновения к кивоту Господню, не оставшийся без тягостного впечатления и на самого святого пророка и царя Давида, успокоившегося лишь после того, как он услышал о благословении Божиим над домом Аведдара, в котором временно пребывал после прискорбного случая с Озою кивот завета.

После этих примеров вития делает приложение и к настоящему случаю. «Новая благодать Христова, говорит он,

снисходительнее и щедрее ветхого закона Моисеева. Как звездами усеяно небо, так она усеяла храмами Божиими землю; и нередко позволяет дому человеческому принять в свои объятия дом Божий. Сей храм, ныне освященный, не ныне присвоен дому, но еще в предшествовавшем роде. Ныне воздействовала благочестивая мысль возвратить ему святыню, которую он имел и которой лишился было. Да не устрашает он святынею своею живущих в доме сем, но паче да утешает и облагодетворяет их своею благодатью. Да благословит Господь их, и вся, яже их, дома ради Господня. Да сотворит же благодатью своею, чтобы прилежащий к сему храму дом всегда был к нему близок благочестивым усердием, и во всех отношениях достоин святого соседства. Аминь».¹¹⁹¹ С тех пор, как сказаны были эти слова, прошло уже 40 слишком лет, и благожелания святителя витии свято исполнялись и исполняются в благочестивом семействе дома графов Шереметевых, к которому они относились. Судя по настроенности теперешнего представителя рода их, графа Сергея Дмитриевича Шереметева, тогда бывшего еще младенцем,¹¹⁹² можно надеяться, что благочестие и впредь будет служить украшением этого дома.

Верстах в 30 слитком от Москвы, близ города Подольска, на прекрасной по живописности положения местности лежит село Дубровицы, издавна принадлежавшее знаменитому в истории России роду князей Голицыных. В этом селе в 1690 году был основан и вскоре построен величественный, весьма благолепный и богато отделанный храм, который в 1704 году и был освящен торжественно, в присутствии государя царя Петра Алексеевича, будущего Великого. В роде князей Голицыных это имение было до времен императрицы Екатерины II, когда его у Голицыных купил князь Г. А. Потемкин-Таврический, а у сего вельможи купила его сама императрица Екатерина II, подарившая его потом графу А. М. Дмитриеву-Мамонову, в роде которого оно и оставалось после того. Но при этом древний величественный храм мало-по-малу приходит все в больший и больший упадок и едва не близился к полному разрушению.

Святитель Филарет, известный своею заботливостью о благолепии храмов Божиих, которые он не без глубокого основания сравнивал с звездами небесными на земле, видя такое разрушение Дубровицкого храма, обратился в московскую дворянскую опеку с предложением о восстановлении его, основываясь на законоположении и указе государя императора Николая Павловича о сохранении и поддержании древних отечественных памятников. Московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский, как главный попечитель над опекою владельца села Дубровиц, принял живое участие в этом деле и много содействовал ускорению возобновления означенного храма,¹¹⁹³ а по окончании возобновления приглашал самого же святителя московского освятить этот храм.

И Филарет согласился. 27 августа 1850 года совершенно было освящение, а после освящения святитель сказал слово, в котором полно и прекрасно изобразил как величие, так и исторические судьбы храма Знамения Пресвятой Богородицы в селе Дубровицах. «После обновления вещественного и художественного, так начал слово свое святитель-вития, ныне обновлен храм сей обновлением духовным и священным. Теперь он то, чем должен быть, и потому теперь время смотреть, что он есть. Домом молитвы, святилищем таинств он уже являет себя в самом действии. При воззрении же на образ его устройства и украшения, нельзя не заметить, что храмоздатель старался произвести нечто необыкновенное, возбудить особенное внимание зрителя, и следственно сообщить зданию качество памятника. В самом деле, сей храм полтора уже века хранит память князя,¹¹⁹⁴ который восприимчив благочестивую мысль создать его, и с тем вместе провозглашает славную память великого царя,¹¹⁹⁵ который, по благоволению к вельможе, принял на себя руководствовать исполнением благочестивой мысли его, и который свою господствующую мысль – дать России новый образ, по образцам других народов Европы, напечатлел почти на каждом камне сего здания.¹¹⁹⁶ Но время любит смирять помысл человека, покушающегося сделаться вечным во времени. Оно простерло неблагоклонную руку на сей памятник, и угрожало

затмить память, ему вверенную. Жители окрестных весей, которым предоставлено было пользоваться сим храмом, не в силах были остановить обветшание его, и восстановить его прочность и благолепие; и тот, кто имел бы довольно сильную обязанность и средства, вероятно, и желание сие сделать, не мог, по неисповедимым судьбам Божиим. Как же сделалось, что мы видим храм сей не ветшающим и близким к запустению, но возобновленным, упроченным, благолепным паче прежнего?¹¹⁹⁷ Светлою чертою в сем случае проявил себя дух облеченного наследственными преимуществами и законными учреждениями соединенного сословия вельмож и благородных мужей.¹¹⁹⁸ Что прекрасно было бы сделать одному, но чего он не мог, то за него принял к сердцу другой;¹¹⁹⁹ и соединяя полномочие власти с побуждениями благочестия и человеколюбия. совершил дело, которым принес Богу жертву от не могущего принести ее собственными руками, доставил многочисленным христианам окрестных мест утешение пользоваться упроченным и благолепным храмом, достопамятность века минувшего надежно сохранил грядущему. Церковь будет благодарна за обновление, так же, как и за создание сего храма; к памяти прошедшего присоединит память и настоящего, и благодарностью сохраняемые имена вознося к Богу, не престанет взывать, да помянет их в царствии Своем ко благу и блаженству».

И затем, в видах перехода к поучительной части слова, говорит: «Довольно сего воззрения на сей храм, в отношении к собственной его судьбе. Мы не исполнили бы своего долга, если бы не ускорили воззрением на храм, в отношении к входящим в него». Далее и следует развитие уже помянутой нами выше темы слова о том, как пользоваться храмом Божиим.¹²⁰⁰ Обновление и освящение Дубровицкого храма происходило, как мы замечали, 27 августа 1850 года, а от 29 августа того же года Филарет писал к наместнику Лавры Антонию: «Не гневайтесь на меня, что долго не пишу. По возвращении из Лавры,¹²⁰¹ я почувствовал следствия принужденности предшествовавших дней.¹²⁰² И в Донском¹²⁰³ быть не мог. А прошедшую субботу и воскресенье

опять был в пути, для обновления церкви в селе Дубровицах, не желая отказать приглашавшему графу Арсению Андреевичу,¹²⁰⁴ у которого и гостил. Но от сего путешествия опять не хорошо мне». ¹²⁰⁵

Так и в немощи своей неутомимо деятельный святитель не переставал совершать дела своего высокого служения и особенно столь любимые им освящения и обновления храмов Божиих. А мы уже раньше замечали, что еще радостнее было для святителя Филарета, а потому еще обильнее были мысли и еще плодотворнее назидание у нашего проповедника, когда с созиданием, обновлением и освящением храмов Божиих соединялось и созидание, открытие и освящение обителей столь дорогого его собственному сердцу равно ангельского жития. В 30-летний период царствования Николая I в московской епархии, кроме обновления и благоукрашения прежних обителей монашеских, открыто было несколько таких обителей вновь. Таковы: Спасобородинский женский монастырь, женская же Одигитриевская пустынь, Влахернский женский монастырь и мужской Гефсиманский скит. В виду того, что проповедь Филарета за рассматриваемое царствование касается только двух из этих монастырей, именно Спасобородинского и Гефсиманского, мы о них только и скажем пока.

Вдова убитого в Бородинском сражении (1812 года) генерала, Маргарита Михайловна Тучкова, в 1831 году подала прошение на имя митрополита Филарета, в коем объясняла, что, по соизволению покойного государя Александра Павловича и при пособии его, устроена его в московской губернии, Можайского уезда, на Бородинском поле церковь во имя Всемилоственного Спаса и в обеспечение издержек, потребных на постоянное совершение в ней богослужения, ею внесено 20 тысяч рублей в сохранную казну московского опекунского совета на вечное обращение. Под церковь оную испросила она у соседних владельцев три десятины земли, в которых находятся и те батареи, при защите коих в кровопролитном сражении 26 августа 1812 года пал её супруг. На этой земле она просит благословения устроить женское богоугодное общежительное

заведение для нуждающихся, и на содержание общей в сем заведении трапезы внести в сохранную казну еще 10 тысяч рублей. Святитель Филарет, принимая в рассуждение:

1) что начало сего заведения есть как благочестивое и человеколюбивое, так вместе и патриотическое;

2) что место сие, навсегда достопамятное в отечественной истории, ознаменовано высочайшим на устроение храма соизволением и Всемиловитейшим вспоможением в Бозе почившего государя императора Александра Павловича;

3) что простой и не богатый вид предполагаемого богоугодного заведения сообразен с истинною целью человеколюбия, чтобы привлечь в сие заведение людей истинно нуждающихся и расположенных к трудолюбивой, тихой и набожной жизни, представил Святейшему Синоду о испрошении высочайшего соизволения: дозволить при Спасской церкви, что на Бородинских батареях, быть женскому богоугодному общежительному заведению для нуждающихся на таких же правилах, на которых в 1822 году устроена Борисоглебская Аносинская женская общежительная богадельня княгиня Мещерской.

Государь император соизволил на это, и 4 марта 1833 года утвердил представление Святейшего Синода об учреждении этого заведения.¹²⁰⁶ Но подобно тому как Аносинская Борисоглебская богадельня по времени и постепенно обратилась в женский монастырь, так и Спасобородинское заведение вскоре мало-по-малу обратилось в настоящий женский монастырь и в 1838 году высочайше утверждено в положении второклассного общежительного женского монастыря, с прибавлением к прежде бывшему участку земли еще потребного количества земли.¹²⁰⁷

Между тем в 1839 г. На полях Бородинских готовились церковно-гражданские торжества в честь павших на них в 1812 году воинов: перенесение тела известного героя отечественной войны, князя П. И. Багратиона (смертельно раненого в Бородинском сражении, но скончавшегося в Владимирской губернии), на Бородинское поле, открытие и освящение памятника в честь павших на этом поле воинов и т.д.¹²⁰⁸ Ново

утвержденная женская обитель, как само собою разумеется, не могла быть чужда всем этим торжествам. В ней к тому же времени готовилось чисто духовное торжество, освящение храма св. праведного Филарета. Это и совершилось не задолго до упомянутых церковно-гражданских торжеств (в которых впрочем, также участвовала ново учрежденная обитель), именно 23 июля того же 1839 года. Филарет, бывший около этого времени в путешествии по епархии (он был в Бронницах, в Коломне и в Можайске), приехал в Спасобородинский монастырь заблаговременно. Еще 22 июля он освятил церковь в селе Бородине; а 23 числа того же месяца не только освятил означенный храм в самом монастыре, но и сказал беседу или слово «по освящении» этого храма «и при обновлении сей ново учрежденной обители», при чем совершено было с молебным пением крестное хождение около ограды её.¹²⁰⁹ Это слово сказано на текст: *Аще кто любитя Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин.14:23) и начинается так: «Молитвами, тайнодействием, торжественным славословием Божиим, обновляем мы ныне здесь и обитель Божию между человеками, то есть, храм Божий, и обитель человеков, посвящающих себя Богу. Добрая была мысль, посвятить храм Богу на месте, где столь многие тысячи подвизавшихся за веру, царя и Отечество, положили временную жизнь, в надежде воспринять вечную, говорит после такого начала вития, имея в виду сперва первоначальную цель учреждения Спасобородинской обители, те из них, которые принесли себя в жертву, в чистой преданности Богу, Царю и Отечеству, достойны мученического венца, я потому достойны участия в церковной почести, которая издревле воздавалась мученикам, посвящением Богу храмов над их гробами. Если же некоторые из сих душ, оставляя тело, понесли на себе некоторые тяготы грехов, некоторые нечистоты страстей и, к своему облегчению и очищению, требуют силы церковных молитв и бескровной жертвы, за них приносимой, то, за свой подвиг, паче других усопших достойны они получить сию помощь».

А за тем, излагая историю самой обители при воздвигнутом первоначально храме, в её прежнем и последнем виде, вития продолжает: «Мысль обитать здесь родилась, может быть, в недрах частной, семейственной печали, что нужды? Довольно на первый раз, если печаль сия принесена Богу, и в Нем взыскано утешение. В совершенстве *никто же благ, токмо един Бог* (Лк.18:19). Нemoшь есть исходная точка человека; совершенство – цель, которую он не вдруг даже усматривает, а усмотрев, и при усиленном стремлении к ней, всегда видит в расстоянии от себя. Благой Бог, ведающий человеческого естества нemoшь, милосердый Господь, *лена внемшася не угашающий*, видит и слабую искру искренно доброго намерения в человеке, и Сам подвизается, судьбами Своего Провидения, очистить ее от дыма естества, и напитать чистым светом благодати, к истинному благу и спасенью душ. Не усомнимся признать дело Божия Провидения в том, что без искания нашлись желающие обитать на сем месте, когда оно было пусто, не утверждено никаким постановлением, ничем не обеспечено; что сии люди вошли в общество, которое не было еще учреждено, предали себя в послушание, когда еще не было власти; что сие новое жительство было потом утверждено церковным благословением и Державною волею под необычайным дотолe наименованием Богоугодного Общежития, а наконец возведено и в чин обителей монашествующих, что царская щедрота пришла на помощь частным приношениям, дабы надгробный храм и смиренные при нем жилища облеклись в вид, обители свойственный, с присовокуплением и сего другого храма, приспособленного собственно к потребностям обители. Благословен Бог, благословляющий добрые начинания во имя Его, заключает эту вступительную часть своего слова святитель-вития. Благодарение благочестивейшему государю, всегда готовому покровительствовать благочестивым предприятиям. Благодать, мир и спасение притекающим во храм сей и в обитель сию искать благодати, мира и спасения».

За этим славословием, благодарением и благожеланием следует возвышенная первосвященническая молитва архипастыря к Богу об утверждении сего ново насажденного

винограда, сей юной обители иноческого, равно ангельского жития. «Да, обитатели обители, посетителя храма, говорит потом вития в видах перехода к главной, поучительной части своего слова, когда обитель построена, когда храм освящен; тогда еще не все сделано. Есть еще обитель и храм, которые должно созидать и освящать. Какой храм? Тот, о котором написал апостол: *и сами, яко камене живо, зиждитесь в храм духовен (1Пет.2:5)*. Какая обитель? Та, о которой Сам Господь сказал: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим*». И далее обстоятельно раскрывает эти поучительные мысли в назидание слушателям и слушательницам. А в заключение говорит: «Если нерукотворенной, невидимой, внутренней, духовной обители требует себе Бог, то для чего еще сия рукотворенная и видимая? Для того, чтобы в сей обители тем удобнее услышать глас Господа, приближающегося к нашей обители внутренней, чем менее здесь оглушаемся шумом и молвою мира; для того, чтобы в дверь сердца, отверзаемую Господу, не так легко вторгалось многое, что мы оставили за оградю обители видимой; для того, для чего пророку Илии нужен был Кармил, и Иоанну Крестителю – пустыня; для того, чтобы жизнь Пресвятой Девы Богородицы имела на земли подражательное продолжение, и бывшее о ней пророчество ясно было в исполнении: *приведутся царю девы в след её (Пс.4:15)*; для того, чтобы дать свободное место слову Господню: *могий вместити, да вместит*; и другому: *аще хочещи совершен быти, иди продаждь имение твое, и имети будещи сокровище на небеси (Мф.19:21)*.

В дополнение же к тому, приведши слова беседы святого Златоуста на Матфея (нрав. 8) в похвалу пустынножительству египетскому его времени, проявлявшемуся не только «в мужах, но и в женской породе», прибавляет: «в сих изречениях златословесного учителя, пребывающие в сей обители да обретут и закон своего подвижничества, и поощрение в нем, а мир да уразумеет из оных, что, устроая святые обители иночествующих, мы не произволом человеческим изобретенное

жительство вводим, но древнее благочестие и священный чин церковный соблюдает. Аминь».¹²¹⁰

В соблюдение этого древнего благочестия и священного чина церковного, равно как и в исполнение давнего, заветного своего желания пустынножительства, которое с особенною силою проявлялось у святителя Филарета в наиболее тяжкие минуты его жизни, он устроил близ Сергиевой Лавры скитское уединение, как особое отделение Лавры, под названием Гефсиманского скита. Мысль об этом именно месте уединения была подана Филарету его духовным отцом и доверенным у него человеком, наместником Лавры, архимандритом Антонием, еще в 1841 году. «Мысль о ските, писал к Антонию Филарет от 18 сентября 1841 года, очень вожделенна, но требует не малого размышления. Корбуха не довольно безмолвна, хотя бы, и ограждена была. Вифания была бы безмолвнее, если бы не семинария. Если шум тростника, как заметил некто из отцов, не благоприятствует безмолвию, не больше ли многое слышимое на Корбухе и из Посада, и от ближайшей дороги, особенно когда едут по ней после торгоу и винопития? Желаю говорить о сем более лично».¹²¹¹

И вероятно говорено было о том лично во время последовавшего вскоре затем посещения лавры Филаретом по случаю праздника преподобного Сергия 25 сентября. Но в следующем же месяце Филарет должен был отправиться в Петербург для участия в заседаниях Святейшего Синода, а затем последовали известные нам печальные события 1842 года, сделавшие эту поездку в Петербург последнею и обострившие отношения между Филаретом и лицами, стоявшими во главе высшего церковного управления того времени.

Все это могло лишь препятствовать, а не содействовать скорому осуществлению мысли о ските. Зато, с другой стороны, упомянутые сейчас события сделали еще более вожделенною для Филарета мысль эту. Мы помним, как отозвались они в душе святителя-инока по истине, когда в сентябре этого года говорил он свое знаменитое «слово по освящении храма явления Божией Матери, преподобному Сергию, устроенного

над мощами преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой лавре», и когда в сем слове не раз из глубины души взывал он словами Псалмопевца: *кто даст ми криле, яко голубике? и полечу, и почию. Се удалихся бегая, и водворился в пустыни. Чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури* (Пс.54:7–9).

Несомненно, тогда еще более утвердилась в святителе Филарете мысль об устройении скита, и с тех же пор начались деятельные заботы об этом устройении, которые ближайшим образом принял на себя помянутый наместник Лавры Антоний, ничего, однако же, более важного не делавший без совета и разрешения самого святителя.¹²¹² Эти заботы продолжались и в 1843 году и, при участии многих благотворителей, в числе коих более крупным вкладчиком был известный московский купец Семен Логинович Лепешкин, уже к 1844 году оказали свои благие последствия в успешности дела устройства скита, хотя, это дело велось пока еще негласно и без разрешения высшей власти. «О ските, писал святитель Филарет к Антонию от 17 мая 1844 года, чем меньше говорить, тем лучше. Если Бог благословит дело, оно скажет само себя. Когда меня спрашивают о сем, я говорю, что сберегаю древнюю достопамятную церковь, найдя ей место, на котором было бы ей находиться прилично и полезно, вместо прежнего, на котором ей нельзя было оставаться. Некоторым сказал я и то, что есть мысль завести в ней непрерывное чтение Псалтири».¹²¹³

Здесь упоминается о древней церкви села Подсосенья (в 8 верстах от Сергиева посада), перенесенной на место, где предполагался скит и послужившей основанием к устройству последнего. Как о сем обстоятельстве, так и о дальнейших судьбах скита Филарет счел удобным и возможным формально донести Святейшему Синоду только уже в 1851 году, по поводу ходатайства об укреплении за Гефсиманским скитом земли, пожертвованной собственно только для скита женою коммерции советника, потомственного гражданина, московского 1-й гильдии купца Семена Логиновича Лепешкина, Анною Васильевною Лепешкиной. Ходатайствуя об этом укреплении, Филарет в

своем донесении о том Святейшему Синоду от 15 апреля означенного 1851 года писал между прочим: «О Гефсиманском ските долгом поставляю представить следующие сведения, не в дальнем расстоянии от Лавры, в селе Подсосенье, была древняя деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенная преподобным Дионисием, архимандритом Лавры, в Лавре почивающим, и освященная в 1616 году, что доказывается сохранившимся с того времени антиминсом. По построении, вместо оной, каменной церкви, священник и церковный староста Подсосенские просили разрешения распилить здание деревянной церкви на дрова для отопления каменной, и для обжигания кирпича. Зная древность и примечательную архитектуру деревянной церкви, и руководствуясь Высочайшею волею о сохранении древних памятников, я нашел себя обязанным сохранить сей памятник; но сего нельзя было достигнуть чрез Подсосенских прихожан, которые руководствовались и принуждены были руководствоваться только хозяйственными расчетами. Надлежало при том охранить обреченное ими на погибель здание от их небрежности и от нечаянности. Ища для сего средства, обратил я внимание на принадлежащее Лавре урочище, где был прежде сад с загородным домом, обратившийся с течением времени в рощу, место достопамятное потому, что оно бывало посещаемо императрицами Елизаветою Петровною и Екатериною II. С достоинством и уединенным положением сего места, сообразным представилось перенести сюда древний храм, с предположением поселить при нем небольшое число желающих из братии Лавры для более уединенной жизни, и, между прочим, учредить здесь не усыпающее чтение Псалтири, с молитвами о упокоении душ усопших благочестивейших государей, братии Лавры и благотворителей.¹²¹⁴ В замен ожидаемых из материала деревянной церкви дров внесена в сохранную казну сумма, с которой проценты должны поступать в Подсосенскую церковь на её отопление, а деревянная церковь поспешно перенесена на упомянутое урочище, получила дополнение внутреннего устройства в простоте, без

употребления драгоценных материалов, и освящена под прежним наименованием в 1844 году, с выше означенным назначением.¹²¹⁵ Число желающих жить при сей церкви, в образе скита, сперва малое, с течением времени возрастало. Соответственно сему построено и потребное число келий, и ограда. Здешнему братству даны общежительные правила. Богослужение соображено с образцами более древними; введено более столповое пение, чтения из святых отец на утрени, вечернее правило с поклонами и не усыпающее чтение Псалтири. Братия довольствуется всем потребным от обители; поручных денег не получают; вино и пиво в сей обители не употребляются; в одежде наблюдается простота, женский пол в ограду её не допускается, кроме одного дня храмового праздника, для слушания богослужения. Кроме богослужения. братия занимается рукоделиями и трудами на общую и взаимную пользу. Хлеб, пища, одежда, обувь, содержание в чистоте и отопление зданий, садоводство и разведение овощей производится, большею частью, руками братии, что также служит к устранению мирских людей. Не смотря на такое не привлекательное положение, братство сей обители, числящееся в штате Сергиевой Лавры, доньше возросло до 24 монашествующих и 21 послушника, кроме не малого числа живущих на испытании с письменными видами, не получивших решительного определения в послушники. По храму Успения Божией Матери обитель сия прозвалась Гефсиманским скитом. В 1849 году она удостоена была посещения Государей Великих Князей Константина Николаевича и Николая Николаевича.¹²¹⁶ В 1850 году блаженнейший патриарх Иерусалимский Кирилл, препровождая в благословение сей обители часть мощей св. великомученика Пантелеймона, в грамоте своей наименовал оную новою Гефсиманией.¹²¹⁷ Если Богу угодно будет благословить сию отрасль Лавры, в продолжение времени, как в начале, то она может споспешествовать основательному образованию в монашеской жизни с большим удобством, нежели иные обители, по своему положению не так устраненные от соприкосновения с миром».¹²¹⁸

В том же смысле, для усиления того же ходатайства. Филарет писал и обер-прокурору графу Н. А. Протасову от 23 апреля того же 1851 года.¹²¹⁹ И ходатайство имело полный успех. 30 мая того же года последовало высочайшее повеление об укреплении за скитом пожертвованной А. В. Лепешкиной земли.¹²²⁰ А вместе с тем формально утверждено и существование Гефсиманского скита, как отделения Сергиевой Лавры. Филарет любил уединяться, особенно летом, каждый год в этом священном убежище от тревог и волнений, молвы, под час и клеветы и неправды, так часто бушевающих душу в шумной городской и даже Лаврской жизни. Не оставлял он скит и своею проповедью слова Божия, при том даже и тогда, когда последний еще не получил формального утверждения. Первая проповедь его в ските относится к 1844 году, хотя, скит в ней даже и не именуется. Мы разумеем его «слово на обновление древнего храма Успения Пресвятой Богородицы», говоренное 28 сентября 1844 года, на текст: *Ты воскрес ущедриши Сиона, яко время ущедрити ея, яко прииде время. Яко благоволиша раби Твои камене его, и перст его ущедрят* (Пс.101:14–15).

Это слово свое святитель-вития начинает разъяснением последних слов текста, относящихся к разрушенным во времена плена Вавилонского, стенам храма Иерусалимского, в надежде восстановления последнего, исполнение коей последовало в после пленное время. «Но уместно ли, делает затем он переход к настоящему событию с храмом Подсосенским, говорю я о судьбе столь великого храма, когда думаю о судьбе столь малого храма. как сей, в котором теперь мы находимся? Думаю, что не совсем неуместно. Тот и другой суть храмы Единого истинного Бога, потому естественно предполагать некое в судьбе их единство, хотя, и при разности многих обстоятельств. При том и малый храм Христианских таинств и Христианской истины не слишком мал пред великим храмом сеней и гаданий». И далее, изображая судьбу Подсосенского храма, перенесенного в ново основанный Гефсиманский скит, проповедует: «Двести двадцать семь лет стоял сей деревянный храм, быв создан Лаврою преподобного отца вашего Сергия, в начальствование преподобного отца

нашего Дионисия; и тогда еще представлен в покровительство Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, в память славного её Успения, дабы, по сей памяти, она со благоволением призидала на него, как бы на Свою Гефсиманией. Время, с своим законом истления, осторожно прикасалось к тленному веществу, на котором положено было благословение святых. Но как человек иногда сам не довольно бережет то, что бережет для него природа и Провидение, то наконец храм сей обречен был опустению, а в след за тем и конечному разрушению огнем. В сие время вспомнили мы древних почитателей древнего иерусалимского храма, и как они *благоволиша каменею его*, так и нам самое древо сего нашего храма, и некоторые в нем останки древних священных изображений, показались драгоценными, достойными благоговейного сохранения. Но как уже не можно было сохранить сей храм на прежнем его месте: то здесь, древнее купно и новое, мы обрели место *Господеву, селение Богу Иаковлю (Пс.131:5)*. Боже Отец наших! *Ты воскреси ущедриши Сиона*. Ты воскресишь во храме сем древнее благословение, и ущедришь его новою благодатью. Да будет, Господи!» Потом, как бы невольно задумываясь над дальнейшею судьбой ново основанного скита, святитель-вития говорит: «Но что далее будет с сим обновленным храмом, и с новыми окрест его смиренными жилищами? Ты веси, Господи! Будет то, чему повелит быть Твое вседетельное слово, которое нарицает не сущая, яко сущая, воссозидает разрушенное, восставляет падшее, возвышает смиренное, воскрешает умершее, спасает погибшее. Будет то, что испросят молитвы святых и преподобных отец наших Сергия, Никона. Михея, Иоасафа, Серапиона, Максима, Дионисия, и прочих сподвижников их и сообитателей в земной, и в небесных обителях. Будет то, чему не воспрепятствуют быть наши грехи, наши немощи, наше не достоинство».

После такого вступления, святитель-вития приступает к раскрытию главной поучительной мысли всей проповеди – о безмолвии, долженствовавшем представлять собою основание жития скитского, равно как и для самого проповедника представлявшем предмет заветных и всегдашних желаний и

чувств. «Некто из отцов, так начинает он это раскрытие, спросил некоего великого из отцов: какое есть доброе дело, которое бы мне сделать, так чтобы оно было делом моей жизни? Авва отвечал: не все дела равны для всякого. Книги говорят, что Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним. Илия любил безмолвие, и Бог был с ним. Давид был смирен, и Бог был с ним. Итак, в чем душа видит для себя хотение Божие, то и делай. Наипаче же храни сердце свое. Кто хочет подражать Авраамову страннолюбию, Давидову смирению, – тот, как самые сии примеры показывают, может упражняться в сих добродетелях повсюду: на пути, в доме, в деревне, в городе, на престоле. Так ли легко найдет себе открытое и нестесненное поприще тот, кто избрет делом жизни своей Илиину любовь к безмолвию? Где теперь Илиин Кармил или Хорив? Где Иоаннова пустыня? Где дикие места Палестинские и Египетские, которые чудным образом угождающая благодати природа сделала неспособными для обыкновенных селений человеческих, чтобы сберечь для жительства земных ангелов? Сонмы сих ангелов переселились в сродное небо; земные жилища их, едва не без остатка, пришли в запустение; и на поприще духовного безмолвия вновь рыщет одинокий зверь, или скитается полудикий человек. Переселилась любовь к безмолвию, перенося духовный взор от восточных обителей безмолвия к отечественным, русским, говорит вития, и в наши страны, и избрала для себя пещеры, леса, места, удаленные не только от жилищ, но и от путей человеческих, чего близкий пример имеем в преподобном Сергии, но как, по непреложному слову Христову, *не может град укрытись верху горы стоя* (Мф.5:14); то высоко возросшая и созревшая любовь к безмолвию обыкновенно не оставалась сокрытою, привлекала учеников, почитателей, посетителей, и от самого множества любителей или почитателей безмолвия, кроме других причин, почти по необходимости, стало тесно безмолвию. Между тем и пустыни наших стран, по самой природе, менее южных удобные для безустройственного пустынножительства, с течением времени сделались для него менее прежнего пространными и свободными, по действию распространившегося

народонаселения. Чего же по сему ожидать? Путь Илии, путь Иоанна Крестителя, путь Антония Великого, должен ли увидеть себя оставленным и возрыдать, подобно как некогда, по сказанию Иеремии, *путие Сиони рыдали, яко несть ходящих по них в праздник* (Плач.1:4)?

Мир, вероятно, отвечает нам вития на этот, весьма важный, даже, пожалуй, еще более, чем тогда, важный и в наше время вопрос, не почел бы сей потери тяжкою, но не так думать поучает опыт веков. Никто в городах и селениях Израилевых не нашел столько силы, один Илия в пустыне нашел столько силы, чтобы одному, одною силою духа, победоносно сражаться с господствовавшим в его время идолопоклонством. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовить Иоанна, чтобы он сделался способным уготовать путь Господень для спасения вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвие воспитали Антония до возраста великого, чтобы он мог потом духовно родить, так сказать, племя и поколение земных ангелов, пустынно-жительствовавших, обще-жительствовавших, священно-начальствовавших в Церкви. Сказанное теперь о святом Антонии можем сказать в другой раз, если на место его имени поставим имя святого Сергия.

Итак, заключая свою мысль о необходимости пустынножительства для Церкви и вместе с тем переходя к разъяснению причины, по которой Гефсиманский скит устроен именно в качестве отделения Сергиевой Лавры, говорит наш вития, если для любви к совершенному безмолвию и в обителях часто бывает тесно, и в диких пустынях не совсем свободно, а доставить ей благоприятное для неё убежище должно быть полезно и ныне, как полезно было прежде, то где мы поселим ее ныне, в сем веке молвы многие? Не будет ли, может быть, ей приятно поселиться в малой, простой уединенной, от молвы по возможности огражденной обители, под тенью обители великой, подобно как некогда безмолвствующий Варсонофий Великий обитал в совершенном уединении, под тенью обители аввы Сирида?»

И далее, призывая любовь к безмолвию и восхваляя ее, говорит: «Прииди, благословенная любовь к безмолвию Илиина,

Иоаннова, Антониева, Сергиева! Скрывайся от молвы, но не скрывайся от ищущих путей твоих и следов твоих, твоих правил и твоих примеров. Являйся иногда и не ищущим, способным принять тебя. Ты устраняешь человека от видения других, и тем удобнее даешь ему увидеть самого себя, а *сподобивыйся увидети* себе, по слову одного из твоих таинников, *лучший есть сподобившегося увидети ангелов* (Исаак Сирин, слово 41). Ты пресекаешь беседы с людьми, и тем искреннее вводишь в беседу со Христом. Ты затворяешь дверь внешние храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь и научаешь употреблять оружие против страстей. Ты собираешь рассеянные помыслы. Ты погружаешь ум во глубину писаний, и почерпаешь свет. Ты совершенствуешь покаяние. Ты обретаешь источник слез. Ты возводишь к чистой молитве. Ты учишь молчанию, которое есть таинство будущего века (Исаак Сирин, слово 42). Не для всех равно призываю любовь к безмолвию, ограничивает свою мысль о безмолвии вития в заключение своей проповеди, жизнь безмолвия не для многих. Но посещение безмолвия для всякого должно быть вожделенно. Кто не упраздняет себя, хотя, однажды в день, хотя, на не продолжительное время, от всякого внешнего земного занятия, попечения, пристрастия; и не вводит своей души в благоговейное безмолвие пред Богом: тот еще не познал пути мира для души своей. Ибо тако глаголет Господь: *упраздниться, и разумеите, яко Аз есмь Бог* (Пс.45:11). Аминь». ¹²²¹

Не смотря на то, что в 1844 году и не хотелось Филарету делать гласным существование Гефсиманского скита, да и самые горячо-несправедливые отношения к нему известных лиц в Петербурге еще не остыли, он не усумнился и эту превосходную во всех отношениях и глубоко-назидательную не только для того времени, но и для последующих времен проповедь, как близкую к ней по духу и тону проповедь по освящении храма явления Божией Матери преподобному Сергию при мощах преподобного Михея, отдать в печать как отдельными оттисками, так и для начавшегося тогда изданием собрания слов и речей его.

«Посылаю вам, писал он к наместнику лавры Антонию от 6 октября 1844 года, по возвращении с обновления скитского храма из лавры в Москву, скитскую проповедь и отдаю на рассуждение ваше и собора, печатать ли ее. Буде рассудите печатать, цензурный комитет сделает надлежащую надпись. потому что экземпляр, скрепленный им прежде, поступил в состав печатающегося издания моих слов».¹²²²

Само собою разумеется, что и наместник и собор рассудили печатать эту проповедь, кроме помянутых высоких достоинств имевшую еще то неотъемлемое достоинство, что она служила как бы пророчеством о будущей судьбе скита. Истину непреложную возвещал проповедник, когда говорил, что *не может град укрытись верху горы стоя* (Мф.5:14). Как ни скрываемо было существование скита, известность его все более и более распространялась. «Кто-то снял вид скитской церкви, писал от 13 октября 1844 года наместнику лавры Филарет, и хочет писать о ней в “Живописном обозрении”: я старался отклонить сие, сказав цензору, что существует ли скит, и как называется, о том нет никакой известности, на которую бы он мог законно опереться. Скит не для любопытства и молвы».¹²²³

При не остывших еще неприятных отношениях известных лиц к Филарету, эта известность служила для иных поводом к худому перетолкованию добрых намерений последнего и грозила ему еще большими неприятностями в будущем. «Мои грехи, писал святитель Филарет сотруднику своему в устройении скита, наместнику Лавры Антонию, от 16 ноября того же 1844 года, видно, велики, когда не только люди, с которыми был в сношении, и против которых мог погрешить, но и такие, с которыми я не имел дела, трудятся наказывать меня. Одни говорят, что скот построен в укор кому-то. Другие, что я его построил, а преемник мой обратит в конюшню. Да сотворит Господь месту сему по молитвам достойных рабов своих, а не по моему недостоинству».¹²²⁴

Но Господь видимо благословлял доброе начало доброго дела. Скит все более и более возрастал, обстраивался и умножался в числе подвижников, не только Филарета, во все

остальное (не малое) время жизни последнего, но и не одного из его преемников видел в ограде своей, и доселе процветая с служением первоначальному своему назначению, а не целям конюшни. Сам Филарет, не смотря на разнообразные толки о ските, в следующем же 1845 году 8 июля совершал там освящение другого «храма Господа нашего Иисуса Христа, в честь и память Гефсиманского моления Его» и по освящении говорил также проповедь на текст: *тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую Гефсимания, и глагола учеником: сидите ту, дбндеже шед помолюсь тамо* (Мф.26:36).

В этой проповеди вития, указав на то, что «созидающие храмы во славу Господа нашего Иисуса Христа, для их наименования и торжественного в них воспоминания, обыкновеннее избирают славные и радостные события Его земной жизни», и не без основания, затем говорит: «Но не должно быть ни для кого странным и то, что храм, ныне освященный, посвящается благоговейному воспоминанию Гефсиманского моления Иисус Христово, принесенного со скорбью и тугою, и с подвигом, простертым до кровавого пота. Ибо как радостные и торжественные события земной жизни Спасителя нашего имеют действительное отношение к нашему спасенью, так равно и скорбные, и страдательные, сопряженные с состоянием совершенного истощения или уничтожения, которое Он благоизволил на Себя принять».

А потом, указав на существенную необходимость того и другого – славного и уничтоженного состояния Христа для нашего спасения, в видах перехода к главной, поучительной части проповеди, говорит: не можем обещать себе полного постижения тайны Гефсиманского события, которой неприкосновенность нашему испытанию Господь Сам ознаменовал тем, что из самых апостолов только не многих к ней приближал, и только что приближал. Но поскольку в Гефсимании так же, как и на Голгофе, *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1Пет.2:21), то в какие особенные помышления и расположения должен вводить нас образ Гефсиманского многострадального моления Иисус Христово?»

В ответ на этот вопрос святитель-вития предлагает не менее прежнего глубокое и назидательное учение о молитве уединенной, о глубоко-смиренном образе моления и наконец об особенной благопотребности такой молитвы «для сокрушенного грешника, для возмущаемого скорбью, тугою, унынием, страхом, для боримого всяким искушением».¹²²⁵

И эту проповедь так же, как проповедь предшествующего года, Филарет дозволил напечатать и отдельно, в назидание новым подвижникам новой Гефсимании, и в академическом издании: Творения святых отцов и в Собрании слов и поучений издания 1847–1848 годов. Многие, и сторонние скиту и лавре, люди благочестивые глубоко интересовались этою проповедью, как и проповедью 1844 года.¹²²⁶ По времени Филарет, с помощью одного сведущего человека, профессора М. С. Холмогорова, бывшего в отставке и жившего в лавре, сделал перевод с греческого особой службы на Успение Божией Матери для скита. Наконец после того, как уже последовало формальное утверждение Гефсиманского скита со стороны церковного правительства, именно 17 августа 1852 года, в день празднования вознесения Божией Матери на небо после Успения, – в главный скитский праздник святитель Филарет еще сказал там проповедь или «беседу на празднество Успения и в третий день явления Божией Матери апостолам», как обозначил сам святитель-вития. В этой проповеди вития, раскрыв значение празднества, останавливается на изречении Богоматери при явлении её апостолам: *радуйтесь, яко с вами есмь во вся дни* и в виду этого изречения приглашает всех, находящихся в том или другом состоянии жизни, к духовной радости.¹²²⁷ Так радостью закончилось то, что начато было с чувством тревоги и опасения. Разумею устройство скита.

Но как прежде, так и теперь не об одних храмах и иноческих обителях отечески заботился святитель Филарет при своем епархиальном управлении; не меньшее попечение имел он и о духовенстве, вверенном его управлению, служившем при храмах и наполнявшем обители иноческие, иначе сказать, о духовенстве белом и монашествующем. Как составитель устава попечительства о бедных духовного звания, Филарет

поддерживал этот устав во всей его силе и во все время царствования Николая I, деятельно участвовал в обсуждении возбужденного в 1838 году вопроса об улучшении быта духовенства Российской Империи,¹²²⁸ ревностно заботился о воспитании детей белого духовенства своей епархии и т.д. Всегдашним памятником заботливости, благопопечительности святителя Филарета о белом духовенстве московской епархии за рассматриваемое царствование служит устроенный в 1831 году гвардии капитаном Димитрием Петровичем Горихвостовым дом призрения для ведомства духовного попечительства, исполнявший до 1865 года двойное назначение – быть домом призрения вдов и сирот духовного звания и вместе с тем – домом воспитания детей духовенства, а с 1865 года, по учреждении Филаретовского училища для девиц я по отделении детей в это последнее, оставшийся лишь домом призрения для вдов и сирот.¹²²⁹ На то и другое назначение Д. П. Горихвостов, кроме дома, пожертвовал еще значительный капитал. 2 октября 1832 года Филарет в этом доме освящал храм во имя св. великомученика Димитрия и по освящении сказал слово на текст: *тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро воссияют, и предыдет пред тобою правда твоя, и слава Божия обымет тя (Исх.58:8).*

Исходя из этого текста, вития начинает свое слово так: «Взирая на сей дом, как на дело человеколюбия, на сей храм, как на дело благочестия, соединенного с человеколюбием, помышляя о сырых, беспомощных, бескровных, которым уготовляется здесь кров, помощь, замен попечений родительских, во всем, что здесь устроено, приготовлено, назначено, примечая тихое мановение руки, свободно и попечительно простирающейся к делу благотворения,¹²³⁰ как изъясню я чувствование утешения, как удовлетворю побуждению благодарности? Желал бы я иметь власть, не только с искренним желанием, но и с силою и действием, изрекать, подобные сим пророческим, обещания и предвещения: *разверзется свет твой; предыдет пред тобою правда твоя; слава Божия обымет тя.* Но что нужды, что слово человеческое не имеет власти и силы приводить в

действие благословения, которые оно изрекает сему, или другому благотворящему? Сию власть и силу имеет слово Божие для всех благотворящих. В деле человеколюбия заключается семя благословения. Провидение Божие не оскудевает, раскрывая сие семя, возвращая, и уготовляя плод благодати и спасения тому, кто благотворит ближнему от искреннего и чистого сердца».

И далее, на основании слова Божия, говорит, что «творящему дела человеколюбия пророк обещает не только раннее и ясное утро доброй надежды, но и полдень славы». Потом, изобразив живыми чертами высокое значение добродетелей вообще и добродетели человеколюбия в особенности, проповедник следующими словами заключает проповедь свою: «Итак, благодетель да благодетельствует с радостью, в верной надежде благословения Божия действительного и спасительного. Но и приемлющий благодетель, по долгу благодарности, да благословляет благодетеля словом радости, любви, молитвы, да и благодетелями и приемлющими благодетель прославляется Бог, премудро и праведно устрояющий благополучие бедствующим чрез человеколюбивых благодетелей, и блаженство благодетелей чрез дела человеколюбия. Аминь».¹²³¹

Для достижения большего удобства в совершении молитв за благодетеля в ново освященном храме, равно как и для ближайшего надзора за порядком в самом доме призрения, святитель Филарет в следующем же 1833 году определил особого священника от церкви Благовещения, что на Житном дворе.¹²³² И добрый старец-благодетель этого учреждения духовно утешался плодами дела своего благотворения целые 14 лет после устройства дома призрения. Не имея семьи и близких родных, он умер в 1846 году 15 августа, почти забытый знакомыми, но не забытый теми, которые глубоко сознавали важность совершенного им великого дела благотворения. «Спешу на погребение благодетеля наших вдов и сирот Дмитрия Петровича Горихвостова, писал от 20 августа 1846 года наместнику лавры Антонию святитель Филарет, которого хоронят не родственники и знакомые, но мы благодарные, и

чиновник, назначенный от начальства».¹²³³ Так благодетеля и за могилу проводили молитвы приявших благодеяния от него.

Много потрудился Филарет и в видах благоустройства жизни иноков, населявших обители. Для того, чтобы видеть, хотя, часть этих трудов его, достаточно прочитать многие страницы недавно вышедших в свет томов не раз упомянутого нами Собрания мнений и отзывов Филарета (издано под редакцией высокопреосвященнейшего Саввы, архиепископа Тверского). Особенно же важно в этом отношении посланное Филаретом в Святейший Синод от 16 января 1852 г. донесение с представлением основательно и обстоятельно составленных «правил благоустройства монашеских братств в Москве».¹²³⁴

А между тем около того же времени, именно 16 октября 1853 года, святитель Филарет, хорошо знавший, что на жизнь монашествующих тогда обращено было особенное внимание и самого императора Николая,¹²³⁵ решил и с церковной кафедры сказать слово поучения о той же монашеской жизни. Мы разумеем сказанную означенного числа октября месяца его «Беседу к братству Николаевского Угрешского общежительного монастыря». В этой беседе, сказанной на текст: *рече ему Иисус, аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаша сокровище на небеси, и гряди в след Мене (Мф.19:21)*, святитель-вита предлагает обстоятельное учение о не стяжании – одном из главнейших обетов монашества, который и в «Правилах благоустройства монашеских братств в Москве» святитель Филарет утверждает на том же тексте Священного Писания.¹²³⁶ «Братия монашествующие, взывает к инокам обители святитель-вита в своей «Беседе», к нам особенным образом относится Христово учение о не стяжании. Для других это есть совет, подлежащий свободному избранию: для нас это есть обет, который, вместе с обетом целомудрия и послушания, мы уже приняли на себя пред алтарем Господним».

Но при этом он различает случаи, когда монах что-либо, например, одежду покупает сам, на свои деньги, особенно же одежду «не смиренную», или принимает «от руки начальства обители». Первое, особенно же покупку одежды «не

смиренной», проповедник не одобряет, конечно, а о последнем говорит, что в таком случае «ты приемлешь ее (одежду), как дар Божий, как благословение Божие чрез начальство».¹²³⁷ В виду важности содержания и поучительной стороны проповеди, Филарет решил напечатать ее как отдельно, так и в академическом журнале: Творения святых отцов, а спустя значительное время и в собрании слов и речей Филарета, издания 1861 года. А потому, посылая эту проповедь еще в рукописи к наместнику Лавры Антонию, святитель от 30 октября того же 1853 года пишет ему: «Прочитайте прилагаемую тетрадь, которую просят напечатать, и, возвращая мне, присовокупите, что вы думаете».¹²³⁸

Он часто с подобными относительно проповедей своих просьбами обращался к наместнику, пользовавшемуся его величайшею доверенностью. Но в настоящем случае он нарочито посылал рукопись к нему, как особенно опытному и сведущему в духовной жизни человеку, как к человеку, который глубоко знал правила монашества и был сам истинным монахом. И поэтому-то, когда наместник, в исполнение просьбы святителя, сделал свои замечания на рукописи беседы и, препровождая их к Филарету, извинялся пред ним в том, что сделал эти замечания, Филарет от 5 ноября писал ему: «для того и посылал я вам тетрадь, чтобы вы указали, где я проговорился, и потому благодарю за замечания». И касаясь одного из этих замечаний, именно относившегося к мысли о вышепоказанном различии одежды, купленной от одежды, полученной из обители, продолжает: «Но, может быть, я неудовлетворительно выразился: а мысль моя, кажется, не несправедлива. Я не осуждаю купленную одежду, но отдаю преимущество данной от обители. Например, купленный на Красной площади¹²³⁹ хлеб не приносит благословения; а взятый в обители преподобного Сергия приносит благословение. Прочитайте, как я исправил замеченное вами место, и если это не удовлетворительно, пришлите мне обратно с новым замечанием, почему неудовлетворительно; а если найдете удовлетворительным, то велите переписать, и отдайте в цензуру».¹²⁴⁰

Само собою разумеется, что после такого великого тщания в предварительном рассмотрении проповеди, эта последняя вполне достойною найдена была для печати, к общему назиданию иноков. Но еще более того назидателен и дивен пример глубокого, истинно монашеского смирения и послушания, какой и всегда являл в себе наш святитель-вития и теперь явил в своем отношении (по делу рассмотрения проповеди) к наместнику Антонию, который, как известно, вовсе не обладал таким умом и образованием, каким обладал Филарет, но который, как лице монашествующего духовенства, по всей справедливости именуем был аввою).¹²⁴¹

Нам остается рассмотреть, в отношении к попечению святителя Филарета о вверенной ему епархии, лишь один вопрос, затрагиваемый в его проповеднической деятельности за рассматриваемое царствование, именно вопрос о заботливости святителя касательно умственного образования духовенства, ему подведомого, вопрос о духовно-учебных заведениях Московской епархии. И по-видимому, естественней всего было бы говорить о сем прямо после того как мы сказали о белом духовенстве, так как главным образом дети белого духовенства получали воспитание и образование в этих заведениях.

Но мы не только потому оставили разрешение этого вопроса до настоящего места, что его разрешение послужит для нас наилучшим средством для перехода к общему заключению о всем рассмотренном периоде, а и потому, что не ради одного белого, но и ради монашествующего духовенства существовали духовно-учебные заведения московской епархии, бывшие рассадниками того и другого духовенства не только для московской епархии, но и для России вообще, иногда же и для заграничных земель. Одна московская духовная академия, в течении 30-летнего царствования Николая I, выпустила из среды своих воспитанников многих архипастырей и пастырей для сих мест, не говоря о других духовно-учебных заведениях епархии, средних и низших, которые или подготавливали своих питомцев для высших степеней образования, или выпускали, их в состав клира для разных степеней и должностей.

К тому же Московская духовная академия, например, в составе своих воспитанников имела лишь весьма незначительную (сравнительно) долю детей белого духовенства московской епархии. Больше всего в ней было пришельцев из разных других епархий. Не одни дети белого духовенства московской епархии воспитывались и в других духовно-учебных заведениях её, особенно же в Вифанской семинарии, находящейся в ближайшем соседстве с епархиями Владимирской, тверской и ярославской. С другой стороны, много воспитанников духовно-учебных заведений московской епархии вышли также на светскую службу. В московской епархии в 1825–1855 годах были:

1) высшее духовно-учебное заведение – Московская духовная академия, имевшая (и имеющая) для себя помещением с 1814 года в стенах Лавры преподобного Сергия и именно в зданиях бывшей Троицкой Лаврской семинарии, давшей окончательное образование самому Филарету и затем имевшей его своим учителем.

2) Два средних учебных заведения – Вифанская духовная семинария, помещающаяся близ Сергиевой Лавры, и Московская семинария, имевшая свое помещение сначала (до 1823 года) в Николо-Перервинском монастыре близ Москвы, потом (с 1823 по 1844 год) в Заиконоспасском монастыре (где до 1814 года была старая Славяно-греко-латинская академия) в самой Москве и, наконец, в теперешнем своем доме, бывшем графа Остермана (в Каретном ряду); и

3) несколько низших духовно-учебных заведений – уездных и приходских училищ, помещавшихся как в самой Москве (Заиконоспасское, Андрониевское, Высоко-петровское и т.д.), так и в других местах Московской епархии (Коломенское, Волоколамское, Перервинское и другие).

Все эти духовно-учебные заведения в рассматриваемое время в общем находились под действием устава 1808–1820 годов, в обработке которого, как нам известно, большое участие принимал Филарет в свою бытность ректором Санкт-Петербургской духовной академии в 1814 году. Этот устав несомненно имел свои высокие и незаменимые достоинства,

признанные и самым новейшим уставом духовно-учебных заведений (разумею устав 1884–1885 годов). При введении в действие этого устава в 1814 году, по окончании 1-го курса студентов Санкт-Петербургской духовной академии, долженствовавших быть первыми учителями в духовно-учебных заведениях Российской империи, устрояемых по этому уставу, государь император Александр Павлович, утвердив доклад о том комиссии духовных училищ, счел нужным «изъяснить» свои «намерения о воспитании духовного юношества».

Согласно этим намерениям, изъясненным в высочайшем указе от 30 августа означенного 1814 года, духовно-учебные заведения должны быть «в прямом смысле училищами истины. Просвещение, говорилось далее в том же указе, по своему значению, есть распространение света, и конечно должно быть того, который во тьме светится, и тьма его не объят. Сего-то света держась во всех случаях, вести учащихся к истинным источникам, и теми способами, коими Евангелие очень просто, но премудро учит; там сказано, что Христос есть путь, истина и живот; следовательно, внутреннее образование юношей к деятельному христианству да будет единственною целью сих училищ. На сем основании можно будет созидать то учение, кое нужно им по их состоянию, не опасаясь злоупотребления разума, который будет подчинен освящению Вышнему».¹²⁴²

Соответственно тому в самом уставе духовно-учебных заведений цель сих последних определялась точнее так:

1) общая цель воспитания юношества есть образование нравственных и физических способностей, согласное с его предустановлением.

2) Главное предустановление юношества духовного состоит в утверждении и распространении истинного благочестия.

3) Из сего открывается особенная цель духовного учения. Оно должно образовать благочестивых и просвещенных служителей слова Божия.

4) По сему все учреждения, в состав духовных училищ входящие, должны непосредственно относиться к сему главному намерению, и от него заимствовать свою силу».¹²⁴³

В виду такой цели духовно-учебных заведений весь устав их обнимал собою три части, из коих самая первая содержала в себе «управление нравственное», а уже вторая «управление учебное» и наконец третья «управление экономическое». В основании первого ставится страх Божий, как начало премудрости, или, что тоже, благочестие. А потому «все упражнения, располагающие к благочестию, а особенно молитва, должны быть свято сохраняемы. В духовных училищах отсутствие или небрежность в положенных часах молитвы должны считать особенным злом, нежели упущение важнейших уроков».

Кроме того, и «после духовных упражнений ни что столько не укореняет начал христианской нравственности, как привычка к повиновению». И наконец «нравственность юношей отлично назидается добрым употреблением времени и непрерывною деятельностью».

Затем не менее тверды и основательны и «начала управления учебного». «Нет ничего тщетнее и слабее, говорится в проекте устава 1814 года, как ученость, приобретенная наслышкою. Посему первое правило учебного управления есть стараться возбуждать собственные силы учащихся, давать им случай и удобность действовать. Лучший наставник есть не тот, кто блистательно сам говорит и изъясняет, но тот, кто заставляет учащихся размышлять и изъяснять. По сему все методы учения в духовных училищах должны быть основаны на собственных упражнениях юношества. Учитель должен только помогать развитию ума».

Иначе сказать, основным правилом устава 1808–1820 годов по учебной части было то, что выражалось по латыни словами: *non multa, sed multum* (не многое, но много). С этим вполне согласовался весь курс учения в устроенных по тому уставу духовно-учебных заведениях, все предметы учения, в которых не было ничего лишнего, но в тоже время было все существенно необходимое в виду главной цели всего учения, при чем естественно богословские и философские предметы вместе с словесностью занимали главное место, а другие были вспомогательными по отношению к ним, в высших и средних

духовно-учебных заведениях, между тем как низшие, представляя в себе самих нечто законченное на известной степени, являлись в тоже время необходимою подготовительною стадией в отношении к средним.

Наконец и в отношении к управлению экономическому устав 1808–1820 годов главным правилом поставляет «благовременность и доброту всех заготовлений, к содержанию духовного училища принадлежащих. Во всяком роде потребностей должны быть избираемы вещи самой лучшей доброты: сие правило основано столько же на разуме истинной экономии, как и на попечительности о благе учащихся».¹²⁴⁴

Все части уставов 1808–1820 годов во всех своих подробностях отличались строгим единством основной руководящей мысли их и полным согласием с главной целью самых духовно-учебных заведений или духовных училищ вообще. В этом отношении уставы 1808–1820 годов неизмеримо стояли выше всех дотоле бывших духовно-учебных порядков, которые, при недостатке твердо определенного устава и при множестве частных узаконений, нередко противоречивших одно другому, представляли величайшие неудобства и недостатки на практике. Разнообразие как в постановке дела в тех или других учебных заведениях в отдельности по части учебно-воспитательной и нравственной, так и в обеспечении их материальном, было величайшее по всем епархиям Российской Империи. Все зависело от случая или от характера и степени умственного образования, от доброй воли, предприимчивости и заботливости того или другого архиерея. Начальствующих и учащихся в том или другом учебном заведении. Этим-то объяснялось, например, то, что в Московской епархии при митрополите Платоне (Левшине) духовно-учебные заведения поставлены были гораздо лучше во всех отношениях, нежели в других епархиях.

С введением же в действие уставов 1808–1820 годов такая неправильность, постановки дела учебных заведений духовного ведомства была устранена, и они все приняли одинаковое устройство. Хорошая постановка дела в них естественно отозвалась и на деле благими последствиями, – повышением

уровня развития обучавшихся в них. И она уже успела дать так много доказательств своей целесообразности, что не даром само светское министерство народного просвещения высоко ценило образование в духовно-учебных заведениях и весьма дорожило питомцами последних. Кому не известно, как много дельных людей, уже достаточно заявивших свою полезность на службе Церкви и государству, выпустили из стен своих духовно-учебных заведений, при действии уставов 1808–1820 годы?

Но вот в 1836 году на обер-прокурорское место при Святейшем Синоде поступил известный нам граф Н. А. Протасов, желавший, как нам также известно, своему положению при Святейшем Синоде дать министерскую обстановку и быть независимым от Святейшего Синода главным администратором духовного ведомства. Он прямо и ближе всего взялся за учебную часть в этом ведомстве и прежде всего начал в ней преобразования, соответствующие его собственным видам, мало слушая голоса почтенных летами, знанием дела и жизненным опытом иерархов Российской Церкви и не желая подчиняться их мудрым внушениям. С этой целью он в 1839 году, как мы уже знаем из раньше сказанного, упразднил прежнюю комиссию духовных училищ при Святейшем Синоде, ведавшую духовно-учебные дела по уставам 1808–1820 годы и на место её поставил более соответствующее министерским департаментам, мало зависимое от Святейшего Синода, но зато прямо зависимое от обер-прокурора Святейшего Синода «духовно-учебное управление».

А в следующем 1840 году, при пособии этого нового департамента, нового органа своего управления, ввел и желанные им изменения в самую учебно-воспитательную часть духовных училищ, при чем всячески старался произвести ломку прежнего устава, в видах упрочения своих начал, которые по этой части могут быть охарактеризованы трояко: *утилитаристское* с одной и *иезуитско-латинствующее* с другой стороны направление в учебной собственно части и *военно-дисциплинарное*¹²⁴⁵ направление в воспитательной собственно части. При всей силе противодействия введению этих, чуждых основной цели православных духовно-учебных

заведений, начал со стороны православной иерархии, особенно же таких столпов православия, как святитель Московский Филарет, графу Протасову, в осуществление этих его начал, все же удалось ввести в учебную программу, по крайней мере средних учебных заведений духовного ведомства,¹²⁴⁶ с одной стороны, такие предметы, как естественная история (зоология, ботаника, минералогия), химия, медицина, сельское хозяйство и т.п., а с другой – катехизис Петра Могилы, в некоторых частях своих составленный «из подражания латинским книгам»,¹²⁴⁷ – патристика и т.п., и наоборот – в значительной мере ограничить философию прежнего устава.

В отношении же к дисциплинарной части петербургские духовно-учебные заведения, бывшие под ближайшим надзором самого обер-прокурора, представляли собою образец его нововведений. Нет сомнения, что не все в этих нововведениях принадлежало лично графу Протасову, как инициатору. Многие навечно было со вне, течением современных идей или внушениями лиц, преследовавших означенные направления; но бесспорно то, что он именно, вопреки доводам благоразумия старцев-святителей, настаивал на введении всего этого в дело.

Для подтверждения этого и для убеждения в том достаточно было бы прочитать, хотя, несколько страниц из воспоминаний покойного преосвященного Никодима, епископа Красноярского, бывшего одним из орудий графа при составлении устава 1840 года, напечатанных во II книжке: Чтений в обществе истории и древностей за 1877 год.

Для образчика вот маленькая выдержка из этих воспоминаний. Никодим, бывший тогда ректором одной из духовных семинарий, по требованию обер-прокурора, в числе других, составил и представил в Святейший Синод конспект богословских наук для семинарий. Конспект этот понравился графу. Граф вызвал Никодима в Петербург, для содействия в составлении нового устава; позвал к себе и говорит ему: «Мы вас позвали на работу. Прошу потрудиться. Ваш конспект отличный. Он доказал, что вы с талантами; нам такие люди нужны. Прошу знать меня, и еще никого. Мы вас успокоим, дадим все. Не бойтесь никого, я ваш заступник. Храните в тайне

все, что будем поручать вам. Будьте искренны. Говорите и со мною смело, о чем буду вас спрашивать. Я сам буду говорить так, как сам разумею.¹²⁴⁸ Ваш конспект подвергся пререканиям. Его ужасно разобрал Киевский,¹²⁴⁹ кажется, из зависти, или по недоразумениям. Московский (митрополит Филарет), напротив, весьма хвалит. Как бы ни было, мы вас оградим и утешим. Конспект ваш будет напечатан. Вас ожидает докторство богословия. Пусть приедет Московский: вы тогда с ним посоветуетесь, и кое-что исправите, надобно же потешить и Киевского! Об этом подробно расскажет вам Карасевский,¹²⁵⁰ спросите его! Я только говорю: не бойтесь никого, ниже ваших архиереев: найдите меня!»

За тем, пишет Никодим, «мне стали присылать разные проекты, безымянные, в коих осуждалось то, или другое, в наших школах. Не помню содержания их, но помню, что они бранчивы, язвительны, насмешливы, намеренно ложны и часто весьма мелочны. Грустно мне было после узнать, что некоторые тетради и статьи против наших порядков учения написаны предательски нашими же.¹²⁵¹ Я позван был опять к графу. Вот его речи: «Подумайте хорошенько, и мне скажите, что нужно изменить в семинариях? Как упростить существующие науки? Не нужно ли ввести новые, и какие именно? Не надобно ли иные науки сократить, а другие и вовсе выгнать? Помните, семинария не академия. Из академий идут профессоры, им много знать нужно. Из семинарий поступают во священники по селам. Им надобно знать сельский быт и уметь быть полезными крестьянину, даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздор, эгоизма, фан-фаронства?» и т.д. При этом Никодим замечает, что подобные речи он выслушивал от графа часто и кроме того, «с грустью, говорит он, я выслушивал крайне неуважительные суждения и о великом Филарете московском, еще чаще о других святителях».

Наконец готов был и новый Протасовский устав. Филарет, по приезде в Петербург в сентябре 1838 года, узнал о том от Никодима и, конечно, не особенно приятно поразила его эта

весть. «С течением времени, говорит он Никодиму, устав (1808–1820 годы) мог требовать пересмотра. Может быть иное нужно изменить; может быть нечто надобно добавить. Но совсем перестраивать дело, около тридцати лет шедшее порядочно, не было нужды». Тем не менее, в виду настойчивости графа и его сподвижников на сетования Никодима об изгнании философии из семинарий и о введении многих ненужных наук, Филарет заметил: «Надобно в чем-нибудь и им (светским) уступить, чтоб от нетерпеливости не перепортили всего. О философии и математике Владыка сказал: «науки сии нужны в семинарии, как оселок испытания, изошрения и приведения в порядок мыслящего духа». О медицине сказал: «поверхностное знание семинаристами медицины бесполезно, даже вредно. Вместо излечения могут увеличить болезнь. А это лишит его доверия и в советах духовных».¹²⁵²

Таким образом, все-таки же Протасовский устав в 1840 году введен был в действие во всех духовных семинариях. Введен был и в двух семинариях московской епархии. Из них московская семинария в это время помещалась все еще в Заиконоспасском монастыре, хотя, за теснотой помещения в сем последнем, еще в 1834 году был куплен дом графа Остермана с обширным местом, его окружающим (на Садовой, в Каретном ряду) для помещения в нем духовной семинарии, по ходатайству митрополита Филарета, на средства духовно-учебного капитала, комиссией духовных училищ; в 1840 году митрополитом Филаретом назначен был строительный комитет по окончательному устройству и приспособлению означенного дома для помещения в нем семинарии; а в 1844 г. этот комитет и исполнил свое дело весьма успешно, устроив в семинарии и домовую церковь во имя святителя Николая.¹²⁵³

1 ноября 1844 года эта церковь была освящена, и семинария введена в свое новое помещение, в котором находится и донине. Освящение семинарской церкви совершал сам святитель Филарет, и по освящении сказал замечательную проповедь, на основании текста: *Самуил спаше в церкви Господни, идеже кивот Божий. И воззва Господ, Самуиле, Самуиле. И рече: се аз (1Цар.3:3–4)*, рассуждающую о близости

к храму Божию, по вместе с тем и в связи с тем глубоко затрагивающую и тогдашнюю так же, как и предшествовавшую тогдашней постановку учебно-воспитательного дела в духовных училищах. «Благоволением и отеческою благопопечительностью благочестивейшего самодержца уготованный, так начинает свою проповедь святитель-вита, обновляем ныне мы дом учения и жительства для детей церкви, уготовляемых на служение церкви, и не только дом, но и храм Божий, в ближайшей сопредельности, под одним кровом с домом учения и жительства. Благословен Бог, дающий *еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп.2:13), давший державной и священной власти благочестивое попечение о потребном для священного служения, вместе с человеколюбивым попечением о вспоможении служителям алтаря в воспитании детей, да, облегченные от близкой сердцу заботы,¹²⁵⁴ *с радостью бдят о душах* (Евр.13:17) паствы духовные, да творят молитвы за царя (1Тим.2:1–2), при всегдашнем непреложном долге верности и любви, с новыми свободными движениями сердца благодарного! Дети! спросите родителей, или отцов их: с такою ли, как ныне, многообразною заботливостью были они призреваемы, когда, полувеком ранее, проходили поприще, вами теперь проходимое? Из неблагоустроенных жилищ не редко целыми поприщами измеряли мы неблагоустроенный путь до дома учения; и случалось, что только *в поучении нашем разгорался огонь* (Пс.38:4), когда в согревающем или освещающем огне нуждалась учебная храмина. Воспоминаю сие не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имеет свои добрые и достопочтенные воспоминания, но, чтобы отдать справедливость настоящему. Вам предоставляется жилище, устроенное покойно, благолепно, величественно; и нам открывается совсем новая надобность напоминать вам, чтобы вы были в нем, как обласканные, но скромные гости, и чтобы не слишком привыкали утешаться оным. Надлежит вам помышлять и приучать себя помышлять с любовью, что, после сего, можно сказать, вельможеского дома, множайшим из вас должно будет вновь обитать в смиренных жилищах, посещать убогие хижины; и к сему должно вам перейти не с чувством тяготящей нужды,

но с чувством священного и возжеленного долга. Но теперь мы во храме, прерывает свои воспоминания и сопоставления прежнего с настоящим вития в видах перехода к теме проповеди, и о храме наипаче прилично теперь помыслить. Когда думаю, что здесь водворяются дети, которые некогда, прошед состояние детства, быв образованы учением, испытаны в познаниях, нравах и жизни, должны будут со страхом вступить в служение храму; и когда вижу, что храм уже сам приблизился к ним, вступил в их жилище, водворился по среди их, дивлюсь снисхождению благодати, утешаюсь близостью святилища для уготовляемых к особенному освящению; но утешение переходит в заботу. Как воспользуемся мы сим снисхождением благодати, сею близостью святыни? Не столько ли же страшна её близость, сколько утешительна?»

И далее, представив в пример сего Озу (2Цар.6:3–8), внушает ученикам семинарии со страхом памятовать о сей близости и соответственно сему началу премудрости направлять свою деятельность, вести себя. «Сердце, обращенное к Богу, воля покорная заповедям Его, ум направленный к истине, жизнь тихая, обращение кроткое и миролюбивое, слово рассудительное и чистое, послушание начальству совершенное, любовь к делу своего звания, труд неленостный, покой умеренный, веселие невинное, вот что может соседствовать с домом Божиим, без оскорбления его достоинства; и при сем, под его сенью и при его свете, конечно, лучше, нежели где-либо, может юность расти духовно, процветать и приносить плод во спасение». Но сколько страшна такая близость храма, столько же должна быть и возжеленна, по щедро-подательной благодати живущего в нем. Указав на пример благих плодов сего в пророке Самуиле, при храме, получившем свое воспитание, святитель-вития обращается с таким заключительным словом поучения к тем же воспитанникам семинарии: «Чада храма, чада учения! Приимите наставление от пророка Самуила. И вы водворяетесь, частью для учения, частью и для жительства, почти в преддверии храма. Любите и вы Храм и его служение, питайтесь Духом Живущего в нем, посредством благоговения и

веры. Если тебе падет жребий, хотя, только чтением, или пением, или возжжением светильника, или уготовлением кадила, служить храму, исполняй сие с благоговейным вниманием, с усердием, с радостью; вспомни, что одно из сих простых служений образовало некогда светильника Церкви, что служение светильнику Божию засветило в Самуиле пророческий свет. Имеете наставников, учение, книги. Это – сокровище для юности. Но земное учение требует помощи небесного Наставника, подобно как семя и прозябение требует солнца? чтобы возрасти и принести плод. *Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум (Притч.2:6)*. К Нему возводите взор ума, к Нему простирайте воздыхания сердца, когда приступаете к учению, или встречаете трудности в учении. К Нему возносите благодарное сердце, когда разумеете учение и обрываете успех. Наипаче же храните чистоту и непорочность сердца, дабы не затмеваясь входил в душу свет Божий. *Яко в злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси повиннем греху (Прем. 1:4)*. *Блаженнии чистии сердцем: яко тии не только премудрость Божию, но и Самого Бога узрят (Мф.5:8)*. Аминь». ¹²⁵⁵

Чрез три дня по освящении семинарской церкви, именно, от 4 ноября того же 1844 года, святитель Филарет писал следующее письмо – донесение обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову: «событие, запечатленное торжеством сего дня, останется навсегда достопамятным в благодарных чувствованиях духовенства московской епархии к венценосному защитнику и покровителю православной церкви, даровавшему улучшенные способы и обильнейшие пособия воспитанию детей, уготовляемых в служение Церкви. Сими чувствованиями, вполне мною разделяемыми, побуждаюсь я покорнейше просить ваше сиятельство донести благочестивейшему государю императору, что духовенство вверенной управлению моему епархии, купно со мною, в глубоких, смиренных, благодарных чувствованиях мысленно повергается пред престолом Его Величества, и, не имея иного средства ознаменовать сие, кроме молитвы и знамений молитвенных, препровождаемую при сем икону тезоименитого

благочестивейшему Государю святителя Николая, освященную вместе с храмом его имени, покорнейше прошу представить Его Величеству, как благоговейное приношение верноподданных, благодарно молящихся, сердец».

По докладу о сем Государю императору, Его Величество изволил написать: «Благодарить. 5 декабря 1844 года»,¹²⁵⁶ т.е. накануне дня своего тезоименитства. Как в этом письме-донесении, так еще более того в проповеди Филарета на освящение семинарской церкви, нельзя не заметить, как тонко и искусно святитель, обходя Протасовские нововведения по учебной части и восхваляя лишь вполне заслуживавшие похвалы улучшения по экономической части в духовно-учебных заведениях и отчасти лишь также – воспитательную часть, в общем приведенную в лучший порядок при графе Протасове,¹²⁵⁷ главное внимание останавливает на противоположении постановки дела и порядков в духовно-учебных заведениях, равно как и самых духовно-учебных заведений эпохи до реформы 1808–1820 годы и эпохи после этой реформы, а за тем и в виду такого противоположения, положительные черты своего учения и поучения о цели и задачах духовных училищ, о должной постановке дела нравственного, учебного и т.д. в них (главным образом в форме наставления воспитанникам семинарии) излагает исключительно на основании и в духе, даже не редко в точных выражениях уставов 1808–1820 годов, как то можно видеть из сличения приведенного из них выше с приведенными же словами проповеди святителя в семинарской церкви, а не устава 1840 года, имевшего в виду преимущественно «общенародность» воспитания семинаристов, применимость его к служению в сельском быту.¹²⁵⁸

В то же время проповедь (или «слово») святителя Филарета в церкви Московской духовной семинарии так составлена, что вполне применима, поучительна, и для всех других духовно-учебных заведений. Не только средних, но и высших с низшими. Это, равно как и то обстоятельство, что в других духовно-учебных заведениях за время рассматриваемого царствования Филарет не говорит слов или

речей, дает нам возможность окончить свою речь о духовно-учебных заведениях московской епархии. Мы вскользь теперь упомянем лишь о том, что при московской духовной академии в царствование Николая I, именно в 1843 году, по инициативе бывшего ректора её, архимандрита (после архиепископа) Филарета (Гумилевского) и при ближайшем содействии самого митрополита Филарета, начато было и с успехом продолжалось за тем издание журнала: Творения святых отцов в русском переводе, с прибавлениями духовного содержания, выходившее четырьмя бессрочными книжками или выпусками в год. В этом журнале, с самого начала его издания, Филарет Московский стал помещать свои проповеди, вновь выходившие в свет, которые до 1843 года помещал обыкновенно в журнале, издававшемся при Санкт-Петербургской духовной академии, – в Христианском Чтении.

Более ста слов и речей его помещено в этом повременном издании Московской духовной академии, в числе их и недавно приведенная проповедь, сказанная в Московской духовной семинарии. Более же подробные сведения об отношении Филарета к Московской духовной академии мы оставляем до следующего царствования, когда в 1864 году состоялось юбилейное торжество 50-летия её. А теперь поспешим сделать общие заключительные выводы о всем рассмотренном периоде царствования. в отношении к проповеднической деятельности святителя Филарета. К такому переходу дает нам основание и то, что духовно-учебные заведения призваны служить не только Церкви, но и государству, не только местным и частным, но и общественным и всенародным духовным потребностям, и пользам.

Царствование императора Николая Павловича оправдало надежды, которые возлагали на него все истинные сыны отечества, лучшие, благонамеренные люди в конце царствования Его августейшего брата Александра I. И это во всех отношениях. Прежде всего и ближе всего внутренняя язва империи, проявившая было себя в декабрьских смутах 1825 года, была скоро и с полным благоразумием закрыта и исцелена. Между тем как другие государства во все 30-летие

царствования Николая I были почти непрерывно обуреваемы внутренними волнениями политического характера и редко выдерживали напор этих волнений, уступая революционным требованиям духа времени тем или иным способом поблажки им, Россия стояла непоколебимо и высоко держала знамя самодержавия, отнюдь не терпя никаких волнений революционного характера среди себя. Эта непоколебимость внутренняя, укрепляемая и возвышаемая мудрыми преобразованиями, узаконениями, распоряжениями, улучшениями и т.д. во всех частях внутреннего управления Империей, давала твердость и вес России и во внешней политике. Имя России и её императора во всех государствах Европы произносилось с невольным трепетом и благоговением или во всяком случае с уважением в виду тех возвышенных начал, которых твердо держался император Русский в своей политике одинаково в отношении ко всем государствам.

И только примешивавшееся к чувству уважения в некоторых европейских государствах чувство зависти к возраставшему более и более могуществу России было причиною того печального оборота во внешней политике, какой приняла Крымская война в конце царствования Николая. Но всего дороже для нас и всего дороже для Филарета была крепость союза государства с Церковью, поддерживавшаяся неизменно во все это царствование. «Единство веры есть важное подкрепление единству народности, проповедовал Филарет с церковной кафедры, как мы припомним, в 1850 году, и оба сии единства вместе имеют важное отношение к силе Государства.¹²⁵⁹ Поэтому-то он так высоко ценил этот союз, который, в свою очередь, император Николай так твердо и неизменно охранял, и поддерживал во всех случаях и отношениях, как, например, мы то видели в отношении к расколу, в деле воссоединения униатов с православною церковью и т.д. Это было высшею степенью государственной правды в справедливости, которую лелеял в душе своей, всеми мерами охранял и стремился проводить в жизнь всего своего Государства по истине мудрый император Николай. Эта же правда в частности, не смотря на некоторые препоны, ей

поставленные в 1842 году, получила перевес над несправедливостью в царствование Николая и в отношении собственно к Филарету, при том в конце этого царствования даже более, чем в начале; а такое личное положение Филарета, как архипастыря, естественно, теми же светлыми чертами отражалось и на благосостоянии паствы и епархии его, не даром служившей образцом для других епархий во всех отношениях.

В согласии с тем более светлыми, нежели мрачными чертами отличается и проповедническая деятельность Филарета за все это царствование и во всех рассмотренных отношениях, представляя собою таким образом, самый блестящий и обильный производительностью своею¹²⁶⁰ период во всей многолетней проповеднической деятельности святителя.

И не даром при первой вести о кончине императора Николая Филарет написал: «Гласом силы возгреме Господь над Россией. Но мы, как спутники Павла к Дамаску, поражены слышанием гласа, и не разумеем, что он глаголет».¹²⁶¹ Обратим взоры на следующее царствование, дабы уразуметь, «что он глаголет», и много ли лучшего принесло с собою новое царствование.

III. Царствование императора Александра II (1855–1867)

Еще в начале 1852 года, когда святителю Московскому Филарету пошел семидесятый год от рождения, он писал ректору Московской Духовной Академии, архимандриту Алексию Ржаницыну,¹²⁶² просившему у него проповеди для помещения в академическом журнале – Творения святых отцов,¹²⁶³ «пора вам, отец ректор, ожидать от меня более молчания, нежели слова».¹²⁶⁴ Иначе сказать, святитель Филарет, ссылаясь на свои телесные немощи, уже в конце царствования императора Николая Павловича как бы отказывался от продолжения проповеднической деятельности. Действительно, издавна удручаемый разного рода болезнями, особенно ощутительными при его природной слабости телесной, а между тем столько употребив сил на изумительную по напряжению энергии деятельность в предшествующее пол столетие, святитель Московский в праве был так писать, как писал к Алексию. К тому же и голос его, столь необходимый для надлежащего произнесения проповедей, стал мало по малу ослабевать и быть менее звонким, нежели прежде; речь его, от старости и от выпадения зубов, стала также менее внятной для слушателей. По этому святитель мало по малу приходил к сознанию необходимости заменять более или менее пространные поучительные слова более краткими речами, или беседами, или же письмами, которые по содержанию, тону и направлению, у него нередко представляют собою почти то же, что проповедь, каковой характер носят на себе иногда и резолюции святителя, так как и при ослаблении телесных сил он до конца жизни сохранил всю бодрость духа, а с другой стороны, как архипастырь, и в старости не хотел оставить без назидания и паству свою и других лиц, искавших у него наставления или нуждавшихся в нем.

Этим объясняется, с одной стороны, то, что за время царствования императора Александра II мы имеем от святителя Филарета гораздо меньше проповедей. Нежели за

предшествующие царствования, а с другой, то, что в числе слов и речей его за это время, по их последнему изданию (1873–1885), помещены и некоторые письма его, особенно приветственные, к высочайшим особам. Но и к другим лицам многие письма его могут быть названы поучениями, только не по строгой форме проповеди составленными.

Так, например, в 1866 году, в один из воскресных дней, когда в церкви московского женского страстного монастыря только что началась поздняя литургия и диакон возгласил: «благослови, Владыко», какой-то фанатик, стоявший посреди храма, закричал: «остановись! суд Божий скоро, покайтесь, время близ». Предстоящие, и особенно монахини, смутились, и долго не могли успокоиться, хотя, закричавшего тотчас же вывели из церкви служители. В успокоение обители святитель Филарет писал от 9 сентября означенного года к игуменье монастыря Антонии¹²⁶⁵ следующее: «Для чего колеблется дух ваш от того, что пришел чуждый ветер и наклонил чуждую былинку на вашу ниву? Ветер прошел, неправильное движение отклонено, ваша нива осталась в покое. Некоторая робость – не беда. Ею человек естественно, без усилия и подвига, предохраняется от дерзости, которая была бы хуже робости. А чтобы робость не была чрезмерна, в часы мира надобно вооружить себя против минут брани. *Уготовихся, и не смутихся*, говорит пророк (Пс.118:60). Чем уготовиться? Молитвою, верою, преданностью в волю Божию, надеждою, что *Господь не даст искушиться паче, еже можеша, но сотворит со искушением и избытие*. Непризванного пророка преследовать не надобно; нельзя же, однако, и совсем оставить его без внимания. Он в таком положении, что может сделать вред другим и себе. Надобно, по возможности, употребить духовное врачевание. Мать его хорошо бы поступила, если бы сама искала могущего подать помощь».¹²⁶⁶

Или вот еще случай. В деревне Гридиной, Богородского уезда, прежде состоявшей в приходе Ильинской церкви известного села Гуслиц, построена была церковь, для образования из Гридиной особого прихода. Но в средствах для окончания постройки и благоуукрашения церкви ощущался

значительный недостаток. Гридинские прихожане обратились к прихожанам богатой Ильинской Гуслицкой церкви с просьбою о заимообразном вспомоществовании им в сем деле. Но Ильинские прихожане отказали им в исполнении просьбы. Те обратились тогда ко владыке Филарету, и Филарет, после того как его краткая резолюция (от 2 сентября 1863 года) с побуждением к вспомоществованию не подействовала на прихожан Ильинской церкви, от 9 октября того же года написал следующую резолюцию на прошении нуждавшихся в помощи: «1) призвав человеколюбца Бога, подумайте чада православной церкви, правильно ли, согласно ли с христианским братолюбием поступаете вы, отказывая братиям вашим, желающим создать храм Божий, для удобнейшего служения Богу и спасения душ своих, не только в безвозвратном пособии, но даже и в займе на их нужду. Вы опасаетесь, что не уплатят долга. Опасение не основательное. Неужели вы думаете, что человеколюбивый Бог не силен наполнить скудость их своими щедротами, если они, терпя нужду, не ослабят в благочестивом усердии? Да если бы и подлинно не совсем благонадежна была уплата: не слышите ли вы, что Христос Спаситель глаголет в Евангелии: *просящему у тебе, и хотящего от Тебе заяти не отврати* (Мф.5:42); *взаим давайте, ничесоже чающе* (Лк.6:35). Вспомните Евангельскую вдовицу, похваленную Господом, которая из усердия к Богу и храму Его отдала последние две лепты (Лк.21:1–4). Ваш храм благоустроен, снабжен всем потребным; имеет обильные способы удовлетворять своим нуждам: у вас просят только части денег,¹²⁶⁷ и не ваших,¹²⁶⁸ а принадлежащих уже Богу и храму Его, и прося и только займы, и вы не хотите помочь сим нуждающемуся ново создаемому храму. Помыслите, как далеко отступили от того, чтобы удостоиться одобрения словом Христовым. По долгу служения моего возбуждаю ваш чистый смысл, и убеждаю поступить так, чтобы над вашим делом и над вашими душами было благословение Божие. 2) Благочинный¹²⁶⁹ объявит сие причту и прихожанам, и что за сим последует, о том донесет с возвращением сего».

Что же за сим последовало? «Во время чтения этой резолюции, говорит сообщающий резолюцию,¹²⁷⁰ на основании фактических данных, после литургии 13 октября, народ стоял в глубоком безмолвии и со вниманием слушал, а некоторые со слезами. По прочтении резолюции, из прихожан ни один не возразил, что не желают дать (взаймы), а радушно сказали: «деньги Божьи и идут к Богу». Владыка, извещенный о том, написал 18 октября: «прихожанам церкви святого пророка Божия Илии, что в Гуслицах, объявить чрез благочинного, что мы утешены их послушанием и братолюбием, и от благодарности сердца призываем им благословение Божие».¹²⁷¹

Разве эта резолюция и по тону, и по действию её на тех, кого она касалась, не равносильна проповеди? А таких писем, резолюций и т.п. много осталось до нас от святителя Филарета. Все это говорим мы к тому, чтобы при рассмотрении подлежащего теперь нашему вниманию периода проповеднической деятельности Филарета не ограничиваться лишь его проповедями в строгом и тесном смысле слова для уяснения той или другой стороны её. Но принимать в соображение и другие виды его литературной производительности, тем более, что, повторяем, святитель Филарет, не смотря на старость, с одной стороны, не терял бодрости духа, а с другой, не упускал из виду своего пастырского долга – назидать, как это он ясно выразил и в вышеприведенной резолюции своей.

Последняя, более пространная, проповедь его относится к 1861 году, а последняя речь его даже к 1867, последнему году его жизни. Да и о произношении его, даже за последнее время его жизни, очевидцы говорят следующее: «Нам приходилось не раз быть свидетелями покоряющего действия уже ослабевавшего силою произношения его, по-прежнему, мощною силою содержания, слова, звук его едва внятно доносился до лиц, помещавшихся вблизи архипастыря, смысл, видимо, ловился напряжением всех чувств; блестящие, необычайно подвижные глаза архипастыря как бы дополняли то, в чем отказывал ему голос, и эта тихая речь под высокими сводами храма, как бы откровение свыше, всегда производила

необычайно глубокое впечатление».¹²⁷² Если же к тому добавить, что святитель Филарет, как достойный архипастырь и иерарх, работал и устным словом, и пером, всегда назидательно, до последнего часа своей жизни, то мы по справедливости должны будем обнять проповедническую деятельность его весь почти тринадцатилетний период (19.02.1855–19.11.1867) царствования императора Александра II.

1. Личные отношения, жизнь и деятельность святителя за это время. Его высокое значение

Уже в конце царствования императора Николая Павловича, как мы говорили раньше,¹²⁷³ «имя» Филарета «гремело не только во всей России, но и далеко за пределами её». Еще более тоже должно сказать о царствовании императора Александра II. Значение митрополита Филарета за время этого царствования достигло степени вселенского учителя Церкви, как это особенно наглядно выразилось в знаменательный день празднования 50-летия служения сего святителя в архиерейском сане, 5 августа 1867 года, еще при жизни его, а равно и по кончине его. вскоре за тем последовавшей (19 ноября 1867 года). Но как за оба предшествовавшие царствования святителю Филарету, вместе с радостью личного торжества, приходилось испытывать и много скорбей, достигавших нередко самой глубины его сердца, так и новое царствование прошло для него не без скорбей, хотя, и менее, нежели те, для него тяжких, однако, все же таких, что они, так же, как и те, навевали на него мысль об удалении на покой.

Впрочем, за то и скорби эти с избытком покрыты были для святителя Филарета торжеством, еще более светлым, нежели торжество конца царствования императора Николая, особенно ярко озарившим последние годы жизни святителя.

Между тем как в предшествующее царствование главная причина личных скорбей святителя Филарета заключалась в том, что, благодаря влиянию обер-прокурора Святейшего Синода графа Протасова, на некоторое время поколеблено было доверие и уважение самого государя императора к святителю, в новое царствование такое доверие и уважение было непоколебимо и возрастало с каждым годом все более и более. Государь император Александр Николаевич и государыня императрица Мария Александровна, а за ними и другие Высочайшие Особы обращались к святителю Филарету за советом и наставлением в потребных случаях, оказывали ему всевозможные знаки внимания и уважения и т.п. И это с

самых первых дней воцарения нового государя императора. Некоторые считали приличным, чтобы Филарет участвовал даже в обряде погребения почившего императора. «И в Петербурге, и в Москве, писал сам святитель от 4 марта 1855 года, говорят, зачем я не просился в Петербург к погребению и, вероятно, обвинят меня в сем. Но и владыка Платон не поступал так. А что вернее, и что меня успокаивает, я не чувствую себя в силах доехать до Петербурга».¹²⁷⁴

И от 17 марта: «Что я не просился в Петербург, о том я спокоен в совести, и потому, что не имел примера в предшественниках, и еще более потому, что не в силах предпринять путь. Но оттуда вести различные. Из хорошего источника весть, что государь император изволил спрашивать, собираюсь ли я в Петербург, из хорошего источника и другая весть, что сего не было. Воля Господня да будет во всем. А что вы разумели, сказав, что мое прибытие в Петербург могло бы подать вину к безмирию других? Неужели вы думаете, что я потребовал бы первенства, или принял бы оное, если бы и предложили? Да не будет».¹²⁷⁵ В этих словах писем видны и указание на высокое значение, какое уже тогда имел святитель Филарет в глазах многих со стороны близости его к особам высочайшей фамилии, и намек на возможность столкновений по вопросу о первенстве в священно-служении или вообще на возможность не мирных личных отношений других лиц к нему и наконец его обычное глубокое смирение, с которым мы встретимся и далее, не смотря на более и более возвышавшееся его личное значение.

Но этого мало. Чего прежде или совсем не было или что бывало только в особенных, чрезвычайных случаях, в новое царствование митрополит Филарет вступил в переписку с высочайшими особами. Еще когда прямо вскоре по кончине государя императора Николая Павловича и по поводу сей кончины Филарет писал в Петербург к одному из придворных (не к Василию ли Дмитриевичу Олсуфьеву?¹²⁷⁶), со стороны самих высочайших особ было выражено желание войти с ним в эту переписку. До государынь императриц¹²⁷⁷ дошло мое письмо, писанное не к ним, читаем в письме Филарета от 4 марта 1855

года, и они изволили сказать, что ждут от меня писем. Посему я написал, не приняв сего на себя прежде».¹²⁷⁸

При этом разумеются уже опубликованные в печати, глубоко-назидательные письма митрополита Филарета к обеим императрицам, к вдовствующей от 25 февраля, и к царствующей, от 23 февраля 1855 года.¹²⁷⁹ От 17 марта митрополит Филарет извещает наместника Лавры: «Обе государыни императрицы удостоили меня милостивого ответа на мои письма».¹²⁸⁰ Но и при этом, когда вскоре после сего, по случаю посылки иконы преподобного Сергия Государю императору собственно ко дню рождения Его Величества 17 апреля, наместник Лавры подавал мысль митрополиту послать ее при письме на имя государя, митрополит от 10 апреля того же 1855 года писал ему: «Что делается по принятому правилу и обычаю, то делаю с мыслью, так должно; и остаюсь в покое в отношении к последующему. Но когда представляется что-либо свыше обычая, тогда спрашиваю себя: кто есмь аз, чтобы поступать с дерзновением? и не нахожу ответа. Если бы мне решиться писать к государю, то надлежало бы в случае, преимущественно важном, при восшествии его на престол; но я и тогда не решился. Почему теперь быть смелее? Нынешний генерал-губернатор¹²⁸¹ при покойном государе начал писать поздравительные письма, и получать ответные рескрипты. Не знаю, как это сделалось, но это особенность царского наместника в столице, как он себя представляет. К государыням императрицам я писал потому, что на то была их воля. К государю императору писал о пожертвовании;¹²⁸² и тогда сказал, что не вдруг решился писать собственно к нему. При покойном Государе о пожертвовании, сколько помню, писал я к обер-прокурору для доклада Его Величеству. Преподобный Сергей не прогневается, что я, по моему не достоинству, не сделаю себя посланником его к государю, и преподавателем его благословения: и за мое не достоинство не уменьшить своих молитв о нем к Богу, и непосредственно подаст Ему свое благословение».¹²⁸³

Однако, недолго спустя после того, очевидно по желанию и соизволению самого государя императора, между ним и

митрополитом Филаретом установилась, можно сказать, правильная переписка по более или менее важным случаям.¹²⁸⁴ Это же дало митрополиту Филарету смелость после, когда немощи телесные, вследствие старости, уже не так часто, как прежде, давали ему возможность лично встречать государя императора и других особ высочайшей фамилии и произносить пред ним и ими обычные приветственные речи, заменять и эти речи приветственными письмами, с содержанием которых мы еще встретимся в свое время. Такое особенное внимание государя императора и царской фамилии, такое уважение их к митрополиту Московскому Филарету, естественно, воздействовало на то, чтобы и лица, близкие ко двору царскому и имевшие более или менее значительное влияние на дела и отношения, также с предупредительностью и уважением относились к Филарету. Ближайшее отношение к Филарету и наиболее сильное влияние на его положение из таких лиц мог иметь, конечно, обер-прокурор Святейшего Синода.

После неожиданной и почти скоропостижной смерти такого обер-прокурора, каким был граф Н. А. Протасов († 16.01.1855), весьма важен был вопрос, кто будет его преемником. Некоторые думали, что преемником его будет известный духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев, служивший некогда значительное время при Святейшем Синоде и давно находившийся в дружеской переписке с святителем Филаретом. По поводу этой мысли последний еще от 23 января 1855 года писал: «Андрей Николаевич по своим познаниям и по расположению духа мог бы нам быть полезен, если бы для нас был употреблен, но едва ли найдут сие удобным. Покойный граф пришел к нам полковником, и нашел подчиненных не выше коллежского или много статского советника. Теперь тут есть тайные советники, а Андрей Николаевич только статский советник.¹²⁸⁵ Александр Иванович¹²⁸⁶ человек благорасположенный и знающий дело, может быть, и им воспользуются. Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь внутренно, да будет удобна и приближающаяся помощь».¹²⁸⁷

Исправляющим должность обер-прокурора Святейшего Синода, на место умершего графа Протасова, назначен был еще в Бозе почившим Государем императором, пред самую кончину его, директор духовно-учебного управления тайный советник, упомянутый в сейчас приведенных словах письма святителя Филарета, Александр Иванович Карасевский. Недолго, впрочем, бывший на обер-прокурорском месте. За болезнью его еще 20 сентября 1856 года, обер-прокурором Святейшего Синода, на место его, назначен был граф Александр Петрович Толстой, не во всем сочувствовавший святителю Московскому Филарету, но и не могший не чувствовать к нему уважения. Он был уволен от должности обер-прокурора Святейшего Синода 28 февраля 1862 года († 1873).

На место его назначен был обер-прокурором Святейшего Синода глубоко чтивший святителя Филарета, можно сказать, искренний приверженец его, еенерал-адъютант Алексей Петрович Ахматов, уволенный от сей должности в июне 1865 года († 1870). Ему преемствовал в должности, также как граф А. П. Толстой, хотя, и менее его, не во всем сочувствовавший митрополиту Филарету и не во всем соглашавшийся с ним, однако, также невольно преклонявшийся пред силою его ума и величием его личности и значения граф Димитрий Андреевич Толстой, переживший Филарета († 1889) и в качестве обер-прокурора Святейшего Синода участвовавший во всех событиях последних лет жизни святителя. Первенствующими членами Святейшего Синода за тоже царствование были: митрополит Никанор, до кончины своей, последовавшей в 1856 году 17 сентября, отношения коего к митрополиту Филарету нам уже известны из прежнего; митрополит Григорий (Постников), ученик и искренний друг святителя Филарета, бывший первенствующим также до кончины своей, последовавшей 17 июня 1860 года, и наконец доселе здравствующий и состоящий первенствующим членом Святейшего Синода, митрополит Новгородский и Петербургский Исидор (Никольский), преемствовавший митрополиту Григорию и также издавна глубоко чтивший святителя Московского, называвший его «ангелом церкви

Московской, которому так легко усугублять радость радующихся о Господе» (в праздник Пасхи¹²⁸⁸) и т.п., что касается до других архиереев и светских сановников, то они в самой большей части с глубоким почтением и даже с благоговением относились к святителю московскому Филарету. В одной из речей своих к новопосвященному епископу (именно Дмитровскому Порфирию¹²⁸⁹) поучая последнего по долгу первенствовавшего при рукоположении, святитель Филарет говорит: «у нас не многие из епископов необходимо поставлены в совещательные сношения с старейшими; не знаю, многие ли расположены входить в такие сношения добровольно, по наставлению Синодального устава (Духовный Регламент о епископах, ст. IV).

Но понятно само собою, что при недостатке епископских общений, опытность одних не может приносить плодов, которые могли бы привести посредством подаваемых советов, и не опытность других может иногда приносить не зрелые плоды не зрело обдуманного действия. В церковном действовании твердо и благонадежно только то, чему в основании положено слово Божие, правила церковные, учение и пример святых. Но и крепкий камень не всякая рука, и не всегда одна рука, может хорошо положить в дело. Советую тебе, как себе, не опираться самонадеянно на свое мудрование, а любить искренний братский совет соепископов. *Спасение есть во мнози совете*, учит Премудрый (Притч.11:14).¹²⁹⁰

И подлинно, святитель Филарет находился в самых живых сношениях едва не со всеми современными ему епископами, подавая им мудрые советы и внимательно прислушиваясь к мыслям других архиереев, особенно же опытнейших и старейших из них. А он среди них, особенно в царствование императора Александра II, был по истине как бы отцом и верховным учителем. Он же был, после соименного ему митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова), и старейшим из иерархов русских того времени. Поэтому-то, когда в 1856 году, 26 августа последовала в Москве коронация и когда для сего в Москву прибыли почти все (за исключением лишь митрополита Киевского, упомянутого Филарета, по глубокой старости и немощам телесным, отказавшегося от участия в сем

торжестве) знаменитейшие русские архиереи того времени: митрополиты, архиепископы и епископы, и Святейший Синод перенес, на время коронационных торжеств, свои заседания также в Москву, святитель Московский по всей справедливости имел между иерархами первенство и в священнодействии и в общем положении и значении.

«Деятельное участие, пишет очевидец коронации 1856 г., А. Н. Муравьев, принял святитель в торжестве священного коронования, которого он был совершитель, помазав святым миром царственную главу. Отрадно было видеть его посреди собора архиереев, исполненных к нему уважением, как бы к природному своему патриарху, хотя, они и равны были ему по сану. Такое же глубокое уважение оказывали ему и все принцы, и сановники, наполнявшие столицу в самые торжественные её минуты; и нунций папский невольно пред ним преклонялся, потому что личность святителя внушала благоговение всем, кто только его видел. Я посетил маститого старца в самый день коронации, как только возвратился он от трапезы царской из Грановитой Палаты, потому что я сам, будучи свидетелем всех сих торжеств и в Соборе, и в Палате, хотел поздравить лично того, кто с таким достоинством действовал в этот день во главе иерархов Церкви, православной, пред лицом не только всей России, но, можно сказать, и Европы. Я нашел его утомленным, уже не в кабинете, где обыкновенно принимал, а в спальне, но с лицом просветлевшим от совершенного им подвига. Не думал я, говорил он, что буду в силах совершить это действие, к которому со страхом готовился, но Господь укрепил мою немощь.¹²⁹¹

Русские иерархи, присутствовавшие в Москве по случаю коронации и участвовавшие как в священнодействиях коронационных торжеств, так и в заседаниях Святейшего Синода (как члены постоянные и как приглашенные временно), были следующие: митрополиты: Новгородский и Санкт-Петербургский, первенствующий член Святейшего Синода Никанор Клементьевский (1787–1856); Московский – Филарет (1782–1867); Литовский Иосиф Семашко (1798–1868) и Казанский (только что пожалованный в митрополиты ко дню

коронации, Григорий Постников (1784–1860); архиепископы: бывший Ярославский, живший на покое в Донском монастыре, Евгений Казанцев (1778–1871); Варшавский, Арсений Москвин, впоследствии митрополит Киевский (1796–1876); Полоцкий, Василий Лужинский (1790–1879) и Херсонский (только что пожалованный званием члена Святейшего Синода ко дню коронации) Иннокентий Борисов (1800–1857); протопресвитеры: главный священник армии и флотов В. И. Кутневич и духовник Их Величеств В. Б. Бажанов.

В виду такого положения своего среди высших особ духовных и светских, равно как и в виду того, что заседания Святейшего Синода на время коронации были в Москве, а не в Петербурге, наконец и в виду того, что большая часть заседавших в Синоде особ духовных были, как то было известно святителю Филарету, настроены в пользу его заветной мысли о переводе Библии на русский язык, а остальные, по крайней мере, не против перевода, святитель Московский нашел настоящий случай самым удобным к возобновлению давнего, не по его вине заглушенного на все время царствования императора Николая Павловича, вопроса о таком переводе. Вызвав наперед мнения о том отдельных лиц, участвовавших теперь в собраниях Святейшего Синода и заручившись согласием всех их, не исключая и первенствующего члена Синода, митрополита Никанора, уже страдавшего тогда болезнью, скоро сведшею его в могилу, святитель Филарет достиг того, чтобы о сем формально было заявлено в одном из заседаний Святейшего Синода.

Это заявление и сделано было вскоре после коронации, именно 10 сентября 1856 года, хотя, митрополит Никанор, по болезни, и не был на этом заседании. Основанием или поводом к тому была мысль, высказанная в высочайшем манифесте от 19 февраля 1856 года и приведенная святителем Филаретом в его проповеди, произнесенной в неделю православия при праздновании дня восшествия на престол государя императора 24 февраля 1857 года. Именно, здесь святитель Московский, перечисляя тех, чью память Церковь и благословляет в неделю православия, говорит: «Наконец, при настоящем торжестве

православия, Церковь почтила и благословила и ныне благословенно царствующего благочестивейшего государя императора Александра Николаевича, и если бы спросили нас, какая мысль одушевляла нас при произнесении сего благословения, то мы отвечали бы, что у нас отзывалось и отзывается в сердце, от сердца Его Величества исшедшее слово, сие есть первое живейшее желание наше, да свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность».¹²⁹²

Иначе сказать, таким основанием или поводом была мысль о необходимости религиозно-нравственного образования народа, которое должно иметь главною опору своею слово Божие, заключающееся в Священном Писании.¹²⁹³ Исходною точкою рассуждения Святейшего Синода в собрании его 10 сентября 1856 года послужил дотоле не разрешенный еще вопрос, поставленный в заключении записки святителя Московского Филарета о переводах LXX и славянском, представленной в Святейший Синод в 1845 году, то есть, вопрос о доставлении православному народу способа читать священное Писание, для домашнего назидания, с удобнейшим по возможности разумением оногo.¹²⁹⁴ Ответом же на вопрос было единогласное решение – переводить Священное Писание на русский язык, начав перевод с священных книг Нового Завета. Владыке Московскому члены Святейшего Синода поручили составить проект синодального о сем определения. Но так как составление проекта, по самой важности дела, требовало и особенного внимания и не малого времени, которое нужно было святителю Московскому и по случаю продолжавшегося (до 23 сентября) пребывания царской фамилии в Москве, а Святейший Синод вскоре же после 10 сентября перенес свои заседания снова в Петербург, где к тому же 17 сентября скончался первенствующий член Синода митрополит Никанор; то владыка Московский, оставшийся по-прежнему в своей епархии, только около половины месяца мог окончить труд составления проекта и только оставшемуся в Москве же участнику заседания 10 сентября архиепископу Евгению (Казанцеву) мог прочитать этот проект для проверки

его с действительностью хода рассуждений о деле в этом заседании.

По прочтении проекта архиепископу Евгению и по получения его согласия на редакцию проекта, как верного действительности, святитель Филарет отправил проект, в видах дальнейшего движения дела, к исправлявшему должность обер-прокурора Святейшего Синода тайному советнику А. И. Карасевскому, при письме от 14 сентября того же 1856 года.¹²⁹⁵ Но А. И. Карасевский уже 20 сентября, за болезнью, был уволен от должности обер-прокурора, а еще 17 сентября, как сказано, скончался первенствующий член Святейшего Синода митрополит Никанор. Пока не назначен был преемник А. И. Карасевскому, обязанности обер-прокурора исполнял, подобно Карасевскому, уже давно служивший при графе Протасове, тайный советник К. С. Сербинович. Этот последний и предоставил назначенному на место Карасевского обер-прокурором графу А. П. Толстому, между другими бумагами, означенный проект определения Святейшего Синода. Новый обер-прокурор, имея в виду, что, за отбытием членов Святейшего Синода в Санкт-Петербург, в Москве не состоялось окончательного, облеченного в законную форму определения, для которого нужны были и надлежащие справки из синодального архива, принял составленный святителем Московским проект за его только личное мнение, представленное в форме записки, и чтобы соблюсти возможную осторожность в столь важном деле – признал нужным принять в соображение, кроме мнений в пользу его, и возражения против его полезности, дабы не привести его к такому же или еще более печальному концу, каким ознаменовались переводные действия Библейского Общества.¹²⁹⁶

Поэтому граф – обер-прокурор 20 ноября того же 1856 года препроводил составленный Филаретом Московским проект под именем «Записки» к Филарету Киевскому при письме, в котором просил его с возможною обстоятельностью изложить свои соображения по возбужденному теперь делу, уже сообщенные некогда ему, графу, при личном их свидании, но лишь вкратце. Маститый святитель Киевский не заставил себя долго ждать и к

21 декабря того же года представил ему эти соображения в виде пространного отношения на его имя. В этих соображениях он опровергал, шаг за шагом, мысли проекта, составленного святителем Московским и высказывал прямое и сильное убеждение в не полезности дела перевода Библии на русский язык; наоборот, находил это дело во многих отношениях вредным.¹²⁹⁷

Это отношение свое Филарет Киевский в декабре же препроводил к обер-прокурору при письме, в котором, не надеясь на успешность своих соображений и предположений в Святейшем Синоде, так согласно признавшем необходимость перевода Библии на русский язык, косвенно выражал желание, чтобы содержание отношения его было доведено до высочайшего внимания. «Одно державное слово Его (императора) прекратило бы дело решительно», писал он к графу,¹²⁹⁸ предлагая последнему, кроме того, и в видах убеждения его в справедливости изложенных в отношении мыслей, вытребовать к себе из синодального архива дело о литографированных переводах, производившееся в 1842–1844 годах.

А так как почти в тоже время вступивший, на место скончавшегося митрополита Никанора, в должность первенствующего члена Святейшего Синода митрополит Григорий письмом также просил Филарета Киевского высказать мнение свое по возбужденному в Синоде вопросу о переводе Библии, то святитель Киевский другим письмом к обер-прокурору (от 29 декабря 1856 года) просил его сообщить и Григорию содержание отношения от 21 декабря.

Обер-прокурор так и сделал и, извещая о том Киевского митрополита Филарета, кроме того, писал к нему, что он намерен содержание того же отношения сообщить и митрополиту Московскому прежде нежели повергать его на высочайшее воззрение, «дабы он видел прямодушное в сем священном деле действие и мог благовременно изложить свои мысли для совокупного о том рассуждения в Святейшем Синоде».¹²⁹⁹

Однако, последнего сообщения (т.е. митрополиту Московскому) граф потом почему-то не заблагорассудил сделать, а прямо 30 января 1857 года представил дело на высочайшее воззрение, т.е., и свое письмо к Киевскому митрополиту, и ответное отношение к нему последнего и составленный митрополитом Московским проект синодального определения 10 сентября 1856 года, как личное мнение митрополита Московского, добавляя при этом от себя, что приступать к делу перевода, без предварительного о том сношения с церковью греческою, он считает неудобным. В этом действии обер-прокурора была некоторая не прямота. Но за то «Бог есть *Бог правды* и порядка», как выразился в одной из относящихся к 1858 году проповедей своих святитель Московский Филарет.¹³⁰⁰ И «над сим делом», выражаясь его же словами, т.е. над делом перевода Библии «явилась рука Провидения Божия, и сердце цареве в руце Божией. Государь император обратил дело к порядку»,¹³⁰¹ повелев «внести мнение преосвященного Киевского митрополита в Святейший Синод на совокупное рассмотрение, но предварительно сообщить митрополиту Московскому».¹³⁰² Когда, в исполнение этого высочайшего повеления, мнение митрополита Киевского было сообщено митрополиту Московскому, при отношении от 19 февраля 1857 году, то последний крайне огорчен был таким столкновением с мужем, который был давним его другом и во всяком случае достопочтенным по своей строгой жизни и твердости православных убеждений. «Прискорбно мне, писал святитель московский к обер-прокурору от 18 августа 1857 года, что я принужден был входить в состязание с суждениями досточтимого мужа. Но уважение к истине не должно поставлено быть ниже уважения к лицу».¹³⁰³

И святитель Филарет московский, из уважения к истине, написал обстоятельное опровержение возражений митрополита Киевского против пользы и необходимости перевода Библии на русский язык, соглашаясь со многими его мыслями, представлявшимися ему основательными. Так, например, мысль святителя Киевского о том, чтобы церковно-славянский язык поддерживать, как богослужебный, всячески, а не

ослаблять переводом Библии на русский язык, утверждает и святитель московский; а опасение, что русский перевод вытеснит славянский язык, устраняет тем, что славянский «неизменно останется в богослужебном употреблении, что и будет побуждать к изучению славянского наречия, а сему доставлено будет удобство, если, как было и прежде, Новый Завет издан будет на славянском и русском наречии совокупно».¹³⁰⁴

Мало того, святитель московский даже с церковной кафедры высказывал совершенно ту же мысль о сем, какую проводил и святитель Киевский, поучая слушателей по освящении одного из храмов: «Псалмы, молитвы, священные песнопения не только слушайте в благоговейном безмолвии, но и старайтесь уразумевать их и вразумляться ими для вашей веры и для вашей жизни. Не обленивайте себя тем, что в них иное не удобовразумительно; есть в них довольно и вразумительного, чем можете питать души ваши. При том мы знаем, что постоянно внимательные даже при недостатке учения вне храма, посещая его прилежно, по благодати Божией, приобретают глубокое разумение совершающегося в нем».¹³⁰⁵

Тем не менее, окончив свои опровержения на мнения и возражения святителя Киевского, святитель Московский писал: «С прискорбием, покоряясь необходимости, прошел я поприще состязания с мыслями, исшедшими от мужа досточтимого. И, остановясь, скорблю о некотором, хотя, и частном, недостатке единства мыслей там, где оно наиболее вожделенно. Утешаюсь, однако, видя, что с нынешним единогласным рассуждением Святейшего Синода согласно и рассуждение митрополита Киевского, которое имел он в 1824 году.¹³⁰⁶ Вижу также надежду полного единогласия в том, что митрополит Киевский, рассматривая изложение рассуждения Святейшего Синода о переводе Священного Писания на русское наречие, и приведя из первого пункта оно, что дело сие должно быть возобновлено с крайнею осторожностью, и из пятого пункта, что ход сего дела не может быть поспешен, заключает от себя: «совершенно соглашаясь с Сим, считаю необходимым, не спеша начинать сие дело, предварительно обсудить его со всею

основательностью и со всех сторон». Следственно и после строгих отзывов своих о сем деле, он полагает, что оно может быть «начато», но только не спеша, и по довольном обсуждении. Будучи обязан дать по настоящему делу отзыв, призываю Бога, Творца Священного Писания, давшего в лице святых апостолов Церкви своей дарование языков и наречий, дабы все народы сперва слышали проповедуемое, а потом и читали написанное слово Его каждый на понятном языке и наречии; Бога призываю, чтобы он не попустил моей мысли и слову уклониться от того, что Ему благоугодно и полезно Церкви Его вообще, и душам христианским порознь. Подчиняясь совету владыки Киевского,¹³⁰⁷ вновь прохожу усиленно внимательною мыслью рассуждение и решение Святейшего Синода, и возбужденные сомнения вышеизложенные и рассмотренные, и после сего остаюсь убежденным пребыть в совершенном согласии с рассуждением Святейшего Синода 10 сентября 1856 года». ¹³⁰⁸

Это, как и отзыв свой, святитель Московский означил 21 июля 1857 года. А в письме к графу обер-прокурору от 18 августа того же 1857 года святитель Московский пишет: «По справедливости можно пожалеть, что высокопреосвященнейший митрополит Киевский, имея в виду мнение полного собрания Святейшего Синода, не обратился с своими сомнениями непосредственно к членам Святейшего Синода, чрез что образовались бы конфиденциальные частные сношения, для приведения дела в большую ясность, и можно было бы достигнуть того, чтобы дело вошло в Святейший Синод уже освобожденное от вида разногласия, что, конечно, было бы благовиднее. Прежде так поступаемо было». ¹³⁰⁹

И далее: «сказанное в сем письме может подать мысль, не войти ли теперь в новое сношение с высокопреосвященнейшим Киевским, прежде внесения дела в Святейший Синод. Это уже поздно, и может вести к новым затруднениям. В предварительных конфиденциальных, так сказать, домашних совещаниях удобно изменять мнения, и различные приближать к единству, чрез что прежние различные обращаются в ничто. Сие удобство миновало, когда мнение высказано официально, и о

сем даже доведено до высочайшего сведения. Остается в точности исполнить высочайшее повеление о внесении дела в Святейший Синод».¹³¹⁰

Обер-прокурор так и сделал. 15 сентября того же 1857 года он внес бумаги по сему делу в Святейший Синод, который, рассмотрев внимательно мнения обоих преосвященных митрополитов Киевского и Московского, и сообразив их с церковными правилами и изданными в разные времена постановлениями по сему предмету, согласно с мнением митрополита Московского, полагал, что перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей священного Писания, необходим и полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский язык должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания, и что к переводу сему, по особенной важности настоящего дела, должно приступить с всевозможною осторожностью, чрез лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Святейшего Синода.

Однако же, только после кончины владыки Киевского, последовавшей 21 декабря 1857 года, именно от 24 января – 20 марта следующего 1858 года состоялось определение Святейшего Синода, коим он предоставил обер-прокурору графу А. П. Толстому доложить о вышеизложенном Государю императору и на исполнение оного попросить высочайшее разрешение, «с тем, что, по воспоследовании такового, Святейший Синод не оставит подробные правила, каким образом, начать и совершить сие дело». Обер-прокурор, не смотря на продолжавшееся его собственное не сочувствие делу перевода Библии, должен был исполнить постановление целого Святейшего Синода; и доложил Государю. 5 мая 1858 года государь император, с восшествия своего на престол, положивший в сердце своем дать различные блага народу своему, даровал ему и то благо, что дозволил ему читать Священное Писание, для домашнего назидания, на вразумительном для него русском наречии, повелеть соизволил «приступить к переводу на русский язык книг Священного

Писания на изъясненных в определении (Святейшего Синода) основаниях».

В исполнение этого высочайшего повеления, от 19 мая – 2 июня того же 1858 года состоялось определение Святейшего Синода о немедленном начатии дела перевода, и даны были подробные указания и правила, как приступать к этому делу и приводить его в исполнение. Дело перевода разделено было между всеми четырьмя духовными академиями (Санкт-Петербургскою, Киевскою, Московскою и Казанскою), а по окончании перевода в академиях он по частям высылаем был из них в Синод, и там рассматриваем был членами Святейшего Синода. После чего отсылаем был на просмотр святителю Московскому Филарету и по получении от сего последнего с его поправками и замечаниями, вновь пересматриваем был в Святейшем Синоде и только уже после сего был печатаем и издаваем в свет.¹³¹¹

В 1860 году, еще при жизни первенствующего члена Святейшего Синода, митрополита Григория, вышел в свет исполненный таким образом, перевод Четвероевангелия, а в 1862 году и остальных священных книг Новозаветных. Перевод священных книг Ветхозаветных, начатый производством еще при жизни святителя Московского Филарета и также при его участии, начал издаваться в свет, согласно его предположению, уже после его блаженной кончины, именно начиная с 1868 года. Так пополнилась заветная мысль сего святителя; и говоря в конце 1858 года с церковной кафедры слово о воспитании по Библии, по духу и слову последней,¹³¹² проповедник, конечно, имел в виду разрешенный уже высшею властью вопрос об удобнейшем способе пользования ею в русском переводе.

Но за то сколько скорбей пришлось святителю Московскому испытать за осуществление этой мысли, даже теперь, когда речательств за успех этого осуществления у него было больше! Кроме прискорбного состязания с святителем Киевским,¹³¹³ святитель Московской испытывал постоянное чувство беспокойства и за то, что обер-прокурор граф А. П. Толстой, при всем его благочестии и при всех его достоинствах, оставался при мысли о не полезности дела перевода Библии на русский

язык и, следовательно, также не был в согласии с ним, святителем Московским. Так о нем даже в 1860 году, когда уже совершался перевод, святитель Московский писал к митрополиту Новгородскому Григорию (Постникову) от 1 апреля: «граф А. П. приметно не разделяет нашего мнения по предмету Священного Писания; и сего первую виною покойный владыка Киевский». ¹³¹⁴

Были и другие, или прямо выражавшие свое неодобрение этому делу, или недоверчиво и косо смотревшие на него. Кроме лиц, большею частью по поручению обер-прокурора писавших против перевода Священного Писания на русский язык в течение времени от начала полемики между митрополитами Киевским и Московским до решения дела в пользу перевода, ¹³¹⁵ были некоторые и из архиереев, недоверчиво относившиеся к делу перевода или, по крайней мере, подававшие повод так думать о них. Так, например, сам владыка Московский от 25 ноября 1857 года пишет к Иннокентию (Вениаминову), архиепископу Камчатскому, бывшему после преемником святителя Филарета на кафедре Московской († 1879): «Простите, что я с доверием принял неверный слух о Вашем мнении относительно перевода Священного Писания на русское наречие. Он пришел ко мне таким путем, что я имел причину доверять ему». ¹³¹⁶

Даже в 1858 году, когда уже последовало высочайшее повеление о начале дела перевода, владыка Московский А. Н. Муравьеву писал следующее: «Меня посетили в Москве в один день преосвященные: экзарх, Казанский и Ярославский». ¹³¹⁷ Мне вздумалось спросить их, как переводить Священное Писание на русское наречие, с греческого только или с греческого и еврейского вместе по соображению. Двое промолчали, а преосвященный Ярославский сказал, что в последнем случае будет не перевод, а сочинение. Видите ли, как дело, которое разрешено, может быть опять связано?» ¹³¹⁸

Не смотря на сочувствие переводу со стороны большинства лиц высшей иерархии, не сочувствие ему со стороны некоторых из архиереев и особенно владыки Киевского и действовавшего под его влиянием обер-прокурора Святейшего Синода, было так

прискорбно для святителя Московского, так тяжело, удручающе действовало на него, что навевало на него, как и в прежние тяжелые годы, мысль об удалении на покой от дел служения, к чему побуждало также и сознание немощности вследствие старости. От 14 апреля 1857 года, когда у него на руках было тяжелое для него дело, разбор и опровержение возражений митрополита Киевского против перевода Библии, он писал А. Н. Муравьеву: «О священном Писании отмолчаться отнюдь не хочу; но желаю сказать должное, по возможности, удовлетворительно; а это не легко. Каждый день думаю о сем, в все отвлекаюсь, это не одно дело, в котором не успеваю. Даже думаю, не должен ли я прекратить мою неудовлетворительность для службы прошением отставки».¹³¹⁹

И от 8 марта 1858 года наместнику Лавры архимандриту Антонию: «Не знаю, что мне делать с тем, что меня не достает для дела, и я во многом опаздываю. Кажется, не худо было бы, если бы меня отставили. Помолитесь о мне».¹³²⁰ Или от 13 ноября 1858 года ему же: «Что мне делать? Кажется, хорошо было бы, если бы меня отставили; а просить сего сомневаюсь, чтобы то не было бегство» и т.п.¹³²¹

В 1862 году святитель Филарет, в видах облегчения своих трудов по управлению епархией, становившихся год от году непосильными для него по старости, выпросил себе второго vikария, каковым и был рукоположен (во епископа Можайского) архимандрит Савва, ректор Московской Духовной Академии. Отвечая последнему на его речь, при наречении его во епископа, святитель Филарет говорил:

«Наши отцы учили нас, что и добрая, по-видимому, собственная воля не благонадежна и не безопасна, если не будет подчинена вышней все созидающей и все охраняющей воле, как и Господь поучает: *обаче не Моя воля, но Твоя, Отче небесный, да будет* (Лк.22:42). И посему с одной стороны, не позволяя себе собственной мыслью увлекаться с поприща, с другой – страшась, чтобы от моего изнеможения не страдало дело служения церкви Божией, должен я был, хотя, и пользуюсь уже доброю братскою помощью, желать усиления и усугубления

сей помощи. И благословен Бог, преклонивший к сему благоволение священной и державной власти».¹³²²

Таким образом, вот что собственно удерживало святителя Филарета от решения проситься на покой. И в этом-то смысле он в письме к преемнику графа А. II. Толстого в должности обер-прокурора Святейшего Синода А. И. Ахматову от 8 мая 1865 года говорил: «Да будет всем известно, что, если бы начальство рассудило уволить меня от дел, и поставило на моем месте деятельного; надеюсь, я принял бы сие с миром, и может быть с пользою для меня; только бы сие было не от моей воли, а по рассуждению власти».¹³²³ Но само собою разумеется, что начальство не только не думало увольнять святителя Филарета, но даже и наоборот, чрезвычайно дорожило им, как великим светильником церкви, столпом православия, мужем глубокой мудрости и величайшей опытности, мужем ума по истине необычайного. Да и сам святитель Филарет, в своих сетованиях на недостаток деятельности в себе, обнаруживал только величайшую скромность; ибо деятельность его и в это время глубокой старости его была изумительна и по объему, и по качеству. Кроме дел епархиальных и обыденных, у него было множество дел чрезвычайных, выходивших из пределов прямых и ближайших его обязанностей и совершавшихся главным образом по поручению высшей «священной и державной власти».

Вот как описывает его обыденную жизнь человек, близко знавший его. «Когда он отгоняет сон, когда уступает сну, т.е. в каком часу прерывает труды, молитвы, бдение, и в каком покидает ночное ложе, этого никто не знает. После утрени и обедни чай. После чая служебные занятия, доклады письмоводителя, объяснения с просителями и т.д., к 2 или 3 часам по полудни кончен труд питания, легкий, не изысканный обед. После обеда час, два отдыха, а отдыхом называется чтение книг, газет, журналов. После такого отдохновения – опять дела, переписка, доклады. Два дня в неделю (вторник и пятница) работа с обоими викариями, независимо от частых с ними занятий и утром и вечером по другим дням. Если бы возможно было исчислить время, которое употребляется им на

личные и письменные сношения по епархии и консистории с духовенством, с ректорами и инспекторами духовной академии и семинарий, с начальствующими в мужских и женских обителях, с благочинными и членами разных учреждений, не говоря уже о переписке с Синодом, с наместником Троице-Сергиевской Лавры, с епископами и с частными лицами, да если присовокупить к этому частое служение, соборное и домашнее, освящение церквей, приготовление проповедей, встречи царственных посетителей. испытание воспитанников академии и семинарий, посещение светских училищ и т.д., то сколько же останется досуга на успокоение от забот, на пищу, сон и редкие беседы с посетителями! Как полон его день трудов и подвигов! Как кратка его ночь! Не легко и его домашнему секретарю, этому, не в урочные только часы, а почти на непрерывной службе, всегдашнему, можно сказать, дневальному, все спешное, все внезапное, многое из подлежащего тайне ему доверяется»,¹³²⁴ хотя, с другой стороны, как говорит о себе сам святитель Филарет, у него «никакого пакета никто не раскрывает кроме» его самого.¹³²⁵

Объем дел, подлежавших вниманию и исполнению святителя Филарета был так велик, что простирался от редакции таких важных бумаг, как Высочайший манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, до просмотра заглавий обертки (сорочек) книг, подлежавших ведению духовно-цензурного комитета,¹³²⁶ — от составления наиболее важных синодальных бумаг до мелких записочек эконому Троицкого подворья по распорядительной части.¹³²⁷ Даже болезни не останавливали его в деятельности. Он не мог жить без дела, как без пищи; жалуясь на свою мнимую не деятельность, он и во время таких болезней, при которых врачи воспрещали ему всякую деятельность, жаждал деятельности и успокаивался только тогда, когда ему удалось сделать сколько возможно больше дела. Он жалел, что в сутках не более 24 часов.¹³²⁸

Вот один из множества случаев, характеризующих его неутомимую деятельность и жажду деятельности, сообщенный протоиереем Иоанном Борзцовским и относящийся к 1859 году.

Когда возобновляем был холодный храм и иконостас в приходской церкви сего протоиерея (церковь св. Иоанна Воина, на Большой Якиманке), протоиерею нужно было получить одобрение рисунков икон от владыки. Но владыка был болен и на подворье сказали протоиерею, что он послал за врачом и никого не принимает. Протоиерей на всякий случай все-таки вошел в приемные архиерейские покои. В тоже время вошел туда и секретарь владыки Н. В. Данилов, который, спросив протоиерея, за каким он делом пришел, полюбопытствовал взглянуть на бумаги его и, подумав несколько, сказал одному из служителей, что о протоиерее можно доложить. «Не смею, отвечал тот, не приказано». Секретарь молча прошел в другие комнаты и минуты через три-четыре, когда протоиерей собирался уже домой, объявил ему: «Пожалуйте, владыка вас просит, – Что вы сделали? говорить ему тот, из-за чего я буду тревожить больного владыку? Мое дело не важное, и не к спеху. – Пожалуйте, пожалуйста, после поговорим, промолвил тот. Протоиерей вошел со страхом. Владыка сказал ему едва слышным голосом: «Что у тебя, покажи, и кипу бумаг его принял с явную охоту, подробно рассматривал рисунки, делал замечания, объяснял символическое значение икон и т.д. он, заметно, оживился и отпустил протоиерея с миром.

По выходе его от владыки, секретарь, дожидавшийся его выхода, сказал ему: «Что такое с вами? – Ничего, ответил тот. – Как, ничего? возразил секретарь, час и 20 минут вы держали больного митрополита и, без сомнения, утомили его – Напротив, он меня держал и сам, слава Богу, кажется, освежился и ободрился. – Вот теперь и поймите, сказал секретарь, -очему я, по вашему выражению, втолкнул вас к нему больному. Ему надобно было дать дело, чтобы отвлечь его мысль о болезни; а ваше дело как нельзя лучше тут и годилось. Занявшись им, он забыл свою болезнь и тем ослабил её силу. Занятие для него нужнее и благотворнее медикаментов».¹³²⁹

В 1855 году 25 сентября, в день памяти преподобного Сергия, святитель Филарет говорил с церковной кафедры беседу на текст: *бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Мф.26:41) и в ней поучал: «каждый из нас бодрствует многие

часы в каждые сутки, но это не то бдение, которому Христос Спаситель учит для нашего спасения. Каждый из нас в каждые сутки несколько часов отдает сну, но это не есть лишение бдения. Бдение христианина есть отъятие от естественного сна столько времени, сколько можно без расстройства здоровья и, как в сие, так и во всякое время, возбуждение души к Богомыслию, к молитве, к наблюдению за движениями ума, воли, сердца, чувств, чтобы оные непрестанно направляемы были к истинному и доброму, по воле Божией». ¹³³⁰

По истине такое именно бодрствование постоянно и наблюдал в своей жизни и деятельности святитель Филарет, учивший других не только словом, но и собственным живым примером. Но он не доволен был и таким бодрствованием. такую деятельность. В одной из проповедей 1858 года он поучал: «Примечайте и учитесь. Пользуйтесь скорбными случаями, чтобы упражнять себя в терпении, чтобы со смирением и верою прибегать к помощи Божией. Часто помышляйте о благодеяниях Господа, чтобы питать в сердце благодарность и любовь к Нему. Пренебрегайте суету и прелесть мира, отвергайте пристрастие к земному, чтобы душа легче могла устремляться к небесному. С искренним усердием служите Богу и Христу делами благочестия, и ближнему, делами милосердия; в такой деятельности дух святой любви растет, укрепляется, возвышается, подобно семени на ниве земледельца, прозябающему и растущему, якоже не весть он, и достигает действенного благодатного общения с Духом Господним». ¹³³¹

Так поучал святитель, без сомнения, по собственному опыту. «Вот уже более полувека протекло, как он неумоимо подвизается в отшельнических подвигах, служебных трудах, проповеди слова Божия, в делах благотворительности, совета, утешения, говорил о святителе в последние годы его жизни близкий к нему человек. составитель жизнеописания его Н. В. Сушков. Но старец, несколько согбенный и то по временам при усталости или нездоровье, все тот же духом, головой и сердцем, каким был 40–50 лет назад. Память ему не изменила. Слово его сильно и увлекательно, что до терпимости и

терпения, любви и снисходительности, то смело скажу, что со дня на день он больше и больше становится к ближнему не лицом, а сердцем. Все любовнее, все смиреннее, он теперь чаще проявляет ту детскую доверчивость к добру, которая так поразила меня в глубокомысленном муже, при начале нашего знакомства.¹³³² Теперь его простодушная при известном настроении улыбка чаще мне западает в душу. Сколько раз мне случилось быть свидетелем его веры в добро! Как бы ни был он подчас озабочен, встревожен, опечален, поведи только речь о каком-либо добром деле, добрых чувствах или намерениях чьих бы то ни было, о знамении благодати в какой-нибудь семье, о чудесном исцелении больного по силе веры – и лицо его светлеет, глаза блестят смиренномудрым вниманием, иногда и слезой участия к неизвестным ему людям!»¹³³³ Его тайные благодеяния ближним неисчислимы.¹³³⁴ Он искренно и деятельно стремился подражать своему небесному покровителю, имя которого носил, святому праведному Филарету милостивому. По устроении и освящении в Гефсиманском ските храма во имя сего святого в 1860 году митрополит Филарет говорил беседу, в которой между прочим, читаем: «не должен ли я особенно взять во внимание то, что покровителем храма сего избрали вы праведного Филарета, моего покровителя? Без сомнения, должен. Усвояя ему сей храм, и его сему храму, конечно любовь ваша желала, чтобы он умножил о мне свои молитвы. много мне благопотребные, благодарю любовь вашу. Вновь представляя общему благоговению образ его во храме, вновь указываете вы мне на образ его добродетелей, чтобы доброе имя носил, а не слишком праздно. Приемлю напоминание и наставление. Так и должно нам, по апостолу, *разумевать друг друга в поощрении любви и добрых дел (Евр.10:24)*».¹³³⁵

И он подлинно подражал ему. При всем том он постоянно был не доволен собою в отношении к своей личной жизни и деятельности, как мы заметили выше. В его искреннем стремлении удалиться на покой от дел служения нельзя не видеть отражения давнего заветного его желания – в тиши монастырской кельи предаться вполне иноческим подвигам для

улучения спасения. И если прежде особенно сильно возбуждали в нем это желание разного рода прискорбные столкновения и обстоятельства жизни, то теперь побуждением служить стало и сознание близости кончины. «Ничего для себя, говорил он в 1862 году, когда уже близился к 80-летнему пределу своей жизни, все для Бога, и для церкви Его и для блага чад её. таково должно быть наше общее правило, хотя, никто из нас не может поручиться за исполнение оно, если не призрит милосердо Бог *действуя* в нас *и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Флп.2:13). Если же и позволить бы себе что-нибудь для себя, то мне, находящемуся у предела, которым само слово Божие ограничивает сию временную жизнь, или за которым указывает не столько жизнь и деятельность, сколько труд и болезнь (Пс.89:10), мне, и ближе сего предела не знакомому с трудом болезненности, мне и словом изнемогшим не достигающему до слуха собирающихся в церкви, и, может быть, только влекущему, а не подъемлющему и носящему бремя церковных попечений, – время бы искать совершенного от них освобождения, чтобы малые останки сил и дней обратить единственно к *единому на потребу* (Лк.10:42), которого, если не усвоим себе в данное нам краткое время, поздно будет искать в вечности».¹³³⁶

В этом отрывке из проповеди святителя Филарета мы видим ясное указание и на то, что мы раньше говорили, чем начали настоящий отдел нашего исследования, т.е. на причину постепенного прекращения и слова проповеди, ослабление проповеднической деятельности его в рассматриваемый период. В этих между прочим, видах, именно, в видах запечатления конца этой деятельности, в 1861 г. предпринято было издание 3 части 2-го собрания слов и речей святителя Филарета, 1 и 2 часть коего вышла, как мы знаем, еще в 1847–1848 годах. Это издание совершено было с прежнею тщательностью, при чем самый труд подбора слов и речей, редакции издания и корректуры святитель поручил комиссии, состоявшей из трех лиц: преосвященного викария Леонида Краснопевкова († 1876); протоиерея Архангельского собора Петра Евдокимовича Покровского († 1888); и протоиерея

Предтеченской, под Бором, церкви Иоанна Николаевича Рождественского. Сам святитель Филарет имел только высшее наблюдение за изданием, разрешал недоумения редакторов,¹³³⁷ с которыми не во всем «соглашался, а многое принимал и потом каждому подарил по экземпляру, в хорошем переплете, с надписью».¹³³⁸

Вот один из случаев отношения его к этому делу. От 27 мая 1861 года святитель Филарет писал преосвященному Леониду: «вот вариант для слова, о котором вчера говорили, напечатано: прелюбодействует от Бога. Можно напечатать, прелюбодействует от любви Божией. Если предпочтете новое чтение, то и исправьте по сему».¹³³⁹ Печатание издания, цензурным разрешением помеченное от 18 сентября 1861 года, окончилось в ноябре. Ибо от 2 декабря того же года святитель Филарет уже писал наместнику Лавры архимандриту Антонию: «Послал я вам, отец наместник, и в библиотеки обителей новоизданные слова и речи. Надеюсь, получили».¹³⁴⁰ Все последующие за сим речи (слов после 1861 года святитель Филарет уже не произносил) маститого иерарха печатаемы были в разных периодических изданиях.

Между тем после завершения проповеднической деятельности святителя Филарета, который, без сомнения, принадлежит к числу самых великих проповедников древней и новой церкви христианской, настала пора и более полного издания проповедей его на иностранных языках. Перевод на французский язык, сделанный, по поручению известного уже нам издателя их на русском языке А. И. Лобкова – Серпинетом (A. Serpinet), в трех томах, издан был еще при жизни проповедника, в 1866 году, в Париже, под заглавием: *Philarète, métropolitain de Moscou. Choix de sermons et discours. Traduits du russe sur la seconde édition par A. Serpinet.* Издержки издания принял на себя упомянутый Лобков с участием другого ревнителя православия и почитателя нашего иерарха, А. З. Егорова. Об этом издании и по поводу его Н. В. Сушков говорит следующее: «Переводить с русского, могучего и своеобразного языка на иностранные языки вообще не легко. А переводить такие произведения духовной письменности, каковы поучения

первосвятителя Московского, да еще на французский, почти невозможно. Из всех европейских языков (не говоря о греческом и латинском) только разве английский в силе передать удовлетворительно его Златоустову речь.¹³⁴¹ Но для этого переводчику нужно быть глубоко ученым богословом, вселенским, так сказать, догматиком; нужно всеобъемно изучить церковную историю, вполне уразуметь предания; нужно достаточно знать, если уже не еврейский, то по крайней мере древне-греческий, а также и латинский языки, при филологическом знании русского и церковно-славянского; нужно, наконец, переводчику творений нового хризостома усвоить себе его веру, духовность, сердечность, глубокомыслие, христианский мистицизм, классическую образованность, самобытную речь. Не часто встречаются muži с подобными сведениями и качествами. Нельзя, стало быть, строго судить труженический перевод Серпинета. Не без удовлетворительных страниц, не без удачных строк три книги его; тем не менее в целом этот труд не достиг цели издателей, иностранцы не узнают в нем Филарета; а перевод тогда только полезен, когда в нем как в зеркале, виден подлинник. А. Serpinet искажил внутренний смысл проповедей, частью затмил их, частью переиначил, вообще же как будто составил пародию слов и речей, как Котляревский и Осипов составили «Енеиду на изнанку».

Не говорю уже о слоге, о строе Филаретовой речи, о звуках и красках, о теплоте и возвышенности подлинника, о вдохновенных в нем строках и страницах молитвы и назиданий, обличений и утешений. Но нельзя не сказать, что язык перевода вовсе не соответствует и законам французского классических писателей языка, о котором Ривароль заявил, что *tout se qui nest pas clair, n est pas frauçais*.¹³⁴² А тут очень мало ясного. Особенно же трудно, даже не возможно доискаться смысла в тех местах, где Серпинет старался перелгать с русского на французский буквально, позабыв, что дух животворит, а буква убивает.¹³⁴³

Гораздо лучше появившийся уже после кончины святителя Филарета английский перевод его проповедей, изданный под

заглавием: Philaret, metropolite of Moscow. Select sermons, translated from the Russian. London, 1873. Этот перевод сделан была нашею соотечественницею, дочерью известного русского поэта Ф. И. Тютчева, Екатериною Федоровною Тютчевой, которая родилась и провела детство в чужих краях, где отец её служил при одном из наших посольств; но воспитывалась в Санкт-Петербургском Смольном Институте, и по выходе отсюда поселилась в Москве у своей бабки Екатерины Львовны Тютчевой, которая жила с дочерью и зятем Сушковыми. Через Н. В. Сушкова она познакомилась со святителем Московским Филаретом, который почитал её своим другом за её основательное и многостороннее образование, при полном отсутствии педантизма, за её свежий, крепкий и цельный ум, за её всегда умную и назидательную беседу, за её искреннюю любовь к предметам серьезным: политики, словесности, истории и богословия, с которыми она хорошо была и знакома.

В Бозе почивший государь император Александр Николаевич оказывал ей особенное уважение и любил с нею беседовать. Она-то, обладая прекрасным знанием новых иностранных языков и между прочим, английского, по настоянию и под руководством Н. В. Сушкова, а также побуждаемая и личным благоговением к памяти святителя Филарета, и совершила означенный перевод проповедей последнего.¹³⁴⁴ Жаль только, что она не все их перевела, ограничившись лишь избранными. Тем не менее таким образом, и просвещенный мир западный узнал Московского Златоуста, одного из величайших проповедников нашего времени и всех веков.

Но прекращении проповеднической собственно деятельности. святитель Филарет с 1862 года, как проповедник, произносит только речи при встрече особ царской фамилии и по другим наиболее важным случаям. Он считал это неизбежною обязанностью своего положения, как архиерея, притом столичного. Делая дружеские замечания бывшему своему викарию, а в 1861 году епископу Таврическому, Алексию (Ржаницыну) по поводу некоторых слов и речей его, святитель Филарет от 6 ноября означенного 1861 года пишет ему: «В

Духовной Беседе прочитал я еще вашу речь, и ваше историческое сказание государю в Пещерной церкви. На вашем месте я говорил бы меньше. Иное дело, что я говорю государю в Москве и вскоре потом в Лавре. Здесь так это утвердилось обычаем, что мое молчание было бы понято неприятным образом».¹³⁴⁵

Точно также и о долге своем говорить поучительную речь к новопосвященному, при его главном участии, епископу он ясно высказывался, как о непременном и неизбежном. «Чин церковный, говорит, например, святитель Филарет в 1857 году в речи к новопосвященному епископу Дмитровскому Евгению (Сахарову-Платонову), обыкновенно соединяющий с молитвою и тайнодействием поучение, повелевает мне в сей глубоко знаменательный для тебя день, не отпустить тебя отселе без поучения».¹³⁴⁶

Или в 1858 году, к новопосвященному епископу Дмитровскому Порфирию (Соколовскому): «Святой апостол Павел, святым Тимофею и Титу преподав тайно-действенным епископским рукоположением благодать Всесвятаго Духа просвещающую и умудряющую, тем не менее нашел нужным учить их епископскому действию чрез свои послания. Святая Церковь, всегда верная своим законам, повелела и нам от тайно-действенного рукоположения на поприще епископского действия напутствовать тебя словом назидания».¹³⁴⁷ Поэтому речи святитель Филарет произносил до последнего года жизни. Между тем он теперь еще более прежнего стал обращаться к *единому на потребу*, как он выражался словами Священного Писания. С каждым годом приближения к кончине святитель чаще и чаще, даже в словах и речах, обращает внимание на себя и на свое спасение.

Еще в 1856 году, беседуя с церковной кафедры о правде в один из царских дней, святитель говорит: «не знаю, рекут ли мне, но не отлагаю реши сам себе *притчу сию: врачу, исцелися сам*, занятый мыслями о правде для других, не забудь воспользоваться ими для себя».¹³⁴⁸

В следующем году, поучая новопосвященного викария своего, епископа Дмитровского Евгения, святитель Филарет

говорит ему: «данный тебе жребий служения отчасти соединен с моим. Ожидаю твоей помощи, тем более, что приходишь на помощь уже десятый ко мне одному, день от дня обветшающему. Но и мне от тебя правого содействия надеюсь, а не угождения требую. Соединим твою новую по благодати Божией силу и мою ветхую немощь в единомушном и по мере силы деятельном тщании угождать Богу, всегда и во всем *искать, яже Господа Иисуса*, то есть, искать мира Церкви Его и спасения душ, искупленных пречистою кровью Его». ¹³⁴⁹

В первый день января 1861 года по рукоположении ректора Московской духовной академии, архимандрита (ныне архиепископа) Сергия (Ляпидевского), во епископа Курского, святитель Филарет говорил ему в своей речи: «если, при помышлениях о великом не неуместно внимание и к малому, предлагаю вниманию твоего братолюбия, чтобы не забвен был в молитвах твоих послуживший, с собратиями, твоему освящению, дабы, помилованный мною во входе и прохождении поприща, обрел милость во исходе». ¹³⁵⁰

В 1862 году, произнося речь к новопосвященному епископу Можайскому Савве (Тихомирову), святитель Филарет говорит ему: «Посему словом апостольским, во-первых, *воспоминаю* себе, а потом и тебе завещаваю, *возгревати дар Божий*, или яснее сказать, возгревать и воспламенять в себе ревность и усердие, чтобы силою и помощью дара Божия, верно и неослабно действовать ко спасенью своему и вверенных нам». ¹³⁵¹

В 1863 году, по учреждении Московского Общества любителей духовного просвещения, которое избрало святителя Филарета своим почетным попечителем, святитель в речи своей к Обществу говорит: «что скажу в ответ на сие избрание? Уже не время мне обещать вам удовлетворительную, в отношении к вашему Обществу, деятельность; и потому, может быть, справедливо было бы отказаться от вашего избрания. Однако, не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться в отношении к вам чуждым. По мере сил и возможности будем пещись об общем деле и друг о друге». ¹³⁵²

В 1865 году, при вступлении государя императора в Успенский собор, святитель Филарет, по болезненному состоянию своему, не мог сам встретить его. Поэтому он, ободренный прежними знаками монаршего к нему внимания, послал государю письменное по сему случаю приветствие, в котором между прочим, читаем: «Мне не дано, как прежде, утешения сретить Тебя, благочестивейший государь, во вратах храма, и с Твоею царскою молитвою соединить мою смиренную молитву Богу да повинется душа моя. Однако, по милости Божией, мне еще оставлено утешение – из глубины пустыни¹³⁵³ простирать к Тебе слово благоговейного сочувствия и из глубины сердца вознести ко Вседержителю молебный глас». ¹³⁵⁴

Наконец в 1866 году, отвечая на речь ректора Московской семинарии архимандрита Игнатия (Рождественского) при наречении его во епископа, в которой новонареченный утешался мыслью, что будет иметь такого руководителя, как святитель Филарет, последний говорил ему: «А, что ты упомянул о человеческой помощи, то могу оставить без прекословия только в том отношении, что в сем есть смиренная мысль и должное ненадеяние на себя. Но ты имел бы не твердую опору, если бы много положился на человеческую помощь; и я превысил бы свою меру, если бы обещал тебе довольно помощи. И ты, и я, да воззовем, и да взываем с псалмопевцем: *помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю (Пс.120:2). Предай ко Господу путь твой, и той сотворит (Пс.36:5)* благое и спасительное тебе и чрез тебя». ¹³⁵⁵

Занятый приготовлением к переходу в вечность и мыслями о достойном к нему приготовлении, святитель Филарет не оставлял, однако, и всех других, сопряженных с его званием и положением занятий и трудов, будучи по-прежнему деятелен, хотя, и больше в тиши своей кельи обнаруживая эту деятельность (личные и письменные сношения, чтение и составление разного рода деловых и других бумаг и прочее), нежели во вне. Пользуясь общим вниманием и уважением, он уже утешен был от скорбей, посетивших его в начале царствования императора Александра Николаевича и сопряженных с вопросом о переводе Библии на русский язык.

Но его ожидало, в «исходе» его жизни, еще более блестящее торжество личное, достойно увенчавшее его многолетнюю плодотворную жизнь и многостороннюю, много полезную деятельность. Разумею состоявшийся 5 августа 1867 года 50-летний юбилей его епископского служения.

Еще в 1856 года, когда исполнилось 35 лет со дня назначения святителя Филарета в архиепископы московские, паства московская, с епископом Дмитровским – Алексием во главе, принесла ему письменное приветствие и благожелания, причем поднесен был ему архиерейский служебник.¹³⁵⁶ Это для святителя было, как он сам выразился в ответном письме к Алексию, «неожиданным» утешением.¹³⁵⁷ В следующем 1857 году сам святитель Филарет, произнося беседу после священнослужения по случаю 50-летнего юбилея службы князя С. М. Голицына, в самом начале этой беседы говорил: «несколько десятилетий могу счесть и я с того времени, как священноначалием дано мне благословение служить алтарю и беседовать в церкви», указывая на 49-летнее служение свое в священном сане вообще.¹³⁵⁸

В 1861 году, когда в июле исполнилось 40 лет служения святителя на кафедре святителей Петра, Алексия и других, Филарет приветствован был еще более торжественно, притом не только духовенством, с преосвященным Леонидом во главе, но и светскими особами весьма почтенными, а также духовно-учебными заведениями московской епархии, причем и приношений было больше, нежели в 1856 году, хотя, все это для святителя Филарета было также неожиданностью и сделано было если не против, то помимо его желания.¹³⁵⁹ Подобное же нечто повторилось и в 1866 и 1867 годах в июле месяце.¹³⁶⁰ Но все это далеко не могло сравниться с тем, что происходило в августе 1867 года, по случаю исполнившегося 5 числа сего месяца 50-летия служения святителя Филарета в архиерейском сане. Московскому владыке первому судило Провидение совершить пятидесятилетие святительского служения,¹³⁶¹ и вот почему особенно знаменательно било это торжество, еще более возвышавшееся в своем значении благодаря высокому

значению лица юбиляра, хотя, сам юбиляр менее всего думал о такой торжественности.

Еще в 1861 году, когда обер-прокурор Синода граф А. И. Толстой поздравлял его письменно с 40-летним юбилеем пребывания на московской архиерейской кафедре, он в ответ писал ему: «не о поздравлениях с четырехдесятилетием, но об ответе за четырехдесятилетие должен я помышлять; но добрые желания приемлю с утешением, потому что в них есть молитва, а она и потребна, и полезна».¹³⁶²

С таким расположением готовился он и к празднованию дня 5 августа 1867 года. Поэтому и решил праздновать его в тишине обители преподобного Сергия. Между тем как бы само собой вышло так, что юбилей 5 августа оказался не бывало торжественным. Приветствия юбиляру, письменные или устные, чрез почту и телеграф или чрез депутации, неслись из всей, можно сказать, России, начиная от самого государя императора: от Святейшего Синода, от иерархов разных епархий, от разных правительственных, ученых, учебных, художественных и проч. учреждений, благотворительных заведений, от духовенства и разных учреждений Московской собственно епархии и т.д. Но и этого мало. От вселенских восточных патриархов, с Афонской горы, от митрополита Сербского, из Великобритании и других стран восточных и западных или ко дню юбилея, или в день юбилея, или спустя более или менее короткое время посылались на имя Филарета приветствия.

Всем этим приветствиям, сопровождавшимся изображением высокого значения юбиляра, его высоких достоинств, великих заслуг и т.п. и благожеланиями, как словам любви и уважения, от слова царя до слов простолюдина, внимал смиренномудрый святитель, отвечая на многие тут же, а на другие – после, посредством письменных сообщений. Многие из архиереев соседственных с Московскою епархий по высочайшему повелению прибыли для принесения приветствий юбиляру, а многие прибыли по собственному желанию. От лица государя императора приветствовал святителя Филарета обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой, вручивший ему осыпанную бриллиантами панагию и осыпанные

бриллиантами же портреты трех императоров, при которых священно-начальствовал святитель Филарет. От Святейшего Синода, в качестве депутата, явился присутствующий в Святейшем Синоде протоиерей И. В. Рождественский, и т.д.

Во время всех этих приветствий «на светлом лице» юбиляра, по описанию очевидца событий 5 августа, «отражались ощущения чистой от суеты мирской души. Привет искренний и скромный вызывал на его уста улыбку признательности, похвалы восторженные, хотя, от полноты души, наводили на его чело легкую тень смущения».¹³⁶³

Произнесение и чтение приветствий длилось не менее двух часов после литургии. Из всех этих приветствий мы приведем лишь важнейшие. И прежде всего вот текст высочайшего рескрипта на имя митрополита Филарета (независимо от особо полученной от Их императорских Величеств телеграммы поздравительной из Ливадии) по случаю торжества 5 августа: «преосвященный митрополит московский Филарет! Ныне исполнилось пятидесятилетие доблестного служения вашего в архиерейском сане. Высокие дарования, замечательные ученые труды, неустанная деятельность на благо духовного просвещения и строгое христианское благочестие открыли вам путь к высшему иерархическому поприщу, на котором, в течение истекших 50-ти лет, вы стяжали имя архипастыря мудрого, ревностно и твердо правящего слово истины и неутомимо попечительного о пользах и нуждах православной церкви. Вся жизнь ваша преисполнена неисчислимых заслуг не только кафедрам, преемственно вам вверенным, но и для всего православия. Епархиальное служение ваше ознаменовано непрерывным рядом забот о духовном преуспевании паств, о развитии и приумножении благотворительных и воспитательных учреждений, о насаждении и утверждении единоверия, о благоустройстве духовно-учебных заведений епархии, не престающих получать от вашей щедрости обильные средства к возвышению своего быта, и воспитавших, под вашим бдительным руководством, многих достойных пастырей и иерархов святой нашей церкви. Многочисленные пастырские писания ваши, заключая в себе неисчерпаемый источник

назидания и поучения для православных, служат лучшим руководством при изучении предметов веры для многих уже поколений русского православного юношества; в тоже время они перелагаются на чужеземные языки для научного и общественного употребления в других странах, и в них приемлются с уважением. Глубокая опытность ваша в делах высшего церковного управления соделала необходимым и драгоценным ваше слово, совет и постоянное, в продолжение многих десятков лет, участие ваше в обсуждении всех важнейших церковных вопросов и мер по духовному ведомству. Ваша пастырская попечительность о высших интересах православия и живое внимание к судьбам православного мира простираются далеко за пределы отечества и в особенности на востоке, приобретая вашему имени почетную известность. В искреннем душевном уважении к вашим великим пастырским заслугам, признавая справедливым почтить в вас, преосвященный Владыко, старейшего, заслуженнейшего и именитейшего святителя православной церкви, всемилостивейше предоставляю вам право, по Киевскому обычаю, предношения креста в священно-служении, ношения креста на митре и двух панагий на персях; одну из них, особо изготовленную для вас и украшенную драгоценными камнями, на бриллиантовой цепочке, всемилостивейше жалую вам для ношения по установлению. Вместе с сим в память незабвенного служения вашего при императоре Александре I, Николае I и в Мое царствование, и в вознаграждение ваших заслуг государственных, препровождаю к вам настольные изображения сих государей и Мое, соединенные вместе и осыпанные бриллиантами. Молю Бога, да сохранит Он святые дни вашей плодотворной жизни еще на долго, на пользу и славу отечественной церкви. Я уверен, что об этом же будут вознесены теплые молитвы и по всей России, благодарно чтущей вашу святую жизнь и великие деяния».

Рескрипт, по истине, не бывалый доселе. Затем, Святейший Синод, «братолюбно приветствуя» святителя Московского с 50-летием архиерейского служения, возносил «усердное благодарение верховному Пастыреначальнику, явившему

великое знамение благопромышления о святой церкви в долготе дней служения» его, «в широте поприща многоплодной деятельности, в высоте подвигов веры и любви христианской и в глубине мудрости богопросвещенной, и вместе с тем молил Подателя жизни и света, да приложит» ему «дни на дни, чтобы на свещнике церкви и отечества нашего долго еще пребывал *свотильник горяй и светяй*». Святейший патриарх Константинопольский Григорий, приветствуя святителя Московского, писал к нему, как бы подтверждая слова вышеприведенного рескрипта: «и не одними русскими, но и всеми, так сказать, повсюду сущими православными всегда с благоговением читается ваше славное и достопочтенное имя, во Христе возлюбленный и вожденный брат и сослужитель нашей мерности. Посему справедливо веселится и хвалится торжествующая митрополия Московская, приявшая от великодаровитого Бога такое пастырское светило, которого светлый и блестящий ум не только во время цветущего состояния телесных сил, но уже и по склонении за полдень скоротечной жизни, бросает лучи, процветая и непрестанно юнея. И вся славная Церковь беспредельной России справедливо веселится таким счастьем пятидесятилетнего, столь славного и доблестного пастырского служения, которого прекрасные плоды являются и прославляются в знаменитых пастырях и учителях бесчисленных и благочестивых паств. Еще более справедливо радуется, ликует и красуется наша святейшая, апостольская и вселенская патриаршая Церковь блаженного первозванного апостола, потому что, будучи сама первозванною в вере и в страданиях за Христа, по благодати Господа, сделалась и соделывается столь многочадною и благочадною в первородных и второродных своих дщерях, что и сии последние рожают не просто освященных и досточестных чад Господу, но и учителей и светила православия, славных и несокрушимых мужей апостольских, которым много хвалы в Церкви Божией, много хвалы, возбуждающей соревнование в ученых и просвещенных собраниях бесчисленного множества мужей ученых, академиков и мудрых писателей, рожают мужей, которые повсюду прославляют и возвеличивают не

только много плодный и многославный Российский род и имя, но и все православие».

В приветствии от Московского духовенства и паствы между прочим, говорилось: «Твоему отеческому сердцу ведомо, что паства твоя всегда с тобою духом. Она с тобою связана умилительным воспоминанием, что и рождением, и воспитанием и началом твоего церковного служения, ты ей принадлежишь. Она с тобою, она твоя – по живому чувству духовного единства с тобою, пастырем её – се, уже сорок шесть лет, она с тобою, когда очами любви почтительной и преданности искренней следует она за тобою по столь достойно проходимому тобою поприщу; молишься ли ты и приносишь бескровную жертву о ней в наших древних храмах, поучаешь ли её твоим глубоким словом, трудишься ли для её внешнего и внутреннего благоустройства; священное ли помазание великого царя на царство совершаешь в златоблещущем соборе Успения, или среди дремучего леса водворяешь пустынножителей; беседуешь ли о истине вселенской церкви с пришедшими из-за дальних морей искателями истины, или вразумляешь и в лоно церкви возвращаешь отступивших от православия братьев; принимаешь ли высокие почести или проходишь подвиг терпения, скорбей и озлоблений; удивляешь ли мягким и мудрым благоснисхождением к уклоняющимся от стези правды, или являешь непреклонность в охранении истины Христовой, спокойную готовность пострадать за неё до конца!»

Много и других приветствий, самых искренних, задушевных, нередко весьма оригинальных по мыслям и изложению, принесено было святителю Филарету по случаю юбилейного торжества. Отвечая на многие из них кратко после произнесения или прочтения их тотчас же, он счел нужным дать и общий ответ на все; и, не будучи в силах произнести этот довольно длинный ответ, поручил сделать это викарию своему (старшему), преосвященному Леониду. Вот этот знаменательный ответ-речь: «Досточтимые отцы и братия! Достопочтенные господа и братия! Нынешний день представляет для меня такие неожиданности, что мне трудно

определить и изъяснить мои мысли и чувствования, и я пребыл бы в безмолвии недоумения, если бы уважение и благодарность ко вниманию, с так многих сторон теперь мне оказываемому, не обязывали меня к слову. Но и слово мое, всегда немощное, ослаблено временем до того, что не может достигнуть слуха сего собрания. Да будет позволено употребить для моего слова посредствующие уста».

После такого глубоко смиренного вступления, начинается самая речь, обычно глубокая по мысли и чувству и обнаруживающая в 85-летнем старце блестящего витию прежних лет. «Прежде всего, говорит вития, удивляюсь тому, что вижу нынешний день. Скучные и в ранних летах силы, при не малых трудностях служебной деятельности, не обещали мне поздних лет. Неисповедимую волю Божией ниспослан мне дар пятидесятилетнего служения высшему строению тайн Божиих. Знаю только, что это дар не воздаяния, а неизреченного милосердия и долготерпения. Видно, хотя, и мною *пришельствова душа моя* (Пс.119:6), но еще не уготовала себя, и еще требует уготовления, чтобы из пришельствия перейти в отечество, в которое всех нас призывает Отец небесный. Долготерпеливе! Слава Тебе! Всемилосерде! Не отыми Твоя милости! К неисповедимой воле Божией отношу и то, что на нынешний предел совершившегося пятидесятилетия моего священно-начальственного служения обращены благоволительные взоры, даже от высочайшего Престола, даже от верховного священноначалия Российской Церкви, еще же и от преосвященных сопастырей, и от начальств и сословий деятелей человеколюбия и наук, и от общественных учреждений и, что менее неожиданно, от духовенства и вообще братий церкви Московских.¹³⁶⁴ Может быть, угодно Провидению Божию, чрез сие частное явление в церковной жизни, *сотворит знамение во благо* (Пс.85:17) вообще для поощрения подвижников веры и церкви, особенно благопотребного во дни, в которые более и более омрачающий себя западный дух непрестанно усиливается простирать мрак и поднимать бури и на светлый, Святой Восток. Я сказал, что менее неожиданно для меня сочувствие духовенства и братии Церкви Московской.

Это потому, что во все продолжение моего здесь служения я видел и привык видеть сие сочувствие. Дух любви к святому служению, мира и согласия, свободного послушания всякому долгу и законному призванию в сослужителях моих, и в православном народе послушание веры, усердие к богослужению, щедрая готовность к благоустроению и украшению храмов, к попечению о нуждах служителей Церкви, к делам человеколюбия и благотворения, постоянно облегчали и облегчают мое служение, приносили и приносят мне подкрепляющее утешение. Но чем же на все сие могу ныне с моей стороны ответствовать? Господи, сотворивший для меня день сей! Твое да придет слово, благое и действенное! Благослови и благословляй святую ко святой Церкви любовь благочестивейшего Самодержца нашего, и да будет она всегда охранительною силою для благоденствия Царства Его и народа. Осеняй благодатью Твоею святейший Всероссийский Синод и посреде собирающихся в нем во имя Твое присутствен буди, по Твоему верному обещанию (Мф.28:20); да и в сем соборе Твоем совершается, *еже изволяется Духу Твоему Святому* (Деян.15:28), ради Церкви Твоей святой – Великий Архиерее, прошедый небеса, единый Глава истинной Церкви! Продолжи в ней святое епископство, единомысленное в истине веры, единоклубное в духовных советах, твердое в хранении догматов, правил и уставов церковных, верно руководительное в путях жизни. Благословляй, Господи, православную Московскую церковь, её священноначалие, священство, монашество и весь православный народ, да не оскудевает *пастырь, полагающий душу свою за овцы* (Ин.10:11), *иерей, которого устне сохраняют разум* (Мал.2:7), спасения, муж знания и наставник юношества, держащий и преподающий здоровое учение вышемысленных начал науки, поставляющий жизненное *начало премудрости страх Господень* (Притч.1:7), подвижник, ходящий узким и вместе возвышенным путем духа, сын веры, живущий по вере, творящий дела веры, свободный от обаяний мира, от порабощения духу времени. Да будет, Господи, в Российской Церкви Тебе слава во веки!»¹³⁶⁵

В этой ответной речи краткими словами очерчен весь путь жизни и деятельности юбиляра, и каждое из этих не многих слов запечатлено глубоким смирением, прозорливою мудростью, беззаветною любовью к Богу, Церкви, Отечеству и ближним, ясным сознанием важности события, особенно в те времена, предупредительным вниманием ко всем приветствовавшим юбиляра и величием, не поддающимся описанию, но чрезвычайно обаятельным как для слышавших эту речь, так и для читающих ее. В последней своей части она представляет собою как бы первосвященническую молитву великого архиерея, Господа нашего Иисуса Христа (Ин.17:1–26), произнесенную незадолго до исхода Его из земной жизни. И святителю Филарету не долго суждено было жить после его юбилея. Едва успел он вернуться из Лавры в Москву после юбилея, едва успел ответить на большинство приветствий, присланных к нему по случаю юбилея, как Господь призвал его к Себе, 19 ноября того же 1867 года.

2. Внешняя политика царствования

В тяжелую для России минуту вступил на престол новый государь император Александр Николаевич. На юге России, в Крыму, со всем ожесточением продолжалась борьба одной, оставленной всеми, России с целою коалицией европейских государств, выступивших в защиту Турции. В самый день кончины императора Николая Павловича, главнокомандующий армией его на юге, князь Александр Сергеевич Меншиков,¹³⁶⁶ измученный болезнью и нравственными терзаниями, вынужден был сдать командование войсками помощнику своему, барону (впоследствии графу) Д. И. Остен-Сакену. Оба они весьма отличались друг от друга с той именно стороны, которая всего важнее была в то время. Князь Меншиков был довольно равнодушен к религии, которая так сильна была бы к подъему духа воинов. Так, когда еще в конце 1854 года преосвященный Херсонский Иннокентий, ведению которого тогда подлежала и нынешняя Таврическая епархия, отправился было в Севастополь с чудотворною иконою, то «князь Меншиков, по приведенным раньше словам митрополита Филарета, отклонил его прибытие в Севастополь. Мы живем, замечает по этому поводу тот же святитель Филарет, в удивительном смешении мыслей и дел. Мне пересказали сказанное одною значительною особою, что князь Меншиков не расположен к преосвященному Иннокентию, считая его вольномыслящим, тогда как менее не вероятно было бы, если бы такое мнение имел преосвященный о князе».¹³⁶⁷

И в другом случае, относящемся к началу 1855 года, митрополит Филарет говорит о нем: «Он умен, но любит слишком шутить».¹³⁶⁸ И только в конце своей бытности в звании главнокомандующего Меншиков, по словам того же Филарета, начал «прибегать к молитве».¹³⁶⁹ Напротив, о преемнике его Остен-Сакене, близко знавший его, вышеупомянутый преосвященный Херсонский Иннокентий, говорил зато же почти время, что он: «прекрасный человек и добрый христианин».¹³⁷⁰ Однако, и прекрасному человеку, доброму христианину трудно

было поправить дела войны, находившиеся в весьма не благоприятном положении. Осадные работы неприятеля быстро подвигались вперед. Русские войска являли пример героизма, храбрости и бодрости духа. Простой денщик, несший под градом картечи и гранат офицерскую миску щей, с таким хладнокровием смотрел на угрожавшую ему ежеминутно смерть, что в конце своего опасного пути говорил только: «слава Богу, не пролил». Но материальные силы неприятеля, бросавшего из пятипудовых мортир целые кадки с гранатами, были слишком не соразмерны с силами защитников Севастополя.

С воцарением нового монарха в России, многие надеялись на прекращение войны и на восстановление мира. С этой целью начались было уже и переговоры; но они, к сожалению, не привели ни к чему, благодаря заносчивости воевавших с Россией держав и предъявленным от них к последней требованиям, не совместным с достоинством России.¹³⁷¹ И война возгорелась с новою силою. Этого мало. К воевавшим доселе против России державам решила присоединиться Австрия, за шесть лет пред тем спасенная Россией.

Святитель Московский Филарет, зорко следивший за военными, как и другими, событиями своего времени, от 7 апреля 1855 года наместнику Сергиевой Лавры Антонию писал: «надежды о мире поколебались, чего и прежде опасаться надлежало. Австрия все говорит о мире, и собрала армию, какой никогда не имела и заключила договор с нашими врагами. Теперь она трактует о мире, в то же время вновь учреждает у себя военное министерство. Это ли миролюбие? Никогда столько не говорили о мире, как в последние года два. Не это ли время, о котором сказано: *егда рекут мир и утверждение?*¹³⁷² Борьба около Севастополя усиливается, и может сделаться решительною. Господи, спаси Царя, и воинство и царство».¹³⁷³ И от 24 апреля: «У нас уже дважды был гром. Время природы иногда улыбается, а время человеческое все более хмурит брови. Кажется, Австрия хочет исполнить в совершенстве предсказание умершего первого своего министра,¹³⁷⁴ что она удивит мир своею неблагодарностью».¹³⁷⁵

На военные надобности митрополит Филарет от вверенной ему епархии принес к подножию престола довольно значительную сумму денег, при следующем письме на имя государя императора от 9 марта 1855 года: «Осчастливленному прежде твоим снисхождением да будет позволено уповать на оное и ныне, и да не будет осуждено дерзновение верноподданного, долго удерживаемого в молчании благоговением, но наконец неудержимо движимого усердием, чтобы, хотя, издалека предстать Вашему императорскому Величеству посредством слова, тогда как многие, счастливее, близ предстали твоему лицу, и насладились светом твоего царского взора и слова. Повергаясь, вместе со вверенными мне служащими алтарю Господню в церкви Московской, к священным стопам Вашего императорского Величества, все мы единым сердцем взываем к тебе: *Царю, во веки живи!* и в то же время к Царю царствующих: *Господи, силою Твоею да возвеселится Царь*». ¹³⁷⁶

Выразив таким образом, давно желанное приветствие государю императору со вступлением на всероссийский престол, святитель Филарет приступает затем к изложению повода, по которому он осмелился писать к государю и самое это письмо, ¹³⁷⁷ говоря: «Провидение Божие, призвавшее Тебя к великому подвигу самодержавствовать великою империей, вверило тебе, с тем вместе. продолжать особенный великий подвиг твоего великого родителя: защиту церкви и отечества от соумышления врагов, между которыми именующиеся христианами неправдами и бесчеловечием превзошли врагов христианства. В сих обстоятельствах, вверенное мне духовенство, усердствуя посильными средствами споспешествовать удовлетворению потребностей отечества, из сбережений по монастырям Московской епархии и по церквам Москвы предложило и составило добровольные приношения, составляющие 110.600 рублей серебром. Благодетельнейший государь! Да будет сия жертва верноподданнического усердия благоугодна пред тобою и пред отечеством. Удостой Всемилодиейше повелеть принять означенное приношение на

потребности брани за православное христианство и за отечество.¹³⁷⁸

Всемиловитейший монарх, любвеобильный отец отечества не умедлил на это письмо ответить рескриптом от 18 марта следующего содержания: «Преосвященный митрополит Московский Филарет! С особенным удовольствием я прочел всеподданнейшее письмо ваше, в котором выражены одушевляющие вас и Московское духовенство верноподданнические чувства ко мне, и, согласно просьбе вашей, повелел принять жертвуемые на военные надобности от обителей вверенной вам епархии и от церквей Москвы сто десять тысяч шестьсот рублей серебром. Духовенство издревле подавало собою в России пример преданности царям и любви к отечеству, тем для меня приятнее видеть новое тому доказательство в первопрестольном граде, в родной мне Москве, где, по воле небесного Провидения, я начал жизнь мою под сенью древней, отечественной, православной святыни. Примите изъявление моего совершенного благоволения и душевного желания, да хранит Всевышний украшенные многолетними заслугами дни ваши, и передайте подчиненному вам духовенству искреннюю мою признательность за его усердие. Поручая себя молитвам вашим, пребываю всегда вам благосклонный Александр».¹³⁷⁹

Такое милостивое внимание монарха еще более подняло в святителе Филарете дух любви к царю и Отечеству и глубокого внимания, и сочувствия нуждам отечества во время продолжавшейся Крымской войны. Родившиеся отсюда чувства и мысли свои святитель полно и блестяще выразил в своей Беседе на день рождения благочестивейшего государя императора Александра Николаевича 17 апреля того же 1855 года, произнесенной в Чудовом монастыре. Не могло быть случая к такому выражению лучше, нежели этот день. Как бы раскрывая слова вышеприведенного высочайшего рескрипта, святитель-вита говорит в самом начале Беседы следующее: «Нынешний день, за тридцать семь лет пред сим вышел из круга дней обыкновенных, и ныне в первый раз явился в своем полном значении. Теперь благовременно воспоминанием и

размышлением соединить предзнаменательное начало с предзнаменованным совершением. В двенадцатом году текущего столетия, мать градов, град царского венчания и помазания, Москва, по судьбе Божией, и частью по свободному действию любви к отечеству, сделалась жертвою всесожжения, за спасение России, и вследствие сего, для избавления Европы от утеснителя, ненасытным властолюбием и ненасытной войною пожиравшего и чужих, и своих. Лет через пять потом, когда всесожженная жертва, возродясь из своего пепла, являла в себе жизнь и деятельность, но еще не в прежней силе, Александр Благословенный, в совете своей любви к своей древней столице, сказал: надобно утешить Москву после её страданий, и подкрепить её деятельность. И он даровал ей на год свое присутствие, почти со всем царским Семейством. Таким образом, *сердце царево*, которое в *руце Божией*, не зная, следовало вышнему совету Провидения, в котором на то время положено было, царский град, с молитвою и самоотвержением выдержавший тяжкое испытание, утешить царственным событием, соединенным с великою царственною надеждою. И Москва увидела в стенах своего Кремля рождение царственного младенца, долго пред тем, не имев подобного счастья, достававшегося новой столице. В сем храме¹³⁸⁰ сей младенец принял святое крещение: и в след затем из объятий благочестивейшей праматери¹³⁸¹ перешел в объятия святителя Алексия. Необыкновенно велика была радость Москвы о новорожденном, и ныне мы можем понимать, что то было предчувствие и предзнаменование. Москва сделалась колыбелью будущего царя, тогда¹³⁸² еще не угадываемого, но уже свыше predetermined. Наконец предчувствие оправдывается; предзнаменование переходят в событие, надежда в исполнение. Александр II царствует, и мы празднуем день Его рождения. Стани в благоговении, мать градов, стани в благоговении вся благочестивая Россия, и созерцай над собою, и благословляй Господа Вседержителя, Всепромыслителя, Вышнего у владеющего царством человеческими, смиряющего и возвышающего, наказующего и милующего, поражающего и исцеляющего, попускающего брань

в приводящего мир, разрушенное бранью воссозидающего миром, горькое воспоминание растворяющего сладостью надежды, на Нем утвержденной надежде дарующего исполнение превыше надежды».¹³⁸³

Такое возвышенное вступление дает проповеднику богатую материю для развития главной мысли беседы-учения о Провидении или Промысле, причем он, в доказательство этой мысли, не преминул указать и на такие обстоятельства, которые касались самого больного места современной жизни России – Крымской войны, именно, с одной стороны, на то, как израильтяне, преданные «Всепромыслителю Богу», оказались победителями, а преследовавший их фараон, думавший «быть промыслителем сам себе» побежденным; а с другой, на то, как Промысл Божий помогал Иисусу Навину в борьбе против войска «пяти языческих царей».¹³⁸⁴ Но очевидно, победа для русских в Крымской войне в то время была только предметом чаяния, надежды, была в руках «Всепромыслителя Бога». Ближайшее же представлялось в самой войне, упорной и жестокой на столько, что в одни сутки убиваемо было с той и другой стороны по несколько тысяч человек, а раненых считали десятками тысяч. В виду этого требовалось ближе всего усилить врачебную и нравственную помощь сражавшимся за веру, царя и отечество. С такою именно целью повторена была посылка сердобольных вдов на театр военных действий.

«Пред обетом» сердобольных вдов и «при напутствия избранных для попечения о раненых и больных действующей армии» святитель Московский говорил в Мариинской церкви Вдовьего дома 30 июля 1855 года беседу на текст: *болен, и посетисте Мене (Мф.25:36)*, о человеколюбии, в различных его видах и между прочим, в посещении болящих, при этом вития, обращаясь к сердобольным вдовам, говорит: «Вам, призванные и удостоенные служительницы царского человеколюбия, открывается ныне путь к особенному подвигу христианского человеколюбия и к Христовой за оный награде. Иные проходят подвиги человеколюбия и для таких несчастных, которых несчастье не ознаменовано никакою чертою достоинства, или даже есть следствие собственной их вины,

должное дело и сие, но конечно не так приятное, как подлежащее вам. Ваш подвиг будет в пользу страдальцев, которых страдания ознаменованы печатью достоинства и добродетели, в пользу подвижников, которые от мужественных подвигов за веру, царя и отечество перешли к подвигу великодушного претерпения ран и болезней. Любовь христианская, любовь к Царю, любовь к достойным соотечественникам и к отечеству соединятся, чтобы подкреплять вас в подвиге вашем. Надеемся, что вы явитесь деятельно верными подвигу, в который вступаете, не только потому, что избраны, но и потому, что сами возжелали. Надеемся, что небесный Человеколюбец осенит ваш подвиг Своим всевышним благословением, и ниспослет вам свою благодатную помощь потому что вы к Нему *открываете* путь свой в общих с нами молитвах и Его Божественною пищей себя напутствуете. Надеемся увидеть в вашем действовании то же человеколюбивое сердоболие, ту же крепость духа, неутомимость, благотворность, какие и издавна видим у ваших предшественниц, и благословляем человеколюбца Бога, и Его благословение призываем на них и на вас». ¹³⁸⁵

Подвиги человеколюбия, которые требовались от этого нового отряда сердобольных вдов, имели для себя благотворный источник, одушевляющее одобрение и побуждение в новой государыне императрице Марии Александровне, к которой, вместе с именем, перешли и все учреждения так называемого ведомства императрицы Марии, основанные в большей своей части её агустейшей бабкою, императрицею Марию Феодоровной. Императрица Мария Александровна, со времени переезда своего в Россию слившаяся всем сердцем и всеми мыслями своими с русским народом, обладая от природы идеальными чертами женственности, скромности и кротости, а равно глубокою преданностью заветам христианства, всю жизнь свою посвятила счастью царского семейства и делам воспитания и милосердия. Во время Крымской войны, когда вообще в Европе еще так мало думали о жертвах войны, государыня императрица первая обратила внимание на них и с участием истинно любящей

матери заботилась об участии больных и раненых. Воодушевленные теплым участием и живыми заботами самой царицы, молодые люди врачебного персонала и сердобольные женщины с усердием спешили на помощь нашим героям, беззаветно отдаваясь святому делу милосердия и не взирая на предстоявшие им опасности военного времени. Тогда еще не было и речи о правильной организации общества Красного Креста, получившего свое начало также потом, благодаря заботливости царицы, и отсутствие удобных путей сообщения затрудняло до крайности доставление транспортов с щедрыми царскими дарами и пособиями на театр военных действий.

Однако, благодаря любвеобильному попечению царицы, матери отечества, сделано было все возможное к облегчению участи больных и раненых, к наилучшей организации помощи им и к ускорению доставки означенных даров и пособий. Эту-то основную черту новой царицы, в связи с другими чертами её человеколюбия, и представился митрополиту Филарету случай живо изобразить в беседе на день тезоименитства её Величества 22 июля 1855 года, при чем он не опустил из внимания и августейших сотрудниц императрицы в делах человеколюбия и милосердия.

Именно в этой беседе святитель-вита, указав на подходящие черты из жизни святой равноапостольной Марии Магдалины, вытекавшие из её беспредельной любви к Господу Иисусу, особенно же на человеколюбие, в конце беседы говорит: «Переходя мыслью от церковного к отечественному значению настоящего дня, с утешением усматриваю новое умиленное зрелище христианского и отечественного человеколюбия. Тезоименитая ныне, благочестивейшая государыня императрица Мария Александровна, еще прежде, в звании цесаревны, приняла на себя постоянный подвиг человеколюбия, даровав свое покровительство и материнское попечение многим смиренным дочерям служителей алтаря, дабы усовершенствованным воспитанием их усовершенствовать внутреннее устройство священнослужительских семейств и чрез то благотворно действовать и на семейный быт народа. Потом, уже с высоты престола, она простерла сострадательный взор на

подвизающихся ныне во брани за веру, царя и отечество, на их особенные, при трудных подвигах, нужды, на их раны, на их семейства, и в собственном доме открыла для них источник благотворений, дав с тем вместе верное направление и притокам народного человеколюбия. нельзя при сем не вспомнить и подвигов благочестивейших царицы-матери,¹³⁸⁶ а также и великой княгини Елены Павловны, которые чрез избранных, приготовленных, снабденных и посланных ими служительниц человеколюбия ежедневно и ежечасно посещают страждущих от ран и болезней подвижников отечества и подают им всякую благопотребную помощь и христианское утешение. Христе Боже, благословенный послуживших Тебе верою и любовью во дни Твоего истощания! Благослови и ныне служащих Тебе в лице меньших братий Твоих, которые во имя Твое и за имя Твое подвизаются!»

При этом мысль вития естественно и невольно перенеслась на самое место военных действий, по истине безотрадную картину представлявшее. Все ужасы войны, которой конца еще далеко не было видно, встали пред его мысленным взором. Мысль о неправде воевавших против России ясно представлялась уму его. Но и ободрения страдальцев за веру православную, царя русского православного и за Россию, надеждою победы при тогдашних обстоятельствах войны, нельзя было употребить в проповеди. Поэтому мудрый проповедник касается военных событий следующими многозначными, но в то же время и чрезвычайно осторожными словами: «Христе Царю! Призри на Твое достояние. Благословен еси, *посещаяй жезлом беззакония наша* (Пс.88:33). Благословен еси, *не разоряяй милости Твоя от нас* (Пс.88:34), *даяй крепость Царю нашему* (1Цар.2:10), и верному воинству Его. Но *доколе грешницы, Господи, доколе грешницы восхвалятся, провещают и возглаголют неправду* (Пс.93:34)? *Доколе вознесется враг* (Пс.12:3) преисподний? Уже он не чрез неверных восстает на Твоих верных, но Твое имя на себе носящих сделал друзьями врагам Твоим и врагами Твоему православному народу и тогда как необычайно напряженные действия военного искусства и военных сил не

доставляют им торжества, он внушил им причислить к военным средствам разбой, грабительство, зажигательство, убийство безоружных, истребление мирной собственности граждан и поселян, святотатство, поругание святыни. *Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследилши во всех языцех (Пс.81:8). Но, Господи, да не яростью Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажеш нас (Пс.6:1). Аминь».*¹³⁸⁷

Действительно на юге России происходили события, способные привести в содрогание всякого человека, а не только христианина и доброго сына отечества. Вести одна другой печальнее приходили оттуда. Французы, вместе с своими союзниками-христианами и нехристианами, производили такие безобразия и жестокости, которые нисколько не уступали действиям их предков в России в 1812 году. Правда, Севастополь еще держался, благодаря своим твердыням и героизму защитников его; но зато и осада его была так упорна и жестока, что спасти его становилось с каждым днем все более и более трудно, особенно в виду того, что неприятели уже заняли многие важные в стратегическом отношении пункты на Крымском полуострове и таким образом, приближались к Севастополю и с суши, громя его в то же время и с моря. И, хотя, повелитель французов Наполеон III поторопился в 1854 году объявить, что он в том же году возьмет эту крепость, однако, он был прав, говоря, что в отношении ко взятию её вопрос только во времени. Уже от 27 августа 1855 года митрополит Филарет писал наместнику лавры Антонию: «Говорят, в Петербурге недавние вести с юга не успокоительны. Но что такое, ясно не знаю. *Господи, спаси Царя, и услыши ны в он же (аще) день призовем Тя (Пс.19:10)».*¹³⁸⁸

Не имея таким образом, точных сведений о событиях на юге за последние дни августа, святитель Московский на день тезоименитства государя императора 30 августа приготовил беседу на текст: *умножися на мя неправда гордых, аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя (Пс.118:69)*, и произнес ее в Чудове монастыре.

Уже самый избранный текст показывал, о чем будет говорить проповедник, о какой неправде гордых и о каком

средстве для того, чтобы успешнее всего противостоять этой неправде. И действительно. проповедник касается в своей беседе того предмета, который составлял злобу дня для людей того времени. Начинает он свою беседу указанием на торжество дня: «Священное и возлюбленное имя Александра, говорит он, созвало нас во храм, и соединило в молитве веры, надежды и благодарности. С благоговением чтим память святого Александра Невского, который силою веры отражал и вещественное оружие врагов отечества, в мысленное оружие врагов православной церкви; и пред сильным неверным властителем исповедал свою веру так, что своим прямодушием и дерзновением обезоружил его. С утешением воспоминаем, продолжает вития, Александра Благословенного, который вместе с верноподданными, также одушевляясь верою и надеждою на Бога, не только исцелил рану, нанесенную России поработителем многих царств, проникшую до сердца её, но и державу врага до сердца пронзил, и это не к смерти, а к исцелению от порабощения. С благодарением и надеждою молимся о Александре втором, наследовавшем имя, благословенное прежде, в залог благословений будущих».

После такого начала или вступления вития делает искусный переход к главному предмету беседы, говоря: «Любовь к царю не желала бы уменьшать светлость настоящего дня никаким облаком неприятной мысли, но та же любовь не может и один день провести без заботливых мыслей о тяжком подвиге, в который царь и отечество наше поставлены неправдами бывших союзников, а ныне врагов наших». И за тем указывает самую тему проповеди в словах: «По истине, Россия может ныне приносить Богу правды древнюю жалобу: *умножися на мя неправда гордых*». Раскрывая, далее, эту тему, святитель-вития беглым, но по обычаю острым, проницательным взором проходит все течение Крымской компании за новое в России царствование, метко характеризуя нации, воевавшие против России прежде в вновь вступившие в союз с врагами против неё, яркими чертами изображая характер тех, со стороны России искренних, а со стороны большей части врагов её коварных, попыток установить мир, которые имели место также

в новое царствование и т.д. «После неправды соседа, говорит вития, указывая на Австрию, который, быв защищен царем России от сильного мятежника, вместо благодарности, нарушил царственные договоры в древние права святых мест, утеснил православных христиан, и тем начал распрю, сколько еще родилось неправд! Восстала *неправда гордых*,¹³⁸⁹ которая не могла спокойно смотреть на победоносное могущество России, впрочем, ни для какого царства и народа не тягостное, а для многих благотворное; и, судя по себе, не хотела верить правде России; вымышляла мечтательные на нее подозрения и обвинения, и раздражала ими умы народов. Возбудилась неправда своекорыстия,¹³⁹⁰ и, не довольствуясь многими уже широкими путями к приобретениям, взыскала открыть себе новые, оружием и кровопролитием. Была ли правда в предприятии миротворчества,¹³⁹¹ когда предложившие условия мира, какие они нашли безобидными для обеих разногласящих сторон, получив на оные согласие России, вместо того, чтобы соединиться с нею, и поддерживать общее уже с нею дело мира, обратились на сторону противника её, и возжгли войну? Была ли правда и в другом подобном предприятии, когда доверенные воюющих и не воюющих держав нашли путь, которым все они полагали возможным дойти до мира, но две державы вновь обратились решительно на путь войны,¹³⁹² не оправдывая сего никакими причинами, и скрывая свои намерения? Не явны ли неправды войны, в которой враги наши свои неудачи против укрепленных мест думают вознаграждать опустошением беззащитных, вероломно употребляют знамя мира, чтобы убивать или грабить не ожидающих битвы, не щадят немощного пола и возраста, оскорбляют святыню поруганием и святотатством? Если правда в союзе, в который вступили христиане с неверными против христиан, с желанием, договоры в пользу христиан, по праву заключенные, без права уничтожить, в котором защищающие попирают защищаемого,¹³⁹³ и, в который не побуждениями справедливости, а угрозами и прельстительными обещаниями стараются вовлечь царей и народы, чтобы они проливали кровь за дело, для них чуждое?¹³⁹⁴ Такое безотрадное

положение вещей, естественно, могло вызывать уныние. Всякий россиянин мог от всего сердца восклицать с поэтом того времени:

*Европа против нас. Окружено врагами
Отечество со всех сторон.
Кровавый час настал, и очередь за нами,
Повсюду меч уж обнажен.
Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбленья
Тысячеглазой лжи газет,
Измены, зависти и страха порожденья...
Друзей у нашей Руси нет...*¹³⁹⁵

Поэтому и при всех неблагоприятных обстоятельствах войны, гибельной и для врагов России, впрочем, не менее чем для русских, нужно было не споспешествовать унынию, а по возможности ограничивать его и скорбь растворять утешением, наблюдая, конечно, при сем должную меру и осторожность. Так я поступает наш святитель-вития. «Что при сем думаешь ты, христианин-россиянин? – спрашивает он после изображения *неправды гордых*; не смущаешься ли, что так много попущено неправде? Не *ревнуй лукавнующим*, поучает он, отвечая на сии вопросы словами Священного Писания, *ниже завиде творящим беззаконие, зане, яко трава скоро изсхут, и яко зелие злака скоро отпадут (Пс.36:1–2)*. Израиль страдал: фараон причинял ему страдания, Израиль избавлен; фараон погиб. Сennaхирим и его многочисленное войско вторглись в пределы иудейского царства, ругались над иерусалимлянами и над Езекией, и даже хулили Бога; Езекия молился: Сennaхирим и его войско погибли, Езекия и Иерусалим спасены. Древнюю жалобу на *умножившуюся неправду гордых* напомнил я, и на неправду, ныне против вас *умножившуюся*, указал вам, братия, не для того, чтобы увеличить вашу скорбь, или поколебать вашу твердость, но, чтобы найти вам и себе утешение, подкрепление и охранение от зла. Вслушаемся внимательно в слова древнего противоборца неправды, не найдем ли в них щита для ограждения себя от неё, и оружия для отражения нападений её. *Уножися*, говорит, *на мя неправда гордых*. Если неправда умножилась; если она устремляется на тебя, что же ты

делаешь? как защищаешься от неё? чем отражаешь ее? Покажи образец, особенно нам безоружным. Он продолжает: *аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя, Боже!*

Видите ли достопримечательный образ подвига против нападающей неправды? Неправда восстает против правого, а он *всем сердцем испытует заповеди Божии*, как бы хранилище победоносных оружий против неправды. Но что может он сделать заповедями Божиими против неправды, которая решилась не бояться их? Он может испытанием заповедей Божиих, испытанием себя по заповедям Божиим, признанием своих грехов, покаянием в них, исправлением от них, победить неправду в самом себе; а вследствие того, видно, он уверен, что возможет победить неправду и вне себя.

В самом деле, если правда Божия попускает неправде врагов с силою нападать на нас, то, конечно, потому наиболее, что мы, будучи правы пред врагами нашими, в то же время не правы пред Богом; а если мы верным исполнением заповедей Божиих вступим в мир и союз с Богом; то, без сомнения, Бог правды не лишит нас всесильной своей защиты. Царство Божие в мире давно постановило, написало и провозгласило свой договор, в лице Израиля, со всеми царствами человеческими, следующий: *аще слухом послушаете глас Господа вашего, хранить и творити заповеди Его, предаст тебе Господь Бог враги твоя, сопротивляющиеся тебе сокрушены пред лицом твоим. (Втор.28:1:7).* Кто вникнул в сказанное теперь, тот не будет думать, что он, или кто другой из нас, не участник в происходящей ныне брани за отечество против неправедных врагов. Нет.

Все до одного мы в ней участвуем, если не в её деле, то в её успехе. Нашею верою, молитвою, покаянием, беспорочностью, благоделанием, короче, исполнением заповедей Божиих мы привлекаем силу и помощь Божию себе и защитникам отечества, с таким непоколебимым мужеством за него подвизающимся, нашим забвением заповедей Божиих, нашими грехами удаляем себя от силы и помощи Божией; и что, если более между нами удаляющих благодать Божию, нежели привлекающих ее? В истории браней народа Божия видим, что

после того, как Иисус Навин с войском чудесно перешел Иордан, открывший для сего свое дно, чудесно низложил Иерихон звуком труб и восклицаниями воинов, внезапно, при нападении на малый город, воины Израильские были отражены и поражены. Смутились и вождь, и войско, не понимая, почему отступила от них помощь Божия. Почему же?

Рече Господь ко Иисусу: *согрешиша людие, сего ради, не могут сынове Израилевы стати пред лицом врагов своих* (Нав.7:10–12). Дело в том, что Ахар из добычи Иерихонской взял золотой сосуд, деньги и одежду, что вождем было запрещено под клятвою. Преступник истреблен, и Божия помощь и победа возвратились к войску Израильскому. Если один грешник и один грех так был опасен, колико должно быть опаснее множество грехов многих грешников! Вразумимся и убедимся, заключает посему поучительную беседу свою вития, что наша собственная неправда для нас вреднее чужой; что страшнее наших врагов – наши грехи. Станем крепко против сих домашних врагов. Надежное против них оружие близ нас, оно в слове Божиим, в заповедях Божиих и в нашей совести! Тогда, как *умножися на нас неправда гордых*, мы со смирением и с особенною ревностью *всем сердцем да испытаем заповеди Божии*, чтобы в верном их исполнении находить нашу безопасность и спасение. Аминь». ¹³⁹⁶

Произнес эту беседу святитель Филарет, конечно, в присутствии всех властей и избранного общества, собравшихся в Чудов монастырь по случаю высокаторжественного дня тезоименитства нового государя императора, и как мы говорили выше, не зная всех печальных подробностей происходившего на юге России. «Мир вам, отец наместник, и братии обителей, писал он от 31 августа, следовательно, на другой день после произнесения этой беседы, наместнику Лавры Антонию, а моя душа прискорбна есть. Праздники наши Господь обращает в плач. Вчера священно-служение совершил я с миром, не зная вести, уже распространявшейся. Но вошед к генерал-губернатору¹³⁹⁷ к обеду, встречаю слова, какая печальная весть! Спрашиваю, что это значит, и узнаю о падении Севастополя, хотя, это не совсем неожиданное, и я думал и прежде, что не

надежно устоять ему, по чрезвычайно сильным разрушительным средствам врагов, действующим на одно средоточие, но тем не менее сильно поразила меня сия весть с возникающими от неё мыслями о последствиях. Господь да умиосердится над нами грешными». ¹³⁹⁸

Подлинно печальна была весть о падении Севастополя, этой последней и самой сильной твердыни, на которой опиралась вся надежда Крымской нашей армии, и на которую преимущественно посему обращено было внимание врагов. Кому бы ни приписывать вину этого падения, прежнему ли главнокомандующему князю Меншикову, не укрепившему достаточно Севастополя в свое время, или его преемнику, князю М. Д. Горчакову, ¹³⁹⁹ не сумевшему защитить город и крепость и вызывавшему недовольство в обществе своими лаконичными, как бы скрывавшими истинное положение вещей, известиями с театра военных действий, во всяком случае за последнее время уже ясно было, что Севастополю, под убийственным огнем неприятельских орудий, долго держаться было нельзя. Роковая развязка приближалась. Она наступила даже позднее нежели как можно было ожидать, чем Севастополь обязан был, конечно, героизму защитников его. Взятие Севастополя стоило врагам не менее огромных жертвований людьми и деньгами, как и русским – потеря его. Сами враги и беспристрастные свидетели даже за то время отдавали полную справедливость мужеству Севастопольского гарнизона и защитников крепости вообще.

Но дольше было невозможно Русским героям держаться в нем. Наступило 27 августа 1855 года. Главнокомандующий князь Горчаков телеграфировал Государю: «В 12 часов по полуночи. Неприятель получает почти ежедневно новые подкрепления. Бомбардирование продолжается огромное. Урон наш более 2.500 человек в сутки. В час по полудни. Войска Вашего императорского Величества защищали Севастополь до крайности, но более держаться в нем, за адским огнем, коему город подвержен, было невозможно. Войска переходят на северную сторону, отбив окончательно 27 августа шесть приступов из числа семи, поведенных неприятелем на

Западную и Корабельную стороны. Только из Корнилова бастиона не было возможности его выбить. Враги найдут в Севастополе одни окровавленные развалины».¹⁴⁰⁰

По поводу падения Севастополя святитель Филарет, со слов одной из сестер милосердия, возвратившихся из Крыма, передает, в письме к наместнику Лавры Антонию, писанном в начале ноября 1855 года, следующее сказание: «Была некая Прасковья, фамилии не помню, которая хаживала в мою домовую церковь и часто бранила покойного диакона Димитрия, по тому случаю, что она свою теплую одежду клала на амвон, а он, приходя говорить ектенью, отдвигал оную ногою. Сия приехала в Крым на свой счет. Путевые издержки ей заплатили, но в число сестёр ее не приняли по её странному праву, и потому, что употребляла вино. Она построила в Севастополе небольшой дом для 20 раненых, и ходила за ними. Однажды пришла она к одной знакомой своей, и выпросила для себя шелковое платье. На вопрос: для чего? Отвечала: ныне мой последний день; прощай. Потом пошла к князю Горчакову, и к графу Сакену, и сказала тоже. Вожди по обычаю отвечали ей желанием многих лет. От них пошла она на одну из батарей, где ее знали, и даже замечали, что при её присутствии не бывает убитых. Здесь сказала она, поберегите меня ныне, если сбережете меня, сбережете Севастополь если меня не будет, и Севастополя не будет. Прилетела бомба, и разорвала ее на 16 или 18 частей. Это было недели за две до оставления нашими войсками южной стороны Севастополя».¹⁴⁰¹

Естественным последствием падения Севастополя был упадок духа в войсках и во всех слоях народа. «Государство потеряло голову, пишет современник событий о настроении России за то время, общество забыло такт, семейства в трауре».¹⁴⁰² Чтобы поднять дух войска, государь император решился сам навестить южную армию. Его путешествие, и раньше того предполагавшееся, было¹⁴⁰³ чрез Москву на юг, состоялось в сентябре месяце. 1 сентября около полуночи государь император, с государыней-императрицею и другими высочайшими особами, прибыл в Москву, впервые по своему воцарении. «До сих пор, писал от 1 сентября, еще до прибытия

царской фамилии, святитель Филарет к наместнику Антонию, погода неблагоприятна для нынешнего прибытия, и для завтрашнего сретения. И мысль о Севастополе наводит сумрак. Господь да дарует, еже к миру и утешению». ¹⁴⁰⁴

В Москву государь прибыл благополучно и, согласно предположению, на другой день по прибытии Его, именно 2 сентября состоялся Высочайший выход в Успенский собор. Митрополит Филарет при этом встретил Его следующей речью: «Благочестивейший государь! Твой древле-престольный град, которому особенною судьбой даровано было с радостью предчувствия принять тебя вступавшего в жизнь, принести первое благодарение Жизнодавцу, даровавшему тебя России, первую молитву о твоём преуспевании, надобно ли изъяснять, с какими чувствованиями видит тебя, как исполнение своих молений, предчувствий, надежд, как начало новых высших надежд отечества? Глубоко чувствует он сию царскую милость, что ты, прияв необъятное бремя необъятного царства, и с тем вместе необычное наследие, необходимое продолжение праведной брани, среди усугубленных царских подвигов, нашел, однако, время вспомнить твою колыбель – Москву, и даровать ей твое лицезрение. Но это не все. С благоговением постигаем высшую мысль твоего настоящего пришествия. Ты поспешаешь в святилище твоего наследственного царского освящения, вознести твою царственную молитву к *Дающему спасение царем* (Пс.143:10), при предстательстве святых Его, и особенно святителя Петра, благословившего рождение сей столицы, и святителя Алексия, благословившего твое рождение, и приявшего тебя в свои объятия от священной купели. *Жезл силы да послет тебе Господь от Сиона* (Пс.109:2), и твоя твердость да превозможет усилия, твоя прозорливость – ухищрения врагов России. Уразумеет нынешнюю молитву твою Россия, и миллионы сердец сольются в одну все церковную всероссийскую молитву о державе, победе, мире, здравии и спасении твоём».

К этому молитвенному воззванию святитель-вития счел нужным присоединить еще «желание узреть» царя «вскоре с знаменiem священного помазания в его родительском и

прародительском венце, среди благословений Неба и России». ¹⁴⁰⁵ Таким образом, всегда осторожный, вития и здесь очень осторожно и сдержанно коснулся самого больного места царя и России, Крымской войны, не считая удобным и приличным церковной кафедре говорить об этой войне, с одной стороны, так самоуверенно-гордо, а с другой, так откровенно-смело, как говорили некоторые москвичи того времени. ¹⁴⁰⁶

Между тем государь император, по древнему царскому обычаю, счел долгом своим посетить и лавру преподобного Сергия, всегдашнего молитвенника пред Богом за Русскую землю. Посещение лавры состоялось 6 сентября. К тому времени прибыл в лавру и настоятель её, митрополит Филарет, и встретил государя императора здесь такую речь: «Благочестивейший государь! Если бы мы сказали, что твоим и твоего августейшего семейства пришествием обрадованы мы: это было бы слово сердца, но только по твоему снисхождению достойное твоего внимания. Можем сказать то, что вполне достойно твоего внимания и даже сорадования. Радуетя сему посещению тобой нынешний духовный гостеприимец преподобный отец наш Сергий. Ибо святые на небеси, блаженствуя в любви Божией, еще находят радость и в любви к земным ближним, когда видят их подвижающихся приближаться к Богу и могут по вере споспешествовать сему своими молитвами. Итак, от сердца Сергиева прими слово сретения: *благословен грядый во имя Господне*. Вниди под кров крепкого молитвенного подвижника за Россию и чрез него и вместе с ним принеси Святой Троице молитву веры и упования. Сила молитвы есть чистейший и обильнейший источник силы державной и владычественной. Благословивший великого князя Димитрия ¹⁴⁰⁷ на победу над неверными, подвизавшийся невидимо и очевидно за Россию в бедственные дни оскудевшего престолонаследия, ¹⁴⁰⁸ не допустивший до своей обители галлов, опустошавших столицу, ¹⁴⁰⁹ с тою же и ныне любовью к царю и царству Русскому воздвигает в защиту их молитвенные руки, как некогда Моисей в защиту Израиля, с тою разностью, что у небесного молитвенника не изнемогают руки, как у земного. Видит преподобный Сергий твою к нему любовь,

возвышаемую смирением, и тем с большим дерзновением взывать будет к *Возносящему смиренных, да даст тебе блага, которых просишь для себя и для России*». ¹⁴¹⁰

По первоначальному предположению, ¹⁴¹¹ государь император с государыней императрицей в лавре же и ночевали. На следующий день, 7 сентября, государь император, в видах еще большего ободрения и подъема духа войск действующей армии и усиления молитв о небесной помощи, взял от святых мощей преподобного Сергия чудотворную икону явления Божией Матери преподобному Сергию, находящуюся над южными вратами алтаря Троицкого Лаврского собора близ раки преподобного, в обыкновенно взимаемую на поприще военных действий в важных случаях. При этом митрополит Филарет опять говорил речь, с обращением её, в форме молитвы, к самому преподобному Сергию: «Преподобне отче Сергие! От юности возлюбив отечество небесное, Ты, однако, и земного отечества не пренебрег, но возлюбил оное крепкою духовною любовью. Посему еще в земном житии твоём благоверного князя Дмитрия твоею молитвою и прозорливым советом к брани против неверных подкрепил, почему и победа над врагами последовала. И по переселении твоём в отечество небесное не престал ты на отечество земное простирать покровительствующие взоры. Когда оно в бедственные дни потрясенного престола, и даже в первые дни престола восстановленного, много страдало от врагов, знамения твоей против них невидимой помощи были так ясны, и так признаны, что благочестивый царь Михаил, за внезапное поражение одного из жесточайших врагов России, твоей обители, тебе особенно благодарение приносил, ¹⁴¹² а преемник его, благочестивый царь Алексей, за полученную над врагом победу и послание благодарственное к тебе писал; и сей твой образ, как знамение спасения, и в полках его носим был. ¹⁴¹³ И по сему примеру он носим был также и в полках императора Петра I и в ополчении Александра I во дни нашествия на Россию двадцати народов. Се и ныне благочестивейший самодержец наш Александр Николаевич, наследовав с престолом и веру своих предков, желает сей твой образ верному своему воинству явить,

как знамение Божия, по твоим молитвам, благословения и покровительства. Благослови, преподобне отче, сие дело веры. И моими недостойными руками только видимо, невидимо же твоими святыми руками, преподаждь благочестивейшему самодержцу сей образ твой, и с ним посети и посещай христолюбивое воинство его. И не престани взывая ко Господу сил, да простив нам грехи, которыми привлекаем на себя скорби, благословит благочестивейшего царя нашего и воинство его благословением благостынным и да дарует ему победу миротворную и победоносный мир».¹⁴¹⁴

В последних словах этой речи-молитвы, как и прежние беседы и речи чрезвычайно осторожно касавшейся вопроса о войне и победе, мы видим прикровенное указание и на дальнейшую, затаенную цель поездки государя императора на юг России, положить конец убийственной войне, унесшей столько жизней из всех классов народа. Между тем 8 сентября государь император с остальными высочайшими особами уже был опять в Москве, возвратившись сюда накануне, вечером, а ранним утром того же 8 числа вернулся из Лавры в Москву и митрополит Филарет к литургии, после которой и после «молебна о в путь шествующем государе императоре, благодарил его и императриц за посещение Лавры, поздравил государя наследника со днем рождения и простился с государем»,¹⁴¹⁵ который 8 же сентября и выехал из Москвы на юг. На другой день 9 сентября утром в Успенском соборе снова был молебен о путешествующем государе императоре; а в час по полудни митрополит Филарет совершал на красной площади напутственное молебствие имевшему сопровождать государя императора в его путешествии на юг полку императорских стрелков (стрелковому полку императорской фамилии) «в присутствии государыни императрицы Александры Феодоровны, всех юных великих князей и двух великих княгинь», при чем дал им образ от преподобного Сергия и кресты.¹⁴¹⁶

А главное, святитель-вития не оставил воинов без отеческого наставления, сказав им следующую речь: «Братия воины царской рати! С утешением видим вас, идущих на защиту Отечества. Исполняете священный долг, и тем лучше

исполняете, что на сей подвиг вас вызвала свободно ваша добрая воля и любовь к царю и отечеству. Тем паче благословит вас Бог, любящий добровольные жертвы; тем более признательно будет вам отечество, если подвиг, так ревностно начатый, столь же ревностно продолжите и совершите. Если бы на какой дом напали разбойники, кто из семейства, имея силу и возможность, не восстал бы на защиту себя и своих, и общего достояния? Не с большим ли самопожертвованием должно восстать против врагов, которые на великий дом царя нашего, на Россию, напали без правды и, нарушив законы честной войны, позволяют себе разбойнические хищения и опустошения? Некогда, во время нападения иноплеменников на землю народа Божия, Иессей трех старших сынов своих послал на брань за отечество; а младшего Давида посылал потом доставить им пищу в походе, и сей носитель пищи сделался внезапным воином и победителем врагов. Так праведные жертвуют отечеству тем, что имеют любезнейшего, так и праведный Бог дает благородному самопожертвованию дивную помощь и силу. Братия! По вере и вы народ Божий, продолжайте и подвигами являть в себе народ Божий. Для такого народа не оскудеет дивная помощь Божия. Вот святой образ Христа Спасителя, которым государыня императрица Мария Александровна благословляет вас, с молитвою благочестивейшего её сердца, да воинствуете с именем Господа Иисуса Христа, и да будете благодатью Его всегда крепки, непоколебимы в мужестве и победоносны. Вот и еще из обители преподобного отца нашего Сергия святой образ, с которым соединено воспоминание о крепких молитвах его за Россию и воинство её, и о Божией чрез них помощи, а также воспоминание и о вере наших предков, которые подобный сему образ носили в полках своих, как знамение покровительства и помощи свыше. Да соприсутствует он вам к утешению вашей веры, к утверждению надежды на помощь Божию, и да будет знаменiem вышнего благословения на подвиг и победу».¹⁴¹⁷

Это высочайшее посещение Сергиевой Лавры митрополит Филарет сам описал и свое описание поместил в Московские Ведомостях».¹⁴¹⁸

Относительно иконы, взятой из Лавры государем императором при отправлении в действующую армию, митрополит Филарет дал следующую резолюцию от 19 октября: «1) Как древняя икона Видения Божией Матери преподобному (Сергию) при посещения государем императором Лавры, 7 дня сентября сего 1855 года, взята Его Величеством для действующей армии, и как бывало прежде, может по времени быть возвращена; и как потом от государыни императрицы прислан сноска с сей иконы для поставления на её место, во время её отсутствия, то в описи о вышеозначенной иконе впредь до усмотрения отметки не делать. 2) С прописанием сей резолюции послать ризничему (Лаврскому) указ, который должен храниться при описи».¹⁴¹⁹ Подлинная икона возвращена была уже в июле следующего 1856 года.¹⁴²⁰

Кроме подъема духа воинов, одушевления их на борьбу с неприятелем в трудных обстоятельствах, путешествие государя императора к действующей армии на юг России имело целью, как мы замечали выше, и его задушевное желание – прекратить убийственную войну возобновлением переговоров о мире, особенно в виду долженствовавшей быть коронации. Полтора месяца государь император пробыл на юге при действующей армии, одушевляя ее своим присутствием, лично участвуя в распоряжениях военными действиями и всячески стараясь потушить пламя борьбы предложениями вступить в переговоры о мире и самими переговорами, хотя, эти переговоры, за несговорчивостью врагов, и не привели пока к благоприятному результату. Война продолжалась и по отбытии государя императора с юга. Пред своим отбытием из лагеря военных действий государь император, для большего одушевления воинов, издал 3 октября приказ по войскам, в котором горячо благодарил храбрых защитников Севастополя, вполне признавал великие заслуги армии в текущую войну и высоко восхвалял воинские доблести её.

5 ноября государь император был уже в Москве; а 6 ноября, пред вступлением Его в Успенский собор, святитель Филарет встречал Его новою речью, следующего содержания: «Благочестивейший государь! В одну из трудных браней народа

Божия с иноплемениками любовь верноподданных царю Давиду возбудила в них такую заботу о его безопасности, что они умоляла его: *не изыдеши с нами на брань, да не угасиши светильника Израилева* (2Цар.21:17). С подобным чувством смотрели мы во след тебе, когда твоя ревность о благе твоего народа и любовь к верному воинству внезапно устремили тебя туда, где наибольшая опасность бранная. Тем с большею радостью видим твое возвращение после того, как твоим присутствием и твоим личным действием в устроении брани. Ты даровал непоколебимому в мужестве воинству твоему новое одушевление, и следственно новую силу. Так действуется в царстве, где союз царя с народом освящен верою, законом, веками, где царь и народ живут одною общею жизнью единокровия и взаимной любви Господа сил и Отца светов, даровавшего нам в Твоей царственной деятельности светильник Израилев. Не престаем и не престанем умолять, да дарует Тебе духом силы разрушить силу врагов и светом правды рассеять мрак вражды и ухищрений и таким образом, угасить пламень брани и распространить тихий свет мира от Твоей и на другие державы». ¹⁴²¹

Нельзя не видеть опять величайшей мудрости, искусства и осторожности в речи святителя Филарета, и далеко ниже её речь, которую в ту же осень встретил государя императора в Одессе знаменитый вития, архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов). ¹⁴²² В то же время в последних словах речи святителя Филарета еще яснее видны указания на искреннее желание государя императора восстановить мир и на переговоры о мире. Не смотря на то, что и по отбытии государя императора из южной армии Крымская война продолжалась, семя мирных предложений и переговоров, брошенное любвеобильным монархом русским, не совсем пропало даром. Война стала продолжаться уже не с прежним ожесточением, и сами враги стали мало-по-малу сознавать, что дальнейшим ведением её они не выиграют более, чем сколько выиграли достигнутыми уже, особенно взятием Севастополя, успехами, тем более, что Россия не без успеха действовала в Закавказском крае против Турции. Не даром, по отбытии государя императора из Москвы,

в ноябре святитель Филарет (от 10 ноября) писал наместнику Лавры Антонию: «государя императора встретили мы благополучно. Он здравствует и благодушествует. Изволил сказать, что пред образом, взятым из Лавры, с утешением молился вместе с войском, и у него оставил оный».¹⁴²³

Из воевавших с Россией держав наиболее склонною к миру оказывалась Франция. К облегчению переговоров о мире послужило и то, что к новому 1856 году в русской действующей армии последовали немаловажные перемены. Главнокомандующий князь Горчаков назначен был в Варшаву на место Паскевича (в следующем 1857 году и скончавшегося); взамен его в Крым назначен из Одессы Лидерс: а на место Лидерса из второстепенных начальников действующей армии Сухозанет. Начальник штаба в Крыму Коцебу получил в управление корпус; а штаб отдан Непокойчицкому и т.д. Сообщая об этих переменах, близко знавший дело и лиц архиепископ Херсонский Иннокентий замечает: «Дал бы Бог, чтобы все это было на лучшее! А худого уже мы видели здесь столько, что едва не теряется вера в лучшее».¹⁴²⁴

В самом деле, злоупотреблений разного рода, превышения власти, недопонимания того, что следовало делать в тот или другой момент, разрозненности между начальствующими, и т.п. было так много, что, без сомнения, и война была бы успешнее с нашей стороны, если бы этого всего было поменьше. Что это за несчастье, восклицает святитель московский Филарет в письме к наместнику Лавры Антонию, писанном в начале января 1856 года, что о злоупотреблениях все говорят, и никто не может победить их! Князь Горчаков, проезжая чрез Москву, был у меня. Я нашел его в здоровье лучше, нежели некоторые говорили. Он бодр; и его рассуждения объемлют многое. Он очень хвалит ум своего предшественника в Крыму,¹⁴²⁵ с которым знаком с молодости. Но дивится ему в некоторых отношениях. Я, говорит, пишу ему: будет высадка в Крым; он отвечает: будет высадка в Константинополе. Без его требования, видя нужду, послал я ему отряд войска, и потом Тотлебена.¹⁴²⁶ Он не спешил укреплять Севастополь. Я сказал, что нам думалось: почему не было действовало с нашей

стороны зимою,¹⁴²⁷ он отвечал: и я не знаю, английское войско было совершенно расстроено, частью и французское, хотя, меньше. Еще изъявляет сожаление, что князь Меншиков не отдал справедливости войску (что я и прежде слышал), которое одушевлено наилучшим духом».¹⁴²⁸

Не говоря о злоупотреблениях по хозяйственной части войны,¹⁴²⁹ даже и в благотворительном учреждении попечения о больных и раненых были злоупотребления не малые. Между прочим, по отбытии государя императора к действующей армии в сентябре 1855 года и Сергиева Лавра, с благословения своего настоятеля, послала на поприще военных действий в Крым, кроме пожертвований деньгами и вещами, живую, так сказать, жертву, иеромонаха-врача Анастасия для подания врачевания духовного и телесного.¹⁴³⁰ За свою деятельность там он скоро заслужил благоволение начальства. Но вот от 10 ноября 1855 года и о нем пишет святитель Филарет наместнику Лавры Антонию: «что он присылает не мало денег, это горькая весть. Не хочется, однако, верить, чтобы он забылся. Может быть, не верно сведение о количестве присылаемых денег. Или, не отказывают ли ему умирающие на помяновение?»¹⁴³¹ Но здесь, по крайней мере, дело было еще сомнительное. И Анастасий, в начале следующего 1856 года, скончался в Крыму на деле добром, оставив по себе все же хорошую память.¹⁴³²

А вот дело, которое и на светлый взгляд святителя московского представлялось подозрительным со стороны своей чистоты. От 23 февраля 1856 года святитель писал к тому же Антонию: «В Симферополе мнози недужни, и спят мнози,¹⁴³³ человек по 100 в день. Как ни пекутся о них, но попечения, как-то, при самых добрых намерениях, не вполне достигают цели. Князь Голицын спросил приехавшего оттуда: верно ли достигают цели попечения государыни императрицы? Вопросаемый отвечал нерешительно. Тогда он послал к государыне императрице 40 тысяч рублей, по завещанию покойной княжны Елены Михайловны, но после того одну бедную вдову убитого в Севастополе оттуда к нему прислали за помощью. Согласен я сделать приношение. Но так ли, как вы писали; или взять 2 тысячи рублей от Лавры, 1 тысячу от

Чудова и 2 тысячи рублей от Перервы? И послать ли деньги или написать, и спросить, куда прикажут послать их? Отвечайте». К этому он добавляет: «Мир еще не верен. А если война, то она много потребует».¹⁴³⁴

Однако, мир в это время уже можно было считать верным. Накануне годовщины смерти императора Николая Павловича 17 февраля 1856 года начались формальные переговоры о мире с прекращением военных действий с обеих сторон, о чем к 23 февраля в Москву до святителя Филарета могли дойти еще не вполне точные и определенные сведения. 17 февраля уполномоченные обеих воюющих сторон сошлись на первое мирное свидание у Черной речки, близ Каменного моста в Крыму, и здесь условились о прекращении военных действий с обеих сторон, о чем и дан был тотчас же приказ по армиям.¹⁴³⁵ Подробное изложение мирных условий и постановление мирного договора сделано было за тем на Парижской конференции; а пока продолжалась конференция, войска и русские, и неприятельские, после многих потерь, трудов и опасностей трехлетней войны, возвращались по домам или в определенные стоянки на мирном положении. На пути русских воинов повсюду встречали с чествованием как героев и защитников отечества. Москва, издавна отличавшаяся хлебосольством, приняла героев Севастополя с величайшим радушием, и большим угощением, хотя, время было к великому посту. Были дорогие гости и в Лавре преподобного Сергия. «У вас теперь должны быть гости морские, писал святитель Филарет, как настоятель Лавры, наместнику своему там архимандриту Антонию от 27 февраля 1856 года. Пришли в такое время, что можно предложить только духовное угощение. Впрочем, они усердно угощены в Москве».¹⁴³⁶

И зачем от 5 марта: «О севастопольских гостях я спрашивал флотского иеромонаха, когда они будут в Лавре, и получив ответ, что в чистый понедельник, отвечал, что они избрали такое время, в которое неудобно будет угостить их иначе, как духовным угощением. Хорошо, что так и сделалось. В Москве величали их так, что, если бы они взяли Константинополь, трудно было бы сделать более. Почтенный

профессор Шевырев не усомнился сравнить взрыв Севастополя с землетрясением во время страдания Христова. Какое смешение! А если употребить еврейское слово, то надобно будет сказать, какой Вавилон, не только на западе, но и у нас!»¹⁴³⁷ Значит, чествовали героев Севастополя даже через-чур много и высоко.

Между тем конференция уполномоченных в Париже делала свое, дело; и 18 (30) марта 1856 года мир был подписан. Много России пришлось уступить победителям и со стороны прав восточных христиан греков, славян и других, за которых она подняла оружие, и со стороны собственных своих прав на Черном море и на Дунае.¹⁴³⁸

«Отцу наместнику и братии мир духовный, приветствовал святитель Филарет архимандрита Антония в письме от 21 марта, поздравляю и с миром внешним, который подписан в Париже в прошедшее воскресенье. Услышав о нем, я почувствовал некоторое успокоение от скорби, заботы и опасения, но не радость. Вчера узнав о нем, вчера же прочитал я, что английский министр¹⁴³⁹ почитает его не миром, а чем-то похожим на мир. Бог мира да дарует нам истинный и совершенный мир».¹⁴⁴⁰

Впрочем, некоторое беспокойство испытывал святитель Филарет, вместе со многими лучшими сынами отечества, более за непрочность мира, нежели за унижительность его для народного самолюбия. Несомненно, труднее для народного самолюбия было узнать о подробностях условий мира тем, которые чрез меру высоко поднимали народное самолюбие во время войны, а для людей осторожных, к числу которых принадлежал святитель Московский, этот мир более облегчения душе доставлял, нежели тягости, при прочности его. Ибо он открыл возможность для русского правительства видеть и военные, и общественные, и другие недостатки отечества и исправлять их, устремлять правительственную деятельность на разработку внутренних сил и средств страны, остававшихся до тех пор как бы в залеже. приступить к разного рода преобразованиям и т.д. «При помощи небесного Промысла, всегда благодееющего России, сказано в высочайшем манифесте

19 марта 1856 года, изданном по случаю заключения мира, да утверждается и совершенствуется её внутреннее благоустройство: правда и милость да царствует в судах её, да развивается повсюду с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных»¹⁴⁴¹ и т.д.

До издания высочайшего манифеста о мире. о последнем можно было говорить и писать частно, но официально, и особенно с церковной кафедры, говорить о нем можно было только после этого издания. В «дивный день откровения тайны воплощения Сына Божия», выражаясь словами святителя Филарет,¹⁴⁴² т.е. в день Благовещения Пресвятой Богородицы, в этот, один из величайших праздников (двунадесятых), было в Москве официальное объявление о мире и торжество по случаю празднования его. И вот как наш святитель-вития, в своем слове проповеди, отнеся к заключившему продолжительную войну миру, произнеся эту проповедь (по форме, опять – беседу) «пред благодарственным молебствием о заключении мира» в самый день Благовещения.

Вития так и начинает свою проповедь словом о мире, говоря: «В день, в который небо благовествует земле, тайное в начале, славное впоследствии, пришествие Божественного *Начальника мира* (Ис.9:6), торжественно благовествуется сему царствующему граду мир, благочестивейшим самодержцем нашим, приобретенный отечеству нашему, прекращающий трудную брань, что помышляете при сем, верные сынове России? – спрашивает затем вития, что чувствуют ваши сердца? Чувствуют ли внутренний мир? Или еще не угасает гнев, еще кипит негодование на неправду, которая подвигла на нас брань, и которая ожесточила ее? Вспомним, отвечает сам же проповедник, закон, исполним волю Божественного *Начальника мира* – не помнить зла, прощать оскорбления, *быть мирными даже с ненавидящими мира* (Пс.119:6), колями паче с предлагающими прекращение вражды и простирающими руку мирную.¹⁴⁴³ Да угаснет гнев. Да прекратится негодование. Мир

не только оружию, не только градам и весям; мир помышлениям сердечным, мир душам в глубине их. Возблагодарим Бога, ниспосылавшего помощь во брани. Возблагодарим Бога, даровавшего мир. Побудим себя воспользоваться миром».

После такого вступления и определения сторон предмета беседы, святитель-вития общим, но метким и верным взглядом окидывает все течение Крымской войны в её важнейших моментах и наилучших проявлениях доблести, милосердия и т.п. «Нельзя равнодушно вспоминать, говорит он, какие трудности надлежало преодолевать в сей брани российскому воинству, какие тягости должен был понести народ, каким лишениям и страданиям подвергались от врагов наши соотечественники, близкие к позорищу войны. Но с сими печальными воспоминаниями соединено и утешительное, и величественное. Наши воины моря, начав свои подвиги истреблением турецкого флота,¹⁴⁴⁴ когда должны были уклоняться от чрезмерно превосходной морской силы нескольких держав, не только не уступили своих кораблей, но и сделали из них подводное укрепление для защиты пристани и города.¹⁴⁴⁵ Потом, соединенные войны моря и суши одиннадцать месяцев победоносно противостояли в Севастополе многочисленнейшим войскам четырех держав,¹⁴⁴⁶ и беспримерным доньне разрушительным орудиям.¹⁴⁴⁷ Наконец, хотя, и допущены враги работать над оставленными им развалинами для умножения развалин,¹⁴⁴⁸ но в Севастополе стоит доньне русское воинство. На Дальнем Востоке малое укрепление, с горстью людей, отразило морское и сухопутное нападения несравненно сильнейших врагов, по признанию участвовавших в том, более молитвою, нежели силою.¹⁴⁴⁹ На западе два сильнейшие флота бесполезно истощали свои усилия против одной крепости,¹⁴⁵⁰ а на другую¹⁴⁵¹ – только смотрели издали. На севере¹⁴⁵² было странное противоборство, с одной стороны военные суда и огнестрельные орудия, с другой священнослужители и монашествующие, со святынею и молитвою ходящие по стене обители, и несколько человек с слабым и неисправным оружием; и обитель¹⁴⁵³ осталась непобежденною, а святыня

неприкосновенною. Против России действовали войска четырех держав, и в числе их были сильнейшие в мире. Из держав мирных некоторые были вполне мирны,¹⁴⁵⁴ а некоторые¹⁴⁵⁵ своим неясным положением уменьшали удобство нашего действия, и сие обращалось в удобство для врагов. И не смотря на все сие, в Европе мы не побеждены, а в Азии мы победители.¹⁴⁵⁶ Слава Российскому воинству! Благословенна память подвижников отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство и жизнь! Но превыше всего, да речет Россия с пророком, *благословен Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на брань, милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой* (Пс.143:1–2). Благословим Бога, *научающего руце наша на ополчение*, видевав, как поселяне и мирные граждане внезапно превращались в ратников ополчения, и ратовали наравне с воинами обученными и испытанными.¹⁴⁵⁷ Благословим Бога избавителя, слышав, как на востоке наши воины моря, на немногих кораблях, сквозь превосходные морские силы врагов безвредно пролетели в отечественную пристань.¹⁴⁵⁸ Благословим Бога, иже есть милость наша, возбуждавшего в сердцах сочувствие к подвигам и подвизающимся, желание споспешествовать подвигам, облегчать подвизающихся. Как охотно и обильно всюду предлагаемы были вспоможения для войны и воинов!¹⁴⁵⁹ Таланты богатых и лепты бедных сыпались в сокровищницу военную и в сокровищницу милосердия к раненым и болящим воинам и к семействам их. Особенно в царском доме открылись источники сего; и текли, и текут благотворными потоками. Благословим Бога милости и за то, что Он явил в нас и ко врагам нашим не только правду, но и милость. Они не только не имеют случая упрекнуть нас жестокостью, или разрушением и истреблением, не требуемыми военною необходимостью, но не могут не признать нашей милости к их пленным.¹⁴⁶⁰ Вступая в мир, не желаем ниже оружием слова возобновлять брань. Позволим только себе вспомнить, что и во время перемирия, когда не позволено было сражаться с нашими воинами, некоторые из противников наших продолжали сражаться с камнями наших даже мирных

построений. За то и камни на них прогневались, и поразили, и погребли под собою одного из мудрецов разрушения.¹⁴⁶¹ Дерзнем, не себя похваляя, но благодаря Бога милости, сказать, что есть на нашей стороне бескровная победа – нравственная. Впрочем, добавляет проповедник, если происходившая война и представляет на нашей стороне утешительные виды, сие не должно было располагать к желанию, чтоб война продолжалась. Слава Богу, что православно-христианская Россия не была виною начатия войны; и не объявила ее, а приняла объявленную, должно было ей охранить себя, чтобы ни малейшею частью не пала на нее вина продолжения войны. Благодарение благочестивейшему государю императору, охранившему нас от сего, человеколюбиво пощадившему кровь своих и чуждых, христиански предпочетшему кроткий мир мстительной взыскательности. Благословен Бог, споспешествовавший Ему в сем».

И далее искусно доказывает нам вития ту мысль, что Бог именно, попуская зло, творит и мир, как благо. «Бог глаголет устами Пророка: *Аз устроивый свет, и сотворивый тму, творяй мир, и зиждяй злая: Аз Господь Бог творяй сия вся* (Ис.45:7). Чудно и странно! – восклицает вития. Бог благий, и самосушая благодать, Сам о Себе свидетельствует, что Он *сотворил тму*, что Он *зиждет злая*. Но вникающий в дела Провидения не смутится сим. Например, надобно было, чтобы Бог затмил глаза сирийских воинов, дабы не погиб от них Елисей, почти единственный в свое время пророк и защитник веры в истинного Бога. Надобно было, чтобы в потоке погибло развращенное племя первого мира, чтобы от всеобщей заразы зла не погибли малые останки доброго племени, и чтобы земля не превратилась в ад. Если же Провидение Божие управляет и карательными силами, действующими на род человеческий, то тем несомненнее, что оно управляет силами благотворными. Если Бог попускает войну, тем несомненнее, что Он *творит мир*».

И обращаясь опять к Парижскому миру 18 марта 1856 года, вития говорит: «Человеческими ли только силами и средствами

устроен и нынешний мир? Правда, воевавшие с нами понесли сугубое бремя и самой войны, и бедствий, посланных вышней судьбой,¹⁴⁶² но они продолжали опираться на свою многочисленность, и сделанные ими пред самым миром обширные приготовления к войне еще показывали и силу и браннолюбивую мысль. Однако, мир нам предложен;¹⁴⁶³ и шум, и вопли врагов мира не могли заглушить тихого гласа мира. Кто же и там утишил сердца, воспламененные к брани? Не будем тупы очами ума и сердца. Узрим над видимыми действующими тайное мановение невидимого Творца мира. Да мимо идет война, Божие наказание народов, примем с благодарностью мир, как дар Бога, *творящего мир*». И далее вития дает наставление, как достойным образом должно употребить сей дар Божий. «Что скажу вам о благоупотреблении мира? Посоветую ли употребить оный на восстановление потрясенного войною вещественного благосостояния? Но надобно ли советовать? Это присоветует вам ваша нужда и польза; и принятием к исполнению сего совета еще не много будет сделано, так как, напротив, это было бы отсутствие не только духовной мудрости, но и житейского благоразумия, если бы мы свободное время мира употребили на беспечность и праздность, на увеселения и расточительность, а не на полезную деятельность. Потрудимся преимущественно, в преимущественном обилии, приобрести и сохранить стяжания духовные – Божию благодать, веру, правду, добродетель, они созиждут и утвердят наш мир внутренний, внешний возвысят и упрочат. *Тако глаголет Господь: аще бы еси послушал заповедей Моих, то был бы убо аки река мир твой (Ис.48:17–18). Послушай, хотя, отныне заповедей Господних, если не довольно внимал им прежде, и да будет аки река мир твой. Аминь*».¹⁴⁶⁴

Так заключил свою проповедь о мире после Крымской войны святитель Филарет. И когда вскоре после того, именно 28 марта того же 1856 года, прибыл в Москву государь император, святитель Филарет на другой день (29 марта) встретил Его в Успенском соборе следующей речью: благочестивейший государь! К тебе очи наши и сердца, как прежде, тогда как не

прежнее видим в твоём втором царском лете.¹⁴⁶⁵ Ты наследовал войну, упорную против нас и против мира, и даровал нам мир. Твоя правда и мужество не отказывались от войны, твоё человеколюбие не отказалось от предложенного мира. Не победили России враги: ты победил вражду. Христианскою мыслью одушевлял ты войну, христианскою мыслью осуществляешь мир. Благодарно тебе отечество, и чуждые отдают тебе справедливость, и отдадут полнее, когда утихнут страсти. Крепко должны мы молить и молим Бога, чтобы благопоспешал тебе искусством и попечением. у врачевать раны, без которых не могла быть война, чтобы, по слову пророка, *правда и мир облобызались* в державе Твоей, и чтобы плодом их было совершенное благоденствие». ¹⁴⁶⁶ Об этом новом посещении Москвы государем митрополит Филарет от 1 апреля писал наместнику Лавры Антонию: «государя императора сретили мы благополучно. Он мирен и милостив. Сегодня был я у него в кабинете, и потом обедал со многими приглашенными. Стол у Его Величества постный, частью точно по уставу нынешнего воскресного дня, частью для гостей по уставу благовещенскому. Желательно, чтобы сим примером воспользовались многие, которым он нужен». ¹⁴⁶⁷

Иначе сказать, в самом уважении государя императора к великому посту Филарет видел некоторым образом также «христианскою мыслью осуществляемый мир». По случаю заключения мира, конечно, многие проповедники русские говорили проповеди, из коих иные и получали более или менее значительную по широте распространения огласку в обществе. Между прочим, к известному московскому высокопоставленному лицу, князю С. М. Голицыну, из Киева прислано было, по тому же случаю сказанное, поучение тогдашнего ректора Киевской духовной академии, архимандрита (впоследствии архиепископа Казанского) Антония Амфитеатрова. ¹⁴⁶⁸ По прочтении его, князь Сергей Михайлович дал оное для прочтения же митрополиту Филарету, митрополит, прочитав поучение и возвращая его князю, писал последнему: ¹⁴⁶⁹ «Возвращаю вашему сиятельству киевское поучение. Простите. Оно не очень меня пленило. Первый год

царствования описан чертами свыше нужды темными. Какая в этом польза? Мы должны говорить для наставления, наставления из сего никакого не выведено. Проповедник говорит, что Севастополь «отдан» врагам. Неправда. Северная часть его не отдана доныне. Говорит: «враги торжествуют». Не верно. Англичане побеждены нами, и для французов не велико торжество, когда они от нескольких укреплений отбиты и одно только взяли. Борется с вопросом: почему враги не наказаны? Здесь опять неточность. Они не мало наказаны, их много погибло собственно от войны, много истреблено болезнями и бурей на море. Следственно правосудия не только ожидать должны в будущем, но частью оно уже явилось. Говорит, что государь «не мог отречься от мира». Опять неточность, имеющая не благоприятный вид, что за невозможность? Государь властен был продолжать войну, но заблагорассудил предпочесть мир. Если Бог посылает неприятное, надобно сие смиренно признавать, но не преувеличивать, ибо сие может вести к упадку духа, а не к пользе».¹⁴⁷⁰

И после того, и все опять в том же смысле и духе, касался святитель Филарет Крымской войны и последовавшего за нею мира. Так, например, в том же 1856 году, говоря слово в день тезоименитства государыни императрицы 22 июля на текст: *Молю убо прежде всех творите молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и т.д. (1Тим.2:1–2)*, святитель-вития в конце своей проповеди говорит: «Не видим ли отеческого попечения благочестивейшего государя нашего о доставлении нам *тихого и безмолвного жития* в том, что он воздвигнутую против нас жестокую войну, по колику возможно было, ускорил прекратить, и даровать нам мир, удовлетворяясь от враждовавших благоприятными обещаниями, и не ища отмщения за нанесенную брань!»¹⁴⁷¹

Употребляя здесь выражение: «удовлетворяясь от враждовавших благоприятными обещаниями», святитель Филарет указывает осторожно, но ясно, на коварную политику «враждовавших» западных держав, и при заключении Парижского мира и после его заключения не перестававших замышлять против достоинства Российской державы, которую,

им казалось, еще мало унизили они условиями Парижского мира. Недаром святитель и в письме от 5 мая 1856 года к наместнику лавры Антонию, по поводу обращения одного турка в православие, пишет: «Видите ли, что Англия, Франция и Австрия, во время дела об общем мире, заключили особый союз, чтобы защищать Турцию? Очевидно, это скопище против нас. После сего надлежит ожидать, что ко всякому случаю будут по возможности придираются и затруднять нас. Потому не затруднятся сказать, что пленных насильно окрестили и. когда таких пленных вытребуют, сии насильно заставлены будут подтвердить сие».¹⁴⁷²

Поэтому же и в 1857 году, беседуя с церковной кафедры в день рождения государя императора 17 апреля и обозревая события протекшего года, святитель-митрополит говорил: «Как после бурной ночи тихое утро, с началом сего года просиял¹⁴⁷³ мир, вожденный человеколюбивому сердцу цареву, благопотребный для империи, после крепкого¹⁴⁷⁴ подвига защиты от многочисленных врагов, почти на всех пределах её от запада до дальнего востока, от юга до глубокого севера».¹⁴⁷⁵

Так как сама Крымская война ведена была, как мы знаем из прежнего, по причине различных недоразумений в решении так называемого восточного вопроса, причем большое значение имели и права христиан разных исповеданий на обладание святыми местами в Палестине, то в видах окончательного улаживания этих недоразумений, государь император с государыней императрицей в 1857 году предпринял путешествие, с одной стороны, в Иерусалим, а с другой, после того, ко дворам некоторых западно-европейских держав, связав это путешествие на Запад и с заботами о здоровье своей августейшей супруги, уже тогда нуждавшемся в лечении среди более благообразного воздуха, нежели какой представлялся в северной столице России. Поэтому-то, когда в октябре означенного 1857 года императорская чета вернулась из заграничного путешествия своего, Московский святитель встретил государя императора с государыней императрицей (14 октября) в Успенском соборе следующей речью: «Благочестивейший государь! Теперь сердце России в покое,

потому что ты в недрах и в сердце России. Православный народ благоговеет, видя, что твое царственное путешествие сделалось вместе и молитвенным путешествием к древнейшей святыне общественной. Верною тебе мыслью и преданным сердцем заботливо следовали мы за тобою и за твоею благочестивейшею супругою за пределы отечества. Теперь утешаемся, помышляя, что её вожденное здоровье обновлено и укреплено, что твои дружественные встречи с твоими державными союзниками будут новым утверждением мира, что мир доставит удобство твоим царственным подвигам, чтобы возвысить и благоустроить внутреннюю жизнь России, чтобы охранить доброе, от предков наследованное и дополнить оное новыми плодами опытной и зрелой мудрости».¹⁴⁷⁶ Уже здесь еще более ясно, нежели прежде, указывается на цель, для которой нужен был России мир и которую раньше мы также указывали. Современный событиям поэт Бенедиктов так охарактеризовал настроение русского общества по случаю заключения мира:

*Царь, призывая вас к мольбе
За этот мир, любви словами.
Зовет вас к внутренней борьбе
Со злом, с домашними врагами.
В словах тех шлет он Божью весть
Не пророните в них ни звука
Слова те: вера, доблесть, честь,
Законы, милость и наука!
Всем будет дело, превозмочь
Должны мы лень, средь дел бумажных
Взросшую. Хищенье – прочь!
Исчезни племя душ продажных!
Всяк труд свой в благо обращай!
Имущий силу делать – делай
Греми глаголом правды смелой...
Восстань и ты к святой борьбе,
Вития мощный и писатель
Восстань, не духа злобы полк,
Восстань не буйным демагогом.*

*Не лютым двигателем волн,
Влекущим к гибельным тревогам!
Нет! гласом добрых воззови;
И зов твой, где бы ни прошел он,
Пусть духом мира и любви
И в самом гробе будет полон!¹⁴⁷⁷*

Хотя и другим государствам, воевавшим против России, мир был также благопотребен; но России он был более других нужен. И, благодаря миролюбивой и миротворной политике государя императора Александра Николаевича, Россия на долгое время успокоилась от дел военных, по крайней мере столь обширных и бедственных, как Крымская война, не смотря на то, что в других государствах, по разную причину, внешними ли, международными отношениями обуславливаемым или вытекавшим из внутренних источников, крившихся в самих этих государствах, и после Крымской войны постоянно разгорались искры войны, готовой принять более и более широкие размеры. Поэтому-то, когда в 1859 году, 17 августа святитель московский Филарет встречал в Успенском соборе государя императора, он приветствовал Его следующей речью: «Радостными взорами встречая твой высокий мирный взор, не можем не вспомнить с благодарностью, что продолжаем видеть в тебе миротворца и охранителя мира. В начале сего года, когда угрожающие слышания браней волновали правительства и народы, от твоего престола исшел первый пред прочими глас, чтобы общим мирным советом угасить проявлявшиеся искры войны. И когда война возгорелась в Италии,¹⁴⁷⁸ твое правительство не преставало и не престаёт бодрствовать на страже мира Европы. Бог мира да продолжить благословлять твои попечения о мире внутреннем и внешнем, и да споспешествует тебе мирным оружием царственной мудрости, правды и предусмотрительности побеждать все, что враждебно миру Церкви и благу отечества».¹⁴⁷⁹

Равным образом и в 1861 году, когда в России только что освобождены были крестьяне от крепостной зависимости и революционеры хотели воспользоваться этим обстоятельством для своих целей, а Польша, подстрекаемая ими, также стала,

поднимать выше и выше голову, особенно в виду уступчивости русских властей, святитель Филарет от 4 ноября писал наместнику Лавры Антонию: «Варшавские вести печальны, но и домашние не лучше. Неблагонамеренные хитры, смелы, взаимно соединены; защитники порядка недогадливы, робки, разделены. Польша мятежная видимо связана с Венгрией,¹⁴⁸⁰ Венгрия с Италией, в Испании недавно вспыхнул было мятеж в пользу Гарибальди¹⁴⁸¹ и Мадзини, а как далеко простираются подземные корни этих ветвей, кто видит? Европа продолжает свое помешательство на слове: свобода, не примечая, как в Америке свобода проливает кровь, изменничает и варварствует. Прусский король¹⁴⁸² своим коронованием и словами поднял мысль о монархии, и уже нужным оказалось ему и министрам оговариваться и оправдываться в сем пред либеральной партией. Все заботятся о мире, и все ждут войны, и вооружаются более, нежели когда-либо. По истине, это походит на приближение години искушения, хотящие прийти на всю вселенную».¹⁴⁸³

В виду всего этого, когда еще в июне того же 1861 года государь император с некоторыми членами своего семейства посетил обитель преподобного Сергия, святитель Филарет, встречая его в сей обители, в речи своей к Его Величеству, с одной стороны, говорил о преподобном Сергии, что «он как в земной жизни, после Бога и Неба, любил православную Россию и державных её, и служил благу их молитвою, советом, миротворчеством, так и в небесной жизни являет подобные расположения, с высшею небесною силою», а с другой и к самому государю обращался с такими словами: «В мире, благочестивейший государь, хранишь ты твоё царство. Но мир и в мире не мирен. Есть искры под пеплом, которые он или не умеет, или не старается угасить. Он говорит о мире, и непрестанно усиливает приготовления к брани».

И заключая речь, святитель-вития говорил царю: «Вниди в мире и, в общении со святым, принеси твою царственную молитву Всесвятому Господу, и с нею воздвигнется молитва твоего верного народа; и, по общей вере, да преклонится Всевышний, и благословит ненарушимым миром и

возрастающим благоденствием тебя и твой дом, и твое царство». ¹⁴⁸⁴

Слышания браней вне России и попытки запада вовлечь последнюю в новую войну продолжались и далее. С особенною силою они обнаружились вовремя Польского восстания в 1863–1864 годах, когда Англия, Франция и Австрия, руководимые более своими корыстными побуждениями и политическими видами, нежели благом польских провинций Российского Государства, прислали русскому правительству оскорбительные для России, как великой державы, ноты как бы в защиту польских интересов, трактуя Польшу, как целое государство, а в заграничной печати и в законодательных собраниях Европы, Россия сама трактовалась, как близкий к падению и полному разложению политический организм. Но твердое слово Русского правительства, выдержав всю бурю словоизвержений запада, официальных и неофициальных, не только предотвратило войну с западными державами, но и заставило последние уважать это слово. Поэтому-то наш святитель-вита, встречая государя императора в Успенском соборе в Москве 16 августа 1864 года, между прочим, говорил ему в приветственной речи: «При помощи Божией ты сохранял мир, и в мире одержал победу над сильными противниками, которые повели было войну, хотя, не мечем, но словом и письменен, вызывающим меч. Остры и многочисленны были стрелы, но не пробили твоего щита, ибо твоим щитом была твердость в правде». ¹⁴⁸⁵

И действительно, между тем, как на западе, то в Италии, то в Германии (в 1866 году – борьба Пруссии с Австрией, кончившаяся победою первой и возвышением её политического значения на счет последней), то в других странах происходили войны. Россия была спокойна со стороны своих отношений к другим державам, имея полный досуг совершить то внутреннее обновление свое, которое составляло главную задачу царствования императора Александра Николаевича.

Между тем Крымская война, веденная Россией из-за облегчения участи восточных христиан православных, греков и славян, быв окончена не без некоторого унижения России. Нельзя сказать, чтобы совсем не достигла своей цели со

стороны облегчения участи восточных христиан. Парижским трактатом 1856 года, благодаря усилиям русской дипломатии, определено было значительное расширение прав, находившихся под владычеством Турции христиан в отношении к свободе вероисповедания, отправления богослужения и т.п. К сожалению, Турция, как и прежде, в трактатах, подобных Парижскому, видела одну лишь мертвую букву и прямо же после Крымской войны начала опять свои зверства над христианами. «Как еще в силе *времена языков!* – пишет от 3 мая 1856 года святитель Филарет наместнику лавры Антонию, лицемерно провозглашенная в Турции свобода вероисповедания до сих пор обращается в гонение на христиан, и особенно на православных, как беззащитных, и союзники прежде, по-видимому, стояли за сию свободу, но в трактате отдали сие дело на волю султана. Чего тут ждать хорошего? Римско-католиков будут поддерживать французские и австрийские министры и консулы, протестантов английские, а наш голос, если и услышат, заткнут все уши. Утверждение ни Ты надеющихся, утверди, Господи, Церковь!»¹⁴⁸⁶

Таким образом, восточный вопрос все еще оставался неразрешенным; и для России оставалась великая забота о том, чтобы подвинуть вперед его разрешение в желанном направлении, тем более, что православные христиане востока издавна привыкли единственно Россию считать своею защитницею против притеснений турок; и России, конечно, было бы не желательно разочаровывать их в их сочувствии к ней и в их ожиданиях. Не даром доселе здравствующий поэт А. И. Майков, в одном из своих лирических отзывов на исторические события, начинающемся словами: «Опять горит Восток», говорил:

*Уж близок Николай у цели быть... Но Бог
Еще отсрочил день... Настала ли година?
Чего могучий дух отца свершить не мог,
Не суждено ли свершить, быть может, сердцу сына?»¹⁴⁸⁷*

Но обстоятельства России после Крымской войны были таковы, что окончательное разрешение восточного вопроса приходилось откладывать до более благоприятного времени; а

пока действовать в пользу восточных христиан мирными средствами, щадя в то же время и русскую кровь, которой и без того слишком много пролито было за время Крымской войны.

*Царь не хотел борьбы кровавой,
Не ищет славы Он в крови,
И призывал Он мир лукавый,
На подвиг мира и любви.
Жалел он рать свою родную,
И медлил долго, сколько мог,
Храня на сердце мысль святую:
Не в силе Бог, а в правде Бог!¹⁴⁸⁸*

К глубокому сожалению, и на этом пути мирного действия России к облегчению и улучшению положения христиан православных, подвластных Турции, лежало много препятствий к его полному успеху. По одному из требований Парижского трактата. Оттоманская порта издала гатти-гумаюн, коим приглашала христиан разных исповеданий учредить в известный срок особые комиссии или собрания для того, чтобы «с ведома и под наблюдением Порты, рассмотреть дарованные им в разные времена права и преимущества, и привести их в гармонию с прогрессом и просвещением века».¹⁴⁸⁹

«Сей лживый и не очень искусно составленный, по отзыву бывшего русского посланника в Турции Ап. П. Бутенева, – акт, придуманный и навязанный туркам западными державами более из ненависти к России и из опасения её политического и церковного влияния на Востоке, чем по действительной заботливости о христианском населении в Оттоманском государстве»,¹⁴⁹⁰ послужил началом великих неурядиц в церковных администрациях этого населения и ближе всего в Константинопольском патриархате, главном центре церковной администрации православного населения разных национальностей Турции. Будучи сколком с подобных актов конституционных учреждений западной Европы, он был мало применим к тем каноническим основам, на которых дотоле опиралось управление Церкви православной на востоке, и потому, вслед за открытием вызванных им к жизни церковно-народных собраний, стал служить источником недоразумений,

несогласий и беспорядков как в самом церковном управлении вселенского патриарха, так и в его отношениях к подведомым ему епархиям, населенным православными христианами не греческой национальности.

Составленное таким образом, с преобладанием светского, мирского элемента, православное церковно-народное собрание в Константинополе открыло свои заседания 3 октября 1858 года; но уже с следующего года начались упомянутые неурядицы в самом церковно-народном собрании, а с 1860 года началась так называемая греко-болгарская распря, приведшая к отделению Болгарской церкви от безусловного подчинения Константинопольскому патриархату в 1872 году.

Все эти неурядицы вызывали то или другое действие со стороны русского правительства чрез министерство иностранных дел и со стороны Всероссийского Святейшего Синода. А в этом действии живейшее участие принимал святитель Московский Филарет, как по вызову русского светского и церковного правительства, а равно и православной восточной иерархии, так и по собственному побуждению любви к православию, единению, миру и благосостоянию святых Божиих церквей. Целый том *Собрания мнений и отзывов его по делам православной церкви на востоке* (СПб. 1886) и другие сочинения его,¹⁴⁹¹ служат ясным тому доказательством. В настоящее время нам нет возможности, да и нужды распространяться о том подробнее. Мы только скажем, что главная забота святителя Филарета в этом отношении состояла в умиротворении Востока. Защищая Вселенскую Патриархию с её исконными правами, он с братскою любовью относился и к участи единоплеменных нам славян, сколько возможно более стараясь побудить Вселенского Патриарха уважать их народные, не противные канонам, стремления к самостоятельности и права.

Действуя в таком направлении как своего рода дипломат, святитель Филарет не оставлял греко-болгарского вопроса своим вниманием и как вития. Еще в 1858 году, в своей беседе на день тезоименитства государыни императрицы Марии Александровны 22 июля, исчисляя деяния русской

императорской четы, наш вития говорит: «Творя бесчисленные милости меньшей и наименьшей братии Христовой в своем царстве, они простирают христиански благотворящую руку к святым местам земного жития и страдания Христова, и к разно народным единоверцам, за пределами отечества нашего бедствующим в стеснении от жестокого лжеверия».¹⁴⁹²

Дело в том, что уже тогда положено было начало более прочному и устойчивому положению русских в святых местах Палестины заботами о приобретении земельной собственности там для Русского императорского дома и для России, весьма облегчившими благотворную деятельность теперешнего Православного Палестинского Общества; и уже тогда ближайшие интересы разных народностей православного исповедания, особенно же греков и славян испытывали благотворное действие влияния политики Русского императорского кабинета на распоряжения Оттоманской порты в пользу их. И чем дальше, тем более усиливалось это влияние, особенно же с тех пор, как во главе нашего посольства в Константинополе стал (еще при жизни святителя Филарета) граф Н. П. Игнатьев.¹⁴⁹³

Влияние России на Турцию при сем последнем сделалось мало-по-малу преобладающим, что не могло не возбуждать чувства зависти в других державах, особенно же Англии. Отчасти это последнее обстоятельство, а главным образом то, что с 1862 года почти прекратилась, как мы знаем из предшествующего, проповедническая деятельность маститого святителя московского, святитель Филарет в своей проповеди не касается дальнейших судеб решения восточного вопроса, со времени возникновения греко-болгарской распри, тем более, что в таком случае ему приходилось бы становиться в щекотливое положение относительно и Вселенского Патриарха, естественно мало расположенного в пользу болгар, и русской дипломатии, более поощрявшей национальные стремления болгар, нежели притязания фанариотов. Святитель Филарет в этом отношении и сам старался и других побуждал держаться золотой середины. Не имев, однако же, удобства и благовременности произнести слово проповеди с церковной

кафедры по восточному вопросу в его последней фазе, святитель в последний год своей многолетней и многоплодной жизни имел случай произнести речь к славянам, прибывшим в Москву на этнографическую выставку и в лице некоторых из своих представителей,¹⁴⁹⁴ посетившим 17 мая 1867 года маститого старца-святителя.

Вот текст этой знаменательной и во многих отношениях пророчественной речи. «Имею неожиданное утешение приветствовать вожделенных гостей и братий, которых здесь вижу, и которых также сверх ожидания видит ныне Москва, говорил славянам митрополит Филарет. – Благословен Бог и Господь наш Иисус Христос, посетивший и посещающий бедственно-разделенное человечество, и направляющий оное к единому спасенью и спасительному единству. Славяне и славяно-россы – род один. Но его начало затемнело временем. Движением дел человеческих разделены отрасли его. Это разделение неблагоприятно было единству языка его. Бог воздвиг двух святых братий по плоти и по духу,¹⁴⁹⁵ которые сделались нашими отцами по духу, родив нас благовествованием Христовым, и наше естественное братство обновил и возвысил братством духовным. Нет сомнения, что любовь родственная усовершенствована и укреплена любовью христианскою. Единство духа и языка охранено тем, что язык славянский сделался языком веры и Церкви.¹⁴⁹⁶ Мы, россияне, наследовали сей дар Божий от старейших в христианстве братий наших, и не престаем быть благодарными. Состраждем скорбям, сорадуемся надеждам братий, и сквозь разделение зрим к единству. И вот нечаянный случай, из различных, из отдаленных стран¹⁴⁹⁷ подымлет ревнителей славянского братства и соединяет их в средоточии русского единства,¹⁴⁹⁸ чтобы непосредственно из сердца в сердце излить братское чувство н, вопреки внешним разделениям, найтись в живом внутреннем единении. Видев знамения Провидения в нашем прошедшем, осмелимся и в настоящем видеть знамение во благо. В духе христианства да растет общее наше единение, и в таком единении – сила, способная победоносно созидать и распространять общее и частное благо. Приветствуем вас

искреннюю любовью и благою надеждою, по вере во всеблагое Провидение Божие».¹⁴⁹⁹

Эта речь, произведшая «глубокое впечатление» на слушателей,¹⁵⁰⁰ по обычаю проповедника, чрезвычайно осторожна в выражениях, тем не менее и в ней ясно видны общеславянские симпатии старца-святителя. «Состраждем скорбям, говорит он, сорадуемся надеждам братий, и сквозь разделение зрим к единству». В виду того, что уже в то время, так называемый, панславизм являлся каким-то пугалом для западноевропейской дипломатии, святителю-проповеднику нельзя было высказать эти свои симпатии яснее, нежели как он сделал, нельзя было ему и «надежды братий» – славян поощрять больше, чем это выражено в его речи.

Высказанные в заключении сей последней пожелания и надежды дают полное основание предполагать, что сознанию святителя столь же ясно представлялось в более или менее отдаленном будущем осуществление того, что после его блаженной кончины, не более как чрез 10–11 лет, и действительно совершилось, быв добыто, по-прежнему, не иначе как силою русского оружия и братскою кровью русских, т.е. освобождение славян от ига турецкого и вообще от «скорбей», и что поэт Тютчев пророчески выразил в следующих словах:

*Он жив, Верховный Промыслитель,
и суд Его не оскудел,
И слово: Царь-Освободитель
За Русский выступит предел.*¹⁵⁰¹

Помимо Крымской войны и решения восточного вопроса, в царствование Александра II, при жизни святителя Филарета, были только некоторые еще события, которые можно относить к области внешней политики; это – Кавказская война, усмирение Польши и дела американские с азиатскими.

В 1864 году закончилась шестидесятилетняя, почти непрерывная война Кавказская: окончилась она, как и нужно было ожидать, полным усмирением всех непокорных, живших и храбро защищавших свою независимость в Кавказских горах и долинах, племен. Но уже и в 1859 году кавказским горцам

нанесен был удар, который можно считать решительным. Разумею плен Шамиля, умного и храброго предводителя горцев, имама Чечни и Дагестана, много лет, на разных пунктах Кавказа, оказывавшего русским войскам, с небольшим числом преданных ему храбрецов из горцев, сильное сопротивление. Много отваги и мужества, в течении десятков лет, оказано было и русскими войсками. Много имен военачальников русских прославилось в своеобразной войне с кавказскими горцами, каковы: Ермолов, Евдокимов, Граббе и другие.

Но пока не назначен был полномочным главнокомандующим кавказской армии князь А. И. Барятинский, все меры, предпринимаемые русским правительством к усмирению Кавказа, оказывались не решительными, не приводившими к желанному концу дело умиротворения Кавказа. В первой половине 1859 года, благодаря умным распоряжениям генерал-адъютанта князя Барятинского, Шамиль с своими войсками должен был бросить главный аул свой Веден и отступить на юг, вследствие чего прежде подвластные ему области, одна за другою, стали отпадать от своего бывшего повелителя и изъявлять покорность русским. В конце июля 1859 года он направил путь на Куядинское ущелье; но куядинцы и тилетинцы встретили его враждебно. Он был совершенно оставлен и большею частью дагестанцев. Тогда он решился броситься еще ниже куядинских высот, в восточный Дагестан, в леса Ручджи и на горные возвышенности Гуниба. Эти возвышенности давно обращали на себя внимание Шамиля своею неприступностью, и он, как утверждали, заблаговременно избрал их для себя последним убежищем. Здесь, на Гунибских высотах, должна была решиться судьба этого героя-фанатика.

Отсюда не было уже отступления; ибо лежавшее далее на юг и юго-восток пространство было ненадежно в стратегическом отношении. В ауле Гуниб и укрылся Шамиль с двумя своими сыновьями, с семейством и остальными, не многочисленными, приверженными ему мюридами. 17 августа князь Барятинский, преследуя Шамиля, прибыл на Куядинские высоты и осмотрел с них Гуниб. 20 августа открыты были действия русских войск против Гуниба. Не ограничиваясь природною местностью

Гуниба, Шамиль употребил все средства, чтобы сделать его совершенно неприступным, он подрывал порохом все скалы, где представлялась малейшая возможность взбираться, заградил все тропинки толстыми стенами, башнями, двух и трех-ярусными оборонительными постройками, везде заготовил кучи камней для скатывания на атакующих, и т.п.

Однако, распорядительность главнокомандующего и военачальников русских войск и мужество последних преодолели все препятствия к осаде и взятию Гуниба. Горцы ожидали нападения с восточной части горы; а между тем оно состоялось с северного и южного склонов её. Озадаченные такою неожиданностью, горцы бросились бежать вверх от стен южного склона, а сам Шамиль с семейством и большею частью мюридов бежал в аул Гуниб. Князь Барятинский лично пришел к Гунибу и во избежание кровопролития, теперь уже ненужного, предложил Шамилю сдаться. Видя аул окруженным густою цепью русских войск, готовых к смертельному бою в случае сопротивления. Шамиль, наконец, сдался. Его под почетным конвоем отвезли в плен сперва в Петербург, а потом на жительство в Калугу. На пути шествия пленного Шамиля женщины из горцев выли, оплакивая своего имама, а мужчины прикасались к полам его платья и целовали их на прощанье. Сдача Шамиля последовала 25 августа 1859 года. После того для Кавказа и Закавказья настала новая эра. За покорением Шамиля и непокорных племен восточного Кавказа, покорение остальных племен кавказских (на западе Кавказских гор) было уже нетрудным делом, так как даже вскоре после того путешествие князя Барятинского по Прикаспийскому краю и Кахетии, от пределов Аварии до Тифлиса, было подобно триумфальному шествию, везде народ ликовав от уверенности, что настает, наконец, мирное время. когда можно пользоваться безопасно плодами трудов своих и обратиться от военных к мирным делам и занятиям.

В 1863 году наместником Кавказа был назначен младший брат государя императора великий князь Михаил Николаевич, при котором в 1864 году, как мы сказали выше, и совершилось окончательное покорение русской власти остававшихся дотол

непокорными горцев, хотя, брожения между ними происходили и после того. Окончательное покорение Кавказа совершилось весной 1864 года, когда последние остатки непокорных горцев были покорены русским оружием, а между тем от 1 июня того же 1864 года святитель Филарет писал наместнику лавры Антонию: «Усмирение Кавказа совершено ли, хотя, и возвещено? После возвещения об оном, было известие о сшибке и убитых с нашей стороны. Еще подлежат вопросы: обещавшие¹⁵⁰² переселиться на указанные места в наших пределах исполнят ли сие? Удалившиеся¹⁵⁰³ за границу во множестве не соберутся ли с силами возвратиться? Нам едва ли можно обеспечить границу от вторжения. Буду говорить о сем с А. П. Ахматовым,¹⁵⁰⁴ который теперь здесь».¹⁵⁰⁵

Однако вопрос об окончательном покорении Кавказа можно было уже в то время считать решенным в положительном смысле. В половине июля последовало и высочайшее повеление о повсеместном совершении молебствий по сему случаю.¹⁵⁰⁶ А когда в половине августа того же 1864 года государь император посетил Москву, то святитель Филарет 16 августа встретил Его Величество в Успенском соборе речью, в которой между прочим, говорил ему: «Твоему царствованию даровано Провидением победоносно окончить вековую войну, крепко, но без окончательного успеха веденную твоими предшественниками, и ты умиротворил обширный край Кавказский, который казался вечною отчизной войны. Итак, приветствуем Тебя с миром, не только желанным и ожидаемым, но и обладаемым».¹⁵⁰⁷

В том же 1864 году последовало усмирение Польши, возмущение которой, начавшись в связи с вопросом об освобождении крестьян от крепостной зависимости, поднятым в высших правительственных сферах русских вслед за окончанием Крымской войны, обнаружилось еще в 1860 году. Еще летом сего 1860 года были замечены уличные демонстрации в Варшаве при наместнике, известном нам князе М. Д. Горчакове. Высшая правительственная власть, однако, же, в видах наиболее спокойного разрешения главнейшего вопроса – об освобождении крестьян, а равно и в видах

поддержания согласия с западноевропейскими державами, тогда же принявшими участие в Польше, с одной, и под влиянием либерального направления духа времени, с другой стороны, пошла было путем уступок и послаблений. Торжественное празднование поляками революционных годовщин, обливание вонючим настоем лож и кресел в Варшавском театре накануне его посещения тремя монархами прошли безнаказанно. 14 и 16 февраля 1861 года в Варшаве были беспорядки, которые пришлось прекращать уже военной силой, при чем не могло обойтись, конечно, и без убитых и раненых из толпы народной, хотя, и не многих.

Однако, последствием этих беспорядков с пятью «жертвами» было то, что в руки польской делегации переданы были не только полицейская власть, но и право надзора за политическими преступниками, содержащимися в Александровской цитадели. Русское имя и русская народность поносимы были везде и открыто, на рынках, на площадях, в собраниях, в костелах и других местах. Архиепископ православной церкви в Варшаве (Иоанникий Горский¹⁵⁰⁸ † 1877) не мог выехать с архиерейского двора, не мог решиться на совершение какой бы то ни было религиозной процессии без того, чтобы не ожидать против себя и против обрядов нашей церкви самых оскорбительных выходок, не говоря уже о кознях польских ксендзов против него. «Ксендз действует и правою, и левою рукою, писал за время польского мятежа святитель Московский Филарет, то льстит архиепископу, чтобы привлечь его на сторону мятежа, то порицает его, чтобы обескуражить на законном пути и толкнуть на сторону мятежа».¹⁵⁰⁹

После первого вооруженного столкновения войск с гражданами, поляки, видя смущение наместника, князя Горчакова, предложили ему шесть пунктов, в числе которых было и требование уволить обер-полицмейстера Трепова, как не имевшего будто бы популярности в Варшаве (за свою приверженность истинно русским интересам).¹⁵¹⁰

Все шесть пунктов были приняты, и Трепова уволили. Русские, даже военные, подвергались несказанным оскорблениям со стороны поляков, а между тем, приказами по

армии, советовалось офицерам и солдатам не обижаться на эти оскорбления и скрываться, чтобы не встречать процессии толпы, а один из наместников, передавая свою власть другому, при представлении ему офицеров, заявил, что в числе достоинств их есть одно особенно важное, способность терпеливо переносить оскорбления своей военной чести. В Варшаве таким образом, оказалось два правительства: одно открытое, но бездействующее, другое тайное, но энергично действовавшее, вешавшее и расстреливавшее своих ослушников и рассылавшее свои декреты по всей стране, даже в глубь Великороссии к польским людям. Слухи о том, что творилось в Царстве Польском, разносились по всему западному краю и естественно тревожили умы. И здесь повсюду начались демонстрации, ношение траура, брань, оплевания и обливания серною кислотой тех, кто осмеливался не носить «жалобы», пение гимнов по церквам, панихиды по «жертвам», сборы на восстание.

Ни одно из распоряжений генерал-губернатора не достигало места своего назначения прежде чем не узнавала о нем вся губерния. Пока бумага записывалась во входящие и исходящие в разных канцеляриях, чиновники тех же самых мест и канцелярий, в большинстве своем лица если не польского происхождения, то римско-католического исповедания и, следовательно, сочувствовавшие польскому восстанию, сообщали о ней во враждебный правительству стан. Железные дороги и телеграф были к услугам подземных властей. Под видом доставления частных депеш о различных торговых делах, революционные комитеты получали из Вильни все необходимые сведения о распоряжениях правительства, прежде нежели они доходили туда по начальству. Не дремали и среди нас бессознательные и сознательные союзники крамолы, особенно в самом Петербурге, где работали такие люди, как Огрызко, Сераковский и подобные, где безумствовала сама подцензурная печать и наконец в среде лиц, занимавших более или менее важные правительственные посты, находились люди, содействовавшие польским притязаниям.

Только в Москве, сердце России, возвышали голос против польских поползновений и интриг такие органы печати, как Московские Ведомости, только что перешедшие под редакцию М. Н. Каткова († 1887) и П. М. Леонтьева († 1876). Не даром еще в октябре 1861 года святитель Филарет писал наместнику Лавры архимандриту Антонию: «Горькі вести не только из польского края, но и из Петербурга. Но о сем неудобь сказаемое слово».¹⁵¹¹ И далее: «Варшавские вести печальны, но и домашние не лучше. Неблагоднамеренные хитры, смелы, взаимно соединены; защитники порядка недогадливы, робки, разделены. Польша мятежная видимо связана с Венгрией, Венгрия с Италией и т.д.»¹⁵¹² В 1862 году последовал ряд покушений на жизнь лиц, поставленных во главе русского управления в Царстве Польском и наконец на жизнь самого наместника Царства Польского, Великого Князя Константина Николаевича († 13.01.1892).

Наступил 1863 год. В январе этого года в Польше началось открытое восстание. В различных городах и селениях было сделано нападение на спящих русских солдат; в других местах русские войска были атакованы. Их пытались сперва совратить с пути долга, побудить к нарушению присяги, но эта попытка не удалась. Тогда их стали убивать по одиночке. Но и тут еще медлил карающий меч. Поднявшим оружие была обещана амнистия, если они сложат его, и даже не тотчас, а чрез известный срок. Такая нерешительность действий и даже бездействие русского правительства были приняты поляками за слабость. Начались невероятные требования. Поднялась речь о полной самостоятельности Польши с конституцией 1815 года и с пол Россией в придачу; требовалось отнять у России не только значение великой державы, но и всякое политическое значение, так что бы только что отпразднованная в 1862 году, годовщина её тысячелетия превратилась для неё в похоронное торжество. Требования эти с невыразимою дерзостью произносились во всеуслышание.

Самая Европа пришла в движение. Англия, Франция и Австрия, как мы замечали раньше, подстрекаемые июльскими агентами, прислали русскому правительству угрожающие ноты с

требованием уступок Польше. Какие-то подземные революционные комитеты заявили у нас свое существование чудовищными прокламациями, составленными в духе требований польской sprawy. Настроение умов было сомнительно; все с недоверием озирались вокруг, чего-то ожидая, чего-то опасаясь. Поникли живые силы общества; все действительные интересы страны отошли на задний план; даже простой здравый смысл как будто угасал в обществе. Повсюду было уныние. Всякое слово, внушаемое верой в величие и будущность России, казалось сумасбродством или не осмысленным хвастовством.

Ибо, к изумлению, и сожалению, были русские люди, которые в то время единственное спасение полагали в малодушных уступках, в бесславии, в позоре, в самоуничтожении России. Таких людей особенно много было в Петербурге. Поэтому святитель московский Филарет от 25 февраля 1863 года писал: «Горьки, если верны, польские вести. И едва ли все верно видят из Петербурга. Господь сил да услышит смиренные души, вопиющие к Нему».¹⁵¹³

Какие же это «смиренные души, вопиющие к Господу?» В то время, как в Петербурге, в правящих и интеллигентных сферах, все еще полно было того безотрадного настроения, которое мы только что изобразили сейчас,¹⁵¹⁴ в темных народных массах со всею силою возбудился никогда не умиравший в них патриотизм и выразился, в простоте и смирении сердца, тихою молитвою. Тысячи простых русских людей собирались в храмы молиться за упокой русских солдат, убитых поляками, сделавшихся подлинно жертвами польской злобы и нашего правительственного бездействия и малодушия, а равно и павших в правильных, но все еще нерешительных сражениях с польскими мятежниками, и просить Бога о ниспослании победы русскому воинству. И эти тысячи собирались в то время, когда наши враги с торжеством свидетельствовали о недостатке патриотического духа в нашем обществе и указывали на признаки разложения России.

Не много прошло времени с тех пор, как в Московских церквах возносились смиренные вопли молитвы фабричных и

вообще простых русских людей о России, и вот у самого подножия престола слышались громкие и мужественные голоса истинно русских передовых людей. Со всех сторон понеслись в Петербург к подножию престола адреса и заявления с выражением патриотических чувств, с просьбою достойно покарать мятежников и с негодованием отвергнуть несправедливые требования предъявивших ноты держав, причем выражалась и готовность жертвовать всем для борьбы с внутренними и внешними врагами. «Да узнают враги России, говорилось, например, в одном из этих адресов, что, жив еще в нас могучий дух предков, коим создано государственное единство нашего любезного отечества».¹⁵¹⁵ Естественно было ожидать адреса и от духовенства, и мысль о том была уже высказываема, хотя, и отклонена такими мудрыми архипастырями, как святитель Московский Филарет. На основании соображений весьма веских. «Вопрос, писал в конце апреля 1863 года святитель Московский, не должно ли и духовенство изъявить государю императору чувствования, возбуждаемые в сердцах верноподданных настоящими обстоятельствами отечества, но болезнь не допустила меня сделать сие благовременно. И думаю, что это был бы шаг весьма сомнительный. Не видно сего со стороны духовенства в таких государствах, в которых оно более сближено с политикою, и где адреса народа или сословий давно обычны. Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не соступя с поприща духовного. Но вступивши на сей путь однажды, окажется некоторая необходимость продолжать идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 годов Святейший Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом, а потом с антихристом заключил мир. Адрес Святейшего Синода был бы выступ из ряда, потому что и Государственный Совет, и Сенат не пишут адресов, что касается до меня, я сказал мое маленькое слово, когда государь император и государыня императрица удостоили приветствовать меня чрез телеграмму, и я отвечал всеподданнейшим письмом».¹⁵¹⁶

Здесь разумеется телеграмма, которою царь и царица из Петербурга приветствовали святителя Филарета в день Святой Пасхи и на которую святитель ответил от 2 апреля всеподданнейшим письмом, не даром помещенным в числе проповедей нашего вития. В этом письме святитель-вития, ответив на приветствие пасхальное пасхальным же приветствием, добавляет следующие знаменательные, относящиеся к польскому восстанию, слова: «Крестные страдания и смерть Христа Спасителя есть брань против зла, Его воскресение – победа над злом. Всесильный и всещедрый Победитель зла, источник жизни и блага, своею благодатною силою, вашу правду и благодать да сохраняет всегда торжествующею, а языком шатающимся и помышляющим тщетная да посмеется Живый на небесах. Смиренно молимся о сем со всею всецелою Россией». ¹⁵¹⁷

Но и в это время дело было еще все в нерешительном положении, чем и объясняется величайшая осторожность выражений святителя в сейчас приведенном всеподданнейшем письме. По отклонении мысли об адресе от Святейшего Синода или духовенства, высказываема была мысль о составлении особенной молитвы по случаю современного положения вещей в западной окраине России. «Очень нужна молитва, отвечал на эту мысль святитель Московский, сам заключивший молитвою свое всеподданнейшее письмо от 2 апреля, но теперь Святейший Синод, думаю, затруднится предписать особенную молитву. Без согласия государя императора на сие не решатся, а согласие получить теперь сомнительно. Положение дел еще не определилось. Люди, близкие к верховному правительству, говорят, что в нынешнем году до войны не дойдет. Впрочем, надобно о сем подумать внимательно». ¹⁵¹⁸

Это писано было 2 мая. Но в это время правительство уже начало занимать достойное России положение по вопросу о Польше, решилось наконец поступить не так, как хотели заставить его поступить, а как нужно было поступить в её собственных истинных интересах. Россия наконец оперлась в польском вопросе на собственные свои силы, доверилась своему собственному чувству и смыслу. Державы,

обращавшиеся к России со своими высокомерными и оскорбительными требованиями и запросами, получили исполненный достоинства ответ в нотах государственного канцлера князя А. М. Горчакова.¹⁵¹⁹ Наместником в Варшаву назначен был граф Берг, а генерал-губернатором Западного Края (в Вильну) – генерал-адъютант (впоследствии граф) М. Н. Муравьев, и дела приняли решительный характер, в видах подавления мятежа.

Зная особенно хорошо М. Н. Муравьева, ближе всего благодаря брату последнего, А. Н. Муравьеву, святитель Филарет приветствовал его назначение в Западный Край следующими словами письма от 17 мая 1863 года: «Было слышно и видно, что много деятельная государственная служба вашего высокопревосходительства¹⁵²⁰ потребовала, наконец, облегчения, дабы часть должностного труда была заменена долею покоя. Но как царское слово вас вызвало на защиту и умиротворение отечества, вы забыли потребность облегчения и покоя, не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крепких сил и неутомимой деятельности, нашли новую силу в любви к царю и отечеству. Верные сыны царя и отечества узнали о сем с радостью и надеждою.¹⁵²¹ Ваше назначение есть уже поражение врагов отечества. Ваше имя – победа.¹⁵²² Господь сил да совершит вами дело правды – и дело мира. Да пошлет тезоименного вам небесного архистратига; да идет пред вами с мечем огненным, и да покрывает вас щитом небесным. С сими мыслями и желаниями препровождаю вам вместе с сим в благословение икону святого архистратига Михаила».¹⁵²³

И за тем, когда, в самый разгар мятежа и подавления последнего, государь император в августе посетил свою первопрестольную столицу, святитель Филарет уже более дерзновенно встретил его 8 августа в Успенском соборе следующей речью: «Благочестивейший государь! Пред лицом Бога мира (Евр.13:20) тебя приветствуя, по долгу и по сердцу, призываем свыше мир твоему духу, озабоченному царственными попечениями, твоему дому и твоему царству. Но Бог мира именует Себя также *Богом воинств* и Богом народа, усвоенного Ему верою. Мир твоего народа нарушен

нестроениями, происходящими на одном из пределов твоего великого царства, в малом народе, который уже не однажды был осужден за его нестроения, который существует в качестве царства только по милости твоих предшественников, и который за твои умноженные к нему милости воздает неблагодарностью, мятежом, крамолами. И, что всего неожиданнее, из некоторых стран, даже не сопредельных нам, слышится голос, будто для их спокойствия это гнездо беспокойств надобно укрепить и расширить. Оскорблена твоя правда и благость! Оскорблено достоинство России! Любовь к отечеству, верность престолу могут ли при сем быть равнодушны? И потому дух сынов России воздвигается и отовсюду призывает к тебе, представляя готовность всего народа на защиту правды. Дух сынов веры воздвигается и призывает к Богу православной России, к Богу правды, *да изведет, яко свет, правду Твою и России, и судьбу Твою с нею, яко полудне (Пс.36:6)*, да вопреки зло-художникам правды, *вновь благословит люди своя миром (Пс.28:11)*; а если его будут оспаривать, *о Бозе да сотворим ему, и Той уничтожить стужающая нам (Пс.59:14)*». ¹⁵²⁴

В таком же смысле и в конце 1863 г., когда государь император и его августейшая супруга удостоили митрополиту Филарету, в день ангела его (1 декабря), прислать приветствие, Филарет, отвечая на это приветствие, между прочим, выражал молитвенное благожелание, «чтобы Россия пребывала крепка православною верою и верностью, обновилась миром и правдою, побеждающею над сопротивными, на веки благоустроена, согласно с началами истинной веры и благочестия». ¹⁵²⁵ И даже в 1864 году, отвечая на пасхальное телеграфическое приветствие царя и царицы, святитель Филарет от 20 апреля в письме к государю императору выражал молитвенное же благожелание, чтобы Господь «укрепил и умиротворил сие Его царство (т.е. Русскую православную Церковь) в сии не мирные дни, когда так многие *шатаясь язвы, и людие поучишася тщетным*». ¹⁵²⁶

В это время польский мятеж был уже прекращен, и только некоторые искры его еще тлели и по временам вспыхивали под пеплом. По сему-то, когда в августе этого 1864 года государь

император опять посетил Москву и 16 августа вступил в Успенский собор, святитель Филарет встретил его речью, в которой на усмирение восставших поляков указывал уже как на оконченное дело, говоря: «В предшествовавшее настоящему посещение твое,¹⁵²⁷ приветствуя тебя здесь, мы желали твоей державе мира и – победы, если потребуется брань.¹⁵²⁸ При помощи Божией, ты сохранял мир, и в мире одержал победу над сильными противниками, которые повели было войну, хотя, не мечем, но словом и письменами, вызывающими меч. Остры и многочисленны были стрелы, но не пробили твоего щита, ибо твоим щитом была твердость в правде.¹⁵²⁹ Потом, верностью и мужеством твоего народа, ты низложил в землю и на нашей земле возникшую брань от людей, недостойных чести называться врагами, потому что они воевали крамолами и злодеяниями».¹⁵³⁰

Ругаясь над всем русским, поляки ругались и над святынею Русской православной церкви. Из примеров такого поругания, которых касался митрополит Филарет, можно указать на древнюю плащаницу, принадлежавшую некогда Московскому Новодевичьему монастырю и возвращенную последнему М. Н. Муравьевым в сентябре 1864 года. По этому поводу святитель Филарет, чрез которого шла пересылка плащаницы, от 21 сентября означенного года писал М. Н. Муравьеву: «Приветствовав прежде в лице вашем подвижника царственной правды и народности Русской, имею долг еще приветствовать вас, как сподвижника православия, в стране, где оно некогда господствовало, потом долго, и вновь недавно, страдало, и где вы поднимаете из земли его древнюю погребенную славу. Господь да продолжит сохранять вашу крепость, вашу деятельность, и умножать плоды её. Древняя плащаница, вашею настоятельною ревностью открытая, из рук похитителей и поругателей возвращенная и назначаемая в Московский Новодевичий монастырь, как место её происхождения, и составленный о ней акт мною получены. Как бывшая в неблагоговейных руках, она должна быть вновь освящена; и потом с подобающим молитвенным чином препровождена в церковь Новодевичьего монастыря. Но сие могу исполнить

только через некоторое время, будучи призываем теперь необходимою должностною обязанностью на некоторое время в Сергиеву Лавру».¹⁵³¹

И действительно, лишь после праздника преподобного Сергия 25 сентября, именно 11 октября того же 1864 года, митрополит Филарет освятил возвращенную плащаницу в Московском Успенском Соборе, при чем произнес следующую, составленную им же самим, молитву: «Боже Отче Вседержителю, благоволивый Единородному Сыну Твоему от пресвятые Приснодевы Марии в естество человеческое облещися и, яко овцу на жертвеннице, на кресте Себе Самого в жертву за спасение наше принести, по смерти же крестней и погребение, с повитием плащаницею, прияти, и, в третий день воскресшу, погребальную плащаницу во свидетельство живоносного Своего воскресения во гробе оставить, призри благодатно на сию плащаницу, образ погребения Его носящую, древле освященную, но прикосновением неблагоговейных оскорбленную, и паки освяти ю, яко да взирающие на ню, и покланяющиеся пред нею спасительная страдания и смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа благоговейне воспоминают, и в вере и любви Божественной и во уповании на благодать и спасение Твое утверждаются. Яко Ты еси Источник освящения и благодати, и Тебе славу воссылаем безначальному Отцу со Единородным Твоим Сыном и Единосушным Твоим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».¹⁵³²

Уступленный Россией Китаю еще в 1689 году Амурский край, благодаря энергической деятельности Муравьева, был возвращен России в царствование государя императора Александра II, именно в 1858 году, по Айгунскому трактату 16 мая сего года.¹⁵³³ Вместе с возвращением его России, он стал заселяться жителями, переходившими туда из средней России, в нем построены города: Николаевск, Благовещенск и другие, со введением гражданственности в крае, и церковная жизнь православного христианства в нем не только получила чрез то подкрепление, но и значительно усилилась, оживилась деятельность православных миссий в крае и простерлась

далее, особенно по распространении пределов русского владычества по побережью Японского моря до Кореи. Миссионерская деятельность эта простиралась и на сопредельные с означенным краем русские владения в Америке, а главным двигателем этой деятельности был архиепископ Камчатский Иннокентий (Вениаминов), муж по истине апостольский, которому суждено было потом стать преемником святителя Филарета на Московской митрополичьей кафедре.¹⁵³⁴

В этом смысле святитель Филарет еще в 1858 году, когда государь император, посетив Москву, вступил в Успенский собор 26 августа, произнес пред ним речь, в которой между прочим, говорил ему: «Отвне – продолжаешь охранять мир; и в особенности обновляешь мир на Дальнем Востоке; открываешь мирный путь истине Христовой к *людям, сидящим во тьме* язычества: поставляешь новый, твердый, широкий предел твоего царства на берегах и на водах Амура и, к удивлению, чего другие державы домогались оружием, того предваряя их, достигает твое мирное слово».¹⁵³⁵

В том же смысле, когда в 1867 году Российские владения в Америке проданы были Северо-Американским Соединенным Штатам, святитель Филарет, в письме к А. Н. Муравьеву от 3 апреля 1867 года, восклицал: «Что будет с апостольскими трудами преосвященного Иннокентия в Америке? Вопрос горький!»¹⁵³⁶

Но самые большие завоевания за рассматриваемое время совершены были Россией в Средней Азии. Еще в 1853 году беспокойство на границах Европейской России с теми владениями, которые некогда принадлежали грозным полчищам татарской Золотой Орды, повело к войне с Коканом. которая окончилась со стороны России взятием крепости Ак-Мечети, переименованной в форт Перовский. Решено было выставить линию укреплений, которые тянулись бы, с одной стороны, от Оренбургского, а с другой – от Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Для этого в 1864 году были отправлены два отряда: из Западной Сибири – под начальством генерала Черняева, а из Оренбургского края – под начальством генерала

Веревкина. Генерал Черняев взял Коканскую крепость Аульста, а генерал Веревкин – город Туркестан. Враждебные действия Коканского хана, однако же, продолжались и заставили наши войска продолжать наступление, не смотря на нежелание России переносить войну в глубь Азии; ибо в Ташкенте, этом многолюдном торговом городе, который для Коканских войск, предводимых непримиримым врагом России, правителем Кокана (по смерти Алимкура) Садык Кенисарином, служил опорным пунктом для вторжения в наши владения, была партия, расположенная, в виду бездействия русских войск, призвать бухарцев на помощь против коканцев. Принимая во внимание опасность дальнейшего успеха этой партии, генерал Черняев и счел нужным сделать дальнейший шаг в наступлении, скоро увенчавшийся блестящим успехом. От 18 июня 1865 года Черняев донес в Петербург, что в ночь с 15 на 16 июня Ташкент взят штурмом. Тогда эмир Бухарский, подстрекаемый турецкими и английскими агентами, весьма сильно не желавшими (как и доселе не желающими) распространения владений России в глубину Азии, выступил против наших войск. Но это были уже далеко не те непобедимые полчища татарские, которые наводняли Русь в XII–XV веках и поработали ее. Главные силы эмира Бухарского были разбиты генералом Романовским при Иджаре; затем взяты были важные крепости: Ходжент, Ура-Тюбе и другие, и, наконец, победоносное российское воинство овладело самой столицею древней Золотой Орды – Самаркандом.

Приобретения России в Средней Азии были так велики и обширны (после кончины святителя Филарета они еще более увеличились и расширились), что для удобства управления ими и в видах наилучшей обороны их уже в 1867 году было образовано из них особое генерал-губернаторство Туркестанское. Так как завоевания России в Средней Азии не были еще закончены при жизни святителя Филарета,¹⁵³⁷ который к тому же с 1862 года, как мы замечали раньше, все меньше и меньше проповедовал с церковной кафедры, то в слове проповеди святитель-вита не считал удобным прямо указывать на эти завоевания. Тем не менее, он при всяком

подходящем случае намекал на них, часто упоминая о том, как много возшаташася языцы и людие поучишася тщетным»,¹⁵³⁸ молясь Господу о том, что бы Он благословил «царскую силу» государя императора «и за пределами отечества, к ограждению спокойствия» последнего¹⁵³⁹ и т.п., а в августе 1865 года, отвечая на рескрипт государя императора и имея в виду близость дня тезоименитства Его Величества (30 августа – память св. благоверного князя Александра Невского), не даром указывал на отношение св. Александра Невского к «неверному властителю» во времена татарские и на победы сего святого благоверного князя, как на прообраз судеб царствования императора Александра II.¹⁵⁴⁰ Старец-вития провидел славу российского оружия и утверждение могущества России в глубине Азии, как провидел её славу и среди славян Балканского полуострова, не оставив то и другое обстоятельство без указаний, хотя, и осторожных, в своем слове проповеди.

3. Внутреннее состояние России. События внутри её

Государь император Николай Павлович, умирая, сказал своему преемнику: «Трудно тебе будет».¹⁵⁴¹ И эти слова самодержавного властителя миллионов относились не только к обстоятельствам Крымской войны, во время которой пришлось начать царствование государю императору Александру Николаевичу, но и к внутренней политике, в которой зоркий взгляд в Бозе почившего императора Николая уже усматривал элементы, дававшие полное основание к предположению величайших затруднений для борьбы с ними, особенно в виду общего личного характера кротости и благостности, каким отличался новый государь император.¹⁵⁴²

Но как во внешней политике государь император Александр Николаевич вышел победителем из всех затруднений и не уменьшил, а расширил свое царство со стороны тех пределов, в каких принял его от своего августейшего родителя, как то мы видели выше, так и в политике внутренней, не смотря на множество затруднений со стороны врагов и крамолы, Русь в его царствование сильно подвинулась вперед и в ширину, и в глубину, и в высоту на поприще преуспевания гражданского в различных отношениях.

*Когда в разрыве бурных туч,
За пролетевшим ураганом,
Блеснет внезапно солнца луч,
Но залитым водой полянам,
По бурей взломанным лесам,
А вокруг, по суше и морям,
Гремят раскаты громовые.
И тучи новые кругом,
Такой явилася Россия
Пред молодым своим царем.
И он, еще сжимая руку
Похолодевшую отца,
Взглянул кругом – какую муку
Тут испытать он, без конца*

*Казались беды и напасти
Но в Бога и народ свой он
Великой верой укреплен,
Покорно принял бремя власти.¹⁵⁴³*

И не только покорно принял, но и с любовью понес и вынес это бремя на подобающую высоту, хотя, сам и пал жертвою крамолы. К счастью, святитель Московский Филарет, царелюбивая душа которого не вынесла бы падения этой священной жертвы,¹⁵⁴⁴ не дожил до сего конечного дела крамолы, хотя, и видел и провидел её действия, скорбя о них своею великою душою из любви к отечеству. Любовь же к отечеству побуждала святителя зорко следить за внутреннею политикою России и принимать в ней или по собственному почину, или по вызову правительства и побуждению частных лиц, то или другое участие и касаться её в слове проповеди.

Много деяний внутренней политики ознаменовало собою царствование Александра II, которое в этом отношении по преимуществу есть время преобразований и реформ разного рода. Но главнейшим делом этого царствования с рассматриваемой стороны, так же как и славнейшим, является освобождение крестьян от крепостной зависимости. Оно же есть и первое по времени из важнейших дел внутренней политики царствования, повлекшее за собою, в силу естественной и логической необходимости, все другие преобразования, большинству коих начало положено еще при жизни святителя Филарета.

Закрепощение крестьян за помещиками, еще в исходе XVI века, совершенное правительством русским, в видах прекращения бродяжничества первых, составлявшего великое зло в древней Руси, мало-по-малу, вследствие различных обстоятельств и условий, стало принимать все более и более не нормальный характер, упроченный отчасти силою закона, а отчасти силою обычая. Земля, на которой жили крестьяне, закрепощенные таким образом, составляла собственность помещиков, а за пользование этой землей и за попечение помещиков о благосостоянии крестьян, последние отбывали помещикам так называемую «барщину» т.е. в известные дни

недели отдавали землевладельцам безвозмездно свой труд обработки их полей, давали подводы для их потребностей, доставляли в барскую вотчину всякие продукты также безвозмездно и т.д.

Кроме такого права на труд и имущество крестьян, помещик имел власть распоряжаться и личностью их, он мог запретить вступление в брак тому или другому из них, подвергать их какому угодно наказанию, отдавать в солдаты и т.д. Злоупотребления этим, имевшим для себя основания не столько в законе, сколько в обычае и произволе помещиков, правом доходили иногда до того, что на крестьян смотрели как на вещь, променивали их на более или менее ценные вещи, проигрывали в карты и т.п.

Такую ненормальность положения дела правительство русское стало замечать уже издавна и со времени императора Павла Петровича начало употреблять меры к облегчению участи крестьян. Особенно близко было это дело сердцу императора Николая Павловича. Это было заветною мыслью его. Польский мятеж 1830 помешал обнародованию приготовленного уже манифеста о раскрепощении помещичьих крестьян. Необходимость противодействия революционным движениям, начавшимся с 1846 года, остановила правительственные работы, относившиеся к этому предмету и возобновленные с наступлением спокойствия, после Венгерской компании, но опять Крымская война задержала их. «Три раза начинал я это дело, говорил государь император Николай Павлович графу Киселеву в 1854 году, и три раза не мог продолжать, видно, это перст Божий!»¹⁵⁴⁵

Покойный князь Васильчиков (А. И.) неоднократно и многим говаривал, что отцу его, бывшему председателем Государственного Совета, приходилось сдерживать нетерпеливость государя в разработке этого дела. Даже в январе 1855 года, незадолго до кончины своей, император Николай Павлович, в беседе с другим председателем Государственного Совета, графом Блудовым, высказывался, что не желал бы умереть, не окончив великого начинания, но что он отнюдь не допустит увольнения крестьян без земли. «Это для

блага помещиков», добавлял он: «потому что я знаю простой народ и его склонность к бродяжничеству: помещики останутся без рабочих». ¹⁵⁴⁶

Таким образом, честь серьезного почина в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости должна быть приписываема царствованию Николая Павловича. Но несомненно, что только царствованию его сына и преемника Перст Божий указал довершить или, лучше сказать, прямо совершить это великое дело. Замечательное дело! Есть основательные известия, идущие от лиц, близко стоявших и к делу и к престолу, что государь император Александр Николаевич, в бытность свою наследником престола, был против освобождения крестьян; ¹⁵⁴⁷ но получив от августейшего родителя своего, как один из заветов предсмертной воли его. заботу о сем деле, он, вступив на престол, сделался самым горячим приверженцем и самым могучим двигателем его, с заключения мира после Крымской войны в 1856 года, объявляя о нем во всеуслышание и с самого начала 1857 года деятельно приступив к предварительным работам по осуществлению этого дела.

В марте 1859 года, когда представлены были государю императору члены редакционных комиссий по крестьянскому делу, государь император сказал им: «Я желаю только блага России. Вы призваны, господа, совершить большой труд. Я буду уметь оценить его. Это дело щекотливое. Я знаю: мой выбор пал на вас, обо всех вас я слышал от вашего председателя, ¹⁵⁴⁸ и он мне всех рекомендовал. Я уверен, что вы любите Россию, как я ее люблю, и надеюсь, что исполните все добросовестно и оправдаете мое к вам доверие. Я надеюсь, что с вами мы приведем это дело к благополучному окончанию. Да поможет вам Бог в этой трудной работе, а я вас не забуду». ¹⁵⁴⁹

Подобную же речь сказал государь император и в августе того же 1859 года, когда, по высочайшему повелению, вызваны были в Петербург и представлены государю депутаты от губернских комитетов по крестьянскому же делу. 10 октября 1860 года труды редакционных комиссий внесены были в учрежденный 8 января 1858 года, под председательством

самого государя императора и под его непосредственным ведением главный комитет по тому же делу, образованный из высших государственных сановников. Комитеты имели сорок пять заседаний; последнее заседание состоялось 14 января 1861 года. В конце января того же года все дело поступило в государственный совет. Января 28 в общем собрании государственного совета, под личным председательством государя императора, приступлено было к окончательному рассмотрению выработанных комитетами и комиссиями проектов и положений по освобождению крестьян.

Государь император открыл собрание следующими, раскрывающими всю историю и сущность дела, незабвенными словами: «Дело об освобождении крестьян, которое поступило на рассмотрение Государственного Совета, по важности своей, я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие её силы и могущества. Я уверен, что вы все, господа, столько же убеждены, как и я, в пользе и необходимости этой меры. У меня есть еще и другое убеждение, а именно, что откладывать этого дела нельзя; почему я требую от Государственного Совета, чтоб оно было им кончено в первую половину февраля и могло быть объявлено к началу полевых работ; возлагаю это на прямую обязанность председательствующего в Государственном Совете. Повторяю, и это моя неперемнная воля, чтобы дело это теперь же было кончено. Вот уже четыре года, как оно длится и возбуждает различные опасения и ожидания, как в помещиках, так и в крестьянах. Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и уверен, что и вы все также радуетесь тому доверию и спокойствию, какое выказал наш добрый народ в этом деле, хотя, опасения дворянства до некоторой степени понятны, ибо они касаются до самых близких и материальных интересов каждого; при всем том я не забываю и не забуду, что приступ к делу сделан был по вызову самого дворянства,¹⁵⁵⁰ и я счастлив, что мне суждено свидетельствовать об этом пред потомством. При личных моих разговорах с губернскими предводителями дворянства и во время путешествий моих по

России, при приеме дворян, я не скрывал моего образа мыслей и взгляда на занимающий всех нас вопрос и говорил везде, что это преобразование не может совершиться без некоторых жертвований с их стороны, и, что все старание мое заключается в том, чтобы жертвования эти были сколь возможно менее обременительны и тягостны для дворянства. Я надеюсь, господа, что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный Совет, вы убедитесь, что все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, сделано, если же вы найдете нужным в чем-либо изменить или добавить представленную работу, то я готов принять ваши замечания, но прошу только не забывать, что основанием всего дела должно быть улучшение быта крестьян и улучшение не на словах только и не на бумаге, а на самом деле. Прежде чем приступить к подробному рассмотрению самого проекта, хочу изложить вкратце исторический ход этого дела.¹⁵⁵¹ Вам известно происхождение крепостного права. Оно у вас прежде не существовало, право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля. Предшественники мои чувствовали все зло крепостного права и постоянно стремились если не к прямому его уничтожению, то к постепенному ограничению произвола помещичьей власти. С этою целью при императоре Павле был издан закон о трёхдневной барщине; при императоре Александре I в 1803 году – закон о свободных хлебопашцах; а при родителе моем в 1842 году указ об обязанных крестьянах. Оба последние закона были основаны на добровольных соглашениях, но, к сожалению, не имели успеха. Свободных хлебопашцев всего не много более 100 тысяч, а обязанных крестьян и того менее.

Многие из вас, бывшие членами Совета при рассмотрении закона об обязанных поселянах, вероятно, припомнят те суждения, которые происходили в присутствии самого государя. Мысль была благая, и если бы исполнение закона не было обставлено, может быть и с умыслом, такими формами, которые останавливали его действие, то введение в исполнение этого закона тогда же во многом облегчило бы настоящее

преобразование. Покойный мой родитель постоянно был занят мыслью об освобождении крестьян. Я, вполне ей сочувствуя, еще в 1856 году, пред коронацией, быв в Москве, обратил внимание предводителей дворянства Московской губернии на необходимость заняться улучшением быта крепостных крестьян, присовокупив к тому, что крепостное право не может вечно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразование это совершилось сверху чем снизу.¹⁵⁵² Вскоре после того, в начале 1857 года, я учредил, под личным моим председательством, особый комитет, которому поручил заняться принятием мер к постепенному освобождению крестьян. В конце того же 1857 года поступило прошение от трех Литовских губерний, просивших дозволения приступить прямо к освобождению крестьян. Я принял это прошение, разумеется, с радостью и отвечал рескриптом 20 ноября 1857 года на имя генерал-губернатора Назимова.¹⁵⁵³ В этом рескрипте указаны главные начала, на коих должно совершиться преобразование, эти главные начала должны и теперь служить основанием ваших рассуждений.¹⁵⁵⁴ Мы желали, давая личную свободу крестьянам и признавая землю собственностью помещиков, не сделать из крестьян людей бездомных и потому вредных как для помещика, так и для государства.¹⁵⁵⁵

Эта мысль служила основанием работ, представленных теперь государственному совету главным комитетом. Мы хотели избежать того, что происходило за границей, где преобразование совершалось почти везде насильственным образом, пример этому, весьма дурной, мы видели в Австрии, и именно в Галиции,¹⁵⁵⁶ безземельное освобождение крестьян в Остзейских губерниях сделало из тамошних крестьян население весьма жалкое, и только теперь, после сорока лет, нам едва удалось улучшить их быт, определив правильные отношения их к помещикам. То же было и в царстве Польском, где свобода была дана Наполеоном без определения поземельных отношений и где безземельное освобождение крестьян имело последствием, что власть помещиков сделалась для крестьян тяжелее, чем прежнее крепостное право. Это вынудило покойного родителя моего издать в 1846 году особые правила

для определения отношений крестьян к помещикам и в царстве Польском.¹⁵⁵⁷

Вслед за рескриптом, данным генерал-губернатору Назимову, начали поступать просьбы от дворянства других губерний, которым были даны ответы рескриптами на имя генерал-губернаторов и губернаторов, подобного же содержания с первым. В этих рескриптах заключались те же главные начала и основания и разрешалось приступить к делу на тех же указанных мною началах. Вследствие того были учреждены губернские комитеты, которым, для облегчения их работ, была дана особая программа. Когда, после данного на то срока, работы комитетов начали поступать сюда, я разрешил составить особые Редакционные Комиссии, которые должны были рассмотреть проекты губернских комитетов и сделать общую работу в систематическом порядке.

Председателем этих комиссий был сначала генерал-адъютант Ростовцев, а по кончине его¹⁵⁵⁸ и граф Панин.¹⁵⁵⁹ Редакционные комиссии трудились в продолжение года и семи месяцев и, несмотря на все нарекания, может быть отчасти и справедливые, которым комиссии подвергались, они окончили свою работу добросовестно и представили ее в Главный Комитет. Главный Комитет, под председательством моего брата,¹⁵⁶⁰ трудился с неутомимою деятельностью и усердием. Я считаю обязанностью благодарить всех членов комитета, а брата моего в особенности, за их добросовестные труды в этом деле. Взгляды на представленную работу могут быть различны. Потому все различные мнения я выслушиваю охотно, но я в праве требовать от вас одного, чтобы вы, отложив все личные интересы, действовали как государственные сановники, облеченные моим доверием. Приступая к этому важному делу, я не скрывал от себя всех тех затруднений, которые нас ожидали, и не скрываю их и теперь, но, твердо уповая на милость Божию и уверенный в святости этого дела, я надеюсь, что Бог нас не оставит и благословит нас кончить его для будущего благоденствия любезного нам отечества. Теперь с Божией помощью приступим к самому делу».¹⁵⁶¹

Государственный Совет, не смотря на не сочувствие многих членов его делу освобождения крестьян или, но крайней мере, скорому введению его в жизнь русского народа, во исполнение высочайшей воли Самодержца Русского, быстро рассмотрел дело и провел его в законодательном порядке, так, что к 19 февраля 1861 года, ко дню восшествия на престол Царя-Освободителя, был готов и Высочайший манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, для всенародного объявления его. Объявление этого манифеста по всем городам и селениям обширнейшей в свете Российской Империи совершилось постепенно в феврале и марте, захватив и следующий месяц, но, согласно высочайшему изволению, не позже начала полевых работ. Известный военный деятель времен императоров Александра I, Николая I и Александра II, имевший небольшое поместье в Малороссии, граф П. Х. Граббе († 1875) в своем дневнике от 20 марта 1861 года, находясь в то время в имении, записал следующие слова: «Наконец, получен сегодня утром манифест 19 февраля об освобождении крестьян из крепостного состояния. Великий для России день! Он останется в благодарной памяти народа на столетия и будет, вероятно, праздноваться 19 февраля ежегодно, во всяком случае, если бы даже при исполнении случились некоторые смуты, они впоследствии забудутся, а все полезное, благотворное останется».¹⁵⁶²

Действительно, ликование, особенно в простом народе, по случаю объявления манифеста, было чрезвычайное и неопишное. Народ в благоговении выслушивал слова манифеста, многие плакали от умиления при чтении его, просили повторять слова его для усвоения их памятью, слагали песни в честь великого события и т.д. Замечено было и то, что в день объявления манифеста народ простой не предавался пьянству или каким-либо другим грубым изъяснениям своей радости, как того можно было бы ожидать, но тихо и скромно радовался и молитвою за Царя-Освободителя освящал день этот. Равным образом лишь некоторые недоразумения в поземельных отношениях между крестьянами и помещиками вызывали и после объявления манифеста по местам вспышки

смут; в общем же новые положения о крестьянах приняты были спокойно, хотя, конечно, нельзя не сказать, что вследствие различного рода недоразумений и вследствие малоразвитости своей, народ чаще всего недопонимал настоящее значение великого события; в понятии воли или свободы, как он называл свое освобождение от крепостной зависимости, больше выдвигал на вид значение прав своих, нежели соединенных с правами религиозных, нравственных и гражданских обязанностей. А тут как раз и являлись нередко среди его люди, радевшие не столько о благе народа, хотя, и выставявшие на вид это благо, сколько о проведении в силу своих злокозненных мыслей, клонившихся к разрушению существующего порядка управления, которые раздували пламя неприязненных отношений крестьян к помещикам и к властям из дворян, внушали народу мысли о свободе иного рода, о полной разнузданности и т.п.¹⁵⁶³

Все это и подобное, в деле освобождения крестьян, на ряду с добрыми сторонами дела, представляло и печальные его стороны, естественно озабочивавшие и любвеобильное сердце Царя-Освободителя и умы и сердца истинных слуг Царя и сынов Отечества. К числу последних не сомнительно принадлежал и святитель Московский Филарет, живо следивший за всем ходом дела освобождения крестьян, зорко усматривавший, на ряду с хорошими, и дурные стороны его, многое предвидевший даже и впереди в нем, чего другие не усматривали и не предвидели, и отзывавшийся на все это по долгу совести, как архиерей Божий.

Есть мнение, будто митрополит Филарет имел и выражал полное не сочувствие делу освобождения крестьян от крепостной зависимости.¹⁵⁶⁴ Это несправедливо. Нет сомнения, что он, как человек старинного склада мыслей и убеждений, а главное как человек в высшей степени осторожный и предусмотрительный, далеко видевший предметы и в ширину, и в высоту, и в глубину, не мог сочувственно относиться к той, часто недогадливой, поспешности в разработке подробностей вопроса о деле, с какою велось это дело в ту пору лихорадочной деятельности по разрешению этого вопроса, при

чем нередко выходило, что деятели и мало оглядывались назад, и плохо видели вперед, и смутно представляли самое существо дела в его подробностях, и односторонне понимали практическое применение его и т.д.

Кроме того, как лицо духовного сана, он считал это дело и не столь близким к себе по принадлежности обсуждения и осуществления его, и часто только по настоятельным требованиям других произносил о нем суждения и отзывы свои. Этим-то и объясняется тон многих его мыслей и суждений по этому делу, из коих мы приведем лишь не многие.

Еще от 12 февраля 1857 года, когда только что начал свои действия особый Комитет по делу освобождения крестьян, святитель Филарет писал наместнику Лавры Антонию: «Вы слышали, что по делу об освобождении помещиками добровольно крестьян, о какой-то приказной формальности, о которой довольно было бы предписания министра исполнителям, опубликован указ, который в Петербурге с усилием покупали в Сенатской типографии, и от сего произошли толки и неурядицы. Теперь думают, что будет новый указ, который поправит ошибочное впечатление. Но как не заметили сего ранее, после бывших уже опытов? Это не единственный пример».¹⁵⁶⁵

Затем, от 26 ноября того же 1857 года, когда известный рескрипт на имя Назимова уже был издан, но еще не до всех мест дошел, святитель Филарет писал тому же лицу: «Приезжающие из Петербурга сказывают, что там сильный говор об изменении положения крестьян. И дважды мне сказывали, но не знаю, из какого источника почерпнули сведение, что преподобный Сергей явился Государю императору, и дал наставление не делать сего. Господь да сохранит сердце царево в руке Своей, и да устроит благое и полезное».¹⁵⁶⁶ И в письме от 3 января следующего 1858 года, когда мысли царя-освободителя были уже гласными и для всех несомнительными, митрополит Филарет, в противоположность худому примеру Австрии, говорит о России: «у нас, кажется, могло бы лучше быть, если бы добрые помещики хорошо растолковали дело крестьянам, и постановили с ними обдуманное соглашение.

Один помещик призвал старшин своих крестьян, дал им прочитать, что предложено от правительства; и, хотя, первое слово их было: лучше по-старому, но видя необходимость, они стали рассуждать о соглашении. Помещик предложил им усадьбы не с выкупом, а в дар; потом назначил сколько им дает земли для обрабатывания, с какою платою за десятину, а находящуюся у него помещичью запашку вызвался обрабатывать наймом, и они, соглашаясь на прочем, о последней статье сказали: нет, барин, разоришься, наем вольных людей будет дорог; и скажи, чтобы мы сию долю обрабатывали тебе как прежде, это нам не тяжело. Так, продолжая соглашение, они составили правила, в которых взяли предосторожности и против расстройства от своеволия. Если бы так вошли в дело лучшие, и у худших оно могло бы устроиться с меньшим опасением вреда. Но многие ли поймут, и постараются?»¹⁵⁶⁷

Около того же времени, по поводу предложенной со стороны мысли – написать в Петербург и о крестьянском деле кому следует, для лучшего направления сего дела, святитель Московский писал: «Дела крестьян касаться я и не думал. И не мое дело, и трудно представить, что можно было бы благонадежно сделать, когда дело получило ход, возвратиться неудобно, призванные действователи не видят, что делать, и между ними нет единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставил их на истинное и полезное. Некто говорит, что дворянство не ознакомлено с предложенным ему предметом, и для наставления его хочет издавать журнал. Когда же успеет сие наставление, когда дело уже начато, и должно быть окончено в короткий срок?»¹⁵⁶⁸

По этому же, когда в конце 1858 года еще настоятельнее стали подобные предложения даваться митрополиту Филарету с разных сторон, как лицу весьма авторитетному, он еще настойчивее отклонял от себя обязанность вмешиваться в это дело. «Ко мне пришел один дворянин, писал святитель от 8 декабря означенного года, и предлагает, чтобы я скажи правительству о неудобности принимаемых мер относительно крестьян; потому что дворяне недоумевают, и ничего не делают.

Я отвечал, что это вне круга моих обязанностей, и что это можно было бы предложить только английскому епископу, законно заседающему в высшем государственном присутственном месте. Кажется, так надлежало мне отвечать?»

Поэтому же, наконец, и словом проповеди своей митрополит Филарет до времени старался не касаться крестьянского дела, к тому же еще не разрешенного окончательно, и когда другие духовные лица или хотели говорить, или говорили о нем с церковной кафедры, святитель московский наблюдал ту же осторожность. Так, например, когда в марте 1858 года преосвященный Нижегородский Антоний (Павлинский) обратился к нему за советом: «говорить ли ему речь в комитете (губернском) о крестьянах», митрополит московский промолчал, объясняя свое молчание следующим образом: «иное дело, если бы он спросил о деле, которое надобно решить по правилам церковным или обычаю, более было бы права требовать от меня ответа. Но вопрос о деле случайном, требующем и местных соображений, почему мог я лучше решить, нежели он?»

Равным образом, когда в 1859 году инспектор Тульской духовной семинарии архимандрит Андрей (Поспелов)¹⁵⁶⁹ сказал проповедь также о крестьянском деле, и местный преосвященный Алексей (Ржаницын) прислал ее на просмотр митрополиту Филарету после её произнесения, то Филарет не одобрительно отнесся к такому выбору предмета для проповеди... «Жалею, писал он преосвященному Тульскому от 21 февраля 1859 года, что вы допустили инспектора говорить слово, которое вы мне прислали. Вы, думаю, слыхали в Москве,¹⁵⁷⁰ как я жаловался на проповедников, которые не умеючи берутся за политические предметы, и на то, что иногда, получив такого рода проповедь и не могли допустить ее к произнесению, я бывал принужден писать свою проповедь. Извольте рассмотреть замечания, которые написал я на слово инспектора на особом листе. Вопрос о крестьянах темный, спорный, неразрешенный, не позволяющий еще предвидеть, какое будет решение, таков, что о нем только по необходимой обязанности говорить можно, и то с большою осторожностью.

Сия обязанность никак не возложена на инспектора проповедника. Мы имеем долг наставлениями поддерживать в подданных верность и преданность к благочестивейшему Государю; для сего прилично сказать в проповеди, что он печется о возвышении благосостояния всех сословий, не исключая и низших, но в спорные подробности входить не наше дело, и может случиться, что мы не угадаем мысли правительства, еще не довольно раскрытой; и в таком случае напрасно сойдем с церковной дороги, чтобы на дороге политической оступиться в яму».

И в заключение письма: «возвращаюсь к проповеди инспектора. По моему мнению, печатать ее не должно, и если попросит её предводитель дворянства, то сказать, что, хотя, она писана с добрым намерением изобразить благопопечительность государя императора о благе подданных, но как частью касается предмета, еще находящегося в рассмотрении, и не разрешенного, то рассуждено не предавать ее дальнейшей гласности».¹⁵⁷¹ Сообразно этому и сам святитель Филарет, до окончательного разрешения вопроса о крестьянском деле, лишь стороною касался его, и именно в том его объеме, на какой он указывал в сейчас приведенных словах письма к преосвященному Алексию. Сюда можно относить следующие его проповеди: в день восшествия на престол государя императора 19 февраля 1858 года; в пяток Пасхи и в день рождения государя императора 17 апреля 1859 года и некоторые другие.

Особенно важны в настоящем случае первая из сейчас названных проповедей и речь государю императору, сказанная в конце 1857 года. В речи этой святитель-проповедник, приветствуя государя императора, говорит Его Величеству между прочим следующее: «утешаемся, помышляя, что... мир доставит удобство твоим царственным подвигам, чтобы возвысить и благоустроить внутреннюю жизнь России, чтобы охранить доброе, от предков наследованное и дополнить оное новыми плодами опытной и зрелой мудрости».¹⁵⁷²

Подобным образом и в речи 17 августа 1859 года святитель Филарет выражал Государю императору благожелание, чтобы

«Бог мира» споспешествовал Ему «мирным оружием царственной мудрости, правды и предусмотрительности побеждать все, что враждебно миру Церкви и благу Отечества».¹⁵⁷³ В проповеди же на день восшествия на престол 19 февраля 1858 года, сказанной на текст: *не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите* (Флп.2:4), наш святитель-вита в весьма ясно говорит о необходимости единодушия в вопросах, касающихся блага общественного, какового единодушия не доставало между прочим, как мы видели, при разрешении вопроса об освобождении крестьян. Утверждая, что «Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства», проповедник говорит сначала, что «вполне верен царю тот, кто, смотря по своему положению в царстве, так располагает своею деятельностью, чтобы она всевозможно соответствовала законной воле царя и его попечению о благе общем и частном». Затем развивает самую главную мысль проповеди, основанную на выше приведенном тексте из послания апостола Павла к филиппийцам, говоря: «в великом обществе, при множестве и разнообразии предметов и дел, о которых нужно мудрствовать,¹⁵⁷⁴ рассуждать, составлять законы, правила, определения, и приводить их в действие, неизбежно большее или меньшее разномыслие. Но если разномыслие усилится, то не укрощаемая борьба мнений может послужить не к созиданию блага общественного, а к разрушению. Итак, желающие быть верными благу общественному, старайтесь, сколько можно, да *тожде мудрствуете вси*, да будете *единомудренни*. Но как достигнуть единомыслия, когда во множестве людей, при разности свойств, образования, направления, неизбежны разные воззрения на предметы и различия мнений? Для сего старайтесь быть *единодушны*. Поставьте общественное благо средоточием ваших стремлений. Соединитесь в желании общего блага. Добрая воля человека имеет великую и благотворную силу над его собственным умом; и умы других удобно преклоняет к себе добродушие. Когда страсти не разделяют сердец, истина беспрепятственно входит и соединяет умы».

Указав таким образом, общие основания к достижению единомыслия, святитель-вития затем намечает те частные причины, которые мешали достижению единомыслия и единомушия в решении крестьянского вопроса и указывает средства к их устранению, хотя, по-прежнему, с крайнею осторожностью касается этого щекотливого предмета. «Есть препятствия, говорит он, к единомушию общественному. Люди имеют много частных желаний и личных видов, которые их разделяют или производят, вместо соединения – столкновение. Против сего апостольское слово дает следующее наставление: *не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотряйте*. По закону общества позволительно искать *своих си* – своих потребностей, своей безопасности, своего спокойствия, даже своей выгоды и своего преимущества, но при неограниченности человеческих желаний, если не поставить предела исканию *своих си*, то общественное благо будет растерзано; и даже основание общества потрясено будет; поскольку основание общества состоит в том, чтобы пожертвовать большею или меньшею долею ¹⁵⁷⁵небольших сил и средств личных и частных,¹⁵⁷⁶ и за то пользоваться великими силами и средствами общественными. И поскольку выгоды и преимущества некоторых членов или части общества нередко отражаются на других ограничением их выгод и преимуществ, то чем неумереннее одни будут искать своих выгод и преимуществ, тем более будут располагать других к недовольству и противодействию, от чего может возникнуть в обществе внутренняя вредная борьба. Будьте же, наставляет потому вития, предусмотрительны; предохраните себя и других от неприятностей и затруднений; ограничьте ваше искание *своих си*; и, что еще лучше, сверх сего *и дружных кийждо смотряйте*; старайтесь, сколько можно, чтобы ваше довольство не только не препятствовало довольству других, но и благоприятствовало ему. Имеющий власть, не ищи только *своих си*, не люби властвования произвольного, не управляемого законом, справедливостью и благостью; *смотряй и дружных*, умеряй твою власть, по колику сие совместно с соблюдением порядка, и не стесняй свободы подвластных, по колику она полезна и не

злоупотребляема,¹⁵⁷⁷ тем более чтима будет власть, тем вернее будет повиновение. Но и ты, находящийся под властью, не ищи только *своих си*, не домогайся своекорыстно и своенравно уменьшения твоих обязанностей пред властью и расширения твоей свободы: *смотри и дружных*, – помышляй, что имеющий над тобою власть имеет ее для устроения и охранения твоего блага; и дай ему для сего средства в твоём добровольном повиновении и в неуклонном¹⁵⁷⁸ исполнении твоих обязанностей. Тем более ты будешь любезен власти; тем более ты доставишь удобства её попечению о облегчении твоих трудностей, и об улучшении твоего положения. Обладающий богатством, не ищи только *своих си*, умножения богатства: *смотри и дружных*, не упускай случаев оказать помощь нуждающимся; не избирай для умножения твоих стяжаний таких средств, которые стесняют или истощают других. И ты, смиренный земли, каким-нибудь для других трудом снискивающий себе насущный хлеб, и ты не *своих си* только, но и *дружных смотри*, не о том только помышляй, чтобы верно иметь хлеб и плату за труд; но так же верно, без небрежения, опущения, подлога, обмана, делай данное тебе дело в пользу других, как верно и без ущерба¹⁵⁷⁹ желаешь получить твое воздаяние. Так, заключая частные наставления говорит святитель-вития, во всяком звании и состоянии, возбуждая и направляя¹⁵⁸⁰ нашу деятельность, не самолюбием и своекорыстием, а доброжелательством и любовью к ближним вообще и в частности, мы можем, каждый в свою меру, содействовать благу и благоустройству общественному, и явиться истинно верными не только пред царем и отечеством, но и пред Богом. Который *верному в мале воздаст многим* во царствии Своем (Лк.16:10). Аминь».¹⁵⁸¹

Когда же наконец пришло время самого освобождения крестьян, тогда еще настойчивее требовалось участие святителя Филарета в этом великом деле царствования Александра II. В конце 1860 года к святителю был прислан официальный запрос «до какой степени было бы полезно, при предстоящей перемене отношений к помещикам, возложить на приходских священников некоторые особенные обязанности» по

разъяснению крестьянам могущих быть недоразумений в понимании правительственных актов об освобождении крестьян, по уяснению их отношений к правительственной власти и к помещикам при означенной перемене и т.д. Святитель ответил на этот запрос обстоятельною запиской, в которой предложил и проект предписания духовенству по предстоявшему случаю».¹⁵⁸² Эта записка послана им была, куда следует 29 ноября 1860 года, а между тем от 4 декабря того же года неофициально он писал наместнику Лавры Антонию: «Мысль, чтобы правила о крестьянах, прежде общего объявления, сообщены были священникам, для приготовления прихожан к пониманию оных, не кажется мне удобоисполнимою и могущею достигнуть добрых последствий. Во-первых, вероятно, и не согласятся на сие. Во-вторых, правила¹⁵⁸³ таковы, и так многосложны, что многие священники сами не вдруг верно поймут их, а потому не будут хорошими толкователями. Например, в правилах положено дать крестьянам самоуправление. Поймет ли сие с точностью священник? И если, хотя, не точно, поймет: поймет ли сие крестьянин? В-третьих, священник, став посредником между начальством и крестьянами, подвергнется опасности с обеих сторон. Неблагоденные, в которых недостатка не будет, подвергнут его подозрению у крестьян. Уже было в Западном краю, что прихожане мучили священников, яко бы за скрываемый ими указ. Если случатся между крестьянами неурядицы, то чиновники тотчас оправдаются, сказав, что священник худо толковал и худо настроил крестьян. Этого есть уже начало, председатель комитета¹⁵⁸⁴ писал уже, что причетники будут распространять ложные слухи относительно смысла новых постановлений».¹⁵⁸⁵

И вообще мудрый и осторожный святитель Московский, вместе со многими, полагал, что лучше было бы «постепенное введение нового порядка».¹⁵⁸⁶ Тем не менее, в виду того, что государь император считал нужным скорее, по возможности, кончить дело и объявить о нем крестьянам, митрополит Филарет, как истинно верноподданный Государя, не высказывал гласно и этого своего осторожного мнения. Напротив, исполняя

волю государя и подавляя свои личные желания и мнения, послужил делу освобождения крестьян даже и участием в редакции последнего акта великого сего дела, высочайшего манифеста 19 февраля 1861 года, сочувствуя вполне этому делу в идее и основе его.

Уже прямо после закрытия редакционных комиссий 10 октября 1860 года, председатель их и, после Я. И. Ростовцева, главный руководитель дела граф В. Н. Панин был озабочен заблаговременным приготовлением проекта манифеста, в связи с рассылкой по всей России Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Труд составления проекта манифеста приняли на себя бывшие члены тех же комиссий – Ю. Ф. Самарин († 1876) и Н. А. Милютин († 1872). Но составленный ими проект не удовлетворил графа Панина во многих отношениях. Потому он поручил составление его еще некоторым другим чиновникам министерства юстиции; но и эти проекты не удовлетворили его. Тогда он решил обратиться за этим к мудрому святителю Московскому, и, испросив на то разрешение от государя императора, послал в Москву к митрополиту нарочитое доверенное лицо, директора департамента министерства юстиции тайного советника М. И. Топильского (или Тапильского † 1883), снабдив последнего следующего содержания письмом на имя митрополита Филарета от 31 января 1861 года: «При предстоящем преобразовании крестьянского быта слово государя императора к народу своему будет иметь самое сильное влияние на успех предпринятого дела. В сем убеждении Его императорское Величество с полною доверенностью к верноподданническим вашим чувствам и к дарованиям вашим, неоднократно выразившимся в речах, памятных всей России, признал нужным обратиться к вам с изъявлением желания, чтобы Ваше Высокопреосвященство приняли на себя труд составить манифест, в коем изъяснены будут воля и ожидания Его Величества по сему важному предмету. Исполнение сего труда требует некоторых предварительных личных объяснений. Для сей цели я желал иметь честь лично представить вам приготовительные работы, составленные по сему предмету, но

открытие заседаний в Государственном совете для рассмотрения проектов различных положений по крестьянскому делу, не позволяет мне отлучиться из Санкт-Петербурга в настоящее время. По сей причине Его императорскому Величеству благоугодно было возложить на тайного советника Тапильского обязанность отправиться к вашему высокопреосвященству и представить вам все нужные по сему делу объяснения. Из них ваше высокопреосвященство усмотреть изволите, какие суть главные мысли, которые Его Величеству желательно было бы выразить в манифесте, но государь полагается совершенно на высокий дар красноречия Вашего Высокопреосвященства и на ревностное усердие ваше к делу, столь важному для отечества, столь близкому к сердцу первого пастыря нашей церкви. Руководимый сими чувствами и сим доверием, Государь предоставляет Вашему Высокопреосвященству сделать все те изменения или прибавления кои бы вы признали соответствующими чувствам Его Величества и собственным вашим, для лучшего успеха в достижении предположенной цели».¹⁵⁸⁷

Когда Тапильский с этим письмом явился к святителю Филарету, последний по началу уклонялся от исполнения данного ему поручения, ссылаясь на то, что это предмет, выходящий из круга обычных его занятий, а также и на свою немощь; и только уже с помощью духовника митрополита Филарета, Тапильскому удалось, наконец, уговорить его приняться за дело составления манифеста. Наконец друг добродетели,¹⁵⁸⁸ писал по этому случаю с радостью Тапильский Хвостову, убедился в необходимости сделать предлагаемое дело, и после двукратных со мной объяснений, принялся сегодня решительно за работу».¹⁵⁸⁹

Целых трое суток употребил святитель на работу эту,¹⁵⁹⁰ и, написав проект манифеста, отослал его с тем же Тапильским, при следующем препроводительном письме к графу Папину от 5 февраля: «Сколько снисходительное высочайшее доверие, изъявленное поручением, ободряет меня, столько затрудняет предмет поручения, далекий от круга понятий и занятий, в котором обращаюсь. В исполнение поручения вводит меня

верноподданническое повиновение, а не сознание способности удовлетворить требованию. Долгом поставляю дать отчет, что мною сделано и по чему. Я решился не очень стесняться сообщенным мне проектом высочайшего манифеста, дабы мое воззрение на предмет яснее было видимо и удобнее могло быть обнаружено. Почему представляю не частные изменения, а целый текст, в котором с полученным мною проектом соединены изменения, по моему посильному разумению, нужные. Рассматривая сообщенный мне проект, я нашел, что он может быть разделен на три части. 1) Начало, ход и изложение дела. 2) Высочайшие повеления. 3) Увещания и обнадеживания. Но сии части в проекте не довольно были разграничены, а это нужно для того, чтобы акт был лучше понят и произвел желаемое впечатление, и чтобы удобнее было впоследствии употреблять его, и делать на него указания. Посему некоторые мысли я переместил соответственно вышеозначенному разделению, которого части на моем проекте означены числами, карандашом. Выражение: «Мы не признали нужным скрывать», имеет вид оправдания против бывших толков. По моему мнению, правительство стоит выше надобности оправдываться против толков. Потому, поставленные за сим мысли перенес я в другое место, где они нужны и могут иметь действие. Статья, начинающаяся словами: «Сими положениями крепостным людям даруются», мне показалась не ясною. Из наименования: «временно-обязанные», извлек определенное о нем понятие, и изложил оное, сколько понял. Высочайшие повеления отмечены в прежнем проекте числами. Это действительно нужно для удобства впоследствии ссылаться на них. Сличив 4-ю статью с числами, я подвел под число еще 3 следующие статьи, по той же причине. Затем встречается перерыв, на пределе которого стоят слова: «нижеследующую постепенность», что здесь должно следовать, мне неизвестно: потому я и указательную формулу опустил.

Не скрою моих мыслей, которые могут быть не приняты, и потому представление их не причинит затруднения. Проект уже довольно длинен и многосложен. Введение здесь новой статьи о постепенностях, на которые, если не ошибаюсь, кратко

указано выше, сделает проект более многосложным, и может быть не более ясным, не может ли то, что предполагается взять сюда из составленных законодательных положений, быть оставлено, в том числе многое, чего нельзя включить в манифест? Манифест должен быть прочитан крестьянам. Их ум не приучен к долгому непрерывному вниманию. Посему измененный мною проект я старался разделить на статьи, сколько можно не длинные. В последней части сообщенного мне проекта: «Обращение к дворовым людям», многое казалось не обыкновенным в высоком государственном акте, в котором государь император говорит всему народу, всей империи. Потому я изменил форму личного обращения, сохранив нужные мысли.

Повторяю, что я исполнил только долг повиновения в деле, которого существенное обработка принадлежит государственным людям, и для них, конечно, составляет трудный подвиг. Мой долг, с прочими служителями алтаря, молить Бога, чтобы Он даровал государственным советникам и проницательную мудрость, и прямодушную ревность, и наипаче, чтобы озарил вышним светом взор благочестивейшего государя императора на то, что истинно, благонадежно и полезно церкви и народу».¹⁵⁹¹

Редактированный таким образом, или лучше сказать, совершенно вновь обработанный проект манифеста, подвергнутый затем в Петербурге лишь весьма незначительным изменениям со стороны некоторых технических выражений и формул, был обнародован во всеобщее сведение в свое время, и потому здесь нам нет надобности излагать полный текст его.¹⁵⁹² Но так как он служит подлинно одним из лучших образцов красноречия нашего знаменитого витии, обнаружившего в нем и свой замечательный литературный талант, и великий государственный ум, то мы позволим себе привести из него, хотя, некоторые выдержки.

«Божиим Провидением, так начинается он, и священным законом престолонаследия быв призваны на Прародительский Всероссийский Престол, в соответствие сему призванию, мы положили в сердце своем обет обнимать нашу царскою

любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечем на защиту отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом. Вникая в положение званий и состояний в составе государства, мы усмотрели, что государственное законодательство, деятельно благоустроая высшие и средние сословия, определяя их обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной деятельности в отношении к людям крепостным, так названным потому, что они, частью старыми законами, частью обычаем, потомственно укреплены под властью помещиков, на которых с тем вместе лежит обязанность устроить их благосостояние. Права помещиков были доньше обширны и не определены с точностью законом, место которого заступали предание, обычаи и добрая воля помещика. В лучших случаях из сего происходили добрые патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика и добродушного повиновения крестьян. Но при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственной выгоды,¹⁵⁹³ добрые отношения ослабевали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьян, и не благоприятному для их благосостояния, чему в крестьянах отвечала неподвижность к улучшениям в собственном быте».

И далее, согласно вышеприведенной речи Царя-Освободителя в Государственном Совете указав на прежние меры русских государей к улучшению быта крестьян, проект продолжает: «Таким образом, мы убеждены были признать,¹⁵⁹⁴ что дело изменения положения крепостных людей на лучшее, есть для нас завещание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою Провидения».

Затем изображается самый ход дела освобождения крестьян в царствование Александра II, нам уже известный и совершенный при живом участии российского дворянства,

излагаются важнейшие пункты новых положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости и указываются меры к наилучшему достижению цели, предположенной новым законом о крестьянах, а потом говорится: «Обращая внимание на неизбежные трудности предприемлемого преобразования, мы первее всего возлагаем упование на всеблагое Провидение Божие, покровительствующее России. За сим полагаемся на доблестную о благе общем ревность благородного дворянского сословия, которому не можем не изъяснить от нас и от всего отечества заслуженной признательности за бескорыстное действие к осуществлению наших предначертаний. Россия не забудет, что оно добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовью к ближним, отказалось от упраздняемого ныне крепостного права и положило основание новой хозяйственной будущности крестьян. Ожидаем несомненно, что оно так же благородно употребит дальнейшее тщание к приведению в исполнение положений в добром порядке, в духе мира и доброжелательства; и что каждый владелец довершит в пределах своего имения великий гражданский подвиг всего сословия, устроив быт водворенных на его земле крестьян и его дворовых людей на выгодных для обеих сторон условиях, и тем даст сельскому населению добрый пример и поощрение к точному и добросовестному исполнению государственных постановлений... Полагаемся и на здравый смысл нашего народа. Когда мысль правительства о упразднении крепостного права распространилась между неприготовленными к ней крестьянами, возникали было частные недоразумения. Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христианскому, *всякая душа должна повиноваться властям предержащим (Рим.13:1)*, воздавать всем должное, и в особенности, кому должно, *урок, дань, страх, честь*; что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения, или добровольной

уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответственных повинностей. И теперь с надеждою ожидаем, что крепостные люди, при открывающейся для них иной будущности, поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта... Довольство приобретается и увеличивается не иначе, как неослабным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгою бережливостью и вообще честною в страхе Божием жизнью. Исполнители приготовительных действий к новому устройству крестьянского быта и самого введения в сие устройство употребят бдительное попечение, чтобы сие совершалось правильным, спокойным движением, с наблюдением удобства времен, дабы внимание земледельцев не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий. Пусть они тщательно возделывают землю и собирают плоды её, чтобы потом из хорошо наполненной житницы взять семена для посева на земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность».

Манифест заключается непосредственно следующими за сим высоко знаменательными словами: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».¹⁵⁹⁵ Как бы ни судили об этом манифесте в литературном, юридическом и других отношениях,¹⁵⁹⁶ он все же остается и останется величественным памятником глубокого и всестороннего ума святителя Московского. Проект манифеста святителем подписан от 4 февраля. Тотчас же по окончании обработки проекта, М. И. Тапильский с этим проектом и вышеприведенным письмом митрополита Филарета к графу Панину, а по иным и еще с письмом на высочайшее имя, для передачи в собственные Его Величества руки от имени митрополита Московского,¹⁵⁹⁷ отправился в Петербург.

Между тем от 8 февраля святитель Филарет получил из Петербурга телеграмму, вследствие которой того же числа

писал наместнику Лавры архимандриту Антонию: «сейчас получил я из Петербурга, от душ благих, посредством телеграфа, просьбу, чтобы немедленно, при мощах преподобного Сергия, совершено было молебствие о Божием покровительстве и помощи благочестивейшему Государю и отечеству. Потрудитесь немногим собором, но сами, с немногими, совершить молебное пение Пресвятой Троице и преподобному Сергию с акафистом. Почему это в сие время, не знаю. Может быть, трудные рассуждения о крестьянском преобразовании побуждают искать Божией помощи... Тихо скажите и скитским старцам, да умножат моления о православной Церкви, о православном царе и отечестве».¹⁵⁹⁸

О приеме, какой встретили у тогдашнего православного русского царя и отредактированный святителем Филаретом проект манифеста 19 февраля 1861 года¹⁵⁹⁹ и письмо на высочайшее имя,¹⁶⁰⁰ раньше упомянутое нами, предания различны, но то несомненно, что последствиями всего этого были следующие обстоятельства: во-первых, действительное обнародование высочайшего манифеста 19 февраля в той его редакции, в какой он вышел из рук митрополита Филарета, с сопровождавшим чтение его народу глубоким, сильным впечатлением на народ и умирительным зрелищем благоговения сего последнего к любвеобильному слову царя, и, во-вторых, высочайшее пожалование святителю Московскому золотой медали, учрежденной собственно для членов редакционных комиссий «за труды по освобождению крестьян».¹⁶⁰¹

Но еще внятнее говорили о деле последовавшие вскоре за 19 февраля обстоятельства. Мая 17 дня того же 1861 года, государь император с государыней императрицей и некоторыми другими членами своего семейства прибыл в Москву и на другой же день (18 мая), по исконному обычаю, посетил Успенский собор. Святитель Московский Филарет встретил его здесь следующею незабвенною речью: «Благочестивейший государь. Приветствуем тебя в седьмое лето твоего царствования. У древнего народа Божия седьмое лето было летом законного отпущения из рабства (Исх.21:2). У нас не было

рабства в полном значении сего слова: была, однако, крепкая наследственная зависимость части народа от частных владельцев. С наступлением твоего седьмого лета ты изрек отпущение. Обыкновенные сильные земли любят искать удовольствия и славы в том, чтобы покорить и наложить иго. Твое желание и утешение – облегчить твоему народу древние бремена, и возвысить меру свободы, огражденной законом. Сочувствовало тебе сословие благородных владельцев; и в добровольную жертву сему сочувствию принесло значительную часть своих прав. И вот более двадцати миллионов душ обязаны тебе благодарностью за новые права, за новую долю свободы. Молим Бога, чтобы добрый дар был разумно употреблен; чтобы ревность к общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрешения затруднений, иногда неизбежных при новости дела, чтобы получившие новые права из благодарности порадили уступившим древние права, чтобы приятная мысль о труде свободном,¹⁶⁰² сделала труд более прилежным и производительным, к умножению частного и общего благоденствия; да будет твоя к твоему народу любовь увенчана неувядающею радостью под осенением Провидения, благодатно простираемым, вместе с тобою, над совенчанною тебе твоею супругою и твоими благословенными чадами». ¹⁶⁰³Впечатление этой речи на государя императора было самое благоприятное. ¹⁶⁰⁴

А вскоре после того, именно 6 июня, Их Величества, в бытность свою в Лавре преподобного Сергия, особенно внимательно отнеслись к митрополиту Филарету и посетили его в его кельи, причем «Государь император непосредственно своею рукою Всемиловитейше пожаловал» ему наперсный крест,¹⁶⁰⁵ украшенный драгоценными камнями. И вообще как бы то ни было, но в истории разрешения крестьянского вопроса в России, имя Филарета, митрополита Московского, должно занять далеко не последнее место, не только как проповедника, но и как участника в окончательных трудах редакционных комиссий. Слово же его о сем, с церковной кафедры прямо и по справедливости должно занять первое место в ряду

современных ему и касавшихся того же предмета произведений церковной словесности, как это можно видеть из сличения приведенных мест проповедей Филарета с подобными же проповедями других витий того времени.

В согласия с нашим витией, ликовала вся Русская земля, ликовали все лучшие сыны земли Русской, сравнивая освобождение крестьян с освобождением от рабства векового, с воскресением из мертвых. Так, например, один из поэтов восклицал после 19 февраля 1861 года

*Христос, Христос воскрес! Воистину воскрес!
Блеснул свободы луч и нам с родных небес.
Разбита рабства цепь Вставайте мертвецы,
Вставайте, Лазари, из гроба векового!
Вперед, нас братья ждут, вперед рука с рукой!
Теперь нам всем одно, всем общая дорога,
Христос, Христос воскрес! Хвала и честь Тому,
Тому, кто, как пророк, евреям Богом данный,
Воздвигнул свой народ от рабства и ему
Открыл широкий путь к мечте обетованной.*¹⁶⁰⁶

Действительно, с освобождением крестьян от крепостной зависимости, открывался народу русскому широкий путь к дальнейшему развитию и свободному пользованию плодами земли обетованной – самой необъятно-широкой матушки России, в которой теперь открывались новые родники вековых залежей, новые источники всякого рода производительности вещественной и духовной. Теперь стало мало-по-малу открываться, что не в одних только верхних и средних, но и в низших слоях почвы земли Русской находились сокровища. способные обогатить Россию и принести ей славу и честь, что и в массе простонародья, дотоле забитой, живут таланты, не уступающие силой представителям образованнейших классов народа и т.д. Нужно было только дать свободный ход дальнейшему развитию народа из начал, которые легли в основание дела освобождения крестьян. К этому-то и служили дальнейшие преобразования нового царствования, тесно связанные таким образом, с крестьянской реформой, совершавшиеся и завершавшиеся частью при жизни святителя

Филарета, частью уже после блаженной кончины его, частью в то время, когда проповедническое слово его еще довольно громко звучало с церковной кафедры, частью же в то время, когда оно стало более и более умолкать, отзываясь лишь изредка то в речах к высочайшим особам, то в письмах к ним и другим лицам, или в деловых бумагах. И так как ни одного из этих преобразований Филарет не касается исключительно в своем слове проповеди, а упоминает о них лишь в общих чертах, то мы не будем входить в подробности изложения истории каждого из них, а ограничимся лишь также общим их очерком историческом, с характеристикой их значения для дальнейшего движения Русской жизни.

Многие из реформ, совершившихся в царствование государя императора Александра II, были задуманы им прямо по восшествии на прародительский престол и мало-по-малу объявляемы были во всеуслышание в последовавших затем Высочайших манифестах. Так, возведенное еще в милостивейшем манифесте, изданном в день коронации 26 августа 1856 года, судебное преобразование, которого давно жаждала вся Россия,¹⁶⁰⁷ уже в 1857 году, одновременно с крестьянскою реформою, стало деятельно подготавливаться нашими законодательными учреждениями; а чрез полтора года с небольшим после освобождения крестьян, с которым оно было тесно связано, именно 29 сентября 1862 года вышел в свет и первый плод этих подготовительных работ – высочайше утвержденные Основные положения судоустройства и судопроизводства, в коих с точностью установлены были все коренные начала последовавшей затем судебной реформы по уставам 20 ноября 1864 года, создавшим совершенно почти новый судебный порядок, с отличительною, дотоле неизвестною России чертою его, гласностью, вместо прежней, часто нескончаемой канцелярской процедуры, изъятой от всякого общественного контроля, с полным отделением судебной власти от административной, с участием присяжных, с мировым институтом и т.д.

Судебные Уставы 20 ноября 1864 года и высочайше утвержденное в 1866 году *Положение о нотариальной части*

были только раскрытием и применением к делу тех начал в подробностях и частных случаях. В том же 1866 году новые судебные учреждения и были открыты в Петербурге и Москве. Вслед за судебною реформою о в связи с ней законом 17 апреля 1863 года отменены доселе бывшие в большом употреблении строгие телесные наказания плетьюми, шпицрутенами и прочее, равно как и клеймение человеческого лица. В том же 1863 году в обеих столицах и в Одессе открыты были городские думы на тех основаниях самоуправления, которые узаконены потом и для всей России *Городовым Положением* 1870 года, по которому городское население, без различия сословий, выбирает гласных представителей для обсуждения хозяйственных и других дел с полною свободою голоса в собраниях думы. Затем 1 января 1864 года утверждено *Положение о губернских и уездных земских учреждениях*. Этим *Положением* все жители городов, сел и деревень, также без различия сословий, получили право выбирать установленным порядком представителей от себя, гласных на 3 года, для свободного обсуждения своих дел и для участия в самоуправлении. До этого *Положения* мы имели отдельные гражданские состояния, чуждые друг другу, раздроблявшие народ или скрывавшие его единство и препятствовавшие течению его собственной жизни.

С изданием закона 1 января 1864 года положено начало живой и цельной организации земства, основанной на всеобщем начале собственности и прекратившей прежнюю замкнутость дворянского сословия, слившегося теперь во едино со всем народом русским. В связи с теми же преобразованиями в жизни русского народа стоят и позднее изданные законы о всеобщей воинской повинности (обнародованные в 1874 году)¹⁶⁰⁸ и законы о печати, расширившие её свободу и начатые изданием с 1865 года, а после дополненные, и преобразования, касавшиеся школ: светской (реформа университетов по уставу 1863 года; средне-учебных заведений по уставам 1864 и 1871 годов и т.д.) и духовной (по уставам 1867 и 1869 годов), и улучшения в быте духовенства, начатые еще в 1862 году.

Но, к глубокому сожалению, с несомненно благими намерениями предпринятые и так счастливо начатые преобразования, в дальнейшем своем движении, восприняли многое недоброкачественное со стороны, с запада, обыденное в странах с республиканским или конституционным правлением, но не применимое в России с самодержавною монархическою властью и наконец дали простор таким течениям, которые клонили прямо к революции.

Увлекаемые фантазиями о всеобщей свободе и равенстве, исполнители благих предначертаний любвеобильного Царя-Освободителя, даже из лиц, стоявших у кормила правления и близ самого престола царского, нередко бессознательно, или же дабы прослыть либералами, поощряли такие течения и, наоборот, сдерживали более трезвые голоса, предостерегавшие от дурных последствий поощрения подобных течений.

Расширенная свобода печати, в большинстве случаев, служила более ко вреду, нежели к пользе общества. Гласность не знала пределов, и печать, особенно периодическая, являясь выразительницею так называемого общественного мнения, деспотически управляла умами лиц, стоявших на всех ступенях администрации и часто извращая самый вкус общества, пугала эти умы страхом общественного мнения, и сбивая их с толку, еще более побуждала их действовать в пользу упомянутых течений.

Проявления дурных начал, управлявших этими течениями, не замедлили своим обнаружением. Волнения учащейся молодежи в 1861 и дальнейших годах, пожары 1862 и дальнейших годов, польское восстание 1863 года, неоднократные покушения на жизнь государя императора, начавшиеся с 1866 года и т.д., все это слишком ярко свидетельствовало о широте распространения вреда, производимого небольшою в сущности и сравнительно горстью людей, головы которых были полны нигилистических, социалистических и тому подобных бредней, и невольно заставляю лучших людей задумываться над будущностью России.

К числу последнего рода людей несомненно принадлежал святитель Московский Филарет, видевший живые примеры ложного воспитания ближайших представителей революционной школы конца XVIII века, стоявший бок о бок с смутами космополитов декабристов 1825 года и переживший все фазы развития и раскрытия революционных поползновений времени царствования императора Николая Павловича, а теперь видевший сильное брожение умов, начавшееся с новым царствованием. Поэтому он, как истинный сын России, не мог равнодушно относиться к такому состоянию её, при всяком удобном случае предостерегал кого нужно от вредных последствий распушенности, до которой простираема была у нас тогда свобода во всем, не столько хвалить совершавшиеся преобразования, сколько выражал скорбь и негодование против умственных и нравственных язв, начавших разъедать организм тогдашнего общества нашего. Это не был капризный вопль отставшего от современности старика, хвалящего старое и бранящего новое: это был отзвук речей ветхозаветных пророков; это был вопль прозорливого старца, горячо любившего отечество, в котором он родился, и в то же время видевшего ту бездну, в которую оно готово было упасть при тогдашнем направлении жизни и деятельности некоторых сынов его.

Не удивительно поэтому, что такой вопль старца святителя начал раздаваться еще тогда, когда почти все в России были в каком-то упоении от начинавшихся и предстоявших по всем частям преобразований. И замечательна постепенность, с какою он раздавался, особенно в слове проповеди. В то время, как по восшествии Царя-Освободителя на престол, еще длилась Крымская война, это тяжелое бремя, поднятое им на рамена свои, как наследие, принятое от предшествовавшего царствования, слово святителя Московского было не столько обличительным, сколько ободряющим и утешительным. Мы слышали, как звучало это слово, когда излагало историю Крымской войны. Но уже и в то время были случаи и к предостережению, и к обличению. Вместе с бременем войны, новое царствование унаследовало от предшествовавшего и другое бремя народного бедствия – холеру, прекратившуюся в

Москве лишь к концу 1855 года. Декабря 18-го в Чудове монастыре были совершенно благодарственное молебствие по прекращении губительной болезни.

Пред молебствием святитель Филарет произнес беседу на текст: *работайте Господеву со страхом, и радуйтесь ему с трепетом (Пс.2:11)*. «Собравшиеся здесь ныне, так начал он свою беседу, собралось, думаю, с некоторою радостью. Мы приносим исповедание и благодарение Богу, после того как Он, по правде Своей, посетил град сей нашествием губительной болезни, и некоторых из обитателей его восхитил скорою смертью, некоторых устранил близостью смерти, некоторых сокрушил печалью, но, по милосердию Своему, не попустил губительной болезни поразить многих, и наконец рек ангелу смерти: *довольно ныне, отыми руку твою (2Цар.24:16)*. По колику бедствие страшно или печально, по толику освобождение от бедствия радостно. Но мы уже не раз имели радость, подобную нынешней, и потом не раз постигало нас бедствие, о прекращении которого радовались; ангел смерти возвращался и вновь простирал над нами свой меч. Посему, не надобно ли нынешнюю радость нашу растворить доброю мерою страха? Да, мы предлагали уже прежде освобожденному тогда от губительной болезни, граду сему вразумляющее и предохраняющее слово Христово: *се здоров еси, ктому не согрешай.*¹⁶⁰⁹ Видно, надобно ныне повторить оное с большею строгостью и с угрозою: *се здорова еси, ктому не согрешай, да не горше, ти что будет (Ин.5:14)*».

И далее вития, на основания избранного для проповеди текста, доказывает необходимость соединения радости о прекращении бедствия со страхом пред Богом, впрочем, с страхом не бесплодным и рабским, а с сыновним, не лишенным надежды на милосердие Бога, наказующего и милующего.¹⁶¹⁰ За тем, в начале 1856 года, когда все еще не кончена была Крымская война, в Москве были дворянские выборы и присяга пред началом выборов, предшествуемая молебствием в Чудове монастыре. Это было 3 января. Пред молебствием святитель Филарет произнес беседу на текст: *не возмешь имени Господа Бога твоего всуе, не очистит бо Господь приемлющего имя*

Его всуе (Исх. 20:7). «Из целой области, говорит вития в начале своей беседы, обращаясь к дворянам Московской губернии, собравшимся в храме по случаю предстоящих выборов, мужи, возвышенного в государстве и наследственными преимуществами отличенного звания, собрались здесь, чтобы молитвою освятить начало, и удостоверительною клятвою обеспечить совершение и последствия важного дела. Державная власть доверила вам, и по её доверию вы предприимлете ныне избрать блюстителей правосудия и благоустройства как собственно для вашего звания, так и для разных частей здешней области».

И далее, указав на важность молитвы пред началом такого дела, в котором и избиратели, и избранные должны будут, поступать «по долгу, совести, правде и чести», а равно и на необходимость в нем клятвы или присяги, вития раскрывает мысль о необходимости быть верными клятве или присяге, дабы не потерпеть бедствий, ниспосылаемых за клятво-преступничество. В пример последних он приводит случай поражения непобедимого дотоле Израиля при Иисусе Навине за клятвопреступление Ахара. Так как случай этот вития уже приводил раньше, изображая причины бедствий Крымской врыны,¹⁶¹¹ то теперь и «без дальнейшего объяснения он мог быть понятен слушателям, а равно и понятно то, почему вития приводит его теперь. Предостережение было слишком очевидно, как в отношении к не законченной еще войне, так и в виду предстоявших по окончании её внутренних реформ, нового царствования, уже предуказанных по восшествии на престол Царя-Освободителя.

Поэтому-то и заключил вития свою беседу следующим наставлением: «вкуси горькое слово сие, как предохранительное врачевство; и, если хочешь, покрой горечь, также здоровою сладостью Давидова песнопения: *Господи, кто обитает в жилищи Твоем? Ходяй непорочен, и делаяй правду, кленыйся, и не отменяйся (Пс.14:1–3).* Аминь».¹⁶¹²

Мы помним также, каким серьезным предостережением и наставлением кончил святитель-вития свою беседу пред молебствием по случаю заключения мира в марте того же 1856

года. «Посоветую ли, говорил он, употребить оный (т.е. мир) на восстановление потрясенного войною вещественного благосостояния? Но надобно ли советовать? Это присоветует вам ваша нужда и польза... Потрудимся преимущественно. в преимущественном обилии, приобрести и сохранить стяжания духовные – Божию благодать, веру, правду, добродетель: они созиждут и утвердят наш мир внутренний, внешний возвысят и упрочат».¹⁶¹³

Но уже с каждым дальнейшим шагом по начатому после заключения мира пути реформ все строже становится слово святителя-вития, благословлявшего добрые намерения царя, но не одобрявшего многого в том, что сопровождало исполнение эти намерения. Так, встречая государя императора при вступлении Его Величества в Успенский собор 7 мая 1856 же года, наш вития в речи своей говорил Ему: «Благочестивейший государь! После недавнего,¹⁶¹⁴ новое твое пришествие чем изъяснить можем, если не тем, что ты, устроая мир и покой нам, не даешь покоя себе, непрерывно продолжая твои царские подвиги. Не только повелениями с престола, но и непосредственным наблюдением и действием повсюду, где сего наипаче требует благо царства? Посему благодарными сердцами призываем тебе вышнее охранение во всех путях твоих, вышнюю помощь, соответствующую твоим подвигам, и благопоспешество, удовлетворяющее твоим благотворным намерениям».¹⁶¹⁵

А между тем уже в проповеди на день тезоименитства государыни императрицы 22 июля того же 1856 года святитель-вития, утверждая, что «от царя, по молитве Церкви и царства, Богом просвещаемого и укрепляемого, весьма много зависит *тихое и безмолвное житие*», говорит «чтобы уяснить сию истину, не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди, не знаю, более ли других обладающие мудростью, но конечно более других доверяющие своей мудрости, работают над изобретением и постановлением лучших, по их мнению, начал для образования и преобразования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого, по местам, по

временам, видит их преобразовательные усилия в самом действии, но еще нигде, никогда, не создали они тихого и безмолвного жития. Они умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создать ничего твердого. Внезапно по их чертежам строятся новые правительства, и так же внезапно рушатся. Они тяготеют к отеческою и разумною властью царя, и вводят слепую и жестокую власть народной толпы, и бесконечные распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а в самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение». ¹⁶¹⁶

Конечно, здесь указываются ближе всего революционеры запада, но не даром обличаются они пред обществом русским и именно сему последнему делается предостережение от них. При расширении области свободы за то время проницательному взору мудрого святителя уже видны были и в русском обществе семена того увлечения ложными теориями (умозрениями) западных революционеров, какое потом не замедлило со всею силою обнаружиться и в России и которое заявило себя крамолою последовавших за отменю крепостного права лет, а программу свою выставляло следующее:

«§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§ 2 Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира: он для него – враг беспощадный, и если б он продолжал жить, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3 Революционер презирует всякое доктринерство и отказался от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает денно и нощно

живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все низшие и средние сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в III отделение и даже в Зимний Дворец». ¹⁶¹⁷

И к сожалению, сторонники революционной партии в России действительно проникали всюду, везде внося с собою смуту и разрушение, а не созидание. Между прочим, в литературе они действовали путем беспощадного и одностороннего порицания всего существующего, яко бы в видах усиления потребности улучшений и преобразовании его, а на самом деле в тех же видах разрушения. Даже в законодательство успели они провести свои идеи о всеобщем равенстве, о самовластии и т.п., внося таким образом, язву зла в добрые по намерениям и начинаниям преобразования. Поэтому-то святитель Филарет, благословляя царя и испрашивая ему помощи свыше «на великий подвиг устроить благоденствие великого народа законным судом, благоуправлением, добрым государственным домостроительством» и т.д., ¹⁶¹⁸ в тоже время с церковной кафедры говорит подданным сего царя: «Одному ли царю предлежит забота о правде в царстве? Может ли одна личная правда царя сделать для блага народа все, чего желает царева благодать? При всей мудрости, проницательности, деятельности, ревности о благе общем может ли царь один все в царстве видеть, все знать, все исследовать, все сообразить, все предположить и исполнить, озарить светом всякую правду, затмеваемую неправдою, обнаружить всякую неправду, покрывающуюся личиною правды? Его верховному, на все

простирающемуся действию не нужны ли частные разных степеней орудия наблюдения, дознания, исследования, управления, суждения, распоряжения, исполнения, орудия правды, одушевляемые и движимые также правдою? Боже правду Твою дождь не только царю и сыну цареви, но и всему царству и всякому сыну царства! И затем в подробностях излагал требования правды от лиц духовного сана от судей и ищущих суда, от начальствующих и подчиненных.¹⁶¹⁹ Это говорит вития в одной из проповедей конца 1856 года.

А в проповеди, сказанной в неделю Православия при праздновании восшествия на престол государя императора в 1857 году, приводя слова высочайшего манифеста 19 марта 1856 года: *сие есть первое живейшее желание наше, да свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность*,¹⁶²⁰ святитель-вития, очевидно, противопоставляет понятие о сей последней не только тому понятию, какое имели о ней люди, придерживавшиеся вышеприведенной программы, но и тому, какое имел о ней современный святителю «мир, именуемый христианским», который, по его словам, слишком изобиловал «примерами суеты, роскоши, плотоугодия, неправды, частью даже неверия».¹⁶²¹ Поэтому же наш проповедник особенно предостерегал своих слушателей от излишнего доверия так называемому общественному мнению, извращенному суемудрием литературных двигателей этого мнения, а равно и от увеличения печатным и устным словом без строгого разбора хорошего от дурного. «Почто иные самонадеянные умы, говорит, например, он в одной из проповедей 1859 года на царский день (17 апреля – день рождения государя императора), вышед из повиновения вседержавной премудрости Христовой. домогаются самопроизвольно и своемудренно господствовать над делами, и над законами, и над общенародным разумением? Почто на страже правды и честности поставляют не высокий и сильный страх Божий, а малодушный и ничтожный страх мнения человеческого?»¹⁶²²

И говоря проповедь в день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1858 году на текст: *блюдитесь, како слышите*

(Лк.8:18), он внушал своим слушателям: «Что сказать о беседах человеческих? Сколько в людях ложных и худых мыслей, сколько страстей, сколько пороков! Все они могут обратиться в заразу, более или менее сильную и вредную, приметно и не приметно переходящую чрез слово и собеседование. Много явных о скрытых опасностей, много нужно благоразумия и осторожности... Что, если услышишь или увидишь в чтении слова неблагодария, неблагоговения, неверия? Поспешь заградить ухо твое и закрыть око твое от тлетворного ветра. Не прельсти себя мыслью послушать или прочесть из любопытства, или для забавы; не касайся саж, не играй огнем. Не желай узнать вкус яда. *Тяготеи к обычаям благовесия, отврати от злых* (1Кор.15:33)»¹⁶²³

Или, произнося в том же 1858 году беседу в день рождения государя императора, и указывая в ней на древний обычай приносить празднующему таковой день дары, ему приятные, проповедник говорит, что самый приятный дар наш царю, по слову Писания, может быть *устны праведны и словеса правая* (Притч.16:13); и в виду этого наставляет: «Отверзай *устне праведны* и говори чистую истину и нелицемерную правду, начальник подчиненному и подчиненный начальнику, судья подсудимому и подсудимый судии, наставник ученику и ученик наставнику, писатель в книге, торгующий в торжище, собеседник в беседе. Сейте слово истины и правды, кто может, на большом, а другие на малом поле, поощряйте к сему друг друга, посев может быть обширным и общественным. От ревностного распространения в обществе слова истины и правды должен произойти плод общественного здравомыслия и правдолюбия, а от сего возрастающее обилие общественного мира и благоустройства, и это будет добрый дар подданных доброму царю, пекущемуся о благе их, или, иначе сказать, их содействие и споспешествование царскому непрерывному подвигу в благоустройстве царства для возвышения его благоденствия. Привычка легкомысленно метать слово на ветер, к сожалению очень обыкновенная, не дает нам приметить, какое сокровище часто расточаем, без пользы, или со вредом, для себя и для ближних... Близ пути слова правды особенно приметны два

распутия: на десной стороне – лесть, на шуй – злоречие. Один говорит: надобно с ближними обращаться приятным для них образом, особенно с высшими, и в следствие сего льстить. Другой говорит: надобно черное называть черным; и под сим предлогом предается злоречию. Ни тот, ни другой не на правом пути, оба на распутьях, которые не ведут к добру. Если слушающий льстеца не самолюбив и проницателен, то мечтающий льстивыми словами купить себе благорасположение и счастье, в самом деле покупает только презрение. А если искушаемый лестью не довольно бдителен и проницателен, то лесть может обаять его, затмить взор его на то, что непременно требует исправления или усовершенствия, утвердить его в ложном и вредном направлении. Злоречие, которым некоторые думают исправить зло, также не есть верное для сего средство. Зло не исправляется злом, а добром. Как загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водою, так описаниями порока, столь же нечистыми и смрадными, как он сам, нельзя очистить людей от порока. Умножение пред глазами народа безобразных изображений порока и преступления уменьшает ужас преступления и отвращение от порока, и порочный при виде оных, говорит: «не я один; таких много, не очень стыдно». Укажите на темный образ порока, не терзая чувства, и не оскорбляя вкуса чрезмерным обнажением его гнусностей, а с другой стороны, изобразите добродетель в её неподдельной истине, в её чистом свете, в её непоколебимой твердости, в её небесной красоте, тогда можете надеяться, что пленник порока отвратит от него устыженный взор, придет в сознание достоинства добродетели, прострет умоляющие руки к небу и взыщет избавления от нравственного плена и порабощения. Христиане! – заключает свою беседу наш вития, еще до христианства, при меньшем совершенстве духовного учения в Ветхом Завете, осуждено и запрещено было неблагородное употребление слова: *удержи язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати лъсти* (Пс.33:14). Христос Спаситель осудил и легкомысленное употребление слова: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, возводят о нем слово в день судный* (Мф.12:36). И апостол заповедует, чтобы мы произносили

только непорочные слова и назидательные для слышащих. *Всякое слово гнило да не исходите из уст ваших, но точию еже есть благо, к созиданию веры, да даст благодать слышащим (Еф.4:29).* Не почитайте маловажным нарушения сих наставлений. От обилия доброго слова – обилие добрых плодов для нас, для ближних, для общества. От умножения злого слова – умножение злых плодов для нас, для ближних, для общества. *В благословении правых возвысится град, усты же нечестивых раскопается (Притч.11:11).* Аминь». ¹⁶²⁴

В том же 1858 году, в день тезоименитства государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича, святитель Филарет счел благовременным и нужным произнести свою знаменитую беседу о воспитании, на тексты *в елико время наследник млад есть, под повелители и приставники есть, даже до нарока отча (Гал.4:1–2).* В этой беседе, указав на наследника всероссийского престола, проходившего за то время «поприще приготовления к подъятию царственных подвигов», и заметив, что «мудро воспитанный наследник престола есть сокровище, соблюдаемое для грядущих родов царства», мудрый вития говорит: «но что, если мудро воспитанный наследник царства, вступая в царскую деятельность, встретит окрест себя род, воспитанный немудро и небрежно? Может ли он поддержать, или устроить благоденствие царства и народа так же удобно, как если бы окружен был людьми, воспитанными тщательно и разумно? Конечно, нет. Итак, народ должен благодарить царя, который упрочивает его благоденствие мудрым воспитанием своего наследника, и с тем вместе должен споспешествовать благонамерению царя и своему будущему благоденствию тем, чтобы каждый отец семейства воспитывал своих детей тщательно и разумно, сообразно с своим состоянием и с их способностями».

И далее, в видах установления точки зрения на предмет, вития говорит: «В нынешнее время о предметах, правилах и способах воспитания так много рассуждают, пишут, спорят, что это едва ли не уменьшает доверия воспитателям от воспитываемых, которые слышат их, препирающихся между

собой, и видят руководительные книги, не давно одобренные, вскоре осуждаемые другими новыми. Может быть, это и неизбежно, по причине умножившихся и оразнообразившихся требований жизни общественной и частной, которым воспитание должно удовлетворять. Притом гласность некоторые почитают всеобщим врачевством против общественных зол, хотя, иногда она бывает и источником общественных болезней, если слишком неудержимо расширяет уста свои не только для правды, но и для неправды. Впрочем, добавляет вития, мне заповедано *не словопретися* (2Тим.2:14) Мой долг указать, по колику возможно, родителям и воспитателям на то, что бесспорно истинно, и для всех их доступно и полезно, и на руководительную книгу, которой не оттесняла бы от них никакая другая».

Эта книга, разумеется, есть Библия, и из неё-то далее вития извлекает учение о наилучшем образце воспитания, не стесняющего вполне свободы, но вместе и полагающего разумное ограничение её в видах постепенного приготовления человека к самостоятельному действию в зрелом возрасте «Все ли равно, говорит он в заключение своих рассуждений, давать обширную свободу умеющему ее употреблять, или не умеющему; зрелому в разуме или незрелому? Очевидно, не все равно. Следственно по мере возраста в образования должно давать свободу детям. Которое из двух направлений правильное, приятнее, и удовлетворительнее для человека, поступление от расширения свободы к её ограничению, или, напротив, от её ограничения к расширению? Очевидно, последнее. Итак, надобно вести детей от ограничения свободы к расширению её. Иначе сделавшийся слишком свободным слишком рано, куда направится далее с своим желанием поступления вперед и возрастающего удовлетворения? Не будет ли он в искушении поколебать справедливые пределы разумной и законной свободы? Провидением Божиим призванные быть родителями, воспитателями и наставниками детей да не пренебрегут сих напоминаний; да помышляют о них благовременно и предусмотрительно, и наипаче, чтобы основанием и душою воспитания было благочестие, да пекутся

о сем с искренним усердием ради детей, ради себя, ради отечества, ради потомства. *В чадах своих познан будет муж (Сир.11:28) Аминь»*¹⁶²⁵

Все эти слова проповеди святителя Московского, столь поучительные и для настоящего времени, были для своего времени подлинно пророческими вещаниями в виду наступавшей, самой важной, государственной реформы – освобождения крестьян, с сопряженными с нею последствиями, как в отношении к другим преобразованиям всего быта России, так и в отношении к настроению общества, вызванному одной мыслью об этой реформе и самой реформой. Не даром святитель Филарет все эти проповеди говорил преимущественно в царские дни, когда в числе слушателей его более всего бывало людей образованного класса, наиболее подвергавшегося влиянию современной литературы. И тем справедливее можно назвать выше приведенные слова проповеди святителя пророческими вещаниями, что с 1862 года, как мы помним, голос проповеди его с церковной кафедры начинает умолкать, раздаваясь лишь в речах по особенным случаям.

А между тем в это-то время, после объяснения свободы крестьянам, которые были своего рода детьми, нуждавшимися в воспитании, громче всего и раздавался по Руси голос печати; в это-то время и начались подпольные действия крамольников среди учащейся молодежи из образованных классов и среди простого народа; в это-то время и начала выше и выше поднимать голову Польская справа, разразившаяся восстанием 1863 года, а подготавливавшая крамолу волнениями молодежи в учебных заведениях в 1861 и дальнейших годах.

В это время Чернышевский писал и печатал в Современнике свой известный по нигилистическому направлению роман «Что делать?» и руководимое им издание Современник, пользовалось особенною поддержкой среди либералов, стоявших у кормила правления, не говоря уже об увлечении им в среде публики. К этому времени относятся и крестьянские волнения по взаимоотношениям крестьян с помещиками, вследствие подстрекательств со стороны лиц,

которым на руку были эти волнения. Влияние крамолы, благодаря уступчивости правительства и сочувствию многих из либеральных представителей сего последнего, действовавших то сознательно, а то бессознательно, простерлось и на следовавшие за освобождением крестьян реформы, как мы замечали раньше. И потому-то святитель Филарет, например, в 1862 году, выражая в речи к государю императору благожелание: «Бог мира и любви, силою общественного единодушия, да подкрепляет и да приводит к желаемому совершению подвиги, предпринятые и предпринимаемые тобою для государственных улучшений»,¹⁶²⁶ иначе сказать, по-прежнему благословляя царские намерения и начинания в делах внутреннего преобразования России, ни одной, кроме освобождения крестьян, реформы не касается в подробностях, хотя, речи произносил до самого последнего года жизни своей, когда многие из этих реформ уже введены были в действие. И это не потому, чтобы он не знал о них. Некоторые места из его официальной и частной переписки показывают, что он знал о них, но не вполне одобрял их в подробностях применения к жизни, как например, по вопросу о земском самоуправлении,¹⁶²⁷ о городском самоуправлении¹⁶²⁸ и т.п.

Напротив, мрачные стороны жизни во время всех этих преобразований, в значительной мере условленные тем, как вводимы были в дело эти преобразования, более вызывали святителя Филарета на слово, нежели светлые черты преобразований. Так, еще в сентябре 1861 года, когда уже происходили, сперва в Петербурге, а потом и в Москве, студенческие беспорядки и волнения в университетах, вызвавшие перемену министерства народного просвещения, не задолго пред тем назначенный в министры просвещения знакомый Филарету граф Е. В. Путятин,¹⁶²⁹ в «весьма секретном» письме на имя последнего сообщал, что со времени отъезда государя императора из Санкт-Петербурга,¹⁶³⁰ в нем «постоянно становилось беспокойнее», и что «цель преступных действий направлена была к ниспровержению существующего порядка в даже, по-видимому, династии». Для подтверждения своих соображений, граф Путятин препроводил к митрополиту

Филарету некоторые бумаги, также секретные, и, руководствуясь верноподданническими чувствами, просил митрополита «выразить, каким он признает лучшим способом сообщить Его Величеству, что настоящее положение дел крайне опасно для государства и императорской власти и убедить его, что при нынешних обстоятельствах нужна большая твердость и сильные меры».

Святитель Филарет, в ответном письме своем от 12 сентября 1861 года, писал графу (Путятину): «Господь да благословит Вашу ревность о благе царя и Отечества. Господь да наставляет и укрепляет вас на поприще, исполненном трудностей, которые приготовлены прежде вас, но против которых вам суждено выдерживать борьбу. Их можно было предусматривать, и оказалось возможным устранить, или не допустить, чтобы они открылись так сильно. Вы желаете возбудить мою ревность. Может быть, я имею в сем нужду. Но для моей ревности есть круг, очерченный моим призванием. Сей круг есть церковь, или, если судить строже, епархия. Если действие мое в пределах моих обязанностей окажется неудовлетворительным, могу облегчить мою скорбь много чем, что действовал по необходимому долгу, при посильном разумении. Но если произвольно выступлю за пределы моих обязанностей, и последствия окажутся не желаемые, я буду иметь в совести сугубый упрек, что действовал не к пользе, и что своею произвольною виною открыл себе путь к бесполезному. Не мало думал я над тем, что мне сообщено; и много скорбел, и много недоумевал, что теперь требуется? Возбудить внимание к опасности? Возбудить внимание к потребности благоразумных и твердых мер? Но в читанных мною печатных и письменных воззваниях¹⁶³¹ опасность так ярко видна, что болят глаза; она говорит сама о себе таким громким и угрожающим голосом, что нельзя представить себе, чтобы эти не возбуждало внимания. Рука не поднимается, чтобы переписать многое из того, что я прочитал. Укажу для примера на одно. *Великорус* хочет отделить от России не только Польшу, но и Южную Русь, а по теории, на которой сие основано, конечно, и многое другое. Можно ли не видеть, что хотят

разрушить Россию? Вспомните при сем, что в отчете следственной комиссии, по происшествию 14 декабря,¹⁶³² упомянуто было, что тогда хотели разделить Россию на семь республик. Сие ведет к заключению, что великорусы высказал не мимолетную мечту одной или немногих голов, но что прилежная подземная работа разрушения выходит наружу. Посему нельзя думать, чтобы не было возбуждено внимание и к потребности благоразумных и твердых мер. Рассуждать же о сих мерах я не имею не только призвания, но и возможности. Сие не требует доказательства. Примечаю и долг имею поставлять во внимание себе и кому могу, что мы много согрешили пред Богом охлаждением к православному благочестию, в чем особенно вредные примеры подаются из высших и образованных сословий, ослаблением нравственных начал в жизни частной и общественной, в начальствовании, в суде, в области наук и словесности, в роскоши и даже в скудости, пристрастием к чувственным удовольствиям, расслабляющим духовные силы, подражанием иноземному, большею частью суетному и не сродному, чем повреждается характер народа и единство народного духа, преследованием частной и личной пользы преимущественно пред общею. Умножившиеся грехи привлекают наказание, по реченному: *накажет тя отступление твое (Иер.2:19)*. Средства против сего: деятельное покаяние, молитва и исправление. Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей. Добродетели охранителей вырывают из рук оружие у порицателей и возмутителей. Не время не деятельности; да возбудится ревность; да умолкнут разделение и частные виды;¹⁶³³ да станут все верные и благонамеренные, в силе единства, в крепкий подвиг под общим знаменем: вера, Царь и Россия. Вот что должен я говорить и говорю, по колику могу, имеющим уши слышати».¹⁶³⁴

За тем в октябре того же 1861 года, когда волнения между студентами усилились и в Московском университете,¹⁶³⁵ и когда государь император, в виду этого неприятного явления, проездом чрез Москву, против обычая, лишь весьма недолго пробыл в ней, святитель Филарет, еще более озабоченный

состоянием России, весьма печальным, решил прибегнуть к особенной, чрезвычайной мере, к усилению церковной молитвы, и в ноябре составил особое из церковных книг выбранное, моление. «Вчера, писал святитель Филарет от 18 ноября 1861 года наместнику Сергиевой Лавры архимандриту Антонию, в день преподобного Никона, который Божие на сторону нашу прещение видел и перенес, и разрушенное бедами после восстановил, мы начали употреблять на службах церковных дополнительное прошение, которое при сем прилагается. Оно заимствовано не из книги молебных пений, а из литии на вечерни, где изречено полнее, почему и яснее то, что оно более заимствовано, нежели составлено».¹⁶³⁶

Между тем слух об этом особом молении разнесся по всей Москве и скоро дошел до Петербурга, где возбудил сильное беспокойство в правительственных сферах. Министр внутренних дел (впоследствии граф) И. А. Валуев¹⁶³⁷ в конфиденциальном отношении к Московскому генерал-губернатору П. А. Тучкову¹⁶³⁸ писал: «Здесь говорят, что будто бы в церквях Москвы во время богослужения читается недавно составленная особая молитва об избавлении России от того затруднительного положения, в котором она будто бы находится в настоящее время. Имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство почтить меня уведомлением, насколько справедлив этот слух, и, если действительно читается какая-либо молитва, которая могла подать повод к подобным толкам, доставить мне копию с оной».

Генерал-губернатор отнесся по этому делу к митрополиту Филарету, и святитель Филарет, в своем письме к нему от 20 декабря того же 1861 года отвечал: «Не составлено, и в церквях Москвы не читается особой молитвы о избавлении России от затруднительного положения, в каком она будто бы находится в настоящее время. Во время общественных бедствий, как например, во время войны, на литургии коленно-преклоненно произносится священником особая молитва, примененная к обстоятельствам времени. Ничего такого нет в настоящее время в Московских церквях. Вероятно, слух, дошедший до министра, произошел от перетолкования действия, просто церковного, не

соединенного ни с каким указанием на политические обстоятельства России. На всякой вечерне, воскресной и праздничной, на литии (если сия не опускается для сокращения богослужения) между прочим, читается следующее молитвенное прошение: *Еще молимся о еже милостиву быти благому и человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев на ны движимый, а избавити нас от належащего и праведного своего прещения и помиловати нас.* Сие прошение, с присоединением не многих выражений, не заключающих с себе особого прошения, а только возбуждающих к сердечной молитве, с некоторого времени, в моей домовой церкви, произносится диаконом между прочими прошениями, так называемой. сугубой ектеньи на вечерне, утрени и литургии. Все обыкшие слышать вышеозначенное прошение на вечерне воскресной и праздничной, знают, что оно составлено в древности, в Греции, и следовательно не указывает ни на какие необыкновенные обстоятельства России и, будучи произносимо в радостной праздничной службе, не есть выражение каких-либо затруднительных или скорбных обстоятельств, а есть просто смиренное и покаянное молитвенное прошение. Только люди, которые не ходят к праздничной вечерне, и мало знакомы с церковною службою, могли принять оное за новость, и дать оному произвольное догадочное толкование. Записка, заключающая вышеозначенное прошение, была также передана мною в кафедральный монастырь и в кафедральный собор, с разрешением, что оное могут употреблять священнослужители, по колику сознают нужду особенно возбуждать себя и других к смиренной и покаянной молитве. Записка сия отдана мною в том самом виде, как при сем прилагается,¹⁶³⁹ и без моей подписи, дабы ее не принимали за предписание, а могли употреблять только желающие. Побуждение, которое руководило мною, и которому, конечно, последовало большее или меньшее число священнослужителей, есть религиозное и нравственное. Оно выражено в начале вышеупомянутой записки в следующих словах. «Понеже умножились грехи наши, и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва».

Если бы на сие потребовалось объяснение, справедливость требует сказать, что с некоторого времени мысли и учения противохристианские, противонаравственные и противоправительственные особенно сильно распространяются в литературе, цензурной и бесцензурной, в молодом поколении, и проникают до низших слоев общества. За умножением грехов мысленных следует умножение и грехов деятельных, частью не застенчиво обнаруживающее себя в прискорбных зрелищах пред глазами общества, частью примечаемое в признаках скрытой заразы. Не думаю, чтобы это нужно было доказывать. Сделаю, однако, немногие указания на то, что близко вижу, или легко могу вспомнить:

1) В «Современнике» была напечатана статья, в которой излагался и доказывался материализм, учение, конечно, не дружное с религией и нравственностью. Бакалавр Киевской Академии написал на сию статью опровержение, которому отдали справедливость основательные ученые.¹⁶⁴⁰ Проповедник материализма не умел защищаться, но не уступил, а отвечал насмешками и оскорблениями. Материалист одинокий не был бы так смел. Так поступить мог только надеющийся встретить многих сочувствующих, и во многих произвести сочувствие ВНОВЬ.

2) Студенты Московского университета (и, говорят, не одного Московского) долго скрытно от цензуры литографировали и распространяли переводы иностранных противохристианских сочинений и противоправительственные статьи Русской заграничной литературы (не знаю, удержаны ли от сего ныне); и потом плоды сих грехов мысленных показали в действиях,¹⁶⁴¹ которые сами, только поздно, признали погрешительными.

3) В «Светоче» (1861 год, кн. IX) в статье под заглавием: «Петр Великий, как юморист», говорится о «всепьянственнейшем соборе», о «сумасброднейшем соборе»; Бутурлин является «Петербургским владыкою», а Петр Великий «протодиаконом». Описывается избрание и постановление князя папы, и кощунственно предаются осмеянию и поруганию не только избрание и посвящение папы, но также и

православные церковные действия, и избрание, и посвящение православных архиереев, как-то: «В процессии идут диаконы, попы, монахи, архимандриты, Бахус, несомый монахами великой обители, ковш, несомый от плешивых» – Что убо, брате, пришел еси, и чесо просиши от нашея немеренности? – Пьянство Бахусово да будет с тобою – Како содержиши закон Бахусов? – Бахусовым (питием) чрево свое, яко бочку, наполняю. И тако всегда творю. И учити врученных мне обещаюсь. Инако же мудрствующие отвергаю. – Налагают руки архиереи. Рукополагаю аз пьяный сего нетрезвого. Налагают шапку с возгласом: венец иглы Бахусовой налагаю на главу твою. После чего поет: аксиос». Во всем этом явно пародируется чин православной архиерейской присяги и посвящения, и выражения из него взяты и изуродованы. Так литература вдруг оскорбляет и религию, и нравственность, и царский род. То, что сие основано на современных письменных документах, не служит к оправданию. Нечистоты существуют, но их выносить на улицу и показывать народу может решиться только лишенный здравого рассудка, или потерявший всякое чувство приличия.

4) В «Северной Пчеле» (1861 год, № 256) по случаю критики на одну хрестоматию, выписаны слова Христа Спасителя: «вы соль земли» и прочее (Мф.5:13–14), и после критических замечаний на некоторые слова текста, прибавлено: мы можем только сказать, что это издается для народа, которому, по мнению г. Невского, логичность в мысли совершенно излишня». То есть, критик полагает, что в точных словах Христа Спасителя совершенно нет логичности мысли. Так судящий Христа, видно, не имеет притязания быть и почитаться верующим во Христа. А между тем, судя Христа, и провозглашая это в народ, он, видно, надеется заслужить рукоплескания за свое свободное суждение, и желает распространить свой образ мыслей. Между тем, как государственная мудрость изыскивает средства законами и правительственными мерами преградить разрушительное влияние против религиозных и против нравственных мудрований и направлений, и охранить дух религиозный и нравственный, который есть истинная душа и

сила жизни общественной; не есть ли долг церкви и её служителей, при виде ослабления сего духа, не тревожным, но тихим действием возбуждать в народе сознание своей греховности и расположение к смиренной покаянной молитве, для избежания гнева и прещения Божия, и для привлечения высшей помощи делу само исправления и общественного исправления? Не благо ли было бы, если бы такими чувствованиями действительно одушевились чада Московской церкви, и не одной Московской?»¹⁶⁴²

В своем отчете по епархии за 1863 год святитель Московский писал: «Состояние благочестия в православной пастве представляет вид благоприятный и свидетельствуется прилежностью к особенно чтимым святыням, посещением святых храмов, усердием к слышанию катехизических поучений, пожертвованиями на устройство храмов и благотворительными учреждениями. Но нельзя не видеть и противоположных сему печальных явлений, и преступно было бы равнодушно молчать о них. Литература, зрелища, вино губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские повременные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство; дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного, доставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания. Такое направление литературы вредно для религиозной, нравственной и гражданской жизни обществ: но зло, происходящее от современной литературы, на этом не останавливается. В литературных произведениях и легкого и серьезного содержания, даже представляемых в учебное руководство юношеству. Божественное откровение подвергается сомнению, священные предания унижаются до сравнения с баснями,¹⁶⁴³ правила христианской нравственности и установления церковные не уважаются, усилие дать

основание неверию в чудеса доходит до того, что проповедуются баснословные ученые нелепости, как, например, в переведенной книге Циммермана утверждается, будто скиния свидения была не иное что, как большая электрическая машина».¹⁶⁴⁴

В согласии с тем еще в сентябре 1863 года, открывая основанное в Москве, отчасти в видах противодействия вредному влиянию такого рода светской литературы, а отчасти в видах наилучшего направления умов в духе истин православия, общество любителей духовного просвещения, святитель Филарет, как первый попечитель сего общества, в ответ на избрание в эту должность обратился к обществу с речью, в которой, указав на цель общества и благословляя его на дело, раскрывает черты истинного духовного просвещения, или что то же, духовной мудрости, на основании слов апостола Иакова: *яже свыше премудрость, первее убо чиста есть, потому же мирна, кротка, благопокорива (Иак.3:17)* следующим образом: «Мудрость христианская должна быть *чиста*, чиста по её источнику, по её побуждениям и цели. Её чистый источник есть Бог, Его слово, заключенное в священных писаниях, уясненное церковными определениями, учением и духовными опытами Богомудрых мужей. Её чистая цель также есть Бог, Его познание во Христе, и Ему благоугождение блаженнотворное. Деятельное нужно внимание для охранения сей чистоты от нечистых влияний не смиренного разума, который сам хочет быть источником истины, который не признает своих пределов пред бесконечным и непостижимым, который истину вечную находя старую, имея побуждением любопытство и целью тщеславие, без разбора гоняется за новым и, как руководительному началу, следует духу времени, хотя бы, это было время предпотопное, который, лепясь потрудиться, чтобы возникнуть в истинную область духа, погружается в вещество,¹⁶⁴⁵ и здесь погрязает.

Мудрость христианская *мирна*, и подвизающийся для неё должен быть мирен. Он должен быть мирен в себе, не взволнован страстями.¹⁶⁴⁶ Только в тихой, а не волнуемой воде отражается образ солнца, только в тихой, не волнуемой

страстями душе, может отразиться вышний свет духовной истины. Мирным нужно быть любителю мудрости и в отношении к другим, *не словпретися*, как учит апостол, *ни на кую же потребу, на разорение слышащих* (2Тим.2:14), и, если нужно стать за истину против нападающих на нее, должно делать сие с покойною твердостью, без раздражения, так, чтобы можно было потом сказать себе в совести: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс.119:6).

Мудрость христианская *кротка*. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напомнить имеющим притязание на просвещение или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят, для исправления. Но мы видим, как порицание сражается с порицанием, удвоенными, утроенными нападениями, и ни одна сторона не обещает исправиться. А что в самом деле должно произойти, если все будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. И так, созидает ли дух порицания, или разрушает? Летят с разных сторон стрелы порицания и на наше звание. Примем *их броню правды* (Еф.6:14) и постараемся отвечать на справедливые порицания, по возможности, исправлением, на несправедливые, – терпением. Прискорбно, что даже внутри нашего стана явились *господие стреляний* (Быт.49:23), которые иногда против братии своих *натягают лук* в повременных изданиях и в книгах. Вы, братия, не допускаете и не допустите подобного. Не забудете слов Премудрого: *кроткий муж сердцу врач* (Притч.14:30), так как и напротив, жестокое слово не врачует, а прилагает к болезни болезнь.

Мудрость христианская *благопокорлива*. Она проповедует и дарует свободу; но с тем вместе учит *повиноваться всякому начальству Господа ради* (1Пет.2:13). Нынешнее мудрование много разглагольствует о свободе; но не редко забывает о повиновении Господа ради, и производит непокорность. Ревнители истинного просвещения должны поднимать дух народа из рабской низости и духовного оцепенения к

свободному раскрытию его способностей и сил, но в тоже время утверждать его в повиновении законам и властям, от Бога поставленным, и охранять от своеволия, которое есть сумасшествие свободы.

Вот мысли, заключает свою речь святитель-вития, которые встретились мне при вашем, братия, вступлении на новое поприще деятельности, близь которого и меня поставили вы вашим избранием, что скажу в ответ на сие избрание? Уже не время мне обещать вам удовлетворительную, в отношении к вашему обществу, деятельность, и потому, может быть, справедливо было бы отказаться от вашего избрания. Однако не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться в отношении к вам чуждым. По мере сил и возможности будем пещись об общем деле и друг о друге».¹⁶⁴⁷

Мысли, которые святитель Филарет высказал в этой своей речи и к которым он, как видно из заключения её, относился с сердечным и деятельным сочувствием, не смотря на старческую немощь, еще шире раскрывали собою те его воззрения на общее состояние и религиозные, нравственные и гражданские потребности и недостатки современного ему русского общества, которые он уже высказывал раньше, и которые мы приводили выше. В значительной мере охватив высшие и средние классы народа русского, при расширении области свободы, злой дух времени стал мало-по-малу проникать и в среду простого народа, особенно с помощью дешевого вина, губительно действовавшего на него благодаря системе откупов. Развращение же народа, притом весьма мало развитого умственно, было бы лишением последней нравственной опоры для государства. Ибо что ни говорите, а нельзя не согласиться с мудрым изречением того же святителя Московского: «Лучшее богатство государства и самая твердая опора престола – христианская нравственность народа».¹⁶⁴⁸

Поэтому-то он и внушал любителям духовного просвещения «поднимать дух народа из рабской низости и духовного оцепенения к свободному раскрытию его способностей и сил», но в тоже время, вопреки внушениям социалистов, нигилистов и прочих, «утверждать его в повиновении законам и властям, от

Бога поставленным, и охранять от своеволия, которое есть сумасшествие свободы». Те реформы, которые были предприняты и совершаемы в связи с освобождением крестьян, тогда только могут быть плодотворны, когда и освобожденный народ дорастет до восприимлемости к идеям и благим намерениям, лежащим в основе их. Следовательно, нужно было предпринять его целесообразное воспитание. Правительство и подлинно тогда же обратило внимание на эту важную сторону дела на ряду с общею школьною реформою, но, к сожалению, и здесь на первых же порах стал проникать в реформу тот же злой дух времени и портить дело. Совет святителя Московского и здесь был существенно важен и доселе остается таким же для лучшего направления дела. Много мудрых мыслей высказано было им в разное время по этому вопросу; но полнее всего высказаны они в его в отчете по епархии за 1863 год, из которого мы уже делали выдержки (с другою целью). «Настоящее время, говорит он здесь, представляется довольно благоприятным для распространения истинного просвещения в народе чрез умножение хорошо устроенных училищ сельских. Народ, по освобождении от крепостной зависимости, видит пред собою открытыми разные поприща общественной деятельности и более прежнего признает пользу грамотности и желает умножения школ; светское начальство сим озабочено, но сия самая забота служит причиною новой заботы для начальства духовного, ибо есть основание опасаться, что светское начальство такое устройство сообщит новым училищам, которое, по светскому своему характеру, не будет благоприятно действовать на утверждение веры и нравственности в народе. Предполагается образовать особых светских наставников, которым будут вверены училища, а духовенство будет лишь приглашаемо, где заблагорассудит светское начальство, к преподаванию закона Божия. Не говоря уже о том, что такие училища будут дорого стоить, тогда как теперешние училища, руководимые и часто содержимые духовенством,¹⁶⁴⁹ почти ничего не стоят, наставников, требуемых в великом числе, не легко избрать и приготовить. между тем, как теперь в священнослужителях представляются

люди готовые и свидетельствованные. Со времени принятия христианства и до настоящего времени русский народ не имел других учителей, кроме духовенства. Духовный отец, испытующий своих прихожан, поучающий их во храме, освящающий их таинствами, молящийся с ними во всех важнейших торжественных случаях жизни, принимающий самое близкое участие в их скорбях и радостях, был и есть самый естественный учитель, и начальник сельского училища, и что духовенство оправдало свое призвание наставлением народа, тому доказательством служит вся Русская история. Какие трудности перенес Русский народ! Он перенес трудные времена княжеских междоусобий, татарского ига, самозванцев и борьбы с поляками, а потом – французами; он великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII века и заслужил удивление сдержанностью своею после объявления ему положений 19 февраля 1861 года. Во всех этих случаях, в течении 900 лет, он имел для всей своей массы одно училище – церковь, был руководим одним учителем – духовенством.

Все сие, конечно, не ведет к тому, чтобы поспешно переменить систему народного просвещения, которая сама собою у становилась и оправдана опытом веков. Если в ней есть недостатки, то удобнее и благонадежнее исправить их, нежели изыскивать и вводить системы новые, искусственные, неиспытанные, неоправданные, не сильно обнадеживающие успехом и сильно угрожающие в случае неудачи, потому что эта неудача прострется на всю Россию.¹⁶⁵⁰

Несовершенство сельских училищ и учителей духовного ведомства происходит наиболее от недостатка способов. Учитель имеет потребные сведения, их нужно лучше приспособить к делу. Пусть дадутся способы учителю и учебные пособия для учеников; он не затруднится усвоить себе благонадежную методу преподавания, даже без помощи особых педагогических наставлений, посредством книг и собственного опыта и совещаний с людьми подобных занятий.¹⁶⁵¹ Надежда сия основывается на опыте. В Московской епархии в 1863 году было сельских училищ светского ведомства с пособием казенных денег 54; учеников 2.113; учениц 354; духовного

учреждения, без пособия казенных денег, училищ 200; учеников 3.518; учениц 496. Итак, видно, народ имеет сочувствие к учителям духовного звания и находит их благонадежными для своих детей.¹⁶⁵²

Между тем злой дух времени, кроме того, что вскоре же, с учреждением земства, подавил эти училища с характером церковности, эти истинные церковноприходские школы, но и простер свое разлагающее влияние на самый характер начального народного обучения. Известна мысль одного из вождей социалистического у нас движения, обращенная к его единомышленникам, что если народная школа окажется в руках последних, то успех дела их будет обеспечен: таракан будет пойман».

И к прискорбью должно заметить, что попытки их на этом вредном для России пути были не безуспешны,¹⁶⁵³ хотя, и не такой имели успех, как попытки совратить высшую и среднюю школу на тот же путь. Если в простом народе еще твердо держались те жизненные начала, которыми сильна была Русь во все времена её истории и которые явились сильным противодействием стремлениям социалистов, нигилистов и т.п., то в так называемых интеллигентных классах народа молодежь давно уже представляла собою удобную для осуществления этих стремлений почву. А устранение классической системы образования в светских учебных заведениях, начавшееся еще с 1849 года, прямо способствовало успеху таких стремлений.¹⁶⁵⁴ Святитель Филарет, сам получивший образование в строго классической духовной школе доброго старого времени и изведавший на опыте добрые плоды такого образования, естественно, стоял за классическую систему образования.¹⁶⁵⁵ Правда, его соображения по этому предмету, как и следовало предполагать, ближе всего касались школы духовной, но это не изменяет, конечно, существа дела. А в отношении к этой школе, как низшей, так и средней, он прямо говорит, рассуждая о мерах к усилению знания древних языков в духовных семинариях, что «нужно, чтобы начальное обучение древним языкам в низших училищах было основательно, и чтобы тем облегчалось дальнейшее в семинарии»;¹⁶⁵⁶ и когда студенты подведомой

ему духовной академии, увлекаясь духом времени, вздумали было, без особенной в том надобности, в 1860 году «открыть воскресную школу для мещанских детей Сергиевского посада», он чрез академическое начальство внушил им, что вместо обучения детей русской азбуке, некоторые из них более имеют нужды употребить свободное время для усиления своего знания латинской и греческой словесности».¹⁶⁵⁷ Ратуя за строго классическую систему образования молодого поколения средних и высших классов народа, как единственно правильную и способную дать наилучшее умственное воспитание сему поколению, святитель Московский, в отношении к воспитанию сердца и воли, к воспитанию религиозному и нравственному, держался прежних начал, не раз проповеданных им и с церковной кафедры, которые можно выразить кратко словами Священного Писания: *начало премудрости – страх Господень*.

Потому-то так болезненно и отзывалось в его сердце все, что в воспитании современного ему молодого поколения эпохи реформ шестидесятых годов не соответствовало этому коренному началу. Поэтому же он так строго и смотрел на волнения учащейся молодежи того времени, осуждая эти волнения, как беспорядочное явление в жизни средней и высшей школы, как плод превратного направления в понятиях об учении и воспитании в заведующих школою и в учащихся.

Более отрадным для святителя явлением в жизни общества реформенной эпохи были благотворительные учреждения, которыми и раньше была обильна Москва и которыми она еще более обогатилась в царствование государя императора Александра Николаевича, причем, как и прежде бывало, в этих учреждениях обыкновенно устроились и храмы Божии, что еще более радовало святителя Московского. Уже в самый первый год нового царствования святитель имел утешение освящать храм во имя св. великомученицы Варвары в устроенном известным нам из прежнего А. И. Лобковым¹⁶⁵⁸ Варваринском сиротском доме, что на Шаболовской улице, Серпуховской части. Освящение совершено было 1 ноября 1855 год.

По освящении храма святитель-вигия произнес беседу, в которой между прочим, в следующих словах передает историю

этого учреждения и самого храма при нем: «В естественном порядке то, чтобы потомки создавали памятники предкам, дети – родителям. Но сей храм, с прилежащим ему благотворительным учреждением, есть памятник от предков потомкам, от родителя детям. Два сына его, тщательно в благочестивом благонравии воспитанные, достигшие возраста, который мог обещать ему вскоре сыны сынов, пришли в невидимый дом Отца небесного. Дщерь, уже начавшая исполнять подобную надежду, сделавшись супругою и матерью, подобно братьям, поспешно удалилась за пределы видимого, унося с собою и свое потомство. Надежда для отца семейства еще осталась, но много уже надежд утрачено безвозвратно. Темен облак судьбы над сими событиями. Но благословен Владыка судеб, Отец щедрот, Бог утешения. Огорченную любовь к детям он вразумил искать утешения в любви к ближним, в деле человеколюбия. Утешение, без сомнения, обретено. Можно ли обрести и свет, для усмотрения правды и благодати Божиих судеб, сквозь сумрак событий не светлых и не радостных? Кажется, можно. Случилось, что душа юноши открылась мне до глубины своей. Он искал разрешения своего недоумения. Видел желание родителя ввести его в супружескую жизнь, тогда как сам желал посвятить жизнь свою Богу в девстве. В нем поставлены были в борьбу две добродетели: почтение к родителю и любовь к девству. Не хотел он отказать родителю в его желании, не хотел отказаться и от любви к девству. Я дал ему совет, чтобы он, не прекословя родителю, просил себе времени на размышление, и между тем прилежно прибегал к Богу с молитвою: *скажи мне, Господи, путь в онь же пойду, яко к Тебе взял душу мою* (Пс.142:8). Господь внял молитве, прекратил затруднение; сохранил добродетель, чрез не долгое время взял к Себе юношу, сохранившего и девство, и почтение к родителю. Не бессмертный ли это луч света из гроба? Не видите ли здесь правды и благодати судеб Божиих? И судьба приснопамятной рабы Божией боярыни Варвары, оплаканная в свое время любовью родительскою, не должна ли ныне быть благословлена, и впредь благословляема любовью христианскою? Увяло юное древо, и упал в землю ранний

недозрелый плод, но явилось искусство, действием которого возникает сад, начинающий приносить нового рода плоды, имеющие возобновляться непрерывно. Не оставившая по себе естественного потомства получает искусственное потомство, рожденное и рождаемое не от плоти и крови, но от духа любви христианской. Если *благословением* признается видеть своих сынов, *яко новосаждения масличная окрест трапезы* (Пс.127:4–5), меньшее ли благословение, даже не высшее ли благословение – по человеколюбию собрать множество чужих сынов или дочерей,¹⁶⁵⁹ сирых, беспомощных, наполнить ими дом, уготовать им трапезу, одежду, покой, полезное наставление, и наипаче вести их к Богу посредством учения веры, посредством молитвы и святыни храма? Пекущиеся о своих детях следуют влечению природы,¹⁶⁶⁰ христиански призревающий и воспитывающий чужих беспомощных детей приносит бескорыстное служение отечеству земному и небесному, и самому Отцу небесному. Небесный *Отец сирых* и беспомощных являет им Свою благодать, возбуждая в сердце человека сострадательное желание расточать на них свои сокровища: Бог правды собирает сии тленные сокровища и составляет из них для благотворящего нетленное сокровище на небесах. *Расточи, даде убогим, правда его пребывает в века века»* (Пс.111:9).

И затем святитель-вития делает следующие нравственно-поучительные выводы из исторического очерка благодеяния устроителя сиротского дома и храма: Дадим славу судьбам Божиим, часто для нас непонятным, но всегда правым и благим, которые иногда путем мрака ведут к свету, лишением утешения естественного – к утешению благодатному. Если иногда не достигаем того, чтобы могли сказать: *разумех Господи, яко правда судьбы Твоя*, научимся по крайней мере говорить: верую, Господи, *яко правда судьбы Твоя*, и с упованием покоряюсь им, самих себя похвалим, искусство врачевать скорбь деланием добра. Это врачевство превосходное. Сорадуясь благотворению и приемлющим благодеяния, пожелаем, чтобы насажденное человеком возрастил Бог».

И наконец вся беседа заключается молитвою: «Христе человеколюбче, рекий некогда: *оставите детям приходить ко Мне!* (Мк.10:14) Се пред Тобою сонм детей. Никто не возбраняет им приходить к Тебе, но мы тщимся приблизить их к Тебе, и приклонить под осенение Твоей десницы. Благослови и благословляй их, да возрастают в благочестии и благонравии; да будут достойны общества христианского, да соделаются чадами царствия Твоего вечного. Аминь».¹⁶⁶¹

В начале 1866 года учредитель и попечитель Варваринского сиротского дома Лобковых коллежский советник А. И. Лобков¹⁶⁶² обратился к митрополиту Филарету с просьбою об определении штатного причта к храму этого дома. По этому случаю митрополит Филарет от 31 января 1866 года писал ему следующее: «Вследствие письма вашего, от 21 сего января, об определении к церкви Варваринского сиротского дома штатного священника с причетником, согласно с вашим желанием, представлено мною Святейшему Синоду. Между тем, как приближающееся время поста особенно требует священника для Варваринской церкви, то я предписал: священника села Игнатьева, Виноградова, изъявившего желание поступить к сей церкви и приемлемого вами, определить к ней ныне же. Извещая вас о сем, призываю вам благословение Божие и молю Бога, чтобы христианским человеколюбием вашим основанное и существующее благотворительное учреждение в воспитываемых в нем приносило плоды благочестия и благонравия, принося вам духовное утешение и почтенную память в будущем».¹⁶⁶³

Вскоре же после освящения храма в Варваринском сиротском доме Лобковых святителю Филарету представился случай совершить освящение храма в другом благотворительном учреждении, именно в здании Барыковской богадельни для престарелых женщин, что в Дурновском переулке, Пречистенской части. Это освящение состоялось 17 ноября того же 1855 года. И здесь, по освящении храма Нерукотворенного образа Господня, святитель-вита произнес беседу, в которой также касается истории учреждения, хотя, более сосредоточивает внимание слушателей на поучительной

стороне дела, нежели на истории учреждения. Чтобы уразуметь смысл краткого, сжатого изложения сей истории, представленного в беседе святителя-вителии, без строгого обозначения лет и имен, мы считаем нужным предварить это изложение сообщением о тех и других. В Пречистенской и сопредельных с нею частях Москвы, особенно чтимым издавна, был нерукотворенный образ Спаса, потому, как объясняют некоторые, что в этой части жили митрополичьи люди и была поземельная собственность митрополитов Московских, из коих св. Алексей митрополит вывез из Константинополя нерукотворенный образ Спаса.¹⁶⁶⁴

В частности, на том месте, где теперь находится Барыковская богадельня. Еще в первой половине прошедшего столетия, в обладании дворян Лукиных, находился нерукотворенный образ Спасов, на стене дома начертанный и весьма чтимый по причине чудотворений, от него происходивших, в числе коих было в то, что сколько раз ни закрашивали, сколько раз ни стирали, по приказанию одного из владельцев дома, образ, он опять появлялся на стене. В 1764 году дом и место перешли во владение дворян Дурново (отсюда и название переулка), благоговевших пред образом и даже, с разрешения епархиального начальства, устроивших в доме церковь. Во время нашествия французов в 1812 году и дом, и церковь дворян Дурново сгорели. Но икона Спасителя нерукотворенного образа на стене в доме осталась неповрежденною.

После нашествия неприятелей мало-по-малу дом и церковь годы Дурново были восстановлены и в 1822 году, с разрешения архиепископа Московского Филарета, церковь была освящена. Впоследствии дом и церковь годы Дурново перешли во владение надворного советника Ивана Ивановича Барыкова. Он устроил в доме богадельню для престарелых женщин и в 1851 году передал его в Попечительство о бедных в Москве Таким образом, положение домово́й церкви упрочилось переходом дома с церковью из частного владения в общественное. По распоряжению Попечительства дом заново перестроен, церковь возобновлена и освящена в 1855 году 17 ноября.¹⁶⁶⁵

Имея все это в виду, святитель Московский в самом начале своей беседы по освящении её говорит: «Образ Господень освятил предварительно сие место, потом благоговение к Образу Господню посвятило ему сей храм. За сорок три года пред сим вражеская святотатственная рука коснулась храма сего, и вследствие сего прекращено было в нем священнослужение. Но Господень Образ сохранил себя от святотатственной руки, и сохранил свой храм от совершенного уничтожения, впрочем, на время оставил его не столько в действии, сколько в надежде и ожидании. Долго смотрели мы на сем храм, не желая уничтожить его. Но и не встречая условий, при которых могли бы возратить ему полное и непрерывное¹⁶⁶⁶ священнодействие. Молитвенники приходили к Образу Господню, но Царь славы не входил в двери алтаря сего, для совершения великого таинства Тела и Крови своея. *Время всякой вещи под небесем* (Еккл.3:1), сказал проницательный наблюдатель событий в мире. Наконец надежда и ожидание оказались не тщетными. Молящийся пред сим Образом Господним ощутил благодатный плод молитвы, и дар возбудил благодарность.¹⁶⁶⁷ Благоговение и человеколюбие соединились, чтобы не только храму сему возратить вполне святыню его. Но и дом сей посвятить на дело Божие, на дело призрения беспомощных. Сие дело одного лица¹⁶⁶⁸ сделалось делом общества, одушевленного тем же духом благоговения и человеколюбия, и храм сей облекся в благолепие, какого не имел от начала. *Да узрят нищие и возвеселятся* (Пс.68:33). *Да возвеселится сердце ищущих Господа* (Пс.104:3). Да прославят верующие Господа, судьбами своими воздающего честь святому Своему Образу». И за тем вития поучает о том, как можно и должно нам воздавать Образу Господню подобающую ему честь и славу.¹⁶⁶⁹

В следующем 1856 году, когда печальные последствия Крымской войны потребовали особенного попечения о болящих и раненых. Императорский Вдовий дом по обычаю был главным источником благодеяний такого рода для больных и раненых, высылая от себя с сею целью, как в военное время, сердобольных вдов. Этих вдов, также по обычаю, не оставлял

без своего назидательного слова святитель Московский. Так именно 16 марта означенного 1856 года святитель Филарет в Мариинской церкви Вдовьего дома говорил беседу пред обетом сердобольных вдов, в которой, прямо сказав в начале её: «Неоднократно, под руководством слова Божия, предлагали мы здесь учение о христианском человеколюбии вообще и применительно к обязанностям приемлющих на себя обет сердобольного попечения о болящих», на этот раз представляет поучительный пример из истории Христианской Церкви в жизни Евлогия Александрийского, пятнадцать лет служившего прокаженному и делает назидательные выводы из повести о нем, говоря в заключение своей беседы: «Если бы случилось и с вами, чтобы человек, которого бедствие вы облегчаете вашим попечением о нем, стал вам в тягость своею нетерпеливостью, преувеличенными и неудобноисполнимыми требованиями, неблагодарностью: остерегитесь, чтобы вам не отвечать на нетерпеливость нетерпеливостью, чтобы не расстроить вашего подвига, чтобы не поколебать вашей надежды спасения, чтобы раздражаясь на того, кто с горя раздражается и раздражает вас, не раздражить Бога. Призванным к попечению о болящих, особенно многих в одном месте, могут причинять затруднение, мнительность, невольное тяжкое чувство при виде тяжких болезненных состояний и опасение за свое здоровье. Но мы теперь видели человека,¹⁶⁷⁰ который пятнадцать лет служил прокаженному; по необходимости часто прикасался к ранам его; своими руками влагал ему в уста пищу и не смущался ни отвращением, ни опасением; и провидение Божие оправдало его веру и человеколюбие. Имейте веру и человеколюбие: и служение страждущим ближним будет для вас и не тяжело, и безопасно».¹⁶⁷¹

Эта беседа святителя Филарета очень понравилась слушателям, так что была мысль послать ее и Высочайшей покровительнице того благотворительного учреждения, в церкви коего она была произнесена, о чем уже в 1858 году писал святитель Филарет председательствующему в опекунском совете ведомства императрицы Марии князю С. М. Голицыну: «Изволили вы говорить, что от меня потребуют беседы,

говоренной во вдовьем доме. Не требовали, и потому я не послал. Теперь, конечно, уже поздно; говорю сие только для того, чтобы не было вины на мне». ¹⁶⁷²

Между тем в том же ведомстве императрицы Марии существовало еще с 1805 года специальное учреждение для бедных больных, основанное по мысли самой императрицы Марии Феодоровны. Это Мариинская больница для бедных, что на Новой улице, близ Божедомки. При этой больнице с 1806 года существовала и церковь во имя Св. Петра и Павла. Как больница, так и церковь при ней служили предметом особенно нежной заботливости со стороны основательницы, а по кончине её, сына её, государя императора Николая I. Так Императрица Мария Феодоровна подарила в церковь при больнице всю церковную утварь, образ св. князя Михаила Тверского и другие, из её порфиры устроена была одежда на престол и на жертвенник и священническая фелонь. Освященная в 1806 году, церковь при больнице оставалась в первоначальном виде до 1857 года, когда, по ходатайству начальства больницы и по благословению митрополита Московского Филарета, была обновлена совершенно в течении пяти месяцев под наблюдением известного архитектора Быковского, и с помощью лучших художников.

По окончании обновления Церкви и по донесении о том митрополиту Филарету последний изъявил желание лично совершить освящение её. Но «никто, писал современник события, не мог ожидать, чтобы маститый архипастырь наш, в заключение продолжительной службы, увенчал торжество освящения одним из тех красноречивых слов, которые привлекают к нему столь многих восторженных слушателей и надолго остаются в памяти ума и сердца».

Однако, маститый старец-вития, издавна привыкший благодарно назидательным словом встречать всякое, более важное, дело благотворения в учреждениях ведомства императрицы Марии, столь близких сердцу членов августейшей фамилии и сердцу самого святителя, исполнил и этот долг своего призвания. Освящение Петропавловского храма при Мариинской больнице состоялись 15 декабря 1857 года. На

освящении присутствовали почетные опекуны и другие лица, служащие в Опекунском совете, за исключением не бывшего по не здоровью, «всеми искренно любимого» и к святителю Филарету издавна искренно благорасположенного председательствующего в Опекунском совете, известного Московского вельможи князя С. М. Голицына, а также и многие из посторонних лиц.

Поставленный в конце литургии на амвоне для проповеди аналой мгновенно окружен был предстоявшими, обратившимися в благоговейный слух и внимание»,¹⁶⁷³ и 75-летний старец-вития произнес превосходную, глубоко назидательную беседу о необходимости соединять с телесным врачеванием и духовное, состоящее в пособиях веры, подаваемых в таинствах елеосвящения, покаяния и евхаристии или причащения, искусно установив повод к беседе о сем предмете в следующих словах: «Церковь и больница теперь у нас в глазах, а потому естественно и в мыслях они сближены так, что находятся под одним общим кровом, и разделены только так, чтобы святыня сохраняла подобающую ей неприкосновенность. Нет ли в сем вещественном сближении умственного? Конечно есть, потому что такое устройство произошло не от безотчетного произвола, но от рассуждения основательного и благонамеренного. Мне кажется, самое сие здание говорит, если бы не сказал я, что больнице нужен союз с Церковью, что больным нужны не только врач, но и священнослужитель, не только врачевства, но и молитвы и таинства».

А в заключение беседы вития касается и истории учреждения, помещенного в этом здании. «Не могу умолкнуть, говорит он слушателям, не разделив с вами утешительного помышления, что богоугодное и человеколюбивое учреждение, в котором теперь находимся, и многие подобные ему в сем царствующем граде, именем и делом происходят от великих, державных, венценосных, и преемственно пользуются непосредственным их покровительством и непрерывным попечением. Храни, Россия, царствующее над тобою благочестие и человеколюбие твоею верою и верностью и

чистою, от непорочной жизни восходящею молитвою, удерживай над собою благодатный покров небесный. Аминь».¹⁶⁷⁴

Подлинно только «хранить» России надлежало (и надлежит) «благочестие и человеколюбие», которым издревле славилась она в царях и сынах своих и которым всегда была крепка, удерживая чрез то над собою «благодатный покров небесный». Москва в этом отношении, как и в других отношениях, была всегда по истине сердцем России, главным средоточием чисто русской благотворительности, о чем мы уже имели случай замечать; и святителю Филарету приходилось нередко утешаться различного рода выражениями человеколюбиво-благочестивых чувств Москвы в течение его продолжительного служения на архиерейской кафедре в ней.

Между прочим, случай к сему представился для него и за один из последних годов его проповеднической деятельности, именно за 1858 год, когда в декабре (8-го) состоялось освящение храма во имя св. Александра Невского при Покровской богадельне Московского мещанского общества, что на Покровке, у Покровского моста. Богадельня эта основана еще в 1837 году, бывши помещена в свободных, по ветхих зданиях бывшей Старо-Екатерининской больницы, расположенных в подмосковном селе Покровском на земле Приказа общественного призрения.

Давая разрешение на постройку богадельни в этих зданиях, тогдашний Московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын отметил, что она учреждается «для искоренения бродяжничества праздношатающихся мещан по улицам Москвы».¹⁶⁷⁵ В самом деле, многие бедные мещане, особенно достигшие старости, не имея сил зарабатывать себе хлеб насущный трудами рук своих, принуждены были добывать его себе нищенством. Мещанское же общество было малочисленно тогда и не богато средствами. Тем не менее, чтобы помочь горю и приютить бедных своих собратий, оно воспользовалось случаем обращения зданий бывшей Старо-Екатерининской больницы в богадельню и устроило последнюю сперва не в широких размерах, ассигновав на содержание её по три тысячи рублей ассигнациями в год. С усилением средств своих,

мещанское общество в 1851 году к старым зданиям богадельни пристроило три новых каменных корпуса, употребив на постройку их до 60 тысяч рублей. С увеличением помещений сего благотворительного учреждения, расширилась и самая благотворительная деятельность его. Кроме увеличения числа призреваемых, в том же 1851 году при богадельне основано было училище и кроме престарелых членов общества в нее стали приниматься и малолетние сироты того же общества. В 1857 году при богадельне совершена была закладка храма во имя св. Александра Невского; а в конце 1858 года этот храм был уже готов к освящению, каковое и совершилось вышеозначенного числа декабря сего года.¹⁶⁷⁶ Освящение совершал опять сам святитель Филарет, произнесший по освящении храма и беседу, также достопримечательную во многих отношениях. В этой беседе вития, начав речь с библейского повествования о создании второго храма Иерусалимского, между прочим, говорит: «Мы здесь не в Иерусалиме. Не для града и народа создан сей храм. Никто не препятствовал его созиданию и никто не понуждал к сему, и никогда к подобному делу не требует понуждения сей град»,¹⁶⁷⁷ издревле донныне любитель храмов Божиих. Добрая воля, благочестивое усердие, человеколюбие общества граждан создали сей храм, в соединении с сим домом, для того, чтобы *Лазарь* убогий, истощенный в силах, беспомощный, не *лежал у ворот богатого*, или в полуразрушенной хижине другого, почти также беспомощного; чтобы здесь общественно исполняемо было то, что призывается к благословению на суде Христовом – призрение странных, немощных, беспомощных, питание алчущих, одеяние нагих.

Но сего не довольно: человеколюбие христианское возжелало еще, чтобы призреваемые здесь пользовались не только покойным для них жилищем, но и домом Божиим, чтобы им близко было находить духовную пищу и духовное врачевство душевных болезней в священно-служении и таинствах святого храма. И сие желание ныне исполняется. Благословен Бог! Благословенно христианское человеколюбие!»

И за тем из повествования о создании второго храма Иерусалимского, по связи с только что изложенною историей храма при богадельне, святитель-вития извлекает «мысли, утешительные для храмоздателей и полезные для всех посетителей» сего последнего храма.¹⁶⁷⁸ «Благоденствие Иерусалима возвысилось»,¹⁶⁷⁹ вот главное и ближайшее последствие создания второго храма Иерусалимского. Тоже последствие понята указывал святитель-вития и для созидания храмов Божиих по Москве. Тоже последствие указывал он и для всей России, под условием сохранения его благочестия и человеколюбия. Яснее и шире всего эта мысль высказана и раскрыта была им по случаю важнейшего события во внутренней жизни России за время царствования Александра II, – празднования тысячелетия России в 1862 году, при подведении последнему итога всей своей тысячелетней жизни и деятельности.

Еще задолго до 1862 года задумано было торжественное празднование тысячелетия России. В Новгороде – колыбели Русского государства, предположено было воздвигнуть (на площади) памятник, достойный великого события и с соответствующими изображениями. На этот памятник открыта была всенародная подписка еще в 1857 году, и Московская епархия, со своим архипастырем во главе, также принимала участие в этой подписке, хотя, святитель Московский считал самое предприятие сооружения памятника происшедшим «не от высокого мудрования».¹⁶⁸⁰ И освобождение крестьян от крепостной зависимости спешили совершить, между прочим, для того, что простой народ, как уже свободный, участвовал в этом всенародном праздновании. С празднованием тысячелетия России предполагали соединить и начало торжественного празднования памяти просветителей славян, а чрез них и России, – святых Кирилла и Мефодия. Преосвященный Смоленский Антоний (Амфитеаров) составил акафист этим святым, представил его Святейшему Синоду, и вот «родился вопрос: не прочесть ли его в день тысячелетия во всех церквах России?»

В ответ на этот вопрос святитель Московский приватно писал наместнику Сергиевой Лавры, архимандриту Антонию: «Согрешил я, мне кажется это более придуманным, нежели возникшим из глубокого усердия и благодарения Богу. Общеобязательного богослужения не умеем исполнить с полнотой, без поспешности и сокращений, а изобретаем протяженные службы, обильные более словами, нежели силою. Спорить сомнительно, с моей же стороны я предложил бы составить только канон, по возможности назидательный, и велеть пропеть молебен так, чтобы канон был явственно прочитан. Или это только мое ленивое мудрование? Мне приходит на мысль, что с благодарственной за 1.000 лет молитвою надлежало бы соединить покаянную и за многие, особенно за последние годы». ¹⁶⁸¹

В виду этого чин церковного служения по случаю предположенного на 8 сентября 1862 года празднования 1000-летия России был установлен по совету митрополита Московского, и сложенную им молитву вознесла к Богу Россия 8 сентября означенного года. Вот эта, глубоко знаменательная и вполне согласная с приведенными сейчас мыслями святителя Филарета, молитва: *«Господи Боже, Царю веков, глаголяй на язык и на царство и созиждай и насаждай их (Иер.18:9). Ко Твоему величеству припадающе со страхом и благоговением, благодарно исповедуем милости Твоя, многочастне и многообразне в десяти веках явленные народу и царству Российскому. Ты бо, Господи, возглавлял еси Твое зиждительное слово на сей народ, и создал еси в нем царство, и насадил, и укоренил, и возрастил, и расширил еси его на земли обитания его, и поставил еси над ним от Тебе сущую власть, и укрепил еси его на сопротивных, и оградил еси его законами, наипаче же просветил и одушевил еси его спасительною верою, и аще иногда и жезлом посещал еси неправды его, но милости Твоея не удалил и не удалявши от нас. Тя убо Владыку, Господа и Благодетеля славим, хвалим, благодарим, поем и величаем, и от самых щедрот Твоих в вере и уповании утверждение и дерзновение пред Тобою приемлюще смиренно молим: сохрани престол и царство благочестивейшего*

самодержавнейшего великого государя императора Александра Николаевича всея России в истинном величии, твердости и славе. Прости, всемилостиве Господи, вся грехи наша и отец наших, и направи стопы наша к деланию заповедей Твоих. Соблуди в нас православную веру в её чистоте и силе, и да пребудет она, якоже бысть, средоточием общественного единения, источником просвещения, основанием и твердынею народного благонравия, правды законов, благодетельности управления, нерушимости благостояния. Да не увянет и не исхнет древнее насаждение добра, но да привиется к нему новое стеблие лучшего, и да изыдет новый цвет благолепия и плод совершенства. Тако призри на нас, и ущебри нас, да благословляемы Тобою, от дне до дне и от века и до века благословим Тя, Господи. Слава Тебе Богу. Благодетелю нашему, во веки веков. Аминь».

Эта молитва должна была читаться на молебствии в день празднования тысячелетия, а в конце молебствия долженствовали быть сделаны протодиаконами или диаконами следующие провозглашения, также нарочито для сего составленные Московским святителем Филаретом: «Просветившим Россию христианскою православною верою равноапостольным великому князю Владимиру и великой княгине Ольге,¹⁶⁸² преемственне в течении веков созидавшим и укреплявшим единоедержавие России благоверным царем и великим князем, ново созидавшим Российское царство и расширившим оное в Бозе, почившим благочестивейшим императорам и императрицам, *вечная память*. Всем избранным сынам России, в течении веков верно подвизавшимся за её единство, благо и славу, на поприщах благочестия, просвещения, управления и победоносной защиты Отечества, *вечная память*. Времена и лета в руке Своей положивый Господи. Твоим премудрым всеблагим Промыслом тысячелетие сохраняемому и возвращаемому царству Всероссийскому, пробави велию милость Твою и сохраняй оное в вере и правде, во Богозаконии и благоустроении на лета и века многие».¹⁶⁸³

И эти провозглашения, вместе с молитвою, были вознесены в день празднования тысячелетия России 8 сентября 1862

года¹⁶⁸⁴ по всей России. Особенно торжественно было это празднование, конечно, в самом Новгороде, куда к означенному дню прибыли: сам августейший самодержец Российской Империи государь император Александр Николаевич с государыней императрицей Марией Александровной. Государь наследник цесаревич Николай Александрович, августейший брат его, ныне благополучно царствующий государь император Александр Александрович, в то время великий князь, и другие августейшие особы императорского Дома, министры, высшие чины двора и свита.

Церковное торжество (литургию в древнем, построенном великим князем Ярославом Мудрым, Софийском соборе и молебн на площади) совершал соборне сам первенствующий член Святейшего Синода, высокопреосвященнейший митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор. При этом «особенно торжественна была, пишет очевидец события, минута, когда государь, все августейшее семейство, войска и народ преклонили колена при вознесении молитвы о благоденствии России»,¹⁶⁸⁵ т.е. молитвы, составленной святителем Московским Филаретом.¹⁶⁸⁶ В Москве и Московской епархии празднование тысячелетия России было, естественно, скромнее; но и здесь, в Большом Успенском Московском соборе сам маститый иерарх произнес ту же молитву, а протодиакон – вышеприведенные провозглашения.¹⁶⁸⁷ Но еще раньше сентября государь император посетил свою первопрестольную столицу, и при встрече Его Величества 19 августа в большом Успенском соборе, святитель Московский Филарет приветствовал Его следующею замечательною речью: «Благочестивейший государь! Прежде нежели тысячелетний старец Новгород будет приветствовать тебя тысячелетием твоей России, да будет позволено семисотлетней Москве предварить тебя сим приветствием. Царь веков дал тебе жребий стать на границе тысячелетия совершившегося и тысячелетия начинающегося, чтобы внимательным воспоминанием прошедшего изощрить и управить взор на настоящее и будущее. Благодарное воспоминание прежних благодеяний Божиих да привлечет новые благодеяния Божии. Почетная память

доблестей, явившихся в минувших поколениях, да поощрит к доблестям новые поколения. Беспристрастный взор на погрешности прошедшего да отразит их от настоящего. Добрые царственные опыты и примеры да обратятся в совет и в руководство, что было началом огражданствования и просвещения России? Что объединило ее после княжеского раздробления? Что не допустило ее пасть под чуждым игом, и исторгло из-под ига? Что из разрушительного междоусобия воссоздало ее в сильно сосредоточенную монархию? Не паче ли всего православная вера? Молим Царя веков, Бога, да споспешествует тебе во всем благе и полезном для России, первее же всего в охранении и на грядущие веки православной веры, охраняющей Россию». ¹⁶⁸⁸

Само собою разумеется, что эта речь, по отпечатании её в Московских Ведомостях, читана и перечитываема была с величайшим вниманием. Она легла в основание отчасти того, что говорилось и писалось в России после её напечатания по самый конец празднования тысячелетия. Сам государь император в Новгороде, 8 сентября, дворянству Новгородской губернии между прочим, говорил следующее: «Поздравляю вас, господа, с тысячелетием России. Рад, что мне суждено было праздновать этот день с вами в древнем нашем Новгороде, колыбели Царства Всероссийского. Да будет знаменательный этот день новым залогом неразрывной связи всех сословий земля Русской с правительством, с единою целью счастья и благоденствия дорогого нашего отечества. На вас, господа дворяне, я привык смотреть, как на главную опору престола, защитников целостности государства, сподвижников его славы, и уверен, что вы и потомки ваши, по примеру предков ваших, будете продолжать вместе со мною и с моими преемниками служить России верою и правдою».

Эти слова, произнесенные «твердым, но исполненным чувства голосом»: произвели сильное, «электризирующее впечатление на всех присутствовавших. Слова: *будете... верою и правдою*, вызвали громкий единодушный возглас: *будем, государь, будем!*» ¹⁶⁸⁹

Действительно эти исполненные глубокого понимания значения великого события, слова мудрого и любвеобильного монарха обширнейшей в свете империи ясно говорили сердцу каждого истинного сына России, что и у отца отечества – государя и у сынов его россиян была и должна быть одна цель – счастье и благоденствие дорогого для всех отечества. Счастье же это и благоденствие, как раскрыто было в речи святителя Московского Филарета, имело, имеет и будет иметь опору только в вере православной, охраняющей Россию, и в благочестии. По этому-то за веру, царя и отечество и совершаемы были и могут быть совершаемы самые благородные, наилучшие подвиги истинных сынов отечества.

Раньше мы видели, что слова: за Веру, Царя и Отечество, лишь в иных несколько выражениях, открыто провозглашал святитель Московский Филарет, как истинный и верный сын Отечества, истинный россиянин. Но этот сын отечества был всегда и самым верным подданным царю русскому. Верноподданнические чувства его мы уже не раз видели выраженными по различным случаям в его проповедях. Нам остается теперь рассмотреть только случаи личного отношения его к государю императору и высочайшим особам, а равно и некоторые другие личные отношения его по деятельности его проповеднической, чтобы закончить отдел, теперь нами излагаемый. В этом отношении на первый план выступает важнейшее событие столько же в личной жизни государя императора, сколько и во внутренней жизни империи, – событие коронации и священного помазания на царство царя русского с царицею. Коронация совершилась, как известно, 26 августа 1856 года.

Но еще ранее этого времени, именно в 1855 году святитель Московский Филарет возвестил о ней с церковной кафедры, как мы и отмечали раньше.¹⁶⁹⁰ Затем, произнося свою проповедь в день тезоименитства государыни императрицы Марии Александровны 22 июля 1856 года, он также упоминает об этом событии, как имеющем скоро совершиться; ибо в то время оно особым манифестом было предвещено (манифест от 17 апреля 1856 года), как имевшее быть в августе 1856 года, хотя, самый

день августа и не был точно обозначен для совершения коронации. Так как самую Крымскую войну русское правительство, руководимое любвеобильнейшим монархом своим, стремилось поскорее окончить, чтобы среди мира совершилось коронование и священное миропомазание императорской четы, то и сие обстоятельство не упустил из виду святитель-вита, предвозвещаая рассматриваемое событие в означенной проповеди своей; а вместе с тем, и еще более того, хотел он в ней при сем указать на главнейшую черту в событии коронации, на благочестие императорской четы, как основу благоденствия государства и как вернейший залог единения православного царя с православными его подданными.

Исходя от известного текста 1Тим.2:1–2 о молитве за *царя*, *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте*, и различными способами доказывая ту истину, что «благочестивый царь действительно может споспешествовать распространению и утверждению истинного благочестия в своем народе», святитель-вита говорит: «Не видим ли отеческого попечения благочестивейшего государя нашего о доставлении нам *тихого и безмолвного жития* в том, что он воздвигнутую против нас жестокою войну, по колику возможно было, ускорил прекратить, и даровать нам мир, удовлетворись от враждовавших благоприятными обещаниями, и не ища отмщения за нанесенную брань? Не видим ли высокого примера благочестии его в том, что он своей царской власти, уже освященной законом престолонаследия, желает еще доставить высшее освящение, чрез восприятие царского венца с соборною молитвою церкви и с благословением Божиим, и чрез священное помазание?»

И далее взывает к слушателям: «Умножим, верные чада России, умножим сердечные моления наши о благочестивейшем государе нашем императоре Александре Николаевиче, да Царь царствующих Сам невидимо *положит на главе его венец от камене честна и венчает его милостью и щедротами; да помажете, его елеем святым, елеем благодати, духом премудрости и силы, да благословит его благословением*

благостынным, и с ним да благословит и соучастницу славы его, ныне тезоименитую благочестивейшую государыню императрицу Марию Александровну, к полной радости нашей, к совершенному благоденствию отечества». ¹⁶⁹¹

Затем, когда наступил август 1856 года и когда стало собираться в Москву большее и большее число разного рода особ духовных и светских, православных, инославных и даже представителей не христианских религий, русских и иностранных, когда сюда стали приезжать и высочайшие особы Российской императорской и иностранных царственных фамилий о когда наконец 14 августа изволил прибыть в свою первопрестольную столицу сам государь император с государыней императрицей и августейшими детьми, тогда близость важного события коронации стала еще очевиднее. Назначенная было сначала на 19 августа коронация окончательно перенесена на 26 августа, о чем в течение трех последних дней пред коронацией и провозглашаемо было всенародно, по обычаю, герольдами, с приглашением народа усугубить свои молитвы о царе и царстве. День этот (26 августа) был знаменателен для России уже тем самым, что он был напоминанием об одном из важнейших событий отечественной войны 1812 года, – о Бородинской битве. Еще более сделался он знаменателен теперь тем, что в этот день совершилась коронация царя-освободителя. По высочайшему повелению, «и особенно, как говорили тогда, по желанию государыни императрицы, первенство при церковном совершении этого торжества предоставлено было старейшему и знаменитейшему архипастырю первопрестольной столицы, Митрополиту Филарету», ¹⁶⁹² не смотря на то, что во исполнение того же высочайшего повеления в Москву прибыл, для участия в этом же торжестве, и первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор, так как и самые заседания Святейшего Синода на время коронационных торжеств, как мы говорили раньше, перенесены были в Москву.

Это-то особое внимание императорской четы к святителю Филарету по случаю коронации, продолжавшееся и после, для

нас и служит поводом ставить это событие в разряд событий, характеризующих личные отношения между членами царской фамилии и митрополитом Филаретом, хотя, бесспорно, и нами отчасти уже показано, что это событие имело важное значение и для России, и для Церкви Русской. Не вдаваясь в подробности описания самого события,¹⁶⁹³ дабы не удлинять нашего повествования, мы укажем в нем лишь на то, что прямо и ближе всего касалось проповеднической деятельности святителя Московского. Как первенствующий среди иерархов Русской Церкви,¹⁶⁹⁴ и как главный предстоятель Церкви Московской, святитель Филарет, в день священного коронования Их Величеств, встретил шествовавшего с государыней императрицей государя императора на паперти Большого Московского Успенского собора следующей краткою, но сильною речью: «Благочестивейший Великий государь! Преимущественно велико твое настоящее пришествие. Да будет достойно его сретение. Тебя сопровождает – Россия. Тебя сретает – Церковь. Молитвою любви и надежды напутствует тебя Россия. С молитвою любви и надежды приемлет тебя Церковь. Столько молитв не проникнут ли в небо? Но кто достоин здесь благословить вход твой? Первопрестольник сей Церкви, за пять веков доныне предрекший славу царей на месте сем, святитель Петр, да станет пред нами, и чрез его небесное благословение, благословение пренебесное да снидет на тебя, и с тобою на Россию».¹⁶⁹⁵

После этой речи митрополит Филарет подал Их Величествам к целованию крест, а митрополит новгородский Никанор окропил Их Величества святою водою. Затем, когда, по входе в собор их Величества приложились к святым иконам и мощам почивающих в нем угодников Божиих, они взошли на уготованный им посреди собора трон, и тогда начался самый священный обряд коронования и миропомазания по установленному чину, весьма трогательному и исполненному высоких мыслей о значении царской власти самой в себе и для блага царства и подданных, о союзе подданных с царем и т.д. При этом, после молитвы, заключившей собой обряд венчания на царство, но все еще до начала литургии и, следовательно,

до священного миропомазания после причащения Святых Тайн на сей последней, митрополит Филарет обратился к Венчанному короною в облеченному порфирию Государю императору с более пространною речью следующего содержания: «Благочестивейший, Богом венчанный Великий государь император! Благословен Царь царствующих! Он *положил на главе твоей венец от камене честна* (Пс.20:4). С уверенностью говорю сие, потому что из уст пророка беру слово, изображающее судьбу царя, праведно воцарившегося. Бог венчал тебя: ибо Его провидение привело тебя к сему законом престолонаследия, который Он же положил и освятил, когда, прияв царя в орудие Своего Богоправления, изрек о нем Свое определение: *от плода чрева твоего посажду на престоле твоем* (Пс.131:21). Бог венчал Тебя: *ибо Он даст по сердцу* (Пс.19:5), а твое сердце желало не торжественного только явления твоего величества, но наипаче таинственного осенения от Господня *Духа владычнего, духа премудрости и ведения, духа совета и крепости*. Мы слышали твою о сем молитву ныне». ¹⁶⁹⁶ Сердцеведец внял ей ранее; и когда ты медлил приять твой венец, потому что продолжал защищать и умиротворять твое царство, Он ускорил утишить бурю брани, чтобы ты в мире совершил твою царственную молитву, и чтобы венец наследия был для тебя и венцем подвига. Итак, *Господа силою возвеселися, Боговенчанный царь, и о спасении Его возрадуйся зело!* (Пс.20:1). Возрадуйся также и ты, благочестивейшая государыня, о славе твоего всепресветлейшего супруга, свыше освещаемой и освящаемой, и лучом священным и тебя озаряющей. Утешься и возрадуйся благочестивейшая мать царя. ¹⁶⁹⁷ Се уже зрел плод чрева твоего и сладок для России. Светло возрадуйся Православная Церковь, и твоя соборная молитва веры, любви и благодарности да восходит к престолу Всевышнего, когда Он на *избранного от людей Своих* полагает священную печать своего избрания, как на вождя первенца твоих сынов, на твоего верного и крепкого защитника, на преемственного исполнителя древнего о тебе слова судеб: *будут царие кормители твои* (Ис.49:23). Светися радостью, Россия. Божие благоволение

воссияло над тобою в священной славе царя твоего, что может быть вожделеннее, что радостнее, что благонадежнее для царства, как царь, который полагает *сердце свое в силу Божию* (Пс.47:14), которому царский венец тогда приятен, когда принят от Царя небесного, – который царские доблести, намерения, деятельность желает освятить и освящает *помазанием от Святого*? По истине, благочестивейший государь, чтобы от венца царева, как от средоточия, на все царство простирался животворный свет *честнейшей каменей многоценных* (Притч.3:15) мудрости правительственной, чтобы манования *скипетра* царева подчиненным властям и служителям воли царицей указывали всегда верное направление ко благу общественному, чтобы рука царева крепко и всецело обымала державу Его, чтобы меч царев был всегда уготовав на защиту правды, и одним явлением своим уже поражал неправду и зло, чтобы царское знамя собирало в единство и вводило в стройный чин миллионы народа, чтобы труды и бдения царева доставало для возбуждения и возвышения их деятельности, и для обеспечения покоя их, не высший ли меры человеческой потребен для сего в царе дар? Но посему-то наипаче и радуемся мы, что ты, будучи рожден царствовать, действительно царствуя, еще взыскуешь свыше дара царствовать. И верен Вознесший Тебя *от людей своих* (Пс.88:20), по вере твоей и твоего народа, в приемлемом тобою ныне видимо священном помазании даровать тебе невидимо помазание благодатное, светоносное, пребывающее, действующее тобою к нашему истинному благополучию, к твоей истинной радости о нашем благополучии, подобно как древле, по царском помазании, благодатно и благотворно *ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом*» (1Цар.16:13).¹⁶⁹⁸

Таким образом, целых две речи за один день произнес маститый первосвященник Московский. Так он должен был сделать во исполнение высочайше утвержденного еще в мае церемониала коронации и указа Святейшего Синода, как ни тягостно было для него это исполнение. Не даром еще от 25 мая того же 1856 года писал он к исправлявшему должность

обер-прокурора Святейшего Синода А. И. Карачевскому: «Указом Святейшего Синода, от 16 дня сего мая (№ 4359), предписано мне при священнодействии коронования произнести две речи. Как прежде писал я к вашему превосходительству, что меня устрашает скудость моих сил, так и теперь затрудняет меня увеличение налагаемого на меня труда и, кажется, без необходимости. Во время коронования императоров Павла I и Александра I, также и Императрицы Елисаветы Петровны, при входе Их Величеств в Успенский собор, речей не говорил никто. Во время коронования блаженные памяти императора Николая Павловича митрополиты Серафим и Евгений поручили мне произнести речь при входе Его Величества в Успенский собор, вероятно, потому, чтобы не был безгласен епархиальной архиерей, который, по правилам церковным, один имеет право говорить в своей епархии, и право предоставить сие другим. Не знаю примера, чтобы, при одном торжественном действии, один человек говорил две речи. По сим соображениям можно было бы не назначать речи пред входом государя императора в Успенский собор, наипаче же и потому, что при священно-служении довольно продолжительном, справедливо позаботиться о том, чтобы оно, по возможности, не слишком утомительно было для Их Величеств».

Но по обычному смирению своему святитель Московский к сему тотчас же добавляет: «Покорнейше прошу не принять сего за возражение против распоряжения Святейшего Синода. поскольку сие распоряжение уже высочайше утверждено, то, конечно, неудобно затруднять государя императора новым о сем докладом, а надобно исполнить назначенное, по возможности. Я желал изъяснить примером, что предметы сего рода требуют общего совещания».¹⁶⁹⁹ И от 22 июня писал к князю С. М. Голицыну: «Святейший Синод щедро назначил мне две речи, вместо одной. Сердце мое хочет сказать слово усердия: не знаю, дарует ли Бог силу, елико есть произволение».¹⁷⁰⁰

И мы видели, что Бог даровал ему не только силу «сказать слово усердия», но и силу слова. Его речи, выше приведенные, могут быть названы вполне образцовыми, и в силе им

значительно уступает речь, сказанная от лица всего духовенства, на другой день после коронации, при поздравлении государя императора с торжеством её, первенствующим членом Святейшего Синода, митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Никанором.¹⁷⁰¹

Между тем и таким двойным трудом не ограничилась проповедническая деятельность святителя Филарета за коронационное время. В сентябре Их Величества решили посетить, по исконному обычаю, Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Это было 19 сентября. Настоятель Лавры, митрополит Филарет, встретил их там новою речью, в которой говорил: «Богом венчанный государь и Помазанник Божий! Итак, после блеска столицы, тебе приятна простота смиренной обители; после величественного явления твоей царской славы, после радостных приветствий и торжественных восклицаний твоих верноподданных. Тебе вожделенна тихая сердечная беседа с безмолвным рабом Божиим, который отрекся от всякой славы мира, но которого благодать и добродетель возвысили до степени друга Божия. Знаем, что подобные настоящему посещению преподобного Сергия твоими венценосными предшественниками представили настоящему пример; но знаем также, что тебя, благочестивейший государь, и твою благочестивейшую супругу приводят к нему не пример и обычай, а влечение сердца, так как оно приводило вас к нему и прежде, когда не призывал пример и обычай. Сия вера к *дивному во Святых своих Богу*, и с нею ваш молитвенный подвиг, будут благоугодною пред Ним жертвою. Небесная любовь Праведника обымет вашу к нему любовь; соединит его молитву с вашею молитвою, и делом будет слово написанное: *много может молитва праведника, любовью действующая (Иак.5:16)*, и ваша молитва будет новым источником надежд и благ для вас и для России. О сем и мы смиренные с упованием молимся; и сим образом радуемся о Вашем вожделенном пришествии радостью духовною».¹⁷⁰²

Встреча была торжественная, соответствовавшая торжеству предшествовавших событий месяца августа. Волны народа покрывали путь царя венчанного от Москвы к Сергиевой Лавре

и пред монастырскую площадь (Красногорскую), радостные восклицания народных масс оглашали воздух, а Лаврское духовенство и духовенство находящихся в Лавре и Вифании духовно-учебных заведений (Духовной Академии и духовной семинарии), с самим митрополитом Филаретом во главе, в преднесении хоругвей и святых икон ожидало царя в Лаврских святых вратах, пред которыми, по приближении к ним государя императора с государыней императрицей, и произнесена была сейчас приведенная речь. А между тем еще в то время, когда государь был на пути от Хотькова монастыря к Лавре, от имени их величеств внесен был в Троицкий Лаврский собор, для освящения, и приготовлен к возложению на святые мощи преподобного Сергия, великолепно устроенный, украшенный изображениями святых на золоте, драгоценными камнями и жемчугом, покров на главу преподобного. Он был тогда же положен в алтаре на святой престол и освящен митрополитом с молитвословием и окроплением святою водою.

Когда же, после встречи пред святыми вратами, после торжественного шествия от святых врат к Троицкому собору и по вступлении в собор, их величества изволили выслушать обычное молебное пение ко Пресвятой Троице и преподобному Сергию, соборне совершенное, тогда вынесен был из алтаря упомянутый покров; и митрополит Филарет, имея при себе наместника Лавры, архимандрита Антония, державшего на блюде покров сей, приблизился к раке преподобного и произнес следующую молитвенную речь, обращенную к почивающему в раке угоднику Божию: «Преподобне Отче наш Сергие! По обращении летнего круга от прежнего посещения, вновь посещает тебя благочестивейший царь наш с благочестивейшею супругою своею, тогда¹⁷⁰³ ново-воцарившийся, ныне ново-венчанный и священно-помазанный. Тогда приносил он чрез тебя молитву Господу сил, о защищении своего царства, от вражды, подвигшей против нас громадные силы нескольких царств, и стремившейся сделать и мирных соседей опасными для нас, и о восстановлении мира, не им нарушенного, ему всегда любимого. Ныне он приносит чрез тебя благодарение Господу сил за явленную нам защиту и за скорое достижение

мира. И тогда, и ныне, он при твоём предстательстве просил и просит от Царя царствующих благословения и помощи на великий подвиг устроят благоденствие великого народа законным судом, благоуправлением, добрым государственным домостроительством, охранением от внешних приражений.¹⁷⁰⁴ В знамение благодарения к благодеянию твоих молитв, преподобне отче, благочестивейший государь и благочестивейшая супруга его приносят тебе и дар, – усердием их украшенный покров для твоей священной главы. Тебе, нищелюбцу во время твоего земного жития, тем паче не нужно земное богатство в твоей небесной жизни, но благодарное сердце желает проявить себя знамением, и веруем, что ты, яко же и Господь твой, зришь на сердце, и приимешь дар сердца, и предстанешь Царю небесному с молением, да прострет покров благодати Своя над благочестивейшим государем нашим, и над благочестивейшею супругою его, и над благочестивейшею матерью его, и над благоверным наследником его и всеми чадами его и родом его,¹⁷⁰⁵ и над всем царством его, да даст крепость царю нашему и вознесет рог помазанника своего, да благоденствует под скипетром его народ русский, и языцы, да ублажат его».¹⁷⁰⁶

После этой замечательной, полной глубокого смысла и высокого значения, речи-молитвы митрополит Филарет взял с блюда покров и передал его Их Величествам, а Их Величества собственными руками изволили возложить оный на главу преподобного Сергия и потом приложились к святым мощам его. Их Величества с августейшими детьми своими и великим князем Михаилом Николаевичем изволили пребыть в Лавре и значительную часть следующего дня 20 сентября,¹⁷⁰⁷ слушали всенощное бдение и литургию, совершенные митрополитом соборне, а после литургии изводили принимать от духовной академии поднесенные Его Величеству некоторые печатные и рукописные сочинения и в числе рукописных *Историческое изложение обрядов царского священного коронования и помазания*, – труд профессора (после ректора) Академии А. В. Горского,¹⁷⁰⁸ осматривали ризницу и т.д.¹⁷⁰⁹

Митрополит Филарет сам описал это высочайшее посещение Лавры и свое описание, при донесении от 22 сентября послал в Святейший Синод,¹⁷¹⁰ а в Москве поместил в повременных изданиях.¹⁷¹¹ По поводу того же посещения он писал от 21 сентября из Москвы наместнику Лавры архимандриту Антонию: «Слава Богу, и благодарение преподобному Сергию за мир и утешение дней царской молитвы. Благодарю вас, отец наместник, за помощь моей ветхости в сии дни. Скажите братии, что благодарю их за соблюденный порядок. Я приехал в Москву в десять часов и десять минут утра.¹⁷¹² Хотел, чтобы только доложено было государыне императрице, что я являлся для принесения благодарности: но она изволила принять меня, и довольное время занимательно беседовала со мною. Был я и у великих князей».¹⁷¹³

Вскоре после этого, именно 23 сентября, государь император и выехал из Москвы в Петербург, а в след за ним мало-по-малу и другие высочайшие и высокие особы, приезжавшие в Москву на коронационные торжества. Но и далеко позже того предносились уму и воображению святителя Московского священно-торжественные события дней коронации 1856 года. Обозревая события этого года, например, в своей беседе на день рождения государя императора 17 апреля, следующего 1857 года, святитель-вития говорит: «Как полуденным солнцем, озарен был сей год высоким светом торжественного венчания и священного помазания благочестивейшего самодержца нашего и благочестивейшие супруги его. То был свет царского благочестия и благодати свыше, свет народной любви к царю и радости о нем, свет царевых щедрот и милосердия, которое озарило не только грады и веси, но и темницы, и давно утративших жизнь гражданскую воскресило в оную, и в звания, ими утраченные».¹⁷¹⁴

Но еще более сильными и яркими, с поэтически-художественным оттенком, чертами святитель-вития изображает тоже великое событие в своей беседе на самый день коронации 26 августа, произнесенной в Успенском соборе в том же 1857

году. «Светел паче многих, так начинает он эту свою беседу, нынешний день, потому что на нем отражается свет бывшего за год пред сим дня, который озарил Россию светом царского венца, и простер над нею благоухание царского священного помазания. Возвратись, незабвенный день. Приблизься к нашему зрению. Тогда мы смотрели на тебя наиболее оком радующегося сердца. Теперь нам досужнее посмотреть на тебя и оком размышляющего ума. Вспомним, что это был достопамятный Бородинский день, в который Россия одна противостояла всей Европе, в который дух завоеваний и преобладания, не знавший дотоле преград, приразился челом к стене, встретясь с духом любви к царю и отечеству. Сему дню по достоинству досталась честь быть днем царского венца, и торжественным свидетелем любви народной к царю. Вспомним тогдашнее ясное и тихое утро. Оно как бы нарочно приготовлено было, чтобы явиться зеркалом и образом души царской. Вспомним тогдашнюю в кремле и окрест Кремля прекрасную тесноту, которая выражала сердечное стремление к царю всего народонаселения Московского и, по возможности, чрез представителей, всего народа русского, или, точнее, всех народов царства Всероссийского. Найдется ли довольно сильное слово, которое изобразило бы тогдашний всеобщий восторг? И пусть не найдется. Это ненайденное слово вам и слышимо, и понятно, поскольку от тогдашних сердечных восклицаний есть и ныне верный отголосок в верных сердцах. Особенно желал бы я, чтобы каждый сын России в таком же свете узрел ныне мысленным оком, как мы тогда мысленным и чувственным оком зрели благочестивейшего царя нашего и благочестивейшую супругу его, и совершавшееся с ними в сем святилище в священнейшие минуты священного дня. Как смиренным являлось их величие пред лицом Царя царствующих, и вместе как величественным Их смирение! Какое благоговение пред святынею! Какое одушевление молитвы! Какое небесное безмолвие в церкви, когда венчанный царь один преклонил колена, и горящая молитва о благословении свыше на Него и на царство Его просияла из Его сердца, и очей, и уст, и тихо воспламеняла все сердца; сливала их в одно кадило, в

один благоуханный фимиам; и его. без сомнения, невидимо принимал ангел Хранитель России, и взыде дым кадильный молитвами святых от руки ангела пред Богом» (Откр.8:4).

И затем, приглашая слушателей взирать на все сие и ныне оком не только «радующегося сердца, но и «размышляющего ума», вития изъясняет смысл основных действий священного чина царского венчания и помазания: произнесение православного исповедания веры устами государя императора и обилие молитвы со стороны церкви, и в виду сего делает соответствующие наставления.¹⁷¹⁵

Как в ряду лиц духовного сана из участников совершения священнодействия коронации 1856 года занимал первенствующее положение святитель Московский Филарет, так в ряду лиц светских из подданных царя русского во время коронационных торжеств того же года первенствующее место принадлежало, по церемониалу коронации, не раз упомянутому нами ранее вельможе, действительному тайному советнику 1-го класса, князю Сергию Михайловичу Голицыну, который с 1823 года находился в дружеской переписке с святителем Филаретом и которого последний очень уважал и недаром называл (в переписке и в других случаях) «благодетелем» своим. При коронации 1856 года князь был верховным маршалом. В настоящем нашем исследовании нам нет возможности, да и надобности, входить в подробное изображение этой личности и её жизни и деятельности.¹⁷¹⁶

Мы скажем лишь кратко о сем. Будучи на 12 лет старше митрополита Филарета возрастом, князь С. М. Голицын, принадлежавший и по происхождению к знатному роду, раньше его, понятно, вступил и на службу Отечеству по окончании образования. С 1807 года он уже состоял на важной должности почетного опекуна Московского опекунского совета, а затем был до конца жизни председательствующим в этом совете, посвятив таким образом, самую большую часть жизни своей¹⁷¹⁷ ведомству императрицы Марии с человеколюбивыми и воспитательными учреждениями сего ведомства. Он был весьма близок к царскому двору и пользовался огромным влиянием и высоким уважением, и почетом всюду. Вместе с тем

он, будучи человеком высоких доблестей гражданских, как верный слуга царя и отечества, как человек в высшей степени честный, благородный и т.д., отличался и строгим благочестием и вообще был верным сыном православной церкви, как и другие члены семейства, к которому он принадлежал.¹⁷¹⁸

В 1857 году 26 марта исполнялось ровно 50 лет службы князя Сергея Михайловича в звании почетного опекуна. Такое важное и даже, можно сказать, необыкновенное событие в ведомстве Императрицы Марии не могло, конечно, пройти незаметным, не отпразднованным торжественно в Москве. Не мог оставить его без внимания и святитель Московский Филарет, не смотря на то, что накануне этого дня, в праздник Благовещения, предстояло ему не мало труда по совершению священно-служения, не смотря на то, что он к тому же еще чувствовал себя не совсем здоровым.¹⁷¹⁹

Не смотря на все это, а также и не смотря на всегдашнее свое нерасположение к восхвалению личных заслуг чьих-либо (кроме особ царствующего дома) с церковной кафедры, старец-святитель не только совершил литургию в день юбилея князя, но и произнес беседу, так чтит он князя. В этой своей беседе, начало которой мы уже приводили раньше, святитель-вита говорит следующее: «Несколько десятилетий могу счесть и я с того времени, как священноначалием дано мне благословение служить алтарю, и беседовать в церкви,¹⁷²⁰ и после стольких лет нов для меня встречаемый ныне особенного рода случай для молитвы и слова. – Мужи, чтимых званий, избранные служители царского человеколюбия, сочли пятьдесят лет деятельности своего сотрудника и старейшины; взором уважения и сочувствия измерили необыкновенно долгий на одном возвышенном поприще ряд подвигов, ознаменованных не изнемогающею и в преклонных летах ревностью, правдою и искренностью, столь же свободною пред высочайшим престолом, как и в совете равных, бдительною попечительностью о благоустроении целых благотворительных учреждений, и о благе всех, к ним принадлежащих, наконец высоким доверием благочестивейших императоров и императриц, и не только старались соплести подвижнику венец,

сколь можно, неувядаемый даже в потомстве, но, что с особенным утешением вижу и указую, признали над подвигами, столь долго не преткновенно, мирно и благотворно совершаемыми, благословение Провидения Божия, и потому собрались здесь принести за оные благодарение Богу и просить продолжения благословения Его над жизнью в деятельность возлюбленного подвижника. Можно ли было не пожелать утешения участвовать в сей молитве и не призванному к ней, но узнавшему её предмет и время? А участие в сем торжестве словом, не так же ли желательно? Видите, что я уже уступил и сему желанию. Но если вы ожидаете, чтобы я вошел в ваш труд, и увенчаваемому вами также сплетал венец из слова. Не исполню ожидания вашего, ибо знаю, что исполнением сего не удовлетворен, а отягчен был бы тот, кто при своих деяниях всегда имел и имеет в виду не похвалу и славу от человеков, но обязанность, правду, пользу, человеколюбие, верное исполнение державной воли, наконец самим Христом для человеческой деятельности пред поставленную цель, – *славу, яже от единого Бога (Ин.5:44)*. Да и место, на котором стою, назначено не для похвалы и славы человеческой, но для провозглашения славы Божией, для слова Божия, для возвещения воли Божией, для напоминаний и советов о том, что угодно Богу и спасительно для нас. Не колеблюсь сказать, что торжество, вами составленное, не было бы очень возвышенным, если бы в нем заключалось только желание сделать нечто приятное одному досточтимому лицу. Высшее достоинство вашего торжества заключается в том, что вы чрез него выражаете общественное мнение, благоговеющее пред испытанною временем и созревшею добродетелью; и таким образом, произносите сильное поучение себе и другим».

И далее естественно следуют поучительные для слушателей беседы мысли, вытекавшие из представления о долголетнем, верном, честном, много полезном и исполненном добродетелей служении юбиляра и заключенные словами притчи Премудрого: *вельможи, и судии, и сильнии славни будут, и несть от них ни един вящий боящегося Господа (Сир.10:27)*. Аминь». ¹⁷²¹

Нет надобности говорить, какой силы, но вместе и какого достоинства исполнена беседа святителя, произнесенная по случаю чрезвычайному и. щекотливому. С другой стороны, нет надобности распространяться и о том, как торжественно отпразднован был юбилей князя, удостоенного высоко милостивых высочайших рескриптов, осыпанного восторженными адресами и похвалами едва не от всех Московских учреждений, обществ и т.д. По давнему обычаю маститый юбиляр поделился с святителем Филаретом своею радостью о изъявлении монаршего к нему благоволения по случаю его юбилея, послав к нему Высочайшие рескрипты. Прочитав их, святитель Филарет от 28 марта того же 1857 года писал князю: «Возвращаю Вашему Сиятельству Высочайшие рескрипты, с искреннею благодарностью за доставленное мне утешение читать слова благоволения, излившиеся обильным потоком, и радость о благоволящих тако и о заслужившем такое благоволение. Кажется, в первый раз в подобных актах встречаю глубоко сердечное слово: «искренно вас любящий». Господи, спаси Царя. Господь да сохраняет Вас».¹⁷²²

В память юбилея князя выбита была особая серебряная медаль с изображением на ней юбиляра. Один экземпляр этой медали, вместе с описанием юбилейного торжества 26 марта, почетный опекун князь Н. И. Трубецкой прислал и святителю Филарету на память о юбилеяре, по общему определению опекунов опекунского совета. Извещая князя Трубецкого, письмом от 29 июня 1857 года о получении всего этого, святитель выражал благодарность и желание, «чтобы покровительствующее добру Провидение даровало нам долго еще видеть самого изображенного (на медали), и чтобы изображение долго не сделалось памятником только прошедшего».¹⁷²³ Но не очень долго после своего юбилея прожил князь С. М. Голицын, которому уже в юбилейный год шел 83-й год от роду. С началом 1859 года положение здоровья его можно было уже, наверное, считать безнадежным, и святитель Филарет, живо следивший за ходом его здоровья, с беспокойством стал замечать: «Спаси Господи чин благородных: яко оскуде болярин».¹⁷²⁴ Февраля 7 дня 1859 года наконец и

почил многолетний подвижник на поприще государственной службы, знатный боярин, князь Сергей Михайлович, и митрополит Филарет 13 февраля отдал ему последний долг, сам совершив его погребение.¹⁷²⁵

Обращаемся опять к царскому семейству и отношениям его членов к святителю Филарету. Уже не раз отмечал святитель особенно отрадную черту в членах августейшего семейства. – их благочестие, служащее высоким примером для подданных царя, о которых, даже и высокопоставленных, он, как мы недавно видели, говорил словами Премудрого, что *несть от них ни един вящший боящегося Господа*. Один из многочисленных случаев выражения царского благочестия представился святителю Филарету вскоре же после юбилея князя С. М. Голицына. Разумею рождение великого князя Сергея Александровича 29 апреля 1857 года, на которое как бы пророчески указывал святитель Московский в словах приведенной выше речи своей к императорской чете, при посещении Их Величествами Сергиевой Лавры после коронации, 19 сентября 1856 года: «Ваша молитва будет новым источником надежд и благ для вас и для России».¹⁷²⁶ Пророческое чаяние старца святителя сбылось. Апреля 29 дня следующего 1857 года Бог даровал императорской чете сына, которого, в честь и память преподобного Сергия, наименовали Сергием.

Торжественное празднование рождения великого князя посему дало возможность и случай святителю Филарету усугубить это торжество нарочито на сей случай составленную и выходящую из ряда обыкновенных беседою, произнесенною им в самом месте особенно горячей молитвы царской об имевшем родиться августейшем младенце, в Троице Сергиевой Лавре, 7 мая того же 1857 года. Беседа начинается следующими достопримечательными словами: *«Сынове твои, яко новосаждения масличная окрест трапезы твоя. Се тако благословится человек бояйся Господа (Пс.127:4–5)*. Не знаем, смотрел ли на кого лично Боговдохновенный Псалмопевец, когда начертывал сей образ семейного счастья, но мы может с радостью видеть сей мысленный образ оживленным в лице

венценосного отца семейства царственного, в великом отце великого семейства народа русского. Четыре сына окружают его семейную трапезу;¹⁷²⁷ возрастают, яки *новосаждения масличная*, и наипаче первенец начинает уже рано¹⁷²⁸ являть и цвет наследованных высоких качеств. Ныне, с весною, возникает еще *новосаждение*, расширяющее сад его, и обещающее, вслед за предшествовавшими, возрасти, процвести и приносить плоды сладкие и питательные для России. Сие воззрение на царское семейство не можем ли мы сопроводить и следующим указанием, и воззванием пророка: *се тако благословится человек бояйся Господа?* Можем, с особенным убеждением в истине. И всегда, как и ныне, благочестивейший государь наш с благоговейным чувством и благодарностью к Богу принимал рождающееся у него чадо, и призывал всех нас к благодарной вместе с ним молитве. Но при рождении великого князя Сергия Александровича особенным образом в благочестивейшем государе нашем и благочестивейшей супруге его просияли черты душ, *боящихся Господа*, благоговейно преданных Его Провидению; и Бог, *творящий волю боящихся Его*, над сим рождением особенным образом *сотворил знамение во благо*. Радость отверзла сердце царя; и открыла его тайну. После священного коронования и помазания на царство, государь император с государыней императрицею посетил сию обитель преподобного Сергия. С глубоким утешением и умилением были мы свидетелями умиленной их молитвы, но не знали тайны, которая с нею была соединена. Теперь мы ее знаем. благочестивейшие, *у гроба сего молитвенника и заступника России, с верою и упованием повергаясь пред нетленными его останками, дали тайный обет, что если Бог дарует им сына, то нарекут его Сергием, в память и благодарность сему великому угоднику Божию*,¹⁷²⁹ что Бог, при предстательстве преподобного Сергия, принял в свое благоволение их обет, сие Он явил тем, что, по устройению Провидения Его, последовало благополучное рождение, и, согласно с их мыслью, рождение именно сына, и таким образом, оправдана их вера и упование. И благочестивейшие исполняли свой обет, и явили свое благодарение Богу и угоднику Его, дав

высоко-новорожденному имя Сергия. *Се тако благословится человек бояйся Господа».*

И далее, сделав обращение к слушателям с призыванием их к радости о вере, «сияющей с высоты престола», и к вере, вития рассуждает о значении обетов, а заключает беседу следующими, не менее прежнего достопримечательными со стороны отношения к событию (рождения великого князя) словами обращения к преподобному Сергию, близ раки которого произнесена была рассматриваемая беседа: «Преподобный отче Сергие! Ты, яко провидец, слышал в свое время тайно изреченный обет благочестивейшего государя нашего и благочестивейшие супруги его, и при твоём к Богу предстательстве обет их достиг желанного и радостного исполнения. Твое благодатное имя прияли они для новорожденного великого князя; и чрез сие самое тебе вручали его, и твоему благодатному покровительству. Приими дар веры; и воздаждь дарами благодати. Продолжи и не престани предстательствовать пред Богом о здравии, возрасте в преуспейании тезоименитого тебе великого князя, и о умножении благословений небесных на благочестивейшем государе нашем императоре Александре Николаевиче и на благочестивейшей государыне императрице Марии Александровне, и на всем державном доме его и царстве его. Аминь».¹⁷³⁰

О рождении Великого Князя Сергия Александровича святитель получил известие на другой же день после рождения, именно 30 апреля, и тотчас же писать наместнику Сергиевой Лавры архимандриту Антонию: «Мне желается новорожденному великому князю Сергию Александровичу послать образ преподобного Сергия, не малый, чтобы мог быть поставлен у него в комнате, и другой малый, который был бы у колыбели его, и, может быть, по времени на персях его. Помогите мне сие исполнить».¹⁷³¹ Отец наместник, конечно, в точности исполнил желание святителя, который, между тем, в дополнение к сему об обстоятельствах, следовавших за рождением великого князя, от 4 мая писал тому же наместнику: «Я все болен простудою; и вчера¹⁷³² с трудом совершил служение с молитвою о высоко-новорожденном. Но болезни же не отправляюсь ныне к вам, а

сие должен был сделать, потому что государь император соизволил повелеть мне принести о высоко-новорожденном молитву от имени августейших родителей именно у гроба преподобного Сергия.¹⁷³³ Постараюсь собраться с силами и быть у вас в понедельник, или во вторник, чтобы исполнить повеленное, и для меня желаемое, в среду или в четверток, смотря по силам».¹⁷³⁴ Это исполнение состоялось, как мы заметило выше, 7 мая, после чего больной митрополит пробыл в Лавре и ските до 28 мая;¹⁷³⁵ а об исполнении высочайшей воли, выраженной в рескрипте на имя святителя Филарета от 29 апреля, сам святитель от 9 мая доносит Святейшему Синоду между прочим, следующее: «Соответствуя сей высочайшей воле собственным усердием, прибыл я в Лавру 6 дня сего мая, и 7 дня в соборном храме Пресвятые Троицы, пред литургией, по прочтении высочайшего манифеста, совершил со всею братией Лавры благодарственное ко Господу Богу молебное пение с коленопреклонением и с возгласением многолетия Их императорским Величествам и высоко-новорожденному и всему августейшему дому. Потом с архимандритами и старшею братией совершил Божественную литургию, пред окончанием которой в краткой беседе изъяснено было мною особенное значение сего торжества. По окончании же литургии совершил я со всею братией пред святыми мощами преподобного Сергия к нему молебное пение с акафистом и коленопреклоненною молитвою. При сем утешительно было думать, что государь император и государыня императрица, изъясвившие свою благочестивую волю, чтобы сие молебствие совершено было от их имени, духовно соприсутствуют молящемуся собору».¹⁷³⁶

В виду и в силу всех этих обстоятельств святитель Филарет и в дальнейшее время с особенным вниманием и отеческою любовью относился к великому князю Сергию Александровичу. Так, например, еще в 1861 году, когда великий князь, вместе с своими августейшими родителями, был в Сергиевой лавре, митрополит Филарет сам приобщал его святых тайн,¹⁷³⁷ а в 1865 году, когда великий князь, по совету врачей, провел осень в Москве, пребывая то в Нескучном Саду, то в Кремлевском малом дворце,¹⁷³⁸ митрополит Филарет навещал его, принимал

и его посещения, о чем, например, от 28 ноября означенного 1865 года, писал наместнику лавры архимандриту Антонию: «У великого князя Сергея Александровича, посетившего меня вскоре по прибытии моем из Лавры, только вчера мог я быть, потому что путь до него уже не далек. Он в кремлевском малом дворце. Он показал мне все свое жилище. Там, где он почивает, в головах, на стене, помещены несколько малых икон, и между ними крест, с частью мощей преподобного Сергея, который дал ему в благословение я, по прибытии из Лавры. На другой стене, где он молится, несколько икон обыкновенной меры, и между ими икона преподобного Сергея, полученная им в Лавре при первом посещении.¹⁷³⁹ Под сими иконами на столике лежит Евангелие, в котором на первой странице написаны три наставительные для него Евангельские изречения, первое государя императора, а два прочие рукою государыни императрицы, – Господи, спаси царя в царицу! Господи, даждь Евангельскую правду Твою сыну цареву!»¹⁷⁴⁰

И о самом пребывании великого князя в Москве святитель Филарет, по отбытии Его Высочества в Петербург, тому же наместнику от 19 декабря (1865 года) писал: «Великий князь Сергей Александрович отбыл, посетив еще раз меня и приняв мое посещение. Вы когда-то дали мне собрание фотографических лаврских икон: я показал их ему, с некоторыми о них объяснениями; и представил ему. Кажется, он с удовольствием принял; и вещь нашла хорошее употребление».¹⁷⁴¹ Но еще гораздо раньше того, именно от 3 ноября того же 1865 года, митрополит Филарет писал самому государю императору: «Да будет мне позволено обратить слово к вашему родительскому сердцу. Не один раз приятно беседовал я с великим князем Сергием Александровичем и с радостью усматривал, что пребывание в московском воздухе благоприятно для его здоровья».¹⁷⁴² И наконец вот позднейший отзыв святителя Филарета о великом князе в письме к архиепископу Тверскому Алексию (Ржаницыну) от 20 сентября 1866 года: «Радуюсь, что вам даровано освятить храм в царском доме, заслужить благодарность благочестивейшей государыни и приятно познакомиться с юными чадами её. Мне

известен только великий князь Сергей Александрович. Доброе чадо; и доброго имеет охранителя».¹⁷⁴³

Во время коронации же 1856 года государь император обратил особенное внимание на запустевшие палаты своих предков бояр Романовых при Московском Знаменском монастыре, что на Варварке, и решил восстановить их. Дело восстановления, под непосредственным руководством министра императорского Двора графа В. Ф. Адлерберга († 1884), пополнено было под ближайшим наблюдением следующих компетентных лиц: по строительной части – в должности президента Московской дворцовой конторы, гофмейстера князя Н. И. Трубецкого († 1874) и архитектора Ф. И. Рихтера, а по искусственной и археологической части – председателя ученой комиссии гофмейстера князя М. А. Оболенского († 1873) и членов её: И. М. Снегирева, А. Ф. Вельмана, упомянутого Рихтера, Б. В. Кёне и Мартынова. В 1858 году все уже было готово к закладке палат, и граф Адлерберг известил митрополита Филарета, что на закладку в Москву прибудет сам государь император государь,¹⁷⁴⁴ и действительно приехал в августе, в день коронации 26 августа был встречен митрополитом в Успенском соборе,¹⁷⁴⁵ а 31 августа присутствовал на закладке Романовских палат, совершенной при участии митрополита Филарета, который при сем сказал следующую речь: «Благочестивейший государь! Не могу в сии минуты оставаться безмолвным, но не мое, а тбудет слово, которое скажу. Ты ныне делом преподаешь нам учение заповеди Господней: *чти отца твоего* (Исх.20:12). И мы имели предание, что на сей земле от благословенного *корене* *изшел* жезл, который потом возрос в великое древо, осеняющее ныне Россию. И некогда случилось возникавшую мысль о закрытии Знаменской обители, отклонять напоминанием, что это есть создание твоих приснопамятных прародителей.¹⁷⁴⁶ Но только твоей к ним любви дано было, самое жилище их, временем и неведением закрытое, открыть и, так сказать, колыбель рода твоего найти, и найденную уже не допустить до забвения, но в достойном её благолепии для потомства сохранить. При сем с благоговением воспоминаем, что именно тогда, когда мы

радовались, видя тебя в славе твоего царского венца, ты строгою и благоговейною пред Провидением Божиим мыслью восходил к началу сей славы, почтительно помышлял о твоих благочестивых прародителях, и там, в обители Спасовой,¹⁷⁴⁷ повелел охранять и обновить памятники почивших предков твоих, а здесь украсить колыбель твоего державного рода. Да сохранят веки то, что похитили было веки, да сохранят памятник Михаила, долженствующий от ныне быть вместе памятником Александра Второго».¹⁷⁴⁸

Необыкновенно быстро шли работы по восстановлению палат после закладки их, при том с сохранением стиля построек и украшений XVII века, дабы все в них напоминало жизнь и быт царственных предков, когда они еще были боярами и когда один из них, Михаил Федорович только что еще начал царствовать и построил Знаменский монастырь (в 1630 году). В 1859 году, т.е. не более как чрез год после закладки, палаты были уже готовы, и под балконом их начертана была следующая надпись (уставною вязью): «Повелением благочестивейшего государя императора Всероссийского Александра Николаевича, в память благоверных его предков, в благословенный год священного коронования, 1856 года, августа в 26-й день, начата возобновлением прародительская бояр Романовых Палата при Московском Знаменском монастыре, где родился державный родоначальник царственного дома, царь Михаил Федорович, и где воспитался родитель его, боярин и воевода Феодор Никитич Романов, впоследствии Филарет, патриарх Московский: окончена 1859 года».¹⁷⁴⁹

Государю императору хотелось, чтобы освящение Палат совершилось в день коронации его августейшего родителя 22 августа. Для сего он изволил приехать в Москву заранее, именно 16 августа,¹⁷⁵⁰ один, без государыни императрицы, дабы кстати произвести смотр войскам, расположенным в Москве и около Москвы.¹⁷⁵¹ К 22-му августа работы должны были окончиться. Сам государь побуждал строителей к их окончанию. 18 августа он неожиданно посетил строения и, осмотрев их, остался доволен. Около того же времени осматривали их великий князь Михаил Николаевич, митрополит Филарет,

Московский военный генерал-губернатор граф С. Г. Строганов и другие. Между внутренними украшениями палат первое и важнейшее место занимали иконы, как признак глубокого благочестия наших предков. В числе икон Молеиной находилась и икона Спасителя, которою, митрополит Московский Филарет благословил государя императора при начале работ в палатах; также древние святые иконы, кресты со святыми мощами и походные складни. С утра 22 августа вся Варварская улица и Зарядье, все окна, балконы и крыши домов около Знаменского монастыря полны были народа. На дворе монастыря, около Романовских Палат, устроенные места заняты были тысячами зрителей. Между соборною церковью монастыря и Романовскими Палатами, пред верховым их крыльцом, на возвышенном широком помосте стоял на богатых коврах уставленный, покрытый парчовой пеленой и окруженный серебряными подсвечниками стол и на нем серебряная водосвятная чаша, напрестольный крест и блюдо. По сторонам стола на одном аналое лежало напрестольное Евангелие, а на другом образ преподобного Михаила Малеина, в честь которого наименован был царь Михаил Федорович. День был прекрасный летний. В два часа по полудни звон колоколов и восторженное «ура!», многотысячной толпы народа возвестили о прибытии государя императора.

Митрополит Филарет с крестом в руках встретил Его Величество при главном входе в монастырь с Варварской улицы. Началось молебствие с водоосвящением, совершенное митрополитом соборне, при чем на ектении протодиакон возгласил особое, на сей случай составленное, моление, а по окончании водоосвящения многолетие здравствующим и вечную память почившим особам царствующего дома, с царем Михаилом Федоровичем во главе.

При поднесении креста государю императору митрополит Филарет приветствовал Его Величество следующей речью: «Благочестивейший государь! Осуществилась твоя знаменательная мысль о доме твоих предков. Он вызван из мрака забвения, облечен древним и древлеподражательным узором: оком прошедших веков смотрит на будущие, и

призывает их к размышлениям. Вот скромный древний дом, который может считать своими потомками великолепные дворцы, и это потому, что в нем обитали благочестие, правда, любовь к отечеству. Вот невысокие храмины, из которых вышли высокие души. Романовы доблестно действовали для отечества, великодушно страдали для отечества, и все праведный Отец, *из Него же всяко отечество на небесах и на земли именуется*, судьбами своими устроил то, что род Романовых привился к древнему роду царей, и произвел отцов отечества. Сии воспоминания встречать будет каждый сын России, при воззрении на Романовский Дом, и сердце его скажет ему: честь и слава Царю, чтущему доблестных предков! Научимся от него и мы чтить и хранить древнюю доблесть, которую может украсить, но не заменить новый блеск». ¹⁷⁵²

В след за тем святитель Филарет поднес государю императору современную и соименную царю Михаилу Федоровичу икону преподобного Михаила Малеина, для поставления её в Романовских Палатах, и произнес при сем такие слова: «Благочестивейший государь! Московская Церковь, свойственным ей образом соответствуя мысли вашего императорского Величества, приносит в благословение древнему дому Романовскому древнюю икону преподобного Михаила, тезоименного покровителя державному Михаилу». ¹⁷⁵³

Затем с крестом в руке митрополит предшествовал государю при вступлении Его Величества во внутренние части Палат, окропляя их святою водою. Государь император был очень доволен всем и всеми и на другой день подробно осматривал все достопамятности монастыря и Палат. ¹⁷⁵⁴ Уже в беседе, произнесенной при праздновании рождения великого князя Сергея Александровича в 1857 году, святитель Филарет, указывая на четырех старших сыновей государя императора, заметил, что из них «наипаче первенец начинает уже рано являть и цвет наследованных высоких качеств», ¹⁷⁵⁵ при чем имел он в виду государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича, которому тогда шел четырнадцатый год от рождения. В следующем 1858 году, имея в виду прохождение государем наследником курса учения, святитель

Филарет произнес, в день тезоименитства Его Высочества, 6 декабря, известную нам беседу о воспитании в духе Библии».¹⁷⁵⁶

В 1859 году 8 сентября государю наследнику исполнилось совершеннолетие, и потому, когда в следующем 1860 году в августе наследник цесаревич вместе с августейшим родителем своим прибыл в Москву, то святитель Филарет, в речи своей к государю императору, при встрече Его Величества с наследником цесаревичем в Успенском соборе 15 августа, говорил между прочим: «Близ тебя видим твоего возлюбленного первенца, в первый раз здесь по вступлении его в престолонаследническое совершеннолетие. Радостно видеть сие исполнение над тобою, и надежду дальнейшего исполнения древнего благословения: *созижду в род к род престол твой*» (Пс.88:5).¹⁷⁵⁷ При этом посещении столицы первопрестольной государь император изволил пригласить митрополита Филарета к своему столу, и вот что писал по этому случаю сам митрополит от 16 августа к наместнику Сергиевой Лавры архимандриту Антонию: «Письмо к вам писал я поспешно, потому что приближалось время ехать к государю. Он принял меня в кабинете, и потом за столом посадил между собою и государем наследником. Государь наследник возрос телесно и душевно. Сегодня, по предварении, ожидал я его в одиннадцатом часу, а он приехал нечаянно в десятом; и я не успеть принять его в церкви, как в подобном случае родителя его, однако, выходя от меня он был и в церкви».¹⁷⁵⁸

Между прочим, в это время и в это посещение свое государь наследник коснулся напечатанной в Православном Обозрении статьи профессора Московской духовной академии В. Д. Кудрявцева-Платонова († 3.12.1891) о происхождении рода человеческого к похвалил ее.¹⁷⁵⁹ Последствием этого обстоятельства было то, что означенный профессор в конце того же 1860 года приглашен был ко двору для преподавания логики и истории философии государю наследнику и с честью исполнил свое высокое призвание в течении 1861 года.¹⁷⁶⁰ Между занятиями в прохождении курса учения, летнее время сего 1861 года государь наследник употребил на путешествие

по России и в августе прибыл в Москву. Святитель Филарет встретил Его Высочество 26 августа в Большом Успенском соборе следующей речью: «Благоверный государь! С радостью приемлем Тебя, как вождя участника в царственном празднике,¹⁷⁶¹ не забывая в тоже время, что встречаем тебя, как путешественника. Ты обозревал часть России: взоры и надежды России следовали за тобою. Разумею, что предмет твоего путешествия не удовольствие, но труд, не удовлетворение любопытства разнообразными видами мест и людей, но изучение отечества. По истине, надобно, довольно знать страну и народ, чтобы удовлетворительно управлять ими. По сей истине, ты рано собираешь семена знаний и опытов для себя, чтобы они впоследствии принесли плод для России. Господь благими судьбами Своими да ведет к верному исполнению твои благие желания и благие о тебе надежды отечества. Теперь же вниди с нами в радость твоих боговенчаных родителей и в общение всероссийской молитвы, да продолжится благословение свыше над царем и царством».¹⁷⁶²

Но не долго судил Господь России и августейшим родителям утешаться надеждою Отечества, – государем наследником цесаревичем. Уже он достиг было того предела возраста, в который мог обещать своим венценосным родителям внучат; уже для него избрана была и спутница жизни, прекрасная, кроткая и добрая, в лице принцессы Датской Дагмары, с чем уже и приветствовал было его августейших родителей святитель Московский Филарет,¹⁷⁶³ однако, в то время, когда он готовился было вступить в брачный союз, серьёзная болезнь уже подтачивала его здоровье в самом корне и вместо брачного венца уготовляла ему венец на небе. От 6 апреля 1865 года, в праздник Пасхи, святитель Филарет писал наместнику лавры, архимандриту Антонию: «По пророчеству с нами, праздник в плач. Телеграммою из Ниццы приглашают молиться о здравии государя наследника. Открыто предписать сие без высшего разрешения сомнительно. Словом пригласите к сему братию в обителях преподобного Сергия и в их церквах».¹⁷⁶⁴

Но от 10 апреля, по получении еще более тревожных и побудительных к молитве известий из Ниццы, святитель Филарет, не ограничиваясь молениями по церквам о здравии государя наследника, дал предписание московской духовной консистории о всенародном молебствии об избавлении Его Высочества от болезни. Молебствие на кремлевской площади с крестным ходом назначено было на 11 апреля.¹⁷⁶⁵ От 12-го же апреля, еще не зная о кончине государя наследника, святитель Филарет писал к наместнику лавры архимандриту Антонию: «Государыня императрица особенно желала, чтобы о государе наследнике молились в Лавре. Сие требование было получено вслед затем, как я о сем вам писать. Потом желала, чтобы я молился 7 дня в 7 часов утра, что исполнил я в точности, не зная причины назначения времени. Вам о сем не мог дать знать, потому что депеша перед тем получена в 11 часов вечера. Потом желала, чтобы молебствие было Божией Матери. Это исполнено мною у себя, а соборно вчера на Кремлевской Площади. Последнее известие от 9 часа вчерашнего вечера получено мною ныне в 6 часов утра. Болящий вчера приобщался святых тайн. Опасность возрастает. Только чудо спасти может. Кажется, приобщаются ныне святых тайн и государь, и государыня. (Это в депеше не довольно ясно). Невеста почти больна. Паки и паки Господу помолимся о болящем и о скорбящих. Утешительно, что прибегают к Богу. Господи, спаси царя и Россию, не болящую ли?»¹⁷⁶⁶

Однако, 12 апреля, несмотря на нежный уход и попечения окружавших августейшего больного родителей и невесты, не смотря на все средства к спасенью его от смерти, он скончался на 22 году жизни. В 12–30 часов дня, 12 апреля от министра внутренних дел в Москве получена была следующая депеша: «Ницца. 12 апреля, 2 часа утра. Воля Всевышнего совершилась. Он призвал к Себе нашего государя великого князя наследника цесаревича сего числа, в 12 часов и 50 минут ночи. Государь император и государыня императрица с умилением и покорностью переносят постигшую их скорбь и преклоняются пред неисповедимыми определениями промысла Божия».¹⁷⁶⁷

Под впечатлением такого и других, более пространных, известий из Ниццы, святитель Филарет, от 14 апреля, писал наместнику лавры, архимандриту Антонию: «Очень печально думается теперь о государе императоре и государыне императрице, да и о России. Какое лишение, и с какими необыкновенными обстоятельствами! Государь цесаревич в последний раз приобщился святых тайн, в присутствии всего семейства, кажется, в тот час, когда было молебствие в воскресенье в кремле. В понедельник около полудня генерал-губернатор принес мне весть о его кончине. Я нашел нужным узнать, как расположатся в Петербурге.¹⁷⁶⁸ Ответ получен поздно. Пред полночью сделал я распоряжение о поминании в Москве во вторник. Пораженная печалью мысль была недовольно подвижна, и я не догадался поспешить послать в Лавру нарочного. Сокращенное возношение высочайших имен определено в Петербурге, в ожидании высочайшего объявления наследника. Предписание учрежденному Собору посылаю с экономом».¹⁷⁶⁹

И ему же от 25 апреля; «Мне прочитано письмо из Ниццы печальное и утешительное, о последнем времени преставльшегося государя Цесаревича. Утром последнего дня он был в совершенной памяти, с любовью беседовал с родителями и с невестой; с радостью принял предложение причаститься Святых Тайн; причастился с умилением, мирно прощался с присными. После сего ясность сознания начала уменьшаться у него; предсмертные страдания были продолжительны; благочестивейшие родители и невеста были при нем до кончины. Благочестием и родственною любовью освещались мрачные часы. Мир душе Его! Утешение Им от Господа!»¹⁷⁷⁰

Святитель Филарет, столь многократно имевший опыты личного благорасположения и в Бозе почившего наследника цесаревича и еще того более, – августейших его родителей, счел своим священным долгом и от себя послать им слово утешения в письме, которое по справедливости может быть названо своего рода проповедью. Оно помечено 18-м апреля и гласит так: «Дерзнет ли непризванное слово нарушить

безмолвие, благопотребное для здоровья ваших императорских Величеств, особенно после трудного подвига? Или позволительно из переполненной мыслями и чувствованиями души пролиться нескольким каплям слова, может быть благоприятного успокоительному безмолвию? *Кто познал ум Господень?* сказал богомудрый апостол, и в сем вопросе находил разрешительный ответ на трудные думы. Кто разрешит думы, возбужденные событием двенадцатого дня?¹⁷⁷¹ Для чего из благолепного сада внезапно унесено младое древо, тщательно возвращенное, уже готовое к плодоношению, обещавшее возделенные плоды? Для чего невидимая рука угасила светлые надежды, которые должны были обеспечивать продолжение света для будущего России? Неужели не услышаны молитвы благочестивейших родителей о своем первенце, молитвы верного народа? Не дадут на сие собственного ответа ни испытующая мысль, ни оставленное самому себе чувство скорби. Успокоительное разрешение сих дум да ищется лучше в священном слове истины: *Кто познал ум Господень? Как непостижимы судьбы Его, и не исследимы пути Его!* (Рим.11:33–34) Но при сей непостижимости, несомненно известно, что *все пути Господни милость и верность к хранящим завет Его* (Пс.24:10).¹⁷⁷² Посему несомненно, что верен Господь и в услышании молитвы. Он услышал ее, принял и исполнил, только не по мысли родительской и отечественной любви, которая желала удержать благоверного цесаревича для трудных в трудные времена подвигов царства земного, но исполнил по разумению Своего Божественного Ума, который предзрел, как лучшее, то, чтобы скоро призвать его в царство небесное. Премудрость и любовь Господня присутствовали при сем решении. Итак, *не Богу ли повинятся душа* (Пс.61:2) скорбящая? Пред Его непостижимой премудростью и всегда несомненною благостью да преклонится испытующая мысль, волнующиеся чувствования да утихнут. и печаль растворится чистым духовным утешением. Молю Всеблагото Бога Отца, и Воплощенного Сына Его, безмерными скорбями искушенного, для облегчения наших скорбей, Пречистую Матерь Его, испытавшую беспримерные материнские

скорби, да великая родительская печаль ваших императорских Величеств благодатным утешением будет растворена, облегчена, услаждена, и лишение, которое потерпела ваша родительская любовь, будет вознаграждено в благоверных чадах ваших, которых благость Божия Вам сохраняет».¹⁷⁷³

Из благоверных чад царевых, о которых упомянул святитель Московский Филарет в конце своего всеподданнейшего письма от 18 апреля 1865 года, старейшим был великий князь Александр Александрович, ныне благополучно царствующий государь император, которому тогда уже исполнилось двадцать лет от роду (родился 26 февраля 1845) и который по милости Божией, пользовался цветущим здоровьем. К нему-то и перешли, после кончины великого князя Николая Александровича, все права последнего по наследованию престолом Российской Империи, согласно объявленному тогда же высочайшему о том манифесту.¹⁷⁷⁴

И только в отношении к присяге по сему случаю, в виду чрезвычайности события и значения присяги наследнику цесаревичу, данной при восшествии государя императора на престол, произошло некоторое замедление, так что манифест о ней вышел уже чрез три месяца после кончины прежнего наследника. «Повторение присяги государю императору, по моему мнению, писал, в виду заключавшегося в сем затруднения, к обер-прокурору Святейшего Синода генерал-адъютанту А. П. Ахматову в мае святитель Филарет, было бы несообразностью. Если присяга повторяется, то это значит, что предшествовавшая присяга признается уже не довольно сильною.¹⁷⁷⁵ Но истина и безопасность требуют, чтобы присяга, данная царю, навсегда признаваема была сильною и неизменно обязательною. Если признана будет нужною присяга новопровозглашенному государю наследнику престола, то момент, когда он дает присягу, будет самый удобный для оной. Проект сей присяги, более полный, при сем прилагаю. Боже, суд Твои царева дождь, и правду Твою Сыну цареву».¹⁷⁷⁶

Предложенный святителем проект присяги новому наследнику имел такой текст: «Я нижеименованный, пребываю неизменно верным присяге всемилостивейшему великому

государю моему, императору Александру Николаевичу, самодержцу всероссийскому, в наследнику его, данной при восшествии его императорского Величества на престол, ныне, за последовавшею, по неисповедимым судьбам Божиим, кончиною наследника государя цесаревича великого Князя Николая Александровича, дополнительно обещаюсь и клянусь пред Всевидящим в Всемогущим Богом, что должен, хочу и буду и ново-провозглашенному наследнику престола его императорского Величества, его императорскому Высочеству, государю цесаревичу Великому Князю Александру Александровичу, с тою же, как и самому великому государю императору, верностью, нелицемерно служить, во всем повиноваться, и за права и преимущества самодержавия и целость всероссийской Державы крепко стоять, с готовностью пожертвовать для сего всем и самою жизнью моею, в чем да поможет мне Господь Бог. В утверждение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».¹⁷⁷⁷

А когда присяга новому наследнику была принесена повсеместно и когда святитель Филарет уже получил и Высочайший манифест об окончательном утверждении Его Высочества во всех правах наследника престола, то от 25 июля 1865 года писал министру юстиции Д. Н. Замятину следующее: «Получив от вашего высокопревосходительства высочайший манифест о вступлении государя наследника престола цесаревича великого князя Александра Александровича в права совершеннолетия и о восприятии им высоких обязанностей, возложенных на него провидением Божиим и законом престолонаследия, не могу не отозваться словом живейшей радости, после глубокой скорби. Воскресшая надежда будущего России да растет и высится, и да уготовляет вождельные плоды. Да будет утешение августейших родителей полно и совершенно. Вся благая даровавший нам, *Боже суд Твой цареви дождь и правду Твою сыну царице*».¹⁷⁷⁸

И затем, когда в августе того же 1865 года государь император посетил Москву, то при встрече его в Успенском соборе 15 августа ему поднесено было приветственное письмо недуговавшего старца-первосвященника Московского,

находившегося в Гефсиманском скиту, в коем он, между прочим, писал: «Да хранит всеблагое Провидение тебя и твоего благоверного наследника в верный залог единства, твердости, благоустройства, благоденствия России на веки».¹⁷⁷⁹ На это письмо старца-святителя в тот же день (15 августа) последовал исполненный милостивейших выражений ответный высочайший рескрипт следующего содержания: «Преосвященный митрополит Московский Филарет! Посещая первопрестольную столицу мою, я привык постоянно слышать от вас пастырское слово христианской любви и принимать чрез вас благословение нашей матери Церкви православной. И ныне пред вступлением, с наследником моего престола, в священный Успенский собор, я получил ваше письменное приветствие, исполненное благожелания ко мне и дорогой для меня России. Сожалею, что состояние вашего здоровья не дозволило вам сделать мне этот сочувственный привет лично, и молю Бога, дабы восстановились силы ваши и на долго продлились на пользу русской православной Церкви, которой, в продолжение полувека, вы служите опорой и украшением. Поручая себя молитвам вашим, пребываю всегда к вам благосклонный».¹⁷⁸⁰

Вследствие сего рескрипта и в виду имевшего быть 30 августа тезоименитства Его Величества и Его Высочества нового государя наследника цесаревича, святитель-вита написавший государю императору следующее всеподданнейшее приветственное письмо, которое, на ряду с другими подобными, не даром внесено в разряд проповеднических сочинений митрополита Филарета: «Благочестивейший государь! Если ты нисходишь до смиренного в пустыни,¹⁷⁸¹ то сим самым открываешь из пустыни путь восхождения к величию твоего престола. Благоговейная преданность и благодарность да взыдугь и припадут пред тобою. День, который для церкви освящен именем святого благоверного великого князя Александра Невского и который твоим именем освещает Россию, да будет светел и не нарушимою радостью для тебя, и твоего августейшего семейства, и для России ныне и на многие лета. Благотворно устроила святая Церковь, что каждый сын её в своем имени носить воспоминание святого и доброго, и

следственно побуждение к святому и доброму. В имени святого Александра заключается воспоминание благоверного князя, который пред лицом неверного властителя, при угрозе смерти, не поколебался исповедать свою веру, который мудростью отражал от православия покушения не православных, который Невскою победою из дали веков предуказал твою Невскую столицу.¹⁷⁸² Нет сомнения, что при наречении твоего имени присутствовала также мысль о Александре I Благословенном, который, в годину испытания, укрепился верою и верою одолел утеснителя Европы,¹⁷⁸³ и сделался её руководителем. Какие возвышающие, достойные тебя воспоминания! Сии воспоминания займут внимание соименного тебе, твоего благоверного наследника, и к ним благознаменательно присоединится имя Александра II, Освободителя. Творец и Владыка дней и веков, да продолжит изливать свой благодатный свет на дни твои, благочестивейший государь, и твоей благочестивейшей супруги, и твоих благоверных чад, дабы свет благих и благотворных деяний, принося счастье настоящему, оставил светлую память и грядущим родам».¹⁷⁸⁴

Унаследовав престол Российской Империи после кончины своего августейшего брата, цесаревич великий князь Александр Александрович сделался и женихом невесты бывшего наследника, принцессы Датской Дагмары, в православии великой княгини Марии Феодоровны, которая уже успела искренно полюбить августейшее семейство Российского императорского Дома и которую также успели горячо полюбить члены сего дома, особенно же новый государь наследник цесаревич, на которого и она перенесла всю нежность любви своей после кончины его августейшего брата. Сентября 17 дня 1866 года состоялся торжественный въезд в Санкт-Петербург её Королевского Высочества, высоконареченной невесты, принцессы Датской Марии-Софии-Фридерики-Дагмары и затем следовали торжества предбрачные, которым особенно благоприятствовала и в как бы соответствовала прекрасная погода. Все это вызвало у не безызвестного и Двору поэта (Ф. И. Тютчева)¹⁷⁸⁵ следующие высокохудожественные строки-стихотворения, под заглавием: «Сентябрь, 1866 года»:

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом,
Что-то радостно-родное
Дышит, светится во всем.
Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И приветственные флаги
Зыбью легкою струит
Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по Невской глубине.
Югом блещет, югом веет,
И живет как во сне...
Все привольней, все приветней,
Умалющийся день.
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.
Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни¹⁷⁸⁶
Очарованные ночи,
Очарованные дни...
Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.
Словно в век ненарушимый
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой...
В этом солнечном сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием
И живое умиление,
С благодатью чистых слез,
К нам зашло, как откровенье,
И во всем отзывалось.
Небывалое доселе

*Понял вещей наш народ;
И «Дагмарина неделя»
Перейдет из рода в род.*¹⁷⁸⁷

Бракосочетание высоко-нареченных жениха и невесты назначено было (и состоялось) на 28 октября. В виду этого великого события, маститый старец-святитель Филарет приветствовал Его императорское Высочество государя наследника следующим письмом от 23 октября: «Благоверный государь! Единодушно со вверенным мне Московским духовенством и духовною паствою, искренним верноподданническим чувством побуждаюсь смиренно приветствовать ваше императорское Высочество со вступлением в благословенный брак с избранною вами достойною спутницею вашей жизни, государыней великою княгиней Мариею Феодоровною. Важен супружеский союз. Ему вверено Богом продолжение бытия рода человеческого. Еще особенным образом важен супружеский союз вашего императорского Высочества, ему вверено провидением Божиим продолжение царствующего рода. Вере вашей предлежит обетование Авраамово: *царие из тебе изыдут* (Быт.17:6) в преемственном потомстве. Все верные сыны и дочери православной церкви в Россия, соединяя свою радость с радостью твоего сердца, соединяют с твоею молитвою свои молитвы, да будет супружеский союз ваш полон чистой и совершенной любви, да будет он вождеденными плодами своими во всегдашнее утешение августейшим родителям вашим, да будет счастье семейственной жизни вашей облегчением подвигов вашей царственной жизни».¹⁷⁸⁸

Кажется, нет надобности добавлять, что все молитвенные благожелания святителя Московского, выраженные в заключении сего письма, исполнились в точности за истекшее доселе двадцати-пятилетие супружеской жизни августейшей четы.¹⁷⁸⁹ А в то время его императорское высочество государь наследник цесаревич, от себя и от своей августейшей супруги, удостоил святителя Московского, в ответ на его письмо, следующим рескриптом от 3 ноября 1866 года: «В самый день бракосочетания Моего, получив приветствие вашего

высокопреосвященства, поспешаю выразить вам как от себя, так о от государыни цесаревны искреннюю нашу признательность за вознесенные молитвы к Господу Богу о нашем счастье. Да будут услышаны Всемогушим эти молитвы старейшего и достойнейшего иерарха Русской церкви, да будет нам дано споспешествовать благоденствию благочестивейших родителей наших и заботам чадолюбивого нашего отца и монарха о горячо любимой России. Поручая себя молитвам вашим, останусь навсегда глубоко вас уважающим» и т.п.¹⁷⁹⁰

На светлой неделе 1867 года, последнего года жизни святителя Филарета, государю императору благоугодно было познакомить высоко-новобрачную цесаревну с первопрестольною Москвой. Вместе с государем наследником цесаревичем, с государынею цесаревною и великим князем Владимиром Александровичем Его Величество прибыл в Москву и 22 апреля, по исконному обычаю, посетил Успенский собор. За болезнью, митрополит Филарет не мог лично встретить их там и представил им лишь письменное, обращенное к Государю императору. приветствие следующего содержания: «Благочестивейший государь! Пророк, изобразив счастье отца семейства светлою чертою: *сынове твои, яко новосаждения масличная*, вслед затем произнес закон, по которому сие счастье даруется Провидением Божиим. *Се тако благословится человека бояйся Господа*. Видимо сие благословение над Тобою, благочестивейший государь! Се, близ тебя, твой благоверный сын и наследник, уже не только цветущий, *яко новосаждение*, но и готовый приносить плоды высокого служения тебе и твоему царству, и с ним цветущая отрасль другой царской семьи, соединенная с ним священным союзом, в надежде продолжения дарованного тебе благословения. С тобою и еще твой благоверный сын (предваряющий других), уже достигший в возрасте мужа,¹⁷⁹¹ и недавно давший обет свойственного Ему служения Тебе и Твоей Державе. Светло видит сие сдвигающая тебя столица, и глас пророка отражается торжественно в её сердце: *се тако благословится царь! бояйся Господа!* Введи новую, возлюбленную тебе и России благоверную чету во храм твоего

царского освящения, и от веков в нем призываемая и обитающая благодать да осенить оную, вместе с тобою, новым благословением жизни и благоденствия, да продолжит благословенный сад твоего царского Дома и во грядущие времена приносить вожделенные плоды благочестия, добродетели, царственной мудрости, правды, милости и наконец счастья семейственного и всенародного». ¹⁷⁹²

Эти новые молитвенные благожелания близившегося к могиле и чрез нее к небу святителя старца мы видим также вполне осуществляемыми в жизни и деятельности доселе здравствующих членов царствующего Дома, к которым они относились; и да осуществляются они в них еще и еще многая лета молитвами святителя, изрекшего их!

«Господи, спаси царя и Россию, – не болящую ли?» – писал, как мы припомним, святитель Филарет по случаю тревожных известий о болезни в Бозе почившего государя наследника великого князя Николая Александровича. Из обозрения внутренней жизни России мы видели, что Россия действительно обнаруживала много болезненных симптомов, проявлявшихся особенно в революционных вспышках. Но самым грустным, без сомнения, проявлением этих вспышек, этих стремлений к разрушению существующего порядка управления был ряд дерзких покушений на священную жизнь благостнейшего из монархов, истинного благодетеля России, государя императора Александра Николаевича, Освободителя миллионов своих подданных.

Этот ряд покушений, бывших делом не многих в сущности деятелей революционной пропаганды, открылся злодейским покушением 4 апреля 1866 года. «Сегодня (4 апреля), – гласила телеграмма, в 4–30 по полудни, когда государь император, по окончании прогулки в летнем саду, садился в коляску, неизвестный выстрелил в Его Величество из пистолета. Провидение бодрствовало над драгоценною жизнью. Государь невредим. Злодей схвачен». «Государя, дополнено в другой телеграмме, спас крестьянин Костромской губернии, Осип Иванов Комиссаров, он отвел руку убийцы в минуту выстрела. В театрах и на улицах беспредельное ликование. Государь

появлялся на балконе Зимнего Дворца и затем ездил по улицам и посетил Смольный монастырь. Комиссаров возведен в дворянское достоинство». ¹⁷⁹³

Председателем следственной комиссии по делу о покушении назначен был уже известный патриот, подавивший польское восстание 1864 года М. Н. Муравьев. Следствие раскрыло, что под фамилией Каракозова, покушавшегося на убийство царя, скрывался поляк. ¹⁷⁹⁴ Адреса и сочувственные заявления государю императору о чудесном спасении жизни его неслись отовсюду. Святитель Московский Филарет, от своего лица и от лица, вверенного ему духовенства Московской епархии, 5 апреля, чрез наместника Лавры архимандрита Антония и Петропавловской, на Басманной, церкви протоиерея П. М. Терновского, представил государю императору всеподданнейшее письмо следующего содержания: «Благочестивейший государь! Благословен Бог верный в словесех Своих, не дремлющею силою провидения Своего исполнивший и ныне свое древнее слово: *не прикасайтесь помазанным Моим!* Сколько преступная, столько же безумная дерзость подняла против тебя руку; но ее невидимо отразил ангел (хотя видимо чрез человека), и твоя жизнь и здоровье сохранены, а преступлению попущено сделать только то, чем оно обличило само себя и повергло позору и правосудию. Благословен Бог, совершивший над тобою, благочестивейший государь, Свое древнее слово: *не прикасайтесь помазанным Моим!* Ужас верноподданных и скорбь о том, что нашелся в России такой человек, умягчается только живейшею радостью о твоём сохранении и благодарною к Господу молитвою. Так после соборного благодарственного молебствия в храме святителя Алексия, не вместившийся в храме, но наполнявший Кремль народ просил, чтобы сие молебствие вторично совершено было среди его, и оно вторично совершено тем же собором, со всеобщим умилением и радостью. Вместе со мною, все вверенное мне Московское духовенство и, не колеблюсь сказать, вся Московская Церковь и её народ, – все искреннейше приветствуем ваше императорское Величество светлым на вас знамением охраняющего вас провидения Божия, не преставая

взывать к Богу: *Господи, спаси царя!* Святитель Алексей, который в своем храме, близ своих святых мощей, благословил твое вступление в православную Церковь, чрез свой образ,¹⁷⁹⁵ освященный на его мощах, да преподаст тебе охраняющее благословие Божие на грядущие времена твоей дражайшей жизни». ¹⁷⁹⁶

На это письмо от 9 апреля последовал ответный Высочайший рескрипт следующего содержания: «Преосвященный митрополит Московский Филарет! Приняв с благоговением присланную мне вами икону святителя Алексея, искренно благодарю вас и все Московское духовенство за выраженные чувства верноподданнической преданности. Призванный на царство всемогущим Промыслом, я возлагаю все мои надежды на Вседержителя Бога, в Его же деснице цари и народы, и глубоко верую, что благое Провидение охранит дни мои доколе они будут нужны для дорогой мне России. Как ни тягостна моему сердцу мысль о покушении на мою жизнь, всецело отданную любимому Отечеству, но она исчезает пред благою Божественною волею, отвратившею от меня опасность; а единодушное сочувствие ко мне всех сословий верного моего народа, со всех концов обширной империи, доставляет мне ежеминутные трогательные доказательства несокрушимой связи между мною и всем преданным мне народом, эта священная связь да останется на веки неизменным залогом силы, целостности и единства нашего общего великого Отечества. Призываю святую Церковь молиться о благоденствии и славе России. Поручая себя молитвам вашим, пребываю всегда к вам благосклонный». ¹⁷⁹⁷

Кроме этого официального рескрипта. Его Величество государь император, по поводу того же события 4 апреля, изволил написать святителю Филарету, по доверию, иное, более конфиденциальное письмо, на которое в апреле же митрополит Филарет отвечал следующим письмом: «Благочестивейший государь! В чертах вашей руки и утешительно, и назидательно взираю на черты вашего духа. Господь да продолжит осенять вашу веру, одушевлять любовь. Укрепит¹⁷⁹⁸ упование и преданность воле Его святой. Мы еще под сильным влиянием 4

дня апреля. Москва продолжает молиться о государе в разных местностях, на открытом воздухе, в больших собраниях народа. Справедливо изволите рассуждать, что событие 4 апреля попущено на нас за оскудение веры и за расслабление нравов. Но, по милости Божией, это еще не наказание, а вразумление. Провидение, чрез событие, сказало нам, вы достойны страшного наказания; и оно было на един волос от вас; возбудитесь исправлением и милосердием: исправьтесь. Послушаемся ли мы? Тяжек заботливый вопрос. Заботливая мысль Вашего Величества о том, что Н...¹⁷⁹⁹ не принадлежит к православной церкви, свойственна любви к православию и к присной душе. Да принесет оню душа ваша в молитве мирной Спасителю всех, и да почует в безмолвии пред Его премудростью и милосердием, не испытывая судеб Его. Богат Он милостью и средствами спасения верующих. Может быть, не неблагоприятно теперь представить вашему вниманию событие, довольно верно мне известное. Недавно жила в Москве одна больная,¹⁸⁰⁰ искренно преданная православию, которой по временам виделись некоторые усопшие и с нею молились, подкрепляли её терпение, а иные просили молитв о себе. Однажды между ними она увидела протестантского пастора, которого прежде знала в одном из южных городов России, который очень благорасположен был к православию, но остался не присоединенным к православной церкви. Видящая спросила его «за чем ты здесь? Ты не наш». Он отвечал: «нет, ваш; в предсмертные часы моей жизни мне явился преподобный Сергей, и помазал меня святым миром». Можно ли утверждать, что это истина? Но и напротив можно ли доказать, что это мечта? В преданности переносимые страдания ваши и болезнь да примет Господь, как жертву, Ему благоугодную и всеспасительную. Облегчение скорбей, истинное утешение и пребывающее благословение Божие вам и высокому семейству вашему смиренно призываю. Мое слабое здравие не доставит силы Вашему Величеству; как требуете от меня сведения, то доношу, что оно весьма неудовлетворительно для моих обязанностей. Но слава Богу о всем».¹⁸⁰¹

По поводу события 4 апреля, кроме молебствий,¹⁸⁰² были делаемы разные предположения об устройстве икон, часовен и т.д. На все предположения подобного рода, доходившие до сведения митрополита Филарета, он отвечал то согласием, то ограничением, а то и совершенным отклонением их, в случае несообразности их в каком-либо отношении. Но вот едва минул год со времени первого покушения на жизнь государя императора, как в бытность Его Величества в Париже 25 мая 1867 года на его жизнь сделано было вторичное покушение и опять рукою поляка (Березовского), при чем снова десница Всевышнего (хотя опять чрез человека) спасла драгоценную жизнь монарха. Святитель Филарет и в этом случае поспешил распорядиться принесением благодарственного Господу Богу соборного молебствия о чудесном избавлении государя императора от грозившей Ему опасности. Но уже самое повторение покушения на жизнь священной особы государя императора показывало, что болезнь, о которой, в отношении к России, говорил прозорливый старец-святитель Московский, была как бы хроническою. И она подлинно была таковою, что доказали дальнейшие покушения на ту же драгоценную жизнь, наконец (в 1881 году) отнявшие ее у благодетеля, освободителя миллионов не только русских, но и родных им славян Балканского полуострова. К счастью для святителя Московского и для его царелюбивой души, очи его не видели уже и уши его не слышали этих дальнейших покушений. В годину второго покушения он мирно отошел ко Господу.

4. История церкви

Дух реформ, проникавший все направление внутренней политики России за время царствования государя императора Александра Николаевича, коснулся и церковной жизни её за то же время, хотя, как и нужно было ожидать, в этой области должен был более, нежели во внутренней жизни, политике, считаться с историческими, каноническими устоями церкви и не мог так самовластно, как там, распоряжаться этими устоями. Повевая преимущественно с запада и в данном оттуда направлении, этот дух коснулся не только русской, но и греко-восточной церкви, как то мы видели уже отчасти из обозрения последствий Крымской войны.

Мы видели, как относился к реформам внутри России святитель Филарет, митрополит московский, еще с большею осмотрительностью и осторожностью, чтобы не сказать более, относиться он считал нужным к духу реформ в области церковной жизни; еще с большею силою старался он поддержать упомянутые сейчас устои церкви от разрушительного влияния духа времени. И чем выше был авторитет, церковно-государственное значение святителя Филарета за рассматриваемое время, тем шире простирался круг действия и влияния его на дела церковные, тем дальше проникал взор его в область жизни церковной, объемля нити сей жизни не только в ближайшей вверенной ему области церкви московской, не только даже в области церкви русской, но и в области церкви вселенской, простираясь на восток и на запад, на север и юг. Начнем, по-прежнему, с церкви восточной.

Известно, из-за чего поднялась восточная, сделавшаяся потом Крымскою, война. Угнетаемые турками единоверные и частью единоплеменные нам христиане, подвластные Турции, с началом этой войны, естественно от России одной ожидали избавления от векового рабства туркам, от страданий, которым подвергались со стороны последних. Более горячие головы не останавливались даже пред мыслью об отнятии русскими Царьграда, Византии у турок. Было, например, вырыто из

архивной пыли относившееся будто бы к 1279 году пророчество иеромонаха Агафангела, впервые изданное в 1555 году, а в 1849 году возобновленное и в 1853 году повторенное изданием, заключающее в себе между прочими предсказаниями предсказание и о том, что русский царь Петр V «имеет развернуть победное знамя Христа (τό τοῦ Χριστοῦ νικητικόν σημεῖον) в Византии и уничтожит силу «змаильтян», что, по объяснению досужего толкователя, значит, что император Николай¹⁸⁰³ это и сделает; при чем в 1855 году прекратятся испытания, мучения и тревожения церкви и христиан, а в 1856 году, «по милости Божией, наступит начало поворота к лучшему и устройство дел церковных, политических и прочих».¹⁸⁰⁴

Осторожный в чаяниях своих во все время Крымской войны, святитель Филарет, конечно, с величайшей осторожностью отнесся и к этому предсказанию. «Недавно мне попало в глаза, писал он наместнику Сергиевой лавры, архимандриту Антонию от 17 марта 1855 года, следовательно, вскоре по воцарении императора Александра Николаевича, известное предсказание Агафангела; и я просмотрел оное. И видится, что иное прошедшее, например, о императоре Карле V и о Лютере,¹⁸⁰⁵ писано так, как бы писано с истории, а о том, что могло произойти по обнародовании сего предсказания, говорено так темно и запутанно, что и великих происшествий нельзя тут найти, как например, 1812 год.¹⁸⁰⁶ Находят указание на него в главе 9-й¹⁸⁰⁷ в солнечном числе златой двенадцатницы, но что это такое? И какая тут юная царица, которая должна вскоре отдать преемнику величайшее царство? И что за отверженное дитя, возвращенное на престол? В 1853 году сие предсказание перепечатано в Афинах. Ожидали, что *Петр I развернет Христово знамя в Византии*. Спешили уразуметь ум Господень, и не умели. Посылаю вам рукопись на греческом и в переводе. Посмотрите, если угодно, и отдайте ректору Академии.¹⁸⁰⁸

И как бы в утверждение такого отношения к подобного рода гаданиям, предсказаниям, в известной уже нам проповеди (беседе) своей на Благовещение, сказанной в 1858 году, святитель делает наставление: «Если твоему внешнему или

внутреннему слуху является необычайное слово, представляющее себя посланным свыше,¹⁸⁰⁹ не спеши принимать оное; размысли в безмолвии, испытай, согласно ли оно с достоверно известным словом Божиим и учением Христовым; огради себя смирением, молитвою и, по колику возможно, советом имеющих духовную опытность. Истина не оскорбится твоею осторожностью; а ложь и мечта не успеют обаять тебя».¹⁸¹⁰

Но если не вполне осуществились, оправдались очень смелые ожидания восточных православных христиан, то все же не совсем посрамлены были их надежды на заступничество России за них пред Оттоманскою Портой и Европою; а в дальнейшее время, после того как улеглись страсти, вызванные Крымскою войной, после того как Европу стали занимать другие интересы, наконец после того как влияние России более и более стало усиливаться в Константинополе, эти надежды еще более укрепились и начали получать оправдание не на словах уже, а и на деле. Облегчение участи христиан, подвластных Турции, именно православных христиан более и более стало приходить к осуществлению, благодаря мирной, по влиятельной политике России, пока не завершилось благотельными последствиями войны 1877–1878 года. В виду того, что раньше мы уже приводили из проповедей и мнений святителя Филарета почти все, относящееся к движению дел на Востоке по греко-болгарскому и собственно славянскому вопросу, мы теперь не будем входить в новые подробности по тому же вопросу, при том, повторим раньше сказанное, окончательно еще не разрешенному при жизни святителя Филарета. Мы ограничимся лишь некоторыми указаниями на то, чего мы прежде не касались.

Известно, что со времени Крымской войны православная церковь на Востоке продолжала испытывать беды и прежние, от неистовства турок, и новые, возникшие вследствие применения к ней тех начал парламентаризма, которые господствовали на Западе и которые Запад, после Крымской войны, вздумал ввести и в церковную жизнь на Востоке. Страдания христиан Сирийских и кандиотов в 1860, и дальнейших годах были

выражением первого рода бед, а внутренние неурядицы в устройстве управления в Константинопольском патриархате и греко-болгарская распря, все более и более разгоравшаяся, служили выражением второго рода бед в церкви восточной. Последнего рода бед были более серьезны, нежели бед первого рода. Бедам первого рода можно было помочь жертвованиями в пользу пострадавших, как то и делал, с своей стороны, митрополит Филарет;¹⁸¹¹ беды же внутренние устранить, или даже, хотя бы, только облегчить было гораздо труднее.

Здесь, к сожалению, благодаря известному нам из раньше сказанного февральскому гатти-гумаюну 1856 года, изданному, по настоянию западных держав, турецким правительством, с последствиями этого гатти-гумаюна, сильно затронут был вопрос о национальностях. Естественно, греки, как давние хранители преданий церкви православной, особенно благодаря внушениям из столицы свободного греческого государства – Афин, желали преобладания своей национальности и в управлении, и в богослужении, и в других отношениях. Между тем славяне, которых в Турции были также целые миллионы, хотели выговорить, хотя, сколько-нибудь в пользу своей национальности, чему греки, однако, не хотели дать удовлетворения. Отсюда недоразумения и распря между греками и болгарами. Отсюда тяготение некоторых болгар более к римско-католическому Западу, пользовавшемуся их стесненным положением для своих целей, нежели к греческому православному Востоку, как бы нарочито отталкивавшему их от себя.

К тому же все это не могло так или иначе не касаться и России, которая, в свою очередь, как православная и славянская держава, давняя защитница восточных православных христиан, не могла быть равнодушна ко всему этому. Частью по естественному ходу вещей, частью же вследствие сложившихся обстоятельств в отношениях между греками и болгарами. сочувствие России мало-по-малу склонилось решительно на сторону последних; и известно, чем разрешилась в 1872 году греко-болгарская распря.

Из всего этого легко понять, как затруднительно было положение святителя московского Филарета, которого, как весьма мудрого, проницательного, осторожного и многоопытного архипастыря, и духовное и светское русское правительство призывало к советам и решениям по делам Востока. Еще в самом начале возникновения неурядиц в Константинопольском патриархате, митрополит Филарет от 6 апреля 1858 года писал наместнику лавры архимандриту Антонию: «печальны вести о православных в Турции, и есть горе от своих. Греческое духовенство в Болгарии изгнало болгарский язык из городов и священное служение на славянском. Некоторые городские болгары вследствие сего некоторым образом огречились, и чрез то нарушено единомыслие с сельскими. Но латинская пропаганда старается воспользоваться сим несогласием. У нас возбуждается о сем забота, но действовать теперь труднее, нежели было прежде».¹⁸¹²

А от 13 мая 1860 года тому же лицу писал святитель уже прямо: «Беды на востоке. Народное собрание оканчивалось худо, и не знаю, чем кончилось. В Константинопольской болгарской церкви в Пасху болгары закричали епископу Иллариону, чтобы вместо вселенского патриарха поминал султана. И цареградский вестник говорит, что это было исполнено. Один из главных поджигателей сего – журналист Данков, поджигаемый латинскими деятелями».¹⁸¹³

И от 31 января следующего 1861 года: «Меня много заставляют читать и писать, кроме дел епархий».¹⁸¹⁴ В Константинополе отношения греков и болгар получают разрушительный вид. Некоторые болгары, в том числе архимандрит, священник и иеромонах из Афона приняли латинскую унию; армянский латинский патриарх дал им церковь, в которой они служили, и провозгласили болгарского патриарха Иллариона. Патриарх¹⁸¹⁵ издал грамоту с порицаниями на болгар, а болгары на него. Советов до сих пор ни та, ни другая сторона не принимала. Помолитесь о мире православной церкви».¹⁸¹⁶

Естественно, что в вопросе о национальностях святитель Филарет, при всем своем стремлении примирить обе враждовавшие стороны, не мог становиться на точку зрения греков. «Греки отвергают начало национальности, писал он в июне 1866 года; но в самом деле действуют для сохранения господства своей национальности, и не вспоминают, что Дух Святой признал начало национальностей, когда ниспослал церкви дар языков, чтобы каждая национальность на своем языке имела учителей веры и богослужение. Дело, в начале не очень трудное, более запутано и затруднено медленным и изменчивым движением оного. Оно не может ясно и убедительно быть решено одними правилами, нужны взаимные соглашения и уступки. Это можно делать только на месте, только самим спорящим сторонам. Какое бы мнение ни дал по сему делу Всероссийский Синод, вероятнейшее последствие то, что обе стороны будут недовольны, и не примут оного; следственно пользы не будет, советующая сторона будет оскорблена, и мир между церквами и народами, более или менее, потерпит ущерб. Мы можем только сказать: возлюбленные православные братия, эллины и болгары, не ослабляйте себя и друг друга ослаблением единства; укрепляйте себя охранением единства; не давайте вашим разделением случая чуждым расхищать ваше духовное стадо; равно да чтят общее священноначалие, эллин и болгар; равно да печется общее священноначалие о эллине и болгаре. Естественно справедливо, и с духом православной церкви согласно, чтобы болгары имели пастыря, богослужение и училище своего языка, а не чужого, а для сего нужна им значительная доля свободы и в избрании себе пастырей. Порядку церковного управления не было бы противно, с обстоятельствами сообразно, и для болгар успокоительно, если бы твердым правилом постановлено было, чтобы некоторые из болгарских архиереев присутствовали при святейшем патриархе в синоде».¹⁸¹⁷

В виду всего этого и в согласии с этим святитель Филарет поучал и с церковной кафедры. Так еще 1 января 1861 года, в своей речи по рукоположении преосвященного Сергия

(Ляпидевского), епископа Курского и Белгородского (ныне архиепископа Херсонского), святитель Филарет внушал ему: «Возноси от земного жертвенника к небесному молитвы... о всей православной вселенской Церкви, и ныне, как древле, не безопасной от бед *во лжебратии* (2Кор.11:26), а в некоторых странах, в сии христианские времена, пред лицом христианских царств, так же, как в языческие времена, гонимой врагами христианства».¹⁸¹⁸

Затем, не забыли мы, конечно, тех в высшей степени осторожных, хотя, и весьма благожелательных выражений, какими исполнена речь святителя, сказанная им в мае 1867 года и обращенная к посетившим Москву славянам, которых в ней призывал он к единству в духе веры и к единению с Россией в духе племенного единства и родства.¹⁸¹⁹ Но не забыли мы и того прямого и ясного указания на покушения Запада против Востока, которое заключается в юбилейной ответной речи святителя Филарета 5 августа того же 1867 года и которое говорит о том времени, как таком, в которое «более и более омрачающий себя западный дух непрестанно усиливается простирать мрак и поднимать бури и на светлый, святой Восток».¹⁸²⁰

Здесь мы видим указание не на одни лишь тлетворные влияния и стремления западной цивилизации проникнуть на Восток с своими разрушительными проявлениями социализма и революции, но и стремления инославного, особенно же римско-католического, Запада подчинить своему влиянию православную Церковь восточную. Выше мы уже видели опыты таких стремлений и их успех среди болгар. В России такие стремления также всюду давали о себе знать: то в домогательстве римско-католиков иметь в Московском университете свою кафедру богословия,¹⁸²¹ то в пропаганде по западнорусскому краю,¹⁸²² то в иных подобного рода проявлениях,¹⁸²³ между тем как свою живучесть римский католицизм доказывал изобретением и установлением нового догмата о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии.¹⁸²⁴ Впрочем, и революционные и римско-католические стремления Запада по отношению к Востоку и России шли рука об руку. По

поводу известного труда совращенного в латинство русского князя – иезуита Гагарина, митрополит Филарет, возвращая, по прочтении, книгу его князю С. М. Голицыну, от 9 января 1857 года, писал последнему: «сочинение показывает, с какою основательностью сочинитель избрал римско-католицизм. Он написал целую главу под заглавием: *Католицизм и революция*, то есть, он думает, что где нет католицизма, там будет революция, и что католицизм избавит от революции. Не вспомнил он, что революция родилась в католической стране,¹⁸²⁵ что в 1847 году жерло революции раскрылось у самого средоточия католицизма, и поглотило бы папу, если бы он не успел убежать, что до сих пор чужое войско стоит в Риме над жерлом революции, чтобы оно вновь не раскрылось и не поглотило папу. Не ближе ли подошел бы он к истине, если бы написал иную главу под заглавием: *Католицизм и революция*. То есть, католический деспотизм в Риме, поработав себе все мирское, управляя судами, полицией и военным министерством чрез священников и монахов, но не умея управлять, выводит людей из терпения и усиливает наклонность к революции.¹⁸²⁶

Пропагандою римский католицизм увеличивал число своих приверженцев. Оружие его духовное, хотя, и тесно связанное с политическими и другими расчетами и соображениями. Бороться с ним, хотя, трудно, однако, должно было тем же, духовным, оружием. Так и поступали представители православия.¹⁸²⁷ Так поступал и святитель московский Филарет. Но и помимо этой борьбы, православие, подобно римскому католицизму, могло увеличивать число своих приверженцев распространением православия между не православными и не христианами, с помощью миссионерства. В этом отношении, за рассматриваемое царствование, кроме деятельности прежде существовавших миссий (каковы: Алтайская. Камчатская, Иерусалимская и другие), приняты были и новые меры, основаны были новые миссии. Так, задуман был целый миссионерский институт. Мысль о его учреждении принадлежала митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Григорию, но и митрополит Филарет московский

принимал большое участие в обсуждении вопроса об этом учреждении.¹⁸²⁸

С другой стороны, распространение владычества России в Приамурском крае и в Закавказье подало повод к расширению и миссионерской деятельности Церкви Русской в этих областях, из коих Закавказье, кроме того, нуждалось и в восстановлении здесь издревле существовавшего православия.¹⁸²⁹ Всего этого впрочем, проповедью своею святитель Филарет не касается, за исключением дальнего востока Сибири, о котором в речи своей к государю императору 26 августа 1858 года говорит: «Отвне – продолжаешь охранять мир, и в особенности обновляешь мир на дальнем Востоке; открываешь мирный путь истине Христовой к людям, сидящим во тьме язычества».

Посему и мы, оставляя речь об этом, переходим к другим явлениям церковно-исторической жизни, которых касается в своих проповедях наш святитель-вита.

Уже в отношении к миссионерству мы не могли не заметить, что духовный взор святителя Филарета от области церкви вселенской ближе всего и более всего обращается к области Церкви Русской. Как святителя сей последней, как синодального члена, его, естественно, ближе всего и должно было интересовать состояние этой Церкви, за благосостояние которой он ответственным считал себя более, нежели за благосостояние Церкви православной за пределами России.

В истории Церкви Русской за рассматриваемый период царствования императора Александра II, начальным и важнейшим делом было издание Библии в русском переводе. В свое время мы уже касались хода этого дела. Нам остается теперь только сказать, что Высочайший рескрипт (от 27 марта 1877 года), которым увенчан подвиг Святейшего Синода в этом деле, в значительной мере относится и к святителю московскому Филарету, и одною из заветных мыслей имевшему мысль о переводе Библии на русский язык, как мы знаем, и много потрудившемся в деле этого перевода за рассматриваемое царствование.

Вот текст этого замечательного рескрипта: «В 1856 году, при восприятии мною прародительского венца, Святейший Синод в

собрании своем в Москве, имея рассуждение о доставлении православному русскому народу способа к обильнейшему пользованию сокровищем слова Божия, признал необходимым перевести книги священного Писания на русский язык. Приступив затем, с моего соизволения, к исполнению сего предположения, Святейший Синод непрерывно, в течение двух десятилетий, продолжал совершать оное с неослабною ревностью, просвещенным вниманием и с тою мудрою осмотрительностью, каких требовала высокая важность сего церковного и народного дела. С окончанием ныне сего многолетнего и многосложного труда, во внимание к ожидаемой от него духовной пользе паствы отечественной Церкви, поставляю справедливым долгом выразить мою искреннюю признательность Святейшему Синоду, ознаменовавшему себя в совершении сего великого дела столь достойным подвигом. Молю Бога, да явит Он спасительную силу Своего слова к преуспеянию православного русского народа в вере и благочестии, на коих зиждется истинное благо царств и народов». ¹⁸³⁰

Из 20 лет подвига Святейшего Синода в деле перевода Библии на русский язык целых 11 лет прошло при живом и деятельном в нем участии со стороны синодального члена Филарета, митрополита московского, и следовательно, значительная доля сказанного в приведенном сейчас милостивом рескрипте любвеобильнейшего монарха должна быть отнесена к святителю Филарету. Таким образом, совершилось уже после кончины сего святителя дело, которое начато было еще во дни молодости его, которое в то время, разумею по преимуществу последние годы царствования императора Александра I, возбудило против себя сильные прещения и гонения, так что было и остановлено.

Между основаниями, которые выставлялись противниками этого дела, было и то, что чрез перевод Библии раскольники еще более оттолкнутся от церкви, нежели как то было прежде. Теперь это опасение оказалось напрасным; да и основание для него было не твердо; ибо в деле перевода Библии главная забота была, как и митрополит Филарет настойчиво

провозглашал, «о доставлении православному русскому народу способа к обильнейшему пользованию сокровищем слова Божия» для домашнего, а не богослужебного употребления его. Богослужебное употребление Библии и при этом осталось, как доселе остается, на церковнославянском языке, и раскольники, по-прежнему, на славянском тексте Библии собственно опирались и опираются в своих возражениях против православия, имея в виду старинные, не исправленные тексты её, вопреки исправленным со времени последних пяти всероссийских патриархов текстам священных, равно как и богослужебных, книг.

На это между прочим, обстоятельство указывает святитель Филарет в одной из своих проповедей 1856 году, сказанной в единоверческой церкви в Москве. «Вы принимаете в руководство, говорит он здесь, священные и церковные книги в том виде, в каком они были во дни первых пяти патриархов Российских. Мы принимаем в руководство священные и церковные книги в том виде, какой они получили во времена последующих пяти патриархов и Святейшего Синода, вследствие сличения их с древними греческими книгами, с которых они переведены, и с древними славянскими рукописями, при чем речения неясные от древности заменены более ясными, и поврежденные неискусными переписчиками – исправлены. Вот разность! Но и те и другие книги, замечает на это святитель вития, прославляют единую Пресвятую Троицу; и те и другие возвещают единую веру в Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа,¹⁸³¹ и те и другие предлагают для освящения нашего благодатную силу одних и тех же Седми Таинств, и для управления жизни нашей одни и те же заповеди Божии; и те и другие утверждаются на слове Божиим, и на правилах апостольских, соборных и отеческих; и те другие представляют один и тот же состав церковного Богослужения и священных обрядов, с немногими и не существенными разностями в подробностях. Вот единство!»¹⁸³²

Затронув вопрос о расколе и единоверии, мы теперь и будем продолжать речь о них, как заслуживающих также

полного внимания явлениях русской церковно-исторической жизни рассматриваемого времени.

Собственно и строго говоря только три имеем мы проповеди святителя Филарета из рассматриваемого периода царствования государя императора Александра Николаевича, относящиеся прямо к делу о расколе с единоверием, именно, во-первых, недавно упомянутую проповедь 1856 года, носящую такое полное название: «Беседа к братьям святого храма святителя Николая, что в Рогожском, при внесении в оный храм иконы святителя Николая, дарованной Его императорским Высочеством, Государем наследником цесаревичем»; во-вторых, произнесенную в 1857 году: «Беседу на освящение Храма Успения Пресвятой Богородицы, при Преображенском Богаделенном доме» и, в-третьих, сказанную уже в 1859 году: «Беседу по освящении храма в ново созданном Спасопреображенском Гуслицком монастыре». Но, с одной стороны, и в других своих проповедях митрополит Филарет так или иначе касается раскола и единоверия, а с другой, и независимо от проповедей в строгом смысле он часто касается этого предмета, и своею архипастырскою созидающею во спасение деятельностью и силою глубоко-назидательного слова так много влиял на ослабление раскола и на обращение раскольников в православие, что наше настоящее исследование мы не можем ограничивать лишь одними тремя сейчас упомянутыми проповедями.

Уже в конце царствования в Бозе почившего императора Николая Павловича, при живом и деятельном участии святителя Филарета, положено было гораздо более прежнего твердое основание к упрочению единоверия в Москве и именно в прежних главных гнездилищах раскола – на Преображенском и Рогожском кладбищах. Это основание еще более укрепилось в царствование государя императора Александра Николаевича. Сам новый государь император, следуя примеру своего августейшего родителя, с живым участием относился к святому делу приведения заблудших в дебрях раскола сынов отечества к православию путем единоверия. А государю вполне сочувствовали и другие члены августейшей фамилии. Между

прочим, государь наследник цесаревич великий князь Николай Александрович даже удостоил личным посещением единоверческую Никольскую, что в Рогожском, церковь. В память этого посещения и в знак своего благоволения к ново присоединенным прихожанам её, он подарил в этот храм икону святителя Николая Чудотворца, изображенную в древнем характере иконописания и благолепно украшенную. По воле Его Высочества икона препровождена была к митрополиту Московскому Филарету в начале мая 1856 года, а 13 мая, в воскресенье, принесена была в Никольскую единоверческую церковь двумя иеромонахами в предшестве священосца и в сопровождении самого митрополита. При этом единоверческое духовенство вышло на встречу со крестом и святыми иконами, окруженное прихожанами и с разных сторон собравшимся народом. Икона поставлена была среди церкви на аналогии. Совершив по чину единоверческому предначинательное молитвословие, митрополит Филарет начал свою «беседу о предмете настоящего собрания и о единстве церковном» следующими словами: «Прихожу к вам ныне, братия святого храма сего, как вестник и исполнитель воли благоверного государя наследника престола, цесаревича великого князя Николая Александровича. Без сомнения, с чувством утешения и благодарности воспоминаете вы девятый день сентября,¹⁸³³ в который он посетил сей храм ваш, слушал здесь молитвословие, и от усердия вашего принял святую икону. В ранних летах¹⁸³⁴ являя себя наследником родительского и прародительского благочестия, он изъявил вам свое сорадование о том, что вы, преминув лета неведения и спасительно уразумев духовную потребность благодатного общения и единения с единою, святою, соборною и апостольскою церковью, действительно вступили с нею в общение и единение, в котором и пребываете. С сим вместе он знаменательно изъявил свойственное просвещенной христианской любви желание, чтобы вашему доброму примеру последовали и другие, которые, к сожалению, не суть от двора единые, святые. соборные и апостольские церкви. С того времени благоверный государь цесаревич сохранил не только

памятование о вас, единовверные братия, и о вашем усердии, но и то благоволительное участие, с которым взирал на ваше единение со святою Церковью и с её священноначалием, от святых апостолов друг-друга приимательно. Непрерывно и законно приявшим благодать тайнодействия. В ознаменование таковых своих расположений, и во всегдашнюю память своего к вам благоволения. Благоверный государь дарствует вашему храму святую икону святителя и чудотворца Николы,¹⁸³⁵ которую вы видите. Радостен, конечно, для вас, братия, настоящий день и час, радостен он и для меня. Радуюсь о благоверном первенце царевом, который, расцветая возрастом, расцветает и любовью к православной вере, и любовью к верному православному народу. Радуюсь о вас, братия, к которым, по устроению провидения Божия, как бы в вознаграждение за то, что на вас не ласково смотрят чуждые церковного единства, и светлый взор, и благоволительное слово и священный дар исходит от самого царского престола, потому что благоверный сын царев действует, конечно, в духе благочестивейшего родителя. Радуюсь и о себе, что мне дан жребий посредствовать ныне в исполнении благодетельной роли государя цесаревича и соутешиться вашим утешением. Радуюсь и о том, что пришел к вам, не только как посланный, но и как призванный вашим добрым изволением,¹⁸³⁶ ибо сие есть новое свидетельство того, что ваше единение со святою вселенскою Церковью и священноначалием её вполне совершилось в сердцах ваших.

И далее святитель-вития приступает к изложению оснований, по которым внешние черты различия между единоверием и православием не должны быть признаваемы за препятствия к единству между единовверцами и православными. «Никто да не мнит, читаем в его беседе, видеть разделение в том, что в церкви вашей слышатся некие особенные звуки слова, видятся некоторые особенные подробности обрядов. Строго судили о сем, когда с сим соединено было противление священной власти, и справедлива была строгость, потому что тяжек грех противления, как о сем вразумляет пророк Самуил: *якоже грех есть чарование, тако грех есть противление, и*

якоже грех есть идолопоклонение, тако непокорение (1Цар.15:23). Но где, по предваряющей благодати Божией, и по действию благонамеренности и доброго рассуждения, нет противления, а есть сердечное расположение к миру и благодатному единству, где при том есть уже единство веры в священные догматы и таинства, там сему внутреннему единению может ли препятствовать некоторое разнообразие внешнее?»

И затем, указав в приведенных раньше словах на пример священных и церковных книг, употребляемых единовѣрцами и православными, с разностями тех и других, при единстве существа дела, говорит: «Что же? Не примиримы ли оные разности с сим единством? Нельзя отказать в уважении церковным книгам, которые вы называете новыми, они исправлены по греческим и славянским рукописям, которые древнее времен первых пяти патриархов Российских. Но ваши предки усомнились в верности сего исправления, и по уважению к святым и благочестивым людям, устроившим свое спасение по книгам, которые вы называете старыми, решились неуклонно держаться сих книг. И вы обыкли руководствоваться в сем не столько исследованием, сколько преданием отцов ваших. Если бы ваше последование мнениям отцов ваших доходило (как доходит у других) до противления святой, апостольской Церкви, до отвержения святительства или священства и спасительных таинств, или до употребления оных святотатственного, и потому бесплодного и осудительного, то я сказал бы вам: поставьте должную меру вашему уважению к вашим отцам, *повиноватися подобаете Богу паче, нежели человеком (Деян.5:29)*; если бы святые равноапостольные Ольга и Владимир неограниченно следовали мнениям и примерам своих отцов, то они умерли бы идолопоклонниками, а не святыми и равноапостольными. Но поскольку ваше последование мнению и примеру отцов ваших не доходит до крайностей, уважаю чувство уважения к родителям, а потому и с основанным на нем обычаем желаю пребыть в мире. И поскольку в церковных книгах, преимущественно вами чтимых, вижу едину и ту же, как в исправленных, веру, таинства и

церковь, то, по благословению святые апостольские церкви, в мире вашей в моей совести, читаю в вашей церкви ваши церковные книги, и исполняю принадлежащие им особенности священно-служебного чина и обрядов; и не обинуясь говорю: никто да не мнит видеть разделение в том, что в церкви вашей слышатся некие особенные звуки слова, видятся некоторые особенные подробности обрядов».

И затем святитель-вигия, обращаясь к слушателям, призывает их к единению и единству с православною церковью и иерархией, говоря между прочим: «Потщимся, единовѣрные братья, паче и паче утверждаться, и возрастать в единении веры и любви, да силою нашего благодатного единения и бедственно отчужденные привлечены будут к спасительному церковному единству». А заключает свою беседу молитвою к Богу Отцу, об исполнении молитвы Сына Его: *«да вси едино будем»*.¹⁸³⁷

В своей беседе святитель-вигия, как мы припомним, выражал радость свою о том, что «как бы в вознаграждение за то», что на единовѣрцев «не ласкаво смотрят чуждые церковного единства», т.е. закоренелые раскольники, «светлый взор, благовольтельное слово и священный дар исходит от самого царского престола». Действительно, раскольники не только «не ласкаво», а и положительно враждебно смотрели на единовѣрцев и всячески старались вредить им. Так, даже и в рассматриваемом случае, как будто невзначай, но совершилось обстоятельство, которое невольнo наводит на мысль о кознях раскольников и которое едва не разрушило все приготовления к церковному торжеству. Внесение подаренной цесаревичем иконы первоначально предположено было, как мы замечали, 9 мая; и что же? 8 мая, в навечерие храмового праздника единовѣрческой церкви во имя святителя Николая, во время всенощного бдения, «внезапно, без видимой причины»,¹⁸³⁸ загорелась при этой церкви деревянная колокольня, и сгорела вся, и колокола значительного веса растопились. Но единовѣрцы в три дня поправили все: построили временную деревянную колокольню и приобрели колокола около 250 пудов веса,¹⁸³⁹ и таким образом, торжественность встречи иконы не

была нарушена. Вскоре после описанного события на Рогожском кладбище, не менее утешительное событие совершилось и в другом прежнем гнездилище раскола, на Преображенском кладбище.

В 1856 году 15 сентября Преображенский богаделенный дом передан в ведение императорского человеколюбивого общества; а уже 2 июня, следующего 1857 года при нем состоялось освящение третьего по счету единоверческого храма во имя Успения Пресвятой Богородицы. Освящать храм опять приглашен был владыка митрополит Филарет; и он, не смотря на немощи свои, не только совершил освящение и литургию, но и не оставил слушателей без назидательной беседы. «В прошедшее воскресенье, писал он наместнику Лавры архимандриту Антонию от 7 июня 1857 года, совершил я освящение единоверческой церкви, с половины литургии не имел голоса для возгласов».¹⁸⁴⁰ Не смотря на это, повторяем, маститый святитель, силою Божией подкрепляемый в своей архипастырской ревности о обращении заблуждших, по освящении храма произнес даже беседу.

Эту беседу он и начинает славословием Пресвятыя Троицы и благодарением за то, что «исполнилось три лета с того времени, как благодать Божия начала посещать сие место своим освящением, – и уже третий храм освященный здесь видим». А после славословия и благодарения ко Святой Троице и выражения радости о благочестивом усердии единоверцев к построению сих храмов, продолжает: «Первый здесь храм, по вашему желанию и прошению, при поспешности удовлетворить потребности, был устроен тщанием вашим и пособием, данным от святейшего Синода, по воле в Бозе почившего благочестивейшего императора. Но второй и сей третий храм суть дело единственно вашего усердия, плод вашего тщания, ваших жертв. Знаю, что при устройении сего храма было ревностное старание доставить оному и увеличенное пространство, и благолепие внутреннее и внешнее, которое теперь видим. Смотря на видимые действия, как на выражения душевных расположений, радуюсь о вас, братия, и не просто, но, по наставлению апостольскому, упованием радуюсь,

радуюсь упованием совершенного утверждения вашего душевного храма, на основании апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, упованием вашего истинного вечного спасения: *аще, по апостолу, начаток состава даже до конца известен удержим»* (Евр.3:14).¹⁸⁴¹ Такие выражения упования на совершенное утверждение единоверцев в обращении к истинной церкви, на приобретение ими спасения под условием сохранения того, что они получили в единоверии, оказывались нужными и в виду неполного еще по началу утверждения их в православии, и в виду воздействия на них со стороны закоренелых раскольников, последствием которого были некоторые признаки неискренности в отношениях единоверцев к православной церкви и православному русскому государству.

Так, например, вот что писал святитель Филарет в том же 1857 году к наместнику Лавры архимандриту Антонию: «много печального в делах наших, например, раскольники и их покровители поколебали многих единоверцев и заставили их написать к генерал-губернатору,¹⁸⁴² что они не присоединены к церкви, признаваясь при том, что дали в сем подписки; следственно признаваясь, что по фальшивым подпискам подлогом получили право купцов, и им пользовались два года. Начальство не обратило на сие последнее внимания, а стало искать доказательств на то, что они не присоединены, что же оказалось? Дал человек подписку о желании присоединения, признается, что был в церкви и над ним читаны молитвы, потом из документов видно, что в единоверческой церкви отпевал умершего отца, крестил детей и приобщал святых тайн, был на исповеди; и все говорит, что не присоединен. Другой подписался под прошением об открытии единоверческой церкви на Рогожском кладбище; написал сочинение в защиту единоверия против раскола, и сие сочинение, собственноручно им писанное, представлено в Консисторию, но он все говорит, что не присоединен. Говорят, что сии люди и в том случае, если дело сие перейдет в уголовную палату.

Надеются себе оправдания, а обвинения священникам. Все говорят, что они доказывают свои дела деньгами; но

обличающего нет».¹⁸⁴³ Действительно, благодаря деньгам, раскольники и пользовались покровительством сильных мира сего,¹⁸⁴⁴ и выводывали тайны официального делопроизводства касательно их раньше тех не редко, которые должны были бы о том звать прежде их,¹⁸⁴⁵ и т.п. Само правительство светское, руководясь началами либерализма, не только было готово, но и настойчиво стремилось делать возможные уступки раскольникам, которые поэтому, не видя для себя прежних ограничений, становились все более и более притязательными в расширении своих прав, все более и более открыто заявляли свои требования, совершали свои обряды и т.д.

Естественно, что при таких условиях борьба православия с расколом становилась все труднее и труднее для представителей первого, а успех этой борьбы обеспечивался все менее и менее. Между прочим, в видах борьбы с расколом и в миссионерских целях (обращения раскольников в православие), в одной из особенно густо населенных раскольниками местностей Московской епархии, именно в Гуслицах (Богородского уезда), в 1858–1859 годах был построен мужской общежительный монастырь, Спасопреображенский Гуслицкий. Первая мысль об устройении этого монастыря с такою целью, с целью духовного действия» на окрестное население, принадлежит строителю Берлюковской пустыни иеромонаху Парфению. Мысль эта одобрена была владыкою Филаретом и даже доведена до высочайшего сведения. Благочестивейший государь император, вполне сочувствуя цели устройства монастыря, благоволил пожаловать, для его устройства, из угодий удельного ведомства 150 десятин земли с лесом и сверх того 2000 дерев строевого леса и 5 тысяч рублей денег. Кроме того, нашлись, конечно, и частные благотворители.

Монастырь устроен был при реке Нерской, на месте прихода села Мошева. Главные и самые необходимые монастырские здания устроены в 1858 году. Тогда же переведены туда, кроме иеромонаха Парфения, еще два иеромонаха (из Гефсиманского скита – Феофан и из Флорищевой пустыни – Иероним); а весь штат братии монастыря предположен был, «по числу лет земной жизни

Господа Спасителя», в числе 33 и столько же послушников. При монастыре предположено было «по времени завести в особом здании, вне оно, училище для детей окрестных поселян», в тех же видах воздействия на раскольников с целью ослабления раскола. Ибо в этой школе положено было «обучение чтению начинать по церковным книгам; в простоте, но с особенным тщанием преподавать начальное учение веры и заповедей Божиих, приучать правильно и с разумением полагать на себя крестное знамение» и т.д.¹⁸⁴⁶ В самые храмы монастыря предположено было поставить на видных местах иконы преимущественно чтимые в той местности и древнего писания (копии).¹⁸⁴⁷

Прежде всего построен был деревянный двухэтажный храм, в нижнем этаже которого для постоянного служения братии уже 4 апреля 1859 года освящен был храм Воскресения Христова, а в верхнем этаже в мае того же года готов был храм во имя Успения Богоматери. Этот-то храм решил освятить сам митрополит Филарет. Для сей цели он еще 22 мая рано утром после литургии выехал из Москвы и в тот же день в 4-м часу по полудни прибыл в ново создаваемый монастырь, быв встречен торжественно, по обычаю, с крестом, иеромонахом Парфением и братией; а православные жители окрестных селений встречали его с иконами и хлебом с солью. На другой день, мая 23-го, митрополит совершил в монастырском храме всенощное бдение с двумя архимандритами, нарочито для сего приглашенными, и с братией Гуслицкого монастыря, при пении хора певчих из близ лежащего Павловского посада. Мая 24-го владыка митрополит, в сослужении того же духовенства, совершил самое освящение храма Успения Богоматери, при многочисленном стечении молящихся не только из местных жителей и окрестных поселян, но и прибывших из более или менее отдаленных мест и даже из Москвы. Празднование продолжалось и 25 мая. В этот день Божественную литургию в ново освященной церкви совершил нечаянно прибывший накануне в монастырь архиепископ Казанский Афанасий,¹⁸⁴⁸ а после литургии митрополит Филарет, вместе с сим архиепископом и прочим духовенством, совершил закладку

нового храма в честь Нерукотворенного образа, Преображения Господня и Святителя Николая, и затем совершил освящение самого монастыря.¹⁸⁴⁹

Но в виду важности события и значения монастыря для целей его устройства, святитель Филарет не преминул сказать в нем и слово назидания. Еще в 1858 году, когда только что возникла мысль об устройении монастыря в Гуслицах с целью воздействия на обращение раскольников в православие, святитель-вития внушал строителю Парфению в частном письме следующее: «Вспомнил я некоторые выражения, которые вы, рассказывая о собеседованиях ваших в Петербурге,¹⁸⁵⁰ употребляли об уклонившихся от православной церкви и не покоряющихся ей. И как вы предполагали вскоре посетить места, наполненные такими людьми, то и пришла мне заботливая мысль о том, как вы будете говорить с ними. Примите в рассуждение, что суровые слова раздражают людей; а раздражение препятствует принимать назидание, и что напротив кроткие слова и суровых людей умягчают. Рабу Господню, по апостолу, подобает кротку быти, учительну, незлоблву. Знаю, что вы с любовью христианскою употребляете труд и попечение о обращении заблуждающих; справедливо с сим соединять и ревность, но да не будет ревность жестока; и слово ревности да умягчается и услаждается словом любви. Знаете сие и сами, но и известное напомянуть мне убо не леностно, вам же твердо».¹⁸⁵¹

И по труде освящения Гуслицкого храма монастырского маститый старец святитель счел неленостным для себя произнести, в назидание слушателей, беседу, в которой, высказав общую мысль о том, что «есть особенные чудные судьбы Божии над некоторыми людьми, есть и над некоторыми местами особенные судьбы Божии, которые, при благочестивом внимании, можем открывать и рассматривать к утешению и назиданию нашему», и указав примеры сего библейской истории, в судьбах Авраама, Иерусалима и некоторых иных мест святой земли, вития делает переход к событию в Гуслицах указанием на Россию и Киев в эпоху принятия Россией христианства, а потом говорит: «Но для чего пришла сюда

память древних великих судеб? Ее призвало сие новое, или обновляемое, малое место, в благоговейном неведении ожидающее своей судьбы от Вышнего, без которого не только град, или дом человека, но и гнездо горлицы не создается. Водружается здесь крест; освящается храм; рождается обитель; и как новорожденный младенец проявляет свою жизнь воплем, так и сия новорожденная обитель начинает свою жизнь молитвенным воплем к Богу: *сотвори со мною знамение во благо* (Пс.85:17), и на *братию живущую вкупе*, хотя яко некие капли росы Аермонские, сходящие на горы Сионские, да снисдет благословение и живот до века (Пс.132:3).

Дерзнем ли сказать, что мы здесь не совсем лишены знамения во благо? Здешние места имели нужду в обители, которая бы, соборным чином богослужения, духом молитвы, доброподвижным житием братии, разумом и словом истины и православия, являла свет Христов и предлагала сладость церковную людям, отчужденным от православной церкви неведением, и даже принуждением, и остающимся в сем отчуждении потому, что не видят и не знают истины и красоты православной Церкви. Благочестивейшему царю нашему благоугодно было, чтобы обитель сия основана была на земле особого царского удела. По сему указанию, мы избрали сие место пустое, незнакомое. В двадесять девятый день декабря прошедшего года благочестивейший государь утвердил сие избрание и положил начало обители царскими щедротами. Бог отверз сердца и щедрые руки христолюбивых Московских граждан, и начало дела получило надежду совершения. Но что еще открылось? Здешнее местное предание сказало нам, что на сем месте в прошедшие веки была обитель монашествующих, что в начале нынешнего века еще называли сие место *монастырищем*; что на сем месте в прежние веки явилась чудотворная икона Христа Спасителя, которую, вместе с сим малым, в соседстве бывшим храмом¹⁸⁵² перенесли мы сюда в начальное освящение устрояемой обители. В дополнение к сим преданиям, пребывание в пятом-на-десять веке в здешних местах святителя Московского Фотия дает нам вероятность, что над бывшим здесь монастырем, и следственно

над сим местом было его благословение. Не утешительно ли это, братия, что мы, ища места, на котором бы почило благословение Божие, нечаянно, не зная, избрали место, на котором почивает древнее благословение? Не если это *знамение во благо?*»

Уже и в этом, по мысли святителя-витии, заключалось утешение и одобрение для начинавшей свою жизнь обители. Но он счел нужным и нарочито и яснее раскрыть эту мысль, говоря вслед за приведенными сейчас словами: «Да не изнемогает вера наша при виде трудностей дела, которое начато с добрым успехом, но которое, чтобы совершиться, упрочиться, принести плоды, требует очевидно многих трудов и многих средств, которые большею частью еще не видимы. *Да утвердится сердце наше во Господе*, Который из ничего творит все, Который от малого зерна производит древо, так что земля, воздух, вода, не оскудевая, дают ему потребное для его возрастания и плодоношения. Вера и упование на Бога да укрепляют всякий подвиг, и особенно подвиг молитвы, который есть опора всех подвигов и добродетелей».

Беседа оканчивается молитвою ко Христу Спасителю, Богоматери и святителю Фотию об утверждении обители и благоуспешности в делах, к которым она призвана, особенно в отношении к расколу.¹⁸⁵³ Утешение и ободрение было подлинно нужно, особенно для настоятеля обители, на котором лежала главная забота и о внутреннем и внешнем устройении монастыря, и о достижении им целей его устройства, и о предстательстве пред начальством по делам монастыря, и о других предметах и отраслях управления монастырем. Поэтому еще ранее личного посещения обители, митрополит Филарет считал нужным ободрять Парфения в его трудах. Так от 28 марта 1859 года владыка Филарет приватно писал ему: «Мне приходит на мысль, что вам не так покойно над колыбелью ново рождаемого монастыря, как было бы в обители благоустроенной. Потому пишу вам и прошу благодушествовать. Подвигом и терпением приобретается благое воздаяние. Если ради Бога благодушно понесете трудности, Бог благословит

дело успехом; и тогда, по пророку, *прозовешися здатель оград и стопы твоя последи упокоиши*». ¹⁸⁵⁴

Затем, поскольку Парфению, ради устройства монастыря, и после освящения последнего приходилось самому отправляться за сбором подаяний в разные места империи, а между тем раскольники, естественно, не довольны были и тем, что он сам обратился из раскола в православие, и тем, что основал монастырь с целью обращения раскольников в православие, и потому всячески старались вредить ему и чернить его в глазах начальства, то святитель Филарет и после того во всех случаях старался поддержать его и сохранить для обители, так как Парфению, вследствие трудностей служения, нередко приходила в голову мысль удалиться от хлопотливой должности настоятеля ново устроенной обители. С этой целью святитель Филарет то писал к нему ободряющие и утешительные письма, ¹⁸⁵⁵ то всею силою своего авторитета оправдывал и поддерживал его в глазах начальства, ¹⁸⁵⁶ то поощрял его наградами и повышениями ¹⁸⁵⁷ и т.д. И Парфений много и долго потрудился в Гуслицкой и для Гуслицкой обители, ¹⁸⁵⁸ повинувшись гласу своего архипастыря.

Но и не один раскол, а и другие секты обращали на себя внимание попечительного о благе паствы и о православии архипастыря московского. В числе этих сект и в то время, как теперь, были такие, которые отвергали обрядовую сторону вероисповедания, отвергали священноначалие и т.д., соприкасаясь то с некоторыми раскольническими толками, то с некоторыми протестантскими сектами и т.п. На эти секты святитель-вития указывает также в своих проповедях, когда, например, в известной уже нам из прежнего беседе по освящении храма при Покровской богадельне московского мещанского общества между прочим, говорит, в подтверждение мысли о духовной потребности притекать в храм Божий: «Что должно думать о тех, которые, услышав нерассудительную или не благонамеренную клевету на Православную Церковь, удаляются от освященного по Богопреданному чину храма и от его благодатных таинств, остаются без дома молитвы, или самочинно устрояют себе молитвенницы не благословенные, и

покушаются составить некие призраки раздробленных церковных обществ? Самочиние дерзновенное, и при том не только бесплодное, но и душевредное. Они сами себя отсекают от единства живого и живоносного тела Христова, то есть, от единой, истинной, святой Церкви Христовой. Но член, отсеченный от тела, не имеет жизни. Так и они не имеют животворящей благодати Христовой и благодатного освящения. От таковых предостерегает вас, братия, слово апостольское: *блюдитесь от злых делателей, блюдитесь от сечения»* (Флп.3:2)¹⁸⁵⁹

Здесь явно обличение таких сект, как духоборческая, молоканская и т.п., применимое и к нынешним штундизму, пашковщине и т.п. Но главную болезнью церкви русской за рассматриваемое время все же был раскол, почему и обличению его, борьбе с ним и вразумлению раскольников святитель Филарет и теперь, как прежде, посвящает более проповедей, нежели обличению других сект, которых касается лишь как бы мимоходом. Это мы видели из приведенных отрывков его проповедей. Тем утешительнее для архипастырского сердца сего святителя было то явление, которое озарило немерцающим светом последние годы его жизни. Разумею совершившееся в 1865 году присоединение к православию раскольников епископов и некоторых других членов раскольниковской, так называемой, Белокриницкой иерархии.

Мы коснемся лишь в кратких словах этого утешительного события,¹⁸⁶⁰ так как прямо его в своей проповеди святитель Филарет, хотя, и принимавший в нем живейшее участие, не касается, поскольку и вообще в то время, вследствие глубокой старости и немощей телесных, святитель-вития все более и более умолкал своим словом с церковной кафедры. Уже в 1857 году, в своей беседе на освящение храма при Преображенском богаделенном доме, святитель Филарет, утешая и успокаивая единоверцев мыслью о том, что они, оставив раскол, обратились к православной церкви, говорил: «Ибо общество, или общества, которые вы, вступили в единство апостольской церкви, оставили позади себя, могут ли назваться Церковью? –

Без сомнения, не могут. В истинной церкви, *Дух Святой постави епископы* (Деян.20:28), а там нет епископов, поставленных Духом Святым, и благозаконию сохраняющих благодать тайноводственную. В истинной Церкви от первого до второго пришествия Христова (1Кор.11:26) ненарушимо, как свидетельствует апостол, совершается таинство Тела и Крови Христовы, без которого человек, по слову Господню, *живота не имать в себе* (Ин.6:53), а там нет сего животворящего таинства. Итак, очевидно, это не спасительный ковчег, а разве обломки отторженной от великого ковчега, и сокрушенной бурей ладьи, которых держащиеся только в приближении и прицеплении к великому ковчегу имеют надежду спасения. Благодарите Бога, братия, что вы обрели Богом и Христом *данных пастырей и учителей, к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова* (Еф.4:11–12), *строителей тайн Божиих* (1Кор.4:1), разрешителей от грехов (Мф.18:18; Ин.20:22–23), имеющих для сего благодатный дар и духовную власть» и т.д. И перечислив затем другие дары духовные, которые приобрели единоверцы чрез присоединение к православию, вития говорит: «Всех сих благодатных даров лишены те, которые, уклоняясь от общения церковного, лишили себя священства, или избрали себе священников, убежавших от законного священноначалия, и тем же бегством удалившихся и от благодати священства».¹⁸⁶¹

Но кроме беглых священников, прежде бывших православными, раскольники имели, как мы знаем из рассмотрения периода царствования государя императора Николая Павловича, еще незаконное священство, расплодившееся от так называемой Белокриницкой иерархии. Из числа самых влиятельных членов этой-то иерархии некоторые и присоединились к православию в 1865 году. Это произошло следующим образом. Молодой еще тогда профессор Московской Духовной Академии Н. И. Субботин, занимая кафедру истории и обличения раскола и других ересей и сект, он времени до времени помещал свои статьи «О современных движениях в расколе» в журнале Русский Вестник.¹⁸⁶² В то время совершенного почти молчания печати о расколе и особенно о современных в нем движениях статьи Н. И.

Субботина возбуждали живейший интерес; и особенно интересовались ими те, более искренние и разумные старообрядцы, во главе которых стояли – наместник Белокриницкой митрополии, епископ Браиловский – Онуфрий, бывший свидетелем самого возникновения Белокриницкой иерархии, затем – Пафнутий, епископ Коломенский, и еще одно лицо, скрывшее себя под именем Ксеноса. В статьях Н. И. Субботина они особенно ценили характер беспристрастного, благожелательного и искреннего отношения к старообрядчеству. В силу этого они тогда же решились обратиться в православие, видя давно создаваемые ими, а теперь и публично раскрываемые безобразия раскола; вместе с тем они автора упомянутых статей решили избрать посредником в деле своего обращения в православие.

Один из членов Белокриницкой иерархии (иеродиакон Филарет) 21 октября 1864 года явился с этою целью, в качестве депутата, к профессору Субботину и объяснив в это время устно, а вскоре после того еще обстоятельнее, письменно, сущность дела, просил его представить его (иеродиакона Филарета) митрополиту Филарету, до времени сохранив тайну этих его с ним сношений. Сделано было так, как того желал искавший присоединения к православию. В конце октября Н. И. Субботин представил его митрополиту Филарету, который, не смотря на болезнь свою в то время, принял их обоих и своею беседою произвел столь сильное, неотразимое впечатление на иеродиакона Филарета, что последний от этого свидания и от этой мудрой, глубоко назидательной беседы был в каком-то духовном восторге, вследствие волнения. Не шел, а бежал на обратном пути по выходе из архиерейского дома Троицкого подворья, где в то время жил митрополит.¹⁸⁶³ Вскоре после того¹⁸⁶⁴ и остальные, искавшие присоединения к православию, члены Белокриницкой иерархии удостоились такого же свидания и беседы с святителем Филаретом, и вынесли такое же впечатление, как Филарет. Подлинно благодатью помазанным словом обладал святитель Филарет и в домашней беседе, как в беседах с церковной кафедры!

После необходимых приготовлений и предварительных действий и письменных актов, в числе которых особенно важным было исходатайствование, чрез предстательство митрополита Филарета, высочайшего прощения политических провинностей присоединяемым,¹⁸⁶⁵ сии последние, в числе пяти человек 23 июня 1865 года, присоединены были к православию по известному чину, в Московской Троицкой единоверческой церкви, по поручению митрополита Филарета, викарием его епископом Дмитровским Леонидом. Вслед за присоединением означенных пяти лиц (Онуфрий, Пафнутий, Филарет, иеромонах Иоасаф и иеродиакон Мелхиседек) из членов Белокриницкой лжеиерархии,¹⁸⁶⁶ по примеру их, присоединились и еще некоторые члены той же иерархии. Не даром святитель Филарет, извещая о сем обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого, писал ему: «Событие утешительное и соединенное с доброю надеждою для православной церкви».¹⁸⁶⁷

Действительно так: присоединенные явились наилучшими миссионерами по вразумлению других раскольников и обращению их в православие.¹⁸⁶⁸

Не менее утешительным было и другое событие из, рассматриваемого периода времени в истории русской церкви: состоявшееся 30 мая 1858 года освящение величественнейшего памятника христианского зодчества, – Санкт-Петербургского Исаакиевского собора. Собор этот, построенный в честь преподобного Исаакия Дагматского, память которого празднуется церковью 30 мая, т.е. в день, в который в 1672 году родился император Петр Великий, есть посему в тоже время памятник возрождения России к новой жизни чрез Петра Великого. Построение собора начато еще при самом же Петре Великом; но построенная при нем (близь реки Невы) даже каменная церковь и вместо прежней деревянной) во имя святого Исаакия не оказалась прочною и скоро потребовала возобновления, но вместо возобновления, при августейшей дщери Петра, императрице Елисавете, решили, разобрав прежнюю церковь, построить новую, более величественную,

достойную памяти великого преобразователя России, по плану знаменитого архитектора Растрелли.

Однако, дело остановилось за смертью императрицы Елисаветы (в 1761 году). И уже только императрица Екатерина II, почитательница памяти Петра I, решилась снова поднять дело об увековечении этой памяти. Для сего она избрала новое место для храма (то самое, которое он теперь занимает) и самый храм предположила сделать величественнейших размеров, пригласив, для устройства его, знаменитого архитектора Ринальди. При жизни императрицы Екатерины здание храма доведено было до карниза, но император Павел, желая скорее закончить здание, дабы очистить Адмиралтейскую площадь от загромождавших ее рабочих материалов, велел уменьшить размеры верхних частей здания против предположенного по плану, устроить лишь один купол (вместо пяти) и т.д. В таком, измененном не к красоте и величию здания, виде храм был освящен в 1802 году.

Однако, вскоре же после того почувствовалось все несоответствие завершения здания положенному императрицею Екатериною II основанию. Тогда в 1817 году император Александр I повелел архитектору Монферану составить для перестройки храма новый план, имея в основании план Ринальди. По плану Монферана храм увеличивался несколько и изменялся формою против прежнего плана. В 1819 году состоялась закладка храма в новом его виде; но скоро возникли пререкания между художниками и правительственными лицами о подробностях выполнения плана постройки собора, и работы были приостановлены. Только уже императору Николаю удалось мощным словом подвинуть дело к окончанию, при чем он сам пересмотрел план, проект и рисунки будущего здания. Изменения и добавления оказалось нужным сделать лишь не большие, и к концу царствования Николая Павловича собор был почти готов, представляя собою одно из величественных зданий не только в России, но и во всем мире. В начале 1858 года приступлено было и к составлению церемониала освящения храма. По этому церемониалу, несколько измененному вследствие представления святителя Московского Филарета о

несообразностях в некоторых его частях,¹⁸⁶⁹ храм весьма торжественно, при участии императорской фамилии, и освящен был 30 мая означенного года.¹⁸⁷⁰ В виду важного, в историческом отношении, значения этого события святитель Московский не преминул указать на него и в одной из проповедей своих.

Именно в беседе на день тезоименитства государыни императрицы Марии Александровны 22 июля того же 1858 года, святитель-вития, исчислив добродетели, путем которых можно приблизиться к общению с Господом, достигнуть лицезрения Его, как того достигла св. Мария Магдалина (память которой празднуется 22 июля и имя которой усвоено было государыне императрице), по воскресении Его, заключает свою беседу об этих добродетелях следующими словами: «С радостью воспоминаю, что сказанного мною в сии минуты мы может видеть живой образ в деяниях благочестивейшего самодержца нашего и тезоименитые ныне благочестивейшей супруги его. Великолепно довершает он недовершенный четырьмя предшественниками его священный памятник в новой столице и величественно торжествует освящение храма преподобного Исаакия».¹⁸⁷¹

Еще более утешительным в истории русской церкви рассматриваемого времени событием было открытие мощей святителя Тихона Задонского († 13.08.1783), епископа Воронежского и Елецкого, представлявшего собою при жизни истинный образ пастыря милостивого и кроткого, ревнителя христианского просвещения народа, сострадавшего его нуждам и скорбям, отчески снисходительного и заботливого в отношении к подчиненному ему духовенству, любвеобильного отца и архипастыря пасомых, глубоко назидательного и в слове, и в примере собственной жизни. О писаниях святителя Тихона митрополит Филарет не даром еще задолго до прославления его, именно в 1818 году, одобряя их для чтения, говорил: «В этой, хотя, не глубокой, реке есть золотой песок»,¹⁸⁷² а житие его, также еще за долго до прославления, предлагал издать для народного чтения.¹⁸⁷³ С живым интересом, более того, с благовейным вниманием, с самого времени переложения мощей

святителя Тихона в новый гроб (в 1846 году), следя за ходом прославления его в чудесах и исцелениях, происходивших при мощах его,¹⁸⁷⁴ митрополит Филарет тем с большим вниманием и духовною радостью отнесся к делу об открытии святых мощей его.¹⁸⁷⁵

Это открытие состоялось 13 августа 1861 года, при чем во главе священнодействующих при торжестве открытия был митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, произнесший при этом глубоко назидательную проповедь. Московский же архипастырь мог только издали утешаться светлым событием в отечественной церкви и потом с живым вниманием выслушать о нем сказание из уст самого митрополита Исидора, посетившего его на пути из Задонска в Петербург. «Утешительно было, писал святитель Московский Лавры наместнику архимандриту Антонию от 23 августа того же 1861 года, сказание владыки (Исидора) об открытии мощей святителя Тихона. Когда на всенощной пред величием открыли раку, в переполненной народом церкви сделалась такая тишина благоговения, что летящую муху можно было бы слышать. Много было исцелений».¹⁸⁷⁶ Так как слово проповеди митрополита Филарета с церковной кафедры в это время уже умолкало, то и не коснулся он рассматриваемого события как проповедник, приняв участие лишь в составлении службы и акафиста святителю Тихону пред самым открытием святых мощей его.¹⁸⁷⁷ Утешительно было для него сказание владыки Исидора об этом событии; весьма утешительно, как мы заметили выше, было и самое это событие; ибо оно еще раз (как и открытие мощей святителя Митрофана раньше) должно было показать раскольникам, что в православной Церкви и после их отделения от неё, не оскудела благодать.

Уже историей раскола за рассматриваемое время мы приводимы были невольно и незаметно от истории церкви русской к истории Московской епархии, в пределах которой и были говорены проповеди митрополита Филарета, касавшиеся раскола и единоверия. В известном нам письме на имя графа Путятина от 21 сентября 1861 года святитель Филарет, в ответ на запрос о совете по делам политического характера, даже

прямо говорил: «для моей ревности есть круг, очерченный моим призванием. Сей круг есть церковь, или, если судить строже, епархия,¹⁸⁷⁸ хотя, мы видели уже достаточно доказательств на то, что деятельность мудрого святителя Московского часто, помимо его собственной воли, по требованиям со стороны, выходила далеко за пределы Московской епархии. А между тем и в Московской собственно епархии для святителя Филарета, к тому же все более и более ослабевавшего телесными силами, год от году все более и более умножалось дел, особенно за рассматриваемое царствование со множеством, им поднятых, в связи с общими, и частных, местных вопросов, с его реформами, простиравшимися, конечно, и на Московскую епархию и затрагивавшими многие стороны жизни последней именно как епархии, а не губернии, с развитием свободы и самоуправления, сильно влиявших на состояние веры и нравственности в епархии, и т.д. Говоря о том, что при открытии мощей святителя Тихона было «много исцелений», митрополит Филарет тотчас же добавляет: «Да помолится святитель о исцелении России».¹⁸⁷⁹

И Россия вообще, и Московская губерния и епархия в частности страдали в то время многими язвами и нуждались в исцелении, но не одни же и в России, как мы видели, были только язвы, не одни только язвы были, само собою разумеется, и в Московской епархии. Много было и утешительного. И в своих проповедях, отчасти уже известных нам из предшествующего,¹⁸⁸⁰ святитель Филарет, изображая недуги современного общества, в частности и окружавшей его среды в пределах Московской епархии, гораздо менее дает места такому изображению, нежели изображению утешительных видов духовного состояния своей паствы. Мы помним, как он в последний год своей жизни, в ответной речи на приветствия с 50-тилетним юбилеем епископского служения, объемля все утешительные стороны этого состояния своей епархии, говорил: «Дух любви к святому служению, мира и согласия, свободного послушания всякому долгу и законному призванию в сослужителях моих, и в православном народе послушание веры, усердие к богослужению, щедрая готовность к

благоустроению и украшению храмов, к попечению о нуждах служителей церкви, к делам человеколюбия и благотворения, – постоянно облегчали и облегчают мое служение, приносили и приносят мне подкрепляющее утешение».¹⁸⁸¹

И в отчете по епархии за 1863 год Московский архипастырь говорит: «Состояние благочестия в православной пастве представляет вообще вид благоприятный и свидетельствуется прибежностью к особенно чтимым святыням, посещением святых храмов, усердием к слышанию катехизических поучений, пожертвованиями на устройство храмов, и благотворительными учреждениями»,¹⁸⁸² хотя, вслед затем святитель изображает и прискорбные стороны духовной жизни современного общества,¹⁸⁸³ известные нам из раньше сказанного.

В своей молитве за всех тех, которые принесли поздравления в знаменательный день 5 августа 1867 года, окончившей собою ответную на все эти поздравления речь, и представлявшей собою как бы первосвященническую молитву Великого Архиерея, – Господа Иисуса Христа, святитель Филарет о Московской собственно епархии говорил так: «Благословляй, Господи, православную Московскую церковь, её священноначалие, священство, монашество и весь православный народ, да не оскудевает *пастырь, полагающий душу свою за овцы (Ин.10:11)*, иерей, которого *устне сохраняют разум (Мал.2:7)* спасения, муж знания и наставник юношества, держащий и преподающий здоровое учение вышемысленных начал науки, поставляющий жизненное *начало премудрости страх Господень (Притч.1:7)*, подвижник, ходящий узким и вместе возвышенным путем духа, сын веры, живущий по вере, творящий дела веры, свободный от обояний мира, от порабощения духу времени».¹⁸⁸⁴ В этих достопамятных словах приближавшегося к могиле маститого святителя-витии намечены все те существенные черты, со стороны которых мы можем делать свое настоящее обозрение проповеднической деятельности сего святителя в отношении к Московской епархии в рассматриваемое царствование.

Важнейшею святынею Москвы и Московской епархии, главнейшим святилищем её, соединяющим в себе церковное

значение с государственным, является Большой Успенский собор, как первый Кафедральный собор Московской и всероссийской митрополии, а после патриарший и синодальный, как храм царского венчания и т.д. Как преемник первосвятителей Московских: Петра, Алексия, Ионы и других, митрополит Филарет строго наблюдал за охранением этой великой, древней святыни, построенной, как известно, в том виде, в каком она сейчас нам представляется, т.е. в окончательном, в XV веке, а основанной еще в XIV веке. Поэтому он с трудом и наблюдением величайшей осторожности согласился даже на то, чтобы, для зимних служений, ввести в Успенский собор отопление, сделать его теплым, что и совершено в течении 1858 и 1859 годов,¹⁸⁸⁵ между тем как для коронации 1856 года Успенский собор лишь слегка был поновлен.¹⁸⁸⁶ В своих проповедях, впрочем, митрополит Филарет не столько касается происходивших по временам переделок и построек в здании собора, сколько исторического значения самого собора. Так еще в 1856 году, пред коронацией, встречая государя императора в Успенском соборе, святитель Филарет в своей речи к нему говорит: «Кто достоин здесь благословить вход твой? Первопрестольник сей церкви, за пять веков доныне предрекший славу царей на месте сем, святитель Петр, да станет пред нами, и, чрез его небесное благословение, благословение пренебесное да снидет на тебя, и с тобою на Россию».¹⁸⁸⁷ И в беседе по освящении храма в Покровской богадельне мещанского общества в 1858 году, изображая судьбы храмов Божиих, касается и Успенского собора, говоря: «И о первенствующем храме сего царствующего града не Бог ли сказал великому князю¹⁸⁸⁸ устами святителя Петра почти тоже, что некогда Иерусалиму устами Захарии: *созижди храм Богоматери, и обращай к Москве щедротами?*¹⁸⁸⁹ – И вот, пять веков свидетельствуют, что то было верное слово Божие, в устах угодника Божия».¹⁸⁹⁰

Главное священноначалие Московской церкви представлял собою, конечно, сам святитель Филарет, а ближайшими помощниками его в священно-начальственном управлении Московскою епархией были его викарии. За 1855–1867 годы у

святителя Филарета сменилось несколько vikариев, при том с 1862 года было по два vikария за раз, – один, как и прежде, епископ Дмитровский (старший), другой (младший) – епископ Можайский, при восшествии на престол государя императора Александра Николаевича vikарием Московской митрополии продолжал быть уже известный нам преосвященный Алексий (Ржаницын), а с назначением его 20 июля 1857 года во епископы Тульские, место vikария, епископа Дмитровского, стало свободным, и предстояла забота о назначении ему преемника. Пока еще не был получен указ о назначении преосвященного Алексия на епископскую кафедру Тульскую, святитель Филарет от 11 августа того же 1857 года писал к обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому: «Со времени вступления моего в управление Московскою епархией, в случае взятия от меня vikария, предшественники вашего сиятельства уведомляли меня, и я представлял, кого желал бы иметь vikарием. Так получал я одного по другому, восемь vikариев, мне известных, что споспешествовало удобству и единству действия. Посему и ныне, полагая более нежели вероятным взятие от меня vikария, решаюсь наименовать достойного и желаемого мною кандидата в сей сан ректора Московской духовной академии, архимандрита Евгения. Благоволите споспешествовать, чтобы он предложен был Синодальному избранию и удостоен потом Всемиловейшего благоволения благочестивейшего государя императора, дабы мне девятого нового vikария приучать к епископской должности было удобно, при известной его способности и благонамеренности».¹⁸⁹¹

В тоже время митрополит Филарет другим письмом просил первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Григория споспешествовать тому, чтобы до назначения нового vikария, «удержать преосвященного Алексия в Москве»,¹⁸⁹² ради продолжения помощи ему, митрополиту Филарету. Не смотря на продолжавшиеся еще в то время недоразумения между святителем Филаретом Московским и обер-прокурором Святейшего Синода из-за постановки известного нам вопроса о переводе Библии на русский язык,¹⁸⁹³ все относительно

викариев сделано было так, как желал митрополит Филарет. Преосвященный Алексей помогал Московскому архипастырю до самого посвящения архимандрита Евгения во епископы-викарии, которое состоялось уже октября 6-го. Преосвященный Евгений (Сахаров-Платонов), первый магистр XI курса (1838 год) Московской духовной академии, с самого окончания академического курса проходивший должности в пределах Московской епархии (в академии, в Вифанской и Московской семинариях), был хорошо известен митрополиту Филарету.

Кроме «способности и благонамеренности», о которых владыка Филарет свидетельствовал в отношении к нему пред обер-прокурором Святейшего Синода, и другие высокие качества нового викария были известны Московскому архипастырю. каковы: высокие иноческие и христианские добродетели: совершенное нестяжание, милосердие к бедным, смирение, строго подвижническая жизнь, честность, основательность в познаниях и другие, о которых он отчасти и пред другими еще ранее того свидетельствовал.¹⁸⁹⁴ Его-то он и избрал в преемники преосвященному Алексию по должности викария; и по хиротонии обратился к нему с такою речью: «Преосвященный епископ Евгений! Чин церковный, обыкновенно соединяющий с молитвою и тайнодействием поучение, повелевает мне в сей глубоко знаменательный для тебя день, не отпустить тебя отселе без поучения». И за тем предлагает ему поучение о том, какими качествами он должен обладать, как епископ, а в заключение говорит: «данный тебе жребий служения отчасти соединен с моим. Ожидаю твоей помощи, тем более, что приходишь на немощь уже десятый¹⁸⁹⁵ ко мне одному, день это дня ветшающему. Но и мне от тебя правого содействия надеюсь, а не угождения требую. Соединим твою новую по благодати Божией силу и мою ветхую немощь в единомысленном и по мере силы деятельном тщании угождать Богу, всегда и во всем *искать, яже Господа Иисуса*, то есть, искать мира Церкви Его и спасения душ, искупленных пречистою Кровью Его. И приемлемый тобою пастырский жезл да напоминает тебе, что ты должен не только идти, но и вести словесные овцы на стези правды, ко спасенью, к небу».¹⁸⁹⁶

Но не даром еще в 1851 году, когда поднят был вопрос о том, чтобы преосвященного Евгения, в то время архимандрита, назначить в ректоры Казанской духовной академии, святитель Московский Филарет писал о нем, что он, как «человек добрый, тихого характера и голоса», «для своих хорош, не блистателен для внешних», что он жил «в глуши в простоте», имеет «не сильный характер»¹⁸⁹⁷ и т.п. Будучи достойнейшим человеком, как человек и как инок, преосвященный Евгений не был столь же хорошим администратором и потому, в октябре следующего же 1858 года был назначен епископом Симбирским, уже в 1874 году и уволен был на покой (скончался в 1888 году). «Что в Симбирском? – писал митрополит Филарет Обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому, если понадобится от меня викарий, уступлю с миром, желая пользы ему и службе: а мне. Надеюсь, как прежде, дан будет удобный для меня».¹⁸⁹⁸ Обер-прокурор Святейшего Синода и Святейший Синод, по-прежнему, предоставили самому святителю Филарету выбор себе викария, и митрополит Филарет представил двух кандидатов, – ректора Московской духовной семинарии архимандрита Леонида (Краснопевкова) и ректора Костромской духовной семинарии архимандрита Порфирия (Соколовского). Выбор Святейшего Синода остановился на последнем, и святитель Филарет принял это за указание воли Божией, не смотря на то, что первым кандидатом представлял Леонида, а не Порфирия,¹⁸⁹⁹ хотя, и последнего представлял «с надеждою».¹⁹⁰⁰

Порфирий и был назначен викарием. Такое назначение многих удивило, как явление, далеко не обычное для Московской епархии в первосвятительство в ней Филарета. Удивлявшимся сему святитель Филарет отвечал разъяснением причин, почему он склонился на этот выбор. «По чему вас удивляет выбор Костромского ректора? – писал он, например, бывшему своему викарию, а в то время епископу Тульскому Алексию (Ржаницыну), я мало его знаю; но он мне показался с доброй стороны, когда был в Москве на пути в Петербург, и оттуда. Как всегда, я предположил двух кандидатов, Леонида и его; и колебался, поставить ли первым Леонида по слабости его

здоровья, ибо вспомогательных архиереев в Москве ныне нет».¹⁹⁰¹ А другому удивлявшемуся А. Н. Муравьеву прямо писал: «Что из двух кандидатов на место vikария мною представленных назначен не ближайший, это я принимаю с миром, как волю Божию, и ни на кого не жалею».¹⁹⁰² Московская церковь не крепость, чтобы никого не пускать в нее из находящихся вне частных её пределов. Церковь Российская вся есть едина. Было и прежде несколько vikариев из других епархий.¹⁹⁰³ Отцу Леониду обиды нет, потому что нынешний vikарий не только старше его. Но и старше своего предшественника».¹⁹⁰⁴

Действительно, Порфирий был магистр X курса (выпуска 1836 года) Московской Духовной Академии, а преосвященный Евгений – XI-го (1838), Леонид же XIII-го (1842); и достоинствами обладал высокими личными, а как состоя свыше 20 лет в начальственных должностях по разным семинариям (Оренбургской, Тобольской и Костромской), то обладал и необходимою для епархиального управления опытностью деловую. Как бы то ни было, однако, но такое назначение подало мысль святителю Филарету обратиться к новоназначенному vikарию, по рукоположении его во епископа, с замечательною речью с церковной кафедры. Рукоположение преосвященного Порфирия, при участии в нем митрополита Черногорского Никанора и епископа Симбирского Евгения,¹⁹⁰⁵ состоялось 21 ноября 1858 года. В своей речи к новопосвященному епископу Дмитровскому Порфирию святитель-вятия, после указания своей обязанности дать наставление ему, говорит: «В особенности благовременно теперь вспомнить апостольское правило: без своего *старейшего ничтоже* да творят епископы.

Но токмо во своем пределе кийждо, и старейший же без оных ничтоже творит, полезного ради всем соединения (Апостольские правила, XX XIV). Как прекрасно устройство церкви, которой единство священно-начальственное святыя апостолы оградили сим правилом, и которая, употребляя оное в предостережение некоторых, без сомнения, вообще соблюдала оное! Оно показывает в епископах одну душу; и тем очевиднее

является церковь единым телом. У нас немногие из епископов необходимо поставлены в совещательные сношения с старейшими, не знаю, многие ли расположены входить в такие сношения добровольно, по наставлению Синодального устава (Духовный Регламент о епископах, ст. IV). Но понятно само собою, что при недостатке епископских общений, опытность одних не может приносить плодов, которые могла бы принести посредством подаваемых советов, и неопытность других может иногда приносить незрелые плоды незрело обдуманного действия. В церковном действовании твердо и благонадежно только то, чему в основании положено слово Божие, правила церковные, учение и пример святых. Но и крепкий камень, не всякая рука, и не всегда одна рука, может хорошо положить в дело. Советую тебе, как себе, не опираться самонадеянно на свое мудрование, а любить искренний братский совет соепископов. *Спасение есть во мнозе совете, учит Премудрый (Притч.11:14)».*

И заключает потом речь словами: «Приими жезл начальства. Не с мыслью о важности начальствующего, но с мыслью, что силы наши недостаточны для нашего служения, и что мы имеем нужду в опоре, подаваемой свыше».¹⁹⁰⁶ Нет сомнения, что в этой речи заключаются такие указания, которые приличествуют и всякому времени в истории Христианской Церкви и епархиального управления, и которые собою утверждают упомянутые нами в свое время канонические устои Церкви. Но не даром мудрый и многоопытный в общецерковном и епархиальном управлении святитель-вита сказал: «В особенности благовременно теперь вспомнить апостольское правило» о необходимости общения между епископами. Между тем как в старину такому общению способствовало частью более точное исполнение сего апостольского правила и соответствующего ему требования Духовного Регламента, частью же более строгое начало церковной дисциплины, со времени нового царствования, в силу веяния духа реформ этого царствования, вводившего повсюду децентрализацию власти, самоуправление, и епископское общение взаимное стало слабеть; епископы стали более доверяться голосу так

называемого общественного мнения, нежели мнениям соепископов, и т.д. «У нас мало деятельности, и мало общения, и побуждения к деятельности, писал святитель Филарет к одному из епископов вскоре по произнесении рассматриваемой речи, в наставлении рукоположенному викарию я почти жаловался на недостаток общений между епископами. Не знаю, обратят ли внимание, или только прогневаются».¹⁹⁰⁷

Обратили ли, в самом деле, внимание на эту справедливую жалобу многоопытного святителя-витии другие архиереи русские того времени, это для нас в настоящее время мало имеет значения, хотя, и много в ту пору было вопросов и дел, особенно требовавших такого взаимного их общения, но то несомненно, что на ново рукоположенного епископа Порфирия, к которому ближе всего и относилось наставление первосвятителя Московского о необходимости сего общения, речь эта произвела весьма глубокое и действенное впечатление, хотя, его еще скорее, нежели преосвященного Евгения отпустил из Москвы на самостоятельную епархию митрополит Филарет, именно не более как чрез четыре месяца его служения в должности викария; но это отнюдь не значило, что святитель Филарет им был не доволен. Представляя на его место в викарии ранее уже намеченного кандидата, упомянутого выше архимандрита Леонида, состоявшего в должности ректора Московской духовной Семинарии, митрополит Филарет к обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому от 23 марта 1859 года писал: «Преосвященным Порфирием я доволен, имея его при себе, но и отпущу его с миром и с надеждою пользы для места, куда Господь призывает его.¹⁹⁰⁸ Он пришел ко мне уже с знанием порядка дел; занимается ими прилежно и благонамеренно и помогает мне исправлять то, чего иногда не досмотрит консистория. Добродушная простота обращения сделает его полезно доступным подчиненным и народу».¹⁹⁰⁹

«Очень буду благодарен, писал в то же время и тому же обер-прокурору Святейшего Синода святитель Филарет, говоря о преемничестве преосвященному Порфирию в должности Московского викария, если, вместо его, дан мне будет отец архимандрит Леонид, о чем и прошу».¹⁹¹⁰ Отец Леонид

(Краснопевков) был уже далеко не то, что преосвященный Порфирий, во многих отношениях, и особенно по своему первоначальному воспитанию и усвоенным благодаря этому воспитанию правилам, хотя, в тоже время достоинствами своими нисколько не уступал преосвященному Порфирию, почему и пользовался во все время своих ближайших отношений к святителю Филарету искреннейшим расположением со стороны последнего. Когда в предшествующем 1858 году Леонид обойден был в назначении Московским викарием, и когда в этом стал упрекать святителя Филарета А. Н. Муравьев,¹⁹¹¹ известный дворянин-духовный писатель, но в тоже время и известный, по выражению того же святителя Филарета, «любитель обличений»,¹⁹¹² то святитель Московский писал последнему: «Что я желаю добра дворянам в духовенстве, то, надеюсь, подтвердит сам Леонид, которого я, помнится, обойдя старших, представил в настоятеля ставропигиального монастыря,¹⁹¹³ во внимание к некоторым личным обстоятельствам его». ¹⁹¹⁴

Дело в том, что отец Леонид (в мире Лев Васильевич Краснопевков) происходил не из духовного сословия, которое обычно выставляло из своей среды представителей архипастырства у нас в России, а из дворян, получил хорошее светское образование, практически знаком был с новыми языками и уже состоя на гражданской службе по морскому ведомству, возымел искреннее желание послужить Богу и Церкви в чине иноческом, в чем тогда же признался митрополиту Филарету, который для сего сперва направил его на путь высшего богословского образования в Московской Духовной Академии, а потом, узнав его лучше, направил его и на путь иночества и стал сам ближайшим и наилучшим руководителем его на сем пути. Еще в 1840 году писал митрополит Филарет своему наместнику в Сергиевой Лавре архимандриту Антонию: «В академию поступает чиновник из дворян, Краснопевков. Это не то, что некоторые бывшие пред сим. Примите его со вниманием и дайте ему право узнать обитель и монашество». ¹⁹¹⁵

И после с постоянным и особенным вниманием относился к нему святитель Московский, не выпускал его из-под ближайшего своего надзора и попечения в пределах Московской епархии,¹⁹¹⁶ с отечески нежною попечительностью относился к его болезненному сложению и высоко ценил его личные и служебные достоинства.¹⁹¹⁷ Поэтому и в 1858 году, рекомендуя отца Леонида в викарии вместе с Порфирием, митрополит Филарет писал обер-прокурору Святейшего Синода об Леониде: «Он имеет довольно старшинства, и благорассуждения и усердия к пользам святыне Церкви и к благоустройству звания. Если бы представилось возражение, что он не довольно крепок здоровьем, отвечаю, что сие возражение относительно преосвященного Евгения опроверг опыт. Должность викария, освобождая ректора от профессорских работ, и занимая его часто церковными служениями, благоприятствует и духу, и здоровью».¹⁹¹⁸

И в 1859 году, в апреле, состоялось назначение архимандрита Леонида в епископы Дмитровские, викарии Московские. Наречение совершилось 24-го, а рукоположение 26 апреля. Уже при наречении Леонида во епископа, в ответ на его речь, святитель Филарет говорит ему: «Благодари, боголюбезный, Всепромыслителя Бога, который указал тебе путь жизни, не указанный твоим рождением, и вел тебя, добрым желанием, а иногда и затруднениями, и скорбями, всегда к миру. Без сомнения, ты будешь благодарными воспоминаниями особенно чтить преподобного Сергия, под сенью которого ты решительно с пути мирского переступил на путь церковный, и обрел духовное руководство... Ныне же вручи себя святителям Петру, Алексию, Ионе и Филиппу, дабы их богородные молитвы предводительствовали нашими о тебе смиренными молитвами».

Иначе сказать, уже при наречении Леонида во епископа, святитель Филарет, указывая на рождение его вне духовного звания, призывал нарекаемого к совершенной преданности духовному призванию, которому он добровольно последовал. Еще глубже вводит его первосвятитель Московский во внимательное рассмотрение своих духовных обязанностей при

наставлении его по рукоположении во епископа. В сознании высокой важности нового духовного сана, которым был облечен теперь ново рукоположенный, святитель-вития, в своей речи к нему, во всей подробности раскрывает обязанности и значение этого сана, считая это необходимым для него, как лица не духовного первоначального воспитания, при чем уясняет особенное значение внимательного архипастырского действия (да основании главного текста всей проповеди – речи: *внимайте себе и всему стаду Деян.20:28*) в настоящее время, когда это действие является преимущественно трудным. «Труден подвиг, говорит святитель-вития, особенно когда овцы борющиеся и против пастырей обращают рога, когда больные овцы, не приемля врачевания, думают сами врачевать пастырей, когда и у тех, которые должны быть не от мира, мир уже не ныне вынудил слишком много снисхождения к нему, и даже преклонил их иное заимствовать от него... Тебе, боголюбезный брат, еще не обширный открывается круг епископского действия. Вступи благодушно; укрепляйся упованием на Божественного Пастыреначальника Господа Иисуса. Жезлом правости да будет жезл твоего начальства».¹⁹¹⁹

Так заключил свою речь к ново рукоположенному святителю Филарету, и преосвященный Леонид был внимательным исполнителем наставления первосвятителя Московского. Глубоко почитая святителя Филарета, как своего рукоположителя и благодетеля,¹⁹²⁰ сыновне преданный ему, он не желал ничего более, как того, чтобы постоянно находиться под его начальственным руководством, не искал более обширного «круга епископского действия». Не смотря на то, что по своим заслугам и продолжительности служения в должности викария он имел бы право давно быть на самостоятельной епископской кафедре, он все остальное время жизни святителя Филарета был при нем викарием,¹⁹²¹ и оказывал ему усердную и деятельную помощь, как с одобрением отзывался о нем и сам первосвятитель Московский.¹⁹²²

Преосвященный Леонид был последним при жизни святителя Филарета викарием – епископом Дмитровским. Но так

как он, при всем усердии своем, часто бывал болен, а дела епархиальные, с введением реформ разного рода и в жизнь Церкви, все более и более осложнялись и умножались, силы же телесные первосвященника Московского год от году все более и более ослабевали, то новый обер-прокурор Святейшего Синода генерал-адъютант А. П. Ахматов, искренно и глубоко чтивший святителя Филарета и преданный ему, дорожа его архипастырскою деятельностью, убедил его взять себе в помощь другого викария, который наименован был епископом Можайским.¹⁹²³ Первым таким вторым викарием был преосвященный Савва (Тихомиров), подобно преосвященному Леониду издавна и хорошо известный митрополиту Филарету и высоко ценимый им. Преосвященный Савва, происходивший из духовного звания, был питомцем той же Московской Духовной Академии (выпуска 1850 года) и еще в конце академического курса обратил на себя внимание Московского первосвященника, который, прямо по окончании им академического курса, назначил его на важную должность Московского Синодального ризничего, а за тем прямо на должность ректора Московской же духовной семинарии (в 1859 году) и наконец – ректора Московской Духовной Академии в 1861 году.

С этой последней должности владыка Филарет и представил архимандрита Савву на должность второго викария, епископа Можайского в 1862 году 26 сентября.¹⁹²⁴ Согласно этому представлению архимандрит Савва назначен был в викарии. Ноября 2 дня состоялось наречение его во епископа, а 4 ноября и самое рукоположение, которое в большом Успенском соборе в Москве совершил святитель Филарет в сослужении с архиепископом бывшим Ярославским Евгением,¹⁹²⁵ Леонидом, епископом Дмитровским и Никанором, епископом Фиваидским.¹⁹²⁶ Как и естественно было ожидать, в речах при наречении архимандрита Саввы во епископа был затронут вопрос о причинах учреждения второго викариатства в Московской епархии; и, отвечая на речь архимандрита Саввы при этом, первосвященник Московский следующим образом излагает эти причины. «Одну мысль, приписанную мне тобою, боголюбезный брат, говорит он, начиная речь, могу признать

действительно моею, – ту мысль, что не для себя желал я найти второго сотрудника моему служению Церковному. Ничего для себя, все для Бога, и для Церкви Его и для блага чад её, – таково должно быть наше общее правило... Если же и позволить бы себе что-нибудь для себя, то мне, находящемуся у предела, которым само слово Божие ограничивает сию временную жизнь,¹⁹²⁷ или за которым указывает не столько жизнь и деятельность, сколько *труд и болезнь* (Пс.89:10), мне и ближе сего предела не знакомому с трудом болезненности, мне и словом изнемогшим не достигающему до слуха собирающихся в церкви и, может быть, только влекущему, а не подъемлющему и носящему бремя церковных попечений, – время бы искать совершенного от них освобождения,¹⁹²⁸ чтобы малые останки сил и дней обратить единственно к *единому на потребу* (Лк.10:42), которого, если не усвоил себе в данное нам краткое время, поздно будет искать в вечности. Но наши отцы учили нас, что и добрая, по-видимому, собственная воля не благонадежна и не безопасна, если не будет подчинена высшей всесозидающей и всеохраняющей воле, как и Господь поучает: *обаче не моя воля, но Твоя*, Отче небесный, *да будет* (Лк.22:42). И посему, с одной стороны, не позволяя себе собственною мыслью увлекаться с поприща, с другой страшась, чтобы от моего изнеможения не страдало дело служения Церкви Божией, должен я был, хотя, и пользуюсь уже доброю братскою помощью,¹⁹²⁹ желать усиления и усугубления сей помощи. И благословен Бог, преклонивший к сему благоволение священной и державной власти».

И в заключение речи по сему говорит: «Господу Богу и святой православной Церкви Его, в благоговейной преданности, в единодушном общении, как смиренная добровольная жертва, да будут посвящены твои начатки, вместе с моими останками священно-начальственной деятельности, и на сию жертву, по молитвам освященного собора, да снидет невидимый огонь Духа истины, оживотворяющий мертвенность нашу, просвещающий тьму нашу».¹⁹³⁰

Соответственно такому заключению этой речи, в речи по рукоположении преосвященному Савве, святитель Филарет

наставлял ново рукоположенного *возгревати дар Божий*, живущий в нем *возложением рук* (2Тим.1:6) его, первосвященника Московского. И преосвященный Савва верно исполнил завет первосвященника Московского, своего рукоположителя. Вместе с преосвященным Леонидом, с которым жил в примерном согласии, он оказывал самую добрую и деятельную помощь ослабевавшему все более и более в телесных силах, хотя, и неустанно бодрому духом, первосвященнику Московскому. «Благодарение Богу, писал сам первосвященник от 11 сентября 1863 года А. Н. Муравьеву, что два помощника мои облегчают меня, и утешают добрым согласием со мною и между собою».¹⁹³¹

Такую помощь преосвященный Савва оказывал святителю Филарету до самого 1866 года, в половине которого призван был на самостоятельную Полоцкую кафедру. И не напрасно сам святитель Филарет писал, что «с сожалением» отпустил его от себя, не желая «поставить свою волю пред волею начальства, в которой видел общее благо и волю Провидения».¹⁹³²

Между тем как преосвященный Савва перемещен был на Полоцкую кафедру из Московских викариев, преосвященный Леонид все еще оставался первым викарием Московским, епископом Дмитровским, как мы и выше замечали. И как он был последним викарием – епископом Дмитровским при святителе Филарете, так последним викарием – епископом Можайском при нем суждено было сделаться сроднику святителя Филарета по плоти преосвященному Игнатию (Рождественскому), которого святитель Филарет хотел избрать себе в помощники еще при первой мысли о второй викарии.¹⁹³³ Игнатий был магистр Московской Духовной Академии одного выпуска с преосвященным Саввою 1850 года, хотя, возрастом и гораздо моложе его.¹⁹³⁴ Прямо по окончании академического курса он назначен был инспектором Московской духовной семинарии, затем в 1857 году – ректором Вифанской, а в 1861 году – Московской семинарии, быв возведен в сан архимандрита в один год с преосвященным Саввою в 1855 году. Еще в бытность ректором Вифанской семинарии, архимандрит Игнатий заслужил о себе мнение, как «правильный и спокойный

администратор»,¹⁹³⁵ как «достаточный в познаниях и в управлении рассудительный».¹⁹³⁶

Не удивительно, поэтому, что, когда для него по службе пришло время получить и жезл архипастырства, святитель Филарет, высказывавший о нем сейчас приведенное, по обычаю, сдержанное мнение, нисколько не усомнился вручить ему сей жезл, дабы иметь в нем и для себя опору в своей глубокой старости. По представлению митрополита Филарета, назначение архимандрита Игнатия во епископа Можайского состоялось в июле 1866 года, а наречение и рукоположение в начале августа того же года. Владыка Филарет в это время, как и не раз делал в последние годы своей жизни, проживал близ Лавры преподобного Сергия, в Гефсиманском скиту. Поэтому в Лавре Сергиевой и назначено было на этот раз как наречение, так и рукоположение архимандрита Игнатия, и именно, наречение 5 августа в трапезной церкви Лавры, а рукоположение 7 августа в Успенском соборе. Шестьдесят шесть лет слишком Лавра Сергиева не видела в своих стенах этого священно и тайнодействия.¹⁹³⁷ Для сей цели в Лавру прибыли: архиепископ Евгений (Казанцев), выше упомянутый, как член Синодальной конторы, епископ Полоцкий Савва, епископ Дмитровский Леонид, протопресвитер Московского большого Успенского собора Д. П. Новский († 1879) и другие лица.

При наречении, архимандрит Игнатий в речи своей, выражая сознание своей немощи к несенью столь высокого звания, как епископское, и предаваясь в волю Божию, говорил между прочим: «К твоей отеческой помощи прибегаю, милостивейший архипастырь! С благодарением ко Господу не могу ныне умолчать, что, родившись от иерея, тобою рукоположенного,¹⁹³⁸ от тебя принял я приготовительные рукоположения: от начала моего служения до ныне благодетельно взыскав был непрерывным многообразным отеческим попечением твоим. Благослови и в настоящем многотрудном поприще подкреплять мои немощные силы, исправлять мои недоумения и ошибки, руководить мою неопытность своею многолетнею опытностью и действенным

благословением, чтоб я мог *возгревать*, по заповеди апостола (2Тим.1:6), *дар Божий*, который преподан будет возложением рук святительских». ¹⁹³⁹

На эту речь от святителя Филарета последовал такой ответ: «Правы, новоизбранный участник священно-начальнической благодати, твои помышления, что служение, в которое ты призываешься, страшно и не легко носимо и для крепких духом, но что и немощные провидением Божиим, чрез священную и державную власть призываемые к оному, должны покоряться призыванию, по долгу послушания, с упованием на все действующую благодать Божию. А что ты упомянул о человеческой помощи, то могу оставить без прекословия только в том отношении, что в сем есть смиренная мысль и должное ненадеяние на себя. Но ты имел бы не твердую опору, если бы много положился на человеческую помощь; и я превысил бы свою меру, если бы обещал тебе довольно помощи. И ты, и я, да воззовем, и да взываем с псалмопевцем: *помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю* (Пс.120:2). *Открый ко Господу путь твой, и той сотворит* (Пс.36:5) благое и спасительное тебе и чрез тебя». ¹⁹⁴⁰

Соответственно этому и в речи по рукоположении преосвященного Игнатия святитель Филарет, раскрывая пред ним важность совершившегося над ним тайнодействия, наставлял его в веровании, что и его *Дух Святой постави епископа*, находит для себя и силу, и охранение в тех случаях, когда мысль его изнемогать будет пред сильными требованиями его служения, когда затруднит его недостаток ведения, ему потребного, когда встретится искушение человекоугодия, или страха человеческого. или иное страстное побуждение, уклоняющее от пути истины и правды». ¹⁹⁴¹ Без сомнения, и преосвященный Игнатий, как другие рукоположенные святителем Филаретом, до конца жизни своей ¹⁹⁴² хранил и сохранил в сердце своем и применял к делу эти драгоценные наставления своего рукоположителя.

Так святитель Филарет, не смотря на то, что уже давно прекратил свою проповедь народу с церковной кафедры, не преставал, однако, поучать рукополагаемых им во епископа,

следуя повелению церковного чина епископского рукоположения, указанному им самим еще в 1834 году, при рукоположений преосвященнейшего Исидора во епископа Дмитровского.¹⁹⁴³

А между тем не даром он вскоре же по рукоположении преосвященного Игнатия писал бывшему начальнику и духовному наставнику последнего Алексею (Ржаницыну), епископу Таврическому: «Благодарю, что молитесь о нас с новым викарием. Я уже потерял счет моим викариям. Говорят, что это четырнадцатый».¹⁹⁴⁴ В начале сего столетия в Лавре владыкою Платоном рукоположен был Серафим.¹⁹⁴⁵ Теперь Игнатий. То было последнее (рукоположение). Конечно, и это Слава Богу о всем».¹⁹⁴⁶ Действительно, рукоположение преосвященного Игнатия было последним рукоположением, которое совершил святитель Филарет. В следующем 1867 году уже не стало маститого архипастыря Московского.

Но, как и в прежние царствования, так и в рассматриваемое. святителю Филарету приходилось рукополагать во епископы не только для Церкви Московской, но и для других епархий Российской Церкви. На этот раз такое рукоположение совершено было им 1 января 1861 года над ректором Московской духовной академии архимандритом Сергием, назначенным во епископа Курского. Рукоположение, при участии архиепископа Евгения (Казанцева), епископа Леонида (Краснопевкова) и епископа Фиваидского Никанора, совершено им было в Московском большом Успенском соборе.¹⁹⁴⁷

По совершении тайнодействия первосвятитель Московский не оставил ново рукоположенного и без обычного поучения. В своей речи к нему, указав на великость действия, над ним совершившегося, святитель-вита поучал его со страхом и смирением смотреть на предстоящее ему поприще: ибо «страх усилит бдение и подвиг; а смирение привлечет вышнюю помощь». За тем он дал ему подробные наставления относительно каждого предмета предстоявшей ему деятельности. «Твоей деятельности, говорил он, подлежат молитва, учение, управление, Церковный суд. Подвизайся,

чтобы молитва была крепка и чиста, учение – православно, управление – благопопечительно, суд – праведен и растворен милостью. Да будут у тебя вера и любовь к Богу крилами молитвы, слово Божие непреложным основанием учения, правила и примеры святых отцов руководителями жизни, управления и суда. Наипаче да не изнемогает молитва. Как из облака молния, так из молитвы свет истины и разума. От молитвы сила власти. С молитвою пронизателен и верен суд. Возноси от земного жертвенника к небесному молитвы о благочестивейшем самодержце нашем, о Святейшем Синоде, о всей православной Российской Церкви и царстве, о всей православной вселенской Церкви, и ныне, как древле, не безопасной от бед *во лжебратии* (2Кор.11:26), а в некоторых странах, в сии христианские времена, пред лицом христианских царств, так же как в языческие времена, гонимой врагами христианства. И если, при помышлениях о великом, не неуместно внимание и к малому, предлагаю вниманию твоего братолюбия, чтобы не забвен был в молитвах твоих послуживший, с собратиями, твоему освящению, дабы помилованный много во входе и прохождении поприща обрел милость во исходе. Милость Господня да предваряет и сопровождает тебя вся дни живота твоего». ¹⁹⁴⁸

Так в этой речи, равно как и в обстоятельствах рукоположения, видно и внимание святителя Московского к питомцу своей епархии ¹⁹⁴⁹ и влияние не на одну лишь эту епархию, и упоминание о своей личной жизни, обращение мысленного взора на более широкое поле жизни церкви русской и даже вселенской, и чисто аскетическое воззрение на молитву и твердое, опытное, мудрое мнение о канонических основах обще епархиального управления. Не даром и в 1863 году, в известной нам речи к Обществу любителей духовного просвещения, святитель Московский говорил, между прочим, что истинное духовное просвещение, или иначе мудрость христианская должна быть чиста, ближе всего, по её источнику; ибо «её чистый источник есть Бог, – Его слово, заключенное в священных писаниях, уясненное церковными определениями, учением и духовными опытами Богомудрых мужей». ¹⁹⁵⁰

Такое настойчивое указание на канонические устои Церкви было весьма важно и благопотребно особенно в то время, когда ничем не сдерживаемый дух свободы, дух реформ во многих случаях пытался поколебать эти устои. Сюда относится например, проект министра внутренних дел Валуева о назначении архиереев членами государственного совета,¹⁹⁵¹ предположения об участии духовенства в гражданском (городском и земском) самоуправлении¹⁹⁵² и т.д.

Если архиерейство или священноначалие является исконным твердо определенным в своих основаниях, правах и обязанностях, каноническим учреждением в христианской Церкви, то не менее исконным таковым же учреждением служить и священство, а за тем монашество, также издавна насажденное в христианской Церкви. В отношении к этим учреждениям святитель Филарет, также, как и в отношении к священноначалию, при том не только в официальных мнениях и переписке, но и в слове проповеди, часто восходит от частных вопросов и мыслей к общим, от духовенства (белого и монашествующего) Московской епархии к духовенству православной России и даже более того – вселенской Церкви вообще. Начнем с монашества, чтобы и лучше связать настоящий отдел с предшествующим и естественный сделать переход от рассуждения о духовенстве белом к последующим отделам нашего исследования.

Монашество, которое уже издавна в православной Церкви стало как бы необходимою, на твердых канонических основаниях опирающеюся, принадлежностью епископского сана,¹⁹⁵³ есть одно из древнейших в ней учреждений. Сам строгий инок, всегда, всею душою стремившийся удалиться от мира с его суетою, водвориться в пустыне, предаться вполне пустынным подвигам ради спасения своей души и беседовать с Богом в молитве, святитель Филарет был всегда самым ревностным и сильным защитником монашества, самым горячим приверженцем истинно монашеской жизни, самым заботливым, отчески попечительным устроителем монастырского жительства и самым любвеобильным покровителем, и мудрым советником монашествующих. Так он

относится к вопросу о монашестве от юности, так относится к нему и со времени своего вступления на кафедру Московской епархии. Еще во второй год после этого вступления, именно 5 июля 1822 года, в день памяти преподобного Сергия, в обители сего преподобного, он произнес свою замечательную проповедь о духе монашества на текст: *Проидоша в милотех и в козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблена, ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающесе, и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных* (Евр.11:37–38).¹⁹⁵⁴

Это было в царствование государя императора Александра I. Царствованию императора Николая Павловича принадлежат, как не менее замечательная проповедь, имеющая целью начертать «образ духовного любителя пустыни» и произнесенная в той же обители,¹⁹⁵⁵ так и глубокие по мысли, обстоятельные по изложению и полные опытной мудрости и знания предмета «Правила благоустройства монашеских братств в Москве»,¹⁹⁵⁶ имеющие, можно сказать, вселенское значение, а не значение лишь в отношении к одной Московской епархии.¹⁹⁵⁷

Наконец, и в царствование императора Александра II заботы о наилучшей постановке дела и вопроса о монашеской и монастырской жизни не покидали попечительного Московского архипастыря. Эти заботы были так разнообразны и многообъемлющи, что если мы в своем настоящем рассмотрении ограничимся только проповедями святителя Фларета, то и тогда будем иметь обильный запас мыслей для изложения предмета. Так общей истории монашества, как учреждения Церковного, святитель-вития касается в произнесенной в 1856 году беседе своей «пред обетом сердобольных вдов, в Мариинской Церкви императорского Вдовьего дома». Желая показать пример истинно христианского ухода за больными, святитель указывает его в Евлогие Алексадрийском и приступает к сказанию о нем в следующих знаменательных для нас на этот случай выражениях: «После подвигов апостольских и мученических, в Церкви Христовой, особенно в Египте и Палестине, процвело в отдельных лицах и в целых обществах отделенное от мира подвижничество,

имевшее корнем своим преподобного Антония великого. Видев и слышав великих наставников, подвижники заботились сохранить и упрочить наставления их, и потому ввели в обычай записывать поучительные изречения старцев и назидательные события. Так со слов очевидного свидетеля записано и то сказание, которое перескажем теперь», после чего и ведется рассказ об упомянутом Евлогие.¹⁹⁵⁸

Сущности и обетов монашества святитель-вита касается в относящейся к 1857 году беседе в день обретения св. мощей преподобного Сергия 5 июля, сказанной на текст: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в царствии Божии* (Лк.9:62), при чем, кроме общехристианских мыслей о желающих идти во след Христа и зрящих вспять, предлагаются мысли и о том, кто «уразумел ничтожность земных благ, неудовлетворительность мирских утешений, преимущество жизни удаленной от мира, достоинство целомудрия. потребность самоотвержения, свободу нестяжательности» – кто «расторгает, или уже расторгнул союз с миром, чтобы все свое время и труд употребить на благоустроение своей души и на благоугождение Богу, в обществе подобных, под руководством сведующих и опытных в сем любомудрии». За тем следуют многообразные наставления об устройении иноческой жизни, внутреннем и внешнем, с выражением духовной радости о благоустроении её и искренней скорби о нестроениях в ней, поучения о современных требованиях от сей жизни, о поддержании её достоинства на равноангельной высоте, и т.д.

Так как нас в настоящем случае ближе всего интересует собственно историческая сторона дела устройства монашеской жизни, и при том в Московской именно епархии, то мы на эту сторону теперь и обратим преимущественное наше внимание по проповедям святителя Филарета.

В этом отношении первую по времени является беседа, произнесенная октября 1855 года по освящении храма Пресвятой Троицы в Троице-Одигитриевском общежитии, или иначе в Зосимовой пустыне, что в Вереysком уезде Московской губернии.

Начало Троице-Одигитриевского женского общежития восходит к концу первой четверти текущего столетия, когда в Московскую епархию, прибыл известный подвижник, схимонах Зосима, происходивший из дворянской фамилии Верховских в Смоленской губернии,¹⁹⁵⁹ долгое время подвизавшийся в строго иноческой жизни то в Брянских лесах (в Орловской и Смоленской губерниях), то в Коневской обители (на острове Ладожского озера, под руководством известного инок, иеромонаха Адриана¹⁹⁶⁰ и в духовном содружестве с известным пустынным подвижником Василиском,¹⁹⁶¹ а то, наконец, в Сибири, где, в Тобольской епархии в городе Туринске, по изволению Божию, и положено было начало женской монашеской общины, под смотрением и попечением Зосимы, две племянницы которого, Варвара (в монашестве Вера) и Матрона (в монашестве Маргарита) Верховские составляли как бы зерно, доброе семя, этой общины.

Но в следствие происшедших в сей общине Туринской, не без поущения Бойня, несогласий, значительная часть сестер общины, преданных Зосиме (в том числе, конечно, и племянницы его), с самим Зосимою, должны были выехать из Туринска и искать себе другого места жительства. Отец Зосима, как попечитель новообразовавшейся общины, должен был озаботиться приисканием для них такового места жительства и после долгих исканий, Господь указал ему это место жительства в имении госпожи Бахметьевой, в Верейском уезде Московской епархии, в местности, хотя, и болотистой, но для пустынного жительства не заменимой. Это было в конце царствования государя императора Александра Павловича и в начале царствования императора Николая Павловича. Святитель Московский Филарет принял живейшее участие в деле устройства женской иноческой общины, названной еще от самого отца Зосимы – Одигитриевскою, по причине особенного благоговения старца Зосимы к чудотворной иконе Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы), весьма чтимой на родине его в Смоленской губернии.

Нашлись благодетели, преимущественно в сердобольной Москве, которые, из уважения к старцу Зосиме, оказали ему в

том же святом деле устроения обители частью денежную помощь и другие вещественные пособия, частью же необходимое покровительство на пути официального признания прав обители на недвижимую собственность и самостоятельное существование. Из числа благодетелей первого рода особенно заслуживает внимания известный благотворитель, московский почетный гражданин Семен Логгинович Лепешкин с его потомством¹⁹⁶² и родством, а из благодетелей второго рода – грузинская царица Тамара или Фамарь († 1857).¹⁹⁶³ На имя этой царицы, по ходатайству митрополита Филарета пред Святейшим Синодом, уже после блаженной кончины старца Зосимы († 24.10.1833), с присоединением к имени царицы и имен племянниц Зосимы дворянок Верховских, закреплена была усадьба Одигитриево, а за тем по всеподданейшему докладу обер-прокурора Святейшего Синода, 19 июля 1841 года, государь император высочайше соизволил утвердить положение Святейшего Синода об устройстве при этой усадьбе (в Верейском уезде) женского общежития и об укреплении за Одигитриевскою Церковью пожертвованной в пользу оной (как значилось по документам официальным) грузинскою царицею Тамарою Георгиевною и дворянками Верховскими земли.¹⁹⁶⁴

С тех пор собственно началось официальное существование женской Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни. Ради благоустроения её с внутренней стороны попечительный Московский архипастырь, кроме того, что частыми назидательными письмами руководил начальницу (потом игуменью) общежития Веру (Верховскую),¹⁹⁶⁵ сам в том же 1841 году составил для сего общежития особые правила, исполненные, по обычаю, глубокой мудрости и духовной опытности.¹⁹⁶⁶ Во внешнем же благоустроении обители, по прежнему и еще более прежнего, живое участие принимал упомянутый благочестивый Московский гражданин С. Л. Лепешкин, щедротами которого между прочим, распространен, благоуукрашен был и тот храм во имя Пресвятыя Троицы, освятить который решился сам архипастырь Московский,¹⁹⁶⁷ произнесший при этом и проповедь, в коей, на основании текста: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася*

зиждущий (Пс.126:1), живо изображает историческую судьбу обители в связи с характеристикой её основателя, блаженные памяти старца Зосимы.

Святитель Филарет решился сам совершить освящение этого храма, как сам и выражается в официальном о сем сообщении, «из благодарности к благотворителю сей обители, уже почившему»,¹⁹⁶⁸ т.е. упомянутому С. Л. Лепешкину.¹⁹⁶⁹ Ради этого важного для обители события, освящение храма было отложено,¹⁹⁷⁰ до возможности святителю прибыть в обитель. Так не ближе как октября означенного 1855 года состоялось освящение храма. *«Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий*, гласит боговдохновенная песнь (Пс.126:1), так начал свою беседу по освящении храма впервые лично посетивший обитель архипастырь Московский. – Слово Духа Божия изрекает, без сомнения, точную и непререкаемую истину. Итак, если справедливо, что дом создается благоуспешно и благонадежно только с Богом, под покровительством Провидения Его, с благословением Его, с помощью Его; то равномерно справедливо, при виде дома, благоуспешно и благонадежно созданного, сказать: видно *Господь создал* сей дом, когда не *всеу трудишася зиждущии*, видно, дарованы сему делу Божие благословение, Божия помощь. Видим здесь не только дом, но и дома, добрым устройством созданные, не только дома жительства человеческого, но и дом Божий, дом молитвы, Таинств и славы Божией, и уже не один дом Божий, но уже четыре алтаря,¹⁹⁷¹ уготованные для приношения Богу умилолюбивительной, бескровной, но живой и жизнодательной жертвы. Как же не помыслить, и не сказать, по мысли священного песнопевца: видно *Господь создал* все сие, видно Его благое Провидение и помощь споспешествовали, чтобы не *всеу трудились зиждущие*, видно, есть над сим местом Его блавословение и покров. Мы должны будем более утвердиться в сих мыслях, если знающим напомним, а не знающим, хотя, отчасти, покажем довольно долгую, большую часть из нечаянностей составленную цепь событий, которые сделали возможным

нынешний здешний праздник, с надеждою для сего места дней благих и далее.

За двадцать девять лет пред сим пришел на сие место старец, многолетний пустынножитель, и с ним несколько дев и вдовиц, находившихся под его духовным руководством. То были птицы, лишенные гнезда, овцы, не имеющие ограды. Благородная владетельница сего места¹⁹⁷² предложила им сию землю для поселения. И пустынножитель устранился было дикости сего места, на котором видел только лес и болото, и которое не представляло никакого удобства для снискания жизненных потребностей, он обратился было к другим местам, но те представляли неудобства более важные, в отношении к безмолвию духовной жизни.¹⁹⁷³ Итак, сие место принято, как дар судьбы, который не казался приятным, но от которого нельзя было отказаться. Но кто был сей старец? Кто сии девы и вдовицы, составлявшие под его руководством благочестивое общежитие, но не имевшие места общежития? – они не в сей стране родились; не в сей стране жили; непредвиденная судьба перебросила их сюда из дальнего края Сибирского. Сия нечаянность была последствием других нечаянностей. Во второй половине прошедшего столетия в Брянских лесах пустынно-жительствовавший благочестивый памяти иеромонах Адриан (в последствии времени иеросхимонах Алексей)¹⁹⁷⁴ с несколькими учениками. К ним пришел, познавший суету мирской жизни, юный благородный воин;¹⁹⁷⁵ пленился их жизнью и возжелал прилепиться к ним. Беспокойства от неблагонамеренных людей и нападение разбойников были причиною того, что они перешли в северо-западный край отечества, в монастырь Коневский, в котором Адриан и настоятелем поставлен был. Здесь бывший воин Захарий вступил в монашеский чин под именем Зосимы; и провел десять лет, частью в общежитии, частью в пустынном уединении. Когда же Адриан, по любви к безмолвию, оставил настоятельство и монастырь Коневский, тогда, по благословению его, и Зосима, с другим благочестивым иноком Василиском, которого почитал своим старцем, удалился на безмолвие в Сибирские леса и провел там двадцать лет, и более.¹⁹⁷⁶ В благодатном царствии

Христа Спасителя нередко можно усматривать, что Он среди сокроуенных подвигов засвечивает в душах избранных благодатный свет, но потом действует по своему правилу, изреченному в Евангелии: не скрывать светильника под спудом, но употреблять его для просвещения чрез него и других. Сие можно примечать и в житии старцев Василиска и Зосимы. Василиск безмолвствовал в пустыне безысходно: Зосима должен был иногда входить в селения, для приобретения необходимых потребностей жизни, и следственно вступать в сношения с людьми. Ему встречались души нуждающиеся и обремененные в мире, ищущие душевного покоя, и нуждающиеся в руководстве к нему. По сильным просьбам, с благословения старца Василиска, Зосима принял их в свое руководство, и таким образом, началось в дальней Сибири общежитие, которое здесь ныне видим.

Как же очутилось оно здесь? Оно испытало неудобство жить на чужой земле, без церкви, без священника, без правильного отношения к духовному начальству, и старец Зосима, побуждаемый духовным человеколюбием, дважды предпринимал и совершал путешествие в Петербург к Святейшему Синоду, и испросил для сего общежития опустевший Туринский монастырь,¹⁹⁷⁷ получив с тем вместе поручение благоустроить оное. Чем более успеха обещало сие распоряжение, тем более, взъярился враг спасения человеческого, и подвигнул тяжкое искушение. Он возбудил в некоторых страсть любоначалаия;¹⁹⁷⁸ от сего возникли распри и ухищрения; они привлекли суд; суд поврежден был человекоугодием, и верные руководству старца сестры общежития, вместе с ним, принуждены были удалиться, и явились в Москве и здесь, как птицы, лишены гнезда, как овцы, не имеющие огады.

За сим нечаянности горькие начинают переходить в нечаянности утешительные. Устроилось здесь скудное жилище общежития, но не было способов пропитания; не было твердой огады; не было церкви. Зосима принужден был ходить в Москву для снискания потребного. Некто спросил его, что ты не безмолвствуешь, а обращаешься в молве города? Он отвечал:

лучше мне претерпевать сие, нежели девам, посвященным Богу. Для сего духовно человеколюбивого слова нашлось духовно человеколюбивое ухо. Благочестивый муж, которого Бог благословил честно приобретенным богатством, и который щедро уделял от оногo на созидание и украшение храмов Божиих, и на благотворения честным обителям и нуждающимся ближним, не умолчим его имени, потому что Господь недавно призвал уже его к Себе, и он не имеет нужды остерегаться славы человеческой, раб Божий Симеон,¹⁹⁷⁹ решился освободить дев, посвященных Богу, от необходимости часто входить в молву города для своих нужд. Он снабжал общежитие всем, что для него нужно, как скоро узнавал о том, построил для него достаточные и прочные здания; обнес его оградой, подарил ему землю, которая бы всегда доставляла пособие пропитанию сестер общежития.¹⁹⁸⁰

Общежитию духовному необходима была церковь, тогда как оно, будучи только частным учреждением. Не могло требовать её себе по закону. Перст Божий указал на оное благочестивой царевне Фамари,¹⁹⁸¹ и она, по праву своего имени, испросив от Святейшего Синода разрешение создать для себя церковь, и устроив оную, при содействии других благочестивых и благодеющих, даровала общежитию сие небесное на земле сокровище, после чего уже не трудно было испросить оному открытое законное существование, утвержденное благословением Святейшего Синода и высочайшею властью. поскольку же церковь, устроенная царевною, была не пространна, и оказалась не достаточною, то вот наконец приснопамятный раб Божий Симеон утроил её состав и пространство, и более нежели утроил её благолепие.¹⁹⁸²

Прославим Бога, заключает в виду рассказанного свою беседу святитель-вита, многообразно, дивно, паче нашего ума и чаяния, устрояющего пути мира и спасения человекам, по их вере и ревности ко благу, дающего не ведущим наставника, беспомощным помощь, бескровным покров, гонимым убежище, *вселяющего единомысленные в дом (Пс.68:7)*, лишенным всего дарующего все потребное посредством милосердия обилующих, а обилующим залог лучшего приобретения

небесного в делах человеколюбия и в молитвах благодетельствованных».

И наконец отсюда наставления: «Никто не надейся на себя. Никто не отчаивайся в благости Провидения Божия. Лишенный, скорбящий, озлобленный не лишай сам себя веры и терпения, и непрестанно взыскуй Господа, хотя, по-видимому, Он и сокрывается. *Взыскающий Господа не лишатся всякого блага (Пс.33:11)*. Избавленные от озлоблений, скорбей, лишений, не воздремлите в вашем покое. Покой устроен вам для беспрепятственного благоделания и свободного служения Богу, вознерадев о сем, сами разрушите покой ваш. Непрестанно благодарите верховного благодетеля Бога, и в Нем и земных благодетелей, добрых служителей Его благости. Благодарное к Богу сердце есть открытый сосуд для Его благодати. Аминь».¹⁹⁸³

Следующая за сею беседою по времени произнесенная в том же 1855 году беседа по освящении храма преподобного Алексия человека Божия в Московском страстном монастыре, над воротами обители устроенного,¹⁹⁸⁴ мало касается или даже почти вовсе не касается истории самой обители, основанной еще в XVII веке и получившей свое наименование от чудотворной иконы Божией Матери Страстной,¹⁹⁸⁵ и потому мы также не будем касаться этой беседы, имеющей в виду в лице преподобного Алексия представить достойный пример истинно монашеской жизни.¹⁹⁸⁶

Более её имеет исторического значения произнесенная уже в 1858 году 21 сентября «беседа по освящении храма Нерукотворенного Образа Господня, в Спасо-Влахернском общежитии». В этой беседе, после глубокого рассуждения о значении освященного храма вообще, как места присутствия Царя славы, и поучения о том, как входить в такой храм и стоять в нем, святитель-вития говорит: «Благоговению нашему в сем именно храме споспешествовать могут и некоторые особенности, собственно ему принадлежащие. Какою древностью, какими достопамятностями ознаменованные хранит он в немалом числе святые иконы! Восходя к началу их существования, мы встречаемся с назидательною мыслью о древних художниках, которые трудясь над оными с постом,

молитвою и священными песнопениями, своею чистотой и благоговением приготавливали оные к благодатному освящению. Рассматривая судьбу сих икон, по колику она известна, в продолжении существования их, видим благочестие царственных и вельможных лиц, которые приносили пред оными молитвы, которые возлагали на них украшения, благознаменательные, если просто по усердию, и еще более достопамятные, если в благодарность за полученные по молитве пред ними благодеяния Провидения Божия, которые для присных и приближенных самым вожделенным даром почитали святую икону. Какой собор святых увидели бы мы здесь, если бы могли видеть святых, присущих сему храму, посредством частей святых мощей их, здесь сохраняемых! Похвалим святолюбие, с необыкновенным тщанием собравшее здесь столько неоценимых святых сокровищ. Похвалим и то благоговейное рассуждение, которое признало, что для достойного хранения толикой святыни, надобно окружить оную сонмом также святолюбивых душ, по особенному призванию посвятивших себя благоговейной, целомудренной и молитвенной жизни».

И после сего святитель-вития делает соответствующее наставление этому сонму святолюбивых душ, т.е. сестрам Спасо-Влахернского общежития». ¹⁹⁸⁷ Но ни приведенные из беседы исторические указания, ни самое наставление из него и предшествующие рассуждения и поучения выведенное, не были бы поняты вполне для не знающих истории сего общежития. Поэтому мы считаем нужным, в разъяснение проповеди святителя Филарета войти в некоторые подробности этой истории. Спасо-Влахернское общежитие, названное так от двух главных местных святых икон Спаса нерукотворенного образа и Влахернской Божией Матери, учреждено в Дмитровском уезде Московской епархии при селе Ново-Спасском, Деденево тоже, принадлежащем роду Головиных. ¹⁹⁸⁸ Еще во второй половине XVII века это село поступило во владение Головиных. Стольник Василий Петрович Головин в 1713 году построил здесь деревянную церковь в честь иконы нерукотворенного образа Христа Спасителя, которую великий

князь Московский и всея России Василий Димитриевич в 1391 году благословил родоначальника дома Головиных, князя Стефана Васильевича Ховру. В 1798 году Василием Васильевичем Головиным 2-м, вместо деревянной, заложена была каменная церковь, крестообразной формы, в 43 аршина длиною и 42 аршина шириною. Она окончена была уже в 1811 году попечением Павла Васильевича Головина, который женился на дочери князя Гагарина Анне Гаврииловне и сам скончался в 1836 году, оставив Деденево во владение среднего сына своего Гавриила Павловича Головина. Попечениями Анны Гаврииловны и Гавриила Павловича Головиных, из коих с первою святитель Филарет находился и в переписке,¹⁹⁸⁹ с 1843 и по 1850 год к наружным углам крестообразной церкви приделаны капитальные стены, так что храм принял вид четырехугольника и украсился пятью куполами в Византийском стиле, при чем внутри его, кроме главного престола, остававшегося не освященным, было устроено девять отдельных приделов и собрана, и размещена была вся родовая святыня Головиных: множество древних досточтимых икон, более трехсот частей святых мощей и богатейшая утварь церковная.

Главнейшие иконы суть:

1) упомянутая храмовая икона Спаса нерукотворенного образа, почитаемая издревле чудотворною и писанная блаженным Андреем Рублевым. Риза на сей иконе серебряная вызолоченая, вновь сделанная В. В. Головиным в 1802 году вместо прежней ризы из Аравийской меди, украшенной жемчугом и драгоценными камнями и находящейся теперь на копии с этой иконы, в селе Введенском, под Звенигородом; кругом новой ризы в пятнадцати ковчегах помещены святые мощи, а в особом ковчеге на иконе имеется часть ризы Господней и крест со святыми мощам, который за несколько минут до своей кончины В. В. Головин 2-й снял с себя и возложил на икону;

2) Чудотворная икона Пресвятой Богородицы Одигитрии Влахернской, вылитая из воско-мастики и пепла святых мучеников двутьму в Никомидии сожженных и преподобных

отец, в Синае и Раифе от сарацин избитых. Эта святая икона была принесена с Афона в 1654 году. Риза на сей иконе великолепно украшена золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом весьма крупных размеров. Под ризою также вделано несколько частей святых мощей;

3) Чудотворная икона Божией Матери Иерусалимской-Гефсиманской, писанная подражателем Рублева – Строгановым, с ризою также серебро-позлащенной, с различными драгоценными украшениями и со святыми мощами различных угодников Божиих в 20-ти ковчегах вокруг иконы, а именно: великомученика Димитрия, мучеников Георгия, Меркурия, Феодора, св. Александра Невского, преподобного Сергия и других. Из них икона Одигитрии Влахернской во время страшного Московского (так называемого Троицкого пожара), находясь в доме Головиных на Покровке, остановила пожар на сем доме и спасла всю дальнейшую часть улицы, не говоря уже о многочисленных случаях исцелений, которые чрез сии иконы получали и владельцы последних и другие лица.¹⁹⁹⁰

Для достойного хранения такой святыни и для поддержания храма в надлежащем благолепии, средства приходской церкви села Новоспасского и её причта оказывались недостаточными. Посему еще вдова Павла Васильевича Головина, вышеупомянутая Анна Гаврииловна Головина, урожденная княжна Гагарина, движимая благочестивым чувством и чувством сострадания к бедным, изъявила желание устроить здесь женское общежитие по примеру первоначального устройства Спасобородинского монастыря и по правилам Троице-Одигитриевского общежития Зосимовой пустыни, с тем, чтобы в последствии можно было обратить оное в женский монастырь. Для обеспечения содержания общежития, А. Г. Головина жертвовала 100 десятин земли пахотной и сенокосной, мельницу и дом в Москве.

К сему, со своей стороны, и сын её Гавриил Павлович († 1859) сделал значительное добавление пожертвованием земли и денежных средств. По ходатайству святителя Московского Филарета, Святейший Синод разрешил учредить при селе Новоспасском –женское общежитие, с наименованием его

Спасо-Влахернским, а 13 мая 1852 года и последовало высочайшее соизволение как на сие учреждение, так и на принятие жертвуемого в пользу оногo имущества. По получении высочайшего на сие утверждения митрополит Филарет, препроводив на имя А. Г. Головиной список с указа о сем Святейшего Синода, назначил ее саму попечительницею общежития, а начальницею сего общежития, по выбору самой попечительницы, назначил девицу Елисавету Татаринову, в монашестве Серафиму, из Дивеевского монастыря Нижегородской епархии, по сношении с преосвященным Нижегородским Иеремией.¹⁹⁹¹

Обеспеченное в средствах своего содержания, при внимательном участии к нему как владельцев Ново-Спасского, так и Епархиального Начальства, общежитие в скором времени достигло значительной степени благоустройства внутреннего и внешнего.¹⁹⁹² До прибытия туда святителя Филарета в 1858 году в главном храме общежития было освящено уже семь престолов; но главный престол все еще оставался не освященным, как бы ожидая для своего освящения, самого Московского архипастыря. Для ускорения окончательного устройства сего храма Г. П. Головин воспользовался иконостасом, перенесенным из древнего храма Алексеевского монастыря, занимавшего прежде место, на котором стоит теперь Храм Христа Спасителя в Москве. Благолепие этого иконостаса владелец Новоспасского еще более возвысил новыми украшениями, по перенесении его в Храм Влахернского Общежития и по приспособлении к сему храму. Когда все было готово к освящению, владыка Филарет, и раньше внимательно относившийся к делу устройства и к жизни общежития,¹⁹⁹³ решил сам совершить это освящение.

Для сего 20 сентября упомянутого 1858 года он из Троице-Сергиевой Лавры прибыл в село Ново-Спасское, находящееся от Лавры в 54-х верстах,¹⁹⁹⁴ в 5 часу вечера. Посетив прежде всего храм и поклонясь святыне, владыка отправился в дом храмоздателя Гавриила Павловича Головина, где слушал всенощное бдение, между тем как в готовившемся к освящению храме всенощное бдение совершено было наместником Лавры

архимандритом Антонием соборне. В 10-м часу утра следующего дня 21 сентября владыкою и совершено было соборне освящение храма с произнесением после оного той беседы, выдержку из которой мы сделали выше,¹⁹⁹⁵ а после литургии в ново освященном храме и благословения многочисленных посетителей из собравшихся на освящение местных и окрестных поселян и помещиков, владыка посетил и келью начальницы общежития. После необходимого отдыха, в шестом часу вечера святитель Филарет, снова посетил храм и поклонившись его святыне, отправился, чрез город Дмитров, обратно в Сергиеву Лавру. На память о своем посещении общежития владыка на архиерейском служебнике, по которому совершал 21 сентября церковное служение, надписал: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и».¹⁹⁹⁶

В 1860 году совершилось освящение храма во имя святого праведного Филарета Милостивого, в известном нам из прежнего Гефсиманском ските близ Сергиевой Лавры, устроенного с мыслью об основателе скита митрополите Филарете в главном здании, скита с тем что бы сему храму быть соборным для всего скита. Освящение это, дабы оно совершилось не без участия самого владыки Филарета, нарочито приурочено было ко времени, когда он обыкновенно приезжает из Москвы в Лавру. Оно состоялось 27 сентября, следовательно, чрез день после Сергиева дня. Скит теперь был уже учреждением, прочно утвержденным и с внутренней и с внешней стороны. Таиться относительно его существования, как прежде, теперь не было нужды.

И вот, поэтому и в связи с назначением храма быть памятником участия святителя Филарета в учреждении скита, святитель Филарет по освящении храма произнес беседу, в которой, по личным своим воспоминаниям, изображает всю картину как прежнего состояния места, на котором учрежден скит, так и теперешнего состояния самого скита. «Место, где мы теперь находимся, говорит в самом начале своей беседы святитель-вития, в продолжении шестидесяти лет знаю, как очевиден, и сверх того, когда пришел я сюда в первый год

текущего столетия,¹⁹⁹⁷ встретил здесь ясные следы и воспоминания прошедшего столетия. Да не покажется то праздным словом, если возобновлю теперь некоторые из сих воспоминаний. Это будет не мимо нынешнего праздника».

И за тем предлагает живую, художественную картину истории места скита и самого скита, для выведения из неё соответствующего назидания слушателям. «Здесь был дом изящного зодчества, который устройением своим показывал, что он назначен был не для постоянного жительства, а только для летних увеселительных посещений. Здесь был сад, в котором растительная природа слишком много страдала от искусства, ухищрявшегося дать ей образы, ей не сродные. Для чего это сделала обитель монашествующих? Как взирал на сие преподобный Сергей, любитель простоты, и никак не любитель роскоши и чувственных удовольствий? Как допустил он сие в своей области, так близко к нему? Во-первых, думаю, он снисходительно смотрел на дело потому, что имел в виду намерение, которым или оправдывалось, или извинялось дело. Урочище сие было украшено для царских посещений.¹⁹⁹⁸ Тогда как высота царская смирялась пред смирением святого; тогда как благоговение меньших сынов преподобного Сергия соединялось с благоговением державных, в молитве о спасении душ их и о благе царства их, верноподданническая любовь желала проявить себя и в том, что бы представить царским взорам некие черты обычного для них благолепия и великолетия.

Во-вторых, преподобный Сергей без прещенія допускал, чтобы в области его являлись некоторые виды мирского великолетия, думаю, потому, что смотрел на них, как на пробегающую тень; и, как таинник Провидения Божия, предоставлял себе в последствии времени открыть здесь иные, духу его свойственные, виды. Внешние обстоятельства Сергиевой Лавры изменяются. Её древнее достояние вземлется от неё, и чрез то снимаются с неё многие мирские обязанности и заботы.¹⁹⁹⁹ Прежнее великолетие становится не нужным, так как и не возможным. Здешний царский дом и сад делаются местом скромного отдохновения наставников и учеников

духовного училища, которое Лавра основала в своих стенах, на своем иждивении, во дни своего изобилия.²⁰⁰⁰ По времени увеселительного дома не стало: сад, уступленный искусством природе, обратился в лес. Таким образом, преподобный Сергей достиг того, что упразднилось здесь мирское. допущенное на время; и, как бы желая вознаградить себя за сие допущение, благоизволил, чтобы здесь водворилось духовное».

И далее предлагается кратко уже известная нам из прежнего история основания скита, с его особенным назначением – служить убежищем для усиленных молитвенных подвигов и безмолвия, с перенесением в него старинного храма из села Подсосенье, с увеличением числа скитской братии и т.д., при чем не упускается из виду и назначение освященного теперь в ските храма, нами выше указанное;²⁰⁰¹ а заключается проповедь наставлением из дивных судеб обители извлекать поощрение к добрым подвигам.²⁰⁰²

Еще года не прошло со времени произнесения проповеди сей в Гефсиманском ските, как святителю Филарету пришлось давать направление, посредством слова проповеди, иной обители, находящейся на другой, почти противоположной, окраине Московской епархии. Близ города Серпухова есть древний, основанный еще в 1376 году святителем Алексием, митрополитом Московским, современником основателя Сергиевой Лавры преподобного Сергия, монастырь, по имени Владычный Введенский, который при митрополите Платоне в 1806 году обращен из мужского в женский.²⁰⁰³ В этом монастыре в 1861 году была новопостриженной монахиней не задолго пред тем поступившая туда из Московского Алексеевского монастыря Митрофания, в мире баронесса Прасковья Григорьевна Розен.

Благодаря связям её при дворе и особенно по вниманию к ней со стороны великой княгини Александры Петровны, ей вскоре же по пострижении представилось широкое поле деятельности, она посвящена была в игуменьи Владычного монастыря, а чрез несколько лет, вместе с тем ей вверено было, по желанию великой княгини Александры Петровны, и попечение о благоустройстве Покровской Общины тестер милосердия в Санкт-Петербурге.²⁰⁰⁴

Посвящение её в сан игуменьи состоялось 8 августа 1861 года,²⁰⁰⁵ в домово́й митрополи́чье́й Це́ркви Трои́цкого, в Москве, подво́рья. При вручении жезла новопосвященной игуменьи, святитель Филарет обратился к ней с следующей речью: «Новопосвященная игуменья! В недавнем еще времени призвана ты на поприще послушания, и волею Божией уже теперь вручается тебе жезл управления, и как мать должна ты блюсти сестер, тебе ныне вверенных. Понимаю, что мысль твоя волнуется и что со страхом и не без смущения принимаешь на себя эту великую обязанность; но подкрепляй себя тем, что ты избрана на поприще этого служения не мною, но самим Богом. 1) Усугубляй молитву; молитва придает нам силу и крепость. без неё мы ослабеваем. 2) Для управления сестрами не употребляй одну данную тебе власть, но назидай их в духе кротости и любви; любовью все побеждается; при том старайся быть снисходительной к немощам человечества. 3) Назидай вручаемых тебе чад более собственным примером, нежели властью и строгостью; пример твой будет на них действовать сильнее слова. Наконец, говорю, не избегай жребия, который назначен тебе Богом, трудись к пользе обители, к утешению сестер, тебе врученных, а жезл сей прими не так как власть и честь, но как бы в опору немощи человеческой».²⁰⁰⁶ И мать игуменья Митрофания, по крайней мере при жизни святителя Филарета,²⁰⁰⁷ верно исполняла его наставления.

Речь к игуменьи Митрофании²⁰⁰⁸ святителя Филарета о монашестве довольно близко соприкасается с словом его же проповеди. выразившимся, как мы видели, в его речах к ново рукоположенным епископам;²⁰⁰⁹ ибо монашество, по крайнему и глубоко верному мнению святителя Московского, особенно в его руководящем представительстве, должно быть также светочем истинно-христианской жизни в мире, в темной массе народа. как светочем, выше его поставленным, является священноначалие. епископство, архипастырство. Но для той же среды не менее важным, особенно по близости к ней, светочем является белое духовенство, пастырство. Поэтому прежние заботы святителя Филарета о сем последнем, отмеченные нами за время царствования императора Николая Павловича, продолжались и

в новое царствование, получая многие осложнения вследствие многих, вновь произошедших за это царствование, условий и вследствие того же получая иногда новые виды в способе выражения их, и между прочим, в слове проповеди. Прежние вопросы о поднятии умственного уровня самого белого духовенства, об улучшении быта его, об усилении слова проповеди его с церковной кафедры и т.д., должны были получать теперь новые или обновленные способы разрешения для себя в вольном или не вольном согласии с духом реформ нового царствования. И потому, если еще духом царствования императора Николая отзывается сделанное святителем Филаретом в одной из проповедей половины 1855 года, о новой императрице Марии Александровне замечание, что она еще прежде, в звании цесаревны, приняла на себя постоянный подвиг человеколюбия, даровав свое покровительство и материнское попечение многим смиренным дочерям служителей алтаря, дабы усовершенствованным воспитанием их усовершенствовать внутреннее устройство священнослужительских семейств и чрез то благотворно действовать и на семейный быт народа»,²⁰¹⁰ то уже далеко иным тоном звучит слово проповеди святителя Филарета о том же в сущности предмете за последующее время нового царствования, когда самая «мудрость – среди христианства» стала более и более «обьюродевать язычески», когда «враги воинствующей церкви» стали уже «беспрепятственно изощрять против неё и старые и ново изобретаемые оружия»,²⁰¹¹ и когда, поэтому, настояла еще более прежнего нужда в том, чтобы в церкви не оскудевал не только «иерей, которого устне сохраняют разум спасения, муж знания и наставник юношества, держащий и преподающий здоровое учение выше мысленных начал науки» и «поставляющий жизненное *начало премудрости страх Господень*», но и добрый «пастырь полагающий душу свою за овцы»²⁰¹² среди волков, разными способами начавших расхищать стадо Христово.

Поэтому, без всякого сомнения принимая близко к сердцу дело улучшения быта духовенства вообще и вверенной его архипастырскому попечению епархии в частности,²⁰¹³ святитель

Филарет не всегда согласен был с теми мерами, которые в новое царствование предлагаемы и предпринимаемы были с целью улучшения этого быта. Так, ему не нравилось, прежде всего, уже то одно, что комитет об улучшении быта духовенства, по составу своему, был «разностихийный», не обещавший (и действительно не давший) много пользы делу;²⁰¹⁴ за тем не желательною для него мерою к улучшению быта духовенства представлялось сокращение приходов,²⁰¹⁵ и т.п. Вообще, по-прежнему, вполне одобряя благие намерения правительства в этом отношении, святитель Филарет воздерживался от одобрения многих мер, направленных к осуществлению этих намерений, особенно же одобрения с церковной кафедры.²⁰¹⁶

С другой стороны, и того неодобрения некоторых из сих мер, какое высказывал он иногда в частных письмах и сношениях своих, мы не видим в слове проповеди Филарета. Более важным, как всегда, так и теперь, считая внутреннее, нежели внешнее благосостояние духовенства, святитель Филарет более нужным считал обращать внимание на это внутреннее благосостояние и достоинство духовенства, прямо проповедуя о сем и с церковной кафедры, и предписаниями по духовному ведомству своей епархии раскрывая духовенству важность этой стороны дела, и вне своей епархии наблюдая за тем же. Так еще в 1856 году, в своей беседе на день тезоименитства государя наследника цесаревича, великого князя Николая Александровича 6 декабря, поучая о правде, требуемой от всех сословий государства для истинного благосостояния последнего, святитель Филарет обращает это требование прежде всего к духовенству. «Не знаю, рекут ли мне, говорит он, но не отлагаю реши сам себе притчу сию: *врачу – исцелися сам*; занятый мыслями о правде для других, не забудь воспользоваться ими для себя. Так, братия служители алтаря, не слышим ли слова пророка: *священницы Твои, Господи, облечутся в правду* (Пс.131:9). Не заповедано ли нам вспоминать сие слово каждый раз, когда облачаемся в священную одежду, дабы мы непрестанно памятовали, что как одеждою одекаются члены тела, так правдою должны быть облечены наши помышления, намерения, деяния, жизнь? Мы

призваны быть служителями не только правды, но и милосердия, быть не только священниками. Но, когда нужно, и жертвами за спасение ближних. Еще не велико требование, когда от нас требуется правда. Какая правда? Правда в молитве, чтобы она была от сердца, а не по внешнему только обряду. Правда в церковном служении, чтоб оно не изменяло общепреданному уставу. Правда в учении, чтобы оно верно было истине Божией, и не льстило страстям человеческим. Правда в попечении о пасомых, чтобы мы имели в виду и в намерении питание и безопасность стада, а не млеко и волну его. Правда в жизни, чтобы наша жизнь не была ложью против нашего учения». ²⁰¹⁷

И о более позднем времени, когда «много разглагольствовавшее о свободе мудрование», проявляя свою свободу между прочим, в печати, стало разрушительно касаться и духовенства, святитель-вита, в собрании общества любителей духовного просвещения говорил: «Летят с разных сторон стрелы порицания и на наше звание. Примем их *бронею правды* (Еф.6:14) и постараемся отвечать на справедливые порицания, по возможности, исправлением, на несправедливые – терпением. Прискорбно, что даже внутри нашего става явились *господие стреляний* (Быт.49:23), которые иногда против братьев своих *наляцают* лук, в повременных изданиях и в книгах. Вы, братия, не допускаете и не допустите подобного. Не забудете слов премудрого: *кроткий муж сердцу врач* (Притч.14:30), так как напротив, жестокое слово не врачует, а прилагает к болезни болезнь». ²⁰¹⁸

В том и другом случае исчисляются и указываются все существенные требования, какие можно было бы предъявить к духовенству, чтобы оно достойно своего звания ходило, чтобы стояло на высоте своего положения. В согласии с тем, например, в 1860 году святитель Филарет и епископу Тульскому Алексию (Ржаницыну). по случаю известия об оскорблении священника села Хрущева (Тульского же и уезда, близ Тулы) управителем имения помещика сего села, писал: «Хрущевского управителя, видно, что нельзя похвалить, но также и духовенство. Священник без риз хочет употреблять святые

дары, где это разрешено? Он приступает к сему святому делу; входит в алтарь управитель, говорит позорные слова, священник, вместо того, чтобы при первом слове попросить его, чтобы он умолк из благоговения к святыне, остановился, слушает и дает слабый ответ, но тот потом в оправдание свое указывает на злобу священника, и на вошедший в обычай беспорядок, что миряне свободно входят в алтарь, и что священник в алтаре смеется с мирянином. Не благоговейное духовенство, конечно, не может внушить благоговения управляющему. Показания причетников, приметно, сочинены, и потому не ясно, какие точно были поступки управителя, и трудно обличить его судебно. Если благонамерен помещик, можно попросить его, что бы внушил управляющему не делать соблазна в церкви. Сильное наставление нужно дать духовенству».²⁰¹⁹

И если так относился святитель Филарет к инопархиальному духовенству, то тем строже, ревнивее, как само собою понятно, должен был относиться он с рассматриваемой стороны к духовенству вверенной ему епархии. Об этом свидетельствуют его многочисленные предписания по епархии и резолюции. В виду ближайшей задачи нашего настоящего исследования мы главное внимание обратим лишь на проповедническую деятельность духовенства московской епархии. В этом отношении заботливость святителя Филарета как об исполнении вверенным ему духовенством высокого долга проповеди слова Божия, учения, так и о достоинстве самой проповеди его была примерная. Сам служа высоким образцом проповедничества, он зорко следил за исполнением обязанности проповедовать Слово Божие и в духовенстве. Он не считал, как иные архиереи, проповеди «анахронизмом».²⁰²⁰

Напротив, считал их самым необходимым, благопотребным долгом духовенства, особенно за время рассматриваемого царствования, когда так много стало распространяться разного рода лжеучений, когда так необходимо было утверждать паству на пути истинного учения веры и нравственности. Так по поводу одного указа Святейшего Синода (от 11 сентября 1866 года),

касающегося дела проповеди, святитель Филарет, резолюцией от 3 октября 1866 года, устанавливает следующий порядок назначения проповедей, представления их цензорам и наблюдения за исполнением сей обязанности:

«1) Каждый священнослужитель городской и сельской церкви обязан произнести собственных проповедей не менее 6-ти в год.

2) Разумеется, что произнесение большего числа таковых проповедей будет принято начальством, как действие усердия священника к своему делу, и приобретет ему особенное внимание начальства.

3) В воскресный или праздничный день, для которого нет собственной проповеди, обязан священник (или, по его распоряжению, диакон) читать из книг, преимущественно отеческих, поучения применительные ко времени, к потребностям и понятиям слушателей.

4) Благочинные священнослужителям, имеющим более сильную и твердую образованность и опытность, предоставляют произносить проповеди без предварительной цензуры, с тем, чтобы, по произнесении, они доставляемы были для освидетельствования.

5) От священнослужителей, менее утвержденных в разумении и слове учения, и менее опытных, благочинные требуют представления проповедей за неделю, а по нужде за три дня до произнесения, и цензируют оные в отношении к чистоте учения, назидательности, вразумительности и правильности изложения, и погрешительное предоставляют исправлять сочинителю, или сами исправляют, объясняя в то же время погрешности и руководствуя к избежанию оных. Язык поучения должен быть, по возможности, прост, но с тем вместе охранен от мыслей и выражений неправильно простонародны, грубых, низких, противных здравому вкусу.

6) При обозрении церковей благочинный дознает, какие поучения читаны в церкви из книг, и с соответственным ли цели выбором. Преимущественно полезные чтения могут быть избираемы из писаний св. Василия Великого, св. Иоанна

Златоустого, св. Тихона Воронежского.²⁰²¹ Поучения, в сельских церквях, должны быть не очень протяжены.

7) Неисправных в проповеди и чтении поучений благочинный увещанием приводит к исправности, а в случае не успешности увещаний доносит начальству.

8) Для наблюдения епархиального начальства за состоянием проповеди и для поощрения проповедающих, благочинный отличающиеся назидательностью проповеди имеет представлять начальству».²⁰²²

В общем тех же правил по епархии святитель Филарет держался и до 1866 года, ближайшим образом, как само собою понятно, и с особенною строгостью наблюдая их исполнение в самой Москве. Здесь, равно как и в других местах епархии по особым случаям, он для проповедников сам являлся и благочинным и цензором, строго наблюдая за достоинством проповеди, её качествами внутренними (по содержанию) и внешними (по изложению) и искренно похваляя и всемерно поощряя хороших проповедников.

К глубокому сожалению, многие смотрят на святителя Филарета в этом, равно как и в других подобных отношениях, как на сурового администратора, силою своего авторитета беспощадно давившего подчиненных.²⁰²³ Это – совершенная неправда. Во всех этих и подобных случаях святитель Филарет лишь ревниво оберегал достоинство духовного звания, следовательно, достоинство самого же духовенства, и больше ничего. Как великий проповедник сам, как строгий и глубокий мыслитель, во всей шпироте понимавший значение и назначение проповеди, как истинно и искренно благочестивый христианин, собственным своим существом переживавший то, что должно было проповедовать с церковной кафедры и что сам он проповедовал. Наконец, как по истине великий художник русского слова, он, естественно, не мог быть равнодушен при виде проповедей, более или менее, далеко не соответствовавших его великому идеалу проповеди. Но за то он детски искренно радовался проповедям и проповедникам, хотя, сколько-нибудь приближавшимся к этому идеалу и всячески, повторяем, поощрял такие явления.

Представим несколько примеров. В 1856 году один диакон просился во священники, представив при прошении проповедь и всего сочинения в доказательство своего права на звание священника. В этой проповеди «владыке не понравилось резкое обличение, выраженное в следующих словах: “вне храма почти все время проводим в занятиях, предписываемых развращенною волею нашею”. Что это ты написал? сказал святитель. Ты всех (слушателей) обругал! Знаешь ли, что это значит? Это значит быть или пьяницей, или картежником, или развратником. Сознаешь ли ты себя таким? Если сознаешь, то тебя надобно сана лишить. Сделав еще несколько критических замечаний на эту проповедь, митрополит сказал наконец: *устне иереев сохранят разум, а твои устне разума, не сохраняют*».²⁰²⁴

В другой раз «два священника представили ему одинаковые проповеди на какой-то праздник. По прочтении, владыка позвал к себе их обоих вместе и вышел к ним, держа их тетради в обеих руках. Не благословляя их, он сказал: «эти две проповеди предполагают третью, после которой и не нужны».²⁰²⁵ В 1867 году, в день 50-летнего юбилея святительства владыки Филарета, бывшего в этот день в Сергиевой Лавре, в Москве в Успенском соборе служил преосвященный викарий Игнатий, а проповедь произносил протоиерей Покровского собора А. И. Воскресенский. Митрополиту Филарету, изображению достоинств и деятельности которого посвящена была эта проповедь, она представлена была, для получения разрешения на её напечатание, уже по произнесении. И владыка, прочитав ее, 7 августа,²⁰²⁶ писал представлявшему ее преосвященному Игнатию: «Возвращаю слово. Церковная кафедра назначена для учения и наставления. Но в сем слове одна похвала, и притом человеку, еще живущему, и при том далеко повышающая меня.²⁰²⁷ Если братия и сослужители благосклонно выслушали оное, это дело их смирения и любви. Но чтобы далее провозглашать сие слово через печать, на сие не могу дать согласия. Хороши, что сие не сделалось, ибо это

меня огорчило бы. Скажите проповеднику, чтобы он не прогневался на мое упрямство».²⁰²⁸

Бывший с 1849 года и во все остальное время жизни святителя Филарета в составе Московского (столичного) белого духовенства, Казанской церкви, у Калужских ворот, протоиерей Алексей Иосифович Ключарев, ныне высокопреосвященнейший архиепископ Харьковский Амвросий, издавна известный как замечательный проповедник и импровизатор, в доказательство того, что «митрополита Филарета, при разборе представляемых ему проповедей, всегда возмущали всякие слова, не соответствующие достоинству церковной проповеди», рассказывает из опыта своих собственных по этому делу с ним отношений следующий случай: «я помню, как однажды в крайнем случае я употребил в проповеди слово «интрига» и он остановился в размышлении, как бы заменить его. и потом сказал: «нежелательны подобные слова в церковной проповеди».²⁰²⁹

С другой стороны, например, в 1856 году святитель Филарет об архимандрите Новоспасского, в Москве, монастыря Агапите (Введенском) отзывался, что он, по природной застенчивости, «с затруднением произносит поучение в большом собрании, хотя, я предварительно (слова Филарета) уверяю его, что поучение назидательно и достойно занять внимание слушателей».²⁰³⁰ За тем в 1859 году об одном Московском священнике, не задолго пред тем скончавшемся, имевшем благочестивый обычай ежедневно приходить в Иверскую, у Воскресенских ворот, часовню, чтобы помолиться пред Иверскою чудотворною иконою Богоматери и приложиться к ней, святитель Филарет писал, что «он был муж, просвещено верующий, добродетельный, нестяжательный и назидательный проповедник».²⁰³¹

К более или менее выдающимся и назидательным проповедникам из духовенства святитель Филарет относился особенно внимательно, назначал их для проповеди в важных случаях,²⁰³² разрешал печатание их проповедей даже в Московских Ведомостях,²⁰³³ оказывая им особенное благоволение,²⁰³⁴ и т.д. Таковыми были протоиереи Московские:

Н. П. Другов († 1858), С. Г. Терновский († 1868), И. М. Богословский-Платонов († 1870), Н. Ф. Добров († 1873), П. Е. Покровский († 1868), Н. А. Сергиевский († 1892) и другие из скончавшихся, а из доселе здравствующих, упомянутый А. И. Ключарев и некоторые другие.

Между тем и в видах улучшения быта духовенства Московской епархии, в попечении о внешнем благосостоянии его святитель Филарет и продолжал прежние заботы и меры к сему и изыскивал или ревностно поддерживал новые способы к тому же, а в видах поощрения умственной производительности духовенства способствовал открытию особых органов духовной повременной печати и общества любителей духовного просвещения. Так при святителе Филарете и при его деятельном и живом участии, в видах усиления прежних способов воспитания дочерей духовенства Московской епархии, открыто было женское Филаретовское училище на месте прежнего Заборовского подворья,²⁰³⁵ в видах помощи бедным ученикам духовных училищ Московской епархии открыто было в 1865 году Братство святителя Николая,²⁰³⁶ разрешены к изданию с 1860 года духовные журналы: «Православное Обозрение», «Душеполезное Чтение», а несколько позже – «Чтения в обществе любителей духовного просвещения».²⁰³⁷

Но более всего святитель Филарет заботился об усовершенствовании самых рассадников пастырства: мужских духовно-учебных заведений, и особенно средних с высшими. Мы помним его отношение к Московской семинарии за время предшествовавшего царствования по одной из его проповедей 1844 года. За новое царствование приспела пора святителю-витии в его проповеднической деятельности нарочито коснуться и высшего духовно-учебного заведения вверенной ему епархии, – Московской духовной Академии, именно по случаю исполнившегося в 1864 году 50-тилетия со дня открытия её в 1814 году. Московская духовная Академия, как известно, открыта была вместо Московской Славяно-греко-латинской Академии (помещавшейся в Московском Заиконоспасском монастыре, на Никольской улице) и на месте Троицкой Лаврской семинарии, в которой учился и учительствовал сам святитель

Филарет, с 1800 по 1808 год. С тех пор лишь не более 12-ти лет прошло, как святитель Филарет уже в качестве архипастыря Московского, принял новую Академию под свое главное начальство и смотрение, хотя, и в эти 12 лет, то в качестве ректора Санкт-Петербургской духовной Академии (1812–1819) и окончательного редактора устава для всех академий,²⁰³⁸ а то в качестве ревизора, между прочим, и Московской духовной Академии (в 1815, 1818 и 1820 годах), имел к сей последней то или иное отношение, почему на юбилее Академии в 1864 году прямо говорилось святителю Филарету «Почти целые пятьдесят лет Академия наслаждается счастьем подчинения твоему управлению».²⁰³⁹

И подлинно, для Академии это было счастье, быть под высшим руководством и наблюдением столь гениального и великого во всех отношениях лица, каким был святитель Филарет. Руководство и наблюдение его касалось, можно сказать, всех сторон жизни академической, и зоркость его в отношении к Академии была по истине изумительна. Нужно было только удивляться, когда у него на все это доставало времени среди множества других, чаще всего более важных, архипастырских забот и трудов. Кроме ежегодного почти посещения Академии личного по случаю открытых испытаний, участия в заседаниях конференции и т.п., святитель Филарет ни одного почти дела бумажного, касающегося Академии, не оставлял своим внимательным рассмотрением и замечаниями, ни одного предприятия в Академии не опускал своим участием и обсуждением. Из чтения дел архива академического правления и конференции, со множеством на них часто очень пространных резолюций митрополита Филарета, невольно выносятся «чувство изумления пред громадною, многостороннею учебно-правительственною деятельностью» святителя».²⁰⁴⁰

Правда, иных тяготило это зоркое наблюдение и по временам строгое руководство святителя; но оно тяготило только тех, которые или недостаточно понимали значение этого руководства и наблюдения или имели за собою какие-либо недостатки, не соответствовавшие высоким требованиям

идеала академической жизни и деятельности. Академия – высшее духовно-просветительное заведение, одно из немногих в отечестве: в этом – глубокий смысл сего идеала, весьма понятный руководителю Академии, «родоначальнику всех прочих духовных академий в России»,²⁰⁴¹ святителю Филарету и посвященным в понимание того же идеала из других лиц, принадлежащих ли к составу Академии или не принадлежащих. Поэтому-то, зная немощи человеческие, святитель и писал лицам состава Академии при начале одного из важнейших дел последней, – издания «Творений святых отцов в русском переводе» с «Прибавлениями» духовного содержания в 1842 году: «благоволят сотрудники дела внимательно и благодушно выслушать, что скажется, и, если иное не пожеланию, не охлаждаться к делу, а укрепляться и изоощрять внимание к побеждению затруднений, да будет дело полезное и достойное Академии».²⁰⁴²

А что сказано об этом деле, тоже, в известной степени и мере, можно и должно было бы сказать и о всяком деле, вытекавшем из требований помянутого идеала. Зато, наоборот, люди понимавшие, вместе с святителем, смысл этого идеала, высоко ценили участие его в жизни и деятельности Академии и благоговели пред ним, стараясь не проронить ни одного слова из его многочисленных, всегда глубокомысленных, исполненных мудрости и многолетней опытности, речей, бесед и замечаний. Таковы были в Бозе почившие профессора Академии: Ф. А. Голубинский, А. В. Горский,²⁰⁴³ С. К. Смирнов²⁰⁴⁴ и другие. И такое отечески попечительное участие святителя Филарета к его любимому детищу – Академии не осталось бесплодным. Филаретовское время жизни и деятельности Академии было, можно смело сказать, самым блестящим периодом её истории во всех отношениях: и в отношении к научному росту её во всех отраслях ведения в пределах круга преподаваемых в ней наук и в отношении к развитию духа церковности, благочестия, и в других отношениях. К голосу ученых мужей Московской духовной Академии стали прислушиваться за это время не только в России, но и в западной Европе.²⁰⁴⁵ Московская Духовная Академия выпустила за то же время из своих стен

многочисленный сонм пастырей²⁰⁴⁶ и архипастырей,²⁰⁴⁷ при том в числе их множество таких, имена которых с глубоким уважением произносились были в России; а некоторые питомцы Академии, перешедшие из духовного ведомства в светское получили большую известность в своем кругу деятельности.²⁰⁴⁸

И не напрасно сказаны были, устами самого монарха Всероссийской Империи, в конце 1862 года следующие, знаменательные и весьма утешительные для Академии, представителям её слова: «Надеюсь, что новая генерация воспитанников будет следовать по пути прежних».²⁰⁴⁹ Эти, сказанные в конце 50-летнего поприща, пройденного Академией, достопамятные слова, ясно свидетельствовали, что стоило упомянуть словом и делом истекавший предел этого поприща. И не смотря на не сочувствие святителя Филарета всякого рода юбилеям вообще²⁰⁵⁰ и, он сам также не мог не склониться на мысль о праздновании его; мало того, в ознаменование этого юбилея и в поощрение ученой деятельности Академии, он сделал по этому случаю значительные пожертвования в пользу Академии.²⁰⁵¹

Самое празднование 50-летнего юбилея Академии приурочено было к 1 октября 1864 года, – ко дню открытия её в 1814 году. Торжество празднования, высочайше разрешенного, почтили своим присутствием и участием, кроме высокопоставленных светских особ,²⁰⁵² представителей и депутатов от различных ученых и учебных обществ и учреждений, многих лиц из состава Московского духовенства и питомцев Академии,²⁰⁵³ архипастыри, сам маститый первосвященник церкви Московской, митрополит Филарет, член Святейшего Синода архиепископ бывший Ярославский Евгений (Казанцев),²⁰⁵⁴ бывший некогда ректором Академии (1836–1841), архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский),²⁰⁵⁵ бывший бакалавром Академии (1848–1849); епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков)²⁰⁵⁶ и бывший в 1861–1862 годах ректором Академии епископ Можайский (ныне архиепископ Тверской), Савва (Тихомиров).

После Божественной литургии в Лаврском Троицком соборе,²⁰⁵⁷ совершенной сими архипастырями (за исключением

преосвященного Евгения, слепца) в сослужении с наместником Лавры архимандритом Антонием и ректором Академии протоиереем А. В. Горским,²⁰⁵⁸ и молебствия, на котором к великой и сугубой ектеньям присоединены были особые, на этот случай составленные, прошения,²⁰⁵⁹ и после которого возглашены были – многолетие государю императору и царствующему Дому, Святейшему Синоду и члену его митрополиту Филарету, всем бывшим и настоящим начальникам, наставникам и воспитанникам Академии, и вечная память почившим императорам Александру I и Николаю I, митрополитам, архиепископам, имевшим то или другое отношение к Академии и всем бывшим начальникам, наставникам и воспитанникам её, в актовой зале Академии состоялось торжественное собрание.

На этом собрании, открытом молитвою, прежде всего прочитана была профессором С. К. Смирновым «историческая записка о Московской духовной академии», закончившаяся обращением к председательствовавшему в собрании митрополиту Филарету с просьбою о призвании благословения Божия на начало нового пятидесятилетия Академии.²⁰⁶⁰ На это обращение святитель Филарет ответил следующей, по обычаю, замечательною по глубине мысли и силе чувства, речью: «Если вы, любители божественной, духовной, церковной мудрости, конечно не без благословения свыше, достигнув предела не краткого поприща времени, взыскуете благословения на дальнейшее поприще вашей деятельности, то преклоните ваши умы и сердца пред владычествующим здесь обетованным благословением пресвятые Владычицы нашей Богородицы и, при её покровительстве, пред благословением преподобного отца нашего Сергия.²⁰⁶¹ Святой апостол, под покровом примера, показал нам закон действительно простираемых благословений и преподаваемых духовных помощей, когда сказал о Христе Спасителе нашем: *в немже пострада, Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр.2:18). Как сам Он претерпел, быв искушаем, то может и искушаемым помочь. И без собственного искушения, или испытания, Христос Бог не всемогущ ли, чтобы мог помогать искушаемым, или

испытываемым? Не всепремудр ли, чтобы изобретать верные и неистощимые средства для сей помощи? Не всеблаг ли Он, и не безмерно ли сильнее в Нем желание подать помощь искушаемым, нежели в них желание принять ее?

Почему же истолкователь тайн Его поставляет помощь Его искушаемым как бы в некую зависимость от Его собственного искушения? Потому, что заслугою собственного искушения, понесенного ради блага человек, Он приобрел особенное право подавать искушаемым помощь даже при не достоинстве их; потому, что подвигами собственного искушения Он, так сказать, вошел в область искушений, в ближайшее общение с труждающимися в ней, и тем беспрепятственнее может простирать на них благотворное и спасительное влияние. Христос есть образ для христиан, и по преимуществу для освящаемых и святых. Итак, вот закон для них: кто на пути духовной жизни с крепкою и чистою верою перенес искушение, неослабно выдержал духовное испытание, совершил подвиг; тот, конечно, получил для сего благодатную помощь и силу, по слову Господню: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин.12:5), и в награду за верность в подвиге, по щедротам Божиим, данная ему помощь и сила в нем утверждается, как благодатный дар, которым он может, явно или сокровенно, простирать благотворное влияние, благословение, помощь на проходящих искушение, испытание, подвиг, и на требующих помощи.

Соответственно сему закону, преподобный отец наш Сергей искусился и совершился в добродетелях общехристианских, и имеет дар собирать окрест себя тысячи и мириады христиан всякого чина, звания и состояния, привлекая их не иным чем, как тем, что они на себе испытывают его благодатную помощь, в своих искушениях, испытаниях, подвигах жизни в мире и жизни духовной. Искусился и совершился особенно в подвигах жизни монашеской: и приял дар быть отцом и праотцом духовного рода их, хотя, может быть, в сие время уже не так крепкого, как были ближайшие чада его, впрочем, и ныне являемыми знаменательными и живыми опытами дознающего благодатное здесь своего родоначальника присутствие, действие,

руководство, помощь, охранение. Скажем ли вам, привитающие здесь, любители Божественной, духовной, церковной мудрости, что преподобный Сергей и для вас имеет дар Божий, и на вас простирает сокровенно действенное благословение? Не обинуясь должны мы сие сказать. Вспомните, как первоначально пришел он сюда, стал на сем маковке, или темени горы, в темном лесу, и, возведши ум и сердце на небо, сказал: Пресвятая Троице! Да будет на сем месте храм во имя Твое, в Твою ежедневную, и вековую и вечную славу!

Не видим ли, какое пребывающее, какое обширное исполнение даровано сей мысли праведника; как действительно прославляется здесь имя Пресвятые Троицы народом, царями, веками? Не если это знамение особенного благословения Божия? А в сем благословении не явно ли знамение того, что оно приобретено не простою мыслью, но крепким подвигом веры, высоким богомудрием, светлым созерцанием. И если надобно указать на видимое знамение того, что искусный в богомудрии Сергей простирает благословение на ищущих здесь богомудрия – указываем на то, что и прежде вашего пятидесятилетия, здесь, под его покровом, возглись светильники, стоявшие потом на высоких свещниках церкви, например, Платон, Амвросий, Августин;²⁰⁶² и ваше пятидесятилетие принесло церкви двадцать шесть епископов, жатва, какая едва ли найдется где-либо на подобном не широком поле.²⁰⁶³

Итак, повторяю, преклоним наши умы и сердца пред обетованным здесь благословением пресвятые Владычицы нашей Богородицы и преподобного отца нашего Сергея. Принесем пред ним наше смиренное желание благословения: и да примут, и да вознесут о нас недостойных свои молитвы к верховному Источнику благословений, да и на грядущее время подается нам новое благословение и благодатная помощь, не по нашей немощной вере, но по благопотребности для сложения вере и церкви, особенно тогда, как духовные подвиги оскудевают, искушения умножаются, духовные испытания слабо выдерживаются, добродетель погрязает в страстях и суете мирской, среди христианства мудрость объюродевает язычески,

враги воинствующей церкви беспрепятственно изощряют против неё и старые и ново изобретаемые оружия. Братия! – заключает свою речь святитель-вития, нам предлежит не почивать на победах мучеников и на подвигах древних отцов, но подвизаться с напряженною ревностью в охранении веры и православной церкви с готовностью к самопожертвованию за истину Христову, если действительно желаем умудриться во спасение себе и другим. Благословен Христос, сый Бог, и Божия ипостасная Премудрость! Буди и пребуди Его просвещающее благословение на ищущих просвещения премудростью Его!»²⁰⁶⁴

Так в своей речи святитель Филарет связует невольно и естественно судьбы Троицкой Лаврской семинарии, о которой, как мы видели, упоминал мимоходом в скитской проповеди 1860 года, с судьбами Московской духовной Академии. приютившейся под тою же сенью Лавры преподобного Сергия, выразив тем самым ту же мысль, какую еще в 1859 году выразил в речи архимандриту Леониду (Краснопевкову) при наречении его во епископа Дмитровского, говоря: «Без сомнения, ты будешь благодарными воспоминаниями особенно чтить преподобного Сергия, под сенью которого ты решительно с пути мирского переступил на путь церковный, и обрел духовное руководство. Скажу к слову: великий отец наш Сергий, как бы в некоторое вознаграждение православной Церкви за то, что не отдал ей в епископство самого себя, в обилии возвращает под сенью своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству».²⁰⁶⁵

Не будем входить в подробности дальнейшего описания празднования пятидесятилетия Московской духовной Академии.²⁰⁶⁶ Скажем только, что и другие слова и речи, и приветствия, произнесенные на этом праздновании, и вся обстановка последнего, сколько свидетельствовали о том, что Академия не вотще потрудились на поприще духовного просвещения, Божественной, духовной, церковной мудрости в истекшее пятидесятилетие, столько же в тогдашнем составе её указывали твердую опору будущему благосостоянию Академии, как высшего рассадника духовной науки и духовного

просвещения на пользу Церкви и государства. И последующая история Московской духовной Академии свидетельствует, что благословение Божие, благословение преподобного Сергия и благословение святителя Филарета не оставляло её доселе. Остается пожелать, чтобы и на дальнейшее течение её исторической жизни она не лишена была сего благословения: «буди и пребуди» сие «просвещающее благословение на ищущих просвещение премудростью» Христовою!

Рассаdники духовного просвещения, попятно, нужны в Церкви для просвещения, образования преимущественно лиц, готовящихся быть учителями народа, пастырями церкви, следовательно, для духовного просвещения паствы. Поэтому, естественно, от речи о духовенстве и духовном просвещении в Московской епархии, мы переходим к речи о пастве сей епархии.

Мы помним, какими чертами вообще изображает святитель Московский Филарет состояние своей паствы в своем отчете по епархии за 1863 год и в своей юбилейной речи 1867 года. Из этих черт для более подробного изложения в настоящем отделе нашего исследования мы возьмем, по-прежнему, только те, на которых останавливают наше внимание проповеди святителя, а именно: усердие к богослужению и готовность к благоустроению и украшению храмов Божиих, черты, которые святитель отмечал особенно при посещениях епархии и освящениях храмов. В этом отношении первую по времени из освященных им за рассматриваемое время церковью является домовая церковь княгини Голицыной в Москве, освящение коей совершилось 30 ноября 1856 года. В сказанной по освящении сей церкви беседе святитель-вития, без всякого указания на исторические обстоятельства устройства домовой церкви, им освященной, развивает мысль о высоком значении любви к храму Божию по примеру пророка и царя Давида (Пс.10:3, 41:3–4, 64:5, 83:2–3:11) и об опасности небрежения к храмовому богослужению, но с другой стороны примерами же Давида и Озы доказывает и то, как достойно храма Божия должно держать себе тому, кто имеет так близко от себя, в своем доме, храм Божий.²⁰⁶⁷

Столько же обще назидательный характер, без прямых указаний исторических на устройство храма, имеет и «беседа на обновление храма на месте погребения усопших», первоначально произнесенная 8 сентября 1857 года, при посещении епархии, в городе Богородске, по случаю обновления кладбищенского храма во имя Тихвинской иконы Божией Матери, а затем вторично сказанная 15 сентября того же года в Московском Данииловом монастыре по случаю обновления храма вселенских соборов и рассуждающая о важности храмов и молитвы на месте покоя усопших для живых и усопших. А посему «благословенны да будут, заключает эту свою беседу святитель, усердие, щедрость, попечение, труд, явленные в благоустроении и благоуукрашении святого храма сего, которыми принесена жертва Богу, и оказано благодеяние живым и усопшим. Бог утешения и щедрот да возмерит оные Своими дарами, благоприятными жизни временной и вечной. Аминь».²⁰⁶⁸

Более исторических указаний заключает в себе беседа, произнесенная 29 мая 1860 года по освящении храма Успения Божией Матери в селе Горбунове, Дмитровского уезда, близ Хотькова монастыря. Еще в 1848 году в этом селе сам владыка Филарет освятил новую деревянную церковь во имя святителя Алексия митрополита, построенную при здешней фарфоровой фабрике купца (удостоенного дворянства) Алексея Гавриловича Попова, на средства сего последнего.²⁰⁶⁹ Затем А. Г. Попов вздумал построить более прочную, каменную церковь и вошедши в соглашение с Сергиевою Лаврою,²⁰⁷⁰ для которой он сделал значительное пожертвование при построении новой Лаврской гостиницы,²⁰⁷¹ окончив построение сей церкви в 1860 году. По этому-то свою беседу на освящение сей последней Церкви святитель Филарет и начал прямо следующими словами: «В другой раз прихожу на сие место, и, как за двенадцать лет пред сим, так и ныне, вспоминая прошедшее, утешаюсь настоящим. Прежде сих двенадцати лет здесь не было храма Божия. Любящие дом Божий, конечно, иногда не без затруднения могли пользоваться храмом не довольно близким и, может быть, не для всех приходящих вместительным, или не

без скорби принуждены были оставаться дома, когда сердце влекло их в дом Божий, а препятствия не допускали. Люди же менее усердные ко храму Божию в сих препятствиях могли находить некоторый вид оправдания для своего уклонения от него, и подвергались опасности еще большего к нему охлаждения. Бог обрел человека, расположенного к принесению добровольной жертвы, который воззрел на сие оком благочестивой и человеколюбивой заботы.²⁰⁷²

По праву пользуясь трудом здешнего населения, он не ограничился тем, что дает трудящимся справедливое вещественное воздаяние и средства для жизни временной, но возжелал оказать им духовное благодеяние – доставить им ближайшее удобство пользоваться храмом Божиим и его благодатными средствами для жизни временной и вечной. Желание было так сильно, что не терпело замедления, и потому, чтобы сократить время созидания храма, храмоздатель создал его не из камня, а из дерева. Освящение сего храма, за двенадцать лет пред сим, вы, братия святого храма сего, праздновали, без сомнения, с полным утешением и радостью, равно и я. Но потом оказалось, что храмоздатель не вполне был удовлетворен. Дерево не долговечно, думал он, особенно незрелое дерево нынешнего времени; и когда деревянный храм обветшает, кто знает, явится ли тогда ревность и найдутся ли средства воссоздать его?²⁰⁷³

Итак, не лучше ли, то благо, которое, при покровительстве Провидения Божия, доставлено живущему здесь роду, ныне же обеспечить и для будущего и дальнейшего рода? И вот, деревянный храм, еще далекий от ветхости, уступает место новому каменному, и мы, братия святого храма сего, можем ныне радоваться не только за вас, но и за ваших детей и потомков.

Будьте же благодарны, во-первых, верховному благодетелю Богу, потому что все благое и душеполезное совершается не иначе, как благословением и помощью Божией, по Боге же будьте благодарны и земному благодетелю, создавшему сей храм. Не говорю: приветствуйте его благодарными словами; это сделается и без меня, но несколько знаков уважения и

несколько минут ласковой речи не были бы воздаянием за благодеяние вековое. Есть за духовное благодеяние соответственное духовное средство благодарить, именно, молитва. Не забывайте, и детей ваших научите не забывать, чтобы, когда услышите в сем храме от священнослужителя призывание к молитве о создателях святого храма сего, ваше сердце произносило имя раба Божия Алексия и присных его,²⁰⁷⁴ и призывало благодать Божию доставившему вам удобство причащаться благодати святого храма».²⁰⁷⁵

И далее святитель дает наставление слушателям, как им пользоваться ново созданным храмом Божиим.²⁰⁷⁶ Самого же храмоздателя при этом торжестве Московский архипастырь благословит иконою.²⁰⁷⁷ Не долго после того прожил храмоздатель. Исполнив священный долг устройства храма и утешившись духовно участием в его богослужении, А. Г. Попов в том же 1860 году 3 октября мирно почил в мастиной старости и погребен 6 октября при устроенном им храме.²⁰⁷⁸

Подобный Горбуновскому случай храмоздательства и освящения представился святителю Филарету вскоре после того на Родине его, в Коломне. Здесь вторым, после соборного Успенского, соборным храмом издавна был Тихвинский. Он первоначально построен был еще во времена великого князя Димитрия Иоанновича Донского, подобно Успенскому собору, а в то время, как сей последний был возобновлен, Тихвинский соборный храм перестроен за ново Коломенским архиепископом Никитою около 1682 года. В конце XVIII века, однако, Тихвинский собор опять потребовал возобновления, и это возобновление с подобающим благолепием совершил на свои средства известный в то время богач Коломенский, купец Иван Демидович Мещанинов.²⁰⁷⁹ В половине текущего столетия Тихвинский соборный храм еще более украшен, обновлен и расширен был усердием других храмоздателей (купцов Тупицыных). В этом последнем своем виде храм был готов к освящению в 1861 году, и храмоздатели усердно просили владыку Филарета, чтобы он сам совершил освящение сего храма. «Двое храмоздательствовавшие, писал владыка от 2 сентября означенного года наместнику Сергиевой Лавры

архимандриту Антонию, зовут меня в Коломну на освящение соборной и монастырской церквей, и мне желалось бы к могиле родителя. Но случившийся сего дня припадок боли в животе, после спокойной ночи, который продолжался часа полтора, поставляет меня в опасение. И не вем, что изволю. Помолитесь о мне преподобному отцу нашему Сергию.²⁰⁸⁰

Очевидно, и до последнего времени колебался владыка по вопросу, ехать, или не ехать почти за сто верст от Москвы, в Коломну, ибо и проповедь на освящение храма уже составил; но в конце концов немощь решил вопрос в отрицательном смысле. «От Коломны отказался, писал он тому же лицу от 18 сентября, и не раскаиваюсь, не чувствуя себя в силах»,²⁰⁸¹ тем более, что ему вскоре предстоял путь в Лавру на праздник преподобного Сергия 25 сентября. На освящение же храма в Коломну владыка отправил своего викария, епископа Леонида, поручив ему произнести и составленную уже проповедь на это освящение, которое состоялось 17 сентября. Проповедь эта (беседа) была как бы заочною беседою святителя-витии с храмоздателями и обитателями его родного города, имевшими присутствовать на освящении храма.²⁰⁸² Узнав лично от храмоздателей, в бытность их в Москве,²⁰⁸³ историю храма за последнее время,²⁰⁸⁴ святитель-вития захотел из этой истории некоторым образом и вывести назидание слушателям проповеди. Поэтому проповедь свою он начинает так: «Окончившим путь приятно отдыхать, но приятно и оглянуться на начало и продолжение пути и на перенесенные трудности».²⁰⁸⁵ Так, среди приятных часов обновления сего храма, не неприятно будет вспомнить его прежнее существование и путь воссоздания его. В прошедшем столетии, усердием гражданина сего града, раба Божия Иоанна,²⁰⁸⁶ создан здесь храм; и много лет им довольствовались, но потом начали находить его не довольно пространным. Радостна жалоба, что храм тесен, она показывает, что он имеет довольно молящихся. И едва ли не больше радостна жалоба, что храм становится тесным, это показывает, что число молящихся умножается. Господи, умножи и благослови любящих дом Твой земной, и чрез него води их в Твой дом небесный!

Приснопамятный раб Божий Филипп,²⁰⁸⁷ ктитор сего храма по должности. возымел усердие сделаться действительным храмоздателем, чрез распространение сего храма. Но у других благорасположенных граждан²⁰⁸⁸ возникла другая мысль: создать отдельный, совершенно новый храм. Произошла борьба мнений, и предприятие подверглось колебаниям и остановкам. Мнение раба Божия Филиппа превозмогло, но ему не суждено было совершить предприятие. Провидение Божие хранило его до тех пор, пока дело решительно утвердилось в его руках, и вскоре Господь, приняв его твердое намерение, как самое дело, призвал его в будущий век. Что будет с его приятием? – думали, вероятно, видевшие кончину его. Но Господь устроил так, что наследовавшие временное его достояние,²⁰⁸⁹ наследовали и его благочестивое усердие, и предприятие совершилось. Исполнилось даже то, что показалось бы невероятным прежде исполнения. В созидании сего храма исполнились некоторым образом оба мнения, прежде взаимно противоборствовавшие. Предпринято распространение храма, но вы не видите ничего старого, а видите совершенно новый, пространный, величественный, благолепный храм. Да радуется душа, начавшая богоугодный подвиг, и душа, благословенно совершившая оный. Утешимся все. И наипаче прославим Бога, Который дарует благие намерения, и благословляет исполнение их».²⁰⁹⁰

И далее, на основании текста: *Се ныне благословите Господа вси рабы Господни, стоящие во храме Господни, во дворех дому Бога нашего (Пс.133:1)*, святитель-вития дает слушателям проповеди наставление о том, в чем именно должно состоять это прославление, славословие Господа, призывая на них и на всех, «творящих дела благочестия и человеколюбия, на отцов семейств и на семейства, и на всякую душу, ищущую благодатной помощи Божией», Божие благословение.²⁰⁹¹

Так всегда утешало святителя Филарета устройство или обновление и благоуукрашение храмов Божиих, вообще благочестие паствы, выражавшееся как бы в этом, так и в других видах. И это в сущности от того, что в самом святителе,

прежде всего и более всего, выражался тот идеал, который сам он ставил для паствы Церкви Московской, когда в известной нам юбилейной речи своей высказывал молитвенное благожелание, да не оскудевает в сей церкви «сын веры, живущий по вере, творящий дела веры, свободный от обаяний мира, от порабощения духа времени».

Сам святитель Московский был по истине тем живым храмом Святого Духа, которого воплощения он так пламенно желал видеть в своей пастве, как о том поучал в своих проповедях (преимущественно при освящении храмов сказанных). А между тем и в то же время он, как истинный святитель, был среди своей паствы и первый *«пастырь, полагающий душу свою за овцы»* (Ин.10:11), первый *«иерей, которого устне сохраняют разум (Мал.2:7) спасения»*; он же сам был и вполне «муж знания и наставник, держащий и преподающий здоровое учение выше мысленных начал науки, поставляющий жизненное *начало премудрости страх Господень* (Притч.1:7), и наконец, он же был во истину «подвижник, ходящий узким и вместе возвышенным путем духа».

Вообще сам святитель представлял в себе дивное сочетание всех тех возвышенных черт идеала истинного сына Церкви и отечества, подвижника иноческой жизни и мужа науки, глубокого ума, архипастыря Церкви и человека государственного, которые он раскрывал по разным случаям в своих проповедях и которые желал видеть осуществляемыми в своих слушателях. Не напрасно же в самом деле его и народ чтит за святого и правительство, не только духовное, но и светское, усиленно привлекало к участию в делах общецерковных и общегосударственных; не напрасно и простые, не ученые, но богопросвещенные умом подвижники и верующие видели в нем истинную и крепкую для себя опору, и ученые, на перерыв друг перед другом, стремились привлечь его в члены разных ученых обществ и учреждений; не напрасно не только обыкновенные люди, не только пастыри, но и архипастыри, не только всероссийской, но и восточной

иерархии, считали за честь для себя поучиться у него, воспользоваться его советом, быть подражателями его.

И такое широкое, многообъемлющее (если не всеобъемлющее) значение святителя Филарета особенно ярко раскрылось в только что рассмотренное нами царствование. Мы помним, что и важнейшие общецерковные вопросы Российской и вселенской церкви восточной не решаемы были без совета мудрого архипастыря московского, и такой знаменательный акт государственный, как манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, не миновал рук сего архипастыря. И высокопоставленные, даже Высочайшие особы удостаивали святителя Филарета своим вниманием, нарочито даже иногда искали обратить на себя его внимание, воспользоваться его мудрым советом, и в тоже время, на оборот, глубоким вниманием святителя Филарета пользовались такие, по-видимому, вовсе не замечательные или, пожалуй, и замечательные, но в своем роде, и уже далеко не высокопоставленные лица, как юродивые Филиппушка, Иван Яковлевич Корейша, и т.д.²⁰⁹²

Это показывало, что глубокий, мудрый, богопросвещенный и по истине государственный ум в святителе Филарете гармонически соединялся с детски-простою, искреннею верою сердца, прозревавшею духом истину Божественную и там, где обыкновенные люди часто видели только обман, ложь, притворство, нечто, достойное осмеяния.²⁰⁹³ В тоже время святитель обладал сильною, непоколебимою волею, нравственным характером цельным, твердым и непреклонным, вполне выработанным и установившимся; что, при его уме, силе убеждения, глубоком знании дела едва не во всех областях ведения, при его многоопытности являло в нем по истине столп православия, на который спокойно могла опираться и православная Церковь и православное государство. Если же присоединить к сему то, что у святителя Филарета при этом всегда, с одной стороны, для всякой мысли находилось соответствующее наилучшим образом ей слово, а с другой, слову отвечало дело и на оборот, то мы должны будем признать, что в лице его Господь даровал Церкви Московской,

Церкви Российской и Российскому государству, наконец Церкви вселенской такого архипастыря, которые родятся только веками и которых не напрасно называют светилами в мире духовном и в роде человеческом.

И нельзя не сказать, что такой архипастырь особенно благопотребен был для времени того царствования, которое мы только что рассмотрели. Свою речь о царствовании государя императора Николая Павловича, в виду изречения святителя Филарета по поводу неожиданной кончины сего государя императора: «Гласом силы возгреме Господь над Россией. Но мы, как спутники Павла, к Дамаску, поражены слышанием гласа, и не разумеем, что он глаголет», заключили мы словами: «Обратим взоры на следующее царствование, дабы уразуметь, что он глаголет, и много ли лучшего принесло с собою новое царствование».²⁰⁹⁴ Теперь пред нашим взором раскрыто это новое царствование, с его внешнею и внутреннею политикою, с его государственною и церковною жизнью, с его значением для личной и общественной жизни и деятельности святителя Московского Филарета, с его добрыми и недобрыми сторонами и с его другими качествами и особенностями, не укрывшимися, как мы видели, от умственного взора сего святителя в его проповеднической деятельности, так как он, будучи истинным сыном Церкви и отечества, сам жил жизнью той и другого, при том не бессознательно, как большинство россиян, а вполне сознательно, мало того, поучительно для других.

Мы помним, что первым и ближайшим основанием к недоразумению относительно того, «что глаголет глас силы», прогремевший над Россией в кончине государя императора Николая, даже для такого проницательного человека, каким был святитель Филарет, была продолжавшаяся еще в то время и становившаяся все более и более ожесточенною Крымская война, конца которой и особенно последствий было тогда не видно и нельзя еще было предвидеть.²⁰⁹⁵ И, хотя, новый государь император Александр Николаевич, к утешению всех истинных сынов отечества, в самые же первые по вступлении своем на престол часы явивший себя «Царем в полной силе и мудрости»,²⁰⁹⁶ решился продолжать эту войну, однако, не

напрасно и другими, и нами в настоящем нашем исследовании, не раз отмечаемо было, что насколько в императоре Николае и в направлении политики его царствования преобладающею чертою была строгая *правда*, законность, *истина*, справедливость, на столько же в его августейшем сыне и преемнике преобладающею чертою являлась *милость*, любовь, склонность к ослаблению уз неумолимой законности, миролюбие, мира.

Поэтому, как нам известно, не прошло и года со времени вступления Его Величества, государя императора Александра Николаевича, на престол, как начались сперва попытки склонить воевавшие против России державы к миру, а за тем и переговоры о мире, заключенном в самом начале второго года его царствования. Крымская война, не смотря на унижительные несколько, по крайней мере, некоторые, условия мира, более добрых, нежели дурных последствий, более пользы, нежели ущерба принесла России. Достоинство последней, как великой державы среди других держав Европейских, не было ни сколько унижено, а благодаря последующим действиям русской миролюбивой, но внушительной и влиятельной политики даже возвысилось на столько, что голос русской дипломатии, например, на востоке, из-за дел которого возгорелась и самая Крымская война, ко времени последних лет жизни святителя Филарета, получил решительный перевес, и Россия мирным путем достигла большего, нежели силою оружия раньше того. Успех этой политики на востоке был так велик, что настало время для решения в общем восточном вопросе, частных вопросов не только о православии, но и о народности, с подъемом мысли и о народности всеславянской.²⁰⁹⁷

Такой же успех сопровождал внешнюю политику России и на Кавказе, и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии. Но не столько внешнею политикою прославило себя царствование Александра II, сколько внутреннею, реформами, особенно освобождением целых миллионов крестьян от крепостной зависимости, почему государь император Александр Николаевич и стяжал себе имя Царя-Освободителя. И святитель Филарет, зорко следивший за внешнею политикою

Российского государства, словом проповеди, с церковной кафедры то ободрявший россиян во время кровавой борьбы с врагами их в Крыму, то раскрывавший значение этой войны и последовавшего за нею мира, то бросавший острый, пронизывающий взгляд на дальнейшие события и действия в области внешней политики, с топкою, сжатою, во меткою и точною характеристикю их и их значения, то извлекавший для слушателей поучительные уроки и наставления из всех этих событий и действий, не усомнился дать надлежащую и наилучшую оценку с церковной кафедры и этому великому событию внутренней политики России. Мы помним, конечно, замечательную речь его к Царю-Освободителю по поводу этого события. сказанную в Успенском соборе.²⁰⁹⁸

Но чем дальше шли реформы нового царствования от этого своего, так сказать. центрального пункта, хотя, и в тесной связи с ним находясь, тем более обличали на себя приток влияний все худшего и худшего качества, подобно тому, как текущая из чистого источника вода, по мере удаления от него, хотя, и увеличивается в своем количестве от притока сторонних вод и даже часто образует реку, но это не значит, чтобы в дальнейшем своем течении вода сия сохраняла ту же чистоту, какая была в самом источнике. Мы знаем, к чему привело в конце концов неумеренное расширение границ свободы и самоуправления, положенных в основу крестьянской реформы, в дальнейшем своем применении к делу и жизни, с приведением к осуществлению других, связанных с нею реформ.

Мутные воды Запада, широким потоком хлынувшие при сем, благодаря свободному пропуску на Русь, сильно загрязнили воду чистого источника свободы, исходившего от благих намерений и любвеобильного сердца благочестивейшего и милостивейшего монарха, Царя-Освободителя и в исполнении своем часто приводили к нежеланным последствиям. И об этом не мог не скорбеть такой истинный сын Церкви и Отечества, каким был святитель Московский. Как муж мудрый, ясно видя зло и прозорливо усматривая его вредные для будущности России последствия, он не мог относиться к нему равнодушно. Как архипастырь церкви Русской, он не мог скрывать своих

мыслей поэтому предмету, и высказывал их, как мы видели, при всяком удобном случае, при чем не мог умалчивать и о том, что в новое царствование, на ряду со многими утешительными сторонами, явилось много и неутешительного, нежеланного по сравнению с прежним царствованием. Такие заявления его нередко имели вид даже прямого протеста, как это было, например, с некоторыми делами по расколу, по применению начал самоуправления к жизни духовенства и т.д.

И так как его собственное, личное значение все более и более возвышалось в то же новое царствование, то тем важнее было его участие в жизни России и его отношение к ней. Его сильное слово, его могучий голос могли быть и были слышны и с глубоким вниманием выслушиваемы всюду и всеми. И чем более немощным становилось его тело, чем слабее с годами возраста было его здоровье, тем, на оборот, сильнее и слышнее был его голос, его слово повсюду.

Вот чем объясняется та великая скорбь, которая распространилась не только по всей Московской церкви, но и по всей России, при первой вести о кончине святителя Московского Филарета. Но и этого мало. «Кончина святителя Московского, читаем в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1867 год, глубоко прочувствованная в Москве и во всей России, возбудила столь же искреннюю скорбь и на православном Востоке, которого он был ревностным защитником. Восточные патриархи, священный Афинский Синод, церкви Румынская и Черногорская, в своих посланиях Святейшему Синоду, единодушно выразили глубокую скорбь об утрате святителя Московского», ибо церковь восточная считала его, по выражению святейшего патриарха Константинопольского, «сколько иерархом Московским, столько же столпом, светильником и учителем всего православия, и несокрушимым звеном единства православной веры».²⁰⁹⁹

Для Московской же епархии кончина святителя Филарета была решительно ударом громовым, «гласом силы», которым «возгремел Господь над» нею и которым вся епархия была так поражена, что не имела возможности и разуметь, «что он глаголет». Ибо с его кончиною была «отжита на век та

величавая, долгая современность, что обняла собою пространство полвека, что пребыла длинный ряд событий и поколений и как бы уже претворилась в неотъемлемое, историческое достояние Москвы, в её живую стихию, которой, казалось, ей не избыть и во веки». ²¹⁰⁰

Кончина святителя Филарета была безболезненная, мгновенная, последовавшая почти вслед за литургией, которую совершил сам святитель, и в тот именно день (19 ноября 1867 года), который он предвидел. ²¹⁰¹ Не будем описывать подробностей кончины и погребения Московского архипастыря, которые уже многократно описываемы были и в повременной печати и в отдельных изданиях. Скажем только то, что все обстоятельства, сопровождавшие кончину и погребение архипастыря Московского, ясно свидетельствовали, что это было великое событие в истории церкви Московской, как и всей церкви Русской. И стечение целого собора архипастырей ²¹⁰² и пастырей ко гробу архипастыря Московского, и присутствие при сем высших гражданских чинов ²¹⁰³) и даже одного из членов высочайшей фамилии, нарочито для сего прибывшего из Петербурга, великого князя Владимира Александровича, и неисчислимое множество членов осиротевшей паствы Московской, всюду сопровождавшей останки досточтимого святителя до погребения их в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре (28 ноября), и все другие обстоятельства громко говорили о том, что в Бозе почивший архипастырь имел великое значение и в церкви Московской и в церкви Русской и в русском государстве. Ибо это был –

*Владык Россия мудрый собеседник
Во благо и царей и им подвластных царств,
И во спасение всех, им пасомых, паств
Златословесный пастырь-проповедник.
Он словом Божиим святую Церковь пас
Без умиления внимал ли кто из нас
В святом Кремле на царственные встречи
Его приветственной царелюбивой речи?
И в дальних весях Божий храм бывал ли пуст?
Спешил туда Москвы боголюбивый житель,*

*Где словом поучал народ её святитель,
Благоглаголивый Московский Златоуст.
Душевной чистоты, духовного смиренья
Пасомым им собой являл он образец;
Он подвигом святым благотворенья
Украсил свой святительский венец.
Свет немерцаемый светильника науки
Полвека пастве он обильно проливал
И к просвещению с любовью простирал
На добрый путь благотворительные руки,
Добра и правды благодетель-друг.
Он их любил, храня их и питая...
Но для загробных дней здесь верх его заслуг
В духовном подвиге вся жизнь его святая.²¹⁰⁴*

А мы помним, что и не одна церковь Российская горячо отозвалась по поводу великой утраты, которую она потерпела в лице почившего святителя, которого вся жизнь была одним великим подвигом во славу Божию, но и церковь восточная православная. Между прочим, по случаю кончины его, великого как во всем, так и в слове проповеди, само собою разумеется, не могло уже молчать и слово проповеди, не его уже, конечно, слово, когда на веки сомкнулись уста, произносившие более шестидесятилетий это слово, а слово других проповедников, почти исключительно им же самим возвращенных и воспитанных для церковной кафедры. Целый сонм наилучших витий Московской церкви, в течение долгого времени, не переставал оглашать своды церквей Московской епархии, посвящая слово проповедническое памяти великого святителя, с разных сторон рассматривая и изображая личность и деятельность великого святителя, прославляя его высокие качества и великие подвиги, стремясь, по возможности, полнее исчерпать содержание неисчерпаемого источника духовной силы и жизни, дарованной в нем миру Богом, и во всем этом обильно черпая назидание современным и грядущим поколениям.²¹⁰⁵ «Угас светильник, читаем, например, в речи одного из этих витий, от которого свет истинного Боговедения и высокой доблести духовной распространялся до отдаленнейших пределов церкви восточной

и даже достиг иноверных, ищущих православия; умолкли уста, из которых каждое слово было правилом веры и законом для жизни и деятельного служения Богу и человечеству во всяком его виде. Но что же угасло? Угасло горевшее вещество, а самый свет, который озарил пред миром глубину истин веры и высоту жизни христианской, он не может угаснуть, от него остались немерцающие лучи, общее драгоценное достояние всех родов и времен. Сомкнулись уста, а слово, исшедшее из них, облетело весь мир христианский, сделалось символом православия, воплощением духовной мудрости, ключом для разрешения недоумений, печатью истины, неистощимым назиданием для паствы, неизменным руководством для пастырей». ²¹⁰⁶

«Отныне, слышим голос и не церковного витии, святитель Филарет становится неистощимым предметом изучения, которое не преминет внести новые силы в наше сознание, в наше просвещение. Прошедшая жизнь великого ума, следившего за всем, на все отзывавшегося и во всем принимавшего участие, снова вступит в действие для созерцающей мысли и разумения». ²¹⁰⁷ Доказательство сего. хотя, быть может, и не сильное, можно было видеть и во всем, пройденном нами доселе, пути исследования.

Примечания

¹ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1871 год, № 4, стр. 46 «Материалов для биографии Филарета».

² - Феофилакта (Русанова), как старейшего, нежели Филарет, по службе и бывшего уже в сане митрополита из экзархов Грузии, хотели перевести в одну из столиц. А что Филарета имели в виду для Грузии, об этом см. Письма его к Гавриилу (Городкову), архиепископу Рязанскому, стр. 9. Москва, 1868. Срав. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 106. Москва, 1868 г.

³ - Феофилакт же был успокоен наградой орденом Владимира 1 степени (см. Московские Ведомости за 1821 г. № 53). В сентябре того же года он и скончался.

⁴ - С 1819 и по 1867 год Филарет состоял членом Святейшего Синода.

⁵ - См. проповедь отца архимандрита Григория (Воинова) в Филаретовском Юбилейном Сборнике, т. II, стр. 20–23. Москва. 1883.

⁶ - Слово протоиерея А. О. Ключарева (ныне высокопреосвященнейшего Амвросия, Архиепископа Харьковского) в 40 день по кончине Филарета. См. в Православном Обозрении за 1868 год, т. I, стр. 42.

⁷ - Преосвященного Леонида, Архиепископа Ярославского, а при Филарете первого викария Московского. См. Чтения в обществе истории и древностей, за 1877 год, кн. I, стр. 53, отд. «Смесь».

⁸ - Не лишним считаем заметить, что сам Филарет далеко не всегда и во всем жаловал Аксакова за его образ мысли, и Аксаков знал это. Срав. Православное Обозрение за 1881 год, т. II, стр. 368.

⁹ - Газета «Москва» за 1867 г. № 184.

¹⁰ - Из речи протоиерея И. М. Богословского-Платонова при гробе Филарета. См. Очерк жизнеописания Филарета, стр. 82–83, изд. 3, Москва, 1875.

¹¹ - Например, мы имели под руками между прочим, благодаря внимательности известного ученого Е. В. Барсова, ему принадлежащий рукописный сборник проповедей Филарета. Сличая их с изданием 1873–1885 годов, мы нашли две из них не помещенными в сем издании. Не помещены в нем также речи, произнесенные Филаретом в Московском отделении Библейского Общества в 1822 и 1824 годах. Срав. также Письма Филарета к наместнику Лавры Антонию, ч. I, стр. 337. Москва, 1877.

¹² - Таковы даже более крупные исследования стр. П. Шевырева в Москвитянике за 1846 г., ч. I, стр. 181–224 и Ф. Левашева в Страннике за 1875 год, т. IV, стр. 17–38, 108–140, 197–232, не говоря уже о менее крупных исследованиях, мелких рецензиях и беглых заметках, появлявшихся, например, в Журнале министерства народного просвещения за 1835 год, т. VII, стр. 403–411; т. IX, стр. 624; в Современнике за 1845 год, т. XVIII, 1856 г., № 7; Финансовом Вестнике за 1845 год, т. VIII, отд. V, стр. 55; в Записках Академии Наук, т. XIII, кн. 1, стр. 97–102; в Домашней Беседе за 1868 год и других.

¹³ - См. журнал Вера и Разум за 1884 год, №№ 3 и 4 отд. церк.

¹⁴ - См. тот же журнал за 1884 и 1885 годы, отд. церк., т. I и II.

¹⁵ - См. тот же журнал за 1886 г., №№ 13 и 14.

¹⁶ - Чтения в Обществе истории и древностей Российских за 1874 год, кн. IV, стр. 162, отд. «Смесь». Воспоминания архимандрита Григория с рассказа его родителя. Любопытны и дальнейшие, здесь описываемые, обстоятельства пребывания Филарета в Коломне.

¹⁷ - Записки о жизни и времени Филарета, стр. 31. Москва, 1868.

¹⁸ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 102–103. Москва, 1874.

¹⁹ - Там же, стр. 103 и далее. Срав. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 31–32.

²⁰ - Письма Филарета к родным, стр. 250, 252. Москва, 1882.

²¹ - Сочинения Филарета, т. III, стр. 400–401. Москва, 1877. О посещении Филаретом Коломны и священно-служениях там в 1848 году см. Письма Филарета к наместнику Лавры Антонию, т. II, стр. 427. Москва, 1878.

²² - Сочинения Филарета, т. V, стр. 220; см. особ. стр. 224. Москва, 1885. Срав. Письма Филарета к нам. Антонию, ч. III, стр. 224. Москва, 1883. Срав. также «Беседу» Филарета, сказанную в Коломне в 1861 году преосвященным Леонидом в сочинениях Филарета, т. V, стр. 516 и далее.

²³ - Чтения в обществе истории и древностей, за 1877 г., кн. II, стр. 2. «Материалов отечественных».

²⁴ - См. «Письма Филарета к наместнику Лавры Афанасию» в Прибавление к творениям святых отцов за 1886 год, ч. 38, стр. 85 и далее.

²⁵ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 33. Срав. далее.

²⁶ - На Корбухе, по обеим сторонам пруда, были построены увеселительные дома, один при архимандрите Кирилле Флоринском, а другой при архимандрите Гедеоне. Императрица Елисавета Петровна и Екатерина II удостоивали посещения своего эти дома. См. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, стр. 194–195. Москва, 1873.

²⁷ - Разумеется отображение крестьян, которых принадлежащими Лавре за 1752 год числилось 92.450 душ. См. там же, стр. 192.

²⁸ - Сочинения Филарета, т. V, стр. 507–508. Москва, 1885.

²⁹ - Сочинения Филарета, т. IV, стр. 318. Москва, 1882. Срав. также т. V, стр. 563. Москва, 1885. Как в настоящем случае, так и в отношении к родине Филарета мы делали выдержки из позднейших проповедей Филарета для того, чтобы после уже не возвращаться к этим предметам.

³⁰ - См. Письма Филарета к наместнику Лавры Антонию, ч. IV, стр. 145. Москва, 1884.

³¹ - И. М. Снегирев, Жизнь Московского митрополита Платона, ч. I, стр. 62. Москва, 1856.

³² - См., например, Сочинения Филарета, т. II, стр. 1, и далее 42, и далее др.

³³ - Русская старина, 1883. 38, 565.

³⁴ - Там же, стр. 566. Последние слова ссылаются на следующие слова письма от 11 июля: «О предсказаниях вашего сиятельства состязаться с вами я не стану. Когда любовь хочет предсказывать: можно догадаться, что она предсказывать будет. Истина учит, что безопаснее верить любви, когда она обличает». Стр. 565.

³⁵ - Или скороспелку, как говорит сам Филарет. См. о нем Воспоминания М. М. Евреинова, стр. 1. Москва, 1873.

³⁶ - Никодим родился в 1803 году.

³⁷ - Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1877, II, стр. 1. «Материалов отечественных».

³⁸ - Эта деревня, Каменка, была невдалеке от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

³⁹ - Слова графа М. В. Толстого, изложенные в форме письма к М. М. Евреину, в дополнение к воспоминаниям последнего о Филарете. См. стр. 52 этих «Воспоминаний». Москва, 1873.

⁴⁰ - Н. В. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, Прилож. стр. 20–21. Срав. также Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 85.

⁴¹ - Там же стр. 21. См. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1868, IV, стр. 67–68 «Материалов для биографии Филарета».

⁴² - «Сказывают, – пишет Филарет от 19-го июля к графу П. Потемкину, – что высокопреосвященнейший митрополит только к началу августа прибудет в Петербург: следственно, я уже в августе должен отправиться». Русская старина, 1883, 38, стр. 566.

⁴³ - Там же, стр. 565. Срав. наше исследование «О подвигах Филарета по переводу библии на русский язык» в Филаретовский юбилейный сборник, т. II, стр. 251 и далее. Москва, 1883.

⁴⁴ - См. то же исследование наше и в том же издании стр. 254–256.

⁴⁵ - «Русская старина», 1883, 38, стр. 565. Архиерей – сам Филарет.

⁴⁶ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1868, IV, 68 ук. отд. Срав. Сушков, Записки, приложение, стр. 21.

⁴⁷ - См. Письма Филарета к родным, стр. 245. Москва, 1882.

⁴⁸ - «Русская старина», 1883, 38, стр. 566. Воспоминания Евреинова, стр. 4, причем только ошибка в числах; вернее у Сушков в его Записках о жизни и времени Филарета», стр. 42. Срав. также Московские Ведомости за 1821 г., № 66, в сведениях о приехавших в Москву особах от 11 по 15 августа.

⁴⁹ - Воспоминания Евреинова, стр. 4.

⁵⁰ - Разумеются события 1812 года.

⁵¹ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 1–2. Москва, 1874.

⁵² - Срав. вышеприведенные слова письма Филарета к графу Потемкину от 11 июля 1821 года.

⁵³ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 2.

⁵⁴ - Там же, стр. 8.

⁵⁵ - См. «Воспоминания Никодима» в Чтениях в Обществе истории и древностей Российских, 1877, II, стр. 1–2, «Материалов отечественных».

⁵⁶ - «Письма Филарета к родным», стр. 245. Срав. письма его же: а) к наместнику Лавры Афанасию в Прибавлениях к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 85–86 и далее, б) к графу Потемкину в «Русской старине», 1883, 38, стр. 566 и далее. Срав. также «Московские ведомости» за 1821 год, №№ 72, 75, 76 и др.

⁵⁷ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 1–41.

⁵⁸ - «Русская Старина», 1883, 38, стр. 567.

⁵⁹ - Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 86.

⁶⁰ - Дел архива Московского комитета для цензуры духовных книг за 1821 год № 18. Архив хранится в библиотеке

Московской духовной академии.

⁶¹ - См. там же.

⁶² - Там же.

⁶³ - Так, например, о проповедях на 8 ноября и на 25 декабря см. того же архива дел за 1822 год № 9.

⁶⁴ - Архимандриту Кириллу Богословскому-Платонову, который был учеником Филарета и в Троицкой лаврской семинарии (до самого 1808 г.) и в Санкт-Петербургской духовной академии (до 1814 года), а затем до 1817 года служил под его начальством здесь же в качестве бакалавра; с 1817 года был ректором Полтавской духовной семинарии, с 1819 г. ректором Московской духовной академии, с 1824 года викарием Московским, с 1827 года епископом Вятским, с 1832 г. архиепископом Каменец-Подольским, в каковом сане и скончался в 1841 г. на чреде служения в Петербурге. См. о нем С.К. Смирнов, *Историю Троице-Сергиевской лаврской семинарии*, стр. 52–527. Москва, 1867. Филарет весьма был расположен к Кириллу, отличавшемуся кротостью нрава.

⁶⁵ - «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1872 г., № 6, стр. 114–115, «Материалов для истории Русской Церкви».

⁶⁶ - Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 93.

⁶⁷ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 75.

⁶⁸ - Там же, стр. 82.

⁶⁹ - Подробности см. в Чтениях в Обществе истории и древностей Российских, 1874, IV, стр. 162–163, отд. «Смесь». Между прочим, для перевода на латинский язык он задал фразу: «В шуме народа не слышен глас истины», намекая чрез это на шум, который не дал ему докончить начатой проповеди в день прибытия в Коломну, о чем мы говорили раньше.

⁷⁰ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 111.

⁷¹ - В Лавре он был и на Троицын день, но не говорил проповеди. См. Прибавления к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 100.

⁷² - Сочинения Филарета, т. II, стр. 118. В это время было составлено Филаретом и читано под праздник 5 июля и «Житие преподобного Сергия».

⁷³ - Об этом житии, при самом заглавии его в настоящем издании, замечено, что оно «читано было в Лавре на Всенощном бдении июля 5 дня 1822 года». См. стр. 291.

⁷⁴ - Письма Филарета к родным, стр. 252.

⁷⁵ - См. письмо Филарета к княгине Вяземской от 25 дек. 1822 года в «Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения», 1868, IV, стр. 77, «Материалов для биографии Филарета» и «Душеполезном чтении», 1868, I, стр. 54.

⁷⁶ - См. «Собрание мнений и отзывов Филарета, издаваемое под редакцией преосвященного архиепископа Тверского Саввы», т. II, стр. 24. СПб., 1885. См. журнал «Вера и разум», 1886 г., т. II, отд. церк. стр. 37.

⁷⁷ - См. наши исследования о катехизисах Филарета в январской книжке «Русского вестника» за 1883 г. и т. II «Филаретовского юбилейного сборника», стр. 667 и далее. Москва, 1883.

⁷⁸ - См. письма Филарета к наместнику Афанасию в Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, 118.

⁷⁹ - См. Московские ведомости, 1821 г., № 79.

⁸⁰ - Рукописи Московской епархиальной библиотеки № Б. X 3/18 л. 25–26.

⁸¹ - См. там же, далее. В той же библиотеке хранятся в рукописном виде письма покойного преосвященного архиепископа Евгения Казанцева к московскому протоиерею И.А. Благовещенскому. В них о речи Афанасия сказано:» О способности сочинять и произносить вашего преосвященного Викария здесь (во Пскове) я давно заглушен. Но думал, что во Пскове и посредственное могло казаться необычайным. Но теперь выпишете, что московское духовенство признало его на Библейском собрании речь хорошою. Это уже значительно. Я знаю, что московское духовенство на похвалы проповедей не быстро. Видно достойной архипастыря». Письмо от 23 апреля 1823 года, когда Евгений был архиепископом Псковским.

⁸² - Эта речь находится и в том же собрании рукописей Московской епархиальной библиотеки и напечатана в Известиях библейского общества за 1824 г. стр. 203–210. СПб., 1824.

⁸³ - Не забудем, что речь говорена была на годичном заседании комитета, когда представляем был отчет за истекший год.

⁸⁴ - Указанные рукописи Московской епархиальной библиотеки, стр. 28–32. Мы нарочито привели столь значительный отрывок из этой знаменательной речи, так как она, сколько нам известно, доселе нигде не напечатана. Подробности об участии Филарета в делах Библейского общества, как и о сем последнем, см. в нашем исследовании» О подвигах Филарета в деле перевода Библии на русский язык» во II томе Филаретовского юбилейного сборника, стр. 220 и дальше, Москва, 1883.

⁸⁵ - См. послужной список Филарета, в приложении к «Запискам о жизни и времени» его, Сушков стр. 43; в «Очерке жизнеописания» его, стр. 36 (Москва, 1875) и в других материалах.

⁸⁶ - См. письма разных лиц к Парфению, изданные редакцией Православного Обозрения, стр. 21, Москва, 1873.

⁸⁷ - То есть Ярославский, где в то время был архиепископом Симеон.

⁸⁸ - Там же, стр. 23.

⁸⁹ - Собственноручные письма эти хранятся в числе рукописей московской епархиальной библиотеки.

⁹⁰ - Святитель Филарет в этом году прибыл из Петербурга пред самым праздником Успения. См. Московские ведомости, 1823 г. № 66 (от 18 августа).

⁹¹ - Пред отправлением своим в Петербург в июле 1822 года Филарет не говорил прощального слова своей пастве.

⁹² - Так, в сборнике М.М. Евреинова, с которого проповедь напечатана во II т. Сочинений Филарета, изд. 1874 г.; а в «Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения» 1868, V, 5 «Материалов для биографии Филарета» – частными.

⁹³ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 273–275.

⁹⁴ - Нельзя не жалеть о том, что эта замечательная проповедь в печати появилась только после смерти святителя и именно только в вышеуказанных двух изданиях.

⁹⁵ - Московские ведомости, за 1823 г., № 69 (от 29 августа).

⁹⁶ - Там же.

⁹⁷ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 125–126.

⁹⁸ - Московские ведомости, 1823 г., № 69 (от 29 августа).

Самое внесение акта о престолонаследии в Успенский собор последовало в полдень 29 августа накануне дня тезоименитства Государя. «Собран. мн. и отз. Филар.» III, 164. СПб., 1885.

⁹⁹ - Московские ведомости, 1823 г., № 70 (от 1 сент.).

¹⁰⁰ - Воспоминания М.М. Евреинова о Филарете, стр. 10.

¹⁰¹ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 126.

¹⁰² - Московские ведомости, 1823 г., № 70.

¹⁰³ - Воспоминания М. М. Евреинова, стр. 10.

¹⁰⁴ - Т.е. митрополита Серафима.

¹⁰⁵ - Писем разных лиц к Парфению в издании редакции «Православного Обозрения» стр. 26.

¹⁰⁶ - Именно 17 мая. См. «Известия Библейского Общества» за 1824 г. стр. 253. СПб., 1824.

¹⁰⁷ - После майской перемены министерства уже честный, но фанатический старик Шишков выступает на первый план. Аракчеев же, достигший главного, как бы только уже нехотя и по его настоятельному побуждению содействует ему.

¹⁰⁸ - Припомним, впрочем, к случаю раньше приведенные нами слова письма Филарета к родителю, писанного еще в 1812 году, и о Шишкове, что он Филарету «приятный знакомец». См. журнал «Вера и разум», 1884, т. II, отд. церк. стр. 153.

¹⁰⁹ - Сочинения Филарета, т. II, стр. 124 и примеч.

¹¹⁰ - Там же, стр. 143.

¹¹¹ - Там же, стр. 290–291.

¹¹² - стр. 291–292.

¹¹³ - стр. 147.

¹¹⁴ - стр. 307.

¹¹⁵ - К этим словам сам проповедник делает такое примечание: «с еврейского текста».

¹¹⁶ - Сочинения Филарета, II, 308–309.

¹¹⁷ - Известия Библейского Общества за 1824 год, стр. 205.

¹¹⁸ - Российское Библейское Общество начало открытые свои действия с 1813 г. См. наше упомянутое наследование в Филарет. Юбилейный Сборник т. II, стр. 220 и далее. Москва 1883.

¹¹⁹ - Известия о действиях и успехах Библейских Обществ в России и других государствах. 1824. Стр. 205–210. СПб. Типография Н. Греча, 1824. Мы нарочито сделали возможно более обширную выдержку из этой замечательной речи, ибо, во-первых, она служит наилучшим дополнением к раньше приведенной речи; сказанной в начале 1822 года, со стороны отношения Филарета и других лиц к делу, теперь рассматриваемому, а во-вторых издание, в котором она напечатана, в настоящее время представляет собою библиографическую редкость. Мы имели под руками экземпляр этого изделия, принадлежащий библиотеке Московской Духовной Академии.

¹²⁰ - См. об этом, как и вообще подробности этого прискорбного дела, в упомянутом исследовании нашем в Филаретовском Юбилейном Сборнике, т. II, 273, 271 и далее. Известия Библейского Общества до октября 1824 г. кое-как протянулись, а в октябре также прекращены были по настоянию Шишкова.

¹²¹ - См. тоже наше исследование в Филаретовском Юбилейном Сборнике, т. II, стр. 273.

¹²² - Там же, стр. 274.

¹²³ - Подробности см. там же стр. 274 и далее также стр. 702 и далее. Срав. также статью нашу в Русском Вестнике за 1883 г. № 1.

¹²⁴ - В других изданиях этого письма, вместо этого слова стоит: «принужден».

¹²⁵ - В некоторых изданиях добавлено «по имени».

- ¹²⁶ - В некоторых изданиях слово «дела» не поставлено.
- ¹²⁷ - Текст этого письма от 8 декабря можно читать в нашем исследовании о катехизисах Филарета во II томе Филаретовского Юбилейного Сборника, стр. 720 и далее.
- ¹²⁸ - По другим изданиям: «язвить», или «уловить».
- ¹²⁹ - Собрание мнений и отзывов Филарета, т. II, стр. 118–120. СПб. 1885. Соч. также Н. В. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, приложение, стр. 51–52. Москва, 1868. Русская Старина, 1885, XLVI, 587–588 и др.
- ¹³⁰ - Сочинения Филарета, II, 149.
- ¹³¹ - Для желающих ближе ознакомиться с нею скажем, что она помещена во всех изданиях слов и речей Филарета, вопреки оуждавшим ее в 1824 году.
- ¹³² - По Воспоминаниям М. М. Евреинова: «видит, и не подозревает, знает закон, и не судит».
- ¹³³ - Сочинения Филарета, II, 151–153. А выше Филарет и прямо говорит: «Иосифу долго не была возвещена сия тайна (т. е. тайна зачатия и воплощения Слова), и он не знал более того, что являло чрево «обретется имущи во чреве» стр. 151.
- ¹³⁴ - Именно в том самом, которое приведено было нами выше.
- ¹³⁵ - Записки о жизни и времени Филарета, стр. 145–146. Москва, 1868.
- ¹³⁶ - Письмо Филарета значителен писанным от 14 декабря. Разница не велика. Числовой даты в ответном письме митрополита Серафима нет. Написано просто: «декабрь 1824 года». Но срав. Письма Филарета к родным, стр. 264.
- ¹³⁷ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, приложение, стр. 52–53. Сравн. Русская Старина, 1885. XLVI, 588, 589.
- ¹³⁸ - См. Сочинения Филарета, II, 311, 317, 322.
- ¹³⁹ - О том, как много было в Москве по поводу этих слухов и толков, см. Воспоминания Евреинова, стр. 12. Срав. также Письма Филарета к родным, стр. 263.

¹⁴⁰ - Для сего см. «Записки Шишкова» в Чтения в обществе истории и древностей, 1868 г. кн. 3.

¹⁴¹ - Об этом с удивлением заметил архиепископ Евгений Казанцев в своем письме от 12 сентября 1824 г. к протоиерею И. А. Благовещенскому, хранящемся вместе с другими в рукописи в Московской Епархиальной библиотеке.

¹⁴² - См. о сем в нашем исследовании о катехизисах Филарета во II томе Филаретовского Юбилейного Сборника, стр. 730.

¹⁴³ - Сочинения Филарета, II, 177.

¹⁴⁴ - По Воспоминаниям Евреинова, «в темных стезях случая». В той и другой редакции намек на ближайшие события ясен.

¹⁴⁵ - Сочинения Филарета, II, 175.

¹⁴⁶ - По Воспоминаниям Евреинова, «преследовать».

¹⁴⁷ - По Воспоминаниям Евреинова, «Еще ближе к интересующему нас делу: не остался в неведении и не пришел в сомнение».

¹⁴⁸ - Сочинения Филарета, II, 176.

¹⁴⁹ - Воспоминания Евреинова о Филарете, стр. 12.

¹⁵⁰ - Сочинения Филарета, II, 362.

¹⁵¹ - Стран. 364–365.

¹⁵² - Стран. 366.

¹⁵³ - Стран. 366–367.

¹⁵⁴ - Стран. 358. Проповедь на 12 декабря 1824.

¹⁵⁵ - Стран. 372. Слово на Благовещение 1825 года.

¹⁵⁶ - Срав. например на стр. 373 и далее. слово на текст: аще мир вас ненавидит: ведите, яко Мене прежде вас возненавидит. Ин.15:18 и др.

¹⁵⁷ - В рукописи Московской епархиальной библиотеки.

¹⁵⁸ - Из письма его к викарию Филарета Кириллу Богословскому-Платонову от 1 апреля 1825 года. См. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1874, III, 53–54 «Материалов для Истории Русской Церкви».

¹⁵⁹ - Рукописи Московской епархиальной библиотеки.

- ¹⁶⁰ - Сочинения Филарета, II, 180.
- ¹⁶¹ - Проповедь и сказана на текст: придите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф.11:28).
- ¹⁶² - Сочинения Филарета, II, 231, 232.
- ¹⁶³ - Н. Устрялов, Русская история. Изд. 5, ч. 2, стр. 391. СПб. 1855, срав. Письма Филарета к родным, стр. 200. Москва, 1882.
- ¹⁶⁴ - См. там же, стр. 392.
- ¹⁶⁵ - В. Надлер, Религиозно-нравственное развитие Императора Александра I и идея священного союза – в журнале Вера и Разум 1884. отд. церк. т. I. стр. 728.
- ¹⁶⁶ - Подробности об этом можно видеть в сейчас поименованном прекрасном исследовании профессора Надлера, которое недавно вышло и отдельным изданием и Риге.
- ¹⁶⁷ - В отдельном издании и в Христианском Чтении последнее слово заменено словом: «честности», вполне согласно тогдашнему переводу Библейского Общества.
- ¹⁶⁸ - Сочинения Филарета, II, 127–128.
- ¹⁶⁹ - Там же, стр. 131.
- ¹⁷⁰ - Там же, стр. 336–337.
- ¹⁷¹ - Стр. 339. Срав. также конец раньше приведенной речи Филарета к императору, сказанной прямо по приезде последнего в Москву в 1823 году.
- ¹⁷² - Примечательно, что теперь, после урока данного в конце 1824 года тот же, что прежде текст, уже не приводится в русском переводе.
- ¹⁷³ - Стр. 401.
- ¹⁷⁴ - Сочинения Филарета, т. IV, стр. 249 (подстрочное примечание). Москва, 1882. Срав. также т. V, стр. 567. Москва, 1885. Характеристику Александра из надгробной по нем проповеди Филарета мы приведем в свое время.
- ¹⁷⁵ - Устрялов, Русская История ч. II, стр. 396–397 цит. изд.
- ¹⁷⁶ - Сочинения Филарета, II, 9–14. Соприкосновенные с сими мысли надгробной проповеди Филарета по императоре

Александре мы изложим в своем месте. А теперь срав. еще Сочинения Филарета, II, 372.

¹⁷⁷ - См. журнал Вера и Разум 1884 г. т. II, отд. церк. стр. 598 и далее.

¹⁷⁸ - Для сего срав. вышеприведенные последние слова приветственной речи Филарета императору, сказанное в августе 1823 г. Сочинения Филарета, II, 126.

¹⁷⁹ - Сочинения Филарета, II. 30.

¹⁸⁰ - Там же, стр. 355.

¹⁸¹ - Стр. 168.

¹⁸² - Сочинения Филарета, II, 339–341.

¹⁸³ - Там же стр. 8.

¹⁸⁴ - Вдовый дом в Москве устроен от Воспитательного дома Императрицею Марией Федоровной в 1803 году.

¹⁸⁵ - Этот своего рода орден избранных вдов сердобольных или сестер милосердия учрежден тою же Императрицей в 1818 году и состоит при том же Вдовьем доме

¹⁸⁶ - Сочинения Филарета, II, стр. 30–31. Срав. также речь при открытии Дома трудолюбия, стр. 168 и далее.

¹⁸⁷ - Русский Вестник 1886 г. № 12, стр. 628.

¹⁸⁸ - См. там же, а на дальнейших страницах и подробности истории наводнения. О том же печальном событии Филарет пишет от 29 ноября 1824 года следующее: «Сильное поучение для оставшихся! О если бы сей урок и поняли, и приняли!» Но, впрочем, к тому сейчас же добавляет: «молитесь и о мне, да не како иным проповедуя, сам неключим буду». См. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1868, IV, 80 «Материалов для биографии Филарета».

¹⁸⁹ - Все это в соответствие изображению, заключающемуся в указанных выше стихах Пс:1, 4, 7–11.

¹⁹⁰ - Сочинения Филарета, II, 356.

¹⁹¹ - Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 2–8. Москва, 1883.

¹⁹² - См. журнал Вера и Разум 1884 г. т. II, отд. церк. стр. 608.

¹⁹³ - См. раньше упомянутые «Записки Шишкова» в Чтении в обществе истории и древностей, за 1868 г.

¹⁹⁴ - См. журнал Вера и Разум 1884 г. т. II, отд. церк. стр. 609 и далее.

¹⁹⁵ - Сочинения Филарета, II, 78, стр. 372.

¹⁹⁶ - В этом последнем издании, под заглавием Сочинения Филарета см. во II т. особенно стр. 191–193.

¹⁹⁷ - Сочинения Филарета, II, 20.

¹⁹⁸ - Там же, стр. 172.

¹⁹⁹ - Стр. 394 и далее.

²⁰⁰ - Выдержки из других поименованных и иных святых отцов в проповедях Филарета за рассматриваемое время см. в Сочинениях Филарета, т. II, стр. 394, 418, 422; 186, 302, 200, 223, 225, 413, 375.

²⁰¹ - Устрялов, Русская История, II. 410. СПб. 1885.

²⁰² - См. Московские Ведомости, 1826 г. № 11.

²⁰³ - Устрялов, Русская История, II, 410.

²⁰⁴ - Сочинения Филарета, II, 10.

²⁰⁵ - Там же, стр. 369.

²⁰⁶ - Там же, стр. 372. Срав. также слова из одной проповеди 1824 года на стр. 350–351.

²⁰⁷ - См. Русский Вестник 1886 № 12, стр. 650–651.

²⁰⁸ - Там же, стр. 652–653.

²⁰⁹ - См. там же, стр. 656–657.

²¹⁰ - Воспоминания Евреинова, стр. 23. Это предписание владыки стоит проповеди.

²¹¹ - Об этом мы узнаем из рукописного, хранящегося в числе других в библиотеке Московской духовной академии, письма самого святителя московского к сему викарию от 25 января 1826 года.

²¹² - Воспоминания Евреинова, стр. 23.

²¹³ - Там же, стр. 24.

²¹⁴ - Рождение государя императора Александра Павловича было 12 декабря 1777 года.

²¹⁵ - Александр I вступил на престол 12 марта 1801 года.

²¹⁶ - В отношении к народному просвещению срав. также слова одной проповеди сказанной еще при жизни Александра в 1825 году, Сочинения Филарета, 2, 197–198.

²¹⁷ - Людовику XVI.

²¹⁸ - Разумеется, конечно, торжественная похоронная процессия, которая, по словам очевидца, «тянулась от Серпуховской заставы до самого Кремля» и была «пышная», См. Воспоминания Евреинова, стр. 23.

²¹⁹ - Как мы знаем из вышесказанного, Александр получил предсмертную лихорадку в Крыму или на Таврическом полуострове, усеянном горами. Название же взято библейское от имени Палестинской горы Тавра.

²²⁰ - Здесь разумеется заговор Пестеля и братьев Муравьевых на цареубийство, о коем донесено было Шервудом Александру I в Таганроге незадолго до его смерти, а затем и стоявший с ним в связи бунт декабристов, о котором подробнее мы будем говорить в свое время.

²²¹ - Сочинения Филарета, 3, 1–3. Москва, 1877

²²² - См. о сем в письме Филарета к наместнику лавры Афанасию уже от 22 февр. 1826 года. Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, 332.

²²³ - Хранится в числе других писем Евгения к тому же лицу в рукописном виде в Московской епархиальной библиотеке.

²²⁴ - Воспоминания М. М. Евреинова, 24.

²²⁵ - Письма Филарета к родным, стр. 272. Москва, 1882. Срав. письма его же к кн. стр. М. Голицыну, стр. 7. Москва, 1884.

²²⁶ - Письма Филарета к родным, стр. 272.

²²⁷ - Сочинения Филарета, 3, 36.

²²⁸ - В отд. Издании, вместо этих слов, читаются следующие: «наконец, может быть, желание иметь детей, то совсем не удовлетворяемое, то более раздражаемое, нежели удовлетворяемое рождением кратко жизненных, давно, кажется, посеяло в сердце ее болезнетворное семя уныния».

²²⁹ - Разумеется Петербургское наводнение 1824 года.

²³⁰ - Еще в конце вышеупомянутого «размышления» своего на слова избранного для проповеди текста вития сказал знаменательные слова: «какой тут порядок, когда наилучшие души так жестоко страдают? Такой же, какой наблюдается, когда полагают золото в горнило, жертву на жертвенник. Золото будет чисто; жертва низведет благодать; огнем страдания искушенная душа просияет чистотой, а наконец и блаженством: во время посещения их воссияют» (Прем.3:7) Сочинения Филарета, 3, 38. Некоторые из этих слов потом повторил Филарет и в одном из писем своих к одной подобной страдальце. См. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 149. Сравн. Также слова письма Филарета к наместнику лавры Афанасию от 8 мая 1826 года: «молитесь о душе Императрицы Елисаветы. Ее кроткое страдание было жертвою благоприятною Богу и, может быть, умилоствляло Его и для нас». Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, 335.

²³¹ - Сочинения Филарета, 3, 38–40. Характеристику Императрицы Елизаветы Алексеевны см. также в Русском Вестнике за 1886 г. № 12, стр. 616; 652–653, 655 и далее, срав. также «Записки графини Эделин» в Русском Архиве за 1887 год №№ 2 и 3.

²³² - См. письма Письма Филарета к родным, стр. 272.

²³³ - Письма Филарета к князю Голицину, стр. 5, 7. Москва, 1884.

²³⁴ - Подобедову, митрополиту Новгородскому, скончавшемуся в 1818 году.

²³⁵ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 623. Киев, 1869.

²³⁶ - См. журнал Вера и Разум 1886 г. т. 2, отд. Церк. стр. 22.

²³⁷ - Подробнее об этом см. в исследовании профессора П. В. Знаменского в Православном Собеседнике, за 1885 год.

²³⁸ - См. об этом в исследовании профессора П. В. Знаменского: «Чтения из истории русской Церкви за время царствования императора Александра I», в Православном Собеседнике, за 1885 год.

²³⁹ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 75, срав. Прибавление к творениям святых отцов, 1884:34, 347.

²⁴⁰ - Сушков, указ. соч. стр. 11 и далее.

²⁴¹ - В изданиях 1821, 1822 и 1835 годов читаем: «новую жизнь, вместо благодатную, вместо плотской духовную».

²⁴² - Сочинения Филарета, 2, 19–20.

²⁴³ - Сионский Вестник, 1817 год, книга 9 и 1818 год книга 6.

²⁴⁴ - В собр. 1821, 1822 и 1835 годов: «воображением».

²⁴⁵ - Сочинения Филарета, 2, 20.

²⁴⁶ - Там же, стр. 25.

²⁴⁷ - В собрании 1822 года: «в образы».

²⁴⁸ - Сочинения Филарета, 2, 36–37. При этом, обращаясь собственно к воплощению Сына Божия, наш вития поучает: «Христианин! Здесь твоя черда быть оком, и особенно внутрь уду, стани добре, и созерцай: здесь есть слава и тайна, – слава, заключенная в тайне, тайна открытая в славе». Стр. 38.

²⁴⁹ - Там же, стр. 66.

²⁵⁰ - Стр. 87.

²⁵¹ - Стр. 284.

²⁵² - Стр. 237.

²⁵³ - Стр. 241–242.

²⁵⁴ - Стр. 105.

²⁵⁵ - Стр. 68.

²⁵⁶ - Стр. 233.

²⁵⁷ - Там же мы приводили и выдержку из другой проповеди Филарета – о внутреннем храме.

²⁵⁸ - См. упомянутую раньше статью профессора П. В. Знаменского в Православном Собеседнике, за 1835 год, ч. 3, стр. 93–94.

²⁵⁹ - Сочинения Филарета, 2, 49.

²⁶⁰ - Там же, стр. 155.

²⁶¹ - См. указ. наследование профессора Знаменского в Православном Собеседнике, 1885. 3, 92. И напротив срав. Сочинения Филарета, 2, 372–373.

- ²⁶² - В собраниях 1822, 1835 и 1844: «оставляется».
- ²⁶³ - Сочинения Филарета, 2, 66–68.
- ²⁶⁴ - См., например, стр. 192 д. 211 и д. 283 и другие.
- ²⁶⁵ - Стр. 68.
- ²⁶⁶ - Стр. 211–212.
- ²⁶⁷ - Стр. 127.
- ²⁶⁸ - Стр. 128–129.
- ²⁶⁹ - В отд. изд. и в Христианском Чтении за 1840 г. «в особенном».
- ²⁷⁰ - Сочинения Филарета, 2, 129–130.
- ²⁷¹ - Там же, стр. 130.
- ²⁷² - Стр. 130 и далее.
- ²⁷³ - Стр. 133.
- ²⁷⁴ - См. стр. 334 и далее. 414 и далее. и др.
- ²⁷⁵ - Стр. 406.
- ²⁷⁶ - Стр. 219.
- ²⁷⁷ - Стр. 407–408.
- ²⁷⁸ - Стр. 411.
- ²⁷⁹ - Стр. 411–412. Срав. также стр. 200.
- ²⁸⁰ - Фесслер был некоторое время профессором петербургской духовной академии в бытность Филарета на службе при той же академии.
- ²⁸¹ - См. Письма Филарета к Алексею, стр. 104–105. Москва, 1883.
- ²⁸² - Сочинения Филарета, 2, 367.
- ²⁸³ - Там же, стр. 372–373. В этом же отрывке, кстати, заключается и отпор как противникам мистического движения, так и сторонникам его крайнего направления. Срав. также стр. 197, 281, 326 и другие.
- ²⁸⁴ - См. Сочинения Филарета, 2, 24–25, 67–68, 308–309 и другие.
- ²⁸⁵ - См. об этом в наших исследованиях, помещенных в Филаретовском Юбилейном Сборнике (Том II, Москва, 1883). О том же мы замечали выше и в настоящем нашем исследовании.

²⁸⁶ - Об этом см. в нашем исследовании о Петербургском периоде проповеднической деятельности Филарета в журнале Вера и Разум 1884, т. II, отд. церк. стр. 608 и 1885 года т. II, отд. церк. стр. 468 и далее.

²⁸⁷ - См. исследование профессора Знаменского в Православном Собеседнике, 1885, III, 271–272.

²⁸⁸ - Сочинения Филарета, 2, 87. Из проповеди 1822 года.

²⁸⁹ - Там же, стр. 288–289. Из проповеди 1823 года.

²⁹⁰ - В рукописи проповеди первоначально было (а также и в Воспоминаниях М. М. Евреинова): «люди»; но потом в рукописи это слово поправлено самим Филаретом на слово: «отщепенцы».

²⁹¹ - В Воспоминаниях М. М. Евреинова, «кроющиеся в вертепах и пещерах, или в тайных храминах». Так же было первоначально и рукописи автора, но потом исправлено им для издания в печати

²⁹² - Сочинения Филарета, 2, 166–167.

²⁹³ - Там же, стр. 350–351.

²⁹⁴ - Стр. 367.

²⁹⁵ - Стр. 410–411.

²⁹⁶ - Приведенное письмо хранится в рукописном виде в числе других писем московского святителя к тому же лицу в библиотеке Московской духовной академии.

²⁹⁷ - К этому времени Филарет уже подучил письма из Петербурга от митрополита Серафима и епископа Григория с предостережениями по означенному делу, вызванными неумеренною ревностью Шишкова.

²⁹⁸ - Сочинения Филарета, 2, 171–174.

²⁹⁹ - Письмо из Петербурга, от 17 ноября 1828 года, когда Кирилл был уже на самостоятельной кафедре вятской. Хранится в числе других писем в библиотеке Московской духовной академии.

³⁰⁰ - Сочинения Филарета, II, 102. Санкт-Петербургское Собрание 1822 года стр. 3 и 236.

- 301 - Сочинения Филарета, II, 111. Санкт-Петербургское Собрание 1822 года стр. 3 и 257.
- 302 - Сочинения Филарета, II, 311 и далее.
- 303 - Там же, стр. 817.
- 304 - Стр. 322 и далее.
- 305 - См. письма Филарета к наместнику Лавры Афанасию в Прибавлениях к творениям святых отцов, 1886:38, 143 и далее.
- 306 - Письма Филарета к родным, стр. 266. Москва, 1882.
- 307 - Там же.
- 308 - Разумеется «слово в день первоверховных апостолов Петра и Павла», место произнесения которого в употребительнейших изданиях слов и речей Филарета не значится. См. Сочинения Филарета, II, 212
- 309 - Ректор Академии, архимандрит Поликарп (Гойтанников), которого, за некоторые особенности его нрава и поведения, Филарет не долюбивал.
- 310 - 5 июля.
- 311 - Разумеется крещение великой княжны Александры Николаевны.
- 312 - Письмо хранится в рукописном виде в библиотеке Московской духовной академии в числе других пасем Филарета к тому же лицу.
- 313 - Сочинения Филарета, II, 201.
- 314 - Там же, стр. 311–312.
- 315 - Стр. 313.
- 316 - Стр. 75–76.
- 317 - Собрание 1822 года, стр. 2.
- 318 - См. биографию княгини Мещерской, в монашестве Евгении, Чтения в обществе истории и древностей 1876, кн. 2, стр. 23 отд. «Смесь».
- 319 - См. там же, стр. 30.
- 320 - Стр. 31.
- 321 - Сочинения Филарета, II, 342–348.

322 - Выше мы уже отметили, что в 1825 году, с выходом казначеи, в Аносине водворился желанный мир.

323 - Сочинения Филарета, II, 346–347.

324 - Там же. стр. 327.

325 - Стр. 379.

326 - Стр. 406.

327 - Стр. 414.

328 - Письмо хранится в числе других писем того же святителя в рукописном отделе Московской епархиальной библиотеки.

329 - Сочинения Филарета, II, 300.

330 - Об этом сановнике и его роде мы впоследствии еще будем иметь случай говорить в нашем исследовании.

331 - Князь С. М. Голицин еще с 1807 года был деятельнейшем почетным опекуном учреждений императрицы Марии.

332 - Сочинения Филарета, II, 331.

333 - Слова самого же Филарета из одного письма его писанного в 1867 году. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1878, III, 6. «Материалы для истории русской Церкви».

334 - Нельзя не заметить, как тонко, но вместе и сильно этими словами опровергается и ложное мнение крайних мистиков того времени о том, что при внутреннем Богослужении внешнее не нужно.

335 - Сочинения Филарета, II, 333–335.

336 - См. Собрание мнений и отзывов Филарета, изданные преосвященным Саввою, т. 2, стр. 95 и далее срав. 94. СПб, 1885. См. помянутую раньше статью профессора Знаменского в Православном Собеседнике, 1885, ч. 2, стр. 185 и далее.

337 - Именно до 1823 года таковыми средствами, как изъяснено в вышеупомянутом проекте самого Филарета, были: а) для духовенства ружного проценты с капитала Московской синодальной типографии, достигшего к 1823 году до 110 тысяч рублей; б) для духовенства армейского с 1801 года ежегодно

отпускаемые из государственного казначейства на пенсии 5 тысяч рублей. В добавление к сему общие средства для той же цели состояли только в различных условных и крайне ограниченных мерах местных епархиальных. В 1823 году к тому стали отпускать еще из доходов от свечной продажи ежегодно по 150 тысяч рублей, согласно проекту Филарета. См. Собрание мнений и отзывов Филарета 2, 96 и далее.

338 - Сочинения Филарета, II, 135–136.

339 - Там же, стр. 140–141.

340 - Гр. Вл. П. Орлова-Давыдова, Биографический очерк графа Вл. Гр. Орлова, ч. II, стр. 279. СПб. 1878.

341 - Срав. сказанное в Русском Архиве за 1886 год, № 11 по поводу письма государя к княгине С. С. Мещерской.

342 - Письма Филарета к родным, стр. 268. Москва, 1882.

343 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 162.

344 - Там же, стр. 163.

345 - См. Устрялов, Русская История, II, 409. СПб. 1855.

346 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 164.

347 - Там же, стр. 167.

348 - Прибавления к творениям святых отцов, 1886, 38, 150.

349 - Там же, стр. 151.

350 - Цесаревич Константин, объявленный государем, был, как мы заметили выше, в Варшаве.

351 - Письма Филарета к родным, стр. 268.

352 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 167.

353 - Срав. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 197. Москва, 1868.

354 - Это зависело от того, что каждое ведомство и министерство независимо одно от другого рассылало по своему округу извещения.

355 - Эта речь была напечатана и отдельно и в Московских Ведомостях за 1825 год. Текст её можно читать в изданиях слов и речей митрополита Филарета 1835, 1844, 1848 и 1874 годов.

356 - Князь Д. В. Голицын.

³⁵⁷ - В Московских Ведомостях, 1825 г. № 102, при описании того же, добавлено: «и по разрешении».

³⁵⁸ - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 168–170. См. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, приложение, стр. 81–86. Срав. Журнал министерства народного просвещения за 1868 год, № 1, Русская Старина, 1885, № 7, стр. 5 и далее.

³⁵⁹ - Срав. сейчас приведенное место из Московских Ведомостей за 1825 г. № 102.

³⁶⁰ - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 170–171.

³⁶¹ - Сушков, указанное сочинение, стр. 199–200 В оправдание памятных записок графа Комаровского, зять последнего С. Д. Комовский, прочитав это сообщение в Записках Сушкова, сделал в Русском же Архиве за 1868 год, стр. 1038–1040 опровержение, в коем приводит данные в пользу мнимой справедливости воспоминания графа – своего тестя и снисходительно замечает, что «слабевшая с летами память» митрополита Филарета «могла неволью изменить ему», писавшему о событии значительное время спустя после совершения его, тогда как де записки графа Комаровского писаны лишь чрез пять лет после того же события. Это же, с присовокуплением и других данных, приводится потом и в указанной книжке Русской Старины за 1885 год. Но кроме того, что сказано было нами о степени понимания дела и кроме того, что память Филарета уже во всяком случае была не «слабее» памяти графа Комаровского и подобных ему свидетелей, ведомо ли всем этим господам то обстоятельство, что Филарет вел аккуратно дневник событий своей жизни и между прочим, точно описал рассматриваемое событие прямо после совершения его? Как увидим далее он 18 же декабря 1825 года подробно все описал императору Николаю. Мог же ли он потом сам себе противоречить?

³⁶² - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 171.

³⁶³ - См. там же.

³⁶⁴ - Кроме указанного раньше, см. также в Русском Архиве за 1869 год, стр. 632.

- ³⁶⁵ - Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 152. Письма Филарета к родным, стр. 268–269.
- ³⁶⁶ - Учрежденный собор при лавре.
- ³⁶⁷ - Прибавление к творениям святых отцов, 1886, 38, стр. 151.
- ³⁶⁸ - Душеполезное Чтение, 1871, II, 12.
- ³⁶⁹ - Сочинения Филарета, IV, 75.
- ³⁷⁰ - По высочайшему поколению о сем назначена была следственная комиссия и раскрывавшееся при этом следствие опубликовываемо было во всеобщее сведение в тогдашних газетах. (См., например, Московские Ведомости, 1826 г., №№ 5, 11 и другие)
- ³⁷¹ - Прибавления к творениям святых отцов, 1886, 38, 337.
- ³⁷² - Там же, стр. 340.
- ³⁷³ - Одно из этих лиц, именно архимандрит Фотий, уже начал заискивать теперь у Филарета. О случае встречи их в день коронации 1826 года см. в Воспоминаниях М. М. Евреинова о Филарете, пополненных графом М. В. Толстым, стр. 54. Москва, 1873.
- ³⁷⁴ - Сочинения Филарета, III, 385–386.
- ³⁷⁵ - Шишков уволен бал от должности министра рескриптом от 23 апреля 1828 гола. См. Московские Ведомости, 1828 г., № 39.
- ³⁷⁶ - См. «Воспоминания» самого Филарета, Православное Обозрение 1863, 26, 526.
- ³⁷⁷ - Слова из «рапорта» митрополита Филарета в Святейший Синод, при коем он представлял свой катехизис в исправленном виде, рукописи Московской духовной академии, № 119 л. 3–4. Срав. Филаретовском Юбилейном Сборнике, Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, т. II стр. 737, Москва, 1883.
- ³⁷⁸ - Филаретовский Юбилейный Сборник, II, 740. Здесь же можно читать и вообще подробности относительно исправления и издания катехизисов Филарета.

³⁷⁹ - «Надобно было думать, пишет, например, сам Филарет в 1827 году, что делать и с тою непостижимою для меня премудростью, которая утверждает, что статья о браке должна стоять прежде, а отнюдь не после статьи о елеосвящении». См. там же, стр. 736. Эта непостижимая премудрость исходила от ума другого противника Библейского Общества, киевского митрополита Евгения.

³⁸⁰ - Прибавление к творениям святых отцов, 1871, 24, 488.

³⁸¹ - Православное Обозрение, 1868, 26, 528–529.

³⁸² - Например, когда в конце 1828 года Филарет извещал обер-прокурора Святейшего Синода о своем скором прибытии в Петербург и обер-прокурор при своем докладе приложил и это письмо, то государь на этом докладе написал «рад, что могу скоро иметь удовольствие его видеть». Прибавление к творениям святых отцов, 1872, 25, 44.

³⁸³ - В царствование Николая он, хотя, и занимал почетную должность, но не пользовался влиянием, тихо и благочестиво доживая свой век. Скончался в 1844 году. По поводу его кончины см. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву стр. 147–148, Киев, 1869.

³⁸⁴ - Государство в государстве (лат. прим. ред.)

³⁸⁵ - См. письмо его к Гавриилу (Городкову), архиепископу Рязанскому, в Чтения в обществе истории и древностей, 1869, кн. 1, стр. 77.

³⁸⁶ - См. «Воспоминания Филарета» в Православном Обозрении 1868, 26, 529.

³⁸⁷ - См. письмо Филарета к митрополиту Григорию (Постникову) в Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 170.

³⁸⁸ - См. письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 29. Москва, 1884.

³⁸⁹ - Как оказалось после, донос этот сделан был бакалавром (а потом инспектором) Московской духовной академии иеромонахом Агафангелом (Соловьевым), подлинное письмо которого о сем на имя митрополита Московского

Филарета от 24 мая 1842 года хранится в библиотеке Московской духовной академии.

³⁹⁰ - Он даже усиливался утвердить исключительное, церковное и учебное, общественное и домашнее употребление славянской Библии, церковным авторитетом, как это сделано в римско-католической церкви относительно Вульгаты. См. статью И. А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык» в Христианском Чтении 1872, II, 91.

³⁹¹ - Эта замечательная записка в подлиннике хранится в библиотеке Московской духовной академии. Текст её можно читать в письмах Филарета к наместнику лавры Антонию II, 14–17, Москва, 1878; Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 54–56. СПб. 1885 и т.д.

³⁹² - Христианское Чтение, 1872, II, 118; срав. Чтения в обществе истории и древностей 1869, кн. IV. Подробности см. в Филаретовском Юбилейном Сборнике, II, 313 и дальше. В числе бумаг Филарета, хранящихся в библиотеке Московской духовной академии, находятся любопытные рукописные документы по сему делу в пакете № 2.

³⁹³ - Копию с этой записки владыка прислал отцу Антонию при письме к нему от 12 марта того же года. См. Письма Филарета к Антонию, II, 11. Москва, 1878.

³⁹⁴ - Владыка разумеет здесь Филарета Киевского.

³⁹⁵ - В помянутом выше дневнике Филарета («Памятной книжке») под 10 марта 1842 года записано: «Болезненность заставила меня прежде времени выехать из Святейшего Синода и тем Бог сохранил меня от слышания несколько трудного». См. Письма Филарета к Антонию, II, 14. Болезненность состояла ближе всего в головокружении, о чем см. Письма Филарета к викарию Виталию (Щепетеву) в Православном Обозрении 1887, I, 464.

³⁹⁶ - Письма Филарета к Антонию, II, 18–14.

³⁹⁷ - «Мысли и чувствования митрополита Филарета по делу отобрания литографированного перевода книг Ветхого Завета» в Православном Обозрении, 1878, I, 117.

³⁹⁸ - Т.е. рукою митрополита Серафима.

³⁹⁹ - Здесь Филарет ближе всего понимает Филарета киевского, также не вполне искренно действовавшего по началу дела о литографированных переводах и Петербурге, о чем см. письма Филарета Черниговскому к А. В. Горскому в Прибавлениях к Творениям святых отцов, 1883, 31, 243.

⁴⁰⁰ - Письма Филарета к Антонию, II, 20–21.

⁴⁰¹ - В прежних резолюциях по таким случаям обыкновенно, вместе с дозволением ехать из Петербурга, указывалось и то, что возвращение сюда снова потребует в более или менее близком будущем.

⁴⁰² - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 110–111. СПб., 1897.

⁴⁰³ - № 14 бумаг митрополита Филарета, хранящийся в библиотеке Московской духовной академии, пакет № 2.

⁴⁰⁴ - Сушков в Чтениях в обществе истории и древностей, 1869, IV, 185 и Чистовича в Христианском Чтении 1872, II, 118–119.

⁴⁰⁵ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 110, Киев, 1869. Срав. так же Русский Архив 1882, II, 269.

⁴⁰⁶ - Прибавления к творениям святых отцов, 1872, 25, 430–432.

⁴⁰⁷ - Этот характерный для настоящих обстоятельств жизни Филарета текст Священного Писания он нередко применяет к подобным же обстоятельствам жизни своей и других даже в письмах к разным лицам, и между прочим, к своим поездкам в Петербург.

⁴⁰⁸ - Сочинения Филарета, IV, 193–199. Эта проповедь напечатана и в собраниях 1844–1845 и 1848 годы и отдельно.

⁴⁰⁹ - Об этом свидетельствует, например, очевидец – А. Н. Муравьев. См. Православное Обозрение, 1868, I, 18; также Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, 164–165.

⁴¹⁰ - См. Письма Филарета к Антонию, II, 53–54 и № 84 дел архива Московского духовно-цензурного комитета за 1842 год.

⁴¹¹ - Сочинения Филарета, II, 342–347. Это слово при жизни проповедника напечатано не было.

⁴¹² - Не лишено значения и то обстоятельство, что настоятелем этого храма в то время был известный мистик, протоиерей Семен Иванович Соколов, которого и сам святитель Филарет весьма уважал.

⁴¹³ - Сочинения Филарета, IV, 68 и далее.

⁴¹⁴ - Там же, стр. 83 и далее.

⁴¹⁵ - Там же, стр. 95–100.

⁴¹⁶ - Не забудем при том, что московский генерал-губернатор тогдашний князь Д. В. Голицын, был тесть графа Протасова, хотя, собственно князя Филарет уважал и был в добрых с ним отношениях.

⁴¹⁷ - Сочинения Филарета, IV, 172–173.

⁴¹⁸ - Никодима (Казанцева), епископа красноярского «о Филарете, митрополите московском, моя память». Чтения в обществе истории и древностей, 1877, II, 70.

⁴¹⁹ - Сочинения Филарета, IV, 184–185.

⁴²⁰ - Там же, стр. 191. Слова, из проповеди в день памяти Преподобного Сергия 25 сентября 1842 года. Проповедь эта также имеется в собраниях 1844 и 1848 годов.

⁴²¹ - Не излишним считаем отметить то обстоятельство, что тесть графа Протасова, московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын скончался в 1844 году.

⁴²² - Сочинения Филарета, IV, 374–375.

⁴²³ - См. вышеуказанные воспоминания епископа Никодима о Филарете в Чтениях в обществе истории и древностей, 1877, II, 90.

⁴²⁴ - См. Письма Филарета к Антонию, II, 38, 48, 56, 59, 98–99.

⁴²⁵ - Характерны для отличия отношений между Филаретом и Серафимом от отношений между Филаретом же и графом Протасовым следующие слова письма Филарета к А. Н. Муравьеву по случаю кончины Серафима «кончина владыки Серафима произвела во мне чувство сиротства. Утешение нашел я в том, что незадолго пред тем он написал ко мне письмо. Письмо писано было не его рукою; но он к последним

формулам приписал слово: богомолец; и я принял сие от него, как последний дар молитвы и благословения». См Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 121, Киев, 1869.

⁴²⁶ - «Когда графа Протасова сделали обер-прокурором, пишет покойный епископ Игнатий Брянчанинов, он приезжает к генерал-адъютанту Чичерину и говорить ему, поздравь меня; я – министр, я – архиерей, я ч.... знает что. – Филарет киевский, услышав, это сказал: «справедливо только последнее». См. в статье П. С. Казанского в Православном Обозрении, 1878, I, 109, примечание 2.

⁴²⁷ - Письма Филарета к Антонию, II, 422. Митрополит Антоний, будучи и добрым по душе, страдал от запоя. См. статью Лескова в Историческом Вестнике за 1882 г., № 11, стр. 400–401. И в отношениях своих к Филарету Антоний, конечно под влиянием графа Протасова, был далеко не всегда учтив. См. Письма Филарета к Антонию, 112–118; 188 и другие. Преемником Антония был назначен архиепископ варшавский Никанор (Клементьевский), бывший некогда (1803–1808) учеником святителя московского Филарета. Он лучше Антония и относился к Филарету.

⁴²⁸ - Письма Филарета к Антонию, II, 98–99.

⁴²⁹ - Там же стр. 132.

⁴³⁰ - Там же, стр. 107 Срав. стр. 72,74,104,107,108,188; IV, 360; также Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 129.

⁴³¹ - Письма Филарета к Антонию, II, 134.

⁴³² - Там же, стр. 27.

⁴³³ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 117.

⁴³⁴ - Так вскоре же после сих событий посетили Филарета: князь А. Н. Голицын, Иосиф Семашко, архиепископ Литовский и другие. См. Письма Филарета к Антонию, II, 31 и далее. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 111 и другие.

⁴³⁵ - Письма Филарета к Антонию, II, 67.

⁴³⁶ - Письмо Филарета к Кириллу от 1 января 1828 г. хранится в числе других его к тому же отцу писем в рукописном виде в библиотеке Московской духовной академии.

⁴³⁷ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 110.

⁴³⁸ - Это между прочим, доказывается письмами Филарета к графу Протасову, не прекращавшимися и с 1842 года и напечатанными в разных периодических и не периодических изданиях.

⁴³⁹ - Припомним приведенные выше в одном из примечаний слова графа Протасова о себе: «я – министр, я – архиерей».

⁴⁴⁰ - Сочинения Филарета, IV, 242.

⁴⁴¹ - Там же, стр. 276.

⁴⁴² - Письма Филарета к Антонию, II, 819–320.

⁴⁴³ - Письмо хранятся в числе других писем к тому же липу в рукописном виде в библиотеке московской духовной академии.

⁴⁴⁴ - Слова преосвященного Леонида (Краснопевкова) о Филарете. Чтения в обществе истории и древностей, 1874, I, 53.

⁴⁴⁵ - Иона (Васильевский), по увольнении от епархии, с 1832 года по 1849 был присутствующим в Синоде.

⁴⁴⁶ - «О Филарете, митрополите Московском, моя память». Чтения в обществе истории и древностей, 1877, II, 68–69.

⁴⁴⁷ - Там же стр. 69.

⁴⁴⁸ - Прибавления к творениям святых отцов, 1883, 31, 275–276.

⁴⁴⁹ - Письма Филарета к Антонию, II. 464.

⁴⁵⁰ - Прибавления к творениям святых отцов, 1883, 31, 277.

⁴⁵¹ - Список с рескрипта см. Письма Филарета к Антонию, II, 470.

⁴⁵² - Ближе сего за составление Катехизиса

⁴⁵³ - При этом мы имеем в виду упомянутый в начале нашего настоящего исследования рукописный сборник Е. В. Барсова. Указанные там две неизданные проповеди суть: 1) В день Благовещения 1831 года – в Чудове монастыре и 2) В день Успения того же года в Успенском соборе.

⁴⁵⁴ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 27.

⁴⁵⁵ - Сочинения Филарета, III, 337–346.

⁴⁵⁶ - Проповедь была напечатана и в отдельных оттисках, кроме того, она напечатана в Христианском Чтении за 1835 г. и в

собраниях 1844 и 1848 годов.

⁴⁵⁷ - Журнал министерства народного просвещения, 1835, VII, 403.

⁴⁵⁸ - Там же, стр. 411.

⁴⁵⁹ - Письма Филарета к Антонию, I, 146.

⁴⁶⁰ - При том любопытно видеть, как и одна эта, несомненно знаменитая проповедь Филарета, составлялась им. Об этом он сам упоминает вскользь в одном из писем своих от 21 апреля 1835 года, «проповедь Благовещенская еще не отдается ни в чьи руки, в ожидании досуга пересмотреть писанное наскоро о предмете догматическом». См. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1876, III, 98. После того остается только глубоко удивляться Филарету, как проповеднику!

⁴⁶¹ - В этом названии очевидно некоторое недоразумение, так как московские проповеди Филарета собраны и изданы были, как мы знаем, незадолго пред тем, в 1835 году. Недоразумение это, посему, должно быть объясняемо в пользу нашей мысли о более широких задачах и началах издания.

⁴⁶² - Прибавления к творениям святых отцов, 1883, 31, 233–234.

⁴⁶³ - Прибавления к творениям святых отцов, 1884, 33, 571.

⁴⁶⁴ - Дела архива московского духовно-цензурного комитета, за 1843 г., № 105.

⁴⁶⁵ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 138.

⁴⁶⁶ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 99.

⁴⁶⁷ - См. о сем Письма Филарета к Антонию, II, 126. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 133 и другие.

⁴⁶⁸ - Душеполезное Чтение, 1879, II, 246–247.

⁴⁶⁹ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 134.

⁴⁷⁰ - Там же стр. 141.

⁴⁷¹ - Тот же журнал за 1872 г. XI–XII, 250, «Материалов для истории русской Церкви».

⁴⁷² - Скончавшийся в сане архиепископа могилевского в 1883 году.

⁴⁷³ - Скончавшийся в сане митрополита киевского в начале 1882 года.

⁴⁷⁴ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1882, III, 279 «Материалов для истории русской Церкви».

⁴⁷⁵ - Русский Архив, 1878, I, 0852–0853. Статьи Е. В. Барсову.

⁴⁷⁶ - Письма Филарета к Антонию, II, 126; срав. также 159–160 и другие места.

⁴⁷⁷ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 155.

⁴⁷⁸ - Часть I-я обнимает собою: 1) Слова на праздники Господни; 2) Слова на воскресные дни и 3) Слова на Богородичные праздники; часть II-я; 4) Слова на дни святых; 5) Слова при освящении храмов и 6) Слова во время губительной болезни. Часть III; 7) Слова на царские дни; 8) Слова на разные случаи; 9) Слова надгробные, 10) Беседы о разных изречениях Священного Писания, и о разных предметах учения христианского; 11) Речи. При каждом томе в конце находится подробное оглавление его, нередко с указанием темы проповеди той или другой.

⁴⁷⁹ - Письма Филарета к Антонию, II, 177

⁴⁸⁰ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1862. III, 287–288 «Материалов для истории русской Церкви».

⁴⁸¹ - Это отдельная брошюра на 54 страницах.

⁴⁸² - Прибавление к творениям святых отцов, 1884, 33, 643–644.

⁴⁸³ - Этот отзыв напечатан в Москвитянине (издан М. И. Погодиным), за 1846 год, часть I, стр. 181–224

⁴⁸⁴ - О переводе проповедей Филарета на другие языки у нас еще будет речь.

⁴⁸⁵ - Борисов, тогдашний архиепископ Харьковский.

⁴⁸⁶ - Душеполезное Чтение 1869, I, 30.

⁴⁸⁷ - Русский Архив, 1882, I, 281.

⁴⁸⁸ - Письма Филарета к Гавриилу, стр. 72. Издание Общества любителей истории и древности, Москва. 1868.

⁴⁸⁹ - См., например, Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 133, 155; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, Душеполезное Чтение, 1883, I, 174.

⁴⁹⁰ - Так именно послал он по экземпляру ректору Московской духовной академии и членам цензурного комитета (Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1882, III, 287), наместнику лавры и в самую лавру (Письма Филарета к Антонию, II, 193–194), Григорию, архиепископу Тверскому (Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 140), А. Н. Муравьеву Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, 155) и другим, между прочим, и Иннокентию Борису (Христианское Чтение, 1834, I, 210) раньше приславшему ему экземпляр своих проповедей.

⁴⁹¹ - Чтения в обществе истории и древностей, 1880, II, 30 отд. Смеси.

⁴⁹² - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1883, III, 42–43 «Материалы для истории русской Церкви».

⁴⁹³ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1883, III, 42–44, 47; Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 48–49. Москва, 1884; Письма Филарета к Антонию, II, 206, Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 166.

⁴⁹⁴ - Две даты одного и того же письма из-за упомянутого выше пожара, случившегося с почтой.

⁴⁹⁵ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 150–151.

⁴⁹⁶ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1883, III, 46–47.

⁴⁹⁷ - Письма Филарета к Алексию, архиепископу Тверскому, стр. 4. Москва, 1883.

⁴⁹⁸ - Там же, стр. 10.

⁴⁹⁹ - Там же, стр. 26.

⁵⁰⁰ - Там же, стр. 27.

⁵⁰¹ - См. дневник А. В. Горского и Прибавления к творениям святых отцов, 1884, 24, 314; срав. 313.

⁵⁰² - 3-й том к этому изданию вышел уже в 1861 году, о чем речь у нас еще будет в свое время.

⁵⁰³ - Письма Филарета к Алексию, стр. 27; срав. Прибавления к творениям святых отцов, 1884, 34, 310–311.

⁵⁰⁴ - См. Письма Филарета к Алексию, стр. 96; сн. Прибавления к творениям святых отцов, 1885, 36, 433.

⁵⁰⁵ - См. № 26 дел архива Московского духовно-цензурного комитета за 1845 год (начало дела относится еще к 1843 году). Срав. дело № 28 того же архива за 1846 год и другие.

⁵⁰⁶ - См. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 159. Срав. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1874, IV, 22 «Материалов для истории русской Церкви».

⁵⁰⁷ - Чтения в обществе истории и древностей, 1869, I, 125–126.

⁵⁰⁸ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 123.

⁵⁰⁹ - См. Системный каталог книг библиотеки Московской духовной академии, составленный И. Корсунским №№ 7366–7369 т. II (выпуск 4) Москва, 1887.

⁵¹⁰ - Сушкова, Записки о жизни и времени Филарета, 123 и далее.

⁵¹¹ - Московские Ведомости 1825 год, № 101.

⁵¹² - См. письма Филарета к родным, стр. 285 Срав. Письма его же к викарию Иннокентию Сельно-Кринову в Прибавлениях к творениям святых отцов, 1871, 24, 424–425

⁵¹³ - Сочинения Филарета, III, 357.

⁵¹⁴ - Голицын, московский генерал-губернатор.

⁵¹⁵ - Прибавления к творениям святых отцов, 1871, 24, 424–425. См письма Филарета к родным, стр. 285.

⁵¹⁶ - Из них один миллион государь Император подарил победителю – графу Паскевичу. См. Устрялов, Русская История. II, 424. СПб. 1855.

- 517 - Прибавления к творениям святых отцов, 1872, 25, 18.
- 518 - Т е. святителя Алексия.
- 519 - Т.е. опять святителю Алексию.
- 520 - Великая княгиня Мария Павловна.
- 521 - Сочинения Филарета, III, 89–96. Это слово напечатано было и отдельно (о чем см. номера 13 и 15 дел архива московского духовно-цензурного комитета, за 1828 г.) и во всех собраниях слов и речей Филарета, начиная с 1835 года.
- 522 - Т.е. митрополит Серафим.
- 523 - Прибавления к творениям святых отцов, 1872, 25, 29.
- 524 - См., например, письма его к викарию в Прибавлениях к творениям святых отцов, 1872, 25, 191, 199, 539, 553 и другие.
- 525 - На этот раз он выехал из Москвы в конце сентября и прибыл в Петербург в начале октября.
- 526 - Это видно из писем Филарета к родным и к викарию.
- 527 - Кроме приобретения городов, Россия, по Адрианопольскому миру, выговорила от Порты значительное денежное вознаграждение за потери, понесенные русскими торговцами с 1806 года вследствие стеснительных мер Порты.
- 528 - Т.е. султан турецкий Махмуд.
- 529 - Это было в 1821 году. Константинопольский патриарх Григорий, вместе с другими двумя епископами, был распят турками в том самом храме, в котором, в день Пасхи, совершал богослужение.
- 530 - Сочинения Филарета, III, 132 и далее.
- 531 - Николай, с греческого (Νικόλαος), значить победитель народов.
- 532 - Сочинения Филарета, III, 132–133 примечания под страницей.
- 533 - Письма Филарета к Антонию, I, 73. Москва, 1877.
- 534 - Вышеупомянутый договор с султаном заключен был 26 июня 1833 года. См. Устрялов, Русская История, II, 446.
- 535 - Сочинения Филарета, III, 254; срав. 255.
- 536 - Татищев, «Николай I и июльская монархия» в Историческом Вестнике, 1887, №11, стр. 286.

- 537 - Там же стр. 285 и далее.
- 538 - Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. 23, отд. 1, № 22087, стр. 182.
- 539 - Ныне Братислава (прим. ред.)
- 540 - Устрялов, Русская История, II, 480, СПб, 1855.
- 541 - Московские Ведомости 1849 г., № 106. Срав. Высочайший манифест об окончании венгерской кампании там же, № 104.
- 542 - Т.е. Людовик-Филипп. Филарет вообще не любил, без крайней надобности, употреблять слова и имена иностранные.
- 543 - Письма Филарета к Антонию, II, 391.
- 544 - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 277.
- 545 - Разумеется манифест, слова которого мы привели выше.
- 546 - Сочинения Филарета, IV, 576–579.
- 547 - В букварях, азбуках, грамматиках и т.д., исстари идущих от предков к потомкам на Руси.
- 548 - Сочинения Филарета, IV, 579–581.
- 549 - Там же стр. 585.
- 550 - Слова манифеста, вышеупомянутого.
- 551 - Сочинения Филарета, IV, 553–555.
- 552 - Сочинения Филарета, V, 11.
- 553 - Там же, V, 14. Значение подробностей устройства Георгиевской залы дворца можно читать в описании последнего, помещенном в «Московских Ведомостях» 1849 г., № 41. Описание же освящения этой залы см. в № 47.
- 554 - Письма Филарета к Антонию, II, 472–473. По преданию, идущему от современников, государь император сказал воинам по окончании речи: «вы должны благодарить святителя за его наставление», при чем сам первый благодарил его.
- 555 - Там же, стр. 479.
- 556 - Это – манифест от 26 апреля 1849 года, ссылающийся на манифест от 14 марта 1848 года вышеприведенный. См. текст его в Полном собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. 24, отд. I, стр. 235, № 23200.

- ⁵⁵⁷ - Социалистами (societas – общество).
- ⁵⁵⁸ - Сочинения Филарета, V, 15–20.
- ⁵⁵⁹ - Для сего см. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 307–308, 310, 313.
- ⁵⁶⁰ - Т.е. Гергей или Георгий вышеупомянутый. Срав. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 307–308.
- ⁵⁶¹ - Т.е. огнестрельных орудий; а, по дополнительным сведениям, Гергей при с. Шеллош сдал русским 144 орудия, 80 тысяч человек и 8 тысяч лошадей строевых и упряжных. См. особое прибавление к № 99 «Московских Ведомостей» 1849 год.
- ⁵⁶² - Сочинения Филарета, V, 25–27.
- ⁵⁶³ - Там же, 27–29.
- ⁵⁶⁴ - См. Московские Ведомости 1849 год, № 102.
- ⁵⁶⁵ - О сем читаем в письмах самого Филарета к Алексею, архиепископу Тверскому, стр. 49, 51.
- ⁵⁶⁶ - Сочинения Филарета, V, 39–40.
- ⁵⁶⁷ - Это был некогда так называемый Головинский дворец. В нем же теперь помещался и 1 Кадетский корпус. О сем, как и о подробностях освящения храма 2-го Кадетского корпуса см. Московские Ведомости 1849 год, № 148.
- ⁵⁶⁸ - Сочинения Филарета, V, 47–48.
- ⁵⁶⁹ - Сочинения Филарета, V, 48–52 и примечания на стр. 52. Срав. Письма Филарета к Алексею, стр. 59; также – к Муравьеву, стр. 313; и – к Антонию, II, 496. Это упоминание о почившем великом князе, по свидетельству современников, вызвало невольные слезы в предстоявших и слушавших проповедь, любивших его, как Отца. См. Московские Ведомости 1849 год, № 148.
- ⁵⁷⁰ - Сочинения Филарета, V, 84; срав. 180.
- ⁵⁷¹ - Сочинения Филарета, V, стр. 525.
- ⁵⁷² - Прибавления к творениям святых отцов, 1883, 31, 276.
- ⁵⁷³ - Русский Архив 1888 г., № 5, стр. 0137.
- ⁵⁷⁴ - Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. 29, отд. 1, стр. 416, № 28150.

- 575 - См. Зотов, Исторические очерки царствования императора Николая I, стр. 88, СПб. 1859.
- 576 - Там же, стр. 89.
- 577 - Русский Архив, 1888 г. № 5, стр. 1237.
- 578 - Супруга императора Николая была дочь прусского короли Фридриха Вильгельма III.
- 579 - Письма Филарета к Антонию, III, 159, 161–162
- 580 - Сочинения Филарета, V, 174–175.
- 581 - Сочинения Филарета, V, стр. 215–216.
- 582 - Там же, стр. 216–217.
- 583 - Там же, стр. 532.
- 584 - См. записка сенатора Лебедева в Русском Архиве 1888 г. № 5, стр. 0137
- 585 - Сочинения Филарета, V, 532–533.
- 586 - Указанная статья Русского Архива, 1888 г. № 5.
- 587 - Письма Филарета к Антонию, III, 223.
- 588 - Там же, стр. 228, срав. 249.
- 589 - Стр. 231.
- 590 - Там же.
- 591 - Стр. 232. Упоминаемый здесь князь М. С. Воронцов был в то время Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. А крепостца, это – порт Св. Николая.
- 592 - Александра Скарлатовича, старого знакомого Филарета.
- 593 - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 94. М. 1884.
- 594 - Разумеются попытки христианских держав Европы изгнать турок в XV и XVI столетиях.
- 595 - В 1826–1829 годах.
- 596 - Во время египетского восстания.
- 597 - Разумеется известная нам нота от 19 июня 1853 года, составленная в Вене, и в августе, по принятии ею Россией, отвергнутая Турцией.
- 598 - Сочинения Филарета, V, 232–235.

⁵⁹⁹ - Герцог Веллингтон знаменитый английский полководец, победитель Наполеона I.

⁶⁰⁰ - Письма Филарета к Антонию, III, 241. Речь о сражении при Синопе.

⁶⁰¹ - Стр. 244. Далее следует любопытное сведение о политике Англии за рассматриваемое время.

⁶⁰² - Стр. 245.

⁶⁰³ - Стр. 252.

⁶⁰⁴ - Экзерциргауз – крытое помещение для военных упражнений в холодную и ненастную погоду (прим. ред.)

⁶⁰⁵ - Сочинения Филарета, V, 533–534.

⁶⁰⁶ - Письма Филарета к Антонию, III, 259. Также см. стр. 252, откуда можно видеть, что это не та икона-складень, о которой говорит Филарет в своей речи к воинам, хотя и древняя. И крестиками от лавры еще благословлял святитель воинов. См. там же, стр. 262, 264, 280, 287.

⁶⁰⁷ - См. там же, стр. 253–256, 260–261, 263–264.

⁶⁰⁸ - Там же, стр. 271–275, 297, 342, 355, 376, 380, 382, 385, 390.

⁶⁰⁹ - Супругою короля Голландского или Нидерландского была сестра нашего Государя, великая княгиня Анна Павловна.

⁶¹⁰ - Англо-французского флота.

⁶¹¹ - Письма Филарета к Антонию, III, 263.

⁶¹² - Сочинения Филарета, V, 284–288.

⁶¹³ - Письма Филарета к Антонию, III, 269.

⁶¹⁴ - Письма Филарета к Антонию, III, 277.

⁶¹⁵ - Т.е. графа Паскевича-Эриванского, князя Варшавского.

⁶¹⁶ - Чтения в обществе истории и древностей 1869, I, 150 отд. «Смесь».

⁶¹⁷ - Бомбардировка Одессы начато было с утра Великой субботы и продолжалось весь день, не исключая и времени литургии, о чем см. любопытное письмо Иннокентия Херсонского в Чтении в обществе истории и древностей, 1869, 1, 151–152 отд. «Смесь».

⁶¹⁸ - Сочинения Филарета, V, 534–535.

⁶¹⁹ - См. Письма Филарета к викарию Иннокентию Сельно-Кринову в Прибавлениях к творениям святых отцов, 1871, 24, 436 и 1872, 25, 51.

⁶²⁰ - Увы! Австрия, о которой здесь речь, слишком скоро удивила мир своею черною неблагодарностью.

⁶²¹ - Сочинения Филарета, V, 259–264.

⁶²² - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 96. Письмо от 5 июля 1854 года. Ср. также стр. 97.

⁶²³ - Письма Филарета к Антонию, III, 284.

⁶²⁴ - Там же, стр. 289.

⁶²⁵ - Чрез святителя Филарета, конечно, передававшего Лаврские крестики воинам.

⁶²⁶ - Письма Филарета к Антонию, III, 287.

⁶²⁷ - Там же, стр. 292.

⁶²⁸ - Сочинения Филарета, V, 269.

⁶²⁹ - Письма Филарета к Антонию, III, 297; срав. 300–301.

⁶³⁰ - Праздник Никона преподобного 17 ноября.

⁶³¹ - Письма Филарета к Антонию, III, 302.

⁶³² - Сочинения Филарета, V, 281–284.

⁶³³ - Там же, стр. 284.

⁶³⁴ - Чтения в обществе истории и древностей, 1869, I, 153 указанный отд. Здесь же на стр. 152 есть сведения и о холере среди неприятелей.

⁶³⁵ - Т.е. под Севастополем.

⁶³⁶ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 458.

⁶³⁷ - Письма Филарета к Антонию, III, 301–302; срав. стр. 317; срав. также Письма Филарета к Алексию, стр. 133–134.

⁶³⁸ - Сочинения Филарета, V, 284–288.

⁶³⁹ - Письма Филарета к Антонию, III, 305–306.

⁶⁴⁰ - Письма Филарета к Антонию, III, стр. 30.

⁶⁴¹ - Письма Филарета к Антонию, III, стр. 307–308. Текст утаиваемого здесь манифеста можно читать в Московских Ведомостях 1854 г. № 151.

⁶⁴² - Сочинения Филарета, V, 292–293.

- 643 - Письма Филарета к Антонию, III, 314.
- 644 - Так же, стр. 317.
- 645 - Текст этого манифеста, равно как и относящихся к нему по существу дела указов сенату и положения о государственном ополчении можно читать в Полном собрании законов Российской Империи, собрание второе т. 30, отд. 1, стр. 86–95, №№ 28991–28994.
- 646 - Душеполезное Чтение, 1808, I, 145–150, срав. 1881, II, 460.
- 647 - У англичан.
- 648 - К французам
- 649 - Сочинения Филарета, V, 304.
- 650 - Письма Филарета к Антонию, III, 819.
- 651 - Сравн. мнения современников о том же – в Русском Архиве 1888, III, 259.
- 652 - «Из записок сенатора К. Н. Лебедева» в Русском Архиве, 1888, III, 264.
- 653 - Письма Филарета к Антонию, III, 264.
- 654 - Московские Ведомости, 1825 г. № 101, где напечатаны и манифесты, и приложения к нему.
- 655 - «Несколько человек гнусного вида во фраках», как сообщалось в официальных известиях того времени. Московские Ведомости, 1825 г. № 102.
- 656 - Воспоминания М. М. Евреинова, о митрополите Филарете, стр. 21 Москва, 1873. Срав. Московские ведомости, 1825 г. № 102.
- 657 - Были попытки возмущения и крестьян ложными толками о слободе. См. Московские ведомости, 1826 год, № 42, где напечатал манифест по сему случаю.
- 658 - Московские ведомости, 1826 год, № 5, сравн. №№ 1, 11 и другие.
- 659 - Там же, №№ 47 и 59. Указ о том последовал от 10 июля; манифест по тому же случаю – от 13 июля 1826 года, а 21 июня того же года государь уже и прибыл в Москву для предстоящей коронации.

- ⁶⁶⁰ - Сочинения Филарета, III, 29.
- ⁶⁶¹ - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 5.
- ⁶⁶² - Сочинения Филарета, III, 29.
- ⁶⁶³ - Там же, стр. 356.
- ⁶⁶⁴ - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 8.
- ⁶⁶⁵ - Воспоминания М. М. Евреинова, о митрополите Филарете, стр. 24. Московские Ведомости, 1826, № 53. А великая княгиня Елена Павловна со своим супругом жила в это же время на даче близ Кузьминок в Кускове, в имении графа Д. Н. Шереметева, См. Московские ведомости, 1826 г. № 54.
- ⁶⁶⁶ - Сочинения Филарета, III, 29.
- ⁶⁶⁷ - Едва только в Петербурге высочайше утвержден был приговор над декабристами, как и в Москве, по высочайшей воле, Филаретом совершено было торжественное благодарственное молебствие с крестным ходом. Собрание мнений и отзывов Филарета, II, 144 и далее.
- ⁶⁶⁸ - Замечательно то, что передает по сему случаю современник события, именно, что Филарет, «не прежде возложил на себя белый клобук, как отнес оный в Чудов монастырь, положил его в раку святителя Алексия, в как бы от него принял оный и возложил на себя». Воспоминания М. М. Евреинова о митрополите Филарете, стр. 25.
- ⁶⁶⁹ - Коронации государя императора Александра I была в сентябре того же (1801) года, в котором в марте было и восшествие его на престол; коронация императора Павла была также чрез 4 месяца после его восшествия на престол, и т.д. Кроме того, изданным в марте высочайшим манифестом и сама коронация Николая I была объявлена, как имевшая совершиться в июне 1826 года (Московские ведомости, 1826 г. 36). Умедление произошло в ожидании окончания суда над декабристами.
- ⁶⁷⁰ - Сочинения Филарета, III, 49–50.
- ⁶⁷¹ - Из рукописных писем Преосвященного Евгения, хранящихся в Московской епархиальной библиотеке.
- ⁶⁷² - Русская Старина 1833, 28, 9.

- ⁶⁷³ - Там же, стр. 11 и далее.
- ⁶⁷⁴ - В отдельном издании и в собрании 1835 года: «смотрят на...» – выражения, несколько напоминающие собою слова известной речи Наполеона I к воинам в Египте.
- ⁶⁷⁵ - Сочинения Филарета, III, 51–52.
- ⁶⁷⁶ - Выражение самого Филарета о своей речи к царю, произнесенной 25 сентября 1826 года. См. Его Письма к родным, стр. 276.
- ⁶⁷⁷ - См. Записки сенатора Лебедева в Русском Архиве, за 1888 год, № 5, стр. 0136.
- ⁶⁷⁸ - Московские ведомости, 1826 год № 16.
- ⁶⁷⁹ - Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. VIII, стр. 68, № 5947.
- ⁶⁸⁰ - Сочинения Филарета, II, 248 и далее.
- ⁶⁸¹ - Здесь, конечно, ближе всего по самой цели проповеди – разумеются судии по выборам, а не от короны.
- ⁶⁸² - Сочинения Филарета, II, 256–259.
- ⁶⁸³ - Сочинения Филарета, III, 258, 255–256.
- ⁶⁸⁴ - См., например, Сочинения Филарета, IV, 56, 62–63, 472 и далее, 554 V, 179 и другие.
- ⁶⁸⁵ - Сочинения Филарета, V, 107.
- ⁶⁸⁶ - См. о сем более подробное наше исследование под заглавием: «Деятельность Филарета, митрополита Московского в холеру 1830–1831 годов, Москва, 1887.
- ⁶⁸⁷ - Прибавления к творениям святых отцов, 1886, 38, 401.
- ⁶⁸⁸ - Письма Филарета к родным, стр. 305.
- ⁶⁸⁹ - Сочинения Филарета, III, 148. Мы имеем под руками эту проповедь (от 14 сентября) и в отдельном издании (Москва, 1830). Бумага в этом издании уже проколота: известная предосторожность от холеры, чрез окуривание.
- ⁶⁹⁰ - Не забудем, что проповедь говорена была после освящены храма.
- ⁶⁹¹ - Сочинения Филарета, III 149–152.
- ⁶⁹² - Московские ведомости, 1830 г., стр. 3512–3513.

- ⁶⁹³ - Московские ведомости, 1830 г., стр. 3517–3518.
- ⁶⁹⁴ - Чтения в обществе истории и древностей, 1876, II. 117–118 отд. «Смесь».
- ⁶⁹⁵ - Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 462–468. Москва, 1883; Собрание мнений и отзывов Филарета, стр. 28–29. СПб. 1887.
- ⁶⁹⁶ - Стихотворение «Осень 1830 года», стр. 9–10. Москва, 1831.
- ⁶⁹⁷ - Московские ведомости, 1830 г. стр. 3518.
- ⁶⁹⁸ - Там же. Собственно говоря, эти сообщения делались тогда в особом приложении к Московским ведомостям, (печатались и в самых Московских ведомостях), под заглавием: Ведомость о состоянии города Москвы и настоящее именно сообщение в № 7 этой Ведомости.
- ⁶⁹⁹ - К сему месту речи и в Московских ведомостях, (стр. 3559), и в Собраниях слов и речей Филарета, изданий 1835 и 1877 годов, – сделало такое примечание: «сие относится к мерам предосторожности против распространения возникшей болезни».
- ⁷⁰⁰ - Сочинения Филарета, III, 152.
- ⁷⁰¹ - Московские ведомости, 1830 г., стр. 8558.
- ⁷⁰² - Русский Архив, 1884, III, 142. Срав. также стихи С. Глинки в Московские ведомости, 1830 г., стр. 3728; Н. М. Шатрова, Осень 1830 г. стр. 10–11 и другие.
- ⁷⁰³ - Государь прибыл 29 сентября утром, а крестные ходы были 25, 26 и 27 сентября.
- ⁷⁰⁴ - Душеполезное Чтение, 1883, I, 258.
- ⁷⁰⁵ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1878, III, 3 «Материалов для истории русской церкви»
- ⁷⁰⁶ - Московские ведомости, 1830 г. стр. 3514. Срав. Воспоминания Пассек в Русской Старине, 1876, 16, 107.
- ⁷⁰⁷ - См. «Воспоминания графа М. В. Толстого» в Русском Архиве, за 1881 г. II, 63.
- ⁷⁰⁸ - Сочинения Филарета, III, 149–150.

⁷⁰⁹ - Воспоминания М. М. Евреинова о митрополите Филарете, стр. 40. Москва, 1873 (Отдельный оттиск из Душеполезного чтения).

⁷¹⁰ - Сочинения Филарета, III, 155.

⁷¹¹ - Русская Старина, 1885, 47, 11–12. Только при этом считаем нужным сказать, что здесь (стр. 11), по недоразумению, смешиваются проповеди 18 сентября и 5 октября и именно последняя неправильно считается послужившею поводом к доносу на Филарета.

⁷¹² - Чтения в обществе истории и древностей, 1876, II. 123, отд. «Смесь».

⁷¹³ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 871, 13, 48 «Материал для биографии Филарета».

⁷¹⁴ - Московские ведомости, 1830 г. стр. 3686.

⁷¹⁵ - «Воспоминания» доселе здравствующего свидетеля графа М. В. Толстого в Русском Архиве, 1881, II. 44.

⁷¹⁶ - Душеполезное Чтение, 1869 год, II, 96.

⁷¹⁷ - 5 октября в 1830 году приходилось в воскресенье (день Господень)

⁷¹⁸ - Сочинения Филарета, III, 153.

⁷¹⁹ - Чтения в обществе истории и древностей, 1876, II, 122 отд. «смесь».

⁷²⁰ - Обыкновенно в день празднования воспоминания избавления Москвы от французов собиралось в Успенский собор (где говорена была настоящая проповедь Филарета), все духовенство столицы. А в 1830 году, по вышеприведенной резолюция Филарета, по причине холеры приходское духовенство оставлено было по своим местам, для подавания помощи болящим, а в главном крестном ходу участвовало лишь духовенство соборов и монастырей.

⁷²¹ - Сочинения Филарета, III, 156–159.

⁷²² - Осень 1830 года, стихотворение. Стр. 17–19. Москва, 1831.

⁷²³ - Русский Архив, 1881, II, 45.

⁷²⁴ - Из рукописного стихотворения о холере 1830 года, хранящегося в библиотеке Московского почетного гражданина Н. И. Ушакова.

⁷²⁵ - См. священник И. С. Орлов, Историческое описание Троицкой церкви с её приходом, стр. 165–166, примечание, Москва, 1844; срав. Московские ведомости, 1830 год, стр. 4006–4007.

⁷²⁶ - Стихотворение Шатрова. Осень 1830 года, стр. 16.

⁷²⁷ - Рукопись стихов из библиотеки П. И. Ушакова.

⁷²⁸ - Московские ведомости, 1830 г, стр. 3843.

⁷²⁹ - Сочинения Филарета, III, 160–165.

⁷³⁰ - Чтения в обществе истории и древностей, 1876, II, 132, отд. «Смесь».

⁷³¹ - Стихотворение Шатрова. Осень 1830 года, стр. 16.

⁷³² - Замечательно и то, что проповедь даже в самом заголовке своем не имеет прежде повторявшегося указания на «губительную болезнь».

⁷³³ - Святитель Филарет и в предписаниях своих приходским священникам за холерное время поручал им внушать эту истину простому народу. См., например, резолюции его и предписали в Чтениях в обществе истории и древностей, 1876, II, 123. 135–136, отд. «Смесь» и другие.

⁷³⁴ - Сочинения Филарета, III, 165–171.

⁷³⁵ - Московские ведомости, 1830 г., стр. 4214–4325, срав. Русский Архив, 1884, III, 150–151, Московские ведомости, 1884 г., № 200 и другие.

⁷³⁶ - Некоторые карантинные меры оставались в силе значительное время и после 6 декабря, о чем см. Московские ведомости, 1830 г. стр. 4412, 4495, 4541.

⁷³⁷ - Сочинения Филарета, III, 171–174.

⁷³⁸ - Чтения в обществе истории и древностей, 1876, II, 138, отд. «Смесь».

⁷³⁹ - Так, например, за 27 декабря занемогших холерою значится всего 28 человек, а состояло больных ею 165 человек. См. Московские ведомости, 1830 г., стр. 4581.

- ⁷⁴⁰ - Письма Филарета к родным, стр. 312.
- ⁷⁴¹ - Христианское Чтение, 1884, I, 223.
- ⁷⁴² - Разумеется карантин на реке Шоше, снятый, по высочайшему повелению, лишь 19 марта 1831 года.
- ⁷⁴³ - Письма Филарета к родным, стр. 313.
- ⁷⁴⁴ - Московские ведомости, 1831 г. стр. 1567; срав. стр. 1118.
- ⁷⁴⁵ - Сочинения Филарета, III, 468–470. Эту проповедь в рукописи святитель Филарет в 1831 же году передал князю Д. В. Голицыну, и с этой-то рукописи она в 1877 году напечатана. См. там же, стр. 463, примечание.
- ⁷⁴⁶ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 254. Киев, 1869.
- ⁷⁴⁷ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 214.
- ⁷⁴⁸ - Письма Филарета к Антонию, II, 331–332; сноска 339 в 342 и далее.
- ⁷⁴⁹ - Сочинения Филарета, IV, 612.
- ⁷⁵⁰ - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 243–244. СПб. 1886.
- ⁷⁵¹ - Письма Филарета к Антонию, II, 350.
- ⁷⁵² - Сочинения Филарета, IV, 508–511.
- ⁷⁵³ - Срав. для сего Московские ведомости, 1847 год, номера 120, 123, 125, 128, 131, 132 и далее.
- ⁷⁵⁴ - По случаю прекращения холеры генерал-губернатор 10 февраля дал даже парадный обед. См. Московские ведомости, 1848 г. № 20.
- ⁷⁵⁵ - Поднимаемы были обыкновенно иконы Иверской Божией Матери, Спасителя и другие, особенно чтимые. Во многих местах Москвы, в память этого посещения Божия, установлен был и доселе соблюдается благочестивый обычай ежегодного молебствия пред теми же святыми иконами, туда для сего приносимыми.
- ⁷⁵⁶ - В Творениях святых отцов «рука грозного Ангела».
- ⁷⁵⁷ - Каждый номер Московских Ведомостей за холерное время полон был сообщений о публичных увеселениях и

зрелищах в Большом и Малом театрах, об артистах и артистках и т.д.

⁷⁵⁸ - Сочинения Филарета, IV, 537–540.

⁷⁵⁹ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 273–274.

⁷⁶⁰ - Именно князь Щербатов был уволен высочайшим рескриптом от 6 мая, а граф Закревский прибыл в Москву 8 июня. См. Московские ведомости, 1848 г., № 58 и 71.

⁷⁶¹ - Сочинения Филарета, IV, 508–511.

⁷⁶² - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 253–254.

Между прочим, в эту холеру скончался глубоко уважаемый всеми протоиерей С. А. Владимирский, которого высоко ценил и Филарет, о чем см. Письма Филарета к Антонию, II, 467. Ср. также Православное Обозрение, 1887, I, 225 и далее, 249, 433 и другие.

⁷⁶³ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 151–152 приложение.

⁷⁶⁴ - Письма Филарета к Антонию, II, 348, 359.

⁷⁶⁵ - При этом святитель имеет в виду ближе всего энергичную деятельность нового генерал-губернатора, упомянутого графа А. А. Закревского в борьбе с холерой, в изыскании и применении мер против неё и в возбуждении духа благотворности среди московских граждан, о чем можно читать в каждом почти номере Московских ведомостей, за 1848 год, начиная с № 71.

⁷⁶⁶ - Сочинения Филарета, IV, 687–591.

⁷⁶⁷ - В апреле 1850 года Филарету, вместе с другими лицами, чрез графа Закревского, изъявлена была «совершенная признательность и благоволение» государя за деятельность в холеру 1847–48 годов. См. Московские ведомости, 1850 г. № 67.

⁷⁶⁸ - Письма Филарета к Антонию, III, 178.

⁷⁶⁹ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 416

⁷⁷⁰ - Успенский, скончавшийся в сане митрополита Киевского в 1882 году.

⁷⁷¹ - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 87. Высочайшие Особы, впрочем, отложили свою поездку в Москву (стр. 88) и были здесь уже в июле.

⁷⁷² - Письма Филарета к Антонию, III, 203 и далее. 209, 287 и другие.

⁷⁷³ - Там же, стр. 287. Срав. также стр. 215, 219, 223, 283, 285 и 293; – Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 423 и другие.

⁷⁷⁴ - Сочинения Филарета, V, 200 и далее.

⁷⁷⁵ - Там же, стр. 220–224.

⁷⁷⁶ - Святитель понимает главным образом летние месяцы 1854 года, когда болезнь была особенно сильна.

⁷⁷⁷ - Сочинения Филарета, V, 273–278.

⁷⁷⁸ - Рукописное стихотворение библиотеки Н. И. Ушакова.

⁷⁷⁹ - Сочинения Филарета, IV, 597.

⁷⁸⁰ - Письма Филарета к Антонию, II, 364.

⁷⁸¹ - Сочинения Филарета, III, 464.

⁷⁸² - Там же, стр. 206.

⁷⁸³ - Сочинения Филарета, V, 107.

⁷⁸⁴ - См. наше исследование о катехизисах Филарета в Филаретовском Юбилейном Сборнике, II, 747, 755 и далее.

⁷⁸⁵ - Сочинения Филарета, III, 255.

⁷⁸⁶ - Государь из Петербурга еще в конце лета сего года направился сперва на запад России, а потом на юг и наконец из Крыма Черным морем на Кавказ, при чем всюду осматривал войска, крепости, морские сооружения и т.д.. а под Вознесенском делал маневры.

⁷⁸⁷ - Сочинения Филарета, IV, 73–74. Эта речь, как образец красноречия, служила предметом разбора, например, в Московской духовной академии по классу всеобщей словесности. См. для сего С. К. Смирнова История Московской духовной академии, стр. 55–56 Москва, 1879.

⁷⁸⁸ - Письма Филарета к Антонию, II, 96.

⁷⁸⁹ - Сочинения Филарета, IV, 270–272.

⁷⁹⁰ - Сочинения Филарета, V, 47–52. Срав. слово, говоренное в 1-м Московском кадетском корпусе в 1846 году (Сочинения Филарета, IV, 608 и далее) и в 1852 году (Сочинения Филарета, V, 175). На место великого князя Михаила Павловича в отношении к военно-учебным заведениям был назначен наследник цесаревич.

⁷⁹¹ - Сочинения Филарета, V, 12.

⁷⁹² - Там же, стр. 533, 232 и далее.

⁷⁹³ - В Творениях святых отцов, – «под не усыпающим взором».

⁷⁹⁴ - Там же «до высшей степени совершенства доведенным».

⁷⁹⁵ - Сочинения Филарета, V, 140–143.

⁷⁹⁶ - Высочайший указ о пенсии (но 50 тысяч рублей в год) отечественному историографу Н. М. Карамзину см. Московские Ведомости, 1826 год, № 43. О милостях государя к А. С. Пушкину при жизни и по смерти последнего см. на стр. 389, 391, 429 и т.д. Сочинений Пушкина, издания Анненкова, т. I. СПб, 1855.

⁷⁹⁷ - Сочинения Филарета, V, 250. Слово при освящении Храма в Московском коммерческом училище.

⁷⁹⁸ - Сочинения Филарета, III, 222.

⁷⁹⁹ - Иначе сказать, вопрос о счастье.

⁸⁰⁰ - Сочинения Филарета, IV, 61–68.

⁸⁰¹ - Сочинения Филарета, V, 62.

⁸⁰² - Там же, стр. 115.

⁸⁰³ - Сочинения Филарета, III, 96–102.

⁸⁰⁴ - В рукописи самого витии было написано: «возрастающего вместе с возрастом сего виновника торжества».

⁸⁰⁵ - Титул цесаревича – наследник престола Александр Николаевич подучил в конце 1831 года, после кончины цесаревича Константина Павловича, а доселе именовался просто великим князем.

⁸⁰⁶ - Разумеется устроенный от Московского городского Общества, в память этого события, дом воспитания бедных детей и призрения престарелых и немощных.

⁸⁰⁷ - Сочинения Филарета, III, 346–352.

⁸⁰⁸ - Сочинения Филарета, V, 249–252.

⁸⁰⁹ - Сочинения Филарета, IV, 187–188 Из слова в день памяти преподобного Сергия 25 сентября 1842 года.

⁸¹⁰ - Сочинения Филарета, III, 168. Из слова в день восшествия на престол Государя Императора 20 ноября 1830 года.

⁸¹¹ - Сочинения Филарета, III, 144 и далее.

⁸¹² - Сочинения Филарета, IV, 61 и далее.; V, 62 и далее; 115, 293.

⁸¹³ - Сочинения Филарета, IV, 119 и далее.

⁸¹⁴ - Там же, стр. 608 и далее.

⁸¹⁵ - Сочинения Филарета, V, 136 и далее.

⁸¹⁶ - Там же, стр. 192 и далее.

⁸¹⁷ - Стр. 270.

⁸¹⁸ - Сочинения Филарета, V, 293–300. О значении и впечатлении этой проповеди см. мнение современника в Русском Архиве 1888, III, 254.

⁸¹⁹ - Сочинения Филарета, IV, 75.

⁸²⁰ - Его мысли о том можно читать в Собрании мнений и отзывов Филарета, III, 570–576 Письма Филарета к родным, стр. 411 и т.д.

⁸²¹ - Александре Федоровне, августейшей супруге императора Николая.

⁸²² - Как известно, а доселе в ведомстве императрицы Марш находятся воспитательно-благотворительные учреждения, с 1853 года еще более увеличившиеся в своем числе.

⁸²³ - Сочинения Филарета, IV, 192–195.

⁸²⁴ - До конца 1825 года в декабре (12 дня) праздновалось рождение государя императора Александра Павловича, а

теперь – тезоименитство императора Николая Павловича в декабре же 6 дня.

825 - Сочинения Филарета, III, 59–60.

826 - Сочинения Филарета, III, 111.

827 - Сочинения Филарета, IV, 330–331.

828 - См. о сём Письма Филарета к Антонию, I, 131.

829 - Сочинения Филарета, III, 293.

830 - Сочинения Филарета, V, 281.

831 - Сочинения Филарета, IV, 330.

832 - Сочинения Филарета, V, 183.

833 - Сочинения Филарета, IV, 467.

834 - Разумеется последовавшее в ноябре сего 1853 года, высочайшее его императорского Величества повеление торжественно праздновать 50-летнее существование Московского императорского Вдовьего дома в 6 день декабря, при чем в ознаменованье своего сыновнего почтения к памяти почившей основательницы этого дома императрицы Марии Феодоровны, государь император изволил пожаловать Вдовьему дому портрет её. Московские Ведомости, 1853 год, № 147.

835 - Сочинения Филарета, V, 236–237.

836 - Сочинения Филарета, V, 110–111.

837 - Сочинения Филарета, III, 250–251.

838 - Сочинения Филарета, IV, 459. Далее в речи следует приличное случаю и мудрое наставление слушателям. Срав. также проповедь его в Глазной больнице, там же, стр. 412.

839 - Сочинения Филарета, IV, 276–277.

840 - Сочинения Филарета, IV, 468–469.

841 - Скончавшийся в 1871 году.

842 - Сочинения Филарета, III, 160.

843 - Стр. 237.

844 - Сочинения Филарета, IV, 119–121.

845 - См. о том Московские Ведомости, 1826 г., № 48.

⁸⁴⁶ - Сочинения Филарета, IV, 412–413. Составленное известным поэтом О. И. Глинкою описание этого оснащения глазной больницы см. Московские Ведомости, за 1845 год.

⁸⁴⁷ - Сочинения Филарета, IV, 522–523.

⁸⁴⁸ - Стр. 278–283.

⁸⁴⁹ - Стр. 283–284.

⁸⁵⁰ - Сочинения Филарета, V, 535–539.

⁸⁵¹ - Там же, стр. 170–171.

⁸⁵² - Стр. 241. Срав. Московские ведомости, 1853 г. № 155.

⁸⁵³ - Амвросий Протасов.

⁸⁵⁴ - А на чужой кафедре (в Петербурге), по каноническим правилам, нельзя было Филарету проповедовать.

⁸⁵⁵ - Прибавления к творениям святых отцов, 1872, 25, 37.

⁸⁵⁶ - Там же, стр. 46. срав. 45. Припомним о головокружениях, которые бывали иногда с Филаретом.

⁸⁵⁷ - Мы помним, что это было время Турецкой войны, которой, кстати сказать, в Бозе почившая императрица при жизни своей весьма не желала, как о том свидетельствуют близкие к ней лица. См. Русский Архив, 1869 г стр. 632–633.

⁸⁵⁸ - Прибавления к творениям святых отцов, 1872, 25, 39–40.

⁸⁵⁹ - Сочинения Филарета, III, 206–207; срав. также речь 1835 года, там же стр. 359–360.

⁸⁶⁰ - Так в подлинной рукописи было; а в печатных изданиях поправлено на слово: «царства».

⁸⁶¹ - В 1834 году Пасха была 22 апреля.

⁸⁶² - В рукописи автора и было ясно поставлено: «жертва Илии».

⁸⁶³ - Сочинения Филарета, III, 265–267.

⁸⁶⁴ - Сочинения Филарета, III, 282.

⁸⁶⁵ - Август царским месяцем назван, очевидно, потому, что в этом месяце праздновалась коронация и тезоименитство наследника престола.

⁸⁶⁶ - Сочинения Филарета, IV, 601.

- 867 - Там же, стр. 31.
- 868 - Стр. 53–54.
- 869 - Стр. 54–55.
- 870 - Стр. 55–56.
- 871 - Стр. 57.
- 872 - Стр. 73.
- 873 - Стр. 74.
- 874 - Стр. 75.
- 875 - См. № 101 Московских Ведомостей за 1837 год, стр. 757. Справ. Православное Обозрение, 1887, I, 220–221: «Письма Филарета к викарию Виталию»
- 876 - Письма Филарета к Антонию, I, 265.
- 877 - Православное Обозрение, 1887, I, 428–429.
- 878 - Сочинения Филарета, IV, 112.
- 879 - Сочинения Филарета, IV, 145–146.
- 880 - В последнем случае разумеется воссоединение униатов, о котором у нас будет речь в своем месте.
- 881 - Сочинения Филарета, IV, 602
- 882 - Сочинения Филарета, IV, 606–607.
- 883 - Справ. Письма Филарета к Антонию, II, 94.
- 884 - Еще 20 августа государь отбыл из Петербурга в Пруссию на маневры, имевшие быть в сентябре.
- 885 - Рождение наследника наследнику последовало 8 сентября и в тот же день государыня императрица Александра Феодоровна послала на имя Московского генерал-губернатора князя А. Г. Щербатова рескрипт, коим, по поручению государя, данному пред его отъездом, сообщает весть о сем радостном событии и призывает к молитве и торжеству по сему случаю. Московские ведомости, 1843 г. № 109 и 110.
- 886 - Сочинения Филарета, IV, 466.
- 887 - Сочинения Филарета, IV, 549–550. Справ. Московские ведомости, 1848 год, № 56.
- 888 - Сочинения Филарета, V, 11.
- 889 - Пасха в 1849 году была 3 апреля.

⁸⁹⁰ - См. описание торжества освящения в Московских ведомостях, 1849, № 42.

⁸⁹¹ - Сочинения Филарета, V, 12. Описание дворца (и доселе красующегося в Московском Кремле) с объяснением значения каждой из зал его и других подробностей можно читать в Московских ведомостях, 1849 года, № 41,44,46,47. Строил его архитектор К. А. Тон (№ 41).

⁸⁹² - Исполненный глубокого соболезнования Высочайший манифест о сем можно читать в Московских ведомостях, 1849 года, № 107. 8 сентября того же года Филарет совершил соборне, в присутствии светских властей, в Чудове монастыре, первую панихиду по усопшем. См. там же, № 108.

⁸⁹³ - Разумеются, конечно, с одной стороны: сам наследник цесаревич, Александр Николаевич и августейшие братья его, великие князья: Константин, Николай и Михаил Николаевичи, а с другой – августейшие дети наследника, великие князья: Николай Александрович, скончавшийся в 1865 году, Александр Александрович, ныне благополучно царствующий Государь император и наконец великие князья Владимир и Алексей Александровичи.

⁸⁹⁴ - Разумеется пребывание августейшей фамилии в Москве в 1849 году по случаю возобновления Кремлевских царских палат и церквей.

⁸⁹⁵ - Сочинения Филарета, V, 59–62.

⁸⁹⁶ - В Бозе почившему цесаревичу великому князю Николаю Александровичу в то время было 8 лет от роду, а ныне благополучно царствующему Государю императору Александру Александровичу всего лишь 6 лет с половиною.

⁸⁹⁷ - Сочинения Филарета, V, 524.

⁸⁹⁸ - Сочинения Филарета, V, 527.

⁸⁹⁹ - Стр. 525–526. (О путешествии наследника цесаревича в Закавказский край в октябре 1850 года, см. Московские ведомости, 1850 г. № 131).

⁹⁰⁰ - Сочинения Филарета, V, 527–528.

⁹⁰¹ - См. стр. 528–531 и далее.

⁹⁰² - Сочинения Филарета, V, 105–108.

⁹⁰³ - Письма Филарета к Антонию, III, 55–56. Здесь же на стр. 55 можно читать и сообщение самого Филарета о чтении им иностранных ведомостей.

⁹⁰⁴ - См. случай там же, стр. 55.

⁹⁰⁵ - Сочинения Филарета, V, 108–110.

⁹⁰⁶ - Письма Филарета к Алексию, стр. 76–77.

⁹⁰⁷ - Задержка имела причиною своею то, что в одном месте на пути следования императорского поезда рабочие простерто свое усердие до того, что выкрасили масляною краской не только перила моста, но и рельсы, отчего вагоны остановились при тихом движении поезда и долго не могла следовать далее.

⁹⁰⁸ - Письма Филарета к Антонию, III, 101. Срав. письмо Филарета к графу Протасову в Русском Архиве, 1876, III, 175 и в Русской Старине, 1886, 51, 297.

⁹⁰⁹ - Сочинения Филарета, V, 526.

⁹¹⁰ - Русский Архив, 1876, III, 175–176; см. в Русской Старине, 1886, 51, 297–298.

⁹¹¹ - Московского фабриканта Сазикова.

⁹¹² - Русский Архив, 1876, III, 177; Русская Старина, 1886, 51, 299. Срав. Письма Филарета к Антонию, III, 102.

⁹¹³ - Письма Филарета к Алексию, стр. 85–86; см. Русская Старина, 1886, 51, 295–296.

⁹¹⁴ - Русский Архив, 1876, III, 176; Русская Старина, 1886, 51, 298.

⁹¹⁵ - Разумеется вышеописанная поездка по Николаевской железной дороге.

⁹¹⁶ - Сочинения Филарета, V, 157–158.

⁹¹⁷ - За месяц до сего скончался и обер-прокурор Святейшего Синода граф П. А. Протасов, «по болезни, продолжавшейся, как говорят, только несколько часов». Письма Филарета к Антонию, III, 312 (письмо от 19 января 1855 года). Он умер «от нервного удара», Русский Архив, 1888, III, 252.

⁹¹⁸ - Говорят, император французов Наполеон III войною Крымскою мстил императору Николаю за то, что последний в сношениях с ним не называл его братом.

⁹¹⁹ - Кроме официальных и неофициальных сообщений о последних днях и часах жизни покойного императора в русской и иностранной печати того времени, напечатано было и несколько стихотворений разных лиц по тому же случаю. В одном из них вот что между прочим, о нем читаем: Он пал, но пал как жил, мгновенья Не оробел пред смертью он. Покорен воле Провиденья, Презревши боль, сдавивши стон, Преемнику бразды правленья Спокойной, твердою рукою Одну вручил он за другою, Русский Архив, 1888, III, 264.

⁹²⁰ - Разумеется тот случай в жизни митрополита Платона (Левшина), когда он, подобно Филарету, лишь в Москве молился за упокой души царственного ученика своего императора Пакта I в 1801 году.

⁹²¹ - Филарету в то время шел уже 73-й год от рождения, а по железной дороге он не любил и по здоровью своему не чувствовал для себя удобным ехать, о чем см. нашу статью по случаю 25-летия Ярославской (Троицкой) железной дорога, помещенную в 10-й книге Русского Архива за 1887 год.

⁹²² - Письма Филарета к Антонию, III, 320–321. Срав. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, 465–466.

⁹²³ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 2–4. Москва. 1886. См. также в Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1871 г. № 9, стр. 33–34.

⁹²⁴ - Александру Николаевичу.

⁹²⁵ - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 99; срав. стр. 98.

⁹²⁶ - И в приведенном письме к Антонию от 4 марта святитель пишет «утешительны также вести о новом государе, как он в первые часы явил себя царем в полной силе мудрости». Письма Филарета к Антонию, III, 321.

⁹²⁷ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 4–5.

⁹²⁸ - Письма Филарета к Антонию, III, 324.

⁹²⁹ - Копия с рескрипта, в рукописном виде хранится в библиотеке Московской духовной академии.

⁹³⁰ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 336–337. Срав. Письма Филарета к Григорию Постникову в Чтениях в

Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 156 «Материалов для истории Русской Церкви».

⁹³¹ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 156–157.

⁹³² - Муравьев.

⁹³³ - Архиепископ Севастийский Фаддей, благословивший Муравьева частицею гроба Господня, будучи еще игуменом храма Воскресения во время страшного его пожара, бывшего в 1808 году, упросил греческого архитектора Комнина, восстанавливавшего священное здание, отделать ему эту частицу. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 336.

⁹³⁴ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 157.

⁹³⁵ - Письма Филарета к Антонию, III, 89–40. Подобное же, только в более мягком тоне Филарет писал и Григорию. См. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 158. Мысль была, что причиною несогласия Никанора было недоверие его к А. Н. Муравьеву. Письма Филарета к Антонию, III, 40–41.

⁹³⁶ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 158.

⁹³⁷ - Прибавление к творениям святых отцов, издания при Московской духовной академии.

⁹³⁸ - Письма Филарета к Антонию, III, 42.

⁹³⁹ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 336–338.

⁹⁴⁰ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 163 «Материалов для истории русской Церкви».

⁹⁴¹ - Письма Филарета к Алексею, стр. 74–75.

⁹⁴² - Письма Филарета к Антонию, III, 58.

⁹⁴³ - При сем в рукописи беседа было добавлено и об А. Н. Муравьеве чрез которого она перешла в Россию.

⁹⁴⁴ - Сочинения Филарета, V, 76–80.

⁹⁴⁵ - Это было в декабре 1817 года, а с 1818 года и устроена была на месте истари существовавшей церкви святого

апостола Филиппа и при сей самой церкви Иерусалимское подворье. См. Душеполезное Чтение, 1888, II, 356.

⁹⁴⁶ - Святителя Николая Чудотворца, что на Никольской улице.

⁹⁴⁷ - Св. священномученика Ипатия, в Ипатьевском переулке, на Ильинке.

⁹⁴⁸ - Сочинения Филарета, V, 171–175.

⁹⁴⁹ - Там же. стр. 174.

⁹⁵⁰ - Сочинения Филарета, IV, 322 и далее.

⁹⁵¹ - Сочинения Филарета, III, 209; IV, 39; 51 и далее, 325.

⁹⁵² - Он скончался в 1858 году, следовательно, на другой год по кончине Филарета Московского.

⁹⁵³ - Записки Иосифа, митрополита Литовского, ч. II, приложение № 22. Срав. статью Н. И. Кедрова в Душеполезном Чтении 1886, II, 95–96.

⁹⁵⁴ - Записки Иосифа, I, 45.

⁹⁵⁵ - Устрялов, Русская История, ч. II, 495.

⁹⁵⁶ - При этом не можем не отметить того обстоятельства, что граф Протасов, действовавший, как мы раньше говорили, под влиянием лиц латинствовавших в своих убеждениях, далеко не так искренно, как бы следовало обер-прокурору Святейшего Синода Российской Церкви, относился к воссоединению униатов. О сем см. Записки Иосифа, III, 161 и другие.

⁹⁵⁷ - Сочинения Филарета, IV, 31.

⁹⁵⁸ - Сочинения Филарета, IV, стр. 31–32.

⁹⁵⁹ - Сочинения Филарета, V, 44.

⁹⁶⁰ - Там же, стр. 107–108.

⁹⁶¹ - По Евреиновскому сборнику к сему добавлено еще: «и предатель видимо приобщался трапезы Господней».

⁹⁶² - Сочинения Филарета, III, 57–58.

⁹⁶³ - Сочинения Филарета, III, 87.

⁹⁶⁴ - По еврейновскому сборнику: «дух человеческий, воскреляемый верою и любовью, в самом средоточии существа своего, или в самой высшей силе и способности, которою...»

- ⁹⁶⁵ - Сочинения Филарета, III, 125–128.
- ⁹⁶⁶ - См., например, еще проповеди, говоренные в 1832, 1842, 1847, 1853 и 1854 годы, и особенно некоторые места в иных из них. Сочинения Филарета, III, 222, IV, 164, 166 и далее, 494; V, 202, 264 и другие.
- ⁹⁶⁷ - Сочинения Филарета, IV, 90.
- ⁹⁶⁸ - Там же, стр. 95 и далее.
- ⁹⁶⁹ - Подробнее о сем см. в Русской Старине 1886, 51, 300 и далее. Срав. также статью отца Т. И Буткевича в журнале Вера и разум, 1886, II, 240 и далее, отд. церк.
- ⁹⁷⁰ - В Д. Олсуфьев пред тем временем был Московским гражданским губернатором, а потом назначен был гофмейстером при Дворе.
- ⁹⁷¹ - По списку редакции Русской Старины прямо: «жену». См. Русская Старина, 1886, 51, 301.
- ⁹⁷² - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 65–68 приложение. Срав. Русская Старина, 1886, 51, 301–303.
- ⁹⁷³ - Т.е. издатели ведомостей и заведовавшие их цензурою и редакцией.
- ⁹⁷⁴ - Письма Филарета к Антонию, III, 230.
- ⁹⁷⁵ - См. там же. стр. 210. Письмо от 4 декабря того же 1853 года.
- ⁹⁷⁶ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 436.
- ⁹⁷⁷ - Мария Александровна, впоследствии Императрица.
- ⁹⁷⁸ - Письма Филарета к Антонию, III, 232.
- ⁹⁷⁹ - Конечно, в значительном большинстве из высшего круга, по случаю царского дня.
- ⁹⁸⁰ - Сочинения Филарета, V, 235.
- ⁹⁸¹ - См., например, Собрание мнений и отзывов Филарета, II, 369–372; 396–402; III, 387, IV, 146–267, 269–270 и многие другие. Душеполезное Чтение, 1872, III. 469–472 и многие другие.
- ⁹⁸² - Срав. брошюру известного знатока раскола профессора Московской духовной академии Н. И. Субботина: О сущности и значении раскола в России, стр. 18, СПб. 1883.

⁹⁸³ - Издано в Москве к 1874 году Срав. также исследования того же почтенного автора, писанные частью в сокращенное повторение, изложенного в сем сочинении, сделавшемся теперь библиографическою редкостью, частью же в продолжение его, в издаваемом им же Братском Слове за 1885 (начиная с № 13) и в последующие годы.

⁹⁸⁴ - Это Антоний 1-й, весьма известный своим умом и ловкостью, много послуживший процветанию раскола и не очень давно скончавшийся. После был поставлен Кириллом же для России еще лжеепископ с тем же именем Антоний 2-й.

⁹⁸⁵ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 15. Срав. Начало 1-й беседы к глаголемому старообрядцу.

⁹⁸⁶ - Разумеются свидетельства о имени Иисуса, которые приведены Филаретом в его «Дополнительной беседе к глаголемому старообрядцу о поклоняемом имени Иисус». См. стр. 69 и далее издания 1835 года и стр. 70, издания 1850 года.

⁹⁸⁷ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 584–585 СПб, 1887

⁹⁸⁸ - Письмо находится в рукописном виде в библиотеке Московской духовной академии., в числе бумаг митрополита Филарета, пакет № 2, бум. № 3. Письмо не собственноручное, но только собственноручно подписанное и исправленное.

⁹⁸⁹ - Хранятся в рукописном виде там же и в том же пакете, № 4. Это письмо (краткое) все собственноручное.

⁹⁹⁰ - Сочинения Филарета, III, 292.

⁹⁹¹ - Этот труд, хранящийся в рукописном виде в библиотеке Московской духовной академии. (бумаг митрополита Филарета, пакет № 3, докум. № 6), напечатан во 2-м томе Собрания мнений и отзывов Филарета (СПб 1885). На стр. 364–372.

⁹⁹² - Там же, стр. 864.

⁹⁹³ - Там же, стр. 372, примечание 1.

⁹⁹⁴ - Собрание мнений и отзывов Филарета, II, 402–410, 452–454, III, 21–23, 62, 91–93 и т.д., дополнительные страницы 97–99, 188–192.

⁹⁹⁵ - Только вследствие крайней недосужности Филарет не продолжал далее желанных и им самим, и другими «Бесед»

этих. О сем см. его собственные слова в Душеполезном Чтении, 1877, III. 531.

⁹⁹⁶ - Сочинения Филарета, IV, 43–49. Срав. там же стр. 482–483.

⁹⁹⁷ - См. письма Филарета Черниговского к А. В. Горскому о Прибавлениях к творениям святых отцов, 1883, 31, 258; срав. 266. Название и относится к печальному 1842 году.

⁹⁹⁸ - См. Письма Филарета к Антонию, I, 376.

⁹⁹⁹ - Сочинения Филарета, IV, 141–142.

¹⁰⁰⁰ - Сочинения Филарета, IV, 376–377.

¹⁰⁰¹ - Это – тот самый Андрей Ларионович Шутов, который потом, с именем Антония I, был поставлен в епископы в Белой Кринице.

¹⁰⁰² - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 107–109. СПб. 1885.

¹⁰⁰³ - Письма Филарета к Антонию, II, 236.

¹⁰⁰⁴ - Сочинения Филарета, IV, 427–128.

¹⁰⁰⁵ - В отдельных изданиях – «святые».

¹⁰⁰⁶ - Сочинения Филарета, IV, 432–433.

¹⁰⁰⁷ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1882, III, 292 «Материалов для истории русской Церкви».

¹⁰⁰⁸ - Ибо и в других, кроме сейчас указанных, проповедях своих Филарет касался раскола.

¹⁰⁰⁹ - См. так же письма его к Виталию, Православное Обозрение 1887 г., I, 452.

¹⁰¹⁰ - Старейший – Введения, и несколько позднейший – Святой Троицы. Последний храм освящен был митрополитом Серафимом.

¹⁰¹¹ - Святитель разумеет здесь, очевидно, время с 1800 года, когда в Русской Церкви введены были в действие составленные одним из предшественников его Платоном правила единоверия.

¹⁰¹² - Сочинения Филарета, IV, 181–137. Упоминаемый в проповеди Петр есть один из братьев (Петр и Илья Семеновичи)

Бабкиных, на иждивение которых устроены были и храм Всех Святых и Странноприимный дох на единоверческом кладбище, о чем, равно как и о торжестве закладки храма см. Московские ведомости, 1840, № 76.

¹⁰¹³ - См. для сего № 68 и 84 дел Московского духовно-цензурного комитета.

¹⁰¹⁴ - В подлиннике ошибочно поставлен 1840 год.

¹⁰¹⁵ - Душеполезное Чтение, 1877, III, 529.

¹⁰¹⁶ - См. там же. Срав. также о Калужских единоверцах в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1870, XI. 18 и далее. «Материалов для биографии Филарета».

¹⁰¹⁷ - Сочинения Филарета, IV, 136–137.

¹⁰¹⁸ - Как в искании архиерея, так и в первых действиях своих по распространения власти найденного архиерея на Россию раскольники наблюдали величайшую скрытность.

¹⁰¹⁹ - Душеполезное Чтение, 1877, III, 530–531.

¹⁰²⁰ - Писал, конечно, архиепископ Черниговский Павел (Подлипский).

¹⁰²¹ - Душеполезное Чтение, 1877, III. 531.

¹⁰²² - Именно с Херсонскою. См. о том Чтения в обществе истории и древностей России, 1874, II, 54–63 отд. «Смесь».

¹⁰²³ - Срав. о сем в указанном месте Чтения в обществе истории и древностей, за 1874 год, книга II.

¹⁰²⁴ - При этом, главным образом, имеется в виду граф Закревский. См. Братское Слово 1884, № 7, стр. 378.

¹⁰²⁵ - Христианское Чтение, 1884, I, 218.

¹⁰²⁶ - Зверев, священник уже известной нам Троицкой единоверческой, в Москве, церкви.

¹⁰²⁷ - Таковы были: Гучковы, Носовы, Тихомировы и другие. См. Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 652. Москва, 1883

¹⁰²⁸ - Зверева.

¹⁰²⁹ - Собрание мнений и отзывов Филарета, т. дополи, стр. 370–372.

¹⁰³⁰ - Так же, стр. 272.

¹⁰³¹ - См. о сем антиминсе и о прочих принадлежностях древнего чина предстоявшего освящения любопытные заметки святителя Филарета в его письме к наместнику Лавры Антонию от 26 марта 1854 года. Письма Филарета к Антонию, III, 277–279. Москва, 1883.

¹⁰³² - «Московский военный генерал-губернатор (граф А. А. Закревский), замечает при этом сам Филарет, мною быт приглашен к сему священно-служению, но не присутствовал, по состоянию здоровья». Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 374 прим.

¹⁰³³ - Храм, бывшая часовня, был построен отдельно от других зданий среди двора мужской половины богаделенного дома.

¹⁰³⁴ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 372–374. См. Филаретовский Юбилейный Сборник, т. I стр. 653–654.

¹⁰³⁵ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 375.

¹⁰³⁶ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 395–397.

¹⁰³⁷ - Грамота сия, напечатанная церковным шрифтом, и помеченная 20 сентября 1854 года, была читана по освящении и пред начатием литургии в освященном храме.

¹⁰³⁸ - Собрание мнений и отзывов Филарета, стр. 397–405 и Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 655–657.

¹⁰³⁹ - Это и оказалось прямо при освящении её, как мы видели, а вскоре после того следовали и многие другие случаи обращения из раскола в единоверие, о чем см. там же.

¹⁰⁴⁰ - От архиепископа Рязанского Гавриила (Городкова). См. для сего Письма Филарета к Гавриилу, стр. 38. Москва, 1868. Издание Общества истории и древностей России, с примечаниями О. М. Бодянского. Здесь же в примечании на стр. 88–89 можно читать сведение и о главных Московских богачах – заправилах раскола, из коих некоторые живы и доселе и по-прежнему действуют в пользу раскола вообще, и Белокриницкой лжеиерархии, в частности.

- 1041 - Разумеется, Австрийским.
- 1042 - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 400–402. Сн. т. III, стр. 565–567.
- 1043 - Письма Филарета к Антонию, III, 308.
- 1044 - Письма Филарета к Антонию, III, 308.
- 1045 - Разумеется, конечно, чума 1771 года.
- 1046 - Сочинения Филарета, V, 288–292.
- 1047 - Плоды этого распространения будут описаны при изображении царствования Александра II.
- 1048 - Святитель Митрофан был епископом Воронежским с 1682 по 1703 год. В сем последнем году 23 ноября он и скончался.
- 1049 - Письма Филарета к Антонию, I, 33.
- 1050 - Там же, стр. 334–335
- 1051 - Там же, стр. 335, сн. стр. 52. Срав. Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 473–474.
- 1052 - Письма Филарета к Антонию, I, 306–307; срав. стр. 335.
- 1053 - Разумеются, конечно, римские языческие цари времен апостольских/
- 1054 - Сочинения Филарета, III, 205.
- 1055 - При сем разумеется Н. М. Неронова, иждивением которой построен храм во имя св. Митрофана. См. С. К. Смирнов, Покровский Хотьков девичий монастырь, стр. 30, изд. 3-е, Москва, 1872.
- 1056 - Сочинения Филарета, III, 225–230.
- 1057 - В зиму 1834–1835 годов Филарет, как мы и раньше имели случай замечать, не ездил в Петербург.
- 1058 - Воспоминания М. М. Евреинова о митрополите Филарете, стр. 30–31, Москва, 1873.
- 1059 - Сочинения Филарета, III, 298, подстрочное примечание.
- 1060 - Собрание мнений и отзывов Филарета, II, 359, СПб, 1885.

- 1061 - Монастыря, на Сретенке.
- 1062 - Разумеются поджигательства, по большей части служившие тогда причиною пожаров.
- 1063 - Письма Филарета к Антонию, I, 112–113.
- 1064 - Сочинения Филарета, III, 302–307.
- 1065 - «В лето 6665 (1147), говорится здесь, прислав Гюрги (великий князь Георгий или Юрий Владимирович Долгорукий) и рече (князю Святославу Олеговичу): «приди ко мне, брате, в Москов». См. Полное Собрание Русских Летописей, II, 29. Сообщение Ипатьевской летописи.
- 1066 - Русский Архив, 1882, I, 285
- 1067 - Сочинения Филарета, IV, 469.
- 1068 - Проповедь говорил известный Московский проповедник того времени протоиерей С. Г. Терновский, проповедь которого, по распоряжению генерал-губернатора кн. Щербатова, была напечатана в Московских Ведомостях, 1847 год, № 5. О самом же торжестве 700-летия Москвы см. № 2.
- 1069 - Письма Филарета к Антонию, II, 290.
- 1070 - Убеждая Московского князя Иоанна Даниловича Калиту воздвигнуть храм во имя Успения Богоматери (Успенский собор), святитель Петр митрополит говорил ему: «если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься с родом твоим паче иных князей, и град твой славен будет пред всеми городами русскими, и святители поживут в нем, руки его изыдут на плечи врагов наших, и прославится Бог Наш». Филарет Черниговский, История Русской Церкви, стр. 79, СПб. 1877.
- 1071 - Митрополичья кафедра сперва была в Киеве, из Киева, по причине разорении его варварами, перенесена была во Владимир на Клязьме, а отсюда в 1325 году в Москву.
- 1072 - В роде упомянутого сейчас князя Иоанна Даниловича Калиты, возымевшего благую мысль «собрать всю Русскую землю» вокруг Москвы.
- 1073 - В лице первого царя из дома Романовых – Михаила Федоровича.

- ¹⁰⁷⁴ - Разумеется восстановление Москвы после французского нашествия 1812 г.
- ¹⁰⁷⁵ - Сочинения Филарета, IV, 478–480. Срав. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, приложение, стр. 89–90.
- ¹⁰⁷⁶ - Письма Филарета к Антонию, II, 290.
- ¹⁰⁷⁷ - Сочинения Филарета, IV, 484–485.
- ¹⁰⁷⁸ - Сочинения Филарета, IV, 612.
- ¹⁰⁷⁹ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1868, IV, 83, 93, 94, 99; V, 88 «Материалов для биографии Филарета»; Письма Филарета к родным, стр. 375, 887, 936; Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 7, 9, 23, 26, 29; Письма Филарета к Антонию, II, 394, 492; Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 311–312.
- ¹⁰⁸⁰ - Душеполезное Чтение, 1884, III, 245.
- ¹⁰⁸¹ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1868, V, 88 «Материалов для биографии Филарета». Речь здесь об одном из членов того же рода Голицыных.
- ¹⁰⁸² - Уже в 1849 году А. Н. Муравьев, также близко знавший Голицыных насчитывал княжне А. М. Голицыной 85 лет. См. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 311, примечание. Она скончалась девицею.
- ¹⁰⁸³ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 459.
- ¹⁰⁸⁴ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1868, V, 88 «Материалов для биографии Филарета».
- ¹⁰⁸⁵ - Кроме выше упомянутых надгробных проповедей в честь императора Александра I и его супруги, Филарет произнес только пять надгробных же проповедей еще в бытность свою в Петербурге, в 1811–1817 годах.
- ¹⁰⁸⁶ - Сочинения Филарета, V, 278–281.
- ¹⁰⁸⁷ - Как известно, святитель Алексей митрополит происходил из знатного боярского рода, как и Голицыны.
- ¹⁰⁸⁸ - Сочинения Филарета, IV, 481–482.

¹⁰⁸⁹ - Доказательством этого служит сохранившаяся доселе отчасти в рукописном, а по большей части, в печатном виде обширная переписка Филарета с своими викариями, обыкновенно продолжавшаяся и в то время, когда последние переставали быть викариями Филарета. Так, например, письма Филарета к Иннокентию напечатаны в Прибавлениях к Творениям святых отцов, за 1871, 1872 и 1886 годы; письма его к Николаю – в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, за 1869 и 1870 годы; к Иосифу там же за 1871 год и т.д.; а письма к Кириллу, Исидору и некоторым другим, в большей своей части хранятся еще в рукописном виде.

¹⁰⁹⁰ - Душеполезное Чтение, 1884, III, 373.

¹⁰⁹¹ - В Христианском чтении за 1835 год, и в Собр. 1835 года добавлено: «и Богом освящаемые».

¹⁰⁹² - Сочинения Филарета, III, 283–285.

¹⁰⁹³ - Из викариев Московских преосвященнейший Исидор назначен был в 1837 году епископом Полоцким, за тем в 1840 году архиепископом Могилевским, в 1844 году экзархом Грузии, в 1858 году – митрополитом Киевским, а в 1860 году митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским.

¹⁰⁹⁴ - В последний раз зиму и раннюю весну Филарет провел в Москве по особым обстоятельствам в 1834–1835 году.

¹⁰⁹⁵ - Из прежних викариев Иннокентий, Николай и Виталий были не из Москвы избраны в виварии.

¹⁰⁹⁶ - Русский Архив 1882, I, 268.

¹⁰⁹⁷ - Он не имел степени и магистра, а был кандидат богословия.

¹⁰⁹⁸ - Н. П. Гилярова-Платонова. Из Пережитого, II, 183–184. Москва, 18В6.

¹⁰⁹⁹ - Срав. там же, стр. 182 и далее. Окончив курс в Московской духовной академии в 1828 году, он потом целые 20 лет слишком провел на службе в пределах Московской епархии, до 1829 года в качестве смотрителя Перервинского духовного училища, до 1834 года в должности инспектора, а с сего года в должности ректора Московской духовной семинарии. Викарием же пробыл до 1849 года.

¹¹⁰⁰ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 81 СПб. 1887.

¹¹⁰¹ - Сочинения Филарета, IV, 226–228. Эти заключительные слова имели особенное значение в виду известных нам событий первой половины того 1842 года, совершавшихся в Петербурге по отношению к Филарету.

¹¹⁰² - В 1849 голу он назначен был епископом Оренбургским, а в 1853 голу – архиепископом Воронежским.

¹¹⁰³ - См. Письма Филарета к Иосифу в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1871, № 9, стр. 46–47, Материалов для биографии Филарета.

¹¹⁰⁴ - По вопросу и о болезни своей (слабость зрения) и о продолжения службы Иосиф еще раньше советовался с Филаретом. См. Письма Филарета к Иосифу в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1871 г. № 9, стр. 48 «Материалов для биографии Филарета»

¹¹⁰⁵ - Казанцева, бывшего архиепископа Ярославского, в то время жившего на покое в Московском Донском монастыре, также по случаю потери зрения.

¹¹⁰⁶ - Письма Филарета к Антонию, IV, 414, Москва, 1884.

¹¹⁰⁷ - Для покоя преосвященнейшего Иосифа назначен Воронежский Митрофаниевский Монастырь.

¹¹⁰⁸ - Припомним скорбные минуты в жизни самого Филарета, когда он и для себя искренно желал сего. А теперь другие, не менее скорбные обстоятельства Русской церкви побуждали его говорить так.

¹¹⁰⁹ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1871, № 9, стр. 49, «Материалов для биографии Филарета».

¹¹¹⁰ - Агафангел (Соловьев), в то время (т.е. 1862 году) епископ Вятский. Скончался архиепископом Волынским в 1876 году.

¹¹¹¹ - Письма Филарета к Антонию, IV, 332.

¹¹¹² - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 110. Срав. Н. П. Гилярова-Платонова, Из Пережитого II, 192–193

- ¹¹¹³ - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 110–111.
- ¹¹¹⁴ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 121–123.
- ¹¹¹⁵ - Там же, стр. 178. См. также далее.
- ¹¹¹⁶ - Сочинения Филарета, V, 52–58.
- ¹¹¹⁷ - Известно, что на здоровье святителя Филофея разрушительно подействовало и свело его в могилу печальное событие 1 марта 1881 года.
- ¹¹¹⁸ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 322–323.
- ¹¹¹⁹ - Именно на Костромской с 1853 до 1857 и на Тверской с 1857 года.
- ¹¹²⁰ - Письма Филарета к родным, стр. 341–342.
- ¹¹²¹ - Памятником последнего вида руководства служат назидательные Письма Филарета к Алексею, изданные высокопреосвященным Тверским Саввою в Москве в 1883 году отдельную книгу.
- ¹¹²² - Собрание мнений и отзывов Филарета, стр. 123–124.
- ¹¹²³ - Там же, стр. 178.
- ¹¹²⁴ - Сахарова-Платонова, окончившего курс в академии первым магистром. Евгений, бывший в последствии епископом Симбирским, недавно скончался на покое. См. о нем нашу заметку в Церковных Ведомостях, 1888 г. № 29. Срав. также Н. П. Гилярова-Платонова, Из пережитого, II, 181–182, 193–196.
- ¹¹²⁵ - Из них некоторые к тому времени (к 1853 году) уже и сошли с поприща служения и поняли, каковы: Афанасий, Кирилл, Иннокентий, Николай и Виталий.
- ¹¹²⁶ - Сочинения Филарета, V, 225–226.
- ¹¹²⁷ - В 1857 году Алексей назначен был епископом Тульским, а к 1860 году Таврическим; но незадолго до кончины Филарета, в ноябре 1867 года из отдаленной и трудной для управления епархии Таврической переведен в Рязань, с пожалованием в архиепископы, а в 1876 в Тверь, где и скончался в следующем 1877 году.
- ¹¹²⁸ - См. определение их в Филаретовском Юбилейном Сборнике I, 5–6.

¹¹²⁹ - Прибавления к Творениям святых отцов, 1872, 25, 438–439; срав. 1886, 38, 381.

¹¹³⁰ - Сочинения Филарета, III, 117.

¹¹³¹ - Протоиерей Н. Т. Каменский, Кратная история Астраханской епархии, стр. 132, Астрахань, 1886 год.

¹¹³² - Там же, стр. 128.

¹¹³³ - Сочинения Филарета, III, 117.

¹¹³⁴ - Москвину, в последствии митрополиту Киевскому.

¹¹³⁵ - Филарет в это время не было в Петербурге.

¹¹³⁶ - Предшественниками Евгения на Тамбовской кафедре с 1812 года, когда возникло первое судебное дело против Архипова, были: Иона Васильевский (1812–1821), Феофилакт Ширяев (1821–1824) и Афанасий Телятев (1824–1829).

¹¹³⁷ - В сем именно году 1 января и последовал выше означенный всемилостивейший манифест по случаю восшествия на престол.

¹¹³⁸ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 576–578, СПб. 1887.

¹¹³⁹ - Сочинения Филарета, III, 442–445.

¹¹⁴⁰ - Как Павел относился к Филарету, это можно видеть, например, из письма его к последнему, помещенного в Душеполезном Чтении за 1887 год, ч. II, стр. 369–370.

¹¹⁴¹ - См., например, Письма Филарета к Антонию, III, 392, 400; IV, 241; Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 158 и другие.

¹¹⁴² - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 48, приложение.

¹¹⁴³ - До Агапита Томской епархии, как отдельной, не существовало. Дотоле Томск причислялся к Тобольской епархия.

¹¹⁴⁴ - Кроме азиатских язычников, магометан и прочих, в Томской и Енисейской губерниях было и есть много раскольников и других сектантов, поселенцев, из бывших преступников и т.д.

¹¹⁴⁵ - Томск от Москвы в расстоянии на 3500 слишком верст, а Енисейск еще далее того на 1000 верст.

¹¹⁴⁶ - Св. Стефан, по фамилии Храп, был епископом Велико-Пермским с 1383 по 1396 год и как просветитель Перми был первым там епископом, где и скончался в 1396 году.

¹¹⁴⁷ - См. Иннокентий I, по фамилии Кульчинский, святительствовал в Иркутске с 1727 года и до блаженной кончины своей в 1731 году.

¹¹⁴⁸ - Сочинения Филарета, III, 279–280.

¹¹⁴⁹ - Обо всем этом см., например, Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 159–160; 1885, III, 1–2; Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 96, 207, 344–346, 405–406, 408, 430, 541; Письма Филарета к Антонию, II, 21, 246; III, 203, 251; Русский Архив, 1879, II, 272 и многие другие.

¹¹⁵⁰ - Душеполезное Чтение, 1878, II, 462. Сообщение архимандрита Григория.

¹¹⁵¹ - Сочинения Филарета, V, 268.

¹¹⁵² - Письма Филарета к Антонию, III, 268.

¹¹⁵³ - Срав. о сем письмо Филарета к Кириллу, архиепископу Подольскому, хранящееся в рукописном виде в числе других ином в библиотеке Московской духовной академии.

¹¹⁵⁴ - Сочинения Филарета, IV, 12 и далее. Срав. журнал Вера и Разум, 1886, II, стр. 85 отд. церк.

¹¹⁵⁵ - Из числа писем, в рукописном виде хранящихся в московской епархиальной библиотеке.

¹¹⁵⁶ - Сочинения Филарета, III, 390–391.

¹¹⁵⁷ - Сочинения Филарета, III, стр. 89.

¹¹⁵⁸ - Разумеются, кроме бывшего в царствование Александра I, путешествия в Петербург, бывшие в 1827–1828, в 1828–1829 и 1829–1830 годах.

¹¹⁵⁹ - Обращение к святителю Алексию.

¹¹⁶⁰ - Сочинения Филарета, III, 482–442.

¹¹⁶¹ - См. журнал Вера и Разум, 1887, II, стр. 695. Отд. цер.

¹¹⁶² - А в 1839 году он посетил Коломну по случаю кончины своего брата, протоиерея Н. М. Дроздова и в 1843 году ездил

туда с нарочитою целью посетить заболевшую родительницу свою. См. Письма Филарета к Антонию, II, стр. 101; ср. I, 325 и Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 79.

¹¹⁶³ - Сочинения Филарета, III, 396 примечания.

¹¹⁶⁴ - Там же, IV, 153 и далее примечания.

¹¹⁶⁵ - Там же, стр. 158 примечания.

¹¹⁶⁶ - См. журнал Вера и Разум, 1887, II, 695 и далее, отд. церк.

¹¹⁶⁷ - Для доказательства сего см. дело о раскольниках в селе Сандырях (в 3-х верстах от Коломны), во время холеры 1830 года и пространную по этому делу резолюцию митрополита Филарета. Чтения в обществе истории и древностей 1876, II, стр. 125 и далее, отд. «Смесь».

¹¹⁶⁸ - Сочинения Филарета, III, 396–402.

¹¹⁶⁹ - Письма Филарета к родным, стр. 29. На память о сем посещении Филарет прислал в Коломну свою проповедь. См. стр. 328.

¹¹⁷⁰ - Сочинения Филарета, V, 220–224. Мать Филарета и вдова брата его уже в 1844 году переселились в Москву из Коломны.

¹¹⁷¹ - Т.е. в Москву (из Петербурга).

¹¹⁷² - Сочинения Филарета, III, 408–409: срав. далее. Проповедь эта, не смотря на её высокий достоинства, не была напечатана при жизни Филарета.

¹¹⁷³ - Сочинения Филарета, IV, 1–8.

¹¹⁷⁴ - См. № 55 дел Московского Архива для цензуры духовных книг за 1836 год.

¹¹⁷⁵ - Сочинения Филарета, IV, 427–428.

¹¹⁷⁶ - Сочинения Филарета, IV, 492–498.

¹¹⁷⁷ - Письма Филарета к Антонию, II, 323.

¹¹⁷⁸ - Письма Филарета к А. Н. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 245.

¹¹⁷⁹ - Песношский или Пешношский монастырь находится в Дмитровском уезде Московской губернии, в довольно уединенном месте.

¹¹⁸⁰ - Сочинения Филарета, III, 424 и далее. До этого слова произнесено было Филаретом лишь упомянутое недавно слово по освящения Покровского храма в Коломне в 1828 г. Затем к 1830 году относятся три слова, – одно по освящении храма св. великомученицы Екатерины при Екатерининском институте, другое – по освящении храма св. Василия Кесарийского, что на Тверской, и третье – по случаю возобновления Троицкой церкви странноприемного дома графа Шереметева, уже рассмотренные нами при изображении холеры 1830–1831 года. См. эти слова в Сочинения Филарета, III, 144 и далее, 149 и далее, и 160 и далее.

¹¹⁸¹ - Сочинения Филарета, III, 181, 182 и далее. Здесь, как и в изданиях слов и речей Филарета 1844 и 1847 годов, где оно помещено, не означено, какой именно храм, на каком кладбище и когда освящен. Наше определение всего этого мы заимствовали из упомянутого пани раньше рукописного сборника проповедей Филарета, принадлежащего Е. В. Барсову.

¹¹⁸² - Сочинения Филарета, III, 207 и далее.

¹¹⁸³ - Сочинения Филарета, 215 и далее.

¹¹⁸⁴ - Сочинения Филарета, III, стр. 225 и далее.

¹¹⁸⁵ - По Евреиновскому сборнику проповедей Филарета с этим словом большое сходство имеет слово по освящении храма св. Троицы, что в Пушкарях, в Москве, говоренное, по указанию этого сборника, 2 сентября 1828 года, на тот же текст. См. там же, в подстрочном примечании.

¹¹⁸⁶ - С этим словом имеет большое сходство значащееся в том же Евреиновском сборнике слово по освящении храма Ахтарской иконы Богоматери в селе Ахтырке, говоренное 20 сентября 1825 года.

¹¹⁸⁷ - Например, Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 6. 250–251 и другие.

¹¹⁸⁸ - Срав. Например, многие слова его, произнесенные в Сергиевой Лавре, в Перервинском, Чудове и других монастырях.

¹¹⁸⁹ - Это был один из тех шести случаев освящения церквей, «в том числе двух сельских», и из тех восьми случаев

проповедания слова Божия в короткий срок от 15 августа по 5 октября, о которых сам Филарет говорить в своем письме к А. Н. Муравьеву от 6 октября 1847 года, в свое пред ним оправдание, по случаю замедления ответного к нему письма. См. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 250–251.

¹¹⁹⁰ - См. для сего Письма Филарета к Антонию, II, 101, 108–109, 177, 481, 485–486, 504; III, 13, 213, Душеполезное Чтение, 1874, I, 356–358 и другие.

¹¹⁹¹ - Сочинения Филарета, IV, 613–616.

¹¹⁹² - Он родился в 1844 году. О рождении его отец его граф Дмитрий Николаевич известил Филарета, который тотчас же распорядился совершить молебное пение у раки преподобного Сергия, а потом благословил его родителя иконою преподобного Сергии, освященной при святых мощах преподобного Сергия. Письма Филарета к Антонию, 177.

¹¹⁹³ - См. статью Вельтмана о Дубровицком храме в Московских ведомостях, 1850 год, № 111.

¹¹⁹⁴ - Борис Алексеевич Голицын, дядька Петра Великого.

¹¹⁹⁵ - Петра Великого.

¹¹⁹⁶ - Ведение дела постройки храма дарен поручено было знаменитому архитектору, который, с помощью итальянских мастеров, построил храм в форме равностороннего креста с тройственными округлениями оконечностей. См. Московские ведомости, 1850 год, № 111 в упомянутой статье Вельтмана.

¹¹⁹⁷ - Возобновление Дубровицкого храма поручено было архитектору академику Рихтеру. См. там же.

¹¹⁹⁸ - Кроле графа Закревского, как главного попечителя, опекунами, назначенными от московской дворянской опеки еще состояли: коллежский советник К. А. Гассовский и гвардии ротмистр С. И. Пашков.

¹¹⁹⁹ - Граф Закревский. О своем участии в благом деле Филарета, по обычной своей скромности, умолчал.

¹²⁰⁰ - Сочинения Филарета, V, 95–98.

¹²⁰¹ - Со скитского праздника 17 августа.

¹²⁰² - Еще от 13 августа Филарет писал тому же Антонию: «Немощь, и люди, советуют отказаться от скитского праздника. Мне хочется быть по крайней мере на всенощной, а далее не вижу, что возможно будет». Письма Филарета к Антонию, III, 46

¹²⁰³ - Монастыре, на празднике 19 августа.

¹²⁰⁴ - Закревскому.

¹²⁰⁵ - Письма Филарета к Антонию, III, 47.

¹²⁰⁶ - См. Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 476–477.

¹²⁰⁷ - См. там же, стр. 494. Игуменьей была назначена учредительница монастыря М. М. Тучкова, в монашестве Мария.

¹²⁰⁸ - Подробнее о сем сказано будет нами в своем месте, именно во 2-й части вашего настоящего исследования.

¹²⁰⁹ - См. об этом донесение самого Филарета графу Протасову в Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 49. СПб. 1887.

¹²¹⁰ - Сочинения Филарета, IV, 106–111 По просьбе Спасобородинских инокинь, эта прекрасная проповедь Филарета была напечатана (и отдельно, и в Христианском Чтении, и в собраниях 1844 и 1846 годов). Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 80.

¹²¹¹ - Письма Филарета к Антонию, I, 422–423; ср. 340–341: «Гефсиманского скита не было бы, если бы на вашем месте был другой, даже из пользующихся моею доверенностью».

¹²¹² - См. для сего Письма Филарета к Антонию, II, 92 д. 97, 99, 100, 102 д. 104 д. 112, 114, 117 д. 119 д. 122 д. 127, 130 д. 132, 134, 136 и многие другие.

¹²¹³ - Там же, стр. 140; срав. также стр. 161 и другие. Даже в отношении к переносу Подсосенской церкви Филарет решил, из опасения, «чтобы не запутали дела», не просить разрешения от Святейшего Синода, а «лучше просто делать дело невинное, с намерением не гневаться после, если сделают выговор», стр. 93.

¹²¹⁴ - Сам основатель скита, святитель Филарет, и составил первый памятник для скита. См. Письма Филарета к Антонию, II, 165–168.

1215 - К этой именно церкви пристроена простая же деревянная келья, или лучше, покои и для самого святителя Филарета, в которых он любил пребывать с тех пор летом.

1216 - О сем см. в Письмах Филарета к Антонию, II, 471–475. Но в начале существования сайта Филарет старался отклонять посещения его сторонними лицами. См. там же, стр. 161 и далее. «Ибо скит для уединения, а не для показывания», говорил он (стр. 161).

1217 - См. тех же писем ч. III, 38. До сего времени Филарет с Антонием «боялись осмелиться назвать скит Гефсиманией».

1218 - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 309–311. СПб 1887.

1219 - См. там же. стр. 312–313.

1220 - Там же, стр. 313.

1221 - Сочинения Филарета, IV, 313–317.

1222 - Письма Филарета к Антонию, II, 159–160.

1223 - Там же, стр. 170.

1224 - Там же, стр. 176.

1225 - Сочинения Филарета, IV, 395–401.

1226 - См. для сего Письма Филарета к Антонию, II, 216; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1868, V, 125 «Материалы для биографии Филарета» 1872, VI, 104 «Материалы для истории русской церкви».

1227 - Сочинения Филарета, V, 163–166.

1228 - Собрание мнений и отзывов Филарета, II, 426–412. СПб. 1885.

1229 - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 164 и далее. Ср. Московские ведомости, 1886 № 335.

1230 - По Евреиновскому сборнику добавлено к сему: «и скромно уклоняющейся от славы благотворения».

1231 - Сочинения Филарета, III. 220–224 Проповедь эта и была напечатана отделено и вошла в собраний 1844 и 1848 годов.

1232 - Филаретовский Юбилейный Сборник, I, 282–283.

1233 - Письма Филарета к Антонию, II, 263.

1234 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 418–433. Эти «Правила» со значительными совращениями еще раньше были напечатаны в Душеполезном Чтении за 1867 год, III, 65–80 и у Сушкова, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 68–76 приложение.

1235 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 369 и далее.

1236 - См. там же, стр. 419, пункт IV.

1237 - Сочинения Филарета, V, 226, 231.

1238 - Письма Филарета к Антонию, III, 230.

1239 - Красная или Красногорская площадь и Сергиевом Посаде, примыкающая к самой Лавре преподобного Сергия с восточной стороны.

1240 - Письма Филарета к Антонию, III, стр. 231.

1241 - Такое наименование было ходячим между прочим, в Московской духовной академии, помещающейся в Лавре, и не даром.

1242 - Проект Устава духовных Академий, ч. I, в начале СПб, 1814.

1243 - Там же, стр. 1–2.

1244 - Там же, стр. 2 и далее.

1245 - Сам граф Протасов, как известно, из гусарских полковников вступил на пост обер-прокурора Святейшего Синода.

1246 - Духовные Академии Филарет отстоял, и их не коснулись преобразования графа Протасова. Только Казанская духовная академия была в 1842 году «устроена по особому направлению духовно-учебного управления», как говорит святитель Филарет. См. его письма к митрополиту Григорию в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, 172.

1247 - Слова святителя Филарета. См. так же, стр. 170 «Материалы для истории русской церкви».

1248 - А не мешает заметить, что говорится в тех же воспоминаниях о графе не много выше: «воспитанный

иезуитами в католичестве, он с презрением смотрел на православие (меня уверял совоспитанник его, что граф в душе был католик), а православным объявлял себя из земных видов». Чтения в обществе истории и древностей, 1877, II, 34.

¹²⁴⁹ - Митрополит Филарет (Амфитеатров).

¹²⁵⁰ - Александр Иванович, в то время директор духовно-учебного управления, а по смерти графа Протасова преемствовавший ему в исправлении должности обер-прокурора († в 1856 году).

¹²⁵¹ - Из таких лиц, желавших выслужиться пред графом Протасовым, нельзя не назвать, например, Афанасия (Дроздова), в то время архимандрита и ректора семинарии, а в последствии архиепископа Астраханского († в 1876 году).

¹²⁵² - См. Чтения в обществе истории и древностей, 1877, II, отд. «Материалов отечественной истории», стр. 36, 38–39, 42, 49, 64. Срав. подобные же мысли о Протасовском уставе у преосвященного Антония (Амфитеатрова), архиепископа Казанского, в биографии его, составленной Сергием, архимандритом Зинантова монастыря, сп. I, стр. 370 и далее, 372 и другие. Казань, 1885.

¹²⁵³ - См. подробности дела в «Исторической записке о Московской духов, семинарии» И. В. Беляева в Чтении в Обществе любителей духовного просвещения, 1874 год, № 7, стр. 23 и далее, отд. III.

¹²⁵⁴ - Подлинно великая забота была духовенству Московской епархии до сего времени, когда семинария посещалась в Заиконоспасском монастыре, а тем более, в Николо-Перервинском, куда и переправка детей, и содержание их там представляло много крайних неудобств. См. о сем в той же исторической записке Н. В. Беляева.

¹²⁵⁵ - Сочинения Филарета, IV, 318–322.

¹²⁵⁶ - Собрание мнений и отзывов Филарета, стр. 143, СПб. 1887.

¹²⁵⁷ - Мы сказали «отчасти». А как не благосклонно Филарет смотрел на многие нововведения графа Протасова и по этой часта, устроенной на манер светских и особенно военных

учебных заведений, о том можно читать в вышеозначенных воспоминаниях Никодима (Казанцева) в Чтениях в обществе истории и древностей, 1877, II, стр. 43 и другие.

1258 - Циркуляр духовно-учебного управления о том можно читать в выше упомянутой исторической записке о Московской духовной семинарии И. И. Беляева в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, за 1874 год, № 7, отд. III, стр. 45–47.

1259 - Сочинения Филарета, V, 107, срав. так же другие проповеди его в V, 38 и далее. IV, 269 и другие.

1260 - Этим, конечно, и объясняется сравнительная обширность нашего исследования о настоящем периоде проповеднической деятельности Филарета.

1261 - Письма Филарета к Антонию, III, 320.

1262 - Впоследствии архиепископу Тверскому († 1877).

1263 - Святитель Филарет обыкновенно украшал каждую из четырех годовых книжек академического журнала своею проповедью.

1264 - Письма Филарета к Алексею, стр. 88, Москва, 1883.

1265 - С 1871 года игумены московского же Алексеевского монастыря.

1266 - Душеполезное Чтение, 1883, ч. I, стр. 406. См. также у Н. В. Сушкова в Записках о жизни и времени митрополита Филарета, в приложении, 119, Москва, 1868.

1267 - Просили займы только две тысячи рублей.

1268 - В резолюции от 2 сентября владыка намекал, что дотоле гридинские поселяне делали свои посильные приношения в Ильинскую же церковь и, следовательно, в числе сбережений последней есть часть и гридинских денег.

1269 - Священник Павловского Посада Сергей Цветков.

1270 - Архимандрит Григорий (Воинов).

1271 - Душеполезное Чтение, 1880. II, 383–334.

1272 - Очерки жизнеописания митрополита Филарета, стр. 50
Издание 3-е. Москва, 1875.

1273 - См. журнал Вера и Разум, 1888 год, т. II, отд. церк., стр. 679.

1274 - Письма Филарета и наместнику лавры Антонию, III, 321. Москва, 1833.

1275 - Там же, стр. 324.

1276 - Сначала бывшему Московским гражданским губернатором, а потом гофмейстеру, † 1858.

1277 - Вдовствующей Александре Феодоровне и царствующей Марии Александровне.

1278 - Письма Филарета к Антонию, III, 321. Срав Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 465.

1279 - Оба письма напечатаны в Собрании мнений и отзывов Филарета, IV, 2–5. Москва, 1886. Срав. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1871 год, № 9.

1280 - Письма Филарета к Антонию, III, 324.

1281 - Граф Арсений Андреевич Закревский, вступивший в сию должность в 1848 году и оставивший ее в 1859 († 1865).

1282 - Это письмо напечатано в Собрании мнений и отзывов Филарета, IV, 14–15.

1283 - Письма Филарета к Антонию, III, 330.

1284 - Такая переписка начинается собственно с 1861 года. Письма Филарета такого рода см. в издании высокопреосвященнейшего архиепископа Тверского Саввы, Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и другим лицам, I, 1–13. Тверь. 1888.

1285 - После он был действительным статским советником (1874). Были и другие причины, почему не находили удобным ему быть обер-прокурором Святейшего Синода.

1286 - Карасевский († 25.12.1856).

1287 - Письма Филарета к Антонию, II, 313–314.

1288 - Письмо высокопреосвященного Исидора к А. Н. Муравьеву от 16 марта 1843 года, не напечатанное доселе, хранится в библиотеке Московской духовной академии в числе бумаг А. Н. Муравьева. Срав. также письма его же от 10 мая 1852 года, от 30 марта 1853 года и другие.

1289 - Посвящение его во епископа происходило в Чудове монастыре 21 ноября 1858 года.

1290 - Сочинения Филарета, V, 471.

1291 - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 489, Киев, 1869.

1292 - Сочинения Филарета, V, 401.

1293 - См. мысли о сем Филарета в проповедях его за 1858, 1860 и другие годы. Сочинения Филарета, V, 458, 473 и далее, 505 и другие.

1294 - Эта записка была последнею в царствование императора Николая Павловича попыткой святителя Московского провести в дело свою заветную мысль о переводе Библии на русский язык. Попытка эта тогда не имела успеха.

1295 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 133–136; срав. 244 и далее.

1296 - Срав. письмо графа А. П. Толстого к святителю Московскому у И. А. Чистовича в его исследовании: История перевода Библии на русский язык в Христианском Чтении за 1873 год, ч. II, стр. 31.

1297 - См. там же, стр. 35–54, где подробно изложены эти соображения.

1298 - См. там же, стр. 55. Срав. также письмо его от 1 января 1857 г. там же, стр. 57–58.

1299 - См. так же, стр. 59; срав. стр. 58.

1300 - Сочинения Филарета, V, 460

1301 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 388. Москва, 1887 г.

1302 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 244; срав. Чистовича, то же его исследование в Христианское Чтение, 1873 г. ч. II, стр. 60.

1303 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 259.

1304 - Там же, стр. 247.

1305 - Сочинения Филарета, V, 505. Проповедь относится к 1860 году. Срав. мысли Филарета Киевского потому же предмету в нашем исследовании: О подвигах Филарета,

митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык, стр. 162, 177 и далее, и другие. Москва, 1883.

¹³⁰⁶ - Разумеется письмо митрополита Киевского, в бытность его епископом Калужским, к Филарету московскому от 17 декабря 1824 по случаю запрещения катехизисов святителя Московского, при чем Филарет Киевский высказывался ясно в пользу перевода Библии на русский язык. Текст сего письма святитель Московский приводит в своем отзыве на мнение митрополита Киевского. Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 250–251.

¹³⁰⁷ - В начале своих возражений Филарет Киевский говорит, что он не раз и внимательно читал рассуждение Святейшего Синода 10 сентября 1856 года.

¹³⁰⁸ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 258.

¹³⁰⁹ - Так советовал владыка Московский поступать, если мы припомним, и с церковной кафедры одному из новопосвященных епископов, выставляя в основание сего мысль, что спасенье есть во мнозе совете, каковую мысль приводить он и в начале своего отзыва на мнение митрополита Киевского. Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 245. В пример конфиденциальных сношений теперь приводит он сношения по делу о намерении графа Протасова сделать славянскую Библию в России тем же, чем служит Вульгата на Западе со стороны самодостоверности текста её.

¹³¹⁰ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 259, 260, 262.

¹³¹¹ - Подробности этого деда можно читать в нашем упомянутом исследовании: О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык, стр. 192 и далее.

¹³¹² - Сочинения Филарета, V, 473 и далее.

¹³¹³ - Впрочем, это состязание не нарушило мирных отношений между обоими чтимыми иерархами. Филарет Киевский скончался вполне примирившись с Филаретом Московским, о чем см. Биографию святителя Киевского,

составленную архимандритом Сергием Василевским. Казань, 1888 и его биографию Антония Амфитеатрова, I, 265 и далее.

¹³¹⁴ - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, ч. III, стр. 186 «Материалов для истории Русской Церкви».

¹³¹⁵ - Мнения их изложены в указанном исследовании И. А. Чистовича в Христианском Чтении, 1873, ч. II, стр. 578–604.

¹³¹⁶ - См. Русский Архив 1881, т. II, ст. 25, Душеполезное Чтение, 1882, II, стр. 232. Срав. Прибавления к творениям святых отцов, 1884, ч. 34, 343.

¹³¹⁷ - Это были: ново назначенный экзарх Грузии, архиепископ Евсевий (Ильинский), бывший Подольский († 1879); архиепископ Казанский Афанасий (Соколов), скончавшийся в 1868 году, и архиепископ Ярославский Нил (Исакович), скончавшийся в 1874 году.

¹³¹⁸ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 537.

¹³¹⁹ - Так же, стр. 520.

¹³²⁰ - Письма Филарета к Антонию, IV, 84. Москва, 1884. Там же, стр. 128.

¹³²¹ - Срав. там же, стр. 256–257 (за 1860 год); 341 и 348 (за 1862 год) и 459 (за 1865 год).

¹³²² - Сочинения Филарета, V, 552–553

¹³²³ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 290. Тверь, 1888.

¹³²⁴ - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 62–63.

¹³²⁵ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 117. Письмо вносится к 1862 году.

¹³²⁶ - Архива духовно-цензурного комитета при Московской духовной академии. См., например, дело 1866 года, № 29 о представлении митрополиту Филарету некоторых сорочек книг, ибо, по резолюции Филарета от 16 декабря 1866 года, «на сих сорочках встречаются священные изображения, подвергающиеся вместе с сорочками пренебрежению оскорбительному».

1327 - Образчики неутомимой много деятельности митрополита Филарета можно видеть в его Письмах Филарета к Антонию, III, 349 и далее, 366, 383 и далее, и многие другие.

1328 - Письма Филарета к Антонию, IV, 128. Письмо относится к 1858 году.

1329 - Душеполезное Чтение, 1871 г, ч. III, стр. 64–67.

1330 - Сочинения Филарета, 325.

1331 - Там же, стр. 462.

1332 - Начало знакомства Н. В. Сушкова с митрополитом Филаретом относится к началу второй четверти XIX столетия.

1333 - Сушкова, Записки о жизни и времени митрополита Филарета, стр. 61–62.

1334 - Он ежегодно, несколько раз в году, в одной Лавре преподобного Сергия, на раздачу бедным употреблял по несколько сот рублей. См. Письма Филарета к Антонию, III, 326, 348, 355, 371, 400, 430, 432 и другие.

1335 - Сочинения Филарета, V, 510.

1336 - Сочинения Филарета, V, 652. Ответ на речь архимандрита Саввы, при наречении его во епископа Можайского.

1337 - Срав. о сем письмо святителя Филарета в преосвященному Леониду в Душеполезном Чтении, 1883, ч. I, стр. 255.

1338 - Душеполезное Чтение, 1883, I, 126.

1339 - Там же, стр. 254.

1340 - Письма Филарета к Антонию, IV, 319.

1341 - Немецкий, при всей обильности своей, едва ли может бороться с русским, он покрыт туманом философского, особенного, условного, так сказать, наречия, при том само построение и длиннота речи, особенно же заканчивание её глаголом, вовсе не соответствуют нашей плавной и мягкой, звучной и сильной, сжатой и краткой речи. Примечание, Н. В. Сушкова.

1342 - Все, что неясно, не является французским (прим. ред.)

1343 - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 100–101.

1344 - Справ. Русский Архив, 1882 год, т. I, стр. 560.

1345 - Письма Филарета к Алексию, стр. 238.

1346 - Сочинения Филарета, V, 431.

1347 - Там же, стр. 470.

1348 - Там же, стр. 391.

1349 - Там же, стр. 432.

1350 - Там же, стр. 512. Справ. также приведённые раньше слова из проповеди по освящении храма Филарета милостивого в Гефсиманском ските, в 1860 году и из ответа на речь архимандрита Саввы при наречении его во епископа, в 1862 году.

1351 - Там же, стр. 554.

1352 - Там же, 559–660.

1353 - Святитель Филарет в это время пребывал в Гефсиманском скиту.

1354 - См. там же, стр. 565. На это письмо вскоре последовал Высочайший рескрипт. См. там же, стр. 566.

1355 - Там же, стр. 570.

1356 - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 208–209.

1357 - См. там же, стр. 209. Справ. Письма Филарета к Алексию, стр. 149–150.

1358 - Филарет пострижен в монашество 16, посвящен в иеродиакона 21 ноября 1808 года, а в иеромонаха посвящен 28 марта 1809 гола.

1359 - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 209 и далее.

1360 - Там же, стр. 211 и далее. Справ. Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 94–95.

1361 - После и другие архиерея совершали 50летие своего епископского служения, как например, Евгений Казанцев, бывший архиепископ Ярославский (1818–1868), на покое и

высокопреосвященнейший митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (1834–1884).

1362 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 95.

1363 - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 215–216.

1364 - Как мы замечали раньше, в самый день 5 августа 1867 года и к дню этому далеко не все приветствия приспели и еще не было приветствий от восточных вселенских патриархов, которые присланы были несколько после 5 августа.

1365 - Сочинения Филарета, V, 579–581.

1366 - Скончался 19 апреля 1869 года. См. некролог его в 1-м выпуске Материалов для истории Крымской войны и обороны Севастополя, изданных под редакцией Дубровина, стр. 1 и далее. СПб. 1871.

1367 - Письма Филарета к Антонию, III, 302. Срав. 317. Срав. также Письма Филарета к Алексию, стр. 133 и далее.

1368 - Прибавления к творениям святых отцов, 1884, 34, 342.

1369 - Там же.

1370 - Чтения в обществе истории и древностей России, 1869, I, стр. 156 отд. «Смесь».

1371 - Срав. Исторический Вестник, 1888 год, № 7. Срав. также Письма Филарета к Антонию, III, 820.

1372 - 1Сол.5:3.

1373 - Письма Филарета к Антонию, III, 329.

1374 - Князя Шварценберга.

1375 - Письма Филарета к Антонию, III, 334.

1376 - О чем говорили мы в начале предыдущего отдела.

1377 - Срав. приведенные раньше слова письма митрополита Филарета к архимандриту Антонию от 10 апреля 1855 года.

1378 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 14–15. Москва, 1886.

1379 - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 417–418, СПб. 1887.

1380 - В Чудовом монастыре, где читана была Беседа.

1381 - Вдовствующей императрицы Марии Феодоровны († 24.10.1828).

1382 - Т.е. в 1818 году, когда родитель государя Александра Николаевича еще не был наследником престола. Рождение государя совершилось в среду на светлой неделе, что еще более возвысило торжество события в 1818 году.

1383 - Сочинения Филарета, V, 305–306.

1384 - Там же, стр. 307 и 308.

1385 - Сочинения Филарета, V, 312–313.

1386 - Вдовствующей Императрицы Александры Феодоровны († 1860).

1387 - Сочинения Филарета, V, 318–319.

1388 - Письма Филарета к Антонию, III, 345.

1389 - Указывается на французов, которые, в царствование императора Николая, трепетали могущества России, а теперь пожелали сломить это могущество.

1390 - Разумеется Англия с её коммерческими намерениями и предприятиями.

1391 - Разумеется неудачная попытка к восстановлению мира, предпринятая прямо по кончине императора Николая по почину самих же западных держав на Венском конгрессе.

1392 - Разумеются Англия с Францией.

1393 - Защита Турции для Англия и Франция была только поводом для своекорыстных целей, ради которых они не прочь были и попортить права Турции, чего опыты уже и были на Венском конгрессе, не увенчавшиеся, впрочем, пока успехом.

1394 - Здесь разумеется привлечение Италии, Испании и других мелких государств Европы (Германских) к союзу Линией и Францией.

1395 - Русский Архив, 1888, т. III, стр. 258.

1396 - Сочинения Филарета, V, 319–323.

1397 - Графу А. А. Закревскому.

1398 - Письма Филарета к Антонию, III, 346.

1399 - Скончавшемуся в 1861 году в звании генерал-фельдмаршала. О его распоряжениях в Крыму, не всегда

удачных, см. записки сенатора К. Н. Лебедева в Русском Архиве за 1889 год, т. I, стр. 143. Срав. также Сборник рукописей о Севастопольской обороне, III, 417, 420, 431, 444, СПб, 1873.

1400 - Русский Вестник, 1880 год, т. 145, стр. 916.

1401 - Письма Филарета к Антонию, III, 361.

1402 - Русский Архив, 1889, I, 143. Записки К. Н. Лебедева.

1403 - Именно в апреле, о чем см. Письма Филарета к Антонию, III, 329.

1404 - Письма Филарета к Антонию, III, 347.

1405 - Сочинения Филарета, V, 323–324.

1406 - См., например, статьи «М. П. Погодина в Московских Ведомостях за это время и мнение о них сенатора Лебедева в Русском Архиве 1889, I, 142 и далее.

1407 - Димитрия Иоанновича Донского в 1380 году в виду приближения татар с Мамаем во главе.

1408 - В 1610 и 1611 годах.

1409 - В 1812 году, хотя, обитель Сергиева отстоит лишь на 64 верст от Москвы.

1410 - Сочинения Филарета, V, 540–541.

1411 - См. о том Письма Филарета к Антонию, III, 343.

1412 - Разумеется поражение одного из осаждавших Лавру вождей Польских Лисовского в день памяти преподобного Сергия 25 сентября 1616 года, о чем, равно как и об отношении к сему со стороны цари Михаила Феодоровича см. в Описании Троицкой Лавры, стр. 115 и далее. Москва, 1873.

1413 - О сем см. там же, стр. 133 и далее.

1414 - Сочинения Филарета, V, 541–542.

1415 - Письма Филарета к Антонию, III, 349. Литургию и молебен совершал викарий, преосвященный Алексей.

1416 - Там же. Юные великие князья: Александр, Владимир и Алексей Александровичи, великие княгини: супруга великого князя Константина Николаевича, Александра Иосифовна, и принцесса Нидерландская Анна Павловна. Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 36–37.

1417 - Сочинения Филарета, V, 542–543.

¹⁴¹⁸ - Срав. о сем Письма Филарета к Антонию, III, 348 и Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 26, Тверь, 1888. См. Московские Ведомости, 1855, № 112; отсюда описание перепечатано было и в Ведомостях Московской городской полиции за то же время.

¹⁴¹⁹ - Чтения в обществе истории и древностей России, 1880, кн. 2, стр. 21 сообщения архимандрита Григория: «Из бумаг Московского митрополита Филарета».

¹⁴²⁰ - Письма Филарета к Антонию, III, 416.

¹⁴²¹ - Сочинения Филарета, V, 544

¹⁴²² - В записках сенатора Лебедева о том времени мы читаем: «Вот Государь и возвратился. Приветствие ему в Одессе Иннокентия, кроме довольно счастливого начала, и тяжело, и неприлично. Приветствия Филарета 1 сентября и 6 ноября несравненно лучше». Русский Архив, 1889, I, 149. Приветствие преосвященного Иннокентия можно читать в собрании его сочинений в Московских Ведомостях, 1855 года, № 135 и в других изданиях.

¹⁴²³ - Письма Филарета к Антонию, III, 362.

¹⁴²⁴ - Чтения в обществе истории и древностей 1869, I. 155 отд. «Смесь». Письма Иннокентия к архиепископу Гавриилу (Городкову).

¹⁴²⁵ - Князя Меншикова, состоявшего в то время главнокомандующим Кронштадтским флотом.

¹⁴²⁶ - Эдуарда Ивановича, тогда еще второстепенного военного генерала-инженера, а после генерал-адъютанта и графа († 20 июня 1864).

¹⁴²⁷ - Зимой 1834–1855 года.

¹⁴²⁸ - Письма Филарета к Антонию, III, 374.

¹⁴²⁹ - Например, в самой Москве, при том же генерал-губернаторе, графе Закревском, и губернаторе В. И. Капнисте, обмундирование ополченцев было произведено из такого негодного материала, что его непременно нужно было переменить, о чем доведено было до сведения и самого государя императора. И только благодаря щедрости тогдашнего городского головы С. Л. Лепешкина († 10.08.1855),

пожертвовавшего на перемену обмундирования от себя 100 тысяч рублей, эта перемена совершилась с надлежащею скоростью и гнев императора не имел таких грозных последствий, каких по справедливости нужно было бы ожидать. (Однако Капнист был вскоре после того отставлен от должности, хотя, и с честью). Об этом сообщено нам дочерью Лепешкина – О. С. Шапошниковой.

¹⁴³⁰ - Об этом у Анастасии см. Письма Филарета к Антонию, II, 243; III, 19, 22, 265, 348, 355, 357, 362, 373, 376. Срав. Московские Ведомости, 1855 г. № 130.

¹⁴³¹ - Письма Филарета к Антонию, III, 362.

¹⁴³² - Там же. стр. 376

¹⁴³³ - Т.е. умирало много.

¹⁴³⁴ - Письма Филарета к Антонию, III, 390.

¹⁴³⁵ - См. выдержку из Русского Инвалида о сем в Московских Ведомостях 1856 год, № 22, стр. 183.

¹⁴³⁶ - Письма Филарета к Антонию, III, 391. В Москве угощали героев Севастополя и генерал-губернатор, и частные лица (например, известный богач Кокорев) и другие.

¹⁴³⁷ - Там же, стр. 391–392. Речь профессора Шевырева на обеде у генерал-губернатора 21 февраля, в которой находится это сравнение, см. в Московских Ведомостях, 1856 год, № 25, стр. 212–213.

¹⁴³⁸ - См. о сем Высочайший Манифест от 19 марта 1856 года, напечатанный между прочим в Московских Ведомостях 1856 года, № 35. Подробности см. там же в № 38.

¹⁴³⁹ - Лорд Пальмерстон. Московские Ведомости, 1856, № 38, стр. 336 Английский уполномоченный в Париже лорд Кларендон действовал в том же духе. Срав. Московские Ведомости, 1856, № 36, стр. 315–316; № 38, стр. 384.

¹⁴⁴⁰ - Письма Филарета к Антонию, III, 399.

¹⁴⁴¹ - См. текст манифеста в Московских Ведомостях, 1856 год, № 85.

¹⁴⁴² - Письма Филарета к Антонию, III, 399. Письмо от 24 марта 1856 г., следовательно, накануне дня Благовещения.

1443 - Разумеется ближе всего Франция, первая из других держав, воевавших против России, более их явившаяся склонною к миру.

1444 - Разумеется геройское дело русских моряков при Синопе, где они под начальством вице-адмирала Нахимова, 18 ноября 1853 года, истребили Турецкую эскадру.

1445 - Севастополя

1446 - Турции, Англии, Франции и Сардинии.

1447 - Какие разрушительные средства и орудия употребились при осаде Севастополя, об этом можно читать в воспоминаниях Севастопольских героев наших. См. Сборник рукописей, предоставленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу (ныне благополучно царствующему государю императору) о Севастопольской обороне севастопольцами, т. I–III, СПб, 1872–1873.

1448 - Разумеется падение Севастополя 27 августа 1855 года.

1449 - Петропавловский порт на Камчатке, где русские войска с Амура в 1854 году отбили нападение англо-французского флота.

1450 - Свеаборга, который выдержал жестокое бомбардирование в течение 36-ти часов, в конце июля 1855 года, от англо-французского флота.

1451 - Кронштадт.

1452 - На Белом море.

1453 - Соловецкая.

1454 - Пруссия, Голландия и некоторые другие.

1455 - Главным образом наша любезная соседка, Австрия.

1456 - Особенно славным делом русских войск в Азии было взятие первоклассной крепости Карса 16 ноября 1855 года, под начальством Н. Н. Муравьева.

1457 - См. об ополченцах воспоминания князя Д. Святополк-Мирского в упомянутом Сборнике рукописей о Севастопольской обороне, т. I, стр. 387.

1458 - В Николаевский порт. См. о сем в Московских Ведомостях 1856 года, № 8, срав. там же, № 88 и другие сообщения о подобных славных делах нашего флота на иных морях.

1459 - Исчислением этих вспоможений полны страницы газет того времени.

1460 - Трогательные случаи добродушного обращения наших даже простых солдатиков с неприятелями можно видеть во многих воспоминаниях, помещенных в том же Сборнике рукописей о Севастопольской обороне, и в других сообщениях того времени.

1461 - Разумеются англичане, которые и по начатию перемирия продолжали прежнее дело истребления всего русского в Севастополе, взорвали казармы, еще оставшиеся в целости, при чем погиб один инженерный полковник. См. Московские ведомости, 1856 г., № 34, стр. 302.

1462 - Разумеются, кроме истребления посредством разного рода орудий войны, эпидемические болезни, в огромных размерах истреблявши войска врагов России, о чем см. Московские ведомости, 1856 г., многие номера, январские, апрельские и мартовские.

1463 - Срав. выше замеченное о предложении мира со стороны Франции.

1464 - Сочинения Филарета, 864–368.

1465 - В Московских ведомостях, за апрель 1856 года, где эта речь была напечатана, читаем «встречаем новый взор твоего второго царского лета».

1466 - Сочинения Филарета, V, 369.

1467 - Письма Филарета к Антонию, III, 401.

1468 - Скончавшегося в 1879 году.

1469 - Письмо писано 18 апреля 1856 года.

1470 - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 101–102. Москва, 1884. Это письмо служит и разъяснением вышеприведенной проповеди митрополита Филарета на 25 марта.

- 1471 - Сочинения Филарета, V, 384.
- 1472 - Письма Филарета к Антонию, III, 409. Слова эти писаны были митрополитом Филаретом по случаю уклонения одного турка от крещения после заявленного им на то желания. Недаром посему Филарет требовал письменного о том заявления от желавших креститься турок См. там же, стр. 408.
- 1473 - В рукописи автора было сначала, «с началом сего года начал просиявать и потом просиял».
- 1474 - В рукописи было прибавлено еще: «и продолжительного».
- 1475 - Сочинения Филарета, V, 407.
- 1476 - Сочинения Филарета, V, 547–548.
- 1477 - См у Н. Седельникова в его книжке, изданной по случаю 25-летнего юбилея царствования государя императора Александра Николаевича, стр. 50–51, Москва, 1880.
- 1478 - Война в пользу объединения Италии, веденная с Австрией.
- 1479 - Сочинения Филарета, V, 501.
- 1480 - Имеется в виду мятежное настроение Венгрии против Австрии, памятное по восстанию 1848–1849 годов.
- 1481 - Гарибальди (1807–1882) – известный вождь, борец за свободу и объединение Италии.
- 1482 - Вильгельм I, вступивший на престол 2 января 1881 года (умер в 1888)
- 1483 - Письма Филарета к Антонию, IV, 315.
- 1484 - Сочинения Филарета, V, 514–515.
- 1485 - Сочинения Филарета, V, 560.
- 1486 - Письма Филарета к Антонию, III, 408–409.
- 1487 - Полное собрание соч. А. Н. Майкова, издание Маркса, т. III, стр. 37. СПб 1884, Отзыв на войну 1877–1878 года.
- 1488 - См. у Н. Седельникова в его книге 19 февраля 1855–1880 годы. 25-летний юбилей государя императора Александра Николаевича, стр. 177, Москва, 1880.
- 1489 - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по делам православной Церкви на Востоке, стр. 3, СПб, 1886.

1490 - Там же.

1491 - См., например, в одних Письма Филарета к Антонию, IV, 91, 95, 117, 128, 132, 135, 146, 153, 181, 192, 195, 202, 205, 212, 216, 240, 244, 246, 252, 259, 279, 346, 377, 383, 403, 420, 466 и т.д.

1492 - Сочинения Филарета, V, 463.

1493 - Вместе с усилением этого влияния стал более и более заметным перевес сочувствия России в пользу единоплеменных ей славян, с ослаблением её симпатий к грекам, становившимся все более и более, наоборот, не расположенными к славянам.

1494 - В числе восемнадцати человек, среди которых были лица духовного сана, товарищ министра юстиции княжества Сербского – Петроневиц и ученые, чех Фр. Палацкий и галичанин Я. Ф. Головацкий. Исповедания они были частью православного, частью римско-католического, частью униаты. См. Московские ведомости, 1867, № 108, где помещена и речь владыки Филарета.

1495 - Кирилла и Мефодия.

1496 - На понятность богослужения братьев-славян для русских указываемо было и в русском царском семействе во время милостивого приема славян государем императором во дворце 14 мая, о чем см. Московские ведомости, 1867 год, за то же время.

1497 - В числе приехавших по случаю этнографической выставки в Москву были и чехи, и хорваты, и словаки, и сербы, и болгары, и австрийские галичане.

1498 - В Москве, – сердце России.

1499 - Сочинения Филарета, V, 573–574.

1500 - Московские ведомости, 1867 год, № 108.

1501 - См. Русский Вестник, 1880 г., т. 145, стр. 965. Разумею последнюю Турецкую войну 1875–1878 годы и результаты её для Сербии, Болгарии и других.

1502 - Из кавказских горцев.

1503 - Из них же.

- 1504 - Обер-прокурором Святейшего Синода.
- 1505 - Письма Филарета к Антонию, IV, 430. Москва, 1884.
- 1506 - См. о сем Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 185 и II, 305. Тверь, 1888.
- 1507 - Сочинения Филарета, V, 560–561.
- 1508 - Варшавском архиепископом он был с 1860 по 1875 год.
- 1509 - Письма Филарета к Антонию, IV, 376. Не даром еще в 1860 году тот же митрополит Филарет писал другому лицу, что преосвященный Иоанникий поехал в Варшаву отнюдь не «отдыхать», как думалось тому лицу, а если и отдыхать, то «не на мягкое ложе». С» Письма Филарета к Антонию, 224.
- 1510 - Это тот самый Трепов, который, за свою таковую же приверженность, жестоко поплатился в 1877 году от либеральной партии на процессе известной Веры Засулич.
- 1511 - Письма Филарета к Антонию, IV, 313.
- 1512 - Там же, стр. 315. Подробнее эти слова мы приводили выше.
- 1513 - Письма Филарета к Антонию, IV, 380.
- 1514 - Срав. изображение того же в Русском Вестнике за 1880 год, т. 145, стр. 931–935.
- 1515 - См. Русский Вестник 1880, т. 145, стр. 936.
- 1516 - Письма Филарета к Антонию, IV, 391.
- 1517 - Сочинения Филарета, V, 578.
- 1518 - Письма Филарета к Антонию, IV, 393.
- 1519 - Сына раньше упомянутого нами главнокомандующего иранской армией князя М. Д. Горчакова и скончавшегося в 1883 году.
- 1520 - М. Н. Муравьев только что оставил пред тем должность министра государственных имуществ.
- 1521 - Особенно М. Н. Катков в Московских Ведомостях искренно приветствовал это назначение М. Н. Муравьева в западный край.
- 1522 - Михаил, – еврейское имя, значащее: «Кто как Бог?» и или «Кто равен Богу?»

1523 - См. Сушкова, Записки о жизни и времени Филарета митрополита Московского, стр. 135 приложение (здесь же и ответ М. Н. Муравьева на это письмо митрополиту Филарету). Москва, 1866. Ср. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 608. Киев, 1869. Заключив дело подавления мятежа польского блистательно и не менее блистательно закончив дело следственной комиссии по поводу покушения на жизнь государя императора 4 апреля 1866 года, М. Н. Муравьев 29 августа 1866 года скончался. См. по поводу его кончины Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 645 и далее, где наглядно и сильно характеризуется вся великость значения и заслуг почившего, подобно тому, как Ф. II. Тютчев охарактеризовал его в эпитафии ему: На гробовой его покров Мы вместо всех венков кладем слова простые: Не много было б у него врагов, Когда бы не твои, Россия (Московские Ведомости, 1891, № 238)

1524 - Сочинения Филарета, V, 566–557.

1525 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 3. Тверь, 1888.

1526 - Там же.

1527 - Разумеется посещение 8 августа 1863 года.

1528 - См. недавно приведенную речь митрополита Филарета, сказанную по случаю этого посещения.

1529 - Хотя эту часть речи мы уже приводили выше по другому случаю; но по тесной связи мыслей ее необходимо было привести и для настоящего случая.

1530 - Сочинения Филарета, V, 560.

1531 - См. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, приложение, стр. 135–136.

1532 - Сочинения Филарета, N, 564.

1533 - Н. Н. Муравьев за это славное дело своего генерал-губернаторства в Восточной Сибири подучил, кроме высшего генеральского чина, графское достоинство и название Амурского, не будучи еще и пятидесяти лет от роду.

1534 - Скончался в сане митрополита Московского в 1879 года.

1535 - Сочинения Филарета, V, 165.

¹⁵³⁶ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 660: Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 956. Москва, 1888. В допущении продажи Американских владений А. Н. Муравьев упрекал «стражей Израилевых», т.е. иерархов нашей православной церкви. По этому случаю и Филарет от того же 3 апреля 1867 года пишет наместнику Лавры Антонию: «Продажа Российских владений в Америке, кажется, окончательно совершилась. Андрей Николаевич восклицает: какой тяжкий ответ лежит на стражах Израилевых! – Может быть мы дремлющие стражи, но что можно было сделать? Недавно услышал, что продают; трудно было верить; вдруг говорит, что дело сделано. Разве можно было стражам Израилевым вломиться в государственное управление и переменить государственное решение, состоявшееся и исполненное? Господи, спаси царя, и даруй ему советники и служители воли его мудры и верны» Письма Филарета к Антонию, IV, 516. Срав. указанные выше места Писем Филарета к А. Н. Муравьеву и Собрания мнений и отзывов Филарета, V, 956.

¹⁵³⁷ - Она закончена были уже в 1873 году, но еще в 1871 году учреждена была и Туркестанская епархия, и первым епископом её был назначен Софония Сокольский († 1877).

¹⁵³⁸ - Сочинения Филарета, V, 578; см. Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 11 (письменные приветствия относятся к 1868–1866 годам)

¹⁵³⁹ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 6. Письменное приветствие относится к 1865 году.

¹⁵⁴⁰ - Сочинения Филарета, V, 567 и Письма Филарета к высочайшим особам, I, 9.

¹⁵⁴¹ - См. Записки сенатора Лебедева в Русском Архиве 1888 год, III, 261 Срав. Ведомости Московской городской полиции 1855 год, № 44: «Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича».

¹⁵⁴² - Срав. те же Записки Лебедева, указанное место.

¹⁵⁴³ - Стихотворение А. Н. Майкова на 19 февраля 1880 года. См. Русский Вестник, 1880, т. 145, стр. 912. См. Полное

Собрание сочинений А. Н. Майкова, издание Маркса, т. III, стр. 39–40, СПб. 1884.

¹⁵⁴⁴ - Как не вынесла сего, например, душа одного из учеников школы митрополита Филарета, Киевского митрополита Филофея († 1892).

¹⁵⁴⁵ - См. Русский Архив 1887, II, 262.

¹⁵⁴⁶ - См. там же.

¹⁵⁴⁷ - См. там же, стр. 260. Даже когда приступлено было к работам по осуществлению мысли об освобождении крестьян, по началу хотели только в течении 32-х лет произвести все это дело вместе с предварительными работами. См. там же, стр. 261.

¹⁵⁴⁸ - Генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева.

¹⁵⁴⁹ - См. Русский Вестник, 1880, т. 145, стр. 922.

¹⁵⁵⁰ - Разумеется прошение трех литовских губерний, о котором речь будет ниже.

¹⁵⁵¹ - В виде этого-то изложения истории дела мы раньше сами и не излагали её подробно, ограничиваясь лишь самым необходимым и тем именно, чего не касается прямо речь государя императора.

¹⁵⁵² - Эта глубоко-знаменательная, в предотвращение революционных вспышек в народе, слова: «Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу», по рассказу одного из самых приближенных к императору Николаю лиц, именно графа П. Д. Киселева, были сказаны Николаем Павловичем его наследнику незадолго до кончины. См. Русский Архив, 1887, II, 260.

¹⁵⁵³ - Владимира Ивановича, генерал-адъютанта, † 11.02.1874.

¹⁵⁵⁴ - Рескрипт на имя генерал-адъютанта Назимова, составленный в духе начал, которые желал провести в дело именно сам государь император, несколько противоречил настроению большинства Петербургских бюрократов и даже из числа чинов Комитета об освобождении крестьян. Он был составлен в Мраморном дворце и появление его удивило самих

членов этого комитета (Русский Архив, 1887, II, 261), стоявших за продление дела на несколько десятков лет.

¹⁵⁵⁵ - Срав. вышеприведенные слова императора Николая графу Блудову.

¹⁵⁵⁶ - В Австрии крестьяне были освобождены от крепостной зависимости с оставлением в их пользовании лишь одних усадеб, но с обязательством уплаты податей. Отсюда «некоторые земли, писал об Австрии святитель Московский Филарет еще 3 января 1853 года, которые по власти помещиков обрабатывались, по свободе крестьян – остаются необработанными. Усвоенные крестьянам усадьбы продаются с аукциона за неуплату податей; следственно умножается нищенство». См. Письма Филарета к Антонию, IV, 71. Москва, 1884.

¹⁵⁵⁷ - К сожалению, не только эти правила 1846 года, но и положения 19 февраля 1861 года в царстве Польском, благодаря антирусской в антиправительственной Польской пропаганде, долго оставались мертвой буквой. См. о сем Русский Вестник, 1880, т. 145, на стр. 927 и далее, донесение графа М. Н. Муравьева от 1863 года.

¹⁵⁵⁸ - В 1860 году 6 февраля.

¹⁵⁵⁹ - Виктор Никитич, министр юстиции, † 12.04.1874.

¹⁵⁶⁰ - Великого князя Константина Николаевича, скончавшегося в 1892 году 13 января.

¹⁵⁶¹ - См. Русский Вестник, 1880, т. 145, стр. 923–927.

¹⁵⁶² - См. Из дневника и записной книжки графа, П. Х. Граббе, изданных редакцией Русского Архива, стр. 737–738. Москва, 1888. При этом считаем не лишним заметить, что, хотя, Граббе больше знаком был с военным, нежели административным делом, однако, он, будучи близок к высшим правительственным сферам, знал и общее настроение лиц, особенно высших, по отношению к крестьянскому вопросу и потому верно мог судить о нем. Ср. его любопытные замечания по этому вопросу там же, стр. 697 (за 1858 год), 700, 713, 720 и т.д.

¹⁵⁶³ - Пример этого печального явления можно видеть в возмущении крестьян села Бездны, имения помещика Мусина-Пушкина (Спасского уезда, Казанской губернии), происшедшем вскоре после обнародования положения 19 февраля 1861 года. Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 98 и далее.

¹⁵⁶⁴ - См., например, статьи в Историческом Вестнике 1885, № 1, стр. 74–77; в Православном Обозрении, 1883, ч. I, стр. 112 и т.д.

¹⁵⁶⁵ - Письма Филарета к Антонию, IV, 26.

¹⁵⁶⁶ - Там же, стр. 65.

¹⁵⁶⁷ - Там стр. 71–72.

¹⁵⁶⁸ - Там же стр. 78.

¹⁵⁶⁹ - Скончался в сане епископа Муромского в 1868 году.

¹⁵⁷⁰ - Преосвященный Тульский Алексей с самого академического курса (со времени пострижения в монашество в 1837 году) и до назначения на епископскую кафедру в Тулу (20 июня 1857 года), т.е. почти целых 20 лет, пребывал или в Москве или близ Москвы.

¹⁵⁷¹ - Письма Филарета к архиепископу Тверскому Алексию, стр. 193–195, Москва, 1888.

¹⁵⁷² - Сочинения Филарета, V, 548. Москва. 1885.

¹⁵⁷³ - Там же, стр. 501. Срав также на стр. 465 речь 1858 года и другие.

¹⁵⁷⁴ - Пред началом развития главной мысли проповеди святитель привел текст послания апостола Павла полнее (Флп.2:2–4), нежели в начале всей проповеди, т.е. да тожде мудрствуете вси, ту же любовь имуще, единомушны, единомудренны, ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честью больша себе творяше не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите.

¹⁵⁷⁵ - В рукописи автора прежде было «частью малых» вместо, «большою или меньшою долею небольших».

¹⁵⁷⁶ - Слово, «частных» вставлено автором в рукописи уже после.

¹⁵⁷⁷ - В рукописи прежде написано было «безвредна».

1578 - Слова: «ты», «своекорыстно и своенравно», «устроения и охранения» и «в неуклонном» вставлены в рукописи уже после.

1579 - Слова «и без ущерба» вставлены также после.

1580 - Вместо слов: «возбуждая и направляя», первоначально в рукописи было «управляя»

1581 - Сочинения Филарета, V, 443–446.

1582 - Текст этой записки, с указанием повода к составлению её можно читать в Собрании мнений и отзывов Филарета, IV, 564–568, Москва, 1886. Срав. Православное Обозрение, 1883, I, 112.

1583 - Иначе, Положения о крестьянах.

1584 - Граф В. Н. Панин.

1585 - Письма Филарета к Антонию, IV, 265–266. Срав. Нашу статью – речь в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1891 год, № 1–2, стр. 152–153.

1586 - Православное Обозрение 1881, II, 347. Слова профессора П. С. Казанского, написанные под живым впечатлением переданной ему беседы протоиерея А. В. Горского с митрополитом Филаретом. Впрочем, слово: «постепенное» в устах владыки Филарета отнюдь не значило того, что имели в виду желавшие затормозить освобождение крестьян.

1587 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 5–6, Москва, 1887–1888.

1588 - Греческое имя Филарета (Φιλάρετος) и значит: «друг» или любитель добродетели»

1589 - См. Русский Вестник, 1891 год, № 6, стр. 48.

1590 - См. сообщение П. С. Казанского в Православном Обозрении, 1883, I, 112.

1591 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 6–8.

1592 - Этот текст манифеста в его Филаретовской редакции можно видеть там же, стр. 9–15. Срав. обнародованный текст его в Высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной

зависимости. СПб. 1861. См. также Свод законов по продолж. 1876 г. и Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. 36, № 36650.

¹⁵⁹³ - Срав. вышеприведенную проповедь Филарета на текст не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите.

¹⁵⁹⁴ - Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. 36, № 36650, стр. 131. Вместо слов «убеждены были признать» поставлено просто: «убедились».

¹⁵⁹⁵ - Эти последние слова манифеста послужили темой для художественного рисунка на медали, учрежденной в память освобождения крестьян от крепостной зависимости.

¹⁵⁹⁶ - Ср., например, отзывы профессоров Погодина в Русском Архиве, 1883, I, 119; П. С. Казанского, Православное Обозрение 1883, I, 112 и другие.

¹⁵⁹⁷ - Русский Архив, 1883, I, 120–121.

¹⁵⁹⁸ - Письма Филарета к Антонию, IV, 280.

¹⁵⁹⁹ - Сам святитель Филарет не чужд был еще мрачных мыслей о предстоявшем 19-м дне февраля. От 15 февраля того же 1861 года он писал: «Господи, спаси Царя, и пощади всех нас. Замечают, что ожидание народа сильно направлено на 19 день, а он едва ли принесет ожидаемое». См. Письма Филарета к Антонию, IV, 280.

¹⁶⁰⁰ - См., например, Русский Архив, 1883, I, 121.

¹⁶⁰¹ - Сколько известно, митрополит Филарет до конца своей жизни особенно дорожил этим знаком высочайшего к нему благоволения за участие в великом деле. См. Церковные Ведомости, изданные при Святейшем Синоде, 1891, № 33, прибавление, стр. 1131.

¹⁶⁰² - Припомним заключительные слова манифеста, 19 февраля 1861 года.

¹⁶⁰³ - Сочинения Филарета, V, 513–514.

¹⁶⁰⁴ - Письма Филарета к Антонию, IV, 295.

¹⁶⁰⁵ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 97. Тверь, 1888. См. послужной список митрополита Филарета.

¹⁶⁰⁶ - См. у Седельникова в его книжке 25-летний юбилей государя императора Александра Николаевича, стр. 72–73, Москва, 1880.

¹⁶⁰⁷ - Еще государь император Александр I, в указе Правительствующему Сенату об учреждении комиссии для составления законов, выразился, что хаотическое состояние законов производит «всеобщее смешение прав и обязанностей, мрак, одежащий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменять их по первому движению прихоти, или самовластия». В царствование Николая I, судебная часть, как мы видели в свое время, значительно подвинута была вперед к улучшению. Но уже то самое, что, как мы помним, высказывалось (например, в стихах, по случаю заключения Парижского мира) но восшествии на престол преемника Николая I, давало понять, что многое в этой части заставляло ожидать лучшего.

¹⁶⁰⁸ - На практике же преобразования по военной части начались прямо вслед за Крымскою войною.

¹⁶⁰⁹ - Разумеется проповедь, сказанная так же пред благодарственным молебствием по прекращении губительной болезни холеры в 1848 году. См. Сочинения Филарета, IV, 587 и далее.

¹⁶¹⁰ - Сочинения Филарета, V, 342–345.

¹⁶¹¹ - Сочинения Филарета, V, 322, в проповеди, сказанной 30 августа 1855 года. Мы уже приводили слова этой проповеди.

¹⁶¹² - Сочинения Филарета, V, 346–350.

¹⁶¹³ - Сочинения Филарета, V, 368.

¹⁶¹⁴ - Государь император не дальше, как месяц с небольшим тому назад был в Москве. См. Сочинения Филарета, V, 369.

¹⁶¹⁵ - Сочинения Филарета, V, 545.

¹⁶¹⁶ - Сочинения Филарета, V, 381–382.

¹⁶¹⁷ - См. Русский Вестник 1880, 145, 936–937. Далее в этой программе указывается и то, кого в обществе, для целей революции, нужно убивать, кого и как эксплуатировать в свою пользу и т.д.

1618 - Сочинения Филарета, V, 546, – в речи к государю императору, сказанной 19 сентября 1856 года. Срав так же речь ему, произнесенную 14 октября 1857 года (там же, стр. 548) и т.д.

1619 - Сочинения Филарета, V, 390 и далее.

1620 - Там же, стр. 401.

1621 - Сочинения Филарета, V, 440. Проповедь относится к 1858 году.

1622 - Сочинения Филарета, V, 490.

1623 - Там же, стр. 449–450.

1624 - Сочинения Филарета, V, 430–455.

1625 - Сочинения Филарета, V, 472–476.

1626 - Сочинения Филарета, 555. Срав также стр. 561, 565.

1627 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 454 и далее, 656 и далее. Письма Филарета к Антонию, IV, 452–453, 455.

1628 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 174, 176, 181–182. Заключение. «Так движется наша свобода, так открывается наше самоуправление» (стр. 182).

1629 - Скончался в 1883 году, 16 октября.

1630 - Государь император обозревал часть Российской Империи летом сего года.

1631 - Прокламациях, присланных к митрополиту графом Путятиных в числе упомянутых бумаг.

1632 - 1825 года. Разумеется бунт декабристов.

1633 - «Здесь был на сих днях граф министр просвещения, писал Филарет о графе Путятине от 29 ноября 1861 года, – Трудно ему. Государь к нему внимателен, но противоборствующих много, а содействующих мало», Письма Филарета к Антонию, IV, 318.

1634 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 137–139

1635 - Срав. Письма Филарета к Антонию, IV, 311 и далее О студенческих и гимназических волнениях, влиявших и на духовно-учебные заведения того времени, см. еще там же, стр. 337–341; Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 25, 54, 60;

Русская Старина 1887, № 9; 1888, № 10, 11; 1889, № 1, 3, 4; 1890 № 8, 9 и другие.

¹⁶³⁶ - Письма Филарета к Антонию, IV, 3

¹⁶³⁷ - Скончался 27 января 1890 года.

¹⁶³⁸ - Скончался в 1864.

¹⁶³⁹ - Вот текст её «Понеже умножились грехи наши, и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва, сего ради на вечерни, утрени и литургии, при окончании сугубой ектеньи, глагола и сие: еще молимся о еже милостиву быти благому и человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев на ны движимый, а избавити нас от належащего и праведного своего прещения и простити нам всякое согрешение вольное и невольное и помиловати нас недостойных рабов своих, в сердце сокрушенном рцем вси, помолимся, услыши и помилуй. Молитвенное прошение сие и доселе употребляется в церквах Московской епархии.

¹⁶⁴⁰ - Разумеется статья профессора Киевской духовной академии П. Д Юркевича, помещенная в Трудах Киевской духовной академии за 1860 год, кн. IV, стр. 367–511, под заглавием «Из науки о человеческом духе». (По поводу статей, помещенных в Современнике под заглавием. «Антропологический принцип в философии»).

¹⁶⁴¹ - Т.е. в упомянутых выше волнениях и беспорядках.

¹⁶⁴² - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 182–186. Срав. Душеполезное Чтение, 1861 год, № 1, стр. 1–9; Письма Филарета к Антонию, IV, 320 и т.д.

¹⁶⁴³ - Здесь святитель между прочим, по всей вероятности, разумеет сочинение А. Н. Афанасьева. († 1871) Народные русские легенды, которое еще в 1860 году подверг беспощадной критике См. Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 527–531, СПб 1867

¹⁶⁴⁴ - Н. В. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 174–175, Москва, 1868. Между прочим, по благословению святителя Филарета, профессора Московской духовной академии Д. Ф Голубинский написал опровержение этого

мнения Циммермана и напечатал это опровержение в Прибавлениях к творениям святых отцов, 1862 год, ч. XXI.

¹⁶⁴⁵ - Разумеет материализм.

¹⁶⁴⁶ - Срав. Напротив, в § 1 революционной программы приведенные выше слова: «все в нем (революционере) поглощено, единою страстью – революцией».

¹⁶⁴⁷ - Сочинения Филарета, V, 557–560. Выражение: пещись святитель подчеркнул, имея в виду свое звание попечителя в отношении к обществу любителей духовного просвещения.

¹⁶⁴⁸ - Из того же отчета по епархии за 1868 год, Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 177.

¹⁶⁴⁹ - Разумеются церковноприходские школы, в большом числе существовавшие в начале шестидесятых годов и приносившие многие благие плоды, но под влиянием духа времени подавленные усилением земских школ со светским, но преимуществу, направлением, и, наконец, только с 1884 года, восстановленные в своих правах. Срав. нашу статью-речь Государственное значение церковноприходской школы в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения за 1888 год., стр. 65.

¹⁶⁵⁰ - О том, какие и подлинно вредные последствия для России вытекали и вытекают доселе в начавшегося со времен Петра I отторжения от исконных русских начал воспитания и просвещения, превосходные рассуждения можно находить в чтениях высокопреосвященнейшего Амвросия, архиепископа Харьковского, о религиозном секстанстве в нашем образованном обществе (см. в Прибавлениях к Церковным Ведомостям, издававшихся при Святейшем Синоде, за 1891 год, № 6 и особенно № 16–17, стр. 514 и далее). О вредных последствиях того же в школьном особенно деле см. ниши статьи-речи, говоренные в годичных собраниях Московского Общества любителей духовного просвещения за 1885 год, по случаю воспоминания о св. Кирилле и Мефодии, учителях славянских, и в 1887 году, написанные в Чтениях означенного Общества за 1885 год, № 5 и 1888 год № 1.

¹⁶⁵¹ - Святитель Филарет не отрицал полезности применения к делу новых методов преподавания. Он порицал только скороспелое, недозрелое из этих методов и поспешность в стремлении применять к делу всякие новые методы без разбора. Срав., например, его слова в письме к наместнику Сергиевой Лавры, архимандриту Антонию от 16 ноября 1857 года: «Удивительные дела бывают на свете. Жили, жили на свете люди прежде нас; жили, жили на свете мы грешные наконец, в 1857 году узнаем, что мы не умеем учиться грамоте! Нашел я указанный вами лист Петербургских ведомостей, и прочитал сказание об азбучной премудрости Золотова. Вероятно, в скорости обучении много участвует искусство учителя возбуждать внимание и охоту учеников. Может быть, успех и окажется удовлетворителен. Но от разных выдумок скороспелого учения грамматики замечается то последствие, что скоро выучившиеся не знают грамматики, и худо владеют языком. Систематически учащиеся грамматике имеют более труда, зато узнают правильный язык во всех его оттенках, и привыкают свободно владеть обаянием языка. Если угодно, пошлите одного из наших учителей (Лаврского начального училища) поучиться методу Золотова. Письма Филарета к Антонию, VI, 61–62.

¹⁶⁵² - Сушков, там же, стр. 177–179.

¹⁶⁵³ - Ср. вышесказанное о сем в упомянутых выше речах наших, 1885 и 1887 годов.

¹⁶⁵⁴ - См. о сем между прочим, в нашем исследовании: Наша общеобразовательная школа, печатающимся с 1890 года в Душеполезном Чтении.

¹⁶⁵⁵ - См. там же.

¹⁶⁵⁶ - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 429. Мнение относится к 1863 году.

¹⁶⁵⁷ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 575.

¹⁶⁵⁸ - А. И. Лобков, купец, достигший потом чина действительного статского советника, известен, между прочим, но изданию проповедей митрополита Филарета.

¹⁶⁵⁹ - Варваринский сиротский дом Лобковых устроен собственно и ближе всего для девочек- сирот, а за тем уже и для мальчиков-сирот.

¹⁶⁶⁰ - В рукописи автора и в Творениях святых отцов, за 1855 год, здесь вставлены были слова, «и едва ли не большею частью служат себе, готовя себе в них утешение и опору, хотя, при том и не теряют из вида высших целей воспитания».

¹⁶⁶¹ - Сочинения Филарета, V, 335–337.

¹⁶⁶² - В последующее время попечителем Варваринского сиротского дома состоял генерал-лейтенант А. З. Егоров, который, вместе с А. И. Лобковым, как нам известно, по уважению к митрополиту Филарету, принимал живое участие в издании проповедей последнего в французском переводе.

¹⁶⁶³ - Душеполезное Чтение, 1886, I, 258.

¹⁶⁶⁴ - См. статью Розанова О церкви Спаса нерукотворенного образа в Барыковской богадельне, в Душеполезном Чтении 1869 год, стр. 106, примечание отд. «Известий и заметок».

¹⁶⁶⁵ - Подробности всей этой истории см. в той же статье Розанова.

¹⁶⁶⁶ - В рукописи автора этого слова нет, а появляется оно лишь в печатных изданиях.

¹⁶⁶⁷ - В рукописи автора было: «получил исцеление от немощи и благодеяние возбудило благодарность».

¹⁶⁶⁸ - Упомянутого выше И. И. Барыкова.

¹⁶⁶⁹ - Сочинения Филарета, V, 339, срав 338 и 340 и далее.

¹⁶⁷⁰ - Разумеется Евлогий.

¹⁶⁷¹ - Сочинения Филарета, V, 361–364.

¹⁶⁷² - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 116, Москва, 1884.

¹⁶⁷³ - Московские Ведомости, 1857 год, № 154.

¹⁶⁷⁴ - Сочинения Филарета, V, 433–437 Беседы святителя-вителии, которая имела быть отпечатанною в значительном числе экземпляров, жаждала весьма многие любители и почитатели его проповеднического таланта. См., например, письма в

Чтении в Обществе любителей духовного просвещения, 1871, № 6, стр. 37 «Материалов для биографии Филарета».

1675 - См. Московские Ведомости, 1888, № 241.

1676 - Впоследствии, именно в память коронации 1883 года, здания Покровской богадельни еще более расширились, для помещения в них ремесленных классов. В настоящее время в богадельне на попечении общества находится до 1.000 человек. См. там же.

1677 - Т.е. Москва.

1678 - Сочинения Филарета, V, 477 и далее.

1679 - Там же, стр. 477.

1680 - Письма Филарета к Антонию, IV, 56.

1681 - Там же, стр. 343–344. Письмо от 4 апреля 1862. Канон святым Кириллу и Мефодию, весьма назидательный с его широким взглядом на прошедшее, настоящее и грядущее России, с молитвой о ней, святитель Филарет и действительно составил сам. Этот канон напечатан в майской книжке Душеполезного Чтения за 1863 год.

1682 - Рюрик, хотя, и изображенный на памятнике тысячелетия России, не упоминается здесь, естественно, потому, что он был язычник.

1683 - Сочинения митрополита Филарета, V, 550–551. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, приложение, стр. 88–89, срав. текст, стр. 203, 206, 207.

1684 - Восьмое число сентября избрано было для празднования, с одной стороны, как день Куликовской битвы, а с другой, как день рождения государя наследника цесаревича Николая Александровича.

1685 - Русская Старина 1888 год, кн. 1, т. 57, стр. 7.

1686 - Молитва эта напечатана еще в Страннике, в Душеполезном Чтении, в Творениях святых отцов и в других повременных изданиях.

1687 - См. Сочинения Филарета, V, 550, 551; также Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 87–89 приложений; в

Творениях святых отцов за 1862 год и в Московских Ведомостях за тоже время.

¹⁶⁸⁸ - Сочинения Филарета, V, 549, 550.

¹⁶⁸⁹ - См., например, приветствие Новгородского дворянства Государю императору в указанной книжке Русской Старины, стр. 6, 14.

¹⁶⁹⁰ - Припомним речь митрополита Филарета государю императору, сказанную 2 сентября 1855 года во время Крымской войны.

¹⁶⁹¹ - Сочинения Филарета, V, 384, срав. выше.

¹⁶⁹² - См. Воспоминания очевидца о коронации 1856 года, принадлежащие высокопреосвященнейшему Савве, архиепископу Тверскому, стр. 3, Тверь, 1883.

¹⁶⁹³ - См. эти подробности в той же книжке высокопреосвященнейшего Саввы. Срав сказанное нами о коронации в 1 отделе исследования настоящего периода.

¹⁶⁹⁴ - Старейшим по летам возраста, но не по архиерейству, в то время быть митрополит Киевский Филарет (Амфитеатов), по он по болезни не участвовал в совершении коронации.

¹⁶⁹⁵ - Сочинения Филарета, V, 384, 385.

¹⁶⁹⁶ - Разумеется высоко умилительная благодарственная и вместе просительная молитва чина коронования, которую читает государь император после коронования и пред молитвою первосвященника, совершающего священный обряд коронования, и в которой царь земной между прочим, молится Царю царствующих: «Буди сердце мое в руку Твою, еже вся устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да в день суда Твоего не постыдно воздам Тебе слово». См. упомянутую брошюру преосвященного архиепископа Саввы, стр. 23.

¹⁶⁹⁷ - Тогда еще здравствовала вдовствующая государыня императрица Александра Феодоровна († 1860), для которой на день коронации 1856 года в Успенском соборе было устроено особое императорское место, под балдахином, вправо от императорского трона См. ту же брошюру преосвященного Саввы, стр. 2.

¹⁶⁹⁸ - Сочинения Филарета, V, 385–387.

- 1699 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 109–110.
- 1700 - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 104 Москва, 1884.
- 1701 - Высокопреосвященный Никанор и приехал уже в Москву на коронацию больной, а здесь еще более простудился, встречая крестный ход в Донских монастыре 19 августа. Поэтому, когда 27 августа во Дворце, при поздравлении, он начал говорить свою речь, то запнулся и не закончил её. См. упомянутую брошюру преосвященного Саввы, стр. 42.
- 1702 - Сочинения Филарета, V, 385–387.
- 1703 - Т.е. 2 сентября 1855 года, пред отправлением к действующей армии на юг России.
- 1704 - Намек на предположенные уже и то время, а частью и предпринятые реформы, о которых раньше у нас была речь.
- 1705 - Их Величества в поездке в Лавру 19 сентября 1856 года сопровождаемы были Их Высочествами: наследником цесаревичем и великими князьями, Александром, Владимиром и Алексием Александровичами и Михаилом Николаевичем.
- 1706 - Сочинения Филарета, V, 546–547.
- 1707 - 19 сентября Их Величества и Их Высочества прибыли в Лавру в 1 часа по полудни.
- 1708 - Этот труд, под заглавием: О священнодействии венчания и помазания царей на царство, напечатан был уже в 1882 году, ко времени коронации ныне благополучно царствующего государя императора, в прибавлениях к Творениям святых отцов (ч. 29). В 1856 году высочайшие особы отбыли из Лавры в 2 часа по полудни.
- 1709 - См. в описании этого высочайшего посещения, ниже указываемом.
- 1710 - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 431–434. СПб. 1887.
- 1711 - См., например, Московские Ведомости и Ведомости Московской городской полиции за то время.
- 1712 - 21 сентября.
- 1713 - Письма Филарета к Антонию, III, 422.

1714 - Сочинения Филарета, V, 407. В последних выражениях, очевидно, указываются многочисленные награды и милости, исшедшие от престола по случаю коронации 1856 года, между прочим, – помилование политических преступников. В числе награжденных был и святитель Московский Филарет, который «за неутомимо продолжаемое, в просвещенной ревности по вере православной, с пламенным усердием к церкви, престолу и отечеству, с опытным знанием церковных дел и духовных нужд паствы, многолетнее архипастырское служение, украшенное его отличными дарованиям», Всемиловитейше пожалован был осыпанным драгоценными камнями посохом (см. Послужной список Митрополита Филарета у Сушкова и в других изданиях).

1715 - Сочинения Филарета, V, 423–426.

1716 - Об этом можно читать в повременных изданиях рассматриваемого периода.

1717 - Скончался князь С. М. Голицын 7 февраля 1859 года, а родился в 1774 году.

1718 - Сестра князя Елена Михайловна и Анастасия Михайловна († 1854) так же отличались строгим благочестием.

1719 - Письма Филарета к Антонию, IV, 37.

1720 - Если служителем алтаря святитель Филарет сделался с 1808 года, как мы замечали раньше, то право «беседовать в церкви», т.е. быть проповедником, он получил еще раньше того, именно с 1805 года, о чем см нашу статью в журнале Вера и Разум за 1884 год, ч. I, отд. церковь.

1721 - Сочинения Филарета, V, 404–406.

1722 - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 108–109, Москва, 1881. Издание редакции Православного Обозрения.

1723 - Душеполезное Чтение 1879, Ш, 384.

1724 - Письма Филарета к Антонию, IV, 164. Срав. стр. 157.

1725 - Там же, стр. 167–168.

1726 - Сочинения Филарета, V, 388.

¹⁷²⁷ - Разумеются великие князья, цесаревич Николай Александрович († 1865), Александр Александрович, ныне благополучно царствующий государь император (род. в 1845 году), Владимир Александрович (род. в 1847 году) и Алексей Александрович (род. в 1850 году)

¹⁷²⁸ - Наследнику цесаревичу в то время было уже 14 лет. Он приступил уже к систематическому курсу учения и успел обнаружить высокие качества своего ума и сердца. Кроме того, у августейших родителей в то время была ещё дочь, Мария Александровна (род. в 1858 году), ныне герцогиня Эдинбургская.

¹⁷²⁹ - Подчеркнутые в самой беседе слова буквально заимствованы из Высочайшего рескрипта на имя митрополита Филарета, данного 29 апреля 1857 года по случаю рождения великого князя Сергея Александровича. См. текст итого рескрипта в Собрании мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 443–444, СПб, 1887.

¹⁷³⁰ - Сочинения Филарета, V, 411–414.

¹⁷³¹ - Письма Филарета к Антонию, IV, 40.

¹⁷³² - Следовательно 3 мая.

¹⁷³³ - Высочайший рескрипт о сем на имя митрополита Филарета. См. Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 443–444, СПб. 1887.

¹⁷³⁴ - Письма Филарета к Антонию, IV, 41–42.

¹⁷³⁵ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 234. Москва, 1886.

¹⁷³⁶ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 443. Мысль о том, чтобы молебствие совершено были от имени Их Величеств, также прямо выражена в упомянутом высочайшем рескрипте. См. там же, стр. 444. Срав. указание на то же обстоятельство еще в речи митрополита Филарета государыне императрице, 12 августа 1858 года, в Сочинениях Филарета, V, 463; 514.

¹⁷³⁷ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 97. Тверь, 1888.

1738 - Замечательно, что и в 1891–1892 годах, когда великий князь Сергей Александрович по назначению Его Высочества Московском генерал-губернатором, вследствие производившегося в генерал-губернаторском доме (на Тверской улице) ремонта, не мог еще жить в сем последнем, он с своею августейшею супругою значительное время изволил пребывать: то в кремлевском малом дворце, а то в Нескучном Саду.

1739 - В 1861 году.

1740 - Письма Филарета к Антонию, IV, 478.

1741 - Там же, стр. 480.

1742 - Письма Филарета к Алексею Тверскому, стр. 265–266.

1743 - Письма Филарета к Алексею Тверскому, стр. 265–266.

Москва, 1383. Охранитель великого князя Сергея Александровича, его воспитатель, флигель-адъютант и Д. С. Арсеньев, ныне вице-адмирал, начальник Николаевской морской академии.

1744 - Срав. благодарственное за эту весть письмо митрополита Филарета графу Адлербергу в Душеполезном Чтении, 1885, II, 370.

1745 - См. раньше приведенную речь митрополита Филарета при сей встрече Его Величеству Сочинения Филарета, V, 465–466.

1746 - Это было после разорения Москвы и Знаменского монастыря французами в 1812 году. См. архимандрит Сергий (Спасский), Историческое описание Московского Знаменского монастыря, стр. 35, Москва, 1866

1747 - В Новоспасском монастыре, где находятся гробницы бояр Юрьевых-Романовых.

1748 - Сочинения Филарета, V, 466–467. Срав. краткое сообщение о пребывании государя императора в Москве и о закладке Романовских палат и письмах Филарета к Антонию, IV, 110–111.

1749 - См. брошюру: Об освящении Романовских палат в Москве (из № 271 Московские ведомости, за 1859 год), стр. 6.

1750 - См. Письма Филарета к Антонию, IV, 190. Срав. речь митрополита Филарета государю 17 августа в Сочинениях

Филарета, V, 51

1751 - Письма Филарета к Антонию, IV, 190. Срав. стр. 187. Срав. также Письки Филарета к Спасобородинской игуменьи Серафиме, стр. 40. Тверь, 1890.

1752 - Сочинения Филарета, V, 502.

1753 - Так же, стр. 548.

1754 - Более подробное описание всего события освящения Романовских Палат см. в упомянутой выше брошюре, составляющей отдельный оттиск из № 271 Московских Ведомостей за 1859 год.

1755 - Сочинения Филарета, V, 411.

1756 - Там же, стр. 472.

1757 - Там же, стр. 306.

1758 - Письма Филарета к Антонию, VI, 248.

1759 - Православное Обозрение, 1883 год, т. I, стр. 109.

1760 - См для сего между прочим, сообщение И. А. Татарского о В. Д. Кудрявцеве и журнале Вера и Разум за 1892 год, т. I, отд. филос, стр. 87 и далее. Приглашение В. Д. Кудрявцева, шло чрез митрополита Филарета, при чем посредствующее участие принимали также граф С. Г. Строганов († 27.03.1882) и протопресвитер Н. А. Сергиевский († 28.06.1892).

1761 - 26 августа праздник коронации.

1762 - Сочинения Филарета, V, 515–516.

1763 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 4–5. Тверь, 1888.

1764 - Письма Филарета к Антонию, IV, 460.

1765 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 671–672.

1766 - Письма Филарета к Антонию, IV, 462.

1767 - Подписал, с высочайшего соизволения, генерал-адъютант, граф Адлерберг 2-й. Депеша была опубликована по всех повременных изданиях.

1768 - Т.е. высшее священноначалие, ближе всего первенствующий член Святейшего Синода высокопреосвященный Исидор.

1769 - Письма Филарета к Антонию, IV, 462–463.

1770 - Письма Филарета к Антонию, IV, 464–465. Все зги сведения о последних днях и часах жизни государя наследница святитель получал из Ниццы от А. Ф. Тютчевой (по замужеству Аксаковой), адресовавшей свои письма и телеграммы на имя Н. В. Сушкова, который их тотчас же передавал святителю Филарету. Когда из Ниццы еще от 5 апреля получена была телеграмма с просьбою молиться о здоровье наследника, святитель пророчески замечал не раз: «Поздно», и, хотя, конечно, искренно молился сам и делал распоряжения о молитве, зная пользу её и для больного, и для родителей его, и для России. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 231–232. В высшей степени трогательны сведения о тех же последних днях и часах жизни в Бозе почившего цесаревича, о нежных обращениях его к августейшим родителям и невесте, а также к августейшему брату, ныне благополучно царствующему государю императору, о столь же нежных отношениях самой невесты к почившему и т.д., шедшие чрез ту же, ныне покойную, А. Ф. Аксакову (урожденную Тютчеву), мы имели счастливый случай получить в бумагах покойной же А. Д. Бантыш-Каменской, сделав из них выдержку для себя.

1771 - Т.е. 12 апреля, – дня кончины наследника цесаревича.

1772 - Заслуживает здесь внимания русский перевод текстов Священного Писания в виду разрешенного уже и вышедшего в свет перевода Библии на русский язык.

1773 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 7–8.

1774 - Письма Филарета к Антонию, IV, 464. См. Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 269–290 и т.д.

1775 - У святителя Филарета был в виду опыт уничтожения силы присяги цесаревичу Константину Павловичу.

1776 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 294.

1777 - Там же, стр. 294–295.

1778 - Душеполезное Чтение, 1882, I, 513.

1779 - Сочинения Филарета, V, 565. Справ речь митрополита Филарета государю императору 19 августа в Сергиевой Лавре Там же, стр. 566.

1780 - Текст этого рескрипта можно видеть у Сушкова в его биографии Филарета, стр. 233–234 и в Московских ведомостях, того времени.

1781 - В Гефсиманском скиту

1782 - Т.е. Санкт-Петербург.

1783 - Наполеона I.

1784 - Сочинения Филарета, V, 566–567. На это письмо от 30 же августа последовал новый, также чрезвычайно милостивый ответный высочайший рескрипт, тогда же напечатанный в газетах.

1785 - Его дочери занимали немаловажные должности при Дворе, при воспитании августейших детей государя императора.

1786 - Иллюминация.

1787 - См. Московские Ведомости, 1866 год, № 201, за 25 сентября.

1788 - Сочинения Филарета, V, 569.

1789 - Не говоря о других достойных чертах супружеской жизни августейшей четы, в которых видно исполнение благожеланий святителя Филарета, даже и со стороны чадородия, как одного из «вождемненных плодов» её супружеского союза, Она уже успела доставить утешение «августейшим родителям» рождением до 1880 года четырех чад.

1790 - Этот весьма милостивый рескрипт был также напечатан в газетах того времени. См. текст его также у Сушкова в Записках о жизни и времени митрополита Филарета, стр. 252. Подлинник сего рескрипта святитель Филарет отдал на хранение, вместе с другими подобными документами, в Сергиеву Лавру, о чем см. Письма Филарета к Антонию, IV, 499.

1791 - Великому князю Владимиру Александровичу (родился 10 апреля 1847) в то время уже исполнилось 20 лет от рождения.

¹⁷⁹² - Сочинения Филарета, V, 572–573. Приняв заочно это приветствие старца-святителя, государь император с молодою четой и великим князем Владимиром Александровичем посетили его в митрополичьих покоях, а несколько позже навестил его и великий князь Алексей Александрович. См. Сушков, Записки о жизни и времени митрополита Филарета, стр. 253.

¹⁷⁹³ - Телеграммы эти опубликованы во всех газетах того времени.

¹⁷⁹⁴ - См. в газетах того времени, особенно в Московских Ведомостях. Срав. также Православное Обозрение 1883 года, т. III, стр. 565.

¹⁷⁹⁵ - Посланные от митрополита архимандрит и протоиерей, кроме письма, представили Государю императору и образ святителя Алексия. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 249.

¹⁷⁹⁶ - Сочинения Филарета, V, 568–569. См. также у Сушкова, там же, стр. 250 и в других изданиях.

¹⁷⁹⁷ - Рескрипт был напечатан в Московских ведомостях, того времени. См. также у Сушкова в помянутом его сочинении, стр. 250–251.

¹⁷⁹⁸ - Иное чтение: «Укрепите» (Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 881) нам кажется менее правдоподобным.

¹⁷⁹⁹ - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 881 прямо «Сестра Ваша».

¹⁸⁰⁰ - Это – бедная дворянка Харьковской губернии Ю. Н. Петрова. Приехавши в 1841 году в Москву для изречения своей тяжелой болезни, она здесь 26 ноября 1851 года скончалась. О ней митрополит писал к Лаврскому наместнику, архимандриту Антонию от 11 октября 1855 (Письма Филарета к Антонию, III, стр. 351 и № 1056) Примечание преосвященного Саввы, архиепископа Тверскою.

¹⁸⁰¹ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, изданные архиепископом Тверским Саввою, I, 11–13. Тверь, 1888 и Собрание мнений и отзывов Филарета, изданное

тем же преосвященного Саввою, V, 881–882. Москва, 1887–1888.

1802 - Но сообщению Сушкова, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 250) в Москве было до 69 молебствий о спасении жизни царя. Тоже было, конечно и в других местах.

1803 - По объяснению толкователя, император Павел Петрович есть указываемый Агафангелом – Петр III, Александр Павлович – Петр IV, а Николай Павлович – Петр V. См Ερμηνεία τῶν χρησμών τοῦ Αγαθαγγέλου ὑπὸ Κ. Φ. σελ. 37, 38. Ἐν Ἀθήναις, 1849.

1804 - См. там же, стр. 76.

1805 - См. там же, гл. I, стр. 18–19 и объяснение, стр. 20–24.

1806 - Ср. объяснение гл. 6-й, на стр. 41.

1807 - Стр. 54–55.

1808 - Письма Филарета к Антонию, III, 325–326. Ректором Академии в то время был архимандрит Евгений (Сахаров-Платонов), скончавшийся в 1888 году в сане епископа Симбирского.

1809 - А таковым и представляется и помянутой книжке слово Агафангела, суда по предисловию самого автора её.

1810 - Сочинения Филарета, V, 449.

1811 - См. Письма Филарета к Антонию, IV, 244–245, 246 относительно Сирийских христиан и стр. 502–503 относительно кандиотов.

1812 - Письма Филарета к Антонию, IV, 91.

1813 - Там же, стр. 240.

1814 - В числе других многих дел такого рода были и дела Востока, из которых за время с 1853 по 1807 год составитя целый том Собрания мнений и отзывов митрополита Филарета по делам православной церкви на востоке. СПб, 1886.

1815 - Константинопольский вселенский Иоаким.

1816 - Письма Филарета к Антонию, IV, 279

1817 - Собрание мнений и отзывов Филарета по делам Востока, стр. 362–363. Срав. стр. 367 и 369; 340 и 343. СПб, 1886.

- 1818 - Сочинения Филарета, V, 512, Москва, 1885. Срав. там же, стр. 463.
- 1819 - Там же, стр. 573–574.
- 1820 - Там же, стр. 580.
- 1821 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 227–228.
- 1822 - Там же, стр. 437–442.
- 1823 - См., например, о домогательствах иезуитов в Петербурге по Письмам Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и другим лицам, II, 239–240. Тверь, 1888.
- 1824 - Письма Филарета к Антонию, III, 431; IV, 17–18.
- 1825 - Во Франции.
- 1826 - Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 107 Москва, 1884. Издание редакции «Православное Обозрение».
- 1827 - Сюда можно отнести известные труды архиепископов: Херсонского Никанора и Могилевского Анатолия (Авдия Востокова).
- 1828 - См о сем в Собрании мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, 509–510, 525–527; IV, 533–540; Письма Филарета к Антонию, IV, 227, 230–231 и многие другие.
- 1829 - См. относительно общества восстановления православия на Кавказе – Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 375–379, 458–463; Письма Филарета к Антонию, IV, 140–142, 214 и другие.
- 1830 - Рескрипт сей тогда же напечатан был в повременных изданиях (см., например, Церковно-Общественный Вестник 1877 года, № 39). В то же время особо получили Высочайшие награды, как принимавшие наиболее близкое и постоянное участие в деле перевода Библии, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, и протопресвитер В. Б. Бажанов.
- 1831 - В печатном издании проповеди последние два имени нарочито поставлена в таком виде; «I(с под тилом)а X(а под тилом)».
- 1832 - Сочинения Филарета, V, 377. Об этой проповеди у нас еще будет речь.

- 1833 - 1855 года.
- 1834 - Государю наследнику тогда было только 12 лет.
- 1835 - В таком виде имя св. Николая употреблено, конечно, с особенным намерением, ради приверженности слушателей к старине.
- 1836 - Подаренную наследником икону св. Николая митрополит Филарет получил 5 мая и единоверцам желалось, чтобы в праздник святителя Николая 9 мая она и внесена была торжественно, при участии митрополита Филарета, в Никольскую единоверческую церковь. Но 9 мая был крестный ход, и митрополиту нельзя было исполнить желание единоверцев. Он предложил им или на 9 мая послать кого-либо из священнослужителей для сей дела, или же отсрочить внесение иконы, чтобы самому ему принять в сем участие. Единоверцы предпочли последнее первому.
- 1837 - Сочинения Филарета, V, 374–379.
- 1838 - См. там же, стр. 376, примечание.
- 1839 - Около 4.100 кг (прим. ред.)
- 1840 - Письма Филарета к Антонию, IV, 42.
- 1841 - Сочинения Филарета, V, 415.
- 1842 - Графу А. А. Закревскому, бывшему Московским генерал-губернатором до 16 апреля 1859 года.
- 1843 - Письма Филарета к Антонию, IV, 64.
- 1844 - Там же, стр. 87, 89, 137.
- 1845 - См. там же, стр. 264.
- 1846 - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 461–462.
- 1847 - Там же. стр. 460–461. Срав. 514. Для сего в монастырь перенесены были древние иконы: нерукотворенный образ Христа Спасителя и Преображения Господня, местно чтимые, а указывалось, для снятия копии, еще на иконы: в Московском Успенском соборе – Корсунскую, Владимирскую Богоматери и образ Спасителя, в Новоспасском монастыре – нерукотворенный образ Спасителя и икону Иверской Божией Матери, в Киево-Печерской Лавре – Успении Богоматери и в

Троице-Сергиевой Лавре, – Пресвятой Троицы и преподобного Сергия.

¹⁸⁴⁸ - Афанасий (Соколов), ученик митрополита Филарета по Санкт-Петербургской Духовной Академии, скончался в 1868 году, в Казани же, на покое (с 1866 года).

¹⁸⁴⁹ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 512–516; Сочинения Филарета, V, 494–497 примечание. По преданию, на месте ново устроенного монастыря в старину также был монастырь.

¹⁸⁵⁰ - Отец Парфений (родился в 1807), бывший сам прежде в расколе, по обращении из раскола в православные с 1810 годов и словом устным и писаниями действовал сильно и довольно успешно в пользу православия и против раскола.

¹⁸⁵¹ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, издание преосвященным Тверским Саввою, I, 205–206. Тверь, 1888 Срав. тоже письмо в Душеполезном Чтении, 1868 год, № 6 (ч II), стр. 159.

¹⁸⁵² - Спасопреображенским, что на Мошове, как о том упомянуто было выше.

¹⁸⁵³ - Сочинения Филарета, V, 498–500. Подробности о самой обители Гуслицкой см. в особой книжке, изданной, в 1863 году. Срав. также в Душеполезном Чтении за 1864 год, ч. III, стр. 45–59 «Известий и Заметок».

¹⁸⁵⁴ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, и другим лицам, I, 206.

¹⁸⁵⁵ - Душеполезное Чтение за 1868 год, ч II, № 6, стр. 160–164.

¹⁸⁵⁶ - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 217–224.

¹⁸⁵⁷ - Отец Парфений получил, кроме награды наперсным крестом, сан игумена за свои труды.

¹⁸⁵⁸ - Он скончался в Троице-Сергиевой Лавре уже в 1878 году, не задолго пред тем оставив настоятельство в обители Гуслицкой.

¹⁸⁵⁹ - Сочинения Филарета, V, 480. Срав. 493.

¹⁸⁶⁰ - Подробнее о сем см. в статье профессор Московской духовной академии, Н. И. Субботина: Двадцати-пятилетие присоединения к церкви раскольнических епископов и других членов Белокриницкой иерархии. Статьи эта напечатана была в Братском Слове за 1890 год, № 13–15 и отдельно. Москва, 1890.

¹⁸⁶¹ - Сочинения Филарета, V, 416, 418.

¹⁸⁶² - Начало этим статьям в сем журнале положено было в 1863 году.

¹⁸⁶³ - См. в отд. оттиске упомянутой статьи Н. И. Субботина, стр. 11.

¹⁸⁶⁴ - Именно 3 марта следующего 1865 года.

¹⁸⁶⁵ - Политические провинности присоединяемых заключались в том, что некоторые из них проживали по подложным или просроченным паспортам, считались убежавшими из России и пользовались заграничными видами. На ходатайство митрополита Филарета о прощении этих провинностей Всемилостивейший государь император Александр Николаевич отозвался следующей резолюцией от 20 мая того же 1865 года: «Дай Бог, чтобы обращение их было искренно. Если они действительно присоединятся к православию, то разрешаю не подвергать их никакому взысканию за прежние их подложный и даже преступные действия. Да послужит это примером и для прочих заблудших овец нашей православной Церкви». См. Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 686.

¹⁸⁶⁶ - Все они присоединены были в чине простых иноков.

¹⁸⁶⁷ - Собрание мнений и отзывов Филарета, 703.

¹⁸⁶⁸ - Вскоре после их присоединения, ради их и для большего удобства их миссионерской деятельности, был основан теперешний Никольский единоверческий монастырь в Москве, на Преображенском кладбище. Открытие этого монастыря последовало 16 мая 1866 года.

¹⁸⁶⁹ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 332–334. Срав. Письма Филарета к Антонию, IV, 102.

¹⁸⁷⁰ - См. об освящении Исаакиевского собора и о построении его статьи в Прибавлениях к Церковным

Ведомостям, издававшихся при Святейшем Синоде, за 1888 год, № 22, стр. 179–592. Статья об освящении собственно принадлежит автору настоящего исследования.

1871 - Сочинения Филарета, V, 462–463.

1872 - Письма Филарета к родным, стр. 225. Срав Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, I, 68.

1873 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 100, 210–211.

1874 - Письма Филарета к Антонию, II, 299; III, 192; IV, 300, 227–228, 231; см. Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 520–521.

1875 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 63, Письма Филарета к Антонию, IV, 305–307; Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, 589 и другие. Нельзя опустить без внимания между прочим и того обстоятельства, что святитель Тихон при жизни был ревностным защитником мысли о нужде перевода Библии на русский язык.

1876 - Письма Филарета к Антонию, IV, 305.

1877 - Там же, стр. 297–298, Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 243, 247–248 и другие.

1878 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 137.

1879 - Письма Филарета к Антонию, IV, 305.

1880 - Срав. для сего Сочинения Филарета, V, 440, 481, 558, 568.

1881 - Там же, стр. 580.

1882 - Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 174.

1883 - Там же, стр. 174 и далее.

1884 - Сочинения Филарета, т. V, 560–561.

1885 - См. для сего Письма Филарета к Антонию, IV, 122, 128, 131, 134, 139 160; Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета III, 327–329, 344–349; IV, 205, 211, 355–357; 359–362, 364–365, 370–371; V, 147–151 и другие.

1886 - См. Историческое описание московских кремлевских соборов, издание Рычина, стр. 14, Москва, 1881.

- 1887 - Сочинения Филарета, V, 385
- 1888 - Иоанну Даниловичу Калите, при котором и построен Московский Успенский собор в первоначальном его виде.
- 1889 - Срав. Зах.1:16.
- 1890 - Сочинения Филарета, V, 479. Срав. 507. В последнем месте, в речи митрополита Филарета государю императору, нарочито указывается на то, что в это время (в 1860 году), по упомянутом устройстве отопления в Успенском соборе, государь изволил слушать литургию в этом соборе, о чем см. также Письма Филарета к Антонию, IV, 246.
- 1891 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 48.
- 1892 - Там же, I, 19.
- 1893 - Срав. там же, II, 48–50 и примечание. Можно думать, что поэтому и писал Филарет графу Толстому о викарии в указанном выше тоне.
- 1894 - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 118; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, III, стр. 168–169, 171–172 «Материалов для истории русской Церкви», и другие.
- 1895 - Видимое разногласие с вышеприведенным указанием на то, что преосвященный Евгений есть «девятый» викарий, а не «десятый», легко разрешается тем, что десятый он вообще викарий при Филарете (начиная с Афанасия, при котором Филарет вступил к управлению Московскою паствою), а как избранный митрополитом Филаретом, есть девятый (начиная с Кирилла).
- 1896 - Сочинения Филарета, V, 431–432.
- 1897 - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, указанное место, стр. 168, 172.
- 1898 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 62, Тверь, 1888.
- 1899 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 357–358, 302–363.

¹⁹⁰⁰ - Там же, стр. 358. Срав. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 541, 543.

¹⁹⁰¹ - Письма митрополита Филарета к архиепископу Алексию, стр. 187, Москва, 1883.

¹⁹⁰² - Раньше (о письме от 28 октября, стр. 541) митрополит Филарет и подробно объясняет, как это случается. Прежних вспомогательных архиереев именует Аарона бывшего Архангельского († 1842) и Агапита бывшего Томского († 1854).

¹⁹⁰³ - Таковы, например, уже при самом митрополите Филарете были викарии: Иннокентий Сельнокринов (1827–1831) – из Псковской епархии, Николай Соколов (1831–1834) – из Тамбовской епархии и Виталий Щепетев (1837–1842) – из ректоров СПб. Духовной Академии. Срав. Письма Филарета к Антонию, IV, 128.

¹⁹⁰⁴ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 543. Срав. стр. 541, Киев, 1869, Срав. Письма Филарета к Антонию, IV, 127–128.

¹⁹⁰⁵ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 72.

¹⁹⁰⁶ - Сочинения Филарета, V, 471–472.

¹⁹⁰⁷ - Письма у Филарета к Алексию стр. 189.

¹⁹⁰⁸ - Преосвященный Порфирий назначен был епископом в Уфу, а в 1860 году переведен в Томск, и 1864 году уволен на покой и в 1865 году скончался.

¹⁹⁰⁹ - Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, стр. 506, СПб, 1887.

¹⁹¹⁰ - Там же.

¹⁹¹¹ - Письма Филарета к Антонию, IV, 127. Упрек состоял в том, что митрополит Филарет будто бы пренебрег отцом Леонидом, как дворянином.

¹⁹¹² - Письма Филарета к Антонию, III, 215.

¹⁹¹³ - Законоспасского, в 1854 году, на 12-м году службы своей по духовному ведомству.

¹⁹¹⁴ - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 643. По вопросу о личных обстоятельствах Леонида нужно иметь в виду,

что на попечении последнего была родная мать его.

¹⁹¹⁵ - Письма Филарета к Антонию, I, 369.

¹⁹¹⁶ - Так в 1850 году митрополит Филарет не пожелал отпустить отца Леонида, когда его хотели назначить ректором Рижской духовной семинарии (Письма Филарета к Алексию, стр. 66:69), а в 1860 году, когда Леонид был уже епископом, святитель Филарет отклонил назначение его начальником миссионерского института (Собрание мнений и отзывов Филарета, дополнительный том, 526). Срав. также Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 47.

¹⁹¹⁷ - Собрание мнений и отзывов Филарета, III 396; Письма Филарета к высочайшим особам, II, 161–162, 273 и другие.

¹⁹¹⁸ - Сочинения Филарета, V, 491.

¹⁹¹⁹ - Сочинения Филарета, V, 498–494.

¹⁹²⁰ - См. Письма митрополита Филарета к преосвященному Леониду, Москва, 1883. Предисловие самого преосвященного Леонида.

¹⁹²¹ - Преосвященный Леонид продолжал быть викарием Московским и после кончины святителя Филарета до 1876 года, когда в сане архиепископа переведен был на Ярославскую кафедру, где в том же году и скончался.

¹⁹²² - См. Письма митрополита Филарета к преосвященному Леониду, стр. 39; Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 161–162 и др.

¹⁹²³ - Еще в прошедшем столетии некоторое время была кафедра епископа Можайского и епископом Можайским (1745–1753) был Серапион Лятошевич, после епископ Переяславский.

¹⁹²⁴ - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 322–324. Москва, 1887–1888.

¹⁹²⁵ - Жившим на покое в Московском Донском монастыре († 1871)

¹⁹²⁶ - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 345.

¹⁹²⁷ - Маститому первосвятителю Московскому в то время доходил уже 80-й год от рождения.

1928 - В своем донесении Святейшему Синоду о нужде второго викария, по примеру Санкт-Петербургской, и для Московской епархии, святитель Филарет и ставит вопрос: «может ли быть сообразно с потребностями Церковного управления, чтобы я, при оскудевающих силах, продолжал еще вверенное мне служение». Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 322.

1929 - В том же донесении святитель Филарет упоминает и об этой помощи, т.е. со стороны преосвященного Леонида и ссылаясь на его частое нездоровье, как новую причину требования второго викарии, говорит, однако, о преосвященном Леониде, что «его достоинство побуждает сберечь его для продолжения службы». Там же.

1930 - Сочинения Филарета, V, 552–553.

1931 - Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 610.

1932 - Письма Филарета к Алексию, стр. 260.

1933 - См. Празднование 25-летнего служения преосвященного Саввы в сане епископское, стр. 49, изд. 2, Тверь, 1892.

1934 - Преосвященный Игнатий прямо из семинарии поступил в Академию, а преосвященный Савва, по окончании курса в семинарии в 1841 году, лишь чрез 5 лет поступил в Академию.

1935 - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 93.

1936 - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 574.

1937 - Дотоле еще 25 декабря 1799 года в Сергиевой Лавре был рукоположен во епископа Дмитровского митрополитом Платоном Серафим, что в последствии митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский († 1843).

1938 - Преосвященный Игнатий был внук сестры митрополита Филарета Ольги Михайловны и сын родной племянницы святителя, Анны Иродионовны, бывшей замужем за священником Богословской церкви города Коломны Димитрием Алексеевичем Рождественским. См. о них в Письмах Филарета к родным, стр. 247, 257, 271.

1939 - Н. В. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 103 приложений. Москва, 1868.

1940 - Там же, стр. 103–104. Сочинения Филарета, V, 570.

1941 - См. у Сушкова, там же, стр. 104–105 и Сочинения Филарета, V, 570–571.

1942 - Преосвященный Игнатий, с 1878 года из викариев Московских епископ Костромский, скончался в 1883 году.

1943 - См. Сочинения Филарета, III, 283. Срав. IV, 226 и другие.

1944 - Из викариев епископов Дмитровских в Можайских это был действительно четырнадцатый, считая и Афанасии (Телятева), поступавшего в викарии Московские за несколько месяцев до вступления святителя Филарета на кафедру Московскую.

1945 - Точнее, это было в самом конце прошедшего столетия, как мы и замечали выше.

1946 - Письма Филарета к Алексею, стр. 266.

1947 - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1677, III, стр. 68. «Материалов для история Русской Церкви».

1948 - Сочинения Филарета, V, 511–512.

1949 - Преосвященный Сергей, магистр XIV курса выпуска 1844 года Московской Духовной Академии, постриженный в монашество пред окончанием курсов Академии, по окончании курса все время до начала 1861 года служил в той же Академии, сначала в звании бакалавра, потом с 1848 года в должности инспектора и наконец с 1857 года в должности ректора Академии. За тем до 1880 года преосвященный Сергей оставался епископом Курским; с 1880 года переведен был в Казань с званием архиепископа, с 1882 года был архиепископом Кишиневским, а с 1891 года состоим архиепископом Херсонским. В настоящем году (1893) наречен митрополитом Московским и Коломенским. Он давно известен, как проповедник.

1950 - Сочинения Филарета, V, 558.

1951 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 172–181;
Письма Филарета к высочайшим особам, II, 101–102.

1952 - Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 809–811;
Письма Филарета к высочайшим особам II, 174–176.

1953 - Срав. мысли митрополита Филарета, высказанные им по поводу сочиения архимандрита Иоанна «О монашестве епископов». Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 414–417.

1954 - Сочинения Филарета, II, 118 и далее.

1955 - Сочинения Филарета, II, 193 и далее.

1956 - Собрание мнений и отзывов Филарета, III, 418–433.

1957 - Конечно, и помимо указанных для примера случаев отношения митрополита Филарета к вопросу о монашестве, можно находить у него много таких же для подобных случаев.

1958 - Сочинения Филарета, V, 361.

1959 - Родился он с мирским именем Захарии в 1767 году.

1960 - Отец Адриан, в 1790–1797 годах бывший игуменом в Коневской обители, скончался в схиме (с именем Алексия) в Московском Симоновом монастыре уже в текущем столетии в 1812 году.

1961 - Отец Василиск скончался в Сибири в 1824 году, в Туринске.

1962 - Сам Семен Логгинович Лепешкин, кроме большого денежного обеспечения обители, значительно увеличил на свои средства и её недвижимую собственность, способствовал её благоукрашению, увеличению зданий её, в т.д. Он не много не дожид до освящения святителем Филаретом храма обители, скончавшись 10 августа 1855 года. Недавно (29 июня 1892) скончавшийся последний сын его Димитрий Семенович Лепешкин с его семейством, и другие сродники его также принимали и принимают живейшее участие в судьбах обители своими пожертвованиями и благодеяниями ей.

1963 - См. о сем и вообще об основании и устройении обители в книге Житие и подвиги блаженной памяти старца схимонаха Зосимы. Издание 2-е Москва, 1889.

¹⁹⁶⁴ - См. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1873 год, ч. III, стр. 86–89 «Материалов для истории русской церкви».

¹⁹⁶⁵ - См. эти письма в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1876 год, ч. III, стр. 116–121 «Материалов для истории русской церкви».

¹⁹⁶⁶ - Эти правила напечатаны в Душеполезном Чтении, за 1871 год ч. III, стр. 96–107 «Известий и Заметок».

¹⁹⁶⁷ - Раньше нежели построен был какой бы то ни было храм в Одигитрие, сестры общежития ходили к церковным службам в соседнюю приходскую Церковь села Рыжкова, потом, согласно завету старца Зосимы, в самой обители над гробом старца, в пол года был построен (на средства того же С. Л. Лепешкина, после им же распространенный и благоукрашенный) храм во имя Святой Троицы, а за тем в 1852 году и храм во имя Одигитрии над воротами обители. См. упомянутое Житие Зосимы, стр. 198 и далее. Москва, 1889.

¹⁹⁶⁸ - Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 26.

¹⁹⁶⁹ - Почившему, как было замечено выше, 10 августа 1855 года.

¹⁹⁷⁰ - Срав. Письма Филарета к Антонию, III, 350.

¹⁹⁷¹ - Разумеются, сверх храма Одигитрии, еще два придела в соборной Троицкой церкви обители.

¹⁹⁷² - Выше упомянутая госпожа Бахметьева.

¹⁹⁷³ - Так, например, в городе Верее был некогда монастырь, разоренный в 1812 году французами, но близ него были народные гулянья. См. Житие отца Зосимы, стр. 179. Москва, 1889

¹⁹⁷⁴ - Скончался он в Сименовом монастыре в 1812 году. Срав некоторые подробности о нем и Василиске в Письмах Филарета к А. Н. Муравьеву, (писавшему жития российских святых), стр. 374. Подробнее же о том см. в упомянутом Житии Зосимы стр. 30 и далее, Москва. 1889.

¹⁹⁷⁵ - Отец Зосима, по обычаю прежних времен, с юности служил в военной службе См. Житие его издание 1889 года.

¹⁹⁷⁶ - Подробнее о том см. в упомянутом житии Зосимы, стр. 77 и далее (из 1889 года). Особое житие Василиска издано в Москве в 1849 году. Срав. также статьи архимандрита Леонида (Кавелина), под заглавием: Последние русские пустынножители в Домашней беседе за 1862 год выпуск 21–23.

¹⁹⁷⁷ - В Прежний Николаевский мужской Туринский монастырь сей опустел после упразднения в 1764 году.

¹⁹⁷⁸ - Эта страсть возгорелась именно в той самой вдове, которая впервые своими «усиленными просьбами» побудила отца Зосиму принять ее с её дочерью девицею под его духовное руководство. Она и сделалась потом первою начальницею общежития в Туринске, по удалении оттуда Зосимы с оставшимися ему верными сестрами.

¹⁹⁷⁹ - Именно вышеупомянутый Симеон Логгинович Лепешкин.

¹⁹⁸⁰ - Именно С. Л. Лепешкин купил, кроме земли вокруг обители, еще в пользу той же обители огороды близ Москвы, которые ежегодно приносят обители, хотя, и не большой, доход.

¹⁹⁸¹ - Царевна Фамарь (Тамара) однажды получила исцеление по молитвам Зосимы. См. Житие Зосимы, стр. 196, примечание, Москва, 1869.

¹⁹⁸² - Подробности, разъясняющие все это повествование беседы святителя Филарета, можно видеть в том же Житии отца Зосимы издания 1889 года. Кратко о сем см. также в Письмах Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 25–26 примечание, Тверь, 1888. Срав. также во 2-й части упомянутого Жития отца Зосимы – изречения его и о нем сказания, Москва, 1889. Издание это совершено тщанием нынешней игуменьи Троице-Одигитриевской обители матери Магдалины, (также из рода дворян Верховских), духовно воспитанной под руководством покойной игуменьи Веры, своей тетки, которой принадлежит первоначальное составление Жития Зосимы, первым изданием, под высшею редакцией святителя Филарета, вышедшего в свет в Москве в 1860 году. В редакции 2-го издания 1889 года принимал некоторую долю участия автор настоящего исследования.

1983 - Сочинения Филарета, V, 328–332. Эту замечательную беседу святитель Филарет тогда же, по просьбе ректора Московской духовной академии, архимандрита Евгения (Сахарова), отдал для напечатания в академическом журнале Творения святых отцов с прибавлениями, где она и была напечатана в 1855 году (ч. XIV, стр. 415–421), откуда перешла и в собрание Слов и речей митрополита Филарета, изданных в 1861 году, хотя, владыка сам и сомневался, может ли идти в общую известность такой местный рассказ. См. Письма Филарета к Антонию, III, 359. Срав. стр. 362.

1984 - Тщанием игумены Паисии 2-й и по проекту архитектора Быковского.

1985 - На сей иконе, около лика Богоматери, изображаются два ангела с орудиями страстей Господних.

1986 - Сочинения Филарета V, 332–334. О Страстном монастыре см. Чтения в обществе истории и древностей России, 1876 год, кн. II, стр. 61–67 отдела «Смесь».

1987 - Сочинения Филарета, V, 469; срав. 467–470.

1988 - См. П. С. Казанского, Село Новоспасское, Деденево тоже, и родословная Головиных, владельцев оною, издание Г. П. Головина Моська, 1847.

1989 - Письма святителя Филарета к А. Г. Головиной, см. в Душеполезном Чтении за 1878 год, ч. II, стр. 286–288.

1990 - См. профессора П. С. Казанского упомянутое сочинение: Село Новоспасское и прочее, стр. 16 и далее; о святых мощах – стр. 12; о церковной утвари – стр. 38, Москва, 1847.

1991 - Письмо святителя Филарета к преосвященному Иеремии по сему делу см. в Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения, 1878, III, 219–220 «Материалов для истории русской церкви». Это было в конце 1853 года. Недолго спусти после сего основательница Влахернского общежития вдова майора А. Г. Головина и скончалась.

1992 - Ныне Спасо-Влахернское общежитие является уже на степени монастыря.

¹⁹⁹³ - См., например, о введении в общежитие правил Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни в Письме Филарета к Антонию, III, 266–267, 272, 276; о хранении святых мощей в нем, там же, IV, 77–78 и другие.

¹⁹⁹⁴ - Срав. для сего Письма Филарета к высочайшим особам и другим лицам, II, 62 и Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 120

¹⁹⁹⁵ - Замечательно и то обстоятельство, что освящение совершено в день памяти св. Димитрия Ростовского, который двукратно священнодействовал в Алексеевском монастыре, откуда взять был иконостас для храма Влахернского общежития.

¹⁹⁹⁶ - См. стр. 11 брошюры Освящение храма нерукотворенного образа Господня в Спасо-Влахернском общежитии, Москва. 1860. Брошюра эта, составленная профессором П. С Казанским (хотя имени автора на ней и не означено), прежде напечатания её, просмотрена и одобрена самым владыкой Филаретом. См. Письма Филарета к Антонию, IV, 115.

¹⁹⁹⁷ - Об этом периоде жизни и деятельности святителя Филарета, в то время В. М. Дроздова, см. наши первые статья: Проповедническая деятельность Василия Михайловича Дроздова в журнале Вера и Разум за 1884 год, т. I отд. церк. стр. 286–305 и 362–401.

¹⁹⁹⁸ - Об этом урочище (Корбуки) и первоначальном назначении его кратко писал святитель Филарет и своим, раньше приведенном нами, донесении Святейшему Синоду об учреждении скита. См в журнале Вера и Разум, 1892 год, т. I, отд. церк. стр. 460.

¹⁹⁹⁹ - Разумеются штаты 1764 года, когда крестьяне были отобраны у монастырей. У Лавры Сергиевой до штатов 1764 года было свыше 100 тысяч душ крестьян, считая и приписные к Лавре монастыри. См. Историческое Описание Сергиевой Лавры А. В. Горского, стр. 196. Москва, 1879.

²⁰⁰⁰ - Разумеется Троицкая Лаврская Семинария, Основанная в 1742 году.

2001 - Выдержку о сем из самой проповеди см. в нашем настоящем исследовании, в первом отделе периода царствования Александра и (в журнале Вера и Разум, 1892 год, т. I, отд. церк. стр. 722).

2002 - Сочинения Филарета, V, 507–511.

2003 - Письма Филарета к Антонию, IV, 20. В 1857 году, к которому относится письмо «и Филарета о сем, монастырь был уже благоустроенным общежительным.

2004 - Дело о сем см. в Собрании мнений и отзывов митрополита Филарета V, 893–894. Срав. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, 154 и приложение, 125–133.

2005 - В Сочинениях Филарета, V, 577 замечено, что эта речь произнесена 2 апреля 1861 года, но так как и здесь ссылка делается на упомянутое сейчас сочинение Н. В Сушкова (не точная ссылка) то, следуя самому Сушкову, мы определяем время её произнесения 8-м августа 1861 года. См. Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 154.

2006 - См. сейчас указанные страницы V тома Сочинений Филарета, и сочинение Сушкова о жизни и времени Филарета.

2007 - Она игуменьей была с 1861 года по 1874 год и лишь после сего попала под суд. Срав. письма митрополита Филарета к ней за 1858 год по 1867 год у Сушкова там же в Приложении, стр. 125–133.

2008 - Из остальных, относящихся к монашеству, проповедей святителя Филарета за рассматриваемое время, имеющих исторический характер, проповедь его в Гуслицком монастыре мы уже имели в виду при исследовании о расколе.

2009 - Срав. особенно речь к преосвященному Сергию, епископу Курскому в Сочинения Филарета, V, стр. 511–512.

2010 - Сочинения Филарета, V, 318 Проповедь в день тезоименитства государыни императрицы Мария Александровны 22 июля 1855 года.

2011 - Сочинения Филарета, V, 563. Речь на 50-летнем юбилее Московской Духовной Академии.

2012 - Сочинения Филарета, V, 581. Речь, относящаяся к последнему году жизни святителя Филарета.

2013 - См. для сего, например, письмо Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода Л. П. Ахматову в Русском Архиве за 1890 год, т. III, стр. 367. Срав. Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 468.

2014 - Срав. для сего Душеполезное Чтение, 1883, I, 268–269; Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 359–360; Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 609, 611.

2015 - Душеполезное Чтение, 1887, I, 255.

2016 - По этому-то в мы в вашем настоящем исследовании подробно не станем говорить об этой стороне дела.

2017 - Сочинения Филарета, V, 391.

2018 - Там же, стр. 559.

2019 - Письма Филарета к Алексею, стр. 215.

2020 - Письма Филарета к высочайшим особам, II, 243. Речь о преосвященном архиепископе Астраханском Афанасии (Дроздове).

2021 - Святителя Тихона Воронежского митрополит Филарет, как мы помним, еще за долго и до прославления его во святых предлагал для назидания, говоря, например, в 1818 году о сочинениях его: «в этой, хотя, неглубокой, реке есть золотой песок». Письма Филарета к родным, стр. 225.

2022 - Душеполезное Чтение, 1880, II ч., стр. 494–495.

2023 - Такой взгляд некоторых на митрополита Филарета был не безызвестен и ему самому. См. Письма Филарета к А. Н. Муравьеву, стр. 569 Киев, 1869.

2024 - Душеполезное Чтение, 1871, ч. II, стр. 154 «Известий и Заметок». Сообщение об архимандрите Григории (Воинов).

2025 - Там же, стр. 71. Сообщение того же архимандрита.

2026 - Юбилей был 5 августа, как известно.

2027 - Для сравнения, припомним беседу самого святителя Филарета в день 50-летнего юбилея службы князя С. М. Голицына.

2028 - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1878, III, 6 «Материалов для истории русской Церкви».

²⁰²⁹ - См. преосвященного Амвросия Живое Слово, стр. 123 Харьков, 1892. При этом должно заметить, что и сам преосвященный Амвросий всегда избегал и избегает в проповеди подобных слов и выражений (не русских).

²⁰³⁰ - Собрание мнений и отзывов Филарета, IV, 154 Архимандрит Агапит скончался в 1877 году.

²⁰³¹ - Там же, стр. 402. Проповедник не поименован; не если это протоиерей Трехсвятительской, у Красных ворот, церкви, Николай Петрович Другов, скончавшийся в 1858 году? О нем, как проповеднике – любимце простого народа см. в упомянутой книге преосвященного Амвросия, Живое Слово, стр. 55.

²⁰³² - См. для сего Душеполезное Чтение, 1883, I, 251. Здесь указывается Н. Ф. Добров. Срав также стр. 518, где указываются он же и протоиереи: П. Е. Покровский и И. Н. Рождественский, и другие.

²⁰³³ - См. для сего там же, стр. 514 Разумеется слово протоиерея А. И. Ключарева, напечатанное в Московских Ведомостях, за 1865 год, № 198 от 11 сентября, а произнесенное 30 августа того же 1865 года в Московском Большом Успенском соборе Слово, исходя из текста Пс.36:5–6 касается реформ того времени, говоря о гражданской доблести, как добродетели, если она основывается на христианских началах.

²⁰³⁴ - См., например, об И. М. Богословском-Платонове в Православном Обозрении, 1888, I, 113.

²⁰³⁵ - См. о сем в Душеполезном Чтении, 1865. III, 197–204; Православное Обозрение, 1873, № 10, стр. 553–564; Сушков, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 168; Письма Филарета к высочайшим особам, I, 186, 190, 194.

²⁰³⁶ - См о сем в Московских ведомостях, 1865, № 215; Чтения в обществе истории и древностей 1880, IV, 15, Душеполезное Чтение, 1883, I, 518–520; Письма Филарета к высочайшим особам, II, 247; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1890 год, № 10 и другие.

²⁰³⁷ - См. о сем в Душеполезном Чтении, 1880, I, 130; 1885, I, 122; Письма Филарета к Алексею, 212; Письма Филарета к

высочайшим особам, II, 199; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1863 год, книга I и другие. Обо всем этом мы не говорим подробно, так как не имеем на то особенного указания в проповеднической собственно деятельности Филарета.

²⁰³⁸ - Срав. собственные слова святителя Филарета об участии его в редакции этого устава в Письмах Филарета к Антонию, IV, 157.

²⁰³⁹ - См. Историческую записку о Московской духовной Академии по случаю её 50-летия, составленную С. К. Смирновым и помещенную в юбилейном академическом Сборнике 1864 года, стр. 2.

²⁰⁴⁰ - Слова одного из хорошо знакомых с этими архивными делами, покойного историка М. Д. Академии протоиерея С. К. Смирнова († 1889). См. речь его о деятельности митрополита Филарета в отношении к Академии по случаю 100-летия со дня рождения святителя, в Прибавлениях к Творения святых отцов, 1893, 31, стр. 292.

²⁰⁴¹ - Слова юбилейного приветствия протопресвитера В. И. Кутневича о святителе Филарете в 1864 году. См. в Филаретовском Юбилейном Сборнике статью: Празднование пятидесятилетия Московской духовной академии, стр. 36.

²⁰⁴² - См. в речи С. К. Смирнова в Прибавлениях к творениям святых отцов, за 1883 год, ч. 31, стр. 289–290.

²⁰⁴³ - И Ф. А. Голубинский и А. В. Горский нарочито записывали слова, слышанные ими от митрополита Филарета, о чем в отношении к Ф. А. Голубинскому см. там же, стр. 281, а в отношении к А. В. Горскому см. дневник последнего (Прибавления к творениям святых отцов, 1884 и 1885).

²⁰⁴⁴ - Срав. Его Историю Московской духовной академии (Москва, 1879 год), слово и речь 1883 года (Прибавления к творениям святых отцов, 1883:31) и другие.

²⁰⁴⁵ - Таковыми мужами в Московской духовной академии были, например, Ф. А. Голубинский – известный профессор философии († 1854) и А. В. Горский († 1875), церковный историк, а также некоторые другие.

²⁰⁴⁶ - В одной Москве ко времени 50-летия Московской духовной академии было до 83 протоиереев и священников из питомцев её.

²⁰⁴⁷ - С 1814 по 1864 год число архипастырей восходило до 26-ти. После число это еще более увеличилось вступлением в монашество таких лиц, как преосвященнейшие архиепископы: Амвросий Харьковский, Алексей Литовский († 1890), епископ Виссарион Костромской и другие.

²⁰⁴⁸ - Таковы ученые: К. Л. Неволин, братья Я. И. и С. И. Баршевы, Н. И. Надеждин, академик П. С. Билярский и другие. Кроме того, многие из питомцев Академии, вышедши на государственную службу, достигли на ней высших чинов и должностей благодаря своим выдающимся способностям и деятельности.

²⁰⁴⁹ - См. в Филаретовском Юбилейном Сборнике 1864 год. Историческую Записку, стр. 37.

²⁰⁵⁰ - Письма Филарета к Антонию, IV, 168. 171–172; в виду юбилея Санкт-Петербургской духовной академии, состоявшегося в 1859 году.

²⁰⁵¹ - Имели в виду его капиталы для выдачи премий наставникам Академии, для издания богословского словаря, и другие.

²⁰⁵² - Между таковыми особами были: Московский генерал-губернатор М. А. Офросимов († 1868), товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь С Н. Урусов († 1883), прибывший по высочайшему повелению, и другие.

²⁰⁵³ - В числе их был один магистр 1-го курса Академии (выпуска 1818 года) московский протоиерей Никифор Иванович Потапов, бывший в 1818–1828 годах бакалавром Академии († 1865).

²⁰⁵⁴ - Скончался в 1871 году.

²⁰⁵⁵ - Скончался в 1866 году.

²⁰⁵⁶ - Скончался в 1876 году.

²⁰⁵⁷ - В то время своей Академии церкви еще не имела Домовая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы устроена в ней лишь в 1870 году.

²⁰⁵⁸ - На литургии соответствующее случаю слово произнесено было инспектором Академии архимандритом (впоследствии епископом Курским) Михаилом († 1887) на текст: Блажен человек, иже обрете премудрость (Притч.3:13). Слово это помещено в не раз упомянутом академическом юбилейном сборнике (издание 1864 года).

²⁰⁵⁹ - Именно, на великой ектеньи – О еже милостивно призрети на приносящих ныне благодарственное моление братий и сынов обители духовных учений, яко благопромыслительне даровало быть ей поприще пятидесятилетия в мире и благоустроении совершити, руководственная к Божественной и естественной мудрости учения многим вкупе и друг другопринимательне преподати, и теми священному служению православные церкви плод некий принести, Господу помолимся. Подобный же смысл имели и прошения на сугубой ектеньи, см. текст их в том же юбилейном сборнике, на стр. 13–14 описания юбилейного торжества.

²⁰⁶⁰ - См. эту записку в том же сборнике.

²⁰⁶¹ - Разумеется обетование Богоматери, данное обители преподобного Сергия, при явлении её сему преподобному: «Не отступна буду от места сего».

²⁰⁶² - Здесь разумеются бывшие начальники, наставники и воспитанники Троицкой Лаврской семинарии, существовавшей, под покровом преподобного Сергия, с 1742 по 1814 год, причем лишь для примера указаны митрополит Московский Платон Левшин († 1812); митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий Подобедов († 1818) и архиепископ Московский Августин Виноградский († 1819). Но сверх того можно было бы указать еще на митрополитов: Киевского Серапиона Александровского († 1824), Санкт-Петербургских – Михаила Десницкого († 1821); Серафима Глаголевского († 1843), Никанора Клементьевского († 1856) и Григория Постникова († 1860) и Московского Филарета Дроздова († 1867); архиепископов: Тихона (Малинина) – Астраханского († 1793); Павла (Зернова) – Казанского († 1815), Мефодия (Смирнова) – Псковского († 1815); Амвросия (Протасова) – Тверского († 1831) и других: епископов Аполлоса (Байбакова) – Архангельского (†

1801), Самуила (Запольского-Платонова) – Костромского († 1830), Моисея (Близнецова-Платонова) – Нижегородского († 1825); Иннокентия (Смирнова) Пензенского († 1819) и других.

²⁰⁶³ - Так, повторяем, по тогдашнему счету, т.е. по счету 1864 года. После того из епископов и архиепископ один (Филофей Успенский) достиг сана митрополита Киевского, скончался в 1832 году; другой Парфений Отснгов, из болгар – митрополита Нишавского, а из остальных начальников, наставников и воспитанников Академии периода 1814–1864 года достигли епископского и архиепископского сана, считая по порядку курсов, следующие лица: Поликарп (Гонорский), – епископ Балохнинский († 1891); Палладий (Пьянков), – епископ Олонецкий († 1882); Иоанн (Соколов), – епископ Смоленский († 1869); Макарий (Миролюбов), – архиепископ Донской; Амвросий (Ключарев), – архиепископ Харьковский; Серафим (Протопопов), – епископ Самарский († 1891), Андрей (Поспелов) – епископ Муромский († 1868), Платон (Троепольский), – епископ Томский († 1876), Амфилохий (Казанский), – епископ Угличский; Неофит (Неводчиков), – епископ Туркестанский; Виссарион (Нечаев), – епископ Костромской; Василий (Левитов), – епископ Пензенский († 1892); Григорий (Медиоланский), – епископ Пензенский († 1882); Вениамин (Карелин), – епископ Рижский († 1874); Игнатий (Рождественский), – епископ Костромский († 1883); Павел (Попов), – епископ Тотемский († 1874); Никодим (Белокуров), – епископ Дмитровский († 1877); Поликарп (Розанов), – епископ Екатеринбургский († 1891); Алексий (Лавров-Платонов), – архиепископ Литовский († 1890); Михаил (Лузин), – епископ Курский († 1887); Антонин (Державин), – епископ Витебский; Хрисанф (Ретивцев), – епископ Нижегородский († 1888); Израиль (Никулицкий), – епископ Вологодский; Симеон (Линьков), епископ Минский; Иоанн (Митропольский), – епископ Аксайский; Кирилл (Орлов), – епископ Ковенский († 1890); Сергей (Серафимов), – епископ Вятский. Таким образом, собор святителей из питомцев Академии за одно время с 1814 по 1861 год делается еще многочисленнее, нежели каким он был в 1864 году. А сколько еще после того воспитавшихся сделалось архиереями

Исчисление и поименование архиереев периода 1814–1864 годов, см. в Исторической записке о Московской духовной академии, помещенной в юбилейном сборнике, 1864 год, на стр. 33–34

²⁰⁶⁴ - Сочинения Филарета, V, 561–564. Речь эта помещена и в сейчас упомянутом Юбилейном Сборнике.

²⁰⁶⁵ - Сочинения Филарета, V, 491.

²⁰⁶⁶ - Эти подробности можно читать в том же академическом юбилейном сборнике 1864 года.

²⁰⁶⁷ - Сочинения Филарета, V, 393–398.

²⁰⁶⁸ - Там же, стр. 427–431. Об исторических обстоятельствах этого посещения владыкою города Богородска (к Берлюковской пустыни) и освящения храмов, см. там же, примечания и в Письмах Филарета к Антонию, IV, 51.

²⁰⁶⁹ - Срав. о сем Письма Филарета к князю С. М. Голицыну, стр. 67 и примечание 2.

²⁰⁷⁰ - Письма Филарета к Антонию, IV, 60.

²⁰⁷¹ - Кроме того, он жертвовал и на Дивеевское общежитие, о котором имели попечение святитель Филарет и наместник Лавры архимандрит Антоний, о чем срав. Собрание мнений и отзывов Филарета, V, 196–197.

²⁰⁷² - Здесь разумеется, конечно, упомянутый А. Г. Попок, о котором еще в 1857 году святитель Филарет писал архимандриту Антонию: «Алексей Гаврилович Попов добрый человек, и усердно берется строить храм. Посему хорошо споспешествовать ему в удобном получении материала». См. Письма Филарета к Антонию, IV, 60.

²⁰⁷³ - Действительно, не долго спустя после смерти А. Г. Попова, материальные средства его наследников так уменьшились, что дела фарфорового завода прекратились и как их владение, так и эти дела перешли к другим владельцам (Фоминим, устроившим, на месте фарфоровой, мануфактурную фабрику).

²⁰⁷⁴ - Т.е. упомянутого Алексея Гавриловича Попова, с его внуками (дети его тогда уже померли).

²⁰⁷⁵ - Сочинения Филарета, V, 503–504.

- 2076 - Там же, стр. 504–506.
- 2077 - Письма Филарета к Антонию, IV, 240. Он был на столько стар, что его уже в креслах привезли на освящение храма.
- 2078 - Отпевание его совершал наместник Сергиевской Лавры архимандрит Антоний.
- 2079 - О нем см. у Н. П. Гилярова-Платонова в его автобиографических очерках: Из пережитого, I, 13 и далее. Москва, 1887.
- 2080 - Письма Филарета к Антонию, IV, 307
- 2081 - Там же, стр. 809.
- 2082 - По желанию храмоздателей, в виду отсутствия самого архипастыря Московского, решено было 17 сентября освятить лишь придельный храм, освящение же главного престола оставить до ожидавшего прибытия самого владыка, о чем см. Письма Филарета к Антонию, IV, 349.
- 2083 - Для того, чтобы просить владыку Филарета на освящение.
- 2084 - Прежняя история храма ему была, вероятно, и раньше известна.
- 2085 - Быть может, святитель-вития представлял в уме при этом свое собственное путешествие в Коломну.
- 2086 - Упомянутого выше Ивана Демидовича Мещанинова.
- 2087 - Купец Коломенский Филипп Назарович Тупицын.
- 2088 - Из участвовавших в городском управлении, которое заявляло свои права на распоряжение соборным храмом, как таковым, а не приходским.
- 2089 - Сыновья Ф. Н. Тупицына.
- 2090 - Сочинения Филарета, V, 516–517.
- 2091 - Сочинения Филарета, V, 517–519.
- 2092 - Об отношении святителя Филарета к Филиппушке, в монашестве Филарету, в схиме Филиппу), основавшему киновию близ Гефсиманского скита, и там погребенному († 1866) см. в Письмах Филарета к Антонию, II, 327, 421, 433; III, 27, 50, 68; IV, 30–32, 274–275, 526–532; Душеполезное Чтение,

1892, II, 432; – к И. Я Корейше († 1861); Письма Филарета к Антонию, II, 121; III, 28; IV, 308.

²⁰⁹³ - Срав. например, вышедшую с цензурного дозволения книжку: 26 Московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков, издание Н. Баркова, Москва, 1865, где между прочими осмеиваются и упомянутые сейчас Филиппушка и П. Я Корейша.

²⁰⁹⁴ - См. журнал Вера и Разум, 1892, т. I, отд. церк. стр. 493.

²⁰⁹⁵ - Срав. дальнейшие слова того же письма святителя Филарета, из которого извлечено было его вышеприведенное изречение, именно в Письма Филарета к Антонию, III, 320.

²⁰⁹⁶ - См. там же, стр. 321.

²⁰⁹⁷ - Припомним речь о съезде братьев-славян в Россию в 1867 году.

²⁰⁹⁸ - Сочинения Филарета, V, 513–514.

²⁰⁹⁹ - Отчёт обер-прокурора Святейшего Синода за 1867 год, стр. 12, СПб 1868

²¹⁰⁰ - Слова издателя газеты «Москва» И. С. Аксакова († 1886), сказанные в сей газете по случаю кончины митрополита Филарета.

²¹⁰¹ - Предчувствие этого рокового дня (19 числа) владыка сообщил еще 17 сентября 1867 года в Сергиевой Лавре наместнику Лавры архимандриту Антонию, который, после кончины святителя, и обнародовал это сообщение См. Московские Ведомости 1867 год, № 262. Срав. там же за 1868 год, № 2 в слове протоиерея А. И. Ключарева (ныне высокопреосвященного Амвросия, архиепископа Харьковского).

²¹⁰² - Для погребения святителя Филарета прибыли нарочито – митрополит Киевский Арсений, архиепископы Ярославский Нил и Владимирский Антоний и епископ Тульский Никандр, помимо участия в оном пребывавших в Москве архиереев.

²¹⁰³ - Кроме Московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова, при панихидах и погребении присутствовали: обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой, генерал-адъютант граф Перовский и многие другие.

²¹⁰⁴ - Очерки жизнеописания митрополита Филарета, стр. 15–16. Издание 3-е, Москва, 1875. Стихотворение П. В. Шереметьевского.

²¹⁰⁵ - Так в дни отпевания, погребения и срочных поминовений говорили слова и речи известные проповедники-протоиереи: И. Н. Рождественский, А. В. Горский, И. М. Богословский, С. И. Зернов, А. И. Ключарев, Н. А. Сергиевский, архимандриты: Сергей (Спасский), Михаил (Лузин) и другие.

²¹⁰⁶ - Из речи протоиерея Л. М. Богословского-Платонова, приведенной нами и в начале нашего настоящего исследования.

²¹⁰⁷ - Слова М. И. Каткова († 1887). См. Московские Ведомости, 1867 год, 262, передовую статью.